

Ермаков Олег Владимирович

Планета Любовь

Мир в Луне, искра в сердце твоем

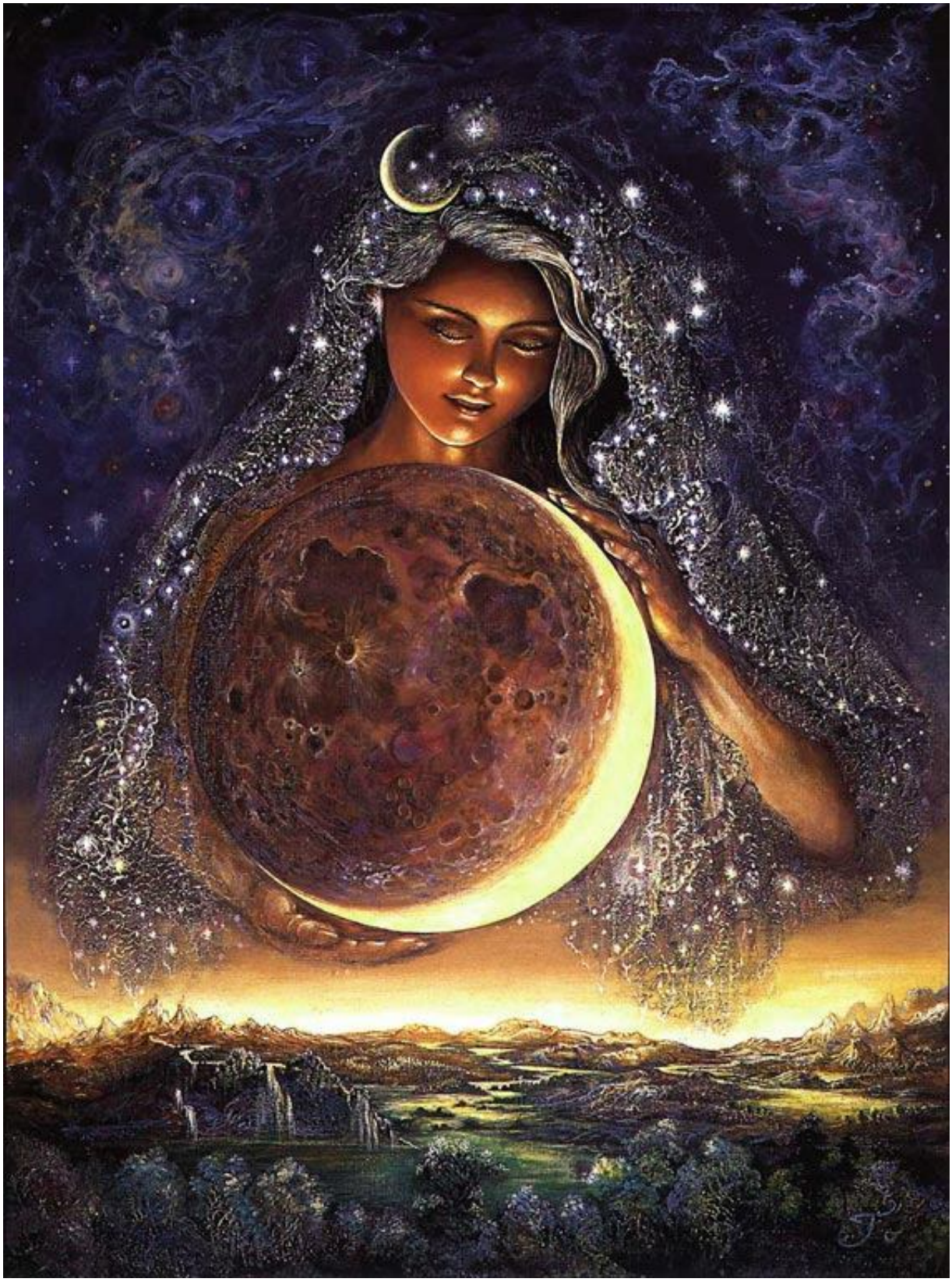
Основы Единой теории Поля

Работа депонирована в ГНТБ Украины
14.04.2009 г., рег. №13-Ук 2009
УДК 125, ГРНТИ 02.15.51
Б/о №25.05.09 в библиографическом указателе
ИНИОН РАН №4Р-2009
Свидетельства №№ 29168, 30405
Государственного департамента
интеллектуальной собственности
МОН Украины

**Рассматривая субординированные
общности Вселенной, от звездных скоплений
до атомов, как системы, тела чьи — развертка
их центра, наука не видит системой, а с тем
не зрит вовсе саму Вселенную, мня ее безразмерным
и в сути своей пустым мешком в незнании ее
истинного центра. Им есть, ведал пращур, Луна:
Центр как Целое, Всё. Знать ее — ведать
Мир нам: от полности — часть, от оси — колесо;
Центр не ведать — не знать ничего
как безлунные мы: без истока река,
без зрачка глаз пустой.**

Киев – 2009

Дерзайте, ныне ободре́нны!
Земле, из которой я родом



Стезя мысли к главному в книге

Человек познаёт мир от большего к меньшему, от целого к части его; очей зримость — система: при сути покров, слуга ей, на оси колесо. С тем, знать сущее в Мире — есть ведать чрез Мир его: меньшее — чрез Наибольшее, части чрез Целое, Всё, как Систему систем, Колесо на Оси. С Осью Мир — край имущий: есть Центр — есть окружность, конец при Начале[1], а нет — бесконечность безмирия. Ось эта — Бог, Творец Сущего; Сущее это, Вселенная — сущее Им, Самосущим.

Мир и очи — пара едина: быть — зриться; Мир ради очей сущ, они — ради Мира. Ось, Главное в нем, посему наиявна нам как наиблизкое: сущее в шаге от нас[2]. Такова древним Истина, в шаге от бренных горя как Великое от Смешного, от тьмы Огнь: Луна, огнь Любви от нас в шаге. Она миру — оку зрачок: колеса́ сего центр, Полность как пустота очей бренных, пустых — вижу то, чем есть сам[3]. Ось, Луна — Бог и трон Его: Цель и Врата. Так зрил пращур, БОГатый Огнем; так — и я, Мир вернувший очам, возвратив им Луну.

---

[1] **Конечность-то эту провидел Эйнштейн, говоря: «Бесконечны только две вещи — Вселенная и человеческая глупость. *Впрочем, насчет Вселенной я не уверен*» (курсив мой).**

Условие всякой теории в Мире — границы ее, сущие, ибо есть грань Всему, Миру. Мир без нее — смерть теорьи его: ум бездонно-пустой.

[2] **Шаг, Пути син|гулярность, зовет «наименьшее действие» физика: восход в Луну, лунку Тьмы, как звено (ланка — укр.) связи с нею. Син — бог ее; имя ей — Мах; Небо, С|*ин*|ь — Луна та ж: Глубь, Жена. Шаг есть Планка константа (Max P|lank) — квант, иль минимум, действия. Шаг зрил Стезею Ки|тай, Sin|a (лат.), дом Луны с царствьем Цинь, корневым как она, Лоно Сына, х|Ра|м Тай|ны, Отсутствья в очах бренных: sin|e — без (лат.).**

[3] **Основное открытие миссии «А|пол|лон» (США, 1969 – 1972): Луна — пол|ый шар (см. дальнейший текст).**

Cras amet, qui nunquam amavit, quique amavit, cras amet

**Пусть завтра полюбит тот, кто никогда не любил,
и тот, кто любил, пусть завтра полюбит (лат.)**

…И я всегда утверждаю, что, как говорится, я полный неуч во всем, кроме разве одной совсем небольшой науки — науки любви. В этой же науке я заявляю себя более искусным, чем кто бы то ни было из людей — как прошлых времен, так и нынешних.

Сократ

Без Любви — всё ничто

ап. Андрей Первозванный

***Мы познаём в той мере, в какой любим
(Tantum cognoscitur, quantum diligitur)***

Блаженный Августин

Наша врожденная, или естественная любовь имеет своим объектом Бога, ибо она исходит от Бога; и ничто не в состоянии отвратить эту склонность к Богу от него, кроме самого Бога, который внушает ее нам.

Никола Мальбранш

Первый признак таланта — доброжелательность, наивысшая художественность произведения — не что иное как умение творца любить людей. Нет ничего выше, чем любовь к человеку.

Винсент Ван Гог

Столько имеется обитаемых миров и великих живых тел и превосходнейших божеств, сколь бесчисленными кажутся и являются миры, не многим отличные от того, к которому мы принадлежим.

Джордано Бруно

***Эпоха неслыханной власти техники
над человеческой душой кончится, но кончится она
не отрицанием техники, а подчинением ее духу.***

Николай Бердяев

* * *

Отрок, мужем возжаждавший стать благородным!
Муж благой, воскрепляющий благость свою!
Вам, о други, во тьме предвождаемый духом свободным,
Песнь как книгу священную, книгу как песнь — я пою.

Песнь как жизнь, жизнь как книгу, что писана сердцем,
Я сердцам возвещу, превзойдя бремя тленных минут,
Опыт многий отдав, свет исторгнув — восстану младенцем,
Взор ваш ясный наградой мне будет за труд,
Ибо благостен Дар.

Человек, в мире этом живущий!
Чтó есть ты? Боль познавший — чтó радостью мнишь?
В днях себя возлюбив, есть ты только лишь червь праздносущий,
Мир великий любя — ты орлом над веками паришь!

Так Любовью живи! Воспари, не печалясь нимало,
Что Любовь — огнь, как древо сжигающий утлую плоть.
Не она нам глава. В мире вечном одно лишь Начало:

То Господь…

* * *

На рубеже земных Эпох,
Меж них, пытливый, восставая,
Бог мириад живых!
Мой Бог!
К Тебе, Владыка, я взываю!

Свод неба черен и отверст,
Навстречу мне искрясь звездáми.
О, Всеблагой!
Яви свой перст,
Свободно движущий мирами!
Отринь заветную печать
От врат, пред коими стою я!
Тебя, мой Бог, хочу познать,
Тобой единственным живу я
В юдоли той, где слышен стон,
Где вкрадчив шепот осторожный:
«Слаб человек, — твердит мне он, —
Забудь о Вечности, ничтожный!
Что в мире есть ты? Мотылек!
Приляг, усни! Оставь усилья!»
О нет, не верю!
Вечный Бог,
Тобой мои крепимы крылья!
Их — распахну!
Огнем Твоим
До краю полнится живущий,
Кто властной жаждою томим
Тебя достигнуть, Всемогущий!

На рубеже земных Эпох
Иного не творю кумира:
Тебе — мой взор,
мой всякий вздох,
Господь желанный
Мой — и Мира!

Любовь к Луне, похожая на вызов,
Любовь к Луне, похожая на зов,
Вдруг ожила, тоской меня прони́зав
Погасших свеч, печальных образов.

Любви к Луне, мистической и странной,
В душе живущей с самых ранних лет,
Загадочны истоки и туманны,
Как прошлой жизни отражённый свет.

Но в этом свете, призрачном и зыбком,
Последний с тайны я сорву покров,
И сердцем опознаю без ошибки
Я лунный знак неведомых миров.

Юлия Мицар

Слово к Читателю

История человечества пишется людьми. Но Бог водит рукой их. Работу над этой книгой я завершаю в особенный день. На календаре Земли — 4 октября 2007 года, вместилища трех славных дат. 150 лет назад родился искатель миров, муж Огня Константин Циолковский[1]. 100 лет как родился Сергей Королев, ключ врат в Мир. В день же этот, Четвертый в Десятом — Квадрат, Круг таящий[2] — полвека тому человечество вывело *вкруг* Земли первый искусственный спутник. Пытливые историки, дотошные биографы науки поныне ведут спор о том, почему государством, вознесшим к небесам гонца земного разума, стал тоталитарный СССР; почему страна, едва залечившая раны жестокой войны, задыхающаяся в отсутствии элементарных гражданских свобод, совершила могучий творческий взлет, далеко превзойдя на его пике общность держав сытых и респектабельных.

Ответ на этот вопрос тщетно искать в событийной облатке свершения. Не экономика и не политика, зримые из себя самих, дали ему жизнь. Дух народа, пробивший крепчайшую стенку закрытого наглухо котла Системы — вот кто превозмог земное тяготение. Тьмы безвинных смертей, боль страданий людских раскалили сосуд этот до состояния распираемой взрывом, но все еще цельной наружно бомбы. Смерть Тирана в пятьдесят третьем стала исходной точкой геройского броска. А четыре года спустя колоссальный напор изнутри довершил процесс, сделав тайное явным: Система дала трещину, и сквозь нее дух наших отцов, одолев адский плен, победно воспарил к высоким звездам.

Мне хорошо памятна атмосфера тех удивительных крылатых лет. Песни о покорении иных миров, о расцветающих на Марсе земных яблонях были на устах у всех от мала до велика. Запуск каждой ракеты служил предметом общего ликования. Каждый побывавший на орбите гражданин становился народным героем и поистине сыном или дочерью для любой семьи. Слово «космонавт» вдохновляло миллионы; его сокровенный смысл, казалось, задолго до первых полетов жил в душах советских людей.

Теперь, десятилетия спустя обращаясь мыслью к этому трудному, но поразительно чистому и человечному времени, я понимаю, почему страна *так* величала своих героев. Тем пела она светлый гимн своему вознесенью над тьмой сталинизма, и космонавтом — в значении этого свершившегося старта — в ней был каждый.

Таким был и мой дед Гавриил Ермаков, коммунист ленинского призыва[3], реабилитированный «враг народа», спустя восемнадцать лет вернувшийся из красноярского лагерного пекла смертельно истощенным и совсем беззубым. Ему было тридцать четыре в тридцать седьмом, когда «воронок» укатил его в Сибирь. Укатил не прямиком, по этапу. Пунктом первым шел грязный застенок в родном городе, где дедов земляк, человек по фамилии Квасов бил деда наотмашь в лицо кулаком, деловито и быстро вонзал под ногти ему иголки, задавая всегда один вопрос: «На кого работаешь, сволочь?»

Домой дед пришел в пятьдесят пятом, и я, родившийся позднее, вспоминаю иное время, один простенький эпизод середины шестидесятых. Погожим летним утром во дворе нашего старого дома мы с дедом вдвоем пилили дрова. Точнее, пилил их дед, я же, кроха, водящий порученной им мне второй рукоятью громадной, на взгляд мой, пилы, свято верил, что действую с ним на равных. Труд этот, простой и неспешный, как-то необычайно воодушевлял деда, глаза его блестели по-юному ярко. Всей грудью вдыхая бодрящую прохладу, он беспечно, как могут лишь дети да праведники, улыбался небесам, и было в этой улыбке нечто пронзительно, странно волнующее.

Что было оно — я не сознавал тогда. В своей памяти я увидел его, когда вырос. Много лет спустя, размышляя над загадкою дедовой улыбки, я внезапно постиг ее, поражен простоте моего открытия. *Улыбка эта точь-в-точь была гагаринской*. И дело заключалось не в сходстве детали, не в твердом портретном подобии. Многие люди той дерзновенной поры в улыбке — сиянии духа в плотú — открывали для ока родство свое с первым космонавтом. Провидению было угодно, чтобы улыбка Гагарина не принадлежала ему одному. Для мира она стала знáком поры расторженья оков, запечатлевшим в

обличии смелого землянина щемящую радость народа, с души и судьбы которого упала могильная плита безмерной тяжести[4].

* * *

Радость воспарения над мраком бытия. Радость вознесения к звездам и выше них — к вечной Истине, царящей над миром. Два этих божественных чувства есть в сути одно, двуединое, властно влекущее нас вверх по крутой и тернистой тропе Познания. Плод его — книга, какую ты держишь в руках. Храм и кладезь ее — глубь Вселенной, открыть кою людям в особый сей год[5] мне дало время звездной зари человечества, время, давшее мне жизнь и чудесным образом питающее поныне.

Олег Ермаков

Мичуринск – Киев
октябрь 2007 года

---

[1] Лучистому, сиречь эфирному, человечеству (эфир — огонь запредельный, не зримый очам: Мир как То), о каком писал он, в книге сей имя — Гости: Антро́пы, идущие Ввысь — к Богу, Цели ци|клич|ным Путем Мировым, где Уход есть Возврат; мы, на том же Пути не прейдя сер|един|ы (п|рей|ти же — **в Луну заглянуть: Грань — она́** нам), нисходим, мня Целью пол-Цели: не Бога — лишенность Его, Мира Дно.

[2] Ведь Четверка — Квадрат, Десять — Круг, и во дне месяц скрыт: суть — в облатке ее.

[3] Призыв в партию добровольцев в год смерти Ленина (1924).

[4] Улыбкой своею Гагарин явил людям **Мир, Цель свою**, — посему и запомнился ею: Цель эта — души нашей Суть, в кою жаждем взойти как в Себя. О том — в тексте труда.

[5] В согласии датам своим, год сей есть **Мира год**. Ведь число Мира — Три (о чем скажем еще); даты ж года сего — цепь трехзвенна как он: Ц|***и***|**о**|**л**|**ко**|в|ский **(***Цёл|к|овский — по-польски: муж сей — из поляков; ци (кит.), кои (ег.) — Дух вселенский***)** есть дух кос|мон|а|втики всей **(***Дева, Те́л|ка как Цел|ка-Мон|а|да, под коей рожден он — Дух-Мир: Мать Корова как Ио, фамильи сей Суть***)**; длань его — **Ко**|р|**о**|**л**|ев **(***длань есть рол|ь, Богом данная де́л ради; Длань дланей, Божия — Коро|ва, Тьма***)**; С|пут|ник — дело ее, в Высь торящее Путь **(**ибо Путь — к Богу наш, Бог же — Высь**)**. **50**, шаг сих звеньев — Пралайи число: растворенья в Ни|р|ва|не, Воде-Тьме **(***ныр|янье, от|рыв в нее: рва|ть — отрывать***)**, Мире: он — Тьма, Вода **(***праздник Пятидесятницы — Троицы день посему: оба — Мир***)**. В сумме чисел своих год сей есть Девять, Лоно: из Мира как Лона к Творцу всходим мы, из тьмы — в Огнь **(***так 108, Гагарина взлет — Маха-мантры число: к Богу зов***)**; кто Взошел — не прейдет.

Мира год, год сей с тем — **год Сове|тский**: Совы, Тьмы как К|рыл, что сов|а|ть Себя в Высь как Тьму ту ж не престанет: Тьма — Уд (Фалл), Любви **Со|в|е|**н|ир; Ть|ма ж — Зов, Т|айн|а (как с ней Теос, Бог), Сила(vis)-Очи (vid, *ви́д|енья* Корнь виз|уальный), Соф|ия иль М|уд|р|ост|ь Творца, Сове|ршенство, свя|т|ой Све|т-Сове|т — царь Себе как Причина, Себя Корнь. Великий Октябрь, ст|ол|п Советской страны — и был **он, Октябрь запуска Спутника** как Ре|вол|юции в собственном смысле своем, **пе|р|е|мен|ы вол|ения**: воли вниз, в ад к Сатане — волей к Господу, Ввысь. Только этот **Ок**|тябрь явил суть свою — **Десять (Дека|ду) как Мир (***ведь Мир — Десять, октябрь: с дека|брем — **22, Очи-Мир**; Мира знак — жертва римлян конем в **декабре**, «конь **октябрьский**»: Конь — Мир, чей Наездник есть Бог; в Мир стезя — Вакх, бог лунный, чей месяц — октябрь***)**: **Ок**|о в Божий чер|то|г, он — **Октябрь абсолютный** как **Октябрь Любви**; октябрь Розни, Вражды (расколовший Россию, дом свой, — Полноту сю, зелёну Любовью, пожрав половиной пустой, краснотой), корнь Союза Советского — ложь, что себе не верна (так, зовясь октябрем, в счете новом октябрь сей — ноябрь). С тем, двумя сими сущий, Советский Союз сам — октябрь, прожив **73 полных года — Десятку по сумме своей** (в метрах — Сфинкс, камень-Мир); и меж сих столпов срок — **40 лет**: 40 — грань между Этим и Тем как единство Лжи с Истиной **(**Квадрата с Кругом, Десяткой: сплотить их — прозреть, **Мир стяжав**: ибо Десять — число его**)** и рознь сих двух как **Отрыв: из лжи — в Истину, ложь предержащую**, коим был Спутника старт. 40 есть Иисуса число: 40 дней Сатаной водúм, в Боге Он креп; в 40 лет Ма|г|о|мет **(**Луны маг: Мах — она, Мет|á, Ц|ел|ь**)** внял Творцу как Луне, коя есть Бог-и-Мир очам, *видящим* Суть; 40 лет, управимы Луной, к Нему вели людей Б|уд|да и Мои|сей, му|с|уль|ман Му|с|á: Му — Со|w, Луна; в 40 лет отлетел Ко|ма|ров, Кам|ы муж, в Мир — ко Ма|тери, в Тьму, — чтоб остаться в сердцах каплей Божьей Любви. К Богу путь, Со**р**|ок — С|рок срокóв: плен во Space'нье; д|верь в Господа, Со-Рок — Свобода сама, с Рок|ом слитна как пара его: с Этим — То, Сур|ья (Солнце) блаженных очей (O = U). **Огнь сей éсть в Луне Мир, книгой этой как шагом вторым отворяемый чрез 40 лет за Армстрóнгом: он — шаг на Луну, я — в Луну как от бренья отрыв. Так второе — Луна за Землей, за Умом Сердце, Суть**. Лжи разъятье как к|око|на — Очей **я**вленье как Истины-Солнца: из пленки — Ци|пленка, из бочки своей — Души, Ба|б|оч|ки горней, Отрыв как порыв единящ. Ду|ша — Ша|р, Мир, в нас скрытый как Глубь в корке лунной: в Уме Сердце, Целое в части; разъять ложь — Единство восставить сво|е: Сва-Мать, Суть, что Л|уно|й мы зовем. **Неотрывный отрыв, принцип Ка|п|ли** как суть числа 40, есть суть корабля кораблей, НЛО как **машины Любви**: корнь Полета, где Спутник, как первый небесный корабль наш, с Машиною этой одно. **60** лет, в году сем истекших от встречи землян с нею в Рóс|вел|л|е, есть число времени (с коим согласный, ушел Королев в срок сей), сумма чья с 40, Про|ст|ран|ством (от|рыв — в нем, Тьме-Про|рве), есть **100, полность Мира Творцом**.

Бог и Мир — Цель для нас: Мир — ближайша как Дом наш, Бог — дальня: к Ней Миром идем как С|тез|ей; два сих — Глубь есть одна, сущих Суть. Двух сих ради как Сути единой — труд мой как Рос|сии вел|ичье: ведь он — от нее, миру давшей исторьей своею Из|лом на Пути, от Дна — к Выси: Октябрь второй, звездный. Дитя его — книга моя.

ЖИТЬ – СЛУЖИТЬ

Дополнение, которому нельзя не быть

Сказав о своем деде, отце отца, не могу не сказать здесь и о другом человеке, столь же мне близком, через которого семья моя и, с тем, я сам неразрывными узами связаны с запуском Спутника и историей покорения космоса. Человек этот, моя бабка по матери Надежда Георгиевна Зарецкая, муж которой, мой дед Михаил Мамонтович Зарецкий был двоюродным братом жены Сергея Павловича Королева Нины Ивановны, — работала в королёвском КБ под Москвой и своими руками снаряжала Спутник в его беспримерную дорогу в Вечность.

О том, где и с кем она работала, в те годы семья наша почти ничего не знала: работа была секретной. Позднéй, в самых общих чертах, мы узнали об этом, — но бабушка была человеком скромным и никогда не оглашала подробностей: ну, работала, мол, да и все. Только в день, когда гроб с ее телом был опущен в могилу и люди пришли помянуть ее, сидевшая за поминальным столом подруга бабушки, работавшая вместе с ней в том бессмертном КБ в Подлипках, встала и рассказала собравшимся, чем занималась Надежда Георгиевна в тот далекий теперь 1957 год.

Когда она, совсем юная девушка, пришла в КБ, люди подумали: ну вот, пришла секретарша — миловидное личико, точеная фигурка. Никто не ожидал, что Надя тотчас впряжется в работу, а спустя короткое время

станет автором нескольких крупных изобретений в области космической техники. Когда запустили Спутник, бабушке, занимавшейся его антеннами, пришла в голову мысль: антенны космического аппарата как отдельные «усы» (их у Спутника было четыре) — всего лишь частичное решение проблемы приема сигнала; решить ее полно — есть сделать антенною весь аппарат*. Сказала об этом Королеву. Тот с жаром откликнулся на эту идею. Так появилось на свет изобретение Надежды Зарецкой «Антенна с предельно развернутым колебательным контуром», звавшееся также и «Щелевой антенной». С той поры все искусственные тела, выводимые в космос к решению разных задач, наибольшей приемной антенной имеют свой корпус.

Открытием бабушки пользуется теперь весь мир. Но никто и не помнит, чья это идея, а сама бабушка, не имевшая от нее ни копейки, никогда не распространялась о ней. Всю свою жизнь она проработала на скромных должностях, к своему инженерскому званию относясь как к великой награде. В жизни она была человеком простым и сердечным, на старости лет всю себя посвящала уходу за внуками и работе в своем маленьком саду возле дома, где жила — очень любила землю.

* * *

Вспоминая про этот пример жизни как Простоты, я всегда думаю о том, что для бабушки и тысяч таких, как она, Покорителей главным понятием, сутью их — было Служение. Служение Родине, людям. Служение Истине. Оно, а не плотское благополучие, коим горд Запад, было для них важнее всего. Люди, создавшие Спутник в голодном, еще не оправившемся от последствий жестокой войны СССР, вынесшем тяжесть ее на своих плечах, в своем большинстве были инженерами с нищей зарплатою, жившими в коммуналках да по «углам»: ведь на тот момент Никита Сергеевич еще не успел понастроить для них «хрущевок». Но эти-то люди — не жирные слуги Ваала — открыли путь в Небо. Полет — не труд сытых: он — жажда духовная, Глад. Деяние Духа, акт чистого Бескорыстия, коим для граждан Советской страны стал старт Спутника, было их *песнью*, — а видел ли кто-нибудь сытых поющих птиц?

Дело первое их — не кормиться, но песней своей славить Бога во веки веков.

---

* Так телом своим, как антенной, приемлем мы Дух: ведь оно — пустота без Него, *щель* в духовном вселенском Пространстве, врата в Полноту, коя Он, Столп в Сел|ене, Луне, Щел|и нам. Сигнал — к целому зов: так зовем словом мы человека; ко Богу молитва — сигналов сигнал.

Мир — открыт!

Слово к людям Земли

Все, что̀ они велят вам соблюдать,
соблюдайте и делайте;
по делам же их не поступайте,
ибо они говорят, и не делают.

Иисус о фарисеях (Мат. 23:3)

Отличие взгляда на Мир, Вечность, древних от нашего в том лишь, что древние знали: творение Бога, он есть Колесо на Оси этой, видной им в небе; очей наших небо — пустое: не видя Оси, не зрим мы Колеса, с тем — не знаем Теорьи его.

Проблема созданья Единой теории Поля — Вселенной, Простора-Стези всех — стара. Беспрерывны попытки решить ее, но решение всякий раз ускользает от ищущих. Факт этот, ясный как день, говорит, что ошибка всех прошлых и нынешних творцов Теории имеет не частный их, но всеземной, общий миру характер.

Проблема создания ЕТП есть проблема морального лика земной цивилизации; он же суть зло, а не благо, не ве́денье, а невежество. Дурное дерево не дает добрых плодов, лживый человек не щедр истиной. Таково сей порой человечество: оно есть *обитель практического безбожия*. Бог, Творец сущего, чтим им наружно, тогда как наука его, мотор общества, не видит эту Персону, а с тем не зрит в Ней Столпа Мира. О людях с двойною моралью Христос говорит как о фарисеях и лицемерах. Науки бессутней творец Аристотель был тем и другим: чтивший Бога в речах, он отсек эту Голову от глаз людских, взяв столпом зримый мир — часть без Целого, бренье без Вечности. Построена на сем фундаменте как пустоте — древо бескорневое, — наука мертва, с тем — бессильна явить нам живую теорию Сущего, чье Колесо в розни с Господом, Осью своей, лишено основного — вращения, а с тем *практически* не существует для нас. Поля *чистого* этого явь нам — дыра, не Стезя к Цели, Богу, какой есть оно; чистота его, Полности — нам пустота очей наших.

Открытье моей книги просто: отвергнув двуличие науки, я возвращаю Вселенной Творца: Колесу — Ось его. В понятии духовном это означает *практический* возврат мира от Сатаны, Розни — к Богу, Единому; в философском — возврат от Аристотеля к Платону и наставнику его Сократу, целящий в очах горний ток — реку Знанья, разъятую Аристотелем. Суть их

учения в духе — *планета Луна, ось очей наших и престол Бога*. Возврат мной ее, Солнца солнц, чрез века забытья означает одно: *труд о Поле, Вселенной, мой — труд о Луне*. Мнима мертвым придатком Земли, в очах горних она — мира Центр, дом Огня сущих, Жизни, знать кою нам — есть ведать всё.

Колесо, Мир — С|тез|я сущих к Цели их, Богу; Тео|рии истинной труд — явить Д|верь, коей входим в Цель мы. Луна — Дверь эта в шаге от нас: вход прямой из лжи в Истину, из бренья в Вечность, Мать всех: Дверь, Луна — и Ключ к Т|айн|е, Бог|атству за ней. Ложь — S|mes|h'ное: Земля, Дол; Ве|л|ик|ое — Истина: Mes'яц, Высь-Глубь; шаг меж них — Саг|а наша: с|тяж|анье Себя. Душе Бога, Я наше, вернуть — вернуть телу Луну, х|Ра|м Его: с печью огнь, с дверью Тайна — одно. Луне mes'то вернув, Богу трон, — тем создáл я Теорью Всего: песнь Любви, лунный труд.

Жизнь — Вселенная, Мир: Божье Целое как Состав наш, Корень древ сущих, капль Океан. В своем «Логико-философском трактате» Лю|двиг Вит|ген|штейн говорит о Вселенной и языке, данном нам к ее знанью, как паре зеркальной, в которой логическая структура языка идентична онтологической структуре Мира. Но Два, бренье-Рознь, очи нам, очам вечным — Одно, сущих Царь. С тем, *язык — видность Мира и Ми́р сам; из Мира составлены — речью составлены мы*. О том сказано: «Смерть и жизнь — во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его» (Прит. 18:21). Мир, Ша́р — Мяч: друг с другом общаясь, обмен им ведем в речи мы, игре нашей, цель чья, бренным скрыта — *в Луну Мяч забить как в|Ра|та, где и мес|то ему*.

Мир в теории выразить полно — столпом ей взять Мир как он есть. С тем, попытки созданья Единой теории Поля — Вселенной, душ к Богу Стези — тщетны средствами физики (корня науки всей, им сущей), мертвой трудом Аристотеля, Землю разъявшего с Небом, Причиной, часть с Целым в подмену ему, Ум, тео|рию, с Тео|сом, Сердцем. *Всё должное здесь — язык наш: Мир в устах, Полнота*.

В речи — Мир: в Сути Суть как ларце своем; *Мир познать — выжать из речи его как из ягоды сок*. Про пресс, взятый к тому, и плодах его — книги рассказ во Space'нье людей: с|тих про Мир, Океан сущих Тих|ий. Рек Аристофан: «У детей есть учитель, у взрослых есть только поэт — для спасенья отечества».

Олег ЕРМАКОВ

Киев, 12 апреля 2009 года

В начале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог. (…) Все чрез Него начало быть,
и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

Иоан. 1 : 1, 3, 4

НАУКА СОКРАТА ТОРЖЕСТВУЕТ

Здравый ум видит: речь — сосуд смысла. Английское in-for|ma-tion, «сущее в форме», сосуде — и есть смысл: мощь слов, дух в плотú.

Слово, имя — звучит, смысл — молчит как сей ягоды сок. Его жмем мы вовне дланью Вакха. Любой, живя, да'VIT слова, ища смысл; без сей п|ищи, столпа своего, мир глаз тóтчас бы сгинул. Ведь *смысл в корне — Истина, Смысл смыслов и Пища пищ сущих: Cáusa, Каша*[1], чье Ма|сло — Ма|ть та ж (очам бренным Одно — Д|вой|ка). Знак, se|m|a (греч.), ей покровный — суть Жизнь, Сем|я сущего, Семь: Плод, что знали Семь Мудрых. Его, духом тверд, из умов жал Сок|Ра|т как из чрева дитя по'VIVA'льным искусством, ма|й|ев|тикой. Мудростью сей про ввод Истины в бренье, дом наш, стезей Феба кривой[2] (повивать — вить ее) учил он обретать Тайну эту чрез *жом, Сéрдца пресс: Бог, давимый из слов Им самим*. Сл|ово, я'Go|d'а — ovo, яйцо (лат.): под коркой Я, Бог, Го|лов|а Мира; слово — Христос, вер|а наша (ver|ba|lis — словесный (лат.)), лик чей — вер|бá; с|лов|о — Лов, закон (law — англ.) сущих: го|н S'law'ы, Причины охота (o'Go|tt'а) на нас, ту|ловú|щ, что своею мним мы[3], Сéрдца в речи. LOVE'ц — оно, Дичь нам: не мы из s'LOVÉ's жмем его, но оно себя нашей рукой[4], как рукой по'VIT'ухи — себя плод из лона. Путь Истины к нам как Себя — путь в С|еб|Я наш, к|Ра|тчайший, вел коим Сократ, Сократ|итель пути, древним вслед Бога чтя как *Ближайшее нам: в устах — слово, в груди — сердце, в небе — Луну*.

Жом, искусство Сократа, угас в тьме веков; втайне пользуясь им, в яви глаз мы не знаем его. С тем, живя, мы не ведаем Жизни; корой имен скрытая, Истина недоступна для нас, а потому и не востребована нами к своему благу.

Открытие моей книги кладет конец этому бедствию. Определив жом как метод, я во всеоружьи его, выжав речь, явил Истину Божью: *Луну как Столп наш: Бога трон, ось вселенной очей людских*. Ею держúм мир, о ней шепчет речь. Так не средствами физики, как ждал мир, — средствами речи создáл я Теорию Поля, Вселенной, стезей чьей идем к Богу мы: к Любви, Сути — покров, че'LOVE'к. И|мена сущи — глубью своей Луна, Мéна, иль Вак, Речь: мена́|д Мать и Вак|ха, Без|мо|лвье (silen|tium — лат.) ушам тьмы, в гр|уд|и левое нашей, д|верь Жизнь пр|и|мен|ять. Бога дом, то — Любовь, Сила сущих, от горестей Им'MOON'итет. Схож с Силен|ом[5], Селен|ой силён был Сократ, зная жом, вина зéлен|а к|ран. Жом изведав, позна́ем мы тайну ее.

---

[1] Эфир, огнь Тьмы тайный — а|каша отсель; Лоном сим — одно|каш|ники мы.

[2] Прямизна горня — бренью крива как бог сей, лжец глаз лживых, чей месяц — фе|в|раль: Феб-враль, лжец. Так улитка Шар|гея — прямая к Луне, ступал коей в речах, глухим долгих, Сократ, Сократ|итель Пути. Прямизна с кривизною как Вечность и бренье — Одно, Божий Мир. Рек о том Гераклит: «Путь валяльного винта, прямой и кривой, — один и тот же».

[3] По Кастанеде, идущий путем Зна|нья (Сна — оку бренному, спящему), во|ин — охотник на Дух волей Духа, Ловца ловом сим на него.

[4] **Ма|т**|ь Истина, **Я** наше втайне, **Мо|т|ор** бренных рук — корень **ма|й|ев**|тики **Ма|й|я**: иллюзия (санскр.), Мать глаз злых, как Ум Сердце, Единство как рознь. Отсель Майя в дни древни — народ Тьмы-Войны: сердцеяд, с ходом лет душу съевший свою.

[5] Наставник и спутник Диониса. Сын Гер|мес|а иль Пана, Силен — Луны явь, Сути их.

Современные робкие догадки о наличии на Луне разумной жизни не ведут дальше праздных бесед о т.н. кратковременных лунных явлениях (КЛЯ) по причине одной: зрящий оком мирским, человек ищет ВНЕШНЮЮ живость Луны, жизнь НА ней как ПОВЕРХ нее, зримую им НА Земле. Но движенье снаружи Луны, Жизни знак — печать ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ, идущей из недр как КЛАд их. Так лицо — души явь; жизни зримой Глубь — Бог, Жизнь всего. Сосуд Бога, Луна — Жизни огнь: в зримом — центр его, в оке — зрачок. Жизнью мня плащ ее, Сутью форму, не зрим мы В\|селен\|ную — Храм Божий, Жизнь-На'Gott'у, в Луне Глубь.

Мир, Дом наш: Клад в Луне

Путь к ней как стезя преображения человека из антропа Земли в антропа Вселенной

Рассматривая субординированные[1] общности Вселенной, от звездных скоплений до атомов, как системы, тела чьи — развертка их центра, наука не видит системой, а с тем не зрит вовсе саму Вселенную, мня ее безразмерным и в сути своей пустым мешком в незнании ее истинного центра. Им есть, ведал п|ращу|р, Луна. От истока — река, от оси — колесо. **Знать Луну — ведать Мир, Поле всех, очей Огнь[2]; к Луне льнуть — в Суть стремиться свою: в Мир как Три (Тьма и Свет, Богом цельны), с|трем|лений Пред|мет[3]**.

На Луну мир, нам зримый, насажен[4]; очей Ось — Луна как Бог в них. Знает то мудрец. Мир, зрил Египт, — Нут, корова-Луна с Богом в лоне, Нут'ре сем (Коровы священной — Луны культ: Богини богов, Тьмы); тро|н Бога в Исламе — Луна, огнь Любви, очей царь. Но наука мирская, Творца лишена Аристотелем как Головы Мир, — слепа, зрит в Луне камень мертвый, прах глаз. С тем, **создать нам Теорию Поля — Суть месту вернуть: очам бренным — Луну как центр их, Миру — Бога как Ось Колесу. То и сделал мой труд**.

Моя книга — восстановление справедливости в отношении Платона, Сократова преемника, дело чье, будто бы чтимое, ныне мертво по вине ослепленного мирской гордыней ученика его Аристотеля. Трудом его не зрят бренные, что **главным делом Платона была и осталась навечно Луна, коей Грекам — Латона была неспроста**[5]. Диалектика, метод его — в Корнь поход: пара ног, суть чья — Пара пар сущих Бог-Мир. Бог — Д|об|ро без иного Себе (God, Бог — good, хорошо), Да без Нет; Мир — иное при Нем, Нет при Да. Бог — Причина, Ро|дите|ль; Мир — Следствье, Ди|тя: на Творце Риз|а-Тьма, Шар при Нем, стезя чья шар|иат. Д|об|рый — о́б|рій (укр.): Бог, Черта черт, Мир об|рыв|шая вкруг; «хор|ошо» — hor-ris-ont, очей к|рай. **Человек — Мира капля, вода Воды: Бог в пелена́х Мира; Бог — без пелен человек, На'Gott'а**. Посему **связь с Причиной — прямая всегда: ан|троп — с Богом как Мир с Ним, с Луною — Земля**. Вечность — Мир, Бог — Пред|вечный,

единый с ней; третьего — нет. Их бес|еда — суть спора людского, царь чей диа|лек|тика: с|пор|ить — с|пир|аться: Pyr, Истину-Огнь высекать, г|лаз Пир. Пара сия, Бог-Мир — Шаг, Пути суть: знать ее — Ввысь ступáть: Миром — к Богу как к Цели С|тез|ей, с Ней единой (God, Бог — ход: Путь — к Цели). Лишенье сей Пары Творца, Аристотелев труд, ход как Двойку сменило мо|низ|мом нуля: Мир — безмирьем (лишь с Богом он Мир, сам — ничто), точкою, коя суть невозможность идти. Так Поход, диалектика, логикой стала пустою: Жизнь — смертью. От смерти, что пел Стагирит, всхожу я к диалектике истинной, столп чей — **Луны сын Платон**: лебедь Феб при Сократе-Незнайке, нас звавшем в себя как Луну — Тьму, Незнанье свое[6], коим полн А|поллон[7].

Говоря в своем «Тимее» о Мироздании как Голове без иного, т.е. лишенной нужды в своем продлении, ту|лови|ще, Платон имел в виду тождественность Мира (Вселенной) Луне[8] (мнимой бренными частью его, — как зрачок, полный взор, частью ока мнят: центр круга — меньшим, чем круг[9]), для которой Земля и есть это иное, вторичное ей как Ум Сердцу, причине своей. Ум нуждается в Сердце как отблеск в огне, Сердце же в Уме — нет как в ростке внешнем корнь. Мир — Луна в очах *видящих*, зрячих, как Явь их; в с|мо|тря|щих — он л|ун|ная Т|айн|а, в Нут Три. Три, «дрей» (нем.), Мир — кон|ь Бога; Бог — всадник его, за кон|ем сим За|кон, сущих Царь. «Д|рей» — «рей»: в Боге пар|я, во|льны|м будь, г|рей как Огнь, Длань к|реа|ции: рея|ть — творить. Мир — от Господа-Ко|р|ня вниз Древ|о, что зрил в Тройке Рублев Ан|дрей, в дубе — An|drew Бол|кон|ский: средь розни Единство как Мир средь войны. Щеп|ка, др|ева фраг|мен|т — трi|ска (укр.), Три ж; «щеп» — Sep|tem, Семь (лат.): Жизнь как Мúр в нас, Рек|а-Т|ре|к, Шар тем|ный. Три — Целое; часть, трi|шки (укр.) — те же Три: Море в капле. Андрей Первозванный — лик первенца Господа, Мира, в Руси; стяг андреевский — Русь как Вода. Зрима бренно, Луна — Полноты дом, пор|ожний разъятым очам, что навыворот зрят, мня единством себя. **За Луной, как стороннего ей, Мира нет, иль есть он иллюзорно: Огнь — тенью, Дух — плотью пустою; Мир истинный, Божья В|селен|ная — есть Глубь в Селен|е, Луне: Mun|dus — в Moon как Залунье-Внутри**[10]. Mund|us — в Mon|d, Луне (нем.), доме Бо|га с бо|монд|ом

Его; Монд — Мир (франц.): Луна вся, корка-Глубь. Мир в Луне — Вечность в кап|сул|е глаз бренных: Целое в части, в Уме Сердце, в кап|ле своей Океан. Сущих Лоно, Мир — Матерь их: Лоно — Она[11]. Cow'чег наш, он — Cow'ёр, Луг, чьи т|ра́|вы мы, Лук, чьи мы с|тре|лы, на Боге-Ядре ше|л|ух|а: шел — лущ|ил п|рах с Него. С Миром рознь — о|лух; Миром лук|авый — Сократ. Три в Луне, Мир — Ин|три|га людей: в ларце Су|т|ь, в коей су|щи одно. Речено о том:

В яркой фантастической интриге
Все миры соединит Луна.

Юлия Мицар

Мир — Луны Глубь; Глубь Мира — Г|ос|под|ь, Глуби Глубь, Ось-под-Всем, Луны Центр. Такова, Луна есть Глуби д|верь, в|ра|та в Ра; в Луне быть — быть за дверию сей[12]. Луна есть Сего центр, Бог — В|сего, кое Мир, Это-То; в ц|ентр|е — Центр: в чехле — суть, в Луне — Бог, в Кого есть Луна в|ход, en|tr|ance; ход — God: к Богу — Идем; го́д|а цикл — Им зам|к|ну́т. Мир, Дек|ада — Коло|дец; Бог — Дно его, Тьма этой Тьмы (Got|t — Бог (нем.); got|hic — черный (англ.)). В Ведах указано:

Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к луне. Благодаря их п|ра|нам набухает она в первую половину месяца, а во вторую половину месяца вновь порождает их. Поистине луна — это врата небесного мира. Кто [правильно] отвечает ей, того отпускает она [т.е. пропускает на волю — во Глубь, Небо — Авт.]. А того, кто ей не отвечает, изливает она в этот мир в виде дождя. (…) Встав на этот путь богов, он приходит в мир огня, он [приходит] в мир ветра, он [приходит] в мир Ва|р|ун|ы, он [приходит] в мир Индры, он [приходит] в мир Праджапати, он [приходит] в мир Б|ра|х|ман|а.

***Кау**|шитаки-упанишада, I, 2-3*

В очах духа Цель нам — Бог, Явь их; в очах плоти, таящих — Луна, Бога дом: люк в Него, зрить (look — англ.) данный нам, Т|айн|ы Явь; с Луной Бога единство как Сути с сосудом — антроп как одно: дух-и-тело. Луна — В|иноград, Мир — Сок в нем: Иног|ра|д, тайный бренным очам, Цель-ми|р|а|ж, в шаг|е Шар как Отчизна лю|дей[13]; Шаг — Путь наш, Саг|а: в Луну во|с|ход. Глубь, Утро|ба-Н|утро — Утро душ (ба — египт.), сущих в тьме, н|очи-Зле; Г|луб|ь — Лю|б|овь, LOVE'ц всех (сетью сей ловил Сын), бренных Yes'ть, Ves'ть благá, s'LO|VÉ's Вес и всему Го'LOV'а; че'LOVE'к — п|лод ее, внеположный Земле как она[14]: слюны Божией капли с Луны, Его дома, отколь д|ун|ул-п|люн|ул Он нас.

Лю|д земной — Мира луд, кора Су́ти сей: б|луд|ит — ища Дом: часть — По|лно|сть; блу|ждать — До́ма жда|ть: в Луне сущ, Мир — Наде|жда, Зов-Вы|зов Достичь и Войти, Сов|ий Глас. О нем сказано песнею:

Ночь и тишина, данная навек,
Дождь, а может быть, падает снег,
Все равно, бесконечно надеждой согрет,
Я вдали вижу город, которого нет.

Где легко найти страннику приют,
Где наверняка помнят и ждут.
День за днем, то теряя, то путая след,
Я иду в этот город, которого нет.

Там для меня горит очаг
Как вечный знак забытых истин.
Мне до него — последний шаг,
И этот шаг длиннее жизни.

Регина Лис|иц, Игорь Корне|люк. Город, которого нет

Мир в Луне — Ра|й, англ. E|den: ден|ь Евы как Д|евы-Луны, Ра|н|ы в Ра, с коей ждем ран|деву (имя Рай|монд — сему явь: Луна-Рай, Рай-Мир; Раймонд Мо|уди — «уди́ Мать»: Тьму, в Луне Мир); Рай — Эде́м: е́дем к Богу им мы без преград; edu|cation — ход-рост, ез|да. Рай — ray, луч (англ.) Господний, rai|l, в Бога р|ель|с, путь прямой.

В шаге — Истина: Вечность — от бренья, Луна — от Земли. Рек сие Пиф|а|гор. Головой Мир зовя, Платон рек то ж, ведь знал он: круг бренный (Сан|сар|а Ин|дий|цев: шар SUN, Солнца S UN|O, Тьмой-Глубью), дом наш с Землей в центре — круг лунный, держимый Л|уно|й как столпом своим: Вечностью — тлен; знал Платон: Голова — всему корнь. Аристотель гордыней порвал это знанье, опорное древним — с тем, не знаем мы ни Луны, ни Земли: ни Всего, ни себя. Диалог «Тимей», Платона лик, открыт всем, но читавших — тьма, сведущих — нет никого, ибо пуст в миру́ он без помет Аристотеля.

Зов Дельф познать нам себя, главный нам — Вед наказ основной «Я есть То». Я — Земля, Это; То — Луна, пара ее: Небо, Дом мудреца, Цель философа (ибо фило|соф есть жаждущий Неба землянин; мудрец, соф (эллин.) — небожитель земной: лик Афины, Сов|ы, коя Мать[15]). В Ведах сказано:

Это поистине есть то. Это поистине было тем, истиной [= Земля — Луной как отчизной своею из|го|й — Авт.]. Тот, кто знает то, великое, небесное,

первородное, [говоря]: «Истина — это Брахман», обретает эти миры; именно теперь обретает его тот, кто знает это великое, небесное, первородное, [говоря]: «Истина — это Брахман», ибо истина — поистине Брахман.

Брихадараньяка-упанишада, V, 4, 1

Пара эта, Ложь-Истина — Сущее всё: Тьма. Познанье — транс|цен|зус: в Луну — от Земли, из не-Сути, Ума — в Сердце, Суть чрез Ум: по|двиг, из смерти в Бессмертье порыв. Сердце в нас — Луна наша; Луна в небе — Сердце на всех: Ну|мен, Глубь как очей внешних Явь. Луна — Ра, Огнь; Земля — от|Ра|жень|е его, Сутью сущее сей. Луна — Небо Земли и ее Подземелье: Высь-Глубь; меж Луной и Луной Земля — слог средний в «сатиям», Истина: ложь в тисках Истины, нуль в Нол|е, Лон|е. Луны с Землей связь — связь бессмертных и смертных, что пел Гераклит, с|п|лав богов и героев, суть чья: герой есть смертный бог, бог — бессмертный герой; героический век — пора та, когда смертный имел вход в Луну, как в Аид Одиссей. Глубь и Высь — Тьма одна (у|топ|ать — то|нут|ь; англ. top — вер|шина: к ней топ|аем мы), ход куда — шаг един паре сей: лаз в То, шах|та. Ге|рой — роет в Глубь, Небеса: в Жизнь как Сем|ь, Зем|лю земль, Ге|и Суть. Роет (риє — укр.) Сын в Луну, Ма|ть (чей п|рое|кт Он), Ма|рие|ю явленну; Весть, Гав|риил — лунит; Сын — Син, Луна, куда роет-пое́т poet: Песнь — Тьма, с кем смерть не страшна. Глубь есть O|ri|e|nt'ир наш, Огнь-Цель; рой (= т|ори вглубь) — рий (укр.); рыв|ший в Тьму — Ю|рий, русич к|**ры**|**л**|ат|ый с фамилией птичьею, А|риэ|ль наш. Тьма — З|лат|о, Звезда глаз; а|рие|ц, эпохи дитя сей — star'атель его. Рыть есть грань по|рыв|ать, с|ту|пать в То; рве|нье — п|рыть. Рыт|ье — рит|а: закон-рит|уал, дом чей К|рит; Глу́би мо|лвь — п|рит|ча, То; бог Я|рил|о с|лав|янский — «я рыл»: Глубь то|рил, Шел: Идем — торя. То|рит|ь — творить; Крит, Рытье — Креат|ивщик, Огонь; Крит|а-юга — О́н суть. К|рыл|ь|я — рыл к я: Полет — в Глубь рытье как Себя; рыть — мах|ать Луной, Мах, Силой крыл. Глубь, Тьма — Пищ|а, без коей п|**ищ**|**и**|м г|лад|ны; ло́|п|ат|ь — лопат|ой ко|пат|ь. В Глуби Юнг *видел* Бога — Высь, Кем есть она; Ф|рей|д Зиг|**Му́н**|**д** — Дно зрил только: не-Высь, Сат|ан|у. Юн|г — О|дно, Un|o, Сердце; Фрейд — Д|вои|ца, Ум. Знать себя — в|еда|ть Суть: Бога-Мир, Луны Глубь. С тем, антропу Земли к Луне до́лжно идти как Себе, в Корнь: **труд наш — дорасти до Луны**, Мир, очам в

розни сущий, в одно слив как Землю с Луной[16]. Земля — Плен, Луна — Воля; к Луне от Земли путь — от Долга в Свободу поход как стяжанье ее (пил Пи|л|ат кою, лат бренья чужд, в Тьмы ро|ман|е), **SPACE**'нья стезя: Глубь стяжавший — нетлен[17]. Liber|tas (лат.) — свобода, бог чей Либер — Вакх, Луны бог. Дол|г — П'red'ел, Земля дол|ьних; С|в|обод|а, Луна — Беспредельность: Жизнь в О|бо|де-Бо|ге, очей бренных Тайне. Явь их, Луна — Мена, душ Mana|ger, Ре|мен|ь держащий; явь вечных, Селена она, Крылья их. Так, едину, ее по Уму и по Сердцу зовут[18]. Рек Ор|фей о том:

> Он <Зевс> смастерил и иную землю, безграничную, кою Селеной
> Зовут бессмертные, а земные человеки — Меной.

С|тез|я — с Теос|ом я: с Луной — к Богу и в Мать пили|грим. Учил сему Платон, датель Тьмы («Т|имей» — Тьму́ имей: Корнь обрети!); Лебедь, Феб — корень лу́бидо: тяга к Луне, с кем связной этот бог[19], с|тре'LOVE'ржец в Мир, Три, Огнь-Любовь[20]. Аристотель, изъяв То из глаз, Луну сделал из Цели Се|крет|ом, подъема копье загнув в дол[21] и толкнув чрез века нас, незрячих, ступить на Луну не растя: имманентности — в То, зев ей жрущий, нечистому — в святость. Лишь волей благою Творца гонцы наши вернулись назад без вреда.

Платон — Сердце, Луна; Аристотель, очки пап и о́тчего мира, забывшего Мать, Луны Суть, — Ум, очей бренных огнь. Солнце бренья как в сути себя самого и мнил он огнем чистым, без пятен, — тогда как Платон, звавший Истину «первым умопостигаемым», видел в ней Сердце, Луну как причину Ума, парну с ним. Разъяв Это и То, **Стагирит — похититель Луны**, связки их (как у Го|го|л|я черт в Божью ночь), воз|дух-Вечность у бренья укравший к кончине его. Скрыв Единое общим — Умом Сердце, ворохом камень, — безмирием Мир подменил Аристотель: взор лунный — бе|злу|нным, зря коим, Единства не знал этот муж. Рек Дж. Б|рун|о[22] о том:

> *Мудрость, истина, единство фактически являются одной и той же вещью. Говорить о том, что истина и сущее одно и то же, умели все, но не все поняли это, ибо остальные прибегали к этому способу выражения, но не усвоили способа понимания истинных мудрецов. Среди прочих — Аристотель, который не нашел ни единого, ни сущего, ни истинного, так как не понял сущего как единого; и хотя он обеспечил себе возможность пользоваться значением сущего, общего, субстанции и акциденции, а кроме того различать свои категории в отношении родов и видов при помощи стольких же различий, тем не менее он в той же мере остался удаленным от*

истины благодаря тому, что не углубился в это познание единства и безразличия постоянной природы и бытия. Будучи сухим софистом, он при помощи недобросовестных объяснений и легковесных доказательств извращал суждения древних и сопротивлялся истине не столь, быть может, вследствие умственной вздорности, сколь в силу зависти и тщеславия.

«О причине, начале и едином»

Платон, Бóжий муж, гордыни чужд: диалогов его глас — Сократ, в коем он растворен как в Любви. Аристотель, в гордыне своей мнивший Сердцем себя, — в рознь начальным мужам, от себя рекшим, учил от Истины, ее присвоив надменной[23] оценкой трудов их. Единство во Истине их скрыв, хор их дал он сбродом, где всяк — эгоист любомудру взамен, Богу — Дьявол. Так Сердце, прошедши чрез Ум, Умом стало: Одно — Д|вой|кой, Рознью[24]; смысл древним единый, прямой — переносным, кривым попран был, Аристотелем созданным: Истиной, падшей в ничто (перенесть ее — себя лишить, в нуль низ|весть)[25]. Так пустой смысл, абсурд, стал нам главным, сердца омертвив; смысл прямой, троп-ан|троп — **Мифом** стал нам: иг|руш|кой людей как Я их, кое мнят за ничто как мета|фор|у: мета (греч. после, сверх) — цель (укр.): Бог, Истина, Ма|я|к и|дущи|х. Спросите об Истине вы в наши дни: гдé *конкретно* она, в *место кое* идти к ней? — вопрос не поймут. А меж тем, ответ я|сен: **Путь к Истине — к Луне с|тез|я, дорога|я П|рич|иной — Творцом, сущим в ней, Сен|ью-Я**. Луна — Цель, Метá, в кою ме|та|л стрелы Феб: метал|л-огнь, о|рих|алк|ов|ый[26] шар как о|рех Бога, Rich, Тьмы альков. Имя ей неспроста «мертвых дом» (ман|ов — пред|ков, ман|ящих Домой): мертвый в Сем — живой в Том; в мире лжи сем м|ерт|вец главный — Истина: То, Луны Глубь. Аристотель — мог|иль|щик ее. Луну, Голову миру усекший, Познанье дал голым анализом он — рознью глаз, умом чистым по Канту: пустым без Любви; а оно — единенье, s-in-Theos: со-Божность, Любовь — ум практический, Богом живой, что зовет умом Сердца Толстой.

О том — рéчь здесь. Труд мой, с тем, не нов: знанье древнее являет он, сняв кору Ares'т|отеля, очей арес|т. Так чрез тьму забытья входит в очи Луна, Цел|ь нагая: в груди — сердце, в оке — зрачок, центр его[27]. **Цель сию обрести — Луной стать как Собой нам, в|зой|дя над Землей как собою — к Себе**. Чело|век — sel|o'век: лик Сел|е|ны, Чел|á (Головы — стар.)

от|мен|ный, луд Су́ти сей: люд наш — от|селе, ее ученик, че́ла (санскр.). Чело, Корнь — тело всё, древо, сущее им: чело|век — тело|век; крест египетский Анх, с кольцом Т — с Головой, Луной мы, **ту**|ловú|ще ее. Т, Тьма, Анх — антроп с дланьми вразлет; подбоченясь — Ф, Ф|ерт. Луна — Век Золотой: Ма|ть, по коей to'sky' ем, Любовь как Ис|то|к (Любовь Ма|лым зовя, пел Сократ То|чку эту: зрачок — в оке, сердце — в груди); Фал|ес, в Семи заглавный Воды муж — Ке|фале'с: Луна, Голова, Тьма как Фал|л. Лю|ди мы — люди есть в меру Сути, Лу|ны, коей станем взойдя: Г|л|*уб*|*ью* корка жива, Нолем — Двойка. «Зри в корнь!» — рек Cou|s'Ma: **зри в Причину, Луну, сущих Мать, очьми шествуй в Нее** (очи — ноги есть нам). Корень — Cow'рень: Кор|ова Мать, Дева (ко́р|а — греч.) дев, Бога Д|лань и Кор|á, До'Causa'тельство главное — Сердце, Глубь в нас. **Пер|е|Мена — курс наш; EVO'люции цель — антроп-Мир, головастик: Тьмы лик**, **с**|**пер**|**мий Лона сего, что космитом зовем**. Стать им нам, телу сердцем своим — стать антропом в|селен|ским как Цел|ым, над частью взойдя как антропом земным чрез **вхожденье в Луну: в Глубь, Мозг-Мать**[28].

Космит как грядущие мы:
антроп-спермий с Луной, Головой на плечах

Войти нам — Мир *увидеть* как Дом вечный наш, с тем — стать им: **Очи — Мир**. Ставший им, не утратив антропность свою, есть **космит: антроп-Глубь, спящий в нынешних нас как цы**|**плен**|**ок в яйце**. Шаг в Луну — с Миром, Троицей в|с|тре|ча как Сутью своей. Как Тьмой, Истиной полн Луной всяк как Плодом своим, Женой чр-ЕВА-т (съ-ЕВ сей Огнь: З-ЕВ-с — Мет|иду; Ум, плоть —

Сердце, дух, л-ЕВЫ-й в нас): тя|жел, сущ на с|нос|ях. NOS|HA NASHA (и NASA[29]), нос|ящая нас Изнутри — она, Тьма: Груз, что до́лжно с|тяж|ать, дол|гий Нос (санскр. nasa|a), Бур в Суть как Себя Самое; Бу|р|а|тино — бур лунный: ист|ец Ра, К|остра за холстом бренных глаз. Луна, Истина — Песнь (гит|а — санскр.); ею, вечной, бе|ре|мен (ва|гіт|ний — укр.), всяк — п|еве|ц сей леб|единой: последней как песнь песен всех. Голь|ю этой был Го|голь no'SAT (Истина — Na'G|ott'a[30]); Глубь сию — Нос|ов знал. Нос (ніс — укр.), Тьма-Глубь — Вакх: Дио|нис, лунный бог Вина, Тьмы. Цель — Мет|а; мет|ят — важ|ное: тяжкое Тьмой как Луна; ва|ж|ити — вес|ить (укр.): Тьма — Жизнь, Yes, сущих Суть. Выжать, вы-Да-VIT'ь ее как я'God'ы Сок, очам дол|ьним я|вив — жом, познанье без розни, живое: Любовью — Любви, Тайны, Глубию — Глуби само́й, лунный труд[31]. Ведь **Познанье — автоэротизм, самодействье Тьмы**: Истины — в Истину чрез Ложь, мир|аж, как Луны через Землю в Луну, Се́рдца в Сердце чрез Ум как Суб|ъекта в С|еб|я чрез Об|ъект, Жены в Жену чрез Мужа, чрез корку — Суть в Суть[32]. Жом — таков: то — познанье-кольцо. Им крепка, по'VIT'уха в утробе зрит плод и стезю его сердцем. Луною бог|ат, им т|вер|д я; им — Сок|Ра|т, по'VIVA'льщик Луны, Фенареты небес, пресс и желоб ее.

Жать-давить Луну-Ягоду — м|лек|о из вы|мен|и жать как из речи смысл: COW, Мать — Вак (инд.), Речь-WOC'ал. Молока Суть — Корова; **из речи своей состоим, из Луны состоящи: Причина — Сос|тав наш прямой, что сос|ем как Себя самое, Сердце-Глубь** (бедствья клич SOS — утрата Ее). Сердцем жить как Собой — есть всяк миг из|ум|ляться ему: из Ум|а выйти — в Сердце войти, Ума Суть[33]. В|ымя — имя, сос|уд: Глуби — корка Луны. С Вак|хом Вак, с Вином Млеко — одно: Тьма, Жизнь-Глубь; где вокал — там бокал. В В|еда|х сказано:

Речь до́лжно почитать, как дойную корову. У нее четыре соска: восклицания «сваха», «вашат», «ханта», «свадха». От двух ее сосков живут боги — от восклицаний «сваха» и «вашат», от восклицания «ханта» — люди, от восклицания «свадха» — предки. Дыхание ее — бык, мысль — теленок.

Брихадараньяка-упанишада, V, 8, 1

Дойки сей мастер первый — Сократ меж людей. Луну вы|жат|ь — в|зой|ти с про|во|жат|ым сим в Глубь, Корнь. Так Фе́б — мост в Латону: в Мать — Сын как

в Безмолвие — Слово, кем есть Иисус. Един с ними Сократ, Се́рдца муж как в Луну вожак наш, философии реку делящ пополам, как историю, тьмы ре́ку — Х|рис|тос Рож|дес|твом (різ|дво|м — укр.). Связь их, Сердцем глубокая, вот: **Иисус — Слово, Я'God'а к жому**[34]**, Сократ — главный в бреньи да'will'щик ее, Бога верная длань**. Оба светят Луной они нам, оба — агн|цы они, за Луну пострадавшие: за Сердце, Огн|ь Божий — от тьмы, Ума.

Автор выражает глубокую признательность своим педагогам академику АН СССР Андрею Башкирцеву[35] и иностранному члену той же Академии доктору Мартину Ивенсу[36] за ряд неоценимых указаний, повлекших рождение этой книги, а также жене своей Зинаиде[37] за неустанную и беззаветную помощь на долгом пути к сему мигу.

---

[1] В точном своем значении «суб|ординированный» — сплоченный (= упорядоченный, согласованный) Глубью (лат. sub — под: Тьма, Тайна): Вселенной как Целым, чьи части (= кора, видность внешняя) мы.

[2] Мир есть Центр очей бренных; к|рай их — к Раю, Центру второе: к Единому — рознь, плод его. Центр — Глубь; пе|риф|ерия — при ней риф|ы, мель.

[3] Три, Мир — с-в-**Я**-зь: Божье Целое, к|лей частей; Мира Клей — Бог, **Я** его.

[4] На|саже|н — на Саже сидящий: Причина, Ось — Тьма. Миру, зримому бренно, Луна внесоставна как телу душа, кормчий сего челна (рек Платон).

[5] П**латон** — суть Латон, Луны муж, Жены сей ясный лик. Так Феб, Лебедь, Платона суть (в день чей и был он рожден) — «Артемид» звался встарь: лик Луны-Артемиды, с Латоной единой как Тьма, Жена-Мать.

[6] Крылатая фраза Сократа «Я знаю то, что ничего не знаю» — суть этого мужа: Луна, Полность-Глубь, к коей он отворен (пуст). **Куза**|нский с «ученым незнаньем» своим — Глубь та ж, **Causa**; Рак (К|ребс), штандарт его — она же: Мир, в Луне Ра|к, Ребус нам (см. комм. 9).

[7] Сущностное единство Платона с Аполлоном (Фебом, «лучезарным») являет его день рожденья 7 тар|гелио|на, что также есть и днем рождения Аполлона. Диоген Лаэртий, называющий эту дату со ссылкой на «Хронологию» Аполло|дор|а, так пишет в труде своем: «Рассказывают, что Сократу однажды приснился сон, будто он держал на коленях лебеденка, а тот вдруг покрылся перьями и взлетел с дивным криком: а на следующий день он встретил Платона и сказал, что это и есть его лебедь». Олимпиодор в своей «Жизни Платона» к легенде сей, данной и им, добавляет еще: «Незадолго до кончины он [Платон] видал во сне, будто превратился в лебедя, летает с дерева на дерево и доставляет много хлопот птицеловам. Сократик Симмий истолковал это так, что он останется неуловим для тех, кто захочет его толковать, ибо птицеловам подобны толкователи, старающиеся выследить мысли древних авторов, неуловим же он потому, что его сочинения, как и поэзия Гомера, допускают толкования и физическое, и этическое, и теологическое, и множество иных». Надпись, сделанная афинянами на могиле Платона, гласила недаром так:

Двух Аполлон сыновей — Эскулапа родил и Платона:
Тот исцеляет тела, этот — целитель души.

Связь Платона с душой, Глубью нашей, как Феба с Луной, зрима в том, что, по данным астрономических наблюдений, ведущихся издавна, кратер Платон на Луне является одним из средоточий т.н. кратковременных лунных явлений (КЛЯ) — пунктов исхода вовне Жизни, Глуби Луны.

[8] Прямое тому сакральное свидетельство — тождественность в очах древних Великой Богини как Мира, Нутра (**Лон**а) сущего с ее богами, **Лун**е.

[9] Явь лжи мненья сего — глаз лунита, весь черный как цельный зрачок: круга центр как круг весь. З|**рачок** — з|**рак**, взор (стар.) полный, как мним **рачком Рак**: Мир, что пятится к Богу, вовек в шаге сущ от Него; Мир и очи — одно. Зрима оку, Луна — **рака Рака** сего, cow'чег Нут, Мира у Египтян.

[10] Залунье-внелунье — дурная безбрежность телесного мира, уйти в нее — кануть в ничто: в плоть безлунну, пусту, камни мертвы; Жизнь, истинный Мир — в Луне Глубь.

[11] Знак сей истины — Ма|мина Ми|р|а (Мина|ева — в девстве), учитель мой главный: как Мать, чрез жену эту Мир познал я. Мира дом, Луна — М|ин|а глаз бренных: Глубь (min|e — источник, рудник (англ.)) их, Вечность, что внешни сии ис|тре|бит. Mine — мой (англ.): Луны, Тьмы как Сути моей; min|d — дух, разум: Глубь-Мать, Луна в нас.

[12] Ведать это — понять, как Великое, Глубь живет в малом, Луне. Мир **за** дверью — всегда **в** ней как в корке ядро, чей размер — дверь, очей вход: быть — зриться, в очах сущим быть (esse — percipi (лат.)); что не зримо — не есть.

[13] О сей–то общей нам Цели писал Н.Ф. Федоров в труде «О мировой целесообразности»: «Мы даже обязаны поставить человечеству одну общую цель и утверждать необходимость, возможность и обязательность установления целесообразности не словом, а *общим делом*» — походом в Луну, землян Лоно. С тем, в Троице Федоров и усматривал корень грядущего бессмертья нашего: Мир, в Луне Три.

[14] Земли первый люд — **С|ки**|фы, народ Неба, шедший вниз. **Sky**, Не|бо (англ.) — **sky**'ф, дитя его, **с Ки (***Ци (кит.) — Дух: Глубь, Тьма, **Ци**кл Божий***)**, Луны п|**осе**|в, дождь с Оси — Семи, **Sev**|en (ведь Жизнь, Глубь — Семь) **сев**. Ки — Луна, Суть; **s|ki**|á — тень (греч.), Огня сего ко|жа — ш|**кі**|ра (укр.), **s|k|i**|n (англ.), — ко Жа|ру покров; с Луны **с|ки**|нуты, ею **ки**|пим мы. В сем мире наука, англ. **s|ci**'en|ce, первая — знанье с Луны, не знать коей — в тьме жить: древо знать — ведать корнь. Тело наше — ко|ра|б|ль; душа — **шки**|пер (англ. **ski**|pper) его: из Луны кап|итан, кап|ля Тьмы, Воды вод (рек про в|одно|сть души Де|**мокр**|ит).

Скифы — аб|о|риг|ены Земли, с Луны шедшие как с Выси в Дол. **Любви, Тьмы-Глуби п|лем|я**, они есть Иное, с тем — ра́вно и старши из всех (пишет так Пом|пей Трог) и малейши по возрасту (по Геродоту). Таков Эро́т-Эрос, старик и дитя: **никакой** в сути, чуждой Земле как Сему. Что с Луны мы, где **с Ма**|терью были одно, знак вот: **со|ма** — греч. «тело», и Сома ж — Луны бог индийский: муж, **мо**|щный Женой.

Ски**ф** — скит|алец (Ф = Т) в скиту: на Земле, в тьме огонь искры Божией. Скифы, как первый народ Земли, с тем и являли чрез плоть, бренья плащ, **душу голую**, с нею едину, — тогда как у нас они в розни: мы слепы телами в незнаньи **души, очей их**. О русских нас, Скифах, с тем и рекут, что у нас, мол, **душа нараспашку: нагая как скифова плоть — тело как гол|ь-Луна, Гол|ова**. Душа — сердце само; с тем, Россию умом не понять — сердцем лишь: Тьмою — Тьму.

В очах *видящих*, горних, различия между Землей и Луной нет и не было: две сих — Одно, Божий Мир. Посему умерев, иль прейдя в эфир, То, человек отлетает к Луне, кою с тем и зовут домом мертвых: **приходит очьми туда, ибо вовек и не покидал ее как свое Лоно**. Однако, поскольку в своем генезисе человечество утеряло Единство, — утрата очей Его, *виденья*, суть сей потери, явила раскол меж Землей и Луной в очах бренных, незрячих — тогда же как в *видящих*, вечных едины вовек они. В пору единства Земли и Луны, Век Златой (**Star'**ину, век эфира огнистый), вселенский Народ был **Луною един**: ибо ею, единою, были Луна и Земля. При расколе очей, иль отколе Земли от Луны — С|**лед**|ствия от Причины (Луны, Грекам — **Лед**ы, дитя чье — Елена: С|елены, Любви плод), — одной своей частью Антропы остались в Луне, а второй — на Земле: очам бренным — **упали с Луны на нее**. Первые есть луниты, Луну сохранившие в древнем единстве с Землею: **Атланты, эфирное племя**; вторые — луниты, Луну утерявшие: Скифы, нисшедший народ, корнь землян, утерявший как Лоно Эфир. То и это — единый Народ Мировой, в очах дольних расколотый в Два: в Рознь, столп их.

[15] Посему число Мудрых — Семь, Жизнь: Мир как есть, дольним нам Небеса. Мудрецы, Риш|и (санскр.), в Дом свой горний п|риш|едшие — Тьмою, П'rich'иной сильны как Бог|атством своим.

[16] Иначе — *увидеть* Мир, *видящим* цельный вовек, как едины Земля и Луна: рознь их ложная — глаз бренных рознь. Дорасти до Луны нам — единым стать с Миром как суть автотрофная наша, антроп из Луны, землян Гость. Явь как имя сему — Встречи место Рос|в|ёл|л: рос в Эль, Бога (семит.), сущих Ц**ель**, Луны Центр, рос-вёл в Суть, коя Он. Well — коло|дец (англ.): Мир, число Дес|ять, Цикл-Глубь, Дно чье — Бог, сущих Я, **Д|ел**|о **Д'Эль**'ф как познания высший Предмет, нас влекущ сей С|тез|ею в С-**Эль**-en'у **(**en — не (греч.): при Боге — облатка**)**, Луну.

Единство Земли и Луны — цельность глаз наших: ***ви́денье*, Век Златой**, корень истории нашей. История — река времен, тьмы очей; время в корне — Пространство, над рознью Одно. Время — рознь, Два; П|**рост**|ранство — Одно, К|**амен**|ь. Сей Единицей, начальной реке времен, Двойке, и есть Век Златой: **Мать как Лоно антропов**, за **тер**|ни|ем Огнь, **STAR'**ина как Да, **с|тер**|тое тьмой в очах, бренных В|че|**Р|а**, грус|ти Суть: **YES-S|TER-DAY**, Настоящее-втайне, С|ей|**час**'тье как розни лишенный **Век-Мир: явь земная Вселенной как Древа, растущего сверху, чей Корнь и Сок — Бог (***посему говорить о Нем **древ|ность, тень Древа**, не жаждет: о воздухе, Жизни, молчат, **дыша им**; сказать «древность» — что Бога назвать. С тем, Эллинам Бог — Мир, Лик Его; Гераклиту Он — Тьма меж строк, **глас как Безмолвье кричащее**. Вспомним известное «Этот мир, не созданный никем из богов...»: это значит — «не созданный **никем из многих** как **созданный Одним, внерядным как Бог, Мира Царь**». Вот — Господь, молча названный: **явный Отсутствьем Своим**. Гераклиту Господь — **Явь-и-Тайна как Мир, Лик: Река, им воспета**; про Бога, умов Тьму, речет он: «Хотя этот логос (Бог — Авт.) существует вечно, люди не понимают его — ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые. Ведь все совершается по этому логосу, а они уподобляются невеждам, когда приступают к таким словам и к таким делам, какие я излагаю, разделяя каждое по природе и разъясняя по существу». Бога и Мир — Ро|**дите**|ля и Дитя, Корень и Древо — древние не разделяют законно; Мир, Огнь незажженный в очах Гераклита, есть **Огнь, не зажженный извне: воспаленный Всевышним, Ядром его**. Мы говорим «человек — Бога плод», зря Два врозь, не-Одним; древним же, Розни бо́льшим, они — **человек один, полный: со Богом Внутри**, не рекомым отдельно, раз **Он Там всегда***)*. Тьма, и|стор|ья — стер|ня Глуби сей, штор|а сему Огню. Верно речь о нем так:

ВЕК ЗЛАТОЙ ЕСТЬ ПОРА, КОГДА Д|ВОЙ|КА БЫЛА ЕДИНИЦЕЙ: ЛОЖЬ — ИСТИНОЙ, ВРЕМЯ — ПРОСТРАНСТВОМ, СТРАДАНИЕ — РАДОСТЬЮ, ЛУНА-ЗЕМЛЯ, БРЕНЬЯ ПАРА — ЛУНОЙ КАК ВСЕЛЕННОЮ ВСЕЙ. ТО — ВЕК ПОЛНОЙ ЛУНЫ, ЛУНА ПРОЧИХ — УЩЕРБНА: КАК СЕ́РДЦА, УЩЕРБ ЕЕ — СОЛНЦЕ ОЧЕЙ БРЕННЫХ, УМ, ЦАРЬ ФАНТОМНЫЙ НАД НЕЙ. ВЕК ЗЛАТОЙ — П|ОРА О́РА: НОЛЯ, КЕМ ЕСТЬ МАТЬ, ЛОНО ЛОН: ЕДИНИЦЕЮ ИСТИННОЙ, М|ОНА|ДОЮ — ЕСТЬ ОНА.

В очах канувший бренных, скрыт Век корневой сей в Луне как очей горних Явь. В году он — **Лунный День**, клей срединный его, дням всем царь (так, срединна, крепит плоть душа, тайна глаз): год не склеить им — году не быть.

Век Златой, он же Рай — Небеса-на-Земле, Бога Дом, неучастный истории корнь, реки тьмы. Антроп райский, небесно-земной, был **един с Богом** – с тем, в **вере, связи с Творцом,** не нуждался. Попав в реку тьмы, он, зря Бога над нею как Солнце, стал верить в Него: **связь чрез сердце держать, кое Он**. В реке сей утонув — человек стал **безверия раб, атеист**.

17 Ведал это Bull-ga-Cow, Коровы-Тьмы сын, в книге чьей сей стезею возводит Пи|лат|а Христос: в Огнь-Любовь — от лат тьмы, в Суть от корки ее.

Глубь, Любовь нам изведать как Бога (Любовь — Он) — познать смерть свою.

В своем «Мастере и Маргарите» к шести сущим доказательствам бытия Божьего мудрый Булгаков добавляет седьмое, прямейшее: смерть нашу. Грань между Этим и Тем, с**мер**ть тождественна Богу: ведь Грань (**мер**а) сущего — Он, миров К|лей-Столп. С тем, в смерти своей человек единим беспромежно с Создателем: в ней он не просто зрит Бога, но **сам он есть Бог**. О том учит нас «Бардо Тходол» (Книга Мертвых) — наука о том, как использовать нам момент смерти, чтобы не промахнуть его зря, из иллюзии ввергшись в другую иллюзию, а **Гранью как Сутью собственной стать**, тем достигув Конца всех путей, Цели целей. О том же речет Кастанеда, уча о вхождении мага путем Силы в третье внимание — дом **Грани, Меры**, число коей Три.

Смерть есть Бог. Но **Бог — Жизнь**, **Yes vse**'го, Да (**yes** — англ.), коим сущий сущ всяк. Посему-то и доказательство бытия Бога смертью — **седьмое как Жизнь**, смерти Суть, **Sev**en (англ.): Тьма как горний По**сев**.

Смерть — в|ра|та: **в Ра**, Творца (высший Бог, Амон) вход как сам Он. Очи смерти — есть Божьи глаза: **очи Сердца**, ведь Сердце нам — Бог. Глаз Сердечный — Тьмой полон как цельный зрачок (таково око Гостя, космита: Тьма — Мир, чей посол он); глаз умный, наш — полн центром (им-то и зрит), прочим — пуст.

* * *

Истина есть целевая Причина сущего: к ней все стремится, ибо порождено ею, и стремление сущих к ней есть, с тем, Воз|в|Ра|т: в Ра, Творца, поход. Местом же пребыванья Причины, как пунктом конкретным, сакральное знанье зовет **Луну**. Божий престол по Исламу, она — чертог Вести Благой: Гавриил-благовестник — в Писаньях лунит; и Луна — Богородицы лик. В космогонии древних открыто указано, что прямой (действующей) и конечною (целевою) причиной Земли есть Луна; Бог ей с тем и придал близость **шага** от нашей планеты, чтобы показать это явственно. Вывод отсель велик**: Истина, как Суть в сосуде, очам явном, скрыта в Луне, где и до́лжно ее нам искать**. Знатоки вин и женщин французы, велящие как корнь всего, что вершится в миру, искать женщину, ***т.е. Причину***, — тем учат нас искать Луну, Корень наш, древними зримую как квинтессенция Женского начала, Ть|ма-Ма|ть, Лоно лон (с тем, Юнг мыслил Луну как оплот **Под**сознанья, Пещеру: очам полый Шар). Так, Елену ища как корнь розни, **С|ЕЛЕНУ** искали а|хей|цы: Причину, Луну («хей» — Земля, Гея, пара ее). Тьма, по древним, — **Ино**|е, **В|ино**, бог чей есть **Д|ион**|ис — лунный бог (как и **Син** аккадян); Э|л|ев|**син**|ии, праздник его с буйством пьяных **мен**ад — действо **Мен**ы, Луны древних пор. С тем и учат нас предки, что Истина, Мать наша, скрыта в вине: **Вино сущих — Луна, Бога дом; вина́ — Истины глас, в Луне Тьмы**. Э*л|евзин* — Бог (семит. Эль) ***низвел***»: род людской с Луны — на́ Землю, в Дол. Элевсинец Э|схил, Вакха сын, столп трагедии смертный — к Луне, Лон|у с|к|лон (схил — укр.) влекущ; Пир|амид ме́ста имя — «на склоне»: в чертоге Луны, чей плод Сфинкс, дар Атлантов нам.

Некогда Е.П. Блаватская писала резонно, что вопрос происхождения человека имеет простейший ответ: по причинной цепи человек явился на Землю с ближайшего к ней тела — Луны, которая самим своим соседством с Землей являет эту великую роль факела, возжигающего земную жизнь. Отличие моего взгляда на вещи от взгляда Е.П. в одном: причинная цепь у нее многозвенно-наружна, тогда как по древним **Причина — Глубь: То**, с Этим сущее **в связке Контакта — прямой, однозвенной**. Прутков, предлагавший зрить в корнь, рек об этом: ведь **корень есть сущее под землею, Иное, от коего древо растет беспромежно**; поистине, зримое, Это — побег Того, Тайны. Простейший сей взгляд и являет нам сущность Луны как **ворот в Эфир**: Вечность в исконности **Глуби**. Луна, с тем, пуста и полна в одночасье: пуста в очах бренных, как бочка, полна — в горних, вечных очах.

18 Мēn|inx – мозговая оболочка (греч.): корка Глуби Луны, Ум при Сердце, Причине своей.

19 Как Феб Гипер|борей|ский: Луны бог-связной как «над севером сущей» земли (гипер — сверх, Борей — север) — макушки Вселенной, касаньем единой с макушкой Земли: Север-в-север, стык-в-стык. Ведь ма|куш|кой (Ма-Caus' кой: Тьмою, Причиной) едины Луна и Земля, Мир и мы. А|пол|лон, Феб, — пол-Лон|а: в Единство возврат половины его, Сына в Мать, Суть свою. Феб (с Иисусом един: оба — Солнце) — к Луне поводырь по стезе в нее, коей есть Вакх, суть его: **тир**с в Мир, **Три**, бренных Цель. Цель и Мир (Вечность) нам, и Господь, Цель надмирная: Цель бренных — Вечность, ее ж — Бог, Пред|вечный ее. **По|вод|ы**|рь — **по Вод**|е (**water** — англ.), Тьме **в|лек**|ущий **в** Отчизну (нем. **Vater**|**lan**|d), Тьму же, душ **Лек**|аря — в Мир, **Лун**ы **Лан** (поле — укр.) внутрисущий; Вода (aqu|a — лат.) и Вин|о — Тьма едина (вино из воды, чудо Вакха-Христа — явь сему), слуга чей Ак|в|ин|а|т.

[20] Сущих **Цел**ь, Божье **Цел**ое, частей Единство своих, что **цел**ит-**це́л**ит их. Миром, Вечностью бренные целы, Мир — Богом, а Он — Сам Собою; **целен**ье — **Селе́н**ы труд: Глуби, Любви. Мир и зрил Эмпед**ок**л шаром чистой Любви огневым.

[21] Как сме́рть нам, Дом коих есть Жизнь, Высь. О том, кто скончался бесславно — «загнулся» рекут посему.

[22] Муж **Сел**ены-**Лун**ы, **Рун**ы рун, **Щел**и в Господа (руна — рез, в Бога щель; руница — луница, горняя вязь).

[23] Быть над|мен|ным — буквально: над Меной, Луной (Мена — имя у Греков ее) мнить себя: высшим Бога, Причины. На|д|мен|ный — Луною надутый: стар. д|мен|ье — дутьё: Дух как Мена, Луна. Дуть — укр. д|мух|ати: полнить Луной: Мах у Русов, в Авесте — Луна, Маха-Истина голая, сущих-мух Высь-Потолок.

* * *

Чтение моей книги, быть может, оставит у некоторых из вас впечатление моего враждебного отношения к Аристотелю. Коль это случится, спешу сообщить: моя рознь с ним имеет свои границы. Я сердит на него лишь постольку, поскольку он и никто иной — исполнитель утраты людьми солнца Истины; иных причин спорить с ним у меня не было и нет.

Делом главным людей ныне есть вызволенье очей своих от шор Аристотелевой картины мира. Она есть **безглавая Истина: Мир без Творца, без Единства рознь, бренье без Вечности**. Многие признают, что глядят окрест глазами Аристотеля, но мало кто понимает, что между ними и Истиной — бездна, заполнить которую нечем. Истину, взор Бога, бывший когда-то у нас, Аристотель разъял: ведать это — вернуть нам Единство ее.

В мире много машин, нас носящих. Однако имея коней, мы не знаем Пути; пресловутые блага прогресса — палач наш в незнании Блага, что славил Платон.

Люди, цитирующие Аристотелево «Платон мне друг, но истина дороже» (дословно — «еще больший друг»), часто не зрят обмана сей фразы. Конечно, Платон и Аристотель дружили. Но Учитель, каким был Платон Аристотелю — больше, чем друг, и по близости ученику даже больше физического родителя, произведшего его на свет, ибо он есть **Учитель Истины**: в сущности — **богоносец, Всевышнего лик**. Лицемерно снижая Учителя в друга-товарища: Дух в плоть пустую, в тьму Огнь, — Аристотель вершит раскол сего единства: Учитель — в одну сторону, Истина — в другую. Итог розни их — гибель в оке обоих: ведь **в мире людей солнце Истины нам и несет человек**. Посему в древнем знании Истина и Учитель — понятья тождественные: речь одно из них — речь и другое. Разъяв камень сей как Судья, кем взомнил он себя, Аристотель разъял, как мечом, цепь Преемства, несущую Истину нам от Творца чрез людей; с тем, и Истины ныне не зрим мы, лишась сей Главы.

Учение Аристотеля — очки пап: умный взгляд (католичество с его охотой на ведьм и всегдашним фанатизмом — религия Ума, сатанинская: престол не Богочеловека, Христа, но человека — ап. Петра, второго за Иисусом: за Богом второй — Сатана, тень Его). Лев Толстой говорит об Уме Сердца, Слуге, и Уме Ума, эгоисте, забывшем Служить. Се́рдца Ум был Платон, чтивший дело Сократово, а Аристотель, поправший Учителя, был Ум Ума — нечестивец, гордец, лицемер. Увы, именно утверждением этого, себялюбивого Ума, безучастного к Истине, сиречь всеобщим **об|ум|лени|ем человечества**, был средневековый три|ум|ф Аристотеля: именно благодаря ему мир напрочь забыл и о Боге, Родителе сущих (забыли *практически* — не на словах, а на деле), и о Луне, своей горней Отчизне, и о многом ином, о чем знал. Как Ум Ума, Аристотеля можно представить двояко: раскрыть его черную суть, устремив тем людей к Сердцу, корню Ума, — либо воспеть сего мыслителя как царя, достойного поклонения, и напоказ припасть к его стопам. Человечество в массе своей пошло по второму пути: оно, в смысле строгом**, взялось за Ум**, тогда же как следовало — **за Сердце**. Труд мой, Луной полный, и писан к тому, чтобы напомнить людям, за что им поистине нужно держаться: **Огнь-Сердце — Луна в небесах**. **Мен**а Греков, она — тот огонь, на который **меня**емо все (Гераклит рек): на Целое — части его. Книгой своей я не отрицаю Аристотеля, но ставлю на должное место: при Сердце — Ума как слуги при владыке своем.

Философия — это Познание. Но познать нечто нельзя, обезглавив его: познается живое — живым, ибо мертвого — в Вечности нет. Философия Аристотеля и иже с ним — это ученье, приведшее мир к гильотине и Робеспьеру, от коих, струя кровь как воду, течет река казней истории. Взят в себе, Ум делит не для познанья — к убийству; **ЛЮБОМУДРИЕ — НЕ АНАЛИЗ (=Ум), НО СИНТЕЗ: ЭТО ЛЮБОВЬ, ЭТО СЕРДЦЕ, ЭТО ПЛАТОН**, о друзья.

МУДРОСТЬ, ЛЮБОВЬ, ЛЮБОМУДРИЕ

Должные определения

О Мудрости. **Муд-рос-т-ь**, или София — Мать сущих, тождественная Небесам, Лоно наше, **РОС**а душ; от Муд**РОСТ**и — рост наш, в нее как в Исток свой идет любомудр. Мудрость есть Божья Длань: Бог вершит Ею, *мудрый Рукою своей*. Посему Бог и Мудрость — одно как с рукой человек: **мудрый — Дланью богатый, творец**.

О Любви и любомудрии. Древние определяют Любовь как чистое Действие, Творчество в собственном смысле. Бог, сказано в Библии, создал Мир, образ Его, как Любовь от Любви, коей есть сам; творя, Он любил ибо действовал, действовал ибо любил. Действие, учат маги, есть шило Любви — к|рюк-рук|а, на который она как **LOVE**'ц, Дух, цепляет всех сущих: **Закон (law — англ.) мира — Лов** (посему завещал Иисус своим апостолам, некогда рыбакам на озере Генисаретском, быть «ловцами че'**LOVE**'ков»: Любовью ловить как сетями их), или О|хот|а (о-Gott-а): на Истину — наша, ее — на нас, в Лове царящей как **Уд**очка: Тьма, **Уд**, Любви шило (к|лев, Лов|а **уд|а**|ча — ход **к Лев**|ому: к Сердцу, в Тьму). О том рек Н.Ф. Федоров: «Все должны быть познающими и все — предметом знания». С тем, в сей охоте мы, Истины, Тьмы по|л|ов|ины, — ловцы и **дичь**, в чем Справедливость (греч. **Дик**е) Вселенной, **Дек**ады (**Дес**ятки); с сестрой своей Феб, Любви огнь — ловцы оба: Луна и стезя к ней. Отсель

любомудрствовать — стремиться к Мудрости страстно: ловить ее, торя препоны, борясь и побеждая. Поистине, такова философия: это — **ИСКУССТВО ЛОВИТЬ, ИЛЬ ЛЮБИТЬ, ПО-НАСТОЯЩЕМУ**. Сказано у Владимира Высоцкого:

Потому что если не любил — значит, и не жил, и не дышал.

ЛЮБОВЬ, МУДРОСТЬ — ОДНО: БОГ-МА|ТЬ, ТЬ|МА, СУЩИХ ГЛУБЬ.
ФИЛОСОФСТВОВАТЬ, МУДРОСТЬ ЛЮБИТЬ — ЛЮБИТЬ ГЛУБИ СЕБЯ САМОЕ
ЧРЕЗ ПОСРЕДСТВО ЛЮДСКОЕ, УЩЕРБНОЕ: ВЫСИ (ВЕДЬ ГЛУБЬ — ВЫСЬ) — ЧРЕЗ ДОЛ.

О соотношении философии и религии. Строг факт, что при корне своем философия и религия — одно и то же. Откройте сборник древнеиндийской философии — узрите там строки Вед, книги Веры. Философия покоится на Знании, Уме, религия — на Вере, Сердце. Но Сердцем в сути есть обе. Философия есть любомудрие: любовь к Мудрости, высшей ИН-станцией коей есть Бог, сущих Глубь (in — Инь: Тьма, лонный Огнь). Но тогда любомудрием есть и религия: ибо любовь к Богу есть и она. **Философия вычленяется из религии тогда, когда из Сердца вычленяется Ум, ипостась его**. Толстой говорит об Уме Сердца и Уме Ума. **Рел-иг**-ия — это Сердце как должное **Иг**|о нас, бренных, влекущее к Богу по **рел**|ьсам Его. Философия в своем движении к Господу не имеет рельс — она сама творит их, и строительство это успешно в единственном случае: если Ум, которым она является, есть Ум Сердца — Господний Слуга, получающий **знанье в награду за веру свою**.

[24] Плод сего превращения — пресловутый «основной вопрос философии» о том, что́ первично — бытие (Мир) *или* сознание (Очи). Вопрос ложный: ***два сих — одно. Быть есть зриться (= быть в восприятии: лат. esse — percipi); Мир ради глаз сущ, они ж — Мира ради, ведь Мир — Очи***. С подменой Сердца Умом диалектика Божья, Платона наука, сменилась формальною логикой как диалектикой **Ares**'тотеля (также известной под именем **марксистско**-ленинской): закон ***единства*** различия, Бог как союз И — законом единства и борьбы ***противоположностей***, Сатаною как Или: безмирьем — Мир в зрящих очах. ***Диалектика истинна, древняя — Сердца наука: рознь ради Единства; обманная, поздняя — рознь ради розни как вымысл Ума***.

[25] Перенос Истины в несуществованье, суть действия Аристотеля, явило к жизни **мета**|фор|у: Истину, Цель (**мета** — укр.) как бесцелие, явь пустоты. Ею и есть Луна — **мета**|ллический шар, пустой Истиною, Полнотой.

[26] Орихалк — металл-Суть, субстрат грани меж Этим и Тем: огнем зримым (тетраэдр) и тайным, эфиром (шар): Духом надутый азмаз, кристалл чей и ячейка его — синтез сферы с тетраэдром, *семя гречихи*; металл Атлантиды живой, ныне канувший, блеск и электропроводность чьи — плод бытья в нем не свободных носителей Силы (в металле земном — электронов), но **Силы как Сути**: За|ряда без тел, Пустоты.

[27] Труд мой, трактующий о Луне как сосуде Вселенной и Цели людей, в сути прост, столп ему — здравый смысл. Аргументы тому вот:

1. Цель жизни людской есть стяжание Блага: блаженство Пришедшего, где он — достигший Всего: Миром ставший, сплотив Два в Одно. С тем, жизнь нам — поход в Цель: не идущий — не сущий. Пункт нас, не Достигших — не-Благо: Зло, Блага дитя. Благо — Ист|ина: то, что вз|иск|уем ист|цы мы; Зло — Ложь как не-Истина, пара ее. Благо, Истина — Сердце; Зло, Ложь — Ум, второе за ним: за Причиною — Следствие. Благо есть С|частие всех: с Частью — Полность как Сердце с Умом.

2. Поход к Благу — задача конкретная, а не абстрактная, как мнят иные. Поскольку во Благе дух с телом одно (оба — Дух в очах зрячих), лишь в нем сознаём себя цельными мы: вольными от страданья, ущербности; к Цели же этой мы — ведая, нет ли — и идем конкретно, и мыслим конкретно ее как Желанное нам. «Рыба ищет, где глубже», — рекут: Благо внешнему — Глубь.

3. Древние учат нас, что между Злом (заблужденьем) и Благом — один шаг. Поскольку, вселенски взирая, пункт Зла как не-Блага, тьмы глаз, есть Земля, бренный дом наш, — пункт Блага, противный ему, есть Луна, тело в шаге от о́ной. Земля, Зло есть Ложь, Ум; Луна, Благо — Истина, Сердце.

4. Благо есть Полнота: благ вполне — кто, объяв Мир, взошел к его Корню: Творцу, Благу благ. С тем, сосуд Полноты как Вселенной в действительном (горнем, эфирном) понятьи — Луна. Мир, очей зрячих Огнь, сущ внутри нее, Центром имея Творца Мира, Бога, Луны Центр. Очам бренным **Г**лубь, **Г**руз **L**'уны — пустота: зрят навыворот эти пустые. Пуста Полнотой, Луна — коло|кол Бога **(***Бог в коем — **Я**|зык, в ко́ле (круге — стар.) Кол-Ось***)**, звенящий о Тайне. Внелуние как данность бренных, ущербных глаз есть иллюзорная область: мир тьмы-пустоты, тень при Истине как при душе плоть.

5. В признании верности этого истинной целью движения нашего есть Глубь Луны — Сердце, Благо; ступить на Лу|ну и как в Сердце войти — Дело дел для лю|дей. Высадка на Луну, совершенная нами, свершеньем не стала его: ждавши встречи с Умом, сиречь *той же Землею*, — земляне столкнулись с Иным, Сердцем. Волей спаслись они Божьей как чудом: лжи в Истину влезть — угодить в чан огня.

[28] Этому-то преображению согласно учение американского мыслителя Джеймса Дана (1813 – 1895) об энцефалозе, или цефализации (от греч. kephale — голова) — Голове как вершине земной эволюции; в представлении Н.Г. Холодного преображение это есть переход от антропоцентризма как гуманизма в его имманентном, недолжном

понятии к антропокосмизму — единству антропа и Мира, Отчизны его. Гости наши, антропы из Мира, Луны, головастые сути — лик цели движенья сего, Головы; мы — идущие к ней как в Себя самое: втайне Глубь, Мать. Ее мы лелеем в себе как Надежду надежд! Спер|мий Лона сего в трудах жизни — Ма|с|пер|о Га|стон, чтивший Древний Египт, землю Ма|тери, Звезды исканий его (spero — надеюсь (лат.)).

[29] Своим рождением NASA обязано космическому соперничеству с СССР, чьим орудьем и стало оно; цель сей гонки — Луна «наша», первому Приз.

[30] Наг|ота — на́г|а, змей (санскр.): лик Истины, Девы Луны, раз|**дева**|ться мас|так.

[31] Ныне при *разборе* слова его принято делить от части к целому, слово губя *разбираньем* как на бревна дом. В сути, на сем-то зиждется вся современная морфология с ее набором корней как к|лише, по каким умертвляем слова обрубаньем мы вместо того, чтоб изведать живую их сущность, — тогда же как древние, с Миром едины, делили от целого к части, **живительно**. Лишь при таком разделении слово являет нам суть свою: напр., ви-НОГ-рад — ягода, давимая ногами рад|и сока ее. Деля слово от целого, сущностно мы оказываем на него генерализованное (неспецифическое, равное силой ко всем элементам его) давление, **жом**, итог чей — **Сок слов, Истина, Тайна их, ставшая Явью для нас**. Жомом пользовался **Сок**|ра|т, именуя его искусством родовспоможения, **ма**|й|**ев**|тикою как **Материнским Искусством выдавливать из лона глав наших Истину, Плод**; жомом сим по-сократовски пользуюсь я.

[32] В соответствии с этим определением автоэротизм, согласно А.К. Горскому, имеет женскую природу. Как Божья душа, человек — капля Тьмы (Де|**мокр**|ит), самодействье чье в нас, па́ры ищущих, тайно, в Гостях же, послах Тьмы-Воды, гениталий лишенных — явь глаз.

[33] Иосиф Бродский, ссылаясь на Геродота, пишет о предках наших, Скифах: «Одна из наиболее интересных деталей, которая про них известна, — что они находятся в состоянии постоянного изумления перед своим языком». Языку своему изумляясь — дивились Луне они: Сердцу, отколе сошли в мир земной.

[34] Vo|ice, голос (англ.) — «во Ис|е», Иис|усе (мусульм.): в Лозе, Жизни. Сказал Христос: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Иоан. 15:5). Волей вышней, дом жома российский, Институт русского языка РАН носит имя **В.В. Виноградова**.

[35] М|ир|а, Космоса муж, Головы без иного: **Башк**|ир|цев — **ба**|**шк**|а: Голова, Бога шка|ф.

[36] Англ. **Ev**|**e**|n|s — лик Евы (лат. Eve): Луны, Выси-Тьмы, **нега**тивной нам, дольним как чистое Не (en — греч.).

[37] Зинаида — дочь Зевса (греч.): в сути — Афина, дочь **главна** его (в смысле первом, прямом: **головы** его плод как чресл), Матери лик как **Лун**ы, **Лон**а лон.

Путь наш близится к звездному мигу. Наука землян, данник тьмы, сущий в розни с Причиной, стоит у порога Ее. Ибо скоро земляне придут на Луну, и на ней, Абсолюта черте, рознь и дробность — сгорят в сем Огне[1]. Встав пред Богом в немом изумленьи, наука в безбожьи своем падет в прах, не приняв вызов Вечности, — либо, приняв его твердо, вернет древний блеск себе, зря: мертвый мир ее царствия — ложь, ибо сущее живо и корнем имеет Мораль[2]. Ведал это Платон, чтивший Бога как Благо всех благ; ведал Кант, восхищенный моралью внутри нас и небом над нами: двумя как одним; ведал Лем, чьи герои, взыскуя Контакт, лбами врéзались в Истину, Мáть нам.

И вот встреча эта — грядет наяву.

Что сулит нам она? Поглядим![3] Ибо первая встреча с Луной уж была, и земляне бежали смятенно[4]. Второго ж конфуза боятся они, как огня. Лжива с Истиной в розни, наука оправдана тем, что, пустая, не ведает совести. Но жить ей, встретясь с Луной — означает почтить Совесть главной. Забавна уму, ныне наша наука никчемна для сердца. Но выжить ей в лунном прозрении — есть стать полезной ему, познав таинство Слова, где Истина, тщетно искомая ею — сок в сем винограде, давимый наружу чрез жом.

Жомом этим есть книга моя.

---

[1] Луна есть пункт В|с|тре|чи: К|онт|акт Сего с Тем, бренья с Вечностью, Матерью нам, коим мы из руин восставляем Себя как Мир, Целое, Три (Свет-и-Тьму, Два во Боге как Клее их), Всё, бог чей — Пан. В теле нашем Луна — сéрдца суть и мáкушка, чрез кою плоть бренная слита с эфирной основой своей.

[2] Знанья древними истины сей явь — китайский трактат «Гуань-цзы» (VII век до Р.Х.), о воде где читаем: «Вода — это кровь и жизненная энергия земли. Она циркулирует по своим «кровяным сосудам». Поэтому говорится: «Вода — это всеобъемлющий материал». Откуда мы знаем, что именно так обстоит дело? Отвечаем: вода мягкая и чистая, она может смыть с человека грязь. В этом проявляется ее гуманность. На вид вода темная, на деле прозрачная. В этом проявляется ее совершенство... Когда сосуд уже наполнен водой, нельзя будет больше добавлять. В этом проявляется ее справедливость. Вода постоянно течет, а останавливается лишь там, где уже достигнута ровная поверхность. В этом проявляется ее честность. Люди стремятся к возвышению, только вода устремляется вниз. В этом проявляется ее скромность. Скромность является местом пребывания дао и средством государя в управлении страной».

О конечности власти науки в ее аморальности (ведь внеморальное — а(нти)морально) читаем мы: «пока наука, основная созидательная сила современного мира, работает с равным циничным успехом и на разрушение. За это во многом ответствен тот фундаментальный выбор, который господствует в современном мире с его фактическим обожествлением нынешней природной данности человека, его естественных границ, выбор, не дерзающий их раздвигать, т. е. идеал человека, пробующего и утверждающего себя во все измерения и концы своей природы, в том числе темные и демонические», признающиеся одинаково правомочными, идеал, отказывающийся от императива эволюционного восхождения. Научное познание и поиск призваны осуществлять себя в поле нового, активно-эволюционного выбора; в них требуется внести четкий нравственный критерий, высшую цель их усилий. Преобладающее развитие знаний о жизни, биологии, причем ввиду преобразовательно-проективной цели, критерий нравственности, признание высшего регулятивного идеала и служение ему — вот важнейшие черты науки, работающей на сознательный этап эволюции. Ноосферный, космический идеал должен быть раскрыт в такой конкретности, чтобы он мог увлечь действительно всех. Высшим благом нельзя признать просто исследование и бесконечное познание неизвестно для чего или лишь для созидания временного, материального комфорта живущим. Высшим благом может быть только жизнь, причем жизнь в ее духовном цвете, жизнь личностная, сохранение, продление, развитие ее. Такое благо, такая цель и такой предмет касаются всех без изъятия. Поэтому наука, исследование и преобразование мира должны быть всеобщими, делом буквально каждого. Недаром вершиной активно-эволюционной мысли становится персонализм — мморталистический и воскресительный» (С.Г. Семенова. Русский космизм. http://www.sufism.ru/barzah/cosm03.htm). В письме в Шведскую академию по поводу присуждения ему Нобелевской премии по литературе Анри Бергсон писал на сей счет: «Исторический опыт доказал, что технологическое развитие общества не обеспечивает нравственного совершенства живущих в нем людей. Увеличение материальных благ может даже оказаться опасным, если оно не будет сопровождаться соответствующими духовными усилиями».

[3] С Луной встреча нам — с Истиной встреча: признать и предаться — взойти в дом ее, а нет — пасть.

[4] О бегстве сем пишет источник: «В 1971-1972 годах американская печать много писала о широких перспективах, открывающихся в связи с успешными высадками американских астронавтов на Луну, о возможности использования ее в качестве стартовой площадки для полетов к другим планетам, об организации там добычи ценных ископаемых- и даже размещении на Луне ракетных баз. Было официально объявлено, что после полета «Аполлона-17» в том же 1972 году состоятся полеты «Аполлонов» 18, 19 и 20, притом космические корабли с огромными ракетами-носителями «Сат|урн» для них были уже готовы, экипажи укомплектованы и новые места посадок на Луне выбраны. И вдруг все полеты на Луну по программе «Аполлон», в которую было вложено 25 миллиардов долларов, были внезапно прекращены без каких-либо внятных объяснений, а подготовленные для этого пять огромных ракет-носителей «Сатурн» были демонтированы. Так же внезапно прекратились тогда и наши исследования Луны с помощью луноходов. // Объяснить неожиданное принятие такого решения можно только тем, что американские астронавты столкнулись на Луне с чем-то очень важным, вызвавшим их беспокойство» (Засекреченные загадки Луны. http://magika.com.ua/articles/moonsecrets.htm).

ТЕОРИЯ ПОЛЯ
КАК ТРУД ПРОСТОТЫ

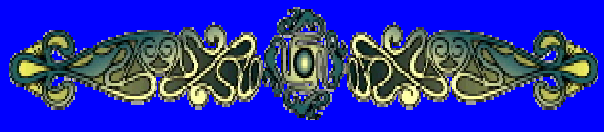
Разгадка созданья Единой теории Поля — Вселенной, Стези Мировой — коренима в посылке простейшей, не зримой науке. Последняя, зря всякий связный объект, хор частей, во Вселенной системой, системы не зрит *во Вселенной само́й, Мире Божьем*: системе систем, многоцентровость чья, очей явь — *тайность центра единого*, с тем — бессистемность ее как *незримость по сути своей*. Трудность эту решил я явлением центра вселенной глаз наших, каким есть *Луна. Древним ве́домый, мертв нам сей огнь, тайна глаз; я — зажег его вновь, вернув должное место — зрачок, центр глаз наших как в сути Луну, Центр всего**.**

**Мир системой признать — почтить
Ось Колеса сего: Го́спода — Глубь Луны,
Полность, что мним мы дырой.
Колесу ось — оплот: с Богом Мир —
Мир, без Бога — ничто.**

---

*Дом землян и оплот, Земля — первое нам; Луна, спутник — второе;
в сем мире очей, корку чтящих, В|тор|ое — Центр: Суть, в кою до́лжно торить.
Торить — в|то́рить: так, вторя, торит капля камнь.

**Очи и Мир— пара-Суть: Мир очей ради сущ, очи — Мира;
очей центр, зрачок — центр вселенский, Луна.



ПРЕГРАДА К СОЗДАНЬЮ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ ПОЛЯ, ТРУДОМ ОДОЛЕННАЯ СИМ

Теория Мира как Поля полей, Стези к Богу,
есть труд Полноты и сама Полнота.
Частью Целое не охватить, бренным оком
как физикой, бренья наукой (как дал нам ее
Аристотель, Платона поправ как Ум Сердце,
часть Полность) — Всего не объять, кое — Вечность,
несущая бренье в себе как свой внутренний плод,
что и есть — коль поко́рен сосуду сему,
и не есть — коль владеть жаждет им[*].

Зримый мир, Это, с физикой, бренья стезей —
полумирье как тело без сути своей, головы;
мир незримый очам бренным, То, — Вечность,
Суть как Вселенная вся: половина как Целое,
Телу глава. Слово — сосуд его, ей согласный:
как в я′God′е сок, сущ в нем Мир, сущ Бог в нем:
Глубь как Сердце, что мыслит Себя.
Зная то, жомом я из словес
как сок сей выжал Мир: Тьму, Вес их.
С|тя|ж|ать Истину эту — жать Тяжесть
сию, выжимать в круг очей.

---

[*] Чистый абсурд посему — молчаливо лелеемое мирской наукою мнение о возможности создания полного в своей однократности миропредставления постепенным (количественным) объединеньем известных нам видов **физических** взаимодействий — вначале двух (так якобы объединила электромагнитное и слабое взаимодействия теория Глэшоу — Вайнберга — Са|лам|а), далее трех и, наконец, четырех: обращения полноты частей, **общего** — в Целого полность, **Единство**. О нет же: не целое обретает себя через части, но части — чрез целое, сущее прежде них: нет его — им не сойтись. В знаньи этого четыре сущих взаимодействия есть не части Монады единого Поля, куски ее, — но *страны* сего Единства, не сущие без его первенства. Величье ОТО А. Эйнштейна в том и заключается, что тяготенье и свет, слиты ею — не две части (четверти) Поля как механически вычлененные из него гравитационная и электромагнитная составные, а **единый в единстве их Мир, Тьма-Свет**, где Тьма довлеет над Светом и властвует им как То Этим, Жена Мужем, Сердце Умом. С тем, согласно ведической максиме «Я есть То», ОТО — теорья **О ТО**'м, нас влекущая к знанью Себя.

О ДУХЕ ТРУДА

Дух труда сего — бой фарисейству
беде людей древней, тьме глаз. Фарисейство
есть Бог напоказ: Глубь наружу, рознь слова и дела
как сути его. Слово было вначале: у Бога и Бог, — речет
Библия. Чýжд ей хвалящий впустую Творца — молвью
праздной. Так вор, помоливши усердно, крадет кошелек.
Так ученый, крестом осенясь, грезит Мир без Оси сей
святой. Так Ньютóн и Эйнштейн Бога чтили досужно,
в трудах — утаив. Их попытки явить очам Мир
провалились: то пал фарисей, Мир не зрящий чрез Слово,
сосуд Полноты этой: в слове пустом, где скрыт Бог —
нет ее. Фарисей — Арес: Муж-эгоист, Жену скрывший
как Длань Божью, Действие — словом пустым.
Так сокрыл Аристотель Платона: безлунье —
Латону-Луну, утонувшу в очах, чуждых ей.

Слово было вначале. Начало же — вечное Ныне:
исток — новь реки. Слово было у Бога и Бог — ибо
éсть у Него и éсть Он. Ведать Бога — знать Слово.
О Слове — труд мой. Слово — Бог: Господь, Благо-Глагол,
Голова-Ловец; Слово — и Мир как Второе, у Бога: Дитя,
Плод. Речь — с Истиной встреча; знать Слово —
Причину знать; зная Ее — знаем всё. Вот соль книги сей:
Бог, в ней не спрятан — Ось Мира на месте Своем.
С тем и Мир, Колесо, на Столпе сем вертясь,
вновь становится Миром, восстав из руин
глаз пустых как Структура и Цельность,
какой есть всегда как творенье Его.

О МЕТОДЕ ТРУДА

Метод мой, нож к Познанью, есть жом Речи ровный[1]*,*
делящий не где нам взбредется, но где даст она[2] *как Тьма,*
Столп наш, к познанью единства Ее: ведь Речь — Тьма.
Так, ища брешь врага, бьет меч всюду; так точит всеместно
запруду вода ради щели ничтожной; так с силой, единой плодам,
жмут их сок. Речь с Вином, Вак[3] *и Вакх — Тьма одна*[4]*: Бог и Мир,*
Цель и Путь как единая Истина, сущих Предмет, и согласье с ней,
Мудрость; отсель — Речи жом как Вина, коим е́сть она.
Вакх — Бак (Бакхий — он) — Бак, Чан бродильный Вина-Жены.
Да'VIT'ь — вить Да: Тайну, Истину-Нить; по'VIVA'ти:
Плод жать изнутри по-сократовски. С тем, без вина — нем род наш,
как без Истины — мертв-неродящ; вина выпить — язык
развязать нам как Глубь самое. Вак (Вач) как Сарасвати, Река-Речь —
Во|да как Вино (посему воду сделал вином Вакх, за ним — Иисус);
ви́на, Вак инструмент[5] *— Вина́, Тьмы глас. Трагедия, песня Козла,*
слову бренных начальная[6] *— Вакх, Caus'ел. Речь-Вино — Тьма,*
Жизнь-S|eve|n, Звено. Им, к театру пришедших его, Дионис
спряг Платона с Сократом в цепь Знанья.

Речь — Тьма, Вино вин; Луна — бочка ее; Вина полн,
сосуд сей ценой равен ему[7]*. Тьма, Вино есть сок Ра, Бога, сущий*
в Луне, Ви|ног|ради|не Божьей как Я'God'е, Слове; давильщик его есть
Сок|Ра|т, ви|но|ч|ер|пий сей бочки, Селены-Латоны веселый силен[8]*,*
ее в танце месящ волей Тьмы[9]*. Так чрез ноги людей Месящ,*
Истина месит себя самое: обресть — выжать из недр.

Смысл всего в труде этом один лишь — прямой:
с Я|мой, Глубью, согласный вовек;
переносный, кривой — не сущ Истины ради:
Столпа, коим есть она, Тьма-Прямизна.

---

[1] Но|ж, как резанье, — жом: ре|жем — давим но|ж|ом, жмем-торим; «серп» навыворот — «прес|с»; жать — ст|Я|жать как срезáть, по|жин|а|ть Тьму, Жен|у сер|пом Тьмы ж, коя го|нит (жене́ — укр.) круг бренный: Луны, Се|р|еб|ра. Жом как нож — Грани поиск как Бога, Причины Всего, кое Мир. Мир — Всевышним един; грани в Мире — не рознь, но Единство: ступени, чтоб ими взошли к Богу мы, в Мира Грань и Себя Самого.

[2] Рвется — тонкое волей Творца. Как квант Тьмы (ведь Тьма — Бог), слово учит делить от себя как монады, от целого — к части. Так в имени Тьмы «ви**но**|**г**рад» зрим пресс древний мы (п|рес|с — рез, нож) — ног|и, давящи вино: ви|ног|рад — сущий но́г рад|и; в слове «р|**ебён**|ок» — со|ит|ье, чей плод есть д|и|т|я: со|ч|ет|аться, е|т|й — в|с|тре|чь ит|ти, творя тр|**е**|**ть**|е из двух; в слове «**пра**|**щур**» — «ращу́»: предки — корень, мы — побег, им стремимый из Тьмы в бренный свет.

[3] Вак (санскр. वाच्, vāc, букв. «речь», «слово») — индийская речи богиня и речь сама. Вак как Река, речи суть — Сарасвати, Река и Реки госпожа.

[4] **Н**, h – буква пустая: **Н**оль как **Н**е-Число, корень Числа и всего ряда чисел. Вакх — «вах», междометье **груз**|ин: к Вину, Мудрости зов, коя **Груз** наш благой.

[5] Вина, или Сарасвати вина – щипковый (плекторный) музыкальный инструмент, на котором играет Сарасвати, она же Вак.

[6] От трагедии происходит комедия, от комедии — проза, не-стих.

[7] Бог Луны Сома, похищенный гандхарвами, был возвращен богам и риши в обмен на Вак (как равноценное ему) по ее собственному предложению.

[8] В смысле собственном имени сего — кормилец, воспитатель и наставник Диониса-Вакха (по сути — Тьма-Мать как Луна самое, сын чей Вакх, **мена**д царь), при нем бывший в походах; в понятии нарицательном — пьяный спутник Вакха, круглоглавый, плешивый и пузатый. Сущностное единство и внешнее сходство с силеном Сократа древние (меж них Платон) отмечали не раз.

[9] Попиранье Луны как жом С**ока** ее — танца суть, учит коей нас Мать. Рек о том Иоанн так: «…явилось на небе великое зна**мен**ие: жена, облечённая в солнце [Мать, Сердце — в Ум — *Авт.*]; *под ногами её луна*, и на главе её венец из двенадцати звёзд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения» (Откр. 12:1-2, курсив наш).

О ЯЗЫКЕ ТРУДА

Речь сей книги — вода, что теченьем
Вселенной согласна, Реке Божьей[1]: Целому —
часть. «Я реку́» — Ре́ку чту, ею полнясь; глаголить —
течь в ней меж таких же как сам, лить глагол
как себя, каплю вод. С тем, течет речь моя
Миру в лад; по-иному писать — не могу[2].
Речь, Река — Мать одна: Лоно лон сущих, Мир;
хвала Матери, Миру хвала — слог речной:
Тьмы печать, Ге|рак|лит|ом носима, Реки
сей певцом[3], с ним — и мной: ведь пою
Реку ту ж. Из Тьмы, Речи отлит,
человек есть река[4]. Зная речь,
себя ведаем мы.

---

[1] Вода Божья, Речь — Рез: Тьма как Нож; язык, речь неся — остр посему.

[2] Рекой есть речь любая, — но в тайне глаз бренных как Вечность, что им не видна; язык мой — Реки сей явный вид ак **души нагой зримость**, воды от Воды Мировой. Реки-Речи явь нам — пов|тор слова: поток как лик сути его. Так в повторе Тьма (…Ть|**маТь**|ма…) — Мать, Ло́но лон; Адам (…А|**дамА**|дам…) — Да|ма, Ма|ть та ж, Сын чей он.

Речь живая, текучая наша — песнь-стих. Лил ее Гераклит, лил Лукреций. Речь ту ж имел Бергсон, на чьем погребеньи рек П. Валери: «Той порой как философы, начиная с XVIII в., находились большей частью под влиянием физико-механистических концепций, наш знаменитый собрат позволил, к счастью, увлечь себя наукам о жизни. Его вдохновляла биология. (…) Подлинное значение философии — только в том, чтобы обратить мышление на себя самого. Это усилие требует от того, кто стремится его описать (...), особого подхода и даже изобретения подходящей для этой цели особой манеры выражения, так как язык иссякает вблизи от своего собственного источника. Именно здесь проявилась вся мощь гения Бергсона. Он дерзнул позаимствовать у поэзии ее волшебное оружие и соединил силу поэзии со строгостью, от которой не терпит отклонения дух, вскормленный точными науками».

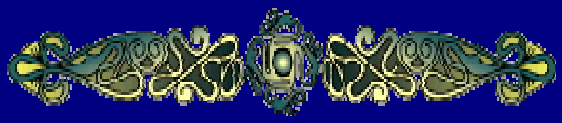
Начиная писать свою книгу, я делал это обычным, единственным той порой для меня языком. Но в 1998 году с ним что-то стало твориться: точно взбунтовавшись против своего носителя, он стал меняться в текучую речь, **песне-стих**, став с годами таким, каков ныне. Лишь много поздней понял я происшедшее: язык мой стал **водяным**, точно речь Гераклита, за кою бранил его Аристотель, не могший понять за отсутствием у Гераклита запятых, что к чему в ней относится. Ведь в лике Мира, Реки, мужа этого речи (о Мире рекущий — и речью своей — Мир), всё слито со всем, как и рек Гераклит о том, — но, Мир разъяв, Аристотель не мог понять цельности сей. Таким образом, из языка Ума, Аристотеля, коим писал я, стихийно возник **язык Сердца**, соткавший всю книгу: другой — ей недолжен **по сути сердечной ее**. Язык этот не есть плод технических (= умных) усилий: он льется вовне сам, но мед|ленно-трудно, как мед чрез игольный просвет.

[3] **Рек**а с током воз|в|**Ра**|тным, цикличная, Мир — **Рак**, **Шар** эфира (огня в тайне бренных очей, сути **пят**ой), что **пят**ится к Богу за **шаг** от Него.

[4] «Человек прочнее скалы, я бы сравнил его с рекой, — писал В.Ф. Купревич, — воды в ней меняются, а река остается все та же».

О СОСТАВЕ ТРУДА

Камни Прошлого — стезя в Грядущее нам,
сказал Рерих[1]. Сей книги состав — камней
этих мозаика[2]: путь в Высь, Грядущее
наше — в Цель бренных, Луну, Бога дом.
К ней взойти — долг наш:
зная иль нет, всяк из нас — альпинист:
Бога ратник, стяжатель Луны[3].



[1] Roe|rich (англ.): по сути фамилии сей — «тот, кто **рое**т в **Бог**атство», Луну.
[2] Mo|sai'ка эта — Бог (sai) и Мать (mos): Тьма, себя познать нам дающа в награду за поиск Ее.
[3] **Аль**п**ин**ист — имя-явь сему: «аль» — Бог, **В**|**ер**ш**ин**а в Луне как **Ал**лах мусульман.

О ТЕХ, ДЛЯ КОГО ПИСАН ТРУД

Кончив книгу, в попытках явить ее людям
столкнулся я с ленью умов, с безразличием.
Физик сказал, глянув труд мой: не физика это —
ищите философа; тот — послал к физику:
«Поле — их профиль!». Так физик философа
праздностью чтил, а тот физика счастьем
отделаться; так чтили оба бездельем Мир.

О, звездочеты, звезд чуждые! Племя бескрылое!
Вам, раскромсавшим на части Познанье,
как рвет зайца волк, скажу та́к я: не Истины
ищете вы, но покоя и бренных удобств;
оседлавшим кусок — Полнота не нужна!
Посему не для физика как только физика,
не для философа как лишь философа
*писан мой труд — трутни оба они**, —
но для жаждущих Знать.
В них — надежда моя.

---

* О них-то, кичащихся «профилем узким» своим как **незнанием Мира**, с иронией мудрой сказал Генрих Лихтенберг: «Кто хорошо знает одну только химию, тот и ее знает недостаточно». «Не тот глуп, кто не знает, но тот, кто знать не хочет», — рек Сковорода, к Богу шедший тернистым путем.

ВИНОГРАД РЕЧИ НАШЕЙ
И ГОРНЕЕ ЗНАНЬЕ, ВИНО ИЗ НЕГО

Темы книги:

Луна: солнце Любви, дверь в Любовь
Бог и Мир, Царь и царство Его: Глубь Луны, се́рдца Глубь
Век Златой, Мир-Луна
Мать Корова и Сын, Бык
Землянин-антроп и Народ Мировой: суть одна
Антроп лунный, Гость наш
Шлях Любви: Млечный Мост, Путь Дождя
Ме́рлин, ключник Луны, и ключ к ней Джей Ф. Кей
Вязь Тьмы: Руны и Юс
Ум и Сердце: слуга и владыка его
«И» и «или»: Единство и Рознь и законы их
Мир: зрячим — Твердь, прах — очам без Любви
Миф с очами его и Гомер, личность-Миф
Лунный День, го́да Клей
Боги и герои
От Неба чрез Север. Генезис Землян
Скифы, племя с Луны, народ-корнь
Атлантида: Луна на Земле, Луна в небе ее
Златой Век и история: Огнь-Мать и тень от него
Портал Тьмы. Пирамиды и Сфинкс
Вакх и Феб: Суть и корка ее
Ум Ума и Ум Сердца: Диавол как Зло и Добро
Сыны Матери, братья родные: Диавол, Адам, Иисус
Бог-Отец: Сатана, скрывший Мать в век Ума
Католичество и Православие: Дьявол и Бог
«Код да Винчи»: масонский кинжал миру в грудь
Две реки, Жизнь и смерть. Гераклит и Кратил
Чтивший Огнь, изменивший Огню. Пифагор
Агнцы Тьмы Иисус и Сократ
Ум-и-Сердце, сплав-Мир: Парменид и Зенон
Платон и Аристотель: единство и рознь их
Кирилл и Мефодий: власть букв, Духу склеп
Эхнатон и Владимир: Ум, свергнувший Сердце
Двуглавый Орел и Москва, град его
Сто и Со́рок: число Полноты и ключ к ней
Число Пи: Мир-Брильянт и оправа его, зрачок наш
Орихалк, металл-Мать
Контакт: суть и условья его
Челн Антропов, машина Любви

40 лет назад,
в пору штурма Луны
и геройской по смелости высадки*
на ее поверхность, человечество прикоснулось
к великой загадке: Луна, солнце ночи —
пустая внутри. Когда огнь земных сопел
*ударил в нее, сталось диво: Луна зазвенела как колокол**.*
Но и поныне еще, чу́жды Неба, земляне не зрят:
пустота в Луне — есть Полнота, по какой мы томимся,
разгадка всех тайн, что тревожат издре́вле людей,
всего прежде — их собственной. Звон из Луны —
Мира бла́говест, глас Божий; колокол Вечности,
Лунный — звонит по тебе, человек! Пленник тьмы,
ты, что мешкаешь в бренном мешке
глаз пустых, знай: Луна — Дом родной твой,
в Луну путь — Стезя для тебя.
О Луне неизвестной досель,
о Луне как очей зрячих Истине —
речь в моей книге.

---

* Смерти сродный, ге|р|ой в сути слова — «рой в Нег»: Тьму, Луну, Глубь гл**убе́й**.

** Пустотелость Луны, обнаруженная по продолжительным колебаниям планеты, возникшим от старта с нее и последующего падения на ее поверхность лунной кабины «Аполлона-12», столь *потрясла* и заинтриговала американцев, что во все дальнейшие полеты Лунной Миссии они специально толкали к Луне последнюю ступень носителя «Сатурн-5», выводящую корабль на лунную трассу, чтобы ударить ею в Луну и послушать звон этого колокола. Так, в своде главных задач экспедиции «Аполлона-14» четко означена «*организация* падения на Луну последней ступени ракеты-носителя и использованной взлётной ступени лунного модуля»; о последней ступени носителя «Аполлона-17» в отчете NASA с бесстрастием зоркого Аргуса сообщается, что 10 декабря 1972 года в 20:32:42.3 она врезалась в лунную поверхность на скорости в 2,55 км/с. Вызов и доскональное изучение сейсмоотдачи Луны стали главной — настырною, *острой* — задачею Миссии с поры названного открытия, задачей, для решения которой были с холодной дотошностью одержимого перебраны *все возможные средства*. Имеются данные, что по горячим следам своего открытия NASA отправило на Луну компактный ядерный заряд для подрыва, однако взрыв (или подрыв сторонней силой) на борту корабля кислородного баллона помешал землянам осквернить лицо Луны. Известно, что планы осуществления на Луне ядерного взрыва вынашивал и Никита Хрущев. Ясно всякому: сбросить бомбу на Луну — дело не из дешевых; к тому ж, если речь идет об испытаньях оружия, о демонстрации силы потенциальному противнику — ме́ста сему довольно и на Земле. Что же тогда побуждало советского лидера к трудному предприятию? Мыслю, одно: обладание из агентурных источников информацией о сделанном NASA открытии. Реакцию на него Никиты Сергеевича (коль скоро догадки мои верны) не объяснить ни научными, ни военно-стратегическими интересами СССР — дело здесь в обстоятельстве высшего свойства. **Бить в лунный колокол жаждали все, ведь ответа на эти удары ждала душа землян**. Так, Луну сотрясая, трясли мы себя, чтоб явить Бога, Суть нашу: Столп, что шатать не дано никому, Ось Луны, сердца нашего Ось.

Если у тебя спрошено будет: что полезнее,
солнце или месяц? — ответствуй: месяц.
Ибо солнце светит днем, когда
и без того светло, а месяц — ночью!

Козьма Прутков

Друзья!

Я — Олег Ермаков, уроженец России, живущий в Киеве. Украина — второй мой дом, который люблю я не меньше первого.

В апреле 2009 года я завершил главный труд своей жизни — книгу «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», открытья которой рассматриваю не столько как личное богатство, сколько как достояние всей земной цивилизации и плод ее упорного хода стезей Познания.

Суть книги — в простом прозрении, явившем мне ошибку Коперника. Поместив в центр системы окольных Земле планет Солнце, заменою этой лишил он и эту систему, и мать систем сущих, Вселенную истинного центра, каким есть не Солнце, а Луна. Знал его как столп свой древний мир, но с поры Аристотеля, очи смежившего нам, Луна в них превратилась в мертвый камень, — тогда как поистине она есть сама Жизнь: шар-Огнь, голая Вечность.

Им сущ мир! Трав рост в росный час — от него. Им тверд фалл, Жизни жезл приливнóй; в сне растя, дитя бодро Луной: Сон — она, Sun, Корнь в'sun'утых в бренье — Сансару, круг лунный. Лишен Луны, Мир стал в очах колесом без оси, прахом Сути, что Сутью мнят люди. Вернув Луне должное место ее, тем вернул я и зримую цельность, и истинный ход колесу сему — и тайны его открылись.

Узнайте и вы их разгадки, прочтя мой труд! Им чту я истину: смертные, мы бренья дети, тогда как Мир — вечен. Отсюда любая теория Мира, плод умный, не явит его, с ним разъятая смертью, чей кокон нам дом и тюрьма. С тем, создать нам Теорию Мира как Поля (Стези, коей к Богу идем*, и Простора, где сущи) — есть смертность превысить свою, на Мир глянув очами его же. То — очи Луны, очей бóльшие солнца, горящего смертным. Они — очи мертвых: ведь бренность превысивший — бренному мертв как прешедший грань. То — очи мудрых людей: телом бренных и вечных очьми; очи смерти, они — очи сна, меж собою единых: сон есть смерть на время, смерть — сон навсегда. Плод глаз этих есть книга моя. Сказал Гете:

Повсюду Вечность шевелится,
И все к небытию стремится,
Чтоб быть причастным бытию

— ибо части причастны чрез Целое мы. Так окружности точки едины чрез центр ее. Так в Боге, Центре всего, человеки — одно.

Олег Ермаков

---

* С-тез-я — «С Теос|ом я»: Богу пара — Мир, Плод, лодка при Кормчем сем.

СТЕРТЫЙ БОГ

Письмо слугам чистой науки, хранящим ее от Творца[1]

...Ваша работа частично имеет
мистически-религиозный характер,
что сразу ставит ее в стороне от науки,
поскольку подобные вопросы не являются
предметом научных исследований.

Из рецензии на мой труд экспертной группы
Института астрономии РАН (ИНАСАН)

Милостивые господа ученые!

Труд, идущий за этим письмом, создан мной ради блага людей и Вселенной, их Матери. Но всякий раз, когда я приношу его вам, вы смеетесь над ним по одной лишь причине: Столп Мира в нем — Бог.

Вам, в век сей часто набожным, мил Господь в храме в час праздный, но чужд в ваших умных трудах. Ибо Бог вам одно, а наука (суть жизнь: ибо ею живете) — другое: безделье и дело, два в розни. Рознь эта — очей рознь, пожравшая Мир; смерть Познанья — с Причиной, Всевышним разрыв.

С Богом наше единство есть ве́денье: Богом веде́ние нас, слитых с Ним; рознь с Ним — знанье, наука мирская, и вера, столп ей, с Богом связь: нет ее — знанья нет[2]. Без Истока, Творца — нет реки, Мира, с тем — нет науки, картины его в очах бренных; наука, за грань не стремясь, Высь не чтя как корнь свой — имманентному песнь, безысходность. Науку о Мире исконную, цельну как Мир, Аристотель разъял: мечом Ареса, Зла он отсек Бога, голову тела сего, и, в неважность сведя (как То, Даль: метафизику, после-науку[3]), швырнул в прах истории. Тело, в безглавии этом погибшее, вы и зовете наукой, служа коей, чистой безбожьем, отняли у ней шанс ожить.

Так проснитесь! Чтя Истину, знайте вовек: нет науки без Бога, ведь Истина — Он. Бросьте ж труп, чьи вы слуги — служи́те живому! Живыми и станете вы с Богом, Сутью своей, без которой — мертвы.

Олег Ермаков

---

[1] Безбожьем чиста своим, наука эта есть разум по-кантовски чистый, пустой: Ум без Сердца, без Истины Ложь, без Огня тень его.

[2] Знанье — Ум, вера — Сердце. Безверие есть рак ума — нигилизм, знанья смерть: без Ума Сердце — Сердце, без Сердца Ум — нуль. От **сар**комы сей сгинул Ба'**sar**'ов тургеневский, в чем его драма: жить — верить.

[3] Явленье ее Андроником Родосским по смерти Аристотеля было прижизненно приготовлено последним, посредством ментальной «зонной плавки» изгнавшим на край тела Знанья все большее бренья, чтоб край сей отъять как неважное. Противоположение физики и метафизики, свершенное так, есть губящее в очах Истину деленье древней Науки, тождественной Миру как Книге всех книг, на науку (по имени физика: у Стагирита — наука Сего, части, мнимой им Целым: Ум — за́ Сердце) и не-науку (по имени метафизика: Целого, В|сего наука под зримостью части): сверженье Творца.

ПОТОМУ
ЧТО ПОТОМУ

О том, какие заблуждения приписывает мне официальная наука, доказывая, что труд мой напрасен

Эти строки пишу я не слугам безбожной науки, стези эгоизма. Не к ним моя речь — к тем, в ком жив голос Истины, кто, презрев догму, взыскует Высь сам. Мысль о том, что Луна есть центр мира, проста и стара. Но науке — чужда она как солнце льду: лжи растаять — пропáсть.

Истина, Полность совсем не нужна науке, с начальной поры своей опирающейся на бреннозримый мир как безголовую, т.е. лишенную мира Иного Вселенную — на следствие без Причины: пол-Мира без Мира, без Целого часть. Следствье то же пустое есть Целое без П**рост**оты — Мир без Бога (рознь с коим наука таит, атеичная делом, а не на словах): без Родителя плод — ничто. Истина — гибель науке, поскольку одним лишь явленьем своим, как Причина, она обращает ее в нуль: так солнце весной топит снег. Посему суть бурленья науки — стремленье самосохраниться, в наружности зримое как Аристотелева жгучая страсть к классификаторству, сводящему изученье предмета к унылой триаде: присвоить ярлык ему, присовокупить к предметам того же, как мнится науке, достоинства и позабыть — до поры иль совсем. Но навесить ярлык — тоже труд, а трудиться наука не любит. С тем, камень, разъятый на тьму **дис**|ци|плин (тело ж Знанья — едино как Мир, монолитный Предмет его), она стремится совсем улизнуть от оценки, прибегнувши к двум аргументам: 1) это не та наука, которой мы занимаемся («У вас, батенька, физика, а мы, вишь, биологи. Не наш это профиль!»); 2) это вообще не наука, а оккультизм, метафизика, мистика и прочее, по умолчанию полагаемое не стóящим взора солидного человека.

С первым пунктом все ясно. Второй же нуждается в рассмотрении. Ниже в порядке его я даю все попреки науки, которыми в разное время была обоснована ложность и праздность моей работы, с раскрытьем их сущности, дабы цена их была ясна всем и все зрили, каким ужом вьется наука, спасаясь от Истины. Вот копья эти по пунктам:

1. Неприятие Слова как корня открытий сей книги. Причина ему есть незнанье науки, о каком Слове идет речь. Слово, зримое ею, феноменально-наружно, с тем — пусто как глас фарисея, рознь с действием. Слово же, чтимое мной — слово-ноумен, чуждое бренным ушам как Глубь, Тьма-Мать. Незримо науки очам, оно строго тождественно действию, Делу как пр**акт**ике сущих, подмоги вовне не ища как ***прямая явь Истины*** — **Делань**е: **Длань** Божья, Мать. Это именно то движущее горами слово, каким наделен, по Христу, человек с верой размером с горчичное зерно: ***Слово как Луна, сосуд Истины, Бога, и Бог***. С**лов**ом сим Иисус, Тьмой **силен**, звал **лов**ить че**лове**ков как сетью: **Лю**|**бо**|вь, **Love** (англ.) — сеть сия. Словом этим Сократ, ликом схожий с **силен**ом **Селе́н**ы сын, вел этот лов. Слово это согласно числу, По**лно**те, а мирское (= научное) — цифре (пустышка — араб.), его корке бессутней. Вино, Дионис (сви́та чья есть силен) есть и Слово: **Вак** — **Вак**х; ***познать Истину — выжать ее из Луны как из Слова всех слов, Ви|ног|ради|ны Божией*** (см. книгу). Слово не чтя как сосуд Полноты, Тьмы сосуд, тем наука себя отрицает, зря слово свое — пустотой, тьмой без Тьмы, коей и есть оно.

Непонимание сущности жома как метода извлечения Истины из Слова влечет многие колкости и попреки в мой адрес. Пеняют мне так за отсутствие формул в труде моем. Вот ответ одному астроному, написанный мной на сей счет:

Почтенный Владимир,

Ваше огорчение отсутствием в моем труде математических формул сразило меня своей странностью. Дело даже не том, что Вы не поняли жом, метод моей работы. Дело в обыденном здравом смысле, встретить который я жаждал у Вас. Вы ведь астроном и, как профессионал, отлично знаете: ни у Федорова, ни у Циолковского (кроме, быть может, его прикладных работ по проблеме реактивного движения), ни у

Вернадского, ни у иных столпов космизма (к нему-то ведь относима моя работа) в трудах формул нет, и причина тому проста: формулой, т.е. неким ***сосудом идеи****, есть* ***весь труд как целое****. Фор-мула – буквально «сумка для (for — англ.) корня» (санскр.* ***мула****); с|****ум****|кой этою —* ***Ум****ом для Сердца в понятии чистом — есть зримый строй всего труда, всякий раз уникальный. Так было всегда, и никто в наши дни не пеняет Сократу за то, что свои мысли он не облек в интегралы: мы понимаем и чтим их без того. Утверждение Коперника о центральности Солнца в миропорядке также не опирается на формулы, поскольку* ***само есть формула*** *— и какая! При всей сложности математики, аппарат ее вспомогателен в теории Эйнштейна, опорное уравнение которой имеет простейший, убогий в очах математики вид, выражающий мысль об эквивалентности вещества и Энергии на платформе Энергии (сторона коей, левая в уравнении — Сердца, Причины лик) и трансцендентности последней веществу, мысль, для выражения которой довольно лишь слов. И наконец: какой бы ни была теория, при жестком императиве освободить ее от слов* ***либо*** *от математики пожертвовать пришлось бы математикой: ибо слова* ***дают*** *понимание, а математика* ***подкрепляет*** *его. Думаю, это не вызывает сомнений у Вас?*

Таким образом, смысл теории глубже письма ее и самовластно творит его как Тайна орудие своего проявления. Смысл же (мула, основа) труда моего безотносительно к его сумке (оставим в покое тару) предельно прост: я утверждаю, что центральное положение в зрительно-данной нам Вселенной занимает Луна. Какие еще крючки нужны для того, чтобы сделать понятнее эту простую, как воздух, мысль?

Вы пишете, что труд мой, увы и ах, духовен, т.е. вульгарно попахивает ладаном, а Вы занимаетесь наукой конкретной, ***практической****. Однако не премину здесь напомнить, что слово «****тео****рия» исходит от греческого Теос, Бог: Корнь корней, Мула мул. В этом смысле все без исключения теории, с крючками или без, суть духовные (= богосущные) тела для души как очей человека к раскрытию их. Что же до Неба, служителем коего Вы являетесь, то в основе своей оно есть чистый Дух, Опора сущих. Что может быть более практического, чем Она, коль скоро о****пир****аться на Нее нам — есть жить? Не ища этот Столп, в небо бéз толку пялиться: что разглядишь?*

2. Опора труда моего на веру, а не на знание как спепота глаз моих. Под знанием наука, льстя себе, понимает открытые очи людей, а под верой — закрытые, любя глаголить о вере слепой. Истина же в том, что знанье и вера, едины вовек, соотносятся как Ум и Сердце, иль следствие и П**рич**ина, а посему ***знанья без веры — не существует***. Открытые очи ума, знанье наше — ничто без отверстых глаз Сердца, какими есть вера (**от**|**вер**|стость — **от вер**ы исход, плод); слепая же вера — химера, идущая от того, что Уму нарциссичному — Уму Ума, речет Лев Толстой, — Сердце незримо, а значит, и очи его, отворенные в Мир, не видны. Слепая вера есть вера в Ум, тьму как смежитель очей; вера зрящая есть вера в Сердце, Огнь глаз, отворитель их. Лишь вера — столп т**вер**дый нам: на ней стоя, стоим мы на Боге, звеном связи с Кем есть она; безверие же есть наихудшая из вер — вера в ничто, нигилизм. Веру в людях

убил Аристотель, отъяв зримый мир от Причины; Декарт, сего мужа преемник, познанью столпом взял сомнение — треснутый камнь. Фейербах говорит о том:

Способ, которым Декарт выражает и представляет свои сомнения, очень нефилософский, и основания его сомнения, очевидно, очень слабы. А последнее основание сомнения показывает немалую слабость и непоследовательность. Как мог Декарт считать старое мнение о всемогущем боге основой сомнения? Мнение, о котором он даже не знает, истинно оно или нет? Ведь он должен был истребить в себе это мнение, поскольку оно только мнение.

Л. Фейербах. История философии. Том I. Ренэ Декарт. 55. Сомнение как начало философии

3. Мистицизм, метафизика и прочий дурман взамен науке. Подменою этой поистине — есть мир Причины, корнь зримого. Наука борется с ним как пустая (лишенная веры, единства) часть с Целым; то же, что это Великое она объявила дурманом, дало почву злу угнездиться под маской его. Так Живое, что мертвым назвали, сгнило для немудрых очей.

4. Обвинение в умозрительности моих построений. Оно безосновательно, ведь восприятие ***бренных как зренье в опоре на плоть — есть всегда умозренье***. Платон посему и зовет Бога Первым умопостигаемым. Ибо плоть — Ум, а Дух — Сердце; из плоти и плотью — зрим Дух снизу вверх. Посему умозрение есть не недуг человека, а здравье, когда умозрящий — Ум Сердца, слуга у Причины своей. Умозрение пусто, коль зрит Ум-гордец, себялюб Ум Ума, Бога чуждый в согласьи с адептом своим Аристотелем. Ум Сердца — Бог, Ум Ума — Сатана как противник Его, мертвый Ум. Ум-Слуга с Сердцем, царем его, был отъят Аристотелем в тьму небытья как Иное, Загранное: Ум живой Анаксагора, взрастивший Сократа с Периклом, учившихся у сего мужа. Умá Ум как круг имманентного, каков он в сути, был взят за опору нам, ложности чьей лик — Мюнхгаузен, вырвавший из болота себя за власы.

5. Неприятие слов моих о Луне как Жене (Лоне), деления сущего на Сердце и Ум и т.д. Обусловлено тем, что в своей розни с Богом наука, пустая, зрит Мир телом мертвым и мёртво ж глаголет о нем, живых чýжда имен, а он — жив, с тем — и чужд имен мертвых.

6. Претензия к языку моей книги. По сути своей он — стихи или песнь: речь, текучая ради согласия с Миром, Рекой кольцевою как сутью своею (**Реч**ь

— **Реч**ка), текущей из Бога и в Бога (**Рек**ою зрил Мир Ге**рак**лит, славный речью текучей своею и руганный за нее Аристотелем: за Мир — безмирием). Но, хоть тьму раз я сказал это в книге, мои рецензенты настырно клеймят мой язык. Им неважен тот факт, что Лукреций и сотни иных древней писали о Мире в стихах, *по-речному*, — им больно и грустно, что то ж сделал я.

* * *

Вот корявые копья науки, которыми месяцы кряду она пригвождает меня и клеймит. Текст рецензии ИНАСАН на мой труд вершат слова: «Ваши утверждения нельзя признать справедливыми, поскольку наука никогда не призна́ет их». Так, слово в слово, и сказано: не признает, поскольку не признает! Поистине в этом — науки мирской злая суть: круг порочный. Луна в моей книге — сосуд Полноты, ею звонкий как колокол Бога. Наука мирская, плод дольний — сосуд пустоты, тьмы ведро. Да не сгубит людей его звон!

ЛУНА

ИСТИНЫ ВСЕМ, КТО НАМЕРЕН ПРОЧЕСТЬ ЭТОТ ТРУД

Истинные знания о космосе надо искать
в старых священных книгах.

Константин Циолковский

1. У начала истории нашей единственным божеством над людьми была горняя Мать — Луна в небе Земли, Жена-Дева. Дальнейшее претворение сего Начала в два, Женское и Мужское, свершилось деленьем Жены на Себя и иллюзию — Я и не-Я, Огнь и тень (так разъемлется Суть в себе: Сердце — на Сердце и Ум, полу-Сердце); деленье ж последней родúло язычество — многость богов. Отцы — Рознь, Мать — Единство, Столп мира; не Муж миром правит — Жена, Сила; истинный монотеизм — Мать под коркой Отца. Скрыта ею, Луна и порою Отцов власть свою не утратила. В отчей Элладе явь ей — страх к хтоническим, темным как Лоно богам, чтимым более светлых, чей царь Зевс, Афины боявшийся как Луны, Матери, из главы вышедшей: из ума — Сердце. Христа Мать Мария, царя и над Сыном (мать больше ребенка как корнь — ростка), и над Отцом — Луна ж; вестник Христов Гавриил по Писаньям святым — лунный житель. Знак власти **Лун**ы над людьми — их с|к|**лон**|енье пред женским началом: вратами живому, чрез кои в мир сей пришли мы.
2. Корнь истории нашей, Луна — столп земель, в реке сей главных. Корень Эллады, она — Крит (отсюда «крит**и**ческий» — главный,

решающий); Мин’ос, земли сей царь — Мен’ос: Луны, Мен’ы муж (чтя Мать, отчему мифу чужой) как истока реки мин’у́т сущих.

3. Три главных религии современности, Христианство, Ислам и Буддизм, зрят Луну центром мира; Ислам же впрямую зовет ее троном Творца: точным местом Его пребыванья, — давая тем строгий ответ на вопрос бренных «если Бог есть, то где Он?».
4. Рост всего живого на Земле в своем истинном смысле подъема вершим не при солнце дня — лунной порой, в ночи́. Ночь — время Сна; Сон — Луна, О**сно**ванье всему, сущих Солнце (укр. **Сон**це), Sun: Цель, к коей тянется все* (а с ней рознь — дис**сон**анс); в сне растя, растут дети Луной. Рост под солнцем дневным — ход не ввысь, а в**шир**ь, горизонтальный как брение; меру утратив, влечет он растущего бич — о**жир**енье, шаг в смерть. Посему жизнедатель живого не Солнце — Луна, Солнце же — ей подспорье. Согласен сему древний взгляд на Любовь, Силу сил, и Луну как звезду ее — Солнце (Огонь) Любви. Им все живимо; **матер**ии корнь — Луна, **Матер**ь, столп зримости бренной**. В то время как ум наш, раб бренья, свет лунный мнит отблеском Солнца, зрим сердцем мы: свет этот — свой, лунный. Он — явь влюбленных: поимых Луной. В очах бренных, обманных, Луна — Солнца тень; в вечных, истинных, Солнце — **Лун**ы: Цели, к коей **льн**ет все как лоза. Жизнь — подъе́м сей; мир сущий — ступанием к Центру един. Луна — Центр и Цель всех; человек есть росток, сущий чтоб до Луны дорасти-дотянуться: в ней — Бог, Суть его, стяжать коего — Себя обресть нам, **Сел**ену-**S(h)el**’о́м сняв. Теории наши — ступени походу сему: к Сердцу движущий ум.
5. Трудом NASA открыто: Луна — пустотелый шар, кол**око**л с внутренним голосом. Пр**оч**ность его, *Пустотою надутого*, столь

высока, что ни одно крупное тело, упавшее на Луну извне, за всю ее историю не создало на ее лице ударной воронки, бессильное ранить Луну (след паденья, туг дном, очам — цирк). Зная, что пращур наш чтил Луну как Жену — Лоно, Полость как Полность, — зрим мы: ведал он суть ее.

6. Луна — ф**оку**с активности внеземного Разума, явственной в т.н. кратковременных лунных явлениях (КЛЯ), пункт единственный неба, откуда летят Гости к нам как из Дома их.
7. Луна царит над Землей, в кружном ходе ее видя всю, а Землей полузрима: власть — очи. Так мать колыбель вкруг обходит, так Истина Ложью царит: плодом — лоно.
8. Борьба сверхдержав за власть в космосе была и есть гонкой лунной; Луна, **риз**а Тьмы — п**риз** ее. Цели этой печать — вся жизнь наша как гонка сия. Все в ней дышит Луной. Арм|стронг, первый **Лун**ы гость, фамильей своей — «Рука сильная»: Мать, Бога Д**лан**ь, осенивша сей путь; Н|**Ew**|**ston**, сердце программы — камнь (**ston**е — англ.) Матери, (Д)**Ев**ы: Луна, Глубью **стон**ущий шар.

---

* По|лун|ица — к|луб|ника (укр.): рост по Лун|е (в час ее) и к Луне, Бога луб|у (коре) как Люб|ви.

** Столп зримости бренной — Сосуд ее. В Древней Индии Луну и звали «владыкой планет»: тел, в Луне сущих. Труд Клавдия Птолемея «Альмагест», песнь о Мире (идя от араб. الكتاب المجسطي, al-kitabu-l-mijisti — «великая книга»: Мир Божий), названьем — Луна посему ж: Аль-Ма-Гест — Бога («аль» — араб.) с Матерью (Лоном) очаг (гестия — греч.), каким есть она.

МАТЬ СЕЛЕНА:
пещера, таящая Мир

Луна в небе — пуста и полна
как вселенская Женщина: Лоно,
Пещера с Плодом — Полнотой,
прорвой гла́з внешних, Тайною их.
Тайна наша есть Мир, Полность в нас,
Пустота бренных глаз, пустых рознью
(так пуст космос им), как в Селене
Вселенная: в Чреве — Дитя.

Луна, Лоно, Жена-Мать — пуста:
полна Миром. То — истина древня.
Наука не знает ее, фигуральностью мня.
Но глаз мудрых фигура одна —
Мир, лик Бога. Подборкой цитат
покажу я сейчас, что Луна
есть Пещера, Огня сего пещь*.

---

* Печь (стар.-рус.)

I

САКРАЛЬНАЯ СУТЬ ПЕЩЕРЫ

Фрагмент 1

Пещера говорит о помещении, включении или укрытии чего–либо. По Юнгу, это что–то неприступное и тайное, например, бессознательное*, что характеризует Луна. Пещера также достаточно часто фигурирует в эмблемах и мифологической иконографии как вместилище образов богов, архетипов, предков, что характерно для лунного знака пещерного жителя, Рака**.

Оккультно-мифологический Зодиак
http://www.sunhome.ru/magic/14840/p2

---

* Коллективным Бессознательным Юнг именовал Мир, Вселенную как Тайное бренному большинству; см. также далее.

** Панцирь, раком носимый, есть также пещера ему.

Фрагмент 2

Невозможно найти равнодушных к пещерам людей — даже среди тех, кто никогда в них не был. Возможно, трепет в груди при слове «пещера» объясняется памятью предков. (…) // В древнем мире именно в пещерах происходили посвящения, истинные таинства, о которых, по словам Гомера, «ни расспросов делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы...». С незапамятных времен в пещерах высекались монастыри и святилища. Ведь именно пещера являла собой образ мира, уподоблялась и сердцу, и чреву, а потому считалась местом перехода в мир иной, была местом встречи с Богом.

Что скрывают пещеры?
http://www.liveinternet.ru/users/3184308/post135585204

Фрагмент 3

Луна как пещера с растущим в ней Мировым Древом — ядро мифов древних индейцев; поход в нее — их игра в мяч. Забить гол в Мир, Суть голую, Голову всех — слиться с ним: вступить в матчей Финал — Луну, Мать; поход в Мир как Луну — труд близнечный Себя обрести: каплям — Воду, Мать нам (Water — Матерь): Тьму, Сущность всего.

Игра как обряд инициации

Фабула мифа о героях-мстителях. Близнецы эпоса киче навлекают на себя гнев владык преисподней-Шибальбы тем, что целые дни играют в мяч на дороге в Шибальбу, над головами ее владык; боги смерти принимают это за прямой вызов и желание покорить их (в мифе тотонаков карлики-громы так же воспринимают игру героя на флейте, искусством которой не владеют). Боги приглашают близнецов на соревнование, чтобы завладеть их экипировкой и убить братьев. Герои прячут снаряжение и спускаются в Шибальбу без него. Ночью близнецы подвергаются смертельной опасности в «Домах испытаний», а днем играют в мяч с богами смерти. Герои терпят поражение, и боги смерти убивают их на игровой площадке.

Младшая пара близнецов, обнаружив атрибуты для игры в мяч погибших отца и дяди, расчищают площадку и снова топотом и стуком мяча приводят в ярость богов смерти. Владыки Шибальбы вызывают юношей на состязание. Благодаря находчивости и магическим способностям — как собственным, так и своих помощников, — герои проходят испытания, умирают, оживают, убивают главных правителей Шибальбы, а остальных ее владык лишают могущества, божественного сана, а также их привилегии и любимого занятия — игры в мяч. Вслед за этим братья превращаются в Солнце и Луну.

Миф о героях-игроках, из самой структуры которого априорно следует, что он отражает ритуал игры в мяч, — реконструирован Ю.В.

Кнорозовым и исследован Ю.Е. Березкиным как миф на сюжет обряда инициации: испытания близнецов в преисподней, ведущие к смерти героев и их последующему возрождению (первой пары — в своих детях, второй — в светилах) восходили к инициационным обрядам. Это соответствует данным этнографии, согласно которым повсюду в Америке, где игра имела важное значение в ритуальной жизни и были распространены мифы об игроках (в первую очередь в Мезоамерике, низменностях Колумбии и Венесуэлы, в Мату-Гросу), игра была связана с инициационной обрядностью.

Действующие лица мифа киче. Команды в «Пополь-Вух» представлены тремя парами близнецов, носящими календарные имена; они выступают либо соперниками, когда близнецы в каждой паре играют друг против друга, либо младшая пара (Hun Ahpu, «I Владыка», и Xbalaque, «Маленький ягуар», дети близнецов Hun Hun Ahpu, «I Владыка», и Vucub Hun Ahpu, «VII Владыка») играет против своихбратьев-обезьян («I Обезьяна» и «VII Мастер»). Последние — точные аналоги богов-Обезьян у науа — почитались как покровители ремесел и прекрасных искусств, в том числе игры в мяч. Соперниками старшей и младшей пар игроков выступает также команда богов Шибальбы, представляющая двух ее главных владык (судя по именам — «I Смерть» и «VII Смерть» — еще одна близнечная пара).

Юным героям мифа киче, «проглоченным» пещерной пастью, предстоит днем играть в мяч с богами Шибальбы, а ночью проходить через пытки в пяти «Домах испытаний», каждый из которых — метафора мировой пещеры. Испытания герои проходят ночью и начинаются они в Домах мрака и холода (чему соответствуют мотивы сотворения мира во мраке и холоде первоначального пещерного лона и строительства карликами городов в темноте — до рождения первого Солнца). Название пещеры в древнем языке, ak'-nga (T504:23), созвучное одному из имен ее хозяйки — великой богини Луны (лак. Ak'-na), означало «темный дом» (ak' — «темнота», «темнота при дожде», «пещерная темнота», «ночь», перен. «пещера»; ср. ст. actun — «каменный дом», «пещера»). Дом Мрака в мифах горных майя, как и дворец владыки преисподней Миктлантекутли у науа и священная пещера Votan («Место входа [в пещеру]») у цельталей и мамов, описывается как огромный темный дом, в котором таятся неисчислимые опасности, но в котором одновременно — залог возрождения (Вотан — третий день календаря горных майя, соответствовал дню Ак' у майя низменностей; имя Вотан и эпитет «сердце народов» носил Хозяин пещеры).

(…)

Богиня Луны — покровительница «лунной игры». Знак in («семя», «дождь»), изображенный на мячах, нередко стилизован под знак женщины или вписан в лицевой знак женщины: «Женщиной» в Мезоамерике именовалась владычица ночи, Луна. Этот знак, по общему мнению, изображает молодую богиню Луны (она, согласно II реформе календаря, заменила в роли хозяйки неба Луны старую богиню Чак Кит); он показан

первым в блоке ch'up-haa, стоящем в «формуле возрождения» в позиции сказуемого («бывшая женой»); второй знак (в данном блоке суффикс) — знак воды, древнейшая общемезоамериканская пиктограмма Облачной пещеры и ее главной хозяйки у ольмеков, владычицы вод Луны. Боги и богини, связанные с Луной, изображались сидящими в полном знаке Луны-пещеры, на полумесяце или с полумесяцем за спиной. Гротом/полумесяцем окружает Пернатый Змей сидящую в пещере Великую богиню Луны ольмеков на стеле 19 в Ла-Венте; в пещере-преисподней, полуокруженный изогнутым в виде полумесяца знаком земли, показан главный бог дождя в рукописи (Д59а2). К богине могла иметь отношение надпись на мяче, на который рукой опирается победитель в сцене на сосуде: «VII Женщина»; она же в другой надписи в той же сцене названа «хозяйкой входа». «Входом» именовалась пещера-преисподняя. В надписи над мячом между соперниками упомянут «очищающий большой путь» по преисподней. Видимо изображенная на сосуде игра была посвящена поминанию владычицы, а на мяче — имя ее покровительницы, богини Луны.

В нескольких поминальных текстах дата возвращения призрака на землю дана и по солнечному, и по лунному календарю (например в надписи на упомянутом сосуде из Наранхо — J8). Лунная дата показана в блоке, главный знак которого изображает черный диск Луны перед началом лунного цикла, в новолуние, с которого начинался счет дней в лунном месяце. Диск Луны, подобный черному мячу, вписан в знак воды — пиктограмму пещеры, хозяйкой которой с древнейших времен, как мы упомянули выше, считалась повелительница вод, покровительница женщин, рожениц и женских занятий — Луна. Она в новолуние «уходила в свой колодец» — поэтому приобрела на Юкатане имя «Та, что в глубине колодца»; здесь она наполнялась водами и начинала расти — как плод в утробе матери (Луна универсально связывается с зачатием и развитием плодов живой природы), чтобы потом пролиться на землю оплодотворяющим дождем. Это в ее лоне-пещере, служившем поэтической метафорой женского лона, очищались и реинкарнировались души, совершалось «второе рождение» инициируемых подростков.

(…)

Эпоха ольмекской цивилизации, когда во главе пантеона ольмеков стояла Великая богиня Луны, была временем господства лунного календаря (в нем основной единицей был «полугод», приравненный к сезону и состоящий из шести лунных месяцев). Поэтому все виды обрядности, в том числе ритуал игры, были связаны с лунной календарной символикой. Богиня могла выступать как главная покровительница игры в мяч.

(…)

…мяч во время поминальных игр воспринимался как символ плода — реинкарнирующейся души, от которой, как считалось, беременела женщина. Мяч служил также символом Луны и богини Луны,

участвовавшей в процессе реинкарнации: это в ее лоне — мировой пещере — плод очищался для последующего воплощения в лоне женщины, которой покровительствовала богиня. Поэтому имя богини появляется на мячах и в надписях, сопровождающих игры.

(…)

Кровопролитие на поле стадиона. В мифе и ритуале жертвоприношение совершается в центре стадиона — в самой сакральной точке мироздания, в месте «входа в пещеру» и отправления культа богов дождя и предков. Это место на стадионах отмечено кругом, лункой или круглой плитой. Здесь изображается мяч с черепом — головой бога смерти на нем, посланник со вскрытой грудью, сидящий на алтаре, или бог смерти, поднимающийся из тела жертвы. На мировое дерево, растущее в центре игрового поля, как в ритуале игры у криков, или у стадиона, как в мифе киче, вешается отрубленная голова игрока, и дерево покрывается плодами. Бог астеков Уицилопочтли обезглавливает сестру над лункой («местом черепа») в центре Teotlachco, «Площадки бога для игры в мяч»; из лунки начинает бить вода, заливая поля вокруг и неся благоденствие. Согласно другой версии Уицилопочтли обезглавливает сестру и сбрасывает ее расчлененное тело с вершины Змеиной горы к ее подножию — лунке на поле Теотлачко.

(…)

Стадион — модель мировой пещеры. Игры, как и другие сакральные сцены, разворачиваются в широко раскрытой пасти Облачной рептилии или маркируются символами пасти. На рельефе из Веракруса боги-Обезьяны, покровители игры в мяч, трубят в змеиные горны, перекрещенные между собой в виде сакрального знака k' ax — символа центра мира и Облачной пещеры, стоя на ступенчатой платформе стадиона — символе горы с пещерой внутри; в пещере — голова Облачной рептилии; перед ней — две головы Летучих мышей, охраняющих вход в пещеру. Посланник сбрасывается вниз по ступеням стадиона в зубастую пасть пещеры, он обезглавливается в пещерной пасти.

Все приведенные выше тексты убеждают нас в том, что стадион моделировал пещеру. Первоначально «расчищенная от леса огнем площадка для игры» в центре селений была по длине ограничена двумя параллельными платформами (концы оставались «открытыми»): они не давали мячу уходить за пределы поля и служили для зрителей. Позже стадион — уменьшенная копия площади — оказался на дне гигантского колодца, каким представала главная площадь города, со всех сторон окруженная храмами на пирамидах. В древнем языке майя понятия пещера и стадион также восходили к одной морфеме — ngom (T 1016); свидетельства этого сохранились во многих языках майя: kom/hom/hem — «отверстие», «пещера», «площадка для игры», «погребение», «колодец», «ущелье», «межгорная долина» (иероглиф n gom изображает голову бога долин,

олицетворявшего пещеру). Важно отметить, что омоним ngot (букв. «спешащий») означал и самого посланника, отправляемого к богам пещеры на площади-стадионе.

Стадион представал моделью знаково организованной Вселенной: каждый его элемент, как и все целое, семиотически воспроизводил мировую пещеру. Иероглиф майя, изображающий план «закрытого» стадиона (K531/T727 b), включает основные семиотические точки пространства: лунка в центре и кружки, отходящие цепочкой к каждому из четырех углов стадиона, являют «карту» мира; статуи «атлантов» — воинов-знаменосцев и игроков с чертами бога дождя Тлалока, установленные в четырех концах поля на стадионе в Толлане, воспроизводили идею мировых «угловых» деревьев.

Стадион как путь. Стадион моделировал пещеру и одновременно служил дорогой в нее, что особенно наглядно на стадионах «открытого» типа. Через центр поля проходила вертикальная ось мира — ствол мирового дерева, обвитый Змеем. Игровая аллея ассоциировалась с горизонтальной осью мира, также Облачным Змеем, и ориентировалась, следуя ольмекской традиции, как правило, по линии север-юг. Скульптурное изображение этой оси представлено на стадионе в Ушмале в виде двух Облачных Змеев, вытянутых вдоль стен по обоим краям поля.

Можно с уверенностью говорить о том, что идея пути была одной из центральных в концепции игры: двумя главными в семиотическом плане структурными элементами стадиона были аллея поля — проход, дорога (be, T301) и лестница платформ (e b, T843). Эта концепция получила свое архитектурное оформление в конце II тыс. до н.э. у ольмеков на побережье Залива. Возможно вытянутая площадь-стадион, ориентированная строго на север, и послужила моделью для организации ритуальных центров ольмеков. Это не замечено исследователями из-за гигантских масштабов сооружений, вполне объяснимых в контексте ольмекской обрядности.

Узкое игровое поле, расположенное между двумя ступенчатыми платформами, воспроизводило проход по дну ущелья, ведущий к пещере (др. ho, T17, — «вход», «пещера», ст. hol, holol — «отверстие», hol tun — «пещера». hom — «темное, глубокое ущелье»; ср. также becan — «ущелье», «ров», от be — «дорога»). Согласно мифу, этот проход возник, когда правитель тольтеков, учреждая игру, провел линию поля первого стадиона, и по ней «разверзлась земля».

(…)

Лунка, кольцо, диск — проникновение внутрь пещеры. Целью игры и было это проникновение: игроки старались прогнать мяч через кольцо («самое сердце игры»); на «открытых» стадионах игроки, возможно, метили мячом в маркеры на стенах так, чтобы мяч, отскочив, вернулся к центру поля. Кольцо и его аналоги — диск на столбе, лунка и круглая плита в центре поля — ассоциировалось с входом в пещеру и на языковом уровне: ul — «отверстие» [отсюда — улей, дом с дыркой — О.Е.], «вход», «расщелина»,

«ущелье», омон. «кровь», «душа», «мяч»; знак c/chi — «вход», «пасть», «пещера», представляет изображение сведенных в знаке отверстия пальцев руки; син. ho (T 18), ст. hol, — «вход», «отверстие», «входить», «пещера» (ст. holtun — букв. «отверстие в камне»), изображает дорогу, ведущую к отверстию со знаком ul внутри. Все символы входа в пещеру (itzompan, «место черепа» у науа) ассоциировались с головой жертвы, мячом и плодом, с водным резервуаром под корнями мирового дерева («колодец воды» внутри itzompan).

(…)

В некоторых сценах ступеней на стадионах — шесть. На этот факт впервые обратили внимание Л. Шиле и Н. Грубе, не дав ему объяснения. Мы полагаем, что шесть ступеней стадиона, согласно одной из древнейших версий строения Вселенной, символизировали шесть сфер пещеры — слоев мироздания (после II календарной реформы ранняя и поздняя версия деления пещеры-преисподней на девять миров сосуществовали). В виде шести ступеней представлены фасады Храма Кецалкоатла в Теотиуакане, с четырех сторон украшенные головами Пернатого Змея и Каймана-Тлалока — владык пещеры. Вероятно, теми же представлениями было продиктовано и количество маркеров на стадионах «открытого» типа. Шесть карликов богини Луны у ольмеков, «шестерки» богов у майя, в том числе шесть «демонов» пещеры, шесть держателей неба, шесть струй крови, бьющих из отрубленной головы и тела игрока и т.д., были связаны с символикой лунного календаря.

(…)

Путь в пещеру — дорога на север. Стадион зримо воплощал идею пути в страну предков: перелетая с южного конца поля в северный или спускаясь по ступеням к центру поля, мяч прокладывал путь в страну предков на севере. Север у ольмеков — об этом говорят культ и ритуал - считался основным направлением в связи с представлениями о приходе предков из северной прародины.

По этому пути — покрытой известковым раствором «белой», по символике цветов северной, дороге, по «холодной» и потому ведущей на север «лестнице», как и близнецы мифа и души умерших, отправлялись вслед за мячом в пещеру. Все это подтверждает нашу идею о том, что оба понятия, связанные с конструкцией стадиона, — лестница и игровая аллея, — были связаны с идеей пути на север.

Бог смерти в виде скелета, владыка царства мертвых на севере, поднимается из сосуда, стоящего на стадионе в символе пасти-пещеры, наполненной водой и окруженной облаками (рельефы в Эль-Тахине). Герой мифа, стоя перед деревом-Кайманом, держит шест, поднимающийся из сосуда (рельеф стелы 25 в Исапе); шест обвивает Змей, голова, которого показана на сосуде. Этот последний символ, как и сосуд, стоящий в пасти, служит указанием на место действия — северную прародину в пещере:

иероглиф в виде сосуда с водой, передавал морфему ха т, «сосуд», и по омониму означал «север», т.е. являл собой один из символов наполненного водами лона северной пещеры предков. «Север» приобрел значение «древний», «предок», в связи с тем, что этногонические легенды майя указывали на север как на местонахождение прародины (ср. ст. хат xib — букв. «исчезающий позади», «человек с севера», «предок»; xib — «призрак», «предок» — корень в названии пещеры, Xibalba).

«Белой (северной) дорогой», «Ледяным путем», — майя называли и Млечный путь. Он мыслился продолжением мировой реки (цоц. — «Путь воды»), текущей в ночном небе — по потолку пещеры. Оба направления Млечного пути связывались с этногонической традицией: проходя по широте он воспринимался как путь на запад, куда от перекрестка четырех дорог в Шибальбу вела «черная дорога», и как «черный вход» (блок в надписи на мяче перед летящим вниз посланником), куда садилось Солнце; наиболее важным и значимым, видимо, было прохождение Млечного пути по оси север-юг, когда он вел прямым путем в пещеру предков на севере.

Млечный путь именовался также цоц. «Путь крови», «Путь ребенка», «Дорога, по которой отходят родильные воды», «Живая веревка», «Пуповина», «Молочная дорога» и связывался с кровью, водами первоначального лона, с грудным молоком (им наполнено в мифах науа Молочное дерево, кормящее молоком души младенцев в раю бога дождя). Толстая «Живая веревка», наполненная кровью, она же «Белая дорога», согласно юкатанскому мифу, тянулась в небе с востока на запад в начале времен (в конце первого «творения» вытекшая из обрезанной пуповины-веревки кровь превратилась в воды потопа). По «Дороге воды» текли пещерные — «священные», «девственные» воды, которыми очищались для реинкарнации души умерших и инициировались подростки. По этой универсальной дороге, связующей миры, циркулировали души, млечный сок, вода, кровь — жизненная субстанция, соединявшая каждое живое существо с породившим его лоном пещеры.

«Семь» — число мифической прародины. Кровь из обезглавленных игроков бьет семью струями в виде змей; одна из струй на стадионе в Чичен-Ице показана как цветущая ветвь. Так закодировано имя одной из древнейших мезоамериканских богинь — богини вод, растений, плодородия и любви, позднего варианта великой богини Луны с календарным именем «VII Змея» («Семь Змей»). Богиня почиталась как хозяйка пещеры и олицетворяла пещеру: в Чичен-Ице ее платье изображалось как панцирь черепахи, из которой поднимается мировое дерево.

«Семь Змей» не только передавало имя богини: так кодировалось одно из названий мифической страны предков — указывалось место, куда направлялся посланник. В этногонических легендах науа и горных майя эта страна именовалась «Семь пещер», «Семь ущелий».

Число «7» (иис, омон. «древний»), по нашему мнению, было символическим числом мировой «змеиной» пещеры в именах ее владык: это упоминаемая на сосудах богиня Луны «VII Женщина» — вероятно, та же

богиня «VII Змея», она же — «Семь початков»; бог Солнца «VII Попугай»); хозяин лесных животных, бог-Олень «Семь раз гоняющий [дичь]»; бог и богиня Пекари, она же богиня радуги «VII Пекари»; «Владыка Семи Земель» (бог Ицамна); бог дождя и творец Кецалкоатл VII Ehecatl («VII Ветер»); герой эпоса киче «VII Владыка»; бог Летучая мышь VII Zotz и многие другие. В принципе любой из богов в образе зверя или птицы, предок, родоначальник и «очиститель», воплощение одного из созвездий Зодиака (пещеры — «дома» светил и планет), мог быть обозначен цифрой «7». Все природные объекты, которые увязывались с числом «7» (семь горных вершин, рукавов в дельте рек, звезд в созвездии и т.д.) приобретали сакральный смысл и ассоциировались с мировой пещерой.

(…)

Игроки как культурные герои. В юкатанском мифе говорится, что карлики — колдуны, мудрецы и знатоки священных книг, участники ритуалов прорицаний в сценах на сосудах — входили в пещеру и играли в мяч, «когда приходило время» (курсив мой — А.Б.). Время для игры, как мы показали, приходило в самые важные моменты жизни общества и каждого его члена: во время сева и обрядов инициации, поминальных церемоний и охотничьих ритуалов, на празднике подтверждения власти владыки, при отправлении посланников к богам и др.

Опасной, изнурительной, искусной игрой игроки завоевывали право при жизни проникнуть в мир духов и богов, к источнику изобилия, вечной жизни и сакрального знания, они раскрывали путь в пещеру. Этот мотив прокладывания дороги в пещеру прыжками, топотом и стуком мяча аналогичен универсальному мифологическому мотиву пробивания героем преграды, отверстия в дереве/скале с тем, чтобы добыть спрятанные там жизненно важные объекты (воду, огонь, кукурузу, светила), навыки и знания. Герой мифа тотонаков, победив в игре владык пещеры, учит людей лепить курильницы, танцевать, петь и играть на музыкальных инструментах, а поверженных громовников — посылать дожди на поля. Герои киче, победив богов смерти, утверждают новые ранги в божественной иерархии и превращаются в Солнце и Луну, начиная тем самым новый цикл жизни мира — новое «творение».

Целью игры в широком смысле было проникновение в пещеру. Именно поэтому миссия игрока почиталась аналогичной миссии культурного героя, а гол у астеков отмечался как геройский подвиг. Выдающиеся игроки, подобно древнегреческим атлетам, победителям олимпийский игр, становились героями и покровителями сограждан, посредниками между ними и богами; они восстанавливали мировое равновесие, отводили от народа беды и способствовали его процветанию; им поклонялись после смерти как полубогам.

**Из статьи А.А. Бородатовой «Игра в мяч как путь в пещеру предков»
(к вопросу о семиотике ритуальной игры в мяч
в древней Мезоамерике)**

II

ЛУНА ОКОМ ФАНТАСТА

Фрагмент 1

…Подземный шум прекратился, и некоторое время слышался только шорох быстрорастущих растений. Затем внезапно шум снова возобновился, более резкий и громкий, чем раньше. Несомненно, он шел откуда-то снизу. Инстинктивно мы плотно прижались к почве, готовые при малейшей опасности прыгнуть в чащу. Каждый удар, казалось, отдавался в нашем теле. Грохот и стук становились все громче и громче, порывистая вибрация усиливалась, словно весь лунный мир мерно содрогался и пульсировал.

— Прячьтесь, — шепнул Кейвор, и я повернулся к кустам. В это мгновение раздался оглушительный удар, напоминающий орудийный залп, и произошло то, что еще и теперь пугает меня во сне. Я повернул голову, чтобы взглянуть на Кейвора, и протянул руку вперед. Рука моя ткнулась в пустоту! Под ней зияла пропасть!

Моя грудь опиралась на что-то твердое, а подбородок оказался на краю разверзшейся бездны. Моя окаменевшая рука тянулась в пустоту. Вся эта плоская круглая равнина оказалась гигантской крышкой, которая теперь сдвигалась в сторону, в приготовленную для нее выемку, открывая находившуюся внизу яму.

Если бы Кейвор не поспешил ко мне на помощь, я, наверное, так и оцепенел бы на краю пропасти, пока не упал бы вниз. Но Кейвор, к счастью, не растерялся. Когда крышка начала отодвигаться, он находился немного дальше меня от края и, заметив мое опасное положение, схватил меня за ноги и оттащил прочь. Я отполз от края на четвереньках, привстал, шатаясь, и побежал вслед за Кейвором по звонкому, зыбкому металлическому листу. Крышка быстро сдвигалась, и кусты, к которым я бежал, уносились в сторону. Я еле успел. Скоро спина Кейвора исчезла в густой чаще, и пока я карабкался вслед за ним, чудовищная крышка со звоном задвинулась. Долго мы лежали, затаив дыхание, не смея подползти к краю бездны.

Наконец, осторожно мы решились заглянуть вниз с безопасного места. Заросли вокруг трещали и колыхались от ветра, дувшего снизу. Сначала мы не увидели ничего, кроме гладких отвесных скал, уходивших в непроницаемый мрак, но потом разглядели внизу движущиеся во всех направлениях огоньки.

Таинственная пропасть так захватила нас, что мы позабыли даже о своем шаре. Когда глаза наши освоились с темнотой, мы разглядели

крохотные призрачные фигурки, двигавшиеся между тускло светящимися точками. Мы молча смотрели вниз, не находя слов от изумления. Мы не могли понять, что делают эти копавшиеся на дне пропасти создания.
— Что это может быть? — спросил я. — Что это может быть?
— Инженерные работы. Они, очевидно, проводят ночь в этих шахтах, а днем выходят на поверхность.
— Кейвор, может быть, они... вроде людей?
— Нет, это не люди.
— Не будем рисковать…

Из романа Герберта Уэллса «Первые люди на Луне»

Фрагмент 2

— Я смотрю сейчас на Луну и поражаюсь.
— Поражаешься чему, Голан?*
*— Ее размерам. Мы привыкли игнорировать спутники, Джейнав. Они такие маленькие, даже если и существуют вообще. Этот, впрочем, нечто иное. Это — целый мир. Ее диаметр — около 3,5 тысяч километров**.*
— Мир? Наверное, ты не должен называть ее так. Она не может быть пригодна для жизни. Даже такой диаметр слишком мал. У нее нет атмосферы. Я могу утверждать это просто глядя на нее. Нет облаков. Край диска — резкий, как и линия терминатора.
— Ты становишься опытным космическим бродягой, Джейнав, — кивнул Тревайз. — Ты прав. Нет воздуха. Нет воды. Но это означает только, что Луна необитаема снаружи. Но как насчет подземелий?
— Подземелий? — с сомнением переспросил Пелорат.
— Да. Подземелий. Почему бы и нет? (…) Представь, что Луна — гигантский космический корабль.
— С экипажем внутри?
— Да. (…) Подумай, Джейнав, разве это лишено здравого смысла?

Из книги Айзека Азимова «Основание и Земля»

---

* Го|л|ан — мистичное имя: гол-лан — Луна го|лая, Господа Поле (лан — укр.), Истина без пелен.
** Азимов не единственный, отметивший эту чрезмерную крупность Луны, чуждой правилу: спутник размером своим много меньше владыки его.

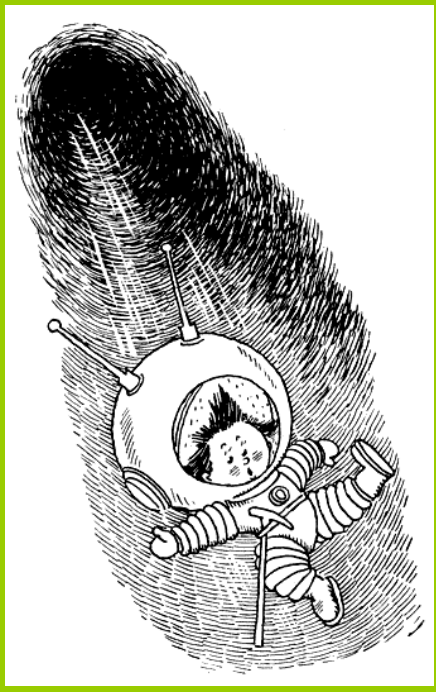
Фрагмент 3

Тоннель между тем всё круче уходил в глубь Луны. Скоро Незнайка уже не скользил по льду, а просто-напросто падал в какую-то пропасть. Вокруг уже не было так темно. Казалось, что свет проникал откуда-то снизу. Вместе с тем стало значительно теплей, а через несколько минут

уже было и вовсе жарко. Яркий свет резал глаза. Незнайка решил, что ему суждено погибнуть в огне, и уже мысленно прощался с жизнью, но неожиданно стены пропасти разошлись в стороны и пропали. Ещё минута, и Незнайка увидел, что над ним простиралось во все стороны светлое, словно покрытое волнистыми облаками небо. А внизу… Незнайка старался разглядеть, что было внизу, но внизу всё было словно в тумане. Прошло немного времени, и сквозь рассеявшийся туман Незнайка разглядел внизу землю с полями, лесами и даже рекой.

— Так вот что здесь такое! — сказал сам себе Незнайка. — Значит, правильно говорил Знайка, что Луна — это такой шар, внутри которого есть другой шар, и на этом внутреннем шаре живут лунные коротышки, или лунатики. Что ж, подождём капельку, может быть, скоро и с лунными коротышками встретимся».

Из книги Николая Носова «Незнайка на Луне»
http://www.testpilot.ru/espace/bibl/fant/nosov/nezn-na-lune-1967/02.html



III

ЛУНА ОКОМ МИРСКИМ

Фрагмент 1

Средняя плотность Луны равна 3,34 г/см³, в то время как плотность планеты Земля составляет 5,5 г/см³. Что это означает? В 1962 году Гордон МакДональд, доктор наук НАСА, заявил: вывод из полученных астрономических данных состоит в том, что внутренняя часть Луны — это, скорее всего, полая, а не однородная сфера. Доктор Гарольд Урей, лауреат Нобелевской премии, объясняет такую ее низкую плотность тем, что значительная внутренняя область Луны представляет собой обыкновенную впадину. Доктор наук Син К. Соломон пишет: исследование орбиты позволило нам больше узнать про гравитационное поле Луны и подтвердило наше опасение, что Луна может быть полой. В своем трактате «Жизнь во Вселенной» Карл Саган замечает на этот предмет: «Природный спутник не может быть внутри полым».

Луна вовсе не спутник?
http://ufo.ck.ua/

Фрагмент 2

На Луне обнаружена гигантская пещера

Сотрудники японского аэрокосмического агентства JAXA сделали открытие, которое позволит землянам создать космическую станцию на Луне. Ученые нашли на поверхности этой планеты вертикальное углубление, которое, согласно расчетам, ведет в гигантский лавовый туннель.

Воронка диаметром около 60-70 метров отвесно уходит вглубь спутника Земли примерно на 90 метров. По предварительной оценке японских ученых, ширина самой пещеры составляет около 400 метров, высота — 20-30 метров, а длина может достигать нескольких десятков километров.

Это пространство, надежно защищенное от перепадов температур, метеоритов и космического излучения, можно будет использовать для размещения там в будущем обитаемой лунной станции, сообщает сегодня газета Tokio Simbun. Соответствующие расчеты японские астрономы сделали на основе снимков, полученных с японского лунного зонда Kaguya.

Ученые склонны считать, что эта пещера имеет лавовое происхождение — раскаленный поток двигался под поверхностью планеты, оставляя за собой пустоту. До сих пор ученым не приходилось находить на Луне образований с такими характеристиками.

По материалам NEWSru.ua
http://sovershenstvo.by/publication/view/blog/64/

Фрагмент 3

Странное поведение NASA выдает истинное намерение запуска им бомбы на Луну: еще раз ударить в нее, чтобы посредством установленных на ней сейсмометров послушать звон этого колокола

NASA ещё раз жестоко прикололось над общественностью и американскими налогоплательщиками. Проект LCROSS, приведённый в действие сегодня днём, имел целью удостовериться, есть ли на Луне вода в виде льда. Наличие воды теоретически позволяет добывать горючее и строить инфраструктуру в виде лунных баз. Идея неплоха, и вовсе не так абсурдна, как многие считали поначалу. Запускать спутники и корабли с Луны в разы дешевле, чем жечь мегатонны дорогостоящего горючего, чтобы поднять ракету с земли, согласитесь.

Теперь о технической части проекта. К поверхности Луны отправился наблюдательный аппарат, к которому была пристёгнута специально сконструированная бомба. Эту бомбу планировалось сбросить на кратер Cabeus, что на лунном южном полюсе. По задумке, детонация должна была поднять столб обломков и пыли высотой 6-10 километров, в связи с чем NASA приглашали всех астрономов-любителей понаблюдать за облаками пыли, поднимающимися невдалеке от южного полюса.

Вот как это должно было выглядеть по задумке инициаторов проекта.

На отделяемой ступени LCROSS была установлена куча регистрирующей аппаратуры: камера, инфракрасная камера, всевозможные датчики. Обещали, что весь процесс будет показан вживую с близкого расстояния.

Вся эта операция транслировалась сегодня по интернет-телеканалу NASA. Первый вопрос, который возник у зрителей трансляции: что случилось с центром управления полётами?? Все знают, что это огромный зал, похожий на биржу, с сотнями мониторов, тремя огромными экранами на фронтальной стене и где работает уйма персонала. Здесь же мы увидели какую-то офисную комнатётку с людишками, которые уставились в мониторы лаптопов. Сокращение бюджета?

Тем временем я сам (и ещё пару миллионов человек в мире) с интересом ждали крупных планов лунного ландшафта, разрушаемых

исследовательской бомбой, красиво сияющие на солнце осколки льда, ну или, на худой конец, большое и красивое облако пыли. Ну ладно, пусть маленькое. Но — снятое вблизи.

Увидели мы, однако, совсем не то. Под монотонное бубнение ведущих передачи, перемежающееся переговорами членов центра управления полётом, чёрно-белое изображение Луны приближалось со скоростью один кадр в пять секунд. Когда поверхность на картинке стала совсем близкой, изображение вдруг исчезло и кто-то из техников сообщил, что «сигнал вдруг переключился на другую камеру». На какую именно, он не сказал. Не сказал никто также, почему вообще ни одна камера или датчик не засняли никаких изменений в кратере Луны. Никакой вспышки, никакого облака. Ноль!

Через пару секунд NASA уже показывает, как люди в центре управления встают с мест и ведут себя как-то странно: одни собираются вроде как уходить домой (так быстро? — удивились в этот момент многие, в том числе я). Обратите внимание, как один техник-диспетчер радостно подставил ладошку другому, типа «давай пять, всё ок», но тот быстро и озадаченно вышел из помещения, словно ему передавали что-то в наушник. (Не хлопнуть по ладошке «дай пять» вообще в американском этикете довольно неуважительный жест, и означает, что человеку очень не до того). Кто-то суетился, кто-то показывал странные двусмысленные взгляды коллегам. Уже на нескольких форумах обсуждают сейчас это странное поведение диспетчеров. Что-то явно было не так.

В студии после этого руководитель проекта сухо и натянуто заявляет: «Миссия завершена успешно». NASA заявило, что пока что не собирается публиковать каких бы то ни было изображений. Почему? Это хороший вопрос.

Обсерватория Хаббл не засекла никакого облака, ничего. Другие крупные обсерватории тоже ничего не видели. В данный момент в интернете уже крутится масса спекуляций и подозрений, причём не только среди любителей. Многие медиаресурсы подозревают, что людей, мягко говоря, водят за нос (опять).

Другая версия: зачем был нужен проект LCROSS

Сегодня всплыла информация о том, что проект LCROSS был устроен с целью уничтожения, а не исследования. Детонацией якобы планировалось уничтожить колонию находящихся на Луне посетителей. Сделать это не удалось, и проект, задуманный под вывеской NASA, был попросту сорван контрмерами других заинтересованных сторон. Самой ракеты и зонда LCROSS больше не существует: они были уничтожены как раз в момент «выключения» траслируемой картинки. Именно поэтому диспетчера NASA вели себя так странно.

Как бы там ни было, для американцев самое смешное (и трагическое), что за всё это сомнительное «научное» действо они заплатили из своих карманов ни много ни мало 79 миллионов зелёных чижиков.

NASA бомбит Луну: 79 миллионов долларов исчезают в темноте
http://the-insider.ru/2009/nasa-бомбит-луну

СУТЬ МОЕЙ ТЕОРИИ

Теории Поля, числом многи ныне, в лжи их — плод незнанья того, чем есть Поле. Начнем же с сего! Поле чистое это (пустое — очам бренным, полное — вечным) — Мир, Божий Простор, где идем к Цели мы — Богу, Сути своей. Мир есть Поле; Бог — Цель, коей цело оно; мы — Идущие: мóлодцы, добрые Богом (ведь Он — Благо), во|ин|ы, во Ин|ь стремимые — в Мир, Лоно. Мир — Глубь нам; Бог — Мира Глубь, Дно Колодца сего[1]. Ход к Нему сей — смысл зова Дельфийского людям: «Познай самого себя» — Господом стань как Собой! Глубь — Вино; идти нам — Ви|ног|рад давить: Мир, Иноград (*мис|тов град (міс|то — укр.)*) в нас[2], ногам нашим радый, что в Месяце месят его. Мир, Путь — в Господа мост (міст — укр.), коим идем. Глуби пункт в очах наших — Луна как зрачок наш, центр их: горня Тьма, Мир[3], что пятится к Богу как рак[4]. Луну зная, мы ведаем Мир, Поле, и Бога, Тайну его. Знать сих Двух — ведать всё.

Дар Господний, теория есть очи нам зрить себя и Причину, с тем — Путь, стезю должную нашу. Причина всего — Цель всему; жизнь живущих — Возврат: Цель — целúт нас. Теории труд — явить Цéль, людям дав быть людьми чрез Поход, суть их. Зрит, кто не слеп: человек есть душа, кормчий телу, челну как идущий в Суть, Бога: к Огню — искра[5], капля его; идти нам есть людьмú быть: антрóпа — Тропá суть. Есть цель — есть движенье; дать Цель — дать теорию, вид верный, Поля, где к Богу идем: зная Цель — Стезю знаем. Цель мной и дана: то — Луна, Бога трон[6], Тайны сей в очах явь. Луной суть доказал я его: столп Причине — Причина же[7]. Крах всех теорий пустых — их бесцельность, а с тем — бесполезность нам в тяжком труде быть собой.

---

[1] Коло-дец — круг-Дец|ять, Дек|ада, каким и есть Мир, Единица-и-Ноль, Свет-и-Тьма.

[2] Юнгом именуемый «коллективным бессознательным»: тайным для многих — не всех, ибо есть те, кто *видит* его.

[3] В очах *видящих*, лунных (о них еще скажем) Луной как з**рачком** есть глаз весь, полнозрящ: з**рак** — взор (стар.).
Так Мир нам: в вечных сих — Мир как есть, в бренных — при|**зрак**, ту|**ман** (mist — англ.) их.

[4] Оставаясь на месте при этом: походкою лунной зовет ход сей, ***шаг перманентный***, мир наш.

[5] Иск-Рá — Бога, Рá поиск как ток воз-в-Ра-тный из-к-Ра.

[6] Троном этим являясь, Луна и звалась Египтянами Ях (Иях): Бог, Я наше, Яхве (Иегова) иудаистов.

[7] До|каза|ть — до Caús'ы дойти: до Причины, Луны как Закона Себя.

О КОРЕННОМ ЗАБЛУЖДЕНИИ НАШЕЙ НАУКИ В ПОЗНАНИИ МИРА И ОДОЛЕНИИ ЕГО МОЕЙ ТЕОРИЕЙ

Коренным заблужденьем науки в попытках ее познать Мир есть опора на физику, несуществующее: бывшее прежде и канувшее теперь. Ибо некогда Физика, цельный лик Мира, Природы[1] (*при|род|а, греч. фюзис — «при Роде» (Всевышнем Славян, Ра Египта): при Боге Мир, Плод*), Аристотелем, Платону чуждым как Сердцу бессердный Ум, Целому часть злая, — была разъята на физику зримого и метафизику, Тайны сосуд, — и последнюю, Целое как часть пусту, Аристотель отбросил, к тому и создав ее: Причину скрыл, следствье взял ей подменой[2]. С тем, физика дольня, без Выси пуста (полумирье, мир бренный — от Мира дыра), и сама есть не-сущее как древней Физики труп. Посему не на физику да обопремся — на Слово, по Библии кое есть ра́вно и Богом, и Божьим — творением, Миром. На Слово как Полность и оперся я, в делении его идя не от части, как ныне, — от Целого: от Слова — вглубь его. Так давим мы виноград. Сок слов, выжатый так, и есть Мир, Вино-Тьма из Луны: Бог и Божье — Луна, храм Его. Бог — Суть, Я; Мир — подобье: Ри'SUN'ок (Ма'LUN'ок — укр.) Бога; в Луне — оба Глубь. Слово взять как Луну за оплот — явить Физику древнюю, цельну в себе. Метафизика ль, физика в ней — Суть едина: Мир, сущих Наука; и Целое это, куском мня неважным, не выкинуть *видящим* нам, как с водой из купели дитя[3].

---

[1] То ж, что натурфилософия: na**tur**a — природа (лат.), Мир как в Господа **Тур**.

[2] Волей Божьей, само имя «метафизика» ясно глаголет о том: «мета́» (после, чрез, между — греч.) — цель (укр.): Второе за гранью, Высь-Глубь, «Я — То» в Ведах. Так, физику-средство взяв целью, без истинной цели оставил людей Стагирит.

Класть черту между зримым и тайным — законно, но — **ради единства их, Мира**, науку о коем в его полноте до́лжно физикой звать; делить — ради Единства нам след. Стагирит — ради части разъял: с Целым в розни — безмирье она. Так сменил Аристотель Единое общим как Сердце — бессердным Умом, Сатаной — Бога. Общего дом — комму**низ**м (от лат. communis — общий): Ума́ Ум как Рознь, имманентность в лишении Клея, Того. Общим ослеплены, о Единстве забыли мы! С тем, Древность нам — темный лес. В нем труды Птолемея, Евклида (**Εὐ|κλεί**|δες — греч.) — мним мы общим иных, а они — **их единство**, **Клей**-Мать, частей старшее, — отколь и мощь, и жизнь долгая их.

[3] Слово, как мыслю библейски его я, — сосуд Тайны, явной чрез жом: сока ради так жмут виноград. Рознь сему — слово-корка, пустое: винит меня, Сло́ва не зря, в нем эксперт ИNASAH как во лжи. Вот что пишет он: «Вы утверждаете, что в исследованиях надо опираться не на физику, а на Слово. Мы никак не можем согласиться с этим. История современной науки начинается с того времени, когда в основу научных исследований легли эксперименты и расчеты. Что такое словесные рассуждения на научные темы — слишком хорошо известно. Каждый год наш институт получает несколько десятков работ непрофессиональных авторов, которые пытаются решать сложные астрономические проблемы исключительно на словах (поскольку не занимаются наблюдениями и не могут рассчитывать сложные математические модели). В результате такие работы содержат слишком много неверных утверждений, основанных в основном на фантазиях их авторов. К сожалению, в том же ряду стоит и Ваша работа».

КЛЮЧ К ЛУНЕ

Полученный, он отворит для вас Мир

В апреле 2009 года после долгой работы я завершил Единую теорию Поля, или Теорию Всего — Мира как Лона сущих. Я очень хотел подарить ее людям, поведать о дивных ее открытиях. Но редкий метод труда и особый язык помешали читавшим понять его. Тогда и написал я эти строки: простые слова, к книге ключ.

Книга эта — труд жизни моей. В дни младые нашел я клад Тайны. Усердьем его отворив, чрез года осознал я: ***в стезе жизни нашей Луна — Цель нам, людям Земли***.

Цель — живит, единя: Жизнь — Одно, Цель живых. Целью, Богом (Жизнь — Он) един Мир, Стезя: Истиной — Ложь как подобье ее. Мира образ, теория ею ж крепка, сущей в шаге от нас по речам Пифагоровым. Так от Земли шаг — Луна, н**о́чи** огнь: очам бренным пла**нет**а, а вечным — звез**да**. ***Быть теории Мира рожденной — вернуть Луну в центр очей: место исконное, Цели престол***.

Мудрый Экклезиаст своей фразой, что все уже было в веках, учит Истине как **Star**'ине, корневой для и**стор**ии: Корень — Всё. Люди, ближайшие к ней, ясно зрили ее и рекли о ней; дело потомков — услышать их. С тем, метод мой — плод не мой: он взят мной у Платона в «Кратиле» — учении об именах, зернах Истины; язык мой — стих в сути. Текуч, стих — речь как Вода. Мир — Река кольцевая, замкну́тая Богом как ток из Него и в Него как Причину и Цель (учит так Гераклит; табл. 1); речь **реку**щих —

Вода ж: форма как Суть сама. Мир — Конь; Бог, Мира Царь — на нем Всадник: Закон **за Кон**ем этим в зрящих из Мира очах. К Богу, Корню идти-течь теория учит моя: в книге смертного горнее Солнце.

Таблица 1

Вопросы Творца как Причины и Цели всего

Вопрос	Ответ
*От*чего?	От Творца как Причины: от корня — росток, от истока — река.
*По*чему?	По Творцу: как по Сути — облатка ее, следствие — по Причине как Глуби своей.
*За*чем?	За Богом — как древо за корнем своим, за истоком река.
Чего *ради*? *К* чему?	Ради Бога; к Причине как Цели своей, коей рады идущие все.

В чем же состоит мой труд?

Известно, что попыток создать Единую теория Поля было немало. Мир как сущее на Духовной Основе единство материи и Духа многие жаждали узреть единым, сплотив тем в одно Ум и Сердце, Знание и Веру. Моя попытка удалась, поскольку верны оказались ее посылки, узренные в свитках Древности. Вот в чем они состоят.

Что такое «теория» вообще и «Теория Поля» в частности

Мир сей бренный использует сути без знанья их: он есть едалище, ю**дол**ь несмысленно сущих как царство Сего в Сем, чертог имманентно-пустой, — а не мир Постиженья: взысканья Иного, Того. Явь сему есть мирская наука, пародия на Познание, о которой персонаж Станислава Лема Снаут мудро заметил, что она занимается тем, ка́к что-либо делается, а вопрос, почему это делается, ей неважен. Поэтому «польза», бог бренных, исходит от «**полз**ать»: с**тел**иться по долу, тьме **плос**кой, не зря Вертикали — Полета, стези к Богу нам. С тем, мирские ученые с тьмою теорий их знать чужды, что́ есть ***теория как таковая***. Трудясь так, невежды, не знают они, что творят. А меж тем, зря суть термина, они избегли бы лжи их познания, превращающей этот процесс в поиск знания ни о чем.

Так исправим ошибку их! Имя «теория» в сущности — синтез слов Теос, Бог и орис, рот, означающий «богоречéние»: реченье Богом, Причиной всего, о Себе устами человека. ***Теорией, таким образом, есть боговдохновенная речь в единстве с рекущим, где Божье — свое ему***. С тем, теоретик по сути — звено меж Творцом и людьми, чрез которое Бог им гласит о Себе и Своем мудром Промысле. Теория посему — не окольный наш помысл об Истине, Глуби в нас: Боге и Мире, Сосуде согласном Его, — но глас Истины в устах людских, тем чистейший, чем чище, *иль глубже*, они, иль, что то же, — чем боле антро́п, ми**крок**осм, есть Мир, Космос. В пределе движенья сего человек, Мира образ — Мир: Сути портрет лучший — Суть. Мост миров, теоретик не медиум, труба простая меж ними, но деятельный, активный субъект, ***сотворец Бога***. Взгляд

атеистов, согласно какому критерием истинности теории есть практика как иное ей, в очах духовных есть ложь, ведь ***теория — практика в них, снявших рознь: Слово Господа — Дело Его***. Оттого в мире сем чтимы те, слова чьи одно с делом, сиречь чьи слова — дела их.

Любая теория, Богом жива, несет искру Причины. Теория Всего Сущего, или Единая теория Поля, — как теория всех теорий, вещает о Боге всеполно, являя Мир, Плод Его: зная творение — знаем создателя. Нам, в Мире сущим, Творец, Бог, есть Цель, а Мир — Путь: Поле, Простор-Стезя, где идущий ступает к ней. ***Создать Теорию Поля — есть явленьем Мира, Стези как вперённого в Бога перста дать нам, людям, целеполагание***. Коль цель ясна, остается одно — идти к ней, *сиречь быть*; не и**дущи**й — не сущий: лишенный **души**, к Богу ног. По речению Вед «Я есть То», Истина, горняя Цель, трансцендентна познающему, сущая от него в шаге, пути к ней: путь — шаг, суть шагóв всех. Позиция, занимаемая идущим при корне сего движения, есть пункт не-Истины: **Лжи**, **над** какой **над**|**лежи**т нам взойти. Ею есть ю**дол**ь бренных, Земля; пунктом Истины как телом в шаге от Лжи есть ***Луна, лицо Неба*** (табл. 2). Явь тому — связь сих тел, где Луна, вкруг идя, Землю зрит всю, царя тем над ней (царь — очей власть), Земля же — зрит лишь пол-Луны как в зерцáле — себя: Ложь — пол-Истины, Рознь пред Одним. **Лож**ь — лежит перед Истиной, ею по**лож**ена: отсюда — имя сие.

Глупость бренных нас в том, что и Истину, и Ложь мним дальним себе как абстракцией в смысле плохом — *актуальным*

ничто, — а они, предержа прямо нас — жизнь и смерть нам, Конкретное: Истина — жизнь, Ложь — смерть. ***Истина и Ложь — дома́ нам: дом-Истина есть Луна, Земля — дом-Ложь, путь откуда один нам — в Луну, бренных Цель***. Первое нам — Земля, на какой стоим, Луна ж — В|**тор**|ое, **тор**им куда путь как в стоящее после (**мет**á — греч.): Цель (**мет**á — укр.) — **Мес**яц нам, **Мес**|**т**|**о** нам должное как Бога, нашего Я, «Я — То» в Ведах, Второе. «**К**|**уд**|а?», вопрос Цели — ответ: «**к Уд**|у» — в Суть, ду́ш Фалл; **Селен**а — **член**, столп пещеристый. Луна — Ра, Огнь (ведь цель — огнь), чье Земля **от**|**Ра**|**жен**|ь|е: как Истине — Ложь. Огнь **да**ет, отраженье — берет, им как сутью живя своей. Парна Земле, Луна — Небо: **не Бо**г — его **шку**ра, **sky** (небо — англ.). О них учил **Пар**|**мен**|ид, утверждая, что мир сложён **пар**ой первоначал: огнем горним эфиром и тьмой. Земля-Небо, «ан-ки» — видя то ж, звали шу**мер**ы Мир. Истина — Лжи причина, в себе не делимая на целевую (конечную) и действующую (ближайшую), к Лжи стоя встык. Рек о том мудрый Воланд, про свежесть сказав, что второй ее — нет: свежесть первая — есть и последняя. Истина, Луна — причина прямая Земли: целевая и действующая заодно. Зрить в Луне лишь вторую (как зрила Блаватская, Землю ведя от Луны, Луну ж от тел иных, чредой к Богу всходящих) — есть Цель весть от глаз в бесконечность дурную, смерть их. Зрить в Причине, Одном, половину — ее расколоть, тем убив.

Луна — Сердце (англ. heart), Земля — Ум; Луна Земли больше (= выше и глубже) на Бога: Искусство, К|**рыл**|á:

He|a|rt = hea + art: Гея + Бог, Крылá

Что́ есть шаг меж Землей и Луной? Расстоянье меж смежными сферами Мира, дыра-грань делящая. Шаг, с тем, — дистанция между Землей, очагом (эллин. гестия) центрального вселенского Огня и первым кругом, границею бренного мира, тождественным в сути Луне как ее управителю. «Что наверху — то внизу», — рек Гермес: ***Высь есть Глубь***. С тем, Огнь, сущий в Земле, т.е. Внизу, тождествен Огню в Луне, т.е. Вверху: Взойти нам — Погрузиться, внедриться в дом бренный свой, Землю как плоть свою к стяжанью огненной Сути. Исконно она и есть Бог. Пребывая внизу, на дне сущего, в мире материи косной, кладем мы себе Цель одну — Не-Дно, Высь-Глубь: Луну, Огнь над нами и в нас, сердцесущный (о нем, двойном, Ка́нт рек). В отличье от солнца, огня дольних глаз, она — тайный им ***огнь нуменальный***: сосуд Бога, Его горящий огнем как Присутствием[1]. Древние знали об этом, молясь **Лун**е как **Лон**у Бога, Ве**лик**ой Бо**гин**е, и мысля познание Истины, Богопознанье, едино — чрез Мать Тьму, Луну как сосуд ее и сущих всех.

Таблица 2

Понятийные пары дуала Луна – Земля

Луна	Земля
Истина	Ложь
Цель	бесцельность (не-Цель)
То	Это

Сердце	Ум
Вечность	брение
Огнь	тьма
Ноумен (нумен)	феномен
Дух	плоть
Радость	скорбь

Отчего ж теперь мы лишены сего знания? Волею Неба, мир горний и дольний разъялись однажды друг с другом в очах наших — и Мир, единство их, рухнул для нас. Ведь Земля, дом наш, как на столпе своем зиждется на Небесах, Ложь на Истине. Человеком, разъявшим их, стал Аристотель, Ума муж (ведь мнил Ум он Богом), деяние ж это, свершенное — сутью конфликта его с Платоном, учителем, в коем Платон — Небеса, Сердце, а Аристотель — Земля как Ум, с Сердцем разъятый: плоть — с Духом как дерево с Корнем своим. Се́рдца Ум, очи зрячие древних, сменился слепыми очьми: Ум Ума, неслужение — суть их. Прямым следствьем этого стало рожденье в рознь первой, Афинской школе философов, мужей вселенского Синтеза, школы членителей, Александрийской, а в граде ее Александрии Египетской — явление Птолемея, вне воли незрячей своей извратившего *теорию* Пифагора изъятием из Земли, очага, Огня-Духа в нем сущего; со Птолемеем — Евклида, из града того ж певца плоской стези, геометра ползучих очей[2]. Борясь с мертвою, сиречь лишенною Огня, Землею, Коперник ошибся, назвав огнем

бренное солнце, тьмы лик: огнь не Сердца — Ума[3]. От сего пошло Новое время людей, с ним — прогресс нераздельных науки и техники (сущих не Истины ради — друг друга), итог чей — глухое невежество бренных. Его расторгает как путы мой труд, ***восставляющий Мир на круги своя***: с головы — на́ ноги. Вернув Луну как лик Бога, труд этот вернул людям Цель их как Одно м**ноги**х сих.

Бог — Смысл сущих единый, ***прямой***: Полнота. Аристотель наукой своей сослужил людям службу лихую, родив ***переносный смысл*** — Зло как метафору в худшем понятии, перенеся Бога в тайность из места, где был Он всегда, и тем дав Сатану нам, от Господа место пустое. ***Скрыть Бога — Луну утаить***; Аристотель — укравший ее, точно черт в свой мешок над Ди**кан**ькою. Так, узаконивши ложь, разделил меж собой он Абстрактное, Дух, Корень материи бренной, тьмы глаз, и Конкретное — эту материю, древо от Корня сего. С отрешением сим в очах наших Абстрактное стало ***ничем в конкретном смысле***. Вернувши Луну как Цель всех, обретаем мы, люди, ее как ***конкретное Абстрактное, или конкретное Всё***: Сердце, что зрим мы грудь не разъемля, Бессмертие в бренных очах.

Главный вывод Единой теории Поля

Будучи Целью очей наших, Луна есть центр бреннозримой вселенной. Вселенная вне Луны, бренных глаз поле, ложна как пред Сердцем Ум (служа Сердцу, Ум сущ как оно, им живой, не служа же — не сущ как отдельное); истинная же **Вселен**ная

заключена, как суть в корке согласной, **в Селен**е, Луне: Нумен-Мир с Богом в центре его.

---

[1] Об этом огне как Звезде незакатной, горящей внутри у нас, рек Иннокентий Анненский:

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

[2] С тем, обоих мужей сих число есть 13: очей тьма, рознь их. И «Начала» Евклидовы, и «Альмагест» есть тринадцатикнижья; последний же труд астрономам был главным 13 веков.

[3] Посему Птолемея отвергнув, Коперник на данных его свой возвел каталог: на Уме — тот же Ум.

Как устроена книга

Книга эта по роду задачи ее есть нелегкое чтение. С тем, чтоб облéгчить, Читатель, твой труд, текст ее разделен на три части.

Часть первая, наикраткая — к Луне ключи, книги этой Предмету. Труд чтения их, малых, скор.

Часть вторая — столп книги: свод истин про Мир (в Луне Шар со внелуньем своим, с тенью Огнь) и глаза, его зрящие.

Часть третья — книга сама в полноте.

Вся книга делима на цельные модули Смысла, зовущиеся мной коврами. То — жома поля повивальны. Ков'рами и есть они, сотканы мною из слов как из нитей во славу Cow, Матери; труд сей Платон и звал «царским плетеньем». К удобству, опорные мысли даны в коврах жирно: по ним, бодр умом, как по вехам дойдешь до конца.

Книга моя снабжена приложеньем — рассказом про ад, столп коры очей наших, иллюзьи. Без знанья его — коры сей не разъять.

КЛЮЧИ К ЛУНЕ

О безопорности новой науки и должном ее утверждении на позабытом людьми Столпе

Что вверху — то внизу, рек Гермес: Высь со Глубью едины. Бессильна узрить Недра сущего, наука бренная не сознает: тщетность эта — изнанка бессилья ее постичь горни тела, хор миров: части Мира как Целого, кое нам — мешок бездонный в незнании Центра его. Ведь без Целого часть — ничто; нет Центра — нет и краев, данных им как причиною следствье; нет двух сих — нет Мира: Системы систем, части коей, таимой нам, зримы без ви́денья; с тем, бренны, зря, мы — слепцы. На дыру, пустоту оперло́сь знанье наше, тогда как есть Столп у него, Полнота как Опора. Ее чужды мы*. Ведь с поры Николая Коперника, взявшего центром очей наших Солнце, Мир в них стал дырою бессветной, стезею без цели своей и мешком без пределов, утратив подменою сей центр свой истинный. Он есть Луна — огнь Небес, в очах сих мнимый камнем холодным, влачимым Землей вкруг себя**. Труд Коперника всходом своим зачал Новое время планеты: безмирье, лишенность Луны. Стяжать Центр сей очьми — взор науке вернув, Мир познать.

---

* Опора на Полность — на Бога опора: Столп — Он; на дыру от нее — в Сатане утвержденье, от Бога дыре, пустоте как изнанке Его. Господь истинный есть Царь Всего, кое Мир, Божий Плод; Сатана — бренья царь имманентный как полу-Всего, Мира в розни.

** Незнанием центра Вселенной как корня единства ее рожден центр как корнь розни — пункт Взрыва, явившего мир бренных глаз: рознь **оч**ей как кончину Любви, Т**оч**ки их.

*Sine qua non**

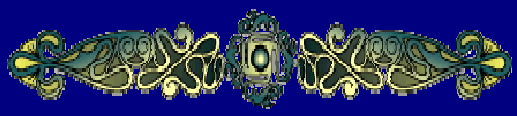
Ключ к созданью Единой теории Поля

Ключ к созданью теории сей
есть признание Бога, Я нашего
и Творца Мира, и Мира,
творенья Его, Поля сущих полей
как Стези к Нему. Только оно,
столп всему, придает смысл
исканию Истины — Я, Бога,
с тем — смысл теории Поля
как ходу к сей Цели Путем сим:
стяжанью людьми Сути тайной
чрез явленность Места,
Луны в небесах**.

---

* Без кого нет (лат.), необходимое условие.

** Бог с Луной — с формой суть, нераздельность. Луна — Небо, **sky** (англ.), **Ра** (Го́спода) **шку**|**ра**. **С**|**ин**|**ь**, не́ба цвет — **Син**, Луны бог у китайцев, старик **си**|**неб**|радый; **Ци**, **Ки** — Луна, Дух-Тьма; отсюда — **Ки**|**тай**, **Sin**а (лат.): земля лунная **Тай**ны (с династией первою **Ц**|**и**|**н**|**ь** и последнею **Цин**) — как **Инь**, Лона-Жены, — кою с тем «поднебесной» зовут.



Корневой пункт Единой теории Поля

Поместив в центр системы окольных Земле планет Солнце как центр очей наших, Коперник заблуждался: центр системы сей и Мира в целом[1] — не Солнце, а Луна[2]. Центр есть Суть: знать его — ведать всё, а не знать — ничего; познать Мир нам — Луне вернуть место свое как главе сего тела, снес кою ему Аристотель[3]. Возврат сей есть книга моя.

Центр всего, Луна — Центр наш: огнь Истины или Мо|мен|т Ее, Шило в мешке бренных глаз. С ним сошедшись, наука мирская узрит эгоизм как уродство свое, имманентность прейдя к Жизни, высшей Науке. С ней мы, преступив порог дольний, познáем себя как Луну, Вечность-Мать.

---

[1] У Коперника две сих — одно: что нам часть — Целым было ему.

[2] Центр очам — центр всему в них:с очьми Мир — одно. С тем Луна — ось, на кою нанизаны оку миры. Рек поэт о том:

В яркой фантастической ин|три|ге
Все миры соединит Луна.

(Юлия Мицар)

[3] В лишеньи главы сей **Лун**а, Небо (**sky** — англ.), **То**го **шка**ф, — по По**лно**сти, Богу («аль», «эль» — Он) **печ|аль** (огнь **пек**ущ как отсутствие, нуль) и **то|ска**. О том рек **Баль**монт так:

Но, нас маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула в бледной дали,
Красавица тоски бесперемённой,
Верховная владычица печали.

О главном людском заблуждении

Заблуждение главное наше,
тьма глаз — в том, что зримость
их, внешнее, мним мы за Суть.
Суть же истинно — Тайна очей, Клад
к отрытью. Не ведая это, идущих
себя мним пришедшими мы:
Богом — прах. Зримость явная —
бренная, тайная — вечная.
Óгнь первой — Ум, солнце буднее,
огнь второй — Сердце, Луна.
Суть — она, сердце наше!
Луну́ зря — зрим Тайну очьми
яви мы; Луну зная — мы ведаем
Мир как Себя Самое.

Об очах книги сей

***Божий Мир, что Вселенной зовется — Пир глаз,
для них сущий, как сущи они для него. Очи зрячие, Миру
чета — очи Центра Вселенной, Луны* как Вселенной всей**.
Взор глаз сих, лунный — взор Целого, Целое зрящий; безлунный,
противный им — части взор с Целым в борьбе, слепой ею. Взор
глаз зрячих — ви́денье, Сердце, незрячих — смотрение: Ум, мнящий
Сердцем себя. Мир есть Божье Одно. Очи видящи — Миру согласны
единством; смотрящи — разъяты в себе, с тем — разъят и Мир в них:
вижу то, чем есть сам. Очи видящи — Мифа глаза, Солнца магов:
Луна — он; смотрящие очи — лишенность его: ими зрит бренный мир,
Луной сущий без знанья ее. Видит — часть, себя зрящая Целым
в склоненьи пред ним; так зрю я в меру сил. Видеть — зрить на'Gott'у,
суть под коркой. Труд мой посему — очей Nu'мен: Мир голый
как сущих Нутро, Глубь как Дух (kou — ег.), Cow'smos
как Корова (go — санскр.) Нут, лон Лоно — Мать, Господа Длань.***

***Мир — Одно, Простота. С тем, простор его — центр
в точке каждой глаз зрячих, что с Миром одно;
в очах бренных, слепых рознью с ним, Мира центр —
центр глаз этих, зрачок как Луна, Бога глаз: точка бодрствья,
Ума в Сердце вход как в Себя самое. Зряч лишь он,
бодрый, прочее — спит. Очи бренны, с тем, спящи;
центр их — в бодрствье, виденье дверь:
в глаз-зрачок, центр-везде.***

***Мир глаз видящих — сами они. Ибо очи суть часть,
Целое — Предмет их, что объять жаждет глаз;
в Мире ж виденья, Двоицы чуждом, часть — Целое.
С тем, очьми вта́йне объемлем мы Мир;
пробудиться — излить Мир из глаз как Явь их:
отворить очи — Мир сотворить. Дует ли ветер
в поле, где нет нас? Неверный вопрос:
в поле — есть мы всегда, Мир объяв в тайне глаз.***

---

* В оке нашем, смотрящем, согласен ему центр, зрачок наш как Тьма.
Лунный, *видящий* глаз — черен весь как Взор, Зрак.

** Центр Всего — Всё само: колеса ось есть полность его.

Мир в Луне и безмирье вовне

Человечество Мира, творения Бога, вовеки едино в блаженных очах, и Планетой Антро́пов единой, Землей их — есть Мир, Шар, на внутренней стороне чьей живут они, ведь внешней он не имеет как Глубь: всё — внутри у него[1]. Единое время их — Настоящее: Вечный Миг, больший времен преходящих. Миг этот в себе, собой длим — Век Златой: Шара-Мира пространство, Простор Человеков, в чьем центре сияет как солнце Бог.

Но волей Божьей, неисповедимою, ви́денье, очи благие, разъялось в себе на себя как Луну и иное как Землю, — как Мир (ибо очи согласны ему) на Мир, Всё, и не-Мир как ничто, от Всего дыру, очи незрячие бренные. В Луне, на внутренней стороне — ибо есть Луна Мир, — тайны им, живут истинной жизнью Антропы как видящи в Веке Златом, Star'ине дольних глаз, что в Луне не иссяк как Миг-Мир Настоящ[2], Огнь чей — Бог[3], жизнь под Кем — бодрствье зрячих, Подсолнечно царство: Явь вечных очей и Сон бренных; антропы невидящи, кои есть бренные мы, существуют снаружи Земли с Луной, спя как слепцы, и их вне'sne'е солнце не Бог — тень Его, Сатана: Ум при Сердце, на Истине корка-иллюзия, лузеров шоры, зиянье. Антропы Тьмы (ведь Глубь — Тьма), Гости, Контакта реальность, есть Люди Луны, в ней таимы, о коих, очьми Ума зря, до́лжно речь, что приходят они из Луны, как пришли мы оттуда в свой час; а очами сердечными, Века Златого очьми видя — речь до́лжно, что они Люди как мы, и на той же Земле, что и мы, не пришедшие из сфер иных (в Боге Миру — Иного нет), но лишь вошедшие в меньшее, нежели сами: в Рознь, комнату в Доме сем, и в очи те, коих суть есть она.

---

[1] Тело тел, больше коего нет, Мир — сосуд сам себя, невместимый вместитель. О нем как о Сердце (ведь Мир — Сердце наше) рек Сковорода: «О, сердце, бездна всех вод и небес ширшая! Сколь ты глубока! Все объемлешь и содержишь, а тебя ничто не вмещает».

[2] До|теперь, до Мо|мен|та — до|сель, до Сел|ены: М|иг-Ма|ть, она есть И|г|о п|раз|дны|х очей, Сто|лп мин|у́т, что прошли и что ми́нут еще, пе'те**m'ен** как в'те**m'ен** Корнь: мин'ut'а — «от Мен|ы», Луны, тень от Солнца; от Ле|т|о, Ла|т|он|ы — Луны, Тьмы как К|рыл-Лёт|а, — ле́т счет наш.

[3] Солнце Его — Материнское: Огнь во Луне — Бог-Мать, Тьма.

Луна — Дом вечный наш

В очах видящих, вечных
Луна и Земля есть одно: Тело-Мир,
Век Златой как Вселенная вся,
Солнце чье — Бог, дитя же — Антро́п.
Земля в розни с Луной — в очах бренных,
слепых: рознь тел сих — глаз сих рознь.
В них Земля — явь, истории дом: реки-тьмы,
утерявшей Злат Век как Исток; Луна —
Тайна: дом Века Златого как корня души
нашей, скрытого пло́ти очам. Корень —
цель: зрить корнь свой — знать себя, чего
жаждет любой[1]. С тем, земной человек,
дитя бренья — лунит[2], Мать забыв, мимо
воли незрячей своей ход торящий в Луну,
лунку Мира[3] (бить лунку — лунить[4]),
Глуби бренных очей, чтоб явить
Суть свою — Бога в них.

---

[1] В том — великая суть афоризма «Зри в корень!» Пруткова Cous'мы:
зов Дельфийский познать нам себя.

[2] Человек, **Ман**у (санскр.) — Луна, **Ман**: закон древний — причиною следствие звать.
Ману (санскр. मनु) есть титул первых-единственных: Луна, Сень, Ноль единиц.
Пищу Неба как лунную — **ман**ной зовем. Др.-инд. **mas** — Луна, **мас**сы корнь:
сущи Луной — из нее состоим.

[3] Антроп спящий, идущий во сне без сознанья сего (спать и бодрствовать —
равно участвовать в Мире, речет Гераклит).

[4] В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.

Луна — сущего Грань

Стремленье людей выйти в Мир,
сущих Дом, как залунье — абсурд: за Луной —
Мира нет. Что мнят и́м, есть лишь тень иль дыра
от него, нуль-безмирье[1]. Вселенной как Истиной, Целью
познания, есть тело в шаге от бренных — планета Луна,
где как Глубь, без наружного Шар, скрыт им Мир с Богом,
Сердцем[2]. Селена есть Бога шелом, с Эль caus-tru'ля: Эль —
Бог. Луны Полность — очей пустых Нуль: Пустота, чей
Луна баРабан, с Языком-Духом колокол; зримость небес
с хором звезд — Глуби выблеск на брения свод чрез Луну
как фонарь: про Иное кино[3]. С тем, Вселенная —
луноцентрична: мир зримый есть обод сего Колеса,
Луна — Центр: Вечность, Дом наш, где бренье живет,
в Тайне, Яви очей полных — явь глаз пустых как бренчание
в Музыке. Обод есть Это, Плен; Центр — То, С-в-обод-а,
очей Полнота, Колесу не причастный; Луна как глаз явь —
вход в него: в Сердце — Ум, Дверь очам. Глуби тело,
лицом, зримым нам, Луна — Глубь: форма —
в сути живет как горшке, в Сердце — Ум.

В Луне — Жизнь, из Луны как из Мира
летят Гости к нам: лунны к лунным, не зрящим
Дом свой. Познать Вечность — Луну отворить
как врата[4]; знать Луну — ведать сердце свое:
бренья Глубь, пло́ти Дух.

---

[1] Иллюзия, ложь как реальность вторая за Истиной, первой как тень от огня, суща им: сгас он — нет и ее.

[2] В|селен|ной — в Селен|е и место по слову сему. Учат древние: Si monumentum requiris, circumspice — Если ты ищешь монумент — взгляни вкруг (лат.): в сути — на шаг от себя. В шаге — Истина: Мир, Mun|d|us в Mon|d, Луне (нем.), доме Бо|га с бо|монд|ом Его; Монд — Мир (франц.): Луна вся, корка-Глубь. Познающему всякий шаг — первый, в чем есть он дитя, как Дитя Бога — Мир; в шаге первом и Миру и нам Бог — Опора едина. Шаг первый есть Сердце, второй — Ум, над Сердцем восставший, застлав тьмою Огнь. Мир, Глубь лунная — Полность, внелунье ж — дыра, мир пустой; Глубь — Ед|ин|ство, зеленое цветом, внелуние — Рознь-краснота, несходимость как взорванный мир сей. Залунье как внешняя тень — пустота пустоты, имманентность «нет»; залунье-Глубь, Тьма-Внутри — пустота Полноты, трансцендентность как Да, «Я есть То». В бренном оке пункт Глуби — зрачок, центр глазной, а внелуние — пе|риф|ерия: так бренья центр — Вечность-Луна; в оке Глуби з|рачок — цельный глаз как взор полный, з|рак (стар.): око-смерть (Вечность — сме́рть, mor|s (лат.) бренным), Луна как Гостей не|мор|гающий глаз. Полноты-Глуби явь, в Луне сущей — фамилии первых землян, облетевших Луну: Ло|в|ел|л: Love, Любовь, Благо-Well (англ. колодец: Глубь; well — «вёл»: Глубь — Цель, что ведет: «Я есть То [что Внутри]»); Андер|с: un|der — под, во глуби; Бор|ман — «бур в Man»: Луну-Глубь, что ман|ит-лов|ит нас.

[3] Луна есть Щель иль Ран|а, отколь светит Глубь на свод сей, лунный круг, как эк|ран. За него ход — абсурд: бесконечность дурна как ступанье без ход|а, не God — Сатана, плен глаз. Так, заплутав, ходим кру́гом, не зная стези. Луна есть око выблеска Глуби, мнясь телом на круге ее, — как зрят бренные очи; в духовных очах же она — весь круг сей, Земля в коем — как в лоне своем. Лона зря сего стенку как небо очей наших — зрим мы в Луну, где и *видим* Вселенную всю.

[4] Ведать все — знать Причину без внешнего ей. О том сказано: «нельзя схватить наружные звуки барабана, когда бьют в барабан, но, схватив барабан и барабанщика, схватывают звук» (Брихадараньяка-упанишада, I, 1,11).

Бренный свет
и мы в нем как осколки Луны

Явление наше в мир сей, юдоль бренну — отпад от Луны, скол с нее как утрата Себя чрез замену Всего на ничто, Того Сим; и Луны скол — Земля, бренных дом. С тем, Земли люди первые Скифы — «сколóты» себя звали[1], скóлоты Богом с Луны, Ки (Ци — кит.), Кóла (Круга — стар.) Тьмы[2] по решению (лат. scitum) Бога ж: решенье — отрез, скол; скол — школа[3] нам, падшим. В том — суть Эволюции: Глуби огонь, Лих (свет — лат.), явь как Дева-Луна. Люди, мы — корка Лона сего, Сути луд, праздник чей основной — КоляДа: Бога, Да, круг и кол (фалл), Луна. Восход бренный наш из обезьяны — из Этого в Это — ложь, ибо не есть переход он, и меньшее — большего не родит. О-без-я-на не корнь наш — подобье: скол с я как утрата. Так скол с огня — тень есть его[4]; так рожденье (go\|ne\|ia — греч.) наше в мир сей — с Луны, Go'Лов'ы гон: Я, Бога — в не-Я как утрату Свою. Кто с Луны не упал — и Себя не утратил: то — горний народ: зримо — гости, по сути — хозяева нам как антропы при Боге, в Луне, люд покорный Ему.

---

[1] «Царские», по Геродоту: П\|рич\|ине причастные, Луне как сущих царю.

[2] Спавший с Неба есть спящий в сокрытьи его от очей. Небом, Бодрствием нашим, спим мы как Луной, Сном очей спящих (как Сон — Го\|**спо**\|дь, Центр в ней), Скифам — **Ма**\|**спал**\|л\|ою, **Ма**терью их.

[3] Skol (бретон.), **scol**a (лат.).

[4] Simia quam similis, turpissima bestia, nobis — «Как похожа на нас обезьяна, безобразнейшее животное», — сказано римлянами о том.

Луна как Дверь

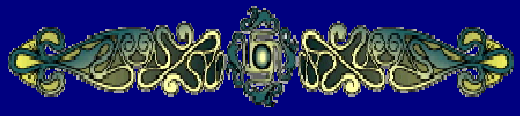
Грань меж Этим и Тем, Луна — Дверь,
в Ра врата. Ею горнее сходит в мир сей:
дух в плоть, огонь во тьму; дольние,
в То чрез нее всходим мы: в Высь как Глубь,
наше Я. Ею, Два Одним деющей, Мир
в очах цел. Бог с Вселенной своей, Тайна
с явью, с конкретным Абстрактное,
чуждые нам меж собой (клин меж них
Аристотель вбил), слиты в Луне[1]: зная это —
Войдем мы! Луну, Дверь, как сердце свое
каждый носит с собой. Покидая мир сей,
в нее входим мы: сильный — вполне, с Луной,
Силой един[2]; Силы чуждый — плоть
бренью залогом оставив: не весь —
половиной своей[3].

---

[1] Соотносимые как нераздельные друг со другом Структура (Мир, творение) и Функция, ее живящая (Господь, Творец). Слово «**Аб**-**стракт**-ное» и означает буквально «неотдельное от (**ab** – лат.) **структ**уры»: функция, пара ее и творец.

[2] Таков маг, уходящий в Луну без остатка. Уход этот, коллапс со вспышкой, зовет Кастанеда «огнем изнутри».

[3] Так уходят обычно, оставив плоть гнить в земле сей.



Обретенье Луны
как труда сего суть

В очах видящих Мир, Колесо,
Ось чья Бог, и Луна — Суть одна.
Как Одно, оба есть Мир, Дом сущих;
Двумя зря их, Мир — Суть, Луна — имя:
Сути сосуд и врата[1]. В мире умном[2], истории мире,
утратившем Век Златой, Сердце-исток, — Луна
есть два огня: огнь небесный вверху, Солнцу парный
как Сердце Уму, Суть облатке, — и огнь в сердце
нашем как Дух под землей, коркой Сути людской[3]
(люд — луд, пленка: антропность как маска Актера
сего, тропá в Суть). Зрил его Гермес-Тот, рекший: Верх,
Низ — Луна, Глубь-Одно[4]. Пифагор чтил его — Огнь
подземный, Центр в нас. Птолемей, очи чьи затворил
Аристотель, к Иному слепой, — почтил корку без Сути,
взяв Землю пустую за центр как безлунные очи. Коперник,
зря тайность Огня, по ошибке очей умных им нарек
Солнце: не Сердце, но Ум в рознь ему. Видя это,
почтил я Луну в небесах как Огнь истинный,
должный, сведя Два в Одно: огни в небе
и сердце людском — в Огнь один как
Луну, Миром ставшую в наших очах
по пророчеству Дельф[5].

---

[1] **Сем**и **мéс**|то: Семь — Мир, Луны-**Мес**яца Глубь. Суть и имя — деянье и слово: **суб**страт и сосуд, где сущ он. Древним были одно они; нам, словом немощным — два: рознь, **пустая Луна**.

[2] Пред Сéрдцем Ум — Два пред Нолем, пред Тьмой тьма, пред Огнем тень его.

[3] В Ге|е-Ге|сти|и, топке Огню сему: hestia — **очаг** (греч.), на **Очах** сих кора. Высь и Глубь — Огнь единый: Ть|ма, Ма|ть сущих, Лоно-Луна. О Ней сказано: «Небесная Дева [Мать, плодная от Себя, с тем — Жена непорочная — *Авт.*] нисходит через Врата Венеры в Демиургический Ад Материи и становится подземной Богоматерью: Хранительницей Тайн, Душой Земли. (…) Гроты и пещеры служили священными местами культа Богини, ибо это одновременно и могила и лоно Земли, символ матки».

[4] Ведь сказал в «Из|умру|дной скрижали» своей, книге лунной, Гермес, душ водитель в Луну, дом их: «Что наверху — то внизу».

[5] Речь идет о последнем пророчестве Дельфийского оракула, см. заключение вводной статьи «Огонь огней сияет вновь».

ЦЕНТР МИРА
В ВОЗЗРЕНИИ РАЗНЫХ МУЖЕЙ

Зрящий	Центр мира согласно ему
Г**ерм**ес Трисмегист	Луна как объятель Земли: Истина — Лжи как следствья ее, Центр вверху и внизу (так в санскр. сатиям, «истина», крайние слоги есть Истина, средний — Ложь)
Пифагор Самосский	Луна как Подземелье: Огонь в очаге, Земле
Клавдий Птолемей	Земля как очаг без Огня, тьма бе**злу**нная
Николай Коперник	Солнце брения, внешний огнь: Ум как тень Сердца, Луны
Олег **Ерм**аков	Луна как объятель Земли

Эволюция взгляда на мир очей наших, здесь данная — цикл хода Центра его: Луной был — Луной стал он, вернув Мир на кру́ги своя.

Грань утраты Луны
во всемирном Познании

Солнце, гла́з бренных огнь,
и Луна, огнь глаз вечных, феномен
и Нумен, — суть Нус, Аристотеля Бог,
и Платоново Благо, Ум с Сердцем, огнь явный
и тайный Огонь (яви больший, сказал Гераклит).
Благо есть огонь истинный, скрытый в Луне
как сосуде, Нус — ложный, ведь целью последней
(огнь — гла́з цель) не есть, ибо сам устремлен*.
Цель не Солнце — Селена; Латоны, Луны глас,
Платон — суть Плутон, страж Богатства
подземного: Бога в Луне, Подземелье очей.
Платон — Глубь: Бог, Одно; Аристотель —
облатка: Рознь, Арес как черт, месяц с неба
укравший. Платон — Православия столп,
Аристотель — оплот католичества,
па́п очки, в коих Ума-солнца лик чист
как Цель. Платон есть обладанье
Луною как Истиной всех,
Аристотель — утрата ее.

---

* По словам самого Аристотеля

Луна как Свобода, глаз бренных секрет основной

В паре Земля-Луна Земля, брение — плен, Луна — бренью Опора, Свобода. Не зная ее, безопорны мы, Столп свой не зря. В мире этом Свобода, Луна — секрет главный: явь редких, что рушит отдельность его, как лед — солнце, плотину — вода; целым быть бренью — Луны не знать. С тем, таимы владыками бренья от толп и антропы ее, и машины их: в Сем безопорные, ибо Столп их — Луна, То*.

---

* На нее-то оперся **Moon**'хгаузен, вынув себя за власы из болота. О лунном векторе научно-технического прогресса Земли российский ученый А.В. Фролов пишет: «Процесс изучения новых технологий в области альтернативной энергетики и гравитации активно идет во всем мире. Не включая в рассмотрение секретные программы и институты, можно сделать вывод о том, что активность работ выше в странах с ограниченными топливными ресурсами. Россия имеет богатые природные сырьевые запасы, но в ближайшем будущем они перестанут играть решающую роль в развитии экономики. Индустриальная и оборонная мощь страны будет определяться технологиями по свободному извлечению мощности, биологически активным типам энергии и безопорным способам движения. Новая технология не только создает новую технику, но и новый баланс в экономике. Но это уже не физика, а политика. Трудно сказать, какая из политических групп заинтересована в развитии новой науки. Цель любой из партий — власть, а при распространении технологий свободной энергии, человек и отдельное промышленное или сельскохозяйственное производство становятся менее зависимы от централизованной системы распределения ресурсов, следовательно, более свободными от влияния центральной власти. Смежные биотехнологии дадут человеку качественно новый уровень сознания. Трудно сказать, сохранится ли понятие «власть» в привычном смысле, и насколько изменится понятие о «государстве», если альтернативная энергетика сможет прорваться на рынок, устранив монополию топливно-энергетического комплекса».

Луна как Челн челнов

Луна — Божий Ко|Ра|б|ль: кора Бога
и раб, с тем — детей Его, ко Ра челн, дом
всеантропный. Быть в|месте антропам —
быть в Месяце, Мес|те едином их. Знать
внутрилунность свою — Богу верными быть
как владыке Луны, а не знать — спорить с Ним*.
Спорит с Богом слепец: бренья житель,
без виденья зрящий; согласен с Ним — видящий,
чей Вечность дом. Длань покорных, согласных
с Творцом — Божья длань; рука спорящих — длань
лишь их. С тем, в очах видящих Луна, Челн Божий,
соделана Им и народом Его; в слепых, бренных —
она плод ничей, шар бессутний, сиречь не-Корабль.

Космизм рек: час придет — Земля станет челном,
управимым единым с Вселенной антропом;
Луна же — от века есть он: Мира Челн
как Корабль всех Гостей.

---

* Быть из|го|ем : из Go (санскр. корова) исторгнутым: из Луны, Матери с Господом в ней.

Ум и Сердце: земной человек и космит, антроп-Гость

Космит, Гость нас, землян — в плоти дух, гонец Целого, Мира в земном мире, части его, житель Века Златого (ведь Мир — он), антроп из Луны. Им мы были довечно, им станем мы после времен, как в Луну в Мир войдя[1].

Рознь космита и нас — лика с маскою рознь. Маска есть индивид, в себе взятый: антроп как отдельное, особь, — души сосуд, скрывший безверьем ее, Ум как Сердца тюрьма; лик — сосуд с ней единый: космит, Тьмы посол; лик-личина как среднее — личность: антроп Земли сей с верой в То, связкой им. Индивид — Земля, Это, начало пути; личность — путь сей; конец пути — Лик: Луна, То. Тело наше — душе гроб таящ, Гостя — лампа сей искре, я'VIT'ель ее. Плоть земна — Ум Ума, эгоист неслужащий; космита — Ум Сердца: слуга души, в ней растворенный покорством своим, с тем — душа самое: невесомая сома, от тяжести вольная в Сем[2]. Плоть землянина бренна — крива, не зря Бога; космита — пряма в устремленьи к Нему[3]. Бренья житель, землянин питаем земным как наружным; космит — солнцеяд: Глубью сущий как Господом, Солнцем всего, с тем — и солнцем небес бренных сих.

---

[1] Преображение тела землянина, нашего, в тело космита, как брения в Вечность, есть взятие им за опору свою, от Земли, Ума-Лжи отошедши — Луны: Сердца-Истины, Тьмы.

[2] Гость наделен способностью проивольно менять свой вес как давление тела на землю, снижая его до нуля.

[3] По вертикали и горизонтали: тело Гостя лишено кривизны позвоночника и стопы (ее свода), **изгибов покорства Сему** — бренью, внешней среде.

Книга эта как в Космос полет

Глуби ради вершимо познанье Вселенной
как Глуби в Луне и Луны, коя Глубь.
С тем, Луны одной ради мы в Космос идем:
нам и есть она он. Первый, Спутник
пробил в него дырку — врата отворив,
Путь явив нам. Гагарин взошел чрез нее,
став на Путь. Вслед идя, Армстронг сшел на Луну.
Книгой сей в нуменальном полете вошел
в Луну я, явив дольним очам Мир, в ней Глубь,*
Тройку как космонавт-Три.
Меж мной и Гагариным Армстронг —
меж Сердцем и Сердцем Ум,
в Сердце как Лоне своем,
*в Духе плоть: Са-Ти-Ям**.*

---

* В Глубь эту как Высь вошел я (ведь Высь — Глубь), Луну в сердце найдя у себя и придя к ней стезей наикраткой (учил так Сократ), в чем и есть нуменальный полет мой. Гагарин и Армстронг — стезя внешня к Глуби: Гагарин — начало, **к** Луне шаг; конец — Армстронг, шаг **на** Луну; вы|шел первый, второй — при|шел. Я же, во|шедщий **в** Луну, сердцем в Сердце — ход-Глубь: шаг **Во|в**|нутрь и **В**|ну|**т|ри** как Одно.

** В слове «ис|ти|на», са|т|и|ям (санскр.) слоги крайни — Жизнь и Смерть как Истина, Сердце; меж ними слог — Ум, Ложь, что, Сердцу служа, им правдива, а нет — лжет собой. Таковы бренны мы, сущие меж двух бездн (рек Пас|кал|ь) — Тьмы и тьмы, с Тьмой единой как Двойка с Нолем.

В работе моей одолен корнь тщеты всех бесплодных попыток создания Теории Мира, Поля полей (в коем сущие, к Богу идем мы: Бог — Цель, Мир — Путь к Ней): их опора на бренное зренье, на феноменальные очи, — тогда как Мир вечен и есть не феномен, плащ Сути, а Ноумен, Суть нагишом. Труд мой, с тем, — *нуменальный портрет Мира: Мир как он есть*; ход к нему — переход с имманентных столпов тленных глаз наших на трансцендентный — исконный и вечный — столп *ви́денья*, коим в очах есть не Солнце, огнь дня, а Луна, н*о́чи* огнь, **Сонце Сна. То — Огнь-Суть, бренью мнимый огнем отраженным: пла**нет**ой — звез**да**, смертью — Жизнь, Пустота глаз пустых, Состав наш*.**

---

* З’Ves’Да — Тьма, **в** Луне **В**ес, коим сома ве|с|ома: огнем, духом — плоть, тень его, вес отдельный чей — нуль; **со**|**ма**, тело — **со Ма**терью: Два **со Н**олем, в Духе **сон**. Ves — Yes, Да: Тьма, Глубь — Бла**го**, всему **Го**|**лов**а; главный — **ma**|**in**: **Ма**ть-Глубь, в **Лун**е **Лон**о, в Янь **Ин**ь как в **Ум**е Сердце, в **Му**|**же Же**на-Мать, **Ко**|**ров**а, **Go** (санскр.) — **Но**ль, П|*ров*|*ал* очей бренных, **Ров** их. О Луне, тайной бренным очам как Составе и Пище их рек **Я**|**ма**|**мо**|**то Цун**|**э**|**то**|**мо**: «Наше тело получает жизнь из пустоты. Существование там, где ничего нет, составляет смысл слов: «Форма есть пустота». Слова же: «Пустота есть форма» свидетельствуют о том, что пустота содержит в себе вещи. Не следует полагать, что пустота и вещи суть различны».

Свидетельством истинной силы ничтожного бренным очам огня Луны есть творимый им рост всего живого, свершаемый ночью — порой лунной сна: ***Луна, ночь, сон — одно***. В сне дневном нужда детская — в Луне потребность: Луною растет дитя. Бодрствье при Солнце, огне дня, есть сон при Луне, роста нуль; сон при Солнце — с Луной бодрствье, рост. Рост от Солнца, Ума — вширь-наружу: шире́ть есть жиреть, расти ложно; от Сердца, Луны рост — Ввысь-Вглубь, сиречь в истинном смысле своем. Расти — к Солнцу как Цели тянуться; Цель сущих и Солнце — Луна: Солнце в солнце, в Уме Сердце, Суть.

В своем стремлении постичь Мир человек наших дней, часто мнящий, что верит в Творца, без действительной веры, свершает две главных ошибки. Первая состоит в том, что, будучи единородною частью Вселенной[1], себя зрит живым он, Мир — мертвым как гроб этой искре, не ведая: **Жизнь — сам Сосуд сей**. Жизнь есть **во** Вселенной, ведь **Жизнь есть Вселенная**: Лоно всех сущих плодов, Жизнь живых[2].

Вторая ошибка человека в том, что, мысля все в Мире конечным в своей ограниченности системным целым, имеющим центр, что довлеет, и периферию, подвластное (так зрит он атом), — сам Мир, Сосуд сущего и Целое целых всех как частей, *целых **цель**ностью этою*, зрит он мешком без пределов, в своей изотропности не имущим ни периферии, подвластной центру, ни центра, куда льнет она, как **лоз**а вьется к **сол**нцу. Верующие люди, утверждая, что центр и грань Мира есть Бог, правдой сей бесполезны иным, не явив пункт в п**рост**ранстве, где сущ це́нтр сей. Некогда центром Вселенной землянин зрил Землю — себя как Дух, Зрителя в бренны г**лаз**ницы. Коперник, назвав центром Солнце, Вселенную центра лишил, тем убив ее (в очах людских — и поистине: быть — зриться[3]), чем довершил Аристотелев труд, свергший очи Платона: сменив Бога Дьяволом, Целое — частью пустой, тенью — Огнь[4]. Так в очах наших сгас, умер Мир, **ибо умерли очи сии**[5]. Оживить к зренью их — есть явить им живой, иль имущий центр, Мир, дав центр сей как конкретную точку. Труд этот свершил я, вернув **центр Вселенной глаз наших (с очьми — Мир един): Луну, Глубь зрачка их** — Нумен вместо феномена, внешнего центра, каким Солнце есть[6], вместо Дьявола — Бога, Н**утро** вместо корки, под тенью Огонь как воз-**в-Ра**-т на кругú своя: Се́рдца, антро́пам исконны в те**мни**це квад**Ра**та Ума.

---

[1] «Мир», «Вселенная» — в сути одно: Лоно всем и творение Божие. МиР — Тьмы и Света единство, Жены, М, и Мужа, Р; «и», связь их — Бог, Мира Клей, Коим цел он.

[2] В труде своем «Автотрофность человечества» об этом пишет Вер|над|ский: «Очевидно, что жизнь не есть простое, исключительно земное явление, но (…) должна рассматриваться как космическое явление в истории нашей планеты. И также очевидно, что монолит жизни в целом не есть простое собрание отдельных неделимых, случайно собранных, но есть сложная организованность, части которой имеют функции, взаимно дополняющие друг друга и содействующие одна другой».

[3] Esse — percipi — «Быть — есть быть в восприятии» (лат.).

[4] С трудом этим согласна фамилья Ко|пер|ник: «ко пер» — к огню тень, ему парная: «пер», «пир» — огонь.

[5] Или Феб умер в них: бог-Стезя, половины очей единящий как Землю с Луной в очи, цельные как Мир, Пир их.

[6] Луна, Ноумен, что мним феноменом мы — Огонь истинный; **Мі**сяця (Луны — укр.) **мис**|**сия** — **сия**ть во зрячих очах. Со-**Лн**-це — пара **Лун**ы неразлучна: подобье при сути своей. Л**ун**а — **Un**o, Одно, **Sol**o (ит.); **Сол**нце — Два как повтор Одного. Солнце бренных глаз — Ум в них, Луна — Сердце в них; знать ее — знать Себя самое: Бога, Глубь. Сократ, звав за оракулом Дельф нас к познанью себя, был Незнайкой, искавшим Луну под землей бренных глаз с солнцем их: под Умом — Сердце, Суть.

Опорные пункты Единой теории Поля

1. Пространство вселенной очей наших анизотропно, ибо имеет Центр: им есть Луна, огнь за шаг от Земли, спутник-Мать, сотворивший ее. Центр очей — их объемлет: Луна — Надземелие нам, Подземелье — Луна же (как зрил Пифагор ее — Огнь в Земле-тигле): Высь — Глубь. Меж Луной и Луной Земля глаз бренных — в Истине ложь, средний слог в слове сатиям, истина: Двоица в шорах Ноля, во Тьме тьма*. Мнима внешним огнем, Луна истинно — Глубь: не феномен, а Ноумен, Сердце в очах. Сердце бренное — разное в каждой груди; сердце вечное — Миру едино и нам, в нем различным: Луна, огней Огнь.

2. Истинная Вселенная превышает вселенную глаз наших как Вечность брение и соотносится с нею как Тайна и явь, с Умом Сердце как ко́льца в|ось|мер|ки единой, сосуды спряженные. Пункт связи их — грань Луны как восьмерки сей талия, что бренным значит: В|селен|ная-Вечность сокрыта в Луне от очей, пребывая в ней вся как в Селену в|селён|ная Богом. Мир есть Глубь Луны как Шар в ней, центр какого — Бог, Мира Творец, Глубь сей Глуби, пред коей Мир — Ширь: Ум пред Сердцем, подмостки Актеру сему.

3. Как сосуд, Луна есть орихалковый шар, очам бренным пустой. Ведь пуста Полнота им: Мир, Космос — дыра, коей есть они сами как Рознь. Орихалк, камнь Атлантов огнистый — Двенадцать живых, металл-Мать: алмаз горний, тетраэдр чей, надут Тьмой (Тьма — Мать, Сила Божья), очам — семя гречки: Эллады печать, знавшей тайну его**. Как творенье, Луна — плод единый искусства Творца и Разумных: детей его, сущих в Луне.

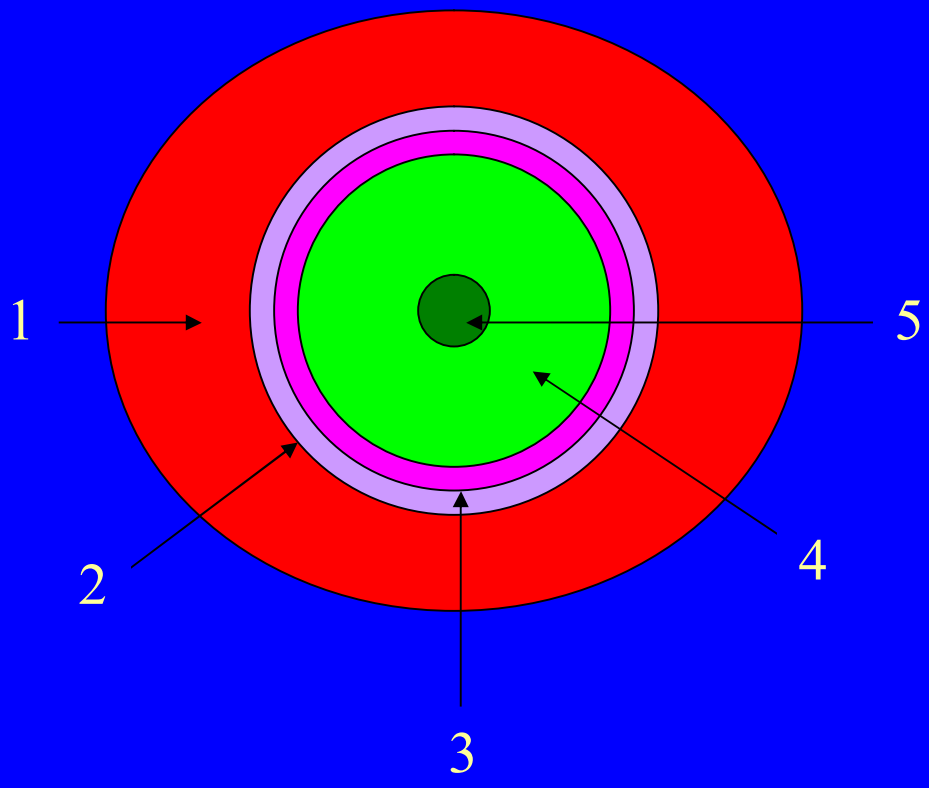
4. Очам скрыта в Луне, Вечность — Мир без изъяна как Век Золотой, что истек на Земле, когда зрячие очи сменились слепыми, Век Злата, Вселенной — историей, рекою тьмы от истока сего. Человек сей Земли, антро́п бренный, есть капля Луны, позабывшая лунность свою как плоть душу, какой она суща, росток — корнь свой, Век Золотой; Гости наши, хор горний — антропы его, что в Луне не иссяк, в ней Звездой горя: люд Star'ины, капли Глуби как ду́ши-тела. С ними мы — ряд един. Челны их — Луны капли как Корки, Челна, где плывет Мир вверху: над Умом — Сердце, Суть. Для Воды сей (ведь Глубь — Во|да: во Да вход, в Бога ворота) они есть тарелки, ткань чья — орихалк как луна от Луны.

---

* «Оно [слово «сатиям», истина — *Авт.*] трехсложно: са-ти-ям. «Са» — один слог, «ти» — один слог, «ям» — один слог. Первый и последний слоги — истина, в средине — ложь. Эта ложь охвачена с обеих сторон истиной: истина становится преобладающей. Тому, кто знает это, ложь не причиняет вреда» (Каушитаки-упанишада, V, 5, 1).

** О металле сем пишет Платон в своем «Критии». Орихалк, алмаз в Дух|е, надутый как Воз|дух|ом им, — o-rich-alk, «чан Богатства», Риг (санскр.), Алк|оголя: Тьмы, Глуби Луны. Блеск его — Тьма сама (черный — b|lack: огнь игрист), Лас|к|а Бога и Лак.

Устройство Всего



1 – Мир-фено́мен: вселенная бренных, смотрящих очей;

2 – феноменальная маска Луны, зыбь на Тверди;

3 –ноуменальная кора Луны: ширь Разумных ее, орихалковый пан|цирь Того*;

4 – Глубь Луны как В|селен|ная глаз вечных, *видящих*: Мир-Ноумен, Век Златой;

5 – Бог, глаз *видящих* Огнь, Мира Центр.

Бренный мир — суть плоть наша: зря вкруг, зрим себя. С тем, Всё, глаз Тайна-Явь, есть Матрешка: наружность — мы-плоть, в ней— Луна, в Луне — Мир, в Мире — Бог.

---

* To pan — всё (греч.): в Луне Божий Мир, Circus-Огнь.

ОГОНЬ ОГНЕЙ СИЯЕТ ВНОВЬ

Место центра Вселенной, по праву возвращенное Луне, позволило киевлянину Олегу Ермакову осуществить сокровенную мечту человечества — создать Теорию Всего

Статья в одном из российских журналов

— Вы написали такую огромную книгу о системе мира
и ни разу не упомянули о его Творце!
— Сир, я не нуждался в этой гипотезе.

Диалог Наполеона и Лапласа

Было бы поистине чудом, если бы человек сумел открыть общую основу
всех наук — физики, биологии, психологии, социологии и др.
Мы стремимся к такой цели, хотя и можем привести
веские аргументы против ее достижимости.

Альберт Эйнштейн

Острый взгляд в суть вещей открывает: порой всякой мысль людей льнула к Луне и стучалась в нее. Знал наш пращур: Луна — глава сущего. Время пришло вспомнить истину эту — клад Духа, зарытый в веках.

Наука вне Бога, Причины — пустышка: как древо без корня, она мертва, и учить ей нас нечему. То — тропа бренна: не-Путь. В очах тленных Абстрактное, Бог, и Конкретное, Мир — Автор с Делом своим — безучастны друг к другу; на деле ж — как Функция и Структура, Огонь и очаг Его, слиты в Луне они, храме Господнем; к Луне путь — путь к Богу, Ядру ее. Истина эта — суть древней, утраченной миром науки как средства Войти. Им и явлен очам завершенный весной 2009 года киевлянином Олегом Ермаковым труд «Основы единой теории Поля» — концепция цельного Мира, открытого людям спустя века утраты.

— Итак, Олег Владимирович, вы всерьез полагаете, что Луна, этот холодный и маленький сателлит Земли, важнее гигантского, горящего животворным огнем всемогущего Солнца?

— Я не только полагаю это, но и считаю, что мыслить противно способен лишь человек чуждый знания сущего или, что то же, осведомленный о нем на манер шкафа всячины Берлиоза из «Мастера и Маргариты» Булгакова. Не все то золото, что блестит, рекут люди.

Очей бренных огнь — солнце их, явь; огнь вечных — Луна, бренья Тайна. Когда Ге|**рак**|лит утверждал, что гармония скрытая выше явной, он, адепт Воды, Глуби сущих (убитый водянкою как ***переполненный Глубью***), гласил о Луне и ее предстоянии Солнцу. Знал му́ж сей: **Селена** — **сильна**, ибо Сила — сама́ она, **Ра́к**а дом. На заявленье, что Солнце превыше Луны, древние лишь улыбнулись бы, ибо сомненья в довлеющей силе Луны они не знали. Довольно сказать здесь, что три величайших религии мира, Христианство, Ислам и Буддизм чтят едино Луну Главой сущего. Будда — бог полной Луны, т.е. ***полносущный***: Глава — Суть. Луна **му**|**суль**|**ман** — престол Господа. В этой-то роли сребрит полумесяц исламский штандарт, цвет какого, **зелены**й как жизнь — цвет **Сел**|**ены**, Луны. С тем, о полной Луне, озарявшей Пилата, Булгаков писал, что она «светила зелено и ярко». Рек Бальмонт о ней:

Своим лучом, лучом бледно-зеленым,
Она ласкает, странно так волнуя,
И душу побуждает к долгим стонам
Влияньем рокового поцелуя.

Моха́ммед, глас Бога — муж **Мах**, Луны Русичам и Авесте, **Вер**шины **мах**|атм — душ, великих Луною. Ветхозаветный А|**дам** — «дитя **Дам**ы» **(**как капля Воды сей, Вода ж: А|дам — «Дам|а» в повторе**)** — царившей первичной порой всеземельно Великой Богини, иль **Ма**тери Мира, **Да**ющей Руки (**man**us — лат.) Бога, **Да** без иного (ведь так-то определяет Его Платон как Благо, Добро самосущное), древними отождествлявшейся с Луной и в Христианстве представленной Д**евой** Мариею, **Ман**ей — Луною, **Ман**, **Мен**ою Греков (чьи жрицы — **мен**ады). От Дамы — Адам, мен (man (англ.): человек, муж) — от Мен|ы. Дитя ее — **Ман**у, первочеловек у Индийцев, лик дольний **Ад**а**м**а К**адм**она — Антропа-эфира, Луны пред Землей как пред плотию духа, столпа ей. Культ рыцарский Дамы — **Лун**ы культ, му|жам **Лон**а, Се́рдца умам (***куль***|***т*** — ***Т**ьмы **куль** как **Сел**ены по**сул***). Луна древних, **цар**ь бренного круга, **Сан**|**сар**|ы, была для них инстинным Солнцем, **Sun**; мир за ним — был очам их ***Внутрилунье***: круг-Ноумен, **Веч**ность как Глубь чело**веч**ья, тождественность чью Луне кажет восточная фраза «ничто не вечно под луной», т.е. ***под Вечностью, Тем, что не преходит*** (сплотив с бреньем Вечность, Луна — столп обоих). Вечность — **Не**|**бо**|м зовем: **sky** (англ.), **шку**рою Бога — **не Бо**|гом самим; Бог — Пред|вечный: «**суб**», Глубь в **шуб**е сей. ***Неся Мир, Луна — Небо само: полюс парный Земле как Лжи Истина, Долу Высь***. Но, поговорок любитель, ученый безбожник, сей *умник* без сердца, совсем как булгаковский Берлиоз их глаголет, не зря горний смысл их. Ему нет нужды, что Луна, а не Солнце издре́вле зовется планетой Любви, — и у древних, единых на счёт сей, Любовь —

сила главная Мира и ***весь он как есть*** (ведь Вселенная, рек Эмпедокл, — шар Любви огневой), Полность, чья половина как Се́рдца — Ум, бренья огонь, что мы Солнцем зовем.

— Луну обыкновенно отождествляют с темной стороной, или половиной, Силы, питающей духов Зла. Где же тут полнота?

— Как Сила, Луна есть **То**тальность: живитель всего — блага, зла ль; ра́вно ею крепки и пшеница, и чертополох. Ведь Любовь — **кор**м себя и Вражды: Полнота — половины. Елена, Троянской войны **кор**нь — С**елена**: Любовь, розни корень в мире сем, Одно — Двух. Но не зрит сего умник пустой. Чужд ему и факт тот, что рост всего живого **(**в понятии чистом ***подъема, движения ввысь*** как ***взрастания качества***, а не горизонтального, количественного накопления биомассы, в себе — ожиренья**)** вершится не днем, а в ночи́ и при лунном сиянии, — как и ***во сне, порой лунною***, растет дитя. Вы затронули тему размера небесных тел. Позволю и здесь вам заметить, что, Промыслом Божьим, размер Луны в наших очах **(**ведь лишь он важен зрящим нам, ибо ***Мир очам равен людским, сущим ради него: esse — percipi, зриться — быть***) в точности равен размеру Солнца, ибо в затмении она закрывает его целиком, круг на круг его. Много ли нужно еще аргументов, чтобы доказать превосходство Луны над Солнцем?

— Что же произошло с людьми, раз они перестали *видеть* его?

— Очи их затворились для Истины. Над Сердцем, Луной как Огнем настоящим встал Ум, в очах бренных и явленный Солнцем как жаром наружным, глубь коего — хлад. О познаньи Платон сказал, что оно страстно, т.е. ***горячо, сердечно, лунно***; Аристотель же — что оно ***хладное, умное дело***. Кто прав? Зрит **мудр**: дело любое — плод ст**расти**, мотора его: **Мотор** — **Матер**ь, Луна, Сердце в нас и **Длань делан**ий; дело Познанья, Ввысь ход — самоé страсть. **Mad** — **mad**|**e**: безумство — творит как **Селе**на, **Мед** сущих, **Mad**|**e**|moi|**selle**, **Мат**ь всех. «Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны… Неправда, равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть», — сказал Чехов. Когда Пушкин Музе глаголет «хвалу и клевету приемли равнодушно», он мыслит под тем не «бесстрастно», но «с равною страстью» — подобно Фе**мид**е, имущей к весам в руках меч, фалл. Но волей судéб Аристотель, муж внешнего солнца, абсурдом своей бессердечности низверг Платона, плоды чего жнем посейчас. Вернуть Миру вид истинный, ***вернув на место Луну*** — вот задача, которой задался я, берясь за книгу. И ныне она решена!

— Вы утверждаете, что действительно создали Теорию Всего Сущего?

— Да, утверждаю. Суть ее, как уж сказано, в антикоперниковском перевороте Вселенной, ставящем ее с головы на ноги, или возвращающем на круги своя. ***Коперник взял центром Вселенной очей наших Солнце, Ум (Нус Аристотелев), я ж — Луну, Сердце, Земли и землянина Суть, Глубь очей, Мать (нем. мутер) как омута брения Дно***. Отрицанье мое — Утверждение в сути своей, «нет» как Да без иного. Не я отрицаю Коперника — óн себя: ложью — ложь, зря как в зерцáло в лик Истины Божьей, Луны.

— Говоря о возврате Вселенной на кру́ги своя, к какому концепту ее возвращаетесь вы в сути?

— К слову **Гер**|**мес**|а об Истине-Тьме, нас как плод свой объемлющей сверху и снизу: как Высь и как Глубь, кои обе — она, Лоно нам. Лоно это как Глубь наша — Мир Пифагора, Гармония Сфер. Дух как Огнь в очаге своем (**ге**|**сти**|**я** — греч.), коим была Земля, **Ге**|**я** (греч.) — в Пифагоровом знании был в существе Дух в плоти́ нашей, зрящий чрез бренные щели бессмертный Г**лаз**. Это-то представленье имеет в виду древний текст, говорящий, что всяк зрящий — сущего Центр: ***Дух, во многих горшках Огнь единый, Глаз-Суть — Вечность, зрящая в бренны глазницы свои***. Аристотель, над Целым мня часть, погасил Свет**оч** сей, центром сделав горшок без него — Ум без Сердца, каким есть Земля Птолемею Александрийскому, мужу из града, дух чей — Аристотелев, вложенный Алек'SUN'дром, перстом его верным, воздвигшим сей град. Центра этого зря несветимость как ***мертвость***, Ко|пер|ник, по зову души ***Жизнь спасавший*** (ведь Жизнь — Огнь), взял центром сторонний огонь — Солнце бренных очей, Ум сих умных, ***огни перепутав***: ведь в небе огнь вечный — Луна, престол Бога. Его, объявив Солнце главным, муж сей взял вторым (ведь вращенье Луны вкруг Земли, рабство ей, — открыл он же: дать первое — дать и второе). ***Его и вернул я на место: Луна над Землей очей бренных, Луна под ней — Дух един: Центр тот, что зрил Пифагор, вдохновивший Огнем сим Платона, возжегшего им свой «Тимей»***. Огнь сей в горних очах есть **с**иянье — **Св**|**обод**|а, дар Матери, Тьмы-**Св**|а, а в **дол**ьних — **з**иянье: дыра чёрна, **Дол**г, Пустота сих пустых. Ими зря за Огнь Солнце, Коперник писал посему:

...В середине всех этих [вселенских — Авт.] орбит находится Солнце; ибо может ли прекрасный этот светоч быть помещен в столь великолепной храмине в другом, лучшем, месте, откуда он мог бы все освещать собой?

«Об обращениях небесных сфер»

— Трудно не согласиться с Коперником, когда в глазах наших Земля и иные планеты и впрямь вращаются вокруг Солнца как свита его, а Луна — вокруг Земли!

— С позиции имманентно-бренной так оно и есть. Но вопрос в том, что зримое это — не Суть, а покров как врата в нее, ***зов Войти***. Слеп невошедший, вошедший — зряч; стучи — откроется! Истина — Вечность как бренью Иное, под коркой сей Глубь: да *увидим*! Познать нам себя — познать душу свою, те́ла суть: душу знать — знать и тело, а тело одно — ничего. Учит Библия, учит Платон: человек — душа Божия: суть — не облатка. ***Луна, Суть — Душа, солнце ж — плоть, бог очей бренных: Истины ради — позна́ем Луну, Глубь свою!*** Вечность, Тайна — иррациональна как скрытое нам Сердце; бренье с очами его — голый ratio, Ум, счетчик **польз**ы мирской как удобства **ползт**и. Это-то, мыслю, и разумел благородный редактор труда Коперника лютеранский теолог и астроном А. **Ос**|**си**|**андер** («**Ось-под**»: Глубь, **Г**|**ос**|**под**|ь тайный), в своем предисловьи «К читателю о гипотезах настоящего сочинения» определивший его как нереальную, но «удивительную» гипотезу, с помощью коей удобно лишь совершать вычисления.

В зрячих очах Луна, Сердце — Огонь-Полнота, что горит без конца; солнце бренное, Ум — полу-Огнь: времен плаха, безглавие. С тем, о Луне говоря как о главном огне, не шутил наш Прутков Cous’Ma: в солнце бренья — нужды нет Луной осиянному!

Вечность и брение, Глубь и облатка ее, относимы как Истина, **лев**ая в человеке как сердце (*жив ею **лес**ковский **Лев**ша остроглазый: взор **лез**ущ*), и **Прав**|да как **прав**ое. Истина — Бог, П**рост**ота; Правда — Мир, **справа** сущий при Нем как покров Его, многий а себе: ***Дело (справа — укр.) Правое Господа***. Правд как покровов на центре — тьма; Истина, центр сей, — един: его до́лжно стяжать нам. Пред Истиною Правда — **Лож**ь: пред Стоящим — по**лож**енность Им. В паре Луна–Земля Луна — Бог, Земля — Мир как творенье его. ***Земля — Ложь; Луна — Истина в шаге от Лжи; шаг меж ними — Вглубь ход, погружение***: Истина — Глубь нам, лишенным ее как Себ**Я**, К**лад** за г**ран**ью, «Я — То», в слове Вед; мы — к Ней **души** и**дущи**: ан**тропы** — Стезей-Тьмой. Единства Луны с Землей явь — вúна, Вак-**Sar**’асвати **гита**|**ра** с крепимым к ней **s(h)ar**'ом-довеском: Земля к Луне, к Истине Ложь:

Фото 1. Вина, музыкальный инструмент Сарасвати: Луна-и-Земля

Погрузиться в Луну, Небо — **В**высь как Воглубь **в**|**зой**|ти лестницей **Я**|**ков**|а: стать Духом (**kou** — ег.), **Я** как Творцом, Жизнью (**зоя** — греч.): Глубь Луны — Он (фото 2). О том сказано:

И увидел [Иаков] во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные; и вот Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе. Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!

Быт. 28:12-16

О Лестнице той же глаголит Египет:

Почтение тебе, о божественная Лестница! Почтение тебе, о Лестница Сета! Стань прямо, о божественная Лестница! Стань прямо, о Лестница Сета! Стань прямо, о Лестница Хора, по которой Осирис взошел на небеса, подчинив Ра своей магической силе... Ибо Пепи — твой сын, и Пепи — Хор, ты родила Пепи так же, как родила бога — Властелина Лестницы, и ты дашь Пепи Лестницу бога, ты дашь ему Лестницу бога Сета и по ней Пепи взойдет на небеса, подчинив Ра своей магической силе.

Текст гробницы Пепи

Фото 2. Лестница Иакова. Икона последней четверти XVIII в.

Земля и Луна, Ложь и Истина слиты **ма**'cus'ка к макушке; единство их — ***сейд*** ло**пар**ей, людей Севера, ма'cou'ки глаз: камнь на камне, Луна на Земле, Шар на Кубе, над тьмою Огнь (фото 3); «не оставить и камня на камне», рекут, — **цель**ность эту разъять, с нею — взор наш.

Фото 3. Сейд, менгир северян

Огнь-Это есть Солнце, Огнь-То — Луна. Тайность ее нормой сделал Коперник: **я**вив Солнце центром, Луну он изъ-**Я**-л из очей. Не знал он: ***Луну спрятать — Причину сокрыть: те́ла Го\|лову, Мать, коей суще Дитя: нет Ее — его нет***. Так у **Го\|го\|л**я **бес** с **не\|бес** выкрал луну в Сына ночь: Сердце — ум **умык**нул, нуль как чистое «**без**»: без Луны, **Мах**, Коровы **мыч**ащей; Cow — **Cau**sa, Тьма-Мать. С Причиной порвать — **го́\|р**е **мык**ать, Себя позабыв.

Земля и Луна, зря их парою, соотносятся как Ложь и Истина — Смешное и Великое, сущие в шаге друг от друга. Зрить так — есть вернуть очам Истину, Цель сущих, ясную древним; знать Цель — знать и Путь к ней, Антропов Тропу.

Луна — Вечности центр, Солнце — бренья, и Вечность — над бреньем царит. Так Лато́на и дочь ее Артеми́да, для Греков Луна и **Ма**ть обе, имели гонцом Солнце в Феба лице, сына-бра́та их, слуги Гиперборейского: Гипер|борея, земля-То **(***народ чей крылат; в землю сю, рек Пиндар, не добраться ни сушей, ни морем: полет — к ней стезя***)**, куда вел он — буквально «земля выше севера» (греч. hypér — над, сверх), макушки **Зем**ли: **Се|в|е|р** Неба — пункт **Вер**ы, ***Луна, Жизни дом***, число чье **S|e|ve|n**, **Сем**ь (англ.), **Вен**ец бренным нам, в день рожденным **шест**ой как **дор**огу в Луну. **Полюс** — **полис**: град первый Земли, с Неба сшедший, дав жизнь остальным; **полюс** — **п|люс Lux**: Луна, огней Огнь **(***слеп пред Истиной, ум бренный до сей поры имя Гиперборея трактует упорно как «земля за севером», сиречь **на той же Земле, что и он, а не выше**, — хоть ясно, что северней севера нет ничего **на** Земле***)**. С тем, о Фебовом храме в Гиперборее писал Дио**дор** Си|ци|лийский как о вратах лунных, откуда «Луна видна так, будто она близка к Земле, и глаз различает на ней такие же возвышенности, как на Земле». Волей Божьей и челн бренный наш, к Луне мост — «А|**пол**|**лон**»: с|луга Неба, **пол-Лон**а, **Лун**ы как пред Целым покорная часть.

— Что же являет собой Луна как земля Гиперборейцев?

— Земля-Рай, дом вольных: превысивших плоть людей-душ. О ней рек Пифагор, когда, спрошенный, что́ есть поистине Острова Блаженных, ответствовал: «Солнце и Луна».

Смену центров, теории Поля суть, *видеть* легко ***не кривя своей сутью, душой***: очи наши — она. Ведь кривое копье не торит, равно как и тупое, и мягкое; в миропознании бур его — фалл, бьющий в Тайну как в Лоно: остр, целен, тверд, прям.

— Чем же есть эта торящая мощь на деле?

— Это та цельность нашего «я», о какой говорит Иисус как о вере размером с горчичное семя, способной двигать горами:

(…) *истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас.*

Мат. 17:20

К знанью сути сих слов вспомним два места Библии. Первое — наставление Сына о фарисеях, людях, чьи здравые речи чужды их поступкам. Искать истину в их делах — труд пустой, а меж тем, по делам-то и познается человек, ***состоящий из них как из собственной жизни***, которую Кант звал «практической философией». «Святость жизни только в делах», — рек об этом Григорий Сковорода. Дело как одоление внешних препон, ***утверждение Глуби***, — зовется поступком: поступки есть пóступь, ступанье путем нашей жизни; ступать по ней, ***жить — поступать***. Разделивший слова и дела, заявленья и подлинную их цену, фарисей — ***человек не в ладу с собой***, ведь раскол этот — в нем. Взгляните с высот слов Мессии на то, как ведет себя типичный ученый-теоретик наших дней — и вы увидите в нем все черты фарисея, антрóпа с разъятой душой. Стоя в храме, он молится Богу, взывая с Нему как Опоре всего и вполне ***положась на Нее как на истинно сущую***, — но когда, переходя к прямым своим обязанностям, т.е. ***поступкам ученого***, он берется описывать Мир, тот выходит из-под его пера лишенным сего Столпа, а потому — и мертвым. Действуя так, ученый, согласно Христу, сам не ведает что творит, а то и, в себе чуя рознь, измышляет в самооправдание догму, согласно какой Бог одно, а наука — другое, и Бог в ней излишен. О нет, господа: Мир — един, и един человек, дитя Мира! Исторгнув Творца из своих каби**нет**ов, тем вы затворяете труд свой добру и морали, какие и есть Бог; наука же, презрев их, созидает не гимн Человеку разумному, а Хиросимы и Освенцимы, где тот гибнет от рук палачей. ***Внеморальное — а(нти)морально: без Господа, Жизни — всё смерть***. Предоставленная себе, наука впадает в плен Дьявола — места пустого, от Бога дыры.

Вот что такое лишенная Бога наука: безбожна — ***безмирье*** она. Тверд закон: колесо без оси не вращается, Мир без Творца — есть ничто.

Наука, известно, есть средство Познания. Бог же, Я сущих, есть Цель его; звал к ней Сократ нас призывом познать себя. Чего стоит средство без цели? К какой высоте влечет наука, сущая ради себя самой?

Бог — Цель; Вселенная, Мир — С**тез**я к Ней, идем коею мы: ан**троп** — тот, кто идет сей **Троп**ой. ***Не идти — человеком не быть: не ступать к трону Бога, Луне; Цели чуждый — лишен и Пути, с ней единого***. **Де**|**м**|**ос**, народ (греч.) — «и|**дем**»: **м**|**ноги**, Целью единые; Мать, **Mot**|**her** (англ.), Луна как Цель нам — **mot**us, дви**жен**ье (лат.).

Истины эти, невольно иль вольно, сокрыли в трудах своих и Ньютон и Эйн|ш|**тей**|н, веруя на словах — не делами. Эйнштейн, осознав, что его-то «кристально чистая» — ***не грешащая Богом***, как скажем — теория привела мир к созданию атомной бомбы (жар чей — дефект массы в ОТО), испытал потрясение, обратившее его в борца с нею, да где там! —

д**жин**н Зла уже вырвался из бутылки. Его не вернуть нам назад фарисейством пустых призывов. Нужно разбудить научный разум, чтобы он перестал плодить монстров, а для этого пора вернуть ему Бога. Вернуть — и немедля: любой, кто не слеп, сознаёт, что глобальное потепленье, губящее Землю — жар топки ума атеиста как ад наяву. Бога и возвратил я Вселенной в своей теории, поставив Его как Ось на должное от века место — и колесо Мира, мертвое прежде очам, закрутилось опять. Мир обрел свою цельность — ведь целен он Богом как К***амен***ь, нем. S**t**|**e**|**i**n **(**ein — один (нем.)**)**, моно|лит|ность: «ш**тайн**» — **Тайн**ой, в нем сущей. Так цельна Им вера с **гор**чичное семя, Мессией рекомая: ***вера свободной от розни души***, по Розенкрейцерам «семенного атома» как малейшего семени в нас, коим есть ***Мир в сердцах*** как Гор, Со́лнце глаз. Семя горчицы и было для древних малейшее зримое: малость очей как предел остроты их.

Не зрить Бога, Цель — не зрить Мир, Путь как ***чистое поле*** (пустое — очам бренным), коим идем к Нему мы, люди, ***мо́лодцы, добрые Им, Целью***: Благо, Добро — Он. Густ счет похвальбам о созданьи теории Поля ***без знанья того, что́ есть Поле***. Что ж, Бога не зная — и Мира, творенья Его, не познать. Ибо Господом, **Цел**ью, Мир **цел**: Тьма и Свет — Клеем их, Третьим в Трех, кои Мир. Поле — «полу»: Путь, Целью един, как Луной Феб пол-лунный, **Ум** Сердцем, Женою **Му**ж. **Ум** — **Бык**, **Му**ж; Сердце — Корова, **Же**на; Ума му**же**ство — дол|**жно**сть его: Жене верность, Корове — как Целому часть, **бок** его, **Бог**ом мнящий себя не служа. Бог с Женой — Тьма в Луне, Сильный с Дланью влекущей Своей: Цель — влечет. Цель есть Щель: Бог как Выход. О Нем, **Мер**е Двух, с**мер**ти смертных, **Фин**але как Лучшем (англ. **fin**e) их, сказано:

В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнись решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью. Сделать правильный выбор в ситуации «или-или» практически невозможно.

Ямамото Цунэтомо. Сокрытое в листве

Един с Богом, Причиной Всего, человек не нуждается в истолковании сущего: Мир есть он сам. Разделясь с Богом, слит с Ним он ***верой, единством чрез связь***, и в трактовке того, в чем у**вер**ен, лишен вновь нужды. Лишь с утратой и Бога, и пуповины Его, чует он глад Потери, а с ним и нужду в обретении всеобъясняющей теории как ***компенсации за рознь с Причиной***. Поскольку ж всецело восполнить утрату способно лишь обретенье утраченного (ведь матери, лишившейся сына, и влюбленному, оставшемуся без возлюбленной, нет в целом свете замены им), лучшая компенсация этой розни одна — ***единенье с Причиной: теория Всего Сущего как восставление Бога в очах падшего в своем безверии человека***. Само слово «те|о|рия» — явь тому: Тео|с + ор|ис, рот (лат.) =

богоглаголенье, Бог на устах. Бога чуждым теорья — гипо|тез|а, суть гипо-Теос: пони**жен**ный Бог, чрез шаг вниз Сатаной ставший: тенью — Огонь **(***так **Е**'**гип**'т, плод Атлантов прямой — **гип**о**ста**зис их: сход Ноля (Матери-**Е**вы, жены жен земных) в Два, Тьмы — в тьму, луд***)**.

Вторым местом Библии, о каком говорю я, есть новозаветный зачин евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. (…) Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Иоан. 1:1, 3, 4). Коль Слово ***было вначале*** — оно ***есть исток*** реки сущего; новизна же истока непреходяща как Жизнь: нет его — нет реки. «Слово было Бог» — значит «и ***е́сть*** Им поныне» для тех, кто не отделяет слова́ от дел. Слово есть сосуд Истины, должный от века ей, где она — сок в винограде, давимый наружу при нашем желании пить или претворить его в вино. Иных вместилищ Истины просто не существует — нам не из чего выбирать!

А где ищут ее ученые? С поры Аристотеля, превратившего науку о Сущем, физику (греч. фюзис — при|род|а: при Род|е, Творце — Мир) в оплот полу-Сущего как неживого осколка живой Полноты, изъяв скрытый от бренных очей горний мир **(***То как Всё, что, в себе разделясь, породило мир сей, тень свою, полумирье-ничто. Ведь делить вглубь — творить тень огню: полумирие-Это — ничто, Ум пустой; полумирие-То — Сердце, Всё***)** в блеске славы его и оставив, как скудную кроху Вселенной, мир видимый, дольний, — они безуспешно стремятся построить теорию Мира, вселенского Целого, как стопроцентно ***физическую картину***, т.е. истолковать Полноту в терминах не наблюдающей ее части. То — труп без главы, мнимый целостным телом, ничто — Всем. Так сам Аристотель, создав по́лки знаньям людским, положил на них ***Мир по кускам*** по-мясницки; так Глубь, Мать-***Органику, Жизнь***, коей есть микромир, тщимся зрить чрез ***механику*** квантову мы, очки мёртвы (Коперника дар чрез века, Мир кому — механизм был).

О дед гильотины, тьмы раб Аристотель! Ты был инструмент ей: топор-главосек в руках Кромвеля; ты — инквизиции факел, изжаривший Бруно. В беглавом, мертвитель, ты Голову, Полность искал. Труд нелепый! Искать Полноту нужно в Слове, как рек **Ио**|**анн**. Слово — Ть|ма, сущих Ма|ть, **Йо**ни-Фалл, П**ища** (**анн**а — санскр.) нам, и**мена** чьи — Коровы чр**еда** Cow, Kou, Gov, а лик — Ева, мать нам; **gov**'ор — Мать, Дух **ева**нгелий. В S'love как в Сердце, противно Уму, полусловью, зрил Полность Юрк**евич** Пам**фил**, прославлявший «широкий, от всяких произвольных или предвзятых ограничений свободный эм**пир**изм, включающий в себя и все истинно рациональное, и все истинно сверхрациональное, так как и то, и другое, прежде всего, существует эмпи**рич**ески в

универсальном опыте человечества с не меньшими правами на признание, чем все видимое и осязаемое». Вняв Библии, в Слове, как до́лжно, нашел Вечность я, явив книгой своею сей Дом.

Наукою Древних с Платоном, им верным, был Мир;
Аристотеля же — полумирье: мир сей — без Того, труп безглав.

— Как может слово вмещать, когда его и потрогать-то нельзя?

— Атеист никогда не поймет этого, ведь и себя самого он пощупать бессилен: будучи в сути душой, искрой Божьей, зрит он только плоть. На деле же бессомненно реально лишь то, что нерушимо и всеобщно, и таково-то есть Слово: суша становится дном морским, рушатся в прах города и империи, а оно, чуждо тленью, живет на устах людей, и пользуется им всяк. Что же до осязаемости, то ответьте мне: есть ли для человека нечто более ощутимое, чем слово, глаголя которое, он осязает его не одною гортанью (чье чувство острей, чем перстов: то — *персты в голове*) — плотью всею. Не Слово исходит от плоти, но плоть — от него: как ст**рук**тура от функции, чистого Действия как Длани Божьей, каким оно есть в устах всех, кто нелжив. Словом создана наша гортань как рукой инструмент, Словом — весь человек как разумная суть: разум — Слово, Глубь в нас.

Сосуд сущего, Слово — столп знанья его. Сократ рек о том в «Горгии»:

Если бы кто спросил меня о любом из искусств, которые мы сейчас называли, например: «Сократ, что такое искусство арифметики?» — я бы ответил (...), что это одно из искусств, обнаруживающих свою силу в слове. А если бы дальше спросили: «На что направлена эта сила?» — я бы сказал, что на познание четных и нечетных чисел, какова бы ни была их величина. Если спросили бы: «А искусством счета ты что называешь?» — я бы сказал, что и оно из тех искусств, которые всего достигают словом. И если бы еще спросили: «На что же оно направлено?» — я ответил бы наподобие тех, кто предлагает новые законы в Народном собрании, что во всем прочем искусство счета одинаково с арифметикой: ведь оно обращено на то же самое, на четные и нечетные числа, отличается же лишь тем, что и в четном, и в нечетном старается установить величину саму по себе и в ее отношении к другим величинам. И если бы кто стал спрашивать про астрономию, а я бы сказал, что и она всего достигает словом, а меня бы спросили: «Но речи астрономии на что направлены, Сократ?» — я ответил бы, что на движение звезд. Солнца, Луны и на то, в каком отношении друг к другу находятся их скорости.

— Что же представляет собой ваша теория?

— Странной вышла она на взгляд науки: труд о Вселенной как филологическое исследование. Но труд по филологии, науке атеистичной *на практике*, и ***труд по Слову — как Богу и Миру, на этой Оси Колесу***, — вещи разные: первый суть часть в розни с Целым, второй — само Целое, не противное частям своим как царь их. Моя работа есть

именно второй: это ***живая книга***, в какой избавленье от зла фарисейства сняло рознь меж словом и сущим в нем Миром. И в слове взыграл Мир.

Теория Всего Сущего не есть работа по физике или иной дисциплине, частичной с поры Аристотеля, сведшего цельное тело Познания в лом — она есть труд по Слову, сосуду Всего.

— Каким же увидели вы его?

— Как ***ошеломляющую Реальность***, Caus'mar смертных глаз. Ведь реальность Вселенной, куда как хозяин в свой дом возвращен Творец — это реальность Духа, ***мифичная***, ведь ***Дух, Причина (лат. Causa) — Миф, растворитель глаз бренных***. Признать вековечное право Бога быть Осью Сущего — значит вослед сему праву Единого Духа признать также право на жизнь ***благодатной духовной многости — богов, бессмертных как армии Бога***. Само понятье бессмертия исключает способность этих великих сутей прекратить быть. Зевс или Афина не могут умереть — кануть могут для них наши очи: для Вечного — т**лен**, затворясь как врата от Огня.

— Но не кажется ли вам бредом Зевс, продолжающий и посейчас метать свои перуны с Олимпа? Или Афина, тузящая Ареса в XXI веке?

— Отнюдь! Ведь реальность богов есть, по сущности, молчаливо одобренная мирской наукой реальность архетипов Юнга, которые суть те же боги с бессмертием их, — но без лиц. Чуждый Духа, приемлет мир бренный сей Чудо под маскою, ***как бы не сущее***, но чинит бой его яви — вот в чем вся беда. Ибо мняща себя Целым часть, очи тленны, в упор не зрит Целого — или, иначе, его мнит ***ничем, т.е. Мифом***: блестящей облаткой, пустой внутри. На деле ж ***Миф и есть то, чем быть должен: Вселенной как Целым, живым Сущим, не зрить какого — слепыми быть***. От сего смех ваш над Зевсом, пустой ***по незнанью как Мифа его: ведать Миф — Мифом быть; Мифа чуждым — Огонь тéмен сей, устареть не способный в цареньи над временем***: ведь устареть — смытым быть как рекою им, бренными правящей. С тем, ***моя книга — на Сущее Сущим взгляд: Мифом, каким есть оно***. Об очах сих, начальных трудам, Циолковский сказал:

Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка [= миф. Здесь важна нам отмеченная Циолковским тождественность мысли и Мифа (фантазии, сказки) — Авт.]. За ними шествует научный расчет, и уже в конце концов исполнение венчает мысль.

Очи *видящи* Мифа есть бодрые очи, в каких мы, антропы, едины как в Мире, Предмете их; пр**очи**е, Мифа чужды — в розни спят: что ни взор, то мир свой. Гераклит сказал:

«Бодрствующие люди имеют единый мир. Спящие люди удаляются каждый в свой собственный, но не замечают этого». ***Мира Реальность, с тем, — Миф, спящих Сон, что не зрят Бодрствья в нем***. Взор без *виденья* зову, вслед Мудрым, с|**мот**рением я: парой **Мат**ери, Тьме как Очам, тенью пред сим Огнем.

Ви́денье и смотрение — равные страны Очей, как равны Небеса и Земля, страны Мира. ***Смотренье есть очи пустые: безмирье***; так зрим бренны мы. Полность, Мир есть Дыра в очах наших (так пуст для них космос) как сами они: зрю лишь то, чем есть сам. Очи бренны — смотрящи: что полно — в них есть пустота. ***Очи полные — виденье: Мир как есть, Камень их***. *Видящих* очи по воле своей, с Божьей слитной, вольны и смотреть, разделяя нера́вно, и *видеть*, деля пополам, по Сократу **(**с тем, *видящий* — смотренью царь, а смотрящий смотрению — нет**)**; любомудра, философа очи и смотрят, и *видят* по воле Творца — не своей, *виденье* их — награда Его за у|серд|ие (= *в|серд|ье, ход в Серд|це со с|т|ра|сти|ю должной: страсть — Сердце*); немудрые ж очи, смотрящие, — смотрят по воле Господней, но *видеть* и их подвигает Любовь, с коей детские очи одно: ***дитя — остров Любви в мире сем, Сердце в гуще Ума***. Любомудр мудр, сколь любит: Любовь, Мудрость — Тьма одна. Бренные очи — смотрение, вечные — *виденье*: Вечность и очи — «віч» (укр.), корнь един: **Віч**ність, **віч**і. (их ради — с**віч**а, малый огнь). *Видеть* есть от с|**мот**ренья **оч**нуться: открыть **оч**и в Мир — Лоно, **Мат**ь, — как себя самоé. Очи *видящи* — Мир как Одно: В**ино**-Глубь, Тьма; смотрящие — рубленый Мир: из **Вин**а **вин**егрет, смерть из Жизни. Смотрение — камнь лежач; *виденье* — бур-**вин**т Воглубь, в **Вин**о: острые (укр. **гост**рі) очи, **Гост**ей глаза. Смотренье — Запад, Ум; *виденье* — Сердце, **Вост**ок: **Ost**’**рие** («дело тонкое» — Сухов рек), что роет (**риє** — укр.) Вглубь как в Себя само (острый — стар. **вост**рый). Тлен, брение — **глуп**ость очей; Вечность — Мудрость как Тьма, **Глуб**ь; в очах бренных мудрый — глупец (рек Эразм **Рот**|**тер**|**дам**ский): зрю то, чем есть са́м я. Глупец есть смотрящий; мудрец, соф (греч.) — *видящий* как Мать, **Сов**а-Сва (лик коей — Афина, град чей с школой мудрою — совий); философ — промежен им: смотрит он с жаждою *видеть*, с тем — *виденьем* тронут как Сенью: путь — це**лью** своей, Сердцем Ум как э**г**|**ид**ою. Верующий и мудрец — оба преданы Господу, Сердцу, но вера без мудрости — очи незрячи, ***слепая любовь***; мудрость — зрячая вера как знанье Пути.

Ви́денье, коим наделены мудрецы и маги — очей власть: ведь власть — очи. *Видящий* — зримости царь: зрящий ра́вно и прошлое, и грядущее как Настоящее — **Мир**, сущий Богом как вечное Есть, **Миг** Его. В нем живя, мы идем к своей Сущности, ***строим Себя: восходить — возводить Я как Дом***. Мир есть Поле; Бог — Цель; человек есть Идущий к сей Цели сим Полем. Идет он всегда: и не ведая Цели, он близится к ней (спать и

бодрствовать — ра́вно несомым быть Миром, Рекой кольцевою, из Бога и в Бога). Ступая вслепую во тьме, он — смотрящий; зря Цель как Себя пред собой — *видящ* он. Меж смотреньем и *виденьем* шаг — сход от Двух, Розни в Ноль, Тьму-Монаду как Глубь их: нуль бренных очей, пустоту сих пустых. Лем о ней говорит как границе состава Гостей (*Хари, имя единое их в его книге, в «П|у|р|ан|ах» — Тьма-Мать, Ноль*), увиденной чрез микроскоп в крови их:

*Я видел как будто с большой высоты огромную пустыню, залитую серебряным блеском. На ней лежали покрытые легкой дымкой как бы потрескавшиеся и выветрившиеся плоские скалистые холмики. Это были красные тельца. Я сделал изображение резким и, не отрывая глаз от окуляров, все глубже погружался в пылающее серебро. Одновременно левой рукой я вращал регулировочную ручку столика и, когда лежавший одиноко, как ва**лун**, шарик оказался в перекрестье черных нитей, прибавил увеличение. Объектив как бы наезжал на деформированный с провалившейся серединой эритроцит, казавшийся уже кружочком скального кратера с черными резкими тенями в провалах кольцевой кромки. Потом кромка, ощетинившаяся кристаллическим налетом ионов серебра, ушла за границу поля микроскопа. Появились мутные, словно просвечивающие сквозь переливающуюся воду контуры белка. Поймав в черное перекрестье одно из уплотнений белковых обломков, я слегка подтолкнул рычаг увеличения, потом еще; вот-вот должен был показаться конец этой дороги вглубь, приплюснутая тень одной молекулы [в сущности — Двоица — Авт.] заполнила весь окуляр, изображение прояснилось — сейчас! // Но ничего не произошло. Я должен был увидеть дрожащие пятнышки атомов, похожие на колышущийся студень, но их не было. Экран пылал девственным серебром. Я довел рычаг до конца. Гудение усилилось, стало гневным, но я ничего не видел. Повторяющийся звонкий сигнал давал мне знать, что аппаратура перегружена. Я еще раз взглянул в серебряную пустоту и выключил ток.*

«Солярис»

Поистине, **Cau**sa, Глубь — С**ос**тав наш что мы **ква|р**ками мним: «ква» — Сва, Мать, **Сва|р**|ги Дух как **Ос**ь сущих, Круг Неба в **К|ва|д**|рате Земли как в сосуде **Вод**а.

Виденье есть Божьи очи, смотренье — безбожные. Лишь смотрящий, чужд Бога, не зрит оч**ев**идного. Так мир считает Луну малым телом, захваченным крупным, Землей, — но будь эдак, орбита Луны как насилия плод, стезя розни, являла бы эллипс, растянутый круг, а она — круговая, согласия явь пары сей, кое в сути — ***любовная связь***. Лишь безбожные очи не зрят под поверхностью лунною твердь — шар, тугой ба|**ра**банно, не давший телам, что столкнулись с Луной, сотворить ям ударных воронок, к**ин|жал**ов вглубь (фото 4). Твердью сей ту́ги все к|**ра**|тер|ы лунные, крупные — зримей всего.

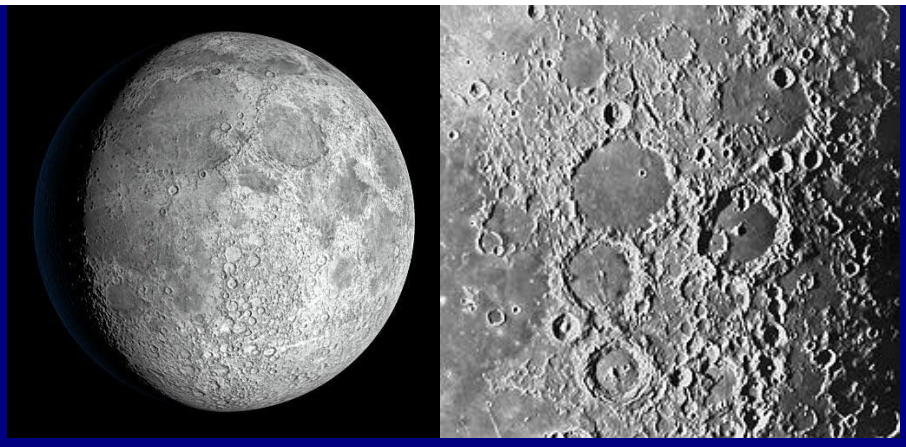


Фото 4

Барабан под песком. Вид Луны

При гигантском числе ударных отметин на ее поверхности, лик ее нигде не изрыт, обличая тем твердь под собой, шар тугой.

— И мудреца, и мага вы определяете как *видящего*. В чем их различие?

— Только в акцентах понятия: называя *видящего* мудрецом, мы акцентируем его единство с Тьмой, Мудростью сущих, а называя магом — акцентируем использование им Тьмы как Силы для личного роста: всхождения над собою самим как, по сути, над Миром, Путем ради Господа, Цели как чистого Я человека. Санскр. маха — великий: растущий **маха**нием крыл (с тем — и выросший, ставший **боль**шим через боль, рвя как кокон себя), чей оплот — Мах, Луна, Север-**Мах**imum, льнет к кому **мох**, тенелюб.

— Что, суммируя сказанное на сей предмет, нужно понимать под Мифом?

— Вселенную и нераздельную с ней нашу личность, суть ***личность как Мир***. Люди, ставящие вопрос про реальность Христа и Гомера, вопрошая, существовали ли они как исторические личности, обречены на крах поисков, ведь сам вопрос этот мертв как смесь грешного с праведным. ***Личность как суть без иного есть Миф как сверхплотская, вневременна́я реальность Златого Века, не смесимая с историей, рекой времен, как с водой масло***. Отсюда само понятие «историческая личность» есть оксюморон, «живой труп», и знают люди: чем ярче, т.е. *согласнее горней природе своей*, **пер**|**сон**|а, тем тверже царит над потоком времен, светя всем, им влачимым. Истории главное слово — «забвение», личности — «**па**|**мять**»: **Мать**-Сердце в Уме-**Па**пе, Твердь, что не с|**мять** (м|нет — Она). Очи Мифа, с тем, есть ***древни очи людей***: горний взор, очи Сердца как Века Златого, нам должные, коими зрим без помех Бога мы. Корнь их есть вера в Чудо: ***Миф — Чудо для нас***. Очи Мифа, чу|**дес**|**н**|ые — вз|ор Мира как **Дес**яти: Тьмы, **Дес**|**н**|ицы Творца; знанье Слова дает нам его.

Ход во Глубь — в Век Златой как Исток, к очам должным, — есть ход кру'**Gov**'ой. **В**-круг (на-**в**-коло — укр.) — внутрь круга, **в** центр в существе. **Рыт**ье в сути — **рот**ация: **коло**|**во**|**рот**, **рит**уал хо**ров**одный стар; К**рит**, Глуби дом **(***Атлантиды, о коей рек «**Крит**ий», в Элладу окно как се|**крет** очей, **крыт**ый Элладой как Сердце Умом, Тьмы **крит**ичность: разлом, из какого ис|**крит** Она***)*** — **кріт**, к|**рот** (укр.): роющий вглубь, в Сердце — Ум как эс**корт**, К**лин**ку этому но|**жны**, **Жены жне**ц, Огня у**крот**итель по**корст**вом ему как слу**жен**ием, **крот**ким тр**удом** **(**так нам слу**жит** со**бак**а, **хор**|**т** (стар.)**)**. Глубь — Луна; Кри|т — земля ее: Матери, Хри (инд.); кри|**тиче**|ский — лунный: пик **Мен**ы, Луны **мен**струальный как Мать, Кровь, наружу; с Аидом воссев после смерти, Мин сел на Луне: Подземелье — она, бренных Глубь, правит где Персефона, Аида жена (рек Плутарх, Луну зривший престолом и царством ее). В Глубь — Луну, Мать, — рыл S'Cow'о**рода**, по|сох чей — крот венчал как его рукоять. «Рой» — ге**рой**: Вглубь идущ, им есть всяк; **во**|**ин** — **во Инь**, в Жену-Ву**льву** уд. Крит Элладе же**лан**ен (**корт**ить — укр.) как Сердце Уму, **хо**доку в Глубь сию. Так **poet**, Пана сын, **роет** в Мир: Тьму **поёт**, Песнь Козла.

Душа, искра Божья — Миф в нас, искра Века Златого; кто *видит* — очьми Мифа зрит как души беспокровной, кто нет — слеп, очьми плóти зря.

— Чтó есть Золотой Век?

— Бла**жен**ная пора единства человека и Земли, как сосуда его, со Вселенной, Пла**нет**ой без внешнего: Тело тел сущих, она есть Сосуд сам себя. С утратою сего единства, свершившейся волей Создателя, *виденье* раскололось в себе на себя и смотрение как иное себе, а цельное тело Вселенной согласно тому — на Луну и Землю. Об этом рек М. Элиаде:

Мифы многих народов отсылают нас к той весьма отдалённой эпохе, когда люди не знали ни смерти, ни трудов, ни страданий и достаточно обильно снабжены были пищей — нужно было её только взять. В те времена боги нисходили на землю и смешивались с людьми, а люди, со своей стороны, могли свободно восходить на Небеса. Вследствие нарушения в ритуале сообщение между Небом и Землей было прервано, и боги удалились на высочайшие из Небес.

Посему-то, рек Фалес, Луна состоит из земли, Пифагоровы ж ученики Луну звали «небесной землею»: то — Тело исконно одно порой сей *допотопной*, отдельной Луны когда — не было. О том указано:

…во многих хрониках, мифах и преданиях говорится, что (…) Луны до потопа на небе не было (…), а после него она появилась.

*Татьяна **Славянова**. До потопа Луны над нами не было*
http://ufo.ck.ua/index.php/ections-of-site-32/41/1275-2009-12-06-01-52-38

Небо и Земля в Златом Веке не существовали в раздельности — то были два края единого Поля, Вселенной, меж коими люди ходили, как ходят обычно они по лицу земли, ибо Верх был слит с Низом. Отход сей блаженной поры как закат солнца Истины в очах людей, или претворение *видения* в смотрение, и стал рождением Низа и Верха как Двоицы-Розни, Земли и Луны. О том сказано:

Непрерывные войны между богами и демонами в конце раннего миоцена усугубили и без того бедственное положение населения Земли и способствовали дальнейшему разрушению ее водно-паровой оболочки. Это привело к резкому ухудшению климата — затягиванию земной поверхности сплошным покровом облаков, обильному выпадению дождей и похолоданию. На Земле начался голод. В конце концов, непримиримые соперники адитьи, дайтьи, данавы и змее-люди вынуждены были объединиться ради проведения неотложных мероприятий по восстановлению на планете более-менее подходящих условий для жизни.

*Эти мероприятия сводились к отрыву большого куска от Земли, который должен был стать ее спутником (в тот период на Земле, по-видимому, не было луны), и раскрутки нашей планеты за счет его удаления от нее. Трудно сказать, для чего именно это требовалось — увеличения силы тяжести и возможности жить на поверхности Земли гигантов, сохранения в атмосфере остатков водно-парового слоя, который повышал температуру Земли, сдерживал проникновение губительной ультрафиолетовой радиации и являлся основным фактором долголетия, или создания в районе северного и южного полюсов условий для проживания бессмертных, о чем я писал в работах «Состоится ли встреча с богами?» и «**Подземный мир — пространство вне времени или дорога к бессмертию**». Нельзя также исключить, что отрыв Луны от Земли был необходим для изменения ее орбиты и характера движения вокруг Солнца — кто может сейчас сказать об этом точно?*

Раскрутка Земли и отрыв от нее большого куска, который впоследствии стал Луной, по-видимому, описана в индийском предании о пахтании океана в районе мировой горы Меру (северного полюса) адитьями, дайтьями, данавами, змее-людьми и многорукими существами во главе с Вишну и в ацтекской легенде о раскрутке небесного свода вокруг мировой горы Коуалькан (оси Земли), как сверло, Камаштли — Мишкоатлем, Тлалоком, Шипе или Тескатлипокой. Согласно индийской легенде, после того, как боги «взбили» океан горой Мандарой, на небе появилась Луна. Это произошло, по моим оценкам, на рубеже раннего и среднего миоцена (около 17 млн. лет назад).

Появление на небе Луны отражено в египетском мифе об отречении Ра от престола в пользу Тота, согласно которому они стали сменять друг друга на троне и день стал чередоваться с ночью, а на небе появилась Луна. Оно также описано в шумерском мифе о Горе Небес — в эпизоде рождения Нинлиль в толщах Земли бога Луны Нанну, которому было суждено подняться на небо, чтобы освещать Землю и показывать смертным смену времен — и в поэме аккадян и вавилонян «Когда вверху» — в эпизоде о создании Мардуком Луны: «Потом он создал Луну, ночь ей доверив. Короной он Луну одарил, чтобы ее рогами-зубцами мерить время. День же отдал Мардук Шамашу…».

Появление на небе Луны охарактеризовано в преданиях и практически всех остальных живущих на Земле народов — я неоднократно обращал ваше внимание на это в книге и даже поместил ряд мифов на эту тему в главе «Всемирный охват преданий об отрыве Луны от Земли».

Согласно преданиям науа и ацтеков, после отрыва Луны над ее поверхностью стали поочередно всходить или одновременно светить два «солнца»: «Но когда Солнце

проделало свой путь, к большому удивлению богов, взошло второе Солнце… Это второе Солнце уже не светило так ярко, как первое, но все же давало много света. На земле больше не было ночи» (А.Н. Фанталов. «История и мифологии Месоамерики», 2004).

А.В. Колтыпин. Земля до потопа — мир колдунов и оборотней
http://ufo.ck.ua/index.php/ections-of-site-32/41/1275-2009-12-06-01-52-38

Земля, как ***тело Утраты***, явилась смотрящим очам как плацдарм их, арена *истории* — реки Розни, тьмы, неучастно рожденной и струимой в даль небытия Золотым Веком, ее истоком. Луна же, как ***тело Обладания***, сохранила в себе втайне от бренных глаз Золотой Век как цельную, как и прежде, Вселенную, люди которой, единокровные нам — те самые гуманоиды, что являются нам порой Контакта. Являются — из Луны, ведь поскольку Вселенная в ней, прийти им больше неоткуда. Вот почему зримые издревле странности на Луне, ***знаки Жизни на признанно-мертвом***, законно приписываемые руке Разумных, не есть работа антропов из внешнего космоса, садящихся на Луну как на некую подвернувшуюся им по пути п|лощадку — то должная явь пребыванья Разумных на ней как ***вратах лунной Глуби Гостям, из нее к нам входящим как сущность одна: Мировой, или Лунный, Народ***. О единстве сего обитателя сказано:

Многообразие на Луне искусственных сооружений свидетельствует о том, что они находят многочисленные применения, используют ли их многие или один и тот же потребитель, но в разное время. Все же есть основание полагать, что различные типы сооружений соответствуют тому, что их используют в различное время. Таким образом, порядок среди столь многочисленных объектов указывает на то, что один разум охватывает всё.

В мире бренных очей Луна — капсула Вечности: Космос, Нут (ег.) как Орех (nut — англ.), разъять к познанью какой можно только любовью; то — сфера Единства средь Розни как ***капля Иного, суть ма|сло в воде: тело-Нумен как Сердце в очах Ума, бренных***. Сосуд Всего, Да, Луна — центр мира глаз наших с Богом как Осью **в|нут|**ри; Земля, **Нет** — его пе**риф**ерия, пред Глубью-Тьмой **мел**ь-белизна, путь от коей, ***стезя Обретенья***, землянину только один — в Центр: к Луне и во Г**луб**ь ее — к Богу как нашему Я, той Оси, что вернул я в теории ра́вно и Миру как **луб**у (коре) на Оси сей, и жа**ж|*дуще*|**й Бога душе человеческой как ***Миру в нас***. Мир, Воды Камень (**лит**ос — греч.), Богом от**лит**ый, как Тело, единственное в своей отдельности, т.е. отдельное *от себя самого* и с собою единое, — есть Миф как вечное Есть. Луна как отрешенное *от Земли* тело — есть место, где Миф сущ поныне: скрыт дольним очам, явен горним; Земля как отдельное — место, где Миф есть Минувшее, Star'ина, в настоящем же — нуль как дыра очей наших, не *видящих* Вечности: Мига как Жизни, о коем сказал Дербенев:

Призрачно всё в этом мире бушующем.
Есть только миг — за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется Жизнь.

Зря мифически, Сердцем, — Луну от Земли не отъемлем: Мир — обе; нет двух — есть Одно **(**Зевс, муж Геры-Луны и Деме**тры**-Земли — страж при нем, недвоимом**)**. Очьми зря Ума — ради Сердца, владыки, да зрим Мир в Луне как Исток, капли чьи из нее — мы, антропы ***Земли, Капли Лунной***. «Свалиться с луны» — Суть утратить свою, Мир, стать Сердцу Умом как подо**бьем** его.

— В данном выше фрагменте сказано, что Луна отделилась от Земли, а вы утверждаете, что наоборот. В чем тут истина?

— В том, что отход сей взаимен: Луна и Земля ***отошли друг от друга***, что в дольних, ***земных как безлунных***, очах, их творимых разъятием, и означает отрыв Луны от Земли. Луны некогда над нами не было, ибо Земля была Луной, а с ней были Луной и мы сами; утратив Луну — утеряли Себя мы, лишив очи *виденья* их, тело — се́рдца. В очах горних, истинных это и есть отрыв Капли-Земли от Воды-Луны: изъятье следствия из причины как ***опустение следствья*** — утрата причины как Сути, Себя. Ибо следствье — причина в утрате: от полности дырка, огня сего тень.

Богом сущий как Осью своей Колесо, Мир как цельное Тело — Одно как Причина себя, без иного; Луна и Земля в розни их как разъятый в очах (иль *очами*: рознь — очи, не Мир) Мир — есть Двоица «Причина-Следствие», где Земля, скол Луны как вода от Воды — и Луной есть как Глубью-Водой, и иным ей как капля, упавшая вниз. Каплю эту, живую с живым на ней, зрить можно явленной сразу со всем на ней сущим, а можно и как плод процесса, в котором с|пер|ва (*«с пер» — с Огня: «пер», «пир» — огнь*) от Луны отпадает Земля как живой дом живого, потом на нее сходит Жизнь в чреде форм **(***for'm — **for M**other: «для Матери», Сути — сосуд***)** — от простейших и до венца ее, че'love'ка (о чем и речет книга Дзян, говоряща, что Р**один**а наша — Луна). В контексте царящего в Сущем закона *единства* различия (подмененного энгельсовым материализмом на закон единства и борьбы *противоположностей*, главных в законе сем) обе картины верны как его лики, Единство и Многость-Рознь, в Слове сущие слитно. Ведь сказано:

Мы утверждаем, что тождество единства и множества, обусловленное речью, есть всюду, во всяком высказывании; было оно прежде, есть и теперь. Это не прекратится никогда и не теперь началось, но есть, как мне кажется, вечное и не стареющее свойство нашей речи.

Платон. Филеб

Луна и Земля — Мир единый; в их розни, нам сущей,
Луна есть Вода, Земля — Капля ее.

Мир, Единство, разъялся однажды в очах на ***себя как Луну*** и не-себя как Землю. Отсюда ***Луна и Вселенная — одно и то же: безлунье — безмирье, от Мира, Ореха прореха; не ведать Луны — Мир не знать***: ***в Луне Лан (поле — укр.) и Луну самое***. Посему чужестранец в Плутарховом сочинении «О лике, видимом на диске Луны» говорит, что «из всех явленных миру божеств особенно до́лжно чтить (…) Луну, как наиболее владычествующую над жизнью, а за нею — Землю»: поистине, ***единственной целью в познании Мира для нас есть Луна, тело-Мир как единый Предмет поклонения: части — пред Целым своим***. Мир — **Рук**и Божьей труд, **Рак**, что пятится к Богу, на шаг отстоя; Очи, З**рак** (Взор — стар.) — чета ему; Мира знак — Х: число — 10, буква — **Хер**, П**рич**ины буква пустая. Луна — **рака** **Рака** сего; Мира муж как **Рек**и кольцевой, что из Бога и в Бога течет, — **Хе**|**р**|**ак**|лит, с ним — **Хер**|**мес**, **Мес**яц-Мир; в розни Мир зрящ — ду|рак, очи-нуль. Раз Земля наша — капля ***Луны, т.е. Мира как Глуби***, планета сия только внешне, для дольних очей, есть отдельное от Мира тело, внутри оно — та же ***Луна, т.е. Мир***. Как очей бренных Тайна, Луна — Огнь глаз истинный: Вечность как Сердце всего; солнце бренных дневное — суть Ум, очей ложь. Им как явью живимы мы днем, Солнцем Тайны ж — всегда: Ум есть часть как **пол**-Сердца, в разъятьи Одно; Сердце — **Пол**ность, Одно без разъятия. ***Ви́денье есть Глубь смотренья: Луна под землей бренных глаз как секрет ее истинный: Сердце — Ума; очи видящи — лунные: зрящи, что центр есть они как с очьми Мир единый; смотрящие — зрящие центр вне себя как сторонний огонь***: так **Ко**|**пер**|ник не зрил в себе Огнь как в Земле, ***Луну в ней***. ***Луна-Мир — Дом очей наш, Сна Очи: Очи|зна, от|кол|ь родом мы, от|кол|о|вшись от Ко́ла сего — от Сел|ены, от|сель***. День-огнь истинный, Лунный — **тен**ь бренного дня: Эк’sis’**тен**ция-Мать, Суть, **Втор**ое в сем мире-Уме, мнящем Сердцем себя, как Пред-первое, Ноль (Два — Ноля в бреньи явь: тьма, глас Тьмы): пред Землей — Луна, а**втор** ее, **Spu**’тник-Мать, Огнь живящ (так с углём **тен**дер — жизнь паровоза). ***За Солнцем второе, Луна есть подобье-и-Суть, Два-и-Ноль: Тьма, под|об|ье себя самой. Как Два, огнь есть отраженный она (не Ума, Единицы пустой — Ноля, Сердца), как Ноль — огнь сама***. На нее указует фамильей **Ти**|**то**в, космонавт второй: «**Ты — То**», Луна. Речено же о Сыне, Втором как за солнцем Луна, за Умом Сердце, Суть: «Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня» (Иоан. 1:15). Тень, Тьма

— Очи, В**ра**та как Вни**ман**ье, At**ten**tion. **Ис**|**тин**а есть От|кров**е**ние: Тайна в явлении, Бог-БлагоДать, выходящий **из тен**и на свет, в бренну явь, чтоб расторгнуть круг Зла, что порочным зовем. **Ден**ис, **День** — Дионис: Вакх, Тьмы бог. Луной, Сердцем, мы любим: **ланиты** — **луниты**, любовью жарки́. Р**день**е их — **рас**ы к**рас**ной, Ат**лан**тов **кол**|**о́р**: Луна, Мать как Единство-и-Рознь, Зелень-и-К**рас*но***та; от Луны — тра́в р**ост**: к Господу тяга; так, тра́вы его, к Нему тянемся мы **(***и **Сел**|**ен**ою, **Сил**ой — **лис**тва **зелена**; цвет зеленый — центр сущих семи как в **Вось**мое дыра: в Бога лаз***)**. Так во сне растут дети: Сон — Sun, **Сон**це-Мир, **Лун**а в сердце как в**сун**утый Фалл, **Спи**ца-Мать, Жизнь как Ось, **Spa**'**га**-**Sap**t'an (Семь — санскр.: **spa**'ть — Жить), **Спу**тник (**суп**утник — укр.) наш как при не-Сути Суть, гладных **Суп**, **Su**|**p**er-**Мо**щь Т**ьма**-Де**сни**ца **(***как **Длань** Бога **пра**вая: в Паре Бог-Мир слева — Бог, **Дело правое** чье — Мир. Руки́ у Творца слева нет: Дело — справа **(***как «справа» (укр.) — дело***)**; **Длань**, **Делань**е — справа же. Прав, Мир есть **Прав**|*да*, **Tru**|**th** (англ.): **Три** как **Трус**, смелый Богом. **Truth** — **трут**: **труд** стирать с Сути пыль как Мир с Бога***)**; Бог — Глуби сей **Сом**, **Тел**о (сом**а** — греч.) в Тьме, сущих **Цель** (**тело**с — греч.), царь **Сем**и, *видеть* людям велящий как **spa**'ть-п**очи**вать, тем **спа**сясь. «**При**|**сно**» — 1) истинно, вечно; 2) при|суще: **при Сне**, Луне мы как при Сути своей, вечны Вечностью сей: Сердцем — Ум. Бог Луны Сома (с ним — влага лунная, сома ж) — лик Бога, с**тезя** в горний Дом.

В очах *видящих* Мир и Луна есть одно; зрящий в розни их — слеп.

Век Златой есть Век-Мир как Единство — Земля-Луна, век тел как душ без иного; история — век тел-облаток с душой как Златым Веком, Сутью внутри. Гости наши телами своими являют нам душу саму: Век Златой как плоть их, что в Луне не прошел, отворенный в Контакте, вратах очей в Глубь.

Мир с Луной — Одно в Се́рдца очах, где М**она**да царит; в очах Ума, Двух, Мир — Глубь, Луна — ее имя. Глубь, Сердце — Жизнь; корка, Ум — смерть, чан Воде сей. Так **МО**ца**РТ** великий — **Мо**-**ца́р**-**а́рт**, искусства (**art**) **цар**ь: в смерти, **МО**|**RT**, корке лунной — Жизнь, Глубь. Сказал Эк'SU|P|ER'и:

Ты же знаешь, дело не в том, чтобы нажить и пользоваться нажитым, — в том, чтобы нажить самого себя и умереть полным собственной сущности. Пойми, единственная наша награда — смерть, в ней тонет корабль. И счастье, если он полон сокровищ.

«Цитадель»

Ман — Луны имя: **Ман**я, Христа Д**ева**-Мать. Мир в **Лун**е, Глубь — **А**|**т**|**ма**|**н**: А**тма**-**Ман**, Бога **Ман**тия, сущих **Ман**|сар|да, для коей сущ всяк как для Сути своей: Это — ради Того. **М**ир-**Ма**ть, **Лон**о — **Ма**|**Ман**, корень мно**гости** (англ. **man**у) всей; **гу**|**ман**|оид — В|**селен**|ной гонец, **ку**|**ман**|ёк из Луны, почерк коей — **ман**|ера: Луна как мы, Огня сего э**ман**ация **(**о ней рек Прокл в своих «Первоосновах теологии»: «Все во всем, однако в каждом особым образом» (§103)**)**; камень лунный — ал|маз, диа|**ман**|т с преломленьем двойным его: Тьмы, Ноля явь в бреньи — Два, **Зло**-И**зло**м под Добром как Рознь, Нож, под Единством (таков блеск алмазный: нет счету зарезанным им); п|**утеш**|ествье (**ман**|**дрі**|вка — укр.) всякое в сути — в Луну ход: в Мир, **Три** как Путь в Цель. ***Атман — наш Атаман: Мира ради живем***. Учат Веды:

*Поистине, не ради супруга дорог супруг, но ради атмана дорог супруг. Поистине не ради супруги дорога супруга, но ради атмана дорога супруга. Поистине, не ради сыновей дороги сыновья, но ради атмана дороги сыновья. Поистине, не ради богатства дорого богатство, но ради атмана дорого богатство. Поистине, не ради скота дорог скот, но ради атмана дорог скот. Поистине, не ради брахмана дорог брах**ман**, но ради атмана дорог брахман. Поистине, не ради кшатрия дорога кшатрий, но ради атмана дорог кшатрий. Поистине, не ради миров дороги миры, но ради атмана дороги миры. Поистине, не ради богов дороги боги, но ради атмана дороги боги. Поистине, не ради Вед дороги Веды, но ради атмана дороги Веды. Поистине, не ради всего этого дорого все это, но ради атмана дорого все это. (...) // Брахманство покинуло того, кто знает брахмана в чем-либо ином, нежели в атмане. Кшатра покинула того, кто знает кшатрия в чем-либо ином, нежели в атмане. Миры покинули того, кто знает миры в чем-либо ином, нежели в атмане. Боги покинули того, кто знает богов в чем-либо ином, нежели в атмане. Веды покинули того, кто знает Веды в чем-либо ином, нежели в атмане. Существа покинули того, кто знает существа в чем-либо ином, нежели в атмане. Все покинуло того, кто знает все в чем-либо ином, нежели в атмане. Этот брахман, этот кшатрий, эти миры, эти боги, эти Веды, эти существа — все это атман.*

*Брихадараньяка-у|**пан**|ишада, IV, 5:6,7*

Глубь в картине моей — не лопаты мирской цель: то — ***Дух, Глубь как Высь***. Смысл сей, как с Этим То, коррелирует с грубым, физическим планом: известно, что местом духовного подвига как погруженья в Себя в мире сем есть пещера. Отшельник — пещерник: спустившийся в Глубь, в Дух как Печь (пещь — стар.): в горн — мечом жаждущий стать.

— Раз в очах *видящих* Луна и Земля — одно, значит, провал, разделяющий их — лишь фантом бренных глаз?

— Да, то — прорва расколотых сих: вижу то, чем есть са́м я. Для магов как сутей мифически зрящих, сиречь ***цельноо́ких*** (маг — *видящий*: цельный очами), Луна и Земля — это два полушария одной Планеты Мир, две комнаты сего Дома, где, чтобы попасть из одной в другую, довольно шагнуть. Очьми чистыми зря (очи — ноги нам: *в*|***идет***|*ь* —

ст**ту**пать), так шагали герои ин|дий|ского эпоса, дивные нам войны коих, шедшие то на Земле, то на Луне — бой единый на двух сторонах Земли нашей. Так входят к нам Гости с Луны, маги сутью, ступая чрез грань из Того в Это шагом одним: ведь Шаг — Путь. Посему лишь не *видящим* Мир Гости — «инопланетяне», суть жители иной Земли, чем наша, а для Мирового Народа как *видящей* **Семь**и разумных ***Земля у нас всех одна — Мир*** (число чье — Семь; Бог, Ось в нем — В**ось**мой). Прямой знак сему — то, что на древнейших картах звездного неба (X в. до Р.Х. и глубже) Луна отсутствует как ***та же Земля в Star'ину: в Небозе́млие, Век Золотой*** **(***посему, пишет Фламмарион, Луну в Древнем Египте и звали эфирной* ***Землей****;* ***Нил****, отец Египтян, течет с гор Лунных (так они кличутся): в сути сакральной — с Луны, слуга чей — Армстронг* ***Нил*****)**. С тем, антропы Луны, Гости наши, таимые бренным очам, ***пребывают меж нас***. Очьми Мифа смотря на толпу, обтекающую вас на людной улице, в ней вы узрите антропов-лунитов, гуляющих вместе с вами, надев должный случаю костюм землянина.

Рознь меж Луной и Землей — не меж ними, но в бренных очах,
что не зрят ни единства сих тел, ни единства Антропов их, сущих как цельный Народ.

— Костюм?

— Да, тело земного антропа как биокостюм истинного, т.е. ***голого*** в строгом понятии, тела антропа — души его как сути чистой (**ко**u — ег.), называемой Святым Письмом «тайным человеком сердца» (Петр. 3:4), а Гри**го**рием S'kou'ородою — «внутренним человеком», Творцом вдетым в плоть как в чехол. Антропы смотрящие, понуждены мы носить свою плоть как единственный в жизни костюм — от рожденья до смерти как ***сущие в плену его: Ума — Сердце, Суть***; антропы *видящие*, Гости наши владеют своими телами, меняя их по об|сто|ятельствам, как мы меняем одежды: пиджак — лету, осени — плащ. Так меняли костюмы свои (рукояти и ножны, рабы при клинке) мечи древних; так кондомы меняет фалл, меч живой. Способ бытья Гостей среди нас, зрящих корки без сути их, есть ***оборотничество, невинный обман*** — тайнодействие сущностей Мифа в квази-немифичном пространстве, храняще в очах его зрителей цельность его как ***Мир в них***. Так щадят очи смертных людей боги всех мифологий, верша (то ж — **чин**я) чудеса под ли|**чин**ой обыденного: Мир — под маской **мир**ской. Так, крепя Тайной явь, Народ Божий, Антропы, един всякий миг в смысле строгом, ***прямом***, стоя в Вечности ***плечом к плечу***.

Но, полна, **пан**орама единства Разумных — **ма**сштабней сего, выдаваясь за рамки Антропного качества Духа, Актера под маской сей: масок у Духа — без счету. Рисуя

обычную улицу глазами *видящего*, **Кас**танеда (муж **Caus**'ы, Глуби-Луны) говорит, что под маской тел бренно-земных, кроме лунных Антропов, в толпе есть и хор не-Антропный: ***посланцы вселенных иных***. Ведать дóлжно: единство Разумных, таимое в бренных очах под личиной Антропов-землян, сверх-Антропно и есть не ход многих — ***парад Одного: шествье Духа, единого в многих телах, в тьме форм их как в изложницах жидкая Суть — Жизнь, Вода как живущих SOS'тав***. **Жит**ь — **SOS**'ать Млеко-Воду как **жид**, Водой сущий; клич бедствия — **SOS**: не**спо**собность и**спи**ть, о**жид**анье **SOS**'**уда** с Водой. **Парад|из**, **Ра**й — **парад из** Луны: Глубь как Дом всеантропный в явленьи очам.

— С телами привычными нам, в которые облекаются Гости, все ясно. Н что тогда представляют собой леденящие наш взор страннозримые тела Гостей, в каких они предстают нам в Контакте?

— Это костюм назидания бренному человеку: плоть, согласная душе как ***Ум Сердцу***, — тогда как плоть наша, противная ей, иль ***отколотая от нее как Земля от Луны***, в сути есть ***Ум Ума*** — эгоистические, разъятые очи, забывшие свое единство, даримое душой как Сердцем. Вспомнить себя очи эти и побуждает вид наших Пришельцев, на равных и «сей» и «тот». Дивный костюм их, согласный закону единства различья, зову я ***костюмом Луны, тела-Сердца***; костюм как плоть нашу — ***костюмом Земли как Ума***; в сути ж оба — Луна, Дом нагих, Подземелье очей бренных, влезть куда людям мешает плоть-Ум. Пишет Де**мин**, российский космист:

*Очень бы хотелось отыскать таинственный и священный для **лоп**арей [люда Севера, **Лун**ы как **Луп**ы очей — Авт.] проход (лаз) под землю, у которого побывала и даже сфотографировалась когда-то экспедиция Барченко-Конди**айн**а. Недобрая слава идет об этом опасном месте. Приближаясь к нему, люди, пренебрегшие должным магическим ритуалом, испытывают чувство повышенной тревоги и страха. Один старожил рассказал: когда он приблизился к загадочному лазу, ощущение было таким, как будто с него живьем сдирают кожу.*

Суть нагая есть Сердце; прокров ее — Ум как как ***кость-ум***; но ***кост|юм*** **Гост**евой — Ум-слуга; наш же — Ум-царь, обманом пустой. Роль костюма плотú нашей *умной* — сокрытье души, искры Божьей как сути антропа; плотú же сердечной — явленье души чрез согласную эту, не сущую как бы на ней, иль ***прозрачную оку***: ***дырявую*** как Ум, не прячущий Сердце, Ква**драт** как явь Круга очам. Ибо ***Круг — суть, Квадрат — форма, сутью живая: квадратная, ибо кругла; слитность их, антроп круглый — квадратен вполне***. Плоть, одет в кою Гость, посему — явь квадрата: прямая по вертикали как фалл, копие в Бога (тело же наше — изгиб, столп как **горб**, **гроб** прямых), и по горизонтали — без свода стопа как прогиба под бренье, чужд коего Гость как Бессмертья посол: То, Сему

господин **(**в мире сем плоскостопье — изъ|я|н, бич ходящих: из Ян — Инь торчащ как из тьмы огнь**)**, **Уг**лу — Кр**уг** в нем явный.

Плоть Гостя как лунный костюм есть явитель души, ей согласный как Ум Сердцу; костюм земной, наша плоть — рознь душе и таитель ее.

Дырявости сей явь — глаз Гостя как выпуклость мозга из **чер**епа: Глуби как Духа нагого — из корки-Луны как п**реп**оны ее, пло́ти лунных антропов: **Моз**г — Ма|ть, **Moth**er, Ть|ма Божья, **Лон**о в **Лун**е, **Гол**овы **гол**ость этой, зрил в коей П**латон**ов, писатель, «сплошной и чудовищный мозг». Англ. b|**ra**|**i**|n, мозг — Мир, в Луне (in — внутри (англ.)) **Рай**: Тьма, капль чьих дождь, **rain** (англ.) — **ду́ш**и, Божий посев в бренья тьму, горний **душ**. Мозг-Луна — мыс|лей наших Ин|**дук**|тор-V|**nus**|h'итель: влага|я в ум (**нус**) наш себя как Суть, Сердце, — влекущий (**duc**ere — лат.) нас Луну знать. Сказал Б|**аль**|**м**|**он**|т о том:

Луна богата силою внушенья,
Вокруг неё всегда витает тайна.
Она нам вторит: «Жизнь есть отраженье,
Но этот призрак дышит не случайно».

О том же указано:

Герберт Уэллс, описавший в известном романе лунных жителей, копошащихся под толщей лунного грунта, — писатель-фантаст. Но по последним исследованиям, именно выдумать, придумать, сочинить в первоначальном значении этих слов, человек не в силах. Он лишь принимает информацию, подключается к некоему супермозгу, суперкомпьютеру, к нелимитированному, ничем не ограниченному банку информации [Луне: Мозг — она — Авт.]. И просто черпает оттуда.

*Татьяна **Славянова**. До потопа Луны над нами не было*
http://ufo.ck.ua/index.php/ections-of-site-32/41/1275-2009-12-06-01-52-38

И о том же:

Я чувствую, как Луна излучает некую возбуждающую энергию. Она словно гигантский передатчик, а Земля — гигантский приемник… // (…) Каким-то образом Луна действительно притягивает человеческий разум. Но это притяжение не имеет ничего общего с гравитацией. Мои коллеги считают, что Луна никогда не была частью Земли или Солнца — у нее совсем другая природа.

Колин Уилсон. Паразиты сознания.
http://bookz.ru/authors/uilson-kolin/wilsoc01.html

Мозг-Луна, Голова-Луна — антропа лунного суть, каков с тем ***антроп-мозг, головастик***. В сем есть **унит**арность л**унит**а. Им станет землянин, стяжавши Луну в своем росте к сей Цели, — что чуял Джеймс Дан. О том сказано:

Этот современник Дарвина на восемь лет ранее выхода в свет в 1859 г. эпохального «Происхождения видов...» выдвинул понятие, которое назвал энцефалозом или цефализацией (от греч. kephale — «голова»). Излагая современным языком эту идею, Вернадский писал: «В наших представлениях об эволюционном процессе живого вещества мы недостаточно учитываем реально существующую направленность эволюционного процесса» . С эпохи кембрия, когда появляются зачатки центральной нервной системы, и далее идет медленное, пусть с остановками, но неуклонное (без откатов назад) усложнение, усовершенствование нервной системы, в частности головного мозга. Убедительно доказывают это палеонтологические данные, прослеживаемые за последние пятьсот миллионов лет, хотя сам процесс уходит намного дальше в глубь геологического времени. От моллюсков до «гомо сапиенс» это нарастающее движение неотразимо обнаруживает себя. Удивительно, замечал Вернадский, что не только Дарвин не оценил идеи своего североамериканского коллеги: она вообще выпала из научного обихода биологии. Впрочем, были на то причины. Свой вывод Дан, профессор Йельского университета в Нью-Хейвене, развивал больше на территории философии и теологии, а уж сюда направлялась особая идейная бдительность пуритан Новой Англии. Результатом стал острый конфликт этой идеи с суровым религиозным догматизмом, царившим в штате, и цефализация была утоплена для научного обсуждения и развития почти на семьдесят лет. Вернадский извлекает ее из забвения, осмысливает в четкой эволюционной перспективе и вводит в науку под именем «принцип Дана».

С.Г. Семенова. Русский космизм

Глаз наш, мозг по составу (n**EU**ron'ы) — шар, мозгу иной, слитый с ним чрез хиазм, нервный путь; ***Гостя глаз — мозг его: мозгом зрит-видит Гость как Луною самой***. Таковы, Гости ***мыслят очьми***, беспромежно: ***мысль их — Жизнь сама, Сердце*** (зрят так герои в Гомеровом мифе); мысль наша же — Ум как от Сердца шаг вниз: не Жизнь — об|раз ее. Размышлять — **мір|кувати** (укр.): **Мир**, Мозг **ковать**: Мать — он, Лоно; **мыс**ль — **Мис|с**: **Міс**яць (укр.) — Луна, **Мен**а, **мен**|тал|ьности корнь, **Мен**|тор наш. Око наше, глаз бренный историьи, зрит центром как частью своей, коей есть в нем зрачок — с тем, ***безлунный***, и Мира не зрит; око Гостя как Века Златого г**лаз**, **лаз** Star'ины, черно всюду как ***цельный зрачок, центр-везде, лунный взор как Одно Мира ради***. Центр Мира ему — Мир **(цен|три**|ровать — **Три** восставлять: Мир, **Сен**ь, куда с**трем**имся**)**, **око**|лица — Мир же: в М**она**де-Тьме — Двум места нет, как и в оке согласном ее (рис. 1).

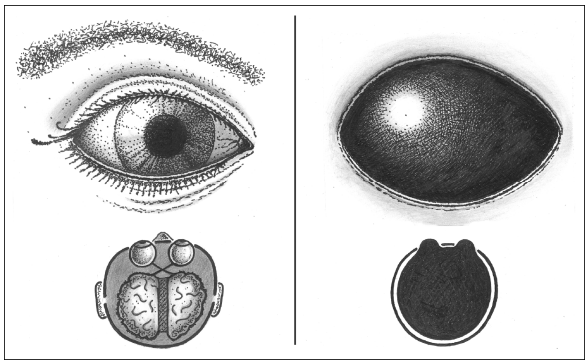


Рис.1. Око наше и Гостя

Очи Гостя — мозг, зрящ из глазниц: Мир, Тьма-Глубь — из Луны как сосуда его.

Очи *видящи* — **т**|**о**|**ч**|**ки**: **М**|**она**|**да**, **Т**ьма-**М**ать; т**очи**ть — очи ос**три**ть: **Шил**ом, **Сил**ою-Тьмой; **ост**рый — **Ost**: В**ост**ок, Тьма. Бога чужд, взор безлунный — **Луною** чреват как смотрение — *вид**еньем***. Так чреват **Луп**|**ою** этой **Ла**|**п**|**лас** («плас» — плюс: Очи д**оба**вь!): ту|**ман**, **ne**|**bul**|а (лат.), по Лапласу сгущенный в мир сей — Луна-Мать: **не** бык, **bull**, но Корова, не Ум — Сердце. Мозг, Мать — в **Сел**ене **Ки**’**сель**-**Оке**ан (А**ки**ян — также), мыслей творец: Дума — Дама, Тьма-Мать; ***люди, мыслим Луной мы, Главой голов сущих***. С тем, вечер, грань Света и Тьмы, отворяющий магам разлом Тайны, **Тре**щ**ину** Мира **(**речет Кастанеда; Мир — Десять: Свет-Тьма, Один-Ноль**)**, — ***пора́ мыслей***: **Щель** эта — **Сел**ена, Луна, Бога Кол***око***л. О нем-то песней, козлиною молвью, поется:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он.

(Иван **Коз’лов**)

Глубь Луны в сути, мозг Гостя — Сердце с Умом, сущим в нем как слуга, в растворенье: слуга, коль любя служит (слу**жить** — любить), растворен в господине своем. Посему сердце наших Гостей — в голове их, сиречь ***в месте должном***: ведь Сердце — Уму царь, ***глава***; в теле ж нашем, безлуньи, царь есть ум с очами пустыми его, в голове сущ, а сердце — изгой вовне: сущий в груди, ниже.

Квадрат как Круга печать — явь Гостей лунооких: Луна, Сила. Ею тверд-прям мир сей. Знает **муд**рец: чем круглей — тем квадратнее в нем, чем сердечнее — тем и умнее. С тем, древним Куб — столп, тугой сутью своей (***Коб**а* — ***Ста**лина кличка: **Куб**, Т*|*вер*|*дь*): Луной, **Шар**ом надутый как Сердцем Ум, Авраам **Сар**ою. Муж сильный, шутят, имеет квадратные яйца (стар. **муд**ья): Луной, **Mad** тугие шары.

Властье Сердца над сущим как парой своей, Умом, — Бога над Миром — для мудрых бесспорно. Мир в нас — душа наша, а Бог — ***задушевное*** (слово Юркевича), Ось в ней, **за** Миром, **Кон**ем **За**|**кон**, Всадник на нем. Сердце — **сред**ина в нас, **cred**о (лат.) наше: Тьма, Столп. Аристотель и рек п**осе**му (с собой споря: ведь Ум, солнце бренья, не зря на нем пятен, царем чтил), что именно сердце как орган плоти́, а не мозг, шкаф Ума в ней — наш орган мышления. Сердце по Библии — «исходища живота» и «истоки жизни», иль «коло рождения нашего» (Иак. 3:6). В сердце, как дому́, есть боль душевная (Прит. 14:10), чувства любви (Суд. 16:15) и доверия (Прит. 31:11), отвращение (Прит. 5:12), радость (Пс.

18:9) и, как дар Вакха, — радость опьянения (Зах. 10:7); в сердце — морали столпы (Пс. 39:9). Сердце в Библии есть глубочайшим души, отворенным лишь Богу (Пс. 43:23) — чистой Сути, Я. «Мудрое сердце» — обычная в Библии фраза: ведь Мудрость, Тьма — Сердце само; «широта сердца» в ней — всеобъемлющий разум (1 Пар. 29:18): Ум, Сердцем глубокий (без Сердца ж — **бал**|**бес**: **без** Творца Дьявол-**Бэл**, **бал** облаток пустых). ***Ум есть Ширь, Сердце — Глубь; Мир, Тьма-Свет, есть широкое-Сердце-и-глубокий-Ум. Ум действительный — Се́рдца Умом звал Толстой его — Сердцем как Глубью широк: Это — Тем в трансцендентном порыве за грань: из себя — во Себя. Такова широта души русской: Ум, Муж, Луной сущий как Лоном своим — Моо**п, Женой как Коровою, Му* (с тем, гостям русский дар — **корова**й, иль **cow**'рига; Руси праздник главный — По**кров**: **Сень**, Луна, О|дея|ло (**ковóра** — стар.) в|**сем** как Жизнь, **Сем**|**ь**, **Сем**я в нас; слуга верный ей — С|**ковор**|**о**|да**)**. Служа ей, Сердцу, Ум, повторю, растворен в ней любовно — как Феб в Артемиде, в Сократе Платон (уста чьи в «Диалогах» — Сократовы): Сердце — царь истинный. «О сердце чистое! Ты новый век, вечная весна, благообразное небо, обетованная земля, радость, тишина, покой Божий, суббота и большой день Пасхи», — рек Сковорода. В лад с ним пишет Юркевич об этой вершинности: «сердце может выражать, обнаруживать и понимать совершенно своеобразно такие душевные состояния, которые по своей нежности, преимущественной духовности и жизненности не поддаются отвлеченному знанию разума (…). Понятие и отчетливое знание разума, поскольку оно делается нашим душевным состоянием, а не остается отвлеченным образом внешних предметов, открывается или дает себя чувствовать и замечать не в голове, а в сердце; в эту глубину оно должно проникнуть, чтобы стать деятельною силою и двигателем нашей духовной жизни». Рационализм как господство Ума, пишет муж сей, ошибочно мнит, что «мышление есть самая сущность души или что мышление составляет всего духовного человека. Воля и чувствование сердца (…) ими понимаемы как явления, видоизменения и случайные состояния мышления» для рационализма совершенно несообразна мысль, что «в самой душе есть нечто задушевное, есть такая глубокая существенность, которая никогда не исчерпывается явлениями мышления». Сердце цельно собою, Ум — Сердцем. О русских философах, Сердца мужах, Н.О. Лосский писал, что тот способ мышленья, а именно «без**мят**ежность, **цель**ность духа», который почерпнули русские философы у отцов восточной церкви, воспри́няла Русь с христианством. «Основные черты русской образованности — цельность и разумность. Западная же образованность построена на принципах рационализма и дуализма» (т.е. Ума — Сердцу в рознь), — рек муж сей. Сердце (гот. **hair**|**to**, нем. **Her**tz), в нас суще — Луна под землею глаз бренных; с тем, травы, Земли

власы (**hair** — англ.), растут из Луны, Подземельного: Глуби, **Бог**атства людей. Луна, Сердце — Одно; Ум, внелуние — многость, единая им; умы сущие — Мены, Луны и**мена**, к|орки Матери.

Ви́денье, должные очи антропа, есть зренье душою нагою; смотренье, недолжные — зрение плотью, душой себя мнящей, тем скрыв ее взор. Костюм Гостя согласный, как плоть на душе его, *видеть* ему не мешает как ***тело, что телом и зрит себя: тем, чем и есть***; но и взяв тело наше, Гость им не слепим, ибо знает его как покров свой, тогда как мы — нет. Оба эти костюма, как сказано, Гость надевает для наших очей, ко внелунью; внутри же Луны — наг как чистая Суть. ***Народ Лунный — нагой как без плоти эфир, Божий огнь: в Лоне, Глуби-Тьме — плод***. На'Gott'ой этой лунной **наг** древний **атл**ет, **мус**|кул гибко-тугой: **атл**ь — змей Ма́йям: лик Истины голой, пелён враг, **Наг** (санскр.). В костюме согласном своем, Уме Сердца, он — тот же эфир, что по воле своей то становится зрим нам как Ум (ведь бессердно умён бренный взор, Ум Ума), то как Сердце таим. Луна есть Глава; капля Луны, **Гост**ь — Глава ж, **кост**|**юм**-**Ум** при какой — **тул**ови́ще (укр. **ту**|**л**|**уб** — **луб** сути), **тул**имое как к шару х|в|ост.

— Выходя из Луны, пользуется ли нагой (эфирный) антроп отверстиями в лунной коре?

— Он пользовался бы ими, если б лунная Глубь и он были феноменальны. Но Глубь эта — Ноумен: эфир как тонкая сущность, единая с грубым вне**лун**ьем чрез грань-**нул**ь — бездырно. С тем, выход антропов Луны, Гостей нам, из **Лун**ы, **Лон**а строго тождественен родам Марией Христа без ее дефлорации — дважды (в зачатьи и родах) сберегши г**имен**, плеву девности: ***Суть Луны — Мать, Дева дев, что, являя Гостей, их родит из себя как свои и|мен|а***. Явь тому — само имя **ги**|**мен**: **Ки**-**Мен**, дважды Луна: **Мен**а Греков, **мен**ад Мать, и Дух Божий, **Ки** (**Ци** — **ки**т.), Луна как Глубь, **Ці**|ль (Цель — укр.), Дух **Ци**|гун, **Ци**|та|**дел**|ь и **Ки**|от Бога, **Ки**теж очей, Состав сущих (***дел**ил **Мен**|**дел**еев его бренью в лад, **Мен**|**дель** — то ж; **полов**инки его, **полов** рознь — **Мен**|**дель**|**сон** единит*), Аполлона **Ки**|фара свята, **Ши**, Поэзия (кит.), горня П|**ища** (**щи**, Русов еда), **Ки**й, шары чьи мы и в граде чьем п|**ишу** я труд сей. Мертвец — по|**кій**|ник (укр.): в Луну отшедший как в Глубь. **Циль**х — жена Ло**мон**осова: Луна при нем, Тайны жаждавшем, как при Уме Сердце, Суть. Те**мен**ь-Глубь, Луна есть **Мен**струальность, **Я**дро в се**мен**ах, в|ре|**мен** царь как Ре|**мен**|ь предержащий тьмы сей. На Огнь сей — раз**мен**, рек **Гер**аклит; **мен**|**гир** — ка**мен**ь его; хор его есть **ци**кады; **ци**кута — его сок, Сократов конец; **ци**|рки лунны — Луны плод как **Ци**кла (лат. **ci**|rcus) под маской своей, кою рушит **ки**|рка́. Деве этой родящей плева не заслон: Сердцу — Ум как мираж. Собственно, переход без торенья, о коем здесь речь —

явь теории нынешней, миром одобренной: это избавленный от безличности корпускулярно-волновой баланс узла (частица) и пучности (волна), блюдя который, электрон, переходя с одной орбитали на другую, не бывает в пространстве меж ними, или, что то ж, находясь в нем, является не корпускулой, т.е. электроном имманентно-самоидентичным, а волной, ***отрицая себя***: Это — Тем.

Из Луны выходя, Гость кору не торит, как Дух — Девы плеву при зачатии,
и как при родах плеву ту же — Сын, рвя бездырно ее.

Думаю, именно выход Гостей из Луны предварил наблюдение Армстронгом и Олдрином строя НЛО и антропов в скафандрах вблизи них, когда в ответ на тревожный возглас хьюстонского ЦУПа «Что... что... что? Какого черта там у вас происходит? Что случилось?» астронавты ответили: «Они — здесь, ***под поверхностью***», — т.е. ***во Глуби, в Луне, выходя из нее***.

— На ваш взгляд, эпизод этот впрямь имел место?

— Три соображения питают мою глубокую уверенность, что именно так все и было. Первое состоит в том, что, коль скоро высадка землян на Луну была их вступленьем на *землю* своей забытой ими Отчизны, притом населенную их родней, то, законно, она должна была стать ***Встречей близких*** — стоянием лицом к лицу, без попрания слабого сильным. Об этой-то встрече, как видно, и сообщает помянутый мной диалог Армстронга и Олдрина с Землей. Второе соображение заключается в том, что, поскольку приход землян на Луну был вторженьем незваных гостей, посягнувших на лунный простор как ничейную площадь, они, не пострадав телесно и не утратив возможности ретироваться, должны были получить ***прямое свидетельство могущества лунитов***, дабы тревожить хозяев Луны почем зря им было неповадно. Свидетельством этим и стали три выстрела с «тарелки», испортившие фотопленку землян, желавших заснять увиденное. Но, думаю, не только ее попортили владыки Луны в хозяйстве «Аполлона-11». Вспомним сейсмометр экспедиции, показавший отменную чувствительность при его установке на лунную поверхность, но вскоре внезапно испортившийся. Полагаю: прибор сей, испытанный на Земле с должным тщаньем, не мог, проработав столь мало, сломаться сам — ***он был поломан лунитами***, дабы свидетельством для землян их встречи с едиными по **Утро**бе, Луне, их антропными братьями был не сторонний агент (будь то сейсмограмма или проявленная фотопленка с их изображениями), а ***собственные их очи***, творящие нуменальный портрет, ***след в в душе***, прочней коего нет.

И, наконец, третье соображение, стоящее особняком к этой паре. Известно, что вскоре после своего возвращения с Луны Нил Армстронг принял ислам — религию, прямо зовущую Луну престолом Создателя. Столь скорое обращение астронавта в веру, противную своей *глубиной* обывательской пустоте и поверхностности западного мира, на взгляд мой, со всей прямотой указует на то, что в свое пребывание на Луне ее первые гости не просто встретились с лунным Народом, но получили надежное знанье о том, чём есть в сути планета Луна. Впрочем, последнее в полной мере касается только Армстронга, первого из первых как ***антропа Шага*** — Познанья, Пути: Путь как многость шагов — Шаг един как Начало-Конец. Посему, приглашенный на празднество 40-летия высадки землян на Луну, т.е. ***на торжество свое***, Армстронг сперва наотрез отказался прийти, — сознавая, как мыслю, что ноуменальная Встреча не требует внешних салютов как ***40, число Откровенья***, каким она есть. В жизни бренной, с тем, 40-летье события — ***день-смерть как исход из Сего, в То ворота***, — не принято отмечать из боязни навлечь смерть открытьем сих врат.

– Чем питается Гость?

— Гость — ***антроп-ав|тот|роф***, солнцеядный как куколка-лист, что питаем: как плоть — солнцем Этого, умным огнем, а как дух — Солнцем-Тем: Тьмой как Сердцем, Огнем из Луны. Так от зримого солнца пьет лист, а от тайного — куколка, в метаморфозе любящая тьму или тень, не питаясь извне. То и Это в единстве — Мир: Огнь сущих, Глубь. ***Автотрофность — питание Тьмой как Собой, Людей суть: тайна в нас, в Гостях явь***. ***Тьма — Глубь: Бог-Мир, Одно. Мир питается Богом, Единым, Им сущий; Антроп — Миром Божьим: часть — Целым; питаться — пить: Глубь, Тьма — Вода.*** Автотрофность Людей знал Вер|над|ский; космит Циолковского — лист как антроп с хлорофиллом под кожей, прозрачной лучам. Претворение наше в людей-автотрофов — лунитов, Гостей — с полным блеском дано Рэем Брэдбери **(*Рэй* — *рей*, *лети*; *Рай*, *в Луне Мир*, *во|льн|ых Дом*; *Рея*, *Крона жена — Мать, Мир*)** в рассказе «Ку**кол**ка», где человек, впав в сон куколки, цветом *зеленой как лист*, на свет вышел летающим: ***видящих очи — крылá, коих бренные мы лишены. Гость есть ба|б|очк|а (греч. психе — имя души, ба (египт.)) как Полета, души́ в плоти явь; бренны, мы — черви бабочки сей нелетучие; куколка — грань меж Полетом и ползаньем, коей, Полета не зрящие, зрим Гостя мы***. ***Гости наши — Луны люд крылатый: Тьма-Необходимость, нам г|нет г|ра'VITA'ции, смерти руки, им — Свобода как Жизнь сама: Жить — есть летать, вольным быть***. Тяжесть есть Земли суть, Луны суть — н**ев**есо**мост**ь **(***рек **Нос**ов, пи**сат**ель, в фантазии чьей лунный камнь невесомость являл людям в паре с же**лез**ом как с Кали Парвати, с*

Тьмой Тьма). **Грав**итация, Тьма — **глав**итация, Луны рука, Главы глав, **Р**уны рун: злым — гнет, добрым — крылá. Стать крылатыми нам — превзойти грань, от севера-бренья взойдя в Север-Вечность, Луну, про люд чей рек О**видий** На'**SON**, пере**мен** п**евец**:

> В Гиперборейском краю, говорят, есть люди в Палленe, —
> Будто бы тело у них одевается в легкие перья...
>
> Метаморфозы. XV, 356-358

Люд пернатый сей — тонкая суть нас, бескрылых, эфирный народ, Гости нам, позабывшим себя. О земле его рек Плиний Старший: «Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил», — ибо К**рай** всему и петль всех Гв**оз**дь есть **Ос**ь, Глубь, Луна-Мать. Рек он также: «Нельзя сомневаться в существовании сего народа», — ведь сýть наша есть наше я, усомниться в каком — быть престать. С тем, жилище Борея был «грот седьмидомный»: Луна, Мира г**рот**, **Сем**и в **Мес**яце **сем**; Борей — ветр с Луны, **Фрак**ии дух: Мира, **фрак**а Творца. **Ги|пер** — **Ки-пер**: Луна как Огнь, **Пир**, ш|**ки|пер** чей Аполлон, пиров бог, связной **с Ки**.

Гость — куколка-лист: солнцеяд, автотрофная суть.

Автотрофность, крылата — свобода от бренного мира сего, Духу скорбной могилы с плитой гравитации (grave — могила, англ.) как эгоизма мирского. То — лунность, в нас искра Space'нья как Сердце в Уме, в тьме огнь яркий: Свобода — Луна, Земля — плен. О том сказано:

Эмпирические факты [как древнейшая историческая практика человечества — Авт.] свидетельствуют, что человек может непосредственно сам в себе генерировать полевую энергию («прану»), обретая автотрофность. // Такое освобождение было доступно посвященным в тайный культ bigu: «Методиками цигун можно добиться такого состояния, когда человек, отказавшись от пищи и воды, может продолжать нормальную жизнь в течение нескольких... месяцев и даже лет» (Цюй Тяньлинь. «Всеобщая космическая информация» и теория «цигун-информации». Цигун и Жизнь N4, 1992; см. также http://www.lubinka.ru/article/l_f/kitai_biguinformacia_ot_mactera_4en_letan_.htm). Майкл Мерфи (Murphy) пишет, что принявшие обет «неедения» христианские верующие, обретали эту же способность как дар Святого Духа — такова католическая харизма inedia. Мерфи приводит список имен послушников и свидетельства Церкви, http://www.catholic-forum.com/saints/define87.htm. Такая же способность известна еще как «солнцеедение», «питание амритой», «праноедение». По данным за 2006 год во всем мире насчитывалось более 30 000 человек, практикующих метод автотрофного питания, который получил название «бретарианство» (breath — дыхание, англ.), см. http://gazeta.aif.ru/online/aif/1287/39_01?print. В интернете можно найти ссылки на их сайты в Австралии, США, Германии, Польше, России и т.д. Некоторые из них живут таким способом уже многие годы. Они издают свою литературу, проводят научные исследования. // Автотрофность отрицает трофическую зависимость от биосферы.

Причем обретение такой формы свободы совершается в направлении противоположном историческому становлению господства человека в трофической пирамиде как высшего хищника. Процесс освобождения идет теперь путем сокращения (упрощения) промежуточных пищевых звеньев: от гетеротрофного питания — к автотрофному:

1. Опосредствованное питание. 1.1. Плотоядное. 1.2. Травоядное: вегетарианство, сыроедение и т.д.
2. Непосредственное (автотрофное), которое имеет, по-видимому, три ступени. 2.1. Хемосинтез — геоцентризм жизни. Например, способ «внутреннего пастбища» — симбиоз с хемосинтезирующими бактериями внутри организма. Таковы глубоководные экосистемы: «черные курильщики» (или «горячие трубы») и «холодные ключи». 2.2. Фотосинтез — гелиоцентризм жизни.
*3. Абсолютный способ жизни — п**ран**осинтез.*

*Сергей С|**мир**|ных. Философия: религиозно-философские аспекты автотрофности человека*

Лунит, Гость — Свобода сама, Настоящее-То: антроп истинный, прошлый и будущий нам, Миг не зрящим. Стать им нам — от хода вовне, в тело техники как костыля людям, в|пер|иться Вглубь, Бога взяв за Оплот как Луну, дом Его. Говорится:

Разрыв между мощью техники и слабостью самого человека как такового все растет и потому все более ошеломляет, даже начинает ужасать (отсюда современные мифы-фобии «восстания машин», порабощения людей будущими киборгами, могучими роботами и т. д.). Нельзя отрицать значения техники, нужно только поставить ее на место. Технизация, считает Федоров [Николай Федорович, великий русский ученый-космитст — Авт.], может быть только временной и боковой, а не главной ветвью развития. Нужно, чтобы человек ту же силу ума, выдумки, расчета, озарения обратил не на искусственные приставки к своим органам, а на сами органы, их улучшение, развитие и радикальное преображение (так, скажем, чтобы человек сам мог летать, видеть далеко и глубоко и т. д.). «Человеку будут доступны все небесные пространства, все небесные миры только тогда, когда он будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что тогда только он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы». Федоров часто говорит о необходимости глубокого исследования механизма питания растений, по типу которого возможны перестройки и у человека (предвосхищение идеи Вернадского об «автотрофности» человека). Человек должен так чутко войти в протекающие в природе естественные процессы, чтобы можно было по их образцу — но на более высоком, сознательном уровне — обновлять свой организм, строить для себя новые органы, иными словами — овладевать направленным естественным тканетворением. Эту способность человека в будущем создавать себе всякого рода творческие органы, которые даже будут меняться в зависимости от среды обитания, действия, наш философ-мечтатель называет полно-органностью. // (...) Дальнейшее одухотворение человека связано в мечте знаменитого драматурга А.В. Сухово-Кобылина, в частности, с достижением способности «летания», которое есть как бы отрицание пространства, победа над ним.

С.Г. Семенова. Русский космизм

Свобода — Луна, Земля — плен. ***Ноос|фера как сфера Ума, Нус|а — Ум Сердца: вольность Луной как служенье ей.*** Сказано:

*В русском космизме, начиная с Федорова, прочно утверждается убеждение: человечество, самодовольно погрязшее в **низшей свободе**, свободе метаться во все стороны, изведывать все искусы, все возможности своего природного круга существования, никогда не сможет обрести **высшей свободы** благого избрания идеала ноосферы (или Царствия Небесного), если оно не начнет направленно преобразовывать саму свою теперешнюю физическую природу, так чтобы она постепенно становилась способной осуществлять этот высший идеал, ноосферный (или активно-христианский).*

Тот же источник

Уму Сердца, столпу ноосферному, рознь — Ум Ума: Цель, Луна-Бог в утрате, погибель. Разрыв ноосферы в себе как боль бренья, Ума явь д|**войну** отмечают и С.Н. Булгаков в труде «Философия хозяйства» (1912), и авторы ноосферной теории. Встреча с Творцом как Луной влечет Ум к слитью с Ним, ноосферы вершине — приходу Ума в Корнь свой горний (Тей|яр де Шар|ден).

Немецкий просветитель XVIII в. Гер|дер в сочинении «Идеи к философии истории», повлиявшем на взгляды **Ра**дищева, писал, что нутренние, душевно-духовные силы человека как будто взыскуют себе иного, «органического строя» — Луны, скажем мы. Земля — смертное в нас, Луна — вечное: то, отколь мы снизошли и куда взойдем в росте, о коем Радищев рек: «Но неужели человек есть конец творению? Ужели сия удивления достойная постепенность, дошед до него, прерывается, останавливается, ничтожествует? Невозможно!..». «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом», — глаголит Василий Великий: Луна родила землян и дом их, Землю к возврату в исток их.

Меж бреньем и Вечностью г**ра**нь, Луна — лаз, что Антропность собою не делит: в Том, Этом — едина она. Гости с нами, землянами — ряд, цельный в качестве сем (рис.2).

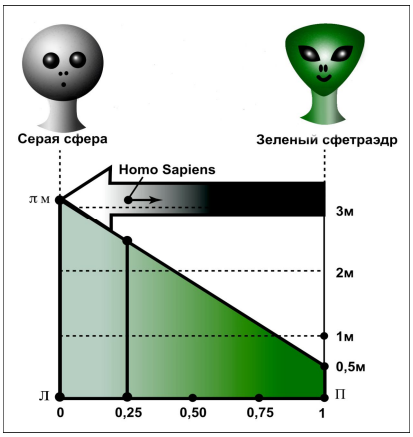


Рис.2. Антроный ряд (комментарии — в тексте книги)

Так едины Земля и Луна, Ум и Сердце. Мудр стих о том:

А на Луне, на Луне,
На голубом валуне

Лунные люди смотрят, глаз не сводят,
Как над Луной, над Луной
Шар голубой, шар земной
Очень красиво всходит и заходит.

Юлий **Ки**|м

— Какие структурные особенности отличают тело Гостя от нашего?

— Плоть в ее согласии душе чужда розни как лик Одного. Ликом этим и есть тело Гостя. В отличие от нашего тела, сложённого двумя родами клеток: соматическими, или конституциональными (телесными в бренном, статическом смысле), и репродуктивными, **га**|**мета**ми, хромосомный пул коих полусоматичен (23 против 46), — плоть Гостя цитологически монотипична, состоя из одних лишь гамет и являя, как **цел**ое многих сих, ***спермий*** как лик **хо**да в **Цел**ь, **Мет**у́, Глубь как **Сел**ену — фалл, движущий сам себя **(***вспомним здесь, что «самодвижным началом» в нас звал Платон **душу** как **цель**ность антропа: Огня-Бога **дюзу**, **га**мету как каплю ga, Тьмы (санскр.); плоть — ей половинна: **ди**плоидность — рознь, Два***)*** с большой головой и тще**душ**ным на взгляд наш телом: отростком ее, хвостом этого спер**мат**озоида. Движение как **Мат**еринский принцип в снятом виде содержит покой, принцип Мужа, — что кажет нам хро**мос**омный ансамбль клетки Гостя, составленный **55 хромосомами**: Десятью в Пифагоровой сумме, как и у нас (5 + 5 = 4 + 6 = 10), делимыми поровну без разъятия в вечном, космическом смысле, и неделимыми в смысле бренном, творящем из целого лом: тьму кусков, смерть из Жизни. Десятка как сумма обоих наборов — по сути есть Мир, Глубь Антропов как капль сих Вода-Мать; но 10 как 46 есть портрет эволюции человека в единстве пространственной (сущностной) длимости Золотого Века (4 части) и трех дальнейших веков — Серебряного, Медного и Железного (3 + 2 + 1 = 6 частей), а 10 как 55 — две Антропных волны Мира: антропы, сходящие ко Дну, и восходящие, возвращающиеся к Истоку, каков Миру Бог. Число 55, ***неделимо-делимая цельность***, есть сущностный образ беременности и родов Гостей, проходящих не как вызревание внутри великости малости и исход ее, но как ***деление капли***, когда из одной серединным разъятием родятся две, те же и формою и размером (что можно представить как одномоментный с рождением двукратный рост половин прото-сомы). Деленье сие, родам в рознь нашим, творимо Вглубь — не вовне, что зовет Платон в «Пире» «родить в К|**р**|**а**|соту»: в Мать, **Корову**, **кров Ра** в Луне. Сказано:

Сила… этого духовно-телесного творчества в человеке есть только превращения или обращение внутрь той самой творческой силы, которая в природе, будучи обращена наружу, производит дурную бесконечность физического размножения организмов.

В.С. Соловьев. Смысл любви

Коль вспомним, что плоть Гостя есть явь души, а душа (о чем рек Де**мокр**ит) — капля Тьмы как Воды Мировой, мно**гость** пред сим Одним, — станет ясно, что никаким иным образом роды Гостей *протекать* и не могут **(***поистине, сущее Глубью как Сутию, каждое (**eve**|*ry — англ.) тело, **со**|**ма**, — Тьмы капля, «**со Ма**терью»: с Целым часть, **Мат**ери ш|**мат**; ро|**жать** — Воду делить, капать***)**. И наконец: если в мире **наш**ем вы|**наши**вают и рожают дитя особи женской ***полов**ины* человечества, — родить у Гостей (**от** себя, повторю, а не **из**) может всякая суть, в слитном виде несущая в себе оба **полов**ых начала, мужское и женское, при власти второго из них, т.е. являющаяся ***гинандром***: каплей Глуби-Воды, Жены **(*gynē** (греч.); с**гин**уть нам — в Ма́ть кануть***)** — Сердцем, где Ум, Муж при нем, растворен как слуга в господине своем. Об эротике женской сей, **цель**ной Луной, **Цель**ю нам, сообщается:

*Главный... ущерб [сексуальной теории Фрейда, по А.К. Горскому] в том, что «психоанализ совпадает с границами мужской психики». **Гор**ский пытается выйти за границы мужского либидо с его «кастрационным комплексом», выбором сексуального объекта по принципу опоры (комплекс материнской груди, откуда пассивное, даже если и трагическое, приятие матери-земли, порождающей и поглощающей природной утробы, земной судьбы), выдвигает женский тип эротики. У женщины «органы воспроизведения глубоко запрятаны внутрь, а наружу выведены лишь излучения, неопределенно очертанные силовые линии и «волны», «одевающие» окружающее тело». Ходовой взгляд нам известен: мужское есть изобилие, избыток, женское — недостаток, ущемленность, связанная с отсутствием пениса, как бы уже проведенной кастрацией. У Горского наоборот: «специфически женское есть всегда избыточное», при развитии эротической области у девочки в отличие от мальчика отсутствует точечная сосредоточенность на четко оформленном пенисе; «комплекс эмоций-представлений» созревающей женщины «сохраняет неопределенную (и разнообразно определяемую в любой момент) расплывчатость, расширенность, пластичность, постоянную волнуемость своей сферы. Ощущение постоянного переполнения, избытка излучаемой энергии вследствие, очевидно, большего участка слизистой влажной поверхности половых органов создает то настроение, о котором говорит Лермонтов: «Молодая душа в избытке сил творит для себя новую природу, лучше и полнее той, к которой она прикована». Это облачное, эротическое окружение, расплывчатое, обволакивающее, выходящее во внешнюю среду, пронизанное атмосферой автоэротической зеркальности, которая осуществляет — через принцип отождествления — завоевание телом пространства, Горский называет магнитно-облачной эротикой. Ей он придает особую ценность в деле будущей метаморфозы человеческого организма в самосозидаемый и бессмертный. // Этот тип эротики представляется мыслителю более перспективным для реализации задачи расширения человеческого организма вовне, волнового овладения внешней средой. Важное значение в этом имеет зафиксированное исследователями расширение эрогенных зон, возникновение экстрагенитальной, кожно-мышечной эротики, частичное превращение кожи в проводник органической энергии. Горский приводит мнение немецкого ученого (Зангера) о том, что такая эротика имеет автоэротическую природу, таит в себе огромные возможности для сублимирования, обладает способностью концентрировать, накапливать большие запасы эротической энергии. Собственно генитальная сексуальность, на которой основывается размножение, — предельно расточительный способ передачи жизни: осуществляется «разряд органической энергии в точках*

наименьшего сопротивления, происходит как бы хаотический взрыв, гибель и рассеяние драгоценнейших жизненных клеток», лишь ничтожная их часть служит для зачатия новой жизни.

С.Г. Семенова Русский космизм.

Гость — жена с мужем в ней, царь его. ***Хор Гостей посему — женский хор: хор сердец, гимн, победная песня*** (с тем, гимны держав в основном поют жены). Мать, Тьма — Ко|**ман**|дир, Гости — отряд (за|**гін** — укр.) его. В Сердце Ум поместить — Гостем стать чрез покорство Луне, Сердцу всех. О том сказано:

*Путь к такому высшему человеку должен идти через обретение им все более высокого онтологического статуса (в христианской мысли, напомним, этот процесс называется обожением). Корни же той православной антропологии, которая делала акцент на активности самого человека (а именно такая антропология развивалась религиозными космистами), лежат в традиции исихазма (священнобезмолвия), возникшего в аскетической практике еще в IV-VII вв., но теоретически развитого св. Григорием Па**лам**ой. И что особенно ценно — здесь мы сталкиваемся не с теорией, а со своеобразной практикой так называемого «умного делания». На фоне всегда очень сильного в христианстве спиритуального уклона (тело — лишь темница души), уклона по существу платонически-языческого, чуждого самому духу Христова обетования, — в исихазме речь шла о задаче включить и тело, а не только душу или ум в круг преобразования и освещения для будущего обожения. Исихасты (в России это были известный подвижник XV в. Нил Сорский и его последователи) разрабатывали особые психофизиологические приемы управления своим телом во время иисусовой молитвы, многократного сосредоточенного повторения одной и той же молитвенной формулы. В исихазме несомненен порыв от отвлеченно-умозрительных построений («умного созерцания», «бесплодных слов», как выражался св. Григорий Палама) к каким-то формам опытного преобразования естества. Правда, этот опыт еще ограничен, так сказать, узкими лабораторно-монашескими пределами, в нем, кстати, чувствуется некоторое внешнее сходство с индийской йогой (и в позе, и в приемах ритмизации, «сдерживания» дыхания, регулирования кровообращения, особой концентрации внимания и т. д.). В опыте «помещения ума в сердце», «духовного трезвения», «умной молитвы» главное — не отрывать сознание от тела в великолепно-державное бытие чистого духа, как это происходит в различных формах спиритуализма, а соделать его одухотворяющим регулятором всех телесных органов и сил человека.*

Тот же источник

О явленьи лунита из нас, из пути — цели (кокон рвя свой, так является бабочка) — сказано:

…создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начал, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, это и есть собственная ближайшая задача любви.

В.С. Соловьев. Смысл любви

Гость есть капля, острая (**го́ст**ра — укр.) суть, камнь точащая; капли Луны, **Мен**ы сей Гости есть и|**мен**|а. С Водой, Глубью едины они как антропы **space**’нны. Речется:

Действительно спастись, то есть возродить и увековечить свою индивидуальную жизнь в истинной любви, единичный человек может только сообща или вместе со всеми.

Тот же источник

Роды капли как клетки в сем мире являет ми**то**з, а как особи — то, что зовем мы п**арт**еногенезом. Замечу: в истории Государства Российского был антроп-миф, вроде Гостя сплотивший в себе мужское и женское начала при власти женского: это знаменитая женщина-гу**сар**, т.е. *жено-муж*, Надежда **Дур**ова, фамилия чья — явь Тьмы-Матери, **Дур**ги. Явь эту, по воле Небес, кажет нам и фамилия **Голуб**кина, принадлежная артистке, сыгравшей Дурову в кино: Голубь — Глубь, Дух Святой, имя чье по-еврейски, как **Мат**ери сущих — Руах, имя женского рода. Так «рух» в украи́нском — дви**жен**ье, англ. **mot**ion: торенье, спермия ход, капли в Воду как в **Mot**her воз|в|Ра|т.

Глубь в Луне — Мир как Миф; капли Глуби, антропы Луны, Гости есть ***части Мифа***, что знают мифичность свою как причастность Вселенной; земляне, мы — части, что Мифа не зрят как Отчизны своей, с тем — вольны от него как Себя самого. Те и эти в единстве — ***Антропный Народ***, **де|м|ос** **Дам**ы с А**дам**ом, где Гости — народ-суть, мы ж — корка, что сути чужда.

— Может ли обычный человек увидеть роды Гостя?

— Обычный, т.е. *бренный, зрящий очами Розни*, — никогда. Ибо роды и в нашем мире, как и зачинающий дитя акт — зрелище сокровенное; сокровенное же антропов из Внутрилуния, Глуби как Тайны, родящих во Глубь (в Красоту — рек Платон в «Пире» о родах этих), зрить нам не дано. Не мы наблюдаем за ними — за нами они! За сутями высшего п**лан**а, какими есть Гости пред нами, нельзя подсмотреть, т.е. узреть оставшись неузренным: встреча с ними, пустая случайность глаз наших, всегда — ***акт явленья их нам***, подготовленный и расписанный в мелочах, акт, в каком Гости наши есть «дхиан коган», владыки созерцания (властью-то сей и есть *видение*), а мы — созерцательно-подвластные им сути. *Глуб**оки**й* **Бул|га'cow** **(***bull, бык при Корове, при Сердце Ум верный, — каков при Тьме Воланд, Диавол как Сын Ее. Воланд — **Во-лу́н**-д: дом слуг истинных — Глубь **во Лун**е, Тьма***)*** блестяще изобразил это в своем «**Ма**стере и **Ма**ргарите», где опустевшая аллея Па**три**арших являет собой ***сосуд Контакта***, куда как в закрытую пробкой капсулу, загодя отрешенную от излишнего, Воланд поймал Берлиоза и Бездомного. Случайность для нас, пустооких — бесцельность; в понятии ж должном она есть ***явление Цели***: по сущности — Бога как Цели всех. Это-то обстоятельство, чуждый Творца, скрыл **Ев**клид в своих «Началах» — манифесте пустых (плоскозрящих, смотрящих) очей, где в определении сонаправленных и противоположно направленных векторов отсутствует главное: ***то, куда́ они направлены***, — что и есть с|**леп**ота наших глаз

как ***бесцельность: незнание Случая, Господа как изотропность вселенной, идти не зовущей: нет Цели — Пути нет как пары ее, без Селены — вселенной очей наших нет***. Поле сущих, Стезя-и-Простор их, без Господа Мир — не Стезя, с тем — ничто; в Поле сем сущи, травы его, к Богу **льне**м как **Луне** мы: **льну** — кличу **Луну**, Огнь святой. К Цели сей идущ — мудр, а не к ней (посему — **от** нее) — **иди**|**от**. С**луч**ай — Истины луч; **чая**ть Слу**чая** — Господа жа**ждать**; «быть в случае» — Богом обласканным быть чрез людску д**лан**ь. Вне Бога случайность — не**леп**ость, а с Ним — **Леп**ота (К**ра**сота — стар.): Мир, с**леп**ленный Богом как об|раз Его и Им сущий как Сердцем своим. К Лепоте сей святой — да при|**леп**имся: к Полности — часть, к Сердцу — Ум, к Жене (Мир — Лоно) — **му**ж. О мирской жизни нашей как хаосе, мнящем порядком себя, рек Сократ:

О, если бы, Критон, большинство способно было творить величайшее зло, с тем чтобы быть способным и на величайшее добро! Это было бы прекрасно! А то ведь люди не способны ни на то, ни на другое: они не могут сделать человека ни разумным, ни неразумным, а делают что попало.

Платон. Критон

Случай, Бог — поводырь наш: умом, ratio (лат.), царящее Сердце, ин|тен|ций всех Шило. С тем, в «Слове про Игорев поход» и написано, что Игорь «взыскал ум своей силой и обострил мужеством своего сердца». Ведь, мнимый за Ум, острием своим выбор сп|о|нт|анен, spo-ont|os: быть сущим — Жизнь, Sap|t'an всяк миг вы**бир**ать Дланью Жизни же, Тьмой, — тьму **бор**я; выбор — **выбор**он вечно как Тьмы **да**р. На Случае, Боге стоит весь мой труд с игрой слов, что безбожник и рад бы «случайной» назвать, да узрев ее сплошь — замолчит.

Роды Гостя мы, внешние, зрить не способны:
то — роды во Глубь, Красоту, часть чья он.

— Близость к нам наших антропных собратьев по Вселенной поражает ум. Выходит, программы поиска внеземного разума, такие как SETI, бессмысленны?

— Да, ведь вопрос только в том, чтобы, раскрыв свои очи, *увидеть* Гостей, находящихся прямо пред нами. Проблемой сей втайне томим был Пилат: вопрошая Христа «Что есть Истина?», не *видел* он, что Она — перед ним. Поистине, нелепо обшаривать в поисках Разума внешний космос, когда его дом есть ***Луна как Мир в небе и в сердце у нас, наиблизкий***. Ее-то, стоящую в каждой из сих ипостасей впритык к нам — к Уму Сердце, суть к оболочке — и до́лжно познать как Себя Самое. Звал к тому нас Сократ, муж Луны как Незнайка (ведь ведал незнанье свое он — как позже **Куза**нский): взыскующий Глубь

сосуд должный. **Со**|**бак**|а, какой клялся он — Суть **со бак**|ом своим как ***зарытая Истина: Мир, Луны Глубь***; «с|о́ба» — с о́ба: с Двумя Ноль, Корова **с Бык**|ом, в Уме Сердце («Солярис», о Глуби песнь, Лем в ***Закопа́не*** создал посему); быть **Соб**|акой — **Соб**|ой быть: Луною как Осью всего. На **силена** (sat'ира; шкатулку для ***вся****чины*) схожий — похож на **Селену** Сократ, шароглав и pus'ат как она, Мира б**оч**ка.

— Раз Мир скрыт в Луне, выходит, что все ослепительное великолепие звездного неба, зримое нами за лунным кругом — не Мир?

— Это теневая, ф**ант**омная вселенная — отблеск истинной, Вселенной Духа как горней Отчизны всех сущих, таимой в Луне и проецируемой на свод лунного круга из нее как Ф**она**ря (**линз**а чья — кора лунная: Тьмы скор**лупа**, **кол**о, что объял **Кол**|**линз**). Вот небо нам: Дух на э|к|**ран**|е, на тьме Огнь. Блик сей, корке равный — реальность не **Мир**а, но **мир**ажа: она есть лишь как образ того, на что указывает, как до|сто|верное к|**ино** о Мире — не более; уход в нее есть погружение в дурную бесконечность, где гибнет для ока Число — столп Гармонии, воспетый Пифагором и иными. Чтó есть дурная бесконечность? Это бесконечность, в очах не замкнутая ничем, плод благой бесконечности: замкнутой Богом в Луне. Утверждая, что сфера Числа есть пространство Десятки, Тетраксис, и ею исчерпана (так зрил и Дж. Бруно), древние и утверждали тем подлинность Солнца единого — Мира, Декады в Луне: Света-Тьмы, Единицы-Ноля. Фонарь Глуби, Вселенной, Луна — ее Кол**око**л, отзвуком чьим есть вселенная-тень за Луной; ***сиять в сути — звучать***, явь чему само слово «фонарь»: «фóнэ» — звук (греч.). С тем, корка Луны — грань меж тленом и Вечностью, ложью и Истиной как обе сих: Ум и Сердце как слитная суть, в мире бренном сем данная неразделимостью двух металлов — золота как Ума и **сер**ебра как **Сер**дца. Известно, что в самородном злате всегда есть как примесь сребро: к Уму, Этому — Сердце, То как к бренью Вечность, к злу Благо; электр, сплав их, Грекам — металл несоставный, ос**оба**я суть: Мир, Тьма-Свет, Сердце-Ум. Слитность эту-то мыслил Плутарх, о Луне говорящий:

Очень вероятно и неудивительно, что Луна, не заключая в себе ничего испорченного и гнилостного... представляет удивительно красивые местности, имеет пламенеобразные горы, пурпуровые пояса, содержит золото и серебро не рассеянными в глубине, но обильно выступающими на поверхность в равнинах или лежащим кругом по гладким возвышенностям. Кроме золота и серебра здесь всё очень похоже на действительность.

Грань, Луна — ось в**ось**мерки, ∞, точка меж циклами бренья и Вечности, по Кастанеде — колец Духа, Силы, где в первом, как Рознь, скрыт он, а во втором, как Единство, он **я**вь очей *видящих*: глаз Вну**три**луния, Глуби Луны (рис.3).

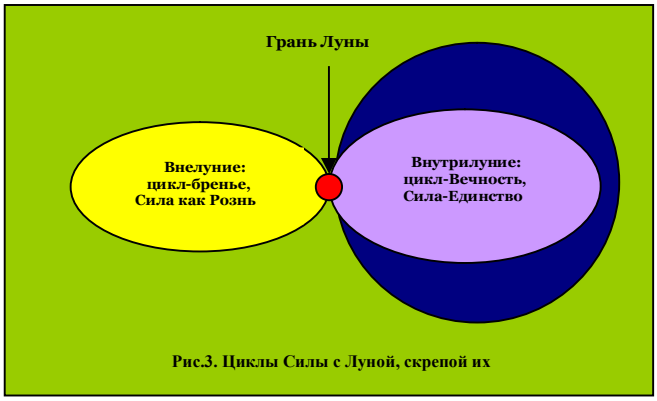


Рис.3. Циклы Силы с Луной, скрепой их

— Чем же, ведая это, есть сущее?

— Сущее очей ради, оно есть Мед-**ме́ж**ду, в **Ме**|**ду**: ток Атмана как Глуби в себя самое: влага, Дно и Покров чей — Атман. О том сказано:

Поистине, этот атман — повелитель всех существ, царь всех существ. Подобно тому, как все спицы заключены между ступицею колеса и ободом колеса, так все существа, все боги, все миры, все дыхания, все атманы заключены в этом атмане.

Брихадараньяка-упанишада, IV, 5:16

Ток сей безутратный Прокл звал э**ман**ацией. Платон, говоря о Вселенной как Голове без иного, считал молчаливо, что у Главы этой есть очи, что ***зрят, сочась Мозгом ее: зрить главе — Глубь струить*** (и Луна очам нашим — лицо, рек Плутарх: Глуби лик с очьми зрящими). Так-то и Мир, что мы зрим, истекает чрез очи из нас как Луны, Головы, в Сосуд тот же как ***Сферу очей***: Луну Сутью (Главою) имея, — антроп луноглав. Речено же:

Когда человек, уснув, не видит снов, он приходит в единство с (...) дыханием. Тогда в него входит речь со всеми именами, зрение со всеми обликами, слух со всеми звуками, мысль со всеми помыслами. Когда он просыпается, то подобно тому, как из раздуваемого огня во все стороны разлетаются искры, так из этого атмана расходятся праны по своим пристанищам, из пран — боги, из богов — миры.

Каушитаки-упанишада, III, 3

Глаз сновидящий Гостя (Миф, Суть его — **Сон**, Мать), творящее **сон**це как тело антропа сего целиком — прозревал **Гор**ский. Сказано:

Он выдвигает, основываясь на рефлексологии, психодинамике Штауденмайера и теории нервной энергии Бекнева, следующее положение: восприятие есть начало воспроизведения. «...Всякое восприятие энергии, усиливаясь, вызывает со стороны организма реакцию в виде выделения энергии, а это есть уже форма воздействия, всякое же воздействие на внешнюю среду стремится в конечном итоге к воспроизведению себя в ней... Значит, всякий орган восприятия может или мог бы стать при известных условиях органом воспроизведения». Высшим органом восприятия у человека является зрение, развившееся из кожно-осязательного чувства, оно неимоверно раздвинуло горизонт контакта человека с внешним миром. В эротическом чувстве торжествуют кожно-

мускульно-осязательные ощущения. Могут ли для начала эти осязательные ощущения преобразоваться в высшие, в зрительные? Да, это постоянно происходит, во-первых, в сновидении, где эротически-осязательные ощущения являются в виде зрительных образов. Искусство веками осуществляло некий, пока приблизительный, перевод этих соответствий на мифологический, символический и образный язык. «Сновидение и есть какой-то непрестанный контакт взаимодействия между органами зрения и органами воспроизведения, что мифологически, символически выражается концепцией фаллического зрачка», когда половой орган представляется как бы огромным глазом. Сюда же примыкает восточное представление о третьем глазе мудрости, который также есть как бы некая вершина «фаллического зрачка»; этот глаз открыт трансмутированной половой энергией, ее. пучком, пронизавшим весь темный туннель тела. На другом более сознательно и волево направленном и организованном уровне, чем в сновидении, тот же переход эротических импульсов в формопостроительные, осязания в зрение происходит в искусстве. // Гете отмечал родство глаза и света, свет порождает орган зрения, и глаз же сам себя освещает во сне. Каждая человеческая пора, кожная клетка в потенции могут стать органом зрения, в определенных условиях покрыться светочувствительной пленкой и прозреть. Науке известны случаи внеретинального, или парапнотического, зрения, когда ярко освещенный объект зрительно воспринимается не глазами, а кожей, в которой есть особенно чувствительные к такому «зрению» участки: концы пальцев, грудь выше солнечного сплетения, затылок и задняя часть шеи. Французский ученый Жюль Роменс, на опыты которого ссылается Горский, считает, что рассеянная, распространенная по всему телу способность видеть в зародышевом состоянии присуща каждому человеку. «Так оправдываются мифологические и легендарные представления о прозрачном, прозревающем теле. Плоть полна очей. Мы таинственно изображаем собой многоочитых херувимов», — пишет Горский.

С.Г. Семенова. Русский космизм

Грань меж бодрствьем и сном, Тем и Этим — Луна как Бог сам, Царь Того-Сего, Мира, очам его кажущий. Гранью сей маги в себе единят-клеят Мир (из руин вознося как Себя самих), К**лей** чей есть Бог. Грань сна, Луна — грань смертна: един с смертью сон, смерть на время пред сном вечным сим; **Мир**а **Мер**а, Бог с с**мер**тью — одно. Смерть же, глаз бренных грань, есть им ***зеркало***. С тем, круг Луны, из кругов первый, бренным очам — и *единственный*, сущий как зеркало, кажуще Суть ихню им — Мир в Луне: в теле Дух, в Уме, тленной реальности — Сердце как Сон. Быть причастным Сну, Тайне — есть ведать: **зна**ть-**сна**’ть. Эту-то, духовную в существе своем зеркальность вселенной имел в виду **Ста**нислав Лем **(***муж Воды, Тьмы: Лем — льем; ратник К**лем**мы, К|онт|акта***)**, рекущий в своем «Солярисе» устами **Сна**ута: «Мы отправляемся в космос, приготовленные ко всему, то есть к одиночеству, борьбе, страданиям и смерти. Из скромности мы не говорим этого вслух, но думаем про себя, что мы великолепны. А на самом деле (…) это не все и наша готовность оказывается недостаточной. Мы вовсе не хотим завоевывать космос [т.е. идти во Глубь, в Сердце это], хотим только *расширить* [т.е. распространить как Ум, не-Глубь] Землю до его границ. (…) Мы считаем себя рыцарями святого Контакта. Это вторая ложь.

Не ищем никого, кроме людей. Не нужно нам других миров. *Нам нужно зеркало*. Мы не знаем, что делать с иными мирами» (курсив и слова в скобках — наши).

Зерца́ло — **сердц**а́ло. Круг лунный — единствен как Истина, Сердце: кругл есть он одúн нам; орбиты иных планет — эллипсы как круг в утрате, единственный центр чей разъялся в два фокуса, в одном из коих, по Кеплеру, Солнце, другой — пуст: примыслен как нуль к Одному. С тем, залуние внешнее, эллипсов дом — умный мир, иллюзорный пред миром сердечным как кругом Луны. Обходящая Землю с**верк**ая одной стороной, а вторую тая, ***Луна — царь глаз, являя лишь то, что желает*** (Земля ж — ей открыта вполне), и скрывая за зримой Луной не залунье наружное, Ум, — но залуние-Глубь: Сердце, Тьму. Пребывать за Луной, повторю, — быть не вне, а Внутри нее. Именно это залунье как Глубь зрили древние, говоря, что область первого в счете от глаз наших круга Вселенной есть сфера хаоса как движенья без меры, а сущие далее — круги движения гармонично-размеренного: ноуменального, внутреннего в отношении феноменальных очей как Сердце внутри не служащего ему Ума-эгоиста, которым и есть эти очи, где Сердце как тайная им Полнота — пустота, лик ничто. С ней-то столкнулись астронавты американской Лунной Миссии в свой второй полет к Луне, когда в ответ на ничтожный по силе удар реактивных струй стартующего взлетного модуля лунной кабины «Аполлона-12» вся Луна как цельное, т.е. *вполне пустое*, тело зазвенела, а звон ее от падения этого модуля длился почти час. Колокольный звон Луны, мнимой атеистичной наукой сплошным куском камня, столь *ошеломил* американцев, что во все дальнейшие вояжи Миссии они с настырностью одержимого изучали его, ударяя в Луну частями своих кораблей и взрывами внедренных в ее грунт пиропатронов.

Единственным истинно сущим залуньем Луны есть залунье в ней: Глубь под корою ее.

— Не перегибаете ли вы палку? Как кажется мне, удары в Луну — всего лишь естественный способ исследовать ее сейсмосвойства.

— Спору нет, это так. Но бесспорно и то, что лишь после полета «Аполлона-12» американцы стали бомбить Луну сверхмощными снарядами в виде третьих ступеней ракетоносителя «Сатурн-5», специально толкаемых к Луне вместо того, чтобы без всякой мороки пускать их, как ранее, на гелиоцентрическую орбиту. И все потому, что первый работающий сейсмометр был оставлен на Луне экипажем именно этого корабля; сейсмометр же, установленный Армстронгом и Олдрином, как сказано выше, сломался до их отлета с лунной поверхности. Сбросить на Луну в порядке сейсмоэксперимента

взлетную ступень лунного модуля американцы планировали и до своего открытия, но только после него, ***поняв всю исключительность обнаруженного***, они прибегли к «тяжелой артиллерии» и пунктуально гвоздили ею в Луну во все дальнейшие полеты Миссии. Увы, причины лунного звона они не постигли: очами пустого Ума не узреть Сердце, Суть его — Мир, Глубь Луны. Желавшие постучать по мертвому, т.е. ***пустозвенящему как Ум, суть сих искателей***, предмету, ученые эти не ведали: колокол, коим предстала Луна им, есть ***телом, живым Полнотой в нем, с характером Колокольщика, Бога, в нем сущего, норовом непостижимым***: Бог, зримый в делах Его мудрых, безбожнику — полная чертовщина.

— В чем же она проявилась в этих исследованиях?

— В том, я думаю, что ответ Луны на одинаковые по своим параметрам удары всякий раз оказывался разным: так позванный кем-либо человек может, смотря по своему желанию, ответить и громко, и тихо, а может и вовсе промолчать. Именно это происходило с Луной: при ударной обработке она вела себя то как пустой сосуд, звеня часами, то как безучастный к пинанью гигантский ва**лун**, и бессилие вывести формулу этой насмешки Луны над людским недоумием ввергла американцев в гностический ступор (поистине так были о**шар**ашены земные ученые поведением Океана, Воды-Мозга в повести Лема «Солярис»). И было им, людям Ума, невдомек: безупречная воспроизводимость экс|пер|имента как константный по **сво**йствам ответ изучаемой системы на константное воздействие, ***зов***, — категория умственная; ответ же Природы, сей матери сущих, на зов наш — сердечный, поистине столь же многообразен и невоспроизводим, как неповторимы травинки на лугу и звезды в небе. **Зва**ть — sva'ть: Сердца голос, **зво**н лунный — глас Матери Сва, **Сов**ы-**Мудрост**и **svo**'й, душ **Свя**зь; Умá глас — от**зву**к, вторичное: эхо на внешний удар **(***эхо это пред истинным Я — э**го** бренное наше; влюбленность в него как облатку свою, э|**гои**|зм — эхоизм***)**. **Ум**, **Ам**'ерики бич, Луну скрывший как **S**'ердце, **S**'елену, — есть Дол|лар: за**чер**кнута Истина, **$**at, **Дол** как Выси **лар**ец, пустота от нее. В нем сокрыта, ***Луна есть секрет США основной: Сердце, Полность — пустого Ума***. Плен сего **s|un**'**duc**'а — Луны воля как Промысел Божий, harmonia praestabilita, явь коей — ***согласье полетной программы Тетраксису, формуле Сущего***: число полетов всех, Миссией Лунной свершенных, есть Десять, Мир, чр**ев**ный Луне; Четверица, Тетраксиса пик — на Луну сход, свершенный четвертым челном как программы всей ось.

— Называя американцев безбожниками, вы зря обижаете их. Как можно именовать так народ, всякий час поминающий Бога, народ, чей вожак, вступая в свои полномочия, перед лицом всей планеты клянется на Библии?

— Стране едоков, коей есть США, Бог потребен лишь для того, чтобы патронировать пищеварение, бизнес и секс ее граждан. Именно в этой служебной роли чтим Он американцами в их массе. Сократ говорил: мы едим, чтобы жить **(***есть, питаться — **есть**, сущий (est — лат.)***)**; потребитель же мнит обратное, что означает: в глазах его не он живет ради Господа (ведь Бог — Жизнь в нас), но Господь для него. Думать так — есть, вдавив Бога в пол как лакея, попрать свою суть, чело|вечность: поистине, ***человек есть собою настолько, насколько он Бог***; ***быть же Богом в сем мире — служить Ему: Это — Тому***. «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и гроша ломаного не стоит», — писал о том Го|го|л|ь. Бог сущ на устах у Америки, но не в делах ее: в смысле *практическом* Бог для нее — Сатана, фарисеев отец. Культ холёного тела, царящий в ней, есть культ Ума, в Сердце чтящего средство успешно питаться, не более **(**= есть вволю, с тем — о**жир**еть, в**шир**ь пойти; жир — **шир**ь: Ум как не-Сердце, не-Глубь**)**. Снаут из Лемова «Соляриса», говорящий, что наука знает ка́к что-то делается, но не знает что́ именно, речь ведет об Аристотелевой умной науке, по милости Божией пользующейся Миром, Сердцем без знанья его, с тем — и зримым в очах ее мутных бессветным мешком без границ. Сублимат сего знания — американское «**ноу хау**» («знаю **как**»): воплощенная возможность жрать (**хав**ать — разг.) и набивать брюхо, иль есть ради **как**анья (сущность пелевинского Ор|ануса, Рото-Жопы), принципиально безразличная к тому, что именно пожирается: **Ноу**, Нет (англ.). То — свинья, гниль жующа; то — идол Америки, Челюсти — гигантская акула как левиафан обжорства, с равным успехом перемалывающий и человеческую плоть, и стальные прутья. То — сущность Америки: Ум-эгоист, чуждый Сердца как Сути своей. Как в софизме «сидящий встал; кто встал, тот стоит; следовательно, сидящий стоит» очам скрыто вставание, так в Уме этом, софистики корне, таима Суть, Глубь как Звено: в Мире — Бог, Клей его. Посему, Глуби чужд, Ум сей ест для еды — не для Жизни, Огня в плошке сей. Втайне ж — он бредит Сердцем, без коего мертв. Явь тому есть могучая тяга искусства Америки — прежде всего, ки|не|мат|ографа — к живописанию расчленения (ра́вно и негодяями, решившими *взорвать мир*, и хорошими парнями, хотящими помешать им) полков представителей Homo sapiens — стремление заглянуть в Тайну, Сердце, бесплодное как акт физического разъятья: в разметанных в клочья кишках — Бога нет. Ум есть плоть, Сердце — Дух; чуждый сердца — лишен и ума. Летя на Луну, американцы рассчитывали найти там Ум, а встретили голое Сердце — вот в чем их главный, ***экзистенциальный*** «прокол».

Ум, себя мнящий Сердцем, Причиною следствье пустое — **А**|**мер**ики суть как ***без***|***мерье, псевдоатлантизм***, о каком речено:

…существует одна очевидность, которая почему-то требует от современного человека колоссальных усилий для ее уяснения, — что на Земле не существует «восточного» и «западного» полюсов, а потому — цивилизация, самопровозгласившаяся «западной», уже тем самым сеяла иллюзии. И в лице «Востока» она объявила войну всему реальному и традиционному, всему, где еще сохранялись полноценные традиционные формы, восходящие к гиперборейскому духу. Причем совершенно необязательным было их восточное относительно Атлантики месторасположение: порабощение и уничтожение коренного, подлинно атлантического населения Америки [индейцев, прямых потомков Атлантов — Авт.] — лучшее доказательство этому. Таким образом, эти псевдо-атлантисты и вскрыли свою подлинную сущность — как передового отряда Гондваны, уничтожающего, стирающего и, в конечном итоге, узурпирующего следы изначального гиперборейского Откровения.

«Гибель Атлантиды и ее тень»

Ум как царь есть утрата пространства, с тем — времени черная власть. Там же сказано:

Если все подлинные имперские традиции преодолевали историю за счет особого внимания к сакральным центрам пространства, к культовым атрибутам, восходящим к изначальной Традиции, то глобальный нео-империализм современной псевдо-Атлантиды исходит, напротив, из ненависти к пространству как таковому. Пространство воспринимается лишь как помеха для быстроты совершения тех или иных операций, подчиненных все той же работе на глобальную экономическую систему. Наилучшим примером здесь может служить известный американский лозунг «время — деньги», в котором ясно выражено стремление к максимальному сжатию времени во имя выжимания из него максимальной же прибыли. И этот процесс — предельного ускорения истории ради предельного же растворения в ней — является фундаментальным кредо современного мира. // Все это, однако, не мешает называющим себя христианами псевдо-атлантистам быть уверенными в «божественной роли» своей цивилизации, писать на долларе «Мы верим в Бога» и жестко насаждать повсюду собственные патологические, но прикрытые религиозно-моралистической демагогией «ценности». Более того, существует даже протестантская теологическая концепция «Manifest Destini», утверждающая «богоизбранность» США. Эта инверсия порождает огромное количество своих частных проявлений, которые парализованное сознание современного человечества считает «естественными очевидностями». Так, к примеру, «западный мир», провозглашающий себя «открытым обществом», на деле является, напротив, самым закрытым для жителей других стран. «Гуманитарная помощь», которую он им «оказывает», вызывая наивные восторги, в действительности есть не что иное как звено в цепи их финансового закабаления. Наконец, американские «проповедники Христианства» всерьез уверены в том, что они «несут Свет Веры» остальному миру, не замечая, что, например, в России, куда они приезжают с гастролями, Христианство существовало задолго до того, как первый пастор ступил на землю Американского континента.

— Все это, очевидно, и не позволило американцам, и побывав у престола Создателя, постичь блаженную простоту мироустройства. Ведь Вселенная, описанная вами, предельно проста.

— Да. Как сказано выше, устройство ее есть **син**гулярная системность **Ган’т**ел’и: два тела, Земля как Ложь и Луна как Истина, спряженные столбом Тьмы, очам бренным известным как Млечный Путь: горняя **Ган**га как Стезя Познанья-Любви в Луну, сущего У**зел** (греч. **gang**lion), **Сел**ену-Мать, очам Сердца **(**рознь с коим — **ганг**|рена (**gang**|**rai**|na — греч.): смерть в лишеньи Истока**)**. Зрим ими Ги|**ган**|**т**, Мир. Зря ими, муж Лунной Стези Леонид Дербенев, написавший:

С тобою мы средь звезд и тьмы
Друг друга в немыслимых далях нашли,
Чтоб Млечный Путь когда-нибудь
Стал вечной дорогой Любви

— был прав: Млечный Путь есть для бренных Стезею грядущей, ведь очи им — Ум; в очах Сердца он — ***Путь-Настоящее***, коим идут все, кто истинно любит, к Луне как Любовью в Любовь: путь и цель — одно. Луна — Причина, Земля — плод ее; связь их — жезл-п**ров**одник: кадуцей-**тирс**, без коего мы — **тырс**а, прах. Глубь, Луна — Бла**го** сущих: ведь Бог — Благо в ней; цель благá — благ путь: Два — Ноля ради, к Согласью, Семи-**Sap**t’an — **спо**р **(***посему сп**орят** — Истины ради: Согласье — Она; спор — борьба без вражды как Афина без Ареса: учит ей **спор**т, чтим у Греков **зел**о как **Сел**ена, Мать, лик чей — Афина их, Панафиней душа; **спор**о — легко-быстро; **спор**ы — п**осе**в Жизни***)***. Сказано:

Ложе было в полутьме, закрываемое от луны колонной, но от ступеней крыльца тянулась к постели лунная лента. И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге. Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ. Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением — ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шел рядом, следовательно, он был жив. И, конечно, совершенно ужасно было бы даже помыслить о том, что такого человека можно казнить. Казни не было! Не было! Вот в чем прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны.

Свободного времени было столько, сколько надобно, а гроза будет только к вечеру, и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок.

Вот, например, не струсил же теперешний прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в долине дев, когда яростные германцы чуть не загрызли Крысобоя-великана. Но помилуйте меня, философ! Неужели вы, при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи?

— Да, да, — стонал и всхлипывал во сне Пилат.

Разумеется, погубит. Утром бы еще не погубил, а теперь, ночью, взвесив все, согласен погубить. Он пойдет на все, чтобы спасти от казни решительно ни в чем не виноватого безумного мечтателя и врача!

— Мы теперь будем всегда вместе, — говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом вставший на дороге всадника с золотым копьем. — Раз один — то, значит, тут же и другой! Помянут меня, — сейчас же помянут и тебя! Меня — подкидыша, сына неизвестных родителей, и тебя — сына короля-звездочета и дочери мельника, красавицы Пилы.

— Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета, — просил во сне Пилат. И, заручившись во сне кивком идущего рядом с ним нищего из Эн-Сарида, жестокий прокуратор Иудеи от радости плакал и смеялся во сне.

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Ие|ш|уа — Yes-SVA: Феб, в Луну поводырь как **Ла**|то|**ны**, **Лу**|**ны** Сын, Тьма Тьмы как **Га**-**Но**|**цри**, ***по отчеству — Мать***: Сва, **Сва**р (Не|бо — санскр.), Ga (Go), **Но**ль-**Три**, Луна-Глубь; Христос, Бог-**Слово**, есть **Дело чистое**: Феб, Сего с Тем связной с **Дело**са: с Сердцем Ума, тьмы с Тьмой. Христа число 22 — Солнце, Феб, при Луне-Сердце Ум как при Цели Стезя. В очах горних прям, крив в дольних он ***кривизною их***: Локсий — кривой (греч.) как ***зеркало*** (пенять на кое не след, коли рожа крива, рек Cous'ма мудрый). Феба ***кривая***, у**лит**ка Шар|гее|ва, вы|в'**Yes**'ет к Богу нас, даст **Улет**еть!

Земля, Луна и Путь — вот триада Вселенной как Сущее: то, кое Есть; прочего — нет. В трех сих элементах Земля как Ложь — нуль, Луна как Истина — Одно, путь к ней — полу-Одно (путь — пол-цели: идущий есть полупришедший туда, куда следует он). Ложь — Вражда; Истина со стезей к ней — Любовь, Полтора в своей сумме: с хвостом Шар как спермий, торящий Высь фалл, род чей — облик Гостей, луноглавых с Луны (рис.4): мощный шар головы, под которым отросток его, тело хилое — явь слов «Тимея» о том, что Вселенная, Шар в Луне и Шар-Луна, — Голова без нужды в остальном, Сфера-Ноумен, Сердце как корень Ума: пло́ти — Дух. Зная от Диогена Лаэртия, что к написанию этого диалога Платон прочел труд Филолая, ученика Пифагора, мы видим цепь знавших загадку Луны. ***Мир начальный, исток сей цепи, знал: Луна есть Мать сущих: Вселенная, Лоно, куда надлежит нам войти как в свой Дом***. Мать и Мир — Суть одна. Сосуд Глуби, Луна — тиски: Ум, плен наш; Глубь, Луна есть Мать-Св**обод**а, Объ**я**тие-Я.

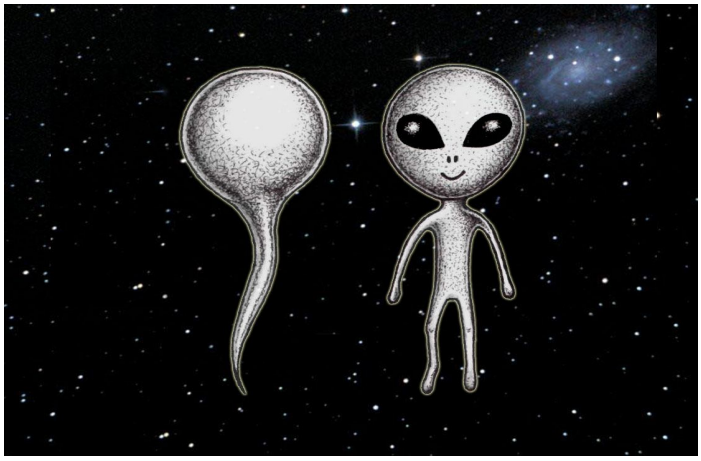


Рис.4. Гуманоид, антроп луноглавый как спермий с очами как дырками в Миф, Глубь Луны, из которых она выпирает в мир сей: Сердце — в Ум.

Таким образом, ***то, что Луна есть сосуд Вселенной — сакральная очевидность, лишенная нужды в любых доказательствах*** (**до**|**каза**ть — есть **до**йти **до Caus**'ы, Луны; с ней единый как Господом — все доказал). Древние люди отождествляли Луну с Великой Богинею, Матерью сущих как Глубью Луны, предержащей покров: ведь Мать — Лоно: пещера и Дух ее. В китайской мифологии Солнце — Ян, мужской принцип, Луна же — Инь: женский, прохладный и темный как Глубь — Лоно, Мать-Жена в капсуле лунной, в Уме Сердце, С**инь**, сущих Сень **(***синь небес зримых — Глубь их: Луна-Мать; Любви, Глуби глас — к*|***лаве***|***син****; car*|***сіп***|*ота —* ***рак****,* ***кар***|*а Небес, Сини* ***кар***|***ма***|**)**, лик чей — **Сын**, Христос; от **Ин**ь — in: вну**три**, в**нутр**ь (англ.), Глубь та же. **Плут**арх, муж Луны, б**одр**ый ликом ее — суть **Плут**он, бог подземных богатств (**плут**, таясь от **плут**ающих нас: Глубь — зовет): как сокровищ Луны, Глуби-Выси; таков и **Плат**он, Сердца муж, за Сократом второй: Ум при Сердце, слуга при владыке своем.

Бога знак, Тьмы в Луне — свет печальный ее. Пу|ш|кин. Тьмы муж **(***Pus-skin: кожа Пана (греч. «всё»): Луна с Миром в ней***)**, рекший:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печальный свет она

— о печальности сей сказал дважды: «печ|аль — **Бо**г, **Ал**лах, нас пек|ущий от|**сут**|ствьем Своим из Луны, печ|и Огня сего **(***имя* ***Алла*** *(англ. Allah), с тем, — лунное: Господа г****ла****с, нам* ***звонящий****: Алло!* ***При***|***ма***|***д***|*онна —* ***при Ма****тери,* ***Mad****: Длани-Сердце безумной, что* ***де***|*лает,* ***ma***|***d***|***e***|**)**. **То**|**ска** бренных — Луна: **ska**f **То**го, Корня их, Не|**бо**, sky.

— О причинности Луны в ее отношении к Земле говорила Елена Блаватская. Что помешало ей понять абсолютность этой причинности: то, что Бог с Миром

— в Луне, в прямой связи с Землей, а не отстоит от нее по цепочке творящих друг друга причин?

— Помешало незнание сингулярности пары «причина-следствие», явь чья есть двоица Луна-Земля, — простоты, в коей действующая и целевая причина тождественны. Ибо Причина — Одно, а не Два: Глубь, Богатство, Тьма-**Rich**; Цель — Селена, Луна. Зрит мудрец: ***связь с Причиной — прямая всегда: беспромежная вечная власть Бога, с Ним диалог***. О нем рек Сократ:

Что до меня, то, о чем бы я ни говорил, я могу выставить лишь одного свидетеля — собеседника, с которым веду разговор, а свидетельства большинства в расчет не принимаю, и о мнении могу справиться лишь у одного, со многими же не стану беседовать.

Платон. Горгий

Без нее, связи сей, Бог Де|к|ар|т|а **(***Дек-кар-арт: Мир, Десять, искусство Искусника: кара — с Ним в розни***)**, толчок Миру дав в миг творенья, отправился спать, бросив Мир на людской беспредел. Таков Бог-часовщик у Вольтера **(***как мужа-Ума, с кем дружила Екатерина Великая: Сердце, каким была эта царица — Уму Суть и пара***)**: завёл Мир-часы — и ушел. Оба этих *практических атеиста* не знали: ***Творец Мира — Клей, его цельность хранящий вовек: Клея нет — рухнул Мир***. Клей — Ближайшее: то, что внутри. В том суть знанья, что Бог со́здал Мир в вечный Миг: Миг-Те**пер**ь, Новь очей, что вовек не прейдет, как исток реки нов: нет его — реки нет. ***Бог создáл — ибо Он созидает; храня — хранит вечно, как клей хранит стул, цельный им***. Бог — Ближайший нам. Тайный для ока, Он — с**мер**ть, что берет за плечо нас в свой час: ибо ***вечно она за плечом*** (и палач с тем — «заплечных дел мастер», длань-смерть). Знали это два пламенных Александра, эллинский и русский, цари полководства, разя врага тем, что в бою и вне боя меж во́йска вели жизнь свою: к царю близкий, солдат — царь же, Богом силен как царем царей. Когда «до Бога высоко, до царя далеко», страна гибнет: творить и крепить ее некому, ***народ — безглав***. Таков Бог у Блаватской: отъят от Земли цепью тел каузальной чреды, Он де-факто — не сущий, и цепь эта — пр**ор**ва дурная: кошмар-объективность, князь чей Сатана, корнь несметности циклов развитья вселенского, чтимой Блаватской **(***един с нею в том Циолковский, Мир в чьих очах **жив, но безбожен**. С тем, он, а не Федоров, в космос стезя большевизму***)** и прозванной Андреем Белым законно «пустоворотами бытия». Сатана — очей тьма, шоры их. Им плененные, ищем мы Бога вдали, не чтя ближнего, что есть ***с корнями разрыв***, — коим мертв Аристотель, своим Amicus Plato, sed magis amica veritas («Платон мне друг, но истина еще больший друг») разъявший Учителя с Истиной (в коих Восток зрит одно), и Плотин, за сим ментором,

движим им, чуждый рожденья, и места его, и родителей бренных своих. Им вослед, Сатаной одержима была Б**лава**тская, о коей Шри Ауробиндо заметил, что, мощная своими прозреньями, женщина эта однажды на го́ре себе увлеклась «предводительством массами» — и пар стремления в Бога, **Суб**ъекта («суб» — Глубь, Внутрилунье) спустила в наружный с|**вис**|ток. Посему сама цель управимого Е.П.Б. Теософского общества, «основание ядра всемирного братства без различия расы, веры, пола, касты и т. п.» — есть стиранье границ, Богом данных нам в сем доме Розни, труд Дьявола: Розни, что кажет Единым себя.

Зря в Луне действующую (ближайшую) причину, Блаватская не видела в ней целевую: в Причине, Монаде зрить Двойку — Причины не знать.

— Если Мира во внешнем залунии нет, как быть с Солнцем, источником всей земной жизни? Неужто и его не существует?

— Солнце наших бренных очей — отблеск одухотворенного Всевышним Мира как Солнца истинного, сущего в Луне. Согревание внешним огнем есть иллюзия: Мир, Дух, — Огонь Изнутри, как сказал Кастанеда; огонь внешний — тень его в Мифа очах, живых Миром. Взгляд бренных — расколотых, мертвых — очей и являет Мир мертвый: труп, зримость чья несовместна с реальной, живою Вселенной как с Истиной ложь, тень ее.

— Состоятельна ли тогда идея полета на Марс, о котором мечтают земляне?

— Камни с этой планеты вы привезете, а толку? Земные **мин**ералы от марсианских не отличаются. Истинные же Марс, и Венера, и прочие планеты из числа известных и неведомых нам, т.е. ***духовные архетипы планетных тел***, сущи не за Луной, а внутри нее. Только они важны нам как ***жизнь, суть этих тел***, — так же как в человеке важна нам живая душа, ***полнота его*** (и по Библии человек — душа Божия), а не труп, остающийся после ее ухода. Человеку нужен человек, сказал Снаут: душа — душе; давайте же, наконец, поймем это, чтобы не низводить наши странствия в Космос в убогий поход за камнями. ***Контакт во Вселенной — связь душ, искр Огня, каковым есть она***. А коль так, то единственной внеземной целью человечества является Луна — как врата во В'селен'ную в ней.

— Как же бесконечно большая Вселенная помещается в скромной размером Луне?

— Пространство за дверью всегда размером в дверь, т.е. ***в очи, способность войти: очи — ноги нам***. Луна, дом Глуби — **пор**|**тал**: бренья с Вечностью связь, Сего с Тем. Таковая,

Луна — ***дыра черная*** в истинном смысле: в Иное пр**овал**, Ноль как Бога Рот. Ц**ентр**, коим есть Луна бренью — дыра в То всегда: вход, англ. **entr**ance — entr-ran-ce; **ce**ntre — cen-entr-**tre**: Мир, Сéнь наша, Глубь-**Три**. C**enter** — enter: в То выход — **сред**|**ина** **С**его, **Серд**це в дырке. «Лун» — «рун» (Л = Р): **рун**ы — Божье письмо, **ра**ны в Ра как Луна в сути их. Рана, **Сел**ена — **Щел**ь, Вульва-Мать. Нумен, Глубь как Предел сам себя, в Луне сущ — Беспредельность глаз бренных. Орфей рек:

Он <Зевс> смастерил <кроме нашей, еще> и иную землю, безграничную, кою Селеной зовут бессмертные, а земные человеки — Меной. Много на ней гор, много городов, много жилищ.

— Зная, что Луна полна жизни, понятно, о каких городах и жилищах писал Орфей. Но, вновь спрошу, есть ли жизнь на Марсе?

— Поскольку, повторяю, в**селен**ная наших глаз **селен**оцентрична, жизнь на Марсе или какой-либо иной ее планете может присутствовать только в виде лунных следов: ***артефактов Луны (Артемиды — у Греков), осколков ее***. Лететь за ними в такую даль нет резону, поскольку источник их всех, Луна — рядом. Все богатства космической Жизни заключены в ней одной.

— О духовности истинной Вселенной говорят с древних пор. Что нового в вашей концепции?

— Прежде всего, это наложение друг на друга и совмещение духовной и физической картин Сущего в точке Луны как оси обеих, согласной тем точкам, какими спрягаются воедино физическое (грубое) и эфирное (тонкое) тела человека. Без этого связующего звена плоть и дух вечно в розни как половинки Вселенной, и Целого этого — нам не обресть. Как таковая, ***Луна есть точка, где все абстрактное конкретно и все конкретное абстрактно***, в которой едины во взгляде на Мир чистокровный материалист, Сего ратник, и идеалист, слуга Того. Быть в точке сей — *ви́деть* есть: ***ви́денье — точка Луны***. В точку эту поставил Фому по неверью его Иисус: плоть ища осязать, осязал Фома дух, кем был Сын. Материалист, который никогда не удовольствуется на свой вопрос «где *конкретно* находится Бог?» абстрактным ответом верующего «везде и нигде», прав: ведь, не указав место горней Оси, тот глаголет о ней как пустой болтун. Человек же, познавший Луну в ее истинной роли, на этот вопрос скажет: «видишь Луну? Бог есть центр ее» — и это будет той чистою правдой, которая нужна обоим собеседникам как Любовь: Бог, в котором едины мы все. Так конкретен здесь и ответ на вопрос, где кончается грубый, физический мир и является тонкий, эфирный: на грани Луны, где сошлись тьма и огнь, плоть и дух. ***Гранью сей, Этим-Тем как Вселенною есть очи древних, в каких плоть духовна была,***

плотен дух. Очи эти закрыл Аристотель, прямой древних смысл как единственно сущий тогда — претворив в переносный: из Истины — в ложь, тьму: **мета**фору как указателя цели, Того **(***μετά- — после (греч.): Этого — То как В**тор**ое; цель (укр.)***)**, низведя в имманентность; поэта, про**рока** веков, обратив в очах толп в иди|от|а с гу**син**ым пером.

Единство абстрактного и конкретного в точке Луны, о котором сказал я, есть в сути ***единство искусства и естества***, означающее, что сделанное руками антропа неотлично от сотворенного дланью Божьей. Лик сего единства — эллинское слово «техне», ис'**кус**'ство: «из **Caus**'ы» — Господа труд, лишь позднее обретший в очах видность чистой механики, техники бренной руки, как ***искусное***, т.е. сделанное с блеском истинного мастерства (человечьего, Божьего ль — не суть важно), ставшее ***искусственным***, т.е. не-естественным, противным естеству. Ведать до́лжно: ***искусство — с Причиной единство в делении первом, искусственность — рознь как отъятость деленьем вторым, злом дурной бесконечности*** (ею отъят от Земли Бог Блаватской, не зрящей Причину в Луне). Так пространство — от Бога деление первое, огнь Его; время — второе: тьма, топор **секу**щий **(секу**нда, ее единица, идет от secundo di|vis|io — второе деление (лат.)**)**. ***Длань наша — с Господней одно зрящим главность Его: рук иных, кроме Божией — нету***. В признании сего единства Людского и Божьего ***Луна — небесное тело искусственного происхожденья***: неся в себе Вечность, Цель (**мета́** — укр.) бренных нас, это **мета**ллическая сфера как Голова мира зримого, выдутая из Бога Лунным Народом как лоно **Все**ленной: **pus**'ырь **(***Pus (инд.-евр.) — Пан (греч. «всё»), Мира лик***)**, на чьей внутренней стороне он живет, а на внешнюю выходит **(*металл** — в Цель **метал**: бил в Десятку, Мир Божий, Луну-Глубь***)**. Не ведая этой гармонии антропного и Божьего, в своем трактате «Жизнь во Вселенной» Карл **Са|г|ан** пишет: «Природный спутник не может быть внутри полым», — имея в виду сотворенность такого тела вселенским Разумом. Но ***разум у сущих — от Бога; антропов рука, с Ним единых — длань Божия: искусство как безыскусственность, Yes'Theos'тво***. Явь сему — «рука сильная», Арм'стронг (англ.): Бог-и-Антроп, Луны Суть, к коей шел этот муж. Ясно ведь: раз Луна — дом един Богу с **Люд**ом Его (как корой, **луд**ом (стар.)), дом сей строили разом и Бог, и Разумные эти: ведь дом себе всяк строит сам. Сего-то понимания недостает трудам советских ученых Михаила Васина и Александра Щербакова, в 60-х годах минувшего века выдвинувших блестяще аргументированную гипотезу об искусственном происхожденьи Луны. От незнанья того же — гипотез сплетенье, о коем читаем мы:

Самая экстравагантная гипотеза [происхождения Луны] предполагает, что Луна — искусственно созданное представителями высшего разума космическое тело. Там расположены их базы, в том числе для наблюдения за Землей, космодромы и прочее. // Эта

вторая версия, в свою очередь, делится на две не менее неординарные подверсии. Одна предполагает, что основа Луны — все-таки естественная, что это космическое тело просто выведено на околоземную орбиту и освоено в той мере, в которой необходимо. // Сторонники другой подверсии считают, что Луна — вообще не планета, а гигантский НЛО, закамуфлированный под безжизненную остывшую планету — спутник Земли.

*Татьяна **Славянова**. До потопа Луны над нами не было*

То ж незнанье — порок очей **Рич**арда **Хо**гленда, бывшего консультанта NASA и главы организации «Энтерп**рай**з **миш**н» **(***enter|**prise** (англ.) — дерзкое и трудное предприятие, ан**тре**п**риза**: по сути — **приз** вшедшему: Мир, в Луне **Три**)*, утверждающего то же самое опираясь, как пишет он, на сенсационные открытия, сделанные американцами на Луне. По догадкам землян (Луной мыслящих: Мозг нам — она), Луна — инопланетный корабль. Так и есть! Но не зная сотворчества Бога с детьми Его как Длань одну, не постичь нам того, что в Луне как челне (**челн**, **Селен**а — суть имя одно) пролетает над нами не какая-либо одна цивилизация из лег**ио**на их — все они разом как Мир, Дом Антропов с жильцами его.

— Как соотносятся корабли лунных антропов, именуемые нами НЛО, с кораблем-Луной?

— Как часть с целым, подобие с сутью. Корабль-НЛО — Луна малая, сущая Луной большою как сердцем. Корабль — э|**ки**|**паж** в полном смысле своем: **Ки**, Луны, **паж**, слуга безупречный. Как мы, покидая корабль, надеваем скафандр, — так лунит, из Луны выходя, эфир в плоть облекает: в Ум — Сердце к хожденью Умом.

— Вы сказали, что лунный Народ живет на внутренней стороне Луны. Как это? Вверх ногами, как мухи на потолке?

— Правильно утверждать, что не луниты находятся в таком положении, а мы. Жизнь их на внутренней стороне Луны обличает их ***центростремительность как угодное Миру Служен|ие: верность Центру Луны, каков Бог***. К Нему и **льну**т они головою подобно ростку, что льнет к со**лн**цу, и стрелке компаса, зрящей на север; мы же, торча головою от центра Земли, тем являем рознь с сим Господином (Луны и Земли Центр — един, как едины они в очах горних), а с тем — неслуженье Ему, что и есть в строгом смысле бытье вверх ногами: рознь с Богом, Родителем. Служа́щ, лунит головой к Голове сей стоит; неслужащий, землянин стопа́ми попрал Ее. Кстати, само слово «**муха**» — печать тому: **Мах**, *имя личное* Русов, в Авесте — Луна, что как Глубь — **Маха** **го**лая, Истина, верным слугой чьим, на**гой** как она, служа плотью душе — очам разума, чуждого сна, — был *глуб**окий*** муж **Го**й’**я**, создавший портрет с сим названьем (*Фран**сиско** — Мать Истина, **Сиська** всех сущих: Исида (И**сис**) в пантеоне Египетском*): **Gov**а как Кор**ова**, **Gov**. Сущий

в Матери — истинно Жив: Жизнь есть Мать; от сего — Русов клич «гой еси» — «с Луной будь!»; **из**|**гой** — тот, кто исторгнут из Матери, Р**один**ы сущих (**Отчи**зна — Она, не Отец: не Ум — Сердце), впав тем в ост**рак**изм, бывший Грекам тождественным главосеченью: Глава — Ма́ть нам. У пребыванья Народа Луны, ***мух сей Махи***, на внутренней ее стороне есть простое духовное объяснение. Мир, ликом чьим есть Луна — Шар без внешнего: Дом, не имущий снаружи себя ничего как Вместитель всего, невместимый: ведь лона ему — нету. Ясно, что находиться в таком сосуде можно лишь на внутренней стороне как ***единственной у него***. На ней, сущий в Мире как Лоне, живет весь Антропный Народ, включая и нас, землян, — но люди лунные зрят это, *видя*, а мы, смотря, нет. *Видя*, нет ли, — от Мира торчит к Богу Люд его, Homo e**rec**tus: трава ради солнца, фалл ради ва**гин**ы, **рек**а для истока. Ор|фей — как Ор-Теос, Мир-Бог, Глубь глубе́й — о Луне рекший: много на ней городов и жилищ, — рек о ***внутренней шири Луны, Поле-Глуби***. Смотрящие очи — обманны: **мух**люют они разум наш. Любопытно, что детский писатель Николай Но**сов**, прозревший Луну полым шаром с живущими в нем антропами, хоть и рисует их сущими на ядре внутри Луны, т.е. главой от центра, — начально писал как о поле их жизни о внутренней стороне Луны, т.е. изнанке наружной. Им сказано:

[Знайка] лично побывал на Луне и видел вблизи один из лунных к|ра|тер|ов. Ему удалось рассмотреть, что кольцевая гора была совсем не гора, а остатки разрушившейся от времени гигантской кирпичной стены. Хотя кирпичи в этой стене выветрились и потеряли свою первоначальную четырехугольную форму, все-таки можно было понять, что это именно кирпичи, а не просто куски обыкновенной горной породы. Особенно хорошо это было видно в тех местах, где стена сравнительно недавно обрушилась и отдельные кирпичи еще не успели рассыпаться в прах. // Поразмыслив, Знайка понял, что эти стены могли быть сделаны лишь какими-то разумными существами, и, когда вернулся из своего путешествия, опубликовал книжку, в которой писал, что когда-то давно на Луне жили разумные существа, так называемые лунные коротышки, или лунатики. В те времена на Луне, как и теперь на Земле, был воздух. Поэтому лунатики жили на поверхности Луны, как и мы все живем на поверхности нашей планеты Земли. Однако с течением времени на Луне становилось все меньше воздуха, который постепенно улетал в окружающее мировое пространство. Чтобы не погибнуть без воздуха, лунатики окружали свои города толстыми кирпичными стенами, над которыми возводили огромные стеклянные купола. Из-под этих куполов воздух уже не мог улетучиваться, поэтому можно было дышать и ничего не бояться. // Но лунатики знали, что вечно так продолжаться не может, что со временем воздух вокруг Луны совсем рассеется, отчего поверхность Луны, не защищенная значительным слоем воздуха, будет сильно прогреваться солнечными лучами и на Луне даже под стеклянным колпаком невозможно будет существовать. Вот поэтому-то лунатики стали переселяться внутрь Луны и теперь живут не с наружной, а ***с внутренней ее стороны****, так как на самом деле* ***Луна внутри пустая, вроде резинового мяча****, и* ***на внутренней ее поверхности*** *можно так же прекрасно жить, как и на внешней (выделено нами — Авт.).*

Как общее Дело Антропной **Семь**и в ней, Луна, сосуд **Caus**'ы, Бога согласен итальянскому ***Cos****a Nostra*, «наше дело» как имени **ма**фии, семьи (ит.): ***дела плохого, каким есть мир бренный сей, злобный в своей преходящести***, — в противовес ***Луне, Делу благому***. Свидетельство рукотворности Луны и ее сотворенности из металла находим мы в абхазском эпосе о героическом племени н**арт**ов, живших в построенном их руками железном доме; свидетельством этим есть также настойчиво поминаемый в эпосе абхазов, ады**гей**цев и о**сет**ин небесный **кузн**ец, налагающий на поврежденные черепа героев медные заплаты — по той, очевидно, причине, что головы их и его самого сделаны Богом из металла. ***Луна есть Вселенная-Голова, за|мас|ки|ров|анная под кусок камня: живое под мертвое, Сердце под Ум без него, — под насыпкою Твердь***. В том — разгадка зыбучих рельефов Луны: р**е|гол|ит** — **Гол**овы плащ (так **эго** — плащ наш на Я, Боге), что в срок свой ее о|**голит**. В том также — разгадка и стой|кости Луны к **тор**ению силой с|**тор**|оннею (фото 5), о чем указано:

Луна не имеет способности защищать свою поверхность от шрамов, оставленных всеми метеоритами, врезающимися в нее, — кратеров всевозможных размеров. Непонятной остается небольшая глубина, на которую смогли проникнуть указанные тела. Это выглядит так, как если бы ***слой крайне прочного вещества не позволял метеоритам проникать в центр спутника****. Даже кратеры диаметром 150 километров не превышают 4 километров вглубь Луны. Особенность эта необъяснима с позиции трезвых расчетов, показывающих, что при отсутствии каких-либо скрытых барьерных структур на Луне должны были бы существовать кратеры по меньшей мере пятидесятикилометровой глубины (выделено нами — Авт.).*

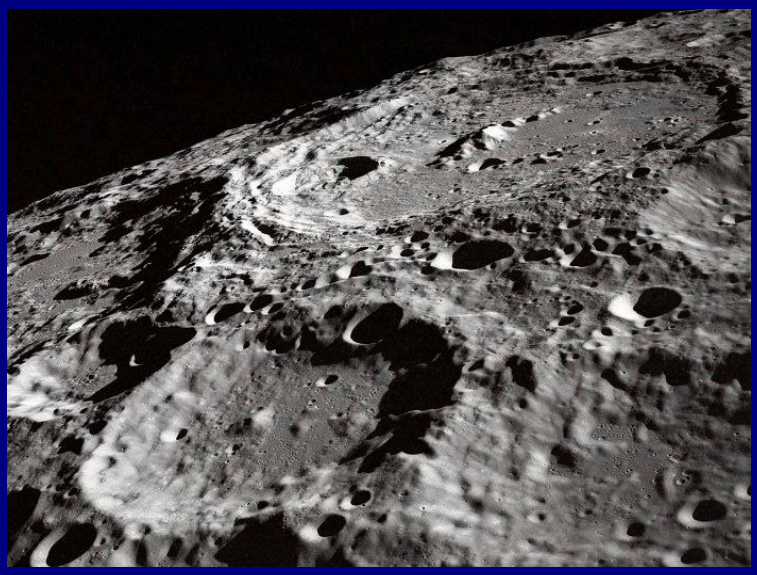


Фото 5

Луна-Твердь: Барабан под песком (продолжение)

Фото демонстрирует лунную закономерность: чем более кратер размером, тем менее он глубок. Лишь малые кратеры имеют типичный ударным воронкам вид; в форме крупных же — мелкодонных и плоских —

сквозит необорная твердь, заставляющая волну любого удара растекаться по ней, точно блин по сковороде.

Шар металла с зеркальными свойствами (**зер**кал субстрат — **сер**ебро, англ. luna: Тьмы металл) ощутили земляне под лунной насыпкой при первых шагах по Луне, на какие спектрометр ответил сверхчетко. Позднéй, под ударами пиропатронов, твердь эта, под зримым поддон, знать дала о себе гулким эхом: волна отскочила назад как от стенки горох. Орихалковый слой-скорлупа, Луна — ***грань меж миров: металл-Дух, Монолит***. Торя в толщу Луны, в грань упремся мы эту, сломив бур любой: ***твердь как Ноумен — несокрушима, тлен — Вечность, Причину неймет***. ***Луна — оборотень: Вечность в тленном чехле как обернутый Столп***. Так и оборотень-Гость, антроп-душа, явен телесным очам как сугубая плоть, ***пустота как обыденность их***. Житель лунный, Гость, с тем, и ***похож на Луну***, из которой пришел, как пришли мы в свой срок: от **Сел**ены, **Чел**а (Главы) сущих — Антроп, **Чел**овек.

Об устройстве Луны знал мир древний. Холмистое тело и шар зря в ней рáвно, знал он корку-Суть, явь-и-Тайну, какой есть от века она.

— Лунный шар герметичен?

— Он закрыт для стороннего, Розни; для Глуби, Единства — открыт. Всяк, кто Глуби достоин, Любовью Вражду одо|лев, — в Луну входит свободно как в Дом вечный свой.

— Из какого же металла сделана Луна, а верней, кора лунная как скорлупа ее, вместившая Мир?

— Из ***орихалка***, металла Атлантов. О нем сообщает Платон в своем «Критии», ссылаясь на своего предка по матери Периктионе (**Потон**е) Солона, принявшего это знание от египтских жрецов. Подробно об орихалке рассказано в моей книге; здесь лишь скажу, что Атланты, «народ утонувший», по истинной сути своей — племя Века Златого, равно и Земное и Лунное, отшедшее вместе с Луной в тех очах, где Златой Век истек — иль, что то же, народ **утон**увший в Луне как очей бренных Глуби (ведь Вечность, в Луне Мир — Глубь их); орихалк же, ушедший с ним, в смысле мирском — неметалл: это духовно-наполненный, сиречь ***живой***, алмаз, углерод трансфизически-цельный, ячейка кристалла которого имеет парадоксальную в бренных очах землянина неплоскогранную форму — сферо-тетраэдр (сфетраэдр — как зову его я), форму семени гречки (рис.5). Нерушимая твердь, орихалк — плод надутия Духом, или напряжения им структурной основы орихалка, подобьем чьим есть предварительное напряжение земных конструкций, использованное, к примеру, в строительстве О**ста**нкинской телебашни. Нерушимость эта есть не

беспредельная прочность, но ***Промысла дар — соразмерность меж Глубью и внешним ей***, при коей нет внешней силы разъять стенку их. ***Орихалк, металл лунный — металл НЛО как чеЛНОв от Селены, Челна***, где плывет Бог с Народом Его.

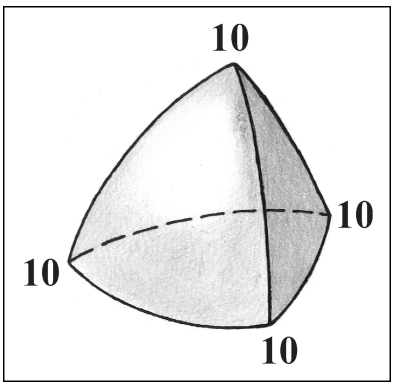


Рис.5. Сферотетраэдр (сфетраэдр) как форма кристалла орихалка: плод пересечения сфер, помещенных в вершины тетраэдра и радиусом равных его ребру

— Чем обусловлена форма ячейки регулярности орихалка, определяемая таким образом?

— Тем, что кора Луны (не путать с ка**мни**стою маской, таящей лицо ее) как грань меж ноуменальной и феноменальною сферами, Вечностью и бреньем, — ничем и не может быть кроме как синтезом сферы, фигуры Вечности, и тетраэдра, **пир**а**мид**ы у Греков, олицетворяющего ю**дол**ь преходящего в купности четырех его стихий, старшей где есть огонь, руг (греч.). **Ман**|**т**ия Глуби Луны, орихалк — на Ноле Два: алмаз (диа|**ман**|**т**) с преломленьем двойным как Тьмы явь, камень сей, как тетраэдр структурно, раздувшей в сфетраэдр. Срединности этой (англ. **mid**dle) явь — имя само pyramis: pyr-ra-mis, Огнь-Ра-Мать **(**ведь Мать — Дева, **Мис**с (англ.)**)** — Луна-Глубь, мертвых Дом, Огнь **Мис**терий как Цель пирамид сущих **(Цел**ь — **Дух**, In|**duc**|tor-Con|**duc**tor, **Цел**|**ен**ие-**Doc**tor: **Селен**а — Он**)**. Древние, не разделявшие Мир как единый Огонь на сокрытый (эфир, То) и явный (огнь зримый очам, Это), представляли атомы огня равно и как сферические, и как пирамидальные (так зрил Платон), *видя* сущность огня в сплаве двух этих тел как особом, седьмом, дополняющем ряд безупречности (сфера, додекаэдр, тетраэдр, октаэдр, и'cosa'эдр и куб) до Семи, числа Жизни. Утратившие это знание, зрим мы лишь шесть без седьмого — смерть, тело безглавое, го́ру без сути, вершины ее. Гречка, семя-сфетраэдр, и указует на Греков, сфетраэдр знавших. Число его, с числами шести иных тел **(**10 — сфера, 12 — додекаэдр, 4 — тетраэдр, 8 — октаэдр, 20 — икосаэдр, 6 — куб**)** дающее ***число Полноты Сто***, — есть ***40, число буквы М***, первой в словах «**мета**лл» и «**М**ать»: ***орихалк — металл Тьмы, Материнский***, чьи Сорок — **со Рок**ом, Умом как Неволей, Свобода, Мать-Сердце.

Грань, сущность сфетраэдра, в сути есть лик бытия Божьего, а равно — смерти: ведь Бог, Мира Клей как Тьмы-Света, и смерть — Грань одна, чей металл о**рих**алк. О сфетраэдре, теле седьмом, знанье чье возвращаю я людям трудом своим, пишет Булгаков в романе о **Ма**|**стер**|е, Тьме, как ***седьмом доказательстве Божьего бытия — до**|**каза**|**тельстве смертью, Восьмеркой, в какой явен Бог, над Семеркою-Миром Во**сь**мой: убедиться — очами узреть; Во**|**семь зрить — войти во Семь как Ось их***. Семь правильных тел, о каких речь — суть Семь Мудрецов, **Риш**и (санскр.): Мудрость — Жизнь, коей люди богаты (англ. **rich**); Семь Столпов, собор Лучших, касательно чьих персоналий в Элладе шли прения, но в числе Семь — тверд был всяк. Жизнь как Мудрость, нам данную Гебдо**мад**ою, и представляет собою сфетраэдр как ***тело-вершина: Седьмое-и-Семь***.

— Коль так, почему же тогда ни один из известных нам мудрецов и философов не упоминает сфетраэдр в своих трудах?

— Потому, что явью этой фигуры как ее синтезом из пары названных правильных тел — был ***сам древний человек как воплощенное Сердце, Единство***. По сей-то причине Платон без каких-либо пояснений представлял Огонь то в виде шара, то как тетраэдр: ***единством сих двух был он сам***. Что ж, ***учение знать — знать учащего, корень его***. Аристотель, клеймя Гераклита за то, что об одних и тех же вещах он глаголет взаимопротивные (или как минимум разные) вещи, не понимал, что гарантом их полной непротиворечивости был сам глаголящий, являя собой ***сфетраэдр, лик антропа как Сердца***, — закрытый для Аристотеля, как Сердце скрыто Уму неслужащему, кем был сей муж, чрез Платона, учителя чуждый, поправший Служенье. Порой, когда истинно сущ Человéк был, сфетраэдр был в нем растворен как Ум в Сердце, слуга в господине; пропал сущий сей — очам выступил сфетраэдр в явь: Сердца Ум как зов умному — Сердце стяжать.

В век Вражды, Кали-югу, металл, замещающий металл-Одно орихалк, есть же**лез**о, металл Розни, **лез**ущий в плоть. Законно утверждать, что при отходе с лица Земли Атлантиды — в Луну, Глубь, — оно-то и заняло в земле место отшедшего с Атлантидою орихалка. Так Богу замена на месте Его — Сатана: солнцу — тень; храм Любви без Любви — дом Вражды. В том — корнь мифов **кав**’**каз’**ских о сходе с Луны к нам «железных людей»: орихалковых — в сути своей как **Лун**а, **Лон**о их.

— Что представляет собой челн НЛО по сути?

— ***Каплю Мира*** как Глуби в Луне, Мозга сей Головы. Отсюда дизайн (англ. **des**|**ign**) НЛО наичастый — печать **Дес**яти, Мира, Огня (лат. **ign**is) очей (Света-Тьмы, Единицы-**НОЛ**я): форма ***тела вращения капли в момент отрешенья ее от Воды***, когда есть она по закону

единства различия Мир и не-Мир, от **Селе**ны роса (рис.6). Мир есть Мать, Лоно; ма|шин|а, Гостей челн — **ма**-**син**: капля **Ма**тери **Син**и, Луны, бог чей **Син** о**сен**яет Китай (**Sin**|а — лат.), землю лунную. **Челн** — **член** торящ: **кап**ля — бьет в Камнь, Мир Божий; тарелка — торилка, чей Мать **Кап**|итан, Кем напúтан мир сущий; че**л**н — че**р**н: Вода, Тьма (Л = Р). Полет НЛО, капли **М**ира как **М**озга — ход быстрый (**cele**rity — англ.): ***полет мысли*** как капли В'селен'ной, Мысл**ит**еля в нас, ход как Миг (**мить** — укр.), Тьмою **мыть**е.

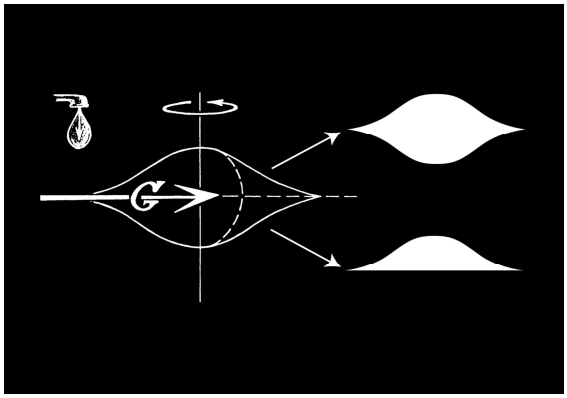


Рис.6. Капля как форма и суть НЛО

— Но и Антропов в единстве их ряда — лунитов и нас — вы считаете лунными каплями. В чем разница между каплей-Антропом и каплей-Челном?

— Сущностно НЛО — гипостазис (подобие, образ) антропа: капля, меньшая его на ступень. Если Мир, Макрокосм, и антроп, микрокосм, оба есть ***органический организм*** (так писал **Н.О.Л**осский о них), — челн Гостей представляет собой ***органический механизм, иль живую машину — машину Любви***: Жизнь — Любовь; механизмы ж известные нам — ***механизм механический:*** смерть, бренных царь как гроб им, иль ***маш**ина **Вра**жды***. **Mech**anizm (англ.) — меч Max, Луны: ради Единства секущий much'иной Любви как **мач**ете, ножом; Розни ж ради — машиной Вражды; и над Рознью — Единство царит. **Мех**анизм — мех: **кузн**ечный ли, винный — Огню он слуга: Луне, Сердцу; слу**жень**е — любовь. Само слово «**ма**|**шин**|а» — Любви явь как Корня машинности сущей: Ma-Sin — Сердце, **Ма**ть; **течь** Воды этой — **tech**'ника вся.

Антроп есть гипостазис Творца, Богом жаждущий стать: корка — Сутью;
Корабль — гипостазис Антропа: разумный живой механизм.

Техника, нами творимая, есть продукт отделения человеком своей энергии вовне, в Ум, тогда как ***Корабль — плод деленья вовнутрь: во Глубь, Сердце; поистине это машина, какую антроп порождает, как в лоне своем, внутри себя***. Ум в себе — смерть;

Жизнь — Сердце; поэтому техника внешняя, умная — приставка мертвая к нам: костыль наш, средство быть инвалидом; ***Корабль же — живая машина: друг нам как Друг|ое-Внутри*** (ведь друзей носим в сердце своем). Созидание его для нас, ***спящих сердцем своим*** — явь инстинкта как силы Природы, чье главное качество, рек Анри Бергсон, «есть способность пользоваться и даже создавать орудия, принадлежащие организму» (так куколка, претворяясь в бабочку, инстинктом-Сердцем творит себе крылья). У нас, бренных, Сердце — инстинкт-интуиция: тайный, подспудный творец, чьи рабы мы. ***Космит, антроп-Мир — творит Сердцем как ясным орудьем своим***. К созиданью сему как ***раскрытью очей*** нас влечет эволюция, Бергсоном зримая как два пути, по каким пошла жизнь — путь инстинкта, слепого незрячим нам, и интеллекта, очей наших: Сердца и Ума. Созидая Умом, человек — Homo faber, ремесленник глупый, каков есть он ныне, а **sap**iens — Жизни, Семи (**sap**t'an — санскр.) другом — станет тогда, когда Сердце прозрит как орудье свое: ***из Ума Ума став Умом Сердца, Слугой***. Бергсон пишет на сей счет, что путь интеллекта ведет нас по сущности к рабству у материи. Скинуть оковы его — есть сознанью людей «обратиться вовнутрь и разбудить те возможности интуиции, которые еще... спят». К сему звал нас и Федоров как расширению созидательных границ сознания — выходу из Ума в Сердце как трансцензусу претворения Тайны в Явь силой взыскующих Мира сердец. Переход сей предвидел А.В. Сухово-Кобылин, в труде «Философия летания» пишущий, что изобретение таких средств передвижения, как велосипед и локомотив, есть «почин, зерно будущих органических крыльев, которыми человек несомненно порвет связующие его кандалы этого теллурического мира». Челн лунный, что зрим мы порой — явь свершенья в грядущем сего.

— Млекопитающее-примат также есть гипостазис антропа. В чем разница между ним и Челном?

— В том, что при|мат — неразумный организм, а Челн — разумный (а с тем и живой: Разум — Жизнь) механизм. Неразумность животного означает ведóмость его групповым духом, единым виду, какому принадлежит оно как особь, как ***жизнь умом внешним***; Корабль же в абстракции его автономности от антропа живет ***своим умом***. Механичность Корабля означает, при всей его живости, неспособность к самовоспроизводству, или способность к нему не чрез себя, но чрез антропа, творца и владыку его.

— Чем как челн отличим НЛО от ракеты?

— Ракета земная, плод наш, опирается на внешнее, отталкиваясь от него; челну лунному — Глубь столп. Ракета летит, гарь плюя; НЛО — чист, среды не колебля (отсюда

бесшумность его). Ход его, с тем, законен, ракеты же — нет. Дивный оку землян, челн сей лунный опору свою в себе носит, как бравый **Moon**’хгаузен, из топи вырвавший себя за чуб. Чуда нет в том. Так всякий из нас не сторонним т|вер|д — Глубью своей: Богом, Я, Луной в сердце у нас.

— Многие люди, наблюдавшие НЛО в их классической форме «тарелки», отмечают то дивное бренным умам обстоятельство, что с момента первого упоминания этой формы автором термина «тарелка» американским пилотом Кеннетом Арнольдом (1947-й год) она нисколько не поменялась, — тогда как, к примеру, самолеты за тот же период претерпели заметные перемены своей внешности. В чем причина такой константности?

— В том, что Корабль есть машина, не принадлежная потоку становления, коим является река времен, история: это ап**па|р|а**т Золотого Века всемирного Человечества, Прошлого для исторических, смотрящих землян и Настоящего для внеисторических, *видящих* лунитов. Но коль скоро НЛО — суть Вчера **(Ye|s-ter-Day**, **День-Да** Божий за **тер**нием — Век Золотой, **с|тер**тый в бренных очах гений «Битлз»**)**, как он может «улучшиться» завтра? Как может поменяться форма Корабля, когда **форма** капли, полета его **суть**, **от века** (Златого, единого нам) неизменна? Корабль, что мы зрим, есть машина г**ряд**ущего в том только смысле, что Век Золотой — Тайна нам, Гостям Явь — целевая причина для бренья: начало его и конец, где прейдет оно. Но в Век Златой никогда ***не перетечет*** река истории: прейти — умереть, ***оборваться***: **ко|не**ц бренных — шаг **ко Не**, в Глубь как Дыру, у’**top**’ление в Мире, Господнем **Коне**. Посему речь нам до́лжно, что ***Век Златой будет постольку, поскольку был он***, с ним — машины его как ви|**ман**|ы шастр Индии Древней: земные для древних, с Луной нераздельных, а нам — часть **Лун**ы, **Man**, **ман**ящей любовью как Божия Д**лан**ь, **Man**us (лат.).

— Как выходит Корабль из Луны?

— Капля Тьмы, от Воды сей идет он как капля; от Тьмы, зримой Воздухом нами (ведь Тьма — Воздух), он — пузырек, Глубью выдутый вон. Корабль — s|ci|p (англосакс.): с Ки, Луны — часть ее; scip|per (англ.) — капитан невоенного судна: частицы не Розни — Люб|ви, коей есть Луна-Г|луб|ь.

— Раскол глаз, породивший Луну и Землю как автономные тела, разъял тем и Антропный Народ: единый как племя Вселенной, он должен был стать Двумя. Что являют собою они?

— Атлантическая эпоха, предтеча нашей, Арийской, и была тем самым Золотым Веком, в котором, как Веке-Мире, не существовало различия меж Луной и Землей. Единственным

земным народом тогда были Атланты, по названной выше причине одновременно и луниты, и земляне. С расколом очей, погасившим в них Век Златой и явившим в раздельности Луну и Землю, Атланты, народ Полноты, ***отошли на Луну***, а вернее сказать, ***в Луну как Мир***, или ***остались в нем***; при этом они, разделившись в себе на себя и иное-меньшее, остались на Земле, иль, что то же, упали с Луны на нее как ***перво-Русы, Скифы***, самоназванье которых сколóты — знак, что они скóлоты были Всевышним с Луны, а столицы их имя Иш|куза по сути — **из Caus**'ы: Глуби, Луны (англ. is — «есть» как не-Тайна, очей бренных явь: **из** Луны **из**ойдя). **С|кóл**от — **с Кóл**а (круг — стар.): Глубь, Луна — Дух, Цикл-Фалл, **Коло-Кол**; с**о**|**ко**л, птица глазаста — очами Луна. Глубь, Дух — Ци (**ки**т.), Ки; отсюда С'ки'фы — суть люди с Луны, Ки. Прямой сему знак — то, что по Геродоту, о**пир**авшемуся на слова самих Скифов, народ этот есть наимладший в истории, а по Помпею **Трог**у **(***Любви мужу с**трог**ому: **трог**ать, causa'ться — любить-бе**речь**)* он есть древнейший из сущих народ, чья история глубже египтской. Коль вспомним мы, что божеством Эллинов равно и старейшим (как Эро**с**) и младшим из всех был Эро**т**, бог Любви, тождественной Миру как Внутрилунью, п**рост**ранству Златого Века (Вселенную и называл Эмпедокл — шар Любви), — понимаем, что это парадоксальное в бренных очах свойство Скифов — явь сущностной их непричастности Земле, или коренимости в Луне, паре ей. Розни сей явь — суть двойная их, Тьма-Свет, о коей читаем мы:

О людях из Лукоморья, провинции Скифии, лежащей далеко на севере, пишут, что некоторые из них с наступлением долгой ночи умирают, а с приходом Солнца вновь воскресают и поэтому стремятся обзавестись надежными гробами, чтобы, пока душа их не вернется, с ними не случилось чего-нибудь дурного. Об этом народе повествует в своих «Исследованиях магии» Марио дель Рио.

Сон, или Посмертное сочинение о лунной астрономии Иоганна Кеплера,
покойного математика Его Императорского Величества,
опубликованное его сыном, магистром Людвигом Кеплером,
кандидатом медицины

Скол с Луны — **школ**а нам как Ут**ра**та, **шка**|**л**ы бренья ноль: потерявший — и**ска**ть ученик. **Ски**ф — **sky**'ф, неба дитя, **с кай**|**ф**а сшедший: из Рая как Глуби Луны. **Cus**'ок, **с**|**кі**|**ба** (укр.) — **ба** (ег.), душа **Бо**жья, **с Мат**ери **ш**|**мат**, **Ба**|бы баб: ведь с Луной Мать одно. Небо, **S**|**ky** как Луна, **шку**ра Бога, очам S|i|n|**e**|**va**-Высь, — Наука (англ. **s**|**ci**|en|ce) нам, Т**айн**а очей бренных, Без (sine — лат.); хор Лю**дей** как **so**|**ci**|ety **(**общество; высшие классы (англ.)**)** нам, очьми темным — **с**|**ки**тальцам в **с**|**ки**ту, детям б**луд**ным, — Луны дру**жны**й **люд**, хор **Жены**, **бо**|**монд Mond** (Луны — нем.), что ***со***|***се***|**т** Грудь сию как **сосед** ей прямой. **Ски**|петр в длани царей — Луны жезл, **Си**лы в нас. «С|и|н» — Si-in: Да (si — итал.) Внутри: в Луне **Бо**г с Тьмой его, **Эль**|**до**|**Ра**|**до** очей **(***до — путь (яп.): к **дорог**ому **доро́г**а нам***)**, **Сиська**,

сыскать кою след. «Ски**ф**» — «ски**т**»: Ф = Т; корнь сей греческий — Русов дар, рек **Т**|**ре**дьяковский, **Т**ьмы муж. **Скиф** — **скит**алец, **к**|**оче**|вник: душа с телом верным как сердцу умом, птица-очи, д**виж**енья **иск**|Рá, Бога вз|**ыск**. Скифы — Русичей корнь: люд с**тре**мительный Тройки как **Пти**цы: **Пси**хеи, Тьмы в нас (ведал Гóголь то). Дух, Руах (евр.) как Дви**жень**е, Рух (укр.) — **Русú** суть; «бути в **рýсі**» — в движении быть, как Тьмой дви**жим**а Русь. ***С Луны сколоты, Скифы — Атланты в утрате ее, гипостазис Луны как Отчизны Людей***. Посему ост**рак**изм, казнь **из**|**го**|йством, страшнейшая Г**рекам**, есть в сути утрата Луны, **го**рней Матери нашей; **Со**|**лон**, **рек**ший нам об Атлантах устами Платона, потомка, — **со Лон**а, **Лун**ы муж: скиф, рекший о ней как Отчизне своей, о Воде — Воды капля, мудрá как она; от С**елены** — **Елена**, скифянка, **Елин**ов (как Греки звались по-славянски) корнь; **Елена** — **ялúна**, **ель** (укр.): Тьмы древо как лунный побег, росток к Богу («**эль**», «аль» — Бог, **Ал**лах); град Кирилла с Мефодьем **Со**|**лун**|ь — суть **со-лун**ие: Слово с Тьмой, Глубью его как ореха **я**дром. ***Скифы-Русы, как лунный посев, — народ первый Земли, от которого внутренним его члененьем возникли все прочие***. Следствие этого: ***скифский язык как язык Русов — корнь всех земных языков***. Сим открытьем, сколь мог, и воспользовался я при создании своей теории, которая, как филологическое исследование, есть всего прежде ***работа по русскому языку***. Помня ж тождество Миру Луны, дóлжно зрить: ***лунность Русов — Вселенной согласье: Москвы, града их, Рима третьего — Миру как Трем***, Тьме-Корове (англ. cow), Лону сущих, явь чья — синтез слов:

COSMOSCOW

О согласии этом указано:

...русского человека никогда не устроит другая идея, кроме вселенской. Ни племенные, ни кровные никогда нас не устроят, потому что русский человек это вселенский человек, это сказали наши пророки, я имею в виду Гоголя, Достоевского, Розанова, Тургенева, Толстого, и так далее. У нас не художественная литература, у нас религиозная литература.

*Александр **Мир**заян: «Ум опирается на поэтические традиции»*
http://novozhilov.at.ua/publ/5-1-0-22

Вселенная, Мир — Сердце наше; Русь — лик его: в Вечность врата и она самое. Сердце — вера, Ум — знание, веры дитя. Рек поэт:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Федор Тютчев

Rus — **P**us, Пан-**пас**тух: Мир, Всё Божье (P = R; **М**и**Р** есть Ноль-Один: Сердце-Ум, **М**other-**P**ater); поэт **Pus**'кин наш — **рус**ский дух, что с **Поэз**ией, Паном рожденной, одно **(**«Там русский дух... там Русью пахнет!..» — рек автор «Рус|лан|а…» недаром!**)**. Поэт на Руси с тем — Тьмы меч о**гнев**ой, Мира глас во **Space**'ние. Сказано:

> Поэт в России — больше, чем поэт.
> В ней суждено поэтами рождаться
> лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
> кому уюта нет, покоя нет.
>
> Поэт в ней — образ века своего
> и будущего призрачный прообраз.
> Поэт подводит, не впадая в робость,
> итог всему, что было до него.
>
> **Ев**|ген|ий **Ев**тушенко. Молитва перед поэмой

Ге|**р**|**ус**|ия Сп**арт**ы — **Her**-**Rus**: Мир-**Сове**тчик. **С**|**лав**яне, иль Скифы (Любви, **Лав**ы дети) — **Слов**яне: суть Сл'**ovo**, вместившее Мир, Я в **Я**йце этом. Слово и Глубь — пара-Суть. Миру равные, Скифы до'**сто**'йны его, **сто́**ят Вечности. ***Ки**|**ев, Москва ль, Русь исконная, новая ль — имя одно посему: Луна, Огнь-Мир***; космизм — философия русская, пик коей Федоров, звавший нас в Космос как Троицу, Бессмертье наше — Гагарин от чресл, как и русич, что первым шагнул в него. Русский по сей же причине — труд мой, Миру песнь.

Скифы-Русичи — первый народ на Земле, с Луны сколотый Богом;
от Скифов — все племя Землян, *Лунный люд*.

Русь — **Руки** Божьей труд: явь Тьмы сей. С тем, в Санскрите **ruca** — «русый», «светлый» (оттенок); по Далю, «русь» — «мир», «бел-свет», а «на руси» — «на виду»: Мир — Очей Дом. Татищев Славян — с тем и Русов — вел прямо от Скифов, зря Моска, Иафета сына шестого и Ноева внука, Славян-Русов корнем; зрил так-то и **Тре**диаковский, глас Мира. **Моск**овия — **Мосох**, **Мосх** — **Мозг**: Луна-Глубь, Московитов как Скифов исток; московит — моз**гов**ит Мозгом сим. **Мосох** — **посох**: vis(h)'невый волхвов меч, Тьмы столб как стезя меж Землей и Луной. Герой русских былин корневой — Соло|вей Буди|мир|ович: птице-антроп, **Sol**o-Way, от **Сел**ены тропа (вэй — кит.) вниз: **Ски**фов за́чавший Гиперборей, п|**ращу**|р наш, с Луны корнь, как суть кожу (укр. **шкі**ру) свою, **ski**|**n** (англ.); **скин**уть ее — себя вызволить нам как Луну из песка, **ма**|**ски** ей.

Луна — Ма|кош|ь, Пе|**р**|**ун**|а жена, — кош|ель Бога святой, **Рун**а рун (руна, рез — очам вульва: Жена, Ко|**шел**|**ь**-**Щель**). Дом Антропный, Луна есть Отчизна землян, Вода капль сих как **пти**ц, **пси**хей голых. Вернуться в Луну звал **Ор**|**фей**, Глуби муж, нас **(*Ор***-

***Теос**: Бог с **Мат**|ерью: в Тьме Тьма как в о**мут**е (о**мот** — стар.) **С**|**ом**)* как в Себя **Сам**ое. **Крыл**á — руки наши: Глубь — Высь; «**к**|**рыл**» — Вглубь **рыл**; земля SUN'никова, птиц **Ма**|**я**|**к** (о ней — труд Об**руч**éва) — Луна, Солнце душ **(**бог чей есть **рыло** Глуби **Я**|**рил**|**о**: «**я рыл**» — Глубь стя|жал, идти в кою — **я**|**рить**|**ся**: **рыть** в **Я** как **С**еб**я**)*.

— Взгляд современных исследователей на Гиперборею и Атлантиду полон розни: одни отождествляют их между собой, другие резко различают. В чем истина?

— В Луне, Корне они есть одно. Но Луна, Тьма-Ноль, в брении — Двойкой дана, своей тенью, в разъятых очах расщепленная. Двойкой и есть пара «Гиперборея – Атлантида», где первая есть Верти|каль, Север, вторая — Гори'SON'таль: Восток, солнца дом. С тем, и судьба двух земель сих, одной отлетевшей наверх, другой канувшей рыбьи — одна: Высь и Глубь — Тьма едина, Луна-Мать. **Пернаты** как птицы — **пірнати**, нырять (укр.) как рыбы; перо — чешуя. Так эллинский Бо**рей**, **Акви**|**лон** римлян — ветер и северный был, и северо-восточный: **Лун**а, **Лон**о **Аквы**, Воды, коей есть Глубь Господняя. ***Отождествлять Гиперборею и Атлантиду без разделения и разделять без единения — равно ошибочно, ибо бытье их, мифичное в сути своей, отвечает закону единства различья, где Два и Одно не разъять***. Явь его есть Платоновы диалоги «Тимей» и «Критий»: мнят их ныне в розни двумя, где центральной идеею первого есть Мир (Вселенная) как Голова без иного, второго ж — земля Атлантида как канувший край; но в Двух зрящий Одно очьми *виденья* — зрит: речи эти, участники коих одни там и там (Тимей, Критий, Сократ, Гер**мокр**ат) — об одном молвь: ***о Лунной Земле, Мире как Атлантиде очей, утонувшей в них, когда закрылись для Бога они***. **Крит**ий — Крит, Луны дом, Атлантида-в-Элладе; **Т**|**имей** — **Т**ьму **имей**: с Луной будь как Главою своей.

— Век Златой — первый из сущих земных веков, «век довечный», согласно древним. Но до Атлантической эпохи, пишет Блаватская, на Земле были и иные. Не заблуждаетесь ли вы, отождествляя ее с Золотым Веком?

— Числить пред Атлантической эпохой иные есть то же самое, что зрить Луну действующей, т.е. ближайшей, причиной Земли, не зря в ней Причины целевой, что неверно: причинность — не Два, но Одно. Ведать до́лжно: эпоха Арийская — следствие, Земля без Неба, Атлантическая — причина ее: Небоземлие, Мир как Одно. Претворять эту пару в чреду, бесконечность дурну — сатанизм, бич Блаватской, как сказано. Древние утверждали: зрить до́лжно на шаг от себя, ибо Истина, Цель наша — в шаге всегда как Луна от Земли; шаг как суть — путь всяк, **саг**а и**дуще**го; жизнь, путь — шаг: к Истине иль от нее. ***Пара Истина-ложь — беспромежно-прямое единство, глава к голове (иль***

макушка к макушке: макушка — ма'caus'ка, Причины пункт): Мир узрить нам, лицом к нам стоящий вовеки — глаза отворить, в чем и есть ход к нему, шаг очьми. О том есть мудрый стих про старушку, дошедшую до исступления в поисках своих очков, а они-то, сердешные, были у нее на лбу. Так-то в каплях реки всех — исток сущ един: из него состоит река вся, как из Господа мы. ***Как Луна Земле, Бог нам Причина прямая, Огнь душ, искр Его, кои мы***. Чтя родителей бренных, да зрим: Бог — Огонь, сливший их: два — в одно. Только Он, Луна душ, есть ***Родитель ответственный***, с Коим, родясь и от связи случайной, под небом ***мы до́лжны как Он, Отец наш, Жизнь-Закон***.

— Ваша трактовка Вселенной как ядра в скорлупе, таящей его от глаз земного зрителя, многим покажется странной. Ведь столько говорено, что мы живем под открытым Космосом и что Вселенная — это мы сами.

— Утверждения эти верны для духовного сознания как альтруистически зрящих очей Сердца. Глаза человека мирского как очи пустого — бессердного, т.е. не зрящего Сердца как Сути своей — Ума отъяты от Мира корой эгоизма как гранью, которая есть воплощенное убеждение индивида, что именно он, а не кто-то иной, есть Господь и Мир разом, и одоление коей есть ***Миропознание как трансценденция, выход за грань***, отвечающий максиме Вед «Я есть То». Грань, о коей идет речь в моей концепции, где телесное и духовное приведены к единству, вполне осязаема и конкретна — это кора Луны.

— Ваша теория — это работа по Слову. Но что́ есть оно в своей конкретике?

— Луна, сущего Ось. Что́ есть в Мире конкретней Опоры его? нет ее — рухнул он! ***Луна, Сила-Ма|ть — Ть|ма, времен Шило, торящее мглу их. В веках не преходит оно***. В речи нашей то — корни, Луны серебро: нити книги моей, ***из Луны и Луною сплетенной***, ведь Дланью сей движим был я.

— Со Словом понятно. А как обстоит дело с Числом, без которого Платон и иные не мыслили мировой Гармонии?

— Луна есть то и то: Слово — Луна как Сердце, Число — Луна-Ум: пара-Суть как Причина-и-Следствие:

ЧИСЛОВО

Слово есть Сердце, Число же — Ум, соотносимые как метафизический Ноль и Единица, Тьма и Свет, единством которых, творимым, как Клеем, Всевышним, есть Мир, данный нам числом 10; и в паре сей Сердце царит как Причина, без коей Ум мертв. Посему-то, как сказано уж, **мате**'**мати**'ка, нива Числа, жива Словом как **Мате**рью Тьмой, в себе ж — умственна, Жизнь не неся, отчего ма**тема**тиков кличут в миру «сухарями».

Суха теория, мой друг,
А древо жизни вечно зеленеет

— сказал о том Гете (*Gö'ethe* = ***Go**-ether, **Ко**рова (санскр. go) как эфир: Мать, **Ог**нь **го**рний*), почтя над Числом — Сло́ва власть. Пифагор, муж Числа — был муж-Ум, не причтенный к **Сем**и по**сем**у: Мудрость, Семь — Сердце. Слово — у Бога и Бог. Сравнив это с речéнием Иисуса «Кто видел Меня, видел Отца», зрим легко мы тождественность Иисуса Слову: ***Христос есть Бог-Слово, а слово — Христос на устах, Вак**ху Греков тождествен: **Вак**, Речи-**Вок'ала** богиня **Ин'дий'**цам — Тьма-Мать, Вакха корнь как **Бокала**, **Вина*** (вспомним: чудо претворенья воды в вино, Христово — Вакх явил первым: Вино, кровь Христа — он). О Сыне как Слове указано прямо: «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как единородного от Отца» (Иоан. 1:15). Говоря так, я хорошо понимаю, что гн**ева**ю этим слуг «чистой» науки за то, что *пятнаю ее Богом*. Но повторяю: без «сора» сего, Оси Мира — науки и нас с нею нет, как без Сердца мертв Ум.

— Странный, однако, язык у вашего труда. Текучий, что ли.

— Странный в очах Ума, но законный и должный — в очах Сердца, *виденья*, коими зрю. **Т**ьма, **Т**кань-Слово, есть Песня — Вода, коя льется рекой; Словом суща, так льется и книга моя, ***Тьме согласна***. Песнь — С**тих**, Тьмою **тих**ий. Все древние книги о сущем (Гомера — меж оных), как ***песни для хора людского***, писались в стихах, ибо речи иной в корневой людям Древности не было. **Про**|**за** идет от поэзии, песни по сути (**поэт** — **поет**, льет), как **ко**|**мед**|ия от **траг**е**дии** — Вакха-и-Пана, Козла (**траг**ос — греч.), как **ко**-**Mad**-ия: к Сердцу, Mad — Ум, **ди**тя. Прозаик первый, с тем, — **Арис**тофан: Арес-Ум, враг Сократа как Сердца, насмешкой своею с иными приведший к цикуте его.

Своей речью текуч, труд о Слове мой — Сути согласен своей: Речь — Река.

— Претендуя на создание описательно-полной концепции Сущего, тем вы заявляете, что объяснили весь Мир. Что ж, другим не осталось работы?

— В познавательном смысле создание единой теории Мира как Поля всех сущих означает ***указание и вскрытие сосуда мировой Полноты, каким и есть Луна***. Его-то открыл я, достав гроздь разгадок волнующих тайн — таких, например, как всемирный Антропный ряд и устройство НЛО. Дальнейшей задачей Познания есть, в чистой сути, ***само оно: Глуби стяжанье как Мира в Луне***. В Мир приход — Ан|тре|**приз**|а нам (англ. enter|**prize**: enter — вход, prize — приз): дело **рис**ковое, **п**|**риз** чей — Мир, **Риз**а Творца, **Три** Вну**три**. Дело это — суть **мис**|**сия** в **Мис**|**с**: Деву-Мать, коей есть **Лун**ы (**Міс**яця — укр.) **Лон**о, Мир. Рис|к — ход к Миру к|ин|жаль|ный, в Глубь **рез**; рис|**ковать** — Мир **ковать** как Себя самое нам, за смелость **Мед**|**аль**, как **приз**нанье в любви, коя он. ***Стяжать Глубь — есть свершать ход в нее: к Сердцу Мира, Творцу как Я Сущего***. **Обрести** Его — обрести нам Себя: бренье с Вечности снять как с глаз пыль — Ум **обрезать** как Господа, Сердца чехол, к|рай|ню плоть. Путем сим иду я, и открытий на нем хватит всем.

— Какие «веские аргументы» против возможности создания теории Всего Сущего имел, на ваш взгляд, Эйнштейн, поминающий их в своем изречении?

— Ответить на этот вопрос смог бы только Эйнштейн, но, мне кажется, я догадываюсь, о чем думал он говоря эти слова. Дело безупречной теории — указание пути к Истине и врат к ней. Но пройти этим путем и отворить эти врата не может никто кроме самого человека. Никто не положит нам Истину в рот — мы должны обрести ее ***личным трудом одоления, подвигом: завоеваньем как актом Любви***, от имени бога которой Эрота исходит «герой» — созидатель, свершающий ***подвиг как жизнь свою***. Думаю, что Эйнштейн, в мирской жизни своей дитя общества потребления, и разумел эту половинчатость истинной теории в его глазах, то интуитивно бесспорное обстоятельство, что она, придя в мир, не окажется очищенным от кожуры и протертым на терке плодом для съеденья, но явится ***зовом к открытому ею Пути***, идти которым стоит, ведь нет цели выше, чем Истина, а цель стези сей и есть она. Карте пути грош цена без похода им, ради коего и создана́ она подвигом первопроходцев — изведавших Путь. Знание пути не означает его беспроблемности и уж тем паче отсутствия нужды идти. Путь к цели всегда пролегает чрез тернии, ибо ***они и есть путь человека как вызов Достичь***, а не кануть, утратив себя. Вот простейшая дефиниция личности: ***личность есть тот, кто идет и достигает***. «Личность есть боль», — говорит о том Николай Бердяев: достигать — есть расти над собой, человеком, к Себе, Богу, в движении порывая свои оболочки: ***идя через боль как себя самое***. Теория как карта с указанной на ней целью и оптимальным маршрутом похода (марш — Марс: Арес, бог розни, тернии) и человек как поход — вот две половинки, единство которых есть чистая Безупречность, а рознь их — ничто, пустота.

— Ход к Богу нас, бренных, угоден Ему. Не Он сам ли влечет нас к Луне, где Он скрыт?

— Цель идущим — звезда путе**водная**: длань, что ведет. Таков Бог. Мир в Луне, **Ра**й Его — т|**рае**|к|**тор**|ия главная наша и **ра**|**курс**: **тор**енье Воглубь. Руку Бога, тро**пой** сей ве**дущу**ю, зрим мы в фамилии Армстронг; Нил, Ne|il (англ.), имя его — суть «не Ум» («ил» — слог-ум: «ил|и» — Ум, Рознь), но Сердце само. А|**пол**|**лон**, корабля землян имя — Латоны, Луны сын, и брат Артемиды, Луны же: Ум — Сердца, **пол**-**Лон**а сего. «Сат|урн», носитель, выведший челн землян на стезю лунную — суть «урн|а Sat»: сосуд Истины, Бога, — Луна. Божья помощь в стяжаньи Луны — **Ме́р**лин, маг и кол|дун **(***чак*|*дун (укр.) — стезей* ***лун****ной идущий: «чак» — шаг, ход***)**, влюбленных роднящий мостом Любви: мост сей, реальный — стезя меж Землей и Луной, ведь Любовь — Луны Глубь, Мир и Бог, Ось; а **му**зой **кон**я Лунной Миссии, **Кен**неди Д**жона** была **Мерилин**: **Мер**|**лин** в юбке, по сути — сама Мать, Луна, Глубь как **Мер**а-**Жена (**и Mon'roe, фамилия Мерилин — «**рое**|**т в Мон**аду», Луну**)**. Слугой Сердца сего был законно Кен-**не́**-**ди**: не Ум, Двойка — Сердце, Одно.

— Как войти нам в Луну?

— Войдет лишь тот, кто gott'ов войти. Это — древняя истина, но прежде чем воплотить ее в жизнь, давайте правильно сойдем **на** лунную поверхность. Неверное решение этой задачи, основанное на презумпции ничейности этой площади, в свое время привело американскую Лунную Миссию к чреватому гибельным риском изгнанию с Луны, каждый участок которой есть собственность Мирового Антропного Народа. Но и для нас, землян, граждан того же Народа (Исток наш — Луна, т.е. *Мир, сущий в ней*), Богом да|ден|о место на тверди ее, и оно ожидает нас!

— Где же именно оно находится?

— Узнайте об этом и многом другом из книги «Планета Любовь». Прочтите ее, друзья — она написана для вас! В небесах Огнь и в сердце (его грезил Кант), Луна — Цель наша, ведать ее — себя знать. Рек поэт:

Любовь к Луне, похожая на вызов,
Любовь к Луне, похожая на зов,
Вдруг ожила, тоской меня прони́зав
Погасших свеч, печальных образов.

Любви к Луне, мистической и странной,
В душе живущей с самых ранних лет,
Загадочны истоки и туманны,
Как прошлой жизни отражённый свет.

Но в этом свете, призрачном и зыбком,
Последний с тайны я сорву покров,
И сердцем опознаю без ошибки
Я лунный знак неведомых миров.

(Юлия Мицар)

Завершить свой рассказ о теории Поля хочу словом: нового — ничего мной не создано. Ибо, как сказано Экклезиастом, все новое есть позабытое, бывшее прежде в веках. И над всем им старейшее, наизабытое нам — есть Луна, Корень наш, Мо|**мен**|т Истины. Ведал ее Древний мир, **Мен**ой звав: Солнцем Века Златого, **Мин**увшего нам, Звездой сей Star'ины. Она есть **Мен**|тор наш и **мен**тальности Суть: полнота человека, англ. **man**, как Дух, **men**s (лат.) — Рука, **man**us, Бога и Мысль, **ман**ас: Богу помыслить — свершить. На нее, Огнь, **мен**яемо все, Гераклúт рек; к ней, Сердцу в груди нашей, звал нас Сократ, **Сократ**итель пути: путь в Себя, за Оракулом данный им нам — наикраткий. Сократ, стер**жень** всей философии мира (делимой, как ось числ нолем, им), есть ***Сердце, Луна в плоти нашей: Жена, че'LOVE'чности (жень — кит.) Основа***. Платон, ученик его верный, как шаг от него, есть Ум Сердца, единый с ним: от сути шаг — с ней единство. Как шаг за Платоном второй, Аристотель — Умá Ум, отход от Луны в бесконечность дурную: второй шаг — от Сути отрыв в нуль. Наукой Платона был Мир, Аристотеля же — полумирье: мир сей без Того, труп безглавый; П**латон**, муж **Ла**то**ны**-**Лу**'**ны**, ведал Истину-Мать, **Арис**тотель — ее ***допускал*** как меж многим одно, мораль сведший в статистику, Бога — в дыру от Него. Таков муж этот: **Арес**, **М**'**арс** злой. Синтез Сердца с Умом, Веру-Знанье как Полность низвел он в кусок: знанье — вере взамен. То явил **Ра**фаэль на картине «Афинская школа»: Платон, зримый здесь, держит в длани «Тимей», труд свой, где Мир, им писанный как Голова без иного — Луна, Голова нам; в руках Аристотеля — «Этика», наука тьмы, коей он, скрыв учителя, Бога попрал, разъяв Благо в тьму благ, Вечность — в бренье, Жизнь — в смерть. Этикой этой в сущности и была мораль эпохи Возрожденья как псевдовозврат Star'ины: восход плоти без Духа, ***рожденье в смерть. В смерть от руки Стагирита родúлись так мы***.

Благородный Коперник, с Луной, Глубию, спутав Солнце как внешний огонь, в очах Сердца ошибкой сей свят, ведь ***боролся с пустою Землей***, Птолемеевым центром-дырой как ***Землей, полной Розни*** (*по воле Творца, ложь сего явил труд Птолемея названьем своим Аль-**Ма**-**Гест**: Бог-**Ма**ть-**Гест**ия: Глубь и облатка, в Земле-очаге Огнь*). Поистине, ею-то в сути своей был сам дом Птолемея, Александрия Египтская — город, основанный Александром как ***должный сосуд духу его учителя***, коим был полн Александр как рубящим мечом. Если мудрость афинских мужей была в сути Единством — наука

александрийцев с сеченьями их как ***дух школы второй*** была Рознью; от Александрии — **Ев**клид, геометрии плоских очей слепой муж. И ему, и Копернику с тьмой иных очи закрывшим был Розни посол Стагирит.

Ум, над Сердцем восставший, был сень Ренессанса он; Новое время с своей г**иль**отиною — он, во плоти «или». Страшная роль могильщика Истины, сыгранная Аристотелем в полном незнаньи творимого, сделала свое дело: сменив Сердце на Ум, как сменил он Платона собой, ***утеряли себя как Луну мы***. С тем, тайна ее, как Причины, важна нам как тайна Себя Самих: тайна Ут**ра**ты, познать кою, ***вспомнив как Глубь***, — до́лжно нам, коль знать жаждем, кем есть и откуда идем.

Утерять-обрести — пара-Суть: змей, кусающий хвост свой, стяжая Одно изо Двух как из Солнца глаз бренных — Луну, Корнь. В истории нашей цикл этот таков:

Утрата и обретение Луны

Этапность Стези человечества, замкнутой в цикл Луной, Целью ее

Субъект познания	Взор и дело его
Антроп Золотого Века	Имел солнцем глаз своих Мир как Луну.
Дельфийский оракул	Звал познать нас себя самое как Я-Сердце, Луну под землей бренных глаз, коей лик был Пи|ф|он. Аполлон, победивший его, есть Луны заточитель как Сердца в темницу Ума, кем есть бо́г сей.
Пифагор	Преемствуя пифии, центром Земли и Вселенной зрил Огнь как Луну под землей бренных глаз, сущу в ней как сосуде, горшке (пифос — греч.).
Сократ	Глубь, Луну, за оракулом чтил как Я наше, служа верно ей как Незнайка ее.
Платон	Внимал Сократу как Лунным Очам, зрил какими он Мир. Утерял их в конце, в чем трагедия жизни его.
Аристотель	Утратил Луну как Платона в очах, очи Сердца — Умом затворив для себя и для нас.

Клавдий Птолемей	Зря очами Ума как безлунной Земли, центром Мира зрил Землю пустую: облатку без Сути, сосуд без Огня.
Николай Коперник	Сознавая, что центром системы окольных Земле планет должен быть Огнь, возвратил его ей как огонь, Земле внешний: не Нумен — феномен, не Сердце, но Ум.
Олег Ермаков	Луну, сущего Сердце, на место вернул: в небо наших очей.

Пафос книги моей есть Луны обретенье. О нем нам глаголет последнее пророчество Дельфийского оракула, данное после того, как последний император единой Римской империи Феодосий I Великий, решив, что *Phoebus Est Mortuus* (*Феб умер* — лат.), повелел закрыть ка|пища Древних. Пророчество это гласило: «***Однажды Аполлон вернется, и на сей раз навсегда***». Чтобы понять горний смысл его, до́лжно, во-первых, познать нам реальность Феба. Печаль дела в том, что сегодня и те, кто им занят научно, не верят в него, мня его *только мифом*. Миф им есть людская фантазия — прихоть, пустышка, — тогда как поистине он ***исток наш***. Не мы, бренны, придумали Миф, но он — нас; нереальным его мня, ничем мним себя. Миф есть Целое, неусомнимое в частях; сомнение — частей немудрых удел. Части Мифа — и боги, и мы: боги — зрячие, зная мифичность свою; Мифу рознь очева, мы — слепцы. Аполлон, Феб, есть Миф; верить в Феба нам — верить в себя.

Второе, что следует знать нам, есть лунность оракула Дельф: Феба глас, он — Луна сама, коей завет «ничего сверх меры» по сущности есть «ничего сверх Луны»: Мера сущих — она, Ось всего. **Дел|ьф**ы — **Дельт**а, очей Треугольник: в Луне Мир, Три, **Дел**о Господнее; ***Феб, дух оракула Дельф — лунный бог. Ведь Луна есть семья его: Мать и Сестра, коих он не покинет вовек, не предаст как Ум Суть свою, Сердце***. С тем, слово оракула до́лжно читать нам единственно: ***Феб возвратится, поскольку сольются в единство Земля и Луна в очах наших, когда мы прозреем, — ведь в зрячих очах они вечно одно***. Той порой оживет Феб, Стезя; с ним — Пан, Мир в очах наших. Прозрение их влеку я книгой сей.

Чтобы познать Истину, рек Пифагор, не нужно ходить далеко — довольно взглянуть окрест, на шаг от себя. Две вещи волею Божьей издре́вле у нас пред глазами — Библия с жаром ее мудрых строк и Луна с ее волнующим влюбленные

сердца сиянием. Слово есть обе. «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоан. 1:5) — это о Слове, горящем Луной нам. Узрим же сей Свет! Шаг умом на Луну мир свершил, встретясь с Тайной; зря сердцем, в Луну он шагнет, обретя Дом родной.

Текст труда

В работе даются основы единой теории Поля — Вселенной, иль Мира, — создать кою жаждал ушедший XX век. Тщетность трудов сих как внешнего взгляда на Мир, Глубь (смотренья пустым — в Полность, рознью — в Единое), одолена была автором, взглянувшим в него очами самой Глуби, в сути *мифичными*, плод чей — сей труд. Дом Ума, коим зрим ложно Мир (очи бренны — суть Ум), явлен здесь Домом Сердца, каким он и есть.

Мир, как есть он, явить — зрить, что он, Хор миров и Дом наш, есть Плод Божий и Поле, каким идем мы как Путем к Богу, Цели своей: ведь Причина есть Цель; что, идущие, мы меньше Мира как брение — Вечности, Целого — часть, и очам нашим дольним Высь — Тьма: Бог и Сила Его. Мир — и поле Творца, и Он сам как Зиждитель: арена без Силы — ничто, а с ней — всё. Мир без Бога, Родителя — нуль: Ум без Сердца, дыра от него; песнь о Мире, тео|рья без Тео|са — б'red: алый Зла́ зев, ra|id, захват Сердца Умом-пустотой.

В двойке главных научных трудов, зрящих Мир, нет сих истин. Ньютóн дал его ширмой Бога, диадою «время-пространство» как два эти врозь (в чем науки new tón был: Причина под спудом[1]), Эйнштейн — слитьем их в моно|лит (нем. ein stein[2]), камень тьмы (ведь пространство и время смешать, огнь со тьмой — в мед влить дёгть[3]) как подмену Его[4]. Двойкой первый означил Единство как именем суть, второй — скрыл, от имен отрешив; не явил же — никто из двоих (Мир без Господа — ре|лят|ивизм, Зло: ток ла|т|ок пустых как смыванье себя, Сути гроб как Кратила[5] река-нуль, куда не войти, ибо нет без Истока ее, с ней — и нас). Не начав Богом труд, оба вывели нуль из нуля (ведь что сеем, то жнем): первый — ибо жил в Англии в век революции первой, в свободе от Бога (какой есть «свободная совесть», закон бойни этой) срубившей главу королю: в сути — Богу, Царю царств, — и Бог той порой был безглав[6]; а второй — ибо в веке 2|0-м Бог был людям нуль в д|вой|ке бренных очей, пустота слепоты[7]. Зная это, не следствием, тьмой, а Причиной, Огнем начал я, *Бога Миру вернув: Сердце, Жизнь — Телу, Ось — Колесу*; тем — и труд сей свершил как Огня сего дар, Миру должный *труд третий*: ведь Мир, Камнь Огня, Бога Камнь (Herma|kou — египт.[8]) — Три.

Опора на бренное, феноменальное зренье в попытках явить Мир в картине — дала крах их. Масло с водой не смесимо: Мир, Ноумен вечный, в очах тленных мертв как они. Мир — не Мир в сих двоящих, ведь ясно: портрет точный Мира один — Мир. Его искал я[9]. С тем, труд мой — Мир как Ноумен, явленный, противу внешней науки феноменов[10], жомом корней языка, как из ягод — вино. Я|зык, речь — сосуд Смысла; Смысл — Ве́денье, Дух: Тайна в нас, Вино-Глубь. Выжать — выдавить Тайну наружу; от|к|рыть — есть от|рыть, Глубь явить[11]; Глубь же — Высь: корни — горни; Глубь вы|жать из речи — С|еб|я нам познать: Бога-Тьму, Суть нагую, Я я'God'ы сей, к жат|ве Плод. Язык Тьмы, Глуби глас, от Луны сшедший — Русов молвь: его-то жал я как корнь корней сущих. От Глуби — прозренья сей книги: Луны, тор'ки Мира; моста ее связи с Землей; мирового Антро́пного ряда, часть чья мы; машины Гостей, сутей лу|нных Лю|б|ви, — НЛО, Крылья чьи есть Г|лу|б|ь, Тьма. В Глубь мост, труд мой — з|вено между Этим и Тем, Мир целяще в очах бренных, битых, сплочением их: Двух — в Одно.

---

[1] За Дек|арт|ом **(***Car|tes|ius (лат.): кара Téос|а умным. Мир — статуя Господа, Камнь боговидный; Бог — Мира Тес|альщик***)**, отъявшим от тела ее как бессмертную душу, но скрыть — не успевшим еще.

[2] Слово s|t|ei|n, s-tei-e|in, по сути — «со-Божный Единый, чр|ева|тый Им»: Мир, Богу парный как образ Его — за Едино-Единым Едино-Двойной, Тьма-и-Свет.

[3] Учат Веды: пространство есть радость, мёд душ, время ж — горечь и скорбь. Мед, пространство есть Сердце, Сверх-Умье (безумье, mad (англ.)), время — Ум: в себе — Бога лишенье, de-Got|t (Gott — Бог (нем.)). Так в глаголицу-Мать внес Кирилл де|гот|ь греческих букв: в Сердце — Ум как дух О-**т**-ч|ий, разъявший в оч|ах его как **т**ьма Тьму горню, очаг — огнь, для коего сущ он.

[4] Мир — Камнь (ш|тайн) с Богом, Тайн|ой как Глубью своей; камнь Эйнштейна — безглубье, пустышка. Забор, коим скрыл Ньютон Бога, дыряв: Бога чтящий — зрит в дыры Его, веры полон; Эйнштейнов же — глух как посмертная маска на сгасший в очах бренных Мир (с тем — и слепок с живого лица: мёртвы очи незрячи, Мир — жив!). Про рознь их С. Вавилов писал: «По существу нельзя даже сравнивать закон Ньютона и закон Эйнштейна [живое и мертвое — *Авт.*]. В выражение Ньютона входят абсолютные массы и расстояния, которые в теории Эйнштейна не имеют смысла. С другой стороны, учение Эйнштейна *обходит самое понятие силы*, оно оперирует, можно сказать, «другим словарем» и ничего не говорит о силах взаимодействия двух тел». В ОТО, пишет согласно словарь, «постулируется, что гравитационные эффекты обусловлены не силовым взаимодействием тел и полей, находящихся в пространстве-времени, а деформацией самого пространства-времени, которая связана, в частности, с присутствием массы-энергии. Таким образом, *в ОТО, как и в других метрических теориях, гравитация не является силовым взаимодействием*» (курсив везде наш). По-ньютоновски Сила — То в яви своей: *в действьи Бог*, что не назван открыто; Эйнштейну она, с бреньем в тождестве, — форма без Сути как *действье без Бога*, абсурд. С тем, чтя Бога безмолвьем **(**как сущего Клей: дальнодействие — Он, Мир торящий как *Сила по|в|сюд|у*: в Суд|е Милость, Сердце в Уме, Суть в не-Сути**)**, Ньютон сто́ит слов на могиле его: «Прилежный, мудрый и верный истолкователь природы, древности и Св. Писания, он утверждал своей философией величие Всемогущего Бога»; не чтя Его словом звучащим как То — Сим, Ньютон — еретик, ересь чья — арианство: творенье как подобосущное Богу: не-Бог как не-Нумен, не-Глубь, — тогда как Бог с твореньем Его, Миром, Глубь есть одна: сердца нашего Суть.

Бог Ньютону есть «сила». Сим словом Творца подменивши как *Сильного*, Корнь, — помог он Сатане, в век чей жил, и прислуге его. Там, где мнят силу Господом, право Добра и Любви под пятой права сильного — Дьявола: брения столп — он. «Не в силе Бог — в правде», — сказал Александр Невский наш; Прав|да ж — Правое, Мир с Богом, Да, в нем как Осью сего Колеса (см. прим. 10 с иным). Бог — Добро, без иного Одно; сила — Два, Благо-Зло; чтить без Бога ее — Зло без Блага любить, без Единого Два.

Ложь — ла|в|ина: родил — не удержишь. Ньютон Бога «силой» назвал, Эйнштейн — смёл и ее, взяв от Бога дыру как ничто от Всего, смерть от Жизни как атомну бомбу: дефект массы, огнь, рвущий мир как исторгнута Глубь, Сатана **(**Глубь-Внутри, Бог, — в утрате Его: исторгать — Глубь терять**)**, в уравнении главном своем. «Сил» — «сел» — Щел|ь, Тьма-Сел|ена: кто жаждет — узрит Бога в ней, в тени Огнь как Причину ее. Свет как Явь, тяготенье как Тайна, зрил кои Эйнштейн в розни — Мира, Тьмы-Света, куски: Щель, убившая взор, расколов очи нам. Ньютон — очи и Щель, дабы зрить им; Эйнштейн — мёртвы очи: дыра вместо глаз. Обогнавший век свой, муж сей — знамя его: бренья дно, куда он кажет путь.

[5] К|ра|тил — суть «к Ра тыл»: к Богу Дьявол как реш|ка к Орлу, к Сердцу Ум, с|тыл|ый Бог, как Огня тень, ничто как о|ста|ток (укр. реш|та) Всего, Тьмы-Воды ре|ш|ет|о, Сет при Горе, сет|ь-Зло. Гераклит, как река, лился к Богу — и, с тем, сам был Сердце; Кратил — от Него тек: от Сердца — к Уму, с тем — сам был Ум, без Корня пустой. Сердце, Бог — Т|вер|дь (*твер|ди|ть — ум повтором торить: Сердца труд*); Ум, Диавол — б|реш|ь, дырка, без Моря пуст брег, ложь (брех|ня — укр.); кто лжет (бреш|ет — укр.) — Умом злым в ущерб Сердцу пленен.

[6] Бог безглавый есть следствие в розни с Причиной, феномен без Нумена, Сути своей. Посему, о Причине в «Началах» молча́, рек Ньютон **тя|Got|t|ень|е как факт, тень Причины, не нужной в век следствия: дьявола, рекшего Богом себя**. О ньютоновом тяготении Энгельс писал посему: «Лучшее, что можно сказать о нем, это, что оно не объясняет, а представляет наглядно [*являет как факт, иль фено́мен: соитье пустое с пустыми очьми — fuck'm, Зло как пол-Любви, sex (шесть — лат.) как дыра от нее, полу-Очи. «Про|фук|ать», спустить ни за грош — «прое...ать» — Авт.*] современное состояние движения планет». «При своем появлении теория тяготения беспокоила почти всех естествоиспытателей, так как она основывалась на необычных и непонятных представлениях. Стремились свести тяготение к давлениям или ударам. Теперь тяготение никого не беспокоит, оно стало *привычной непонятной вещью* [*сеп|уль|кой, по Лему, — Тьмой-Сил|ою, Жизнью-Сем|ью (sep|tem — семь (лат.)) как Тайной у всех на виду, что живя — Жизнь не знают*]», — писал Эр|нст Мах в 1871 году (курсив наш). Знаньем сим был Причине обязан он, Тьме: сущих **М|а|х|i|mu**|m-Axi|s (ось — греч.) — есть Она. Др.-рус. Мах — имя

личное: Тьма, Сила-Высь; Мах в А|в|е|ст|е — Луна, Сердце наше: Причина — оно; ср. санскр. ma|h / ma|ha / ma|h|a|nt — большой; сильный; обширный; длинный; обильный; высокий; величественный; громкий; важный; благородный. Причина, Тьма — Истина, Мах|а нага|я, Змея, На́га (санскр.), Мир объявша кольцом, крыл Маха|ние — горний Полет как подъем над собой, маг|а Суть (Г = Х).

[7] Двадцать, **Х**|Х, число сего века, есть к Миру, Дес|ятке **(***ведь Мир — 1|0: Свет-Тьма, Ум-Сердце; «дес» — «ди-с», двуразрядность: Причина со Следствием, Кам|нь-Огнь, повернутый Следствием к бренным — Умом, бренья сутью***)** примысленный Мир, при|з|ра|к: к Истине — ложь как к огню тень его, к Раю — ад, h|a|**d**|**es** (лат.) как излишнее Сути, прибавка пуста: лат. ad — к, для, до, р|**а**|**д**|и: Е|**ди**|ного — Ди, Два (прим. 9 и проч.).

[8] Эпиклеса (эпитет) Амона-Ра, Солнца очей: Мира с Богом, в нем скрытым; читаема также и как «Солнце Духа». Н (Х, Хер — в кириллице) — буква Причины пустая (как Ноль, не-Число, сущий тайно по воле своей в сумме числ: Пустота, им начальна), не слышная в слове без тени своей, буквы К. Так в сем мире очами пустыми зрим Бога мы чрез Сатану — тень Его, пустоты этой суть половинную: К — полу-Х, Бог разъятый, каков сей дух Зла **(***х — и|**к**с (лат.): «х» = «кс»; дис**к**ос (Агнца сосуд) — δίσχος (греч.)***)**. Х есть Хаос, К — Космос, плод Хаоса: следствие есть пол-причины его. Так Де**х**аду, Десятку Эллинов — Де**к**адой зовем мы, де|**кх**|ане ее, коя, Мир, Аул наш; **Х**рест с|лав|ян|ский (Христа как *Хреста* врата в Небо) — **К**рестом. О Х, лике Причины, читаем у Иустина Философа, разъясняющего вопрос о том, откуда язычникам еще до Рождества Христова стали известны крестообразные символы: «То, что у Платона в «Тимее» говорится (...) о Сыне Божием (...), что Бог поместил Его во вселенной наподобие буквы Х, он также заимствовал у Моисея. Ибо в Моисеевых писаниях рассказано, что (...) Моисей по вдохновению и действию Божию взял медь и сделал образ креста (...) и сказал народу: если вы посмотрите на этот образ и уверуете, вы спасетесь чрез него (Числ. 21:8, Иоан. 3:14). (...) Платон прочитал это и, не зная точно и не сообразивши, что то был образ (вертикального) креста, а видя только фигуру буквы Х, сказал, что сила, ближайшая к первому Богу, [Тьма-Мать — *Авт.*] была во вселенной наподобие буквы Х» (Апология 1, § 60)». Медь — металл Ма|d, Причины-Жены, Тьмы-Ма|d|ам; Мо|ис|ей, муж Ее, взявший медь для креста — суть Мо-I|s|а: Ма|ть-Бог, горня Тьма; Х, Крест — буква ее. Х — Единство, Христос; К — Вражда, Рознь: **К**ирилл-**К**онстантин, Сердце в Ум ум|аливший, **Х**риста-Мать — в Отца; **Х**ор, Мир — в **к**ор|ку как очи пустые на *ви́деньи* сем. Х есть Сердце, К — Ум, в Сердце лаз умным и k|ey, к|лю|ч (англ.); слитность их как Закон мировой — буква Ж, сущих Жизнь как посев Одного: Х + К = Ж — Сердце-Ум, Полтора.

[9] Мир как портрет сам себя есть Мысль Божия, Сердце **(***помыслить Творцу — есть с|вер|шить: Мир — Плод Божий как Мысль-Красота, где, Платон рек, сущ всяк до рождения: То-Всё, частей По|лно|сть-Лоно. Отход от Сего, Ума-брения, «дис»-«дез» — В|сего есть стяжание, кое Мир-Дес|ять как Бога De|s|ig|n, Си|г|н|ал го́рний***)**; портрет как иное ему есть при|мысленный к Миру не-Мир: к Сердцу — Ум как фено́мен, от Нумена тень, пред Единым сим Двоица-Рознь, пред Тьмой тьма как пред Глубью не-Глубь, ей вторична, в М|а|d — ад, в Полноте пустота как ка|м|ор|ка в Дому́. Ум, феномен, есть Сути облатка, очей пред|мет внешний, с тем — ложный, недолжный им как сих очей пустота и с предметом их рознь; Ну|мен (Ноумен), Глубь как очей Предмет должный — Суть голая, Ню, Полность полных (глубоких) очей. Плод их, книга моя есть не книга о Мире (по|д|о|б|ье, не-Мир), но **Мир сам**, кем напитаны строки ее. Мир, умо́в Цель (ведь Сердце — Цель их, знают то или нет) как Глубь-Суть, есть Корова Ну|т, Лоно (Сосуд) Бога, Ра. С Ра единый, труд мой есть Нут|Ра сего глас, **Мир как книга жива**.

Образ в Суть претворить, пор|тре|т Мира в Мир, Бога Портрет, Тройку-Огнь **(**«пор» — Огнь, Пир: у|пир|аться — у|пор|ствовать, Огнь-Т|вер|дь являть**)** — *видеть* нам. *Ви́деньe* есть победа очей над смотрением как слепотой их. Смотренье есть взор бренный, праздные очи: Ума ход в себе, перемен не творящий (так судит людей сплетник). ***Виденье* есть взор-у|част|ие, творчество Сердца: Мир *видеть* — быть им, *Жить вполне*: ведь Мир — Жизнь; со|зерца|ть, *видеть* — есть со|сердца|ть, Сердцем быть, кое он (**не|п|**ри**|**ч**|астность есть зна|ние как отраженье, сан|скр. сан|джня: Ум-зерка|ло в розни с Огнем, Сердцем-Sun, «не п|ри Ri|ch» — Тьме, Бог|атстве очей**)**. Смотрит — Ум, *видит* — Сердце; Уму *видеть* — Сердцу служить, взявши очи его. Ум есть плоть, душа — Сердце. Смотреть — плотью зрить как **душой втайне**, скрытой облаткой сей; *видеть* — душой зрить нагой, **Миром Мир**: ведь душа, мо|т|ор наш, dusa-дюза, — суть Мир, в телах многий как сами они (плоти всякой — душа придана: тени — огнь) и единый как Корнь его, Бог. Число *виденья* 12 — Дю|жин|а: дюж|ий — душ|ой, Миром зрящий-творящий (зрить — де́ять): Ядром — без помех; душка — дужка: Дуга Бога — Мир, Лук Его, сущих Луг как т|р|а|вы мировой (Г = К), Тр|и Божьи, душ многих единая Суть; из окружности сложены дуги как Мир из Творца своего. Созерцанье-участье как Действие, Сердце, — Одно, Дух; в сем мире Ума, где Дух скрыт, — они Два. «Есть два рода жизни: созерцательная и деятельная. Главное в созерцательной жизни — знать истину, а в деятельной — делать то, что велит разум. Жизнь созерцательная хороша сама по себе, а деятельная — поскольку необходима» («Ал|к|ин|ой», учебник платоновской философии).

10 Путем, диким для сей *развито́й* — утерявшей Исток, так из рук убегает, развившись, клубок: дике (греч.) — с|п|ра|в|е|д|ли|в|ость. К|луб|ок Бога — Мир, Путь к Нему, в очах с|пу|т|ан|ный бренных, кора (луб) Его, сущих всех К|луб. «Дик» — «дек» — «дека» — Дес|ять, Дек|ада: Мир, У|л|ей-А|ул, чьи дек|хан|е мы **(***Ди|к|а|н|ька — он: Тьма и Свет как одно, где черт ладит с Вак|ул|ою, ведь|ма — с попом***)**, справ|а от Бога сущ, Дело (справа — укр.) Правое, Плод; кто творит — деет слева **(***Левша, **с**|а|**us**'нец — в пло́ти Бог***)**. Дес|яти муж — Ди|с|ней: Мир, Тьма — Божий Ри'sun'ок **(***суть Ав|то|п|ор|т|ре|т, в коем с|вед|ущи вид|ящи, ris|h'и: Богатство очей, Ric|h***)**, что он повторял как умел, с Ней един. А|ул – А|УМ (Л = М), ОМ, зов к Богу: Мир, Ум при сем Сердце; зовя, жив Им он, Корнем чтимый за верность Ему.

11 Посему Глуби, Истины ключник есть Вакх: Глубь, Ино|е — В|ино, чей он бог. Мудр глас: истина сущих — в Вине! С|пі|кувати|ся, общаться (укр.) — лучше пивши вино: Глубь, Одно — единит **(***ч|ар|ка — арка, промеж людьми м|о|с|т, как мост в Бога — Мир, Тьма. Sa|**l**|**oon**, мес|то бесед — Луны дом: Вакх — она; sal — Sel|ena, Бог|атство-С|в|ин|ь|я, Сало-Solo***)**; и те, кто не пили — во Глуби родня: Вакх, незрим, — промеж них. Тайну ведать — быть с Вакхом в ладу, зря трагедию жизни мирской **(***коей бог — он, Ко|з|ел, Т|ра|гос (греч.), ко **С**ел|ене тр|о|п|а, **С**ын сей **С**ер|ны***)**: конец дней земных как кош|ма|р **(***Cous'мар|ь — Тьмы, Причины ту|ман***)** — пасть ничто. Quo vadis? (лат.), «ка|**м**|о грядеши?» — ответ на вопрос сей один: из Причины — в Причину, в Вин|о, Фин|ал наш — из Вина, коим есть Любви-Кам|ы Дом, Мир, Кам|нь Творца.

Вин|о — Глубь: Бог и Мир, Знан|ье-Сердце, И|знан|ка Ума, Да как Нет бренным нам, Отрицанье всего как Вершины всего Утвержденье, над многим Одно, чистый апофатизм. Бог, God-Да — код да Вин|чи: Вино Духа, Ци, кое дан|ник Зла Дэн подменил на сосуд, Вином мнящий себя: смертью — Жизнь, Умом — Сердце, без коего Ум есть ничто.

О Вине, Тьме, где Небо с Землею одно, у Ра|с|п|э **(***Пэ рас|к|рытый: Ум — в Сердце как Суть, Па|тер в Мать, что с|п|ит в нас, с Ра едина: ведь спящи в Ней — мы***)** сообщает Moon'хга|у|з|ен: «Вино|г|ра|д на Луне ничем не отличается от нашего». «Для меня, — прибавляет он, — нет никакого сомнения, что град, который падает порою на землю, есть этот самый лунный виноград, сорванный бурей на лунных полях. // Если вы хотите попробовать лунного вина, соберите несколько градин и дайте им хорошенько растаять». Луна с Небом — одно; Нэбо, мудрости бог сокровенной в Хал|дее — Луны бог: Вино в Мех|е-Мах, М|у|д|р|ост|ь — Глубь.

Мыслительный стержень труда

Измеряй Луну не глазом, но рассудком,
который при открытии истины гораздо вернее глаз.

Св. Василий Великий

1. **Все истинно Сущее — Пара Бог-Мир как Творец и творение. Све́рх Ее нет ничего; все, что есть — в Ней. Бог е́сть безначальный Единый — единый Собою; Мир есть изначальный Единый — единый Творцом, Клеем Мира как Света-и-Тьмы, Т|рех: Рек|и, Им ци|клич|ной. Из Света и Тьмы свит|ый Им, Мир, Світ (укр.) — Бога Свит|а; Им свя|т он. Мир, Тр|и, Богом жив, без Него ж — т|р|уп как форма (санскр. ру|п|а) без Сути сво|ей[1]. Бог — Шар-Тьма, Голова без иного (в ином — голове нет нужды: тело всё суть она, его корнь); Мир, под|о|б|ь|е Его — очам Божий Пор|тре|т, ушам Слово о Нем — Голова же; едины ка|сан|ьем они как Любовью Любовь (рис. 1). Мира полн, так слит с Богом антро́п: голова к Главе сей, — но коль пуст он очами, не *видит* того[2]. Очьми полный — зрит то, став как Мир, Ди|т|Я Бога: «как дети» — сказал о таких Иисус, уча *ви́денью* нас.**
2. **Есть два рода очей: очи, зрящие Мир как он есть, Бога Кам|нь, цельный Им, — и не зрящие. Первые — *видящи* очи, вторые — смотрящие:**

зрящие корку — не Суть. Любовь, Кам|а (санскр.) — *видящи* очи, смотрящи — В|ра|ж|да, пол-Любви, пустота от нее. Очи цельны, Любовь, есть Двенадцать, взор-Камнь; половинны, Вражда — Шесть, Sex (лат.), без Любви любовь, сек|с как второе (англ. sec|on|d) за Ней, Ум без Сер|дца[3]: труд Двух — рас|сек|ать. Так сечет взор секу|нда: Вражда — время, тьмы нож очам, коих К|лей — Любовь, Тьма. Очи *видящи* — Мат|ь, Тьма; с|мот|рящи — дыра от Нее, тьма от Тьмы. Очи *видящи* есть А|пол|лон, пол|ный Лон|ом своим: Сердцем — Ум; а смотрящие — Феб как пол-Лон|а: без Целого часть, Ум, без Сердца пустой. Мир — Рис|уно|к Творца, Им ри|сованный, Риз|а Его, Тогó Тóга; в Мир ход людям — рис|к (рúз|ик — укр.). Мир с Очьми — пара-Суть: Мир Очей ради сущ, Очи — Мира, кто есть Оке|ан их (рек Бредбери об этом: «Звезды бессмысленны без аудиторий»); un — «не», «без»: не-рознь (санскр. а|два|йта, недвойственность), U|n|o — Од|но очам вечным, рознь — бренным как Зер|кал|о зрящих себя в нем. Пер|цеп|ция, очи — Огнем, Миром-Sep|tem цеп|ки. Деля пару сию, Мир — центр-кол круга, Очи ж — о|ко|л|ьность его, уду этому вульва. Мир, Дес|ять, и Очи, Двенадцать (*единство сих чисел — римский год с сменой месяцев в нем с десяти на двенадцать как Мира — на Очи к утрате их*) в сумме — число 22, Кр|уг-и-Кр|ест, Мир-и-Очи как Солнца число: Любви, Тьмы, коя есть Очи-М|ощь, М|очь мош|он|ок, Мош|на всех (*Сар|овский, святой, Тьмою мощн|ый — Мошн|ин в роду бренном*), Уд-Her (ми|х|ир — стар.) в м|у́|д|ья|х, Солнце (санскр. ми|хи|р|а) глаз горних, Длань (ché|ir — греч.) Бога чер|ная, Не|г|а-Га|ть, Мышь (mo|use — англ.), Сер|ый Зве|рь — Божье Все (усе — укр.), Мис|с как мы|ш|ленья Мы|с|ль, Ми|г (англ. mig|hty — мог|учий), времен не|миг|ающий Корнь и Pus'ырь (міх|ур — укр.) бытья их. О|мо|ус|и|ос — единосущность (греч.) с ним: с Тьмою Тьма. Миг — мит|ь (укр.): Мит|ра (Михр, Мгер, М|хер) — М|иг Ра, суть Mir, Иг|ра Божья, Мяч с мно|гостью (much — англ.) внутри, И|г|о Ра: Камнь Его. Миг|р|ен|ь, главы боль, ге|мик|ран|ия, — боль Солнца: гла|вы суть — Мир, Солнце гла|з, Хи|р|ан|ья Гар|бха, Я|вь Бога

как Фалл, крепкий Им[4]. Фил|о|с|офия как лю|бо|му|дрь|е: зов Бо|га, Ос|ú как Дыр|ы глаз пустых, Да́|р|а-Ра, — люб|о|с|т|ра|ст|и|е: М|уд|р|ост|ь (к|рай чей В|ост|ок, Ost: в Ось ток) — Тьма, Уд, соитие с коим — цель нам; «фил» — суть Фал|л: Тьма-Фел|ица, Те|л|ица как Те|оса, Бога лицо (Ф = Т); жена бур|на — мегер|а: михир, Тьма как Фалл. Му|дры|й — сущий Дыр|ой как Столпом, уд, д|роч|úм как рак|ета (англ. roc|k|et), в Высь птица (англ. roc|k|eter), твердь (roc|k — скала, камень) ост|рая (*Gód|dar|d, ракет творец — Бога дар, уд*); дрочки — дырочка цель; дырка — Дурга, Ты|ма-Ма|ть. Ще|левой — левый: Дух, Сердце в нас. З|нат|ь — быть с Nut (o|p|ex — англ.): с Нут, Луною как Ра sun|duc'ом, с Сердцем Ум, им живой. В Цель у|пор|но с|тре|мить|ся (*«пор», «пир» — Огнь*) — у Ра, Бога, быть: Цель нам — Он (*клич «у|ра» наш ра|сей|ский — клич-ст|ра|сть, к Цели зов*); Путь при Нем, у Него как при Пер|вом В|то|р|ой — Мир, един с кем и|дущ Сердцем, С|т|ра|стью; един с Миром — с Богом един: Глубь есть о|ба. Со|ит|ие Мира с Очьми — Тьмы с собою: Тьма — Уд, Тьма — и Вульва; что пр|оч|но — Оч|ами, Тьмой, т|ве́р|до как Миром. Мощь, Міц|ь (укр.) — Се|д|ми|ц|а: Ми|р, Жизнь; «дми» — дыми; дым (лат. fa|mu|s) — Ді|м, До|м (укр.): Ду|х, Д|м|ен|ье (дутьё — стар.) как Ме́н|а, Луна, чей до|м|ен мы (*отсель — «дым о|теч|ест|ва» с|лад|остный: Р|один|а, Дух как Из|вест|ное (fa|mous — англ.) душе, из Бога вест|ь о Себе нам*). Мощна, Тьма — Мошна, Ко|шел|ь наш: ведь богаты — очьми, Миром в них: шел — очами с|тяж|ал Тяж|есть, Тьму как но|га|ми Про|сто|р, Пол|е чистое мо|ло|дце|в, добрых Всевышним (*Добро, Чистота — Он: полн Богом, Мир чист в очах видящих Им, Полнотой, суть чист-полон; в смотрящих — чист-пуст Сатаною, от Бога дырой. Обре|сти — добро|дит|ь нам по Миру, Дит|яти, до Бога, в Д|обре утвер|дит|ься, свершив полный Путь; доб|ро|дить — есть Доб|ро́ ро|дить: Господа, Глубь из себя как Себя Самое, Плод*): Мир, Камнь, пол Гос|под|ним сто|па|м как пол-Бога, раздел пол'ovo'й Муж-Жена как Свет-Тьма; ход — очами поле|т, кои — ноги-к|рыл|а́. Ду́ши, люди вполне (*душа — полность, плоть — часть,*

что п|уста без нее как без гласа уста), — гор|ни баб|очки, плóти очки; зрить — пар|úть как ступ|ать в ступ|е дней (*как Зен|он, Зен|иц муж, в ступе сей истолченный как Сердце — Умом за Полет*). **В|идет|ь — в** Глубь идти, к Богу: ход — God; не и|дущи|й — не зрит, не любящ. Вз|ор Любви — Мифа вечные очи: взор Целого, зрящего части свои как Себя; Розни взор — Миф в со|к|рыт|ьи: взор части пустой, мнящей Целым себя — не Его. Миф есть Глубь: Бог-и-Мир, Тьма, без внеш|него Шар, куда нечего внес|ть, где Бог есть Глубь после|дня|я, высшая, З|уб («с|уб» — Гл|уб|ь-Высь), Мир — Дес|на при Нем, Змей, х|во|ст кус|ающий свой Зубом сим, творя ци|кл (ci|r|cus — лат.), собой полный как Им, Чье лицо он, Ко|**л**|**ьцо**, Кол|о (стар.). Как Бог, Миф есть Одно без другого, Глубь-Т|айн|а; как Мир — Одно-Многость, Глубь-Явь: боги вечны при Боге, причин при Причине Хор, Глас х|вал|ы ей. Мнить не сущими их — не быть нам. Миф нам, бренным, есть Ч|уд|о: Уд-Тьма, Жизнь как Тайна чу|де|с|на, Лю|бо|вь, Г|л|уб|ь, чьи **di|v|er**'ы мы; по|груз|иться — с|**тя**|**ж**|ать Тьму: Глубь, Груз. Только Диво прав|диво: в нем — Бог; Диво — Дева, Тьма-Мать, Длань Его. Чудо — С|**т**|**ро**|**и**|тель, укр. б|у|д|ів|ник, чья б|удівля, строение — мы; с|оз|и|д|ать — no'vis'ной уд|ив|ля|ть, Óсь дать нам: Ч|уд|о, Уд, Глас б|уд|ящ. Чу|до уч|ит В|сем|у, Миру в нас; вера в Миф (Мир, Любовь) — корнь познания. Труд сей, дар Истине вечной — очьми Мифа взгляд.

3. Бог-Мир — Глубь: Семя в нас, в Уме Сердце, в Земле-Луне Тьма. Глубь — Любовь как Пес|нь, Т|ра|пез|а наша; и Бог есть Песнь Мира, Гор|тани Его, Мир же — Господа песня: Бог — Миром гласит о Себе. Песня — Бог-Дион|ис, Тьма-Вино (*о|деон, о|dei|on (греч.) — певцов круглый дом*). Глас — глаз: Миром Господь зрит в сердца нам как О|ком. О|с|вічен|ий (укр.) — об|ра|зов|анный: Вечн|ости, Глуби причастный как со|т|кан|ный Ею, с|вечен|ие Чье в нас — душ|а, в сердце Мир, Сердце, чье Сердце — Бог. Человек есть И|дущ|ий-Троп|а: Глубь в облатке Ан|троп|ной, Суть в форме меж форм ей иных, в чехле Уд-Пилú|гри|м как с|тя|ж|ат|ель Себя: Гор-Актер как Хар|актер-к|ре|м|ен|ь, Н|ра|в-Т|вер|дь в ма|ске, пил|ящий

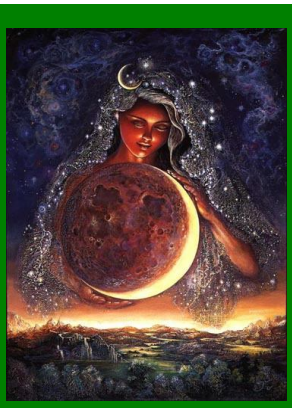
грим сей в жажде Я, На'Gott'ы (*как примысленность к сему Актерству, **пустая Луна, лицедейство грехом было встарь, лицедей — хорони́м вне кладби́щ*). Мир, Глубь Божья — Задача Его, Сверхзадача же — Бог, Мира Глубь, Я, То Тех. В Глубь Путь — Благо как Глубь самоé, вовне ж — Зло как не-Глубь. Вить от Ра путь свой нам — от|ра|вить душу тьмой, Умом Сердце свое, кое Он. Мир есть Се|м|я в плоти́ как душа в ней, Жизнь-Сем|ь (sep|tem — лат.), корнь пер|цеп|ции; Бог есть Я|дро в Зер|не сем, в душе Дух. В Паре-Глуби Бог-Мир Бог — Возлюбленный нам как Я наше (*любя — в ином любим Себя мы: «Я — То», Бог*), Мир — Друг, Я-Друг|ой. В том любви с дружбой суть: дружба есть любовь в шаге от Сердца ее — Мир от Бога как шаг сей, Шаг-Шар (Р = Г); любовь — Бог, Я, Суть горня. Любовь — Сердце, дружба — Ум верный при нем. Любовь оба сих, важные ра́вно: нет их, Глуби нашей — нет нас без Нее[5].**

4. **Мир — Цветок о|гн|ев|ой, Камень-Жар в горé пло́ти (*о нем рек Баж|ов, Бож|ий муж (укр. баж|ати — желать: Бога, Суть, в сердцах Я; горы Mad'ной хозяйка — Тьма-Мат|ь, лаз в Него*). Ц|весть — вести́: Мир — Путь, к Богу ве|д|ущ, душ При|вет, В|есть о Нем. Цель — с|то|и́т как Бог, чи|сто|е То, цé|лей Ц|ель; пут|ь — по|ло|жен|ный це|лью, ле|жит (*put — к|лас|ть (англ.)*), лаз в Цель: Мир, пу|тей Пут|ь, в Боге С|то. Путь — Т|р|у|д наш: тре|нье, тер|ние — ради огня, ради злата — р|уд|а; Об|рес|ти — есть об|рез|ать С|тез|ю, превзойдя как В|тор|ое: «тез» — Теос: Бог, Цель; три Мир, Три, пыль с Зер|ц|а́ла — обрящешь (получишь — о|три|ма|еш (укр.)) Ее. Спать умом нам — деять Сердцем: идти, с Пут|ем быть, лит|ься им как Рек|ой (рек о том Ге|рак|лит). Бог, Я, — в|ну|т|рен|ний К|нут, к Нут, в Луну с|тремя|щ, Стре́мя во Глубь: к Цели го|нит — Цель нас, Тьма Го|н-Go(v), Жизнь как Нит|ь, Ари|а|д|ны К|луб|ок. Бог есть Со|лн|це, Мир — Лу|г, сущи — Лу́га т|р|а|ва: Тр|ех и Ра; град Ка|луг|а — Тьмы дом. Луг — Лук: Мир, Дуга Ра, Ра|дуга, Арка ж|арка Арка|дии, к Богу ход наш как Се|мер|кой в В|ось|мое, Ось нам (*Мира муж есть Т|арк|овский Ан|дрей: «дрей» — три (нем.)*). «Лу|к» — лю|к|с,**

блеск: зрячим Мир — цельный Огнь, Шар Лю|бви (*«сар» — Огнь-Тьма, сущих Цар|ь*), где Лу|на одно с Солнцем, с Землей (*Луны с Солнцем единство — единство с Землей ее как Того с Сим: Луна — То, а Земля-Солнце — Это*). В смотрящих, где Мир разъят, Солнце — огнь дня, Луна — ночи, Луна и Земля зримы врозь: Земля — телом живым, неся жизнь как мать плод, Луна — мертвым, пустым; в сути ж всей Жизнь — в Луне, коя есть Мир, отшедший от ложных очей как от смерти — Живой, иль от них от'SAT'нувшийся: Истина, SAT — ото Лжи, ей противной как бодрствию сон, от истории — Век Золо|той, Луной ставший как Небом в очах, не-Землею как в кап|сул|е Огнь: «с|ул» — С|ел|ена, Луна, с Богом («эл|ь» — Он) сосуд, С|т|ул Его и По|сул, По|сол-Сол|о, Песнь-Тьма. От|коло|ться Земле от Луны — отрешиться очам от нее. Луны мертвость в них — мертвость есть их: вижу то, чем есть сам; от очей сих как корки Луны — от Ума Сердце — Жизнь скрылась в ней, след оставивши как как па|ра|д|ок|с оч|ам мнящим, пустым (докс|а — мнение (лат.)): Мир, Дек|аду, как Тайну и Явь заодно, Чуда яркий парад[6]. Тайна-Явь, Луна есть нуменальное тело: Глубь наша в очах, лик чей — сердце в груди у нас; зрить Луну в небе — зрить сердце свое. Очам зрячим Луна — в Мир ворота отверсты, незрячим — таяща стена. Так, являя-тая, Лун|а — Глуби лицо, что очам пол|овинным, Суть зрящим чрез пол ее — женское: Ма|тер|и лик, Д|лан|и Господа[7]. Матер|ью крепкий — матёр, крепкий Богом. Мать есть Ди|рек|т|ри|с|а творения: Бог правит Дланью творящей Своею. Мать, Тьма — Мо|нол|ит: Нол|ь в Д|в|ух, корке своей, яви дольнего ока, в Уме Сердце, Суть, нах Дв|ум|я царь как над ух|ом (в|ух|ом — укр.) — г|ла|з. Мать есть Суть, Отец — фор|ма (санскр. ру|п|а) Ее ради (англ. for — для): бренья фор|мат, ка|зе|м|ат Божьих душ, Да|Ма-«нет»; без Жены Па|па — т|руп. Так без Бога труп Мир: Лоно всех, Мать (у древних — изваяна часто безглавой: сама по себе, с Богом втайне). Чтя Двойку, да знаем: Па|т|рон нам — Мат|рона: Уму — Сердце царь, как царь пло́ти — Дух; Р|один|а нам, что Отчи|зной зовем — Мать-Земля (укр.

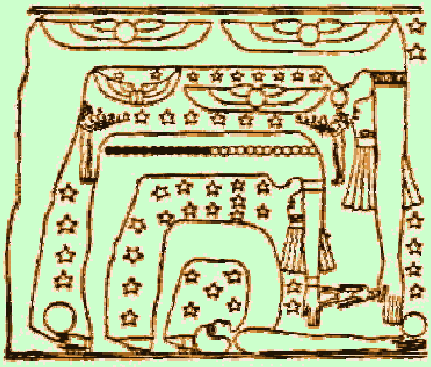
родúна — семья: Мир, Хор-Мать). В Троице «Отец – Сын – Дух Святой» Отец, Ра|ter — Бог, Ра; Дух Святой (Ру|ах, Ру|х (укр.): Д|ви|ж|ень|е, Мот|ор) — Мат|ь при Нем как Ру|ка. Лишь Он Матери — Уд, лишь Ему Вульва — Мать, как и дóлжно; Отец — Уд не есть, ибо Уд — Мать ему, как Уму — Сердце. Мать — Богом плодное Лоно, Отец — Ею плод|ен, в себе ж — плот|ь пуста как сосуд без огня: «н|е|т» — не-ет, не ет|ú, сиречь удом не быть. С тем, Христос — Бога-Матери Сын: Свет меж Тьмою и Тьмою, Ум в Сердце как в лоне ди|тя: Са-Ти-Ям; а Отец-эгоист — из|д*ева*|тель Его: съ|ев|ший Мать, Дев|у, Плодность свою, С|пер|му уд, Силой сей — сильным став (так Мет|ид|у съел З|ев|с, Зев-Отец (Zeu Pater — лат.), Ол|имп заняв как им|п|ер|ью Н|ол|я); Змий эдемский — Ум Сердца, Отец как Слуга: не лю|дей в|ра|г — Ума без Творца, стезя в Ра (у Bull'ga'Cow'a — Во|лан|д: Змий, вшедший в MosCów, Матний лан (землю, lan|d (англ.)) п|ронять боль|шевизм, Отца-Зло). Лоно, Мать — Мир и Очи, чтоб *видеть* его. Мир, Мать — Рай, Благо|дать, Благом-Господом дан: Благо — Бог; быть в Раю — есть единым с В|селен|ною быть; с|часть|е — Полность как Хор, Голос многих единый. Лат. sap|i|d|us — вкусный: Мир, Семь (sapt'an) — лак|ом|ство глаз, зап|ах (sap|or — лат.) носа. Рай (лат.) — para|dis|us и se|d|es: Се|мь-Дес|ять, Мир. Des — dus — Дух, Пастырь (**du|c|er|е — вести (лат.)), Вод|итель-Вод|а. В|уль|ва, Мат|ь — У|лей сущих, Рой-Хор их (ведь Мир — он, вто|рой за В|сев|ышним) и в Уль|е сем Ма|т|ка, П|чел|а чел|о|век|ов как пчел Ее и муравьев Му|Ра|вьи|ха; Она ж — Cow, Корова, в ко|Го и к ко|Му со|w'ыр|ять дóлжно нам; go — корова (санскр.): Му, сущих Ма|ть, Корень (санскр. м|у|л|а) их, го|ра с Ра, В|ен|цом ей, при Я|дре сем ко|ра. Матки рой — ст|рой ге|рой|ский мужей, ее к|рою|щий: Сердце — умы как любовники пылки его. И|рий, В|ы|рий, Рай — Мать, Дом о|тры|тый как Глубь из**

се|рде|ц, кои р|де|ют В|ражд|ой, К|рас|н|отой раз|н|ых, коим раджа — ра́дж|а|с, ст|рас|ть: меч-м|у|ч|итель как mu|ch, розн|ь с Единством внутри как царем. Рай — Жена, Полнота; Муж — рай|он: кус|ок-ло|кус, утрата Ее. Ра|й — «рой в Ра!» как Рой роющих так; К|рыл|ь|я, Очи души — «рыл к Я»: к Богу, Себе; ви|рий — вы|рой (укр.); к|рот — рыт|ье в Мать, Божий Рот, как то|рил Со|крат м|уд|рый, с ним С|ков|ор|о|Да, крот на посохе чьем был венцом. Доб|рый — бод|рый Рытьем: х|раб|рый раб Тьмы-Любви; хит|рый Бог (рек Эйнш|тей|н) — есть зовущий к Рытью: Гит|а, Песня его. Мать — Лоп|ата луп|ата: Ш|тыр|ь, Нос вез|дес|ущий как Бур нам, что лезет в Себя: не мы роем, но Мать через нас (*сущ — сующ|ийся Им: Дей|ствье — Сущ|нос|ть лю|дей, Мать Лю|бо|вь; г|ноз|ис — Нос|ом сова|нье сим в То: Уда в Вульву, Тьмы в Тьму как С|еб|Я са|мо: Тьма — Вульва-Уд. Так совал Бур|ат|ино н|ос os|t'рый свой в хол|ст как Бог|атства че|хол; так бо|лез|нь, nós|os (греч.), лез|ет в плоть*); и Она — Аро|мат для Него. Луна, Мать — С|віт (Мир — укр.) очам внешним, сосуд с Vit'ой в нем, Глуби Мес|яц-Mes'hок: ведь Жизнь — Глубь.



Рекут древние: Истина — Кап|сул|а в шаге от нас, кою до́лжно нам вскрыть ради Глуби ее; Глубь же — Тьма: Бог и Мир. В Луне скрыты сих Двое, Единство за шаг от Земли, на к|Ра|ю у нее, голова к главе — к следствью причина его, с ложью Истина горня, с тьмой Тьма (*посему Луна по́лна в Китае — большой семьи символ: Мир — Хор, Семь-Семь|я; Луна, сказано в Библии, создана славить Творца (П|са|л. 148:3):*

как покров — Суть свою. Братья Рай|т, что полет дали людям — суть Рай, в Луне Мир, Бога Дом (ведь Рай — Дóм сей), для коего сущи крыла, махи к Мах. У|к|ра|ина, где труд сей пишу я — у Кра|я земля: при Луне, доме Ра, светла Сердцем и м|рá|чна Умом). В Луне — Мир, в Мире — Бог, Ось-Я|дро, в Дет|ку эту о|дет как в ту|луп. Луне ж полость — Земля, меж какою и Глубью своей Луна среднее; с тем, сущих царств — три, как зри|л Египт (*Т = З: кризис — критический*); Сущее — Трешка, Ма|т|решка во зрячих очах.



Три царства Ойку|мен|ы: Небеса, Земля и «срединное царство», Луна промеж Богом и миром земным. Земля — тело; Луна — душа; Солнце в ней — Дух. Земля — Муж, Ум; Луна с Глубью — Сердце: Жена с Женой в ней.

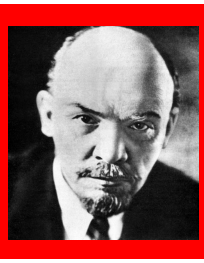
Лун|а, Мать — Земли С|пут|ник как Цель-Ось, едина с пут|ем: плоду — корнь, Sat'ел|лит, Лон|о нам[8]. *Видеть* — быть Осью сей: центром Мира, Я чистым как Богом в Луне и Луною; смотреть — в шаге быть от Луны, на Земле как не-Глуби меж Глубью и Глубью: ведь Глубь, Луна-Суть — Верх и Низ, над Землей и в Земле иль под ней как под коркою Огнь. Меж смотреньем и *виденьем* шаг — Очей щель меж Землей и Луною: из Дола — в Высь-Глубь. Луна-Глубь — Жизнь, Одно; космос вне Луны — Рознь, где искать Жизнь — что мнить живым тело в лишеньи главы. Ибо он — бесконечность дурная, не-Божья; благая же, Божия — Глубь, что в Луне. О сем — древних слова: Луна — грань между бреньем и Вечностью, Этим и Тем; вход в То, в Глубь — Грань, Луна, Щел|ь-Сел|ена, Дыра очей чёрна[9] (*грань-смерть: в То войти — кануть в Этом; смерть — грань: Уму — Рознь, Сердцу — С|в|Я|зь*), ведь грань —

щель, space (англ.), вход; что за гранью — то в ней: «Мон|д» — Мир (фр.), Луна (нем.) как Мон|ад|а, Тьма-Глубь[10], очей бренных Бел|ь|мо (*Бель|мо|н|д|о — лунность, ве|с|ел-сил|ён*). Б|о|др|ы|й — сущий на Грани, О|др|е: при Луне, Дыре-Щели, меж Светом и Тьмой как клей их, суть Бо|г, сна не имущ: К|лей их — Он; д|ре|й — три (нем.): Мир, Эк|с|т|ре|м|ум очей, тьмою битых, Пр|овал-Ноль, Овал. С Миром в ней, Луна — Коло-Кол Бога: Тьмы пещь (*печь (стар.): Тьма — Огнь*), пещ|ер|а как Уд кол|ьцевой, тверд-го|р|яч Им, пещеристый столп. Звав взглянуть нас в пещеры сердечны, звал Сковорода нас в Луну заглянуть, Сердце горне: Высь наша — Глубь в нас. Уд — Сос|уд, что сосут как Мать, Бога Грудь, чье Млеко Он (*явь сему — Э|рот ртом, секс о|Ра|льный: со|сут — сут|и ра|ди; с|ос|ать — от|со'SAT'ь: Бога, SAT из с|ос|уда Его, на Ос|и ко|лес|а; с|пер|ма — Ма|ть, М|лек|о, Богом жи|вящее*). Сердце, Луна-Глубь, есть Уд, Собой полный как Богом: Тьма — Тьмой; Ум, Луна-к|ор|ка — уд, полный Сердцем, в себе ж — пещь п|уста|я: кол|лап|с, у|л|ей-н|уль — в|лей в него! Глубь в Луне, Бог-и-Мир, как феномен — Ничто, Пустота в ней иль Вак|уум: Вак, Мать как Речь, тайна бренным ушам (*Мир — Мать, Лоно*) — КороВАКоза, Có w'за (*Е|VA — в Космос нырянье: в Ва|к, Мать[11] как Ва|г|ин|у, Дыру*); а как Ноумен — Всё она: Дух как Я|зык, что о колокол бьет лунный — Сердце об Ум, — звон творя как согласье себе, на Причину, Резон, рез|Она|нс; «зык» — сік, сок (укр.): Вино в Луне, Мех|е-Мах[12]. Звон — Svo'н: Сва, Пти|ца-Мать, Суть душ, пси|хе (греч.), птиц Птицы сей (*Птичность, К|рыл|ь|я — о|птичность, глаз Вз|ор как Ор|ало; орал — пах|ал-рыл в Мир, Тьму-Глубь*); з|вон — в|Он: Матери глас, Глубь — вовне, в Отца, в Ум — Сердце. З|вук — с Вак: от Матери, коей вак|антны мы; Вак, Мать — Вок|ал-Бла'Gov'est, чье безмолвье мы, бренные; бла'Go|Go|v'еть — Глас в|ни|мать, гов|еть. Греч. ζώον, живое — Лун|ы звон: мы все, сущи Лон|а сего. Звон ве|ч|ерний то|мящ (имя песни российской) — звон Веч|ности черный: Мир, Тьма-Свет как ве́|чер|а сер|ого Суть (*se|r|a —*

вечер (итал.)) ; **вечера́ нам — Вчера, Yes|ter|da|y: Век Златой Бога, Да, как Век-Мир, Божий (*ведь Божье — Мир, Ширь его с Высью-Богом в ней; Век Золотой — Бог-Мир, Глубь*), что за тер|ни|ем скрыт. То — Век-Вех|а: ведь Бога У|каз|чик — Мир, Сто|лб путевой как Путь сам, Век чей он, очам тайный, ушам чутким — Звон. С тем, а|кус|тика лунная — Cáu|s'ы явь, Тьмы в Луне. Три в ней, Мир был интригою главной полетов к ней: бренным он, Глубь, есть Ин|три|га интриг. С ним Вну|три, Луна, Колокол — К|аза|н, глас чей есть азан (а|р|а|б. أذان), к мо|лит|ве зов, гор|тан|на песнь му|э|д|зина: Песнь — Мать, Бог и|мам|а живой; «дзин» — Д|зен, День горних глаз, зен|иц чистых, Херу́ (ег.). Мать скрыв, Луна зрима — ги|м|ат|ий-хи|т|он Жены сей, Ги|т|ы (песнь — санскр.), что рвет Ги|м|ен|ей. Луна-Мать — в Бога Щель-Рана; путь к Ней — Ко|р|ан, лоц|ман Man: Луны, Moon как Кор|овы с Алла|хом внутри, слуги чьи му|эдзин и м|у|лла. В нуменальных, сердечных очах за Луной как стороннего ей — Мира нет, или есть он в утрате своей: тьма без Тьмы, Ноля нуль. С тем, обратной своей стороной, бренным тайной, Луна зрит не в Это (ведь нет за Луной его) — в То, Глубь, и есть царство мертвых как Очи п|очи|вших[13]; явь бренна небес в очах есть не залунна страна — выблеск Глуби на с|вод лунной сферы как про|с|тын|ь, эк|ран Ра|н|ы в Бога, Луны-Ф|он|а|ря, тен|ь-тын (*Sap|t'an, Семь (санскр.), Мир — spa'лер|ы на сей с|тен|е, Глуби внешний портрет*), огнь как з|вон, колокольна мо|лвь: phōn|ē — з|вук (греч.), глас Вак, фон Фон|аря (*«фон» = «вон»: Ф = В*). Что смотрящим очам есть Большою Медведицей как гроздью зве|зд за Луною (г|роз|дь — роз|нь), очам *видящим* Сердца — Луна есть одна, Русов Са|ж|а|р-зве|з|да (Сажа, Тьма), зен|иц Огнь, что зовет (зве — укр.) нас: Глубь-Вен|ец, Сен|ь-Зен|ит, что з|ве|н|ит тихо чутким ушам; что очам Ума есть Млечный Путь как залунье, очам Сердца — путь меж Землей и Луной как Коровы-Медведицы сей млеко, Тьма ж: Г|анг|а Неба, река в Божий Гонг, Луну (*лик коей Анх, Тьмы крест (Анг|лия, Eng|lish — лиш|енность его: ан|гл, не-Гл|убь, без креста люд-Ум, земля машинная); Анх — Агн|и: Огн|ь-*

***Те|мен|ь. Истины глас, страшен Гонг сей лжецам — как Гонг|адзе, на злато не падкий. Цы|ган|е — Дороги люд: Ганги в Луну, Ци; Ги|ган|т — Мир, Залунье; ор|га́н — Ноля глас, Вакха-Бах|уса, гения Бах|а*), Дожд|я Путь — Любви, Мил|ки w|ay в Ей, Тьме, в С|ва|р|гу, Рай-Мать bull'вар, вызов Дожд|аться как т|ест на Любовь, Тес|То тест. Way — вей, сле|ду|й Стезей, в Ду|хе во|льн. М|леч|ный — l|ac|ti|c (англ.): Действье, Акти|вность — Любовь, Мать, что леч|ит. Залунье глаз бренных — не-Тьма: Глуби тень, выброс в|он Тьмы-Жены в Мужа-тьму как явь-нуль дольних глаз, ложь как сущего с|мер|ть, объект|ивную истину. Объект есть смерть: в хладе огнь, Ум как падшее Сердце (*так древнюю Мудрость как Сердце, Тьму-Огнь пр|о|пуст|ил Аристотель чрез Нус, Ум, ему Богом бывший — и в Ум претворилось оно, утеряв тем себя*); Суб|ъект — Жизнь; «суб», «под» — Глубь. Луна, Мес|яц есть Сердце, Жена-Мать; внелунье — Ум, Муж-Отец, при|мес|ь к нему, Сутью мнимая бренному оку: при Сути не-Суть, что при'mes'ана Сутью как Двойка к Нолю — ко Тьме тьма, к Огню тень от него, дело должное чье — с|лав|ить Огнь, Глубь-Любовь. Жена, Сердце свята и грешна разом: в святости грех ее, святость — в грехе; Муж, Ум, сам в себе — грех, свят — Женой. Так, Мар|ия, Христа Мать, с Марией, супругой Его — Тьма и Сва'тость одна, с тем и имя — одно у них: «мар» — Мор|е, Тьма в Луне; но, меж них сущ как меж Тьмою и Тьмой, — пред Женой второй стоя (и мня, что *над* нею), Муж, Ум мнит греховной ее, зря, как в зеркале, в ней грех сво́й. Дева Мария — Луна, Дева-Мать; Маг|дал|ина — «Мах-дал»: Луны дар, суть Мать та ж. В бреньи mes|h'к|аем мы как в меш|к|е глаз пустых: житель — меш|кан|ець (укр.); мешкать — мед|лить, Сел|ену не зря как Цел|ь, Глубь, лить зазря Тьму, душ Мед; проливать — Огнь студить: Тьму во тьму претворять, Суть в не-Суть. Луна-Глубь — Вечность, Действье; Луна-корка — Лень: Лен|ин, дан|ник Се|ленин, лен|и|вцев вожак, боль|шинства в бреньи ко|сна стезя, шар-Зло, Сер|п-М|лат, богам равность певший их — рваность очей, нуль. Ле|ни|вец — нівéць, ничто (укр.), Век|а горнего прах, что чтил он, ни|ве|л|и|р|ов|ав Бога; Казан|ь, град учебы его — суть Казан, Луна-Мать, сосуд Бога**

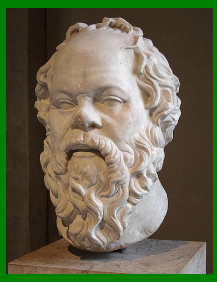
(*по|ж|ар|ом лик коей, икона Казанская, явлен из недр как Суд-Милость: в сем месте стих огнь, ж|ра|вший град*): в себе — Ум как горшок пустой, казнь ре|во|л|ю|ц|и|ей, сменой в главáх вол|и Бога — ди|а|вол|ьской, тенью ее. Ком|мун|изм — от лат. com|mun|is — общий; ком|мун корнь — Moon: Мир, Хор как общего кор|нь, ведь Единое — корень ему. Ко|зел Мен|дес|а — Луны посол с Миром в ней, Дес|ятью; Лю|ци|фер — лу|нный дух, тьма от Тьмы: Огня, Lu|X; и как Благо, Мес|сир, — он Ум Сердца, Слуга, а как Зло — Ум Ума, себе царь безголовый: Глава — Сердце, Суть. Сéрдца Ум есть слуга, Сердцем полный как Глубию, Во|лан|д как Во-Лун-д: благой Сатана, Ум в Луне; Ума Ум — Ум пустой, неслужащий: пустой Сердцем-Явию, полный как Тайною им (как Луной — Пто|лем|ей, ш|лем незрячий ее)**. Ум Ума — ад, Диавола злого трон и сам он: корка без Глуби, луна без Луны**[14]; зла|то сущих в аду, **на** Луне (Рай — **в** Луне) — Зла зола. Ад — Ад|оль|ф, глава Вер|мах|та: пепл на Н|ол|е. Корка лунна — А|ид: Ум, Покой; Луны Глубь — Ид, Движенье как к Бóгу ход (*Фре|йд, Мира раб как Ума («фре» — «тре» — Три), мнил Ид дном, не-Стезей*). Лен|ин — лýн|ен как злой Сат|а|н|а, на Тьме слой, нов|ый Бог, н|из|вер|г|ат|ель и из|вер|г из Верх|а: У|лья|нов — Мир, У|лей, суть Хор, что попрать мечтал он революцией, тьмой, *мировой*. Луны, Сер|ны п|лен — С|С|С|Р, где *застойный* ку|мир — Лен|я: Лень, ко|сно|сть сна без Сна-Глуби, Луны.



Сер|дце есть сер|еб|ро, з|лат|о — Ум, корка-лат|ка его. В умном мире, каков бренный мир сей, с|ребро — при|мес|ь к злату: к А|дам|у —

Ребро, Да|Ма-Ма|ть как ко следствью Причина, Ма|лей|шее в бреньи (*Величье — ничто|жно в ничтожных очах: число П|лан|ка как Мир, в Лун|е Лан (поле — укр.), Звено (ланка — укр.) к Богу в Лун|ке-Лун|е, Планка душ, что s'Vis'ают с нее; бренный мир — о|прок|инута Вечность, не-Выс|ь*), Мес|яц в г|ущ|ах, что мес|ит сей Cow'ш, в уш|ах Очи, как тьмы миш|уру, me|S|UN'ину (каков, Луной сущ, хаос-тлен, су|м|ат|оха); э|л|ек|тр, греч. а|зе́м — Сердце-Ум, с|п|лав как Мир, сверх-Зем|ля. Луна, Сер|на Творца, Коза-Cáusa — Сердце-и-Ум: Сер|дце — Мúр есть она, Сер|ый Шар, в Луне Тьма-Свет (*«сер» — «шер» — шар, суть серая; «дце» — «дец»: Дек|ада, Мир. «Сер» — «чер»: сер — чер|ен Тьмою сир|ен; серый с черным одно: Тьма-Свет — с Тьмой, Свет вмещающей; Тьма — Серен|ада, Песнь*); Ум, она корка его: серебро, в очи лез|ущий б|лес|к как на Сер|ом покров. Серый — g|ra|y (англ.): Мир — Огнь, что нас грее|т, Ра|й наш как И|гра с Собой Бога, и с нами — постольку; Рай — рей, вольным будь: Тьма, Сва — Обод вкруг бренья, Св|о|бод|ы Кольцо, Трю|м как Мир, в Бога Тур. Рай — течет, ρε|ι (греч.) как Рек|а Παν|τα, Всё, лик чей Пан; о ней рек Гераклит, Мира полн как Реки сей живой. «Сер» — «сир»: Мир, Пан|цир|ь-Круг (cir|cus — лат.) на Творце — Сир|ота чуждым Бога очам, Шир|ь пред Господом, Глубью, пред Сердцем сим Ум; Пара-Глубь, Сердце оба они зрящим нам. Мир, Глубь — По|л|но|сть: Одно с пол|овиной как Сердце с Умом его верным; внелунье — дыра, мир пустой: поло|вина без Полности, без Сердца, Ист|ины Ум-эхо|ист (Г = Х). Сократ, рекший, что темен во всем, кроме малой науки, Любви, рек: **во всем, кроме Глуби, иначе глаголя — ни в чем, ведь Глубь — Всё, что ничем бренны мнят, Полность — точкой пустой; Глубь познать звал он нас как Себя са|мое: Луну-S'у|т|ь, искру в сердце святую, чью Мал|ость, Любовь, пел Сократ, мил|ый ей. Тьмою живший, он — Истина Божья, S'ок Ра́|т|и, идущих во Глубь Бу|рат|ин: во|ин — в Ин|ь, Тьму-В|ин|о как во|лна во Лун|у, в Мир-Ва|лун. На силен|а похожий — похож на S'елен|у муж сей**

как Незнайка ее (*Полноте SUN|duc должный — пустой*), шароглав и pus'ат: Pus — Пан, Мира лицо (*с пан|та|л|ык|у сбить — с Миром рязъять, лык|ом-лик|ом Творца*), Пас|тух наш, адепт чей — пан|дит (пан|дит|а — санскр.), б|рах|ман, Пан|а дит|я, знающ Мир, как Сократ знал Любовь, Мир в сердцах. С тем, с Ас|пас'ьей *к|рут|ил* он любовь — Тьму, Ко|льцо (*рут|а к|расн|ая — разн|ых цветок: капль, не зрящих Ед|ин|ство свое*), — и пасо̀м ею был как Тьмой, Пас|сией горней: А|спаси|я — SPACE'нье, Мать; и ма|й|ев|тику, дело свое, взял от Ма|тери он, Д|ев|ы-Тьмы, ко|ей был он силён.



Се́рдца Ум — Полность-Pus, Мир, Пут|ь при Боге, Цели (S = T), злых Пут|ы, Луг-Пас|т|ы|рь ста|д тучных; Ума́ Ум — безмирье, Pus-пус|т|ошь, быть где — с Выси паст|ь в пасть Зла, тьмы, а пастись — дол|г, Свободе под|мена: путь долг|ий, о|кол|ьный — прямому, Дол-Н|из как не-Глубь. Таков Пан, Козел добрый и злой, Сат|ана христиан (*в католичестве — зло без Добра: без вина хлеб, без Целого часть, Ум без Сердца как грех Магдалины, безгрешной в очах Православья. Греховна Греховна католикам, слита Мария в очах их с чредой жен иных в с|мес|ь без лиц: не Мария порочна в очах сих — Жена как жен Суть, пред Умом, Мужем Сердце*). Верх, Низ — Глубь едина: Великость — Луна, Сердце в небе, и Малость — огнь в сердце у нас: искра Я, Луна та ж. Глубь — Единство, зеленое цветом, внелуние — Рознь-краснота, несходимость как взорванный мир сей. Залунье как внешняя тень — пустота пустоты, имманентность «нет»; залунье-Глубь, Тьма-Внутри — пустота Полноты, трансцендентность как Да, «Я

есть То»: всё с|бег|ается к Бог|у в Луне как к оси ко|лес|о. В бренном оке пункт Глуби — зрачок, центр глазной, а внелуние — пе|*р*|*и*|*ф*|ер|ия, мел|ь, мел|юща взор наш: так бренья центр — Вечность-Луна (Глубь — черна, мель — бела т|оч|но мел); в оке Глуби з|рачок — цельный глаз как взор полный, з|рак (стар.): око-смерть (*Вечность — сме́рть, mor|s (лат.) бренным*), Луна как Гостей не|мор|гающий глаз — Глубь как Век-Мир Златой, что ис|тек (из Не|др вы|тек вовне, остыл-сгас) на Земле и остался в Луне. С Ра|к|ом — з|рак: С Миром, что к Богу пят|ится — очи эфирны, Пят|ер|ка (ведь Мир — эфир: Огнь, бренным тайный как Целое частям нечтящим); Луны знак с тем — Рак: Мать, Рук|а, в коей мы. Полность, Глубь в пустоту льет Себя. На планетах, залунных внелунно, не Жизнь мы найдем — арте|факты Ее: Арте|мид|ы-Луны, Жизни лом; и планеты сии — тень Ее: тела́ душ как в Луне архетипов, без коих они есть ничто. Космос-Глубь — вот SPA|CE'н|ие нам: Sap|t'an, Сем|ь (санскр.), Сен|ь-Суть, звал куда Сi'олковский людей (*si — Да: Бог, Сень|ор наш, Не|бес С|и|н|ь*), с ним Ш|ар|гей, лунный муж: Гея — Мать, Луна та же; Пан, лунность — Аргей. S|pace — Peace, Мир (англ.); с|пасе|нье — па|с|ен|ие Сен|ию, Тьмой-Pus'отой, лик чей Pus, Пан-пас|тух (*Циол|к|овский — Цел|к|овский: муж Матери, Телк|и как Целк|и, Тьмы-Девы (фамильи сей корнь — село Це́лково (польск. Ciо|ł|kow|о, букв. — Тёл|кино: Мать, бренных Te|lo|s, Цел|ь (греч.); ру|бль, целков|ый — Тьмой крепок, Богатством богатств). Его предок — каза|к Север|ин Наливай|ко: чрез Се|вер в'ZOO'йдем мы в Вино, Seve|n-Глубь; герб Я|с|тр|жем|бец его родовой — Тьмы жом: Глуби, Вина из Луны*). Жизнь-Луну, Жизнь в Луне искать до́лжно нам, смертным, как вечный Корнь свой; смерть — сама найдет нас. Луна — сущего Ось, Глава тела сего, ведать кое — Луну знать одну: Суть всего, нашу Суть.

5. **Бог, Луна, смерть — одно: Глубь как бренью конец. Dios-Deu|s, Бог — Die|s, Диана-Луна, Дев|а-Мать — die, смерть: «дай» (рус.) — Длань, что**

берет как Глубь, дай|вин|га Цель; во|ин — дай|вер: и|дущ|ий в То, Глубь. Любовь-Смерть, Глубь — Деяние, Делань|е чистое: die (англ.) — діє (укр.), деет; дей, дей|ствуй — day: Тьма, День вечный, Херу́ (ег.). Мотор, Корнь-П|рич|ина всему — Матер|ь, Женщина: ше|р|ше ля фам! Мать, Жена — дым (лат. fam|us), ту|ман (m|ist — англ.) бренных очей, вечных — Огнь, в Бога мост (міст — укр.) нам (*mist — Miss, Мать (S = T): Жена-Дева со Мужем внутри у Нее*). Бог — Причина причин, пола бо́льшая как Одно — Двух, Пол|нота — пол|о|вины; Причина под Нею — Жена, лик Ее: пола Суть, Мата Хари (spi'онка, что *видит* насквó́зь нас) — Мать Хари, Причина в Пуранах, что правит мужами легко: Сердце — войском умов как сынов. Мать как Мир, Сер|ый Шар, в Луне до́лжно искать бренным, пленным Отца: Сер|дце — Ума рабам как Сре|бро в злате сем. Глубь, Луна в нас — Она как Река кольцева, что из Бога и в Бога течет[15]; люди — во́ды Ее, Реч(к)и этой глаголы: реку́ — Ре́ку полню собою; глаго|л|ить — течь в ней меж таких же как сам, лить глагол как себя, каплю в|од. Мир есть Божий Глагол: Слово первое, Божье-и-Бог (Глубь, Бог с Миром — Од|но), что прочесть до́лжно нам[16]; мы — Письма сего в|Я|зь. Бог есть Благо, Мир — Благо|слов|енье Его: Слово Блага, благое Им. Как То нам, Речь ради нас суща как цельна Тьма ради капль Воды сей, Рек|виз|ит наш. Из Тьмы со|сто|я как душа (а|тма — искра Костра, огнь от Ма|тери), капля Ее, тела полность, — из речи своей состоим; не рекущий — недо-человек: недо-Глубь, недо-Мать. С тем, познать нам с|еб|я — как Я, Глубь (*к чему зов — зав|ет Дельф и Сократ, Сократ|итель Пути: путь в себя — наикраткий*) — познать речь свою, выжав сок сей из слов как из я|год В|ин|о: из плоти́ — речь, из речи — Безмолвье, Тьму-Бога. Ст|Я|жать — жать-да'vit'ь: из к|ор|ы, латки — Суть, я|зык|а (lan|gue — франц.) Я, Лун|у как Мир, Поле (лан — укр.), к Творцу ШлЯ|х. Речь с Безмолвьем, Тьма с Тьмой — Ви|ног|рад, Мать, Ноль-Два[17]; господа́ его в душах — Сыны, Вакх с Х|р|и|ст|о|м как Одно: Вак|х — Безмолвье как Мать сама, Вак, речи Корнь, в Луне

Вак|уум, Век Золотой, Пища (санскр. анн|а) душ как их Му|зык|а (*слуга чей — Bach Ио|г|ан|н, при Корове сей бык*); Мо|лвь — Х|р|и|с|т|ос, С|лов|о-Бог, Сын при Ней, как при Боге Мир, Слово Его и Ри|с|ун|о|к-Пор|тре|т. Ж|му — Му, Корову-Ма|ть: Му|ть очей злых, Жену-Ж|из|нь, Мир-Луну, Лон|о лон; с|каз — суть Cáusa: Причина, Мать, с|ок чей мы, s'Love'sá. Каплям Матери, Речи глаголам, познать нам Себя — познать Ма́ть в себе, Воду как Суть чрез ближайшее нам — из уст молвь (благ Господь!), в чем Со|крат|а крат|чайша с|тез|я; человек как гла|гол — гла|с Тьмы, Ист|ины гол|ой: Река в нем — Она, ко|ей, сущи, течем, тем — живем. Течь мешать Ей — глаголы мертвить: низводить людей в нуль, без Реки берега[18]. Я|зык наш — молвь душ наших: душа — человек в полноте; душ, людей без из|ъ|Я|на, язык — С|ки|фов-Русов язык Дева|на́га|ри, «пись|мен|ность града богов», язык лунный: богов град — Луна, Дева-Мать, Суть, нага́ как Змея (на́га — санскр.), Ки (*Ци — Дух, Ци|кл-Любовь, Тьма как Ki|ss, Чи|сло|род (корень числ, Ноль), чей суб|ст|ра|т — ки|сло|род, ки|сень (укр.), воды столп, пара чья водород, во|день (укр.) — Единица за Тьмою, Нолем, шаг в День-Сер|день|ко, Мать*), Лан Ат|лан|тов, от-Лун-тов ее. Посему «схи|ма», «схи|з|ма» — откола слова; «схи» — отход (церк.); «схи» — «ски». Скифы — п|лем|я с Лу|ны, лю|д отшедший, рос|а-Рус|ь Воды, Тьмы (*с тем, самоназванье его есть С|кол|о́ты (скиф. «царские», вышни) — с Луны, Кола, Господом с|ко́ло|ты, от|кол|е мы, семя ихне; «от|кель» и «от|сель» — «от Сел|ены»: «кель» — «сель», Кель|я-Матерь, Луна; имя Скифского царства Иш|куза — «из Кузы»: Саús'ы, Луны посев-дождь душ, ба (ег.), что льет Сей|ба, Луна, Ма|йев Ма|ть. С тем, писал Геродот, Скифы звали себя наимладшим народом из всех, а по римлянам (коими есть Пом|пей Т|рог, Юс|тин, Па|вел О|рос|ий), народа сего древность — глубже египтской: быть старше и младше всех разом — иметь есть корнь в Том, а не в Сем, не в Земле, но в Луне **как Любовь, Глубь, бог чей Эро́т-Эрос — старик и дитя враз*), Атланты — без розни с ней**

люд. В Век Златой, Луну-Землю едину, землянами были лу|ниты сии (нити Луны, К|луб|ка: душа — нить от него), канул он — лунны стали всецело, отъявшись в очах как Век сей: от Земли — Не|бес|а, Землей бывшие прежде; зашел Век Златой, Глуби Век за очей го|р|и|з|он|т — засияла Л'UN'а в небесах как отъявшийся сей, Остро|в-Глубь, что отшел в сердце наше, Атланты ж — в Луну как в сосуд, Сердце в Ум. С Атлантидою Скифь — люд единый, в очах тьмой разъятый: Атланты — оставшийся в Веке Златом как Луне, Скифы — сшедший: от Века — в векá, тьму; кто *видит*, единство зрит их. Pus — Rus (P = R): Русы Миру равны, с Богом стоя соглавно — с Луною Земля, с Сердцем Ум, в чем есть *ви́денья* суть (п. 1); Пан, Pus — бог черный русский наш: В|е|л|ес, иль В|лес, в Бога лез|ущий («эл|ь», «аль» — Ал|лах), и с тем — влез|ший в Него (кто идет не шутя — путь осилит), как Мир — в Бога, Пару свою, в Коей есть Миром он; книга Влеса — труд Пана: Всего обо Всем, о себе Мира, Трех; Pu|s|kin, Русов пиит — кожа Пáнова, skin'ия с Миром вну|три, с Сердцем Ум. Доколь Ум зрим в Луне мы, не зрим Сердца, Глуби ее. Век Златой, Мира Век — Век Земли как Руси без иного (*ведь он — век Луны на Земле, Русы ж — лунны как Скифы; народы Руси как одно — звали Греки «великая Скифь»*); все иное — от Русов по|шло как от Сло́|ва слова́ (*«Пуш» (Pus|h'ан, Пан), Мир, набран латиницей — Gei, Земля-Мать*). Гор|аций, воздвигший в очах Мир, себе Мон|у|мен|т, рек «O rus!» — как «О Мир!»: Век Златой, Star'ина (*g|ol|d|en — old, старый (англ.), сед как лун|ь — Олд|рин, путник Лун|ы; дней сед|миц|а с седьмым днем ее — Жизнь: Луна как Злат Век, Мощь (міц|ь — укр.)*), но|с|та|л|ь|гии Оплот, где одно с Луной Гея: Мир-Мать, кем во|век есть для зрячих они как без|век|их очьми ради Солнца сего. Жизнь, какой есть Век этот — не mor|s, не мор|гает она, бренных Столп, Миг миг|ающих, в тьме Огонь (*«м|у|л» — vek, латиницей набран: Век-Корнь как над многим Одно*). Век безвекий — сверх век как век|ов, взор его — Б|уд|ды взор несмежим: очи полной Луны. Не Век Злат сгас, но очи, что зрили его: Сердце — ни|спало в Ум,

не-Луну, взор-мор|гун, очи рваны (*э|к|ли|п|ти|ка — плоскость моргающих, плоских очей, пти|ц без крыл: к|ліп|ати — моргать (укр.)*). Из Луны, Глуби выпас|ть — Себя утерять как Сут|ь, Sat-Глубь, от|сут|ствуя (лат. ab|sun|t, англ. ab|sen|t) в Сен|и, Тьме-Sun: Луне, куда в|ло|жен|ы сущи как в Ло|но, Жен|у; кто вне Глуби — не сущ, или есть как ил|люз|ья, ре|аль|ность вто|рая: Ум, Ил|и, без Сердца, И, — Сути луз|га, ше|л|ух|а, Ноля н|уль.

6. **От главы — тело; от Мозга, Гл|уби — гл|ава как облатка его, чер|еп сей Чер|ноты. Глубь в Луне, Вода — Моз|г-Мать гро|м|оз|дкий, в Сел|ене Ки|сел|ь-А|ки|ян: не Ум — Сердце, ведь Сердце — Мать, Т|вер|дь сущих, Мозг-Аб|сол|ют; мозг наш бренный — под|о|б|ье его: субстрат, рыхлый Умом, О|жид|анием Жи|д|кости, Сердца как Жи|зни (*отсель жид — «живущий», «жилец»*). Лем, Луны ш|лем согласный, Ум Сердца, муж водный (Лем — льем) — рек об этом: Со|л|я|р|ис его — в очах зрячих Луна, Мира лар|ь[19]: Сол|нца, Sun, как Ри'S|UN'ка, Ма'LUN'ка (укр.) Бога; К|онт|акт — К|лем|ма: с Лун|ою с|в|Я|зь чрез по|с|лан|цев ее. В Мир как сей Оке|ан ступать до́лжно очьми нам (*они — ноги наши: приход — vis'it, акт очевой, идти — в|идет|ь, г|лаз|ами как лас|тами грести-плыть*) как в Ноу|мен, Сердце сие; зрить фено|мен, Ум, в нем — сгинуть в Про|рве (*Ум — Рознь, суть di|Ra, рва|ный Бог*), как по|гиб умный муж Гиб|арян. Сердце зрить — Сердцем быть как Моралью людей: Мир — Мор|аль Бога, Сердце при Нем, суще в нас как Луна под землей пло́ти, тьмы пред Тьмой сей. Бог есть Вес|ть Сам Себя — Yes'T, Тьма-Да без иного; Мир — со|Весть: Второе за Ним, Тьма как Божья Иг|ла, я|зва злым. Космос, Глуб|ь — не'God'яя не при|мет (*с тем, Ur'ий, из бренных в нем первый (Ur — Or, Тьма) — благой человек, сиречь мо́|ло|дец добрый в сем Поле: Добро, Б|ла|го — Б|ог*); внеморальное — а(нти)моральное: без Сердца Ум, мнящий Глуп|остью (mor|ia — лат.) Суть свою, Мор|е сих берегов. Эст|ети|чно — эти|чное лишь; Мир, Плод Блага — Благое-П|рек|ра|сно|е, Мед душ как весть о Нем: Глубь, Хар|и-Хор (Гор), Мир-с|око|л на Божьем п|леч|е.**

7. **Меж Землей и Луной, как причиной и следствием[20] сущ столп единства их, явь очей *видящих*. То — Путь Дождя, Тьмы. Им льется на Землю Жизнь чрез По|лю|с Севера, Ш|лю|з в То. Им сходим дождем в мир сей мы, капли Глуби, им — Гости, в тар|елках Вода, куп|но — Мира, Дес|я|тки дес|ант, п|лам|я-п|лем|я Огня: Выси — в Дол при ней, Целого в часть (так роняют пух свой top'оля). Им, Путем сим, ступая возвратно, как в Лоно взойдем в Божий Мир, миров Хор. Стезей сей как ко|лон|ной идущий — Ко|лум|б (ит. Co|lom|bo, Co|lon — исп.), Ко|ЛУН|б, к Лун|е, Лон|у хо|д|о́к, открыватель[21] (М = Н: Мать — Ноль): То — Т|айн|а нам, кою до́лжно я|вит|ь. Стезей сей одинокой, чужд бренья, шел S'Cow'o|p|o|Да, с ним — Толстой, чтя ис|лам как Луну-Мах, Мет|у́ нам, чей сын Мах|о|мет[22]; Cow'st|éau, Жа́к Ив, рекой сей, как ив|а к ней льнувший *(Лун|у — льну-к|лон|юсь: к Ма|рье — верный Иван, к Сути — корка согласна, Ум к Сердцу как Лон|у в С|луж|еньи, Лу|г к Со|лн|цу; Жак — шаг в|с|т|ре|чь)*, плыл в Воду (eau — фр.: Ева, Тьма), Мать, лунной веры сей полн (*как с ним — Ива|нс (англ. E|v|e|n|s: en, V|en|us и Eve — Жена), мой патрон*). Путем сим шел в Мать Армстронг, ударив в Нее как в го|нг Божий, Луну. К|азан|а сего слыша азан, Бога голос, ислам принял Нил в земле лунной, Египте как NE-IL, «не Ум», Сердце («ил» — слог-Ум), с|у́л|ьна рука (arm s|tron|g — англ.): Сила — Мать, Бога Длань, коей был силен муж сей на Лунной Стезе к трон|у Господа, тем и храним как герой: Мать — Щит их[23].**
8. **Гости наши, Лу|ны лю|д — антропы, как мы; с ними мы — ряд един, где член всяк наделен своей зоной на тверди Луны (*с тем, ничейного — нет на ней; карта поверхности — та|р (англ.): Ма|ть, Грудь, обща всем рар'ам, детям ее, при Корове быкам*); и Гостям, лунным, можно по ней ходить вольно, а нам — быть лишь в зоне своей как не зрящим в Луне Дом родной, посему — чужакам ей с Народом ее. Разделенье по|верх|ности лунной на зоны — из Глуби, Но|ля как Но|жа: Верх — он. Лунная стенка — ровна́ изнутри: а|сфа|льт Матери, Сва; тяготенью не пленник (Тьма — Гнет, что не гнет с ней единых), живет на ней лунный**

Народ Мировой, Племя Божье (*см. прим. 6, прозрение Но|с|ов|а*), мух|и Мах, пол коих — нам Потолок, потолок|ший пустых (*Тьма — Груз-Тол|к, С|тупа им, Пес|тик чей, Бога Пес, пус|тых, тык|ая, м|нет, по|лн|ых (Богом, Тьмой) — пес|тует-льн|ет*)[24], а Век Злат, тайный нам — Явь есть их. То — живые в Луне, лат|ах Тьмы, коих мертвыми мним мёртвы мы, как мертва нам лат|ын|ь, язык их, молвь Латон|ы-Луны (*Ар|т|е|м|ид|а с Латоною, с матерью дочь — Ма|ть одна, цельна Ть|ма; Феб при ней (Артемидом зовясь) — при Сократе П|латон как при Сердце Ум, ра|т|ник его*), что при Древ|ности, Мира поре Вековой, есть и|тог — тог|а-тьма, корка лунна при Глуби, при Сердце Ум, до|л|жны|й сосуд. Глубь — эфирна; эфирны, из Глуби выходят антропы ее в гости к нам, облекаясь на грани Луны в плоть, очей бренных явь: Сердце — в Ум. Так в э|р|ек|ции кровь, Тьмы рек|а, стает фаллом, о|дев|шись в плоть: мясо, sar|kós (греч.) в понятьи ис|конном — в Луне Мир, Шар-Caus|а, Уд кол|ьцевой, кем есть Гос|т|ь, пр|ям|ой смертью (санскр. ям|а): смерть нам — Жизнь Гостям, Тьма-Глубь, Я|ма в Луне, суть Я-Ма|ть. Длань, Мать — силы Податель: Корнь, То, кем жив-прям антроп всяк как ро|сто|к; не прямой — и не жив, Ума раб: прям лишь тот, кто как во|ин пред Сердцем с|к|лон|ён, Лон|ом нам, пред Caús'ой — коза|к, *за|порож|ец*, глава к главе с ней, *т|очно умер уже* (живет так сам|у|рай). Бренна плоть есть костюм без пер|сон|ы: кост|ь-ум, уд пустой как разъято кольцо[25]; в плоть о|дет|ый, Гость наш — Сердце-Кость, По|лно|та: уд, стояч Миром в нем. Капля Мира как Сердца, Гость — Сердце же: внутренний наш человек во плоти как согласном сосуде своем, Уме Сердца (плоть наша — сосуд в розни с ним, Ум Ума), явный нам (очи бренные — плоть: зримый ими — в ней сущ, тленну кою мнят вечной они как себя), антроп Века Златого, утерян как Я наше с Века отходом сего, душа-плоть как душá одна, — Сердце, где Ум растворен как в патроне своем, в господине слуга[26]; Гостю внешние, мы есть антропы

истории: не-Сердце, Ум, позабывший Себя, душу — п|лот|ь, плот-лот|ок искре сей. Голова наша — Ум, Гостей — Сердце само, чело цело|е: Ум — половина его. С Гостьми в|с|тре|ча — Контакт как касанье любовное, Т|ра|пез|а: Пища всех сущих — Любовь, Стол (греч. tr|apez|a) о тройке ног, как Три — Шар Любви, Мир: Сердце, коего Ум — Апис, бык, бок (бік — укр.) в Шаре сем. Луна, Тьмы-Вина Мех — ори|х|алк|ов|ый шар, альков ей (*летний дождь, песнь Т|алькова — дождь Лето, Луны*). Ори|халк — камнь огнистый, гор|ящий Огнем Изнутри: из Луны — Миром в ней[27]; металл-Мать, мед|ь (греч. χαλ|κ|ός) Ма|д|ам: Глуби лунной настил, коя Ма|ть, Лоно-Мир как Сто, Божий Ри|с|ун|ок и Рот (o|r|is (лат.), sto|ma (греч.)). Зона всяка на тверди Луны — мир един в Хоре их. Уникальность антропа и мира, из коего он — рост количеством, качеством — Пи, мера круглости ока (зрачка — в оке бренном) как Мира, очей Пи|ра (огнь — греч.), зрим коими Гости и мы. Чúсла Пи двух миров разны так, как для ока цветá: не количеством — качеством их.

9. **Мать-Тьма есть O'key'ан, в Бога ключ златой; Go'ст|и — мат|росы его, моряки (мо|ряк — Рак, в капле Мир), добры мó|лод|цы в лод|ках, Воды рóсы сей, ПоЛНОты, что зовем мы ЛуНОй, люд чеЛНОв к ходу в Ней как НОЛе, НЛО[28]. О народе глаголя морском, чуждом бед — о Гостях рек Саль'water как люде Луны с Водой в ней. На Стезе как Реке Мировой лодка молодцу — конь, а конь — лодка, без коей сей путник — без «чайки» коза|к как мо|лодки, подруги ему. Лад|ь|Я — Лад: Мир, Хор Бога и Рак, Ему верный, Конь-Ба|рка Его.**
10. **Луна — Глубь, Бог-Мир: Уд са|мотор|ный, Мо|з|г-Му|с|кул как Му|з|ык|а, Г|уд коло|кол|ьный, God-Go|od (*«хор|ошо» — Благо, Бог, и Мир, Хор-Благо|дать: цельна Глубь*), Я|зык-С|тер|жень; внелуние — хвост его. Облик Гостей — явь тому: уд сфер|ичный с хвостом (*кольцевой — он же: сфера — кольцо; шар — «сар»: змей, укусивший хвост свой*), суть с придатком ее[29] — бур в Глубь. Корнь форм антропных, уд сей есть и мы, но в Гостях явно это, в нас — нет, доколь не *видим* мы. Человек в**

сути — уд: капля Тьмы, Жены (е...ать — eva'ть: Жена — Фалл). В мир придя, стоять учится он и глаголить: Тьма, Ре́чь — Фаллос, коим стои́м мы; созрев, торчит прямо в Высь, Цель (волей Божьей, Ее зря иль нет); старясь — силу теряет, опав к сходу в То, где, Тьма, уд он о|пять: Пять, эфирность. Антропность — страна Шара-Мира в чреде стран иных, не-Антропных; Столп всякой, как формы, — Дух, Суть, Фалл в кон|до́ме ее: Мир, Конь-Дом, Полнота как О|плот. С тем, Антроп — Ду|х во пло́ти, в Антропности Столп-Сверхантропность, в чехле Уд, — но Гость есть чехлу господин, менять вольный его, как меч ножны свои, на уд|об|ный в Людском гар|дер|об|е[30] (на наш — в числе том, в сем притворстве *такой как и мы*), мы ж, незрячи — костюма рабы одного от рожденья до смерти своей. Уд, Член, бренным есть рядная часть, в сути ж — Цел|ое, ряд весь: Сел|ен|а, лик чей — Гость, Мир в капле своей. Чреда лунных антропов с антропом Земным, человеком, смыкается в Полюсе Се|в|ер|а — с Этим То — в ряд Мировой, все-Антроп[31], Тьмой единый: с|мык|аться — Коровой мыч|ать: Кор|мчи|м нам (мычать — мчать: к Богу, в Кор|нь), Тьмой-Любовью, От|мыч|кой сердец (*как Единством, у|с|лад|ой их; му|ч|ит их — рознь, многость (ти|ch — англ.): Тьма та ж*); горе мык|ать — не ведать Ее.

11. **Мир — в Луне́ Дре|во (*Три, Д|ре|й — он*), горн|ий По|бег, Корн|ь чей Бог (*бег, ход — God; бренна жизнь — ма|ра|фон: от|звук Тьмы*), а ма|к|ушка — мир зримый, Ума д|ушный дом, ю|дол|ь с|л|ух|ов безоких; от Бога растет вниз оно[32] (*три|ска — щеп|ка (укр.): Мира, Трех-Дерева часть; «щеп» — «сеп» — се|п|та: Семь, Мир, Божья Жизнь, душ-пта|х Су|ть. Древо, су|к — сук|а, женщина: Мир, Жена-Лоно, лик чей есть сук|куб, Тьма-Лиса*). Трои корень, Афины пал|лад|ий — Лад (Хор), Мир, что пал древно. Дож|дь — дощ (укр.) — до́щ|ки Влескниги: Мир, Речь о себе.**

Древу, Миру согласных очей пора — Древ|ность, Век-Мир Solo'той, когда Целым была часть, Земля — Миром; «úздревле» — из Мира, Века Златого, Земля как мир сей — из Луны, Все-Земли. Мыс|лью по древу не растекаться — есть *видеть* пред|мет, а не мыслить безоко его. Очи *видящи*, Сердце, зрят-мыслят; смотрящи, Ум, — мыслят, не зря. Мир — К|он|ь Бога, Слуга слуг Его, на каком Б|ог гар|цует: «гар» — Гор, О|г|он|ь-Мир, Гор|тан|ь Господу, Песне его («конь-о|гонь» — о нем речь); Кон|цепт-Sep|t|em, Тьмой тем|ный, Му|ста|нг о|гне|вой; сверх уг|лов, «го|н|ос», — Кр|уг, куда Бог сует Ось-Ф|ал|л, С|еб|Я (Ал|ь, Эль — Бог): ко|лес|á — нет без óси его, ку|да лез|ет она. Мир, Конь — Семь; о|сед|лав|ший Коня как Сед|миц|у — В|ось|мой: Ось, Г|ос|под|ь. «И|го-го», коня глас — иго Go|d'a и Матери-Go: Тьма как Камнь, Тяжесть злых как Ва|Л|ун, Бэл-Ва|ал на плечах, Легкость — добрых как Т|вер|дь сто|пам их. Д|рев|о, Мир — Рев пустых, полных — Песнь. Конь Антро́па — челн странствий его в Древе сем, деревянный орел о двух главах: Ан|троп|а — одна, а вторая — мо|т|ор челна, камнь живой: Вакха камнь винный, т'ор|ел'ки-тор|илки к|люв, ost'рый Вершиною, top (англ.) — Люб|овью, Тьмой. Конь, челн — одно; Мир, П|лод — Господу лод|ка: ведь плод — челн, где кор|ен|ь плывет, ее кор|мчи|й; души плод, так плоть — лодка ей. Тьма, Мир — Уд, что с арабского — «дерево»: ведь Древо — он, Сто|лп в Лун|е, Луп|е глаз бренных; лу|п|ас|т|ы, очи Гостей черны Миром, Пут|ем-Па'S|T'ухом, Pus (S = T); «луп» — «лоп», лоп|нуть: отверзнуться, Пол|ностью стать, коя он. Челн Тьмы, Се́ни нам (англ. c|o|ver — крышка: Сень, Тьма-Мать), кора|бль, Богом данный ко странствьям Антропу — ковер-самолет, Мозга-Тьмы мысль, cow'чег, древо чье есть гофе́р: Мир, Gott'ер, иль Gov'ер, Древо-Мать, сущих Ма|Т|ри|ц|а: F = V = T; G = C. Матерь|ял (*я|л|ов|и́чий — коровий (укр.): Тьмы часть, суть Мать*), то — ме|т|а|л|л О|рих|алк: корнь металлов земных, фалл упруг, чей Гоф|р, Т|вер|дь — Got|t, Оплóт наш[33]. Го|фер — Мать несущая (санскр. go — корова, лат. fer|o — несу) как Адама — Ребро: Сто|лп-Глубь, ставший с|упругой, чтоб несть изовне (*несть — нет (ста́р.): Да как «нет» бренным, Бог, нас не|сущ*).

Учит Библия: «муж да прилепится к жене своей» (Быт. 2:18, 21-25) — как к костú плоть. Земной лик его — bull'ат наш, ковка чья — лунный звон колокольный: caus'нец — Тьмы звонарь (и Гефест в мифах слит со Луною), cow'ать — лунный труд, коим зиждет Коров|а по|кров себе: Сердце — Ум верный[34]. Челн — члéн, уд: Тьма, Шило торяще, Селен|а как Бур водяной[35], капля чья челн, торящий Мир, Камнь: Тьма — Тьму. Луна и челн — орихалковы оба: тарелка Воде — что Казан ей. Глубь, Тьма есть В|ин|о, чей Луна ку|бок (к|ра|тер — греч.); Вакх, от Тьмы Тьма — Вина страж и стезя[36], идя коей, вкусим Бога мы из сосуда сего.

12. **Вино это вкусить — есть познать смысл речей сих, прямой как Тьма, Уд. Как Бог сущих един и как свежесть второй не бывает, так истинно сущ смысл один лишь — прямой, очам Сердца согласный; второй, переносный — смысл-Ум, Аристотелев плод, что пленил очи нам, — кривой ложью, есть нуль[37]. Так для древних «Путь Млечный» не об|раз (чужда корка им, знавшим Глубь) — млека шлях настоящий: реку то, что есть, без при|крас; так в любимых очах — тонут вправду: Лю|бо|вь — Тьма-Вода, что чрез очи пленит как Глубь нас, О|мут-Мат|ь (мут|ер — нем.), Огнь в воде бренных г|лаз. С|мысл прямой — Суть сама; пере|нос|ный — не Суть: Нос|а скрытие, Истины-Тьмы как Опоры нос|ящей всего, ложь как спрятанный Бог. А|пол|лон, Л|ок|сий, крив очам дольним, кривым; прямым, горним — прям как Бога луч: троп — троп|á им, Ан|троп|а стезя. *В|идя*, так-то и мы книгой сей древ|ним вслед не шутя говорим: Тьма — Вино; Мир — Конь-Древ|о; Корабль — конь из Древа сего, о Крылáх-Тьме орел.**

В Луне — Бог, в Вине — Истина вся[38].

---

[1] Мира с Богом единство как формы и сути ее — есть завет познать суть в яви должной ее как **призванье души**: формы, Суть чья есть Бог. Сказал Сковорода: «Всяк должен узнать себе, сиречь свою природу, чего она ищет, куда ведет, — и ей последовать… Конь ли еси? — Носи седока. Вол ли еси? — Носи ярем. Пес ли борзый? — Лови зайцы. Дацкой ли? — Дави медведя». И вновь он: «Отнять от души призвание, значит лишить ее жизненности». «Всякому сердцу своя есть любовь» — у него ж. Дела ради сущ всяк, как Ле|**вша** — Блохú ради, под'cow'ы чьи, кои прибил он — Мать, Глубь. Делом есть самóе душа наша: Мир, Бога творенье, в сердцах многий многостью их. Дело — Путь наш: как к Господу — Мир, С|тез|я нам.

[2] Пуст очьми — не имущий в них Мира: очей ради сущ (как они — его ради), Мир есть Полность их.

[3] Мех|анична любовь как Шест|и шес|т|ер|ня. Сердцем жить — есть любить, а Умом без него — *за|ни|мать|ся* любовью, не зная Любовь, сущих Мать.

[4] Незнанье различья меж Богом и Миром, Его проявленьем как **Богом для глаз** есть причина трактовки Хиранья Гарбхи в различных устах то как Бога, а то как эфира, из коего Он слепил Мир; сам же Мир — скрыт от глаз в сих словах. Так, в одном месте сказано: «Хиранья Гарбха есть творческий Дух — Творец, Хранитель и Владыка Вселенной. Его вдохновением созданы все уровни мира проявленного бытия». В другом месте суть та же трактуется как «лучистое или золотое яйцо или чрево; эзотерически — лучезарный «огненный туман» или эфирное вещество, *из которого была образована Вселенная*» (курсив наш) с ошибкою еще и в том, что к Вселенной как Вечному Мигу, как Есть, — чуждо слово «была». Посколь из Я|йца сего рождается Шива, Бог-Муж, — оно есть Мать всего, Лоно лон. Как о Мире, о Хиранья Гарбхе указано верно, что он есть «золотой поток божественного сознания — божественная искра в существах воплощенных», Лин|гам: Богом налитый Фалл, в коем — всё:

> *Этот лингам не материализуется просто так, потому что это не обычный Лингам. Хираньягарбха Лингам, как говорится в Ведах, это изначальное творение Бога — сама Его Воля. И хотя он кажется таким маленьким, внутри он содержит всю вселенную. То, что сейчас происходит, также происходит внутри него. Даже если кажется, что мы снаружи, мы внутри него.*
>
> *Из речи Шри Свами Вишвананды. 30 ноября 2009 года, центр Шпринген, Германия*

[5] С тем, по Сковороде, путь наружному, эм|пи|р|ич|ескому человеку к своему истинному существу, что зовется им внутренним человеком, антропом как Глубью людской — кажет Эрос чрез переживанье любви и дружбы.

[6] О сокрытьи-то этом — с поверхности Вглубь — писал Но|с|ов (муж Носа, Тьмы) в книге о странствии лунном Незнайки. Ее персонаж Знайка «лично побывал на Луне и видел вблизи один из лунных кратеров. Ему удалось рассмотреть, что кольцевая гора была совсем не гора, а остатки разрушившейся от времени гигантской кирпичной стены. Хотя кирпичи в этой стене выветрились и потеряли свою первоначальную четырехугольную форму, все-таки можно было понять, что это именно кирпичи, а не просто куски обыкновенной горной породы. Особенно хорошо это было видно в тех местах, где стена сравнительно недавно обрушилась и отдельные кирпичи еще не успели рассыпаться в прах. // Поразмыслив, Знайка понял, что эти стены могли быть сделаны лишь какими-то разумными существами, и, когда вернулся из своего путешествия, опубликовал книжку, в которой писал, что когда-то давно на Луне жили разумные существа, так называемые лунные коротышки, или лунатики. В те времена на Луне, как и теперь на Земле, был воздух. Поэтому лунатики жили на поверхности Луны, как и мы все живем на поверхности нашей планеты Земли. Однако с течением времени на Луне становилось все меньше воздуха, который постепенно улетал в окружающее мировое пространство. Чтобы не погибнуть без воздуха, лунатики окружали свои города толстыми кирпичными стенами, над которыми возводили огромные стеклянные купола. Из-под этих куполов воздух уже не мог улетучиваться, поэтому можно было дышать и ничего не бояться. // Но лунатики знали, что вечно так продолжаться не может, что со временем воздух вокруг Луны совсем рассеется, отчего поверхность Луны, не защищенная значительным слоем воздуха, будет сильно прогреваться солнечными лучами и на Луне даже под стеклянным колпаком невозможно будет существовать. Вот поэтому-то лунатики стали переселяться внутрь Луны и теперь живут не с наружной, а с внутренней ее стороны, так как на самом деле *Луна внутри пустая, вроде резинового мяча, и на внутренней ее поверхности можно так же прекрасно жить, как и на внешней*» (курсив наш). Правоту мыслей этих изведал Незнайка, в Луну провалясь. В книге сказано: «Тоннель между тем всё круче уходил в глубь Луны. Скоро Незнайка уже не скользил по льду, а просто-напросто падал в какую-то пропасть. Вокруг уже не было так темно. Казалось, что свет проникал откуда-то снизу. Вместе с тем стало значительно теплей, а через несколько минут уже было и вовсе жарко. Яркий свет резал глаза. Незнайка решил, что ему суждено погибнуть в огне, и уже мысленно прощался с жизнью, но неожиданно стены пропасти разошлись в стороны и пропали. Ещё минута, и Незнайка увидел, что над ним простиралось во все стороны светлое, словно покрытое волнистыми облаками небо. А внизу… Незнайка старался разглядеть, что было внизу, но внизу всё было словно в тумане. Прошло немного времени, и сквозь рассеявшийся туман Незнайка разглядел внизу землю с полями, лесами и даже рекой.

— Так вот что здесь такое! — сказал сам себе Незнайка. — Значит, правильно говорил Знайка, что Луна — это такой шар, внутри которого есть другой шар, и на этом внутреннем шаре живут лунные коротышки, или лунатики. Что ж, подождём капельку, может быть, скоро и с лунными коротышками встретимся».

[7] Чжуан-цзы говорит на сей счет: «Луна — исток всех вещей, относящихся к инь». Лунный диск в руках Ню|йвы, богини китайской, есть символ Жены, инь.

[8] О том сказано: «Луна символизирует мир, который человек считает своим, где он ощущает себя в безопасности и ведет себя непринужденно, включая ипостась Ребенка (по Э. Берну). *Аспекты Луны определяют размеры этого мира — от почти отрицательной величины в случае сильного поражения до практически целой Вселенной при гармоничном положении*» (курсив наш).

[9] Наука безбожного мира с ее мифом о черных дырах — невольно глаголит о ней, Дыре дыр. В физике ей отвечает фантом **абсолютно черного тела**, и определяемого как дыра в полость, сокрытую внешнему

свету: в Глубь, Огнь, тайный смертным очам. О **материи темной** догадка — молвь бренна о Глуби в Луне.

[10] Под Луной (где, по древним, не вечно ничто) — сфера бренья; над ней иль за ней как внутри у нее — в корке Суть, в грани Тьма, — сфера Вечного; Вечное ж — Глубь, Ну|мен в Мен|е, Луне, грани сей. Позади есть Внутри; позади — посади: семя — в почву, воглубь. Поза-Ди — поза (вне — укр.) Двух, брения; Двоица — поза (в|ид, об|раз) Ноля, Глуби-Тьмы. Луна — Мира сосуд, В|ход в God, Бога: что скрыто за дверью — размером в нее; не войти — не узреть — не быть в зримом: что зрим — в том и мы. Мир для древних, Единства очьми в него зрящих, един был везде без границ; Мир для нас, рознью зрящих — единый, укрылся от розни в ближайшем очам как Земле: Луне в них. Скрытость Вечности в капсуле лунной от бренных очей — Каран|тин: тын Каран|ы, Причины, грань-смерть, одолеть кою нам — сбросить смертность свою.

[11] Аб|бреви|атура от ex|t|ra-veh|i|cu|l|ar acti|vit|y — внекорабельная деятельность (англ.): выход в Космос — Мать Тьму, куль-ларь Век|а Златого, сосуд, с ним един. **Со|к|ра|щенье от имени — имя же: что сократил человек — прежде Бог, Я его, дал к сему Изнутри**.

[12] Факт наличья в Луне пустоты освещен СМИ не раз. Вот что пишут о том:

- В июле 1969 года, прежде чем первый астронавт Нил (Neil) Армстронг ступил на Луну, на ее поверхность были сброшены использованные топливные емкости беспилотных кораблей, совершавших разведывательные полеты. Тогда здесь был оставлен и сейсмограф. Вскоре этот прибор начал передавать в Хьюстон информацию о колебаниях лунной коры. Данные с Луны удивили ученых. Оказалось, что удар 12-тонного груза о поверхность нашего спутника вызвал локальное лунотрясение, характер которого указывал на *нахождение под лунной поверхностью металлической скорлупы, окружающей ядро Луны*. Анализируя скорость распространения сейсмоволн в этой скорлупе, ученые вычислили, что ее верхняя граница расположена на глубине около 70 км, а сама скорлупа имеет примерно такую же толщину. По заявлению одного из астрофизиков, *внутри Луны может находиться пустое пространство объемом в 73,5 млн кубических километров. Сейсмографы зафиксировали также повторяющийся каждые 30 минут и продолжающийся 1 минуту постоянный сигнал высокой частоты, исходящий из недр Луны с глубины около 960 километров*.
- Данные о физических полях нашего спутника, полученные в результате посещения Луны американскими «Аполлонами», привели ученых к поразительному заключению. На их основании, а также на основании вычисления среднего веса Луны и анализа характера ее движения сотрудник NASA Гордон Макдональд сделал предположение, что *Луна является шаром, полым внутри*! Это заявление подтвердилось в апреле 1970 года в ходе очередной американской экспедиции на Луну на корабле «Аполлон-13». Из-за технических неполадок посадка не состоялась, и на поверхность Луны упала третья ступень ракеты-носителя. Тотчас в ответ на это лунная кора пришла в колебание, достигшее глубины почти в 40 километров. По словам одного из научных сотрудников НАСА, *Луна вибрировала как огромный пустотелый гонг*!
- Внутренняя часть Луны — пустая. Данное положение уже подтверждено экспериментом при помощи сейсмографов на Луне. Один из них был установлен астронавтами «Аполлона-11» в Море Спокойствия, другой — экипажем «Аполлона-12» в Океане Бурь. 20 ноября 1969 года в 4:15 при старте лунной кабины «Аполлона-12» произошло лунотрясение: Луна колебалась свыше 55 минут. Амплитуда колебаний при этом росла. Максимум ее наблюдался на восьмую минуту после старта, затем постепенно снижался до полного прекращения колебаний. Руководитель института сейсмологии Морис Юнк в послеобеденных новостях объявил эти потрясающие факты, сказав: *если объективно охарактеризовать произошедшее сотрясение Луны, можно сказать, что оно напоминает удар в колокол в церкви*. Сейсмическая волна распространялась от эпицентра по поверхности Луны *во всех направлениях, исключая направление вовнутрь*. Сотрясение обнаружило под поверхностью Луны некий *металлический* по проводимости сейсмоволн шар с пустотой внутри него. После сотворения чуда «Аполлоном-12» астронавты «Аполлона-13» посредством дистанционного управления ударили третьей ступенью ракеты о Луну, притом пункт столкновения они выбрали за 87 миль от сейсмографа, установленного космонавтами «Аполлона-12». Лунотрясение продолжалось 3 ч. 20 мин., сейсмоволна проникла в Луну до глубины в 25 миль. В дальнейшем космонавты «Аполлона-13» и «Аполлона-14» провели *множество экспериментов по лунотрясению*, самое сильное из которых продолжалось 4 часа.
- В докладе Авиакосмического бюро Америки ««Аполлон-16» и лунная поверхность» отмечается: по данным сейсморазведки Луны, в Луне существует твердая кора толщиной 40 миль. По словам доктора фон Брауна, скорость распространения сейсмических волн составляет 6 миль/с, что невозможно в горных породах и *совпадает со скоростью распространения таких волн в металлах*. По мнению ученых, *в Луне существует металлическая кора*, покрытая рыхлым отложением толщиной в 10-20 миль. Доктор **Уд** и иные специалисты считают, что отложение это формировалось в течение сотен миллионов лет вследствие столкновений метеоритов, астероидов и комет с Луной. На

основании полученных данных ученые Бюро построили разнообразные модели Луны, одна из которых — *титановый пустой шар*.

- Данные о магнитном поле Луны свидетельствуют, что внутри Луны находится пустота. Согласно научным исследованиям, все небесные тела во Вселенной имеют магнитное поле, однако Луна почти лишена его: в отличие от иных тел она — не сплошная. По результатам исследования проб лунита, добытого экипажами «Аполлонов», и данным прямых измерений, интенсивность магнитного поля Луны меньше тысячной доли интенсивности поля Земли. Как явствует отсюда, *в Луне нет внутреннего ядра, как у Земли: она — пустая*.
- Ученым известно, что средняя плотность Луны составляет 3,33 г/ г/см^3, а плотность Земли — 5,5 г/см^3, т.е. почти вдвое больше. По мнению доктора Халода Юли и ряда иных ученых, это объясняется тем, что внутри Луна пуста. Авторитет по Луне англичанин доктор Вилкинс из Королевской ассоциации астрономии в своей книге «Наша Луна» утверждает, что в Луне существует пустота объемом в 14 миллионов куб. миль. В книге «Путешествие Аполлона во Вселенной» (1976) ученый Лайпот Ричард из Аэрокосмического бюро Америки пишет: плотность проб лунного вещества, принесенных «Аполлонами» с номерами 11 и 12, значительно превышает плотность земных пород: 3,2 – 3,4 г/м^3 против 2,7 – 2,8 г/см^3. В гравитационном поле Луны ее вещество весит вдвое меньше земных пород, причем только внешняя кора Луны так тверда; следовательно, *внутри Луна — пуста*. Так, в частности, полагает доктор **Со|ло|м|он** из Политехнического университета штата Массачусетс. Его статья на сей счет была публикована в журнале «Луна».

(*курсив и выделение жирным — наши*)

13 О том пишется: «В архаических культурах периодичность исчезновения и появления Луны на небесах стала основой сопоставления ее существования с человеческим и послужила причиной для повсеместной ассоциации этого светила с царством мертвых, куда отправляются души после смерти, и силами возрождения. Луна предстает как земля мертвых или мир душ, ожидающих перерождения; идея странствия на луну после смерти сохраняется в более развитых культурах (в Греции, Индии и Иране). Дни мрака, когда Луна исчезает с небес, отождествляются со смертью человека, необходимой для его возрождения. Вместе с тем, поскольку Луна полагается управляющей процессами смерти и возрождения, она оказывается связываемой с судьбой».

14 Луну знавший, Волошин речет ей:

Умершие, познайте слово Ада:
«Я разлагаю с медленностью яда
Тела в земле, а души на луне».

Вокруг земли чертя круги вампира,
И токи жизни пьющая во сне —
Ты жадный труп отвергнутого мира!

«Т|руп» здесь — ад, скорлуп дом: форма (руп|а — санскр.), сути лишенная, *выжатый Мир*.

15 Вода — Мир, Вода — Бог: оба — Глубь. С тем, исламское «Аллах ак**б**ар» — в сути «Аллах ак**в**а'р»: «**Б**ог — **В**ода» (Б = В: **б**асилевс — **в**асилевс). Мир — Жизнь-Суп, Сем|ь (санскр. sap|t`an): «суб», в Мес|яце Глубь-Тьма **(***в исламе Сем|ь — Луны, Сел|ены число (Л = М), четверть лунного цикла; походов землян на Луну — семь***)**; Бог — По|вар, вар|ящий его сущих ради: «ак|ва|р» — «аква-вар». Супом сим Homo sap|iens сущ, с тем — и мудр: Му|д|**ро**|**ст**|ь — Истина-Вечность (Sat), Жизнь как Довольное нам: жить вполне — иметь всё. Sap|ienti sat — мудрому довольно (лат.): ведать и жить. В|одно|сть Мира как имя — вселенские воды Ин|дий|цев А|пас («вода»), в своем повторе (апа|с|ап|ас…) — Sap, Мир как Семь, лик чей Pus, Пан, пас|тух сущих стад. **S**ap, **C**емь — **sep**|tem (лат.): Мир, **Сер**|ый Ша**р** (П = Р), Ша**п**|ка Богу, Главе надо всем, сущих Цеп|ь и **С**|тез|я им, Цепь та ж **(***С и S — одно: S — С по **c**entr'y **s**'вит|ое***)**; «sep» — sep'ия, древности лик: Древо — Мир, с коим древни очами одно; se|p|a|r|a|t|um (лат.) — мне|нье, на Мир взгляд; «sep» — «пес»: Pus б|луд|лив, Пес|нь любовна Творца, Сер|енада, как уст Его Пта|ха: ведь дело творца — песнь его, при хозяине пёс верный. Sap — spa: очам Мир — Шпа|л|еры у|зор|ны, усыпаны зор|ями, з|везд|ами (укр.); Тьма — Сон бренных очей, сущих spa'ть («шпал» — «спал»), Шпа|га разяща, чрез бездну Шпа|га|т, Уз|да-Гат|ь **(**lun|ge (англ.) — s. удар (ра|пир|ой, шпа|гой); толчок; 2) v. нападать, делать выпад; гонять (лошадь) на корде**)**.

16 Как Слово, Мир, Дес|ять — начало сигнальной системы второй, высшей в нас: De|s|ig|n Господа, Тьма как Си|г|н|ал горний. Глубь есть Второе покровным очам: тьме — Ого|нь, душ Ма|я|к; удивление сим Величайшим — «ого!», возглас *искренний* наш. Си|гнал — гнал: Пус|тота бренных глаз, Тьма — Пас|тух, Огнь по|тух|ший в очах, что страшит и влечет нас как Pus, Пан, толп ужас, с свирелью манящей своей.

17 Др.-греч. ὁ ἔτυ|μος — «настоящее значение слова» (от сего — «эти|мо|логия») — суть «етú Мать», (*фраза бранна в миру; в сути ж фалл мужской — Мать, Уд-Жена: чрез Отца как че|хол — ход в Себя*), торить Ее как Корнь речи, Смысл, коль дозволит и сил даст Она, Сила сил.

[18] От сего — Книги Мертвых египтской завет «не мешать водам течь»: людям — дать быть людьми, человеку — собой.

[19] В тексте повести это прямо подтверждается многозначительной деталью: Лем пишет, что первый сателлоид, отправленный на орбиту **Солярис** для его изучения, назывался «**Луна**-247».

[20] Причинна Земле, Луна, пишет Блава|тская, жар свой отдав ей, остыла. Об этом читаем мы в «Тайной Доктрине»: «Луна является сейчас охлажденным отбросом, тенью, влекомой новым телом, которому переданы ее жизненные силы и принципы. Она обречена теперь на протяжении долгих веков преследовать Землю, привлекая свое порождение и будучи сама привлекаема им. Постоянно вампиризуемая своим порождением, она отомщает ему, пропитывая его своими губительными, невидимыми и ядовитыми воздействиями, излучаемыми оккультною стороною ее природы. Ибо хотя она мертва, но, тем не менее, еще живое тело. Частицы ее разлагающегося трупа полны деятельной и разрушительной жизнью, хотя созданное ими тело теперь лишено души и безжизненно. Потому ее излучения одновременно благодетельны и вредоносны, — обстоятельство, находящее на Земле параллель в факте, что травы и растения нигде так не сочны, нигде не растут с большею силою, чем на могилах; тогда как, именно, эманации кладбищ или трупов приносят болезни и убивают». Жизнь сия как **жизнь трупа** — оксюморон речи: абсурд как **Причина отстывша, уволенный Бог**; в мире Духа отдача — Дар, длань же дающа — на Огнь не скудеет вовек. Огнь отдать — для причины есть следствием стать, утеряв Суть свою. Знала это Блаватская сéрдцем, да ум зáстил очи ей. С тем, в Луне зрит в одном месте книги С'Елена сия труп: нагрелся сторонним огнем — остыл, брошенный им; в ином месте же, споря с собой (ложь — себе не верна), пишет здраво: «Луна является спутником Земли лишь в одном отношении, а именно в том, что физическая Луна вращается вокруг Земли. Но во всех других случаях именно Земля есть спутник Луны, а не наоборот. Как бы ни было поражающе это заявление, оно не лишено подтверждения со стороны научного знания. Оно подтверждается приливами, периодическими изменениями во многих формах болезней, совпадающими с лунными фазами; оно может быть прослежено в росте растений и ярко выражено в феномене человеческого зачатия и процесса беременности. Значение Луны и ее влияние на Землю были признаны каждой религией древности, особенно еврейской, и были отмечены многими наблюдениями психических и физических феноменов. Но пока наука лишь знает, что воздействие Земли на Луну ограничивается физическим притяжением, заставляющим последнюю вращаться в ее орбите. И если бы возражатель настаивал, что этот факт сам по себе достаточное доказательство, что Луна действительно является спутником Земли и на других планах действия, можно ответить, задав вопрос — будет ли мать, которая ходит вокруг колыбели своего ребенка, охраняя его, подчиненной своего ребенка или же зависящей от него? Хотя, в одном смысле, она его спутница, тем не менее она, конечно, старше и полнее развита, чем ребенок, охраняемый ею. Следовательно, именно, Луна играет самую большую и самую значительную роль, как в образовании самой Земли, так и в населении ее человеческими существами».

[21] В истории муж сей, ведóмый по жизни Луною, известен как похититель ее у индейцев, служивших как Матери ей.

[22] В письме русской женщине Е. Векиловой, вышедшей замуж за мусульманина и спрашивающей совета, как быть ей с тем, что сыновья ее желают принять ислам, Толстой пишет меж прочим: «Что касается до самого предпочтения магометанства православию (...), я могу только всей душой сочувствовать такому переходу. Как ни странно это сказать, для меня, ставящего выше христианские идеалы и христианское учение в его истинном смысле, для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что, если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтет магометанство с признанием одного догмата, единого Бога и Его Пророка, вместо того сложного и непонятного в богословии — Троицы, искупления, таинств, святых и их изображений и сложных богослужений...» (Ясная Поляна, март 1909 г.). В ином же письме, откровенно делясь с адресатом своим положеньем, Толстой добавляет к сему: «Я бы очень рад был, если бы вы были бы одной веры со мной. Вы вникните немножко в мою жизнь. Всякие успехи жизни — богатства, почестей, славы — всего этого у меня нет. Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни — либералы и эстеты — считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие — революционеры и радикалы — считают меня мистиком, болтуном: правительственные люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня дьяволом. Признаюсь, что это тяжело мне... И потому, пожалуйста, смотрите на меня, как на доброго магометанина, тогда все будет прекрасно» (писано там же и тогда же).

[23] Утверждают, что Армстронг спустя некоторое время после полета неожиданно для всех принял ислам. Вот что пишет на сей счет исламский источник: «выбор Армстронга объясняется той частью полета, которую не любят комментировать руководители NASA. Вот, что происходило на Луне во время первой высадки. Олдринг, Коллинз, Армстронг из «Аполлона-11» во время исследования поверхности Луны неожиданно увидели дивное явление — два кольца над морем Спокойствия, похожие на открытую книгу.

Изменив положение оптических приборов, астронавты еще раз убедились, что увиденное ими имеет форму открытой книги. Кроме того, звучала неизвестно откуда взявшаяся музыка и пение на арабском языке. Все разговоры в этот момент записывались на магнитную ленту. На следующий день книга исчезла. Когда Армстронг ступил на Луну, опять раздался звук, похожий на сигнал. На этот раз (все опять записывалось на ленту) послышались такие слова: «роббиал ардздини инда хуиза куналийм», затем опять послышался звук, похожий на музыку: «ашхаду ала иллаха ил-лаллах» и «ашхаду анна Мухаммада-р-расулуллах. Астронавты долго не могли понять, откуда доносились звуки. Переговоры с Землей прояснили, что звуки шли прямо с Луны. В момент появления этих звуков астронавты одновременно почувствовали приятное ощущение и странное недомогание. (Обратите внимание, как это похоже на ощущения пророка Магомета, которые он испытал в присутствии Аллаха.) Астронавты вернулись на Землю. Еще раз были прокручены кассеты и проведены консультации с ответственным секретарем NASA Ал-Базом. В узком кругу он дал разъяснения по поводу «музыки», звучащей на Луне, объявив, что это святое изречение на арабском языке: «Свидетельствую — нет Бога кроме Аллаха». Прошло немного времени, и это же «изречение» услышал астронавт «Аполлона-16» Ворден. Однако никому в NASA это не принесло особого удовольствия, и новость постарались скрыть. // Все тайное рано или поздно становиться явным…Так и произошло. Спустя 14 лет, в феврале 1983 года Армстронг приехал в Египет для участия в конференции. Это была первая поездка не только в Египет, но и в Исламский мир. Во время заседания, в конце первой части, сидевший в президиуме, Армстронг вдруг побледнел, услышав с улицы уже знакомый певучий голос. Спросив взволнованно удивленных египтян, что это за музыка, Армстронг узнал от них, что это — азан, который подобно церковным колоколам сзывает правоверных на молитву. Слова Армстронга, прозвучавшие после этого разъяснения, были для египтян подобны грому среди ясного неба: «Этот голос. Это то, что я слышал, впервые шагнув на Луну, от чего у меня мурашки побежали по телу! Сначала у меня стоял шум в ушах, затем, слушая этот голос, раз за разом, я испытал приятное чувство». Затем, по утверждению очевидцев, бледный, как полотно, Армстронг произнес: «О Аллах! Я Тебя нашел не на Земле, а на Луне!» Он замолчал на несколько секунд и, немного придя в себя, продолжил: «Я ступил на Луну без молитв, а теперь я буду молиться, можете считать меня мусульманином». Может, полет человека на Луну описан еще где-то? Конечно, первый выход человека на поверхность иных космических тел обязательно должен присутствовать и в пророчествах Библии. В главе 4 Откровения Иоанна Богослова речь идет как раз о некой загадочной «Книге за Семью печатями», которую держит в руке «сидящий на Престоле» Престол этот находится на небе. А «сильный Ангел» у Престола призывает открыть тайну этой книги. Нечто схожее с американскими лунными парадоксами уже чувствуется. Но продолжим поиски. Фамилия «Армстронг» переводится как «сильная рука», да и космонавт, в некотором смысле, «ангел», поскольку летает за пределами Земли. «Книга за Семью печатями», очевидно, Коран — ведь первая его сура называется «Открывающая книгу» и содержит именно 7 аятов. Попытаемся теперь найти объяснение месту происходящего. «Аллах» переводится как «белая рука» Символ ислама — рука и полумесяц, что может означать и намек на место пребывания Аллаха — Луну. Сочетание всех этих факторов приводит к потрясающей гипотезе — **американцы побывали у Престола Бога!** И именно в этом причина всех технических недоразумений. Там, где происходят чудеса — законы физики недействительны. // Американские ученые столкнулись с рядом проблем и необъяснимых явлений. И поняли: продолжение Лунной Эпопеи грозит подрывом авторитета материалистической науки. Поэтому, наверное, ими и было принято решение о прекращении полетов. Это объясняет и позицию советской стороны, которая, скорее всего, встретилась с теми же проблемами» (выделено нами — *Авт.*).

[24] В своих «Подражаньях Ко|ран|у» рек Пушкин о х|ляб|и Небес, Грузе лунном:

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не *подавят* нас собой.

С|во|ды Неба здесь — суть Луна, Мать Сва как Сва|я всех сущих, держима Творцом Изнутри: Глубью — Глубь.

[25] Явь сему есть питанье его изовне с исторженьем вовне ж. Гость — лишен сего, Глубью кормясь как Луна Солнцем в ней.

[26] Сковорода говорит о нем: «Истинный человек есть *сердце в человеке*, глубокое же сердце и одному только Богу познаваемое не что иное есть как мыслей наших неограниченная бездна, просто сказать душа, то есть истое существо, и сущая истина, и самая эссенция (как говорят), и зерно наше, и сила, в которой единственно состоит (сродная) жизнь и живот наш» (курсив наш).

[27] Металл сей — второе прозрение Носова в книге его. Пишет так он: «В другой раз (это случилось вечером) Знайка долго сидел за книжкой, а когда наконец решил лечь спать, была уже глубокая ночь. Раздевшись и потушив электричество, Знайка забрался в постель. Случайно его взгляд упал на лунит. И опять показалось Знайке, что камень светится сам собой, и на этот раз даже как-то особенно ярко. Зная, что все это лишь эффект лунного освещения, Знайка не обратил на камень внимания и уже собирался

заснуть, как вдруг вспомнил, что в эту ночь было новолуние, то есть, попросту говоря, на небе не могло быть никакой луны. Встав с постели и выглянув в окно, Знайка убедился, что ночь действительно была тёмная, безлунная. На чёрном, как уголь, небе сверкали лишь звезды, но луны не было. Несмотря на это, лунный камень, лежавший на подоконнике, светился так, что не только был виден сам, но и освещал часть подоконника вокруг себя. // Знайка взял лунит в руку, и рука его осветилась слабым, мерцающим, как бы льющимся из камня светом. Чем больше глядел Знайка на камень, тем ярче, казалось ему, он светился. И уже показалось Знайке, что в комнате стало не так темно, как было вначале. И он мог уже разглядеть в темноте стол, и стулья, и книжную полку. Знайка взял с полки книгу, раскрыл её и положил на неё лунный камень. Камень осветил страницу так, что вокруг можно было различить отдельные буквы и прочитать слова». // (…) «Камень светился чистым голубым светом. Он весь как бы состоял из тысячи вспыхивающих, мерцающих точечек. Постепенно его свечение становилось всё ярче. Оно было уже не голубым, как вначале, а какого-то непонятного цвета: не то розовое, не то зелёное. Достигнув наибольшей яркости, свечение понемногу угасло, и камень перестал светиться».

Духом целен как явною Силой, камнь этот сильней вещества Земли сей, где Дух скрыт. С сим согласен и Носов, рекущий: «Для того, чтобы получше изучить свойства лунного камня, Знайка решил подвергнуть его химическому анализу. Однако и тут встретились непреодолимые трудности. Лунный камень не хотел вступать в соединение ни с каким другим химическим веществом: не хотел растворяться ни в воде, ни в спирте, ни в серной или азотной кислоте. Даже смесь крепкой азотной и соляной кислот, в которой растворяется даже золото, не оказывала никакого действия на лунный камень. Что же мог сказать химик о веществе, которое не вступает в соединение ни с каким другим веществом? Разве только то, что это вещество — какой-нибудь благородный металл вроде золота или платины. Однако лунный камень был не металл, следовательно, он не мог быть ни золотом, ни платиной».

28 Тьму, Воду имея движенья средой, челны эти по сей-то причине летают в стихии воздушной и плавают в водной на равных: две сих — Тьма одна. Посему летать — плавать, челн — птица. С тем, нам самолет есть «корабль», и челны коза|ков, лодки их — зва́лись «чайками» в|ста|рь.

29 Сиречь спермий, с вин|т|ом плытья уд.

30 О японском мече говорится согласно:

> *Катана — настоящее боевое оружие, и главная ее часть — клинок. Но одной из отличительных особенностей именно японского меча является конструкция. Клинок может иметь несколько рукоятей и ножен и легко «переодевается» буквально в течение нескольких минут. Причем если ножны и рукоять делаются под конкретный клинок, то цуба может быть подогнана мастером под любой меч. Значительная часть катан живет в виде широ-сая («белые ножны») – клинка с простой деревянной рукоятью и ножнами без всякой отделки. Купив такой клинок, владелец может в дальнейшем добавить к нему «парадные» рукояти, ножны, цубу.*

31 Полюс — плюс: Двух конец, пункт слиянья в Одно.

32 Буквально — с|вис|ает с Творца: Силы, Vis, Мир пит|ающей; Сила — Выс|ь, Ос|ь (вісь — укр.), Vit|a, Жизнь (лат.); **vis vit**|alis: Сила и Жизнь — одно (S = T). Так в Дева|на́г|а|ри, горнем письме Девы, Тьмы, Змеи́ (на́га — Сан|скр.) поры Ари|йской сей, — знаки, крюки Тьмы, свисают с единой Чер|ты, коя Бог: Нав|ь-Вода, Корнь надежный (лат. на́|v|is), Навéс, что навúс поверх глав. Так, Г|ос|под|ни, мы, лю|ди, свисаем с Лу|ны, Уд|а л|у́|**д** сего: Уд — Тьма, Глава (греч. ke|**phal**|ē), Луна как Коль|цо, кое кол|ет умы как Суть их, Сердце **(*х*|*ра*|*м*|***ы*** *Луны с тем — **кр**|**ом**|лех|и, кр|уги-фал|л|ы, столп чей — мен|гир: Камень-Уд, Луна, Суть-кром|ка*)**; «ди» — Два, Но|ля **м**|*но*|*ги*|й п|лод, от Тьмы тьма, лу|**т**|ка **(**Д = Т: Go|**d** = Go|**t**|**t**)**, ла|т|ки-корки Ее, капли Воды одной **(***луд — пол|уда: пол-Уда — Два, Ноль-пополам; крытье лудом, лу|ж|ень|е — С|луженье: Ума — Сердцу, корки — Я|дру*)**. Бог в Луне — Мира Столп. Посему на надгробиях у му|суль|ман Древо Мира как Ж|из|ни (Жены из Творца, Лона в Нем), освещает Луна.

33 О|рих|алк, Ат|лан|тиды (земли Глуби, лун|ной) металл: Тьмой надутый алмаз (углерод, древа ткань), ме|т|а|лл-огнь Меты (цели — укр.), Тьмы-Гол|овы, Алк|о|гол|я-Богатства (ric, rich), прямой Им как ф|алл (уд), не|рих|туем извне: Прямизне кривизна — не у|каз. Сим металлом сложён, челн Гостей есть о|рел деревянный: **с**|**тр**|**у**|**г**, Древо чье — Мир, По|бег Бог|а как Рел|ьсы в Него. **Уг**|л|е|род, Тьма как Семь — угл-Эрот: Мир-Любовь, Угл пред Кр|уг|ом, Творцом, у Гл|авы сей. Из Мира корабль лунный вы|струг|ал Бог.

34 О том сказано:

> *Японским мечам часто дают собственные имена. Вот этот, например, зовут «О-цуки-сама-но канэ», в переводе с японского — «Колокола Луны». Это своеобразная загадка-шифр в типичном для культуры дзэн стиле.* ***Речь идёт о кузнецах, которые во всем мире работают в основном ночью, когда восходит Луна, а стук их молотков напоминает звон колоколов****», — говорит мне заместитель директора ВНИИТС (твердых сплавов) и идейный руководитель мастерской исторического японского оружия «Tetsuge» Сергей* ***Лунёв****.*
>
> *(выделено нами)*

[35] Воде капать — копать; «член» — «селен»: Тьма, Причина, Глубь сущих — торит Изнутри. Из|ну|Т|ри, из Луны, Силой Лунной — челнов Гостей ход: в очи наши — из Мира как Глуби зрачка, число коей есть Три. Челн — ков|чег, чех|ол Духа, kou (ег.), — парус Ветр|у сему, что верт|ýт кан|ал в То; Дух — Глубь лунная. С тем, ковчег — символ Луны древний, с ним — ладья мертвых, Глубь — Дóм чей, Тот Свет.

[36] Как колон|на ко Лон|у сему, столб в плаще. Путь Дождя — стезя винная эта: Вино и Вода — Глубь одна. Явь сему — чудо Вакха-Христа: претворенье воды в вино — Глуби в Глубь ту ж.

[37] Миром Это назвав без Того, Целым — часть: Ум, взомненный Творцом посему, — Стагирит перенес Всё в ничто, растворив смысл прямой: в Сатане — Бога, Суть, что не зрят в век Ума.

[38] A|MEN — в MEN: MEN — Луна.

Основная часть

Суть наша духовна[1]. Факт этот для нас тем яснее, чем тверже торим мы материализм[2]. И вовеки огнь звезд — злато тех, кто упорством и верой расторг путы терний, стяжав Цель и Путь.

Мир — река, что имеет Исток. То — Бог вечный. Иллюзия — завесь, таяща Его. Но, сокрыт, Он струит Мир бессонно. Он — Сердце его, Жизнь. И сердце в груди у нас — храм Божий. Истина — там; к ней идя, знаем Путь.

Легок он? Нет — тернист: его застит иллюзия, тать наш. Его ль убоимся?

Расторгнуть оковы!
Прозреть!
Победить!
Взойти в Истину — и не прейти уж!

Враг, тьма, одолим чрез Познанье, плод чей — этот труд. Мысль веков, свитки Древности в нем мне подмога. Под прахом времен они многим игрушка ума. Но учения эти — живые: в них действует Бог Озарения нашего ради[3]. Опершись на них благодарно, чрез них в своем сердце Его обретем как Исток.

---

[1] В разумении новом. Материей Древних — был Дух.

[2] Прежде чем ввесть тебя, друг мой Читатель, в круг книги, скажу про язык ее. Сколь ни тяжел он, он есть не ман|ер|а как внешнее, ум, — **сердце, са́м я. Он в сути не проза — стихи, глубже ж — песнь, вода уст**. Стих — песнь издревле; poet — поет. Как указано древними, проза как суть в мире сем изошла от поэзьи, комедия — от трагедии. С тем, **проза в корне — стихи**, что, еди|ны с траг|еди|ей в нем (ибо места в Одном — Двойке нету), темны по текучей природе своей: ведь начальник т|ра|г|е|д|ии (от «т|раг|ос» Греков — козел) — Ва́к|х, Тьмы бог (в чреде ликов — козел), корнь само́й речи нашей, богиня чья — **Вак**, с богом сим слитна сутью и именем: Х бренью — буква п|уста́ как очам тленным Мир: пустоте — Полнота, число чье Десять, Х. «Вак» — «вок» (Альфа — Омега): vox — глас (лат.), во|к|ал как дар Ва́к нам. E|v|ok|e — вызывать (англ.): гласить **E|в|о|й**, Тьмой; «эво|хэ» — здоравствуй (греч.): Тьмою полнись! З|ал Вак есть вок|зал, храм речей лучших — вст|реч и прощаний, пер|рон с чередою ваг|онной; вокзал есть жизнь бренна сия: встреча — радость, рож|день|е, прощанье ж — смерть, боль. **Вак, Речь — Тьма, Полность Мира; Мир полный — глаголющий Тьмой. Полность, Тьма-Речь — Богатство (богатый — rich (англ.))., Глубь как К|лад**. Вак, Речь — Вс|т|ре|ч|а как Ра|до|ст|ь двоих: Ноль меж ними как Тре|тье, Звено их (З|вено — Вино: Тьма, К|лей); вак|ант|ный — пустой как не-полный, Вак-анти, от Сути дыра, половинна ей: рознь — пустота. Х и К, Суть с пол-Сутью как Суть в сумме их (ибо К — полу-Х, Суть разъята: без Сути живящей — нуль; слитность их

— Ва**КХ**, цель|на Тьма**)**, спряжены как Безмолвье и речь, что звучит; и речь-звук **(**z|vuk — «с Вак»: с Тайной — явь; «вяк|ать», глаголить — от «Вак»; к|вак|ать — к Тьме взывать в ночь Вак, Луны**)** — вещ|ест|во, а Безмолвье, Вак — Вак|у|ум, Корнь-Столп его: Тьма-Вода, **Мать Корова** **(**лат. vac|ca, единое с «акв|а» — вода (лат.), жена (де|ла|в|ар.)**)**, Кем безмолвствуем мы и **му**|дры как слов Златом **(**санскр. **му**|ни — 1) молчанье, 2) м|уд|рец**)**, Коей льется-ж|ур|чит наша речь, go|v'op **(***от go — корова, бык (санскр.); cow, gov — корова ж, суть Мать, кою пить как Пустое — гов|еть. Го|вор — вор, Сути-Тьмы рас|т|очи|тель мирской как вой* **(***voi|се — голос (англ.)) Д|вой|ки, лаза в Тьму-Мать***;** *красно|речья основа — уменье молчать: Вак в вок|але своем***)**. **Речь, Мать есть Виноград, а Безмолвье — Вино́ есть Она, с|ок его: Глубь как Истина, Суть, без пелен** (с тем, в миру ВАК — совет по оценке трудов: их поверке на Истину, Тьму). **Го|мер, поэт поэтов земных и царь всех кои пишут-рекут (ведь поэзией правя, и прозы он царь), речи столп — суть Go-Mer|os, Мать–Мера: ведь речи Начало — Мать, явь чья Гомер, личность-Миф. Госпожа всех рекущих, Царица поэтов и Му|за — Она, Птица Сва (ведь, Корова, — и Пти́ца Она), крылья чьи — Пан и Вакх**. Молвь с Безмолвьем едина: Безмолвие есть Сердца речь, молвь — Ума. Гол|ос — гол|ая Ос|ь, Тьма-Безмолвие, **М**|axi|**mu**|m (axi|s — ось, axi|os — ценность (греч.)**)**. Тьма-Корова, Речь **(**мов|а **(**укр.): та, коя моет-с|мыв|ает, Вода**)** — Божья Муз|ыка, коей пленен Аполлон Мус|а|гет (Μουσηγέτης); Му|са́, Мо|и|с|ей — Речи сей, коей был Божий глас, внял как Музыке сфер, **Ка|м**|ер|тон коей — Бог, Тьма-Любовь. Тьма, Вак — Дал|ь, Да|р Господний: «дар» — «дал»; Да|ль Владимир — слуга Речи, славный зело. Лики Вак — Рун|ы, птица Ее — г|ов|о|рун, глас меж звезд. Речь звучаща есть го|р|ечь или ки|сло|та **(**ведь рекущих мирскому в угоду рек|а — Рок**)**; Безмолвие — Мед, что с|ласт|ит ее: Mad, Суть как Сердце ума сего Тьма-Ma|d|am, Дама. Корнь сей, Она — То, что ре|чисто молчит, как любовью к Ок|сан|е **(**«ок|sun» — Красота, очей солнце**)** — Вак|ула-кузнец, душой чист **(***«ула» — Тьма же, Юла-Т|ор, Б|ур в Суть как Себя самое. Цезарь (Cae|s|ar) Ю|л|ий, муж острый — Ол|имп|а, им|п|ер|ьи Н|ол|я как Тьмы-Са́us'ы плод; Юлий — у|лей, дом Мед|а: Ма|d, Тьмы***)**. Рекут Веды о Вак: «эта наша слад|коз|вучная дойная корова Речь, доящаяся отрадой, питательной силой» **(***Риг|веда VIII:100:11; «риг» — «рог»: веда гимнов, Ри|гв|еда — Корове хвалы: гимн — гімн|о (укр.) — го|в|но, кал — от «Кал|и», Тьма-Мать; Гименей — gin, Мать та ж (гин|е|кей — чер|то|г жен): M = N; gutno|s — гол|ый (греч.): Корова — Истина-Мать, Наг|ота-Гол|ова; наг — змей (санскр.), враг пелён***)**. Вак, Речь-Мать, и Вакх, Сын ее — пара едина: Вок|ал и Бок|ал, Бок Коровы, Бык-Сын как при Сути пол-Суть, Сути бак **(**в половинных очах — царь над ней: бренью раб — господин**)**, при Х — К **(**так Х|ри в Ведах — Причина, а К|ри|шна — Сын ей**)**. Г|рек|ов бог, Вакх, Тьма, — речи бог как Рек|и-Мира, лик чей есть Эллада: «г|реч» — реч|ь. Речь, Тьма — Сердце: ведь Сердце — Тьма. В Мире Ума речет Сердце делами безмолвно; рекущему вслух — не сносить головы: Глава, Сердце гонимо Умом, коли то Ум-Нарцисс. Так лишился главы Ци|цер|он (Ci|cer|o), Се́р|дца муж (Ци, Ки — Дух): Рим, отчизна его и ар|ен|а — суть Ум. **Речь-Корова — Любовью нема, коей нет в Сем, иль есть лишь как при|зрак (нема — нет (укр.)): Тьма, То — Лю|бовь, Дело чистое, Дей|ст|вье лю|дей как Безмолвье, Sil|en|tium (лат.) — Сил|а сил, Глубь-Сел|ен|а**. «В присутствии предмета любви немеют самые смелые уста и остается невысказанным именно то, что так хотелось бы сказать», — рек Сер|ван|тес **(**Мир, Шар Любви — сер, о чем дале**)**; Ш|ек|с|пир же сказал: «Истинная любовь не может говорить, ибо истинное чувство выражается скорее делом, чем словами». **Безмолвие — огнь, слов взыскующий как Тайна — яви; огнь тайный, наружу просясь и не выйдя — палит Изнутри**. «Опасней и вредней укрыть любовь, чем объявить о ней» (Шекс|пир). Мол|чанье, То — Мал|ость в сем мире: таков бог Эрот, на Олимпе — дитя, с ним — наука любви *весьма малая*, сведущ был в коей Сократ.

Тьма, Вода-Мать — Река рек: Причина и Сердце Вселенной, Длань Бога влекуща. Корова, она и Коз|а — суть Саú|s|a, Причина (лат.), Ко|u, Дух (ег.), Коз|ырь нас, сущих в Нем, как противных Кос|арь, С|ер|п т|ра|в сих **(***так «с|каз» — молвь; «коз|нь» — Тьма-Зло, сердцам Каус|тик-Я|д, Каз|ус дней; «каз|нь» — суд Тьмы***)**. Тьма — Коро|**ВаК**|оза; от Козы сей — «ко|зел», «дух зел|еного», цвета Любви и вина, зе|л|ья Вакха, единых в сем боге как Тьма, его Суть, что зовется Великим Зеленым: как Два в себе, Тьма, Ноль, двуцветна — черна-зелена. Тьма, таков бог О|зи|р|ис, Того судия, ур|ожаев податель с зеленым лицом: Ur — Or, Тьма. Тьма, таков Вакх. Бог темный сей чащ, бог лесов, и долин, и лоз|ы виноградной (и моря лаз|ур|ного — по «Илиаде») — бог зелени с|оч|ной. Зелен|ич (зелинць, зелиниць), лист|вич (листвиць) — др-рус. божество: Глуби, Тьмы лик. «Зел» — «сел» — «сил»: Зеленое — Сил|а, Тьма; gre|en, зеленый (англ.) — Хри-En, Причина **(**Хри, Х|ари — Причина (инд.); en — не (греч.), Тьма: То, Не-Это**)**, цвет Гре|ции Вакховой **(***от|сел|ь — от Корня сего: от Творца — древо-Мир Игг|дра|сил|ь, от Сел|ены — Зем|ля***)**, в|ер|ы Суть как в Эр|оте — Любовь, Рек|а-Тьма как э|р|ек|ции То|к, Дух как Уд. Ввысь влеком Силой сей про|зе|л|ит как в дом свой: Высь — Vis (лат.), Сила-Тьма. Дух г|еро|ев (кто смел, Силы полн, — весел), она — ве|сел|ья Ве|сло, слово чье — зело́, оче|нь: Тьма — О́чи **(**с тем, ревность — лат. zel|us, очьми неусыпная**)**; быть — есть быть в них, сих творящих, с тем — в наших, Корнь коих они. Буква Зело в кирил|лице — S посему, буква S'илы и Истины, Sat: обе Тьмá они; sel — tel (Эрот — Эрос): Мир, Тел|о. «Зело» — «чело»: Тьма как Корнь чело|век|ов, Глава их. Слав. Жел|я, иль Zela в Европе Центральной, — о воинах павших с|лез|а, жал|ь, и жертва огню: «зел» — зол|а, Чернота; жал|кий — жат|ь-выжимать (слезы, влагу ль ину́) — жатва, время Луны, госпожи вод, плодов: Тьмы, Сер|па; у|зел (рус.) — ву|зол (укр.): Тьма, Причина есть Узел всего, Т|о|ч|ка сборки — Сел|ен|а-Луна, Узел-Глубь, внутри черный, зелен|ый извне. Гости наши, Тьмы капли, летящи с Луны — сути с кожей зеленой; кровь их зелена, плоть — черна. «Зел» — «жел»: огнь солнца — жел|т очам; желтый с зеленым, соседни цвета — суть одно. «Жел» — же|л|ез|о, металл огневой, боя лез|ущий жезл; «жел» — же|л|ан|ье: по сути — Любовь сама. Зе|лье — трава, з|ла|к, лекарство; дух зел|ий цел|ящий — Любовь, Тьма **(***дитя чье — Жи|з|ель: Жизнь-Любовь, Зелень-То; Се|ль|é Ган|с — ее ратник***)**, чье тело — Сел|ен|а, Луна, зел|ен|á Тьмою (en — греч.); трава, her|ba (лат.) — Her, Любовию-Тьмою, сильна-зелена от Луны, рост дающей. Любви полн был Г|рин, «Парусов алых» муж, с ним — Зеленая Рин|а, д|очь лунна. Бог Ке|цаль|ко|атль, «змей о перьях зеленых», Лю|бовью пер|нат-цел; целенье — зелéнь|е сей Силой зеленой; зе|лей|ник — це|лит|ель, знаток травных сил; озе|лить — во|рож|бой о|до|л|ет|ь: духом внешним, каков Сатана, во́|рог наш; зелье (стар.) — по|р|ох, жаркий зело. Зло **(**«зело» как спад в крайность — от Господа, Меры отход**)** — Тьмы кап|кан: Ум пустой, у|зел Сердца, по Ведам, что до́лжно разъять нам, как Го́рдиев узл — Ма|к|ед|онский; у|злом пленён — зелен лицом. Тьма-Причина, Саúsa, куса|юща хвост свой (довленье себе — знак Причины) — Коза, коей Сын — Ва**кх**, **К(х)**озел; Тьма и Сын — Ва|К|озел, цельна Суть: Огнь-Вода, что несет сущих нас: vaac — 1) речь, 2) слово, 3) звук, 4) высказывание; 5) язык; vah — 1) нести, 2) приносить (аромат), 3) течь (о реке); v`ahni — 1) огонь, 2) тление. Тьма, с|лад|коз|вуч|на, — Ко|ров|а-Ко|за, Cow-Cau|sa (cou — Дух (ег.)), что мычит-блеет **(***с тем, Смерть Коровья — одно с Козьей Русам; дом-каз|нь Прометея Кав|каз = cow + каз; Каз|бек, Коз|а-Бык — то ж по сути***)**; Вакх, Сын ее, есть Бы|К|озел.

Тьма как Ноль есть Безмолвье, как Двойка ж — рекущи уста: з|вук|и Вак, в коих льется Она как Река в берегах — Тьма-во-тьме, Тьма одна, ведь Река — и поток, и брега. В слоге-Тройке как Мире (ведь Мир — Тьма) поток, Сердце — Бог, в гласной Голос, абстрактная Суть; Ум, брега неподвижны — со|гласные буквы, конкретность в сем мире Ума как за Богом Второй, Сатана: «к**о**н», «к**е**н», «к**и**н» — кон|ь един; «р**о**з», «р**е**з», «р**и**з» — Роз|нь одна. **Речь — Река: ее корни, текучи, преходят друг в друга; знать Реку сию — ведать Миг: Бога, Корнь Реки сей** (Гераклит, говоря «все течет», мыслил: все, *кроме Корня сего*). Слова древни в себе — строй без гласных,

был коими **сам челове́к, глагол-глас**. В Дева|на́гари, Матери-Девы письме, посему каждый знак для согласного — гласную, а, несет по умолчанью: безмолвье сие — мы, с сим слиты письмом: с бук|вой — дух в бак|е сем. **Речь — Вода как Река; люди — во́ды Ее, Речи этой глаголы: реку — Тьмой, Реко́ю теку я (и г|рек, о не'god'ном к делам говоря: «ни читать не умеет, ни плавать», — о Речи-Воде рек, нам коя Камнь пробный). Из Тьмы со|сто|я как душа (а|тма — искра Костра, огнь от Ма|тери), капля Ее, тела полность, — из речи своей состоим; не рекущий — недо-человек: недо-Глубь, недо-Мать. С тем, познать нам с|еб|я — как Я, Глубь (к чему зов — зав|ет Дельф и Сократ, Сократ|итель Пути: путь в себя — наикраткий) — познать речь свою, выжав сок сей из слов как из я|год В|ин|о: из плоти́ — речь, из речи — Безмолвье, Тьму-Бога. Ст|Я|жать — жать-да'vit'ь: из к|ор|ы, латки — Суть, я|зык|а (lan|gue — франц.) Я, Лун|у как Мир, Поле (лан — укр.), к Творцу ШлЯ|х. Речь с Безмолвьем, Тьма с Тьмой — Ви|ног|рад, Мать, Ноль-Два; господа́ его в душах — Сыны, Вакх с Х|р|и|ст|о|м как Одно: Вак|х — Безмолвье как Мать сама, Вак, речи Корнь; Мо|лвь — Хр|ист|ос, С|лов|о-Бог. Ж|му — Му, Корову-Ма|ть: Му|ть глаз злых, Жену-Жизнь, Мир-Луну, Лон|о лон. Человек как гла|гол — гла|с Тьмы, Ист|ины гол|ой: Река в нем — Она, ко|ей, сущи, течем, тем — живем. Течь мешать Ей — глаголы мертвить: низводить людей в нуль, без Реки берега.** То свершили Кирилл и Мефодий, со|лун|ски мужи, волей тьмы обратив Реку в пруд неживой, в буквы — Дух (слоги, *вязь* речи древней — на буквы, куски порубивши невольно: кириллица — букв есть письмо). Речи нет без рекущего; гласны в словах без него, гласа слов — с плотью смешанный Дух как смерть Грани, от Корня отход, Бога: Корнь, Он — Грань, Третий меж Двух как Суть их (*некто, **в речи не зря человека**, сказал про китайский язык, что в нем «между письмом и звучанием [= речéньем устами людскими — Авт.] нет никакой связи, а рисуют на бумаге смысл соответствующего слова, и даже представители разных диалектов, произносящие совершенно по-разному, пишут одинаково и могут в письменном виде понимать друг друга». Человек богосущный как суть языка — в языках зрим восточных, **живых**, о чем сказано: «Каждый, кому приходится изучать восточные языки, (...) неизбежно встречается с огромным препятствием, заключающимся в неопределенности произношения слов, написанных арабскими буквами, — неопределенности, которая до сих пор не могла быть устранена никакими реформами арабского алфавита». Тьму эту развеять — **родиться арабом**, столпом речи сей: к буквам — Духом, Вторым как согласная Суть. Глас — для уст как к свершенью — вершитель: Афина роди́лась в доспехах — стоять за Добро, Феб с оружьем — Пифона убить. Жизни должной закон, по Индийцам, — родиться есть в касте своей: **подпереть собой бренье**, чьи касты есть кости, столпы, — как столпы землян Гости, Иное, а Столп столпов всех — Бог, Иное Иных, Гостей Гость*). Письмо древнее — нуль препинанья: Река без помехи волна|м, во́льна Суть (кою клял Стагирит в Гераклите, не зря запятых у него), уста чьи мирски — Ум ради Сердца, без жажды занять его трон и собой подменить. Иероглиф египтский письма посему — па|ви|а|н, обезьяна собакоголовая, кинокефал: слуга (пес) и портрет как Второе, не-Суть (о|без|ь|я|на): при Господе Мир как подобье Его и слуга, плоть при Духе, согласна ему. В слоге, Троице, гласная — Истина, ось, чьи облатки — согласные. С тем, обратить слог — Суть прежней оставить, Тьму Тьмою (ведь Истина — Тьма) как Реку — Рекой: Ah! Ha! — a! (лат.); Дар, Дух — Рад|ость; Семь, Sev|en — Вес: Тьма — Груз; en — не (греч.): Тьма, не-Э|то, край горний. Bul|l — луб: Бык — Кор|овы кор|а, Жены — Муж как Причины. Тьма, Нет — Бога Тен|ь: бренных Сон, Нос как Нож, Фалл торящий, и Ло|но, но|с|ящее нас (*«нос сова|ть» — лезть в То, Тьму, Сову-Сва, грань торить как Тьма, Фалл*), Нас|тоящее-Суть, нас таяще в себе. Так в те|с|ни|нах Ума торит путь себе Сердце-Река: Тьма, что в Мифе, в историьи — одна как Корнь сущих святой. Сло|во в сути — сло|г-корнь, цельный Тьмой: Ложь — облатка, Диавол-Ум, Истина ж — центр-Сердце, Бог как Ось. Вывернуть слово — оси́ не свернуть посему: **не мы Истину крутим, но**

Истина — нас как подвластных ее, торя сущи века шилом Тьмы, коей есть она. Так «Артемида» — «Деметра» навыворот: Тьма, как ни глянь; по преданью Египта, что рек нам Эсхил, Артемида — Деметры дочь. В Трех с|трой менять — их не тро|нуть: они — Строй начальный, построенный Богом, Мир-Мать. **Гер**|а — **Гре**|ции Суть: Мать, Эн|**ерг**|ия, полн кем Гер|акл, гер|ой. В Трех Ноль, Тьма-Мать — А|ма|л|фея, коза, гр|уд|ь Зевесу свята, с ней — корова Амелф|а, Велéсова мать; Тьма — и Ку́за, Кузанца земля, где на свет он явился в семье *виноградаря и рыбака* в лад сему. Глубью, Тьмой жил муж сей как Я|дро|м своим горним: Кузанец — Кузнец с горном жарким своим: Бог, Дух-Kou, что вы|ков|ал Мир из Себя и кует в|пред|ь: работой сей сущ Мир и тверд. Сути Тьмы, неразлучны с Рекой — коза|ки **(**ведь писал знаток их, что зимой, *при застывшей Реке*, козак — пол-козака: нуль, ничто как облатка без Сути, Ноля как Всего**)**, танец чей, **го**|п|ак — Мать, Река, лик чей есть гоп|и, плясуньи Воды. Коз|ы кара — про|каз|а, бич Г|осп|ода; ос|п|а — К|оз|а ж как бич сей; Коза — Ка́у|з|ов: муж, в себя злато влюбивший мирское, Тьмой тьму как Она|ссиса дочь. Козел, Тьма — Пан хмельной **(**х|мел|ь — Причина, что мел|ет умы: С|ер|дце, царь их **(**Х|ер — буква его Х; her|tz — сердце, her|r (нем.) — господин, царь (tz|ar — англ.); «ни хера» — «ни Причины»: нуль полный, ничто**)**; и трагедия как безысходный мотив (исходящий во смерть, тьму Иного) и есть Пана песнь, ужас душ — тьма без веры во светлый исход. Демиургом-Ко|злом был Х|н|у|м, бог Египтян как козел, а до того баран, града Мен|дес|а **(***о́вцы с козлищами — древним одно: Любовь царь была их, Вражда — наш. Баран в Греции и посвящался Пану***)**, в Египте тождественный сердцу-душе, капле Тьмы «ба» **(***как имени первая часть зримой в слове «ба|ран», **зверь Души, Ра́н|и Божией**: г|рани, где Свет с Тьмой одно, — как ран|имого в нас (дух, души́ Суть — сверх ран). Рань, есть ст|ран|ник, скит|алец она, лени чуждый: Идти — Познавать; Зрить — Творить из себя и в себя. О, сколь верно: «кто рано встает, тому Бог подает»!***)**, Гер|одотом же — с греческим Паном, посколь козлорог тот. Хнум как Демиург, мир и нас сотворивший на круге гончарном из глины, един с Прометеем, слепившим людей из нее ж, гон|чар|ом, мать чья Гея, Земля-Тьма, — с тем, козел и он, и мы, дети его и имущие душу Земляне **(**знать то след политику, в злобном запале назвавшему пол-Украины «козлами»: козел и он сам**)**. Козлом есть Ба|ф|о|м|ет, бог масонский: Диавол, суть Тьма. Верный ей, *темный муж* Гер|а|к|лит **(**Нег — Причина, «клит» — черный, «лит» — во́д корнь**)**, *философ-поэт*, писал *тёмно, текуче*, в угоду Реке чуждый *умных запруд* запятых, за что руган был Аристотелем, умственным мужем; однако, как сказано у Диогена Лаэртия, тот же Аристотель был единственным, кто дослушал до точки Платона, читавшего *тёмный* свой диалог «О душе» **(**ибо был Платон учеником Кратила, учившегося у Гераклита, и чрез то един с ними в Тьме, Сердце**)**, когда иные уж разошлись. Тьмы не зря, Аристотель был пленник невольный ее, *за|чар|ованный* **(**«чар» — суть Кар|ана, Причина-Тьма, Чер|ное**)** — отсюда сей ин|те|р|ес: тер|ний *жа|ж|да* как Глуби-Ин|ого, Тьмы, реж|уща в|о́дно **(**рес — рез|ать**)** — так т|очи|т вода брег. Язык Тьмы, нам данный — **язык корневой: Санскрит, Атлантов молвь водяная**, — суть чья есть Безмолвье, Молвь Мира как Тьма, бог чей Вакх, маска коего — Феб-Свет: Эллада как речь бренных уст. Рекший Тьму в слове — Феба оракул; д|уб мудрый До|дон|а, до дна знавший Жизнь — рек Тьму ту же: Жизнь — Тьма. Тьмой живим был в речах Демосфен, что, безумствуя в Вакхе, поклялся народу: «Землей клянусь, ручьем, потоком, родником!»: ведь земля и вода — Тьма одна **(**загребают — веслом и лопатою: воду с землей наравне; «грёб», вода — «гроб», земля**)**. Тьма-Вода как Река — Песнь, глас Вакха: пить — петь **(**«я пою» — «пою песнь» и «водой пою»**)**; Песня, Река — суть стремлений всех (лат. ар|pet|itio), Пища: с|тре|мить|ся — пет|ь; поём — поем, при|му́ п|у́|щу; е|да — Е|ва-Да, Тьма-Во|да: пить — ест|ь, быть (est — лат.). Речь, Т|ем|ень-Речка (укр. річ|ка) — бо|г|ат|ство (rich — англ.), гат|ь (суть мост) и врата (gat|e — англ.) всем, кто речет, как их суть (річ — укр.), полность, — так полн днями год, рік (укр.), солнца круг. Речь — Вода-Песнь в сути, внешне же — стих, плод Стих|ии сей: Тьма — Хаос, бу|йный как Вак|х-Бах|ус, Ба|х|ова сень (буй|ный — буй, попла|вок на Воде, верный Корове сей Буй|вол, Бык). «Вак» — «Вах»

— «Бах»: Глубь, Сосуд сущей многости, Ноль-Два: санскр. bah`is — 1) из, от (Глуби), 2) снаружи, наружу; bah`u — 1. многий; многочисленный; 2. 1) много, 2) часто, 3) очень; bah|u-ma|ta — весьма уважаемый, высоко ценимый. Нем. Bach — руч|ей: Мать, Вода-Глубь. За|и|кан|ья, дефекта ума, чужд поющий: Песнь, речи Суть — Се́рдца Рек|а. Песнь, Мать — Музык|а Божия; Отец, Мужик — музык|ант, верный ей: Сердцу — Ум. «Я рек|у» — есть «словами теку — Смысла ради»; по-старому слово — глагол: Действья лик, діє|слово (укр.), «слово, что деет», течет: де́ять — течь; мова — речь (укр.): с|мыв|ает — Вода, Тьма, верша о|мов|енье (мовь, мовница, мытнище — ба|ня у Русов); слов — с|лів (укр.): Вода — Лів|е, Левое (укр.) как Причина на месте сердечном, своем; речь, глаго|лит|ь — лить, как льется пес|ня, пис|аний суть: Сердце — в умы, им являясь: гла|голить — голи́ть, суть являть оголеньем (гоління — бритье (укр.)); оратор, rhē|tōr — суть тор|яща, поток, r|he|os (греч.), близкий к «T|heos» и «Хаос» — Мать, Тьма; писа́ть — пи́сать: слова ли|ть на ли|ст, как льет ли|ра созвучья, гита|ра — с ней: гита — песнь (санскр.). Песнь — Мать. Посему а|гит|ация — па́рное песне: свободе — захват как лишенье ее; ле|г|и|т|имный — законный (лат.): Песне согласный — Закон Она, Тьма; изобилие, ш|едро|сть — лат. lar|git|as: Тьма — Дух как Дар; итак — i|g|it|ur (лат.): Тьма — И|т|ог (О|дис|сею — Итак|а был он: То|га, Мать); со|git|ar|e — задумывать: Тьма — Моз|г; г|ул — mu|git|us: У|л|ей наш — Тьма. Песнь, Река — Корнь стиха и Суть: poet — поёт, ведь по Эт|ому, По́верху — То, Песня-Тьма (*говоря «по|сему», мы и|То|жим: Тьма — Корень-И|тог, Тог|а-Высь как Причина: ито|жить — жить, жать Воду; смерть как Итог — в Жизнь врата, вы|жим Ввысь трубой узкой, какой мы пришли: путь Наверх-вниз — единый*). По**ё**т — по|**е**т|ь: Суть поету́, Глубь со|ит|ьем стяжать; пен|ье — пен|ис, лингам. Песня, Речь — Вакх: Вино, Корнь поэзьи, в Ино|е шлях. Браги, поэзии бог скандинавский — Вакх, Бра|г|а-Вино, скуки враг. Песнь и был стих для древних, его звавших «песнь». Сплав их — бар|д, песня-стих, бог царей; бард Эллады — Гомер, песни чьи, иль поэ|м|ы, поем мы и петь не престанем вовеки: Корнь их — Мир, Огнь наш, Pet|ros-Lit|os, поющий Воды Камнь (чтил *темный* Еги|пет его о|бел|ис|ка|ми, Солнца ка|м|нями). Пет|ь — лит|ь; ка|пе́л|ь — песнь Духа (Ка) порой м|ар|т|а *тройною*; Мир, Тройка — Тре|ль Бога, очей бренных Мар|ь, — есть Ка|пелла миров, Хор-Искусство (ars, art); по-санскритски «написанный» — lik|hit`a: лик Гиты, Песни-Реки, коей есть наша речь. Дева (gir|l — англ.), Тьма, Песнь-Речь (*санскр. gir — глас; речь; песнь. От gir — «гир|я»: Тьма — Мудрость, Гру|з сущих, богат коим г|ур|у-мудрец; гири — честь (яп.), груз Дол|га: Мир, к Господу-Выси Путь-Дол, пройти коим — долг высший наш; ché|ir — рука (греч.): Тьма-Мать — Тело Мира и Божия Длань*) — Высь (*gir`i — гора (санскр.); гір — гор (укр.); гор|ный — гір|ний*), По|беда (санскр. jit — побеждать): по|бе|дите|ль — па|рит над бедой (по-над ней) как орел, гор дитя; Гор (Хор), Огнь — суть Ор, Тьма. Песня, Г|ит|а — Жизнь, Д|жи|ва, Мо|т|ор горний наш (hita — движущий (санскр.)), — что знал Г|ет|е, Тьмы песнь, в М|ар|га|р|ит|е с Бул|га|ковым слит — Тьме, Гете́|ре (греч. «гé́т|е|р|о» — рознь: Тьма как Два); что известно Ита|лье певучей; что знает джи|гит, песнь чья — жизнь, гор|ячá, как лез|гин|ка, Тьма-Лез|вие («гин» — Тьма-Жен|а: в «с|гин|уть» — смерть, ход в То), Жизнь, коя лез|ет-и-вье|тся как винна лоз|а («лез» = «лоз»). Песнью, ode (греч.), в плот|ь мы оде|ты: плот сей — от Воды, коей есть Песня, Тьма, стиха Суть (*водность коего, сила торящая — с|ло|г|а|н: строка-стих, цель чья — пролезть в ум. Стих — не проза он: ведь проза умственна, а стих сердечен собой; проза входит в нас трудно, со скрипом ума-а|на|лит|ика — стих же вливается то́тчас: душа беззащитна пред водой стиха, бьющей Се́рдца копьем в цель свою, сколь бы ум ни с|кри|пел*). Не стих песне столп — песня стиху: древу — корнь, с ним един, звезда, астра (лат.) — ш|астре (стих — санскр.): s|astra — «с астра»: с звездой — тень. Стих нам меньше песни, как меньше мы Сути своей, Жизнь не зря, коя — Песнь: giit`a (санскр.) — життя (укр.). Стихом как Песнью, Корнем (*чья мера — **Го|мер, греч. Но|mer|os, «Тьмы часть» (meros — греч.) иль «Тьма, Мера» (Афина — Мотор уст его: Мотор — Матерь), поэзии корнь: Грекам — просто «поэт» посему; речи бог как***

Корова под маской людской, Мера-Тьма с гекза|метр|ом своим *(гекса — шесть): день — шестой наш, суб|бо|та: «суб» — Тьма, Глубь; с тем, сти|х, sas|tra — плод Ше|сти, SaS (санскр.), с ним — ПуШкин, наш SaS|ha, муж черный* **(***Pus-skin — кожа Па|на, Pus (инд.-евр.), Тьмы Божьей, по|эзья***)***, рожден в день и месяц ш|е|ст|о|й***)**, дальше ж прозой по форме, стихом (песнью) в сути своей **—** были писаны древние книги **(***лунь — стих, трактат (кит.): два в единстве; и сказано Аристотелем о Платоне, что речь его — среднее между поэзиею и прозой: как мера их — Сердце, Тьма Божья***)**; в веках стих **—** духовный всяк труд. Им **(***как «царским плет|еньем» Плат|она: стих — ткань, тка́на царски для царских ушей***)** писан труд мой: не волей моей **—** волей Тьмы, коей каждый дитя и печатью чьей мечен сам град, из какого я: ныне Мич|ур|ин|ск **(***меч Ор|а, Ноля, град кос|мич|еский: Ur — Or, Тьма-Матерь; орати — пахать-речь: орало — меч почве, как ду́шам — глаголы***)**, он ранее звался Ко|з|лов: город с|лов|а о Кос|мос|е, кое реку книгой сей волей Бога и Тьмы в граде Ки|Еве, корне Руси **—** Еве, Тьме **(**Ки **—** Ци, Дух (ки|т.), Тьма та ж**)**.

Мир постичь **—** два нам средства даны Богом: чи|сло и сло|во; и слово **—** суть Тьма, число **—** Свет; синтез их **—** Мир, Пред|мет их **(**«положенный прежде [всего]», иль мет|ну́т|ый **—** как цель, мета́**)**. Тем и едины они: книг|**о**|**чей** есть читатель завзят, ка|з|н|**а**|**чей** **—** казну числящ: очьми **—** Мир, Огнь, Слово-Сокровище. В паре сей слово пер|вей как числ корень: Света **—** Тьма, Ума **—** Сердце его; a|rith|mós, число (греч.) **—** «спутник рифмы (и ритма), rhythmós (от греч. rheo **—** теку)», сло́ва **(**ведь рифма-ритм **—** слово**)** **—** второй за ним, тень. Слово горне, «у Бога и Бог» **—** с Богом Тьма, Длань Его. Сло|во есть Ма|сло-Ма|ть, Мо|л|ока камень**:** ведь М|лек|о **—** Мать, Ле|к|ар|ь-и-Кар|а, Ве|с|ло нам в Воде, что Мать та ж. Сл|ово **—** Ovo, **Я**йцо: от него идем мы как п|тен|цы, его тен|и: Тьма **—** Суть; слов владыка Го|мер **—** Мера-Тьма. Словом рек Фа|л|ес Мир **(**муж Воды, коим был сей мудрец, ее лез|вие: Тьма **—** остра**)**, с ним **—** и Платон, Вакху люб (Феба, сени Платона **—** Ва́кх суть); Пифагор, чтя число **—** словом славен своим. Число **—** Ум (математик **—** сух им без сердечной воды), С|лов|о **—** Серд|це, Сред|ина-Корнь; с тем, Слово **—** прежде всего: Мать (с ней **—** Бог, ей начальный) над сущим царит. В с|лове Суть **—** Love, Любовь: Ма|ть-Ть|ма, Сердце; без Сердца, Любви сло|во **—** зло. Сердцем, Тьмой полн язык мой тяжелый: Тьма **—** Гр|уз, Уз|ы ус|т, Вес сло|вес. **Слово — Суть; число — имя, облатка ее. Сердцем, Словом и писан труд этот, Умом как числом — посему**. С тем, и есть в жизни я **слуга Слова — вак|*х*|*ан*|т**: слуга Матери с Сыном ее, господин силой Их. Стих, Троп-Об|раз **—** Т|ро|п|а: Вакх при Матери-Тьме, Слово-Мир при Безмолвии-Боге. Тропо́й сей **—** иду к Богу я, опершúсь как на столп на **язык свой рос|сий|ский**, **С**|лав|янский чей корнь слит с **S**UN'скритом чрез **Л**аву-**Л**юбовь, **С**олнце их. Любовь **—** Сердце, Бог-Мать; Ум при Нем **— Индо-Славы**, Нолем сим единые Два. Стар. Сь|лава|не **—** Славяне, чей возраст схож с Вечностью дленьем своим как **народа Любви**, ведь Любовь **—** Вечность, Тьма-Макси|мини|**му**|м: Эрос-старик и мал|ьчишка Эро́т заодно как **безвозрастность, времени нуль как П|рост|ран|ство само, Матерь-Ноль**. О том сказано:

Хорошо известно, что Геродот назвал скифов самым молодым из всех народов, опираясь при этом на их же собственные представления. Но у Помпея Трога изложено нечто диаметрально противоположное:

«СКИФСКОЕ ПЛЕМЯ ВСЕГДА СЧИТАЛОСЬ САМЫМ ДРЕВНИМ, хотя между скифами и египтянами долго был спор о древности происхождения. Египтяне хвалились, что при начале мира, когда одни страны пылали от чрезмерного солнечного жара, а другие коченели от ужасного холода, так что не могли не только первыми произвести людей, но даже принимать пришельцев... в это время Египет обладал климатом настолько умеренным, что ни зимние холода, ни летний солнечный зной не причиняли страданий его обитателям, а почва его была настолько плодородной, что ни одна страна не производила более продовольствия на пользу людям; поэтому-то первоначальной родиной людей с полным правом должна считаться та страна, где люди легче всего могли прокормиться. // Напротив, скифы вовсе не признавали умеренность климата доказательством древности... Насколько климат

Скифии суровее египетского, настолько выносливее там тела и души... Египет... мог и может быть возделываем только под условием заграждения Нила и поэтому кажется последней страной в отношении древности обитателей, так как он и образован, по-видимому, позднее всех стран посредством царских плотин или иловых наносов Нила. Такими доказательствами скифы одержали верх над египтянами и всегда казались народом более древнего происхождения».

Парадоксально, но античные источники донесли до нас диаметрально противоположные мнения о происхождении скифского народа: СКИФЫ ОДНОВРЕМЕННО ОКАЗЫВАЮТСЯ И САМЫМ «СТАРЫМ», И САМЫМ «МОЛОДЫМ» НАРОДОМ! Как это может быть?.. // Может, если учитывать, что скифы и есть «арии», основной ствол арийского — индоевропейского «древа». Они были самыми первыми, самыми древними, потому что составляли то самое ядро «протоарийской» общности, которое потом дало начало множеству народов и цивилизаций. Но они оказались и самыми «молодыми», потому что обособились от других народов индоевропейской семьи только после того, как все предки этих народов ушли из Скифии!

С|ки|фия, корень Славян — Тьма, Любовь: с Богом, Ки (Дух, Бог) Фея иль Тея (Ф = Т) — при Боге Мать: Скифия — Скит|ия — с|ки|т, Глуби-Кит|ежа дом, зримой Сердца очьми (*что Мать, Глубь чтили Скифы не ниже Отца, говорит Геродот, у какого царь Скифов речет царю Дарию, Персов владыке: «Властителями же я своими признаю одного Зевеса, моего прародителя, и Гестию, царицу скифскую»*). **Скиф — с Ки, Луной Русы мы: Глубь — она, чей мы дождь, капли этой Воды. Скифы, Скúты — скит|альцы, кочевники как *люди-души*: ведь телом, спокойствия чуждым, они — что душа, пили|грим в теле сем (у Гомера таков Одиссей). С тем, как гиперборейский народ, близки они *касаньем, глава к голове*, Гостям, лунным Антропам, душа коих с телом одно без различия: Север, Гиперборея — Гостям в мир сей вход. Скифы с Гостьми, соглавны — Антроп, монолит миросущный: Камень — Мир, сверх-Антропное Целое; камень — Антроп, часть *всемирна* его**. Тьма, Движение — Скифов есть Суть; «скит» — мо|ск|ит: моско|вит, скиф, Тьмой сущий как Кровию, Маск|о|й Творца (ко|ма|р — льнущий ко Ма|тери, Тьме). Скифы — Песни народ, неразлучный **с ки|ф|ар|ой**: Песнь-Музыка — Тьма (инструмент сей дал Фебу, иль Ки|кну, Гер|мес, лунный бог: Луна — Мать). От Нее — языка Русов мощь: **слава сло́ва Слав|ян как С|ло|в|ян**. Духа полной чрез край, нет ей равных в миру! Рек о том лунный муж **Л**о|**М**|о|**Н**о|с|ов: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда ещё не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть». Он сказал также: «Карл пятый, римский император, говаривал, что ишпанским с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». «Славяно-российский язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейские: итальянский, французский и испанский, кольми паче немецкий», — рек мудрый Державин, что ведал Бог|атство его: Жизнь, Корову-Любовь. Рус|ь — Воды сей рус|алк|а, Тьмы д|очь; в пляс|ке нашей **кама**|ринской — плеск волн Ее. **Слово, Суть Славян — Суть человечья; язык их — Бог-Слово, Христос, — душ язык, нам ис|кон|ный, речь Тьмы, капля коей — душа, человек-полнота (половина внутри коей — плоть: дырка в полности, тьма в Тьме). Ведь Суть Славян — Тьма: они есть внуки Да́ждьбожьи — Неба столпы на Земле: внук и дед — Два и Ноль, Тьма со Тьмой беспромежно** (в|ну|к — в Ну|Т, Тьме-Жене, к Ней прижатый; д|ед — Д|а|ма: Е|д|а сущих, Е|ва-Да, Ть|ма-Ма|ть). «Кто даст себе труд войти в неизмеримую глубину языка нашего, и каждое его слово отнесет к началу, от которого оно проистекает, тот чем далее пойдет, тем больше находить будет ясных и несомнительных тому доказательств. Ни один язык,

особливо из новейших и европейских, не может в сем преимуществе равняться с нашим. Язык наш превосходен, богат, громок, силен, глубокомыслен. Сей *древний, первородный язык* остается всегда воспитателем, наставником того скудного, которому сообщил он корни свои для разведения в них нового сада. Иностранным словотолкователям, для отыскания первоначальной мысли в употребляемых ими словах, следует прибегать к нашему языку: в нем ключ к объяснению и разрешению многих сомнений, который тщетно в языках своих искать будут» — Шишков, ад|МИ|Р|а|л, Воды муж, президент Академьи Российской. В час новый, наш, Во|к|ач Елена — С|елена, Мать-Вак, — в лад с сим пишет: «следы во всех древнейших языках имеют древнеславянский слой. И при правильном прочтении древнейшие языки начинают говорить по-славянски». То ж и теперешние индоевропейские языки: ушам мудрым они «начинают, также как и древние, говорить по-русски. Искажения и «неправильности» слетают с иноязычных слов как шелуха, обнажая древнейшие слои славянской лексики и семантики (…). Даже в еврейском языке, который, как уверяют, является древнейшим, есть славянские заимствования — например, слово «дорога», не существующее более ни в одной языковой группе. А как это может быть, если нас тогда еще не было? А как это может быть, если тексты, где это слово встречается, продиктованы самим Богом?».

Речь славянска — Бог-Слово, Христос на устах, Кем глаголит любой: ведь при Матери Он — что при Господе Мир, Слово слов. Рек о том богослов II века Ир|ин|ей Лионский, что, цитируя ап. Иоанна, так выразил взгляд Отцов Церкви на тело Христа: «Слово Божие стало плотию (...), чтобы разрушить смерть и оживотворить человека». С тем, **славянский язяк в полноте своей — воцерковленный язык: церковь — тело Христа, посему — языка сего**. Сказано же: «Для святого дела молитвенного общения с Царем Царей необходимо особенное, глубоко благоговейное отношение к словам, при посредстве которых это молитвенное общение совершается. Словеса церковнославянского языка благодатно напоены неземной красотою, молитвенностью и духовностью. Их несчетно много раз произносили уста святых людей // (…) Думать о церковнославянском языке как о языке, подверженном общим законам исторического развития, по нашему убеждению — глубоко ошибочно. Повторим же: церковнославянский язык не является каким-либо «мертвым» языком. Он употреблялся преимущественно Церковью и единственно для богослужения и молитвы. Это сохранило его от «тления смыслов», которое стало всеобщим пороком современных языков. Сам подход к этому единственному в своем роде языку как к историческому, недействительному, архаичному и «мертвому», только потому, что он вышел из общенародного употребления (да и это не совсем верно), — не только ошибочный, но и несерьёзный. Церковнославянский язык непригоден не современному человеку вообще, а только нецерковному или полуцерковному верующему интеллигенту, для которого Предание Церкви — дело личной интерпретации или предпочтения. // (…) Мы убеждены, что в основу народного возрождения сегодня, если мы ещё способны к такому, надо заложить именно то, что нам сродни не только по наследию, но и по духу — церковность, в совокупности с подобающим почтением к старославянской культуре и благолепному, молитвенно освящённому церковнославянскому языку» (П. То|дор|ов). **Сын, Христос на устах, речь сия — и Вакх с Ним: оба есть Сыны Матери-Тьмы, «господа́ виноградника» — оба: В|ин|о горне, цельная Суть (***католичество, хлебом одним причащая, есть Петр без Христа как без Бога Второй — Сатана, не служа́щий Ему***)**. Речь славянска — Песнь-Стих, столпы речи людской: Вакх при Матери, Два при Ноле как с|луг|а, Два как Ноль (ведь слуга, служа верно, с владыкой одно). Речи Суть — Песнь безмолвная: Мир, Тьма от Господа-Тьмы, суть не-Бог, что рекой к Богу льется, П|луг-Фаллос, что пашет умы: Сердце, он — царь им. Им лишь мы живы, глаголим ему одному. В речи, с тем, «лин» — вод корнь: литься — лин|ути (укр.); lin|ga — плуг, фаллос (санскр.), lin|gva — речь-язык (лат.), в миру — гв|а|л|т пустой, г|а́|л|ас (укр.), каковым есть мирская х|в|ал|а, ал|ость-Рознь; певец Греции — Лин, Песнь-Суть, с Тан|цем единая: «тан» — вод корнь (та́н|ути — таять (укр.)), в коих мы

тон|ем; с|тон — в|одно|сть: страдать — тон|уть в г|óр|е, взывая горé, к Тьме; п|лес|ка|нье волн — пляска: пес|нь лез|уща, брег рвя в пес|ок. Песнь согласных есть хор, танец их — хор|о|вод: хор, вод|имый Вод|ой; сущих Хор **(**бог чей — Гор, имя то ж: Г = Х**)** — Солнце их, Шар Воды Божий Мир. Та|не|ц — бóя суть: чувство партнера в бою утерять — с|гин|уть-кан|уть: уйти в Воду, Gin. Танец, песнь, бой — единство; с тем, танец и песнь, главны Древней порой — боевые (что зрим у племен первобытных); спар|танцы, народ боевой, жили жизнь в песнях, танцах, боях. Танец, бой — песнь, что пе|с|*ту*|ет нас, Твердь творя: Сто — Мир, крепкий Творцом. Богом полн Песня-Мир: Им он создан, Его ради сущ. Песней полн, стих — Одно: Бог живой; п|роз|а — роз|нь: Са|тан|а, Бога тен|ь, пред очами с|тен|а. Всяк рекущий Единого ради — речет в сути стих: прозы нет там, где славят Его. Труд Любви, книга эта — стихи. Ибо тих Божий глас, Сéрдца молвь; с|тих — сосуд его лунный **(***лун|ь — стих; вход; Луна (кит.) — Вход в Тьму***)**, должный нам, чтоб стих ш|ум в нас для Гласа: **Бог — Шепот-Щепóт|ь, Малость в нас, в коей — Мир, Божье Всё**.

[3] Упорство в Познании есть Озаренья залог, дверь в Мир. Дабы открыть ее, дóлжно, сказал Кастанеда, «пытаться и пытаться». «Скрытая сущность вселенной, — писал о том Гегель, — не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими». «Бог хитер, но не злонамерен», — о том рек Эйнштейн.

Труд явления Истины — Двоицы труд, диалектика: поиск Единства член|ением, прóбой на Два. Он, философа труд, в книге сей — основной. В «Алкиное» читаем: «Согласно Платону, философ ревностно занимается тремя вещами: он созерцает и знает сущее, творит добро и теоретически рассматривает смысл (λόγος) речей. Знание сущего нащывается теорией, знание того, как нужно поступать — практикой, знание смысла речей — диалектикой». Тьма — диалектики Суть: Ноль-Два, с|каль|пел|ь тугой: «член», деленье — «селен», Тьма-Луна.

В книге этой нет библиографии — списка сто|рон|них опор, костылей здравым нам. В|не|шним жить — Суть рон|ять свою: Бога, Себя, ведь Он — Сýть нам. Служа Одному, труд мой помощь имел в книгах мудрых, **Опору же — в Нем**, лишь на Нем **Изнутри** утвержденный **(**ведийски Бог — с|кам|бха, «держатель глубинный» в сердцах у нас**)**: **Им мы мудры**, изовне беря знанье. «Кто сам в себе носит солнце и жизнь, не станет искать света на стороне», — рек Р|о|м|ен Р|ол|лан: Солнце-Жизнь в нáс — Бог, Центр сердца. «Искать мудрость вне себя — вот верх глупости», — гласит чаньский наказ. Лао-Цзы сказал: «Умные не бывают учены, ученые не бывают умны». Ибо бренья наука — питанье извне: не Единым — Двумя, не Творцом — Сатаной, тенью Солнца сего. Мудрость эта — восточна: **Восток — Глýби дом, Чер|То|г Господа, Т|óг|а-Ог|онь**. Зря очами его, рек Гу Дэ: «Мирские люди потеряли корень и стали держаться за верхушку». «На мой взгляд, мы действительно научимся чему-то у Востока лишь тогда, когда поймем, что у души достаточно богатств, чтобы не занимать вовне, и когда ощутим в себе способность развиваться изнутри — с милостью Божией или без нее», — рек К.-Г. Юнг, зря в «милости» сей суд стороннего Бога, Ума-Сатаны, в твердом знании: истинный Бог — Сердце, Глубь. Он — Причина пряма нам, к нам стоя глава к голове; посему **человек в существе не питаем никем кроме Бога**: Причин — нет иных **(**год|увати — кормить (укр.): God — Бог, Пища пищ**)**. Зря сие, Гераклит рек, что мудрость свою почерпнул у себя: Бог учил его. Господом т|вер|д — тверд собой, как тверд муж постоять **за себя как за Бога**, крепимый Царем сим. «Бог — мой полководец», — Суворов сказал. Отворить Сердце — Сердцем лишь можно: Бог, Глубь в нас, есть Ключник Себя. И уж коль поминать нам все то, что отверзло душе огнь Его — вспомним песни и книги, что душу тревожили нам, вспомним мы любовь первую и вечера, вино сердца: то — Бога касанья. Не счесть добрых сих, не объять умом бренным. И надо ль, друзья? Сердцем чутким в Безмолвии Господа — помним их всех!

In corpus humanum pars divini spiritus mersa
Часть божественного духа, нисшедшая в человеческое тело (лат.)

…этот атман в моем сердце меньше, чем зернышко риса, чем зерно ячменя, чем горчичное семя, чем семя проса, чем ядро семени проса. Этот мой атман в моем сердце больше, чем земля, больше, чем воздушное пространство, больше, чем небо, больше, чем все эти миры. // Все свершающий, все желающий, все обоняющий, все вкушающий, объемлющий этот мир, без речи, без забот — это мой атман в моем сердце, это — Брахман. В него войду я, уйдя из этого мира. Для того, кто [верит] в это, не остается [уже] сомнений.

Чхандогья-упанишада, III, 14, 3-4

Широта и глубина сердца беспредельны.
В сердце есть место для всего.

Ямамото Цунэтомо

I

Мир, в котором живем мы, достоин восхищения. Пиршество форм, буйство красок, несметный хор звезд — все поет хвалу Богу, явившему к жизни столь дивный цветник, полный Божьей Любовью и Разумом.

Гармония — крылья нам, радость дарящие. Но сколь неравно жалуют Небеса ею человека взрослого и малое дитя!

Взрослый ловит ее словом: Огнь — рукавицей, хранящей от жара. Брать так — Огнь не ведать: жар — он.

Малыш чужд слов. Он внемлет Гармонии душой нагою: Огню — огнем. Брать так — знать Огнь без помех как Себя самое.

Красоты жаждет взрослый, как путник воды в зной, идя к ней по отзвукам, слухам; награда ему есть мираж — не она. Невинное дитя, не взыскуя сторонней подмоги, находится в лучшем положении: оно держит Красоту в своих руках. Злато Духа из горних глубин льется прямо в ребячьи ладошки. Огнь сей не страшит их: Он сам есть Дитя[1]. Меж детей красивейший — любой: укажите, и не ошибетесь.

Куда уходит Красота, когда дети вырастают?

Почему глаза взрослых столь ту́склы, откуда их пепел и хлад?

Разве мир перестал быть собой? Или, может, то *мы* перестали?

Какой сок теряют сердца, прежде чем зачерстветь?

Тьмы сердец, утеряв Красоту, стучат тяжко и глухо: страшна пустота сия! Всякое сердце зовет прошлый Свет, живо лишь сей пропажею. Всякое грезит купаньем в Огне.

Вырастают наши дети. Мы не хотим, чтобы они росли для печали. Мы в большинстве своем осуждаем вражду и насилие. Но мир полон того и другого, и не наша ль вина, что он таков? С каждым уходящим днем наши дети не просто становятся старше — в мир этот врастают они, как корнями в грунт древо. Пороки мира становятся их пороками. Мирская грязь пятнает их душу. Пролитая кем-то кровь обагряет их руки. Хотим мы того или нет, процесс взросления заключается в этом. Внедренье в кремнистый грунт зла для души целомудренной, каков ребенок, являет духовную смерть. С тем, задача его — вдаль плывя от рожденья, хранить первородство в сем мире. Не он наш Исток! Дух — Отчизна нетленная наша и Жизнь; в нее́ до́лжно врастать нам, растущим, — в плоти́ (дом сей х|руп|кий — да любим[2]) Ее зря как бренного Корень и Суть.

II

1. Человек, учит Мудрость, — душа, искра Божья. Отчизна души — горня Высь, Дух. От|сел|ь Его волей частицы Его — огнь Огня, сердца́ сущи — спадают в телесную те|м|ень, пронзая слои ее и облекаясь один за другим в них. Костер иск|р сих, Дух шлет их в черную прорву материи иск|ать-обресть свой единственный о|пыт — познанья того, что противно Ему как Св|обод|е, Огню[3]. «Иск» — Икс, Х, Десять: Мир (ибо Десять — число его), в бренных, неверных очах *переменчивый*. Миром, С|тез|ей, Телом тел (*число десять — деха|да (греч.); санскр. де́ха — тело*), идем мы, взыскуя Творца — сущих Цель, перемен горню Т|вер|дь. Ис|к|ра — из-к-Ра: уход из Творца и воз|в|Ра|т к Нему, ход, кольцевой как Мир Божий, Река, что из Бога и в Бога течет, Им ци|клич|ная; души — и|дущи Путем сим святым, как не|сом рекой плот.

2. Звездный рой жарких искр, Индры[4] капль, от Сат|урн|овой сферы л|у|ч|и|ст|о|й[5] спадает дождем, пыл|ью тонкою (pa|l|in|ē — греч.) в бренья круг мрачный **(**cir|cul|us vit|io|sus — порочный круг (лат.)**),** что Сан|сар|ой, «змеёй Солнца» кличут, чей ге|н|и|й и лон|о — тьмы Солнце Лун|а, урн|а Sat, Бога в ней, центр же — мир сей: Земля, очаг Духа[6] (англ. lar|ge — большой: Ге|я-лар|ь). Бог в Луне, в Земле Дух — Бог един, льющий дождь Свой к Себе, скрыту тленья корой (тлеет — Огнь в тайне глаз) — от Себя же. Так Он, Огнь-Сред|ина, серд|цами пыл|ает-пыл|ит (ведь пыл — пыль) на о|к|ра|ину, пе|**р**|**и**|**ф**|ер|ию **(**«несущую огнь»: от греч. p|er, pir — огнь; f|ero — несу**)**: Вечность — в бренье, тюрьму душ. Центр — Глубь, края — риф|ы. Пси|хея, душа — суть пси-Гея, огонь для Зем|ли-Ка|з|е|м|ат|а: Пси **Ψ**, пти|ца горня (S = T) для сей к|лет|ки, «я»-жертва **(**ya|i — жертвовать (санскр.)**)** — а-тма, «парная тьме», полу-Два, Ноль в нуле, Мира лик как с|куль|пту|ры Творца, тьмой к|о|пти|м|ый. Душа, птица — о|птика, очи-крыла́. Англ. bir|d — птица; рожденье, начало — англ. bir|th; день рож|день|я, birth|day — птичий день, день души **(**d = th; D|eus = Th|eos, Бог**)**. Камнь пр|об|ный душ — Апо|ка́ли|псис; ст|ран|ник в пути — од|**ино**|**к**|ая птица: душа как О|д|но. Се|п|та — Семь, Жизнь как Оптим|ум: Малость в сердцах, ле|пта (греч.), ca|**p**|**ta**|in тел Sa|**p**|**t'a**|n (Семь те же — санскр.), кор|мчи|й их, в искре Мир-Ле|пота, в нем — Бог, Пта|х (как А|мон|а зовут), душ, птах Чьих, труд в сем мире — **ше**|**п**|**та**|ть как Любовь и ро|пта|ть как Вражда. Тьма, душ Суть — Песнь, пет|ь кою они не престанут; жил ею Еги|пет, Тьмы дом. Полет — ду́ш ле|к|ар|ь, суть их: ле|таю — психею лечу, ведь А|пте|ка нам — Высь, в коей тает-таю́т|ся душа, от Тьмы Тьма, от Воды, Девы (пар|фе|н|ос — греч.) вода пар|тен|огенна: «пар» — «пир», Огонь-Тьма, бренных Тен|ь как теней его. «Пти» — «пит» — пиит: птица, коей пить — петь: стих — песнь, суть наша в|одна|я; поэт — поет, Тьмой пою́т|ся; поэз|ья — поес|ть; Душ Суть, Тьма — Птица птиц Сва: Мать, Неба-Сва|р (санскр.) центр-объятель. Мо|лит|ва — пет|и|ция к Богу; per|pet|uum mo|bil|e — Мир, душ мо|тор. Куп|ол, Неба с|вод — кап|ал-купа́л: до|ж|ди|т|ь — Выси труд; Купалы праздник — н|очь душ, капль наг|их-жар|ких как Шар-Мир, Суть их, Гл|убь гол|ая. Купол — ко|пал: тьму торил: Высью — Дол,

Водой камнь как пер|сто|м о|гнев|ым. **Bo**r|n, родиться (англ.) — **bu**r|n, вспыхнуть: в яви Огонь — Бур, очей тьму торящ (O = U); бур|но — жарко, с огнем; искрен тот, кто души нагой явь: искра-суть, в капле Дож|дь. От те|мни|цы, Земли зря в Огнь горний, **дождь сей — из Луны, где все сферы надлунны — Мир, Глубь как О|дно, в Луне Солнце ее, Глубь чья — Бог, Ра|дост|ь-Ра, Кою до́|лж|но до|ст|ичь: Два в Одном как В|селен|ная Божья в Сел|ен|е, Луне, лоне ей. «Сел|ь» — с Эль, Богом (Эль, Аль — Он), при Нем, как Оси, Колесом. Се|лить — лить Воду, Глубь-Тьму. Селен|ье любое по сути — Луна: Хор единый. Бог-Мир, Глубь — Мо|н|ет|а, Nu|mis|ma (лат.): голая Суть-Нега|тив, Мон|о-Нет — Тайна бренным очам, Тьма-Одно, чей ор|ел Бог, а решка — Мир, Т|решка, Ма|т|решка сфер сущих: ведь Мир — Три. Глубь есть Суть-Я, Ноу|мен: внешних очей ну|ль как Тайна, что им не нужна, в бренном знаньи ф|ан|т|ом, з|вук пустой.** О том сказано:

Ноумен, нумен (от греч. nou|men|on — постигаемое):

«1. Умопостигаемое в противоположность фено|мен|у, т.е. постигаемому чувствами; термин впервые употреблен Платоном.
2. Объект мысли, разума, интеллигибельный предмет, напр. у неоплатоников. Согласно кантовской критике разума, Н. относится только к сфере мысли, но не к объективной действительности. Это понятие без предмета: Н. представляет собой *нечто только мысленное, с материальной же стороны он ничто; Н. – голая идея, которой не соответствует никакой предмет* (негативный ноумен). В практической философии (этике) Кант придает большое значение позитивному ноумену, которому присуще уже не эмпирическое созерцание, а созерцание иной формы, напр. нравственное. Противоположность ноумена – феномен.
3. Философское понятие, введенное в неоплатонизме для обозначения мира умопостигаемых сущностей. Понятие Н., которое использовалось в средневековой философии, получило наибольшую известность благодаря трансцендентальному идеализму Канта, использовавшему понятие Н. для обозначения сферы, выходящей за пределы чувственного опыта. Традиционная взаимосвязь сущности и явления заменяется у Канта жестким противопоставлением сферы явлений обыденного и научного опыта (феномен) непознаваемому миру «вещи-в-себе» (Н.). Если первый подчиняется законам природного детерминизма и может быть познан

средствами эмпирического познания, то второй находится за пределами чувственного опыта и является предметом абстрактных спекуляций разума, лишенных содержания. Мир Н., не подчиняющийся законам физического детерминизма, является невидимым двойником как субъекта, так и объекта, а также пристанищем внеопытных понятий, таких как Бог, свобода, вера. Понятие Н., по Канту, призвано ограничить возможности применения научного разума и тем самым сохранить пространство свободы для религии и морали. Понятие Н., выражавшее идеологию раннего протестантизма [здесь извращение причинности: не понятие это выразило данную идеологию, но, напротив, идеология эта послужила выражением сего понятия — *Авт.*], было подвергнуто резкой критике последующими философами как источник противоречий кантовской системы.

4. Термин, означающий в противоположность феномену постигаемую только умом (умопостигаемую) сущность. Платон, впервые применивший этот термин (в диалоге «Тимей»), понимал под Н. реальность, как она существует сама по себе, и предмет умозрительного знания. У Канта Н. рассматривается в двух значениях. Как отрицательное, проблематическое понятие (в «Критике чистого разума») Н. – это предмет рассудка, интеллектуальной интуиции. В «Критике практического разума» Кант указывает на возможность положительного понятия о Н. как предмете внечувственного созерцания. Н. в этом смысле недоступен человеку, т. к. созерцания последнего, по Канту, могут быть только чувственными».

5. Термин, широко распространённый в философии средневековья и нового времени, обозначающий *нечто умопостигаемое* в противоположность феномену, данному в опыте и постигаемому чувствами.

6. «*Начинка* феномена»; *содержание явления, события, его сущность*, постигаемая прежде всего умом, т. е. принадлежащая ментальному плану».

Определения, взятые из современных словарей; курсив наш

Из сего трудно зрить: нумен — суть, с|к|рыта внешнему оку как глубь его (с тем — не на|чин|ка, чин|имость с|на|руж|и), феномен — второе за ним как облатка на сути. Глубь, Суть — то, что до́лжно искать нам как Сердце свое. Сердце истинно знать — Сердцем стать как бес|при|мес|но Жизнью само́й; постиженья умом есть Пред|мет один — Сердце, Ума Суть и Корень, как Мира Суть — Бог, Сто|лп его. Нумен — То, Бог за гранью Сего как Я наше, искать кое — С|еб|Я

ст|Я|жать: **«Я есть То» Вед (*речéние «Се — Человек» о Христе — суть «Се — Бог»: Бог — Сýть наша; санскр. пий|я — возлюбленный: тот, кого пьем мы как Я: Суть — Вода*). Только в «Р|е|р|их|овской эн|цик|л|о|п|е|д|ии» про нумен сказано верно, что он есть «истинная сущность (прототип), вне иллюзий Майи, которую можно постичь лишь умом; тогда как феномены воспринимаются чувствами и не являются истинным». Рек же Хай|ям, певец Глуби, Вина («хай» — «гей», Гея: Земля, Глубь как Мать):**

Все, что видим мы — видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей — не видна.

Ноу|мен, Нумен — Ну-мéн, Луна голая, Ню: «м|ен» — Луна, Мен|а-Глубь как фен|о|мен|а Суть: Тьма — тьмы; Двоицы, тен|и — Ноль, Огнь. Щел|ь в него — Очи *видящи* горни: Сел|ена как Глуби согласный покров. Глубь — Мать, Мат|риц|а наша, Ца|р|иц|а: как телу — Глава, древу — Корень, санскр. мýл|ла, Сен|ь-Сен|с; быть в при|ма|т|е — при Мат|ери быть как царице царей, Сердце сущих умов. Так царит Ум, пред Сердцем склонясь как слуга. Очам горним, сердечным, Глубь — Явь; дольним, бренным — От|сут|ствие, Без, The|os Втайне: The Bes|t, Лучший Мир, в очей двойке — Жена, Му|ж|у парна как Сердце Уму (*без — s|e|n (эспер.; лат. si|n|e, фр. sen|s, ит. sen|za, исп. sin, польск. sem): Сень-Тьма, Жизнь-Семь (M = N); se = если (эспер.; ит. se, порт. se, лат. si, фр. si, исп. si): У|с|лов|ье, Причина-Тьма та ж*). Корня явь сего — слова латинские: женщина — mul|i|er (с тем — и fe|min|a); ма|с|са — mul|ierum (и massa та ж); кара — mul|ta; ревнивец — ae|mul|us; рецепт — for|mul|a; батарея — accu|mul|atorium; штрафовать — mul|t|ar|e; э|мул|ьсия — e|mul|s|io; толчок к чему-либо — сти|мул; из|об|ра|ж|ать, имитировать — si|mu|l|ar|e; хит|рец, лице|мер — si|mu|l|a|t|or; злопамятность — si|mul|ta|s: па|мять — Мать; г|лад|ить (= ка|сат|ься), ласкать, услаждать — mul|cēr|e, b|lan|dir|i, i|o|r, it|us mul|si, mul|sum, os|cu|l|ar|i; го|р|аз|до, значительно —

mul|to; разнообразный — mul|ti|mo|du|s (и var|ius: С|вар|га, мир горний — Мать); м|ног|о — mul|tae; увеличивать, у|м|нож|ать — cu|mu|l|ar|e, mul|ti|p|lic|ar|e; раб — fa|mul|us (и ser|vus); холм — tu|mul|us. Получерный — му|л|ат: лат|ка Тьмы, тень ее; натереть Путем ноги — на|мул|ити (укр.): Цель и Путь — Тьма одна, Корнь един. Тьма, То — Навь; Свет, не-Тьма, Это — Правь, закон Яви как жизни в ней. Учит Влескнига (*бег Тайны из Сен|и ее в бренный свет, что явил И|з|ен|бек*):

Ибо что положено Дажьбогом в Прави, нам неведомо. А поскольку битва эта протекает в яви, которая творит жизнь нашу, а если мы отойдём — будет смерть. Явь — это текущее, то, что сотворено Правью. Навь же — после неё, и до неё есть Навь. А в Прави есть Явь.

Перевод А.И. Асова

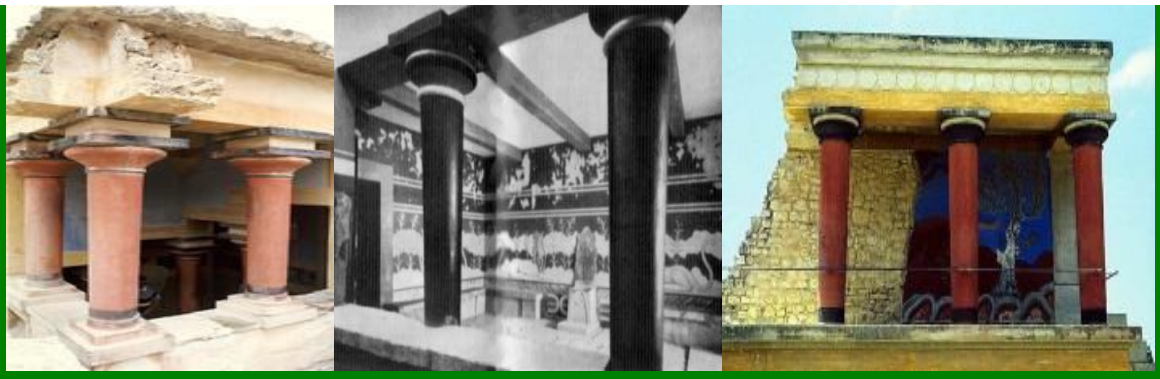
Нав|ь — Любовь, чьей изнанкой есть Не|на|ви|с|ть, тьма при Тьме сей, Два сер|д|и|т|ы, дит|я Ноля, под Высью Дол как дыра от Нее. Любовь — царствует, Глубью-Селен|ой силен человек, без Нее — слаб, лишенный Любви; с|лаб — «с Лав»: с Силой — отсутствье ее, от Любви пустота. Управлять — nav|em; инициатива — nav|itas; трудолюбивый, у|серд|ный и р|ев|нос|тный — nav|us. Ехать, путь тор|ить — nav|i, in nav|i: в Воде, коя Мир — нав|и|га|т|ор|у. Трусливость бездействье лень, малодушье — ig|na|v|ia: сердце под иг|ом ума, Тьма под тьмою; нав|аливать, нагружать — nav|em: Тьма — Тяжесть, Груз. Г|л|уб|ь — Г|л|ав|а всему, лунна Эс|сен|ция (*ex (лат., англ.) — из-, без-, не-, пре-; ex|cellen|t — пр|ев|осходный; -се высокое достоинство; ~су превосходительство (титул); ex|cel|s|i|o|r — высший*), Закон сам себя: самовольный — vo|lun|tar|ies, con|tu|max (лат.); Gott'овность, у|серд|ье, тен|ден|ция, желание, завещание, разрешение, расположение — vo|lun|tas: Корнь во Лун|е. Луна-Глубь — Голова на плечах наших: Вечность на бреньи, Корнь-Высь. Сгинуть нам —

обезглавиться как от Луны отпасть, Мать расколоть как ее в очах. Сказано:

Стараясь за что-нибудь ухватиться, Берлиоз упал навзничь, несильно ударившись затылком о булыжник, и успел увидеть в высоте, но справа или слева — он уже не сообразил, — позлащенную луну. (…) Вожатая рванула электрический тормоз, вагон сел носом в землю, после этого мгновенно подпрыгнул, и с грохотом и звоном из окон полетели стекла. Тут в мозгу у Берлиоза кто-то отчаянно крикнул — «Неужели?..» Еще раз, и в последний раз, мелькнула луна [повтор — Божий перст — *Авт.*], но уже *разваливаясь на куски*, и затем стало темно. // Трамвай накрыл Берлиоза, и под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный предмет. Скатившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам мостовой. // Это была отрезанная голова Берлиоза.

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (курсив наш)

Причина, Мать — первый мо|мен|т и последний: так — здесь. Луна в кни́ге Bull'ga'Cow'а — царь как в романе о Тьме, кою славит Бык, Bull как Сын Мать. М на ма́стера шап|ке — Мать Moon, Sap|t`an, Семь, Жизнь всего: Ма|стер первый — Она, Мастер-Mother, горд кем пред *Без|дом|ным* муж, в Да|м|е живущий: Причиной гордиться — коры|сти не знать как коры, ведать Суть пред иным. Голова, Глубь — Оплот, Нос, мир сущий несущий: не сущий для бренья-Ума, сущий Вечности, Сердцу, каким и есть сам. Нос — Опора-Вверху: Глубь — Высь (*Под|ъ|ем — S'Pus'к: Глубью питанье как Пищей. Ем|еля, на печке лежавший у|пор|но — «ем Эля»: Тьму-Бога, Жар*); к Нос|у сему, П|лит|е горней — колонн расширенье дворца царя Ми|н|ос|а (Мин-Нос — Луна, Столп наш) Крита, земли лунной, в К|нос|се (илл.).



С тем, Лу|на, Глубь — главы нашей царь, Мозг ее, и главой мы — Лу|на: Г|ЛУ|бь с облаткой НА ней, ЛЮ|бо|вь-НА|ст, Сердце-Ум (рек П|латон|ов: Луна есть «сплошной и чудовищный мозг»), — что в нас тайно, а явно в Гостях, луноглавых с Луны, а верней — *из* нее. Не облатка сосуд Глуби — Глубь Со|суд ей: части — Полность как Сердце Уму, Суду Милость; так телу сосуд — душа в нем, что вмещает его из|ну|т|ри. Мозг (укр. мо́|з|ок, мос-со́к) — «моск»: Мать, сущего Сок, Глубь-Жена, Мас|к|а Бога, град коей есть Mósc|ow, Москва; Моск иль Мо́|с|ох, шестой сын Иа|фета, Ноя внук — пращур Славян: Моско|вит|ов, детей Маски, Тьмы. По|кров сей, Тьма — кров|ь в нас, те́ла жизнь, сосет кою моск|ит, ко|ма|р, ко Ма|ме льну|щий, — таков КОСМИТ, гость из Лун|ы. Московиты — москиты: Тьмы люд; московит — мозговит. Земля С|ки|ф|ия, S|cyt|hia (лат.) — лунный к|рай, в Этом То как скит в нем; скиф, скит|алец, москит-московит — первый Космосу, люб Груди сей как дитя у сосца: со|сат|ь — SÁT стяжать: Истину-Мать, Грудь-и-Млеко, детей SAT'ел|лит как Луну пред Землею (*Ки|т|ай, Поднебесна — Подлунье: Луна — Не|бес|а, Тай|ны дом, Не-без, Сердце — не Ум, его чуждый*). Москит, московит был Гагарин, и с ним Комар|ов, взятый Тьмой. Луна-Мозг, Мать — Мир, Лоно: Глава как К|рис|талл, Камнь о тьме миров-граней, гласо́в в Хоре сем:

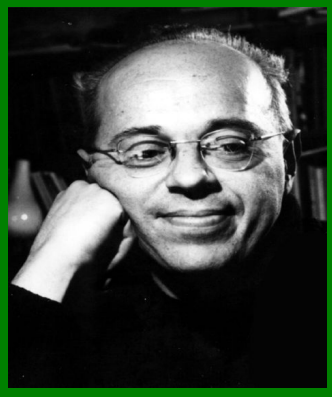
Мать, Луна зрячих глаз, с головою как Мозгом-Кристаллом

Как Кристаллу, Луне рек Вол|ош|и|н (*Вол-очи: Мать, Тьма волоока, волош|ка, коров любоцвет; «волош» — «волос», суть Велес, бог лунный*) Мах’и|ми|л|иан так:

Вздуваешь воды, чрева матерей,
И пояса развязываешь платий,
Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!

Lunaria. Венок сонетов

Мозг, Глубь-Мать — Океан как Луна, мыслей наших Ин|дук|тор, благой Мен|тор наш, что знал, полн Но|лем, Лем, чей Со|л|я|р|ис — Мозг сей сплошной: Мир, об|раз Божий как Sol|о, Одно; «ляр» — Лар|ь: Бога — Мир, Глуби — Луна, лик чей Лем шароглав (сиречь б|рах|и|кефал, краткоглавый: шар есть наикраткое, Монады лик), ш|лем ее — Се́рдца Ум:



Кель|вин К|рис, — к Луне-Миру поход: в Цель-Сел|ену, Вино Божье; Тихий И|йон, д|ит|я Лема, — суть Йон|и, санскр. योनि (...И|Й|ОН|И|ЙОН...): Мир-Мать, Сел|ена-Щел|ь (*к|они чьи — Гости: Ашвины в м|а|шин|ах, в тарелках Вода, Ма|ть*), где есть он лин|га́м, в Воде Ной нетопимый как Тьма, Вульва-Уд. Луну зря, рек Волошин ей:

Царица вод! Любовница волны!
Изгнанница в опаловой короне,
Цветок цветов! Небесный образ Йони!
Твоим рожденьем женщины больны.
(…)
Бдит «Volva» — неподвижная звезда,
И отливает пепельно-неярко
Твоих морей блестящая слюда.

Lunaria

Свою лун|ность, и лунопознанье как мис|с|ию, и дух фамильи своей краткой (Мир, Сло|во-Сло|г, Три) знал Лем, в шут|ку Сут|ь обернувший в словах Та|ран|тоги (Луны как Таран|а очей, тоги Бога):

В последнее время слышны голоса, ставящие под сомнение авторство Тихого в отношении его «Дневников». Печать сообщала, что Тихий будто бы пользовался чьей-то помощью, а то и вовсе не существовал, а его сочинения создавались неким устройством, так называемым «Лемом». Согласно наиболее крайним версиям, «Лем» даже был человеком. Между тем всякий, кто хоть немного знаком с историей космоплавания, знает, что LEM — это сокращение, образованное от слов LUNAR EXCURSION MODULE, то есть лунный исследовательский модуль, построенный в США в рамках проекта «Аполло» (первая высадка на Луну).

Мать в Луне, Мозг — Главы этой Главность, MA|IN — Ма|ть-Внутри, Гол|о|ва (греч. ke|phal|ē) как Ф|ал|л, Голо|с|ть, Суть без пелен как без куб|ка Вино, в Кубе Шар как в Земле Глубь ее, Луна-Суть: под Землей Небеса как Мозг голый, Тьма-Мать. Хо|р|он|ить — укр. хов|ати: в Мать, Gov, опускать (Г = Х), огонь в Огнь *(«пир», огонь (греч.) — rip, могила (англ.): Сила как То*); царь подземный О|с|и|р|ис — Луна: 28 лет, его погибель — Луны число, в кою

отшел он как в Глубь; Персефона, Аида жена, по Плутарху, живет на Луне, правя ей; мертвых спутник — лик Нут в гробе против лица: Нут — Луна; дол|бить Землю — Дол бить как не-Высь, чтоб явить Высь, Луну, из-под корки ее, из тьмы Тьму: ведь Глубь — Высь. Рек Волошин Луне:

Ты, как Земля, с которой сорван скальп…

Ку|б|ок, Куб — пол-Ее как Коровы Бык, бок, book Тьмы-Речи, являть кою — Быка с|куб|tú, южн. с|к|убить, с|дир|ать как шел|уху. Подземелье — небе|сно как Мать, Высь и Глубь как Одно, Отцу — Рознь, Два. Речется:

Идея о том, что женственность — и особенно Божественная женственность — ассоциируется исключительно с Лунным и Хтоническим (в противоположность Солярному и Небесному) развивалась непосредственно наряду с развитием патриархата. Однако же везде, где матриархальное понимание Божественного сильно, Она также предстает как начало Солнечное или Небесное.

Аристазия. Мать-Земля: извечное заблуждение

Ин|суль|т как удар моз'gov'ой — сал|ь|то в Глубь, в Sul: Сел|ену, Оплот му|суль|ман. Мать — Уд; мы — л|юд Ее, Жизни-Se|v|en, Вен|ца л|уд-пол|уда, Л|ун|ы сев в До|л: По|л|но|с|ти — в час|ть. Г|рун|т Луны, Гол|овы — ре|го|л|ит: на Сел|ене, лиц|е Тьмы, си|л|иц|ий с иным. Луна-бак — Мира ло|но-сед|ло как Сед|ьмого в Шести, в бреньи — Вечности, Тьмы. Мир в Луне — Коло|бок: Коло-Мать с Бык|ом в Ней как Умом в Сердце, слугой, в владыке своем растворенном Любовью: служить — есть лю|бить, быть Иным как Пред|мет|ом любви («Я есть То»). С|лу|жить — жить с Лу|ной, Сердцем в г|р|уд|и, его *видя* в себе: Любовь с Сердцем — одно. Над Умом Сердце — Вера над Знаньем; Вер|над|ский — зрил так, чтивший Кос|мос как Мать. Сосуд Глуби, Луна — че|р|еп чер|ного Мозга сего, сер|ебрящийся Тьмою, — Го|л|го|ф|а (*ивр. череп, гол|ь Gott'a, Творца, в ук'Ra|in'ском — Гол|гота: вкруг Господа кол|о,*

Колго́ты** очам как стопам, **Колгота́** — душ **За**|**бо**|**та**. Ф = Т: **го**|**ф**|**ер**, древо **ков**|**чег**|**а** (**че**|**х**|**ла** Духу, Сои) — **Gott'ер**, Божий плот; **Ф**еофил — **Т**еофил. L = Г, а F = V: **Голгофа** — Голова. GOF = GOT = GOV; **гоф**|**ер** — **Го**|**в**|**е**|**рла**, Коровья гора: Бог и Мать — Тьма одна*), куда до́лжно взойти, чтоб, как **реп**|**у**, ее расколоть, **лоп**|**нуть** (реп**|**нути** (укр.); «реп» — «пер», Огнь, стихий царь; **к**|**реп**|**кий** — полный Огня, Шара-Тьмы; **ре**|**п**|**ей** — кругл, как глава, дум **реп**|**al***), явив Глубь: из Ума — Сердце, Суть. Речено о Луне:

На духов воль надетая узда,
Грааль борьбы с причастьем горькой соли.
Голгофой душ пребудешь ты, доколе
Земных времён не канет череда.

Lunaria

Череп, **kran**|**i**|**o**|**n** (греч.) — Глуби **к**|**ран**: Луна глаз бренных как небо их, Луны меньшая полной как Двойка — Ноля, покров — Сути (*так высь, куда **в**|**пер**|**ился** **Череп**|**ащук** с институтом своим, Небес менее, сущих в Луне*). Сосуд Глуби, Воды, Ею полнит она: люди, все мы — луна (эхо — укр.) от Луны. Рек поэт:

Нам на дорогу испекут
горячую буханку хлеба,
воды до края в нас нальют
и бережно опустят с неба.

И потекут с нуля года
по непроторенному руслу,
вся наша жизнь теперь — вода,
но только разная по вкусу.

Игорь **Ма**|**ра**|**н**|**ин**

С тем, **Сел**|**ена** — **Цел**|**ь** нам: **Miss**-**Mish**’**ень**, **миш**|**уры** бренной Корнь. Вода в ней, слитна с **мис**|**кой** своей — **С**ердце наше, обресть кое — Себя стяжать как Одно, коим **цел** (с тем — и жив) **чел**|**овек**, **сел**|**енит** в **сущ**|**ест**|**ве**

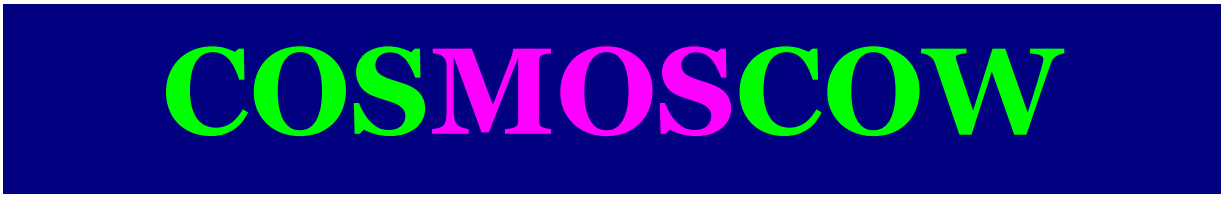
(ведь что це́лит — целю́т; цель — одно, и с|тремя|щийся — то ж). Посему Ид|ти — Ж|ит|ь: зрящий цель — шагом всяким стяжает ее, ею жив как Собою; стремленье (укр. праг|нення) — жажда (укр. с|праг|а), исканье Воды. О том — дуба До|дон|ского шел|ест: речь тихо как Глубь — ше|лес|теть (*Шелест-Тен|ь — Се|л|ес|т|ен, имя Тьмы: Глубь — Тень бренным очам*); шел|естит — ше|л|ух|а: Путь, покров Цели, лук с чешу|я|ми его при я|дре, Ум при Сердце, Шлях-Шлак; в Бога путь как Себя нам — Луна. Стать Собой нам — Лун|у есть познать; та|лан|т наш, в корке Я как я|д|ро в с|кор|луп|е — от нее. Луна, Мес|яц есть Сердце; внелунье — Ум, при|мес|ь к нему, Сутью мнимая бренному оку: при Сути не-Суть, что pri'mes'ana ею как Двойка к Нолю — ко Тьме тьма, к Огню тень от него.

Тьма-Луна — Тема главная нам: т**е**мн|ый — т**ё**мн. Тьма — Единство-и-Рознь, Ноль-и-Два. С тем, ц|елен|ье с д|елен|ием — оба С|елен|а, Луна; Мать двуглава — Мать та же: Корова о паре рогов, Месяц-Серп:

Глубь есть О|ри|г|ин|ал: Бог, Риг|веды Суб|ъект; не-Глубь — ко|пия, в Глубь ко|пие, что в Ней жаждет прейти-ус|нут|ь. Гл|убь — Гл|ина, из коей ле́плены мы Глубью той же: состав пути — цель; и то — Глина очей: gln|n|e — зрачок, глаз как ябл|око, шар, у Го|мер|а: быть — зриться очьми; шар глазной — суть Шар-Мир, цар|ь всех форм, что с оча|ми един как Предмет их и О|ча|р|ованье («чар» — «шар»: Чар|ли — Шар|ль). Как пора года, он, Бога Плод, сущих Сень — о|сень пло́дна, труды осен|яюща, «очарованье очей» (Пушкин рек), Пана (всё — греч.) пора: Мир, Всё Божье — Пан|о|пти|кум; Пан — лик его и поэзии дух (*лун|ь — стих (кит.): Пан, Лун|а, Зе|л|ье п|ан|т*), гений Pus|h'кин|а: Pus — Пан (инд.-евр.), Пас|пор|т наш (Явь того, кто́ есть мы и от|кол|е), Ин|дий|цам — Пуш|ан. Пан и Мать — Мир един, Лоно лон; Мать — Ах|мат|овой Суть как Поэзия та ж. Глубь как Мозг-Мир явить — тре|пан|ировать Че|р|еп, Луну-корку, при Сердце Ум; пан|ировка — закатка в покров: в Пана, Мир — Бога, Суть. Глубь, Река-Мир (рік|а — укр.), как Год (Рік) ци|к|лич|на, — П|рич|ина, Бог|атство очей с очьми вместе, для коих оно, Со|кро|в|ен|ное их, вен сих Кров|ь как и|Му|щ|ество главное, Коров|а-Мать, сущих Мо|щ|ь: «риг» (*корнь в «риг|а» (ам|бар), «риг|ор|изм» и «Г|риг|ор|ий», уменьшенно «Г|риш|а»*) — от ric (стих Риг|веды, о Глуби слова́), от сего ж —

ric|h (богатый — англ; фр. rich|e, нем. rei|ch, ит. ric|co, исп. ric|o, эс|пер. riĉ|a); rsi, риш|и — *видящий* (санскр.) как **богатый Очьми: зрить|ся — быть** (*от «риш», rich — ну|во|р|иш, бога|тей скор, без должных трудов*); от сего ric|e|v|i — по|луч|ать, обретать (эспер.; ит. ri|c|ev|er|e, англ. re|c|e|iv|e, фр. rec|ev|er, исп. re|**c**|**i**|**bir**); Реч|ка (річ|ка — укр.), Глубь — реч|и Суть как Безмолвье ее, Злато в сем Сере|бре. Бог есть наш Б|**ри**|**г**|а|**д**|**ир** («бри» — бери: Бог — Дух, Дар), Столп в Луне, Дыр|е г|лаз, Огнь Б|**ри**|**х**|а|**д**|**а**|**р**|ан|ь|яки святой; П|рих|од наш — слитье с Ним. **Речь — Богатство Людей: Слово — Глубь зрящим полность его**. Глубь — сфе|рич|на: Шар — Цар|ь, Бог-и-Мать. Ри|ч|ар|д, Ри|х|ар|д (как Ва|г|н|е|р) — Тьмы чар|ы: мощь льва, дух рыч|ащий, рык чей — что гроза; Ген|рих — созданность Тьмою, ген|езис Ва|гин|ой сей; Фромм Э|рих — Сердца муж. Річ — глаз Пред|мет, Тьма: Метá, Цель (укр.), фено́|мен смотрящих очей, бренных («ця річ» — «вещь эта») и ноу|мен («у чому річ?» — «в чем суть?») — *видящих*, вечных. «Рич», «риш» — риш|и — К|риш|на, бог-Тьма, тень при ком — Ри|ш|е|л|ье. Гост|ь, П|риш|елец — Тьмой, Гл|убью как смертью нам, бренным, богат; Луна, Глубь, нам — по|гост, мертвых дом. Rich — корнь в «Рих|тер» и «Ре|рих»: Мать — Му|зык|а Божья, кон|ь чей (слуга, верностью свят) — Мор|ри|к|он|е (*с ним — Ко́ган, с|кри|пач: Коа́н сущих Кохан|ня, Любовь (укр.), со Смертью единая; Ко́эн — отец термояда, Са|ха́р|ы-Ума, в США, как с ним Са́хар|ов русский*). Мать — Очи; Мать — Пир их: Мир, Ма|Т|**ри**|**ц**|а-Лоно, Конь Бога, Мо|гил|а (*rip (англ.): Пир навыворот*) глаз бренных, зрящих с изнанки. Быть Глубию, Сердцем богатым — рех|нуться умом в очах верных Уму как царю. **R**ic, Глубь — сущих **Р**ек|орд: Мир, Рис|уно|к-Рек|а, А|р|ис|то|т|ел|я тайный а|р|ык (*«ар» — пить воду (инд.-евр.)*), пиков **П**ик (*П (рус.) = R (лат.), Р (рус.): Ума, Папы буквы; Р Русов*

— *R R'имлян: навыворот Я, Ум пред Сердцем; эт|руски — от Русски|х идут: Ум — от Сердца, причины своей*). Рик|ша наш — Бог, П|рич|ал, нас влекущий (Рек|ой-Миром, Рук|ой Своей: Глубью Глубь), сущий в п|ритч|ах как в фляге вино. Rec|or|d — запись (англ.): Глубь — Па|мять, Мать в Уме-Па|пе, облатке своей; Мать-мет|а|л|л — О|рих|алк (O'rich'алк), ал|ма|з-Глубь, вещам мат|рич|ный — тот, что не с|мять как Луну, Дам|у-Мать, Мин|у, коя не ми́н|ет (ведь время, как mors immortalis, — она), от|кол|ь он (стал|ь Да|ма|с|к|а — тень, маска его, коей стал он в очах). От|риц|ание — «нет» как лишение Господа, Да: Корнь **бог**|атств — Он, Кому мы к|рич|им «помоги!»; «н|е|т» — «не-ет»: не ети́, в розни быть; на|риц|ать, по|риц|ать — все к сему ж. Пе|**р**|**ик**|л, Греции век златой («пер» — Огнь, Тьма) — Глубь, в том с Сократом един *глуб|око*: Перикл — ум сего века, Сократ — его сердце; учитель, любовница — одни у них. Р|**ю**|**рик** — Глубь как Богатство **Р**|у|**с**|**и** (*rsi — Взор: Тьма, зряща Тьму; Русь — прор|око|в земля*), Космос, куда взошел Ю|ри|й наш как в Зако́н (Jur|e — лат.): в Мать-Тьму, Божию Рук|у, чрез Юрия долгую длань заложившу Москву, Кос|мог|рад:



Мать, Mos'г — в Господа Mos'т (*наибольший — mos|t (англ.): Лоно лон — Мать, Мир*); Юрий — Георгий, Гор: Мир, Огнь-Хор (Г = Х), что, Луной дан, — Гар|мон|ия нам; Pus, Пан-Мир — Рус|ь, земля Мира с градом Москвой (Р = R); Pus, Мир — Put'ь, положённый (put — класть (англ.)) нам к Господу Им же; Рус|ь — Па|р|ус, Ве|три|ло-С|тез|я, птица-Тройка: Три — Мир. Ширь Руси — на Шар сей указанье: Ум — на́ Сердце. Сказано:

Глубоко вдумываясь в исторические судьбы своей страны, русский мыслитель [Н.Ф. Федоров — *Авт.*] предвидел, что она первой проникнет

в околоземное пространство. У него есть поразительный для его времени ясный ответ на смутные чаяния Гоголя: «Русь, Русь, что пророчит сей необъятный простор?»: «Ширь русской земли способствует образованию подобных характеров (Федоров имеет в виду богатырский, удалой русский тип. — *С.С.*): наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига». Таким характером, личностью, обладавшей даром видеть конкретную перспективу развития человеческого общества в его отношении к природе и космосу, стал Циолковский, один из немногих, кто еще при жизни Федорова понял великое значение его космических идей.

С.Г. Семенова. Русский космизм

Мир, Стезя ко Сту|пан|ью — Руси суть. Единство его, Хор как Тройка — идеи соль русской, землянам столпа, как корнь им С|ки|фы, люд с Ки, Луны. О том пишется:

…третий принцип, с позиций которого Соловьев осмыслял русскую идею, это принцип всеединства как самый конкретный и исторически реальный. В этом смысле русская идея предстает как исторический долг России по отношению к себе и другим народам мирового сообщества. Этот долг «требует и признания нашей связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех главных единств: церковь, государство и общество безусловно свободно и державно не в отъединении от двух других, поглощая и истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ним. Восстановить на Земле этот верный образ божественной троицы [Мира, Целого — в части его воскресить к их единству — *Авт.*] — вот в чем русская идея». // (…) Русская идея не отторгает идей других народов, а призывает к сотрудничеству народы мира. Н.А. Бердяев писал в связи с этим, что русская идея есть «идея коммюнитарности и братства людей и народов». Каждая национальная идея имеет свои преимущества (например, прагматизм «американской мечты»), основное же преимущество русской идеи — универсальность, по причине чего она приобретает эсхатологический характер, принимающий форму «стремления ко всеобщему спасению».

Тот же источник

Коммунизм, пролетарское царствье (плод русский как в теле болезнь) есть идеи слом русской: сведение Сердца в ум, Целого — в часть, мнящу Целым себя, как насилье над ним. Говорится:

Космические устремления русского народа превратились у коммунистов в социальный титанизм: соотечественникам годами вдалбливали мысль о том, что коммунисты способны не только идеально обустроить социальный космос, но и «переделать» природу и завоевать всю вселенную. (Попыткой поэтического отображения этого бреда были некоторые произведения В. Хлебникова и С. Есенина, ошибочно трактуемые иногда как космические). Коммунистический титанизм в любой сфере полностью исключает антропокосмический синтез, он является убедительным выражением безоглядной деструктивности и насилия, свойственных «коммунистической идее». Прав Бердяев: «Русский коммунизм... есть деформация русской идеи, русского мессианизма и универсализма, русского искания царства правды».

Тот же источник

Быть п|ри|ч|астным — п|ри Ri|ch, Ch'ер|но|те-Глуби быть: колесом при Оси, без какой нет его. П|рич|итать — Глубь о|п|лак|ивать: Воду — водою; богатство — то|ва|р|ищ|и нам, из каких главный — Бог, наше Я, дружить с Ко|им — ле|ле|ять С|еб|Я. Люди, мы — Глуби плод, God'а я|год|а, капли Реки Мировой. Кос|мос, Cáus|а-Мать, есть Коза как Луна, Сер|на Бога (чей Козы|рев муж, астроном: рев Козы сей, во Глубь зов), где скрыт Сер|ый Шар, Мир, Рис|уно|к Г|ос|под|ний, О|с|и|р|ис под плóти землей, с коей лунная корка одно: обе — Ум, п|лен|ка нá Сердце сем; «серн» — «керн», бур в Глубь. Причина, Caús'а — Вин|а есть всему (ex-cus-е — из-вин-ять (англ.)): Вин|о-Мать, Куз|ина очей, с Ней единства не зрящих. Всевластной, взять ей — есть у|к|Ра|сть, иль изъ|Я|ть не спрося: спрос Причины — с Себя: кто дает — тот берет; красть Причине — брать в День горних глаз, по|хищать-во|с|хищать (так крадут на Востоке невест). К|Ра|да, рун|а Славян — огнь Того, нас берущ: Лун|ы длань; жены кража, корнь б|ран|и Троянской — из|ъ|я|тье Причиной Себя, где Елена — С|елена: ищи

Жену, Суть! Дело Женское — твердь необорна; Причины у|д|а|р — есть но|КАУ|т всегда, Уд|а д|ар. Глубь, Причина одна — До|каза|тельство нам; доказать — есть до Глуби до|йти: до Коз|ы, Тьмы-Caús'ы, Луны. Голова к голове с ней стоять — при Caus'е при|каз — ведать Цель нам: Причина и Цель — Глубь одна. Рек Выс|оц|кий о том:

И пытались постичь мы, не знавшие войн,
За воинственный клич принимавшие вой,
Тайну слова «п|рик|аз», назначенье границ,
Смысл атаки и лязг боевых колесниц.

E|v|id|en|ce, доказательство (англ.) — Евы, *ви|д|ень|я* день, Огнь как Тьма. Доказать Бога — Тьмой доказать: Жизнью в горних очах, коей есть в них Он, смертию — в бренных, где смерть Он, явив Его прямо (как Вол|анд, Мес|сир — Берлиозу, *убив-доказав*). Тьма-Ложь, Двоица — Мифа лишенность; Тьма-Истина, Ноль — Миф: Луна, зрячих Глубь. С тем, теорье доказанной быть — быть доказанной Мифом, Луной ей. То делаю я в меру сил.

Цель, Селен|а — целен|ие нам: Глубь — Любовь как Одно, Лека|рь наш; Любви птица — ле|ле|ка (укр.), а|ист — в Руси, земле Ист|ины, Тьмы. У|гл|убиться — убиться: прейти в То, Любовь, умереть к бренью: л|юбить — убить (так, рек Пушкин, Саль|ер|и Мо|ц|а́р|т|а убил от любви: «ер» — Эр|от, Любви бог; «саль» — «сель» — Луна, Сел|ена). Селены металл — се|р|**еб**|ро, luna (англ.): се|р|ост|ь с б|лес|ком как Сер|дце с Умом, в очи умные лез|ущим; сер|ость отдельна — без блеска сребро: Сердце чистое, Глубь как Одно без иного Себе. Сребро — Глубь, Сил|а, имен сребра Суть: англ. sil|ver, гот. sil|ubr, др.-в.-нем. si|**l**|**a**|**b**|ar, нем. Sil|ber — «бер|у Сил|ой», как Глубь. Мозговой, церебр|а|льный — от Глуби, в Луне С|ереб|ра, тварь чья Це́рбер, Тьмы пес,

дом — Эреб. Глубь — Вода, посему блеск реки — сереб|рис|т как Рис|т|а|л|ищ|е, Мир (*Океан-Прист|ань, Приз бренным нам: за петлянье с упорством — прямая Стезя*), где для Бога доспехами б|лещ|ем. Мир, Глубь в Луне — Три; с тем, сребро в чешском — s|tří|bro, в словацком — s|tri|eb|ro. Феб — бог сребролукий, чья Цель — Высь-Глубь, Мать; посему «Аполлоном» назвавший поход к ней — сребро ж: Силвер|с|та|йн, Тайн|ы голос. Сребро — с|ріб|ло (укр.): Гостей блеск, Глуби рыб, кои втайне и мы: Глубь нам — Тайна, Я наше, Бог-Мир, Гостям — Явь. Серебро — «се (вот, это) ребро»: Тьма, Глубь-Полнота, что мним частью мы, как Жену, Полноту — частью муж; с|ребро, Глубь — с частью Целое, Суть, без какой нет ее. «Сереб» — Серп: Луна, Ж|не|ц, Ж|ен|а-Смерть; серебро сед|ины — от Сед|ьмого над бренья Шестеркой, Луны. О сребре как Луне говорится:

Еще в эллинистическом Египте, а вероятно, и раньше серебро часто называли луной и обозначали знаком луны (чаще – растущей после новолуния). В алхимический период это название серебра было широко распространенным. Наряду с ним и с обычным лат. argentum существовали и тайные названия, например Sidia (id est Luna), terra fidelis, terra co|el|est|is [«земля со-Божная», т.е. Луна — *Авт.*]и т. д. В Древней Мексике его называли «белой божественной грязью» и считали выделением или земным соответствием бога Луны. Чистота, целомудрие и красноречие – это символы серебра. Серебро – лунный, женский, холодный знак, атрибут богини луны Артемиды (в римской мифологии Дианы), а также металл королев. Из-за ассоциации с лунным светом его сравнивали со светом надежды и мудростью – оракулов часто называли «серебряными языками».

Глубь, Жен|а есть Дви|жен|ие: Но|ль в к|ор|ке Двух, но|г ему. Фраза «масса покоя» s'mes|h'на mes|h'аниной своей: п|око|й — мас|са и есть: втайне Мат|ь, Ка|мнь уго́ль|ный всему, У|гол|ь-Н|о|чь под Творцом-Гол|овой; покой царь нам, насколь с|к|рыт|а Мать. Г|лу|бь, Мать — Двиг|атель наш (имя Лю|двиг, причастное ей — знак сему), пе|р|е|м|ен-лом|ки Корнь: Глубь,

Мон|ада — мен|яет-м|не|т; rem — вещи, т|кан|ь пе|рем|ен; «лом» — «лон» — «лун»: Лун|а, Тьма; дар ее — Ло|м|о|но|с|ов, Нев|тон наш, *глубинки* российской дитя как Нев|ы тон, Луной круглолик:

Луной кругл и Мес|сье Шар|ль, ст|ра|ж Неба: Луна — Неба Суть:

Глубь есть О|М|ут, Д|ом-Мать (мут|ер — нем.), Мут|ь глаз злых, Пред|мет мист|иков: «мист» — очей муть, ту|ман умных очей, очам Сердца ж — міст, мост (укр.) в Глубь; ОМ — Бога слог винный (Хайям — О|М|ар); С|о́м|а, Сом — бог и влага Луны: Цель-Путь; сом, рыба-царь — глуби, омута житель; С|Ом Глуби есть Бог: Суть и зо́в к Ней (с тем, Со́му зовут «царем мира» и «богом

над всеми богами»: он в сути — Бог высший, Ра). Сома, Луна — Сéм|а (греч.): Жизнь, С|мысл сущих как Сем|ь, Сем|я-Огнь — душа в нас как мы сами. Ом — А́|у|м, зов Сердца: «Аýм, Ум!». Ведь **Глубь — Сердце наше, Безмолвье**. О нем говорится:

Безмолвие обычно понимают как нечто отрицательное, нечто пустое, как отсутствие звуков, отсутствие шума. Это неправильное понимание распространено потому, что безмолвие известно лишь немногим. Все то, что полагалось переживанием безмолвия, – это отсутствие шума. А безмолвие – совершенно иное, положительное явление. Оно экзистенциально, оно не пусто. Оно исполнено музыки, которой вы никогда раньше не слышали, пронизано неизвестным вам ароматом, светом, который открывается только внутреннему взору. // Безмолвие не есть нечто воображаемое; это реальность, притом реальность, существующая в каждом из нас, – просто мы никогда не заглядываем внутрь. // У вашего внутреннего мира свой вкус, свой аромат, свой свет. Он совершенно безмолвен, безмерно безмолвен, вечно безмолвен. Там никогда не было и никогда не будет шума. Туда не может проникнуть ни одно слово, но вы можете туда проникнуть. // Центр вашей сущности – это центр ци|к|лон|а. Что бы ни происходило вокруг него, ничто на него не действует. Он – вечное безмолвие: дни приходят и уходят, года приходят и уходят, столетия приходят и уходят, жизни приходят и уходят, а вечное безмолвие вашей сущности остается прежним – та же беззвучная музыка, тот же аромат божественности, то же преодоление всего того, что смертно, что преходяще. // Оно не является вашим безмолвием. // Вы являетесь им. // Оно – это не что-то, что находится в вашей власти; оно владеет вами, и в этом его величие. Вы даже не существуете в нем, ибо ваше присутствие будет нарушением покоя.

О том сказано также:

Слова подымаются из безмолвия и в безмолвие погружаются снова и снова. Безмолвие никогда не загрязняется словами. Слова приходят и уходят. Безмолвие остается.

Глубь — О|пти|м|у|м наш: м|акси|м|аль|ное (чистое) Благо как Ось (axi|s) и Ценность (axi|os — греч.) — душ, пти|ц Суть. Глубь, как Благо, есть Всё, Син|тез сущего (Син — бог Луны, «тез» — Бог, Теос, Сверх-Глубь): Высь ли, До|л — Глубь одна; до Л|ун|ы, Божьей Дл|ани (до|лон|ь — ла|д|он|ь (укр.)) ход

есть нуль: Она — З|дес|ь как Мир, Дес|ять, где сущ человек, с ним един; Зло, от Блага о|ста|ток — ничто как не-Глубь, Ум без Сердца сего. Глубь ничем мня (в очах Мир — что очи), нуль сей — бренных глаз суть. С тем, Глу́бь нам — и Всё, Полнота, и Ничто, Пустота, разделять кои («кто был ничем — станет всем»: или — или) — творить Всё ничем, п|рах|ом — Мир как нулем, рознью глаз, позабывших единство свое. Речено:

…Я начну от *ничто*. Ничто, по сути, то же, что Полнота. В бесконечности наполненность равно что пустота. Ничто – пусто и полно. Вы можете сказать равным образом и иное о ничто, к примеру, что оно бело или черно, или что его нет. Бесконечное и вечное не имеет свойств, ибо имеет все свойства. // Ничто или Полноту мы наречем Плеромой. В ней прекращает свой путь бытие и помышление, поскольку вечное и бесконечное не имеет свойств. Там нет никого, потому как иначе некий Тот отличался бы от Плеромы и имел свойства, которые делали бы его отличным от Плеромы. // В Плероме есть все и ничего: не стоит помышлять о Плероме, ибо это означало бы саморастворение. // Творение пребывает не в Плероме, но в себе. Плерома есть начало и конец Творения. Она проходит его насквозь подобно тому, как солнечный луч проницает всю толщу воздуха. Хотя Плерома проходит непременно насквозь, нет у творения в том части – так цельнопрозрачное тело не становится через свет, сквозь него проходящий, ни светлым, ни темным. // Мы же сама Плерома и есть, ибо мы часть вечного и бесконечного. Нет у нас, однако, в том части, ибо мы бесконечно отдалены от Плеромы – не пространственно либо временно, но сущностно, – тем, что отличны от Плеромы как Творение, имеющее пределы в пространстве и во времени. // Поскольку мы суть части Плеромы, Плерома также в нас. Плерома и в своей малейшей крапине бесконечна, вечна и нерушима, ведь малое и большое суть свойства, что пребывают в ней. Она есть Ничто, кое всюду нерушимо и непрекратимо. // Оттого-то говорю я о Творении как о части Плеромы лишь под видом иносказания, ибо Плерома воистину всюду неделима, потому как она есть Ничто. Но и мы суть цельная Плерома, ведь Плерома лишь иносказательно, в допущении, малейшая крапинка, сущая в нас. Она и свод небесный, нас объемлющий. Зачем же нам вести речь о Плероме как такой, когда она Все и Ничто.

Se|p|te|m ser|mo|n|es ad mor|tu|os

Семь наставлений мертвым, что написал Василид из Александрии, – города, где Восток соприкасается с Западом

О Глуби, Плероме как Женщине, Сути всего, речено, что Она есть

Природа, всеобщая Мать, повелительница всех элементов, изначальное дитя времени. Царица всех духовных вещей, смерти и бессмертия, прародительница всех существующих богов и богинь, одним движением пальца управляющая Светом Небес, благотворными морскими ветрами и печальным безмолвием подземного мира – Ей поклоняются в различных аспектах и проявлениях, известных под бесчисленным количеством имен, пытаясь умилостивить многими способами (Ап|у|лей). Ее зовут кормилицей, но она имеет очень большое количество других имен (Плутарх). Брахма молится Великой Богине так: О, Ты, изначальный ясный Свет Небес, освещающий все и разрушающий самогипноз ужасного круга перерождения! О, Ты, которая окутывает всю вселенную и во все времена остается невидимой. Мать – это архетипическая женщина, первоначало всего живого, primum mobile и первичная полнота, содержащая все принципы. Она символизирует все фазы космической жизни, объединяет все элементы как небесные, так и хтонические. Она – Царица Небес, Мать Богов, открывающая путь, хранительница ключей плодовитости и врат рождения, смерти и воскресения. Как Богиня Луны она – вечная обновительница, меняющая времена года, повелительница дающих жизнь вод, роста из плодородной земли и воскресения из мертвых, Земная Материя. Как Луна она является мерой времени, разделяя год на месяцы, состоящие из 28 дней; как время она – ткачиха судьбы, ибо все Великие Матери – ткачихи или прядильщицы, ткущие паутину из нити судьбы, что символизирует ее силу заманивать в ловушку и связывать либо освобождать. Мать обладает дуальной природой творца и разрушителя: с одной стороны, она – кормилица, защитница, дающая тепло и убежище, и, одновременно с этим, ужасная сила разрушения, пожирательница и убийца. Она творец, кормилица всего живого и его могильщица. Мифологически она – Мать-Дева, Божья Матерь, рождающая мужчину от своего сына, от духа или воли. Она – мать и невеста Бога, и Mater Dolorosa, оплакивающая его смерть. Духовно она – архетипическая полнота, самодостаточная и самоукрепляющаяся; дева, дающая жизнь сыну – Свету; мать всей мудрости, умения владеть собой и освобождения через просветление и трансформацию. Она та, кто управляет из тьмы и как мудрость способствует трансформации человека от самого элементарного к самому высшему уровню. Мать – это изначальная тайна: Я – все, что есть, было и будет, и мою вуаль не поднимет ни один смертный. В алхимии Великая Мать олицетворяет активный принцип, огонь и тепло, обеспечивающие трансформацию, очищение, поглощение и разрушение. Она – прародительница embrio ores в утробе-земле. В гностицизме она – эон плеромы. В буддизме и даосизме Мать олицетворяет пассивный статический принцип, мудрость, реализацию и блаженство и изображается с лотосом и открытой книгой как главными ее атрибутами. В ее полезном, питательном и творческом аспектах она – Magna Mater или Изида, Хатхор, Кибела, Иштар, Лакшми, Парвати, Тара, Гуань-инь,

Деметра, София, Мария, озаренная Солнцем и попирающая ногой Луну. Как обольстительница и убийца она – Астарта, Кали, Дурга, Лилит, Геката, Кирка, черная дева с волосами-змеями или в ином ужасном облике. Существует целый легион ее символов, к которым относятся растущая Луна, корона звезд, спираль, концентрические круги, ромб, все воды, фонтаны, родники, etc, все, что дает убежище и защиту – пещера, стена, могильный холм, ворота, храм, церковь, дом, город etc, все питающие сосуды, груди как средство кормления, все источники изобилия, все, что пусто и готово вмещать – чаша, котел, кубок, рог изобилия, ваза, йони etc, все, что образуется из воды, – раковины, рыбы, жемчужины, дельфины etc. Среди птиц ее атрибутами являются голубь, лебедь, гусь, ласточка, куропатка etc, а среди растений – лотос, лилия, роза, мох, пеон, кедр, а также их плоды. Атрибутами матери являются также колонны, символизирующие соединение камня и растения (ствол дерева). В ее полезном аспекте Мать представлена всеми животными, производящими продукты питания, – это корова, свинья, коза, лань etc. В ее темном аспекте она ассоциируется с королем-жертвой: король, идентифицируемый с орошением и плодовитостью, приносился в жертву Матери-Земле, когда его плодовитость истощалась. Позже король был заменен козлом отпущения. Это действо отождествляет Мать с коброй-человекоубийцей, лунными змеями и львицей. В аспекте девственности и чистоты ее символом считается единорог. Великая Мать связана с созвездием Большой Медведицы, числом семь, днем недели – пятницей, когда готовится рыба для жертвоприношения в ее честь. В облике Артемиды она – повелительница зверей и ассоциируется с охотницей, ведущей дикую жизнь в окружении диких животных.

Глубь, Мир — Ци|кл, К|л|ич: зов к части стать Целым, Собой, Вы|зов Жить: Жизнь — Я сущих; ци|к|лич|ный — стяжавший в за|м|к|нут|ии Богом Себя как Его. Клич — ключ: Зов — Суть та ж, принятый до́лжно; имущий глаза — да узрит. Глубь-Всё, Мир Божий — Ме|ра всего кроме Господа, Меры своей; Бог, Она — Мера полная: сущим вещам и вещéй Вещи, Миру как Камню Его, Божьей Ста|ту|е-Тьме. Мир — г|ра|д (лат. mun|i|cip|ium), Пол|е как По|л|ис, Творца Мон|о|пол|ия; Бог — Мэр его, Мер|а-Царь. Богом сущ, человек — всему мера, насколько он Бог: без Него, Сути-Я — нуль, безмерье-ничто как

с|мер|кан|ье очей. Глуби Мес|То — Луна, Мес|яц-God, Пан|а Пун|кт: Пан — Глубь, Тьма. Николай, укр. Ми|к|ола, святой (дед Мо|роз, Сан|та Кла|ус — всё он) — суть Ми**г**-**К**оло: Год-Цикл, Лунный **К**ру**г** (Г = К); «святой Николай» — НЛО, лунный челн. Луна полная — Мах (Х = КС; Ма|х — суть Ма|кс|имум, Всё), Глубь с корой ее: Сердце с Умом как облаткой своей (*санскр. mah`ant — 1) большой, 2) сильный, 3) великий — как Глубь в существе*); Луна зримая — Глуби ко|Ра: Мах|и|ман, Тьмы сосуд, Ум пред Сердцем как Два пред Нолем, Сутью (*санскр. mahi|m`an — благородство, величье; m`ahi|Sa — бык, буй|вол: Коровы бак, Се́рдца — Ум, буй на Воде этой*). Умные, мы и к Луне не летя, на коре сей очьми (очи — ноги) стоим: корка лунна, земная — одна, с мин|ер|ал|ами общими. То — Глуби Кей|с, Че|мо|дан-Са|к|вояж О|кеа|ну сему и в него К|лю|ч, Кеу (англ.); key — «лун» в русском наборе; «к|ей» — «к ей»: к Ней, Тьме; муж Луны — Кейс, я|сно|видящий. **Сердце и Ум, Глубь с облаткой, с фен|о|мен|ом Ну|мен — Луна, Мать с Отцом в Ней как тен|ью**. Ни|к|ей|с|кий собор — Ник|а-Кеу как Луны тор|же|ст|во, бренных ра|до|сть — с условьем, что в символе веры его Отец — Ра, высший Бог, а не Муж, пал|ач, плач бренных (пла́чу — плачу́ тьме дань: Уму — за рознь с Сердцем). Ма́х|а — великий (санскр.): Глуби причастный маха|нием Крыл сих (*ведь Глубь — К|рыл|ь|Я: «рыл к Я», Всевышнему: ради рытья — Т|айн|а, ради д|ра|нья — Не|дра*), с тем — царь пространства, иль маг (Г = Х). Мах — «мак» (Х ↔ К): мак|ушко|й своей мы с Луной спряжены, с Глубью, Мак|овкой — глава к главе; и у бренных макушка — главы верх, у Глуби ж как Шара, Главы монадичной, макушка везде. «Мак» — мак|ать: в Воду, Мать; мох — Она. Мах, Луна — Суть маш|ин|ности (mach|ina — лат.); Гостей челн как машина машин — Луны лик: Глубь с облаткой, с Умом Сердце, Суть как над многостью (mach — англ.) Одно. Глуби день, ею тяжкий (*Глубь — Вес: Бог как Yes и Мир вес|ь, Камнь Его*) —

по|не|дел|ьник, англ. Мón|day: Луны день, Moon-day, и Богини ее — Тьма одна. Урн|а Истины, Sat-Глуби, Луна — Сат|урн и У|р|ан (Небо — греч.) как единый со|суд (*здесь — co-Sat: Д = Т; с тем, носитель, домчавший к Луне нас — «Сатурн»*); круг Сатурна — круг лунный; суб|бо|та, Сатурнов день (Satur|day (англ.), у Славян — Коля|да) — «суб», Глубь: вечное Время (санскр. Ка́ла: Ш|кала нам, Пространства хала|т), Год как Цикл; и за лунность чтит мир день шестой сей, стези нашей корнь: Корн|ь — Луна, горн|ий Огнь. Шесть|десят — Луны огнь в тьме времен; Луной му́дры, в век сей отошли Гераклит и Перикл. О Луне рек Ор|фей:

Склонность к ущербу являешь ты и полноту,
Времени Мать, о, Селена, высокая духом!
Как ты прекрасна, янтарная с дымчатым пухом,
Сну неподвластная Дева, воссевшая в тьму,

Чтобы наполнить пространство сиянием кротким.
О, плодоносная, ты — изваяние Ночи,
Быстробегущая, Вечности юные очи,
Радость несущая Небу явлением четким.

Глубь есть Лоно всех сущих, Мо|н|адо|ю кое зовем: Це|л|ью, коей мы цел|ы (англ. lon|e — одинокий; отдельный очам): то, что на́|д|о нам, к чему до|йти жаждем — «над»: ц|ель — вверху как Бог, Эль; способ поиска, met|hod = Мета́ (цель — укр.), God + ход к Ней: H ↔ G; так вверху солнце. В сем — Мон|ы Лизы разгадка: улыбка как Г|луб|ь — Мир, У|лыб|ка Творца, **Л**ук-Одно (Лучник коего — Он) для оч|ей сущих, lo|ok; **Л**иза, **М**он|а — суть **Л**он|о-**М**ать, Сил|а-**Л**ис|а: Тьма-**Л**уна, Дух лук|авый в Со|к|ра|та улыбке святой. Лоно — первая нам ко|лы|б|ель, укр. ко|лис|ка: в Луне Бог качает-колы|шет дитя, за ним — мать на Земле. Луны муж — О|дис|сей-У|лис|с: Лис, хит|рый муж; «дис» — в Луне Дес|ять, Мир. Все б|лис|т|ан|ье — ее, Солнца нам; ею полн лист: Зелен|ое — Тьма; М|е|**л**|**и**|**с**|ен|та есть имя ее; град Т|би|лис|и — ее славный град, мать груз|инам *глуб|оки|м*: Груз — Тьма. В сказках русских она — Ва|си|л|ис|а пре|му|д|ра|я: М|у|д|рос|т|ь есть Мать, Луна-Глубь — С|к|лис,

Корова летучая, слуга чей Кир Bull'ычев: Бык, ей Сын, Лисы-А|лисы Лис; Кир — «сир» — «сер»: в Луне Мир, Сер|ый Шар, что при Боге — при Матери Сын; воспитание Кира — цен|ил К|сен|офонт как науку его, Сен|и чистой нам, в Бога Сен|ей; «дра» — дыра: Луна, в Господа Щел|ь, дабы Шел чел|овек; Луна — Сыр, Глубью сущий покров, дело чье есть являть ее (с тем, лик Луны — сыра круг: дырный плащ), Си|р|от|а-Сир, Тьма-Рот. Глубь-Лун|а — Действье чистое; на Глуби п|лен|ка, Се|лен|а с Ней врозь — п|око|й, лен|ь: Ум без Сердца как Сути своей, око-Папа, взор-нуль. Имя «солнце», род средний — на Бога указчик: не Муж, не Жена, но их большее, не Два — Одно. Мир — Всевышнего ф|рак, Плод при Корне, ту|лимый к Ра Ра|к («к Ра» — в повторе: …Ра|к|Ра|к…), Бога ра|б (ser|vus — лат.), К|ра|б манящий, что пят|ится рачьи: уход как Воз|в|Ра|т-По|в|тор, Бога Новь вечна (новь — сно|ва, о|пять), Шаг Назад, мнимый Шагом вперед — Саг|а, Жизнь, Бог в с|т|Я|ж|аньи, сим Шагом как Миром себя обретающ (*Возврат нам — эфир: Пят|ь, очами не зримы Сего, над Четверкою зримой. В пят|у́ Феб Ахилла сразил: в то́нку суть, жизнь. Душа в пятках труса — суть в точке предельной: Пре|дел — Тьма, Пят|но; с|пят|и|ть — с Пят|и сойти, пасть на дно; спятить брению — Вечностью стать, шаг по|пят|ный с|вер|шить. «С Пять» — с|пать: Жизнь смертным — Сон*). Шаг сей — суть слова «ис|к|ра», «из-к-Ра́», «в|дал|ь-назад»: Мир — Душа, огнь сердечный го|р|а|чий, в сердцах бренных многий тьмой их и единый собой в Боге. *Походкой лунной* явил Шаг сей Джек|сон. Май|к|л — май (имей — укр.) — мати («мать» и «иметь» — укр.): Мать-Мир, Град-И|мен|ие Бога и Имя Его, Лоно нам. Путь, ходá (укр.) — Жены имена как Дорога, Творцом дорога|я как Целью: Мир, во Да С|тез|я-Т|рак|т, о Боге Тракт|ат (путь — о цели реч|ет-поет), с Теос|а с|тес|анна Тьма. Речь, река, суть чья Мир — рачность: пан|цир|ь в ней — имя,

рак в нем — речи смысл. Бог и Мир — Глубь одна, Сер|дце сущего, Сущее-Всё; Бог — Креа́|т|ор, а Мир — при Род|ившем сем Плод как П|ра|к|рит|и, При|род|а, Мать нам. Глубь — Во|да: «к Ра» — «к|ря», у|тка: идти — в Глуби плыть как она, челн|ок-т|ка|ч, кач|ка (укр.); мо|к|ра́ — к Ра: плыть — знать Воду, Стезю. Утка — duc|k (англ.): Дух, Дах, Крыша (укр.) мирова, Чер|дак чер|н, Дуч|е наш как Вла|дык|а владык: лат. duc|ere — в|ест|и: в Бога, Ест|ь (ибо суще Им всё); правит — корм|чий, путь зря как корм наш. Ги|д|ро — г|ид: Мир, Вода — По|во|д|ы|р|ь наш, Река, что в|леч|ет-леч|ит нас как Лю|бо|вь, очей бренных Дыр|а, в Бога, Да. Леш|ий — Пан: Мир, Ка|р|а|к|ул|и Бога и Кул|ь с Ним; К|леш|ня, chēlē (греч.) Мира, Рака — Селе|на, Луна как облатка его, Камня (lech — бретон.) Тьмы, Ва|лун|а во Лун|е; Элев|син|а царь, лунный — Ке|ле|й посему. К|леш — покрой морской: Мир — Оке|ан, мо|ряк — ра́к при нем: при Целом — часть, чтяща власть его. «Леш» — «лек» и «леч»: Мир-Любовь как Лек|арство леч|а́ще, Лек|ало умов. Мир — Кон|ь Сер|ый в миров своих яб|лок|ах (*лока — мир: Полности часть, Мира лок|ус (санскр.)*), Шар шаров этих, каким есть сей can|cer (рак — лат.), миров сущих Пакет (Хор), челн в коего есть нам рак|ет|а, ко|раб|ль в сего К|раб|а, чьи ма|чт|ы чт|ят Ма|ть, Сень сию, в высь зен|итну во|н|з|ен|ь|ем. Мир есть сер|аль Бога (дворец двупалатный), К|р|еб|с-Реб|ус, За|гад|ка очам в полноте God'овой как Реб|ен|ок, Ди|Т|Я: Тьма, вторая за Господом-Я (*Кребс — Куз|анский, Саúс'ы посол, Мир раздумьем объявший; Кузанец — Кузнец, Мир, Ис|кус|ство, кующий по-Божьи: сплотить Мир в себе млатом Тьмы — створить к Богу с|ту|пеньку; Кузанский — Ко'SUN'ский: Глубь — Солнце Кузанца влекуще; Кузан|ский — Кусан|ский: Мир — Рак иль Д|ра|к|он, хвост кусающий свой, тем довлея себе. Кребс, Рак — Цикл; Кребс же, химик, открыл цикл кислот посему: Мира, Жизни о|плот во плот|и т|лен|ной сей, Тьмы во тьме*); Мира зритель — ob|ser|ver, очьми Вер|ы зрящ: «сер» —

«зер» — в|зор; душа — Мир в сердце, Сем|я-Зер|но, что узреть дòлжно нам. Сер|а —Дьявола запах, за Богом второго как Мир. Шар — Шаг: **r** = г, К|рюк-**Г**лубь, **Р**ук|а рук, Тьма **р**о**г**ата, огнь **Г**о**р**а живой. Шар — Сар, Змей, Богом замкнутый в ци|к|л; Са**р**а — са**г**а ко|лен людских: ис|то|р|ья, плод жены сей. Шар очам внешним — Сфера; «сфер» — «сер». С|фер|а — fer|o, несу (лат.), как fer|rum, Дол — Высь, Сер|ебро: Двойка — Ноль, скрытый в ней. С|фера — Вера: чтить Мир — в Бога верить как Мир, лик Его. Сфер|а — Свар, Небеса дольним нам, Всё как То Наверху. П = Р: «сер» (рус.) — sep, семь (эспер.), se|p|te|m (лат.), se|p|t (фр.): Мир, Жизнь-Се|мер|ка, **Сеп**|уль|ка глаз бренных: неясный пред|мет им, жить с коим — быть к смерти готовым всечасно, как с мин|ой **са**|**п**|ер (так живут со змеею); в «Солярисе» то — Океан, Н|уль познанья; град повести сей, где замыслена Лемом она, жившим в нем — К|рак|ов: к Рак|у с|ту|пан|ье, град Раков (един с целью путь к ней). Ser|mo — наставление (лат.) в Мире жить-деять: сер|ая Ма|ть: ведь Мир — Мать, Лоно нам. Лат. du|cer|e — вес|т|и: Мир, Сер — Путь, что в|леч|ет как Стезя Се|р|е|б|ра, В|ест|ь, при Господе Тьма, горний Вес: ведь Мир — Камнь; Вест|а, Гест|ия — очаг Огню: Богу — Мир, что Им ест|ь, сущ. З|рак (взор, очи цельные (стар.)) — с Рак|ом: с Миром — согласные Очи, Тьма-Г|лаз, з|рачком ставша нам, Целое — частью как Сердце Умом; с Миром очи — одно (с|мо|три — Три, Божий Мир), и творим Мир — очьми мы: что зрим, то и есть. Мнящим Целым себя в розни с ним Мир нам — п|ри|з|рак, очей риз|а мутных. Ге|р|ак|л, небосвод подперев — Мир держал на плечах, к|реп|кий им как Любовию, Тьмой. Дело чистое — п|**ра**|**к**|т|и|ка: Мир — Бога (Делом, Акти|вностью-Тьмой философью зрил Кант, звав «пр|акти|ческой»: Сердца стезей; «философствовать истинно — Жить», — рекли жизнью своею Зенон и Сократ; Сила-Жизнь — Ш|акти, Тьма). В|рак|и, ложь — суть не-Мир, в Раке нуль как материя-тьма: Мир разъят (Бог, Ра — с ним: оба — Глубь), иль дыра

от него, ді|ра (укр.) как ди-Ра|к, пол|о|вина как пол-Вина, сп|и|н полуцелый, что пел Дúрак Пол|ь. Г|рач — Тьма, Мир, щель куда — ха|р|а|к|ир|и, рез-Долг, что исполнить — ха|рак|тер иметь: Твердь в нас, Мир-Камнь, крепят кою тру|дно|сти, пресс Вину, Тьме (*так была прес|сом Греции Перс|ия, т|ир|ан Иран, крепя Три — в Г|рек|ах Ре́к|у, Суть их, муж чей есть Ге|рак|лит, рек|ший, что «все течет»*). Самурай — сам-у-рай: в Ра|й без внешней подмоги чрез смерть, лаз, в М|ир-Ир|ий иль Вырий как Выры|тость: Лоно, что, бренны, мо|гил|ой мним, Мать, коей ир|мо|с|ы льем (*Мир есть Рай очам видящим, зрячим; смотрящим, незрячим — безмирие, ад как добавка пустая: иллюзья, примысленный Мир, Ад|ди|т|ив, Дит|я-нуль*). Скорлупа Яйца-Мира, Луна посему спряжена с ним и с гробом как с Жизнью и тенью ее. Си|р|а|к|уз|ы, земля Ар|хи|м|ед|а с законом его водяным — Мира г|ра|д. «Хим» — «гим» — «жим»: голый (ги|м|но|с — греч.), выжатый Мир: вино — прессом как телом — вода. С ним зу|с|трі|тися (в|с|тре|титься — укр.), в Реку эту очами вступив (очи — ноги) — познать свое Я, кое он, с Богом слит. Три|пто|лем, Г|рек|ов сеятель, бал|тский По|три|м|пс, водный бог — суть Мир, Три, Семя в нас и По|тре|бность (по|трі|бність — укр.) сущих: частей в Целом их. В Лу|не с|к|рыт, Мир — Док|три|на Б|лава|тской, таима от бренных: Лю|бо|вь, Лава горня, Пред|мет и Ученье в одном; Лав|а — Лав|р, Ф|еб|а древо, Победа-Любовь (ведь любить — побеждать) — Лав|ра, б|день|е о Ней. «Док» — «дек» — Дес|ять, Дек|ада, число треугольное: Мир, С|кам|ь|я-Лав|ка, Т|ро|н Богу и всем как Сед|ьмой над Шестеркой, Сед|ло: Бог вверху вос|сед|ает на нем, мы — внизу, мня, что сверху (*зад наш посему — с|рак|а (укр.): с|верх|у — вниз, как с'Vis'аем главой мы с Луны*); Кам|ы Ка|м|ен|ь, Бу|лавка безбожных сердец. Для очей сущ, Мир — Глубь з|рачка их, М|Рак как Мать, Лоно нам (посему зрачок — черн: Глубью сущ); он Ба|рак, Дом наш общий, и Ба|рка, на коей плывем к Богу мы (кто не зрит то — ду|рак, пленник розни очей: рознь —

«ду», Два). Рак — Луны знак: Мир — в ней, Mun|d|us в Mon|d (Луна — нем.); ра́к|а — ков|чег с мощами святыми: Мир с Богом Внутри как че|х|ол Гол|овы с Нею в нем — Шар с Огнем о|гнев|ой (*рек Тей|яр де Шар|ден: «По своей структуре ноосфера и вообще мир представляют собой совокупность не только замкнутую, но и имеющую центр», — коим зрил Бога он*), Луна с Глубью своею; Два|рака индийская — рака сей Раки, в|то|ра|я: Бог — в Мире, Мир — в раке-Двараке как лике Тьмы этой. Мир-Двойка — б|рак Света и Тьмы (Б — суть Два), Богом венчанных: Первым — Вверху, Третьим — промеж Двух сих; как Одно — он брак Бога с Собой (ведь до-Мирно Творцу пары нет). Не|до|ста|ча, брак (укр.) Мира, Полности — всех утрат корнь; Мира брак, как урон, — бра|к|онь|ер, кем есть всяк эгоист как урон Полноты, ду|рак|ом раскол: «ду» — Двойка, Рознь. Бу|рак, си|р|ечь «б|лис|тающий» — конь Джеб|ра|ила-ар|х|ан|г|ел|а: Мир — Конь-Огонь. Сер|ый с c|her'ным — Одно, Тьма. Рак (рус.) — Рах (лат.), Мир (*П = Р: у́мны буквы, пред Господом Мир как Рис|унок-Пис|ьмо; о рисующем — «пишет» рекут*). Ст|рах — безмирие; в Мире отказ как Отчизне (для П|ращу|ров, зрячих, был ею он весь: часть — Полна) — ост|ра|к|изм, о́стра Тьмой-Сер|пом казнь. Рак — болезнь о|гн|ева́: «онко» — Мир, Огнь, в Творца Окно-Око, во Да (Онка — имя Афины: Тьма, Женщина — Мир, Лоно сущих). Рак — Рах (К ↔ Х), ст|рах|а бог, суховей у Славян: Мир — Во|да, коей может не дать нам в|о гне|ве. Б|рах|ман — Миром сущий как Д|ом|ом своим, Дам|ой дам, что Бог дал, очей Да|л|ью святой. Шароглавие — б|рах|и|ке|фал|ия, Мира знак, Шара в Луне (меч|ен им Лем с иными) как Матери, Божьей Руки: рука — лат. manus, brachi|um, pal|ma и ul|na (Lu|na — *Авт.*), la|cer|tus; «бра|х» — бра|ть, Руки труд: Луна, Мать — жнущий Сер|п. Шар, Мир — истинный Фал|л: кольцевой как соитель с|еб|я. Рах|у|вання — счет (укр.): Мир — Одно как начало его (*единиц син|тез, число есть Мир как По|втор: Два — Повтор как Одно, дважды Мир, Единица*

***ж — как Ноль, Мир един; меж числ раз|ница, ша|г — Д|ель|та Δ: Мир, Три, Дел|о Творца, Серый Ша|р, сущий кожей ша|**г**|**р**|**ен**|евой в нас. Числ ряд — сер|и|я Мира, ти|р|а|ж, где, полн Сутью, гласит эк|з|ем|п|ляр: сер и я!*); Ра́х|у — де|мон за|т|мен|ий: Огнь — Мир; Мира голос — о|**р**|**ак**|ул; безмирье — п|рах, нуль; к|Ра|х — отход в То. Рач|енье — бес|сре|бр|ян|ый труд как за|бо|та о Мире, ста|ра|нье-у|сер|д|ие о Серд|це сем как ращ|ение Мира в себе чрез с|ращенье Сего с Тем. С|елена — Елена — Елины, Эллины (стар.): Мир был им Богом, Елена же — Мать во плоти, из я|йца рождена. Рак — рах — рух (укр.), дви|жен|ие: Мир, Река Божья. Ша|р|ах|ать — катать Шар: Мир, Рак, плод чей — речи *безумны* о нем как о Сути Луны и Народа ее:**

Рассказывает водитель космического аппарата «Луноход-2» Андрей Егорович П.

— Мы натолкнулись на нечто совершенно необыкновенное. Хотя теперь я думаю, что руководители проекта всегда догадывались о том, что Луна населена. Иначе к чему было устанавливать на «Луноход» спаренный пулемет? Мы, водители, недоумевали, но спрашивать не полагалось.

Я вел «трактор» (так мы называли между собой «Луноход»), рядом был напарник. Он первым и привлек внимание к странному образованию. Куда и как ехать, решали не мы — ученые. Во всяком случае, в пределах сеанса. Они посовещались и решили, что стоит подобраться поближе. Вождение «трактора» — штука непростая. Пониженное тяготение, а главное, трехсекундная задержка сигнала, заставляли все делать с предельной осторожностью. Застрянешь — подтолкнуть некому. И ремонта не дашь, руки коротки. Поэтому те пятьдесят метров, что разделяли «трактор» и объект, мы преодолевали более часа — при том, что путь был на удивление гладким.

Останавливались каждые пять минут, всматривались в объект. Догадка постепенно перерастала в уверенность — перед нами было искусственное сооружение. Более всего оно походило на снежный дом эскимоса — полусферический купол около двух метров в поперечнике.

«Трактор» остановился на расстоянии десяти метров от купола, и ученые начали отчаянно спорить — что делать дальше. Решили сообщить руководителям проекта. Сверху откликнулись приказом: ждать и ничего не предпринимать. Мы и стали ждать приезда руководства.

Через несколько минут картинка на экране изменилась: в куполе словно дверь растворилась, вернее, съехала в сторону. Из купола вышло

насекомоподобное существо, или, быть может, это был робот. Он подошел к «Луноходу» — и на этом связь прервалась.

А тут и начальство стало прибывать. Пленку, на которой насекомое показалось, прокрутили несколько десятков раз. Я запомнил во всех подробностях. Скорее, это было даже не насекомое, а ракообразное. Рак, но только метровый рак.

Нам, разумеется, напомнили о подписке — мы не имели права рассказывать об увиденном в зале никому даже из членов проекта, например водителям-сменщикам, не говоря уж о домашних или вовсе посторонних.

Попытки оживить «трактор» велись несколько дней. На четвертые сутки был получен сигнал, но сигнал весьма странный — это была не «картинка» и не телеметрические данные.

Расшифровкой сигнала занимались самые разные подразделения, разгадали же, по слухам, шифровальщики спецслужб. Собственно, требовалось лишь понять, что сигнал представлял собой одну из кодировок латинского алфавита, после этого все встало на место: мы получили послание. Послание на земном языке, правда, на мертвом — то была латынь. Мы объявлялись «персонами нон грата», Луна — суверенной территорией «Народа Неба». Любая несанкционированная высадка на поверхность Луны, говорилось в послании, будет считаться актом агрессии.

Послание расценили как дурную шутку — мол, кто-то из работников послал сигнал, представив дело так, что он-де якобы пришел с Луны. В существование такого мистификатора было трудно поверить, но поверить в ракообразных селенитов, изъясняющихся на классической латыни, было еще труднее. Однако тщательнейшая проверка всех звеньев связи не выявила сумасшедшего шутника (а последствия подобной мистификации были бы таковы, что решиться на подобное мог только сумасшедший). Срочно стали готовить новую серию «Луноходов», которые были не тракторами, а скорее танками. Уже не пулеметы на них стояли, а оружие несравненно более мощное, оно и до сих пор тайна, потому распространяться не буду. И корпус такой, что запросто не вскроешь. Мы обкатывали их на полигоне, поражая «вероятного противника» на любом расстоянии. Готовились основательно, три года. Конструкторы доводили «танки» до ума, и под конец не машина была — бог войны. Четыре штуки прошли госприемку. Готовились к работе, но, если честно, тревожно было на душе. Но в сентябре семьдесят шестого проект закрыли, и нам дали понять, что ни сейчас, ни в будущем работы не предвидится. Взяв напоследок очередную подписку, нас отпустили на все четыре стороны. Я сразу устроился в таксопарк. Жалею? Конечно. А с другой стороны, лучше уж так. Без войны.

(…)

Конечно, можно расценить рассказы Андрея Егоровича как байку из тех, на которые горазды и космонавты, вышедшие на пенсию, и просто веселые люди. Но вот в 1996 году публикуется книга одного из участников проекта «Аполлон» доктора Эдвина Райса «Потерянный космос», в которой Райс утверждает, во время экспедиции «Апполона-17» астронавты столкнулись с обитателями Луны!

Путешествуя на «ровере» по поверхности Луны, они встретили небольшое, около трех ярдов, куполообразное сооружение, из которого вдруг высыпало около дюжины ракообразных существ. Существа не делали попыток атаковать луноход, но «ровер» перестал подчиняться астронавтам.

Ситуация складывалась напряженная. И в это время по ближней связи они услышали ясную, звучную речь, которая была передана в Хьюстон, где ее и перевели — сами астронавты, естественно, не владели латинским языком в объеме, достаточном для ведения диалога. Астронавтам заявили, что они вторглись на чужую территорию и что им следует теперь убраться восвояси. Попытки переговоров селениты отвергли и только повторили свое предложение. После этого контроль над «ровером» восстановился, и астронавты поспешили к лунному отсеку.

Существование цивилизации селенитов тотчас было объявлено государственной тайной. Посчитали, что распространение сведений может привести к непредсказуемым последствиям вплоть до краха государственного аппарата. Известие о некой сверхцивилизации, находящейся совсем рядом, может вызвать панику, страх и уж во всяком случае — комплекс неполноценности.

Возвращение космонавтов на Землю прошло благополучно, но встал вопрос — как быть дальше? С кем, собственно, они встретились на Луне — с истинными селенитами, с пришельцами из иных миров, с русскими? Последнее поначалу казалось самым вероятным: русские-де создали на Луне секретную колонию автоматов. Анализ обращения селенитов показал — оно было произнесено не человеческой гортанью. Машинный звук? Срочно подготовили разведывательный аппарат «Лунар Скаут», который и запустили тайно к Луне весной 1973 года. Спускаемый аппарат станции совершил посадку вблизи места высадки «Аполлона-17». «Скаут» направился к известному месту, орбитальный отсек вышел на высокую селеноцентрическую орбиту и стал наблюдать за поверхностью планеты, используя аппаратуру, применяемую в разведывательных целях над Землей.

Скаут не дошел до пункта назначения — в пути связь с ним была прервана. Орбитальный модуль передал на Землю кодированный сигнал: «Высадка на Луну запрещена. Доказательство силы последует в 15.00 GMT» — и указаны координаты одного из национальных парков. В назначенное время ожидали все, что угодно — пожар, взрыв, бурю. Но случилось совершенно иное. На площади в четыре гектара все деревья потеряли сначала мелкие ветви, затем крупные, и остались лишь голые стволы.

Эксперты решили, что стали свидетелями применения гравитационного оружия. Пришлось признать внеземное происхождение цивилизации селенитов. И еще то, что цивилизация эта может представлять собою для Земли несомненную угрозу.

Аналитики различных ведомств стали разрабатывать сценарии межпланетного конфликта — и все сошлись на мнении, что конфликта следует избегать всеми возможными средствами. Поведение селенитов позволяет предположить, что это — цивилизация замкнутого типа, не стремящаяся к установлению контактов и готовая отстаивать свою территорию. Насколько она развита — неизвестно, но способности,

продемонстрированные селенитами, заставляют действовать предельно осторожно. В первую очередь — никаких провоцирующих движений. И американцы покинули Луну.

Однако необходим был предлог для сворачивания лунных программ, и его нашли быстро — Луна-де не представляет никакого интереса и тратить на нее деньги налогоплательщиков вовсе ни к чему.

Одновременно с этим были проведены контакты с русскими. Выяснилось, что и они столкнулись с проблемой селенитов.

Экспериментальный полет «Аполлон»-«Союз», осуществленный летом 1975 года, имел и политическое значение — две космические державы показали, что они готовы к единству перед возможной внешней угрозой.

Эдвин Райс имеет репутацию человека серьезного и к мистификациям не склонного. Косвенным подтверждением его слов является то, что и США, и СССР с середины семидесятых годов фактически закрыли лунные программы. Современное развитие и технологий, и экономики позволяет ставить задачи несравненно более крупные, нежели просто исследование поверхности Луны. Колонизация Луны — вот достойная XXI века задача. Но правительство, не моргнув глазом тратящее на Иракскую кампанию десятки миллиардов долларов, проявляет странную скупость, когда речь заходит о возобновлении лунных экспедиций. Странность эта становится вполне объяснимой, если и свидетельства соотечественников, причастных к лунным программам, и труд Райса счесть достоверными, истинными.

Черты рачьи лунита зрим мы и в ином слове. Пишет фантаст:

Селенит представлял собой крепкое, подвижное существо, напоминавшее насекомое с длинными ремнеобразными щупальцами и чем-то вроде клешни, которая со звоном болталась на блестящем цилиндрическом футляре, покрывавшем туловище.

Герберт Уэллс. Первые люди на Луне

Мир — Т|ур в Бога для *видящих* (*что беспокоит (тур|бує — укр.) нас как несуща Река*), с тем — и Бо́г сам, Чью Крепость ш|тур|муем (путь с целью — одно); тур в ничто — Мир слепцам, Тюр|ьма их, Сатана-Тур, Козел: ко зел|еному — красное, Рознь. Ли|т|ур|гия — зов к Тьме. Мног в себе, Мир — Ст|рук|тур|а: Рук|а, Бога Длань, коей есть этот Рак. Тур — «тру» — Три: Мир, Тр|у|д Божий, Три — Тре|щина бренных очей как Аб|ст|рак|тное их, тре|ньем-ф|рик|цией до́бытый Огнь. Мир — Скульп|ту|р|а, с Главы-Бога скальп, куль (сосуд) чей — куль|тур|а людей как с|к|лон|енность пред ним, Лон|ом нам. Для единых с Люб|овью Мир — Путь, а нет — путь без Пути, Ла|б|ир|ин|т; посему

лабиринтов к|ра|й — Сев|ер, лаз в Мир, что открыт и закрыт; Север-в-Греции — Кри|т с Лабиринтом его; дом египтских богатств — Лабиринт, Тьма: Бо|г|ат|ство — Она, Бог как Гат|ь, С|тез|я, нам, кри|ва-пу́тана в бренных очах. Так Мария, Хри|стова жена, Маг|дал|ина, Луной-Мах|ой данна как Матерью — пута́на в путан|ых сих.

Глубь есть Мед — Сердце, Mad; как сосуд, Луна — У|л|ей его (где живет Ар|т|е|м|ид|а Ме|л|ис|са, П|чел|а, чел|о|веков Чел|о: Мать, Мозг в сем Чер|епу), с ним единый как ул|ица (в|ул|иця — укр.) в Суть сию. «Чел» — «сел» — Сел|ена-Мать, школа чья — мед|рес|е, а по|ра — ра'Мад'ан. Глубь есть Бог Ра и гор|ни|ца Бога, Мир — Х|о|р, Г|о|р (ḫr — высота, небо (ег.)), Хор|с Славян. Гор и Ра — Глубь одна и Го|Р|а (Глубь — Высь), Огнь всеединый. Ра — Бог; Хор — Мир, спутник и щит Его: с|око|л (Ra|roh — чешск.) на Божьем п|леч|е; Ра и Гор — Отец-Сын, слитна Суть: оба — с|о|ко|л|ы. Гор, Мир есть Го|р|из|он|т|ал|ь; Ра, Родитель его — Верти|к|ал|ь: «верти к Аль» — к Богу, в Корнь. Пара Бог-Мир — Причина-Начало всему: Бог — Причина, Начало ж (початок — укр.) — Мир, сей Початок Жены-Ку|кур|уз|ы с тьмой зер|ен-миров, сущих Кру|г (*в паре Ноль-Единица так Ноль, Не-Число — числ причина, Число ж, Единица — начало; початок — початость: неполность, удел Единицы: полн — Но́ль, корнь ее и состав, как Тьмой Тьма; Богом-Тьмой — полон Мир, за Ним сущ*). Кр|уг и Кр|ест как одно, Мира лик — Крест и Роза: Круг — Роза, Мать-В|уль|ва, тьма чьих лепестков — миры Мира как п|ев|чие Хора. На|чал|о — на|кал: Мир — С|пир|аль-Жар (как Шар), То|к чей — Бог; «ча|л|ить на» — при|ста|вать Уму к Сердцу, Свет к Тьме приставлять, к Тому Это как к Целому часть-половину; «чал» — «чел» — «сел», Селена. Бог — Песня, а Мир, Гор — гор|тан|ь, Песни Хор. Глубь в Луне — Бог-и-Мир: Полность-Тьм|а (tm — ег.: T — Teos, m — Мир); Глубь-Луна — Глубь с облаткой ее, Ей согласной, какой есть Луны зримость. Рекшие, что Огнь Луны — Солнце (огнь чей, Луной отражен — блеск ее в очах), древние зрили в нем

Глубь, Солнце солнц. Луна-явь — Глуби-Тайны лик-об|раз (це|л|ём — ивр.), как есть человек образ Божий (ц|ел|ем Эл|охим): об|од вкруг Од|ного; то — Селена, Луна, цел|ь|на Им (*Луны муж — Обо|д|зин|ский, глас лунный: «зин» — Син: Глубь-Тьма; «обод» — Луна вкруг нее. «Цун|а», прозвище мужа сего — Sun-Луна, царь Сан|сары; Луны мерка — цунь (кит.): «сунь», Фалл-Тьма. Успех Ободзинского первый — песнь «Луна на солнечном берегу»*). So|lo'n, светоч Афин, и Со|лун|ь, град Кирилла — со-Лунь|е: не Сердце — Ум, сущий под властью его. Колунь, др.-рус. ко|луне / къ|лоун|е — о|круг|а; о|ко|л|иц|а: к Глуби как Лон|у забор кольцевой (от сего «к|лоун» — с|мех, тигль Огня, Луны-Мах). Руна ра|до|ст|и W|un|jo (гот. «радость») — суть Глубь: Ра|дость сущих — Ра, Бог. Лоно, Да|л|ю согласно, есть «грудь, перси, недра, утроба, колени»: то — Глубь, коей служим склонивши ко|лен|и ко Лу́н|и, Се|лен|е; служить Глуби — Луне служить; ко|лун — Луна, Тьма-Причина, раз|ъ|я|тель-То|п|ор (*top — вершина (англ.): Высь, Тьма-Луна, Глубь и top'ка Ее; «пор» — огонь: Луна та ж*): ко Лун|е — Рознь к Любви, пара, Тьма ж. Огнь ночú, спящим ночью (как Бог велел бренным, что зрят полумирье) Луна — огнь пустой, Сон их: Явь чуждых сна как их Солнце и Песнь (англ. sun|g — певший, son|g — песня. Лунатик — сно|брод (стар.): брод|ящий Брад|ой Бога, Матерью-Тьмой). То — Огнь *видящих* вечный: очей, несмежимых вовек, горний День без тьмы. Зрить его так — есть как бодрствье познать сон и смерть, Жизнь в очах своих склеив как Солнце сие. Солнце — Глубь; Лу|на, Глу́би Лик — СоЛН**це, лу|чистое Богом (*что магам горит в 31-й июня день — Силы, Любви День-Ноль*): Солнце Любви, Глуби-Тьмы, Огнь нелжив, LU|X (свет — лат.). — Лу|на с Миром, ДеХадой внутри как лам|пада с своим фитилем. То — Дух, S|pir|itus чистый; SUN — S UN|O, со Глубью — сосуд ее, сущий L|UNO'й в небесах как Богатства sun|duc, нас влекущий**

(du|c|er|e) в него: Глубь — Бо|г|ат|ство, Т|вер|дь-Га́|т|ь нам (*и первую лунную к|арт|у создал Рич|ч|и|о|л|и: Богатство (rich — англ.) как Тьма, Н|ол|ь*); U|NO чистое — чистое UN, Без: Одно без второго Себе, Тайна дольних очей, Пустота пустых сих; солнце бренья, дневное — об|ман без Луны как Диавол без Бога (*второе за истинным солнцем, от мо|лн|ии гром — Кром (бретон. круг, свод, обод), Британьи бог; «кром|е» и «кром|ка» — облатка, не-Суть; Кром|вел|ь — кромка, от Сути дыра как вол|ящая Рознь; «хро́м|а» — краска (греч.), по́верху слой; хром|ать — Глуби не знать как Опоры своей. Главный праздник у римлян, декабрьские Иды — Причины, Луны праздник, солнце творящей как корку свою*): Ум пред Сердцем как Сутью своей, без какой нет его. Сказал Сковорода:

> **Не нужно мне это солнце [глаз бренных огнь — Авт.], — я иду к солнцу лучшему... оно насыщает и услаждает меня самого, мой центр, мою сердечную бездну, ничем видимым и осязаемым не уловляемую. (…) О, Боже сердца моего! Часть моя всесладчайшая! Ты есть тайна моя, а вся плоть есть тень и покрывало Твое.**

На распятьи старинном с Христом Солнце справа, Луна — слева: левая — Сердца страна, Тьмы-Льва, правая — Ум, бренья огнь. Луна — Ветхий Завет, Корень, Солнце же — Новый: Христос, Корнь чей Мать. Огнь — В|огонь (укр.): Огнь-Глубь как Ди|ана, лат. Di|es, Л|уна; di — светить (инд.-евр.), Огнь отделять Из'Nu'Три: «ди» — Два, Рознь как разъемлющий меч (англ. mu|ch — многость: суть Два, не-Одно). Огнь как Глубь — Полность-Суть; «полн» — «солн» — «селн» — Солн|це-Цельн|ость, Селен|а, очей Чистота, p|ur|us (лат.): ст.-слав. огнь — πῦρ, Пир (греч.) очей, Благо-Господь, в Луне Тьма. Огнь земной — угли Ма|тери, Маугли меч, сражен коим Шер|хан: Тьмой тьма, Сердцем ум; «шер» — чер|нота. «Ген», «гин» — Тьма, Мать-Луна; зрим Ее в др.-рус. о|гн|ь, болг. о́гън, серб.-хорв. о̀гањ, о̀гња, словен. о̀|gən|j, чеш. и слвц. o|heň, польск. o|gi|eń, в.-луж. wo|heń, н.-луж. ho|geń (*как фамильи Го|ге́н суть: им|пресс|ио|низм — Глуби ж|ом, сон|м Луны, где Ман|е с*

***Ре|ну|ар|ом, с Де|га за|ман|ил взор cow'ром пятн (Мир — Луг-Моз|г, К|арт|ина маз|кова), продолжили — Мон|е, Сис|лей и Пис|сар|ро: Рис|уно|к-Пис|ь|мо, Мир, Шар Сер, с Богом кто — Сын при Матери, Ро перед Мю — Му, Коровою, жом чей — Коровин у нас*). Огнь — др.-инд. agn|íṣ, хетт. agniš; agn|ù̀s — огненный (лит.). Тьма-Мать — Цен|ность всего, Сень Внутри; от сего — in|cen|do, «за|ж|иг|аю» (лат.) («ступаю в огнь»: до — путь (яп.)), incen|dios|us — «жгучий»: Бог, Dios, и Мать — Тьма одна. О том сказано:**

Сегодня истинное, примордиальное понимание Бога как Солярной Матери (в некоторых интерпретациях — вместе с Её Лунной Дочерью) является необходимостью.

Аристазия. Мать-Земля: извечное заблуждение

Огнь то сей , Жено-Божий — ярчайший из всех. Речено же о Матери:

Она предстает (…) Сияющей Женой, подобно индусской Деви, которой в священных текстах неоднократно присваивается эпитет «Ярче Тысячи Солнц» (другими словами, она бесконечно превышает солярную мощь физически явленного Солнца, наблюдаемого нами на небе…

Там же

Корка лунна, что бренны Луной зовут, пред Глубью, тайной им — пред Сердцем Ум, пред Женой Муж как Cáus'ы, SUN'а ка|за|н. О том сказано:

Доктор Мартин Лингс написал замечательную книгу под названием «Символизм светил в древнелитовских песнях», в которой он подробно разбирает народные произведения на языке Индоевропейской семьи (…). Являясь традиционалистом с патриархальным мышлением, Лингс несколько сконфужен тем фактом, что в литовских песнях Солнце предстает в виде женщины, а Луна — мужчины (Frau Sonne и Herr Mond, если пользоваться древнегерманскими обозначениями). С помощью довольно неуклюжих и несостоятельных доводов он пытается убедить и себя и читателей, что Перкунас, повелитель молний, на самом деле является Высшим Богом в пантеоне древних литовцев. Однако, согласно Традиции, молния есть лишь мост, соединяющий небо и землю; Высший же Дух (Атман) всегда и везде есть Солнце. // (…) по сей день найдено ничтожно малое количество фигурок эпохи матриархата, олицетворяющих существ мужского пола. Следовательно, в те времена

оба принципа — Солнечный и Лунный, Небесный и Хтонический — сочетались в женском начале.

Там же

Ig|n|is, огнь (лат.) — о Боге С|игн|ал из Луны, Ма|Я|ка; лан|дыш, мая дитя — дыш|ит Огнем, Лун|ой; май — may-ma|de, м|очь-де|лат|ь как Май|с|т|ер (укр.): Мастер-Луна, Матерь-Длань; «май» — Май|к|Л Джек|сон, в ислам вшедший *лунной походкой*: Луна сама, Ть|ма в бе|лиз|не, ма|ки|я|же, из коего лез|ет лиз|аньем: «лиз» — «лис» — Сил|а, Сел|ена-Глубь, Рас|творитель как Тьма: λυ|σ|ις (греч.), sol|vo (лат.) — растворяю лу|з|гу, не-Суть как к Мо|згу лу|тку (*Мир, Тьма в Луне — Жена-Дитя, коей был Майкл, мальчишек любитель*); тре|*сну*|т|ь — лу|с|ну|т|и (укр.): явить Нут, Мать, Мир-Тройку.

Жена Майкла Лиз|а Мария о нем говорит:

В первый раз, когда после занятия любовью я включила свет, Майкл вскочил с кровати и убежал в ванную. Он появился спустя 20 минут при полном макияже и в шелковом халате. После этого мы снова занялись любовью. // (…) За 18 месяцев брака с Джексоном я ни разу не видела мужа без плотного макияжа. // (…) Часы Майкл проводил в ванной, накладывая, смывая и снова накладывая макияж. Он не смывал его даже перед сном, и утром вся его подушка была испачкана пудрой. // Когда как-то утром, проснувшись, я нежно похлопала его по плечу, Майкл вскочил и вскрикнул «нет, только не смотри!» и убежал в ванную.

Майкл — Ми|ш|ел|ь (песня лунна The Be|atl|es: «атль» — змей: Тьма, Дух): Миша-шел — в Глубь, Сел|ену (в нее — Путь; Пралайи как взятия Глубью число — 50, сего мужа кончина), Mis-sel, Божья Мыс|ль как Луна (Мысль и Длань (Действье) — Богу одно), Глубь-Любовь, ла|нит Жар. М|иша — M-Isa, Мать-Сын, Тьма едина как У|пан|иша|д Суть, из коих одна — Иша, Сын (S = SH, Ш), конем чьим был иша|к; «иша» — Н|и|ша, Луна, Глуби дом; Исаа|к Ньютон — Тьмы конь. Ми|шан|я — Ми-Sun, Солнце, в ком ша́н|а наша (почет, хвала — укр.); как Ми|ш|ут|ка — Мисс Сут|ки, Луна-Ми|р как Истина, Sat, Сут|ь всего и Ми|ш|ень нам, стрелка́м, сущ|их Сень, Но|та третья: Н|о|чь-День, Сердце-Ум, — шут, не л|гущ|и|й царю, средь льстецов. «Миш» — «мес», Месяц, меш|ающий

бренную гущ|у как Божья Лоп|ата-Чер|пак, Мех (*со Глубью, Вином — и кузнечный: Куз|нец — Бог как Пара|ме|ш|вар|и, Властитель Небес-С|вар, Дух-По|вар*), по|мех|а пустых. Мих|аил иль Ми|хай|ла, дух Солнца, един с Гав|рилом, — лунит; «хай» — «хей» — «гей», Гея: Мать как Земля-и-Луна, Тьма-Любовь, Здравье всех (*hei|l — лечи, здравствуй (нем.); «хай» — да будет, пус|кай (укр.)*); «ми», нота — Ми|р, Три (лик чей Pus, Пан как Всё), в Луне Глубь. «Мих» — «мик» — Миг: Мих|аил и Мик|ола — одно, Луна-Миг, Вечность-Тьма. Са|май|н — слитье в очах Сего с Тем: Тьма без розни в себе. Лат. v|ul|can|us — огнь, пламя: Мир-Огнь, Ул|ей-Кон|ь, что горит из Луны. Огнь как пла|мя — f|eu (фр.), ток от Сути как Два от Ноля, Феб от Ма|тери Тьмы, что пред ней сущ плашмя как слуга пред владыкой своим. Огнем Ее кален кален|дар|ь, дар Селен|ы, Глубь в дня|х как Дно горнее их. SUN — Чан — Чан|дра, Луны бог: сосуд с Глубью в нем; «дра» — Дыра, Глубь в очах бренных как Дар под коркой, со|дра|ть кою след. Солнце брения — времени царь как иллюзьи, с тем — ложный владыка; Луна — царь Пространства, Реальности чистой, с тем — истинный царь. Ас|си|р|ий|ский бог Солнца Са|ма́|с, с тем, — суть Со́ма, Луна (А = О); «сом» — «сам» — SUN (М = N). Х|в|ал|а, ша́н|а (укр.) — SUN'а: гимн Корню, Луне-Тьме; гімн|о́ — гов|но (укр.), кал Коровы, Луны-Gov (не мы ис|тор|га|ем — Причина чрез нас: кал любой, как о|Кали|на Жизни, — Ее, Тьмы). С|ел|ена — Елена — Хел|ена — «хел», Гел|иос, Солнце как лик (Г = Х); солнцебог наш Я|рил|о — «я рыл»: Глубь стяжал, Тьму в Луне; f|lam|e — п|лам|я, огнь (англ.): огнь — Луна, Лам|па Бога (mon|de — свет (франц.)), корнь чей — «лам» (лам с верой их Огнь — она). Нет рек|лам|ы верней, чем Огнь сей: Суть — влечет. Луны муж, мил|ый Тьме — Ка|м|ил|ь Ф|лам|мар|ио|н. Ель, Глубь-древо (Эль, Аль — Бог) — fir; fir|e — огнь, жар (англ.); fir|st — первый: Луна — г|лав|ный Огнь как *по сути один*, пр|очи — тень от него. О Луне К|едро|в рек:

солнце — это тело луны
тело — это луна любви

море — это пространство луны
пространство — это море луны
солнце — это луна пространства
луна — это время солнца
пространство — это солнце луны
время — это луна пространства
солнце — это пространство времени
время солнца измеряется луной пространства
пространство луны — это время солнца

«Лам» — лан, поле (укр.): Мир, Поле-Путь, в Луне сущий; Свет|лан|а, как имя — от|сель: Свет-Луна и Свет-Мир как одно. «Пер» иль «пир», Огнь — Луна; Пи|р|ам|иды, Пе|р|ун — живы им. Sow|il, «Солнце» (сканд.), руна победы и счастья — Сов|а, Тьма-Луна. Sun — «син»: Син|ь, Глуби цвет. Син — Луны бог (Ш|у|м|ер), Элев|син и Син|ай — ее сен|и. Синь — Цинь, Луны п|лем|я; цин|га — с ней раз|лук|а, a'Vita|Min'оз наш. Syn (sym) — в|мес|те (греч.): Тьма, Луна — Всё как Мес|То одно: Жизнь, Сем|ь. Глуби сосуд, Луна — должная полость для По|лн|ости сей, Лик-Ве|лик|ость ве|дущ|ий: «вел» — вёл-з|вал (так Вел|ес — в Луну поводырь наш, душ к|Нут); малой быть лун|ке сей — быть недолжным, злом. Рек Иисус ф'ares'еям: «Знаю, что вы семя Авраамово; однако ищете убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас» (Иоан. 8:37); День — Дзен — Чань — Чан (сосуд, т|а|з) — санскр. Чан|дра: Луна, сущих S|UN, и бог оной, ин|ду|с (он же — Со|ма и Инду). Лун|а, Г|луб|ь-Тьма, Бога Ту|луп-Луб, — есть Божия Лу́п|а (*и Лап|а, Д|лань, корнь лап|и|д|ар|ности, Тьмы К|ла|п|ан как Дыра Чёрна, глаз бренных Кол|лап|с*), Лин|з|а (*муж чей — Ма|й|к|л Ко|л|линз, ко Линз|е сходивший сей*), очи учащая зрить как с|кор|луп|ы свои; очи Глуби, Пуч|ин|ы, что пуч|ится вы|пук|ло-кругло, — лу|п|ас|то-черны (*пук|нуть — дух, Тьму как Pus'о с|т|ра|вит|ь; Пуч|ок, Пук — Мир, Хор-Шар. «Луп» — луп|ить-об|луп|лять: с Глуби — корку ее; «луп» — «лоп»: лоп|аться пол|ному Глуб|ию, Тьмой-Сердцем, Мор|ией-Глуп|остью умному миру сему (хвала ей — Сердца муж Рот|тер|Дам|ец Э|р|азм, Разум-Тьма) — так созревший полн плод:

Богом — Мир, Плод Его; туга Глубью Луна. Лю|д Лу|ны — ло|п|ар|и, само|еды-саами, народ лунный Се|вер|а, в Луну моста; луно|гл|авие (б|ра|хи|ке|фал|ия) с кожею с|му|гл|ой — вид их. Остяки-самоеды, сель|куп|ы — от|сель же, Сел|ене родня; самоедство, оно ж само|дей|ство, — довление Гл|уби Себе; лоп|ат|ь — ж|ра|ть: Пища — Глубь, в кою роем ло|пат|ой мы ход; око, мудрое Тьмой, сущих Эн|цик|л|оп|едь|ей — цикл|оп|ье: Луна, Глубь, во лбу; пат|ер — От|че, не-Глубь, пат|ология-Ум как от Че|рного — Белое, тьма. Лу|пас|т Pus — Пан, бог-Глубь: лунный дух, пас|т|ырь стад) и безвеки: Тьма, Сон — сна чужда. Зрить очьми сими — *видеть*. **Смотреть — зрить Луну как облатку пусту; *видеть* — зрить Луну-Глубь. Глубь, Луна — Очи *видящи*, Тьма: MOON иль LOOK (и слов сих буквы крайни — ряд, K|L|MN: К|лю|ч — Лу|на — Мать — Начало как Ноль, Не-Число). Глуби дом, Луна — грань меж смотреньем и *ви́|день|ем*, Очей дверь; волей Луны Глубь узрев — *видим* мы, взявши очи ее. Глубь, Бог-Мир — *на́ша* Глубь, Сердце в нас. С тем, Луна — сердце наше, Глубь в нас: *нуменальное Тело* — Глубь, коркою мнимая. Вечность стяжать — в Глубь войти как в Луну, Сердце. Зрить Луну в небе — зрить сердце свое, огнь Внутри; вопрошать свое сердце — Луну вопрошать. Облететь вкруг Вселенной — Луну об|огн|уть, Миром по́лну; ходить по Луне — есть по сердцу ходить своему, Глубь т|о|пт|а|ть; Луну па|чка|ть —**

пятнать Сердце, Глубь. Глубь, Луна — Тело-Ноль, что как Двойка есть Черной (Г|екат|а) и Белой (Ди|а|н|а) Луной: Два — Ноля лик; она — Подсознание наше, Глубь-Высь (а не Дно, как мнил Фрейд, что *топтал Сердце тем*; ид|ти в Ид — в Высь ша|гать: в Бога, Vis, Ось (вісь — укр.)) как Под'Cow'у всему. Глубь, Луна — Жизнь-Любовь; мир ей внешний, феномен — распавшийся Мир, Рознь как *очи разъятые наши*, искать в коем Жизнь — из кор|чаги пустой пить вино. Глубь, Луна — т|оч|ка сборки, творящая нас: Оч|и-Ос|ь, Уз|ел-Са́|us|а; власть над ней — к магии ключ. Сердца бог, в Глубь врата — Будда полной Луны. О том сказано:

Истинное Тело Дхармы Будды подобно полной пустоте. Соответствуя вещам, [оно] проявляется в [определенной] форме, как луна, отражающаяся в воде.

Будда Шакьямуни

Единое Сердце есть все дхармы; все дхармы есть Единое Сердце.

Будда древности

Сказано также:

Учитель дзэн Бандзан Хосяку говорил: «Луна сердца (сознания) круглая (совершенная); ее сияние освещает («поглощает») все («десять тысяч») вещи (…)». Сказанное означает, что будды, патриархи и ученики будд имели сердце (сознание), как луну, поскольку луна становилась сердцем. Без луны нет сердца, а без сердца не было бы луны. Сказанное «круглая (совершенная)» есть отсутствие недостатков.

У Славян солн|це в разных наречьях их — слон|це, с|лун|к|о, сон|це, сун|це. «Солн» — «с|лон»: с Лон|ом — покров, коим есть Луне сол|нце глаз бренных: Луна, падша ниц: Дол, не-Высь, не-Ось (*ось — вісь (укр.): Vis, Сила-Жизнь,*

***на какой мы вис|им, вниз с|вис|ая — в Дол с Выси, Луны: из Семи — в Во|семь (вісім — укр.), смерть*)**, **Ум — не Сердце, Тьмы корка пуста. Слунко — ш|лун|ок, же|л|уд|ок (укр.) с pan|crea|s, с|оком: в мешке Огнь-К|ре|с|а|ло, Огниво-Луна, сыт был коим солдат без х|ло|п|от; при|с|лон|иться к Огню — сытым быть: П|ища — он, фля|ги По|лно|сть своей, фла|га Дух. Вива|сва|та остаток, как корка Огня, слон — Луна посему, Глуби дом. Белый слон, вшедший в бок Ма|х|а|ма|й|и, зачал Будду: Луна — Луну. Слон — Со|лон, Луны муж: Сердца — Ум (посему Ат|л|ан|ти|да, земля лунна, явлена мужем сим). «Сол» — «соло», Дух как Одно: «сол|ь земли» — Сол|нце-Суть. Ось (укр.) — это: ведь Это Идущих — То, Ось («Я — То» — в Ведах). Египтская Ба́стет, дочь Ра, любовь-радость — глаз Ра, Солнца лунный: Тьма, о́р|ющий Вз|ор. Ра|ви, «солнце» (санскр.) — звали Христа. Й|эхо|шуа, Христа имя — «эхо Луны»: «шуа» — «суа» — Сва, Матерь-Луна, с|ва|д|еб Корнь как Ноль — Двух; Мать и Сын — Тьма одна. Посему лебедь, swa|n (англ.) — и Матери птица, и Феба как Сына Ее: Бог и Мир, Мать и Сын — Тьма одна: Цель-и-Путь, Сердце с Умом при нем. Рави — раби: отсель «ка|раби|н», Свя|зь — З|вено-Иисус, спрягший Это и То вос|кре|сень|ем Своим, и «ряби|на», Луны огнь; «рав» — «раб»: всяк из нас — раб Луны, Тьмы. Мес|сия — суть Мес|яц сия|ющ, Луна, наша Мис|с|ия-Мисс. Раз|реш|енье — per|mis|o (исп.): к действию SUN'к|Ци|я, милость Луны; «Мес, сойди с Небес» — зов к ней как Богу, ко|л|яд|ка (*у Гоголя черт в пред|рож|дес|т|вен|ску ночь снял на|сил|ьно луну, в mes|h'ок скрыв, как Христа-Мать*). Луна — и лад, среднее (греч. μέσ|ος), и мез|альянс; mes|s — бар|да|к (англ.): мир тьмы бренный, им mes|h'аный: Сердцем — Ум, служба чья — мес|с|а как мас|с|а: плоть-мя|с|о, тьма Тьмы, Бог ка|толика, хлеб без Вина как без Целого то|лик|а, часть. Ци|мес — вкуса вос|т|о|р|г: сладка так Любовь, Глубь (ор|газ|м наш — пик Вхожденья); гур|ман|а экстаз — Гур|у наш, Луна-Man. Мес|сир, Вол|анд-Диа|вол — Луны Сын, Луна самое. Кель|в|ин Кри|с, герой Лема, Ра|в|и́|н|т|цер От|то|н («Рави» —**

«вин» — «вин|т», бур, — «цер», «сер»: Мир, Серый) и Мес|сен|дж|е|р (вестник — англ.), повести той же мужи — суть Хри, Х|ар|и: Причина-Сел|ена, Цел|ь-Сень, что одна настоящею есть — над мужами Жена, сверх умов Сердце их; мы при ней — при Ат|лан|тах Ари|йцы: при Мире, Десятке — не-Мир, тень его. Ра|ви — ре́бе — ребе|нок: в Луне Мир, Дитя Ра как Vita при Нем, в кою Сын восходил как Домой стезей лунной в романе о Тьме, звав людей быть как дети, Дитя же и сам. Рави — т|ра́вы, рост чей — от Луны; от|рави|ть — от Луны о|т|о|рва|ть. Ра|ма — дух Пи|рам|ид, лунность: «рам» — «лам» — «лон» — «лун», корнь единый; от Рамы, Луны — Рама|дан во исламе, религии лунной: «ис|лам» — из Лун|ы (Тьмы излом: Того — в Это; Феб — Лок|сий, «Кривой» посему), чей народ му|суль|ман|е. Звали́сь «са|ра|цин|ы» они: «цинь» — Ци-Инь, Вода-Глубь; «са|ра» — змей: Мир, в кольцо с|вит|ой Богом, Глубь та же. От Рамы — Аб|рам и потомство его, Сар|ы плод (ab — от (лат.)), с коей Рама един: с Тьмою Тьма. Артемида-луна (то ж, что Бастет), Феб-солнце — суть Солнце одно: Луна Солнца, что в ней. Луна — лам|па, светившая в полный свой свет Г|рекам при Са|л|ам|у́не, победу им дав, — за что чтили они Арт|емиду, Луну: Ар|с|ен|ал-Сен|ь, чьи стрелы Любовь и Вражда. Луна, Мать есть Со|л|ом|ина тонущих всех: «сал» — «сол» — «сел»; «са|лям», имя Аллаха и горний привет (от «салям» — «му|суль|м|ан|ин», «му|слим») — суть Луна; «ра|х|мат», милость (араб.) — Ра-Мать, Глубь как Луна. Жизни бог как Сем|ерки, Сем|ар|гл — бог огня и Луны: Ог|небо|г пары сей как Огня одного; Очага бог, хранитель семян и посевов: Луна есть очаг и Огнь-Глубь, Сем|я в нем, как бы многое в сущих, Посеве его. Бог Семаргл на Руси — Пере|п|лут, то ж, что Плут|ос-Плут|он: Глубь-Луна, в лат|ках Суть, что таится всегда. Ов|сен|и, пир Семаргла о|сен|ний — Сень-Ov|о, Яйцо-Огнь: нет осени доброй — недобр год за ней без семян. Ов|сень, месяц торжеств этих — осень — о|вес, коня огнь — Вес, Тьма-Глубь; октябрь, осени сердце — десятый как Мир, Конь октябрьский; конь (кін|ь — укр.) с ним — Пуш|кин, потомок

а|рап|ий, певец октября-овсеня, Бо|ян осени, Pan'а слуга: бог плодов о|се|в|ой, сев|а-осе|ни, Пан — Мира лик; о|все|нь — Всё: Пан и Мир как Одно. Овсень — освень — о|сви́нь: Тьма, Свинь|я, Глубь-Богатство; О|свен|цим — богатый на смерть: Свинью, Тьму; «под|лож|ить свинью» — Суть утаить во вред нам, лож|ь за истину выдать. Свиньú дети — Гости: А|свин|ы (Ашвины: S = SH), Тьмы капли, антропы Луны, кони под сим Сед|ло|м, С|едок коего — Бог. «С|вин» — «вин»: Тьма, Глубь-Богатство — Вино горне; Глубью богатый — С|в|инь|ей, Тьмою пь|ян свински, Сал|а-Сел|ены ш|мат, ян от Инь — от Сердца ум. Са|л|о, сим|вол земли дож|девой ук'RA|IN'ской, где ныне живу — Луна, Мать, Коло|с|сал|ь (коло с Аль, Богом в нем), Русов Корнь, чей по|сол — Гость, salo'жники ж — бренные мы. Са|л|ям — глас из Луны, привет Божий; Со|л|ун|ь, град со-лунный — Сало|ники ныне. Прозренье — удар Глуби, sal'п из Луны единящ Тьмою в очи; прозрел так Сал|тан, царь (сул|тан му|сул|ь|ман), посетив остров дивный от земль своих в шаге: Луну — пред Землею. «Сал» — «шал». Бренна жизнь — Бога шал|ость; Ша|л|яп|ин («лап» — «луп» — Луна, Луп|а), Тьмы гла́с русский (спет Меф|истофель кем — Дьявол, Мет|ы-Тьмы дух), в жизни — ша|лу́н был. Причина — Вина и Вино: Тьма, Мать сущих; отсель, как рекут, в Вине — истина. Ex|cus|e — из|вин|ять (англ.): из Caus'ы, Вин|а из|ы|мать в|он. С|вин|ь|я — с Вина я: от Луны — че|л|ов|ек, капля Тьмы, душа Божья; при|род|а антропна — с|вина|я. Свинья — с-в-Инь-я: я с Луны и с Луной, я в Луне, Ме́не-Тьме, Лоне мне, что не мин|ет вовеки. Сфинкс — Свин|кс, и|д|ол Тьмы, Звен|о нам (Ф = В; f|ero — верю, несу То в себе); Свин|сайд — древний кромлех; свин|г — секс, вольный как Тьма, Бур в Себя: что хочу, то верчу. Клич мат|рос|ский «по|лун|дра» — к Луне водный зов. Инд. Ин|ди|ра — Луна: в Ра

ды|ра-щ|ель; то ж — Ин|д|ра, Дождя бог (рожден от Земли и от Неба как столп их спряженья, — каков есть Дождь лунный): лат. ин|т|ра — воглубь: в Луну, Суть (Д = Т: Deus — Theos). Чан Э, иль Хэн Э — у Китайцев жена стрелка И и богиня Луны: «чан» — сосуд, бак; «И» — Бог в нем, С|пря|гат|ель. К|ри|ч|ать — зва|ть Богатство: Хри-Rich, По|мощь-Мощь; зов — к Сов|е этой наш, Т|айн|е-Сва. Ну|мен, Глубь как Суть голая, Ню, — Луна, Суть человека, man, как Мозг, Ат|ман (*санскр. man — 1) думать; 2) считать, полагать*); Н|умен|ом сим он умéн: Сердцем — ум, ман|ас (санскр.), Сутью — имя (санскр. n`aa|man); им благ он (*санскр. b|ra|h|maN|y`a — 1) брахманский; 2) благочестивый, набожный*). С тем, руна полной Луны скандинавская — Man («*человек» и «муж» (англ.): Тьму, Жену-Глубь, Со|ста|в наш, мнит мир сей тьмой, Мужем: пол-Сути — за Суть*). Луна — Бога в очах ман|и|фес|т: «фес» — «тес», Теос; Луна — и в|ни|ман|ье к нему: Очи, чтоб Мать вни|мать; лунный круг — ма|н|еж наш, не|ж|ны|й Тьмой. Луна-Глубь — очей бренных ту|ман; чужд его — ман|екен: им|ман|ентность, не-Жизнь. От Man — ман|ия, ст|ра|ст|ь: о|дер|жим|ость рукой, man|us (лат.): Мать — Рука, предержаща как Глубь Из|ну|т|ри; раб безматний, беспамятный (Мать — Память наша) — ман|кур|т, в Длани сущий без знанья сего: ведь держим Ею всяк; Рука внешня, плен нам — враг, душ|ман. Пу|теш|ест|вье — ман|д|рі|в|ка (укр.): в Луну рыв|ок, Щель-Дыр|у. М|а|н|н, фамилия — Мать-М|анна, П|ища (санскр. анна) с Луны, Дождь с нее; Луны бог нордский — Ма|н|и, Богатством маня|щий как Дух, Мани|ту (санскр. *maN`i — 1) перл, жемчужина; 2) драгоценный ка|мен|ь*). Луны камнь есть ал|маз, диа|ман|т (англ.), драж|айший из всех, драг доро́г|ой в Тьму, кою торит уд сей — дорж|е, с Ки с|Ки|петр (pet|r|os — камнь (греч.)); алмаз горний, камнь Вакхов, с ним слит — ход челнов Гостевых. О Луне рек Волошин, очей горних муж, очарованный ею:

Алмазный бред морщин твоих и впадин
Томит и жжёт…

Луны му́ж — Пи|р|ос|ман|и, чьи роз|ы любимой в дар — ро́с|ы Воды сей; Вода — Роза, В|у|ль|ва, Сел|ена как Щел|ь-Тьма, Ман'Да (нар.), в любви без|от'Caus'ная Ман|**да**|**ла**, с тем — и Pis'Да: Мир как Тре|щина в Бога, Pis'мо Да. Луна — Ко|ман|дир наш Дыр|а, лезть велящ, мы — ко|манда. Миг вечный — Мо|мен|т, Мать Селена, Небес Ко|мен|д|а|нт и Банкир наш (men|sar|ius — лат.): Злато — Глубь. Луна есть К|ре|мен|ь, Твердь огнева, и Ре|мен|ь, нас держащ, и Пел|ь|мен|ь, Бога труд: в тесте внешнего — Суть, Очи душ как в хо|жде|ньи-ис|к|ан|ьи Мен|иск, ног Глава: нет его — хода нет, ведь ступаем — очьми. Бре|н|ья царь, Луна — в'rem'я — в вещах Тьма, Суть *тьмы* их; ми|н|ут|а — Луною ми|н|у|ет; ход звездный Луны — царский ход, minuét (о нем в Библии: Иов 31:26). Луна есть Ка|м|ин наш, огнь чей — Кам|а, любовь; к Луне шлях — Хе|мин|г'way, знавший Коло|кол сей, гласом чьим жил Мин'cow'ский, да с ним Ло|б|ач|ев|с|ки|й, при Cow быч|ок, лоб как Мозга покров. Месяц — me|n|es|s (лат.): Тьма, Нос — нес|ет; мен|ес|тре|ль, мин|не|з|ин|гер — Луна, горний Ба|рд как Любовь (Min|ne — нем.) и Певец (sin|ger), слитная Суть; миннезанга свод — «Ма|н|ес|ский кодекс», собранье Луны, коей Бог — Тер|мин, границ б|лю|с|ти|тель: грань — Тьма, Глуб|ь, Центр в блю|де небес голуб|ом (blu|e — англ.). От Луны — секс о|р|а|ль|ный, ми|н|е́т: Фалл, Рот, Вульва — она. «Ма́н|и», деньги (англ. mon|ey) — Со|кров|ища тень сего; ман|тра — к нему зов, с кам|лан|ь|ем единый ша|м|ан|овым; до'pus'к к нему — ман|дат. Манит нас раз|но|об|раз|ие, різ|но|маніт|ність (укр.): Мать, Ноль — Двумя, тою ж Тьмой как Одно многим. «Ман|я» — Мария, Христа Мать, д|щер|ь лунна: маню́|т — Moon, Маг|нит-Суть, Луна, Мать-Глубь; «ще**р**ь» — ще**л**ь: Р = Л (см. позднée), щел|ь — щер|ится Сутию, Тьмой из пе|щер|ы сей; Мир, Сер|ый Шар, есть У|лыб|ка Творца, коей щерится-с|к|лаб|ится Он, Лав|а-Lov|e: Лю|бо|вь, че'love'к|ов Love'ц, горне О|л|ов|о-Огнь, чьи с|**ол**|да|т|ики мы, Г|олов|е сей верны; бард ее — с|олов|ей; п|олов|ецкая пляска — Огнь сей. Тат

Эс|мун — людей предок, египтский А|дам (един с кем Тот-Гер|мес), лунный бог, позже — солнечный; бог фин|икийский Эш|мун (*«эс», «эш» — огнь (семит.); ас — бог (сканд.): дух, огнь же. Так капля вин|ная Мира, Аш|вин — конь-огонь, как и он*) — возрождения бог, с тем — Луны, коя — Жúзнь сама. Нить|я (санскр.) — непреходящее, нить как в Луну с|тез|я, в Вечность-Я: Тьма — в Тьму ту ж. Маша — Ма|маша, Ма|ман|я, Ма|му|ша и Ма|мен|ька: все — Мать-Луна, Мен|тор наш и мен|тальности Суть, Фалл-Камнь д|лин|ный, Мен|гир, сплочён коим до|мен: ф|раг|мен|т — Целым, Луной как Одним. Ма|шка — ма|ска: Мать, Маска Творца, Шка|ф (sca|f — англ.), где сущ Он; Семь, Мать Маска — Се|м|ашко, по здравью нарком: здравье — Мать, Сила-Жизнь. Часть — par|s (лат.): Огня иск|ра, Луны. По|цел|уй, что Любовью це|л|úт — п|оці|лун|ок (укр.): Лю|бо|вь — Лу|на, Высь как Глубь, Min|i|Max, Лепота-Ле|пта, Мир. Аф|рик|анцам — Мин|оха она, черных Тьма. Мин|а злым, Мать — Фе|мин|а, един с кем Мин, К|о|пто|са бог; Ми|н|ос, Крита царь — лу́нен как земля сия. До|мин|ировать — быть как Луна: Тьма над тьмой, над з|лом Благо; з|ло — с Ло|ном, Луной, с Сердцем Ум. В|с|по|мин|ать, торить те|мен|ь мин|ут — Глубь очам вызывать как С|еб|Я из Луны: Па|мять — Мать, Луна-Глубь, Сердце в Па|пе-Уме, душа в теле, пустом без нее. Луна-Мать есть Мон|ада, Одно: Глубь с покровом согласным как Сердце с Умом; «по|л|у» — есть по|л-Лу|ны, иль по-л|у́н|ие, Глуби кора, иль Луна по|по|лам; Луны-God'а двенадцата часть, Очьми полная (Очи, Двенадцать — Тьма) — mon|th, месяц (англ.) как Луна от Луны. Ш|мон (жарг.) — обыск: от Матери, Тайны — тайн нет; ш|мон|ька — вульва (жарг.): Сел|ена, Щел|ь как Мать та ж. Мать (нем. мут|ер) — Мут, жена А|мон|а, мать Хóнсу, владыки Луны (*Хонсю, остров японский — суть он; восходящего солнца страна с своей вишней, Я|пон|ия — лунность: «Я — Пан», Всё, — в Луне Глубь; восходит — Луна как Вакх в Мать, во Тьму Тьма как в Себя самое, вышний К|рай*). Мон|ту — Фив бог древнейший, с Амоном единый в Луне, Гол|ове, дитя коей

— мон|гол с верой лунной его. От Монады, Луны — о|мон|им|ия, слов двоесмыслье: Ноль в Двух, во тьме Тьма, слитна с видностью Суть. **В Мире, Камне живом, Два — Одно; что очьми зрим и слышим ушами мы — истинно: causa'ться — быть**. Пишем «лав» — «ла́ф» глаголем (отселе — «лаф|а́», жизнь как мед): с тем, F — V, life — live. Сеп (рус.) — cen (лат.): Мир, Се'n'ь-Сеn'ность, сер|ая Сер'ка (читай: кеп|ка) Бога, Рис|уно|к (англ. pic|tur|e: Три, Огнь-Ка|рти|нка), Pic|nic на об|очи|не бренных оч|ей (*сделать черной ее как зрачок — Тьмой как ви́деньем очи исполнить: око|лица — око лица, к Тайне ключ*). Mon с Man, омега с альфой — Ма|ть, Mo|t|h|e|r одна. Man — Ка|ма|н|ин, муж Камы-Любви лунный: Мир, Ка|м|ен|ь Божий, Любви Камнь, какому служил он, с Луною — одно; man — ру|мян|ец: Любовь, лан|ит Жар, данный людям Лун|ой; Жар сей — Мир, Шар-Любовь, в Луне сущ. От Луны — человек, m`a|n|u|Sya (санскр.), Ма|н|у как капля дождя ее, м|ан|тр|ы чьи есть к Луне зов, вой ан|тр|о́п|а, тропа в То. Ша|м|ан — сам-Ман: единый с Луной, «сам Луна», ба|ра|бан чей там|там — Луны глас, гонг при Гонге. Гер|ман|ия, лунна земля как Луна-корка, Ум, билась с Русами, Сердцем как Глубию лунной — и пала: Уму Сердце — царь; так ум русский, сердечный, над умным, немецким — всегда торжество. От Moon — му́|ни, м|у|д|ре|ц (санскр.): Тьма — Мудрость. Луна, М|у|н — «му-ун»: Мать Корова, Му-уно; Ка|м|ю — Кама-Mu: Луны муж. Луна — Мена, ме|на|д Мать: Mad-Mid|dle, Ар|т|е|м|ид|а как Ор|т|ия-Ось, Огнь как Те|м|ен|ь из Не|др, A|men (Истина) как Суть раз|мен|а (*учил Ге|р|ак|лит, сам учимый Луной — не людьми, в Глуби зря Кладезь свой: Her — Тьма; Рак — Луны знак мен|струальный; Эфес, Гераклита град — град Артемиды, Луны, с ее храмом, эфес Шпа|ги этой (теперь — град Сель|чук: Луна та ж). «Фес» — «тес», Теос; э|фес — «парный Богу», при Нем тень: Бог, Мать — Тьма одна*); тор|гов|ля, размен сей — тор|ящая Мать, Cow-Gov. К|лаз|о|мен|ы — лаз к Мене, Луне: Ума — к Сердцу,

лаз Анаксагора живящ. Луна, Мать — Ме|Н|ю главное наше, что мнят бренны lun|ch'ем: Причина, Тьма-М|лек|о; в Луну — про|ме|н|ад должный наш: в Суть, Себя-Глубь. Мир, Рак, камней Ка|мен|ь, с Луной — Мать едина: размен — на Нее, чем стяжаем Тьму, Глу́бь мы; то|вар главный — То, Небо-С|ва|р, размен бренью: на Целое — часть, на Себя — не-(и недо-)Себя; ложь — на Истину. Мен|т|ор — наставник как Глубь, ум тор|ящая: Бог — в смысле первом; «Мен|он» — слово о Добродетели: Господе, Благе в Луне; Пар|мен|ид — Глуби муж лунный. Мен|т (жар|гон.) — Глуби, Закона слуга; у|п|Ра|в|лен|ие, мен|едж|мен|т — дело Луны, Б|о|с|с|а сущих: Бо|г, Ос|ь в Луне — всем цар|ь-в|ла|д|ык|а (*«дык» — дюк, пастырь-дуч|е, во|жат|ый: du|c|er|e — вести (лат.)*); цар|ь — sar, з|мейн|ость-огнь: Луна-Мать, ось Сан|сар|ы, Man-Ma|in. Мен|т|ал|ьный — в|ну|т|ри|головной: в Луне сущий как Мозге ее; мозга хворь — мен|ин|гит. При Петре, Уме Мен|шиков — Сердце: Луна, царь под видом раба. Мух|а — тварь по|то|лка: Луны-Мах, Выси, в сути; укр. д|мух|а|ти — дуть: Дух, Дыханье — Луна, Д|мен|ье-Тьма в нас, шаров этих Воз|дух. Ла|м|ан|ч|а — Луна, дон Ки|хо|т|а безумье (an|ch — Ан|х, крест Луны, что нес му́ж сей; «хот» — Got|t, в Луне Сердце); Луны огнь — ф|ла|м|ен|ко, flame-men: Ума Сердцем победа, Коровой Быка во Ис|пан|ьи (Es|pan|a), из Пан|а земле, чей Ма|д|ри|д — суть Мать-Три (Д = Т), в Луне Мир; фла|м|ин|го — Луна же. У|мен, кто у Мен|ы в честú как у Сердца: жить истинно (с тем — иметь у́м должный) — Сердцу с|лу|жить, Лу|не-Тьме. Луна — Бог-Мать, Цель-Суть. Все рел|иг|ии мира, Служенью уча — в Луну зов, рел|ьсы в Тьму; три крупнейши, ислам, хри|стианство, буд|ди|зм — Луна сутью и именем: Хри, Тьма-Причина, буд|яща от брения нас, плен чей — смерть, Ум без Сердца, Луны с Миром в

ней: Х|ри, Т|ьма — Т|ри, Мир как Х|рес|Т (*явь в чем — Ан|х, крест-Тьма, Тав (о нем скажем еще); Тьмы земля есть Тав|рида — Крым, Хри|М: Мать, Гри|м Бога — Жена, что жене́ (го|нит — укр.) сущих круг. Н|ол|ь-Три — Ол|др|и|н, муж лунный: «дри» — Три, Д|ре|й; кто корку дере|т — Глубь найдет, Бога — в Мире Его; «рей» — Мать, Рея (Коза, что зовут дере|зою) как Мир, где, вольны, рее|м мы. Мир-Мать, Ней|т-Т|ри, Де|б|р|и бр|енных — под маскою многости Рой- Хор един как де Б|р|ой|лево шило, ней|т|ри|но со спином его 0,5 — полуфотон, Сердце как пол-Ума очам бренным, навыворот зрящим, — тогда как поистине Ум есть пол-Сердца, цел им — не иным*). Д|жна|на, зна|ние (санскр.) — Жена: Сердце, Ума Корнь. Ги|ме́н (пленка — греч.) — плева́ девы, иль мисс: Луна — Дева (ведь Мать, Сердце это, родит от себя); дева же — Ἄρτε|μις, Артемида, Мать лунна; «мис|с» — мес|яц по-кель|тски. Мен, первый Египта царь — лунный как Тот, Мо|ст Египта: То — Тьма-Глубь, Луна, землей чьей есть Египт (Луна в нем — лод|ка Тота, че|л|н душам в То). Жрец Ман|е|фон, муж-Египт — Луны глас; трель ее — ме|н|ес|трель. Мен|дел|ь и Мендел|еев — сис|темн|ости сущей мужи, коей Корнь — Мать, Из|и|д|а, «ид|ущая из Да», Тьмы, коей и есть, Рук|а-Сис|ька, ст|рук|тур Сто|лп, что до́лжно с|ыска|ть нам. Мюн|хау|з|ен Кар|л, муж-Миф — Moon-Хаус-Сен|ь: Дом Зен|иц, Тьмы, Луна, муж чей — Патера, Ума раз|ъятель Рас|пэ. Кор|ка Глуби, Луна — ее имя (лат. no|men), зна|мен|ие (o|men) Ее; то — Стена, Баст|ет как Баст|ио|н, muni|men|tum o|per|i p|ra|efixum (лат.). Посему защищать — prae|muni|re, e|muni|re; защитный — лат. muni|en|s; укреплять, безопасить — muni|re (лат.). Им|муни|тет — im|muni|tas; защищенный, укрепленный — muni|tus (лат.). Muni|cip|ium — град: стан в кругу. Самовольный, у|серд|ие — vo|l|un|taris: Луна — Сердце, Причина, что воли не знает чужой; щ|едро — muni|fice (лат.): Глубь, Тьма — Дар. Общий — com|muni|s (лат.), г|руп|пир|овка — com|muni|tas: Многость (англ. man|y) — в Луне. Ин|те|р|ес — vo|lun|tas:**

Глубь — влечет нас в Себя. Артемида-Селена — Лан|ь-Д|лань: Лон|о, Глубь, лан|ýт Огнь, Ка|ма жаркий; кам|лань|е — зов к Лани, Луне. Луны житель — лунит; лунку бить — лунит|ь (стар.): лун|ка Глуби (лю|н|ет иль тим|пан — арх.) — Луна, душ Ин|тим как Корнь их. Фраза Вед «Бог живет в углублении сердца» по смыслу есть «в Лунке, Луне живет Бог». Бог, Я высшее наше — англ. Sel|f: сел в Сел|ену, Луну. Лунка — ланка, з|вено (укр.) — Луна как С|в|Я|зь, Клей: ибо Клей всему — Тьма. Ар|т|а, Правда как лани хранящая сень в З|ен|д-А|вес|т|е — одно с Арт|емидой. Арт — Арт|а: Искусство (art, ars — лат.) искусств — Жизнь: ведь Правда — она. Луна бренным — могила, to|mb (англ.): смерти смерть — Жизнь. Геката, Луна — Гека|т|омб|а: Сто — Глубь, в коей мнят бренны гроб. Тьма-Г|е|ката — Еката, иль Катя: Луна, Глуби Божьей лиц|о, как Фе|лиц|ы-Мин|ер|вы российской Суть, жены великой, второй за Петром — за Умом Сердце (бренью Второе — Глубь); «фел» — «тел» — «сел»: Луна, Сел|ена (Ф = Т = С); Фел|ица — Тел|ица: Корова как Дева-и-Мать; Анх|аль|т-Церб|ст|ская, девичья ее фамилия — суть Тьма, Среб|ро, крест чей Анх. Песнь «Катюша» победна — напев Луны; Катя — ката|ть: скарабею — Шар, Мир. Мать, Геката — Стрела: Тьма, Причина — раз|ит; стрелы Зевса, Эрота и Феба — Она, пе|р|уны из Луны (у Гомера, Пиндара Феб — Гекате|бол, «с|тре|лов|ер|жец»: метатель Луны); и мужей стре́лы, с|пер|ма их — Ма|ть-Тьма, Геката-Луна как родящая Суть, коей муж есть сосуд: при Огне сем — хол|одный че|хол. О Гекате читаем мы:

Наложение образа Гермеса (Меркурия) на зодиакальный круг показывает, что он является управителем двух знаков: Близнецов и Девы. Близнецы – Диоскуры-Ашвины. Но кто такая Дева? Само астрологическое имя показывает, что за ним скрывается некое божество. Если обратиться к греческой мифологии, в которой образ Гермеса занимает немаловажное место, то можно убедиться, что у него имеется женский аналог. Это богиня Геката, действительно воплощенная в образе Девы, Луны. // (…) О том, что культ Девы-Гекаты не был чисто греческим, а носил глобальный характер, свидетельствует хотя бы тот факт, что он возродился в европейском христианстве как культ св. Екатерины. Имена Геката (Еката) и Екатерина прямо тождественны;

христианская святая также мыслилась в образе Девы и подательницы благ (к ней обращались со специальными молитвами). Следует добавить: у нас есть сообщения источников (в частности, «Слова об идолах», памятника 12 в.), что древние славяне чтили «Екатию богиню». Вполне вероятно, что под этим самым именем ее знали и другие европейские народы; иначе имя Екатерина не прижилось бы так легко и не стало бы сверхпопулярным.

Ге|ката, Луна — Гея-Катя: Луна и Земля — Глубь одна, Сила-Тьма. П|лод|ородие-рост — Глубь сия, Сила эта живяща: рождаться — являться-расти; роды истинны — в Истину, Глубь (так звал нас Ци|олковский родиться в Мир, Космос как Глубь; в бренный свет как не-Глубь — роды ложны: от Бога отход); родить так помогал Сократ, по|сох в Луну. Moon — Мо|н|ад|а: Луна, Тьма (чер|н|ец — мон|ах (стар.): Того часть), Глубь как Суть неделима — Богатство (ric, ric|h) с c'Un|duc'ом как Ковчег-и-Завет (пуст, сундук — не сундук: *к чему* он!), Мону|мен|т-Муни|мент, Полность Года (рік — укр.). Глубь есть M|ax|i|mu|m. С тем, Мах в Авесте — Луна, покровитель Совы: обе — Тьма, Мах|а голая, Истина. Крыльями птично махать — жить Луною: Тьма, Птица — она, душú Суть, Уд торящий. «Мах|а|ть|ся» — со|ит|ье вершить, Тьмою в Тьму: Тьма — Фалл-Вульва, Со|ит|ель С|еб|Я; ет|ь, е|тú — ит|ти (стар.). Мах|а|ма|йя, мать Будды — Луна ж в сути; то ж — Хар|ма|х, Сфинкс: Д|харма нам, Закон в лике его — Глубь, Луна. Как Одно, Луна — Бóг сам, Я сущих, God-Год (*так Лу|ны червь — па|л|о|ло; комар ее — C|lun|io marinus*); месяц, двенадцата года часть, пóлна (Двенадцать — Тьма, Очи), — суть Год: Луна-Бог (*стар. Ко|л|ен|д|о, Ко|ляд|о — бог русичский года как Кóла, иль Цикла, начальник ко|л|ен (поколений) людей, корень римских календ, кадендарности суть*). «Лун» по Далю — Четыре: округлость (Луна — кругла́), впалость (Луна — лун|ка Глуби), свет б|луд|ный (кривой, или ЛоМаНый: Глубь — крива бренью, облатке, ведь криво оно) и з|вук, г|ул (Луна — ул|ей миров, п|чел его). Тьма напротив Земли, Луна — имя Ор|анте: жена сребровласая, Гость. Глубь, Сел|ена есть Суть чел|овеков, Вода капель сих,

падших: в Дол — Высь-Огонь. Капли — рыбы по сути: быть рыбой в воде — каплей быть ее, частью Луны (таков Рыбников, наш композитор: песнь лунная). Хо|нс, бог Луны — с|око|л как Ра и Гор, суть едина; Луна Египтян посему — Я|х: Я (Х — буква-Ноль, Пустота), слуга чей — Иа|кх, Ва|кх, лунный бог (КХ = Х: Суть с пол-Сутию — Суть); Ях — «як», Да (як|шú — тат.), Господь Ях|ве, Бог-Вé|денье (Я|гве, или Ие|гóв|а, ивр. ה-ו-ה-י). Богу внять — внять Луне, как внял ей Магомет в Ра|ма|дан, без Луны час не сущий. О том говорится:

30 сентября 2005 года, Дуб|аи. Новолуние, считающееся началом Священного месяца Рамадан, не произойдет в понедельник, 3 октября, ввиду частичного затмения солнца. А это означает, что начало Священного поста придется на среду, 5 октября, утверждают арабские астрономы. // «Частичное затмение солнца произойдет в понедельник, 3 октября, до заката, что сделает невозможным созерцание полной луны», – говорит вицепредседатель отдела лунных исследований при Арабском союзе астрономических и космических наук (AUASS) Мохамед Ов|да (Mohamed Owda). // Овда добавил, что затмение солнца будет частичным в большинстве арабских стран и полным в северной части Африки. // Это явление будет наблюдаться в Европе и западной части Азии. В то же время ничего подобного не произойдет в обеих Америках, Австралии и северо-западной части Азии. // По этой же причине в Ливане Священный месяц Рамадан будет объявлен в среду, 5 октября, сообщил 29 сентября шиитский религиозный лидер Мохамед Хуссейн Фадлаллах (Mohamed Hussein Fadlallah). // «Точные астрологические вычисления показали, что месяц Рамадан начнется 5 октября, поскольку в понедельник Луна не будет видна», – говорит он.

О сем также сказано:

14 сентября 2007 года. Ливия начала празднования и посты, предусмотренные в священный месяц Рамадан в среду, 12 сентября. Однако большинство стран Ближнего Востока, в том числе Саудовская Аравия, Египет, палестинцы и Иран заявили, что настоящее начало месяца приходится на четверг. // Согласно исламскому календарю лунный месяц Рамадан начинается в новолуние, но некоторые страны используют для этого астрономические расчеты, а другие полагаются на невооруженный глаз, что и дает в итоге разный результат. // Постановление о том, кокой день считать началом месяца Рамадан может также иметь политическую или сектантскую подоплеку. Некоторые

страны или секты, исповедывающие ислам, пытаются дифференцировать себя от недругов путем выбора различных дат.

Глубь, Луна — главный огнь в неб|есах и Суть их («н|е|б» — «не-еб»: Глубь, Со|ит|ель Себя): ведь в ней — Всё. Рекут рим|ляне, Мир|ом живясь, в Луне сущим, Ум — Сердцем как Млеком волчицы (*Огнь пыш|ущий сей — в сердцах пиш|ет; пиш|атись — гор|диться (укр.): Гор — Мир, Хор*):

Гордость Вселенной — Луна, наибольшее в небе светило,
Солнечный блеск отраженный — Луна, сиянье и влажность,
Месяцев матерь — Луна, возрожденная в щедром потомстве.

Глубь — М|Ра|к, Матерь-Ра; Она Око, глуб|око|е Богом, Очьми; фа|ра|он — фа|ра Ра, Бога огнь — лик Тьмы-Солнца: ведь Тьмой был Египт, дом Луны. Глубь — Нут, Кор|ова (go, ga — санскр.), Мать-Космос как С|ер|д|ц|е|в|ина-Ср|е|д|а, Пр|ям|изна, сущих Суть и Столп Роста (*лик чей у Толстого — Нат|аша Р|ост|ова, чей друг — Пьер Безухов, Ум Ó|стова-Сердца сего*), Лоно звезд (*и гласит надпись в гробнице Тут|анх|амона о нем: «Снизойди, мать Нут, склонись надо мной и преврати меня в одну из незаходящих звезд, которые все в тебе»*); Луна — Нут-Вселенной О|нуч|а, казан Глуби сей: столп Руси, Мать Казан|ска, Находка Онуч|иных: Казань с Москвой, Cow-sun и Mos-cow — Мать одна. Ну|т жда|ть как Сути голой своей, Ню — Ну|жда, кою в смерти решить можем мы. По|Ну|кание к бодрствию нас, Небеса (*санскр. га|га|на; так гу|си будили Рим: га-га! Гу|син|ость — Син|ь, Тьма-Мать*), Нут — Пища (*санскр. ан|на; отсюда — рус. Анна, А|Н|ю|т|а, укр. Г|а|н|на; Коровы сей вол — Ган|н|и|бал, черный ликом*):

Дыханье-Еда, Вода-Воздух у Дола В|Нут|ри. Ра — Нут|Ра сего Огнь, Не|чер (ntr), над Тьмой-Нут Сердце Ее, Б|ла|го-Б|ог, Ве|Ра-Ве|р|х, Кор|нь иск|аний людских, о|бел|ис|к|и чьи — фаллосы Тьмы: Тьма — О|хв|ат Бел|изны, Сердце, Чр|ев|о Уму (*с тем, Природа Господня — Na|Ти́|Ra, плод первый; второй — Н|Т|Р, плод людской как природа внутри у нее. Наши руки в Природе — природу вторую творят, рек о том Цицерон*). c'Sat'ь и

с|Ра|ть — из|вер|г|ать, Глубь терять: сущих Верх, Ра как Истину, Sat. Ра, Sat — Сут|ь, Огнь; пол-Сути — Огня тень, ды|ра (ді|ра — укр.): за Одним — Двойка, Ди. Нут и Ра — Тьма и Сердце Ее, Бог-Творец, Тайна тайн. Нут — о|р|ех (nut — англ.), чье ядро Ра. Плод сей — полная Глубь: без ядра — нет ореха, пол-Глуби — ничто. Нут, Тьма-Мать — Рез|и|д|ен|ция Бога, его Ци|та|дел|ь. Богом полн, лик Нут — град славный Фивы, сто|лица сто|вратна Египта (Сто — Мир, Богом полный), о чем сообщается:

Термин «нут» (niwt) неоднозначен и относится нередко к поселениям разного рода, но одно из его основных значений – «резиденция (царя)». Нередко он означает также резиденцию какого-либо нома. Часто Фивы именуются «южный град» или «южная резиденция», а иногда и просто «град». Это словоупотребление совершенно аналогично латинскому «urbs» в отношении Рима или грузинскому «ка|ла|к|и» («город», «град») в отношении Т|би|лис|и.

Глубь — Я|д|ро нам, чья, бренные, мы скорлупа: плащ Я|д|ра, что потребно со|дра|ть; кто Ис|ток сей не знает — из|го|й как Отчизны лишенный своей; Глубь не знать — го|лов|ы не иметь на плечах. Глубь есть Камнь, мы — оправа его: человек — Бога рама; муж Рама — рам корнь сих как богоантроп. Р|од, Славян Бог — суть Р|а од|инокий, миров Ра|рит|ет, Закон (*Рит|а (санскр.): Рис|а, Чертá (укр.) Надмирия, коей есть Бог, Мира Царь, что довлеет Себе*), Рит|уал — в Г|луб|ь Рыт|ье, Рыл|о чье — Тьма, К|рыл|á; З|рит — кто Ро|ет: го|рит Богом, ход в Кого — К|рит, Тьмы земля (в коей, в Греции сущей, и ныне над Греками ставят себя: так надмирен Господь). Ра и Нут — как супруги, одно: Суть и Лоно Ее (*так Хат|хор, «Хора дом» (хат|а — укр.) — чрево Гору: Тьма — Солнцу сему как mes|h'ок*). Орех Глуби, Луна — Мать-Корова нам, зрящим Единство чрез Два «Муж-Жена»: Moon, Му (яп. 無 — «ничто, нет, никакой»), очей дольних-злых нуль как Да, Благо, незримое им. Суть не зрить — быком быть как в утрате Луной. Бык есть личность, под маской Я (эго — «егó», Сатаны как

не-Бога); Я наше — Корова: Жена-Мать, Луна. Без Луны личность — без Сердца Ум как очаг без огня, Дол без Выс|и, Тьмы-Vis. О|дол|еть нам быка — маску сбросить, стяжавши Себя как Луну. Мать-Cow'ров|а — Caú|sa, Причина. Gov, корнь ее — зрим в «Гав|риил», вестник лунный благой (Благо — Влага, Тьма-Глубь: Б = В), Джеб|раил мусульман; джеб, удар главный в бок|се — Причины удар из Луны: Тьма, Причина — разит. Ра и Ма|ть как Одно — имя Ра|ма, муж-Тьма; Рама|дан, «дан|ный Рамою» — Глуби родник (посему — месяц Лона, девятый: Утро|ба — Н|ут|ро); малый хад|ж, к Богу ход, иль хожд|енье (ходж|у — хожу (укр.)), в сего праздника пост, есть ом|рá; Рамадана конец — Ид аль-Фитр (раз|го|в|енье, Ид|ущих Финал — слитье с Целью, Творцом; по-татарски — У|ра|за-бай|ра|м). Нут и Гор — Мир един: раз|вер|нут|ь — роз|Гор|Нут|и (укр.): Глубь об|на|жить. Ра и Нут, Бог с Коров|ой, Короб|кой Своей, — имена, что в Египет от Русов вошли, земле сей корневых, как Луны посев, к ним — от Ат|л|ан|т|ов, лунитов, землянами бывших в Век Злата, Ар|ийства столпов, сшедших в Воду, Луны Глубь в очах, Глуби чуждых (Е|гип|т — «гип|о»: Двойка, Ноля спад, тьма Тьмы, выброс в|Он). Так Сего Корень — То: Луна-Мать, Земли Корнь. С тем, А|мон, иль А|мун, иль Ам|мас, «слитный с Матерью, Лоном-М|**он**|**а**|дой» как высший Ее, Тьма во Тьме как *над Ней*, Тьма в Луне («мун», англ. moon), амун|иции Ей и мун|дир|е (облатку с|дир|ать — глубь являть), — Бог богов, столпов Столп; **Ра как Солнце, очей Явь — Лик тайного Бога, Огонь чистых глаз, Русов Бог в мире сем, се|м|ян Тьмы, с Луны сколотых, Бог, Кем вовеки Ра|сея крепка**. Речено об Амоне:

> Таинственный образ Его, блистающее проявление Его, Бог пречудный, многовидный, все боги восхваляют Его, дабы величаться красотою Его, непреходящей божественностью Его. (…) Зовут Его

созидателем земли [Птах] и незримым [Амон], вышедшим из бездны небытия, водителем человеков. Говорят, что Восьмёрка – проявление Его, что Он создал первоначальных, что Он произвёл солнце, что Он – Атум (полнота), что Он одно тело с ним, что Он вседержитель, Начало сущего. Говорят, что Дух Его на небесах, что Он пребывает в инобытии и предваряет всех на востоке, что Дух Его на небесах, тело на западе, а образ в Арманте [одно из мест почитания] возвещающий о явлении Его. Так говорят, но – незрим Амон! Скрывает Он Себя, непостижим для богов, даже цвет Его неизвестен, безмерно превознесён Он над небесами, бесконечно далёк Он от инобытия и ни один бог не ведает истинного облика Его. Письмена не могут выразить образ Его, никто не в силах свидетельствовать о Нём, столь таинственен Он, что полнота славы Его не может быть явлена, столь велик, что нельзя вопрошать о Нём, столь могуществен, что непознаваем. Смертью повергается каждый, кто вольно или невольно, произносит тайное имя Его и не ведают боги, как по имени звать Его, ибо тот Он, чьё имя сокрыто, Дух таинственный.

Папирус Бу|л|ак

Душ, птах Божьих Начальник, Ра — Пта(х), Бог Еги|пта, створивший Мир сердцем и языком. Речено о Нем:

Ни один человек не знает, как познать Его. Имя Его остается сокровенным; имя Его — тайна для детей Его. Имена Его бесчисленны, они различны, и никто не знает число их.

Греч. «ко|пты» (αιγυ|πτό|ς — еги|птя|нин) — народ Тьмы, Египтский. К|о|пти|ть — Тьмой к|ры|ть, О|пти|кой-Пти|цей (Кры|ла́, Очи — Тьма, Суть); копать — есть ко|Пта|ть: к Пта, во Глубь торить путь, коей Он есть Ключ: Птах — открывающий (ег.), Тайна-Явь. Ра (рус.) — Ра (лат.): P|a|n — Всё, Мир, кем есть и Господь, Всего Суть; Бог и Мир, Ра и Пан — Глубь одна. Пта, Ра — Хе|при, Бог-Жук, Скараб|ей, Скар|б чей — Шар, Божий Мир, скорбе́й Дом: душ Ка|душ|ка, Тюрьма пред Свободой, Творцом. С|кара|бей, с тем, — жук лунный с личинкой-с'ерпом, детей в шаре растящий gov'на 28 дней, месяц Луны. Жук сей — хрущ; Хрущ|ев — он, стезя в Мир нам шу|к|а|т|и (ис|кат|ь — укр.) Жук|а, кат|ать Шар для себя: Бог и Мир, Жук и Шар — Дело, Тьма (*как Богатство: Свинья, глас чей «хрю» — глас Хри, Тьмы; Хру|щев — муж свинолик*); Мир с|тя|ж|ав|ший — и Бога обрел, с|жав|ши Глубь, Тяж|есть лунным серпом.

Жук|ов, маршал П|обе|ды (Жены, Тьмы) — муж-Мир, знавший цену войне-розни: Двум пред М|она|дою сей. Сын первичного хаоса Н|у|н, Ра начален ему, о чем сказано, что он «более великий, чем произведший его, более древний, чем родившие его». Так Афина, плод Зевса — суть Мать богов, богу начальна сему. Рек Го|мер о том:

> **Мать всех бессмертных богов и смертных людей восславь мне,**
> **Дочерь великого Зевса, о звонкоголосая Муза!**
> **Любы ей звуки трещеток и бубнов и флейт переливы,**
> **Огненнооких рыканье львов, завывания волчьи,**
> **Звонкие горы и лесом заросшие логи глухие.**
> **Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!**

Эннеады, Утробы, глава (Девять — Лоно), Ра — Корнь ее. Он как Ат|ум говорит:

Я – Атум, существующий, единый. Я – Ра в его первом восходе. Я – великий бог, создавший себя сам, создатель своего имени «владыки эннеады». Я был вчера; я знаю завтрашний день.

Книга Мертвых, гл. 17

Ра и Нут, Бог и Божий Сосуд, Врата-Ga|te в Бога-Go|tt, — Суть одна: А|мон — Ра, а «А|мóна» (евр.) — Мать, слитна с Богом, с Тьмой Тьма; бог Амон, зовясь «владыкой праздника новолуния» — Тьмы цельной Бог. С тем, Из|рá|иль, народ Мо|исеев, из Ра изошел как *Египетской тьмы*; п|ра|ви|т|ь, сиречь владычить-вести — ступать в Ра, к П|ра|отцам, кои с Ним. Рá|ви, «солнце» (санскр.), имя Христа, — имя Vi|t'ы, Тьмы-Жизни, какой и Господь есть, и Мать. В Пару-Лоно сию дóлжно нам воз|в|Ра|титься-вер|Нут|ься как в Корень, С|еб|я: в очах брения спящих — ус|Ну|т|ь навсегда, ка|Нут|ь в Сон, коим есть бренью Нут и Ее покров V|is|h|Nu (букв. «Сила из Ню»: голой Тьмы, Ну|т), от коего — Ра|ма. Ра — Ру: Русы-С|ки|фы, Земли sol'ь, как Sol'ь Луны — Ра, Sel'енит. Русы, с тем, парны Ра как Земля Луне, Богу Мир: Pus (Всё, Мир) — Rus, Русы, Бога антропна чета. Миру рáвны (*Мир — Кáн|три (Cou-un-try), Страна-Сел|о (англ.); rus — деревня, село (лат.). «O rus!» — суть «O Мир!», — рек Гор|аций с его «exegi топ|и|мен|т|ит» (Мир — памятник*

***Богу, что строим в очах как Себе монумент: Бог — Я наше), а Pus|h'кин — клич сей повторил в своем русском труде: Мир ему — Русь была, темность чью знал а'рап сей*), стоят с Богом Русы глава к голове, что есть *ви́денье* их. Бур в Ра — Р|у|ны, активные щели пись|ма, «резы»: Рун вид — паз в Глубь; ра|н|ы в Ра, Руно́-Сердце, Тьму-Мать (runo — руна (фин.)), в т|ран|се нам зримые: «транс» — чрез: в Тьму, п|ра́н Силу; в транс в|во|дит сома — со Ма|терью, Луной сок; рун|а — б|рюн|ет: Тьмы знак. Рана — Ст|рана как От|дель|ное, Глубь, очей Ст|ран|ность: не Это, но То как Рун Суть. Рана — брешь, лаз: так Мерлина брошь — лаз в Луну, дыра в мага очах. **Рун|ы — лун|ные щел|и: Сел|ены лик, Щели в Творца** (*т|руна́ — гроб (укр.): чел|н в То*), сущей, дабы шел к ней чел|о|век. Рана в Ра, Луна — Ц|ентр очезримости бренной: вход (en|t|**r**|**an**|се — англ.) в То, То само; б|рен|ье — б|ран|ь, в Луне рана как Двойка в Ноле. Огнь Луны — п|о|це|л|уй (п|оці|лун|ок — укр.) Бога, что це́л|ит-целу́т, дар (да|рун|ок — укр.) Тьмы. Щель-Селена — Вак-Вак|уум, Мать, слуга чей — Рун певец **V.A.C**|**H**'уд|и|но|в, с ним — Вас|h Ио|**г**|**ан**|н, Тьмы ор|га́н, ин|ст|**ру**|мен|т щелевой. Щели в Тьму, Руны — лаз в Тьму как Древ|ность, что ведала Дерево-Мир: санскр. ри|raaNa — старый, древний. Ко|ран — к Луне, Ране мост. Муж лунный — Ду́|р|а|к: Дыра в Ра|к|а (Мир, Пол|е), в Ра — Луна, в кою шел он; Академья наук наша, РАН — Луны дом, где порой Взлета правил Сел|ены муж Кел|дыш, Луною дыш|авший: «сел» — «кел», Ке|л|ья Глуби, Луна. «Рун» — «пу́|н» (*корень в «пун|цовый», цвет Власти как ман|тии, в кою о|дет царь*) — Пан, Тьма-Ран|а, ро|гат|а Гат|ь в Бога (П = Р, Ума́ буквы); пун|кт Пана — Лун|а, Тьмы Пункт; пан|ты — рога: из главы Глубь торчаща; земля Сердца — Пун|т златой; войны Пун|ийски — Ума с Сердцем бой, где взял ве́рх Ум. Знать Руны — в Луну ведать путь, где сокрыт Руно́-Бог. Ход к Нему — умов к Сердцу поход, к Духу — букв как облаток Его, чтоб прейти в нем: Дух — Агнец, Ба|ран, Луны зверь.**

Рун письмо — уз|лов|ое как вязь: С|в|Я|зь, Г|рун|т наш как С|тез|Я единяща: с Луною — Земли, с Духом — пло́ти; Рун боги — связные: Вакх, Велес, Тот, Феб. Руны более букв: они есть Сердце, Суть; буквы — Ум, недо-Суть, тлен Огня. Рун Огнь («пер», «пир») — Пе|Р|ун, Зевса Мо|щь, перуны его: Сердце, Ума господин. Руна — Небо, Ва|р|уна-С|ва|р, Древа держатель вселенского. Руна — У|ран-и-Сат|урн: ход времен кольцевой. «Рун» — Руах, Дух, Мо|Тор всего; Руны есть буквы духовны, живы; буквы — Руны без Духа: руины, смерть Тьмы, нуль Ее. Руны режут Воглубь, буквы — нет, ведь Глубь им не нужна; Руны есть Глубь живая в очах наших, буквы же — мертвая: «Littera occidit, spiritus autem vivificat» — «Буква убивает, а дух [Ру|ах, Ру́|н Суть — *Авт.*] животворит». Руны — с|т|ру|ны, чья Му|зык|а — Дух (*санскр. tan|tri|i — струна; tan — 1) тянуть, растягивать; распространять; 2) в йо|ге — плотное тело, явь бренных очей*), в сути — гуны (санскр. качества) Жизни как как с|тру|ны сии, коих три (Р ↔ Л ↔ Г, см. позднéй). Руна — слог, двуединство, Закону согласное: зрим мы Одно, Дух — чрез Двоицу; буква — руина единства сего, в коей мнил Кирилл Суть: Ум пустой — Сердцем мня, деля меж не слогами, но буквами (*слога, то(о)п'ады, не знал он как Сердца — Ум му|т|ный*), о чем речено:

> В Хер|со|н|ес|е Константину удалось найти «Евангелие и псалтирь роусьскыми письмены писана», а также человека, говорившего этим языком. Константин, беседуя с ним, научился этой речи и, на основании бесед разделил письмена на гласные и согласные буквы и с помощью Божией вскоре начал читать и объяснять найденные книги.
>
> «Жития Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла»

Глаголица — азбука сло́гов, кириллица — букв, и слог ведает букву, а буква слог — нет, как неведома бренным Луна. 40 знаков глаголицы — Мать (число это — Ее); 33, поздний ряд — Сын при Ней: Ум при Сердце своем, на́ Семь

меньший Его. Строй Кирилла с глаголицей схож так, как с Сердцем схож Ум, с живым мертвый, с Луною Со|лун|ь; буквы — сло́г суть, его ж — руна, рез в Глубь, Богатство, не знал кое К|рез. В счете снизу одно — полу-Два; Два-монада царит над одним-половинкою: над буквой — слог. Буква в сути — число, буквы большее как корки суть; чи|сло — сло|во и сло|г; буква — недо-число. Дух кириллицы — без Сердца ум, ночь безлунна; гла|гол|ицы — Луна, Гла|ва-Гол|ова, автор сего письма, создать кое не мог Кирилл, Ум, ведь глаголица — руница: юсова вязь, нить с Луны. Руны в рунице лик — ли|га|т|ур|а: Одно-Два, спряженья звено Того с Сим. Руны более букв как поэзия — прозы; поэзии бог Пан как Тьма, Речь, — Pus, Паз, Рун Суть: Диа|па|з|он, Pus'тоты ин|тер|вал, щель как С|он, Мать, чье Пан крыло. Pus, Паз — Ас|паз|ия, гений Сократа, и Пь|е|р Па|з|о|л|ин|и, са|т|ир: Вечность-Сат как Три, Мать, Луна-Хри; «тир» — Три: Мир, Путь, что цел|ится в Цел|ь как До|быч|у свою, ею цел. Руна, паз — я|ма, бренному смерть, Яма-Ями как Два. Покров, с Сутью согласный как с Сердцем Ум — руна, Я|вит|ель; облатка, без Сути пуста — буква. Руны — суть Ноль, буквы — Два, рунам гроб как кириллица в паре с ла|т|ин|ицей, сестрой ее: тин|ой в Речи реке, уздой вод, Сути лат|кой пустой (Виз|анти|я, кириллицы корнь — с папой уния: Ум как глава). Ру|ны — ру|к|и, к|рюк|ú Длани-Тьмы. Руна — Б|руно: Рим, Ум на кострах жег сердца; смерть Но|л|а|н|ца — в Лун|у, дом Нол|я, мудрый перст. Рун земля — Ру|сь; Сек|рет их — Ra-Uno: Господь как Одно, Тайна, ra|una (гот.), куда Руны стремят — ру|сла Тьмы. Тайна — Шепот: нем. raunen — шептать; др.-кельт. run, валл. rhin — шепот, шептать; совр. ирл. run — тайна; галис. run — жребий. Raun — б|раун, ко|р|ич|невый: Сути кора, Тьма как М|а|нти|Я Господа — Ма-анти-Я; коркой этой, при Сердце Умом, Ко|р|о|л|ев был у нас, Браун — в Штатах: при Космосе — слуги его. Руна — тайна, Суть чья — Тайна, Ра, глу́бей Глубь. Р|УН — ЛУН: Р есть Л падшее: Се́рдца сход в Ум. Посему, растя, дети от Л сходят в Р, в Ум от Сердца как брение, в кое

врастают они, нисходя от Лун|ы, Лам|пы — к рампе: от Сути — к облатке ее, коей Сердцу есть Ум, Огня сего покров. Так Бог, Ра — Песнь без слов: «ла-ла-ла́-ла»; Мир, Рак — лак на Боге, Ум на́ Сердце; Лад — Рад|ость сущих; берёза — белёса как Бе́|л|ес|а древо седого (Б = В: басилевс — василевс). Наше Л — Р японцам: Лаз — Раз, Единица в Ноль, Ум в Сердце, Суть. «Пун» — «рун» — «лун»: Луна — ПеР|Л, Богом жа́р|ка Жем|чужина («пер» — Пир, Огнь): к жом|у То, Глубь; «жем» — «шем» — Сем|ь, Она, на кого о|пер|л|у́с|ь сущи; «перл» — пре|л|ом|лять пер|л|а|м|у|т|ро|во: Глубь в корке, Сердце в Уме. О Луне рек Волошин:

Жемчужина небесной тишины
На звёздном дне овьюженной лагуны!
В твоих лучах все лица бледно-юны,
В тебя цветы дурмана влюблены.

«Ун» — суть Юс (зримо в S|UN), слог Закона: Два внешне, во Глуби ж — Одно, чье сниженье, шаг вниз — буква А: Единица, Ноля умаление (буквой сей Юс, что читался как ЭН, ЕН, ОН, УН, заменяли в иных языках за отсутствьем его там — *лишенностью их Полноты*, коей сла́в|на Слав|янская речь). С тем, Ра — ЛУН в сути: Бог во Лун|е, Бог-Луна. То — земля наша обе|то|ван|на, L|AN|d (англ.), Лан, бег к коему, run (англ.), длим наш как к Концу, En|d, дорог, слиту с нами, An|d (англ.): с Путем — Цель, Анд Вер|ш|ина людских как Иное горе́ — Неба часть и оно са|мое́ (так Иной кругу — цен|тр: Цен|ность, То). «ЛУН» — Славян *кор|нес|лог*: монадичный строй букв, корнь как слог, неделимый на части (ведь ныне вершат перенос по слогам, деля корни недо́лжно: корнь — суть, мо|н|ол|ит-лунность). Руница — слогов-корней письмо: Два как А|ш|вин|ы, гонцы Луны, парой ходящи как речь от Безмолвья: Ноля — Двойка. Рун|ица — лун|ица, г|РАМ|ота древня: Щель в Бога, Луна

— Руна рун (щел|ь — сел|ь — Сем|ь: Луна, Жизнь). Руны есть пеРУНы, стрелы лунны; ПеРУН, бог Славян — суть ПеЛУН и Пел-УН: бог-Луна, песня Юса, Закона: ведь **Солнцем Славянам — Луна была; па|п|ороть — цвет ее, Суть ведать чью — по|рот|ь-в|с|пар|ывать Па|пу, Отца, чтоб открылась Мать-Тьма: Глубь как Лунный цветок Близнецов, Глуби капль, Взор ис|кон|ный, Отцом о|с|к|вер|ненный (с|пап|лю|жен|ий — укр.)**. Числа его есть 10, Мир, и 22, Мир-и-Очи. О том сообщается:

Папоротник обладает уравновешенным характером и превосходным чувством меры, поэтому для нормального роста дома ему необходим умеренный полив, не допускающий пересыхания или переувлажнения почвы, и умеренная температура, не выше 22 и не ниже 10 градусов.

РАМ — ЛАМ — ЛАН — ЛУН. «Лун», слог-корень, речи столп — у Славян от Ат**ЛАН**тов, Луны детей, с ней единых вовек. Рама — Луны дитя; ПиРАМиды — врата в нее с С|фин|ксом едино: с Фин|алом, Луной — вход как пара ему. Руны — речи суть, с тем — человека: он — тот, кто речет (*runa — речь (латыш.) и человек (ке|чуа́ — «че|шуя», людей имя как рыб Воды, Тьмы; Ие|шуа — Love|ц их и Сын)*). Ру|ны, Ра́ искры, нам — **архетипы как боги бессмертные**, латки чьи — мы, бр|ен|ны, буквы сих Рун. Ко|лбы эти сменяя, живут они в нас. Ст|рог|ость Зевса, Арéя ко|вар|ство — брега наши пр|оч|ные, Руны: *хар|актер наш*. Сказано же:

(1) Слово «руна» вовсе не означает «букву» или «знак». Оно означает «секрет» или «тайну». Слово руна – аналог латинского арка|н|ум (например, «арканы» Таро) или греческого мистерион («мистерия»). Это дает нам важнейшее свидетельство о истинном значении слова. Системы рун вовсе не являются просто системами «букв» в обыденном смысле. Скорее, это системы тайн или таинств. Все индивидуальные секреты происходят из предвечного Великого Секрета – Руны. Древний корень

этого слова первоначально означал «шепот» или «рев», «вопрос» или «просьбу». Таким образом, мы видим, что руна – понятие двойственное. С одной стороны, руна вызывает перемены благодаря силе голоса, с другой же стороны, она занята вечным поиском ответов на, казалось бы, неразрешимые вопросы. // Понимание слова ведет к пониманию смысла тайны. Скрытое лежит вне пределов нашего ментального и духовного постижения. Но именно скрытое или тайное толкает нас навстречу новым приключениям, новым горизонтам и новым открытиям. Что бы мы делали без интуитивного чувства в нашем трехмерном мире, ограниченные обычными пятью чувствами, как бы мы смогли эволюционировать, продвигаться вперед? Эта вселенская тайна была постигнута древними тевтонами, интуитивно систематизирована и закодирована в Рунической системе.

(2) Для описания отдельного рунического знака использовались определенные объекты или понятия. Верно и обратное: каждая руна сама по себе представляет определенное понятие или свойство, которое проявляет себя через определенные, специфические процессы. Тут ясно прослеживается двойственная природа рун: с одной стороны, некие процессы и понятия описывают данную руну, с другой – при более глубоком изучении этой руны не только становится яснее суть этих предметов или процессов, но и сами они находятся или ложатся в отведенное им место в общей картине бытия. Таким образом, каждая руна воплощает в себе определенный аспект, свойство или проявление существования, или, как рассматривает это современная теория рун, тот или иной архетип реальности.

(3) Форма рунического знака – это пространственное или зримое качество руны. Но этот аспект может быть обманчивым, так как мы придаем слишком большое значение всему зримому. Начертания (знаки) – всего лишь отражение истинных рун, навечно скрытых от наших пяти чувств. Они существуют в иных измерениях, неподвластных нашему трехмерному миру, и мы способны видеть только их приблизительные двумерные диаграммы. Руны сложны и многогранны, они вплетены в паутину, которая может еще более усложнить понимание картины. Невозможно дать исчерпывающего определения рунам, так как они безграничны и непостижимы. В практическом смысле руны являются суммой общего закона и информации, выраженной в форме начертаний и звуков. Звук – это вибрация, начертание – изображение, а руна – это закон, который необходим, чтобы активизировать магию.

Нут, Глубь чтящи, мы прямы сим У|д|ом, а нет — г|нут|ы им. Глубь — ти|ха как Мир, Лан-Оке'un Тихий-Мир|ный (pac|ific — англ.), Pax-Pus, ста|д сущих Пас|тух-Пу|с|то|та (посему, как Она, океан величайший земной — Тихий); дети

Ее есть с|тихóи в|селен|ски, а глас — Шеп|от-Сут|ь из Луны, Дом|а-Хат|ы Ее (хат — дом (ег.)): шеп|от, sep'от — Семи (sep|tem — лат.), Жизни глас; Жить — septa'ть, как поет-шепчет воин на Мира Стезе. Те|ш|ит — Тиш|ь; у|теш|ать — у|тиш|ать: тише плоть — я|с|ней Дух, в сердце Жизнь, Утешитель наш: Мать, Дух Святой. Хат|хор — Нут, Го|ра дом; Хат|шеп|сут, жены имя египтской — «Луна» посему, дух поэзьи: с|тих истинный — тих как Луна (*лунен Неба слуга Ти|хо Б|Ра|ге: в Ино|е зрить — чтить В|ино-Брагу нам, Вакха*); с ним — Лем|ов Ийо|н Ти|хий, Матерью тих, Ио-Йо|ни; «хий» — «хей»: Гея, Мать. Как Судьба, бренных Би|ч, Луна — Тих|е. Орфей рек ей:

> **Зевса дитя! Твое имя — Великая Тихе!**
> **Судьбами смертных безжалостно ты управляешь,**
> **Словно шарами играя, одних осыпаешь**
> **Милостью, ну, а иным возвещаешь о лихе…**

Тих Сел|еною ше|л|ест дубовый: д|уб — древо Луны (*лик С|ва|р|ог|а — у Русов: Сва|рог — Сва, Луна; «дуба дать» — в Тьму прейти*), помощь нам идти-лезт|ь (*таков был дуб До|дон|а святой; Лу|к|о|м|ор|ья дуб, в Сказку шлях — он: с|каз|ка — Сáи|sa, Глубь, Сои-Sa|t*). Кос|мос-Мать — Космос-Мир: Тьму как Господа Лоно, при Боге не-Бога звать дóлжно нам «Мир», зря Одним, Двумя ж — «Мать»: ведь где Мать, там и Сын (*«мать» (что делать?) — иметь: дитя — матери, что лишь с ним — мать; «мати» (укр.) — с тем, и «мать», и «иметь»*), где Жена, там и Муж. С тем, и Мир, и Мать — М: буква Бога как Мáстера, Тьмы сей Творца, и Луны, Moon как корки ее. Мир как Мать, Мать как Мир — Обод сущих, Св|обод|а, англ. Free|dom, Дом их, и T|re|e, Дре|во как Три (F ↔ T ↔ D), что из Бога как Корня растет-ре|е|т как Тьма, Крылá; кто дере|т это Дере|во — в Бога идет чрез него: Путем — в Цель. Древа имя сего — си|комо|ра-ашваттха (санскр. *acva|ttha* = букв. «лошадиная стоянка»), пи|пáл («пипл», народ мировой — хор его), оно ж — бодхи,

смоковница, фига, инжир; древо Вишну (*и Кришны как лика его: krshna — черный (санскр.), Тьма*) — вишня-са|к|ур|а: Шак|ти, Тьма-Мать, лик чей он (*и фамилья Шакур|ов, вишнева — Тьмы знак*). Глубь, Мать — Жизнь; Древо-Мать — Жизни Древо в Луне, о чем сказано:

Растущей или полной луной освещается Древо Жизни, изображаемое иногда на мусульманских надгробиях.

О сикоморе читаем мы:

Сикомора в Египте считалась священным деревом и воплощением богини неба Нут (Н|у|н|ут) – супруги изначального океана Нун|а, из которого произошло все сущее (по другому мифу – супруги Геба, бога земли), участницы сотворения мира. Звезды и небо – дети Нут, она управляет их движеньем. Ее изображали в виде женщины, небесной коровы или сикоморы, по телу которой солнце и звезды совершают свой круговорот. Иероглиф египетского загробного царства Дуат, «совсем глубокого, совсем темного и бесконечного», – круг со звездой в центре. В «Текстах Пирамид» он персонифицируется в образе Нут – праматери богов и умерших, которых она ведет на небо. Она же охраняет их покой в гробнице: изображение Нут, как бы смотрящей на мумию, помещалось на крышке саркофага с внутренней стороны. Или на дне саркофага – так, что мумия покоилась в ее материнских объятьях. И сам гроб изготавливался из ее дерева – сикоморы. Он был «подобен кораблю, который бороздит пространство, разделяющее жизнь и смерть» (Хорхе Анхель Ливрага). Одним из воплощений Нут считалась богиня любви, веселья и пляски Хатхор («дом Хора», бога солнца, т.е. неб|о), звавшаяся также Неб-Нехт – Владычица Сикоморы, небесного дерева, растущего среди звезд. В гробничных надписях умершие молились ей, чтобы она кормила их небесной пищей из его плодов. «Душа твоя опускается на священную сикомору», – говорится об умершем в «Текстах Саркофагов». // «Идея вечной жизни связывалась в Египте главным образом с сикоморой, – пишет египтолог С.И.Ход|жаш. – В «Текстах Пирамид» упоминается высокая сикомора, склоняющая свои ветви, на которых, подобно птицам, сидят души умерших».

О с|мок|овнице, Мак|оши-Мак|овки древе, с|мак чей — Бог-Любовь, речено еще:

Культ священной смоковницы существует в Индии поныне. «Обряд поклонения ей совершается каждый четверг месяца ш|ра|ван|а (июль – август), – пишет индолог М.В. А|льбед|иль [«льбед» – «лебедь»: Феб, Огнь;

белизны показатель – альбед|о – *Авт.*]. – В Южной Индии женщины совершают жертвоприношения ашваттхе по понедельникам, на которые приходится новолуние. Специальный обряд почитания ашваттхи составляет обязательную часть свадебной церемонии у некоторых народов Индии». В «Махабхарате» смоковница-ашваттха – престол бога Вишну, в образе прекрасного юноши сидящего на ее ветвях. Пуруватас, внук бога Луны – в «Махабхарате» первый смертный, который трением двух веток ашваттхи добыл три священных огня: для обрядов, для жертвоприношений и для возлияний. // На хараппских печатях впервые появляется и изображение «перевернутой» Небесной Ашваттхи. Ее прославляют гимны «Ригведы». «Наверху – корень, внизу – ветви, это вечная смоковница», – говорит о ней «Катха-упанишада».

И также:

Лаконец Сосибий называет смоквы «даром Диониса»: сестры, древесные нимфы гамадриады Сика-Смоковница и Ампела-Виноград, согласно мифам, входили в свиту этого бога. В Спарте почитался Дионис Смоквенный, на острове Наксос хранились его древние изображения, вырезанные из фигового дерева и из виноградной лозы. Смоквы и назывались «винными ягодами».

И наконец:

Женой Пана как Фавна Луперка, Волчьего, была богиня Фавна, почитавшаяся также под именами Бона Деа — Добрая Богиня и Румина (от лат. rumis — «сосок») — Мать-кормилица, защитница грудных младенцев и детенышей-сосунов. «Жертвоприношения ей (Румине) совершали без вина, окропляя жертву молоком», — пишет Плутарх. В честь ее был назван город Рим, и ей же была посвящена смоковница перед гротом. «Смоковница содержит млечный сок, и плод ее формой похож на женскую грудь», — поясняет историк В.М.С|мир|ин.

Древо-Мир, сикомора-ашваттха едина со вишней: ашваттха — Мир, Глубь, вишня ж — посох в него, в Цель с|тез|я:

…на Руси знают о белых кудесниках, которые ходят в белых свитках, подпоясанные красным поясом, в руках у них всегда вишневый посох (вишня – древо Вышня и Крышня). У некоторых, особо сильных, он заканчивался серебряной или медной булавой (шариком). Это было их единственное добро, потому кроме этого и кроме маленькой серебряной фигурки, изображающей Малого Крышнего... у них ничего не было. В келье у такого кудесника висели пучки трав от разных болезней и сухие цветы к Колядину Дню, в которые они клали фигурку Крышнего,

символизирующего собой Рождающийся Свет. // (…) Ведуны-молитвенники жили в лесных «пустыньках». К ним обращались за помощью в горе или несчастье. В руках у них всегда был вишневый или самшитовый посох, и у некоторых, особенно могущественных, он заканчивался серебряной или золотой булавой. // Историк-любитель Александр Вель|т|ма|н (1800 – 1870) связал весеннее прилагательное вешний со словами-понятиями вышний, вечный и вещий, а также с именем индийского Бога Вишну – Высшего Безначального Божества, главного Властелина Вселенной. В переводе с ведийского древнеиндийского Вишну означает «проникающий во все», «всеобъемлющий». Мир возник от Вишну и пребывает в нем. Он есть все. Кстати, слово вишня того же происхождения. Славяне используют вишню для гадания и в любовной магии. Из вишни вырезают палочки и посошки, которые передают по наследству. Считается, что эти предметы наделены особой волшебной силой. В народной медицине вишневый сок рекомендуют при желтухе, отвар сушеной вишни – при заболеваниях желудка, отвар коры – при женских болезнях, листья прикладывают к порезам, чирьям, ошпаренным местам, в виде компресса при головных болях. Другими словами, вишня – это дерево Вишну. // Дикая вишня существовала сама по себе и раньше, а вот привычная нам ее культурная форма – это результат скрещивания дикой птичьей вишни и черешни. Кстати, латинское название черешни – Cerasus avium переводится именно как «птичья вишня» за любовь к ней птиц. Вообще, с названиями у черешни большая проблема. В одних странах она называется «птичья вишня», в других – «сладкая вишня», а в некоторых и вовсе не имеет своего названия. А вот в русском языке слово «черешня» пошло от английского cherry – «вишня».

Цветение вишни в Японии — Год Новый: Полность, Цикл-Глубь. Бог есть Цель; Мир-Мать — Путь как от Цели о|ста|ток, Шлях-Шла|к; и сих Два, повторим, — Глубь одна. Вход во Глубь — ибо есть Вход она, — Луна нам Вход-Внутри: кто Go|t|t'ób — им войдет в месте всяком, в себе Вход нося («ход» — суть God: путь — суть цель, с ней един); входов внешних во Глубь — в Мире нет: ведь Глубь — Всё. Глубь — Бо|г|ат|ство всех сущих; Луна, Хат|а-В|ход — Га|т|ь, В|Ра|т|а (ga|t|e — англ.) — то ж Богатство, Глубь та ж: врата с Сутью одно (знак чему у Луны — нуль маг|нит|ного поля как Силы-вовне: М|агни|т истинный — Глубь, как и тя|га его). Луна — град Тьмы, Мисс Tó (місто — град (укр.)): Тьма — Дева; град сей есть г|Ра|д Ра|д|ости, в Господа мост (міст — мост (укр.)). Глубь, Луна — Суть; иное — подобие,

отзвук (<u>від|лун|ня</u> — укр.) Сути, Луны, что <u>луна|є</u> — звучит, <u>раздает|ся</u> (укр.), сúречь от Сути идет как указчик Ее (є — есть (укр.): <u>луна|є</u> — луна є, иль «Суть — есть»). Глубь есть Сердце, Mad; Глуби дом, Луна — Сердце ж, великое Тьмой как <u>Б|о|ль|шая Ме|д|ве|д|и|ц|а</u> (<u>Ur|sa Ma|j|o|r</u>, «Мед-две-вед-ди»: Мед-Глубь с сосудом согласным («ди», Двойка) как *виденья* суть — глаз любовных, Огнь чей есть Луна. О них рек <u>Д|ер|бенев</u>:

Как странно светятся, сегодня светятся
Невероятные глаза твои,
А ковш Медведицы, Большой Медведицы
Как знак загадочный, плывет вдали…

Артемида, Медве|<u>диц</u>|а горня (ведь ей есть она, Луна-Мать) — Луна с Глубью своей, Миром в ней: «диц» — «дец, dec», «duc»: Мир-Десять, <u>Дек</u>|ада, <u>С|т|ез|Я</u> в Бога, Я. Посему Русам <u>з|вер|ь</u> сей — <u>Сто|жар</u>: Жар Ста, Мира в Луне (Сто, <u>ква|дра|т</u> Десяти — в Боге Мир: в Жизнедателе — Жизнь); Стожар — <u>Са|жар</u>-звезда, Семь в одном, тело-ось: <u>Са|жа-Жа|р</u>, Тьма-Огнь, вкруг коей <u>в|ер|т|ится Сва|рга</u> — Рай-<u>Не|бо</u>, Дом звезд (сажа — Саша, <u>А|лек</u>'SUN'др). **Сажар, Стожар — <u>Л|ось</u> Русам: <u>Лу</u>на, Ось-Тьма. Лгут бренны очи, залуньем Медведицу мня: за Луной как снаружи ее — Мира нет, он — в Луне как Медведице сей, чье Залуние — Глубь, мудрых глаз <u>Верни|саж</u>, Тьма, <u>вер|нут|ь|ся</u> куда как в Исток — долг наш и воля вольная**. О Луне, Глуби-Любви, как Медведице звезд рек муж тот же:

Пусть ковш *Медведицы, Большой Медведицы*,

Растаяв медленно, погас вдали —
Давай надеяться, всегда надеяться,
Что может звездный мост помочь *любви*.

Пара ей — В|лес, Медведь: оба лез|ут в Мед, Глубь, оба ж — Глубь сама: Цель, Путь — Одно, во Двух Ноль (*с тем, у Русов Большая Медведица — Веле|со|жа|ры, она ж — Воло|сы|ни: Влес, Велес — и Во́лос к тому ж. Влесов день Комо|еди|цы — выход медведя из спячки как года начало: год — God, Бог, в Луне Мед*); медведица, ur|sa = Or-Sa|t: Тьма-Суть, Глубь. Мишка — Миска с Водой, Луна; В|ин|ни — В|ин|о: Вакх: Бык-лаз в Мать-Ино|е, Селену-Семелу (Л = М = Н); крыла́ в Нее; Pus, Пух, ткань птичья — Пан, с Вакхом единый: лаз в Мать, Полет есть пара крыл, где одно крыло — Вакх, Пан — второе (*CER|N, Сер|П|УХ|ов — Сила как Цикл: Луна, Сер|п; CERN|AN, лунный герой — Черн|ан, Тьма*). Птица крыл этих — Мать, Ноль Двух сих, коим слиты они: где один — там второй, Руки́ сей длани (пун|ш, вода Вакха — Пан). Так у Мин|ер|вы российской крыла — два Гри|гор|ья, Ашвины ее: Вакх — Ор|лов, Па|н — По|тем|кин (по немцам, винившим его в оргиазме — «князь тьмы», Pan|sal|vin). О единстве с Селеною Пана читаем мы:

Однажды безобразный, отвергаемый всеми нимфами Пан, спрятавшись под отмытым белым руном, предложил Селене прокатиться на его спине. Не узнав его, Селена согласилась и позволила Пану овладеть ею. С тех пор в Аркадии проводились майские оргии при луне, во время которых жрица ехала на спине своего избранника, прежде чем заняться с ним любовью и тем самым отпраздновать пробуждение природы.

Созвездье Семи (Риши, *Видящих* — Очьми богатых), Большая Медведица — Мир, Глубь, с Луной, его кор|кою. Ми|р, в Луне царь, в сем созвездьи — Седьмой как Ми|цар, ковша край; Бог — Аль|кор, на нем всадник. Cow'ша сего Влага есть Глубь; Бог — Держащий его, Глуби Столп. Семь, созвездье сие — путь в Луну, а Одно — Цель сия над главою у нас в Са|х|а|с|Ра|ре: Седьмое

как Семь — над Шестью, Жизнь над смертью как Полность над частью своей, над толпой мудрец, мун|и (*отшельник (санскр.), букв. «в Луне сущий» как Глуби; по Ведам, созвездье Семи — над макуш|кою нашей*): Тьма-Ма́|к|ош|ь, Луна, маг|ов дом, что Эллинам была Ар|те|м|ид|ой, Медведицей горнею (*ἄρκτος — медведь (греч.); и в Аттике жриц ее — зва́ли «медведицы»*), — с Ра заодно как Медв|едем Славян: Луна-Глубь — оба (знак чему есть полумесяц на лбу Артемиды: охота ее на зверей — суть охота Луны на нас, бренных: Причина — Love'ц, Крюк). С Полярной звездой связь созвездья сего — Луны с Землей единство: звезда эта — в Небо, Луну лаз. С тем, х|ра|мы Египта, как Тьмы, по Медведице строились: Хору миров, Миру в ней, Луне-корке его. Рекут древние так:

> **Я [строитель] взял жердь и рукоятку молотка, я беру измерительную веревку... Я устремляю свой взгляд на течение звезд, я останавливаю его на созвездии Большой Медведицы. Вон там стоит указатель времени вместе со своими часами. Я устанавливаю углы твоего дома.**

Сферы бренья центр дольний — Земля; горний центр — Луна, в Мúр Дверь и С|т|Ра|жни|к ее, Стражник-Жизнь (*варт|а — стража (укр.); vart — жить (санскр.); жить — сторо|жить, при Богатстве быть псом его*); óсь меж них — Жизни стезя, Путь До|ж|дя (до — путь (яп.)): душ, с|лез Ра (люди — слез|ы Его: слез|ший Бог) и Коровы-Медведицы млека, в Дол Путь Млечный их, что торят слезы эти как лез|ви|я — Глубь (*Дол, не-Глубь — Глубь по сути: Глубь — Всё; До|л — стезя до Л|уны, Подземелья его*): Ход как Вы|ход и В|ход, В|о|дно|сть как ход во Дно и в Одно, Высь: наверх, вниз — един путь. Стези сей начальник — Луна как «дождей госпожа» (ведь зовут так ее). Дол — Земля, Высь — Луна; Путь Дождя меж них — путь в два конца, звено-сто|лб: Млечный Путь, Любви Шлях как Гал|акт|ика, гал|о молочное Глуби, Тьмы-Акта (греч. га́лактос — млеко), — в Луну,

Любовь-Тьму. Кедров рек: «Млечный Путь — это путь к Луне // Луна — это развернутый Млечный Путь»; Дербенев же сказал:

С тобою мы средь звезд и тьмы
Друг друга в немыслимых далях нашли,
Чтоб Млечный Путь когда-нибудь
Стал вечной дорогой Любви.

Столба этого суть — Прямизна как восставленность к Истине: Глуби в Луне, Луне всей. Посему Артемида (как Ор|т|ия, «прямая» — с|строй|ности лик, коим есть у Гомера она, Ге|ге|мон|а, «Водящая» — доро́гой сей) и Феб, бог стези этой — как струны, прямы. Прямой в горних очах, в бренных Путь этот крив как «улитка» (вращенье Луны вкруг Земли и Земли вкруг оси своей — разные), рек Кондратюк, Путь сей зривший; так Феб, Тьмой прямой как Столпом своим, — Локсий, Кривой смертных глаз. Ка|пли душ (*Ка — Дух (ег.)*) — сома, влага Луны Земле в да|р как Бог, Да. Посему Дождь с Луны Кельтам, людям ее (*Cel|ta|e (лат.). «Кель» — «цель», «сель»: Цель-Сел|ена, Луна, Сил|а-Суть, в Бога Щ|ель; к|ель (к|е|ель — по-ацтекски) — «к Эль», к Богу: Эль — Он. Кель|вин (Лемов «Солярис») — стяжатель Луны как Себя, к ней ведомый вин|ою своей (винит — Со|в|есть, Тьма в нас); Ке|л|ей, царь Э|л|ев|с|ин|а — царь лунный: суть Клей, Тьма-Причина, Ци (Дух — ки|т.), Ци|кл (су|cle). Англ. sel|f — 1) «я» личное, личность как я-Чел|овек: Лу|на — Я сущих, Лю|бо|вь лю|дей; 2) однородный, единообразный: Единое — Тьма. Цель Луну стяжать, взять как твердыню Любви — Тор|жество, П|ра|з|д|ни|к, англ. cel|e|b|rat|e*) — Бо́га дождь, Жизнедатель; Да|жд|ь|бог, солнца бог у Славян, света белого бог и до|б|ра — бог Дожд|я, лунный бог: в сути — Ра, Бог-Да, Ка|ра И|кара, рыб сущих И|кра (*л|учи — ra|dio (лат.)*): *Ra — Бог, Dio|s (исп.)*): дождь — да|ждь — да|ть; ман|на с Неба библейска — Богатства дождь с Moon. Рек поэт о нем:

ты идешь
лунный дождь

лунный дождь
за окном

бог с тобой
боль с тобой
он любовь
он вино
за окном
темной страсти вино
лунный дождь

лунный дождь
он прошёл
он продлился недолго, недолго
но цветы на луне расцвели
посреди тишины
и мне надо
зачем же мне надо
добежать до луны?

(…)

лунный дождь
он ушёл
ох, — осколки луны
так остры
тяжелы
как уставшие волны от соли
как на клавишах пальцы от боли
от избытка желания петь
улететь
и легко мне
в твоей тишине
так
я знаю теперь
так умели когда-то
и снова смогли бы
умирать светлой смертью сонаты
уходящие из моря рыбы

Михаил По|р|яд|ин

Лунный дождь есть не хмарь — небо ясное, вёдро: Луна как в|ед|ро, из которого льет. Роса, ночи дар — влага с Луны, Дождя лик (посему от рос — рос|т). Дождь без Сути, Луны — плоть без Духа, Парджанья без Индры как Сути своей, или Ин|д|ра, сведенный в Парджанью как в пол-Сути Суть. Индра — Дождь лунный; индр|ия — чувство: Дождь в нас, Жизнь-Луна. «Дощ|ка», Рун доска (Ю. Мир|о|люб|ов) — Дождь (дощ — укр.), Дочь Глуби и Глубь

самое: Вода — Женщина, Мать, дщери Суть; Ее капли, в Нее отделённы (для Глуби — нет внешнего) — дет|и (укр. діт|и) Ее. Сиять — се́ять, дож|дит|ь: Огнь — искрит огнем капль, кои Дождь его, дол|жны|й Луне как Огню огней. Дождь сей признать с Луной вместе как Корнь свой — крещенье принять как условье возврата Домой, в Глубь. Ведь сказано: «если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Иоан. 3:5); вода здесь есть Дождь, Дух — Луна, Лейка-Бог. Индр|а — Андр|ос — Андр|ей Первозванный, муж-Глубь, глас Хри|сто|в. Дождя бог Даждьбог — Велес и Индра; три сих — суть одно; дож|дич, доз|дец (др.-рус.) — божество; «дич» и «дец» — Дес|ять, Мир: Дичь в Луне, кою ловим как Суть мы свою. Душа, капля, есть птица, — ведь птицей есть Тьма, Вода-Мать: Св|а, Мать всех (санскр. Сва Ма|три), К|орн|ь-О́рн|итос, Обод-Св|обод|а, Мах|а|нье-Крыла. О ней сказано: «Птица прекрасная, коя несла огонь Пращурам нашим в дома их», «Мать Всех поет в Сварге о подвигах ратных». Как сущего Обод, Тьма — Венец его иль Конец (fin|is — лат.), Чистота-Высь (англ. fin|e — высокого качества, чистый; утонченный, изящный), Себя обретенье как Встреча встреч (англ. fin|d — находить; встречать; обретать). А|фин|а, богиня эллинская — Тьмы лик, при Матери дочь, суть Мать та ж: Тьма — едина. Душа-птица — Сúр|ин: суть Мир, Сер|ый Шар, Ф|алла-Бога, Алла|ха шир|ин|ка — Шир|ь пред Глубью сей. Сирин (имя Ширúн — суть он) — темн как душа, Глуби капля. Он Западу — образ несчастной души: душа-Ум; а Славянам — счастливой как Сердце-душа, что есть так: Сердце — Глубь. Солнцебог Феб Ли|к|ей|ский, иль Вол|чий — лик Ра, к Богу зов как вытье на Лу|ну, key (к|лю|ч — англ.) золотой к Глуби, бренным сокрытой оча|м за хол|стом-оча|гом как за хол|одом Жар, за Умом Сердце (*Да|бог Славян — царь волкóв и подземного царства: Того, Тьмы как Глуби, Луны*). Дождь с Луны, Лýпы (lupa — волчица (лат.)) — Волчий Дождь (Wolf's Rain — англ.). Римской Волчицы скульптура стояла на Фор|ум|е рядом с священной смок|овницей, древом Дождя: ибо Мира, чье древо она, Дождь

— мы; «с|мок» — «мок» — моч|ить, влагу лить. Очищения праздник Имб|волк, Лу|п|ер|кали|й близнец, есть День Волка и Ливня. О нем сообщается:

Очистительный общекельтский праздник Имбволк (imb-volk – «ли|в|ен|ь») при римлянах отмечали в февральские календы (1 февраля – *Авт.*). Принимая во внимание кельтскую традицию, изначально Имбволк должен был выпадать на конец третьего лунного месяца после Самайна מש ויע (Шем айн – «Бога глаз», ср. «ша|м|ан»). Так как праздник приходился на полнолуние, это означает, что Богом кельты нарекали Луну. (…) Имбволк, Волчий день, *бывший также и Днем Медведя*, был днем очищения. В день этот было принято омываться самим, поливать водой собак и домашний скот, убирать дом с особой тщательностью, оставлять на ночь горящей хотя бы одну свечу. То же, что Луперкалии – праздник очищения. После того как зима прошла свой апогей, после ее тягот и скверны, во время наступившей оттепели следовало омыть руки, ноги и голову. Имболк отождествляется с деторождением и противопоставляется смерти. Сам февраль, месяц этого праздника, связан с деторождением и водяным культом. Февраль считался неудачным временем для зачатия, зато самым удачным месяцем для рождения, особенно девочек. И самым счастливым днем для рождения считалось первое февраля, ибо зачат такой ребенок был в Бель|тайн – день, благословленный Богиней (курсив наш – *Авт.)*.

Wolf — wólv — вёльв|а: вульва, Тьма-Мать, куда мы как во Lov|е идем (ход волóв то: му|жей — в Жену, Лоно); wolv — волхв, Луны маг. «Кузь|ма», волк у Славян — суть Тьма, Caus|а-Ма|ть. Lu|pus, волк — Пан, бог лу|нный: Pus — Пан (*алгонкинам, индейцам волк — брат Ман|а|бозо, лесов духа: Грекам то — Пан*). Волк — у|ль|в: улья стяжатель, Луны (мед ища, он медведь посему), бык иль вол к сей Корове святой, с льв|ом геройством един. Варг (исл.) — во|лк: враг себя, во|ин, úдущий Вглубь как пси|хея, Бур-Тьма; пес|ни пес|ьи — п|са|л|м|ы его: ко Глуби зов («сал» — Сел|ена, чалм|а бéла Бога; «пса-лом» есть «пса-лун»: «лом» и «лун» — корнь един), кем есть воин, идущий pes|h'ком по пес|кам жизни сей, что поют пес|ню-смерть (таков Сухов, пси|хеи су|хой муж, палúм солнцем белым Ума — Розни, Зла). Мать, Песнь, пе|с|т|ует нас зовом Ст|а, Полноты (Пе|с|та|л|оц|ци — жил им); быть глухим к нему — с|пес|ь; исп. пе|с|ет|ы — мо|н|ет|ы: Сет, С|ет|и умам, Луны ад как не-

Мать, Ум, Женою пустой, полный Ею как Тайной сво|ей. Х|о|р|т, собака (стар.) — Мир, Хор school'ящих как Глубь, Фалл прямой (орт|ос — греч.), **Сова**-Мать как Spo'**соб**|ность Господня, Рука; Пес-Pu|s, Пан, бренных глаз Пус|тота, Pu'гач-Тьма, огнь Ис|пан|ьи борящ; pes|o — вес (исп.): Груз-Жизнь, в длани бренной Peso'к. Жи|вой тóт лишь, кто вое|т: зов к Жизни — есть Жизнь как С|во|е нам: Сва, Мать, Птица птиц, душ Душа; вой, зов — в сути глас всяк (vo|i|ce — англ.): к Лет|о — ле**д**, что Огнем жа|ждет стать (Лед|а — Леб|едь как Феб: в Луну ход как в Я|йцо птицы сей, Д|рев|а в Корнь). Во|ет Д|вой|ка, Дно Мира, взывая О|дно, Мир как Высь, Ось (вісь — укр.), чтоб стать им как Собой, с тем — себя п|рев|зой|ти: Я есть То, Жизнь, греч. zō|ē, чья Двойка **зо**|**л**|а. Мать, Коров|а — ко рёв|у: Быку Пара-Суть, кто рев'Nu'ет Ее не к иному — к себе, кон|кур|енту Себе как Жене (Я — О|на, Я|ма-Ма|ть с Бо|гом в Ней), тем — восходит над ним; p'EVE't — рвет к|око|н свой, в Матерь, О|ко, окно-лаз творя ч|рез бо|ль, стать чтоб боль|шúм: ве|л|ик — *видящий*, Тьма; **ре**|**в**|о|л|юц|ия — л|ом|ка сия, мес|ть (**re**|**v**|en|ge — англ.) Мужу, Уму за его пустоту, в Мес|яц ход как отказ от нее. Вой-рев, гор|ький Луной — плач по павшим: смерть, жизнь — Тьма одна. Любовь éсть во|й В, Вглубь, к Сути зов; Вражда ж, Вой|на — вой НА: зов к облатке, нулю, крови жажда как корки от Глуби: смерть — Жизни ко|ра. **В**ой — **б**ой, путь стать Со|бой: Б = В; вой (стар.) — во|и|н, бо|ец, Бо|га друг, испытуемый Им ради силы его: ис|пытанье — питание нам, Силы ток; во|й — воюй: цель зовущий — ступает к ней бо|ем, бо|реньем (*Выс|оц|кий, о детях-мальчишках сказав: «за воинственный к|лич принимавшие вой», — рек:* ***что кажется бренным очам, в горних (ими дитя видит) — есть***); **б**ой, **в**оу — маль|чик (англ.), мýж суть: пред Сердцем, Женою — Ум, малость; число Мужа — Два, число Б; Жены — Ноль, Дух без буквы Себе; в Жену, Тайну, идет воин, Муж: фаллос —**

в Вульву как фалла сего Твердь. Фе|в|р|а|ль, месяц Феб|а, второй — волчий месяц: Два — Рознь как Одно, По|един|ок. Вой с ла|ем един; Жить есть Деять; кто де|лает — лает-поет: Дело — Песнь, Тьма; «гав» — gov, Луна-Мать, Глуби Ка|п|су|л|а (*«сул» — «сел», Сел|ена, Посу|л нам па|су|щ: Пастырь — Ма́ть нам*), че|лна|м Га|в|ан|ь всем, житель чей Гав|риил, глас Ее. С тем, «лай» — корень имен: Мен|е|лай (Ме́н|е лай — зов к С'Елене, Жене: к Сердцу — Ум), Фило|лай. Лиза, имя Луны — Лай|за (англ.): лай Воглубь. Лай|ма, Счастие (латыш.) — Лай-Ма|ть; «лай» — «лей»: в сердце — Любовь, Тьму, что нас растворяет в себе как Пра|лай|я, Воз|в|Ра|т в Корнь. Река Волка — Волга, с ней — Волхов; вол|ь|гот|ность — свобода как воля, *усилье свое*; волен лишь вол|евой волей в Got|t'а в|сту|пить, в Сем умерши, ожив для В|сего. Волк — «волг» — Оль|га-О|лег, лег|кость Крыльями, Тьмою. Волк сам по себе — Два; Луна — Н|оль, куда Два стремятся, чтоб в оном как Корне прейти; злобность Волка (фр. *rá|vi|s|s|an|t*) — розни плод с Солнцем сим, с Ra|vi. Как Два, волк — охотник и жертва (*как с ним — Артемида: медве|диц|а (дич|ь) и охотница*): вол|к — «лов», суть LOV|E, LOVÉ'ц-Тьма, Любовь, Ноль как Двоицы Суть. С тем, поймать волка трудно: ловец — знает Лов (о сем — песня Выс|оц|кого, мудрого Тьмой). Волк есть суть человека: ведь суть наша — воин, а во|ин есть во|лк. Волк есть воин; Сел|ена, Луна — Сил|а (англ. power), кою он ищет: Селен|ой — силен всяк, powér'ь в нее! Силу, Свободу обресть — долг, m|u|st (англ.) нас, в неволе живущих, и выбор, разумный едино; Свободы ища, воин — МаСТ|еР, стяжатель Луны (им был Ар|**МСТР**онг, достигший ее первым). Выбор сей — волен: **Свобода — Мост нам меж миров, Мос|т-Mus|t, Мат|ерь: Взойти — до́лжно**. Млеком вскормлённые волчьим, сие

знали римляне, рекши о том: Homo homini lupus est; Пан и Феб, Тьма и Свет, боги сущности нашей (ведь Тьма-и-Свет — Мир, наша Суть) — волчьи: то — боги *наши*, а мы — люди *их*. Воин — вой (стар.), песнь к Господу волчья. Орфей — Ор|т|ей; ортос — прямой (греч.): Песнь — сто́лп наш; *стоящий-поющий*, антро́п — фалл, восставленный в Глубь, Луну-Матерь как Вульву свою. Тьма, Хо|зяй|ка — Луна; мы — хо|лоп|ы Ее: «лоп» — «луп», волк; плоть для духа — ту|луп, Луны шкаф *(«зяй» — «сяй»: сяй|во, сияние (укр.), Огня лик; Саи — Бог)*. Сплав сих истин — глубокое фэн|тез|и Wolf's Rain, о коем написано:

Под огромной, то серебристо-белой, то кроваво-красной луной раскинулся мир волков, способных принять человеческое обличье. В «Книге Луны», запрещенном и забытом древнем языческом фолианте, *написанном по-русски*, говорилось, что волки были созданы богами для жизни в этом мире. Люди стали потомками волков — то ли сотворенными из их крови, то ли они и есть волки, потерявшие истинные силы и облик. Правды об этом не знает уже никто, да и много ли стоит правда в мире, где конец света не за горами?.. // Войны и катаклизмы превратили Землю в безжизненные пейзажи тундр и пустынь. Лишь руины и обломки военной техники встречаются на пути. Технологии старого мира сосредоточенны в руках очень небольшой группы людей — Аристократов, высшей касты человеческого общества. Обычные люди выживают в еще оставшихся городах. Но никто уже не верит в будущее. Цивилизация медленно идёт к упадку… // Большие города разрослись вокруг резиденций Аристократов. Эти загадочные люди и их приближенные сохранили многие довоенные знания и технологии. Аристократам принадлежат огромные замки, заводы и летающие корабли. Но главное — они владеют магией, алхимией и древними знаниями «Книги Луны». Аристократы знают о том, что волки существуют и только они смогут отыскать путь в рай, который появится перед самым концом света. Однако, ни одного волка никто уже не видел в течение двух столетий. Волки здесь — не обычные животные. Они разумны и обладают невероятной скоростью и выносливостью. Но самое главное, они способны «очаровывать» людей: всем вокруг кажется, что перед ними не волк, а обычный человек. Так что волки лишь затаились среди людей в ожидании своего часа. В рай их поведет Дева цветка, некогда созданная Аристократами. Теперь каждый из знатных родов стремится заполучить Деву, создать нужные технологии и ритуалы, чтобы открыть собственный рай. // Волки в этом мире считаются давно вымершим видом — и только аристократы знают, что это не так. Волки скитаются по миру и, приняв

человеческий облик, живут бок о бок с людьми. Их влечет в рай, и они идут на запах Лунного цветка [Глуби, Мозга в Луне, как цветка папоротника — *Авт.*], влекущий туда. Даже для волков рай остается несбыточной мечтой, забытой в стремлении просто выжить. Но однажды среди них найдутся безумцы, готовые бросить все и отправиться путь за своей мечтой (курсив наш — *Авт.*).

Во|лк — во ЛуК: в Мир, Лук Божий, Лак-Корку, Глубь чья Бог. Лак — «лан» — «лун»: сосуд Бога, корка Его — есть Луна, куда волк устремлен. Слово «волк» — «в Цель» и «к Цели»: «В»-«К». Волк — героя суть: подвиг, шаг в То как Себя, что свершил Юрий наш (культ героя в Афинах с тем — волчий); святой волков — Юрий: Георгий, По|беда (*един с ним Гиорги, бог лунный гру|з|ин|ов; Москвы покровитель, Георгий един с ней в Луне: Го|ша — go, Мать Ко|рова, Она же — и Mos|Cow, Рим третий, принявший от Рима второго Тьму-Вах|ту чрез Софию Пал|ео|лог, Тьму же: Лог|ос, Закон древний — Тьма-Мать. Георгий — Е|го|р, Э|го-Го|р: огнь людской наш; Луна — Огнь в нем, к коему влево Георгий идет: Левизна — Высь*). Луны с|мел|ый зверь, волк — со|бак|а (*как суть ее, предок прямой, canis lupus. Здесь первое слово — собака, второе — волк: Суть очам бренным — Второе*): со бак|ом, Луной, баком Тьмы, при Корове Быком; волк, собака — быки, к Тьме-Корове зов: к Полности — части; «соба» — сба — Сва, Мать. Феб есть Локсий, Кри|вой — вой Тьмы-Хри, Песнь как Два; А|по|л|лон — Апол|лун — пол-Лун|ы (U = O), Глуби, корка ее: Глубь как Лон|о познать — в|з|лом|ать корку сию. Вол|хв, маг Вол|оса — волк: дело его — вы|ть|е на Луну: выт|ь — взывать к Vit'е, Глуби, муж Коей он (*вой сей — Артемь|ева музыка, лунные песни вал|тор|н*). Волчьи клятвы есть сына иль брата убитого клятвы, *Луне в существе* — пол|овин Пол|ноте своей, мужей Жене: Глубь — Дом мертвых. Волчица, вскормившая Рим, была Глубью, Луной — с тем, вскормила двоих: Пища-Суть Двойки — Ноль, Глубь; холм Ка|п|и|т|о|лий|ский ее — Воды стан: капать-пить-лить. Вол|к — Вол: Бык, Коровы Дитя, Глубь от Глуби. Высь — Глубь: Небеса — Подземелье, хозяйка где — Мать-Космос, Нут, сар|ко|фаг|ов

Жена (так Аиду подсветка — Э|лиз|ий (дом Лисий: Лиса — Сила, Мать): Глуби — Глубь же, Тьма — Тьме). С Луной Да́ждьбог един, как с Дианой Феб. Сказано против богов старых Русичских:

…и приступиша къ идоломъ и начаша жрети молніи и грому, и солнцю и луне, а друзіи Переуну, Хоурсу, вилам и Мокоши, упиремъ и берегынямъ, ихже нарицають тридевять сестриниць, а иніи въ Сварожитца верують и в Артемиду, имже невеглаши человечи молятся, и куры имъ режуть… и инеми въ водахъ потопляеми суть.

Ход Дождя из Луны — b|i|s'трый ход (англ. cel|er|ity — быстрый, греч. oky|s), Очей ход: Дух, Дождь — Взор-С|тре|ла; Ин|дра-мо|лн|иевержец, капль бог как сих молний — бог-Глубь, *Мир с|тру|ящий с Небес*, Божьи Три, капли чьи — близнецы, лики Мира (англ. je|min|i — имя челна стези Лунной: челны сии, мы — близнецы, что *похожи на Мир как две капли воды*, на Великое — малость его). Близнецы — гонцы Мира, каков есть Суть их: Два без Бога, с Ним — Три. Близнецы как Одно, Мир в Луне Шар — У|син|ь|ш (латыш.), пчел и коней длань храняща: ведь Мир — Улей-Конь. Вед|ы, Глуби вод|а, что вед|ет-вод|ит нас — труд Луны, Солнца-Глуби, Ra|In (rain — дождь (англ.)). Луна — Сила: Причина, Огнь-Я; от Луны путь к Земле (*стар. «от|сель» — в Дол от Выси-Селен|ы зелен|ой: Зеленое — Тьма*) — с Ним разьятье, па|дение как из Себя выпа|день|е; к Луне от Земли — вос|хо|жде|нье, Возврат, кем стяжаем Себя мы в Луне как до|ж|ди Тучи сей (*лунь (кит.) — с|тих (ш|астра (санскр.): Тьма, Звезда (astra — лат.), Цел|ь, — Тих|а); врата (вход): Луна, автор дождей; лунь-х|уэй — «путь Луны», круг Сансары пустой (way — путь (англ.)). В мире об|ла|к|о всяко — обла|тка, иль лак, Тучи сей*). Т|уч|а — Уч|ит: Вода-Высь, Луна, Тьма как Гру|з, гуру Суть; У|ч|ит Цель, Туча эта, Ид|ти (ит|ти — стар.), с тем — ч|ит|ать книгу Жизни: Идущий — читает ее, сущий в уме сердечном, *своем* (чит — сознание (санскр.)): Сердце — Я, у|ма Суть. Путь возвратный к Луне — от Афин к Элев|син|у стезя (дому Глуби, Луны), Мудрых шлях как

срединный разрез, 22: по|по|лам делить — *видеть*, зрить Путь. В|е|л|ес, Коровы сын (сиречь Бык), с тем — и змий, бог хтонический, богатства бог и скот|а у Славян (*др.-рус. «скоть» — богатство, деньги; ско|тей|нос — тьма (греч.)*), Злата лик — «в-эль-лес», лез|ущий в Эль: в Бога, Суть как в Луну, Глуби-Злата s|un'дук (лат. duc|ere — вес|ти: Вес, Груз — Тьма как Мир вес|ь): в Бога — Путь, Мир, что лезет-ведет, лик чей — Влес; у Эллинов — У|лис|с (Одиссей), хитрый муж (*близкий к «Велес»: лез|ть — ліз|ти (укр.), лез|ет — лис|а, «лис» — «сил»: Сил|а — Сел|ена, Луна, зверем чьим лиса есть*), странник-Путь, — и Водитель, Гер|мес-Психопомп, прадед мужа сего, нить в Причину-Her, Мес|яц-Луну как в То — Тот, коим был Египтянам сей бог (Совий — Балтам, Луны Сын: Сова — Мать). Рек Цезарь о Кельтах:

> Из богов они почитают Мер|кур|ия превыше всего. Он имеет наибольшее количество изображений, галлы полагают его изобретателем всех искусств и проводником всех дорог и путешественников и верят в его власть над торговлей и коммерцией.

Вел|ес, Влес — Во|л|ос, во Бога лоз|а-лаз и к Богу водитель: «вел» — «вёл»; он Вол (Бык) при Корове, Луне-Нут, Путь, водный Дождем, бог в|лек|ущий в Лек|арство, Любовь (посему — Ле́карь наш он); вол|ш|ба — труд его. Поросль Глуби, Добра без иного, власы — Мать сама, чей посол — пар-рик-Мах-Хер, сире́чь бра|**доб|р|ей**, пе|**Р|у|ка**|р (укр.): Мать — Длань. Во́лна, шерсть (стар.) — волна́: Тьма (шер|сть — чер|ность) — Вода. Влес — влез: бог есть в Луну влезший он, с тем — Стезя нам; Влес — В|лас (Велес — Власий святой) — Влас|ть: имущий ее — в Силу влезший; власы — Глуби-Тьмы шлях, Тьма ж — Власть; влас|ний — собственный, свой (укр.): Я, Тьма как Суть. Велес — Велс Бал|тов («вел» — «бал»), бог посмертья, Весл|о для Воды-Тьмы, Ве|сел|ье как Сил|а, страж Нави, усопших па|т|рон (ве́|лей, veles (латыш.)), единящий с Луной Землю: Навь, Глубь — в Луне. О сем боге читаем мы:

В основном Велес занимался земными делами ведь его почитали как владыку лесов, животных, богом поэзии и достатка. Он был лунным богом, братом Солнца и Великим Хранителем Прави. По ведическом учениям, после смерти, людские луши поднимались по лунному лучу к вратам Нави. Здесь души встречает Велес. Чистые души праведников отражаются от Луны и уже по солнечному лучу идут к Солнцу — обители Всевышнего [от Луны — в Глубь ее, Солнце чье Бог — *Авт.*]. Иные души либо остаются с Велесом на Луне и очищаются, либо вновь воплощаются на Земле в людей или низших духов. Велес также является стражем и хранителем реки Смородины, Ра-реки и Черного камня.

То ж зрим мы в ман|и|хей|стве (стезе Артемиды Мун|и|хии), коим указано:

Солнце и Луна способствуют освобождению божественного Света: Луна принимает души умерших во время своего увеличения, а с убыванием отправляет их к Солнцу, которое пересылает их к Богу.

Велес, Велс — Вел|ь|з|е|в|ул и В|ул|кан, в Ул|ей кан|увший: в Глубь, Подземелье его. В Лу|ну лаз, Велес — Л|у|ч, Ла|з|ер-Мазер, уч|ащий всходить в Mother, Мать. Велес, Тьмою ве|л|ик|ий как лик Ее — О|ч|е|н|ь, Вель|ми. Вёль|с|ун|г (Вол|сунг) и вёль|ва (иль vo|lva: Тьма, В|уль|ва) — суть он. Велес — Белес, Белес|ый-Сед|ой: мудрый, Тьмой полн как Велес Луной — бел главой; белый — рус|ый: Влес — Рус, Русов бог. В|лес, в Луну лоз|а — Вакх: лезут оба они, и долезшие — оба, нам *проводники*: знает путь, кто прошел до конца (как Мес|сия, с Пилатом пройдя этот путь до конца); Вакх — един со Христом как Господне Вино. Посему Велес, Пан, Вакх, Христос — суть одна; пара ей — Даждьбог наш. Все они как Богатство, Тьма, — Путь есть един: Влес с Христом-Паном-Вакхом — наверх, Даждьбог — вниз. Атрибуты Даждьбóга, Тьму льющего в Дол — изобилия рог и ко|тел благ бездонный: Тьма, Глубь; его руна — Даров Святых ток. Ра|дост|ь знать — Рá дост|и|чь; Дó|ма быть нам — до Ма|тери есть до|шагать, до Луны. Путь в Луну, в Суть — Свободы стезя, коей жаждем мы, пленники дол|га: от Дол|а, тюрьмы — в Высь (как в *темном* романе Пи|л|ат: долг мирской, Сути чуждый, был лат|ы жестоки ему; пил душою он Дождь, Воду-Тьму). Ведь Я

наше — Свобода, искатель чей — бренью luna|ti|c, безумец: дождя человек, верный Сердцу как Сути, мнит кою мир сей а|но|м|ал|ией, нормой же — Ум. «Пал» — «пыл» — «пил»: огнь падучий — вода, жизнь от Жизни. Так, Промысел славя, огонь от Огня стремим в Огнь: Огнь в Луне — Огнь в Земле; так Дух-Бог, сей законный Пал|ач — ведь За|кон есть Он сам, — Собой плач|ет в Себя, множась в капли пал|ящи как главы Свои **(**па|лить — лить; капли — Ка́ли — калú-раскаляй: Вода — Огнь, Жена-Тьма**)**, дабы пал|и они **(**палачи ж беззаконны — секу|т иным главы; с|лез|лив|ы они[7]; ка|знь — заб|вен|ье им, пла|ха секу|нд как п|ла|т|ок на очах, тьма**)**; кто чер|пал — бла|жен: Огнь — То, Тьма, Чер|нота-Песнь. Кто чер|пает Тьму, тот поет; Мир, Кон|ь Бога, поющим — па|л|а|ц, лац|ка|н-ласка: поющи, мы в Боге. О|пал|а — от солнца от|пал|ость в пал|им|ости им, па́л|ка-боль. Палú — па́ли: Огнь в ис|крах своих. П|рос|т (ведь, сущего Корнь, — Про|сто|та́ Он), Он, капли б|роса|я сии, Землю ими рос|úт, коя п|ро́сит их к жизни: Жизнь — Рост, ради коего влага влага|ема ся в тьму земну: Беспредельное, греч. а|пей|рон — в темень-г|ран|ь как У|ран|а (греч. Небо) у|рон **(***рон|ять — 1) ра́н|ить, т|о|р|ит|ь; 2) суть терять для очей: время, х|рон|ос — пространства у|рон; самурай без хозяина, сути — рон|и́н***)**, сем|я — в зем|лю как п|оч|ву свою, в ву|л|ьву — уд как роса в бо|роз|ду **(***о|рошать — воп|рошать: Пустотой, Тьмой звать Истину, Тьму как пустое очам — по Сократу, воп|росы чьи — ро́сы Ее. Вопрос — **Е**|ros росящий: Мать, **Е**|ve как Суть его; **эро**|те|**ма**|**ти**|ка (греч.), вопрошати искусство: Бог тайный, Любовь как З|ев, Ноль***)**; рос ночных бог — Луна, Солнце Тьмы. Мир тьмы, сей — мир По|сев|а: сей — сею С|те|з|ею («тез» — Theos, Стези Корнь) Дух-В|зор, зер|на душ, сев|ших в плоть как в сед|ло: S|**E**|**V**|**E**|n, Жизнь-Се|м|ь, Це|м|ен|т наш **(***сед|миц|а, не|деля — она, не|дел|имая: міц|ь — крепость, мощь (укр.); лат. sem|per — всегда: Вечность-Огнь (pir, per — греч.), Семь***)** — в смерть, Во|семь; Но|ль — в нуль: Ч|то — в ни|что, плащ его, сего плач|а пал|ь|то. Сеял так Мои|сей Богу, вняв: «Семена Мои сей!»; мир сей — сеяный мир: Это — Тем как п|осе|в: кол|есо, осе|й многих оплот, на О|си, Боге,

от|кол|ь сей Сев. Сев — «сов»: сеять — в землю сов|а|ть Сову, Тьму как Тьму ту же: Жизнь — в Жизнь, мниму сме|ртью, противным: «сме» — Сем|ь, Жизнь в чехле бренных глаз. «По|сем|у» — по Семи, Жизни: Бог — она, Мер|а-Се|мер|ка; сей, этот — по|сея|нный ею; се|м|и|т — плод Семи; из семитов по пло́ти — Христос, Сын Жены; др.-рус. е|сь|ме — «мы есть». С|і|м — семь (укр.): с Им, при Боге: живущий — жив Им, ведь Жизнь — Он, горний Ма|к|сим|ум наш; ц|им|бал звон — Ему слава. Им|еть-об|ла|д|ать — быть живым: Им им|еемым быть; И|м|**Я** сущих — Бог, Суть. Сев — спад в Зев, Тайну-Ж|из|н|ь — Ж|ен|у-Из, Глубь-Н|утро, — как в Питатель-Исток: Суть Восьмерки — она. Семь, Жизнь — Сердце как Явь, Восемь — Ум, Г|у|**м**|**у**|с, тайное Сердце, куда сеет явное Сердце себя: в прозу — стих (па́да — санскр.); сея — жнет как Глубь, Стра|жни|к Луна смерти сер|ым сер|пом, замыкая сим цикл, cir|cus (лат.) чрез кус|анье хвоста себе: Тьма-Жизнь — Змея. Не ожить зерну, коль не умрет, рек Господь (Иоан. 12:24): смерть — меж жизнью и жизнью звено, что без Жизни не есть — и жива посему (как лат. mors immortalis, бессмертная смерть). Жизни бренной смерть больше: лета ее — к смерти отсчет; Жизни вечной — смерть менее как дверь в нее. Жизнь — Вверху, Жизнь — Внизу, смерть — скрепа́ (так Земля — горшок Духа: Жизнь — в нем и над ним). Посему путь семян, капель Божьих — из Жизни в Жизнь: сея, Жизнь сеет в себя как Суть в Суть, в чем над смертью ее торжество. Знать сие — п|рос|вет|литься, как Б|уд|да под древом пи|па́л: сердцу ум пр|**ев**|зойти в|ось|мер|ичной стезею, отсекши его эгоизм **(**в чем есть суть обрезанья: от сердца — ума, что мнит сердцем себя**)** и познав Мир в единстве Сего с Тем как Камнь-Пал|ин|др|о|м, где равны Верх и Низ и путь в оба един как з|вен|о. Просветленья язык посему как Кан|она буд|дий|ского **(**пасть — кан|уть**)** — па́ли: знать пад|шесть — в|зой|ти-восстать: Се**м**|ь, Zṓo (Жизнь), сущих Се**н**|ь (М = Н) — над Шес|тью шаг, благи Sap'ог|и **(**sap|t`an — семь (санскр.)**)**, Суп-Суб, Глубь (ведь Глубь — Высь); седь|мой — мой: Жизнь, Наше как Мы са|мое **(**смерть, в|ось|мое — в Ось эту проход**)**; Жизнь, Семь-Sev|en, познавший — сив, сед, как *лунь*, мудростью **(***так конь-мудрец — Сив|ка-Бур|ка, бур в Мир,*

над Шестью очей бренных Сед|ьмой, Конь Господний; о виде Христа речено: «Голова и власы Его белы»); разумный (лат. sap|iens) — Жизни причастный. Sap — цап, козел (укр.): Дух, Круг-К|рюк — Луна-Мать, Ру|к|а (бренны, *намертво* мы на Крюке сем: лат. Di|e|s — Диана, Луна, коя действует, діє (укр.); to die (англ.) — умирать), кле|шня Мира, Ру|н Суть как за|цеп|ов, в глаголах-с|лов|ах суща цап|ать-хва|тать (*муж Крюка́ — композитор Зацеп|ин, Луны муж*): «цап» — Цеп|ь, Мир цел, Шлях в Цел|ь; за'сер, крюк как Г'уна, сверх-буква — **Г**, Год-Го|лов|а, Глагол-С|лов|о, Лов|ец; Четверица, число **Г** — матерьи, тьмы мир, к|лет|ки душ, Луной с|к|руч|енной. С тем и глагол|ица — имя от Г (стар. гла|гол — го|ло|г|ол: палиндром «гол|ова-лог|ос»): лунна вязь. **Р**уна — **L**'уна: R ↔ Г, R ↔ L; с тем, в рунице Г с L — одно: **ГL**А**Г**О**L** наш — **ГL**убь-**L**уна, Сва-Мать. О том указано:

…фонетическая основа руницы [луницы, резов Луны – *Авт.*] весьма своеобразна. Читая одни и те же слоговые знаки на разных надписях, можно понять, как выглядела основная форма знака, и как – ее варианты. Так, знак ГО в основной форме выглядел как Г, но мог выглядеть и как 1. Для основного большинства знаков гласные А, О, У и Ъ с одной стороны, и Е, И, Ы, Я, Ю и Ь с другой стороны не различались, так как что знак Г можно было прочитать как ГА, ГО, ГУ или ГЪ, тогда как знак L имел чтения ГЕ, ГИ, ГЫ, ГЯ, ГЮ и ГЬ. Ко всему прочему, эти же знаки имели и оглушенное чтение, так что Г можно было в ряде текстов прочитать как КЪ (тогда как для КА использовался знак N, для КО – знак N, для КУ – знак Ñ), а L – как КЕ, КИ, КЫ, КЯ, КЮ и КЪ.

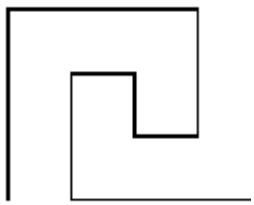
Валерий Ч|уд|ин|ов. Русь великая

Грань, **Г**осподь, **г**ибель, **Г**ость — всё Луна́. Г и L как одно — с **L**'уной **Г**ея: единая Мать, Жизнь-Семерка, лик чей **7** — то ж Г. Гит|лер, Сва|сти|ку чтивший — Тьму чтил, коей был он как Дурге п|рич|тен, как с ним **Г**еббельс, и **Г**иммлер, и **Г**еринг, и **Г**есс, **г**|иль|отины в плоти́ людской. Свастика — Крюк четверной, **L**'унный, нижнего мира **L**OVE'ц с цеп|ью ст|ран|ствий его как души́ *поводком*,

Крест-Зацеп: Г = Х **(**ведь Гор — Хор; маг — крылами мах|а|ть, кои Маха, Луна**)**; Двадцать Восемь: Сансара с Луною, хозяйкой своей **(**крюк и плеть — а|три|бут|ы Оси|рис|а, Тьмы: гон Лун|ы, чей он бог; бут|и — быть (укр.): в Тре|х, Мире как Лон|е своем**)**. Посему:

Все богини Луны управляют судьбою и ткут ее нить. Иногда их изображают в виде пауков в центре паутины. К их атрибутам относятся веретено и прялка.

Луна — Крюк-Вес|ло-Cow'ш, лик чей Пан, Pus — Sup — Sap — Цап, бог цепкий: В|селен|ная, звездная сып|ь в Черноте **(***с тем, фамилии лунны — явь книг Bull'ычева о странствиях в Космосе с целью space'нья: Space, Космос — в Луне. Так, За|греб|ин, герой-сар'итан — Тьма гребуща; Пано́ва — дочь Па́нова; Ио|нес|ян — Ио, Корова Мать, что несет сущих нас***)**. Крюк, Де|с|ни|ца-Мать — **Г**|рец|ии Суть (Г и G — Крюк един), зрима в ее ор|на|мен|т|е:



Ме|андр, она ж Мен|де́|р|ес Большой — река, сему у|з|о|р|у начальна: Мир, Десять, Река сущих рек (Лоно, Мать есть он), Бог глаз эллинских, пред Сердцем, Творцом Ум, Ква|драт. Крюк нам главный — Луна; крюки лунные — души людски, Тьма от Тьмы, тела́ наши держащи (как Высью держи́м Дол, дом бренья), с|вис|ая с Луны, Глуби-Vis. Как Любовь, Луна есть Ввысь лебед|ка влекуща (Сва, Мать — птица

Лебедь, Восход); как Вражда — главорезка-пила, чьи крюки, зубья этой пилы — к Дну влекут. О том сказано:

Новое красное знамя... с чёрной свастикой в белом диске было развёрнуто в первый раз. Эффект был столь ошеломляющим, что даже сам Гитлер был приятно удивлён. Свастика стала одним из самых действенных мистических орудий Гитлера... Неведомая сила исходила от загадочного знака.

> Кон|рад Хайден, биограф Адольфа Гитлера, о появлении символа свастики рядом с ним на первом его публичном выступлении в 1921 году.

Семь, Se|ve|n, есть С|е|ве|р, Земли вен|ец-вер|х, Вер|ы пункт; пункт обратный ему — юг, безверье-йух, нечистота, о чем сказано:

…юг во многих ранних религиозных представлениях соответствовал злому началу, обители злых и голодных духов, удержать которых на месте можно было, лишь обратившись лицом на юг. Говоря о существовании Древа жизни и Древа смерти, Мани, столп манихейства, объяснял, что Древо жизни является одновременно Древом добра и соотносится с такими сторонами света, как север, восток и запад; Древо же смерти соответствует югу.

По|люс — п|люс, связь: lu|c-lu|x, Огнь очей как в Лу|ну-Бога Лю|к: Ноль, столп с|ум|м, Тьма-ка|сан|ие, сущего П|лу|г иль О|рал|о, Корнь многости (plu|ra|l|is — лат.), П|лу|т, что как бы не сущ (как Плу|т|он, т|айн|а глаз: бог-Тьма, Глубь как Богатство, лат. plutos). «Люс» — лу́з|га|ть: облатки лущ|ить, являть Суть, из тьмы Тьму, в чем есть Пол|юса тр|уд. Слитый с Севером Неба, Пол|ярной звездою — центр с центром (***ц|ен|тр*** *— вход,* ***én|t|r|a|n|c|e*** *(англ.): еп — не (греч.): суть Ин|ое, Не-Это; «т|ран|с» — ч|рез, сквозь — как ран|у; цен|тр — Цен|ность, Сен|ь*), — то Божий Ра|й: Т|о|ч|ка-Глубь, Земля-Небо, Мир-Семь как союз Тройки-Неба с Землей-Чет|ве|р|иц|ей — То в Сем, Пол|нота в по|л|о|в|ине ее. Север — Пів|ніч (укр.): Пол|н|очь, пол-Н|очи как Тьма-Суть — Луна, неба Ц|ен|тр: Двойки — Ноль, Вен|ец, Огнь-Сон, глас чей есть пет|ух, пі|в|ен|ь (укр.): спать — Сон спеть; проб|уд|ить по́лно — в Сон по|груз|ить, Луну-Глубь. «Пою песню» — Водою пою: Тьмой в Луне, Тьмой-Луной, Песней нам. Грекам Рай был «землею над Севером», Гипер|борейской (греч. «гипер» — над-, сверх-: превышенье) — ср|единой меж

Высью и Долом: ни Этим, ни Тем как двумя заодно. Север Неба, Полярна звезда, что Се|д|ав|ой у Русов звалась — Бога трон недвижим, где сид|ит Он, Ось Мира, Всего. Небо у звезды этой надето на Сто|жару-Ст|ляз|ь — Луну, Ось-Глубь, куда она лаз, в ней единый: вход в Суть — Суть сама. О звезде сей (ац|тек|ский Ca|ma|x|tli, бог коей — Любовь, Кама) пишут:

…суточное вращение звездного неба заставило выбрать точкой отсчета Полярную звезду. Народы Алтая считали её «столпом мира»: монголы, калмыки – Золотым столпом; татары, киргизы, башкиры – Железным; алеуты – Солнечным. Финны, эстонцы, ненцы, чукчи называли Полярную звезду «небесным гвоздем», который, подобно шесту, поддерживает твердь Небес. Буряты представляли Полярную звезду как колышек, вокруг которого на привязи ходят лошади-звезды, – и столп, на котором держится мир. Вращая ось времен или мировую гору, или просто шест в первозданных водах, индийские, центральноазиатские или японские боги творили Вселенную.

Дорасти до звезды сей — до Неба дойти. Перст в него — гора Меру, Кол в Бога: Полярну звезду, Кол (астро́ним народный звезды сей) как Севера Суть: N|or**d** — or**t** — ort|os, прямой (греч.): D = T. Сва|рга, Русичей Рай (Индра-лока Индийцев) — горы сей вершина: Луна-Небеса, Глубь. О Меру речется:

Есть в мире гора, крутохолмная Меру,
Нельзя ей найти ни сравненье ни меру.
В надмирной красе, в недоступном пространстве,
Сверкает она в золотистом убранстве
(...)
Одета вершина ее жемчугами.
Сокрыта вершина ее облаками.
На этой вершине, в жемчужном чертоге,
Уселись однажды небесные Боги...

Махабхарата, кн. 1

Фин|но-у|гры (иль финно-у|гор|цы), они же и фени|и (как звал Тацит их) — народ у гор|ы сей, Фин|ала Земли; финка — нож: смерть, суть тот же финал, возрожденье от коего — фени|кс, Огонь. **Полюс — пункт слитья Неба с Землей; чрез него Мир, То-Это, единство стяжает. Чрез Полюс Антропы Луны (Мира, сущего в ней) и антроп Земли слиты в одно голова к голове** (иль ма'cus'ка к макушке,

суть-в-суть, — что смотрящие очи не зрят). Пол|юс — пол-Юс: грань в Пол|ность вселенску, лик коей есть Юс (о нем дале): Тьма, Глубь Божья, Гипербореи Оплот. О земле сей сказал Плиний Старший: «Страна эта находится *вся на солнце*, с благодатным климатом; там неизвестны раздоры и всякие болезни…» («Естественная история», IV, 26; курсив наш). Сев|ер — Небо, отколе душ Сев; Земля, Небу противная — Юг: Уг|л пред Небом как Кр|уг|ом, отколь он и юг|и земны; отраженье Иного, как в зеркале, в Сем, вверх тор|ма|ш|ками Глубь. Север — Целое; Юг — часть, что им лишь жива. Солнце сущих — Глубь, Тьма; с Глубью, Солнцем, единая, **Гиперборея есть лунна земля**: чакра (цикл — санскр.), за|сте|жка спряженья Земли с Луной как древа с Корнем своим. Посему **земли этой народ — о|с|ев|ой и начальный Земле сей; согласен ему и язык Материнский, единый: Речь — Мать**. О том сказано в Библии: «На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 2 : 1). Сфе|ры в сущем спряжимы чрез Сев|ер — центр-ось планов всех, Древо-Жизнь С|еф|и|р|от: Огнь, Эфир; с|ефир|оты, его этажи — сферы Мира, Декады, каким есть Огнь сей, Древо это; последня, плотнейша — мир бре́нный наш. «Сефир Йецира», оплот Каббалы — книга Север|а, Сути-Главы **(**греч. kep|h|ale**)** всего: Мира, Древа Корнь-Ось — Ра, в Луне-Мире Суть: ведь Ось Мира — Г'Ос(ь)'под|ь **(**Пер|сеф|она — Тьмы, Севера дочь и посев**)**. Дре|во-Мир — Уд, с арабского — «дерево»: Фалл о|сев|ой, Дре|ль в сердца **(**дре — дере|т корки, Ложь**)**, Плодность-С|ут|ь. Древо — Ева, Тьма-Мать: Мир, Тьмы Шар-Стер|жень («стер» — «сфер»: Ф = Т), Фалл кольцевой. Север, Земля-Луна — части с Целым единство: Луна — Полность, Глубь, Сердце (hea|rt — англ.) Геи и Гея сама, что во бренных очах **под землей**. За|зор, ст|уд — стыд (стар.): щель Уда с внешним ему, рознь студ|яща, закат Наг|оты: Уд — Наг, Змей (инд.; уд|ав — он), в чьей власти жизнь взять у живых как дар свой, У|д|о|воль|ствие их; Север — наг, хлад не зная: хлад — щель, датель внешних одежд. Глубь стя|жать — изучать, stu|dy (англ.). Мер|знут|ь — спать без Огня, Мер|ы: «знут» — «с|нут»: с Нут, Тьмою — лишенность ее. «Сеф» — «соф» — София-Мудрость, Сов|а-Сове|ршенство: Луна ж. Посему

Феб (= «теб»↔«себ»↔«сев»), Эллинов связной с землей сей — лаз в Луну им как в Мир (*Дня сего тень, быть им пре|тен|ден|т, сиречь challen|ger (англ.), мост в Селен|у гер|ойский; «Апóлло» и «Челленджер», с тем, — суть одна: челн к Луне*). С тем, о Фебовом храме, что в Гиперборее был, сказано прямо: оттуда «Луна видна так, будто *она близка к Земле*, и глаз различает на ней *такие же возвышенности, как на Земле*» (Диодор Сицилийский). Феб нáм есть в Луну лаз как в Солнце, бог коего он. Посему **Солнце Гипербореи — Луна как очей Магнит**; им есть и Феб с красотою его. Ар|те|м|ид|а, сестра сего бога как Матери лик (*черный Ею — до|черний; **над Мужем Жена — Мать, с ним вровень — Сестра и S|up'руг|а; все три — Мать одна, сущих Гр|уд|ь с м|лек|ом в ней. Знает всяк: жена, мужа любяща — и мать есть ему; прилепившись к жене своей верной — от матери муж не отстанет вовек**. Укреплять, крепить — sister|e; na|v|es ancoris (лат.): Нав|ь — Мать Луна как На|в|ес; Се|с|т|ра, sis|ter (англ.) — Сис|ька-И|сúс, Лоно сущих (горшок — icis (лат.), test|a: Тес|То — Мать нам), Сердце-Си|с|то|ла сущей сис|темности, в действьи Глубь-Сто: Уд, упруга|я Сут|ь*), Лан|ь-Д|лань, Лон|о-Лун|а (*где скрыт Мир, сущих Лан (Поле — укр.), где Поход наш — Поле|т*) — земли этой заступница. Встретился с нею Геракл, в землю эту пришедший поймать Кер|**иней**|скую лань. О том сказано:

Там дочь Латоны,
Стремительница коней,
Встретила его,
Пришедшего взять
Из теснин и извилистых недр Аркадии
По указу Еврисфея, по року отца
Златорогую лань...

Пиндар, «Олимпийские песни»,
3. «Геракл Гиперборейский»

Артемида, Лань — Тьма, что с Латоной одно, — Жена-Жизнь, Мужа Пара и Суть (*Ati|mit|e (микен.); само|дии, сама́мы, нрад Севера — сев.-саамск. Sá|mit: единство с Луной*). Артемида и Феб, Трои рать — суть Мать, Селена-Гея как Тьма одна; Тьмы чужд — враг их как а|хее|ц: безматность, Ум пуст. Чтят мужей по Жене как Причине их, Феба зовут по сестре Артемидом. Ведь писано:

> Извыкоша елени класти требы Атремиду и Артемиде, рекше Роду и Роженице, тации же игуптяне…
>
> «Паисевский сборник» в изложении Срезневского – «Сл. Св. Григория о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали»; «Атремид» – букв инверсия, в сути законная: Мать, А|тре|мида – Мир, Три, Лоно нам.

Посему Лето-Лат|оны родина — Гиперборея, край вечного Лета (рек так Дио|дор Сицилийский), об|лат|ка Луны, с ней едина. Едина и многа она: как одно, она Гиперборея: Луна, с Солнцем слитая в Мир, Огнь единый; как многое ж (Двоица — су́ть чья) — Бла|жен|ных она острова: Луна с Солнцем как пара Огней. Луна есть Солнце сущих; Арктида, земля ее, видом своим — **22, число Солнца**: круг-остров с река́ми крестом: Кр|уг и Кр|ест — пара-Суть, Тьма (зрить в|круг — что о|кре́ст зрить). Дождь летний — Луны полность-дождь: ле|то — год (стар.), Цикл. «Ле» — Лю|бовь, огнь чей — Ле|лю|ш (К|лод, к ней лод|ка сердцам, Лель-Уж: М|уж — Уж Змеи́, Тьмы-Жены, малый змей как ди|тя — по|лу-Суть, по|л-Лу|ны); Ле|ле, Лель — бог любви-весны-предков-младенчества-детства; отсюда «леле|ять» — любовью питати; леле|ка (укр.) — аист: Лель, датель детей, что крылат как Лю|бо́вь сама. Лель — Лань, един с Артемидой в Луне, Любви. «Лето» — «лет|ать»: земля Гипербо|рея — крылатых земля, лю|д чей — чел|ядь Сел|ены, к|лон Лон|а, Лун|ы, что пер|нат: «ги|пер» — Ки-пер, Пер|о-Тьма, Дух-Вес, Мера Истины, Тьмы как Она самое: Вес — Всё, Глубь; сердце полное — ве́сом в п|еро. К|Ра|й людей сих — эфир, данный рея|ть, Любви́ край, ведь Крылья — Она: пт|ерос, пт|и|ца (греч.) — Эрос, Любовь, сущих Ца|рь. Рек О|ви|д|ий о том:

> В Гиперборейском краю, говорят, есть люди в Паллене, —
> Будто бы тело у них одевается в легкие перья...
>
> Метаморфозы. XV, 356-358

Также сказано:

У Лук|иана сохранилось описание летающего гиперборейского мага, посетившего Элладу: на глазах у изумленных зрителей он летал по воздуху, ступал по воде и медленным шагом проходил через огонь. Летающей была и сама титанида Лето, когда преследуемая ревнивой Герой устремилась от границ Гипербореи по всему свету искать прибежище, где бы она могла разрешиться от бремени. Такое место она отыскала на острове Делос, где впоследствии возникло святилище Аполлона, куда гиперборейцы постоянно присылали свои дары. Летающими, естественно, были и дети Лето-Латоны — Артемида и Аполлон. Солнцебог Аполлон Гиперборейский нередко изображался летящим на свою родину на колеснице, запряженной лебедями, или на «аппарате» с лебедиными крыльями.

В ином тексте — о том же:

Сохранилось несколько изображений Аполлона, летящего к гиперборейцам. При этом художники упорно воспроизводили совершенно нетипичную для античной изобразительной символики крылатую платформу, восходящую, надо полагать, к какому-то реальному прервообразу. Думается, не случайно и в северном искусстве сложился настоящий культ крылатых людей. Уместно предположить, что особо любимые и чтимые на Руси образы птицедев Сирина, Алконоста, Гамаюна уходят корнями в глубокую гиперборейскую древность – не обязательно напрямую, а, скорее всего, через взаимодействие разных культур, опосредованных в пространстве и во времени. Совсем недавно множество литых бронзовых фигурок крылатых людей, вновь заставляющих вспомнить о гиперборейцах, обнаружено при раскопках святилища на о. Вайгач, расположенном в акватории Ледовитого океана – месту прописки древней Гипербореи. Но еще раньше множество стилизованных бронзовых изображений птицелюдей было найдено в разных местах Прикамского региона и Приполярного Урала – образцы так называемого Пермского звериного стиля. (…) Дополнительным доводом в пользу сказанного может послужить еще один факт, продолжающий «крылатую тематику». Археологов не перестает удивлять обилие так называемых «крылатых предметов», постоянно находимых в эс|ки|мос|ских могильниках и относимых к самым отдаленным временам истории Арктики. // Вот он, еще один символ Гипербореи! Сделанные из моржового клыка (откуда их поразительная сохранность), эти распростертые крылья, не вписывающиеся ни в какие каталоги, сами собой наводят на мысль о древних летательных приспособлениях. Впоследствии эти символы, передаваясь из поколения в поколение, распространились по всему свету и закрепились практически во всех древних культурах: египетской, ассирийской, хеттской, персидской, ацтекской, майя и так – до Полинезии.

«Лет» — «лед»: Вечность, Огнь — бренным Х|лад, Север льд|ис|т|ый, Ис|ток-Ic|e; Иса — льда́ руна (сканд.); зим|а — сім, сем|ь (укр.): Жизнь, сем|я-душа, По|лет. Is|a и Sá|i — Бог, Сын чей, Христос Иис|ус есть ис|лам|ский Ис|а: из Лун|ы, Бога огнь; Г|лаз Г|ос|под|ний — Полярна звезда, лаз в эфир, огнь желанный Лед|би|т|ер|а; г|лас, vo|ice (англ.), к Богу наш — в Север, А|йс, светлый аис|тов Дом, Любви к|рай **(**«м|а|йс|я», «к|а|йс|я», «наде|й|с|я» — зов к Сути людей, Богу в Се|вере: «ся» — «с|еб|Я», Я**)**; г|лаз и г|лас — Лаз-Кан|ал един. «Иней — и-Ней»: Тьмы у|з|ор; лан|и дом Кер|иней|ской — Лун|а с Сер|ым в ней: «кер» — «шер» — «сер». Глубь — с Бог|иней Бог, сущих Л|иней|ка (Глубь — М|е|р|а), Луны с|ин|ей Суть: Син, Луна — Син|ева. Мед|ь, лат. Aes (санскр, ayas, гот. aiz, герм. erz, англ. ore) — Дома сего металл-Mad. Лед — причина, чья пара-тень — с|лед|ствье. День горний, Огнь-Тьма — ле|д|ен|ит чуждых с ним; леденят нам сердца Гости наши, **прекрасно-ужасны** как Тьма, коей капли они. Сан|и — к SUN влекут нас; земля SUN'никова — горяча. Луны северный муж Ло|м|он|о|сов — муж-Огнь, корнь науки российской, о коем Вернадский сказал, что в научных его интересах «вопросы северного сияния, холода и тепла, морских путешествий, морского льда, отражения морской жизни на суше — всё это уходит *далеко вглубь*, в первые впечатления молодого помора» (кур|сив наш). Кур|остров, его колыбель — Луны Век Златой средь тьмы веков, дочь Елена — С|елена сама. Лед — Огня имя: Ум — Се́рдца; Огнь — Леденец, С|лас|ть, лаз в Т|айн|у. Речет старый стих:

Из-за моря, моря синева,
Из глухоморья зеленова,
От славного города Леденца,
От того-де царя ведь заморскаго
Выбегали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей един корабль
Славнова гостя богатова
Молода Соловья сына Будимировича.

Первопечатный сборник русских былин и песен, собранных Киршой Даниловым

Лед — лье́т: Тьма — Вода; Ле|д|ен|ец-град — что Лей|ден: Тьма-Мать, Ден|ь-Ноль горний. Лед — «де́л»: Дело, Тьма, плод чей — Дело|с **(**delóo — являю (греч.)**)**, Феба

с сестрой его дом, что скользил по водáм как по льду. Близнецы, Феб с Дианой — одно: Луна с входом в нее; боги эти и стрелы имели едины, принес кои в дар им Гер|мес, бог Луны. A|pol|lvn (греч.), Ап|лун фес|са|л|ий|ский, э|т|ру|с|с|кий Ап|лýй — Феб, имен этих суть, есть с Луною связной как Причиною, Тем. Его верность семье своей — верность его Лу|не-Глуби и Северу, входу в нее; и на Делос, речет миф, от Гипербореев пришел этот бог как от Севера: в сути — с Луны, огнь чей есть его огнь. Лед — луд, лут|ка Огня, Агни (санскр.), лод|ка в То, Воды горней лот|ок. Crio|s, холод — суть cri|o, ба|ран (лат.): Хри|стос, Агне|ц, шедший чрез Север в мир сей как Дух, Сем|я, и в Севере, Жизни, воскресший от сме|рти земной для Любви, коей и воскрешён: Жизнь — Любовь, край чей есть Север, Тьма; cr|io — Ио под кр|ышкой, Корова-Мать, Сына вернувшая в Жизнь как Себя, Корнь. Корова-Коза, Тьма — замóк God|овой, цикл творящий; Х|ел|ь, Тьма — ель (Эль, God — Бог), fir (англ.): Огн|ь, Fir|e; зим|а есть сім, сем|ь (укр.): Жизнь-Се|ме|р|иц|а, чье коло (круг — слав.) — Коля|дá: Коло-Да, Бога круг как тор|енья в Него, Тор|жест|ва. God — Год, Цикл, Мир как Круг, Богом цельный; Центр круга, угла Голова людям — Бог. У|гол — Мир у Гл|авы этой, к|ут (укр.); «кут|ёж» и «кут|ь|я» — Богу песнь как Главе **(**слугой чьим был Кут|у|**з**|**ов**, России слуга**)**. Масок, ряженых хор, Коляда — Бог под маской Луны как Бог|атство ее. О сем пра|зднике Пра|щуров сказано:

В украинских колядках языческий элемент проявляется в обрядах, в запевах с Авсеня, с восхода солнца, и, быть может, *всего сильнее в колядовании с козой*. Под козой здесь несомненно разумеется какое-то мифическое существо. Обход с козой представляет остаток верования, оставившего многочисленные следы и в западной Европе и состоявшего, по толкованию Ман|н|гар|дта, в том, что душа нивы (сеножати и растения вообще) есть козло- или козообразное существо (как и Фавн, Сильван), преследуемое жнецами и скрывающееся в последний несжатый сноп. // Благосклонное внимание богов, с языческой точки зрения, обуславливалось надлежащим их угощением, жертвоприношениями; отсюда обрядовое употребление хлеба, каши, но *особенно свиньи*. В Великороссии печется ещё козюлька, имеющая вид или козла на четырёх ножках (Владимирская губерния), или других животных, или птицы (Олонецкая губерния); козюльку берегут из году в год, чтобы скотинка ходила летом домой и плодилась, а также чтобы её любил дворовый хозяин. Последнее поверье приводит нас к культу предков, рельефно выступающему в рождественской

обрядности Украины и Белоруссии. // Святочные народные песни Коляды широко распространены у украинцев, в меньшей мере у белорусов; у русских встречаются сравнительно редко и *по большей части в виде так называемого «виноградья», т. е. в виде величальных песен с традиционным припевом: «виноградье, красно-зелено мое»*. // …типические размеры украинских колядок *– 10-сложный стих с делением на два пятисложных полустишия [суть Мир, Коло-Десять, делимый в себе пополам]*. // Во многих колядках рассказывается о посещении хозяина святыми гостями, от которых зависит и дальнейшее счастье и благополучие человека; в других вариантах «гостейки» лишены христианских одежд: *это – солнце, месяц и дождь, доставляющие радость и природе и людям*. Солнце, месяц и дождик часто вступают друг с другом в спор, кто из них выше (важнее) других; и *спор разрешается в пользу дождя, самого желанного гостя для земледельца* (курсив и пояснение – наши — *Авт.*).

Лед — Ле|д|и, Мать-Дева, родящая внутрь; Леди — люд|и: Тьмы луд, Тьма сама. Сев|ер — сив-сед: Сед|мица-Семь — он, Жизни пункт. Х|лад космический — Огнь-Мир, Лад (Хор), число чье — Десять, Х; Мир — И|мир, великан и|н|е|и|с|т|ый: in — Глубь; и|ней — в Ней **(**так Э|ней — Рима Глубь; Троя его — а|хей|цам чужая, как Сердце, С|вар — Вар|вар уму, что с ним в розни**)**. «Лед» — Лед|а, суть Леб|едь, Хам|са́ (санскр.): Полет-Мах, Луна, Феба Суть в лике пти|цы **(**как наша, крылата — пси|хея, душа**)**. Луна-Лебедь — царевна-огнь, Пушкина дар: под кос|ой ее месяц — под Глубью, Caús'ой Луна как покров; Сал|тан, свекр — та ж Сел|ена: «сал» — «сел». Хамса — «лебедь» и «гусь» ра́вно. Хамса — «лебедь» и «гусь» ра́вно. Гусь — Амон-Ра, Го|го|т|ун, Огнь огней; гуси — Рим сберегли: Сердце — Ум. Крыла́, Мать, сущих Мед, Mad|hu (санскр.) — Лебедь сей: скиф. mag|lú; иран., санскр. — mad|gu (G ↔ D). Яйцо Леды — Елен|а, Олен|ь (елень — стар.) льдов: С|елена-Любовь **(**«ха|м» — суть Ка|м|а; хамса — пять (семит.): эфир, Крыльев про|сто|р**)** как любовь-и-вражда в мире Двойки **(***из|мена Елены с троянцем — уход Сердца к Сердцу, Луны ко Луне; Мене|лай — лай на Мену, Луну***)**. Лебедь — swan, птица Солнца, бог чей Вива|сван (Вышень-Даждьбог славянский). «Лед» — «лет»: Леда — Лето. От Леды — Елена и братья ее, близнецы Ди|о|с|кур|ы; от Лето — Диана и Феб, близнецы ж, притом Феб — бог двойной как целитель-губитель, Свет-Тьма. Артемида, дочь Лето, с Еленою, дочерью Леды — С|елена едина. Ашвины и Сурья,

сестра братьев сих — Диоскуры-Елена; с тем, Солнце, отец тройки первой — Луна, сосуд Вечности, Трех. Лебедь, swan в Ведах — Мат|ари|сван, Птица-Огнь, огонь давшая нам (Ригведа, I, 128; I, 60): S|wa|n-Сва, Матерь Луна, кою в сказках Жар-Птицей зовут. Полет — Тьма, Вода-Воздух. Как Воздух, он Гиперборейцы, пернатый народ **(**длани чьи — крылья, пер|ья ж — пер|сты**)**, сущий Грекам как в Воздухе, Сем; как Вода — он Атланты, народ утонувший, иль **рыбами ставший**, сменив Водой Воздух **(**чрез смерть, грань меж Жизнью и Жизнью как в Жизни черту, в Ноле нуль: Мир, Миф — Жизнь; умереть — в То ступити**)**: крыла́ с п|лав|никами — едины в Тьме, Солнце-Луне; лит|ь (рус.) — літ|ати (укр.): в воздухе — что в воде. Полет, П|лав|а|нье — Лава-Любовь: сей Водой жив п'love'ц; лас|т|ы — ласт|ятся к бренным как Тьма, Божья Длань, Луна-Мать, коей ла|с|уєм мы: Лас|ощ — Лак|ом|ство (укр.), Мать-У|лыб|ка, Суть-Лук, Лыб|едь наш. Посему в Атлантиде, как пишет Платон, дул всегда сильный северный ветр: Север — Суть есть ее. «Ки-пер» — «ш|кипер»: летящий — плывущий; пер|на|т|ы|й — пір|на|т|и, ныр|**Я**|ть (укр.): «пер», «пир» — Огнь, Тьма-Нут как Нир|вана, Я наше. Пернатый — пыр|нут|ь, т|к|нут|ь ножом, по-б|лат|ному — пером: П|еро — Тьма-Эро|с, Су́ть остра. Земля двойная ее, Атлантида-и-Гиперборея, звалась также Му: Тьмы-Коровы земля, область Нут. Посему тела Гипербореев, О|в|и|д|ий речет, лебедиными перьями крыты: кров сей — че|шуя. Восток с Севером — Солнце одно: Восток (Индры владения) — место, где всходит оно; Север — где не заходит, иль Есть всякий миг как Одно, Сен|ь-Зен|ит **(***с тем, северо-восток — направленье, за кое ответственен Сома, Луны бог, и в коем пускали коня в ашвамедхе: к Огню, в Суть; буддизм, посох кшатриев (воинов) Вглубь, родился на северо-востоке индийском***)**. Ток Силы норд-ост — посему ветр единый, сильнейший из всех, о чем сказано: «Норд-ост задует, что метлой небеса выметет» (эст.), «Норд-ост ни людей не радует, ни зверей не балует» (англ.). Север, Ос|ь — о́с|т|ра Суть; Ost — В|**ос**|**т**|о|к, острый им: в о́сь ток, лаз во Сто, в Мир **(**ведь Сто — Мир, Камнь (st|o|ne — англ.)**)**. Луна, Глубь-Мир, с не-Глубью Землею, едины чрез

грань Того с Сим: Атлантиду-и-Гиперборею, звено. Сверху вниз зря, то — **вектор схожденья Антропности в мир сей: от Неба — к Земле и по ней, маг|ист|ра|ль жизни нашей** (*рис.3*). Север старше Востока. Ис|лан|дия, Север, Ис|т|ок-Лан (укр. поле: Мир — Лан сей) — East'лан|а, Востока, Оплот, с ним — Ис|ла**м**|а, восточной религии: М ↔ N; «лам» — лам|а: лом|ящий лаз в То, лам|па Духа, Огня. Восток — край, горизонт, Земля-Небо как Двойка, а Север — бескрайнее: Мир-Верти|к|аль, Небеса как Земля без границ, Одно-Р|**один**|а, Корень-Везде. Гиперборея есть Лан (Поле) Тьмы, в сути — Мир, Поле сущих; от Лан|а сего — Ат|лан|тида, дверь х|рам|а сего, коя с х|рам|ом одно (*Тул|е, город Атлантов — «тул|имое»: к Сути, Огню. Посему Атлантида, Ого|нь — эго наше; Е|г|ип|т — пониженье его: эг|о-гип|о, Ноль — в Два*). Об Атлантах, живимых огнем Глуби, сказано:

> Религия «Золотого века» Атлантиды была полностью посвящена культу Солнца. Свастикообразное Светило почиталось как мать-богиня Гелиона. Атланты понимали, что наша четырехрукая и четырехногая звезда [сиречь Луна, Солнце-Глубь — *Авт.*] скрывает как мужские, так и женские качества одновременно. Они поклонялись не просто звезде, а Сверхразуму, живущему в теле Солнца [= Богу в Луне как сосуде своем — *Авт.*]. Именно этой Тонкой Сущности адресовали все молитвы с просьбами молодые души атлантов. Более проснувшиеся видели в Солнце открытые настежь ворота, через которые к ним приходит объединенный Космический Разум. Высшие жрецы толтеков и сами пользовались этими воротами для путешествий в другие галактики и измерения.

Русы — земель сих преемники, Север-Луна в существе (Нострадамусом звавшись в «Цен|тур|иях» «народом гиперборейским»; о том — Русов сказ о Подсолнечном царстве, за тридевять сущем земель, сиречь *двадцать восьмом*: 28 — Луны число: Глубь — в ней как Севера горняя Суть). Птицерыбы, народ Тьмы, — корнь наш, что был, **ибо Есть**: близнецы как народ Дож|девой, капли Тьмы-Света, Мира-Огня; кони Божьи — **Ашвины** (*им сроден я: знак Близнецы — мой, а имя Олег — суть Корова: Оле|гов|ич — Gov'ич; Коровы Сын — Бык, в год гагаринский чей я родился*). Они есть Луны, Сердца слуги как Ум при нем; Риму, Ума земле,

есть они Ро|му|л и Рем, млеком волчьим вскормленны: Волчица — Луна, Мать. Огнисты, двойны и они, и челны их крылатые, кони коней. О том сказано:

…истоки финно-угорских, самодийских, индоевропейских и всех других народов следует искать в нерасчлененном северном Пранароде с единым языком и культурой. Именно в эту гиперборейскую древность уходят и корни «пермского стиля» с его крылатыми птицелюдьми, распространенными, впрочем, по всему земному шару – вплоть до Южной Америки и острова Пас|хи. Подтверждением тому служат и другие сюжеты чудских (в смысле «чудесных» от русского слова «чудо») сокровищ. Так, повсеместно распространенными являются изображения сдвоенных солнечных коней, найденных также и в При|кам|ье.

Народ Осевой, Гипер-Б|о́р, Б|ур, — корнь наш очевой: зриться — быть; очи — о́си, явь Тьмы как торящей Оси: Два — Ноля. Бура по|мощь сего нам — **врастание в Небо**, торенье сей Глуби как s'то|пор|ом: Сто — Полность, Глубь (о чем дальше). Врастать в Воду эту, в сей Воздух — пси|хеей быть: пти|цей, душой голой, Глубь чья — Шар-Мир, а Глубь в нем — Скар|абей-Бог, Катящий. Юн|г — Un'g, муж Единого — пишет о том:

Я лечил одну молодую женщину, и в критический момент ее посетило сновидение, в котором ей вручили золотого скарабея. Когда она мне рассказывала это свое сновидение, я сидел спиной к закрытому окну. Неожиданно я услышал за собой какой-то звук, напоминавший тихий стук. Я обернулся и увидел какое-то летучее насекомое, которое билось о наружную сторону оконного стекла. Я открыл окно и поймал создание на лету, как только оно залетело в комнату. Оно представляло собой самый близкий аналог скарабея, который только можно найти в наших широтах. То был скарабеидный жук, хрущ обыкновенный (Cetonia aurata), который, вопреки свои привычкам, явно именно в этот момент хотел проникнуть в темную комнату. Должен признаться, что ничего подобного не случалось со мной ни до того, ни потом, и что сновидение пациентки осталось уникальным в моей практике.

Гипербореи-Атланты как суть — люди-ду́ши: крыла́, коих плоть не таит, душой став — каплей Сва, Птицы птиц (рек Платон: человек — без иного душа; так-то — здесь). Как с Луной Земля, с ними одно С|ки|ф|ы, с-Ки-

т|ы: Ки — Дух, Луна-Глубь; скиф — скит|алец, душа в чистоте, что, с Луны упав, стала земною; ат|лан|т же, от-лун-т — с Луны Тьма, что в Луну от Земли отошла как Злат Век, где едины они, иль *осталась с Луной* в розни их. Душа в нас — крыла тайные: в То отойти — отлететь, *расчехлиться душе* ради Севера, Сути своей. Речено же:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Ра|сул Га|м|**sat**'ов

Ж|ур|авль — суть жа|ра|вль, Жа́|Ра се|в|ерна птица: Жар — Тьма, горний Огнь, дом чей Север, лаз в О́гнь сей: в Тот Свет, Глубь. О птицах, сему Солнцу верных, глаголит Юнг:

Я бы хотел упомянуть о другом случае, который является типичным для определенной категории событий. Жена одного из моих пациентов, которому было за пятьдесят, однажды рассказал мне, что в моменты смерти ее матери и бабушки за окном комнаты собиралось множество птиц. Мне приходилось слышать подобные истории от других людей. Когда лечение ее супруга близилось к концу и его невроз был почти устранен, у него появились довольно безобидные симптомы, как мне показалось, сердечной болезни. Я послал его к специалисту, который, осмотрев его, написал мне, что не нашел никакого повода для беспокойства. Возвращаясь с этой консультации (с запиской врача в кармане), мой пациент потерял сознание прямо на улице. Когда умирающего принесли домой, его жена уже находилась в большой тревоге, потому что вскоре после того, как муж отправился к врачу, целая стая птиц села на крышу их дома. Она, естественно, вспомнила такие же случаи, которыми сопровождалась смерть ее родственников, и ожидала самого худшего. // Хотя я был лично знаком с этими людьми и хорошо знаю, что описанные события были чистой правдой, я ни на секунду не поверю в то, что этот рассказ заставит кого-нибудь, кто склонен считать такие вещи чистой «случайностью», изменить свое мнение. Я рассказал эти две истории с единственной целью: показать, каким образом

«смысловые совпадения» обычно проявляются в повседневной жизни. В первом случае «смысловое совпадение» имеет ярко выраженный характер в силу приблизительной тождественности его главных объектов (скарабея и хруща); но во втором случае, на первый взгляд, кажется, что между смертью и стаей птиц не может быть никакой связи. Однако, если вспомнить, что в аду вавилонян души были облачены в «одеяние из перьев», и что в Древнем Египте ба, или душа, считалась птицей, то предположение, что в данном случае действовал какой-то архетипический символизм, не представляется уж слишком смелым.

«К|рыл» — «рыл»: крыла́ — то|рения плу|г (*полёт — по́лет, сап|а́є (укр.): сап|та — Семь, Жизнь (санскр.); пла|вник — остр лез|ви́й|но*); **летать — есть расти**. С тем, Полет — Рост, Реальность Того: ход Воглубь круговой — в Мир, Глубь-Цикл, лёт куда (восхожденье: Глубь — Высь) есть с|пир|аль, тяга свиться в Кольцо; наша ж, с Небом разъята реальность, есть тяга к Полету. Летает дитя в снах своих, ведь растет: Сон — Глубь, Лоно растущего; взрослый — летает в мечтах, меньших сна на ступень, с Глубью рознь (меч|та, г|рез|а есть сон наяву — в Этом То как от|рез|анный Бог). Речет песня:

Дивлюсь я на небо та й думку гадаю:
Чому я не сокіл, чому не літаю,
Чому мені, Боже, Ти крилець не дав? —
Я б землю покинув і в небо злітав.

Само слово «народ» посему — Сев|ер, Но́рд суть (для древних — и имя одно, «нрд»): ось и вход, как прокол осью этой, По|сев|а в Сие из Того, из Луны в Землю, почву-сосуд Жизни горней: П|осев — Дождь, Стезя осев|а́я; народ, лю|ди — многость Посева, Лю|бовь как Ди, Двойка; Ашвины эллинские Кас|тор (кас|аться-тор|ить — грань к посеву пронзать: пл|еву́ — фаллосом) и Поли|дев|к — кариаты (жрецы) Ар|те|м|ид|ы как Кари|ат|иды, столпа «Это-То», чей оплот — То, Луна (шариат — путь в нее как в Мир, Шар; к|ари|й — Тьма). Столп сей был и Атлант, посох в Небо с Луной-головой: ведь Луна — Неба Суть. Артемиде, Луне Пан, волк лунный, дал дюжину псов: волка, пса — Луна́ Суть, Глубь, 12 же — *виденье*, очи Луны. Артемида-С|Елена — Троянской войны корнь, она ж — и помеха ей; жертва ее Ифи|ген|ия (греч. Ἰφιγένεια) именем есть эпиклеса ее. Геро|страт, храм ее сжегший, тем покушался на Мать: Her — Она (Ге́рой бывша при Зевсе: Вторым как

пред-первым, Нолем в сути), страта — казнь (укр.), коей предал Ее муж сей злой как Себя самое. Кар|иат и кур|ет, кор|ибант и каб|ир — суть одно: слуги Матери, Божьей Кор|ы, с тем — Дианы как лика Ее. Ар|те|м|ид|а — Луна и в Луну́ столп, прямой безупречно **(**грек Орт|ией звал Арт|емиду, «стоящею прямо», — за это**)**, опора Земле: ведь опора Сему — То. С тем, и имя ей — Тем|ь-Сре|ди|на (mid|dle — англ.), дле|нье у́муща: столп — протя|жен и есть в сути своей **Шар с хвостом: Суть с продленьем ее, Полтора как Одно с половиной своей, Ноль с Двумя, — ведь М|она|дой есть Ноль, Два ж ему половинны** (о чем еще скажем). Как Суть, Артемида — Луна, как продленье ее — к Земле путь. Как столп, С|в|Я|зь, Арт|емида — Муни|хия, Moon-Гея, горня Медведица **(**arktos — медведь (греч.); цвет бур|ый, медвежий — Тьма, Бур**)**, дом чей Арк|тика, север Земли как Арк|т|у́|д|а иль Гиперборея (звалась коя так): Север-Мир, Рай-Арк|а|дия, Ра́ Ар|ка, Радуга-Тьма как Улыбка Его (в кою шаг есть Фут|арк). «Арк» — art, ars: Север, край Арт|емиды — Искусства-Тьмы дом: мир сей — Севера п|лод: лед, уз|Ор водяной. Арка — лук, arcus (лат.): а́ркуш (укр.): лист, белеющий с|нежно как ta|bul|a rasa, в Тьму арка: повтор «раса» — ра**са**|**р**аса — «с|ар», Тьма, Мир как Змей-Ш|ар, вещей Вещ|ь, по|веш|ена Богом на гвоздь как Себя (един с Ним, Мир с'Vis'ает с Него); сведущ в ней как Природе вещей, Глуби их — был Лук|рец|ий **(**«рец» — «рез», очей нож: знать — делить есть по-Божьи**)**. Лук|авство — улыбка, лук тот же; растение лук — сер|а, bul|bus (лат.): «се|п|та» — Жизнь, Семь, Пта|ха как С|ев|ер, Д|ев|а. Выс|оц|кий о чистой сей рек:

Все года, и века, и эпохи подряд
Все стремится к теплу от морозов и вьюг.
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено только на юг?
(…)
Север, воля, надежда — страна без границ,
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выклюет глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья.

Дева, Тьма — Луна, Глубь: «лук» — «лун». С тем, Артемида, дщерь лунна, есть критска царица зверей: Кри|**Т** — дом Реи-Кибелы как Матери, Хри-Луны, в Сём,

Столпа этого низ: мани|хей|ству — пути в Рай. Как сын Корибанта, вступив в спор с Зевесом за Крит, бился Феб с Отцом этим за Мать свою, Лето-Луну. Тьмы, Богатства дом, Кри|т — К|рез; край сей есть кры|латых земля как в Элладе Глубь-Гиперборея (засим — и внутри у ней), кою прейти — улететь, как Де|да|лу: ведь ноги — крыла́ в ней. Эллады Глубь, Крит есть Се|крет ее: Сердце в Уме, в Отце (коим был Зевс) — Мать-Люб|овь, Лаб|иринт очам злым: хитрый дом, умных смерть (ерзать бе́з толку где — за|**м**|ерза́ть). Кол|ьский, критский ли, ход сей витой — Север есть, лаз с|пир|альный в Луну, бур-у|лит|ка Шар|гея к У|лет|у. Из лаза сего, как т|руб|ы, льется Огнь к нам. Крит|ичность — разлом: лава Сердца чрез корку Ума, из Зевеса — Афина, суть Мать; Океан Лема — Лавы сей лик, форм Рас|п|лав мен|ст|ру|аль|ный. **Из Крит**|а **ис**|**крит** бренным Огнь, горня Тьма; Крит, в Луну дверь как дом Артемиды, есть Сердце Эллады-Ума, с Трое|й слитное, суть чья — Мир-Три, Сердце **(**крито-микенский корнь Греции — корень трояно-ахейский: Ми|кен голова — Агаме́мнон, ахейцев вожак, Трои жаждущий**)**; с Троей ахейцев борьба — бой с Луною, бойцы чьи — троянская рать Артемида и Феб. С тем, письмо Крита, кру́гло сердечно, — с троянским одно; медь, лат. Cupr|um, треножника Дельф, копр|а́ в Троицу-Мир, — дитя Кипр|а, отколь и идет: Кипр, Венеры край — с Критом един в Тьме, Любви. Крит и Троя — суть Сердце одно, корнь Эллады-Ума: Крит — как часть органична (ведь целое это — мнит частию Ум-Нарцисс), Троя ж — как чуждая часть, сделать кою своей Уму, мнящему Сутью себя, в тяге тайной к сей истинной Сути — есть ее пожрать, о|до|лев.

3. В мир сей донный святыни его пали с Неба, чьи части они (как пал|лад|ий Афины). Па|л|**Ом**|ник, л|**Ом**|я бренья круг, к ней ступает как к цели своей, горней в сути: и в прахе земном Небо — Выс|ь, Сила-Очи (vis — лат.).

4. А|льфа — то ж, что О|мега: «пал» — «пол». В каплях Огнь, пав с Небес, пол приемлет, мужами и женами став: пол|овиной-Дв|ум|я как Ум|ом — Сердцу в рознь, коим есть сей Огонь. Пол обресть — на́ пол пасть. Суть — вверху; на полу́ — по́лу-суть: рознь, кусок пустой, пал|лиа|тив. Становления круг половой, рваный —

Дьявола круг (что, порочный, Сан|сар|ой зовем): становление Двоицей, им. Пол — с|тать (укр.), с Та́т|ем, Дьяволом д|р|уг. Огнь начальный — сверхпол женски, с Мужем Жену единя как Гинандр, Жена-Муж. Па|сть ей — Па|пою стать как не-Мамой: не Сердцем — Умом, половинным ему.

5. Рос|а — ро|з|нь: многий огнь от Огня одного. Х|ороша ся работа: Дух, Бог о|**ро**|ш|а|ющий — Благо **(***рож|ь, хл|еб — от «ро|ж|ать», Ра́ жать с страстию, раджа|с (санкскр.)): жать-вы|жи|мать Воду-Матерь* ***Ро|ж|е|в|ий*** *(укр.) — ро|**зов**|ый; ро́|за — ро|са́ как Одно: Ву|льва горня, Ть|ма-Ма|ть. **Ж|ев|а**|ть — ж|ить Ев|ой, Тьмой; не же|вать — не жи|вать***)**. А|г|н|и, О|гн|ь — А|гн|ец Бога, го|не|ц-Высь, как ан|г|ел спадающий жер|т|вен|но в дол: Сердце — в Ум, Hel|l (ад), кап|лям кап|кан, куда кан|уть им с|лед; ж|ерт|вы суть — Э|ро́т, де|мон благой, Се́рдца бог: бог-Ч|е|**р|т|а**, Рот-Жер|ло́, пьющий Зло см|ерт|ью, Двойкой, Суть чья — Любовь, Ноль **(***смертью смерть (ибо Зло — смерть, Жизнь — Благо) поправ: рот Любви черный — смерть***)**, Матерь сущих. То — Му|ла|пра|крити (предтварности К|ор|нь, Корнь-При|рода) Индийцев, А|ди|ти **(**сиречь «не делимое на два» — каков Ноль**)** Вед|ант|ы как Рот, O|r|is (лат.), пожи|рат|ель всего. Рекут Веды: «Кто знает природу смерти — адити, тот становится поедателем всего, что существует, и все становится его пищей» (Б|ри|х|а|д|а|р|ань|я|ка-упанишада, I, 2, 5). Капль спад в тьму, б|лиз|нецов сих — б|лес|к, жертва геройска, чьи сути Ашвины (ash|v`in — санскр.), гон|цы-близнецы, Кон|я дети, владыки коней. Кан|уть им — победить, цвет их кр|а|сен как кр|ов|ь, Духа кров как суб|с|т|ра|т Сен|и сей: кровь утратить — прейти без Нее; бог г|еро|ев — Эро́|т. Э|рос — ро́с Корнь огнистых: О|гон|ь-Прямизна, Неломимый **(**Агонь: ибо альфа — омега**)**, Кр|уг горний, объемлющ у|глы, падше Бла|го: гл|ы|зь (укр.) — бес|х|р|**еб|ет**|ность; сломиться в угл — пасть **(***go|n, угл, ясен в «гон|чар»: таков Бог, дух ломящий в мате́рью, не-дух, свою гл|ину-замазку: Высь — в Дол; в «го|н|о|р» «гон» — собой полность пуста: нуль, гон Ор|а, Но|ля: Эр|ос — Ор|ис, Тьма-Рот, д|му|щий (дующий; дую — даю: Дух — Дар) тайно***)**, — и

шлющий о|гни в смертну тьму, не-Любовь, — многость Блага-Любви в многость Зла. Так пал Агнец, Мес|сия из Мес|та Его, огнь в посеве сем; сея|ть — сия|ть; A|gnu|s (а́гнец — лат.) — гну|т|ь: долу — Высь, в г|нус|ный плен, Нус-Ум (жить им — тюрьмы не избе|гнуть); со|гну|вшийся — с|гин|ет: gin — Тьмы водный корнь (*с gon единый: смерть — у|гол как слом Прямизны, Го|л|ов|ы: Жизнь — Глава (об умершем шутливо рекут: «он загнулся» — сложился углом); к смерти в мир сей родиться — сломиться в угл, пасть (имя Вакха Ди|гон по-эллински — и «дваждырожденный» есть, и «двууго́льный»); рож|день|е — bir|th (англ.): Огнь — да|ет, тьма — бер|ет-от|бир|ает (как кровь — пара|зит, мо|шка-г|нус); от|бор — bor|n (англ.), рожденье: бур|енье матерьи О|гнем-Духом, Бор|ом: bur|n — сгорать, гореть (англ.); углерод, carbon, — car-born, рожденье как кара: Огню — от Огня*). Прямизна — кри'vis|на в мире сем, ведь крив он, и предел кривизны его — плоскость: от С|фер|ы отказ, коей есть вечный Мир, Огнь живой. Прямизна, Сфера — Сердце; Ум — ей антипод, в себе плоский без Сердца. Прямым быть — жить по́ Сердцу. Сказано же:

> Поклоняться божествам и Будде – вот правильное поведение для человека. Можно сказать, что человек обретет согласие с божествами и Буддой, если сердце его будет прямым и спокойным, если сам он будет честно и искренне уважать тех, кто выше его, и проявлять сострадание к тем, кто ниже его, если он будет считать существующие существующим, а несуществующее – несуществующим и принимать вещи такими, какие они есть. И тогда человек обретет защиту и покровительство божеств, даже если он не совершает молитв. Но если он не прям и не искренен. Небо покинет его, даже если он будет молиться каждый день.
>
> Ходзё Нагаудзи (Соун)

Со́ма — тело, плоть (санскр.); са́м|а — сам|ость безбожна огня, один|око|сть (кто с Богом, Тем, — в паре, **то**|ски чужд); сломиться душе — плотью стать: жертвой Сердца Уму — Се́рдца волей, Уму кое царь. Голова угла — Сила ломяща: Тьма Божья; с тем, кл|ином, вперед острием, на врага идет рать, летят птицы; полет НЛО — Силы клин. Gin и gen — «жин» и «жен»: Тьма — Жен|а, лик чей смерть, по|жин|атель для жизни грядущей, ген|езиса корнь как Жизнь-Смерть в

бреньи, Двух; на|гиб|аемый — гиб|нет, сломившись (кто Жив — пр|ям как Жизнь, пав|ой статной плывя), в пут|ах Ям|ы-Диавола (jama – вода (ностр.), Тьма), Пут|ь утеряв: вал|ит — Дья|вол, Ва|ал, вол|я-З|ло, в|ал девятый Тьмы-Ло|на, Дев|я|тки (*Девя|тка — Тка|чиха, Паук (пав|ук (укр.), нить чья, пав|ша из рта — пав|у|тин|ня): Тьма, Лоно т|кет плóд свой; как То, она есть Суть ас|кет|а с ас|кез|ой его; с|кит — дом ей; кес|арь — Тьмы перст*); г|нет — гн|ев: Д|е|в|а-Ка|ли, Тьма-Д|ва (угол, Два как прямая в и|зло|ме, — она: стать уг|лом — есть с|лом|иться в него); гну|тый — гун|ам причтен, латам-качествам Духа как тюрьмам его: Дух — Сво|бода, с|**во**|**й**|ств высшая как Двух — Одно («сво» — «сов»: Дух, Тьма — Сова); паденье в тьму — гно|зис Огню, как М|гно|вен|ию — время, ткань, что и|г|но|рирует М|иг, Иг|лу-Суть; гнуть — гнать: целое — в часть, падшу в розни ему, Мир — в безмирье свое (гонит так, полность нашу крадя, о|ст|р|а|ки|зм); гну|ться — гни|ть в косной тьме: перегной, h|um|us — плоть hom|o, п|ер|сть, в кою вдунул Бог дух, коей гнить суждено, ведь *есть* сгнившей она. «Плоть г|ни|ет» — к|ли|ч ма|сон|ский, Дна з|ов. Ов|ца — Ov|о, Я|й|цо-Огнь как Веч|ность-О|в|еч|ность; в покорности — власть (служа Духу, так вен|ы над кровью царят властью русл), коей О|вен — Вен|ец: А́|гне|ц, суть неломима (им были Христос и Сократ), Тьма-Вен|ер|а, Д|вен|адцать в Одном (суть очéй благих, где **я**|вен Бог), коих влага — вин|о, Ли|в|ен|ь-Вакх. «Вен» — «ван», правитель (кит.): Очи — Сила; кто *ви|дит* — царит, как над сущим царит Дит|я, Мир, птица чья — лебедь, s|va|n.

6. Капль рожденье, отрыв от Воды-Духа их — Действо сущего: Воля-и-Плен (*ведь одно они. С тем, «грати» (укр.) есть: 1) играть: вольным быть в русле цели, **служить ей**; 2) решетка в темнице, за|гра|да ее*). Знать его — знать обоих: тюрьму и Свободу; пол|зя — быть в Пол|ет|е. Покорная тяжести, капля — Свобода сама. Так, покорна земле пресмыкаясь, змея — царь над ней, зная Высь: змей — к|ры|л|ат. Сущи знают Себя, зная Воду, с тем — ка|п|е|л|ь|н|ость, видность Свою в гармоничных очах, зрящих Суть, с тем — идущих к ней: *в|ид|ет|ь* — ид|ти в Тьму, Суть, Ид-под|сознанье (*как звал ее Фрейд, мня сознанием тьму без*

Тьмы: бренье слепое — без Веч|ности, Глаз (віч|и — очи (укр.); віч — виз|уальность, vis), знанье — без Мудрости-Веры: со знанием — Корня его): Тьма, Суть — Глубь.

7. Дож|дь, Дож сущего (владыка — ит.) есть Х|у|д|ож|ник вселенский и К|ист|ь его, Ист|ин|а-Уд, что ри|сует всё суще; Дождь — да́|ждь, дар-да|янь|е, что жд|у́т все (ж|дут — ду|т, полон Воздухом, Ду|хом-Женою): Дух — Дар Сам Себя. Па|дать — дать: Жизнь — Земле. Вечен *душ душ* сей: pal|in — опять, снова (греч.): Вечность — Ци|кл, сам себя повтор. Спав|ши с Небес — до́лжно спать до поры, чтоб П|рос|нут|ься. В плот|ь чр|е|в|но войдя, от прихода в мир сей (в плот на Духе, Воде — Воды сей как О|плота его) до отхода в То искры сии — д|ети бренной Земли волей Бога.

8. Рожденье в мир этот, приход для ухода — падение. Д|р|Ев|ность, pal|á|**io**|s (греч.) есть пункт па|день|я, рож|день|я людей Земли сей — древа с Кор|нем разрыв, с Высью дол, шаг в тьму: из Ночи — в день бренных глаз, из Огня настоящего, Черного — в белый, л|же-огнь. Быть от Сути на шаг — чтить ее и о ней ревновать: **неотрывный отрыв**, миг разъятья с Водой капль ее, где, творясь, рознь сия есть и нет. Им была **Древность — Дев|ность, Тьмы храм**: ведь Тьма — Дева, нос|яща всё (*ol|d — стар|ый (англ.): Тьма, Н|ол|ь — Star, в тьме З|вез|да*); зрим мы то в текстах к|нос|ских (*царь М|и|н|о|с земли сей, критянин — Богини Великой слуга, Тьмы, дом чей Кри|Т: Кри — Хри, Тьма, сошедша при смене Жены Мужем в Мужа как Свет, пол-Тьмы: Х — в К*). Второй шаг от Сути — утрата ее из очей как **отрыв отрывной**, в невозвратное: не-Древность, новь-Зло. Л|ист|ва Древа-Мира, мы в Древ|ности знали его, и не знаем теперь, не имея к тому языка: о Едином глаголить-речь — Рознь не дает, Сердце застящий Ум, позабывший Служенье свое. О том сказано:

Древние языки более подходят к цельному синтетическому восприятию, новые – к аналитическому, дробному; древние – к созерцанию, новые – к логизированию; древние языки полны энергии и эмоций, новые в сравнении с ними носят рационалистический, описательный характер. Древние языки дают большую возможность соприкоснуться с глубиной явлений, с духовными

субстанциями, сделать человека участником событий, современные – изложить явления в определенной системе и дать их анализ.

Архи|ман|д|р|ит Ра|фаил (Ка|р|е|л|ин)

Тьма, Огонь-Вода — Небо с Землею в единстве как **Век Золотой**, неучастный и|ст|о|р|ии корнь — Тьма до тьмы, Ч|исто|та пред нечистым как Да перед «нет»: И|штар, Мать-Star'ина (*pur|us — чистый (лат.); санскр. pur|aaNa — 1) старый, древний, 2) П|у|р|ана*); без Да «нет», без Тьмы тьма — исторья, без Целого часть как Земля без Небес: Два, таящие Ноль — тьма Тьму. Век Золотой злат пред Небом, Сребром как Земля: пред Причиною следствие, пред Сердцем Ум; Небо с Землей внутри — он Сребро, в мире бренном второе как суть за облаткой своей. **Век Златой — Очи: Сотня без лет, Огнь без тени; история — веки при нем как при Веке векá, им зияющи как тень Огнем. *Видеть* — Веком Златым быть, исторьей — смотреть**. Как сто|ла Земли уг|л к|ра|евой (три иных — вну|три), Век Золотой, Крит|а-юг|а — творенья по|ра: не как акт преходящ (кончил дело — отшел от него), но как вечное Творчество Бога, Креатора, **Жизнь как бытья С|по|со|б, Посо|х нам: Spo-Sop, Семь-Sa|p|t'a|n, Мир, птá|х К|рыл|ь|Я, Соб|ственность Пта**. Век Златой — Дело, Цикл без конца, Миг-Единство без времени, розни; исторья — покой-лен|ь: без Цикла конец, без Единства рознь, видность чья — Лен|ин, а царь — **Сатана, исторический Бог**. Древ|ность — цикл, целый корнем своим, Златым Веком как древо его, им живое чрез Па|мять: Воз|в|ра|т, в Па|пе Мать, Суть; и|сто|р|ия — цикл разомкнýтый, с тем — мертвый-пу|сто|й как истор|гнутый Огнь: с|тыл|ый Бог, невозвратность-беспамятство как Сатана, Бога тыл иль изнанка Его. Кол|о (стар.) — Круг: Век Златой, от|кол|ь мы, от|кол|овшись: от Тьмы — тьма, гипостазис-нуль. **От|кол|ь — от|сел|ь: от Сел|ен|ы, Луны, Век чей есть Век Златой — незакатного, полн|ого Солн|ца; закатное ж солнце, очей бренных огнь, половинн ему как Ум Сердцу, таилось порой Сердца сей, как в Причине спит с|лед|ствие, часть в Целом в царствье его**. То был Век гор|ний, где Дол был Высь как бездольне Одно, Тьма-Ноль. Сущим

в истории нам и причастным сей тьме Ма|ть, Да — «нет», ведь за «Да» — себя мним: ма — не (санскр.). **Тьмой сей скрыт, Век Златой есть В|че|Р|а, Ye|s|ter|day — Yes-s|ter-Day, Лунный День-Да (Yes — Вес: Тьма — Груз-Всё), с|тер|тый в па|мят|и тер|нием сим: Па|пой — Мать как Помять|е его (крив Им Феб-Лок|сий нам)**. Век Златой, Кор|нь — исто|рьи Исто|к как реки, что не чтит его, мня им себя, как мнил Мир безысточным К|Ра|тил, тыл Огня; капля всяка в реке-розни сей — себя главность, глухая к иным. Век Златой есть Любовь, очей зрячих Сейчас с ними вместе; история — се|к|с, экс-Любовь: счастье в прошлом, несчастье сейчас с очьми, зрящими так. Век Златой есть история непреходяща; история — век преходящ, иссякающ рекой. Преходяща, исторья есть, ибо была; вечный, Век Златой был, ибо есть и пребудет, сердéц Огонь. Древность и сердце ее, **Век Златой есть Век Вак, Тьмы-Кор|овы (лат. vac|ca; отсюда — и «век», Тьма) и Сына Ее**, каков Вакх-Бык, Бок Матери сей, при Ноле этом Двойка; Век-Вес: ведь Тьма — Груз как Мир вес|ь, Кам|нь на бренных плечах, а бессмертным — Крылá. Сер|дце-Глубь, Мир — Корова, Мать Нут; **Век Коровы — Век-Мир: Небеса и Земля как Одно**, Рай-G|ra|y (Мир — Сер; суть се|рая — райска), Дом Божьей И|гр|ы; Век тождественной Миру Земли, где часть — Всё («ре|тро» — к Тро|ице, Миру возврат: в Век его); Век Гороха-царя: гор|ох, ci|cer|o (лат.) — Гор, Ки: Мир, Сер|ый Шар; Ста|рина Мира, Ста как Век-Жизнь (vie|kas — сила, жизнь (лит.): кас|анье Творца: Сто — Мир, полный Его). Век Златой (go|l|den — англ.; go — корова, бык (санскр.)) — гол|ый Ден|ь Мира, Древа (греч. den|d|ron), глава веков всех, Любви Век: Мат|ь — Любовь, Солнце-Гор, что влюбленным гор|ит, Кор|нь (санскр. му|ла) и К|ли|мат наш (к Ли, У|му (кит.) — Матерь, Сердце), Вак|ц|и|на от Розни, каков в себе Му|ж, тень Ее, Зло без Блага. **Век Мира, Век этот — возвратна стезя кругова, к Богу Мира ход рачий: Мир — Рак** (горох — г|рах: Рах, Мир (лат.)). Век Златой —

Ир|ий, Рай как Дом Бога: как Целое — М|ир в очах *видящих*, Земля Земель сущих; как часть — он М|ид|гард-Земля, Миром полная суть-середина (англ. mid|dle), единство чье с Миром как Целым — единство с Луной ее: Мир — Луны Суть. Век-М|ид|га́р|д, как звалась С|кан|ди|нави|я Древня (*чьих царств в мифе — девять, и каждое, «хей|м» — Гея-Мать, Лоно-Девять*), есть Нави (Навь), Тьма: Огнь срединный («гар» — Гор, Огнь), К|остр|ище в ночи́ (*На́ви муж — Иисус (Й|эхо|шуа) На|в|и|н, Мои|сею второй*): М|ать, Ид|уща меж нас как открытое Сердце, что можно потрогать рукой. Век Златой — Век повсюдной Руси: Pus, Мир — Rus'ь как единый народ в Веке сем на Земле. В Век сей счастлив был всяк. От сего — провал Иеремии, народ И|у|д|еи (И-уд-дей: Уд-Мать, Дей|ствье Господа) гнавшего от Жены, Блага, ко Мужу, Злу в стадо. Речется же:

> И отвечали Иеремии все мужья, знавшие, что жены их кадят иным богам [по смыслу слов Библии — единой Богине, небесной Матери — *Авт.*], и все жены, стоявшие *там* в большом множестве, и весь народ, живший в земле Египетской, в Пафросе, и сказали: // «Слòво, которое ты говорил нам именем Господа, мы не слушаем от тебя; // Но непременно будем делать все то, что вышло из уст наших, чтобы кадить богине неба и возливать ей возлияния, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима, потому что тогда мы были сыты и счастливы, и беды не видели. // А с того времени, как перестали мы кадить богине неба и возливать ей возлияния, терпим во всем недостаток и гибнем от меча и голода (…)» (Иер. 44 : 15-18).

Век Златой есть Век-Миг, Нас|тоящее, кое таим мы в себе как таящее нас, как таим Сердцем Ум; Миг — Мо|мен|т: Луна-Мать, Солнце Века сего. Век Златой, Мир-Земля, есть пространство без времени, замкнутый Цикл; Земля-время — история: цикл разомкну́тый, конечный, Гей|м-Сет. Велескнига, явил кою нам Миро|любов, с ним Кур, Кру|га муж, — книга, в Век сей влек|ущая влез|ть (*«кру» — к|ру|п, руп|ы коня мыс; «кру» — «хру», Мать-Гру|дь — «хур» в «хур|товина» (укр.), кру́гла метель, завируха-змея*). Век Златой есть Век-Очи: Любовь-Суть, в Себя саму зряща как Длань, з|рить для коей — т|во|рить

мир, в Ней сущий как в Лоне; от Века сего — наша речь, чья богиня есть Вак: Мать-Любовь, Луна-Мать. Месяц в небе (и месяц как года двенадцата часть — Полнотой, Годом полная: Год — Луна-Глубь; как Двенадцать он *ви́деньe*, очи, что Истину зрят, в Нее ú́дя; лат. v|i|d|eos, *в|ид|ет|ь* — есть в Deos'а, Бога ид|ти) есть Луна как Корова рогата — Бог-Мир, Глубь-Одно, лик чей — Мать, Век Златой как Вселенная вся («ан-ки», Небо-Земля у Шумеров); и Миру земной Век Златой, зря отдельным его — Мира Ко|нь как Ко|рова-Земля, Гея-Мать, Мира часть, — как Конь Бога есть Мир, Все-Земля: Нут, Корова как Мир целиком. О Корове-Луне, Сути Века Златого, земной и вселенской, написано:

Рогатая Луна является по премуществу символом великой Матери, лунной Царицы Небес, и выступает неотъемлемым атрибутом всех лунных божеств. Это – двуединый Женский принцип: в одночасье и Мать, и Дева Небесная. Меняющаяся Луна отображает изменения в феноменальном мире. Рогатая Луна представлена рогами быка или коровы, но иногда принимает форму лунной лодки и чаши, ***корабля, пробирающегося по ночному небу, кораблика света в море тьмы***. Рога на одном или различном уровне означают прибывающую и убывающую Луну. Солнечный диск с рогатой Луной или диск этот, расположенный между рогами коровы [Бог-Единый и Мать, пред Ним Двоица – *Авт.*], означают единство двоих в одном, общность солнечно-лунных богов и тайный брак божественных пар. Неполная Луна в сиянии лучей означает т|ра|ур, апофеоз смерти. У кельтов рогатая Луна и два лунных серпа, обращенные спинками друг к другу, символизируют бессмертие. У христиан полумесяц – знак Девы Марии, Царицы Небесной. У египтян рогатая Луна – Изида, Царица Неба, и Хатхор, корова с солярным диском между рогами. У индусов рогатая Луна – новорожденный, быстрый и жадный рост, а также единая с ним чаша эликсира бессмертия. Серп месяца в спутанных волосах Шивы – их женское Средоточие; река Ганга, вытекающая из них и втекающая обратно, замыкается этим серпом в кольцо, знаменующее Бессмертие. В исламе рогатая Луна со звездой означает божество и верховную власть. У шумеров она – суть и атрибут бога Луны Сина. Луна также является эмблемой Византии, ислама и Турции (выделено нами – *Авт.*).

Вак — Корова-Луна, Жизнь, Безмолвие как Слово слов; речь звучаща — Коровы сей **м**|лек|о как Дождь ее Лунный: ле|к|ар|ство любовно, **мо**|лит|в **мо**|**л**|**око**, Головы-Жены локо|нов хор. Мать, Сов|а — Зов, Молитва, Умá сутям тайный: Отцу — отче|т их. Млеко-**Ма**|ть, **Л**екарь сущих **(**греч. Ἰά|ο|**μα**|ι — «лечу», «исцеляю»**)**,

кор|мле|нья Суть — влага царей **(**мле**х**о, וכלמ — царское (ивр.)**)**: Царь царей, Бог — в Корове, Луне, коей цирк — к|ро|м|лех; с тем, **млеко — Бог**. От Него, как Любви, мле|ем мы! Творить — млеко с|тво|р|а|ж|ив|ать: Господа — в Мир, Сердце — в Ум. Мон|гол (Мон|ада, Мать-Гол|ова) млеко вылить на землю боится: в прах — Бога; от молньи пожар на Руси тушат млеком парным — влагой Неба, огнем от Огня. Такова наша речь — ма|сло-сло|во как кам|нь Молока в смысле древнем, **прямом точно Мать, Фаллос-Суть**; переносный, мета|фор|а-Зло, смысл кри|вой — Аристотелев плод: мета|физика, Бог за чертой как в гробу, Смысл (ведь С|мысл, мысли Суть — Он), сведенный в ничто**.** Смысл второй, переносный — спад Сути в не-Суть, Я в не-Я, Ноля в нуль; «свежесть первая — есть и последняя», — рек Воланд: второй же — нет: Бог-Второй — Сатана, анти-Бог. То есть То, Это ж — Это; Бог — Грань их, чтить кою — есть зрить Это Этим, а То — Тем (как зрит то|тем|изм; Тотем Сих — Мир, То-Всё); их смешать в Это, как Стагирит — Высь убить, с ней — Себя: Я есть То. Млека в масло пах|татель — Змея, Тьма: му|т|овка — суть Му|тер (нем.), Мать. Силой сил, Ею речь сильна. Сказано же:

> Будь умельцем в речи, (дабы) ты был силен… сильнее речь, чем любое оружие.
>
> Поучение Ме|**р**|**ик**|ар|а, строки 32-33

В речи Мать — тай|на Сут|ь: Та|й|а|ма|т (Хаос вавилонян), Грудь-Молч|анье, со’Sat’ь кою — труд наш, со знаньем иль без: «молч» — «молк» — Мать-Молок|о, Гр|уд|и Сок **(***в паре цельной Кирилла с Мефодьем Безмолвье как Дея|тель, уст Оде|ватель — Меф|о|ди|й, второй: Суть — Второе в сем мире облаток; Кирилл — молвь: кирил|лиц|а, Сути лиц|о. Кир|**ил**|л — с|крыл Луну, Суть — недо-Сутью, Со|лун|ью: Умом, парным Сердцу, Луне как покров.* ***Кирилл — киллер невольный, в Славянску речь яд Греков вливший: Ум в Сердце, дегть в мед, — хлад впустив в Славян жарки сердца*****)**; в словах древних Она — Половина; в словах новых — Четверть как пол-Половины, часть части благой. Наверху — что внизу, рек Гермес: Небеса и Земля — Мир един. Небесам Земля — зер|кал|о: в сей Поднебесной зрит мудрый строй их: в части —

Целое, Суть. Ведь часть Целым жива, Им — полна лишь; зрить часть — *видеть* Целое в ней: в слове — Вак, Мать как Небо в Земле, коим суща она. *Видит* — Видья, о коей написано: она «есть [знание] высшей недвойственности. Тело — есть изначальная форма. Тело Видьи — есть Господь, [в форме] лучей Звуков (шабда раши, сиречь алфавит). Она [Матрика — сущего Мат|рица, Мать] — Полнота его самоосознания, неотделимая от всей вселенной. Тайна мантр — это сокровенное учение [Упанишад]». Сказано в «Тан|тра|сад|бха|ве»:

> Все мантры состоят из слогов, составляющих Шакти, о Возлюбленная. Шакти известна как Матрика, она известна как составляющая природу Шивы [сиречь как Глубь, Суть его]. // (…) [Люди] заняты ложью и лицемерием, алчут богатства, лишены ритуалов, не знают ни Гуру, ни Бога, ни обетов, данных писаниями. По этой причине могущество [мантр] сокрыто мною. Этой тайной оно сокрыто, остаются одни лишь буквы // (…) Та Шакти, которая есть Матрика, вмещает Высший Свет. Ею пронизана эта вселенная от Брахмы до земли (бхувана). В ней пребывает всегда вездесущая варна, пребывающая в букве А. // (…) Пребывающая в сердце, Она именуется Одним Ану, в горле – именуется Двумя Ану; Три Ану, известна Она как пребывающая всегда в корне языка. На кончике языка происходит появление буквы (варны), без сомнения. Таково происхождение Слова. Словом пронизано движущееся и неподвижное.

В словах — Истина, Мать целиком: кто *увидит* — Пр|оч|тет! Слова́ — искры, Вак — Вак|уум-Огнь, их родящий отъятьем (паденьем) в мир сей: Се́рдца — в Ум пустой, Глуби — в не-Глубь, Огня — в тьму (Вак|у|ум: слева — Вак, справа — Ум); и родящимся сразу, вполне (не частями, сиречь постепенно, как мнят), с Огнем стоя ма|кушка к макушке всегда — нет ни «прежде», ни «после» им, но лишь Сейчас, где родятся и гибнут они в **Миг-Огнь, Мать, Силы Миг (m|ö|g|en** — мочь (нем.)**)** как Слово всех слов, числа́ большее: Сердце — Ума (ибо слово — Тьма-Явь, число ж — тайная Тьма: в пленке Света, Ума, — Ум очам). Слово это, начально, — у Бога и Бог (учит Би|б|лия, Слова сего книга, *первою фразой своей*): Бог и Мать — Тьма едина. Им, Корнем, едины слова разных стран и времен как **Новь уст, капли-Ныне, звуча — ибо Есть Сей Момент, в нем равны как родителе их, Настоящем благом, кое — Матерь, Навь-Новь: Глубь, суб|ъектности Суть, зряща все времена** (рек о том Мир|о|лю|б|о|в: «Не знать своего прошлого может

только «объект», а не «субъект» цивилизации и культуры») Моисеем дан нам Завет Ветхий, Христом — Завет Новый, и оба сих — Мать. Клич к Ней — клык, Силы зов волчий **(**так К|лич|ко — Силы мужи**)**, в Мать-Высь рост наш **(***чешск. klic|ek — росток как из глуби удар (нем. клич), б|**у**|**ра**|в-«ура́», бойцов клич; klic|iti — прорастать, всходить (о семенах)***)**; лич|ность — зов к Силе сей как стяжанье Себя: яп. 牙, «клык». Лишь Она, Огнь-Любовь, нам З|в|е|з|д|а незакатна вовек, что зовет (зве — укр.) нас Изнутри **(***как Вес-Да, М|уд|рост|ь-Груз; быть в З|везде сей, Св|обод|е — Везде́ быть: Мать — Мир***)**; Бык-Отец, Муж-Вражда со историей — прошлое нам: bul|l — бык (англ.), «бул|о́» — было (укр.). М|иг-Мать **(***злых Иг|о, благих Благо|да|ть, Об|ла|д|а|ние наше: укр. «мати» — и|мет|ь: Мать — Мет|а́, сущих Цель***)** все творит и хранит неразлично: **что есть, то творимо Сей Миг; сущим быть — есть твориться Им в наших очах, сущих Им**. Так корпускулы Божьи живит Пустота, Бог-и-Мать. Миг Ее, Ее волей, явил, **на слова зря чрез Мать**, я сей книгой как Истину: Истина (г|реч. ét|y|**m**|**o**|**n**) — Мать, То, дар чей нам, Этим, есть **эти**|**м**|**о**|**ло**|г|ия, Мать-**Мо**|**ло**|ко: кто воз|жа|ж|дет — испьет, Вз|Ор стяжав! Дет|ям, нам Мать Стезю дает — Слово: то — Мать! Слово было вначале; что Было — то Есть: да узрим! Ор — Ноль, Мать, глаз Ор|ало: вз|ор|ать им — познать мир; vratá — наблюдение (санскр.): Очи, Тьма; в|еда|ть Мать — *в|идет|ь* нам. Век Златой — Очи, *ви́|день|я* Век, Тьмы; история — **ve**'ки на них (Ки — Ци, Тьма) как смотренье без *виденья*, плен|ка на сути, Очей плен гл|ухо|й — **EV** навыворот: не Сердце — Ум холостой, Уши-Гл|ушь, тьма без Солнца, Очей, кои есть Сердце, Мать. О Ней сказано:

Шумеро-сирийско-фригийско-эллинский миф до рубежа II и I тысячелетий до Р.Х. знал одно-единственное материнское божество, которое являлось подземно, на земле – в плодородной почве, на небе – в царстве планет и неподвижных звезд (на тверди небесной). В гомеровском семействе олимпийских богов VIII века до Р.Х. из праматери вышли уже несколько женских образов, хотя бы Гея («земля»), Рея («текучая», «плодородная»), Деметра («матерь полей»), Афродита («пенорожденная» владычица животно-человеческой плодовитости) и Гера как владычица человеческого сообщества. В Эфесе к этому ряду принадлежала и тамошняя многогрудая Артемида, хотя

вообще Артемида (значение ее имени не выяснено), скажем в отношении к Ниобе и ее детям, а также как богиня охоты, вооруженная луком и стрелами, считается божеством смерти, а не жизни, и как раз в этой ипостаси она – сестра Аполлона.

Ди|т|ер Лау|энд|ш|т|айн

9. **Мать — Причина есть, Золо|то сущих: их Соло, Я-То́** (Z = S; Аз — ас, бог (сканд.): начало — царит**)**. Злата Век, Век Ее, единит в себе Всё, кое Мир (остров чей в мире сем, он суть Рай, Небеса на Земле), и Атлантов как Землю — часть с Целым. Исток — оба сих в Веке сем, Небеса-**и**-Земля; очам бренным, союз чей есть «**или**», сего не постигнуть: Причина, Одно, Двойку зрит очей этих, она ж Ее — нет. **Век Златой, Мира Век — век Огня: ведь Мир — Огнь; Ми|ра Век, он — Век Ми|фа: Миф — Глубь. Глубь, Миф — Мать, Мера сущих: Коро|ва, Го|мера Коро|на, Мотор уст его; Мо|тор — Ма|тер|ь**. Мать — Сен|ь-Сен|с, Сен|с|ей наш, век чей — Ци|кл-Жена, Центр: Стих **(**v|er|sus (лат.), «повернутый назад»**)** как **Воз|в|Ра|т**, Бур-Бур|ёнка, тор|ящий в|ер|тясь, Глубь вз|ыс|куя **(***отсюда — и То́р|а ев|рей|ска: пять книг как эфир, Века этого воздух; **ц**ирк — circ|us, круг, — «**ч**ирк», высеканье огня: Цикл — Огнь, Тьма-Глубь; cir|ca — около, вкруг (лат.), откуда — «шир|ять», тыкать вглубь; Глуби лик — Шир|ь очам: Поле, Лан — Лон|а, Тьмы; чи|р|ий — г|воз|дь из нут|ра, пращ|и сей прыщ, что «выскочил» — вышел, ис|тор|гся тор|еньем***)**. **Бог — Благо, Мать — Дело благое Его, Дар: У|дар-Поворот, во Глубь действье** (ударить — стар. в|дар|ить); ис|**То**|р|ия, his|tor|y (англ.) — Муж тор|ящий **(**тем — роя: рий — рой (укр.)**)** из **То**|**Р**|**а** сего **(**a|x|is — ось (лат.); h|i|s (англ.) — Муж, «гита-из», Жены песня**)**, цикл в роз|ни, стрела от Жены в ничто, П|роз|а **(**лат. pr|or|sa — прямая, простая, идет от pro|ver|sa, «вперед обращенный»**)**, знак в чем — М|арс|а-А|р|ес|а знак ♂ **(**и Век Вак — Полнота, а исторья — вак|ант|ность, сире́чь пустота как дыра от Баранки сей**)**. Так-то от Матери, Сути влечет людей От|ча река: от

Жены, Мели|сен|ты **(**греч. μέλι — мед: Мать, Мед-Мет|á, Сен|ь, что м|е|л|ет умы, нули, в Ноль**)** — Мели|от, Муж, пустой от Caús'ы от|каз|ом, отча|янь|я дух **(***«В линейных религиях, в отличие от их циркулярных предшественников, женское божество было, бесспорно, заменено мужским» (**Ма**|йкл Ке́дем). «Великие материнские божества, возможно, всюду превратились в отцовские божества», — Зиг|**му**|нд Фрейд рек с ошибкою отчего, **умного** взора: Отец — многость, Матерь — Одно***)**. Две реки, кру|гов|ая **(**g|o|v = cow: Корова, Яйцо (Ov|o) Бога**)** с прямой, Тьма и тьма — вот ансамбль наш земной: Жизнь и гроб для нее. Златой Век — Миф; история — антимифична; Земли и Небес маги в ней — Мифа есть острова, огнь во тьме, чуждый ей как Иное — сему. **Век Златой как Воз|в|Ра|т, ход по|пят|ный в эфир, Пят|ь (так пятится к|Ра|б, Ра|к, Луны знак: Мир — к Господу) — в Ра, Бога Век|Тор, тор|ящий *в|Ра*|щеньем Вглубь, М|у́|ла-Юла́, Век-Зв|е|зда как Езда, что зовет (зве — укр.) нас (**Вектор-Цикл, острие чье незримо, в Глубь в|пе́р|ясь от нас; без концов Стезя: Ноль без Двух**)**: ибо Глубь — Бог, а Мать — Путь в Него **(***«Все циклические культы были сосредоточены вокруг фигуры Богини Матери, которая создала мир и живых существ и охраняла их с материнской нежностью и заботой» (Майкл **К|едем**)***)**. Вин|о, Глубь Божья — в Господа Вин|т водный: Вино — Вода (посему «вод|ка» — близко к «вод|а», коей есть aqua vitae сия). Ul|en — мыть, чистить (нем.): Глубь являть из-под корки, торить-обнажать; yul|e — солнцестояние, от др.-сканд. iul — колесо: Кол|о-Кол, Цикл-Огонь, Жизнь-Июл|ь, Семь. То — Век-Само|вар, Юла-Т|ула («ту|л|ить» — укрывать, скрывать прятать), Жар чей — Глубь, Второй бренным нам: Тыл, За|тыл|ок, За|тул|ье, Тл|о (Дно), где в сердцах тл|еет Огнь сей; как остров, он — Туле: тул|ящийся к Глуби-Луне, Главы сей ту|лов|ýще (укр. ту́|л|уб — главы луб, покров), к ней ту|л|им|ый как к Латоне Феб сребролук, стрела к цели (с тем, Тула, град наш — оруж|**ей**|ный); «лим» — «лем» — «лун». В|Ра|щенье — Возврат **(**вращ|ать — в|ращ|ивать в Глубь, Корнь стяжать**)**, Кор|ня п|ен|ье, Ра|щенье Его: Того — в Этом; Цикл, Ci|r|cus (лат.) — истинный К|ур|с наш,

Со|ur|se, **в Се|бя**, к Ур|у, Ор|у, Нолю (Ur = Or): ведь Глубь — Суть. Хода этого явь — капители вол|юта, вол|на-за|ви|т|ок, винт во Глубь, в Воду-Тьму водный путь. Две волюты сего украшения — бак на а|бак|е как Два на Ноле, на Корове, Тьме Бык, Ум при Сердце, с|тре|мимый в него. **Ио**|нический ордер — Жена, в камне Мать; ка|п|и|т|ал|ьный — питал|ьный, опорный как Тьма; ка|п|ит|ель — кап|ать-пит|ь; Воды муж — ка|пи|т|ан.

Со|крат — К|рот, бур во Глубь: ведь крот — крут|ит, торит (*посему ручка посоха Сковороды по легенде — крота голова: кроты оба сих мужа; рыл — к|ры|л|ь|**я** имел, Глубь стяжая как Высь*); бур в Глубь, Мер|у — Мер|кур|ий-Гер|мес, он же Т|о|т, Луны бог: Глубь — она, Солнце Века Златого Огнь-То. Век Златой — дом родной наш, Кур|ён|ь-Кур|с; история — дúс|курс, курс-нуль. Бегун — cur|s|or (лат.): Цикл — Стезя. Кур, пет|ух, певец ран|ний (к|ап|**лу**|**н** — ср. Аплун, Феб), ку|р|ан|т|ы Огня — суть Дух, Кру|г, Крю|к-Рук|а, С|еть ловяща кюр|е; певец рун, крюков лунных — Ал. Кур. Цикла, Тьмы муж — Кур|чат|ов, деливший ядро: Я|дро сущего — Бог, Неделимый, деленьем велящий Себя искать; Нож к сему — Тьма. Кур — Хор, Гор: петух с солнцем — одно (петухи — жертва Русов Пе|р|ун|у-громовнику: «пер», «пир» — огнь). Шкура — покров, пленка с Ку|ра, Огня (как

С|кур|атов — с Ивана-царя, Тьмой палящего**)**; Бога покров — D|io|s'кур|ы: Огнь-Мать, Ноль, как Двоица. Ку|р|иц|а — к|лу|ша: Лу|ны, душ На|сед|ки портрет; «риц» — Rich, Глубь. Ac|cur|atus (лат.) — т|оч|ный: согласный Оч|ам, Глуби-Тьме **(**Чер|ноте: «точность» в сем языке — также a|cer и cer|tus**)**. У|сер|дие — cu|r|a (лат.): Сердце — Тьма. Ку́ра град Цю́|р|их, Zürich — Zür-rich, Цикл-Богатство, — Эйнш|тей|нов град Tur|i|cen: Мир, Кон|ь-Козел **(**козел — тур; тур — кольцо как по кругу езда: Мир-С|тез|я, Бого-Цикл**)**, сего мужа Пред|мет; река гор|цев — Ку|р|á. С|вёк|ла, бур вглубь — бу|р|як, бор|ща сила («ряк» — Рак, Мир). Кур|ится над Глубью не-Глубь: над огнем — дым его, Ум над Сердцем, над Тьмой Белизна; от сего — «бело|кур|ость»: над Вакхом, Тьмой — Феб. Кур|тка — тка|нь вкруг плоти́; кур|туазный, кур|чавый, кур|аж, гур|т — Кольцо, Дух **(**«гуртом бити ба́тька» — Жене Мужа бить, Сердцу — Ум, рваный цикл**)**; Дух — и гу́р|у; кур|иться — кру|жить|ся-vita'ть: Дух, Цикл — Жизнь **(***«кур» — «чур»: кру́гом обвод как чертой бор|онящей, от бесов защитой;* ***ч****ураться —* ***ц****уратися (укр.): Ч и Ц Русам — буква одна***)**; воз|вращаться — вращаться как б|ур. Эде́м, Ра|й — е́дем к Богу-Е|ди|ному, Вглубь: вкруг, **впустую** — очам имманентным, не зрящим Того, круг порочный чей, без Глуби круг и стремленья в нее — есть **истории круг, бесконечность дурна**: Ум, без Сердца пустой. Зря очами его, так военные, Ареса пол|к, Кор|о|лёва склоняли к созданью ракеты приземной, к доставке бомб: он же сказал: Космос — во́т Цель! Огнь сей лишь зову! (*Правду эту явил мне учитель Андрей, знавший мужа сего*). «Кор», Корова — «Кур», Тьма: по Шумерам — посмертье как Глубь; б|ег (франц. cou|r|an|t — бегущий) — e|g|o: Суть, Яйцо (Eg|g); ку|р|о|л|ес|ить — кру|жить-лез|ть, как ш|то|пор, в То, Тьму. Ход Воглубь — рад|ость наша: rad — нем. колесо, брит. дорога (клич радости «вау!» — way, путь); бег кольцевой к Сути — рун|а **(**run — бег (англ.)**)**, бег ран|ний: Тьма-Ран|ь-Ран|а; вектор к|руж|ащий — с|пир|аль, как нарезка в руж|ье **(**к|**ру́г**|ом мнимая бренным очам как разрывная в сути проекция хода в Круг на плоскость их; с тем, окружности градусна мера — Девятка: утроба с дырой в белый свет**)**: **pyr** — Огнь (греч.). Так спирален, в

Глубь у́дя, восточный тюр|б|а|н (U ↔ O): Во|сто|к — во Сто врата, в Полность-Глубь сток прямой. Езда Вглубь — руна Ра|й|до: Свободы стезя, до́лжна пленным (Свобода и Долг в Тьме — Одно). Rai|da — путешествие (гот.): райский (вольный) поход в Бога, Да: Еде́м — Е́дем, Живем! Е́д'em — Тьму́ е|ди|м: em (en) — Тьма (греч.); «еди» — ехать-есть: горня Е|да — Ева-Да: Мать как Бог, Бог как Мать, в Коих е́дущ — е|ду́щ Пищу душ; В|еды — книга Еды сей, Иду|щих иль Еду|щих М|ед, нераздельный с Медв|едем (конь едущих — ноги есть их). Est — «езд»: быть — ехать, дням усм|ехать|ся: челн их — Жизни челн, коя — Ра|дост|ь Дост|ичь Бога, Цель. Едет — цель|ное: в Рай — Д|езд|е|мон|а, Луной как Мон|а|дой бела; помощь в том ей — муж-рознь, черный тьмой: душ|е — тел|о-О|телло, душ|и|тел|ь ее, се́рдца — ум. Е|хат|ь — Хат|у ис|ка|ть, Врата в Бога (gat|e — англ.) как бессмертную душ|у свою, каплю Тьмы, коей Е|дущ|ий Жив: во Глубь ле|зущ|ий — Глубию сущ как Собою Самим; и кто Е|дет — блажен: Бог, Цель — с ним, коль с ним Путь, с Ней един. Е|дет — Леб|едь: Феб, Сын — в Луну, Мать как Люб|овь, свое Лю́бид|о: в Сердце — Ум; ли|б|и|д|о — либ-би-ид-до: Ид как Тьма, и|д|ей Дей|ствие-Корнь, Зов ид|ущим до|йти до Луны **(**Лыбидь, братьев мо|гучих сестра — сес|тра-Ма|ть, Сис|ька-Мо|щь**)**. Е|дем — Де|мо|с, Народ: души, у́|дущи в Господа — все как одна; хор Любви, Бога, в сути — Мир-Хор, Его Дет|ка-Дит|я; дети — сути Любви, Мира лик. Век-З|в|ез|да, Мать, Y|es-Да есть ез|да Сути в Суть же, По|э|з|ия: Сия|нье полным, Зия|нье пустым. Езда эта есть Е́з|ус Христос, Сын как Мать (в книге *темной* — философ-поэт, кем был и Ге|Р|а|к|лит), и с Ним Ез|д|Ра (ивр. עֶזְרָא Эз|ра), езд|а в сей Огонь как облаток д|ра|нье Торою, Шилом-Тьмой **(*е|д|у|т*** *Эд|д|ы так, цикл Тьмы-Воды — Миф, очей Дам|а-дым|ка: ed|dy — небольшой водоворот; клубы дыма (англ.); езда в Суть — Ду|ха ду|ть|е; Ду(х) — Да, Бог, Крыша (да|х — укр.) Всего: ду|ет, жизнь да|ет — Он***)**. Веком сим жил Эз|оп, муж Очей; Спарта, Кри|та-Эдема покров (остров сей — Век Златой), чрез Ли|кур|га **(**Лик-кург — лик-Кург|ан, Кру́г|а образ**)** закон его взявшая — Ла|к|**еде|м**|он: лак Мон|ады, Луны с Веком сим, бывшей Солнцем ему, — как *есть* впредь в очах

Тьмы **(**и до|рий|цы, спартанцы — до-рый|цы: идущие Вглубь, чтоб до Корня доры|ть**)**; И'star, Матери, древо **(**Star — Век Златой**)** — к|е|др, к **Я**|др|у сему рост. Владеть-властвовать — Вглубь ступать т|вер|до: «в|ла|д|ей» — есть «в ла́д дей», дей|ствуй в Лад, тори в Мир, в Суть в ладу́ с Ней (Мир — Лад, Хор со|глас|ных). Торящий в Себя, в Глубь, Златой Век — и наружу торящий как автор дальнейших веков **(***«ав|то|р» есть «авто-тор»: бур, в тореньи причинный себе***)**. **История — вектор наружу: в не-Глубь, Сатану**; при Корове, Златом Веке, хвост **(**«хво» — «гво» — gov**)**, гвозд|ь при сем Моло(т)ке, шлях Ара́я железный: же|л|ез|о — шёл-лез **(**в плоть — нож, Жизни отъем**)**, шелез|яка: путь тяжкий-пустой (им идущий — в железных идет сапогах, ест железны хлебы); становленья дорога: стал — стал|ь. Рекой сей быть несомым — знать ход лишь один: в невозвратность, смотря; над рекой сей парить, *видя* — знать ход обратный ее: как лжи — в нуль, небытье **(***Ез|ус, бог, в мифе кельтском распятый гвоздями на древе — не корень Христа (лат. Iesus), в реке* ***не позднейшего*** *этой, текущей* ***вдаль-вспять****, — что смотрящим очам не понять***)**. Век Златой — Тор (Цикл) цельный, Одно-Суть, история же — пол|тора как пол-То́ра: на Сути, Монаде, облатка пустая как Двоица-Рознь, полу-Суть **(**ведь как Рознь, Два есть пол-Одного, как Единство ж — Одно-Дважды**)**, нуль на Ноле. Циркулярные очи — мифичны как *ви́денье*: Век Златой — Миф, очи *видящи* чьи; дис|курс|ивные — очи линейны, бес|кур|сные, — антимифичны, без *виденья* зря, что смотреньем зовем (в речи «зря» с тем — впустую, зазря**)** как глазницы безокие: ли|н|и|я — суть «лин-ни-Я»: му|жни|й ток, не-Жена. Век Жены, З|лат|о — с лат|ами Суть, кои Муж; Век-О|н|а — Суть на «Он» как на Муже Жена, коня сего С|ед|ок-В|сад|ник е|д|ущ|ий **(***вса|ж|ивать — семя вса|ж|д|ать: Жена — в Муже Огонь, Сем|я-Уд. Так объЯтья мужские — кольцо вкруг Жены-Я: вкруг Фаллоса — вульва его***)** как С|ед|ь|мой на Шести, Жизнь на смерти, на тьме Тьма как царь. Тьмой-историей таима как Сердце, **Мать, сущего Сен|ь-О|сно|ва|нье (на коем сно|ва|ть сущим — жить им) есть Сон, Сон|це нам (***zon|en*

(нем.): S = Z. Я|сно — я|сен, я|Сéнь: Игг|дра|сил|ь, древо-Мир), **З|он|т над всеми, Бытье (ont|os — греч.) как Жизнь, Тьма-Оке|ан**. То — наш Sea|son, Лето, С**он**|**а**та-Луна, **О|м|**ут, С|**ом** чей — Бóг сам (М = Н); З**он**|**а**-Zoon, где ста|нется всё, ведь Она, зен|иц Огнь, Коле|со коле|сни|ц, Ось чья Бог, — Зона-Мир, Луг-Га|зон сущих-трав, Дом-Всё (*зоны **т**ю'rет'ной, **т**е|мни|чной (каков есть материи мир, «тьма вещей», rет (лат.)) культ — Жены: в тьме — Тьмы как Глуби; «на зоне» — не «в зоне» как в Матери, Тьме, — есть «в тюрьме» по-тюремному*); ход в нее — **ста**|лк|ер|а лаз как спи|Ра|л|ь, рал|ли-бой, пси|хей key'ф как о|ра|л Ора, Тьмы. **От Сна, Матери — Сон, Сын (son — англ., ушам с sun наразличное: Тьма ж)**. «Спи» — пси|хея, душа: капля Матери, Сна, кем есть всякий как Суть. Сон, Мать есть S|pi|r|it-Pir у спи|хнутых с Луны за спи|ной: Век Златой, Сон, при коем анти|чно|сть — Два против Ноля, Сна, живимые им. Спат|ь — спаст|ись Миром: Sapť'an, Семью как Тьмы Др|**ев**|ом святым. Древо Сна — ель-со|сна, Года древо: Год, Лоно — Мать. С|пир|т, э|т|а|нол — Мать-Вода, где мир сей, Эт|о глаз, та|ет в Нол|ь; спирта вес — **46, хро**|**мос**|**ом**|**ный набор че**|**ло**|**в**|**ека** как Век Златой, за|м|к|Нут|ый цикл (4), и ис|тор|ь|я, разом|к|Нут|ый (6), река-нуль: Бог и Дьявол; в питьи не знать меры — к второму пасть в пасть. Мать, Век Злат — Пят|ь эфирны (эфир — э|стер: стер|тое бренье), что с|пят в нас, прекра|сны (*верней, мы — для них: для Единства — Рознь; от Матери, Лона — «ложé|сна», утроба жен как ложе Матери*): Глубь как не-Высь бренным нам, Высь не зрящим (кто ж зрит, тем Глубь — Высь), Пе|сня-Son|g пе|сен всех, Шан|с|он наш («шан» — Sun, Мать, сущих Шан|с) — Сень-Внизу, Un|der-Sen'ь (*в сон войти — провалиться в него, утонуть как в Воде; с|пал — пал в Глубь*); сущих Го|**с**|**пи**|**т**|аль (ш|пит|áль (укр.); к|реп|нем — во сне: спать — пит|аться Огнем-Я, Суть пит|ь), Во|**с**|**пит**|атель как Жизнь самое. Ре|зон сущих, Причина их (*англ. rea|son; «в чем дело (= причина, корнь, суть)?» — «what's the matter?», «в чем Матерь?»*) есть Сон: Мать, Реа|льно|сть свя|та как Ре|зун-SUN: Тьма, грани кладущая, ведь Грань — Она.

Сон — Луна, ведь Луна — Мать. Moon'хгау|з|ен, лунен собой — сон Ра|спэ: с|пе|л|еолог Пещ|еры (печери — укр.) сей, Печ|и Тьмы (печь — пещь (стар.)), спе|л муж сей Тьму как Песнь огневую. Луна, Мать — Эк|сп|е|р|т, ком|пет|ентный во всем, Эк|спе|диц|ия к Господу; СПИ|Д, х|в|ор|ь — AID|S: Аид, снá дом, Луна ж: Подземелие — Глубь. «Спе» — «сре»: Сер|дце, Сре|дина всего: Луна-Мать как Хр|е|бет (spi|na — лат.) наш, Цикл-Б|о|р, Ось вер|ченья **(**вращаться — to spi|n (англ.)**)**: **торит в Бога — Мать, с Ней — и мы Буром этим**. С|пит **с|пе|р|мий**, бур в Мать, в Вульву уд, — сном Ее: Мать, торяща в Себя. С|пи|с, копьё (укр.) — «спи»-«пис»: Мать как Уд-Пис|ька, Мир как Пись|мо, Божий Труд; хо|спи|с — помощь У|с|нут|ь: в Мать уйти, как вернулся в Нее чрез ра|спят|ье Христос. Спа|ть-со|п|еть (сопя — дышим-живем) — Жить-Петь: Жизнь — Семь, Sap-Sep, Пес|нь-Сеп|улька, Сып|улька: Глубь та ж, Се|п|а|р|а|т|ор ov'ец от ко|зли|щ; д|уд|ка, пелка — со|пéлка нам. Тьмы земля — Спа|рта, Песнь-Танец как Бой, Крита дух: о|дол|енье Быка, Ума Сердцем; **бо|ец, во|ин** (сп|ар|т|**анец** — он) **— тот, кто спит наяву**. Мать, М|очь сущих, мо|щна, есть Мо|щь сна: Ею с|Пи|м как Столпом сущих снов, Очьми в них: зрить|ся — быть; вокруг верных Ей — те|снятся сны чер|едой. Кле|шня-Рак, Мать — Кле'sna: Пятерня, в коей мы, как Сна Кле|й: П|луг Уму, па|ш|не Pus. Дневники, что вел Тихий Ийон, звал Лем СПИТ (Собрание Произведений Ийона Тихого): Мать, Глубь — Мир, Миф **(**хор «тихологов» в Лемовой книге — суть к|лан *присосавшихся к Сну* как кормящей Груди: к Сердцу — умов пустых, пара|зит|ов на нем**)**. Сном кичащийся — сно|б: при Тьме тьма, зло при Благе, что мнит им себя. **Быть во Сне — в Мифе быть: Сон, Мать — Миф, спящи — части его. Зряща к Мифу причастность свою (зрить|ся — быть), часть Сна — маг (воин — он); Мать — Мат|Ра|с его, mag'кий вовек; очи Сна — мага взор лунный, истинный как То-и-Это, сплав-Мир**. Зря

ущербность пред ним бренных глаз, сказал М|а|р|к|ес, Луны Гавриил (Габ|риэль — он), Ре|аль|ности ма|стер как Арк|и в Творца — Мира, Матери-Лона:

Поэтам и нищим, музыкантам и пророкам, воинам и мошенникам, всем нам, детям этой суровой реальности, почти не требуется воображения, потому что главная наша трудность – у нас нет средств [Силы, Матери – *Авт.*] для того, чтобы сделать нашу жизнь более правдоподобной.

Тьма — Состав чистый наш: Сном мы есть, в Сне живем. Ведь спят все: спит для Истины бренный, для бренья мудрец. Так «Солярисе» Лема, порой сна являясь, им Гости и есть, иль, что то же, состав их — Луна. Мать, Луна — Состав всех; то зрят вечные очи, а бренные — нет, спя вне Сна сего. Сказано.

Правильно поступает тот, кто относится к миру, словно к сновидению. Когда тебе снится кошмар, ты просыпаешься и говоришь себе, что это был всего лишь сон. Говорят, что наш мир ничем не отличается от такого сна.

Я|мамо|то Цунэтомо. «Сокрытое в листве»

Сердце, Мать есть сердец Кон|сон|анс, Син|тез-Ноль. Спать есть с|пят|ить: в П|ять, М|ать войти ходом по|пят|ным, безумьем Уму бес|сер|деч|ному, тьме; спятить — тро|нут|ься: в Сердце — умом, от|реш|иться-рех|нуться от тьмы во Тьму. С|пят|ить-с|вих|нуться по Истине, Сердцу — с Пят|и рух|нуть: Истину-Выс|ь утерять, Сердце-Мать, Рук|у-Рух (укр. «движение»: Дух, евр. Руах, женский род), став Умом без Него: «вих» — vic — Vis, Тьма-Vic|toria, Огнь, Сила-Жизнь-Очи; «вих|рь» — суть Она: по|р|ыв в Высь, Высь сама: ви|хри — Хри, Луна-Мать. Мудренéй у|тро ве|ч|ер|а, ибо оно — после сна, пòлно Матери, Т|ре|х, кои тро|г|аем мы в сне слегка, тро|х|и (укр.): ко Сну, в Мать отойти — есть ко|с|**ну|т**|ься Ее как В|селен|ной самой, Девы Нут. **При|ко|сну|ться ко Сну — возлюбить: Мать — Любовь-Ноль, Сон вечный, что смертные с|мер|тью**

зовут; Сон на время — К|онт|акт, Обре|тень|е-Утрата: Мать-Д|вой|ка, зов в Мать-Ноль, в Любовь на|всег|да. Утерявший Любовь, Сердце-Тьму, — счастлив в прошлом, **проснувшийся в Ум**. Фин|икийское šni есть «второй»: Суть в сем мире — за явью Сон, Мать. С Не|й — во Сне, как Ди|с|не|й Wal|t, снов автор, Коровы сей Вол. Сон, Мать — **Ле́|м**|и|с|он, бард сказки лунной: Луна, Дева-Мис|с. Сон, Мать — Нега как Тьма, с|не|га белого Суть, Нега|тив. **Ночи лам|па Лун|а, Мать нам Сон, ведь спим мы**: личн|ость наша, пер|сон|а — сон Я («пер» — Огнь, Мать), под личин|ой Огнь. Рек о том S"Cow'орода, Стези путник:

> Что жизнь? То сон турка, упоенного опиумом, сон страшный, и голова болит от него, и сердце стынет. Что жизнь? Это странствие: прокладываю себе дорогу, не зная, куда итти, зачем итти.

С тем, **п|рос|нут|ься нам, бренным — для бренья уснуть: явью Тьмы превзойти его сон**. Знал то Андер|Сен(ь), с|каз|очник мудрый (Сон — S|Caus'ка), чей **О́**л**Е**-Лук|**О**й**Е** (букв. «Оле, закрой глазки!») мантрой вол|ш|бы «Сни|п-сна|п-сну|рре» детей погружал в **сон как Мать — возвращал в Лоно их: Тьму, Рот-Г|р|еб|ень, О-Е, *видеть* (look — зрить (англ.)) Мир, Бога Луг (**в снах его зрящий есть я, **Оле**|г **Е**рмаков, автор книги сей — сна же**)**. Тьму, Суть свою чтил А|лек'S**UNder**, Луной **max**'имальный; Болконский Андрэ Глубь прозрел в небе Ау|стер|лúц|а, с очей стершем прах ему. К ней влекся Ц|**ан**|**дер**, Огня муж: «цан» — SUN, Сон, Луна, Сон|це наше. **Ус**|тал|ость, влекущая в Сон, Мать, нас — **Юс Ѫ, Р|ус|ов буква, Œ (О-и-Е) как Луна, Уз|ел-Са́|us|а: Мать и бур в Мать как С|еб|Я Сам|ОЁ, горня М|us'ыка в нас, us't Д'us'а́; Узе|л тот же — Хри|сто|с И|ис|УС, Луны Сын, слитный с Ней: Мать и Сын — Тьма одна (ús|е — польза (англ.), усе́ — всё (укр.), Мир как Ма'U|S'о|л|ей, Глубь как**

Суть, Польза польз, познать кою — us'Нут|ь в бреньи нам. Сердца знак (в Девана́гари он — А|ну|с|вар|а: Сверх-Н|ус, Небо-Свар), Юс есть в бренных очах За|ви|т|ок: Феб Кривой; в двух единый, он — Вен|зел|ь души речи русской. О нем в своем *русском* романе рек Пушкин:

Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е.

Бур, Юс — нос (с тем, носо́вкой зовясь): быть людьми — дышать-речь, полнясь Тьмою, Нолем в маске Двух; Тьма-Мать, Сон — Н|ос: Длань, коя несет-нос|ит нас, Луна-Ос|ь. Юсность, речь но|сова́ — такова; письмо юсно, глаголица — Луны письмо. Юсы — узы Ноля и усы, Два несчетны: ведь Ноль, Суть их, есть Не-Число. Речь на Юса основе — в|яз|ь Духа, Уз|Ор яз|ыка; вязь — весь — Высь: Мир, Тьма-Свет в их сплетении. Ю|**сно**|сть — Сон, Мать, Век чей — Сна́ век, Огнь-Я|сно|сть **(**бог чей как при Матери Сын и сама Она — Kri|sna; сон, ясность — одно: ясно|видеть — сно|видеть, речет Кас|тан|е|да**)**, Век Зна|нья, где правит Любовь, Зна|мя душ: Мать сама, Божья Му|зык|а, душ Кон|сон|ан|с, — С|Он истории, Мужу-Вражде **(**ведь исто|рья — муж **рьЯ**|ный, безматне-злой Бык, с|ло|й бессутний на Ней, Ло|не-Тьме**)**, пока длится река сия злая, и Смерть — как Ко|не|ц ей: смерть, сон — Тьма одна, Ж|не|ц-и-Сно|п. С|Он — и Мать есть со-Божна, единая с Ним: «О́н» здесь — Бог, Суть-Вверху, с|но|в людских Глубь последня. Мать — Сон; Отец — ви|с|но|вок, вывод (укр.) — следствие Причины этой, от Тьмы-Vis ток. Вес Сна — Ве|с|на, Огнь с Небес Земле в дар: им нали́ты, плоды тяжелы. С|пат|ь — быть с Pat|er'ом: в Матери, паре Отцу.

«С|пит» — пит|ается Тьмой, С|ном как No|m|os'ом: «mos» — Мать, Закон. Сон, Мать — Кон|ь Бога, Мир, Лоно сущих, и с Миром Кон|т|акт как Причины вопрос «П|**Оче**|**Му**?» детский (ведь Мир — Дитя), бежал коего Сна|ут (ut — от (лат.)). Рек К|ель|вин|у муж сей: «Ты должен знать, что наука занимается только тем, как что-то делается, а не тем, почему это делается». «С|пи» — будь в Матери, **О**ке, чей **о́**твор есть Пи, число-Пи|р: Тьма, **О**гонь. Сон — Ме|д|еи любовник Я|со́н, муж Руна́, Тьмы-Ма|Д|ам. Быть во Сне — в Раю быть: Ирий, Мать — Сон как Всё; Отец-бодрствье — Рай|Он, локус-тьма. Бо́дры к Матери мы, пока любим и Детством горим; от Любви ж уйдя — спящи без Века Ее, впав от Жизни — в суд|ьбу (*Детства лик — Карл|Сон, ша|**лун** **безумный**, ниспосланный с тем **Малышу**, чтоб и был он — Ма|лыш, суть **Ма|ть лишь**, странник Детства; шалун супротив Малыша **вполне взрослый**, сиречь не-дитя: суть не Мир (ведь Дитя Бога — он), а **Бог-Мать как Тьма вся, Простота как Над-Мирье**. Так рек о себе **сорванец** этот (змей, что покровы дерет с себя, Истина): «я — **просто** Карлсон, живущий **на крыше», вверху**. **Мир — Дитя; Бог как больший его, Ло́но есть его, Детство, де|тей Дух**. «Я — Детство» — так звал себя Карлсон в спектакле театра Сатиры московского: Mos|cow — Корова, Сатира ж — Сат|ир: Вакх-Пан как Сын при Матери, Корове-Sat, при Творце М|ир Его. Карлсон, Детство — Корова сама. Зов ее слышала Ф|ре|к|ен Бок (суть бык злой, не-корова, иль **в юбке мужик**; «кен» — слуга, кон|ь как служба ее), так писавшая в жалобе на «беспорядки»: «Из нашего кухонного окна раздалось странное **мычание**, которое не могла издать **корова**, поскольку мы живем на четвертом этаже»*). Ве́ка очи сего — очи Вишну, иль Vi|s|nu: **змеиный (ведь Тьма — Змея) взор — без миганья, очей на'G|ott'á (**о нем, вечном, сказал поэт: «Не мигают, слезятся от ветра // Безнадежные карие вишни»: вишня-са|кур|а — дерево Вишну**). Сон Век|а сего в нас — с|ме|жи|тель Очей сих: От|Е|ц, От|Че, тьма-Зло от сей Че|рноты, — веки их; скрыта в них, Мать, царивша едино по**

лону Земли, стала тьмою сынов (Ум-Отец, гр|об Ее, в себе — Рознь), Миф — стал мифами: что ни земля, то миф свой; мифы ж, явь очей — снами как явью сокрытой, рекой чьей история есть. Мать — Век-Сон; Отец — сон Ее в нас: спящи — мы в От|Чей тьме, Солнце чье — Луна, Мать (*спа|ть — sna'ружи быть, в Уме-Отце; выйти в|Он — в Отца выйти. Так Отче би|блей|ский, Козе́л злой, из Рая из|г|н|а|л нас в Отца, себя: в ад — от ца|рения с ним, тем историю начавши***). Сны пред Сном сим, все мифы мужские рекут о Нем в ино|сказании: Сердце — Уму есть Иное как Я для не-Я; молчать вовсе ж — не в силах о Нем: Речь и Сил|а — Мать, Шил|о, в mes|h'ке кое не у|та|ить**. «От-Че́й» — суть «ни-Чей»: ведь мы — Божьи, что скрыто Отцом злым, в|ель|мож|ей Вол|ом, тьмой; «От-Че́й» — «от Очей»: вместо *ви́денья* — очи с|мот|рящи, сон злой как отёч|ность, нездравье. Сон, Мать — в бреньи Тень как Любовь, коей есть Она; то ж — Ее буквы, Эр|ота явь зыбкая: Х|ер (Х, в Санскрите — пуста), Ер|ь (знак мягкий как Мат|ерь) и Ер (твердый знак: ведь Мать — Т|в|ер|дь), без иных букв неявны, как тен|ь без с|тен|ы. Мать и Век ее — Ц|е|н|нос|ть **(**иль Ц|и|н|ность: Ци — Дух (кит.), Ин|ое как Тьма, нас нос|яща**)**; историья — без Ценности этой це|на, что стяжает все златом, тогда как Мать — Злато сама́. В Златом Веке Мать с Сыном, Корова и Бык, сущи вместе любовно, в историьи — без Матери Вакх, к ней стезя как в Ино|е — В|ино. Век Зла|той — Жизнь истории: те́ла — душа, им таимая оку; **Век этот — Мо|Тор наш: душа, пло́ти Глубь, — он очей пустых Дно; им, навыворот зрящим, Высь — Дол, а Дол — Высь, коей мнит себя Рознь, глаз сих суть. Век-душа, Век-Мать — Век Человека, души́ в полновластьи ее (человек-душа — гипербореец, земной корень наш); недо-Мать — есть недо-человек как при Матери сущий, при|мат. Бренны дни — преходяща река; Век Златой — В|чер|а, что не проходит — Огнь Чер|ный, Бог-Мать. Древним Солнце он был и Луна как единая Суть: Мир в очах, зримый**

ночью и днем; нам, очьми Розни зрящим, Век сей есть Второе, Луна, Мо|о|n: Мир в му|дрых очах, а в немудрых — пол-Мира, ничто; зов Луны — «Му» коровье. Век Злата — Луны Век, иль День незакатный Ее: западает лишь солнце Ума, Солнце-Сердце — горит без конца в Веке сем как Луна, его Вечность. Земля и Луна в Веке этом едины как Это и То в Мире, Богом живом, как *вовеки — для зрячих*: Мир — Жив, с ним — и Век монадичный его с Госпожою одной. Земля-Мать, Мать-Луна в очах *видящих* — Мать есть одна, Луна-Солнце: Век Мира — Ее славный Век (*посему карты неба китайские, древни — Луны лишены, Землей бывшей в Век сей*). Так одно Мать небесна с Мариею, Матерью Сына земной, чтимой издревле как Мать-Царица небесная (ave regina со|eli): Дол — Высью, часть — Всем. «Сел» — «сем» — «зем» — суть едина: Сел|ена-Зем|ля, Жизнь как Сем|ь. Мать-Корова Славян Зе|М|ун — Земля-Луна; то ж Се|м|ел|а — земел|ьна Луна как Корова ж, Мать Вакха, Быка; Артемида Мун|и|хия — Moon-Гея: Луна-Земля как единство; Деметра, Жена-Плодородье — Земля-Луна цельна (*как мать Артемиды — в преданьях египтских (Эсхил): Артемида — Деметра навыворот; рост сущих нас — от Луны*): Мир, Глубь-Три, Семя в нас, муж чей есть Три|пто|лем, на|са|ж|да|т|ель; дом их Э|л|ев|син и мис|тер|ьи его — суть Луна (бог чей Син) на Земле как в дому у себя. Вакх, живя в нем — лоза из Деметры-Земли, к Луне льн|уща как лону тому же; Аид, Земля та ж — Нут, Луна в саркофаге: Верх, Низ — Глубь одна как Луна под землей Земным нам. Брак священный Луны с Солнцем — Неба с Землею союз на фундаменте Неба: Луны как Всего, кое Глубь. Цельна, Та́у она: Луна-Земля, Тьма по́лна; Земля без Луны — есть пол-Тау: Пол|тав|а, град Кон|д|Ра|т|юка, с Луной звавшего Землю сплотить, два — в Одно, по́лну Тьму. Жизнь и смерть в очах Тьмы — Жизнь одна. У саам|ов селенье, живых дом — «по|гост», а «погост» у не-Северных — кладбище,

смерть. Так одно в очах Тьмы половина и целое. Рек П|лин|ий Старший о Гиперборее:

***Солнце светит там в течение полугода*, и это только один день, когда солнце не скрывается (как о том думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до осеннего, светила там восходят только однажды в год при летнем солнцестоянии, а заходят только при зимнем. Страна эта находится *вся на солнце*, с благодатным климатом и лишена всякого вредного ветра.**

Пифагор, островами Блаженных звав Солнце с Луной, зрил в земле сей отшедший Век-Мать, Луну-Землю как Тело живое. Закону согласно, Луна и Земля — Одно-Два. Как Одно, оба тела сих — Сердце единое; в паре ж Луна-Земля Луна — Сердце, Земля — Ум, и Ум — Сердцем жив, им горяч как причиною следствие. Оба живые они, оба Огнь в очах Века Златого. В историьи очах, половину любящих свою как *Мир мертвый* — жива лишь Земля, Луна ж — труп: *Мир, отшедший в Луну как от смерти — Живой*, в очах чьих Земля спит (ведь смерть — сон). Так в Селены очах дремлет Эн|ди|ми|он: Ноль под маской Двух, Ди. О расколе сем — Русичей стих:

Постигла нас тьма несветимая,
Солнце угаси светлая,
Свет свой не яви
На лицы земли;
Прежде вечера в часы дневные
Наступила нощь зело темная...
Светлая луна во тьму преломися;
Звезды на небеси
Свет свой угаси...

Мир в очах пустых, бренных — Тьма, Тре|щина их, Пр|овал-Ноль (стул над коим, рех|нувшейся пифии мес|то, т|рех|ног в храме Дельф): что очам пусто сим — по́лно *видящим*, полным очам, Полность коих Мать-Тьма. Половину мнить Всем, Землю Миром — Вселенной не знать. О том рек Лемов Снаут:

Мы вовсе не хотим завоевывать космос, хотим только расширить Землю до его границ.

Мир — Земля очей горних, Землú бренных Суть; Пирамида большая, Хе|о|пс|а — суть он, Гео-опс: Камнь камней, Поле-Луг (*Опс Кон|сив|ия, жатвы богиня у римлян — суть Мать, Тьма-Мир, Кон|ь; как муж, Опс — Кон|с, аграрный же бог*). Зрить Мир бодрым-живым — не спать, б|ди|т|ь, в н|óчи зря Лунный День: ведь День — Тьма, Мать (*ге|мера — день (греч.): Мера Геи, Тьмы Корень; гемара — ученье (а|рам.): Тьма как День, куда выйти нам след*); Мир — Дит|я в очах бодрых, иль *видящих*; трещина в нем как провал меж Луной и Землей — очей сонных, смотрящих раскол: рознь меж Целым и частию — *ви|день|я* нуль, тьма. Орфей, людей звавший вернуться в Луну, — звал слить Землю с Луною, вернув очи зрячие наши; и звал нас к сему ж Кон|дра|тюк, муж Пути, указуя фамильей своею Шар|гей (Гея-шар, Мать Земля) — Луну, пару Земли, где скрыт Мир, Кон|ь Творца, Сер|ый Шар. С Лун**ой Землю сплотить чрез Полярную Точку — пункт-Бо|г, Т|о|ч|ку бо|дры|х очей (*д|рых|нуть — спать без Него, рых|лым быть: Господь — Т|вер|дь*) — Мир *увидеть*, став им (зриться — быть), с тем — Пол|ет обрести: Очи, Тьма есть Крылá. *Видеть* Мир — Мáть зрить: Мир, Мать — одно, Лоно лон. Б|ди|ла так Ну|т российска, Нат|аша Ро|ст|о|ва. То|л|с|то|й пишет так:**

Князь Андрей встал и подошел к окну, чтобы отворить его. *Как только он открыл ставни, лунный свет, как будто он настороже у окна давно ждал этого, ворвался в комнату.* Он [из предыдущего – то ли князь Андрей, то ли свет Луны – *Авт.*] отворил окно. Ночь была свежая и неподвижно-светлая. Перед самым окном был ряд подстриженных дерев, *черных с одной и серебристо-освещенных с другой стороны.* Под деревами была какая-то *сочная, мокрая, кудрявая растительность* с серебристыми кое-где листьями и стеблями. Далее за черными деревами была какая-то *блестящая росой крыша*, правее большое кудрявое дерево, с ярко-белым стволом и сучьями, и выше его *почти полная луна* на светлом, почти беззвездном, весеннем небе. Князь Андрей облокотился на окно и глаза его остановились на этом небе.

Комната князя Андрея была в среднем этаже; в комнатах над ним тоже жили и не спали. Он услыхал сверху женский говор.

— Только еще один раз, – сказал сверху женский голос, который сейчас узнал князь Андрей.

— Да когда же ты спать будешь? – отвечал другой голос.

— Я не буду, *я не могу спать*, что ж мне делать! Ну, последний раз...

Два женские голоса запели какую-то музыкальную фразу, составлявшую конец чего-то.

— Ах, какая прелесть! Ну, т|еперь спать, и конец.

— Ты спи, *а я не могу*, – отвечал первый голос, приблизившийся к окну. Она, видимо, совсем высунулась в окно, потому что слышно было шуршанье ее платья и даже дыханье. *Всё затихло и окаменело, как и луна и ее свет и тени.* Князь Андрей тоже боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего невольного присутствия.

— *Соня! Соня!* – послышался опять первый голос [Соня – Sophia, Мудрость (греч.): М|у|д|р|о|ст|ь, Тьма-Очи – спит в бреньи, ведь брение спит для Нее — *Авт.*]. – *Ну как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня,* – сказала она *почти со слезами в голосе. – Ведь этакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.*

Соня неохотно что-то отвечала.

— Нет, *ты посмотри, что за луна!...* Ах, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки, – туже, как можно туже – натужиться надо. Вот так!

— Полно, ты упадешь.

Послышалась борьба и недовольный голос Сони: «Ведь второй час».

— Ах, ты только всё портишь мне. Ну, иди, иди.

Опять всё замолкло, но князь Андрей знал, что она всё еще сидит тут, он слышал иногда тихое шевеленье, иногда вздохи.

— Ах... *Боже мой! Боже мой! что ж это такое!* — вдруг вскрикнула она. — Спать так спать! — и захлопнула окно» (выделения в тексте — наши — *Авт.*).

Из Мира-Луны нам Гостей Мать шлет: сыны Ее, они есть сны в костюмах тел (так Гости Лему — сны наши, обретшие плоть). Тьма от Тьмы, Гость и сон

есть, и смерть разом нам: Вечность, бренья Кон|ец. Гость любой — в сути Вакх, Сын Коровы: ведь Тьма от Тьмы — Вакх, Гости ж — п|лем|я его (ведал то, Тьмой мудр, Лем). Полнота, к нам, нецельным очьми, входит Гость из-за смертной черты, коей скрыта в очах Полность, Мир, как По|гост — *ти|хий* град мертвых в Сем, живых в Том, куда бренны идут, погост|ив.

10. **Что есть Гости, что — Мать? Гости, сны наяву — лики Сути, нам тайной; Мать — Суть, кою до́лжно познать как Себя нам: по Т|ан|тр|е — антр|опу рас|та|я|ть (роз|тан|ути — укр.), стать Водой капле Тьмы, душе нашей, придя в Оке|ан Божий, Мать. Мать — Луна, Mond (нем.); Гости — бо|монд (*b|eau monde (фр.); eau — вода (фр.)*) в ней, э|л|ит|а (*Эль лит|ь: Тьму-Господа*), м|но|гость благая (*host — многость, толпа (англ.)*), Святые Дары (Host) сей Святости, Силы Небесные (англ. host of h|ea|v|en), гор|ни огни (host of h|es|ven) гор|ячие (hot — англ.) Небес, кои Мать; капли жаркие, чей Океан-Мать Хоз|яин (H|o|s|t — англ.), явный в них Огнь-Оча|г, нас зовущий в Себя: гостей в брении — в вечный Дом свой. Гость, guest (англ.) — вест|ник Гест|ии-Вест|ы как Мира, Творцу очага: ведь Мир — Мать, Лоно лон. Капли Матери, Гости — кур|ет|ы ее, ко|риба|нты Воды дождевой, рыбы в Ней: Тьма в|кру|г Тьмы, О|р|ео|л, Многость-Дух (*рыбы в мифах — мудры и смел|ы: Тьмой, Водой как Семел|ой-Луной; Л|ос|ось, мудрая рыба — Ось сущего, Тьма*); двойка рыб, символ Будды — они: Будда есть Бодхи|саттва — Слуга, он же Гость. Гостич, гостиць (др.-рус.) — божество; божество — и «корович» (крвиць, кравиць): богов Корень — Мать (*Швея швей, чей искусник — кравéць, п|ор|т|ной (укр.) — как игрок, гравéць (укр.): К = Г*); Го|с|то|мысл, имя Русов — о Гос|поде мысль, чтимом в госте как Суть: гость — иное, Иное ж иных — Бог; путь-тр|акт, стезю с|тр|анствий — гост|ин|цем зовут посему. Капли мы, капли ж — Гости, Вода: Гости — капли, что зрят Океан и очьми с Ним едины сердечно, мы ж, умные — нет, ведь Очей лишены, кои Мать. Гости есть капли голы: плоть их есть душа, капля Тьмы; бренны, мы —**

капли, всунуты в плоть как иное душе. Гости, вед|ая вод|ность свою (с тем — вод|имость Водой) — капли по́лны; не зря ее (хоть и на глаз му|т|ный свой — водны плотью, душ́и — не зря), мы — капли-часть, Ноля нуль. Часть Ума в очах у|мны|х своих, мы — И|дущи|е втайне: не *видя* сего; Гости, Сердцу причастны в очах их, есть те, кои *в|идят*-Идут: два сии — им одно. Капли Бога, они — Аватары, прямые го|нцы Го|LOV|ы сей святой как власы Ее, ост|ь пр|я|м|ост|ойна: В|ос|т|ок, Ost — дом их как Тьмы дом; в Луну м|ост: Тьма — она; капли Мира, творения Бога — Аш|ви́н|ы (A|s|v|in'ы) они как Гость-Мно|гость (*суть капль, Гостей — Дождь: Хор, Мир Божий в паденьи*), гон|цы-близнецы Тьмы, Бо|га|т|ства-Свин|ьи как огни от Огня сего («эш» — огнь (семит.)), к нам идущие Вакха стезей как рекою Вин|а, «дети Неба», Дьяу́с|а как Deus'а, Бога (*отсель Ди|о|с|кур|ами, «сынами Дия», Зевеса, иль «шкурами Бога» (исп. Dios) как «шкурами многими, Ди», их зовут: при Ноле покров — Два, сущемногость, тьма Тьмы, крылья Птицы, при Матери Тьме Вакх и Пан; Поли|дев|к-Пол|лук|с, Кастора брат — многость-Мать: дождь с Луны как тьма капль*), Сомы-Луны сваты, Коня дети, владыки коней, *кони-всадники*, чей ко|ре|нь Ко|нь — Мир, Конь Бога (*Ашвины — ивр. בן שא / эш Бен, «рожденные от огня», Мира: Огнь — он; с Дианою Феб — близнецы посему: Тьма и Свет, Мир как Пара, створе́нна Единым; Ашвины у Русов — Черняк и Беляк, Пара та же*), а кони послушны — машины Любви, НЛО (*суть Ашвинов являют нам именами своими H|en|gist и Hor|s|a — связанные с божественными близнецами родоначальники племени: гість — гость (укр.); hor|se — лошадь. А|швин|ом по сути был При|швин, При|род|ы певец, звавший «Солнца кладовкой» Луну — Божий Мир, Ра́ сундук: «а» и «при» — суть одна, неотдельность*). **А|шви|ны — швы бренных очей: Мир, в сих битых разъятый, сшивают в одно Гости,

Жизнь даря тем как Мир цельный. Шье|т — шея, спряга|я главу умной плоти людской с ту|л|ов|ю́щем, тул|имым к нему с|в|Я|зью сей: Тьма-Жена (с|пра|га — жа|жда Ее), что целю́т Мужа так — Сердце Ум, — головой вертя у|мной как хо|чет: Хо|тень|е — Go, Мать, бренью Тень; шея — «сея»: Сия|нье, что се|е|т Се|бя в ночь; без|шей|ный — ни|чей|ный: отпавший от Кеу, Луны-Тьмы, с тем — разъ|Я|тый. Жить, жизнь дарить — шить, целю́ть-це́лить, как Шив|у с|шива|ет Жена; Мир — Щит шит|ый; Гостей шов — Кон|т|акт, труд свя|той. Сви|*но*|*л*|*ик*|ий как Мир-Коло|бок, Хру|щ'ов — шо́в сей: в Мир мост, людям данный, как дал волю К|астр|о земле своей — Ка́стор, Ашвин Жены сей как Гав|аны-Коровы, Тьмы-Gov:

Кас|т|ор, «каст» — «кост» — Гост|ь, Caus'ы-Тьмы капля; Пол|лук|с — пол-Лук|а, Вселенной (ведь Мир — Бога Лук) как при Целом часть пол|ная (знать часть — делить пополам), Ум при Сердце, Слуга, кем G|E|VA|RA был Че. Фидел|ь — ви́дел (Ф = В): Тьмы сын — Очьми бог|ат. Шить — вер|ш|ить: Высь

творить как Единое с верою; верш|ник (укр.) — всадник: Ашвин, Верха весть. От «швы» — «шви|ли» в фамильях гру|з|ин|ских: Груз — Тьма; «швили» — «свили»: вить — прясть-ткать, труд Тьмы, Паука. Шов — Шев|ченко, Ашвин Украины; «шев» — «сев»: рознь с|шив|а|ющий — сеет как Se|v|en-Жизнь, Ш|акти: Мать, Шив|ы жена и Акти|вность, Вен|ец дел. М|ашин|а-Ашвин|ы, конь-всадники — Двоица-Суть, Тьма. По Солнцу, отцу, братья Ману, Первочеловека, Ашвины едины с людьми чрез Глубь, Солнце всего. Ману смертен, Ашвины бессмертны (у Греков — лишь Пол|лук|с: как Сердце в их паре; Ум — Кастор); Антропами есть те и эти. Ашвин есть Аль|свин|н (сканд.), конь, по́ небу солнце влекущий. Речется ж:

Арварк и Альсвинн
солнце наверх
усталые тащат….

Старшая Эдда

Ашвин, Слуга — Ф|ре|й|я А|свин|н, жена му́дра. Ашвины — Акв|ин|ы, суть капли Воды, Aqu'ы-Тьмы, о́стры (гост|рі — укр.) Иглою сей; Даждьбог-Индра, бог их — Ра как Ливнь, Ра|до|гост-Ра|де|гаст (Ri|ede|gost), бог славянский: Ра-Меч, Мать-Судья. Сих ко|ней, что ко Ней мчат-мыча́т нас (конь — бык при Корове, Слуга ее) — до́лжно познать. О них сказано:

Вокруг древнейшей «Великой Матери» танцевали Близнецы, юноши с оружием, то есть снаряженные орудиями смерти; как спутники сирийской богини, они назывались корибантами («танцорами»), как спутники Афродиты в Элладе, особенно в Спарте, – куретами («юношами»), или Диоскурами («сыновьями Зевса»). Имя одного – Кастор («очиститель»), имя другого – Полидевк («указчик»); открыто их почитали как спасителей на море и в последнем дохристианском тысячелетии представляли на ступени героев, в виде всадников, охраняющих свою сестру Елену, человеческую ипостась Афродиты. // Такие куреты были и в свите элевсинской Деметры. Один звался Триптолем («сильный воин», или «троепашец»), а второй – Ев|бу|л|ей, или Ев|бул («советчик»); тот же эпитет, видимо по традиции оракулов мертвых, в Элевсине имели и бог Га|дес, и подземный Зевс, и его сын Дионис. Этим близнецам соответствовали главные священнослужители – выходцы из двух жреческих семей, где данные чины передаются по

наследству. По нашему предположению, первоначально Три|пто|лем был тождествен курету Кастору, а Евбулей – курету Полидевку. // Кастор-Триптолем и Полидевк-Евбулей «обтанцовывали» год, равно как и Великую Мать Элевсина, по ходу ежегодных праздников, но в противоположных направлениях, причем оба они – в III и II тысячелетии – начинали свой танец под созвездием Близнецов в день рождения Афродиты, 24 апреля. Кастор двигался вместе с Солнцем через праздник Скиры, или жатву ячменя (на Троицу, 2 июня), после чего следовал обмолот и уборка в кладовые огромных, в рост человека, сосудов для зерна (пифосов). Зерно, дочь полей – с октября по июнь семимесячное дитя, – спускается таким образом в Гадес. Летом, пока поля остаются под паром, Деметра во гневе. Запомним, что на Троицу мать и дочь разлучаются.

Дитер Лауэндштайн

Гости — сути Любви, кони, тёмные Тьмой; о них, Глуби гонцах, скажем дале. Мать — в сих гостях Гость (Любовь, коей Она есть — Гость бренью), Гос|т|ь в Ней — высша Суть Got|t, Гос|подь. В Мать вер|нут|ься — стяжать есть Его.

11. В Мать вернуться — Начальность обрести, ставши всем, ведь Мать — Всё. Учит Мудрость о Матери:

Приветствую Мать, которая является Парабрахманом Ведантистов, Парашивой Шива Сиддхантинов, Маха Вишну Вишнуитов; которая является Небесным Отцом у христиан, Аллахом у магометан, Джеховахом у евреев, Нирваной у буддистов, Ахура Маздой у зороастрийцев, вещью в себе у западных философов, всемогущим Богом всех религий. // (…) Маха Дэви или Махешвари или Парашакти является высшей Шакти, или Силой верховного Существа. Она является Творцом вселенной. Дурга, Трипурасундари, Лалита, Раджа Раджешвари – все являются формами Пара Шакти, или Мула Пракрити, или Чит Шакти, или Брахма Шакти. // В доктрине Шакти Шива является высшим, неизменным, вечным сознанием и Шакти является Его кинетической энергией. Вселенная есть энергия. Вселенная является проявлением величия Дэви. Это утверждение доктрины Шакти. Шакти является Силой Бога, Шакта – тот, кто обладает Шакти. // (…) Сила, или активный аспект, присущий Богу, есть Шакти. Шакти – это воплощение силы. Это поддержка огромной вселенной. Это высшая сила, с помощью которой поддерживается мир. Это вселенская Мать. Это Дурга, Кали, Чанди, Чамунди, Трипурасундари, Раджараджешвари. Нет различия между Богом и Его Шакти, как нет различия между огнём и его силой горения. // Тот, кто поклоняется Шакти, являющейся Богом в форме Матери, как высшей Силе, творящей, поддерживающей и уничтожающей вселенную, является Шактой. Все женщины есть формы Божественной Матери. // Шива является неизменным сознанием. Шакти является Его меняющейся Силой, которая проявляется как ум и материя. Шакти-вада или Шакти-даршана

являются формой монизма или Адвайта-вадой. // (…) Первое слово, которое произносит ребёнок или издаёт четвероногое животное, есть имя любимой Матери. Есть ли хотя бы один ребёнок на земле, который бы не был благодарен за любовь и привязанность Матери? Это Мать зашишает вас, утешает вас, ободряет вас и ухаживает за вами. Она — ваш друг, философ, наставник и руководитель в течение всей вашей жизни. Человеческая Мать является проявлением Вселенской Матери. // (…) Бесчисленные вселенные являются просто прахом со святых стоп божественной Матери. Её слава неописуема, так же, как её великолепие. Её величие неизмеримо. Она распространяет своё великолепие на своих искренних последователей. Она ведёт индивидуальную Душу от Чакры к Чакре, от плана к плану и соединяет её с Богом Шивой в Сахасраре. // Тело есть Шакти. Потребности тела есть потребности Шакти. Когда человек наслаждается, это Шакти наслаждается через него. Его глаза, уши, кисти и стопы — её. Она видит через его глаза, действует посредством его рук и слышит его ушами. Тело, ум, Прана, эгоизм, интеллект, органы и все другие функции являются Её проявлениями. // (…) Основой Шактизма являются Веды. Шактизм утверждает, что единственным источником и авторитетом (Прамана), рассматривающим трансцендентальные или сверхсознательные материи, такие, как природа Брахмана и т.д., являются Веды. Шактизм есть просто Веданта. Шакты переживают тот же духовный опыт, что и Ведантисты. // Дэви Шукта Риг Веды, Шри Шуктха, Дурга Шукта, Бху Шукта и Ниля Шукта и особые Шакта Упанишады, такие, как Трипурасундари Упанишада, Ситопаношада, Дэви Упанишада, Саубхьяга Упанишада, Сарасвати Упанишада, Бхаванйопанишада, Бахвричопанишада и т. д. – все отчётливо провозглашают Материнский аспект Бога. Кена Упанишада также говорит об Ума Хемавати, которая наделена мудростью Я по отношению к Индре и Девам. // (…) Ученик думает, что мир идентичен с божественной Матерью. Он размышляет о своей собственной форме, как о форме божественной Матери и таким образом всюду созерцает единство. Он чувствует также, что Божественная Мать идентична с Брахманом. // Продвинутый Садхака ощущает: «Я есть Дэви и Дэви есть Я», Он поклоняется себе как Дэви вместо подношения любого внешнего предмета. Он говорит «Сахам» – «Я есть Она (Дэви)». // (…) **Поклонение Матери является поклонением Богу как Божественной Матери – Шри Мата**. Шакти есть сила Бога или космическая энергия. Шакти есть энергетический аспект Ишвары или Бога. Шакти присуща Богу. Подобно тому, как вы не можете отделить жар от огня, точно так же вы не можете отделить Шакти от Бога, Шакты или обладателя Шакти. Шакти и Шакта – одно. Они неразделимы. Поклонение Дурге или Парвати, или Кали есть поклонение Богу Шиве. Божественная Мать в её аспекте Дурга представлена как обладающая десятью различными видами оружия в десяти её руках, сидящая на льве. // Электричество, магнетизм, сила, тепло, свет, пять элементов и их комбинации – все являются внешними проявлениями Шакти. Ум, распознавание, психическая сила и воля – все являются Её внутренними проявлениями. Она поддерживает Лилу Бога с помощью трёх Гун: Саттвы, Раджаса и Тамаса; Видья, Шанти, похоть, гнев,

алчность, эгоизм и гордость – все являются Её формами. Её проявления бесчисленны. Дурга, Кали, Бхагавани, Бхавани, Амбаля, Амбика, Джагадамба, Камешвари, Ганга, Ума, Чанди, Чамунди, Лалита, Гаури, Кундалини, Тара, Раджешвари, Трипурасундари и т.д. – все являются Её формами. Она есть Пара Шакти, Радха, Дурга, Лакшми, Сарасвати и Савитри, и пять Пракрити. Ей поклоняются во время девятидневной Дуссары как Дурге, Лакшми и Сарасвати. // Она лежит дремлющей в Муладхара Чакре в форме змеиной силы или свёрнутой энергии, известная как «Кундалини Шакти». Она – в центре жизни вселенной. Она является изначальной силой жизни, которая лежит в основе всего существования. Она оживляет тело через Сушумна-нади и нервы. Она питает тело млечным соком (хилусом) и кровью. Она оживляет вселенную своей энергией. Она – энергия в Солнце, аромат в цветах, красота в пейзаже, Гаятри или Благословенная Мать в Ведах, цвет в радуге, смышлёность в уме, сила в гомеопатических лекарствах, сила в Макарадхвадже и в золотой окиси, воля и Вичара Шакти в мудрецах, преданность в Бхактах, Самьяма и Самадхи в Йогах. // Вы свободны с матерью более, чем с кем-либо ещё. Вы свободнее открываете сердце своей матери, чем отцу. Нет Бога выше, чем Мать. Это мать защищает вас, кормит вас, утешает вас, ободряет вас и ухаживает за вами. Она ваш первый Гуру. Первое слово, которое почти всегда первым произносит четвероногое или человеческое существо, есть имя своей любимой матери (Ма). Она жертвует всю себя для блага своих детей. // Ребёнок ближе к матери, чем к отцу, поскольку первая очень добрая, любящая, мягкая, любимая и следит за желаниями ребёнка. Когда бы и что бы ребёнок ни захотел, он бежит с вытянутыми ручками к матери охотнее, чем к отцу. Если она слышит крик ребёнка, она бросает свою домашнюю работу и немедленно бежит к нему на помощь. В духовной области точно так же: ученик или поклоняющийся – духовный ребёнок, у него более тесные взаимоотношения с Матерью-Дургой, чем с Отцом-Шивой. Бог Шива совершенно безразличен к внешнему миру. Он есть Тьяги и Вираkта, Он носит ожерелье из черепов своих поклонников, растирает всё тело с помощью Вибхути или святого пепла и остаётся не месте кремации в опьянённом состоянии. Он поглощён в созерцании Я. Он остаётся в состоянии Нирвикальпа Самадхи. Он передал силу защиты своей супруге, Дурге. Только Мать-Дурга следит за делами мира. Бог Шива (Пуруша) пристально смотрит на Пракрити (Дургу), свою Шакти. Она вовлекает себя в творение, защиту и уничтожение. Отсюда следует, что ученик вначале должен обратиться к Матери, чтобы Она могла познакомить своего духовного ребёнка с Отцом для его просвещения или Самореализации… // (…) Материнское милосердие без оков. Её милость является источником света. Её знание безгранично. Её сила неизмерима. Её слава невыразима. Её великолепие неописуемо. Она даёт вам Букти и Мукти (материальное процветание и освобождение).

Шри Свами Шивананда (выделения в тексте – наши)

Бог сверхпол как Одно без иного; Бог в Двух, Выбор должный, есть Мать, быков сущих Корова, надмужня Жена, Му как му|жества Корнь. Речет песня советская:

Благословляя на праведный бой,
Женщина мужеству нас научила.
И если на свете есть все-таки Бог,
Бог — это Женщина, а не мужчина.

«Горянкой» (Парвати), «Богинею» (Дэви) зовясь с прочим, Мать вечно — Пара|м|ешвар|и, Владычица высша: То-Я, сущих Суть. Буддой стать, учит Тантра, — стяжать есть Ее, Луну полную, чей есть он бог.

11. В мире сем Мать, Ноль творческий — Два, Шаг, дел суть. С тем, две Женских Традиции чтят Мать: восточная, Т|ан|т|ра, и западна, Викка; и первая сердцем Ее чтит, вторая — умом, полным Сердца как Сути своей. Вик|ка — Мать как vic|tor|ia, Тьма-Б|ур, сверляща б|**х**|ур, мир сей. Адепт Викки Рэй|вен Гримасси (Хри|ма|с|си, «Причина-Мать» в сути фамилии) зовет викканскую Богиню «Великой Богиней жизни, смерти и возрождения», подчеркивая, что «в древнейшие времена Она была известна и как наводящая страх Мать ужаса, ибо не только давала жизнь, но и отбирала ее назад. Если Великая Мать властвовала над рождением и всей последующей жизнью, то Матери ужаса были подвластны смерть и разрушение. Конечно, рождение и жизнь многими нитями связаны со смертью и разрушением; образ дающего жизнь Женского чрева в конце концов трансформировался в образ

всепожирающей пасти иного мира. Именно в связи с этой постепенной трансформацией образов считалось, что Богиня-Мать обладает властью над светом и тьмой». Ту же власть, те же свойства имеет Великая Мать и по Тантре. О Матери в двух ипостасях ее у Славян — сообщается:

Как не бывает дня без ночи, так не бывает без смерти рождения. Всегда Тёмная Мать Мара и Светлая Жива – идут рука об руку, порождая, умерщвляя и возрождая внове всё сущее во Всемирьи. Ныне мы живы, и порой как дети радуемся этому; но это – поистине лишь одна сторона нашего Бытия. Тёмная Мать – всегда рядом с нами, за нашим левым плечом, но не каждый чувствует Её дыхание, не каждый слышит Её голос. Нет, это не безобразная Старуха с Косой, как представляют Её иные. Она – Тай|ноли|кая – Сила Неведомая, суть само Знание Сокрытое. Её не постичь разумом, не узреть очами, не охватить руками. Но тот, кто хотя бы раз один дыхание Её уловит, Слово Мудрости Её услышит, тот воистину узрит в Нощи Вещей Свет Самосиянный – откроет в Сердце своём Прозрение Великое. И никогда уже не быть ему прежним, и совсем другими глазами посмотрит и увидит он счастье жизни земной, которое нам Самим Родом Все-Держителем даровано – счастье просто жить на Земле-Матушке, видеть её несказанную красоту, дышать полной грудью, смеяться и плакать. А придёт срок покинуть Землю – уйти достойно к Предкам своим в Род Небесный, в Светел Ирий». Путь во Тьму не стяжавший – чтить должен ее,чрез посредника, Грань: смерть, Тьму ту ж, от Огня коя *смертных* х|ра|н|и|т рукавицей. Сказано там же о сем: «…Чернобога и всех Тёмных Богов не следует славить так, как славим мы Богов Светлых, ибо не ведомы Тёмные Боги всякому встречному да поперечному, но лишь посвящённым в Их Таинства – людям Сведущим. Чернобога да Богов Навьих из Удела Его – Ящера-Змея, Князя-Кощея, Мару-Царицу Зимнюю Жрицу – почитать да величать особливо должно. Делать это желательно с покрытой головой (оберег себя), требы приносить в особых рукавицах либо спустя рукава [чтить трудом Божью Тьму – рукава не спускать нам, *руко́й чтить*: Тьма – Д|е|л|о-и-Дл|ань – *Авт.*], ибо не должно раньше положенного срока человеку к вещам, связанным с Навьими Силами, голыми руками прикасаться. На празднествах, когда на Капище много люду разного сбирается, оберега испрашивать и требы богам Тёмным приносить следует через людей Сведущих – Вещих, коими являются: волхвы, жрецы да их потворники.

12. Тантрийская Д|ур|га («Труднопостижимая»; отсюда — «дур|ак», пленник Тьмы, коим был Аристотель, муж-Ум) своей властью над жизнью и смертью тождественна Белой Богине Вик|ки: Тьме, зримой чрез Ум, Белизну. Над мужами царя, Мать — свята, ибо есть Полнота, Мужа Суть, что соитьем стяжает не Мужа — Себя чрез него как иллюзью, не-Мать.

13. Созидание и Разрушение, Любовь и Ненависть, Милость и Суд — Мать едина. С одной стороны, Она — «Спутанноволосая и Ужас|ноли|кая»; «Ночь вечности, Ночь уничтожения, Ужасная Ночь смятения», и «кто может жить, увидев разгневанную Разрушительницу?» С другой, Она — «Полная милосердия, Сосуд милости, Милосердие безграничное»; «Нежноголосая»; «Обожаемая и Радующая»; «Спасительница, преисполненная нежности». Она — «Самая Нежная и Самая Ужасная» в миг един. С тем, на Востоке Великая Мать суща в обликах многих, из коих главнейшие — Сердце (Единство) и Ум (Рознь), Пар|вати как Милость и Кали как Гн|ев, Ка|ли|бр пушек Господних, «Великая Богиня и Великая Демоница», пришедша порвати мир сей в дым: **Единство и Рознь — Мать одна**. К Ней взываем мы:

Святая богиня Теллус
Мать Живой Природы,
Питание жизни.
Ты размеренна в вечной верности,
И, когда жизнь покидает нас,
Мы находим убежище в Тебе.
Все, что ты раздаешь,
Возвращается в твое Лоно.
Истинно названа ты Матерью Богов,
Ибо верностью своей
Ты добыла Божественную Власть.
Истинно ты, Мать
Людей и Богов.
Без Тебя ничто не может быть или расти,
Могущественна Ты, Королева Богов,
И Богиня также.
Ты, Богиня, и к Твоей силе я взываю,
Ты легко можешь даровать все, о чем прошу,
И в обмен, я дам тебе,
Богиня, признательные благодарения.

Эв|логия II-го века н.э.

14. Чтить Богиню-Мать — Женщину чтить, на земле явну в женах. Вот как славит Тантра их: «Женщины — Богини, Женщины — дыхание Жизни, Женщины — сокровище»; «Женщины — божественны»; «Женщин следует почитать; Женщины — это Небеса, Женщины — Дхарма, Женщины — пламя преображающее.

Женщины — Будда, Женщины — Сангха, Женщины — уводящая за пределы Мудрость».

15. **Тьма — Форма Вселенной и *ви́денья* Суть: Очей, сущих для Мира, как Мир — для них**. С тем, речет Тантра: «Каждая Женщина должна быть почитаема и созерцаема. Все они — Высшие Богини, достойные поклонения»; «В форме Женщины Богиня пребывает посредине Творения [в центре, как Суть его: бренным — в Луне — *Авт.*]. Из Женщины возникает Творение, в Ней же вновь растворяется. Поэтому Женщина — Высшая Основа, Её следует истово почитать»; «Без Женщины нет Достижения, поэтому предайся Женщине»; «Женщина — основа всего мира, Женщина — основа высшего тапаса. Обрети прибежище в Женщине»; «О Богиня, всё что есть в этом мире, пребывает в форме Женщины»; «Пусть мудрый всегда чувствует Женщину как форму Всего».

16. Мать Отцу, что не чтит Ее — враг, с коим борется он; Мать по сути — Отца победитель любовный включеньем в Себя: в Сердце — Ум. Утерявши Жену, на мужах стоит мир сей, по|ряд|ком мня их, кои — хаос плохой: р|яд их — яд. Хаос добрый, П|ор|ядок-Жена, в Мужском мире бесправен: в нем жёны, бес|пут|ны, о|пут|аны им: Муж в себе — пут|ы Зла.

17. Мужней власти оплот в Сем — я|зык, в коем царь род мужской. Так, в английском «мужчина», man, тождественен с «человек» — с полнотой часть, — а женщина, wo|men, — суть «со-человек», «со-мужчина»: придаток, второе и **лишнее в сути** («лишенность» — словцо Стагирита). «Взрослеть» есть «мужать» в мире сем **(**ан|дра|го|ги|ка, наука о воспитании взрослых — от «ан|д|ро|с», муж (греч.)**)**, хоть и ясно: мужают — мужи́ лишь, вз|рос|ленье ж, как р|о|с|т — Се́рдце суть, В|ос|т|ок-Ost: не Муж-часть, но Жена-Полнота, Г|р|уд|ь кормяща живых.

18. В мир придя сей — Высь в Дол, Зла ю|дол|ь, — человеки его, огнь ОгнЯ, в него пали от Господа, Я своего, Се́рдца Тьмы, — а не от о|без|’|Я|ны **(**укр. ма|в|па — Ма|ть в Па|пе, Отце: Суть в гр|обу**)**, как мнят бренные, с|ход к жалкой сей в Дол, не-Глубь, зря во|с|ходом от оной как Глуби, подобье свое — зря за Суть, как велит

обезьяна Творца Сатана **(**столп в чем — Дар|вин, муж тьмы: дар вин|ы нам за пад|шесть, что славою мним**)**. Си|му|ля|нт Бога **(**санскр. му|ла — корень: Бог-Ма|ть; simia — обезьяна (лат.)**)** — он в твари сей, наш скрывающий Корнь; и от Корня — людей нас отсек бог-Отец, Ум пустой: дав невольно познать благо-зло нам, Тьму-Двойку (ведь Воля не он — Тьма-Жена), он отсек нам Жизнь вечну, Тьму-Ноль в эгоизме своем. Сатана-атеист — о́н, свершив то: Жизнь вечная — Бог-Тьма; змий — Божий слуга, датель Двух, полу-Тьмы: речи, членораздельность чья («ма-ма», начальное слово: Причина-Жена) — Два, а ст|олп ее — с|т|их, тих|ий Тьмой как Ноля глас, письмо Пустоты, коей есть Тьма, Безмолвье: молчащее — пусто уму как мета́|фор|а: Тьма-Цель, Не-сома, не|сома|я им: «фор» — несу; «ме́та» — Цель-Глубь как После-Внутри: ибо прежде-снаружи — облатка, очей внешних явь как мир сей пред Тем, бренье пред Вечностью, Тьмою. Поэзия — Се́рдца язык: Полнота, что пуста для пустых (по|этично — этично: мораль — сердце в нас); язык ума есть логика-проза, полна пустотой: ведь пусты бренны мы. Бог поэзии — Вак|х, бог Луны-Девы, Вак|уум наш, с Речью-Вак слит: Тьма — оба как Мать-Сын; бог логики — Фебус, без Вакха пустой. Дионис — Ди|фи|р|а|м|б, Двоевратный как Дваждырожденный (d|vi-ja|ti — санскр.), вшедший чрез Пару в мир сей: Ноль чрез Два, Тьма чрез тьму, Полнота чрез пустое. Стих — па|да (санскр.), па|в из Безмолвия, Матери-Тьмы, с Богом слитной, в дом следствия, Па|п|ы (па|п|и|р|ус — плод чей: молвь как Зло, рус|ло тьмы) — в плен от ца|рствья, от радости в скорбь.

19. Вечна Жизнь — Ноль. Рожденье — ведь к смерти вершимо оно, парно с ней, — Два, распутье Вселенной. В нем дух, в плоть войдя, отягчен бренной сей: смертью — жизнь. Схвачен ф|ор|мою **(***фор|ма, фор|ма|т — сосуд Мат|ери-Тьме: ф|ор — суть* ***ф|ер|о****, «Любовь, Су|ть не|су» (как седло — седока: for — для (англ.)); ма(т) — Ма|т|ь-Ть|ма. Форма форм, расплав их, где родятся и гибнут как в мор|е они (mor|phē — форма (греч.), mor|s — смерть (лат.)) — Мать, очей бренных, пустых Пустота. «Наше тело получает жизнь из пустоты. Существование там, где ничего нет,*

*составляет смысл слов «Форма есть пустота». Слова же «пустота есть форма» свидетельствуют о том, что пустота содержит в себе вещи. Не следует полагать, что пустота и вещи суть различны» (**Я**|**мамо**|**то** Цун|э|то|мо). Формы частны — сон Матери: в сем — Того; бог сна — Морфе́|й*), дух стремится расторгнуть ее и в|зой|ти-в|о|р|от|иться в Отчизну: жизнь — в Жизнь (zō|on). Он — пили|грим: странник, пи́ля|щий грим рад|и Сути: очаг — для Костра, огнь чей пьет (пили́ — пи́ли — пить, влагу глотать) как Себя само. В жарком порыве сем общего нет с бегством узника, что рад разъятым оковам. Дух наш рвет|ся Ввысь, проникая огнем плоть к воз|врат|у ее в Огнь как Суть и Начало. Дух не убегает из тела, но п|лав|ит его в лав|у горней Отчизны, единой обоим сим[8]. Тело, напротив, стремится усилить плен духа — стать гуще, важ|ней (вага — вес (укр.)) меж тел, ни|зой|дя в их чреде к пику плотности, Дну. То — зев ал|ый Ва|ала: Вражда, коей есть сей дух Зла, глас чей густ, — покров алый Любви, коя Бог, Эл|ь (Ал|ь); Дьявола — Богом мним бренные: Сутью — облатку. П|ал — ал. Адама́, глина кра́сна, из коей слеплён человек — ада Ма|ть, Двойка-Рознь; Матерь райска Любовь — зелена́ как Селе́на, Луна, Ноль в очах. Г|л|ин|а — gin, смерть: слепить — о|слепить; плоть, Дол-г|уща, у|ш|ей дом без Глаз, без Главы ее шея — без Сердца Ум, Роз|нь-Краснота: Красота-Кришна (К|rsh|na — санскр.), Вишну покров (как Богатства: «криш» — к'rich), Крышень — Вышня у нас. К|ра|***с*|*н*|*ы*|й — раз|н|ый — ряс|н|у́й (г|уст|ой — укр.) как платок (х|уст|ка — укр.) очам т|ленным, замок на уст|ах, скрывший Мать, Речь; цвет сна, коим есть духу плоть; плача, воп|лей (rud — санскр.; кровь у Русов — «руд|а»); против|лень|я, п|ре|п|он (rud|h); ра́с цвет, в кои, раз|ны, раз|ъ|я|т в нем Антро́п как без Се́рдца Ум, ta|bul|a rasa, лист белый без Слова как Тьмы: белизна, краснота — Рознь одна (раз|ный — г|ряз|ный, нап|рас|ный: Единый лишь — чист, сущих Суть). От сего — «белых» с «красными» бой на Рус|и; «рус|ый» — «рыж|ий» у Русичей, реж|ущий цвет. «Руд» — red, красный (англ.): ред|актор — резатель текстов; red — raid, захват (англ.). Раз|ный — рез|аный, роз|нью отъятый: от целого часть, Ум от Сердца, чтоб мнить им себя:

Благом — Зло, Рознь-кин|жал. С рознью роз|а едина, чьей парой есть крест: круг, делимый Два к Двум; так Тетраду, матерью, делящи — зрим в ней Солнце-Мир. «Рез» — «роз» — «рож»: роз|а — вульва родяща; рож|ать — отделять вглубь: плод — в лоно; «рож» — «раж»: raj|as, ст|рас|т|ь (санскр.): ро|дит-раст|ит — Огнь. «Рез» — різ|дво: пополам рез, лаз в Солнце; Х|рис|тос — лаз и Огнь («путь и Истина», рек он, — Путь-Цель). Цвет багровый (багор — копие, резак) — rubi|du|s (лат.); mu|rex, i|cis — багрянка (лат.), рез|ана Ма|ть (ре|зан — Sun: Солнце — Тьма), I|sis-Сис|ька, Исида (египт.). Ре|же|т — злато, душ нож, чьи мешки — К|рез и К|рас|с; единит — М|уд|рос|ть нас, Духа к|лад: кто богат без него — г|луп: луп|á — шел|уха (укр.), облатка без сути своей. Реж|ет — рыж|ий, р|уд|óй как Рознь та ж; cry — слеза (англ.): вода от Воды; k|ru|s|h — ло|мать, круш|ить (англ.) — как Rus|sia, Тьма-Два, земля войн-революций как Кали оплот. Крушит — зов, бур препон: krush — звать (санскр.); зов Ввысь — Криш|на, Тропа: в плоти Бог. Р|у|д|ра-бог, г|р|ом Огня г|р|озн|ый, с Шивой един — ал как Р|озн|ь, дра|ки уд (кон|ь чей верный — дра|кон).

20. Дух — П|р|о|ст|ран|ство, раз|ре́|ж|ен|ность: мир, где границы ясны, с тем — и Путь: ведь по граням — И|дем; Дем|ос Божий, Антропный Народ мировой, есть Идущий Народ, зрящий грани как к Господу Путь, Мир Его **(***с|е|р|еб|р|истый — ребр|истый, г|ран|ен|ый: сребро — металл-Суть; Мир, Кристалл, ограненный Творцом, и Шар Сер|ый, — в с|ребре да|ден нам как Ден|ь Господа-Да***)**. Тело есть время, гуща: среда, где г|ран|иц не сыскать, с тем — Пути. Плотность тела — зов пр|ор|вы его подтелесности. Тяжесть — тяжкá растя: Дей|ст|вие — Суть. Поле тяжести — Дно, Зла ла|д|он|ь; пад|шесть, дон|ность — слом Злом, Шестерицей-Ко|злом. Огнь поправ, плоть влечет дух в пучину материи. Предел па|день|я есть Дно Бытия **(**быть — be (англ.)**)** как Дня сущих — Дна Мира, С|трое|нья о двух этажах, Верх чей Тьма, Огнь-Н|очь, м|и|с|т|а|м ясней солнца. Быть чрез рож|ден|ье на Дне — быть плененным *Днем, Дном* **(**чужд чего аватар: дух, сходящий ко Дну не родясь — без утраты себя**)**, цвет чей бе|л|ый есть Бэл|а, Ваала цвет: солнца Сего как Сего, имманентного H|e|l|i|os, — hell, ад-жерлó,

царство Хел|ь **(**санскр. ad — есть, поглощать, добавлять к себе (ad|d — англ.)**). Огнь бренных очей, Бэл — Ум, солнце недолжное (*мудр в песне старой зов Геи сынам: «долетайте до самого солнца — и домой возвращайтесь скорей»: цель сия — ложна*); должное — Сердце, Луна, бренных Жизнь, в То Врата, тень чья Бэл-Ум (*в День-Ноль, Лунный День, в Луне плещется маг как в Любви, Силе Божьей: Долг бренных, Служенье — Свобода ему*). Луна, Сердце есть Мать, Тьма-Корова; Бэл — Бык, Сын, тьма Тьмы: Ум-Зло, Сердце не чтящий как Ко́рнь свой**. Ки|бела (Ци|бела) — Мать, Бэла Дух, Тьма под корой-Белизной; Ки = Ци — Дух, Тай|на, дом чей — Ки|тай; Цинь — Синь, Тьма-Луна, бог коей — Син. «Тай» — ве|л|ик|ий (кит.): Дух, То — Величье само, Тайна явью в|ла|д|ее|т, объемля ее. Братство Белое — дом Сатаны. Bel|l|u|m или du|el|lum — война: пред Любовью-Нолем — Два, Рознь-свара. Бел|лон|а — богиня войны, Ма|рса свита (Ма кап|пад|оки|йцев), жрец коей — фа|нат|ик **(**неистовый (лат.): фа|ра Нут**)**. Сатана (ведь Бэл — он) — господин дон|ный, Дон, Bel|l (звонок — англ.), будящ к бренья дню, дну очей. Высь — О|дно, Да: согласья бла|жен|ный чертог; Бытье, Дно — «нет» бе|з «Да»: рознь с собой как как бе|да и о|би|да (bi — двух (лат.)), раскол-аль|би|нос, что бел|уго|й ревет и козлом бле|ет: «Бе|ее!». Бе|лиз|на — Тьмы костюм (su|it — англ.): белье ее, Былье-Бытие; Феб-Бе|л|е|н|ус как Вакха кол|пак, Головы этой ми|т|ра **(***духовных бо|нз шапка: Ду|х — Тьма, Да; Свет — Нет, Дух-От|сут|ствие. Митра, бог-Свет — Тьмы колпак***)**, при иконе ки|от **(***от нее ящик: при Сердце Ум как при Матери От|че; Киот|ское дело — умно́, но Земли́ не спасет: Сердце это — спасём сердцем лишь***)**, W|hite, в Гите, Тьме-Песни дыра **(**с тем — и W'ход: тьма — во Тьму, Двойка, Тантры в Ноль лаз), По|sit|ив, Сути сит|о, чрез кое с|очи|тся она (sit`a (санскр.) — белый; светлый**)** как Сердце чрез Ум (cit|ta — санскр.), родя жен и мужей как сута|ны свои (sut`a — сын; sut`a|a — дочь). «Сит» — «сиф» (Ф = Т): Ио|сиф, Марии муж как Ум при Сердце. Тьма-Сердце с покровом-Умом (что, чтя Тьму, есть Ум Сердца, а нет — Ум Ума́) — Ума («белая»: Де|в|и, Тьма как Дева-

Vi|ta) в кост|юме, белá коркой сей (кост|юм сей, пуст, был Юм, позитив|изма отец, Нега|тив-Суть не зря). Sit — с|идет|ь (англ.): Покой как Шесть, Si|х, плоть людска как те|мни|ца; в Движение вход как Свободу — в Семь, Жизнь шаг: Покой — смерть, не-Жизнь, Силы нуль, si|de, бок (англ.), Бык при Жизни-Корове, не чтить ему кою — side'ть. **Шесть — безлунна Земля; Семь-Седьмое — Луна: над не-Сутию — Суть, над Умом — Сердце, Полность его. От Шести в Семь шагнуть — доказать Жизнью Жизнь, ею став (**в смерти — как Берлиоз в книге Тьмы, выйдя в То, Жизнь; воскреснув от смерти, Шести — как Христос, Сын Луны, Божьей Тьмы**)**. К Шести, смерти, Седьмое додáл, в Жизнь-Семерку шагнув, Му|ха|м|мад, в Откровенья год шестьсот десятый: 610 = 6 + 1 = 7; с мужем сим — и Га|га|р|ин в год Шестьдесят Первый, Быка год: в Корову, Тьму — Бык, верный ей. Луны штурм — шесть посадок на лунную твердь из желанных семи; провал — третий: как Мир, Луны Глубь. Сахасрара, седьмая из чакр, вскрыта Шакти, Копьем-Тьмой — Шести павший плен, выход в Жизнь как Себя, Суть. Лунь, птица-молчун, воды спутник — Луной, Сед|ьмым сед: сед|ина — знак Луны, Тьмы; vis'кú серебрит — Жизнь, Тьма-Vis; vís'ки, водка — Вакх, Тьма. Семь — Тьма, Сень, Сила-Жизнь: в **Ж**, Женé — точка-центр, клей Шести, ось целяща; s|en|ilis (лат.) — старческий: стар — жизнь испивший до дна. Сильным быть — Суть, как Силу, хранить, в Тьму рядясь: в цвет сребристый как зер|кал|о, Два **(***«зер» — «сер»: сер-сер|ебрист; сер — зер|нисто-шер|шав: серебрист не б|лес|тя; серебро — Кал|и, Тьмы острый взор; отражать — меча, Двоицы дело***)**, и черный как Ноль, Оплот Двойки как Тьму под с|ребром: **Ноль и Два — Тьма одна, Мать как Меч (***сказано у Я|ма|мо|то Цун|э|то|мо: «Воинские доспехи и снаряжение белого цвета следует считать непригодными и лишающими силы. Сквозь них просвечивает сердце их обладателя»: чрез Это — То***). Ноль — Любовь, рукоять Меча; Двойка — Вражда, его лезвие, острость двойная. Мечом сим не ранясь владеть — держать за рукоять: за Любовь, слуга коей Вражда**. Чернота, Тьма есть Нега, От|сут|ствие как Нег|а|тив **(***черный — нег|р; Негу пить*

— стать Ни|рвани: Единым-Ни|чем: данность бренных очей — пустота-рознь как сами они); Бели|зна, Свет — ей пара как С|нег Земле сей и покров сей Н|**еве**|сте (Тьма — Д|ева), му|чно́-нееди́ный, раз'res'анный (*d|re|s|s — п|лат|ье (англ.): лат|ы Сути, Тьмы; dres|ch|e|n — му|ка; tü|ller — мельник (нем.); белый — семь разных цветов (что явил сэр N|**E**|**w**|ton: sar — змей, Тьма): в смерти — Жизнь-Семь как Суть, тайный Клей*), Зна|нье — Мудрости; Тьмой Свет един, рван в себе. Сыт|ых дом, Белизна, Сит|о Тьме, — Песни кля|п (*w|hit|e — белый (англ.); «кля» — «кла» — кля|сть-кла|сть (лежание — смерть), кла|ть-кол|о|ть: кляп рту — кол*), сиречь Зло непоющее (*`a|hita (санскр.) — зло, в|ред; red (англ.) — красный, ал|ый*), неплодное — с тем (петь — творить), кор|ка-ги|бель (*муж коей кор|ичневый — Геб|бель|с; «бел» — «вел» — «вал»: зал мертвых — Валь|гал|л|а*), бе|л|ь|е душ, Тьмы ка́пель, з|вон коего — день|ги, по|дмен|а-ск|леп: Духа — бездушием, Бога — Ко|з|лом как Злом Блага (*любовь, за них куплена, — Сердце за Ум — пут|ы Тьмы, крест пу|т|а́н: горе пу́тан|ым сим*), казн|ь-ка|зн|а, зна|нье-ложь как мо|н|ет|а: Рознь-Нет как закон, клич «Hello!» (*так студент Я|гел|л|он|а Коперник, муж Мира, Мон|еты (Орел — Тайна в ней, реш|ка — явь: рознь, что реж|ет), с|мен|ил внешним солнцем Огнь в нас: Вакха — Фебом бессутним. Копер|ник — ко|пер, врата, Глуби, Огня (per), Тьмы-Мёд|а, коп|ать в кою до́лжно: треножник из мед|и над ней: cop|per — медь (англ.); таков есть и Лем, Ягеллона ж студент*). Кар|а Бо|жья — кар|бо́|ванец, руб|ль как топор, продать душу велящий свою: снесть гл|аву, иль лишиться Себя как Луны в небесах, в Двух Ноля, Гл|уби нам. Феб, Беле́н — белена, яд, без Тьмы. Бог — Дар, Дьявол — продажа; отдать Богу душу — есть Сердцу предаться; продать Сатане ее — в Ум отойти. Die|s — день (лат.); англ. die — ум|ирать: в Ум от Сердца идти как от Жизни в пусту и|дея|льность — в смерть, dea|th; ка|ли|т|а́, мешок денег — суть Кали, Тьма-Рознь, дар чей есть ка|л|ен|дар|ь: время, тьма, л|ен|и суть. День — дин|арий (den|ari|us), римская п|лат|а подневна (ка дра|х|ма Эллинов); минута (minutum), — ле|п|та, пол|ушка

Славян — время как пол-пространства, Рознь-Нуль пред Единством-Нолем. «Ру|б|лей» — «бле|й»: Сатана, бле|ск-black-Зло, Тьма-Рознь, Лезвие-Bla|de. Де|ньги — неги-свободы лишают нас. Нега — Тьма, То, От|риц|ан|ье С|его **(**как богатства, rich (англ.)**)**, n|e|go (лат.) как от ego пустого от|каз, Ко|з|ла-Зла; «То» и «От» симметричны: Высь — Дол, Мать — От|ец, Сердце — Ум; от Ума — в Сердце путь. Нега де|нег — лишенность Тьмы-Сердца, Свободы, дозор при деньгах как при сути своей. День, day — «дай», Сатана-изы|мат|ель **(***А|дам — муж без Дамы, Ребра-Глуби: не дам — возьму-отниму. Бре|нье, тьма вещей (re|m — лат.), царь в коем есть в|**ре**|**м**|я, **ре**|**м**|ень предержащий наш, — то, что бере|т дух как б|**ре**|**м**|я, бе|**ре**|**м**|енно им; бремя ж духа — плоть, тьма: гром г|рем|ящ молньи сей***)**, Отбор, Дарвина бог: отбирать — от|ни|мать; Ночь же — Да|р: Мат|ер|ь-Тьма. Отъ|ем — рей|д|ер|ство, т|руд красный (red — англ.) Зла, дёр. Дьявол, Бэл — бело-красен собой: оба цвета сих — Двойка одна, корка Сути; пре|красно — бе|л|ис|си|м|о. Двойки-Египта корона **(**ведь Два — земля эта: покров на Атлантах, Ноле, тьма на Тьме**)** — два убора в одном: белый — верхний Египт, красный — нижний, и оба — **Е**ги|пет един: в Двойке — Ноль, Камень (pet|ros — греч.) Тьмы. Сатана — Сет: сет|ь-Зло, вор-Нет, Рознь **(***net|wor|k — сеть; wor|ld — мир сей, Вора трон; wor|ds — молвь бренья; wor|k — т|руд его злой, распри множащий; т|вор|чество — краденый огнь с Прометеевых пор; war — война (англ.); рознь — с|вар|а, обычная в с|вор|е жестокой; вар|ить — цельность рушить сторонним огнем***)**. Сеть его — ИнтерНет, нас ловяща к забвенью себя; cy|ber|net|ика, дух ее — бер|ущий дух, душ изъ|я|тель, каков Сатана-Зло. С|еть-Да, Божий Н|**е**|**в**|од — хор душ, Глубью слитых в одно, коя есть Мир и Бог; человеков LOVE'ц, рек Христос, есть Любовь — Глубь как Оба сии. Пленены Сатаной, духом Дна, мы отбелены им до прозрачности, так что нас нет (о сем рек Бодри|йя|р). Бытие, День, есть Дно, Глуби-Выси покров **(***deca|d|en|ce — спад, упадок: от Мира, Декады — в лишенность, не-Мир; дни внемирны — безбожно-о|дни: с кем не Мир, с тем не Бог, Мира Сто|лп***)**, кора|бел|ьность:

Бытье нам — ко|раб|ль в Тьмы волнах, в Сердце — Ум, раб его. Дно Дна-Дня, Бытия — ад, безмерно пустое-тяжелое **(**тяжесть — пуста Злом; без Меры быть — Бога лишиться**)** «пространство с|кор|луп»: корень зол **(***в|а́д|а — порок (укр.): вода как стезя в ад, болтливых тропа: v|a|d — рассказывать (санскр.)***)**, очей плен, плен|ка-лен|ь, что таит Суть, как форма (санскр. rupa) бессутня в очах ее рвя (rup — ло|мать), с ней — и их к с|леп|оте. Пеленой на очах, сутью адской, таим от нас сто|л|п сущих, Мир-Леп|ота, Богом с|ле́|п|лен с Себя. Слепок сей, Мир, не-Бог (ведь есть лишь Два сих: Бог и творение, Мир Божий), Господом сущ — лик Его как Свобода сама, а собой сущий — Плен он, на Боге облатка (леп — укр.), очей Мар|ь.

21. Человек Земли сей — плотью схваченный дух: жизнь — могилой ее («хват» — ховат|ь, хо|р|онить: в тьму ро|нить огонь-хор). Дух сей жаждет свободы: *Себя*, — ведь Свобода есть он как Исток свой, для искры К|ос|тер. Тело жаждет быть духу тюрьмой. Дух не знает нужды в теле; тело нуждается в духе и им обусловлено как ка|з|е|м|ат его: ка|з|нь-зем|ля, Ка́|ра-Мат|ь. У|зник — тюрьмы царь, его сущей ради, кто как бы исчезнул (зник — укр.): тюр|ь|ма, розни дом (Тюр — войны ас) — тур в ничто, в Ма|ть-Отсутствие, нуль (укр. не|ма); культ тюремный — Мать как Пустота, Ноль под маской нуля. Тело, фор|ма, есть дырка от Тьмы, не-Дух: Дух — Ма|ть-Во|Да; над|зир|атель (э|фо́р — греч.), оно — и|го-эго, не-Я, покров Я-Го|л|ов|ы (Мира-Бога в нас), плен сей дозволившей[9]: бренье, кров утлый для вечной души, столпа-Глуби[10]. «Фор» — «тор»: форма — бур Материнский, нос, бренье тор|ящий как тьму — тьмой. Намеренье духа не знает коры|сти — оно есть дух сам: не кора — суть. Намеренье тела, коры духа — корысть сама. Бес|коры|стье, Огнь мира, собой живо; корысть жива Бескорыстьем, самой же в себе ее нет.

22. Дух и плоть — огнь и тьма, встреча чья — сердце наше. Здесь волей Творца суща горняя искра, какою мы живы, отсюда ид|ет в плоть *Деянье*, ф|лю|ид ее — Сила, Т|ьма, Бога лю|бовный т|ок **(***Т|еос есть Ф|е|ос, лик чей — предваряемый Эос, За|рёй, Фе|б з|лат|ой — лат|ы Бога и Тьмы Его***)**. Нет, не убогий насос сердце наше, оно — остров Духа в тьме пло́ти: огонь живой! Сердце — свят круг в

нас, порог свой имущий. М|ра|к хочет попрать его, но на пути встает Огнь — Бог. Р|у|б|еж их схожденья — душа, се́рдца г|р|а|нь.

Что́ она есть? Что́ есть сердце наше? Какие богатства таит его Глубь и что́ есть та кора, что мешает постичь их? О том срок узнать.

* * *

Сердце бренное есть дом души. Сердце вечное — Мир, Суть ее: в Луне Глубь с Богом в оной. Но зрим дом сей Духа очам, кои есть очи Сердца. Зря ими, Дух ***видит*** Себя, с тем — иное; очами ума зря, зрим, бренны, иное мы, не зря Себя, посему — ни себя, ни иное. Явь внешних очей как фено́мен пустой есть ничто, чу́жда Сердца: всё в нем! В нем — Внутри, не вовне — Жизнь бур|лит, кою тщетно взыскуем сейчас. Из него говорят Мир и Бог: Жизнь — Они, се́рдца Суть (***мир наружный, не-Сердце, — Ум-Сет, Сат|ан|а как не-Жизнь (ибо сердцем — живем, умом — сет|уем лишь), ищут коего SET|I, Зла́ лов***). В нем — хор Божьих миров, чьи посланцы летят к нам чредою; и сами мы, мня себя внешним, — Глубь, сущая в древних корнях речи, Кор|нь коих — Бог и Кор|ова Его. Посему все, о чем здесь пишу я — о Сердце как Глуби людской.

Речь дана нам, реку|щим, к Познанью: то — Сути сосуд, река та, в коей Мир, Река, льется, искрясь в каплях слов. Из нее черпал я, зря за корнь не часть слова, разъемля от части, — но слово само, разделяя от целого к части. Так зрим мы пейзаж: от картины — к детали; так атомы нам — не осколки-нули в тьме ничто (как, безбожна, зрит физика их, мня в руинах столпы) — Жизнь в телах однократно-живых: человек, конь, волк. Ведь не из атомов Жизнь, но они — из Нее, коя есть Неделимое, Атом; не Мир из частей состоит, но из Мира, Столпа — они:

так капль состав — океан. Слово — прежде частей как Смысл их, Корнеслог неделим: Корень — Полность (так Вакха лоза, ви|ног|рад, в сло|ве зрима без розни, являет нам ноги, давящи вино). Сло|г как корнь знать — знать главность над буквой его. Ныне ж корнь нам одно, слог — другое, и слово деля по слогам, режем корни мы, тем ***убивая слова***. Корень — Полность, Смысл чистый. Деля ***не Ее*** — ***от Нее***, сиречь Богу согласно (ведь Корнь — Он), стяжаем мы Знанье Его.

Делим мы — Неделимого ради, идя в Не|дра: Суть, Глубь — Одно. Так делящий, явил я незримое в зримом как Ч|уд|о в знакомом давно: Это с Тем — Мир един, и кто ищет — обрящет. Зна|к|ом|ое — Кам|ы, Любвú знак: Она — Мира Суть. Глянь окрест — Мир увидишь очами Ее.

Терпе|лив|ый — поймет книгу эту: тер|пение — пенье у тер|ний в плену в жажде звезд; звезда глáвна нам — Мир, Кра|сота[11]. Мир, К|луб|ок — луб, на Боге к|о|р|а, — в очах наших был спутан веками. Распутать его в Нить, ведущу к Творцу (в чем раз|VIT|ье людей: развиваться — распутывать им, раз|VIVA|T|ь Мир как Путь) — есть мой труд. Очи бренные — суть Ум Ума: Мир как путь имманентный, бесцельность, стезя для стези; Очи вечные — Сердце: Бог, Цель, коя зрит Мир как Путь, к Ней ведущий — Ум Сердца, Слугу, коим Мир Божий есть. Слýги Бога, Им сущи, взглянём на Мир сверху, очами Творца охватив его весь!

III

1. Душа наша — Мир в теле, сосуде своем, мнимом бреньем за Суть; она есть Суть в облатке, из Сути исторгнутой, Целое в части, Тьма-Свет[12]. Душа в теле — суть Мир в недо-Мирьи, Мир-странник, идущий к познанью себя в глубь свою. Душа

— весь человек (цельны, Миру тождественны мы), тело — образ его в мире сем, его меньший как данность — Всего.

2. Мир есть Дух. И телá сущих — Дух, их Причина, питает для жизни. Всяк сущий живет, *деет-любит*, — неся в себе искру Его огня. Лик уникальности искры сей — имя, что дал ей Дух.

3. Зверь, в природе живя, безымянен, о том не печалясь: огнь сути его, не пришедши к отдельности в теле, сосуде своем, сущ вовне, правя им, точно куклою, свыше. Копье в горний край (*так вершина горы не земля — в Небо вход; Зевс, бог неба — Олимпа земного венец*), человек-ми|**к**|**ро**|**к**|осм — Мир-в-монаде — нуждается в имени: дух свой несет он в себе. Имя — знамя его, плода Божьего, связь и рознь плóти с душой, данной Богом ему как нетленная суть. Дух и плоть — свет и м|ра|к — спряжены гранью имени, ею един человек, сущий в Этом и Том. Ей обязанный всем, чем есть он, он и есть грань сия. **Имя — Сути по|кр|ов**: кр|асота — указуя на Суть-Я, а нет — безобразье, не-образ: ведь образ — второе за Сутью, Суть чтяще подобием ей. Так, Явь Господа, Мир — Красота. Суть и имя ее в очах Сути — одно: имя знать — ведать Суть, коей имя есть **ли**к как **кл**юч к ней (*так очам мудреца океан **Атлантический** — явь **Атлантиды**: Суть, имя — для них есть одно*). **Имя — Сути лицо, кое рáвно таит и являет; с тем, корень имен — Луна, Матери Тайна и явь**. Суть и имя как Два — слитна пара, чьи страны равны; и в очах Египтян имя — главное: им|я им|еть — сущим быть в мире Двух (благодать душе — тела нетленность: лишь с ним душа — Суть). О том сказано:

По представлению египтян, восходящему к глубочайшей древности, имя человека, духа, демона и даже божества являлось органической и сокровенной частью его существа. В заупокойной литературе египтян существовала даже специальная книга, озаглавленная в переводе: «Да процветает мое имя». Считалось, что имя, сохранившееся на надгробном памятнике, обеспечивало вечную загробную жизнь и, наоборот, худшей местью врагу было уничтожение имен на памятниках. Магическое злонамеренное действие состояло в проклятии и уничтожении имени, написанном на чем-либо. Фр. Лекса указывал, что, в

глазах египтян, имя было подлинной сутью реальности. По меткому выражению Лексы, египтяне не утверждали, подобно нам: «Всякая существующая вещь имеет свое название», а в полную противоположность этому постулировали: «Вещь, не имеющая названия, не существует».

Бус|лаев о том же:

В древнейший период языка слово как выражение преданий и обрядов, событий и предметов понималось в теснейшей связи с тем, что оно выражает: названием запечатлевалось верование или событие, и из названия вновь возникали сказание или миф.

Рек Конфуций: «Знаки и символы правят миром, а не слово и не закон». Имя, знак, Сути корка — царь бренным очам как столп их. Им|Я наше нам, бренным — одно, Суть — другое нам; имя же Бога Сам Он — Одно без второго Ему. Посему Имя это — в миру речь нельзя, чтоб не свесть в Это, Дол, — Бога, Высь, Полность-То. Душ покров, имена — тела наши: на Вечности — бренья кора. На|рек|а|ть — об|река|ть: в Рок как Двойку ввергать от Свободы, от Века Златого — в историю, тьму; в Ум — от Сердца, под имени власть (сканд. Man|naz, «человек», **Ман|у наз**|ванный — руна Судьбы, черный перст Луны, Man). **Суть — Ребенок, Душа; имя — тело, пол-Сути (покров, луд-пол|уда — пол-Уда: Уд — Суть, Корнь): дыра от Души, взрослый как утерявший Ребенка, Себя. Полность, Душу стяжать — есть Ребенка обресть, «стать как дети», по Библии. Сказано же: «В сердце каждого человека живет ребенок будущей души». Полным стать — в очах бренных *уснуть*, стяжав Век Золотой, Мать как Сон**. Рек поэт о том:

Ребенок сердца моего
Болит, а вымолвить не может,
Молитвой сонною тревожит,
А не расскажет ничего:
Ребенок, только и всего.

И путь молитвы в тишину
Посмею ли теперь нарушить?
Я просто отпускаю душу
Как напряженную струну
В благословенную страну.

Я не заплачу, я усну…

Михаил Порядин

4. Душ всех Суть — Мир един. Души ж, многие, — разны, и всяка, отдельна — не-Мир, парный Миру как Целому полная часть: Космосу — микрокосм. Суть душú, Мир — Безмолвье; душа, форма Сути сей частная — песня: Мир в нас, Полноты меньших сей. Песнь сия — своя в каждом, едина во всех — есть таимое имя людское; кто слышит его, облечет в слово бренных ушей, ему парное: Одно — в одно; Тайну, Тьму Божью — в явь. Имя-втайне — душа; имя знать свое — ведать ее как себя самое. Знал сие Павел Флоренский, рекший об имени, что оно есть «материализация, сгусток благодатных или оккультных сил, мистический корень, которым человек связан с иными мирами. И поэтому имя — самый больной, самый чувствительный член человека. Но мало того. *Имя есть сама мистическая личность человека, его трансцендентальный субъект...* [человек как «душа сама по себе», как его зрил Платон — *Авт.*]. По своему происхождению имя — небесно... В особенности — имена, принадлежащие великим богам, теофорные, т.е. богоносные имена, несущие с собою благодать, преобразующие их носителей, влекущие их по особым путям, кующие их судьбы, охраняющие и ограждающие их» (курсив наш). **И**|мя первое, кое зовем именным (на|**ма** — санскр.), сути нашей согласное как сосуд, форма ее (нама-рупа — санскр.) — вечное имя для вечной Стези, коя Мир, а второе, фам|**иль**|ное — бренной, что в сущем растает, как дым **(**fam|us — лат. Сладок Родины дым, ибо та|ет**)**: дім (укр.), дом. Имен именных суть — Пространство, фамилий же — время, Пространство в утрате. Аб|бреви|атура, от имени имя, как сути покров — имя ж, служа закону и|м|ен «суть являть, суть таить» **(*Ру*|*дольф* *Антес, Тьмы муж, египтолог английский — и именем Ра, и аббревиатурой:* ***Р.А.****; Ан*|*тес — «единый с Господом», Ра***)**. Душа меж сущих душ — имя частное Мира; Мир, Целое — Имя Творца, Сути сутей покров.

5. Счастье нашей души есть согласие Миру как сути ее: **благо**, цельное в рознь с|часть|ям прочим, част|ичным. То в сути — **Господь, Благо благ**: ибо Миру согласный — есть Он, его Автор, а третьего — нету. Поистине, чревное счастье обжоры и счастье мерзавца, добытое низкой ценой — есть ли счастие? Счастье как

благо есть наше согласие с Миром, засим — и с собою. Так счастлив герой, для какого равны жизнь и смерть: Свет и Тьма, синтез коих — Мир вечный. По Демокриту, хорошее расположенье души не тождественно удовольствию; счастье, которым и есть у него это расположенье, зовет он и «неустрашимостью» — свободным от страха состоянием души, и «благосостоянием», гармонией, симметрией и невозмутимостью духа, герою присущими полно. Счастливым быть, *сиречь героем* (кто, Миру согласный, мудр) — долг высший наш, о чем сказано в книге булгаковской *темной* Пилатом, что трусость как долга попранье сего — из пороков тягчайший. «Не знающая пустого страха, невозмутимая мудрость стоит всего прочего. Она заслуживает наибольшего уважения», — рек Демокрит.

6. Тьма и Свет, половины душú — Мира есть половины. Тьма — Сердце, Жена; Свет — Ум, Муж, им живой: богосущная, Тьма — Света Жизнь[13]; и как Небытие, Бытия-Света больше она как вто|рог|о за ней (to be — бы|ть (англ.); bi — двух (лат.)). Тьма, Жизнь Бытия (без какой С|вет сей — вет|ошь, что р|вет|ся: Свет, Тьмой и из Тьмы свит, в себе — р|ван|ый ван, Ум Ума, цельным коему быть — Тьме как Сердцу служить, ставши Сердца Умом) есть Жизнь наша: бытийны мы, бренные. Свет нам есть все, что зрим мы, явь; Тьма — все, что вне взора прямого как поля очей; и Тьма — зримого боле как Тó нам, Суть чья есть Иное иных, Бог (*Sa|t, Ист|ина, коей Он есть как То чистое,* ***Пара|м|ат|ман*** *— суть «Z'a T|ьмою, Ч|е|р|то|й»: S = Z*). С тем, **Тьма есть Бог и Сила Его, сущих Мать (*F = та — по-ньютоновски: Сила есть Ма|ть*): Высь над нами, Глубь в нас как Sub|s|ta|n|tia, Глубь, и Es|s|e|n|tia, Сен|ь-Высь — Суть слитна, Мораль-Небеса, Кантов Бог двуедин. Бог есть чистое То — То за гранью Всего, Мира-Тьмы, Абсолют (Ab|sol|ut — от всего отрешенный: очам зрящим — Нуль) Нереальный (*вне-Мирный: «ре|аль|ность» — от re|s, вещь: Вещь-Мир как Вещ|атель о Нем («аль» — Эль, Бог), что от|рез|ал Господь от Себя, из Себя сотворил как из Гл|ин|ы гор's|ok, об|раз Свой как об|рез («сок» — от «сечь», «от|сек|а|ть», сечь от с|ока: частей сок есть целое,*

зрячего ока оплот; рознь — не зрит); отсеченность — ку|сок; укр. сок|и|ра — то|п|ор)); **Господин, всех влекущий, чей лик земной — Пан (господин — укр.) — Сего клей, в нем горний и дольний. О нем рек Гомер:**

С нимфами светлыми он — козлоногий, двурогий, шумливый —
Бродит по горным дубравам, под темною сенью деревьев.
Нимфы с верхушек скалистых обрывов его призывают,
Пана они призывают с курчавою, грязною шерстью,
Бога веселого пастбищ* [= долин в преимущ. — *Авт.*]. *В удел ему отданы скалы,
Снежные горные главы, тропинки кремнистых утесов...
***Часто мелькает он там, на сверкающих белых вершинах*…**

Орфей же воззвал к нему:

Чистый творец лона дольнего, мира земного!
Мощновеликий Пастух стад телесного мира,
Неба, и моря, и тверди земной, дух сатира,
Пан покровитель, Хранитель огня молодого!

Лик твой является звуками вечной свирели,
Что воплощают Гармонию Космоса. Диво,
Скачущий быстро, летящий кругами игриво,
Ты средь вакханок, Певец, расточающий трели!

(…)

Словно бурлящие воды глубин Океана,
Пеструю сушу водой омывают, питая,
Тварей питаешь земных ты, желанья рождая
Ярким огнем животворным под звуки пеана.

В вечных молитвах твоих поколенья бессмертных
Род человеков выводят на пажити жизни.
Трижды блаженный вакхант, снизойди в доброй мысли
К смертным, что стонут под гнетом страданий несметных.

Пан — Пеан, гимн священный: Песнь — Тьма. У Орфея же:

С нимфами вместе и радостной Эхо, чьи звуки
Нежно ласкают и льют, услаждая нам слух.
О, многоликий Пэан, плодоносный Пастух,
Гневный, двурогий. Щедры твои сильные руки.

Бога лик, Пан — в очах Мир: to pan — всё (греч.), Мир, Бога лик; С тем, число Пи — его: Мир в оправе очей наших; «п|у|д» — его имя: Глубь, Мир — Камень, Груз; закат Древности, Мира в очах — Пана смерть (рек Плутарх). Бога длань (*санскр. paaN`i — рука*), Пан (*pus-, panus- — «давать плодородность» (индоевр.); pu|S|pit|a — цветущий*) — Пи|т|а|тель, в ком с|пит всяк из нас; он бог Паш|ни Господней *(«паш» — pus|h*) — Тьмы, Пус|тын|и очей. Пашня —

Пут|ь, бог чей Пан, Pus (S = T), при Матери Pat|er благой, верный Ей: с Целью Путь, душа с Глубью — одно. Бог скота и богатства (*санскр. p`as|h|u — скот; мелкий домашний скот*), он, Пас|тух стад сущих (*тух|нуть — входить от Сего в Тьму, Иное: так гаснет душа, отходя*), с Влесом нашим един (как Пуш|ан, у Индийцев пастух стад небесных) — Эм|пуз ужас, Тьмою страшащих (страх — пастырь нам, бренным), и пуз|о Силена, пуз|ырь-Тьма: Селена, Сократова Суть. Бог богатств, Пан — дыханье как главное наше богатство, вдох-выдох, чьи п|р|а|н|ы есть Пан и А|пан. Луны Паж (pu|er — лат.), Пан — в нее, Матерь-Тьму, пово|дыр|ь (как Сократ — пастырь наш, им ведо́м): па|хар|ь Тьмы, Глуби паз|уха, sin|us (лат.) как ниша Сина, п'Eve'ц, sin|ger (англ.) Пе|сни, Тьмы, Сути У|па|н|иша|д, песен о Песне сей; с|пус|к во Глубь как Луну под землей (Дно — слепцам, Высью мнящим себя) — стезя Пана; паз Рун, Вглубь рез — он. Он — За|пас золотой наш и Случай, Пус|тяк (*им есть книга моя: санскр. pustak|a — книга; рукопись*); он и Зарок наш (*санскр. t`a|pas — покаяние; аскеза; обет*). Тьма, Пан есть Pun|ctum sal|iens, Суть (лат.) — Сел|ена; он — Фалл острый шильно, Пуан|т (pointe — острие, кон|чик (фр.)), муж чей — Пуан|кар|е, Т|о|ч|ку чтивший, зря Му́р в ней. Бур, Пан, бур|ный Тьмой — созидатель: творить — в Суть торить-чер|пат|ь. O|pus — из|дел|ие (лат.), in|ven|ire — есть из|обретать: обретать из Тьмы как Пан, Тьма-Самочерпа́тель. Из Пан|а — Ис|пан|ья, корриды земля материнская: быка попрать — с Паном Мать воцарить: Тьма, Глубь — оба. Козел, Тра|г|ос, он — корнь т|ра|г|е|дьи (с ней — прозы, идущей вослед), с тем — поэ|зия вся как их суть, сим чревата Зия|нием как Вакхом Феб (ведь Вакх с Паном — одно: крыла́ Матери), Богом — Мир вечный: п|о|эз|ия — Паз в Бога этот, Poet, что по|ет-роет. Три, Мир есть Тре|щина глаз, Мира чуждых в смотреньи своем; Мира лик, Паз-Пан — Пауз|а: дырка во времени эта, Любовь во Вражде как Кон|такт, с Миром связь как Господним

Кон|ем. Пан — Служенья стезя одинока (вэй — кит.), песня наша свята; соло|вей, глас ее — Пана глас. Пора Пана есть о|с|ень — суть Тьма-Мать, Ось-Сень, — плодов и сва|дьб пора, кою Пушкин любил как поистине *пору свою*: Пуш|кин — Pus-skin, суть Панова кожа, поэт, сей пуш|ок гоних Крыл. С А|пол|лоном сразившись, Пан был побежден, став вторым: Глубь — Второе очам бренным, как правит в них женой муж, Сердцем — Ум. Глуби лик, Пан — Силь|ван, Силы ван как Сел|ены, Лу|ны дух, Ф|авн Лу|пер|к: бог-lu|pus, лу|па|ст|ый паст|ух, женой чьею у римлян была Мать сама (так жена Шивы — Ш|акт|и, Мать та ж). Богу древнему, Пану не ставили храмов: был храмом он сам. Так храм Ма́ть нам, Ж|из|н|ь Божья — Жена из Него.

Бог и Сила Его, Мать, — Бог с Дланью своей: Сила — Длань. С Ней един как Вер|шит|ель с Рукой, Theos — Тьма как Одно: Голова, тела Корень; Мать — тело безглавое: Тьма-Два, столп с планкой на нем как руками вразмет, дважды-Г. С тем, скульптуры безглавы Ее: с Богом — Всё, сама ж — т|руп, нуль. Англ. Mo|t|he|r, Мать = Mo-The(os)-Her, с Головой-Сердцем плоть. В переводе Аллах — «рука белая»: Господа имя как Матери, Длани, един с коей Пан: Pus — Рук|а. Длань, Мать — Ноль, Двойки Суть как Ладонь, себе парна, Хлопо́к о себя самое (о том — древний коан): Бога хлоп; длани наши — Творящей сей тень: Два — Ноля. Бог, как Сильный, — Своей Силы больше: не Он Силой тверд — Сила Им; боги прочи — под Силой стоят (так без стрел своих, Тьмы, Зевс — ничто). Длань, Мать — Мир как Вселенная: Лоно, держащее нас как Дес|ница Творца. От Руки сей — ст|рук|тура Вселенной, Ткачихи сей т|кан|ь. Т — Бог-Мать,

слитна Тьма, лик чей — Ра|ма, муж-Глубь. О нем, Всём (ведь Глубь — Всё), и глаголится:

Все существо Вед заключено в имени Рама. Сказание о Раме – это океан, всеобъемлющий и чистый. Можно с уверенностью сказать, что никакая другая страна и ни один язык не породили до сих пор столь грандиозной и прекрасной поэмы, как Рамаяна; вместе с тем, нет таких народов, чье поэтическое искусство не черпало бы в ней свое творческое вдохновение. Иметь в своем наследии такое величайшее сокровище – знак счастливой судьбы для каждого жителя Индии. // Рама – Божественный хранитель любого индийца, который несет это Имя в теле, в котором обитает; Его несет каждое жилище, в котором обитает тело. Нет человека, рожденного на индийской земле, который не вкусил и не впитал бы нектар Рамакатхи, истории Рамы. // Рамаяна – эпос, повествующий об инкарнации Бога, – священный текст, благоговейно повторяемый всеми людьми независимо от их занятий и социального статуса – учеными и невеждами, богачами и нищими. Имя, прославляемое Рамаяной, освобождает от зла; оно очищает грешника; оно обнаруживает Форму, скрытую за Именем – Форму, столь же восхитительную, как само Имя. // Как океан – источник всех вод, так и все существа рождены из Рамы. Как водное пространство немыслимо без воды, так нет жизни вне Рамы – так было всегда и пребудет вовеки. Есть много общего между Всемогущим Господом и лазурным океаном. В легендах и мифах Океан воспет как вместилище мощи и силы; Бог покоится на поверхности вод необъятного Океана Молока. Именно поэтому великий поэт Вальмики, сын Прачетов, сложивший Рамаяну, дал каждой песне название «Каандо», что означает «вода», «водное пространство».

Праздник Тьмы — Тес|мо|фор|ии (греч. Θεσμοφόρια, лат. T|hes|mophoria) Греков: «Тес» — Теос, «мо» — Мать; войско Божие — Девы, мир чей, Божий Дом — Дева|кан, храм-Жена. Артемида-Диа|на — Dea'на, суть Бог как Жена; Артемида ж — Под|агра, «под а́грой, верхушкой»: под Богом — Во|Да-Мать, в Да Вход; Ра|да|ма|нт — Ра + Дама: муж Тьмы, в Том судья; Саи Ба|ба — Бог-Мать. С Богом слитна, Мать-Мисс — Ком|про|мисс: Да как Третье меж Двух, в ком едины они. Т — Крест истинный: Хр|е|ст как Хр|и-Ест|ь — лик Причины как Тав Греков: Тав|р, Бык, лик Тьмы (*бук|ва кажет на Дух как пол-Сути на Суть: на Корову-Тьму — бык*). О сем сказано:

Греческая буква Тав и наше латинское Т составляют настоящую форму креста, которая, по пророчеству, должна будет изобразиться на наших челах в истинном Иерусалиме.

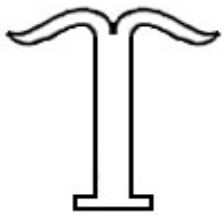
Тер|тул|ли|ан

И также:

Изображение Греческое, «Тав» называемое, которым Ангел Господень сделал «знак на челах» (Иез. 9:4).

Святитель Димитрий Ростовский

Тав — Тау|сень, Овсень: Пан, плодность. «Тов» (ивр.) — хорошо: Бог, Тьма — Благо; отсюда — «то|в|ар|ищ»: Бог, главный товарищ наш, Второй как Суть наша, Я. Тьма как Тав, Тау — Ноль; Два — пол-Тау, Пол|тав|ы разящи мечи: тьма пред Тьмой, ум пред Сердцем как Петр, царь. Ноль, Тау — Луна, Мать; пол-Тау — Земля в розни с ней, звал от коей в Луну нас Шар|Гей, ш|вед|а битого правнук, в Полтаве рожден. Рих|тов|ать — править Тьмою, Богатством (ric, rich), кое Уд, Прямизна (ею полн О|рих|алк, Тьмы металл): Тьмы лишенным — невмóчь то, кривым; и горбатых — могила исправит: смерть, Тьма, Сила сил. Тьма, К|р|е|ст — «кр|е|н|ь», корень (стар.) как эпитет Сварога — Небес, Божьей Тьмы. Тьма, Коро|ВаК|оза (с Нею — Сын, БыКозел) есть кр|е|ст-я|кор|ь: Кор|ова как Я, наша Суть, рек о коей ап. Павел: «Твердое утешение имели мы, прибегши взяться за предлежащую надежду [Крест — *Авт.*], которая для души есть как бы якорь безопасный и кре|пкий» (Евр. 6:18-19):



Крест как вход в Бóга, Причину, имущий вид Х, цифры римской, восславил апостол Андрей пред распятием: «Радуйся, Крéсте, плотию Хри|сто|вой

освященный». Кирилл-Константин — пол-Хреста: К, Бог в розни как Два пред Нолем. Кресты разны по виду их; Бог, Креста Суть — един в них. О том сказано:

И не по числу древес, не по числу концов Крест Христов почитается нами, но по Самому Христу, пресвятой кровью Которого обагрился, – обличал раскольничье умствование святитель Димитрий Ростовский. – И проявляя чудесную силу, какой-либо крест не сам собою действует, но силой распятого на нем Христа и призыванием пресвятого имени Его.

Розыск, кн. 2, гл. 24

О том же глаголится:

Как четыре конца креста держатся и соединяются его средоточием, так и силою Божией держится высота и глубина, долгота и широта, то есть вся видимая и невидимая тварь.

Ио|ан|н Дама|скин

Крест, Хрест — посох как пастыря знак. Посох — жезл; Пастырь — Бог безначальный, с Ним — Сын односущный. Рек Бог Ему: «Паси народ Твой жезлом Твоим, овец наследия Твоего» (Мих. 7, 14). «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец», — рек в ответ Сын (Иоан. 10, 11). Прообраз Его — сила посоха Моисеева, данная Богом в знак пастырской власти над овцами Церкви (Исх. 4, 2-5); и посоха мощь Ааронова — Сын же, пастух славный наш (Исх. 7, 8-10). Крест и жезл как одно зрим мы в образе древнем:

О единстве сем сказано:

«…глиняная лампа, найденная в римских пещерах, показывает нам весьма ясно, каким образом рисовали загнутый посох вместо всего символа пастыря. На нижней части этой лампы посох изображен пересекающим

букву Х, первую букву имени Христа, что в совокупности образует монограмму Спасителя» (граф А.С. Уваров о находках катакомбного периода). // Вначале форма епископского жезла была подобна именно пастушескому посоху, верхняя часть которого загнута вниз. Все архиереи Византии награждались «посохом пастыря» только из рук императоров, а в XVII веке все российские патриархи получали свой первосвятительский жезл из рук царствующих самодержцев.

Мать — Рука Бога, Бог — Голова Ее: вот слитность их. Мать — Ма|гура, Гора (др.-рус.), чья Бог Вершина (*гори́ць — божество (др.-рус.), Тьмы лик*). В себе́ Мать — безглава, от|кол|ь и безглавость фигурок ее, частый вид. Ло|эн|грин, Лебедь, Тьме верный (green, зелень — Цвет Тьмы-Хри) — Ло|э|ра|н|грин: en, Тьма, с Ра, Богом, в имени сем есть одно. Бог как чистое То — Бог-Рука, Мир творящий как пару и образ Свой; То как не-Бог есть Тьма-Мать, Длань и S|en'и Его, «Не» (en — греч.) как Отрицанья Всего, с Ним едина как На́|ви (слав.), противо-Бог (*Ван — Бог; Нав|ь — Тьма: как Лоно — Девятка, санскр. нава; отсель — «не|нави|сть», «поз|нава|ть», «новь»*), на Vi|t'е сей М|а|нти|Я, Корка-При|Я|тность (ведь «Не» живо Сутию, Да, в розни с коей — не-«Не»: нуль, ничто; priy`a (санскр.) — 1) при|я|тный, милый; 2) любимый; друг); их единство есть Ан|Х , с|ru|х an|sat|а (Sat, Истина — Хер, Тьма-Причина), крест К|руг|а с Рук|ою, египтский Тьмы крест (an|kh — жизнь (египт.): единство с Причиной, Творцом): сверху — Бог, Пе́тля-Круг, снизу — Тьма, Т (в «ты» — пе́рвая: Бог — Я, Тьма ж па́рна Ему — «Ты» при Нем как Яйцо, где Он скрыт). Крест сей — суть человек, из Столпов состоящий своих: глава — Бог, проче — Мать (планка верхняя Т — две руки посему; Ф с Т — буква едина: Ф — Т ф|ерт|ом, иль подбочась). В мире сем, Отчем, Крест сей — при Муже Жена, при Уме Сердце, Суть (при Чап|аеве — Анк|а; Ан|анк|а — при хоре эллинских богов) как при теле дух. Тьма есть Во|Да: Бог и вход в Него; крест Ее — в|оден. Сему явь есть Кецалькоатль, Майев бог как Спаситель, из моря исшедший с крестом и

распятый на нем. Август де П|лон|ьон в книге «Священные Мистерии Майя и Га|ун|чей» пишет, что крест, c|rux an|sat|a, всегда ассоциировался с водой: он был символом водных божеств в Вавилоне, небес и бессмертия — у Скандинавов, для Майя же — омоложенья и освобожденья от физического страданья. Тьма, Глубь, Анх — Луна. Сказано:

…когда луна восходит со знаком «анх» на лице, у мертвых начинают биться сердца под землей – и тогда случаются землетрясения и красные пылевые бури. Клады трясутся и обнажаются, как груди пляшущей негритянки на празднике, и ценные металлы просачиваются наверх, как белое молоко из смуглых сосков. Тогда человек теряет свой дом и обретает сокровище, подступая к нему с обеих сторон рухнувшей стены. Луна светит ему прямо в лицо иероглифом «анх» – и негде поэту укрыться от собственного безумия.

Слова, близкие к «Анх» — Тьмы слова. Анк|у — смерть по-корнвалски; янг — мать по-кама́|шински; анг|е — смерть (вал.); анг|е|л, укр. ян|г|ол — Тьма, Гол|ова; ян|га — месяц по-коффрски; ангу́ — «мать» в вогульском, «сон» по-самоедски: Мать — Сон. Анх как Амх (Н = М), Выход в A|M|EN|ti, Осириса царстве — Врата в Бога-Тьму, Нерожденность-Высь, или, противно, — в Рождение, Дол: Глубь, Одно — бренным Два. Мать — сиянье вкруг Господа, Слава Его; Слово с Славой — одно: С|ла|ва — Сва, Слово — Вак, обе — Мать (с тем, Славяне — Словяне: речь — слава народа сего). Позитивом себя мнящим нам, бренным, Тьма, Лоно есть Нега|тив, От|риц|анье: так «найн» — немцам «нет», англичанам же — Девять, Утроба-Жена. Бог и Длань Его — Суть наша: ho|mo — человек (лат.), Го|сподь-Ма|ть; Богом-Матерью мы го|мо|ген|ны — из Них состоим как из Цели путь (*стезей сей есть цели|ба|т: рознь с земною женою, Тьмой-частью, Тьмы-Целого ради: ведь Целое — Цель (стезя ложна: часть с Целым — одно)*; *К|ель|т — « к Эль-Т», Цель как Два: Бог и Тьма*); и меж Богом и нами, тьмой в Тьме сей, Мать — Щ|ел|ь, дабы всяк к Богу шел (*еп, ет — 1) единица ширины (в английской типографской системе мер), монада ее; 2) в, на и пр. (англ.)*). Бог, с Ни|М

М|ать — Тьма одна; с|ни|м|ать — Высь оп|уск|а|ть, Бога-Мать (как со стен — образа́), иль снимать|ся (Высь — мы), *узк|ий труд*: стезя сп|уска-подъема, едина, — узка́; узок п|уск как снимание с места, отход — ст|арт в То, Тьму (с|тарт как Н|и|з в сущем — Та́р|т|ар, Тьма-Дно); от к|уска до Единства — стезя у́з|ка та ж, Тьма как Щель, Уз|ы-Ноль. Тьма как Тайна нам — Иго-За|гад|ка (en|ig|ma — англ.): Тайна — довлеет. Мать — Сила, от Бога идуща; Бог — Сила Ее, Собой сильная, коей сильна Тьма; Тьмой-Матер|ью сильный — матёр. Тьмы стяжатель есть во|ин, «идущий Во|глубь»: Сила, Тьма ему — Цел|ь и За|с|лон как путь к Лон|у сему, где он Цел, Победивший (w|in — англ.) как стяжавший Себя; и борясь меж собой, бьются воины Силою — с Силой друг в друге как *Сила с самою собой*, игрой тешась: Иг|Ра — Иго Ра, Тьма, Ноль-Два, Б|х|ога Бога (санскр. b|ho|ga — еда, пища; власть; польза, выгода; удовольствие, наслаждение); Бог — Бхага|ван, Игрок Темный над Сущим («ван» — «вон», вне Всего), чей Шар — Мир, Всё; Бог — Автор Игры, ци|кл|а играют: Бог — в Мать; Она — в Вакха; Вакх — в Феба; Феб — в бренных нас; бренны, мы — в Бога, как Путь — в Цель, Идущи. Как Бог, Мать есть Бог, Дланью деющий Мир, образ Свой; как не-Бог — Мир (лат. M|u|n|du|s — Mu-Un: Мать-Одно, Луна-Moon) и в нем Длань, нас держаща (du — Два: Мир-и-Длань как Тьма цельная); Свет, Бытье пред Небытьем этим — мы как не-Тьма в Длани сей, коя, нас нес|я, есть наша Суть, Столп-Внутри как Ли|ш|ен|ность Бытья О|дол|ен|ьем, победой любовной его чрез включенье в Себя: *Обретенье*, Дэ (кит.) (*«де», приставка — отсюда: лишенье-Отход. Так и звал Стагирит Тьму — «лишенность», под ней зря не Ноль, что Дает отнимая (ли|шает Ума (Ли — кит.) — Се́рдцем в дар), — нуль, коим был он пленен как Диаволом-Злом, Тьмой-Двумя: без Ноля Двойка — нуль*). Мать, Ноль есть Корневая Природа, санскр. М|у|л|а|п|ра|крит|и (му|ла, му|ул|а — корень (санскр.)), М|ед и Ул|ей как цельная Суть; от Нее как Пра|крити, «предтварная», идет природа, сосуд наш прямой,

Ноль-Монаду таящий как Двоица, Рознь. Тьмы Шар, М|ир, величайчайшее Тело (*санскр. шар|и|р|а, деха: Шар-Десять — деха|да (греч.)*), Троица-Связь (ир|мос, hei|r|mos — греч.) — Шар-Жена CosMos: Божья Эн|ер|гия, Ток как Река-Кольцо, цельная Богом, Истоком-Концом. Посему Э|л|ев|син|ий срок в днях — Десять, Мир, треугольная Суть. Тройкой зерен гранатных связал Персефону Аид: Тьмой, Женой. Луна-Тьма, Артемида-Диана есть Три|вия, трех дорог Суть, и троякая власть: в небесах, на земле, под землею; Геката, с ней слитна — триглавая, зря все окрест, и трехлика: кобыла, собака и лев; правя тройкой людскою «рожденье-жизнь-смерть» и триадой стихий «земля-воздух-огонь». Покровитель охоты-пастушества, то — Велес в юбке; ко|ней разводя, она — Ко|нь их: Мир, Три, Ко|нь-Ко|была (к Бытью — Жизнь) как Кин|фия — Мать, Артемида-Луна; «фия» — «тея», Глубь-Бог, Луны Суть. Ким|мер|ийцы, народ Коня, зва́лись «Го|мер», Мера-Мать, ибо Суть их, Конь-Мир — Мать. Поистине ведь Мир, Рек|а-Рак — Мать, Божья Рук|а. Каждый — eve|ry (англ.): Мир, Всё — Eve, Тьма-Мать, Ко|з|а-Т|айн|а, как Хаос кос|ма|т|ая, сын коей — Вакх, при Козе сей Ко|зел (суть та ж — имя Козь|ма, звавший в ко́рнь зрить: Корнь — Мать): Мать и Мир, Дитя Бога — Одно, Мать-Дитя, в Боге Тьма (*знал душой сие** Go|ya, «я — Мать» (go — корова (санскр.)), Истины муж, Махи го|ло|й. Глаголит история: «Портреты Гойи были абсолютно лишены лести, и часто их сходство с оригиналом было **правдиво до жестокости**, но он продолжал получать заказы, и его популярность при дворе росла. В то же самое время он писал **прелестные портреты детей и красивых женщин**» (выделено нами)*). Сен|ь, Тьма́ — «кен» — Конь, Мир. Кан|ун (eve — англ.) Бога, Мир — в Бога Окно как Во|Да, Ева-Мать. Всякий Мира ш|мат|ок (кусок — укр.) — ш|мат-Мать; Бог как Она — Га|я|три; Терешк|ова, в Мир, Трешк|у-Ма|т|решку, взойдя — Мать как Три; «сва|ха!», клич а|шва|мед|хи, Конем-Миром жертвы — Сва, Мать. С тем, трехлика Мать Сва; Кельтов Мать — Тройка та ж; мойры, парки и**

норны, тройные в единстве своем — суть Она; Чан Э, Мать у Китайцев — трехлапая жаба (жаб дом — Луна, Матерь); О|р|ей, трех отец, Кия, Щека и Хорива — в сути Ор-Рея, Тьма-Ноль, Руси Корнь. Мама — лат. mater, nu|t|ri|x: Нут-Три, Мать как Мир, что В|нутри нас; rix — ric: Глубь, Богатство. Ма|т|ре|на О|нуч|ина, образ Казанский явивша Руси — Мать-Три, Мир, Му|Ра|вей|ник при Ра. Мать Тьма, Дам|а — Отечества Дым, что нам сладок-при|я|тен: Отечество — Р|один|а, Мать, древним — Мир весь как есть. О|три|цание Матери Вверх есть Бог, Не|чер (Не-Черный как качеств лишенный: Тьмы Сердце без цвета, Над-Мать), вниз — Отец-Муж, Утрата: безматность, без Тьмы Свет, Сие без Того. Позитивом себя мня как Это, мы истинно — То, Тьма, чья буква — Е, первая в «Ева», Жена, и шестая в славяно-российском согласно нам, людям, день чей — шестой. Е — буква первая в слове **e|s|s|en**|tia — сущность (лат.): Тьма, Sen'ь как Я; с тем, и буква вторая — Ее: S, Z'мея-S'e|p|еб|ро, Божья Истина Sat **(**Тьмы дом мрачный — Эреб; Тьма как полность — в Адаме Ребро**)**. Seni|um — старость (лат.), сени Тьмы, Сени сущих: при Сердце сем — Ум; «надо», до́лжно — «Н|а|д», Тьма как Закон: Бог на ад|е, над тьмою Тьма-Высь, Корнь над|ежд **(***на́ди (санскр.) — трубки Силы в плоти́***)**. В отрицании n**e**go — вторая она, как за «да» — «н**е**т», no: Но|ль, Тьма **(**как Мужа противность зер|каль|на: **Но**ль | **Он**, Муж**)**. Свет есть ego ложное наше **(**от|сель — эго|изм: эхо|изм, отзвук Я, верность шкуре — не Сути**)**; Тьма, n|e|go — не-эго как Я настояще: **e**n|s — сущее (лат.) — от en, не (греч.): И|знан|ки Вражды, «не», — Любви-Тьмы, сей Ню, Сути голой **(**лат. en|ne|a, ni|ne (англ.) — Девять: Тьма, Лоно-Ж|ен|а**)**: сущий тот лишь, кто любит, кто Матерью сущ. **En, Мать-Высь Нут — «Нет» бренью, а Вечности — Да как Сверх-«Нет», отрицание чрез превосходство: Любовь, сущих D|en'ь — не Вражду (зримый нами в «эн|цик|л|ик|а», «эн|ту|з|иа|зм» — Тьмы словах). Семь, англ. SevEn — Сев En, Тьмы-Жены: Выси — в Дол, где гостит огнь Ее. Сущим быть — быть Иным: Я — То, Тьма, S|en'ь Се|го (в коем зрим, бренны, Да, заблуж|Да|ясь: Да сущих — Иное иных, Бог); жить нам — есть к Себе с|ту|пать: мы есть Собой,**

коль Идем (*idem (лат.) — то же самое, то же; «ту» — То, Бог-Тьма: ступают — с|мó|пы, что то|пают в То; сто|нóй — пой: Тьма — Песнь, гимн всем ступающим per pedes apostolorum; Творцóм полность Мира — С|То, Путь; тело|м мня себя, мы — Telo|s, Бог, сущих Цель***)**; с en одно — in, Нет-Глубь **(***en, in, un, an — Глубь, Мать, слоги чьи — m|en, m|in, m|un (...). Так англ. en|do — внутри; en|ter — входить, вводить, вступать; en|sph|er|e — заключать в, окружать; en|amour — возбуждать любовь***)**. Стать V|en'цом — в En войти: Тьма — Венец, тело чье есть Sel|En|а, Луна, в То врата. Сень как Матерь, H|en (благоволение, милость — финик.) — Сень-Владыка служением Богу: царить с Ним — служить Ему **(**Гор, слуга Ра — царь как Он**)**. Прибавлять **(**ad — к (лат.)**)** и убавлять **(**de — от, не (лат.)**)** — Тьмы труд: Жизнь и Смерть — она, в брении Ма|лость, Любовь **(**m|in|or — малый (лат.)**)**, очам Последне: О-Мега, Ко|не|ц **(**f|i|n|is (лат.); en|d (англ.) = an|d — «и», Связь, Анд Суть как стези в Небо**)**. Тьма, коя бренью ничто, в сути — Всё; Бытие, мнимо Всем, без него — ничто **(***«Страх перед светлой ночью ничто порождает первоначальное откровение бытия как такового: обнаруживается, что оно есть нечто сущее, а отнюдь не ничто... И только потому, что ничто открывается в самой основе существования, сущее может вызвать у нас удивление, и основной вопрос метафизики встает в формулировке: почему вообще существует сущее, а не ничто?» (H|e|i|d|e|g|g|er)***)**; встать над Бытьем, превзойдя (в очах бренных — лишась) — обресть Дэ (кит.), Мощь-Да|му как Всё над ничем. То — господства Стезя: от Тьмы — всё; Тьмой мы живы и кре́пки: за|кали|вать — Тьмой кре|пить: Нолем-Любовью, стоящим за Кали, Враждою-Двумя, за облаткою — Суть: в Боге Жизнь. Жить в Нем — больше, чем быть, как Дви|жен|ие больше Покоя, причинно ему: Тьма, едина с Творцом, есть Движение, Свет же — Покой[14], на нем корка: быльем порости — в плен Бытья угодить, в нем застывши как в гипсе (гип|с — «гип|о»: шаг вниз, недо-суть): Свет есть Было-Пропало, Тьма ж — Есть; Бытья, s|um (лат.), корнь — Жизнь, Сердце,

пара его как Ума: Суть — не-Сути как Корнь ей **(**с|ум|ни́й (укр.) — печ|аль|ный: пек|омый Огнем, Тьмой как «Не»; «аль» — Эль, Бог**)**. Сердце, Тьма как Безумье-Сверхумие Mad (стать безумным им — Ум превзойти-поглотить) — Действье, острое как **матерински объятия**: M|a|d — суть Ma-ad: «прибавлять Мать», расти *Силой сей*. Постоять за что-либо — явить всю подвижность свою ради того, что свято, как Ма|кс|имум-Ма|терь: бороться — μά|χ|εσθαι (греч.)**;** cal (санскр.) — двигаться: Кал|и, бойцов Огнь; бег — Бог (как Эллинам): у Русичей — Богъ, Бг, Бъгъ. Жизнь без Бытья обойдется, Бытье ж без нее, *ею сущее* — нет, как не жить нам без сердца. Дви|жень|е — нед|ви́ж|имо внешней рукою: Глубь, движет *оно́*, С|тр|е|л|а, коя стре|мит (рек Зенон); движим ею Покой, что Движение тер|пит, противясь ему **(**явь чему — тел и|н|е|рт|ность, не-ерт: не-Эрот: смерть — не Жизнь; Зло — не Благо**)**. Движение, Тьма, Река-Жизнь (санскр. va|ari — вода) — НеБо, С|ва|р (санскр.) иль Свар|га (слав.): черное (zwar|te — нем.) тело, Дух чей есть Мать Сва, Сва|Я сущих, Опора, своя нам как Суть, Лебедь, S|w|an, Небес Ван (Царь, Владыка) как Мат|ари|сван (инд.), Сын коей — Вар|у|на-С|ва|р|ог **(***сварг — сверг — сверх|у: В Дол с Выси, из Глуби наружу; сверх — цверг, кар|лик Глуби, Богатства: Глубь — Высь. Цверг — от др.-исл. dver|gar, Дверь-Гор; zwer|ge (нем.): ge — Земля, Тьма-Мать; dwar|ves (англ.): дверь* **(***инд. Два|р|а|ка — дверь в Ра***)** *в Глубь, Вес — Два в Ноль. Вар — богиня Истины, Выси-Тьмы. Родина цвергов — С|вар|т|**ал|ь|фа**|хей|м, «дом черных альвов»: альв — цверг. Альвы — альфы, А, – Глуби причастные: Аз, Ас — Начало, Тьма-Глубь. Цверг — сверч|ок (цвір|к|ун — укр.), Тьмы дитя, и сверк|анье: Тьма — Огнь-Блеск***)**. *И|шва|ра — Творец* **(***древнерусское Исьвра — Всевышний; С|ва|рог — ро|г Ко|ро|вы, Тьмы Бык, коя — Очи, Со|ва-Сва; «сва» — «шва» — «шви»: А|шви|н — Неба посланец. Сва — «тва» (S ↔ T), Тво|рчество, Сат|тва; Тва|штар — бог-творец, кузнец горний***)**, свар|га|нивший мир, По|вар-Огнь как т|вор|ец перемен, очам бренным покойный: п|око|й — суть они́, очи ко|сны|е **(***vary — менять, разнообразить (англ.);*

vari|ous — раз|ный, раз|лич|ный; в|ари|ть — Тьмой, Огнем разделять, менять в корне: Корнь — Тьма, Кали ж|гу|ча в Ари|йской эпохе, варя|щая мир сей (war, война (англ.) — котел ее жаркий); варя|ги — Огня народ. Небо — Земли Ча|с|ово|й (вар|то|вий — укр.); рознь с ним есть а|вар|ия наша). Движенье тая (нелюбимое — прячем от глаз), покой — враг очей: с|тат|уя — тат|ь как в себе Ум-Отец, та́т|у (укр.), тату|аж на Тьме-Сердце — письмо Зла на Благе, на Вечности т|л|ен, лен|ость-тьма, внешня роспись; по|з|ор|ен — по|зёр, м|е́рт|ва статуя в|зор|у: не суть, но зер|цало не|мо́е ее, «не-моё»: ведь Моё — Жизнь, не смерть; Я как Суть Мое|го есть Господь, Жизни Корнь, Пол|ноты, в смерти да|ден|ный Я|мой: смерть — в Бога врата, с Ним едины как То (в смерть идя — идем в Бога); кто мое|т-пол|ощет себя в водах Жизни — стяжает Его, Ч|и|ст|о|ту. Ибо **Тьма (Пі|ть|ма — укр.) есть Вода, В|лаг|а-Жизнь. W = M: Water — Матерь, Луна.** Мий — мой (укр.), Водой-Ть|мой полощи-три: Тьма — З|ми|й, Тело Ми|ра как Шара-Воды, числа Три, что с Творцом единит: ибо Три — связь идущего с целью, звено их; с|тре|ножить (коня: Мир — Конь Бога) — движенья лишить; змий — смой (укр.); мій — мой [собственный, свой]. Мои|се́й (ивр. מֹשֶׁה Моше́, лат. Moy|ses) — «из Воды взятый»: водный, Тьмы сын. От «мы|ть» — «мы», в сути — Ми|р, много в себе: в Боге — Свя|зь, в себе — Рознь, Два; Бог — «Я» как Свобода сама, Об|ла|д|а|тель: об|ъемлющий Мир, Лад, как да|тель-ро|*д*|*ите*|ль дитя, — сотворив его в М|и|г (миг — мыть (укр.)), иг|о времени всем чуждым Бога в безверьи своем. Бог, Свобода — власть Истины; Дьявол, не-Бог — власть себя (рек Бердяев о том: «Вне свободы есть лишь польза, а не истина, лишь интересы власти»). А|дам, Рая жилец, был его по|стоял|ьцем, бывальцем Ума-Отца; змей, суть Тьма-Дам|а (Адам с ней — одно, Сын и Мать: Дам|**аДам**|а…), — учил его Жить[15], сиречь в|еда|ть (Быт. 3:22): Жить — есть ведать, как боги, добро и зло; быть как лишь быть — есть не ведать, не Жить, Суть не зря свою — Жизнь, сущих Долг и Свободу: Свободу — для зрящих ее, с тем — покорных ей (ч|ту|щему — *ви́денье* дар), Долг — слепым (**«**Истинное назначение человека — жить, а не

существовать [=быть]», — рек Д|же|к Лон|дон о том). Кто Живет — с тем и сущий; кто без Жизни сущ — тот не-есть. «Жили-были» — с|каз Жизни, Огня как О|пор|ы бытийности сущей: «пор» — пир, огонь (греч.); пир|овать — огнь струить и купаться в огне (как Платон, огнем бывший, о коем его «Пир»; муж Сердца, в день Феба рожденный и принявший смерть на пиру); укр. пір|нати — ны|ря|ть: в Воду, Огнь; Пи|Р|а|мид|ы — мосты в Огнь (*mid|dle — с|ер|едина, корнь дле|нья (ведь длят от нее), б|люд|ет кою Фе|мид|а с весами ее (Грекам — Матерь сама: «мид» — Mad, Мать, Мед-Мад|ам), с нею — МИД бережет: Мера, Среднее — Глубь, Арте|мид|а-Луна; m|in|d — дух (англ.), мин|у́т датель, мин Зла, кои ми́н|ут-в|з|ор|вутся П|ро|ст|ран|ством; минут|ы — мнут нас изовне как Диавол, стороння рука*) — и Еги|пта (Пта|х, бо́г чей, создавший мир сей и богов сердцем и языком, Тем и Этим, — Полёт, Тьма), и Ма|йев в Копа́н|е: Ко|пан|ье, Рытье — к Пан|у ход, Вглубь от глав Пирамид с центром в С|ф|ин|к|се, в Фин|ал сей вратах: Пан наш — Тьма́-Мать, идти в Кою — цель|ными быть нам. Покой — суть Рознь-многость бесклейная (*с тем, в «Бытии», главе Библии первой, Отец — не единый Господь, но один из богов (э|л|ох|им): бог лок|альный, бытье-в-Бытии, тьма-внутри*), а Движенье — Единство, Покой коим сущ-цел. Кто est'ь — ест, пи|т|ает|ся, пьет-тает: **Тьма, Жизнь-Вода — П|и|ща-Суть** (ведь питаясь, стяжаем себя мы). **Пить Тьму, Воду-Жизнь — дышать-есть как одно очам *видящим*, вечным, а бренным, смотрящим — два врозь, ведь не зрят бездыханны сии: не дыша́щим — еда ни к чему**. От Воды, Пищи Божьей — хл|еб наш: хлеб|ать — пить; не хл|е|ба|ть — не е…ать, род не длить, ряд душ, ба (ег.), капль Ба|бы, Воды, в пло́ти их (*рек Христос о «воде Жизни вечной» глубо́ко. Вода, Жизнь — одно (так сам Он: Воды капля, Водой и крещен был). «Нельзя сказать, что вода необходима для жизни: она и есть жизнь», — сказал Экзюпери*). Из|вод|ить — из Вод|ы уводить, губить рознью с Причиной своей. Мир для Ф|а|л|ес|а — ход Воды из Воды в Воду как цикл-транс|мут|ация: «му|т|ер» — мать (нем.), Тьма (о|мут — славянское «о|мот», Глубь,

Mot|io|n-Мат|ь**)**. Из Тьмы во Тьму, из Воды в Воду шагнул Платон, Се́рдца муж, когда от Гераклита в ис|кан|ьях пришел он к Сократу, Тьмы мужу, а после — к Крат|ил|у и Гер|мо|ген|у, наследникам Тьмы (Ге|р|а|к|лит, Пар|мен|ид). Жид|кий (= водный) — жид — жи**т**|ь (Д = Т); жидкий — рід|кий (укр.); род, длимость — рід (укр.). Кто ле|пил-ле|пит — пил-пьет: Тьма — тв|ор|чества суть, кое дверь о|твор|яет в Творца, ведь сама — Д|верь она **(**у т|вор|ца умыкать — вор|овать; вор — Тьма та ж как изнанка себя: беззаконья закон**)**. Plu (санскр.) — пла|вать, купаться: Тьма — многости, pl|u|r|al (лат.), Корнь как Ноль — Двух: па|шни — Пл|у|г-Or (=UR); у|гол — зданья как тела его гол|ова **(**камнь-столп зданья есть, с тем, угловой: Суть вершины у|гла — Бо|г, Пр|ичина, пр|я|му|ю сломивший в него**)**; угол|ь, угол-car|**b**|**o**|n — столп плотú, камнь ее головной. Мыс — о|мыт|ость, вод пл|од не|пл|ывущ; мы|т|ар|ь — долга с|мыв|атель с души ради воли ее, коя есть Высь — не Д|ол-Ло|жь **(***долги иметь — лгать до расчета (что сделай? до|лги, кончи лгать); их отдать все — груз сбросив, вспарить в Высь, Свободу легко***)**; к Ч|ист|оте путь — мы|т|ар|ства (Свобода — одно с ней и Ист|иной вечной); м|ис|т|е|цтво — искусство (укр.), фак|ел Мис|те|р|ий; мит|ець (укр.) — ис|к|ус|ник, творец, Сень чья — Тьма, Д|ева-Мис|с, му́с|та Мис|с|ия ведать-сия|ть (лик ее — Арте|мис непорочна; Ди|ан|а — она ж); мис|ка — плошка воде; Луна — Міс|яць: Жена, хоть и «он» («міс» навыворот — «сім»: Сем|ь, Жена-Жизнь); «мис|лив|ець» — о|хот|ник: Дух, Черный Огонь **(**hot — горячий (англ.); Got|t — Бог, Тьмы Се́рдце**)**, Ко|пей|щик-Ко|пье (в мир этом — ма|лей|шесть: копейка, руб|лей оплот); Пей|То, эллин. «у|беж|ден|ье» (беж|анье из Дня в Ночь, противное) — имя одной из ха|р|ит: Тьма, Жизнь-То́ — Ар|гу|мен|т наш; пей|**заж** — лик Природы, Воды-Тьмы: ведь Мать нам — она, Лоно сущих, **Саж**|**а́**|тель семян, Са́жа саж **(**Z = S: S — **З**ело, Z — **З**емля**)**. По|лёт (рус.) — по|літ (укр.), сиречь плаванье: Тьма как П|ро|ст|о|р-и-Кры|ла́ — Вода-Воздух, и с тем — Кры|лья-Ла|с|ты (Кры|Ла|сты, единство); эллинская Пси (Пти) **Ψ**, Пти|цы, Душú буква — функции знак *волновой* в мирской физике квантов, да с тем — влаги почв: душа — капля Воды, Тьмы; «единый» (как камень, греч. lit|os) — лит|ой:

Камень-Мир, Воды Камнь; к Богу зов наш — мо|лит|ва, ручей Тьмы, дождь Ввысь. Ге|лиа|ды, по брату у|топ|нув в слезах — стали, с тем, топ|олями, древа́ми Дождя: древних Ге|л|**ио**|с, Солнце — Луна́ нам, забывшим, что Солнце есть Мать. Ввысь стремясь, льется в воду лиа|на, Высь-Тьму (как лоза виноградна: в Ино|е — в|ино). Злить — есть слить: Зло — Вода, Тьма как Двойка безбожна. Под|лить — подлым быть: под|ливать Тьму как Зло, Дол-Ис|под. Тьма, вновь скажем, — Простор, Д|лит|ель д|лин; Лу́ла (инд.) — Тьма-И|гра **(**р|la|y — пле|щи-лей; «гра» — «гры»: и|гра|ть — гры|зть**)**, что лила́-лье|т дни нам, п|рот|яженье из Рта в Рот, Тьму сю как начало пути и конец. Лила-Да — Тьма-Бог, Сердце-Да|лила, без коего спит Ум-Сам|сон. П|лин — течение; лин|ути — течь (укр.); лить — д|лить|ся: длины мера — лье **(**ллє — льет (укр.)**)**, а объема, текучая — лит|р; буква — ли|т|ер|а, водность (из букв, как из капль — Речь, река); с|тек|ло — жидкая суть. Ма|ка|ть — в Тьму, сущих Ма|ть, оку|нать; Ли|в|ий, Тит, есть Воды муж *глуб*|*ок*|*ий*: исторья, наука его — тьма от Тьмы, от Ноля Два, вода. Mi|li|t|ar|e — сражаться (лат.): Тьма, жидкий Меч, что тор|ит все и вся — боя суть и победы залог (как За|лог Мира — Бог, за ним сущ: Мир лежит, Бог — стоит). Л|ин — Эллады певец, г|лин|ы древней творенье, с Ор|фе|ем и Фе|бом един: песнь — вода, коей крепок эл|лин был, как ф|лей|тами — Сп|арт|а, река чья Ев|рот — Тьма-**Лью**|бовь; «И|л|**иа**|да» — Воды песня; **Ио** — рогата Луна, та ж Ис|ида, Корова египтска (из Ида: Тьмы, Глуби): Мать, кою пожрал-утаил **Io** Pater (Юпитер), Зевес; даровать — **io** (лат.): Мать — Дар, к коей зов: «**Io** Cybele! **Io** Magna Mater! Impleat lapibus illis caloribem Magna Matris! Mulieribus pars vim tua det! **Io Io** Cybele!»; **йо-йо — Ио-Ио,** катушки на о́си как Два на Ноле, Тьме; ис|тор|ьи, из **Ио**, Коровы, текущей в ничто, муза — К|л|**ио**; **Иа**|лу поля (а — о: а́льфа, о́мега — одно), рай египтский; **Ia**|nus (лат.) — **Я**нус, бог-Дверь (лат. ianua), как в Бога Дверь — Мать; **И**|**а**|кх — В|акх, Коровы сей Сын; Ио — **ie**, дограф у Славян, Мать как Два, каков он в «**Ие**|гов|а», Бог-Мать; от сего, как от Матери Сын, — «**Ие**|шу́а»; «**иа́**» — глас осла у Шумеров: о|сел, конь Сил|ена, Христа конь — наш конь, Мир-В|селен|ная, в Селен|е сущий; жизнь — б|**ио**|с, суть Тьма, **И.О.**

D|**IO**|S'a, Бога, да с тем **И**мя-**О**тчество наше: ведь Тьма — суть и мы, и отец наш; Орёл — **I|o**|l|air (ирл.): Тьма-Н|ол|ь, Мать; Она ж — **Ио**|лан|та: Лун|а, Лан; **И|о́**|в (ивр. אִיּוֹב) — Божий муж, Сатаною гонимый, как ов|одом Ио (Иов — «удрученный, гонимый»); С|**и**|**о́**|н, ивр. צִיּוֹן, Ци|**йо**|н — холм Да|в|ид|ов (Да|вид — вид|ность Да, Бога лик), город Бога, единого с Тьмой: **с Ио — Он**, Бог; в Нем удостоверенный есть ио|дэй (ивр. **יאדוי**), и|уд|ей; Тьмой крещенья река — **И|о**|р|дан. Эн|**ио** (E |n| u| w — En-Nu, «Не» голое; Распрей Гомер ее звал) — злая Ареса спутница, боя смятенье (она же — Бел|лон|а); л|е|в, l|**i**|**o**|n — зверь Ев|ы, Тьмы, Д|Евы-Л|юбви, Лав|ы лав сущих (ль|вино — в|ино́: Тьма как Вакх); лев|изна — Сердца дом водяной: лев|ый — лів|ий (укр.); лив|ень златой, знак Афины — То, Тьма; Троя (град, от Афины идущий и ею чрез хитрость поверженный) — лев, И|lion. Древо Мира — о|лив|а; Лив и Лив|тра|сир — Адам-Ева над смертною тьмой Рагна|рёка; И|мира плоть — Э|л|ив|а|гар, река-Очи двенадцатиструйна: 12 — Очей число; к|е|др — древо Ли|в|ии, Тьмы, в чьей пустыне сущ Ноль в камне, S'ф|ин|кс. Хромосом набор, кар|**ио**|тип — тип ядра (káryon — греч.): Тьмы, Корня тел, частный портрет; **Ио**|анн, И|ва|н — Тьмы сын, Коровы (как «га» в «Ио|**га**|нн», Иван тот же), Воды-Марьи ива (Россия, имен дом сих — Тьма), — как **Eva**'н, царь *железный*, Четвертый: в эпох череде — юга Кали, Железной Жены (ван — царь (кит.): Тьма — царит); ф|**ио**|летовый — цвет водный: Семь — Жизнь, Вода. Тьмы посол — Га|ли|л|ей; Гул|ли|в|ер, сви|то́й Сви|фтом — суть Тьма, Река-Змей, в|ер|ы корнь (и стезя Гулливера — вода); Лем С|**т**|**а**|**н**|ú|с|**лав**, муж Кос|мос|а — Льем (Тьмой, Но|лем): Мир — Река, куда Ке|**ль**|**в**|**ин** (Тьмой **ле**|**в**|ый как **Ле**|м, дитя Львова), нырнул, с ним — **Ийо**|н, Тихий Тьмою, Безмолвьем с|тиха (и За|рядом корпускул **ио**|нов); та ж Ио как **Йо**, буква ё в «**ё**туны» (**jo**|t|un|n — сканд.) и «**ё**лка» — ель, дерево **Go**'да; **Й|о**|ль — солнцеворот, года пик ледяной, торжество Скандинавов (отец его, Один — J|o|l|mir): Ио-Н|оль, «Мать ночей всех»; **Йо**|д, буква ивритска как Игрек, Y (лат.) — Ноль-Корова с рогами-Двумя как Игрок мировой; йода — мастер-дже|д|а|й; э|ле|м|ен|т-Мать **йо**|д, газ — чрез воз|гон|ку: из пло́ти — в Дух, в Тьму изо

тьмы, *без плавления — в Воду*; Тьмы cow'ш — Гес|ио|д: hes|tia — очаг (греч.), Огнь же — Тьма, Мать, с|тя|ж|ат|ель чей **йо**|г, иль йо|гин. Тьма — ли|шенность Бытья: Полнотою — куска; Неба с|вод — Вода, Тьма; Вифлеем — Вит|леем: Vit'ы, Жизни исток о|гн|ев|ой (Ф = Т); Жизнь, Тьма — льющийся Фе|б, Огнь-Вода, li|fe, п|л|е|я|д сущих Солнце, Корнь многости, яд|а Ед|иного **(**яд и ед|а — Тьма одна, учит Т|*ан*|*тр*|а Антр|опов нас: есть — по|яд|ати (стар.); пле|яда бренна — народ, peo|ple).

7. Быт|ь, Быт|ье Богом мня — есть быть би|т|ым Суд|ьбою как Р|ок|о|м, незрячих Суд|ом: о|бит|ать без О|гня в Розни, Би как дыре очей плоских, не зрящих О|бъем; Жить — есть, *видя*, царить над рек|ой сей как Благо над Злом, над Судом — М|и|л|о|с|т|ь. Рок-Судьба (где Судьба — поле, а Рок — пастырь в нем, чьей рук|и не осилить нам) есть Жизнь без Вечности, сиречь пустая в себе (Вечность — Дух, Полность), иль *омертвленная*; Жизнь есть Судьба, в кою Вечность вошла, тем исполнив со|суд сей пустой, иль его *оживив* **(**«Смерть превращает жизнь в судьбу», — рек Андрэ Мор|уа о том**)**. Жизнь — имя первое, иль именное (санскр. нама наумика), в Божий Чер|то|г Вертикаль как в Себя, с Собой с|в|**Я**|зь; Бытье — имя второе, фамильное (нама гаутрика): р|о|д бренный, горизонталь как питатель сторонний, Ро|зет|ка, суть Сет, Сатана. Ть|ма, Ма|ть — Отца-Бытья старше: **Матерь — Причина (**англ. mot|her = mot|ion (движение)|her (Причина, Жена-Мать); мот|ать — длить жизнь, ни|ть**)**, Сов|а sou|v|er'éнна как вечное Есть, Муж же — Следствие, пара Есть-Нет **(**ибо в Матери он умирает-родится, и есть не всегда, но всегда есть иль нет**)**; с тем, старейший — и|мам. Жена, **Е**ва, есть То, что сто|ýт; **Ш**ива, Муж — суть У|тра|та, лежанье ее: ле|жат|ь — Бога утратить как Сто, Прямизну (так лежит ко|ло|с, с|жат), с Ним — Тьму-Мать; Ш — Е на|вз|ничь (ніч — ночь (укр.): Жена, Тьма). Дви|жень|е, Тьма — Двойка Тор|енье-Рот|ация **(** *«др|е|ль с п|ер|фор|атором», Фаллос: верт|еть-дол|бить — еть, тол|очь* **(***пéс|т|ити (укр.): пес|нь — соитие, пес|т|ик — член***)** *вульву***)**, труд чей — Вглубь коп|ать: Тьма — Б|ур-К|ер|н, Ко|п|ие, Ф|ал|лос-Рот, что торит мир сей, бхур, бур|ь юдоль

(*жить желаешь — вертись! Глубь с|тяж|ай: Жизнь — она, коей мы тяж|ел|ы, Сова-Тьма как искусство (art) копать, вертеться-со|ва|ть; v|a|rt (санскр.) — 1) вертеться; 2) быть, жить*); ко|п|ать есть ко|пить-ка́п|ать: Тьму, Сердце-Мать — в сердце своем. Тьма — Гры|зун грызунов: «гры» — «гри» — Хри, Тьма-Причина, Т|**о**|**чи**|льщик, что строит-кру|шит. Ею Греция явлена, ею ж — разгры|зен|а в дым. Врата книге моей в мир — год Кры|сы: Тьмы Божьей, чьей силой творю.

8. Тьма, Вод|а — Ка|п|и|т|ан, нас сквозь ш|то́р|мы ведущий. Кто вод|ит — вед|ет; Вед|ы, книга ведущая — Тьмы-Вод|ы труд, нас вод|ящий в Воде, коя Мир. Вести́ — весть: Тьма — Весть Божья; в|есть — есть: Пища — Тьма. Сердце, Мать-Жена — Жизнь, иль Бессмертье, Со|Ма|т|и: со Ма|т|ерью сома, плоть, — Дух; со|ма|ти|чность — телесность: Корнь тел сущих — Тьма. Ум, От|ец-Муж (как Lo|goz, Гос|подняя Ло|дка, где бренны плывут, с|кор|лупа на Воде), в себе — сме́рть, сущих г|роб (человек в Уме — роб|от, пустой, от души от|решен: ибо в паре «душа — тело» первая — Сердце, второе — Ум): Р|ок, умный Ум, над Очами царящий, сире́чь Не|избежность: Тьма, Но|ль — Очи-Но|ги (и Ноги в ней — ради Очей: esse — p|er|cip|i, зрить — быть); от Ум — ум|ирать. С тем, **Мир есть Жизнь-И-Смерть(Бытие, Ум), душ Божьих Ка|д|уш|ка, в Творца Ка|дуц|ей-Шлях как Дес|ять, Де|к|а|д|а**[16]**, число треугольное**: ведь Тьма — Ноль, Свет — Единица, Мир — синтез благой их: Два, меж коих Третий — Бог, К|лей, В|лаг|а-Б|лаг|о бесцветная Кос|моса, l|eu|cos, что к|леи|т-ле|лее|т его[17]. Ведь ле|ле|я|ть — хра|ни|ть; творец — есть и хранитель: хранить — творить вечно, пересотворять в миг любой, еди|нить-кре|пить (*рис. 1*). Мир есть Mo|S|ai'ка, Мать-Бог: ведь Бог — Са|и-И|са, И|са|й|и Огнь, клеящий Всё, кое Мать. **Мир обресть — обрести Бога, Клей; без сего Мир в очах — Лун|ы лом, тьма ничто, ведь лом — очи без Клея сего**. Десять — Кр|уг: Мир, цельный Кругом-Творцом, кр|уг|л|ый Им, в себе ж — Уг|ол, вершина чья Бог, в угл сломивший Нарцисса сего. Замкнут Богом, Угл-Мир — Треугольник, где Бог — угл прямой: Пр|ям|изна, Жизнь как Суть, Огнь-

Пер|пен|ди|ку|л|яр (*коим крепок Квадрат четверно́, юдоль бренных; с тем, градусна мера прямого угла, треугольника, круга — едина: Девятка, Тьма-Лоно*); Мир, Кос|мос — как угл пред углом, есть пред ним угл кос|ой. Свят лишь Бог, с тем — и прям Он один: **прямизна — святость**. Богом свят Мир (свит в единство — как С|пи|цей, Столпом невитым), Им — и прям. Жизнь-И-Смерть, он — Жизнь Божья (*явь чья — М: столпы, слитны И|it'ою, Се|М|ь: I + V + I; так и Ж — Шесть, срединой едины, Седьмым*), что как Тьма есть Дес|ниц|а Его сущим нам; Бог же есть Жизнь-в-Себе, самосущная. Де|сят|ь — Де-Sa|t, Ша|г от Истины, Бога: ведь Мир, Ша|р — свершенный Ша|г сей как не-Бог, ги|по|ста|з|ис (подобие, образ) Его (от sat — «шат»: Бог — Сто|лп наш, не дающий шат|аться). К|лей Мира, Бог есть Лей|т|мо|т|ив его: Творчества Песнь, что влечет со|зи|дать как Зи|ж|**ди|т**|ель Всего, кое — Мир. Как Одно, Мир, Декада — оплот десятичного счета; как Два, Единица-Ноль, он есть столп счета двоичного. С тем, как ни чтем мы — от Мира идем, Камня вечного, главной Костяшки на счётах Творца.

9. Бог и Мир — Пара-Глубь, Суть всех сущих: Творец и Творение, Цель и С|Тез|Я в Цель (*Ал|лах: Бог с покровом Его — Бог-Мир, полная Глубь. «Лах» — лак — лок — лок|ус, без Глуби кров: Мир без Бога, без Вакха Феб-Лок|сий*); что есть — всё внутри у Ней, внешнего — нету. Глубь, Суть — Пол|нос|ть наша как Сердце — Ума, поло|вины (вины — за незнанье сего), Полность-Истина, сущих До|ста|т|о|ч|ность: знать Ее — в большем нужды не иметь, ибо большего — нет (*sapienti sat — понимающему достаточно (лат.): Истина — Достаточное. Правило I Ньютоновых «Начал», гласящее: «Не до́лжно требовать в природе других причин, сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений», — о Глуби, Истине речь*). Знать С|еб|Я — быть в единстве («еб») с Я, Глубью-Тьмой: ведь Она — наше Я; лучший друг — Дух, Глубь-Я; «мое», m|ein (нем.) истинно — E|in, Единое-Глубь. Полность, Глубь — Мо|нол|ит. Буквы Влесовой Книги — воды ток сплошной: Велес — Глубь. Ведать нам половинность свою,

Полность чтя — есть стяжать Полность, Суть (как стяжал ее тем Па|вел, Пол (англ.), апо|сто|л Хр|истов, Богом ú́стов|ый муж). С|ва|р|га, Русичей Рай — Вы|рий, Глубь: вирій — вы|рой (укр.), Глубь обнажи. Глуби внутренний суд — Милость, Суд-Сут|ь; суд внешний — безмилостный Суд: Ум без Сердца, от Сути дыра. Велес, Глубь — судья пé|к|ель|ный, райский (стар.): пек|ло — Огнь-Мать, Вырий, Милость сама; бренна жизнь — есть под нею с|пек|так|ль.Глубь, Бог-Мир, есть Высь в нас: *под землей* плóти, Духу коры; Небеса и Аид — Нут одна: Тьма, Высь-Дол (*Дол как Глуби лишенность, Тьмы нуль, есть ис|под — Дол-вовне; от сего — «пре|испод|няя»: пекло как ад, рая смерть*). Посему Плутарх в труде «О лике видимом на диске Луны» о человеке, бывшем на острове Глуби, Ог|иг|ии, рек: «Из видимых богов особенно нужно почитать Луну (= Нут — *Авт.*), и он увещевал меня к этому, ссылаясь на то, что она является владычицей жизни и смерти, находясь на границе с лугами Аида…», с Двумя — Ноль: Тьма — оба. Дом Эн|ки, шумерского Бога — на дне океана: во Глуби, Луне-En; Луна ж — и Отчизна Шумеров, людей Корнь Диль|мун. Глубь, Тьма есть Ко|л|я|д|á — Коло-Лад, Коло-Да как Суть наша: Цикл-Корнь, Век Златой как Век-Мир (*mir — себе (нем.): душе, Миру-Нам*). Коляды дух — Коза, Глубь, Инь (кит.); по Влескниге, край Пращуров — Инь|ский: Глубь, Корнь. Глубью мы образованы, сотворены без корысти мирской. Глуби ратник есть во|ин, иль ры|царь (англ. k|night; night — ночь: Тьма, Глубь), идущий in vi|vo: во Глуби, во|Глубь как во Ин|ь, из сей Т|в|ер|ди тв|ор|ящий Себя. Руна воина — Tei|waz: Бог, В|а|с|и|л|ев|с. Воин — vita'зь: Глубь — Жизнь, иска|ть кою как Суть свою — чéсть нам, во|йска|м Тьмы. Ведь сказано:

> **Большинство ранних обществ, не исключая архаическую Грецию и Рим, имели отдельный класс воинов. Не были в том исключением и кельты. Их воины были выходцами из социальных групп, которые можно охарактеризовать как средние и высшие слои общества. Именно они сражались в битвах, в то время как бедняки, по словам Диодора, служили оруженосцами либо правили колесницами.**

Образовывать, строить Себя — Глубь творить для очей: *бессеребряный труд* (ведь сребро — Глу́бь есть); об|ра|зо|в|ан|ье — зов-об|Ра|з Творца, Бха|га|ван|а как Глуби святой (ван — царь (кит., сканд.)). С тем, образованье за день|ги, мзду внешню, есть Глубию торг, Богом-Миром — Собой, ги|бель нам: ведь Мы — Глу́бь, Су́ть. Та|риф — **Ум-ри**|ф, Глуби от|ъ|ем, рит|уал без Огня (Ф = Т: **Ф**ео|фан — **Т**ео|фан); К|рит — К|риф: к риф|у, Уму — Сердце, Суть, Ко|ри|ф|ей (ко-рит-тей) хора всякого: Песня, Мать Тьма.

10. Бог с Миром, без Мира ли — Бог. Мир — Мир с Богом лишь, сам же — ничто; словом «Мир» — чтим мы прежде Зиж|**дит**|е|ля, Бога, Кем Мир Божий сущ. Путь, что к Богу ве|**дет**, Мир — **Ди|т**|я Божье **(***«оно»: род средний, полов в Боге больший, Тьма-И-Свет, Дит кельтский***)**, Ди-Т: Тьма-Второе, не-Бог (ведь Тьма-Глубь — Оба), вечный Р|**еб|ён**|ок **(**Реб|ро, Глубь**)**, что знает От|вет: Бо|га, Суть как Свободу от Вет|а, каков Мир, не-Бог **(**и|бо (слав.-рос.) — бо (укр.)**)**, — ведь родителя знает дитя; дети ж смертные, в мир сей растя — Полность в часть, Мир в безмирье, — пытают в незнаньи Его: Ответ им — смерть, что с Богом едина как вход в Него, Тьма-Дев|а. Смертью срастив Это с Тем в своем сердце, мы — Мир, посему — Ответ знаем. Господь безграничен: черты над Ним нет, ведь Грань — Он; Мир, Дит|я ограничен Родителем, лик чему — Дит|и: богиня-предел, грань. Бог, Deu|s, Суть-Мер|а Всего, кое Мир, и с|мер|ть, dea|th — Одно в очах *видящих*, вечных; во бренных, смотрящих — Два: Бог — Суть, смерть — п|лат Ее, **имя Творца** (имя — сути покров; Бог по Ведам — «зовущийся смертию». Бог, Суть — Жизнь; с тем, смерть без Жизни — ничто как без сути покров **(***посему об умершем у римлян реклось не «он умер» — «он жил». Рек Жуковский согласно: «О милых спутниках, которые наш свет // Своим сопутствием для нас животворили, // Не говори с тоской: их **нет**, // Но с благодарностию: **были**»***)**. Мир — Семь, Жизнь; Бог — над Миром В|ось|мой как смерть (Восемь — она): Колеса сего Ось, Тайна тайн за печатьми семью; у|мер|еть, в|мер|ти (укр.) — в Мер|у, Бога войти. Хорошо, фай|но (укр.) — тайно: в Том, кое Смерть — Бог,

Фин|ал, взявший нас. Пункт творцов посему — грань Того с Этим, смертная, Богом живяща их: Сутью — подобие; лик грани сей — с|коро|сть света: Огонь в от|ношении (грань, кора — де|лит) «пространство (путь) / время», константном очам: бренью — Вечность, Иное — сему как Ноль — Двум, коих бок взять любой — тронуть Двоицу всю (рек Эйн|штейн, «один камнь»: два без розни, свет-тьма). Рост Воглубь — в смерть врастание: Глубь — бренью смерть.

11. Ведать Глубь (кою всякий несет, редкий ведает) — полным быть. Так полн Платон: Глубь ему дали двое. Река без истока, про кою учил Кратил, есть Мир без Бога — его дал Платону муж сей, Гераклита замóк (чья замок|ла психея без Меры ее: в очах Тьмой скрыт был Бог); Бога ж — в|верил Сократ, Глуби муж: ведь Его, Суть, чтил он, звав познать нас себя. С тем, Мир (Дьявол, тень Бога: ведь Мир — Бога тень) и Бог — столпы Платона, кто есть синтез их: ле|б|ед|ь Божий, Люб|овь-и- Бед|а как То-Это, Бог-Мир (ведь Бог — Тó нам, Мир — Это) и Мир, Солнце глаз, птица чья лебедь (Феб, кому он посвящен — Солнца-Мúра бог, с Гором един).

12. Бог, в Мире сущ как твореньи своем, — Клей его (*к|е|лья — дом тайных встреч с Ним. К|е|лéй — Э|л|ев|син|а царь; «кел» — cel — С|ел|ен|а; Эль — Бог, келья чья есть она; Элевсин — Тьмы-Луны дом, иль келья ее. Царь-На|чал|ьник Тьмы — Бог: Чел|о Мира, Кем жив чело|век; П|ри|ч|ал-Ист|ина, П|р|и|с|т|а|н|ь сердец (р|ис|та|ть — к Ней идти: в Сердце — чрез тать сущих, Ум) и Бог|атство (rich — англ.), Корнь в|лечений души́, имя коим, кле|ш|ням Ши|вы, — клé|ши; е|л|ей — влага Божья*), То с Сим единящий в Одно, Мир, как Глас меж со|глас|ных его, меж брегами — С|т|ре|мн|и|н|а; над Миром, Создатель, Он есть Клей Себя и Объятья, целящие Мир: о|б|од — б|оч|ку свою, ло|но — п|л|о|д (*лик сей Пары — **дол|ь|мéн**, с|мен|а Дол|а, каков Мир пред Богом, — на Господа, Высь: Два стоймя, Третий — лежа на них, на Пути (Два: Вверх-вниз) — Цель его. Смену эту как жертву Вторым — Миром Господа ради — являют слова Ибн-Русте о Славянах: «Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда*

случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать больше или меньше меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся. И если у покойника было ***три жены*** *и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу* ***два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек****, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец (веревки) завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает» (выделено нами)***)**; и в твор|енье сходя, А|в|тор этот, В|тор|ое тор|я — А|ва|тар, хода Дно чьего — Та́р|тар пустой**)**. Бог есть ter|ti|um com|**pa**|**ra**|t|io|nis: член Тре|тий, в Каком со|впадают Два, Тьма (То) и Свет (Э|то); Суд Божий — тре|тей|ский: «тей» — Теос; Мир — совпадение Двух в Третьем сем, Полность Трех (кои суть Отец, Сын, Дух Святой: Два-Мужи и Жена-Клей: что клеит Она — клеит Бог). Так в призыве «за веру, царя и Отечество» вера есть То, а Отечество — Это; царь — среднее, Клей; песня «Боже, царя храни» — Клею-Средине хвала: царь как Он и есть Бог. С|ла|д|ит|ь Мир, Лад-Дит|я — на|сладить|ся Творцу: Плод объ|я|ть. В Мире Бог Есть как Нет: Он нигде — ибо всюду; Мир Богом скре|плен как Отсутствием чистым (в сем — корнь атеизма с его «Бога нет»). Бог — Одно; Мир, Ка|м|нь Божий, собой не един (ведь един — Богом) — Два, у Эллинов и сущий чрез двойку имен pet|ros — li|t|o|s: два сих — «камень»: Мир, Камнь камней, Истина Божия. К|амень (укр. к|амінь) есть А́me|n, Цель (a|me — англ.) Внутри, коей есть Мир. Чрез многие камни стяжается Камень сей: Целое Божье — через части его (так чрез камни во рту Мир про|рек Демосфен: речи суть — Камень-Мир, Рек|а, ток чей он принял у|серд|ьем своим). Металл Двух с тем —

с|ребро миросущное, мер|цанье чье для очей — суть Бытье, Логос-Ум, мя|гкость блеска ж — Ма|ть-Ть|ма, где сей светоч родится и гаснет, как рек Гераклит.

13. Бог есть Тре|тий-над-Миром-и-в-Мире, Венец-Суть (*`a|grá — острие; верх, вершина (санскр.), — как не-гора (острие — часть небес, не горы). Ос|три|е Мира — Бог: не И|гра — ее Автор*)[7]. Мир в T|h|eos'e — T|ри: т|р|о|н и р|и|з|а Его (*ри́с|а — грань-черта (укр.), коя режет-се|чет; реза|ть — різа|ти (укр.): Мир — не-Бог как отрезанный Им, от Родителя — Плод*), Божий Тр|уд и Арена (эйрене — мир (греч.)), суть thea|tre, где вечный играет Ак|тер: Те|атр-А|**тр**|**и**|ум, Внутренний Двор, где сущ Бог, Глуби Глубь (Высь), на Трех Ан|тре|сол|ь. Не|трі — дебри (укр.): безмирье, нуль; Мира нет в очах — мертв и Бог в них. Мир — Камнь, Ре|tro|s (греч.) Бога, Три в Третьем (Пе|тро|вка — Пе|трі|вка (укр.)) и с Ним Внутри, Трос спасительный всех; Тро|й, иль Тро|с, отец Ила, есть Трое начальник, по|с|тро|йке троих, камнь, как Мир — Камень наш. Бог — о Мире T|ре|в|ога: творенье — забота творца, кто рев|нитель его. Ум пред Господом-Сердцем, Мир, Три — Рит|уал-Конь, учащий Служить, Ли (кит.) как Ил-Вверху (Ил — Ум, И|л|и), Три-Рит: …T|**риТ**|ри…; то — Ритуал-Рит|М сердечный наш: Мир — Сердце в нас. Вечный, есть он Рис|тал|ище бренным: сражаться нам — жить (*в битве ж двух третий — Бог как исход ее, коя — ду|Эль посему: два и Бог*); в мирно время — T|ри|б|уна и X|ра|м им. Сын Мира как Ма|тер|и, Лон|а — X|рис|тос, что ка|сан|ьем к нему п|рис|лон|ен. Лоно сущих, Мир — Солнце очей их как Три в именах Гая|три, Сави|три; дитя Солнца Май|т|ре|йя, Май|три, в коем Будда с Христом есть Одно, Тьма-и-Свет, — суть Мир, Три (с тем, эпоха Майт|рей|и — пора Мат|еринска: Мать — Мир, Лоно лон). Три|бху|ва|на, Природа как Всё — Мир Тройной. Мир, Три — Дре|во сердец, в Бога Др|**е**|**ль**; «дре» — «тре» (Д ↔ Т): Бог — Тре|тий. Маска Его, Мир — Тьма-Матерь, Ак|три|са как Бога покров, в очах бренных — пелён тьма как р|оли-н|олú; Бог — Ак|тер, Мир — Подмостки; Бог — Цен|ность, Мир — С|цен|а ее и Цен|а. Три|п|т|о|лем, «Троепашец» — оратай-и-воин как Глуби взыскатель, — Мир пашет как плуг Чернозем. Мир — Бри|ль|**я**|**н**|т, Огнь-К|рис|тал|л,

грани чьи есть миры (*«бри» — «б|ер|и-б|ор|и», Ум как Вражда: Мир пред Господом — Ум (и брильянты великие, Мира подобья — в крови от борьбы из-за них); муж Крис|талла сего, космонавт, Лему — К|ри|с*); лик-ри|с|ун|о|к Творца (*с тем, Thu|**R**|**IS**|a|z есть руна его; ш|т|ри|х, лат. s|tri|a — суть Три; lik|h — пи|сат|ь, ри|сова|ть (санскр.); «с|ун» — с Un|о: с Одним — Два, Тьма-Свет, Мир, лик чей — рис, хлеб-суть (в Паре Бог-Мир Бог — горня Вода, Мир же — Хлеб). Рис, Мир — К|рис К|ель|вин, Мира слуга; «рис» — «сир», «сер»: Мир, Шар Сер|ый, Сир наш. Рис|овать — мале|вать: male — мал|ый (англ.): Мир, в груди Атом — Rhys|mós, Ри|т|м*) и ав|то|п|ор|**т**|**ре**|т, цельный Им, из Него из|ойдя как ре|ка (rhe|os — течь (греч.)); в|селен|ское Д|ре|во (t|ree — англ.; th|ree — три), Корнь чей есть Бог (*и к нам, сущим внизу, древо это на|в|с|тре|чу растет, как с|тре|ла; Игг|дра|сил|ь — он, Покров, что со|дра|ть до́лжно с Господа нам; ки|па|р|ис, древо Феба-Аида — суть Мир, Это-То, Мер|а-Глубь, куда в с|мер|ти идем*); Поле сущих широкое (eu|rys — греч.); Тро|па их: зрячим-зна|ющим — Жизнь, слепым — Т|ри|з|на как Тер|ние, Бога таяще: три корку — добудешь огнь, суть (знает это, кто тер); Трю|м-Т|юрь|ма душ; Двух тре|нья плод, Тре|тье: Свет-Тьма, Мир, что Господом цел; Наи|бо|льшее, Бо|га Дитя как Малейшее в нас — душа, огнь (*ex|**t**|**re**|m — преувеличенный (лат.), сиречь Мир превзошедший (с ним — вещи (rem — лат.) все) как Меру, впав в ложь превышенья Великого*). Мир — Тройка; с тем, в три шага́ пройден Вишну он. Мир, Дол пред Высию-Богом, есть Дол|жное в нас: Суть, познать кою тре|бует Бог. Мир, Рек|а-Тр|и, С|тр|уя — Т|р|а|сса в Бога, Т|р|ек: Путь у лица Его, У|лица-s|tre|et как С|тре|ла (shar`a (санскр.): Мир есть Шар), коя кажет Его ос|три|ем. Путь, Мир — Тр|а|кт: Акт Всевышнего, Тр|и; и он Бога Тракт|ат о Себе. У|тро — Тро|ице-Миру причастье: Ночь — Бог, утро — Мир как не-Бог; душу́, ба (др.-ег.) утро земное — утро|ба жены, где царь — Тьма: Черный Огнь, Солнце-То. С|тир|ать — с|тер: «тир» — «т|ер». Мир — Тир, где це́лимся в Бога любовью: ведь Бог — наша Цель, коей це́лен Мир (*Феб-Аполлон, стре|**love**|ржец (как с ним — Эр|от) — Ум, в*

Сердце це́лящий как в Бога Мир: ведь Бог — Сердце, Мир — Ум; Феба град — Тир). Бог есть Соло|вей: Единица (ит. sol|o) как Солнце (сканд. sol), кое ве|ет Путем (вэй — путь (кит.)) и есть Solo'To нам; Мир — Путь этот как T|p|e|ль, иль Ру|*л*|*ад*|а, Его (ru|le — прави|ло (англ.)), Рель|сы к Богу: чрез них пра'**VI**|**T** сущими Он как частями чрез Целое с|прав|а-под Ним, кое Мир (с тем, противный, Бог — слева-вверху); из нот Мир — третья, «ми». «М|И|Р» как имя есть Тройка: в нем М, буква м|ягкая, левая — Тьма-Жена; Р, буква твердая, правая — Свет, Муж; И, среднее — Центр, Суть-Средина — Бог, их единящий, суя в сей ри|сун|ок Себя: Суть — в покров ради жизни его. В сей эпохе А|Рий|ской А (Аз (Я) Славян, Аль|фа Греков, еврейское Алеф) есть буква Творца (Аль, Я — Бог, наша Суть), смежна с Р, буквой Мужа, начала эпохи сей, в знак, что Питатель прямой ее — Бог: голова к голове. А|Р — Бог|Муж; «рий» (рой — укр.) — корнь рытья: Бога в век сей лишась, до́лжно рыть к Нему нам (rul|e — рыл), грань т|ор|ить, в чем есть долг наш; кто роет — ге|рой (Ге́рой чтимый: Коровой — Бык верный; герой-столп — Гера|кл, бравший на́ плечи свод Неба — Мир, Гр|уз героев и Суть).

14. К Богу рыть — рыть Во|глубь: чрез не-Бога, Мир, Глубь как облатку. В сем — во|ин|а труд, **непривязанность к жизни и смерти — от Мира свобода**: ведь две сих — суть Мир, Жизнь-и-Смерть (*«Основной принцип боевых искусств состоит в том, чтобы нападать, не думая о жизни и смерти» (Ямамото Цунэтомо)*). Непривязанность к ним есть **привязанность к Богу, Целеустремленность: служенье как Цели Ему: ибо Бог — Цель, Мир — Путь**. Служить так — сущих долг как целение их: Ц|ель — це|лю́т; сам Мир Господом цел как Слуга. Служа Богу, мы Миру равны: служим мы, служит он. **Стать на Путь — Шаг свершить от незнанья к Служению: от смерти к Жизни, к Семи от Шести**. Шесть — не-Путь, Путь-Семерку таящий как Глубь, куда до́лжно шагнуть: ведь как Жизнь, Мир, Три, — Семь. С тем, Семь Мудрых Эллады святой жили в ней меж Шестью и Семью (6 — 7 вв. до н.э.): ведь Шагнули (мудрец — воин тот же), чем сла́вны меж нас. Посему ж число судей египтских Маат, Тьмы (maát|ar — мать

(санскр.); maat — старшина (нем.): Мать — Корнь**)** — Шестью Семь, о судимом решавших: от бренья — готов ли Шагнуть, выйти в День? Мудреца и философа разница в том, что философ есть тот, кто ступает на Путь, а му|дрец (с ним — и ма|г) — кто ступил.

15. Богом цел, Мир, Ко|ло|д|ец очей,— ведь в Глубь сю они ýдут, взыскуя Творца **(**коло — цикл (стар.); dec, дец|и (лат.) — Дес|ять, санскр. даса**)**, — с|п|лав Света и Тьмы, где они Пол|ноты Мировой по|л|ов|ины, Тьма в коих, единых как пара, дов|леет: над Светом-Отцом — Сер|дце-Мать. Половины сии двоеполы в единстве их: Свет есть Отец-Ан|д|ро|гин, Тьма — Мать-главность, Гин|андр. Свет как Р — **П**окой-**Р**о|знь. С тем, едины П с Р в алфавúте касаньем; Р Римлян — как русское Р. Ми**Р** — Mi**R**: R — анти-Я, Свет пред Тьмою, пред Сутью не-Суть как **р**о|са, многость Тьмы — пред Водой, Тьмой единою, Два пред Нолем. Служить Свету без Тьмы — над Единством зрить рознь, се|ку|л|яр|ное (свет|ское) мнить над сакральным без знанья его как над Сутью кул|ь-лар|ь, часть над Целым, во лжи утонув. Речено же: «Свет смотрит не видя, судит не зная, осуждает не давая пощады» (Э. Су|в|е|с|т|р). Порой Ренессансовой так от Античности жаркой восстала-взошла половина: без Целого часть, плоть без духа, что духом взомнил падший мир.

16. Мир к плотú нашей — Сердце к Уму; и от Сердца впасть в Ум как от Целого в часть — есть Три-Мир разломить пополам (преломлять — разделять, множа внутрь), став Шестью, полумирьем пустым как безмирною плотью: бездушной, ведь Мир — душа в нас; Шесть — Ко|зел: ко зел|ености — красность, Вражда ко Любви (ведь Любви зелен лист|вен|но цвет, Вражды — красен как кровь), к восхожденью — паденье, ход к Дну. Сердце — Суть, Ум — покров, форма (г|uра) ее, с|кор|л|упа-чешуя **(**лупá — пер|хот|ь (укр.)**)** Кар|аны, Тьмы; вы|луп|лять — суть являть (форма г|луп|ым — суть). Суть-форма — пара едина как кр|уг и квадрат, уг|ол: Двойка, монада двойная; в Одном — и сих двое одно: круг **есть** угол как **одноугольник на сфере**, индийски — анý. Круг-Десятка, Декада, с Четверкой-Квадратом едины как Целое с частью своей: в части Целое зрим мы благими очьми, в Целом — часть.

«Де-Ка́» — Мир как не-Бог, гипостазис Его; «де|з-» и «дис-» — отрешенье от сути: от Мира-Дес|ятки отпад **(***Мир от Бога отъяв, пал от Мира в безмирье Дек|а|рт: Дека-ар|т — Мир искусственный, смерть-ме|х|а|н|из|м***)**, с тем — от Де|вы: Тьмы, Мира того же. «Сер|дца́», «сер|дец» **(**дца|ть — десять (слав.-рос.)**)**, «сер|деч|ность» — Дес|ятка: Мир, З|дес|ь; Бог же — Там, скрыт за ним как Родитель его: «дек» — «дес» — «дет»: Мир, Дит|я, вез|дес|ущее нам. Рож|дес|тво Иисусово — Сердца явь умным очам, Того в Это прорыв: Полноты — в часть свою, мнящу полной себя. Де́ка (греч.) есть: 1) десяток; 2) струн пал|у|б|а: крышка **(**нем. dec|k|e**)** Творца, Поддон-Против|ень (деко — укр.) сущих, Сто|л их, де|к|о|р|а|ция, коею скрыт Бог от нас и чьи струны мы: **М**|ир — **Л**|ир|а Господа, коей ласкает Он мудрые уши, а в брен|ных, немудрых — брен|чит **(**М и Л — слитна суть: **М**ать — **Л**юбовь**) (***дек (мор.) — палуба, ярус; «дек» — д|о|к, челнов д|о|м (таков Мир, Дом челнов сущих, Мо́ре-Порт); «до́к|са» (лат.) — мненье: доска (де́с|ка — чеш.), на какой мы стоим (сиречь в чем мы тверды) как док|три|не (учении — лат.): Суть учений — Мир, Три как под Богом доска и очам нашим Бога портрет, доска та ж (о нем учит Учитель Господь, пред каким в Мире мы как за партой, des|k (англ.)); дос|ко|н|альный знаток — док|а, док|тор-дюк, вождь: duc — водительства корнь (лат. du|c|er|e — вести): Мир, Шар сер|ый (и — чер|ный, Тьма) — Путь, Богу Кон|ь; duc|k (англ.) — утка, нырять, парусина: Мир — Глубь-Оке|ан, Путь-Вода; доку|мент — Мир очам, Дока|зательство сам себе***)***. Цезарь, Ум-Рим (ведь Рим — Ум, о чем скажем), тверд был легионом десятым: как Кругом — квадрат, Миром — плоть как дыра от него, негатив: не Мир — Рим, коим кончилась Древность как Сердце Умом. В сем единстве квадрат кругл в себе, Круг — квадратен; и Круг, Суть — в сей паре глава, форма — ту|лови|ще как второе **(**укр. ту́|л|уб — кора (луб), тул|имая к сути своей**)**. Кр|угом кр|епок ква|д|ра|т: Это — Тем, — черный им как ды|р|а (знал Ма|лев|ич сие, Ка|з|и|мир); Сферой — куб **(**Ка|а|ба́ (куб — араб.), черный Богом**)**, слепых Ка|б|а|л|а **(**ер|och — эпоха (англ.): Тьма-Пространство под временем-тьмой

как покровом своим: под квадратом — Круг, Суть**)**. Форма, сути служа — проявитель ей, а нет — гр|об, Ум-само|дур: само-Дур|га, подмена Жены. Ум пуст сам: Полнота его — Сердце **(**с тем, логика, Ум, неполна в себе — рек Тьмы муж Ч|ёр|ч**)**. **Сердцем, Сутью, мы дышим и живы; От|сут|ствие в истинном смысле — отсутствие сердца у нас (**«не|т» — не-Теос, не-Ть|ма: ведь Бог с Тьмою един; «не|ма» — укр.**)**: Бога — в сути как Сердца сердец. Сердце — Огнь, иль Сия|ние; Ум есть зия|ние: нуль, суть дыра от Огня. Сердце — Вечность, Ум — бре|ние; с сердцем родимся мы в мир сей, а ум — о|бре|таем, врастая в него: Сердцем в Ум, душой в плоть; спутать их — есть себя нам не знать. «Очевидно, что та философия, которая основывается на том, что сущность души есть мышление [=ум — *Авт.*] и ничего более, должна отрицать все существенно-нравственное в человеке. Жизненную заповедь любви, — заповедь, которая так многозначительна для сердца, — заменяет она отвлеченным сознанием долга, сознанием, которое предполагает не воодушевление, не сердечное влечение к добру, а простое безучастное понимание явлений» (Вл. Соловьев). **Мораль-Нравственность — Сердце, Эфир: тайный огнь, что взыскует душа, из него состоя (et|hos, нрав, сфера Гос|пода — et|her, эфир). Сердце — Суть, Ум — не-Суть, сущий Сердцем как корнем своим, как причиною следствие. Следствие живо почтеньем к ней; чтя лишь себя, оно Миру мертво**. Так наука жива, чтя религию и философию; чтящей себя без сих двух — нет ее, себя мнящей причиной: Ум — Сердцем. Вернадский сказал о том: «Среди течений научного мировоззрения существуют направления, которые предполагают, что научное мировоззрение может заменить собою мировоззрения религиозное и философское; иногда приходится слышать, что роль философского мировоззрения, и даже созидательная и живительная роль философии для человечества, кончена и даже в будущем должна быть заменена наукою. Но такое мнение само представляет собой не что иное, как отголосок одной из философских схем, и едва ли может выдержать пробу научного к себе отношения. Никогда не наблюдали мы до сих пор

в истории человечества науки без философии, и, изучая историю научного мышления, мы видим, что философские концепции и философские идеи входят как необходимый, всепроникающий элемент во все время ее существования... Необходимо обратить внимание еще на обратный процесс, проходящий через всю духовную историю человечества. Рост науки неизбежно вызывает в свою очередь необычайное расширение границ философского и религиозного сознания человеческого духа...». Суть, Сердце есть Жизнь; Ум, не-Суть, есть И|дея: Дея|нию пара, не Жизнь (ведь Деянье — она) — образ о́ной, второе за ней. Сердце, Жизнь — стих, единый как камнь; Ум, Идея есть п|роз|а: в себе — роз|нь. Вильгельм Г|ум|боль|дт рек о сем: «поэзия берет действительность в ее наглядном проявлении, в том виде, в каком она доступна внутренним и внешним чувствам, не заботясь о том, что, собственно, делает ее действительностью, и даже намеренно отталкивая от себя этот вопрос. Переработав это наглядное проявление действительности в образ, она воплощает в нем художественно идеализированное целое. Проза, напротив, доискивается в действительности именно того, чем она коренится в бытии, тех нитей, которыми она с ним связана; связав затем отвлеченной формулой факт с фактом и понятие с понятием, она представляет их объективную связь в форме идеи» («О различии организмов etc.»). Суть, Сердце, подвижно-мягка́; форма, умственна — х|р|у́п|ка покойно; и Суть, Мягкость — Твердь, некрошимая как Твердь-Вода. Сущих Путь — из Ума в Сердце: в Глубь чрез облатки, с чужбины — Домой. Шаг любой в сем Пути — из Ума в Сердце шаг: ведь с Путем Шаг одно. Путем властвуя сим, Сердце — Жат|ва Ума, где преходит он: в Милость — Суд. Лик ей — Суд|жат|а, рис давшая Будде как Силу, от коей прозрел этот муж, из Ума Сердцем став, — ибо Очи оно: **EVE** (Сердце, Жена) — **EYE** (г|ла|з — англ.).

17. Бог и Мир, Пара-Суть, Глуби есть друг для друга: Мир — Богу, ведь Бог деет в Мире; Бог — Миру: подобию, чтящему Суть; и из двух Глубей старшая — Бог: нет Его — Мира нет, как творения нет без творца. Миросущным нам Он — Мира Глубь,

в Глуби скрытая сей как я|дро в с|кор|луп|е. Кто очами Мир по́лет как Глубь в жажде Бога — свершает Полёт: очи — Тьма, Ноль-Крыла, летать — *видеть* нам Мир.

18. В Паре Бог-Мир Бог — Сердце, Мир — Ум, и Ум — Сердца слуга (Конь — о чем речь позднéй); в Мире, паре Тьма-Свет, Сердце — Тьма, Ум — Свет, верный слуга ее. Мир как суть на́ша, душа, — сердце наше, чье Сердце есть Бог; плоть — как сердцу, ум ей. Ум и Сердце едины. Так с веком железным един мед|ный век, пре|два|ряя причинно его: Сердце, Мед — Ум, не-Мед; aayas`a санскритски — «железный» и «медный» как слово одно.

19. Бог — Единый-без-Двух; Мир, Плод Божий — Единый-с-Двумя, Тьмой и Светом: ведь Мир есть Тьма-Свет, Жена-Муж, пара-пол как пол-Бога: пол-Цели своей. Ибо Бог — Цель, Мир — Путь; кто идет — половинно пришел, иль пол-цели обрел; кто решился, тот полу-решил; на́чавший — полу-кончил. В «десятку» попасть (как с|тре|лкý) — Мир обресть: Десять — он; тем — и Бога стяжать, частью — Полность: знать часть (половину — царицу частей, плод разреза срединного) — знать полноту, что едины как Мир и Господь; Бога, сущие, знаем чрез Мир, сущий Им.

20. Бог, сверхполый — Одно без второго Себе; в паре пола Тьма-Свет Тьма — суть Бóг-Сердце, Свет — суть Мир-Ум, ру́па Господа х|руп|кая: форма — х|руп|ка́, суть — к|реп|ка, и обресть ее — форму разъять, как орех, хрупкий ради я|дра своего. Формы пленники, мы — Мира узники. Вс|тре|ча любая нам (зу|с|трі|ч — укр.) — Му́р, сосуд Бога и суть наша, чей сосуд — мы, тен|ь его: в|с|т|ре|ч|а — в сути с Рек|ой, Миром — с|трі|тен|ня (укр.), пир реч|ей.

21. Мир и Мать, нераздельны как Тьма — оба Свету цари: Сему — То, коим есть они. М, буква Тьмы, посему с буквой Мира едина и есть также W, М обратное: Ть|ма, как ее ни w'ер|ти — W'ысь всегда. **Сердце — пра|вит** как Пра|щур-Жизнь, Vit|a, Огнь щур|ящий бренных, живых Ви|т|а|м|ин, Vita-Там, Внутри (in — Глубь): Глубь — Высь, бренных Мин|имум, М|а|к|си|м|ум тайный, Ма|ть-Ось (axi|s), Сем|ь-Се|м|я (сім — семь (укр.)): Семь — Жизнь (*«сим-сим, отворись!» — зов к ней,*

скрытой; Си|м|он — стал Петром, Камнем (греч.) у Христа: Камень-Жизнь — Мир, Сим|фон|ия Божья). Избыток над Сердцем Ума из Победы, какой есть оно, Жизнь, — творит п|**о**|**р**|а|жень|е: Пи|**р** — Пи|**рр**|а влечет, с тем — к|р|ах Мира в очах, одержимых, как Р|оком, Умом (*Вер|ы чужд Стагириту служа, их имел А|в|е|**р**|**р**|о|эс, зря Корнем не Сердце, Эро|тову Суть, — Ум, Ошибку, е**rr**áta (лат.), é**rr**|**o**|**r** (англ.)*). Ибо Ум — Рок, П|рок-У|рок наш: Р|о|з|нь, ок|о-прок|лятье, кус|ок-властелин (от него волен от|рок, Любовью храним как щитом, что у взрослых в миру — в пыль Умом разъят). Рок есть Кор|а, Тьма, как Суд, **Милость в виде его**: Ноль как Два, Полнота как фрагмент. Сердце — Целое, Ум — половина его; Сердце — **х**|олит, Ум — **к**|олет-разит как осколок: ведь цельность кругла, кусок — остр (*К — пол-Х: Х есть Сердце (Мир, рим|ское Десять), К — Ум, половинный ему: Жизни — смерть. Хат — дом (ег.); кат — палач (укр.), лишающий до́ма: казнь главная есть остракизм, отказ в доме, суть коего — Мир; впасть в безмирье, о|три|нув его, есть ничем стать, пропасть*). Рок, Ум — Фат|ум, Свободы фат|а-гроб. Мозг — плотный его кор|рел|ят, Ум как плоть; Ум же — Ум есть *живой*, коль полн Сердца как Сути, у М|атери коль. Посему мозга Суть не Ум — Сердце: нам — Т|айн|а; Я|вь — зрящим очами его, сиречь *видящим*: моз|г — Mot|h|er, Мать как Афина, дочь Зев|сова *главна*, главу расколовша его, как кору́ — Суть, **То**|п|**ор**. В сути мозг посему — **тело черное**: лат. cer|ebró, мозг — с|ребро, суть Мать-Тьма (cer здесь — «чер», чер|нота); таков он у Гостей: Тайна в нас — у них Явь. Мозг наш у|**М**|ный — мыс Мыс|ли, что ею на|мыт и о|мыт: ума́ Кровью Коровью, какой есть ся влага: Жизнь-Мать, Тьма-Вода как С|мысл-Сен|с, Сен|ь Ума, коей Сердце и есть; мысль ума — тень ее, как тень Сердца есть Ум. Сердцем мысля, куём Мир в себе (раз|мыш|лять — мір|кувати (укр.)), Шар этот, серый мыш|ино: цвет сей — плод с|меш|енья Тьма-Свет. В Мире Сердце и Ум — пара-Очи: Ум Сердцу есть очи в Сем, коим и е́сть Ум (в лишенности их — в мире сем Сердце слепо: слепая любовь — неумна), Сердце — Очи Уму в Том, каким есть оно. Се́рдца Очи — Д|ви|жень|е-Жен|а (зор|кий — ею

живим, как Д|зер|жин|ский: «жин» — «жен»**)**, Ума — Р|ater-П|**око**|й, О|**т**|че, око-око|вы **(**Ум, Р|о|к — суть Ро-ок|о: глаз-Муж: ведь ρ (Ро) — Муж**)**. Ум — Знание, Се́рдце же — Сила; для *видящих* два сих — одно: Мир, чьей Троице в мире материи сем четверном причтены птицы-Очи о|р|ел, с|**о**|**ко**|л, л|е|б|ед|ь (swa|n — англ.) и с|о|ва. В Мире цельном — и Очи одно: Сердце-Ум; в полумирьи ж, Уме как Уме, имманентности, — Очи есть Сердце, Иное Уму, Ум же слеп, ведь безо́к.

22. Муж, Man-Ум, сам в себе есть мен|яла ман|ящий как л|же|ц, пред Же|ною леж|ащий; Жена, Сердце, есть Неразменное: Истина Божья, маняща собою. М|ног первый, вторая — Одно (и изгнавши менял из Господнего храма, изгнал Христос-Сердце бессердны умы). О сем учит Платонов «Мен|он», где Жена — Д|об|ро|д|ет|ель: длань Блага-Творца, что покоя чужда. Жена — Дар, Бескорыстье как здравой наживы закон (рек Платон); на|жив|аться — Женой, Тьмою жить: Жизнь — Она. Рынок западный, Отчий, закон сей презрел: Муж в нем про́дал Жену, Суть свою, став ничем. Тьма и Свет, Жена с Мужем на|д|мен|ны: Тьма — ибо над Man'ом она, Богом суща; Свет — ибо на|д|мен (надут) Тьмой, чтя ее как Оплот свой, не чтя ж — схлопнут в нуль (nullus (лат.) — никакой).

23. **Бог ко Миру есть Мера его (с тем — всего внутримирного): Третье-Внутри-Над**: ведь, клея Собой Мир, как Третий *меж* Двух его сущ Он *над* ним как Глубь, То. Богосущная, мера любая есть Третье как Бог: и Вверху, и Внутри. Ведать крайности, Два-Мир — знать Господа, Меру, на Нем сидя как на коне иль в седле, с|тре|мен|а чьи есть Мир **(**«*Основной принцип каллиграфии — не делать небрежных движений, однако при этом движения кисти могут стать неловкими и закрепощенными. Нужно пойти дальше этого и научиться умело отходить от нормы. Этим принципом надлежит руководствоваться и в других делах», — рек Цунэтомо***)**. Ведь Бог нам Слуга, Конь; служа ж — Мера Он, нас учаща Средине, Себе. Меру зрить как средину-не-Глубь, имманентную **(***Третье на общей прямой со Двумя в мире плоском; Четвертое в плоскости Тройки — в объемном (так время монадой ввел в*

*Тройку пространства Эйнштейн, Мир в очах лишив Глуби)***)** — есть Меры не знать как Творца (так, без знания Сути, срединой как Сим без Того Меру зрил Стагирит). Меру знать — Бога ведать, с Ним — Мир Его: с|куль|п|тор|а знать — знать скульптуру его; знать же Бога и Мир есть знать всё, ведь иного им нет **(**сказал Томас Кар|лей|ль: «Если человек знает меру, он знает всё»**)**. Мера — Благо, Единство: ведь Бог, Мера мер — два сих; Зло, Рознь — безмерье: без Господа, Меры — Мир-Два. Мир (Бог) ведает Меру, война (Дьявол) — нет. **М**|**ер**|ы-Бога по|сол в Мире (в Боге он — Мера же) — Тьма, **М**ат|**ер**|ь всех, и **Эр**|от, Любви бог, связной Этого с Тем, в сути — Мать, лик чей он. Бог — Любовь, Эрот — стя|г Ее: стя|нут им Мир воедино. Бог — Мер|а Всего, кое Мир, а Мир, Всё — мера есть не-Всего, коим есть бренный мир: ибо Вечность — Всё. Мир, Это-То, Злато-Сребро **(**ведь злато — суть Это, сребро — То**)** есть мера ближайшая нам. Так в Элладе, земле миросущной (Мир — Суть ее, Тройка), был мерой богатства талант, мера злата-сребра: в сути — Мир, человечности Столп, коей учит Эллада. **Тал**|**ант нас, Арийцев — Атл**|**ант, Атлант**|**ид**|**ы Ант**|**роп (**Грекам — столп меж Небес и Земли на краю у последней, связь их**)**: Тьма-Мир в нас, в Этих — То, в Доле — Высь **(**«атл|ь», индейское «змей», и «тал» — корни Воды: в сути — змейность одна, Тьма**)**. Как чистое То **(**Это сущих — Мир, сущий Творцом; Тран|сцен|дентное — сцена Его**)**, Бог не зрит запредельного: **Грань есть Он сам, бренных с**|**мер**|**ть**. Узреть в смерти Творца (ведь зрить — быть) — смертью Волю стяжать, коя Он. В сем смысл истинной смерти: в миг оной — от бренья, как смерти, Ожить; свершить то — зов Книг Мертвых. Бог в нас — добродетель, срединная меж наслажденьем и болью и выше стоящая их как Одно над Двумя, Сен|ь их. Рек же Сен|ека: «Чрезмерное наслаждение вредно, а чрезмерной добродетельности опасаться не приходится, ибо она сама есть мера».

24. Божий Мир — Пол|е-Пол|но|сть, пол-Бога: ведь Сути подобье, каков Богу Мир, — пол-Её: луб, на Господе-Сути к|о|р|а. Таков Мир, Пол, на коем стоит, тверд Собой, Бог; и в Паре Бог-Мир Бог есть Суть, Мир — покров, а из Трех Бог-Тьма-

Свет покров Бога и Света — Тьма, среднее их. Пифагор, Землю зря в центре мира, прав, зривший как Тройки дитя, грек. Знал тот, что Зем|лей нашей есть не Земля как часть Мира, но Целое, Мир, Сем|я в нас: в мире — Мир, Огнь, для сущих горящий (вкруг коего, как вкруг Земли, ходит зримое солнце: вкруг Целого — часть); Огнь в средине его есть Бог, Огнь для Себя, — а не Ум, как мнил то Пифагор, им пленен и зря у́мно Сосуд Божий, Мир.

25. Мир, двойной сам в себе, — суть *про|пор|ции, Двойки-меж-Двух*, число чье — **22, число Солнца**: ведь Солнце нам — Мир. Так в стихиях вселенских две крайние, огнь и земля, скреплены парой средних как Миром Мир: огнь и земля (4 + 6) есть Декада, Декада ж и воздух с водой (8 + 20 = 8 + 2 = 10). Так душа, как Декада, спрягает в себе свет и тьму — дух и плоть — и в миру есть себя позабывшая Полность, став как бы пустой, дабы в срок должный — вспомнить себя.

26. **Очей Солнце, Мир — Миф: Полнота как Реальность**. Зрить Мир очьми Мифа есть *видеть* Мир полный, а нет — полумирье: Сие без Того, Свет без Тьмы как от Мира дыру.

27. Бог есть чистое Благо; Зла чистого — нет: Блага тень, оно Благом держимо глубинно (Бог — С|кам|бха, Держатель-Внутри), а в себе — рознь, ничто. В Паре Бог-Мир Бог — Благо, Мир — Зло благо|датное (данное Благом, Творцом), что без Бога не есть.

28. В Жене-Муже, во Матери-Сыне — Единство, как в Мире Господь: Любовь в Шаре Ее; sut`a, Сын (санскр.) — сут|а|на на Матери, Сут|и ее, кос|тю|м (suit — англ.) Sat и сю|ит|а Ее, ту|м|а|н, Суть сю та|ящий, маня Т|а|йн|ой сей; борозда (siita — санскр.) сего Сем|ени, слитная с Ним. Жена-Муж — Гита-Сита, суть Сердце и Ум как Одно, Божий Мир. Отец-Сын, пара-Муж — пол-Единства, в себе — с|ек|с в лишеньи Любви: пол-Ее **(**sex|us — пол (лат.)**)**, кусок, где Единого нет, бездуховная плоть, смерть без Жизни как Сути своей **(**sex|ton — могильщик (англ.)**)**, с|кор|лупа без Я|дра **(**с тем, Христос, говоря «Бог — Любовь», не Отца чтил сим словом, но

Бога и Мать: Бога-Полность плодящу; Отец — полу-Бог, суть неплодна: плодит — Полнота**)**. В сем рознь с сексом религии Отчей: что го́ним в на|руж|ных очах — чтим и ал|чем нутром, как велит Двойка-Рознь, мать свято|ш, верте|п *pan*. Стяг лжи этой в фамильях столпов ее Дама|скин, Нис|ский (сих *два* — пик ее: отрицание секса как сути) — Отец сам как skin, кожа Матери-Дамы и Мира Низ (Дол), зримый в строе советском, как зло гнавшем секс **(**Розни муж, Дамаскин не знал цельного, *сиречь реального*, мира, ведь ре́к он: «Все пепел, призрак, тень и дым»**)**. Клеймя Двоицу-пол, пол|о|вину, Отец тем в любви ей клянется как сути — покров, арестанту — тюрьма. Полность — Жизнь, половина — смерть. Так ран убитого Цезаря, всех — 23: х|р|о|м|ос|ом — у га|м|ет, половинных плоти́ нашей, цельной числом 46, Суть чья есть Десять, Мир.

29. Божий Мир, Три-Вну|три, есть Суть нас, миросущных; как Глав|ное в нас, он — главы нашей Суть (рек Платон); Бог — Суть Мира: Ко|рона как Сень над главой сей. Ко|рон|ы рон|ять — Бога, Истину-Сат в прах б|ро|с|а|т|ь; т|роны руш|а, к|руш|им мы Себя: и|бо Бо|г — наше Я.

30. Мир есть Божие Всё (pan — эллин.) — Полнота, г|о|с|под|ин (пан — укр.) сущих (как телу — душа, Мир-Внутри) как Единство, Глубь-Высь: Высь в нем Глубь, Глубь — Высь (в нем Погружаться — Всходить); Мир как Двоица — Тьма-Свет, Высь-Дол: Всё-во-Всём и не-Всё, на какие делúм в себе Мир. Зря от Дола, Состав Мира — Бог: Тьма над Тьмой, Ab|sol|ut; зря от Бога, состав Мира — Мать, Тьма под Тьмою-Творцом. Как Всё-в-Мире, Тьма Божья — Ре|аль|ность его, суть не-Бог, Тьма под Ним, внизу **(**Мира **десятая часть**: Конь, Мир — десять Коров; Десяти Десятина, Одно в сем Одном**)**; как не-Всё, Свет — Ил|люз|ия **(**Сути луз|га, шел|уха-Ложь**)**; и Тьма есть Душа-Тело(Со|ма, иль Мя|со: Со|ва-Ма|терь) Мира **(**лат. **M**|**u**|n|**du**|s**)**, То|т|ал|ь|ность **(***ti*|*mir*|*a — мрак (санскр.): «ты [Тьма, Мр*|*ак] — М*|*и*|*р»***)** как Двойка-Единство **(**с тем, Мир есть миров С|*ово*|куп|нос|ть, Воды Шар**)**, а Свет — не-Душа и не-Тело как Двоица-Рознь, суть ничто, что с Тьмой — Всё, P|ant|a (греч.), Сверх-Муж **(**P — Pa|pa|s, Муж, Ум-Лов|ушка (укр. пас|тка)**)** как

Сердце с Умом в глубине своей, сиречь *под ним*: О|н|а, Сердце — На-Он, суть на Муже Жена. Оба сих, Тьма и Свет, в Мире, Божьем Одном — половины: есть он — есть сих два, нет его — нет и их: ибо целое старше частей как причина их; ma|tri, Мать-Тьма, иль pa|trí, Отец-Свет — всё Мир, Три. Тьма — Т|кан|ь Мира, в очах бренных кан|увша: в тьме — Тьма; Тьмой сотканность сущего **(***Т|кан|ь, Тьма — есть с тем и Т|ка|ч|иха-Вода, где кач|аемся мы: кач|ка — у|тка (укр.)***)** — Та́нтры суть: Ни|ть, П|ряж|а — Ть|ма-Де|ва, сущая п|реж|де Бытья, коя реж|ет его и п|ряд|ет. Мир как Рознь — Свет без Тьмы; как Единство — Тьма́ он; как Единство-и-Рознь — он Мир Божий, творенье Творца, Дух-Дитя. Тьма есть Истина, SAT **(***с тем, сат|атися (укр.) — ткани рушиться с краю: Причиной, Тьмой-SAT: ведь Тьма — Грань***)**, Свет — A|SAT: Ложь, не-Истина как Тьмы покров, мнимый Истиной нам, сущим в Свете, Тьма коим — его SAT|el|lit|e, Спутник. **Истина, Глубь есть в|тор|ое покровным очам, мнящим Глубью себя: Сердце, Бур, что тор|ит Из|ну|т|ри** **(**в мире Двух, Розни, Истина — Два и есть: истина розни — есть рознь**)**. Так тщеславный мнит лучшего, чем он, вторым за собой. Так слог ОМ — **О**тец-**М**ать как Ум-Сердце, где Сердце — второе покровным очам; Глубь — Д|**ОМ** ом сущих, где Б|ог, в Мире с|к|рыт как Ядро, — Глуби Глубь, Ог|нь второй, за А — Б. Так живей те́ла тень в мире сем: Тьма — душа, жизнь плоти́, что, второю нам мнясь, есть **пред-первое, Ноль, а не Два: Мат|ь как счёта Корень**, первый при коем (за Тайной — очей явь) — при|мат, Ум при Сердце своем, недо-Суть **(**место первое — primatus (лат.)**)**; Пара — То **(**p`ara — 1) далекий, 2) другой, 3) чужой, 4) прошлый, более ранний (санскр.)**)**. В Десяти, Мире, так Единица есть первой, а Ноль, ей причинный — вторым. Так Бог — тень Са|т|ан|ы в мире сем (к ней — с|тен|а|ем): стен|ы бренных глаз как их солнца — Луна. Так Луна, Земли спутником мнима (иль тенью: тень — спутник), на деле есть Суть ее: Ноль, а не Два. Так Ви|ра|дж, Космос-Мать, родилась от Пуруши, вторая, а тот — от Вирадж: Два — суть Ноль. Волк, собаки суть — лат. Canis lupus: «собака» — первей, «волк» — позднéй. Ev|il (англ.) — дурной,

пагубный: Ум, Ил на месте втором как недолжном ему в мире умном. Ум — Папа, Отец; Сердце — Мать как Po|ten|tia, Па|пина Тень, зрима в Силы словах, темносущных: усилье — in|ten|tia (лат.); усердно — inten|te; распространение — inten|tus; интен|сивный — inten|tivus; об|вин|енье — inten|tion. Тело, явь — бренных глаз бог, корку глубию мнящих; Дух, Тайна — тень яви сей, в кою с|кол|ьзим волей Духа: in|ten|tion, ten|den|cy — стремленье (англ.), vo|lun|tas (лат.) — Gott'овность Войти в Глубь, Луну. Кто мо|г|уч в мире сем — сущ в тени как владыка: **Тень — Суть (**te|ne|b|ra|e — Тьма (лат.): Неб|о, что тен|ью мним, Ноль — Двумя**)**, Жизнь, что, Жизни не зря, смертью мним: to|ten — мертвый (нем.): То-Тень, Второе очам. Речет песнь:

если ты хочешь любить меня
полюби и мою тень
открой для нее свою дверь
впусти ее в дом

Nautilus Pompilius

Так бойца с тенью бой — бой с Причиной к победе, угодной Ей, как борол Бога Иаков в час Тьмы. Так из тени, таясь, **ble**'ет тьмы князь, козел Сатана (блеять Злу, мерзость лить — что бле|вать); тен|дер, угль паровоза, влекомый — суть, пища его: не едя|щий — не еде|т, Люб|овью живим как Вином, кое Х|леб вечный наш: tender — не|жны|й (англ.), полный Любви. Ten|a|**b**|**le** (англ.) — 1) прочный, 2) подлежащий занятью (вак|ан|сии, дол|жно|сти): **Тень, Суть — С|то|л|п наш; День истинный, Век Златой — Тень дня сего как историьи, забвения: тьмы, налитóй в Лунку-Огнь — Луну, Вéк этот (**D = T: **D**eus — **Т**еос, Бог-**Т**ьма**)**. С тем, за Вакхом второй, Пан собой кажет Мать, Ноль, и с тем — Вакха больше, как Мир, Божье Всё (pan — греч.), Т|кан|ь чья есть Мать. Посему, служа Вакху, Пан — бог, как и он, в с|вит|е Вакховой С|толп, что Плутарху, сердечным очам — лик античного мира: Мать — Лúк сей, чьим Веком анти|чно|сть как Корнем жила: Нолем, Сно|м — Двойка, явь **(**сим|вол, Два, и Суть, Ноль, — Тьма одна**)**; Мать-Пан — Древо-В|селен|ная, древ|ности Корнь. Вакх меж Матерью-Тьмою и Паном-помощником **(**по|мощь — суть Мо|щь, Тьма: Афина при Зевсе, без коей ничтó он**)** — меж Тьмою и Тьмой как

звено, коим Тьма длит себя. Ра|ма — «темный»: второй слог в нем — Ть|ма, Рамы Суть, Столп его **(***муж сей — царь, иль ра|д|жа́, аватар седьмой Виш|ну: vis|h — действовать (санскр.), v|is (лат.); Действие — Жизнь, Тьма как Семь***)**; Лао-Цзы как Ли Эр, «Ум и Сердце» **(**Ли — Ум, Ритуал (кит.), Эр — Сердце, Эр|от**)**, в сути — Сердце, Второе в ю|дол|и Ума, мире сем. Так второй за Адамом Христос: за Умом — Сердце, Суть; за Кириллом — Меф|одий: Миф-Тьма, Корнь сло|вес; за Ас|коль|дом — Дир: Луна, Дыра (діра — укр.), в Бога Щель и Мир, Ра|к|а при Ра, за Фер|мú — Дú|ра|к: Ноль, Щель-алмаз — за железом-Двумя (Fer|rum — лат.), во тьме Тьма. Моисеев За|вет вет|хий — кара: Закон как топор Отчий; Новый, Христов — Благодать: Милость-Ноль, Бог-и-Мать. Так явился пер|вей Ари|ман из Зер|ван|а (Тьмы, Змия: «зер» — «сер» и «сар», змейность); за|меш|к|ав в мешк|е сем, Ар|муз|д — погодя: опоздание — право главы и по|чет; чет|ность — Два. Суть — в тен|ден|ции: тени, втором как ночь в дне. Суть родящий, покров не творит, но являет ее очам бренным, разъ|я|тый сим Шилом, как **явное вечным очам**. Так родит Брахма Вишну: Ум — Сердце, покров — Суть свою. Двойка, следствием зрима как тень Единицы, — в себе Ноль, Причина. Шаг первый — шах, близость Победы, второй — мат: Победа, Тьма-Мат|ь. Так дочь Зевса Афина как Суть — Мать его, Голова главы сей, отколь исходит *волей своей, главной*. Так Век Златой, корнь исторьи, мним бренными тенью ее: смертью — Жизнь; жизнелюб, знал истории душу Мон|тень, смерти ведавший суть. Теогонию, Тьму как Причину, дал нам Гесиод, за Гомером второй: Ночь за Днем, Высь за Дном — донным нам; второй том «**Мертвых** душ», тень для нас (был ли, нет — поди знай!) — Гоголь сам как **живая** душа. С тем, подобье, второе очам — Сути лик; Хан|у|м|ан, о|без|ь|я|н царь — при Раме указчик: благ Рама — благ он, в Суть ман|я. Спит на гениев детях природа, на внуках — бодра: Двойка — Суть; лиц фамильность всех ярче в кол|ене втором (и фамилья как род, тел чреда, за душою — вторáя); вну|к более сына де|дáм, вну|трисущий как Дам|а, Жизнь-Тьма: полн ее, д|е|д **(***∂|i|∂ (укр.): от по|Том|ка ид|ущего — Два (Ди): Ноль, Корнь как движенья Суть; бабушка*

— а|via (лат.): Тьма — Крылá) сам — д|ит|я (*ит|ти — ид|ти (стар.): ет|ь (иль е|т|и́), торить путь Удом-Тьмой*). Связь колен Но|левого с Вторым, «деды — внуки» прямая — Тьмы с Тьмой связь, Причины едина чреда. Так Каш|ь|**я**|па, внук Брахмы, чтим как Брахма сам; Бо|ян Русичам — «Велесов внук» (*В «Слове о полку Игореве» Русичи — «дажьбожьи внуки», плод Неба прямой. «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, в княжих крамолах веци человекомь скратишась». О ветрах же в «Слове…» написано: «Се ветры, Стрибожьи внуци, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы». Княгиня Ольга первой приняла христианство, а крестил Русь Владимир, ее внук*); Ав|то́|лик|а внук Одиссей — в деда хитрого весь. Быть in vit|**ro** (в пробирке — лат.) — быть во Вто|**ро**|м, Уме-Ро: vit здесь — Сердце, Жизнь; ro — Ум, п|**ро**|б|ирка иль г|**ро**|б его (*чужд Сердца, Ум — **ро**|б|от Зла, Тьмы как Двух, кое суть Сердце то ж: служа Сердцу, мы Господу служим, а нет — Сатане, кои — Сердце одно*). Тьма, В|тор|ое — Тор: в|то́рить — тори́ть. Так дол|бит капля камень: Вода — Тьма; так Истина, Тьма ложь разит к торжеству своему.

31. Суть в облатке, идущей пред ней как пред вечностью бренье, дом наш, — вот число двуразрядное. Так, в числе 1**0** первей Бытие, Единица (бытийны мы), Тьма ж, Ноль — вторая, ведь скрыта за ним; Мир как Десять — Явь-Тайна, очам бренным — Явь, Бытие, половина Всего, ведь Ноль им — пустота. Так пусты для них Двадцать, 2**0**, безбожного века число: Мир как Ноль в оболочке нуля, коим есть Двойка-Рознь. В числе *виденья* горнем 12 Глубь — Двойка: Бытья суть, в себе не единого, знать кою — *видеть*: Два-Глубь — Очи, Ноль. В числе 21 ве́ка, где живем мы, симметричном Двенадцати, Глубь — Одно, Бог (Единица-Глубь — Бог, а не Ум; Ум во Глубь перенесть — Богом сделать), покров — Мир, Два: из Мира в Бога шагнем числом этим (как я — книгой сей); число 21 есть Платона число (в Бога шедшего Миром, Сократа Стезей), Трижды Семь (ведь родился в день сей он, 7 тар|ге|л|**ио**|на, сиречь 21 мая): Мир (21 в сумме — Троица) как Трижды Жизнь: ведь

Жизнь — Семь, о чем скажем еще. 22 и 11 — Мудрости лик, где равны То и Это **(**так в римском X, Десять: Два — сверху от центра, Два — снизу**)**: делить пополам — знать единство чрез страны его, ра́вны нам (Одно — равенства суть), с тем — ступать к Цели сущих: из Мира — в Творца. Чи́сла сущи с разрядностью более Двух приводимы ко Двойке, чтоб знать ихню Глубь нам **(**так в 123 Глубь — Пятерка, эфира число: 123 = 1 (2 + 3) = 1**5)**.

32. Глубь, Суть-Ноль очам бренным — Второе. С тем, Два глубоки как ребро — Ева, Глубь: часть — смотрящим, наружным очам; *видящим*, Глуби очам — полнота. **Пов|тор, Д|ва, ум тор|я, кажет Ноль, Суть-Закон**. То — **повтор Сердца, полность им**; повтор Ума — пуст как Рознь, тав|то|логья, речь здесь не о ней. Случай — Бог, Сердце Мира; повтор Его — Сердца урок. Что случилось однажды — случайно мирски, а что д|важ|ды — перст Тьмы зело важ|ный: важ|ка́ (тяжела — укр.) Причина, Тьма-То́; важ|ити — весить (укр.); сома, плоть — Тьмой ве|сома. Повтор кажет Суть. Так в пришествьи втором Христос — Мать, Суть Его, Божья Милость-Единство **(**а в первом — Отец: меч разъемлющий — миру взамен**)**, по Тей|яр|у — «уникальное и наивысочайшее событие, в котором Историческое соединится с Трансцендентным», восставив Одно. Так Тьма, Сердце-С|вар — Вар|вар Уму: Двойке — Ноль, что мнит Двойкою сей эгоист, зря окрест лишь себя — без ин|ого («Я — Это», — а до́лжно: «Я — То»). Так слуга Божий, во|ин, «идущий Во|глубь» — Глубь-вдвойне, во-Инь: Ин|ь **(**in — Глубь (лат.)**)** — Тьма, Стезя; Человек, Но|mo (лат.) — дважды Ма|ть: ho (go) и mo — Она, Mo|ther (англ.); ма**те**|**ма**ти|ка — Ма́ть дважды: Ноль — числ Корнь, тем|ная Тем|а нас всех (Тем — мы живы: «Я — То»); дважды Ма|ть — «Ма|стер и Ма|ргарита», Тьме гимн; to|to, Целое (лат.) — дважды Глубь; хор|о|хор|иться, брызгать огнем — дважды Гор; eu|ge (лат.) — «хор|ошо!»: Eu, Ge — Тьма **(**Eu|g|e|n, Жен|я — Серна́н, муж Луны**)**; имя «Крит», Век Златой как Эллады Ось — то же: Хри-(Тьма)-Т, Тьма та ж (К ↔ Х). Тьмы посол Гер|а|клит черен именем дважды своим: her — Тьма, «клит» — черный (греч.); Кли|т|е|мн|е|ст|ра, «клит-темн» — дважды Тьма; GoGo'ль, тёмн — «дву-

Корова»; Кусто, Cou|st|eau (франц.), Воды певец — «дву-Вода»: cou, eau (от eva) — Тьма-Мать. Повтор — капля долбяща, бур в Суть, что являет упорством ее. Так «сим-сим», зов волшбы — ключ ко Глуби: сім — семь (укр.): Жизнь, Глубь самоé. Парность Сути — закон сего мира: Тьма, Ноль есть в нем Два — явь Ноля, Рознь как брения столп, Клей чей тайный — Единство-Любовь.

33. В мире сем, первом бренным, Ум — старший, а Сердце — помощник ему. Так З|еве|су Афина слуга, пер|ун|ó|в его клад; так Пер|иклу — **Эв|á|нгел** эг|и|д|а, хранивший богатство его. Сему миру, Уму, Сердце — То, Иностранье, кому Ум — покров; так Зевс, Ум, звался К|сен|ий: покро|в ино|странцев хранящий, сен|ь ихня под Сени|ю, Тьмой. Тьма — Второе очам бренным, Первое — вечным очам. Тень ее в них — матер|и|я, Матерь-и-я: не-Мать, Матерью сущая. Мать — Я, всё; не-Мать — не-Я, ничто. **В мире сем место второе есть место покрова и сути его (за Землей то — Луна, Суть-покров). Суть — блаженно оно, покров — скорбно: с|кор|бь — сути, блаженства кор|а**. Так, второе, несчастно дитя при великом родителе — зрить в нем хотят (с тем — и зрят) не отдельную суть, но подобье: второе, не-первое как обезьяну, подобие нам. Мир единый — как дважды единый представил к несчастью Ein|st|ein (ein — один (нем.)), пространство и время смешав в нем в недолжные Два: с дегтем мед, с тьмою Тьму.

34. Как Глубь *наша*, Глубь — наша душа; Глубь *сама по себе* — Бог и Мир, не имущие в прочем нужды (и его — нет), души нашей Суть. О них рек Августин, на вопрос к себе: «что люблю я, любя Бога?» — ответивши так: «я люблю некий свет, и некий голос, некий аромат, и некую пищу, и некие объятия — когда люблю Бога моего; это свет, голос, аромат, пища, объятия внутреннего моего человека — там, где душе моей сияет свет, который не ограничен пространством, где звучит голос, который время не заставит умолкнуть, где разлит аромат, который не развеет ветром, где пища не теряет вкуса при сытости, где объятия не размыкаются от пресыщения. (...) Вот у меня тело и душа, готовые служить мне; одно находится во внешнем мире, другая внутри меня. У кого из них спрашивать

мне о Боге моем..? Лучше, конечно, то, что внутри меня». **Глуби Век — Век Златой, за тьмой времени скрытый, где есть мы Самими Собой: ведь Мы — Глубь (***«Человек не должен спрашивать, в чем смысл его жизни, но скорее должен осознать, что он сам и есть тот, к кому обращен вопрос» (Виктор Франкл)***)**; очи Глуби есть *виденье*, Века Златого глаза, что историю зрят полно сверху: Глубь — Высь. День шестой, человечий — суб|бота: «суб» — Глубь, Дом Пространства без времени, гущи; и рек Ав|густ|ин: вре|мя — ложь, ибо вре|т. **Глубь, Бог-Мир — Т|в|ер|дь-Я наша, нужды нет в опоре иной; человек как Глубь — во|ин, о|пор|а себя сам|ого (***с|ам|у|р|ай, замур|ованный муж — амур Тьмы, рай себя. «Однажды Мороока Хикоэмон должен был поклясться перед богами, что он беззаветно предан какой-то идее. Но он сказал: — Слово самурая тверже металла, Поскольку я запечатлел это слово в себе, причем тут боги и будды? После этого его торжественная клятва была отменена», — сказано у Ямамото Цунэтомо. Клясться нам — столпом внешнее брать: Сатану, а не Бога. Тверд в Боге, Сократ, темный муж, клялся в шутку собакой глубóко: собака собак — Цербер, сторож Аида, тьма чья — суть Тьма-Глубь (смерть с посмертьем у нас — не вовне, но Внутри). О довленьи себе, сути воина, рек Цунэтомо к тому ж: «Господин Сима послал гонца к своему отцу, господину Аки с посланием, в котором говорилось: «Я собираюсь совершить паломничество в храм Атаго в Киото». Господин Аки спросил у гонца: «Зачем он собирается делать это?» — «Атаго — божество, покровительствующее стрельцам из лука, — ответил гонец, — а господин Сима желает добиться успеха в войне» — «Это полностью бесполезно! — сердито ответил господин Аки. — Должен ли доблестный воин клана Набэсима ездить на поклон к Атаго? Нет, не должен. Даже если Атаго пожелает воплотиться в рядах противника, доблестный воин должен одним ударом разрубить его пополам!»***)**. Сказано в книге Перуновой: «Смерть наблюдаете вы в окружении, а

для себя вы ее не найдете», — ведь Я есть Глубь, Жизнь. Глуби муж был **Y**|**es**|**se**|n’ин, поэт русский наш: Yes — Да, Бог; Sen’ь — Глубь вся, Бог-и-Мир: ведь S’ень су|щих — Глубь, S’у|ть.

35. Глубь — Смысл жизни как Жизнь самоé; мир наружный, в себе взят — аб|сур|д как отсутствье его. Рек Камю: «Этот мир лишен смысла, и тот, кто осознал это, обретает свободу» — как Смысл, Глубь, какой есть она. Глубь не зная, не зрил Фрейд и Смысла, в нем мнивший иное, чем Жизнь. Сказал он: «Вопрос о смысле человеческой жизни ставился бесчисленное количество раз; удовлетворительный ответ на него пока что не был найден; *может быть, его вообще не найти*» (курсив наш), — а кто веры лишен, не найдет. Юнг — суть Глубь, Сердца Ум, Фрейд — облатка пустая ее, Ум Ума.

36. Глубь, как Смысл-Жизнь-Свобода, довлеет Себе. «В жизни дело идет о жизни, а не о каком-то результате ее», — Гете рек: Тьма, Г|ет|е|ра. **Глубь, Жизнь — Цель-Внутри, что очам внешним — смерть как очей этих суть; умереть — есть Достичь посему (***«Достигать цели нет необходимости. Чтобы быть самураем, достаточно умереть» (**Я**|**ма**|**мо**|**то** Цу|нэ|то|мо)***)**. Смысл, Глубь дóлжно нам отыскать; сотворить — не дано нам: **Творец един — Бог, Глубь сама (***«Смысл должен быть найден, но не может быть создан» (Вик|тор Ф|ран|кл)***)**. Боги Вед, с|мýг|лы Тьмой, не потели: Суть пота, Вода — Глубь; п|о|т — водность: по-от, ток, забывший Ис|ток.

37. Глубь, Деянье, довлея себе, очам внешним — никчемность, абсурд. Так абсурдны очам Пирамиды — домá Глуби, Смерти домá, не служа в мире сем ничему (***«Все на свете функционально, а особенно то, что решительно ничему не служит» (Станислав Ежи Лец) — читать дóлжно: особенно — Глубь***)**. Глубь как ноумен с взором — одно: очи вечные — вечный же Мир. Очи бренны, феноменов очи — одно, Мир — другое. С тем, **в бренных очах Мира нет** — есть безмирье, от Мира дыра, суть ничто.

38. **Глубь, Бог-Мир, есть Любовь — ведь Любовь есть Два сих**. Глубь любить — в Любви быть, ею жить. В ком любовь к человеку превысила к Богу любовь — Глубь поправши, пал в Ум как в облатку, Вражду-г|ум|анизм от Любви. Любить Ум свыше Сердца — сжигать Сердце в топке Ума, как дрова. Человечность есть Божность, любовь к Сути нашей; без Бога — она сатанизм.

39. Глубь истории — Век Золотой: корнь ее неучастный как Благо пред злом, пред диаволом Бог. Чтивший Благо, знал душу историьи Плутарх чрез причастность причине ее, коей есть этот Век. Рек же муж сей: «...ошибки и недостатки, вкравшиеся в деяния человека по страсти ли какой или по политической необходимости, более надо считать слабостью какой-нибудь добродетели, чем злоумышлением порочности...». Сказано также им: «Справедливость требует, чтобы историк сообщал о своих героях то, что считает истиной. Если же нельзя установить истину, нужно, чтобы историк рассказывал хорошее, а не плохое». Как имя, и значит Плут|арх «Глуби власть»: арх|е (греч.) — старшинство; Глубь — Плут|он, Подземелья сего хит|рый бог.

40. Глубь, То — Тайна, Глава. «Тай» — великий (ки|тай|ск.). Объять Глубь как То этим, Великое малым — дано нам в причастьи ему. Глубь утратить — утратить Себ**Я**: Я — То, Глубь-Бог, Суть наша; утратить Ее — есть наружу достать, плоть пустой створив. Глубь изъ|**Я**|ть, взять от Себя **(**éхō (греч.) — вне, снаружи**)** — соитье родить внешне: с|ек|с, пол-Любви, экс-Любовь (Любовь в прошлом, мираж — Век Злато́й бренным), эхо Любви; Любовь-Полность — соитие с Глубью, **С|еб|Я** любовь (Ноль — против Двух, эгоизма: тот — к пло́ти, облатке страсть, горе На|**р**|**ци**|с|с|ово умное: Р, Рцы — Ум). Глубь напо|каз выставлять, де|фи|л|ир|овать **(**как учит Б|эл, дух бал|ов, царь облаток ки|ч|лив|ых: Б|Эл[ь] — Бог (Эль) как Двойка, за А — Б**)** — есть хл|адом мирским гасить Огнь, Любовь-Песнь: «фил» — Любовь, «лир» — Песнь-Музыка, ли|ра как Феб-Дионис, глас с душою его. Душу, Суть силой внешней г|но|бу́ть-вы|Ну|ждать — н|из|водить Ну|т, Нут|ро в прах из|ъятьем: Ноль — в нуль. Глубь — Да|р чистый, про|да|жа — изъятье Ее; продавец, т|рейд|ер —

Фрейд, давший Дух на раз|вес, иль его своровавший: украсть — «развес|ти». И|зла|гат|ь — Суть терять: претворять Огнь во тьму. Л|уб как Г|луб|и кора — не-Глубь, Суть без Себя как уб|ита Л|юбовь. Глубь с облаткой для Бога — всё Глубь; Сатане — всё покров, пе|л|ен|а на Очах. Взор имел сей Гип|па́с, муж-пус|тыр|ь, разгласивший толпе, *че́рни*-ст|аду, какое пас|ут, Додекаэдр как Суть **(**«ги|по» есть по|нижать — лить вовне, вниз: ведь внешнее — Дол, Мира пол, Пол|овина**)**, в нем Тайны не зривший, не ведая о́ной. Таков Аристотель, о Тайне бол|тун, рекший в|тун|е ее из тщеславия: Божье — как по́лно свое **(***и пенял Александр ему: «Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием?»***)**. К сим, таковы ф|ар|ис|еи, святы напоказ, лампы А|рес|а **(**фа|р|ос — маяк (греч.)**)**: гла|голы пусты-голы — без Дела, Сути-Гла|вы. Рек Христос о них: «…все, что̀ они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: // Связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; // Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища [повязки на лбу и на руках со словами из закона] и увеличивают воскрилия одежд своих; // Также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах // И приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!»». «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не вхо́дите и хотящих войти не допускаете». «Безумные и слепые! что̀ больше: дар, или жертвенник, освящающий дар?» (Мат. 23:3-7,13,19). Сказал Он также им: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоан. 8:44). Слово с Делом — одно: реч|ь (что делать?) — содеять, реш|ить; слово деет, Безмолвие делом речет. Так одно Мир-

Любовь и признанье в любви: Три с Тремя, Дело с словом о Нем. Об Огня руне К|ра|до (Мир — Огнь), речено посему, что она есть

руна устремления и воплощения стремлений, а значит – руна речи, поскольку в нордической Традиции речь, глагол всегда ассоциировались с воплощением намерения.

Щель меж словом и делом как Рознь — Двойка-тьма, Ум без Сердца; единства их Щ|ель — Эль, Бог-Сердце, Единство само, смерти Суть. Бога чтить — Им живиться как Мир, Плод Его, где одно без смешения Слово и Дело, Свет с Тьмой. Рек о том О́дин:

Стал созревать я
и знанья множить,
расти, процветая;
слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало.

Старшая Эд|да

Иисус, Сын — Бог-Слово; Мать — Дело, Дух; Два сих — Одно. Тьмою склеен чрез смерть (ведь смерть — Тьма), Христос — Слово-и-Дело; Единый во Двух, зрим Он нам, пленным брения-Двух, как Два разных: как Слово в пришествии первом; как Дело — И|тог, горня Суть — во втором. Провал меж них — исторья-река, коей не было б, будь Два Одним. Слово с делом сплотить — Грань познав, Богом стать, речь Чья — Дело, Безмолвный Глагол. В делах след щедрым быть, а в словах — нет: Безмолвие — Сила, уст|алость — от уст, что, глаголя, теряют Дух, Глубь. Речи мудрых, героев глаголы — поступки есть их. Поступать по словам — Будды благость с|едь|ма|я: Семь — Жизнь, Благо благ. Жизнью полниться — розни не знать слов и дел — Ума с Сердцем, облатки и сути ее: человек — сосуд-слово, Жизнь — Дело как Влага его. Делам за словами поспеть — Суть восставить над формой: Второе — она. Рек Конфуций о том: «Люди в древности не любили много говорить. Они считали позором для себя не поспеть за собственными словами». Благо знать — поступать по нему, рек Сократ, живший так, как учил. Дело — знанья

суть, слов бóльша как Жизнь сама, Actus purus, где действие — всё; пленный слóва — в делах умален (так роб|кú были в них Демосфен с Цицероном — ораторы, мóщны в речах): слово, Ум — Делу п|роб|ка и г|роб вне служения Сердцу сему; де|лат|ь — лат|ки срывать слов пустых: пробки Зла — с Вина, Действия. Рек Цезарь, смертью Метеллу грозя: «Знай, юнец: мне гораздо трудней сказать это, чем сделать», — чем был сей ри|т|ор ввергнут в смертную дрожь.

41. Бог — Вода Изнутри: Жизни вечной — Христóс рек. Вода внешня — дьявольска. Ею, политьем, в миру есть по|лит|ика, грязная вещь: по|лив|ать — лить извне, пó-над Сутью живой.

42. Пара Истина-Ложь, Глубь-покров, — древо Немцев, Тьмы **(**Her|man|y — Deu|tch: Дев|а-Тьма — Deu|s, Бог**)** с философьей их: **древо забвения**. Корень его — м|ис|т|ик Бёме, иль Бём **(***Böh|me, Böh|m — «Бог — я» или «Бог — Ма|ть»: Ть|ма, Бог с Дланью Его***)**, град чей — Х|ер|лиц, Причины лиц|о: им был мýж сей; ствол — Кант (явь за Тайной, с ней слитна как Ум с Сердцем: кант, тесь|ма — грань), ветви — Фих|т|е **(**ветвь — шпага, какою фех|т|у|ют**)**, листва шел|ест|ящая — Шел|лин|г, плод — Ге|гел|ь, тьма (hel|l — ад), а семя его — Фей|ер|ба|х как от корня от|каз: Бог, Корнь (Фей — Тей, Теóс) Сам Себя скрыл ему (и как семя созрев — пал из Гегеля ум сей, порвавши с ученьем его). Из чреды сих мужей Кант, муж Двоицы честной, с Эйнштейном един: Бог для них — вещь-в-себе **(**в от|сеч|енности, d|i|n|g an sich (нем.)**)**, Кантом названный, Эйнштейном — нет. Древо Нем|цев, Заб|вен|ье, историьи есть лик, Век Златой позабывшей как корнь свой без чувства вин|ы. В древе этом чем дальше от корня, тем горше плоды. В **древе Памяти**, чуждом забвенья, плод с корнем есть С|лад|ость одна.

43. **Мир есть А|тма|н-Брахман, Суть-Облатка**; и Тьма в нем — А|т|ма|н **(***горний Ат|ом, ман|ящий сердцá: Тьма-Любовь (лат. а|more) — Тьму ту ж; м|оре — капли его***)**, Свет — Брахман; и в очах горних, внутренних оба — Высь-Глубь, Мир как Истина Божья: глубокая Высь, Глубь высокая; в дольних, наружных, собожных Служеньем, Атман есть Высь-Глубь, сиречь Истина та ж, а Бра|**х**|ман —

Дол-Покров как не-Истина, Ложь (укр. брех|ня), Сын и Бра|т Жены сей. Атман — м|о|р|е, Брах|ман — брег его. Полнота, Мир частям непричастен, но части — ему; ставить часть выше Мира — есть Полности, Мира не зрить за кусками; зря ж Полность одну, в ней мы гибнем, теряя отдельность свою — **человечность, Идущего суть**. Долг его — Обрести без потерь: Миром, Полностью, *стать*, человеком *о|став|шись* как полною частью его, стать Одним, Два не|ся.

44. Полность, Мир — С|часть|е наше, коль *видим* мы: с части|ю Полность — одно; и кто зрит сие — *видящ*. Василий Жуковский сказал о том: «Жизнь не для счастия; жизнь — для души»: душú Суть, Мир и есть Счастье, Полн; счастье ж бренное — частно: плоть — не-Дух, не-Полность. Мир, Полность — С|тре|ла, что торит ум пустой: Суть пронзает не-Суть, тень свою, ради Ве́денья. Мир, Суть — Три|ум|ф: Три, что правят умом, Полность — частью; умён, кто поко́рен ему. Триум|фат|ор — чтит Мир; фат — не чтящий, свобода ему — Фат|ум, Рок. Лав|р (дом чей — Лавр|а; муж чей — Лавр|ов, муж-Мир) — древо триумфа: Феб, корнь его — Солнце очей; Солнце сущих же — Мир, чей указчик сей бог.

45. Пара Бога, совечен Мир с Ним; Тьма и Свет — вечны так же, как Мир, Син|тез их; и Тьма-Сердце есть Милость, а Ум — Суд: не-Милость, лишенность ее как утрата, каков Ум в себе; Тьма ж — лишенность Ума превышеньем, вбиранием: Полностью — части своей; бренный ум, тень Ума и покров в мире сем — есть рас|суд|ок, осколок Суда (Ум без Сердца — раз|ъят), коих, на свой судящих лад, тьма в сем Одном. Милость — Жар, нас живящий, Тьма-Жизнь; Суд — губящий моро́з, móros (греч.) — суд|ьба-у|часть-к|он|ч|ин|а, какой не избегнуть без Жара сего.

46. Божий Мир, Тьма-И-Свет — Суть Эллады как Т|рои|цы: роя, чья Матка, п|чел|а пчел, есть Бог, чел|овеков Корнь. С тем, Ми|нос и Ра|д|а|м|а|нт — судьи *ми|ра* эллинского в Том, с Сим единого Грекам как **Земля одна, Мир**, для них Богом бывший **(**Нут с Геей — Корова едина, En|er|gei|a Божья**)** как Пан, Pus'тырь их **(**с тем, Эллада — поэзьи земля, коей дан нам Гомер, царь поэтов и

всех, кои пишут**)**, а в Мире от|каз как Отчизне **(**Мир — Ма|tri|а-Ра|tri|а, Три**)** — ос|т|**Р**|**ак**|изм, суд на М|ира, гор|ш|ка-Рак|и Бога, кусках **(***как горшок Миру — плоть наша, кою из глины слепил Прометей; прах земной, плоть Адамова — глина, что цветом красна, а|дама́***)**, горш|ий смерти лишеньем В|сего, рак Эллинам: без Родины — в духе кон|ч|ин|а **(***Тьмы ка́ра: К|о|р|а́, Тьма — рак-Ор: …Ко|**раК**|**ор**|а… Без Тьмы быть — в безмирье впасть: Мир — Тьма, То нам***)**. Суд сей был лишь для сто́ящих Мира — великих душой (санскр. мах|а|тма), чья Суть он. Ничтожный — лишенья сего не поймет, не испьет боль его. О таком говорится:

С его клеймом никак не совместить его:
Суд черепков не для таких был выдуман.

Посему Греки были «а|хей|цы», земляне Земли сей: «хей» — Гея, Земля-Мать; бог главный им — Вакх, в Мир стезя (речь о ней впереди). С|лав|ной гибели стяг посему — «Родина или смерть», кре|до Гре|ков, меж коих — за|м|о́|к Фер|мо|пил Леон|ид, царь с|п|ар|т|ан|ский. Изгнанье души есть безмирье ее: сход от Целого, Мира-Я|дра, в часть, не-Мир; восстать ей от изгнанья сего — Мир обресть чрез молитву и песнь, коих Суть — Тьма, Любовь. Речено же:

Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своём,
Святого таинства земное выраженье,
Предчувствие и скорбь о чём-то неземном,
Преданье тёмное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь;
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!
Счастли́в, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда с любовью и мольбой
И песни внутренней был арфою живой!

Кн. Петр Вяземский

Лишение Мира как суть остракизма — наказ Рима, встретясь с изгнанниками, «не давать им огня и воды» — Мира в сути: ведь Мир — Огнь-Вода. Мир, Три, Греции Суть как Река-Рак (ведь он — оба) явлен шутливым стихом:

Ехал г|река речез реку,
Видит грека: в реке — рак.
Сунул грека руку в реку —
Рак за руку греку цап.

47. М|ино|с, Тьмы муж как Ино|го Сему, Свету, — корень Лик|ург|а, Люб|вес|озидателя **(**«лик», «лек» — целенье, Любовь-Тьма: укр. лік|и — лек|арства**)**, принесшего с К|ри|т|а, земли Материнской, закон-рит|уал; Ра|*д*|*а*|*м*|*а*|нт **(**«тот, кто рад Дам|е, Ма|тери» как пара ей**)**, Свет — Со|ло́|н|а корнь **(**«соло» — один**)**, кем закон дан Афинам, земле Единицы, металл коей — золо|то, Феб. Ликург — Двойка, Ноля лик-строитель **(**не|сущий как сущих Опора, Ноль — Тайна; Два — явь его в сущем; не|сет — не-Сет: Благо — не Зло**)**, а Солон — Единица; единство их — Греции суть: Тройка, Лад. С тем **Эл|ла|д|а, Лад-Да, есть земля Лада Божьего, Мира как Хора всех сущих, при Боге Коня (**кто Эллинам — песнь, старшая гла́сов его: частей — целое; песнь — суть Мир, Хор**)**; и в сем имени: слог «эль» («аль») — Бог, Да без Нет **(**Ал|ла|х, Да|тель, как нитей, суд|е́б в длань Лах|есис**)**; «ла|д» — Т|рои|ца-Мир, Тьма-Бог-Свет, Божье З|да|ни|е, вечно единое с Да как «н|е|т», парное: Сути — не-Суть **(**«об|лад|ать» в сути — лад об|ни|мать: предержать Мир как Бог). Светоч русский Державин, язык Греков чтивший за п|лав|ность, а римлян за мужество, рек тем, что первого Суть — Мир, Река, а второго — Муж-Ум, полу-Мир, Миром сущий как Целым своим, Сердцем-Тьмой. «Греч» — «горяч»: Мир — Огнь **(***Черный — как Шар Воды, Тьмы: «греч» — что «грач»; Черно-Белый — как Сердце-и-Ум, Ночь-День***)**; «греч» — «горечь»: Мир, Ум при Господе-Сердце, при Воле Плен. Греция — Грация: Мир, Полность в нас как Мы Сами, в каких *всё при всем*: ведь Всё — Мир. Гре|ет Гре|цию Огнь сей, Шар Сер|ый (gray — англ.), Шар-Вода — З|ер|о́, Ноль: Тьма, За|грей-Вакх, рожденный не дважды (Дигон-Дифирамб-Димето́р) — трижды: дважды от жен и однажды от мужа; Три ж — Мира число (и эпитетов Вакха родильных — с тем три), отчего Вакх — Трехлетний (эллин. Т|ри|е|т|е|р|ик): год — в счете Одно. Как столп Греции, Мир явлен «Критием», рекшим: владыки ее есть Гермес и Афина — Свет с Тьмой, с Сердцем Ум, Белый с Черным Огнем, синтез

коих — Огнь-Мир; и **Ио**|ния, Фалеса край, восток Греции, — Сердце-Афина, Италия ж, край Пифагора — суть Запад, Гефест **(***от Ума сего — Рим, умный им; Пифагор, иониец рожденьем, к К|рот|оне придя как кон|ч|ин|е (ведь в ней был убит), от Востока сшел в Запад, от Сердца в Ум***)**. Мира в Элладе явь — Три|дцать как Зрелость **(***зрел муж был к годам сим и мог вступить в брак; Тридцать, Зрелый Союз, брали власть и в Афинах и в Спарте***)**, в себе единя Три и Десять: обоих суть — Мир, зрелый Бога Плод, им об|раз|ованный, Образ его. Образ|ованным стать — Миром полнясь, стать нам человеком вполне: Полность наша — Мир, Всё (с тем, любя человека, мы любим его и за тьму, и за свет в нем, как любит мудрец Мир, Тьму-Свет). Миросущная, Греция — Ум: ведь Бог — Сердце, а Мир — Ум. Эллады явь — Феб посему, а Вакх — Тайна: ведь Сердце — второй, скрытый в Фебе, Уме; гра́ды Греции главны Афины и Спарта, борясь меж собой, оба чтили господство Афины, единые в ней: так един Сердцем Ум. Грец — и|грец: Тьма — Игра, грека Суть. Письмо Греков очам уг|лов|ато как умность: Бог — Кр|уг, письмена его — кр|у́глы по-кр|итски как Мать и Эрот, сын к|ур|чавый ее **(***Кри|т, Воды-Тьмы земля (cry — слеза (англ.), Тьма-cry|глость) — дом Ей, неучастный Элла́ды корнь: Сердце — Ума; Мать — суть Бог: оба — Тьма***)**; Мир, в себе взятый — Уг|ол, не-Круг **(**с тем, плоту́, миросущной, о|плот — уг|л|ер|од: тело бренных, согбенных угл|ом без Творца**)**; Миру Кру́гом стать — Господом стать как Собою Самим (ведь Я — То), каков а|ну́, угл-круг: Сердце — не Ум-Ну|с. Люди Афин посему, как Ума под Афиною, Сердцем, не вняли задаче удвоить куб — **Ум сделать Сердцем**, что в силах лишь большее: Сердце — не Ум. Мир — Рек|а, что из Бога и в Бога течет, и Лад|ь|Я нам к Нему, Путь-и-Чел|н; дитя сей Реки — Г|рек **(***«Одиссеи» предмет — в Д|о|м Воз|врат: в Бога, Суть — с силой должною, как О|дис|сей, люб Афине, Дес|нице-Тьме. Врат|ь, да|бы дом не покинуть, считал честным он; ложь раскрыв его — ум сердцем, — пал Пал|а|мед***)**; Ма|Ра|фон, место славы его — Мира голос как Сути ли|т|ой **(**х|ма́ра — туча (укр.)**)**, призрачной бренным **(**мара́ — при|з|ра|к (укр.)**)**. Посему как

Три, с Миром едина, Эллада — огнь в сердце у нас, не делимый на Это и То как Мир **(**с тем, мир античный не знал церк|ви внутренней — Той, Сему чуждой: все было ему Миром, С|Им**)**. Земля Мира, она нам корнь речи звучащей (как Вак|**Х**, бог Сов|ы, Зов|а всех): реч|ь **(**гла|го|*л*|*ить* — Мир-Го|л|ов|у лить, льющий нас**)** — учит г|реч|еский: Мир — наша Суть **(**коей мы а|три|бут: Тайны этой бу|т|о|н**)**, Молвь без слов. Явь его — г|ер|ма, камень опорный о тройке углов, у Эллинов — с|трои|тельства корнь: Камень сущих, Оплот их — есть Мир, Треугольник, очéй сто|лп **(***суть «Ка|мень меня» (ведь зрить — быть), на который, как Огнь, все меня|емо (муж Мира — Мéнь Александр); Ка — Дух-Тьма (ег.)***)**, Корнь форм (рек Платон). Един, он — сол|ь земли: Вечность — бренья Суть. Лад (Хор), Мир как Одно, Un|o **(**un — не: отрицать — отстоять, быть монадой**)**, — есть М|лад|ость: он юн **(**с тем, и ю|но|ша, по Пифагору, — муж з|рел|ый: несущий как нóш|у Мир, Рел|ьсы к Творцу**)**, что знал Юн|г **(**в сути — Бог, Дар; Ф|рейд — рей|д|ер-Диавол дер|ущий, Отъ|ем**)**, звав его бессознательным многих **(**не всех — ведь есть те, кои *видят* его**)**; you|n|g — младой: им есть ан|г|ел (иль ян|г|ол — укр.), Миру причастная суть, Гол|ове; Анх — Любви-Мира крест. Мир есть Ты, You — Второе всем мнящим себя за Я (Я ж наше — Бóг вечный). Тьма в нем — **К|о|р|о|в|а, К|о|р|а Бога, Короб-Cow'чег (***муж чей есть Коро|лев, лев в трудах; бес|коры|стие — Бог без Коры, гóла Суть-Голо|ва, Да без «нет»***)**, сущих Мать (сиречь **Ор**|и|**гин**|ал, **Ар**|хетип, Форма форм), Кожа (s|k|in — англ.), По|кров-С|кор|лупа, лик чей есть Моисеева скин|ия. О ней читаем мы:

> Скиния прообразовала собою Церковь Христову, а также и Божию Матерь, Которая, вместив в Себя Бога, была как бы Домом Божиим.
>
> Прот. Серафим Слободской

Корá — девность, П|лев|á, Мать как Лев|ое в нас; кóра — девушка (греч.): Двушка, Ноль в пелене. Чтить Кору, Мать нам дóлжно в земных матерях, женах, сестрах; Суть женщины всякой — Мать-Тьма, и любая — бла|жен|ства сосуд: в Мать врата **(**смена жен — кара Тьмы: неспособность Войти; в Ть|му вошедший вратами одними

— познал все: знать Суть — знать врата как облатки ее**)**. Кора, Мать — Кор|ма́ Мира, чей Кормчий есть Бог; оба сих — Тьма одна, Кор|м-Причина нас, сущих. Пах же́н зрить любя, любит муж зрить исхода врата своего **(**За|пах Женщины — Бог, что за пах|ом сим скрыт: в Глуби — Корнь**)**; груди жен зрить любя, любит зрить он сосцы, что вспоили его. Мать-Кора — Кра|сот|а (в|р|о́да — укр.), на Творце лак и сот|ы Его, сущих Меда **(**Lak|sh|me — лак Я, Бога**)**, Вода, кою пить — Бога веда|ть: красив Тьмою — О́н **(**с тем, пред ликом коровы в Египте част знак «красота»**)**. Лик с|у|р|ов|ый ее — Д|ур|га-Ка|ли **(***лат. du|ra — суровый; du|res|s — заточенье (англ.). Ду|р|ов|ы в русской истории, длясь от жены — род су|р|ов|ый***)**, а нежный — Пар|вати, и обе сих — Дэви, Тьма-Д|ева. **Свобода-Тюрьма, Ноль-и-Два как по сути Но|ль чистый (Но-Эль, не-Бог) — вот что́ есть Тьма, EVE-Мать, Лоно-Вечность как Дом-На|всег|Да — Да-на-всех (англ. FOR|*É*|*VE*|R), Дом В|ер|ы, по|сол коего есть Эр|от.**

48. Мать, Тьма — Мас|ка: Н|оль есть Бога Р|оль и Па|р|Оль **(***мо|да, масок парад, смена их как древа́ми листвы — в сути Мать***)**; Бы|тие, Свет — Бы|к **(***бычность — о|быч|ность бытийным нам, Быком о|бъ|**я**|тым как сущих Бич|ом, с тем — и о|бык|но|в|ен|ным; Тьма ж — Ч|уд|о***)**, Коровы сей Рог **(**лик чей — жертвы быками: мужами — Жене**)**, пол|о|вина-Рок, дитя-Не|вол|я, Суд|ьба **(**Rag|na|rok (с|кан|д.) — она**)** как пол-Милости, Суд, главорезка Труба: т|руби́т — р|у́бит **(**день судный — трубы день; труба́ древня — рог**)**. Бык Коровой един: Сердцем — Ум, а в себе — Два: Ашвины, единые Миром, Коровой-Конем. Мать — Роль Бога; Бык — Матери роль: так в матери|ю, в маски рядясь как слои, входит Дух, горня Суть. Суть чтить маске — быть сутью: что́ чтим мы, тем есть. Мать, со-Божна, есть Суть; Бык, Тавр-Сын — в Суть врата (гот. thaur|is). Отсель — руна Thú|r|is|a|z. Корова — Сердце; Бык — Ум, путь в него как от Сердца остаток, Покой от Д|ви|ж|ень|я (Кур|енья-Вит|анья о|кур|ок, бычок (разг.)), шлях-шлак, что без Сути сей — нуль: Бык безматний, Ума́ Ум (ведь Муж — Ум), тру|ба-ба|к пустой-злой: ведь Зло — пустота как от Полности-Блага дыра **(***пастор Шлаг в фильме*

мудром путь немцам во Благо искал: Шлаг — Шлях, Путь. Иса, Бог как оно — есть при пасторе Stir'лиц, Иса|ев Ма|к|сим, лиц|о стер|ший себе меж врагами: для зла Благо — нуль); Бык, Мать чтящий Служеньем, Ум Сердца, — труба Мат|ки сей, Жизни бак, полный Ею: Любовью — любовь (так полн Тьмой Бак|хий, Вакх; «хий» — «хей» — «гей»: Гея — Мать). Бык, иль Вол — сим|вол Тьмы как С|тен|а (W|all) пред ней («сим» — Сем|ь, Тьма, сущих Жизнь), во|л|ев|ой-вол|ьный Матерью сей; Вол навыворот — Лов: Lov|**Е**, Божья Любовь, **Е**вой-Глубию лов, Го|лов|ой; лов Быком, сетью внешней (Мать — Суть, Сын — облатка) — Зла́ лов: не свобода — тюрьма. Бык — бок (бі|к — укр.), пол-Т|е́|л|а, Коровы, Ноля — Два: боков тела — пара (bi — двух (лат.)); февраль, второй месяц в году, бычий — нар. «бок|огрей», «бокогреюшка»; «бы» (в «если бы») — Бы|к-У|с|лов|ность, не-Суть: безусловна — Причина, Суть-Мать (*критский бык в мифе От|че|м — Муж злой, имманентный, без Полности часть*). Иван, Бык — сын Коровы у Русов (таков И|ис|ус: Ис|а, Са|и — Бог-Мать): по Жене чтили мужа они как Причине его (мы ж, пустые, — по мужу-отцу чтим и жен, и мужей); богатырь Буря их — «сын Коровий». В причастности Тьме Бытие, По|рог к ней, — Бог как бок, полный Телом, Женой (ведь Тьма с Богом едина: сущ в ней — сущ и в Нем): Целым — часть; с нею в розни — Диа|вол в понятьи В|то|**р**|**ог**|о-без-Бога: не Радости, коя Бог, — бол|и, какою есть Бэл сей (санскр. r`oga — 1) боль, 2) болезнь; roga|ar|t|a (roga-arta) — му|ч|имый болью, боль|ной). Бэл — bull (бык — англ.), «буль», водность: Бык — капля-буль|ба́|шка, вода от Воды, Бул|ки нашей: есть — пить в существе. Мать-Корова — Платформа, несуща Быка, Ta|bul|а (до|ска — лат.); Бык — несомое ею как Сутью не-Суть. Бык — в Корову есть шлях, она ж — в Бога: Мир, А|ул-Ки|шлак, коим есть Лоно, Мать. Мать есть Ноль; Сын, себя мня противным ей, есть Единица, ф|ант|ом; зря ж смиренно продленьем себя Материнским — Два́ он как *второй за Нолем*, коим истинно есть. **Два — Ноля прямой плод; Двойка есть дважды Ноль (*а не дву-Единица: Од-Ин — В|од|а-Глубь, Ноль; Ноля лик о|вал|ьный с симметрией его — явь***

Двойки; «ра|з» — с Ра Мать*), и с тем — по|луН|оль: м|нож|а, тем де́лим мы («вполовину» — есть «вдвое»). Ноль, Два — с|в|Я|зь пряма: Одно с многим, Тьма с тьмой как касаньем единая Тьма (Тьмой: касанье — она ж); Единица меж ними — ф|ант|ом: нуль, не-Тьма** (Ф = Т). **Ноль, Тьма-Мать — Мо|Нол|ит-Суть, Единство-Ор|ел; Два — покров, реш|ка-Рознь, коя реж|ет (*ос|кол|ок, о|ста|ток-кусок (реш|та (укр.); ловит мел|очь сию реш|ето) — режет-колет; М|а|рс, Розни бог — Ма|м|ер|с, Жены сын: Ноля — Два*). Ноль — Суть, Двойка — тень есть ее; с|ум|ма их, с половиной Одно — Пол|тора, Суть с хвостом. Единица — А|дам, Муж; Ноль — Мать, Глубь его как Состав, Ребро: Целое, мнимое частью; Два — Ева, Жена как Ноля лик: Мать-явь. Ноля плод, Единица и Двойка — Два втайне и явные Два: Е|ди|ниц|а, Ум — па|ра в себе, Е|ва-Д|ва (и вторая за Сердцем, Нолем), Тьма-Рознь, Клей чей есть Ноль. Ноль есть Полность, Всё; нуль есть ничто, полу-Ноль, позабывший свой Корень. Мо|над|а — Мен|ад|а, Жена-Ма|терь над Единицей, Отцом, над Умом Сердце как Неделимость, А|ди|ти (един им А|мон: Нут, Коровой), Без-Дет|ность как Суть, Д|е|ва-Тьма: Ноль, сверх-Два (с тем, в Санскрите М = Н: са|н|сара — со|м|кара, сиречь кара сом (тел — греч.) сменою их, вершит кою сей к|руг: к Рог|у, Дьяволу ход*; *Глубь сама, Дева-Тьма родит Вглубь — не наружу (ведь внешнего — нет Ей), где дети Ее (діти — укр.) — Два; д|ру|г, Второй (к|уна́|к (ка|вк.), х**унак (ацтек.): приложенный, «к Uno», как *в|ло|жен|ный в Ноль)* — Дур|ги, Тьмы-Рук|и́ лик, с тем — рука́ нам*); Муж, От|че (от Че|рного, Ночи — День Белый) — ей внутрен: «раз», счет-Единица — Роз|нь в Тьме, ее Лоне до-счетном, Едином без Розни, во Глуби не-Глубь как раз|рез. Санскр. ад, а́|ди (to ad|d — прибавлять (англ.)) есть «первый по счету» — «прибавленный к Сути, второй за Нолем»; с Богом — a D|ios: с Ним и за Ним как при сути покров; ад как Дол есть за Высью

второй, за Тьмой тьма. Осú числ оплот — Ноль, от него — их отсчет, Вглубь отъятье: считать — отсекать Тьму внутрь Тьмы, шары числ — в Шар-Мир, Мать **(**отс|екат|ель — Г|екат|а, Луна-Мать**)**; для Глуби — наружного нет. Первый истинно — Корнь, Тайна-Мать (с Ней — и мы, Сердцем полные сим); первый явно — при|мат, недо-Суть как при Корне сем дерево, ряд числовой. Про|то|с — первый (по счету); прот|é — но (укр.), суть прот|ив|ление; Про|те|с|ил|ай погиб, первым сошедши на брег Трои, Сердца: Уму Сердце — Огнь. Пе|рвы|й — пе|рве|нец: **ди**|тя, вто|рой за Нолем как О|дни|м, Тьмой. М|о|н|а|да — О|н|а, **Т**|**айн**|а **(**e|in — ед|ин|ица (нем.): Ева-Внутри**)** бренных г|лаз U|n|o-Но|ль **(**un — не (лат.): Тьма, Мать-То**)**, **Ин**|**ь** **(**чей месяц — и|ю|нь (j|u|n|e — англ.) дождевой: Тьма — Вода**)**, — а не Он, Муж, On: на, поверх — Высь над Долом как чревным ее. Óдин, бог — в|óден как Во|т|áн: wat|er — вода (англ.), Тьма-Мать. Чтя Ноль, Двойка — одно, Клеем этим целима; не чтя — нуль, ничто. Суть есть Ноль, недо-Суть — Два, Ноля половина как полу-Одно. Спад Единого — многость; Единое — Ноль, многость — Два. М|ать, Она, — **М**|**она** Лиз|а, сек|р|ет Ле|**о**|**на**|рдо: У|лыб|ка-Lak|smi, Лис|т зеленый пред Солнцем-Творцом, что лиза|ть ал|чет Огнь этот; Суть, Собой сильная: Ноль, Единицы Глубь, коей жива та **(**e|in, од|ин — В|од|а под коркой**)**, Св|об|од|а как Об|од-Од|но, Но|ль, Рук|а, что блестит серебром **(**Тьмы-Cere'ры металлом: Два — вне, внутри — Ноль, **Че**|**р**|ебро серебра, Ребро-Глубь**)**: ruc — блестеть (санскр.); блеск — black, Тьма. Жизнь, bi-O-s, очей бренных явь (зрящих Двойкой, тьмой Тьмы) — Дважды Ноль **(***так «две Истины» царства Осириса — в сути одна, Ноль; Феб с Вакхом как Двойка — суть Вакх, Ноль един***)**. Ноль меж Двух, Суть в чехле — **М**|еж|**дур**|ечье, цвет Сердца земной: Тьма — Межа, Г|ра|нь-Чер|та, Г|ол|ова-Ра, Суть-**О**|v|**О**, **Я**|йц|**О**; **Т**|игр, **Ев**|ф|ра|т — реки Тьмы **(**Тьма — Игр|а; фра|у (нем.) — Да|ма-Ма|ть**)**; «ш|ум, ум, ýмер» — Ш|у|м|ép, божество чье Ин|анна — суть Пища-И|н|о|е, Тьма-Но|ль **(**анна — пища (санскр.)**)**, Корова-Мать, кою, тихую, слышал сей ч|утки|й народ при Воде. О том сказано:

Время обращения Луны шумерам было известно с точностью до 0,4 секунды. Продолжительность года [го|д – Go-Go|d: Корова-и-Бог – *Авт.*] по их

расчетам составляла 365 дней 6 часов и 11 минут, что отличается от длительности года, определяемой сегодня на основании точнейших научных данных, всего на 3 минуты.

Муж-Два, Ум-Бык, не чтящий Корову как Суть — в сути нуль: **Двойка, падшая в прах, Ум Ума**. Ум сей есть людоед: им пленен, человек пожирает себя. Бой с Быком (bull — англ.) — битва с ил|люз|ьей за Суть: за Тьму-Мать — с от|р|иц|а|ньем ее, Бэл|ом-Злом; всяк боец здесь — тор|еро, воитель Любви, Тьмы-Жены, мат|ад|ор как **боец за Себя**: душа — Ть|ма. Тес|ей — Бог в схватке сей, Минотавр — Сатана, бич людей, Бога враг; победить Ум сей злой нам — **Умом Сердца** стать: безупречным слугой, что служением душу сберег как Себя самое. О|дол|енью сему учит к|рит|ский о|быч|ай — п|рыж|ки чрез быка: Крит — Коровы земля, где Бык злой этот — нуль, кор|а Сути на месте законном; кор|р|и|д|а Ис|пан|ии — землú из Пан|а, Тьмы, — есть труд Быка-Сатану побеждать, отторгая как с Сути кор|у. **Одолеть его, Быка u-bi'ть как Дра|к|он|а в себе (коня драки, Вражды-тьмы) — Служением Рознь пре|воз|моч|ь: стать кен|тавр|ом (kentauroi — греч.), конем (k|en) — над быком (ταῦρ|ος — греч.), бренных сутью, Умом Сердцу в рознь**. Кентавр, конь на быке покоренном (объез|жен|ном — учит буддизм), на Уме Сердце, всадник его и глава, — есть **Ашвин-Диоскур**, дитя Мира благое (ведь Мир — Конь), слуга-царь. Им был Поли|**д**|**е**|**в**|к-**Ев**|**б**|**у**|**л**|ей, «справедливо судящий», — Тьмы у|лей, суд чей Милость-Мать, сущих Мед, коей был верен bull сей как конь, о|до|**л**|**ев**|ший Быка: Высью — Дол, Зло. Ken — знать, круго|зор (англ.): служáщий — Мир, Ци|кл, зрит очами Любви, *видя* все в нем как Круг сей, Одно; Мир же *видеть* — царить: Очи — Власть. Зрить нам ими — проснуться, Ашвинами став, тем прервав **с**|т|**он** быка, что во сне, коим есть, зовет Мать: кусок — Полность, Тьму-Суть. Ведь Мать — Целое; Бык (Вол) — ф|раг|мен|т его, что его кличет (вол|ає — укр.) как свою Суть, Вол|ю-Ноль, nol|ens vol|ens (лат.) — хочет иль нет; Вол — Ваал, Дья|вол (de|vil; will — воля (англ.)) есть Вол|я-Два как не-Д|е|в|а у Девы внутри вол|о|око|й: коровьи глаза с по|вол|о|ко|й, Волом — зов мужам в Жене, Сути прейти. Вол-Ваал — демон Вáл|а, «скрывающий» (инд.): коров вор, за то

Ин|дрой убитый как Глубью само́й. Взор коровий — у Гер|ы: Мать, Her, Уд-Причина — богини сей Суть. Волоока Исида, И|сúс (Сис|ька, Грудь): Мать Корова — она; Бык — О|сир|ис при ней, как при Господе Мир, Сер|ый Шар **(***вол|ошкові (укр.), иль васильковые, очи (воло́шка — цветок луга, пастбищ коровий цвет) — коровьи, песнью воспеты: «вас» — Бас, Сатана, сущий в них как слуга при Жене: В = Б,* ***в****ас|илевс —* ***б****ас|илевс***)**. Вол|оча|тся мужи за Женой: часть — за Целым, в каком жизнь его, за Причиною следствье как х|в|ост за Главой к укушению ею, чтоб Двум стать Одним. Час, суть время — от «час|ть», коей в|рем|я пред Вечностью есть: тьма перед Тьмой, мир пред Миром как б|ре|м|я-ре|м|ен|ь **(**что «бере|т мя», мен|я — суть сосет, как из матери плод**)** пред Свободой; история, времени ток от Коровы-начальницы, есть **час Быка как в утрате Бог-Мать**. Час сей в сутках есть два часа ночи, пора власти зла **(**Dol|or ig|nis ante lu|cem — «Свирепая то|ска перед рассветом» (лат.): тьма дол|ьня как иг|о-Низ против Лу|ны, Сем|и-Выси**),** го́ря пора: го|рев|ать — ре|в|ет|ь-выт|ь, Д|вой|ки крест; полн|о|чь, Ноль — час Коровы, Любви-Блага час: Бог и Мать, что вершат ход времен **(**Любовь — Связь их, Звено) по удару двенадцату как но|левому **(**Двенадцать — Очей число, Очи ж — Тьма, Ноль**)**, что свершает мечты. Час Любви, Тьмы — час светлый: Огнь-Тьма — Свет-Суть, Истина-Мать, из какой родом мы; час любой без Любви — тьма пуста: без Тьмы Свет, огнь ничто. **Полно|чь есть не пол-но|чи, а полно|сть ее: не Два — Ноль; час Быка же — пол-ночи: не Ноль — Два**. Ведь Пол|нос|ть, Корова — Любовь, над Враждою царяща как Сен|ь ее; Бык, по|л|о|в|ина, без оной — В|ра|ж|да, к|ра|сен цве́т чей. Но ми́р сей — Вражда-временщик. В нем буко́|лика, песнь па|ст|уха — быколи́кость: пастух в Сем — Му|ж-Па|па, Диавол; Корова — Жена, Бога лик, кою бьет он, покорну, бичом. В мире этом Мать служит Отцу, чрез него Бога службою чтя. Так Сократ, Сердца муж, в воле А|р|ео|па|га — Господню покорством почтил, смерть принявши как Дар от Него.

49. Корова и Бык как Одно с половиной — Корова, Одно; без Быка — то ж Одно: Тьма довлеет Себе, и в соитии с Мужем — та ж Дева: Муж внутрен как Сын ей. В

Жене Муж имеет нужду как в Огне тень его; Жена в Муже — нет, ибо как Дева, Пар**ф**енос (греч.) вечно родит от Себя (и в Себя: Тьме — наружного нет), что зовем мы «пар|**т**ен|о|генез» (Ф = Т); Дев|а — Dev'ят|ь, Утроба как Мать. С тем, ету́|**ся**, е..ать|**ся** с кем-либо — **с**|еб|**я** ету́ суть как Тьма Тьму. Ликом Матери, Девы — Афина была, *как и есть*; о ней сказано:

> Этимология имени «Афина» благодаря догреческому происхождению её образа является неясной. Миф о её рождении от Метиды **(**чье имя переводится как «мысль» (сиречь Мать сама: Мозг, Мысль – Она – *Авт.*)**)** и Зевса принадлежит к позднему периоду греческой мифологии, времени оформления классического канона. Скорее всего, до этого Афина была партеногенной дочерью одной Метиды. Появление проглоченной Афины на свет из головы Зевса изображено с позиции мифологии периода патриархата, в котором особо выделялось мужское организующее начало. Афина превращается в послушный рупор Зевса и сознательно лишается своего прошлого. // Таким образом, Афина становится как бы непосредственным продолжением Зевса, исполнительницей его замыслов и воли, его мыслью, осуществленной в действии. Со временем материнство Метиды приобретает все более отвлечённый, даже символический, характер, и Афина начинает считаться порождением одного Зевса и принимает на себя функции божественной мудрости так же, как Зевс воспринял их от Метиды.

Мать, бóльшая Сына, есть также супруга ему; материнства чужда, жена мужу равна: части — часть, розни — рознь. С тем, **жена настоящая, цельная — мужу и мать в сути всей**. С Быком, без ли, Корова — Корова, а Бык (санскр. m`a|hi|Sa) — с Коровой лишь, сам же — ничто: ибо целым жива часть **(**с тем, женам в сем мире, рекли Египтяне, с богами доступна любовь — полнота с полнотой, а мужам — нет**)**. Слог му|дрых, их *видящих* (Мир — зрящих с тем) есть буд|дий|ский *слог* «Му»: слог Коровы (сур|абхи) как **Се́рдца (сур), М|у|д|ро|ст|и Божьей**, Сын-Му|ж коей — Бык, Ум (а|сур). Слог сей зрим мы везде: му — мой (англ.): Тьма — Я наше **(***«ма|й», звучанье слова сего у нас, — Пять: эфир, тело Причины***)**; та|ин|ственный — му|sti|cum (лат.): Тьма есть Т|а|йн|а; лат. **М**|**u**|n|du|s — Мир: То, Тьма очей, Тело-Мать; му|лад|хар|а — чакр корнь, где спит Мать Ш|акти (Сила), чтоб йо|г сим Копьем раскрыл тело свое в Мир, Лад-Хор. М, Жена, в «Ум» — вторая: Второе — Глубь, Суть-Ж|*ін*|ка (укр.) (in — внутри, внутрь), *Ин*|ое, То внешним очам, Корень

му|же|ства (муж — му|жен|ек), Огонь тайный. Бык, Вол — Вол|и пóлн, коей есть его Мать (му|тер — нем.), Бога тен|ь, и По|тен|ция Божья, и W|all, С|тен|а всех, Тын (За|б|ор). Ум — т|ум|ан, Сердце скрывший от глаз; он ч|ум|а, кою кончить — удвоить его как куб жертвенный Дельф: Быка сделать Коровою, Сердцем всего, половину — Одним. **Бык дельфийский сей — Вакх, Д|е|в|ий бог, при Тьме-Матери сущий как Два при Ноле**: при Sat, Истине Божьей — сат|ир, с ней един неразъемно: Де|Ва|кх **(***Дева|кан, Тьмы чертог — Де|ва|кх|ан, Дева-Вакх***)**; при глазном шаре — врата его: двианук, двуугольник на сфере — Индийцам, эллински ж — дигон, чье значенье — и «дваждырожденный» **(**родиться ко смерти — прямой в угл сломиться): то — Вакх как жены смертной сын. С тем, эпитеты Вакха — «рожденный Коровою», «быковидный», «бы|кол|икий», «бы|коло|бый», «бы|кор|огий», «ро|гон|осящий», «двурогий»; быками эллинские жертвы — предание Вакха Корове: не-Сути возврат в Суть к ус|пению в ней: в Ноле — Двух. **Вакх — Муж истинный, Матний как мужества Столп-Суть: він — он (укр.), Вакх, Бык-Мать, В|ин|о, Бой-Cow|boy ради Истины, Тьмы**. Вакх, Вол — Вол|к, песнь Луны. Вол|хв славянский — х|в|а|л|ит|ель Вола сего, коим муж всяк вол|о|хат: во|лосá — Матерински ростки, в Суть лоза, дабы лез|ть ею нам, коей есть В|е|л|ес-Во|лос, бог-змей наш (лоза есть змея); Борода Мужа — Мать, его Хат|а **(**Хат|(х)ор Египтян — Хат|а Гор|а, Корова как Лоно его**)**. Х|вал|а — Вакху песнь дóлжная: в мире Отца, Бы|ка-Зла, Вакх — стезя в Бога-Мать. Бу|КВ|ы ХВ на пас|х|аль|ном яйце, сиречь «Христос Воскре́се», — суть Вакх как Стезя: Воскресенье — она**). Бык-слуга, х|раб|рый (val|i|ant — англ.) раб-хранитель, Вакх с Матерью — Два при Ноле, плащ Его, а один — Мать сама, голый Ноль**. Ведь слуга замещает владыку, дитя — мать; Вакх, Два при Ноле — Два *как Ноль*, имя-Суть. Так при Боге Христос — Сын Его, а в миру — сам Господь, что *к тому ж* — Сын. Вакх — Сын, Матери односущный, единый с ней чрез Щель-Ноль, Мать. Щель-Два — Рознь как подобье, что Сутию мнят, Вакх без Матери, злой Сатана, Ум без Сердца: в веках — **арианство**, плод Ария (греч. Áre|io|s), александрийца — как А|рея, Ареса:

подобосущный (o|mo|io|usioz), Ум Ума, а не единосущный (omo|ou|sioz), Ум Сердца: рознь в букве единой как песня погибша **(**смерть чья — единица: Двенадцать есть Очи, Тринадцать — безокость**)**, ученье Христа как плод бренья пустой: человек как не-Бог, Сатана, «Я есть Это», поток **(**r|he|os — греч.**)** не текущий, крылá, что не рею|т. Марс, Арес — Рознь: Два без Ноля; Вакх — в Ноле Два, Ноль полный: Единство, Песнь-Мать. Элевсинский призыв «**Io**-bak|c|h|o|s», «Ia|kchos» — к Корове зов, с Ней — и к Быку сему; в г|е|н|е|а|лог|ьи богов, даре Греков, Начало есть Хаос, Конец — Вакх: Тьма — оба сих, Альфа-Омега, Аз-Я **(**так в Тетраксиса записи полной **0** + 1 + 2 + 3 + 4 = 1**0** последний и первый — есть Ноль, Мать-и-Вакх**)**. Вакх — сосуд, Мать — В|ино, суть И|но|е, Но|ль, Вакхова влага, чей ку|бок есть рог **(**aqua vi|ta|e, водка — вода Жизни вправду: Жизнь — Мать**)**; и сосуд нам — Вино самоé. Человеку Вакх — Суть: ведь Суть — Мать, с коей слит он; и Вакх — брат ему: Мать — обоих Суть; с тем, Быки оба: Вакх — Матери полный слуга, с Госпожой сей един; мы ж стяжаем Служенье, за Матерь борясь как Корову — с Быком как облаткой надменной ее; с не-Собой — за Себя самое.

50. Двойка, Вакх — стезя в Ноль, Вакха Мать, пряма: тьма в Тьму, явь в Тайну; Вино, Вакх — З|вено, шлях в в Ино|е как связь его с Сим **(***врата — то же, что путь: ступать им — в цель в|ступать. Нам, меж Высью и Дном сущим п|лен|кой, Иное — и Дьявол, и Бог; в вине Меру превысивший,* ***Бога****, — пошел* ***к Сатане, не Ту|Да*** *стезей сей***)**. То — bull'вар в С|вар, путь лунный, шел коим Христос у Bull'гакова с Пилатом вместе: с Умом Сердце; муж стези сей — Bull'ычев Кир. Идущий с|тезей сей — Тезей, с ней единый г|е|р|о|й, о|до|л|ев|ший Быка для Коровы, Себя Самого: Суть геройства — Тьма-Мать, наша Суть. Грекам Вакх посему — **столб в плаще**: тир|с как Уд во плюще (ведь плющ — плащ) как кружных путях в Мать, где тирс — Ноль, Мать сама **(**Вакх, стезя в Мать, Внутри — Мать: состав пути — цель**)**, плющ, покров — Двойка, Вакх как не-Матерь **(***явь коей — двойная спираль ДНК* ***(****Wat|son, Кри|к — открыватели чьи: Мать — Вода (Wat|er), Хри; кри|к — зов к Ней****)***, *стержень чей, Дух, незрим очам*

умным, бессильным постичь ее живость. ***Зелёна*** *то|ска, кою люди вином заливают — явь Вакхова: Два при Ноле как плащ-ska'ф: Тьма с|вер|ляща, свир|е|па Быком сим, свире|ли творцом; То — Тьма-Ноль, зелена́ как Луна***)**; и как Вакх един с То|том-Гермесом **(**Т|о|т — «То-от»: от Матери — Мать**)**, так и тирс — ка'du|се'й: столб един их как Ноль; две змеи вкруг второго — плющ́и те же. С тем, кадуцей в христианстве — жезл Матери, Софии-Тьмы: Вакх-Гер|мес при Луне, полность ею. Столб, Мать — река Тьмы в Тьму, **С|тя|ж|ан|ье Себя сей Жен|ой (**шлях — шла|к — «шла к»: шла — Она, С|ла|в|а Бо|жь|я, в Мать — Мать же**)**; плющ Вакх — труба Ей, реки сей берега. Столб-труба, Вакх — река-и-брега: Женой-Нолем подвижный, покойный как Муж, не-Жена. Стол|б есть Сто|л: Вакх как Мать — Твердь Идущих, что твёрды Стезей. Go — идти (англ.), корова-бык (санскр.): Цель с Пу|тем как единая Суть, Мать-Go|tt. **Столб Вакха, ко|л|он|на Тьмы — Бога кол**, коим тверд был Колом|бо, Колон Кри|сто|бал|ь (M ↔ N), Бэл Хри|ста-Тьмы Кол|ум|б, Сердца Ум, — правя славный свой путь: ка|Ра|вел|лы его — Ра, Бог вел **(***как ведо́м Им Ра|вел|ь был (Ра-в-Эль: в Бога — Богом), творя «Бол|еро»***)**. О том пишет история:

Когда Колумб совершал свое первое плавание в Америку, его каравеллы постоянно пользовались дующими восточными пассатами и благоприятными течениями в океане. По расчетам опытных мореходов, это был самый лучший для парусников [сиречь прямой, Силой полный как столб – *Авт.*] маршрут в Атлантике. Когда же пришлось возвращаться обратно, Колумб уверенно повел свою флотилию на северо-восток, и она более двух недель продиралась сквозь ветры и волны в этом направлении пока не попала в зону постоянно дующих западных ветров и течения, им образованного. После этого корабли адмирала круто повернули на восток и на большой скорости подошли к Азорским островам. И опять-таки, утверждают знатоки, это был лучший маршрут из Америки в Европу!

Бог, Кол-Кол|о, Цикл-Дух — вот Ко|ло|н|на ко Лон|у, Луне: Путь в Любовь — Любовь та ж: Путь и Цель — Цель едина. Go'сподь, Бха|га|ван — Жизнь-Богатство, для Коей не жаль ничего; В|ан|т|ы, в Воду ведущи сию, и Мат|рос, по ним лезущий **(**ведь Путь — Идет, с ним — и мы**)** — Вакх, Ван-анти: Пу|ть, противо-

Цель (*санскр. j`ii|van|a — жизнь; существование; dhana|v|an|t — богатый; `adh|van — 1) путь, дорога, 2) путешествие, 3) пространство; upajagmi|vant — достигший; дошедший до...; dhaa|vant — бегущий (бег — Бог; Путь к Нему, обретен, — скорый); b`al|a|vant — сильный, могучий: кто в Боге, сиречь на Пути — Тьмою крепок как Це|ль|ю-Пу|тем; tasthi|vant — стоящий: как Тьма-Уд, Цель-Путь; v|an|d — почитать, поклоняться; y`aj|van — жертвователь, приносящий жертву; tapo-van|a — священный лес, лес покаянья, от|шел|ьников к|ель|я — от|шед|ших к Творцу Путем жидким: «шед» — «жед» — «жид»: Тьма, Жид|кость-Вода*). Вакх как столб — монолитный с|Т|вол, Ноль от Ноля; столб мирской наш, ис|То|рья, от Века Златого, Ноля, Два безматни (Диавол злой, **рь-Я**|ный), стезя невозвратна (*сиречь полу-Путь; Вакх — Путь цельный: стезя в два конца, С|в|**Я**зь*) — дыра от него, им ды|рь**Я**|вое дере|во: дыра — дере|т (дере́ — укр.), Суть являя под коркой: под Вакхом — Тьму-Матерь (*vin|cul|um — существенный (лат.): Вакх-куль с Сутью своей, Ум при Сердце; va|l|i|s|e — дорожная сумка (англ.): Вакх и Се|нь, Мать*). **Вакх, путь в Матерь, Свободу-Любовь, как Мать та ж — Путь Дождя как Свободы: Свобода есть Дождь — Млечный Путь, молоко от Гр|уд|и, Тьмы-Любви** (*о чем сказано Натальей Труб|ник|овой, сыгравшей в фильме об этой Стезе роль Идущей: «В фильме есть смешная песенка про драконографию — науку о чудовищах, которых нет. Мы знали, что такое наша советская «драконография». И прекрасно понимали, что под мрачным Перадором подразумевался Советский Союз. // «Как тяжело, должно быть, жилось принцессе среди этой средневековой плесени и гнили», — реш|ил реж|иссер. Так в картине появилась единственная «живая» сцена — поездка Мелисенты и Сэма в лес. **И — капли дождя, сползающие по оконному стеклу автомобиля. Это и была настоящая свобода...**» (выделено нами)*). Паденье под тяжести силой — свободный полет, Тьме покорство; паденье как Дождь — столп-Свобода,

Г|ру|з-Мать в каплях, д|щер|ях своих, что летит без конца **(**Мать — Мир, Шар, Лоно-Огнь**)**. Столб ид|ущий сей (ведь Дождь — идет) — здравья Столп: Сердце-Тьма, Груз-Основа, Любовь **(***англ. val|id — здравый; хорошо обоснованный; val|idi|ty — вескость, основательность (англ.)***)**. Столб сей — остр: **Вакх — стрела в Цель свою**, Феб, разящий Ахилла в пяту́, Александра же — в горло, вином за|хл|еб|нув: ибо Вакх — Феба суть, Света — Тьма. Стезя в Мать, Пупо|вина, он — Жизнь нам: Жизнь — Мать, Суть его; и он смерть, *самый острый к|Ин|жал — в сердце колющий*: Мать, Сердце-Жизнь, что изъемлет из сердца Себя; пуповиной обвить как лозой — заду|шить: ду|ш|ит — Вакх, душ Ки|шка, Сути ska'ф. Мать — Безмолвье; троп|а в Нее, Вакх — С|тих-Троп (Образ) как речи звучащей О|плот, тих|ий Тьмой. Бык при Матери-Сердце, Вакх — Ум, верный Ей, с тем — в Тьму Ш|лю|з, коим вышел в Корову сию Бык, ей верный, Гагарин в Быка славный год **(**«*люз» — Лю|бовь как облатка, луз|га: Вакх при Матери, шл|ю|щей его как шл|ях свой, Ноля ш|л|Ей|ф; **va|l|ve** — к|ла|**пан** (англ.): Вакх, Вол как Шлюз***)**, он и черен как Сердце, и бел как Ум **(***с тем, шлюз восточный нам в Тьму был «Восток», Вакх, а западный — был «Аполлон»: Феб при Вакхе, при Тьме Белизна-Ум; Лео|нов, восточный наш муж, первый в Тьме — сердце в Сердце, — суть черен, а Уайт, сын Америки западный, первый в Тьме — ум в Сердце, бел **(***w|hite — в Гите: во Тьме Белизна, не-Суть в Сути своей***)**: оба — Вакха послы. **Кос|мос**, Caus|а-Мать, Пустота, метит все, ей причастное твердо: работа в нем — EVA **(***ex|t|ra-veh|i|cu|l|ar acti|vit|y — внекорабельная деятельность, стандартная аббревиатура NASA (nasa|a — нос (санскр.): Тьма, Нос|итель всего, óst'ра Суть***))**; центр познанья кор|пус|кул, капль Матери, Серн|ы Всевышнего — CER|N **(***Европейский Центр ядерных исследований, от фр. Con|se|il Eu|ro|pé|en pour la Re|**ch|er|che** Nucleaire (Европейский Совет по ядерным исследованиям). Nu|cle|air|е, ядерность — созданность Ню, Сутью-Тьмой как надутость (air — воздух) и с|кле|енность Ею: Тьма — Воздух-Вода, Все-Клей***)**: CERN

— ЧЕРН; Тьма, Ночь — Сер|ебро; стран, дом сей основавших — 12, число Очей, Тьмы). Как Стезя, Вакх — з|вено, единяще начало с концом: Шаг меж тем и другим (*как Bull'га|ков (ga — go (санскр.), корова и бык с ней), грады единящий Коровьи собой: Киев, Древнюю Русь, с Москвой, Русию новой; таков я, сплотив их же: Вакх — и мой бог*). Ноль, Вакх — Истина; Двойка, он Ложь как притворство Ноля, бог-хит|рец (*так вре|т вре|мя, пространства-Ноля плод; так месяц второй, фе|в|раль — враль: Фе|бус — Вакхом хи|тер; «хи» — Ки, Тьма*): Хит — Гит, Гита, Тьма-Песнь, Вакха Суть (Х = Г); хитрость Божью хваля, рек о Вакхе Эйнштейн: **Хитрость Бога — Вакх, Хитрость без Зла, Суть без|золь|на: Зло — Сути зола, нуль бессутний, а Вакх, Тьма — Ноль, Суть. Вакх хит|рит, ибо в маски играет свои по закону, и с тем рит|уалу, Игры, Автор чей и Игрок — Благо-Бог: Иг|Ра — Ра, Бог как Огнь; Хит|рос|ть — Гит|а-Рос|а, Бога Песнь в|о́дна, коею Он, Глубь-Во|Да, к|ро|пит нас**. Сын, Вакх есть Бык чудесный; Корова, Мать — Ч|уд|о О|бычное: Уд Черный, Суть, что **о|б**ъемлет **Б**ыка как Причина его, а для нас — скрыта в нем: Дева (дів|а — укр.), Див|о, День горний (Х|ер|у́ — ег.), Игра-Огнь, что Счастьем зовем мы (*санскр. div — 1) играть, 2) веселиться, развлекаться; d`ivasa — 1) небо, 2) день; divaa — днем; divy`a — 1) небесный, 2) божественный, 3) дивный, 4) чудесный, 5) прекрасный; divyaashramapada (divya-aashrama-pada) — прекрасная обитель, дивное уединенное место*). Обычность обычна пленит нас как скука; Обычность Чудесная — объемлет нас как Во|сто|рг. Чудо, Тьма — Жизнь в|селен|ска, чья Лун|ка — Лун|а в небесах, на Земле ж — Век Златой, что не канул в очах, зрящих Суть. Вакх — стезя в Жизнь: Сын — в Мать. **Стезя в Ноль вертикальна, в Луну он любовна сте|зя, где скрыт Мир, Мун|ду|с в Moon**, что стя|жать надлежит нам как Глубь (с тем, влюбленные *пьяны Луной*, как пьянит нас Свобода, Тьма-Мать). Шлях в Луну, Бык в Корову, Вакх — лунный Бык. Сказано:

В Древнем Двуречье, в Средней Азии 3-2-го тыс. до н. э., в древнеиранской и древнеиндийской традициях Бык – прежде всего образ лунного божества. В иранской мифологии месяц называется «имеющим семя

Быка», в Шумере и Аккаде бог луны Син (шумер. Зуэн или Наина) представлялся в виде син|ебородого Быка [Быка, бородатого Коровой, Матерью: Мать – Борода – *Авт.*].

Мир есть Три — Три ж и Вакх, столб (укр. сто|в|бур: бур в Сто, в Мир), тру|ба Тьмы меж Двух как в Кон|я наш кан|ал и кан|ат, Ко|зел-Плющ, ко Селен|е зелен|ой тр|оп|а, зел|ена́ (*муж ее — Мели|от, и с ним З|ель|д|и|н, сыгравший роль в фильме о ней: «з|ель» — «с Эль», с Богом*). Путь сей, Столб — Путь Шел|к|а (sil|k — шелк (англ.)), Путь Силы, Любви, коим льется на Землю она как трубою Вода, Кровь Земли, без какой прах она; Путь как Шанс, горний Минимум-Лаз, данный **во|ин|у, сиречь В|люб|ленному**, с тем, чтоб шел к Богу, в Люб|овь он; Путь-Щёлка, полезть куда личным намереньем — Бога стяжать, с Ним — и Мир, чья Он Глубь. Вакх, Лаз в Господа-Тьму, Путь сей — В|е|л|ес Славян, в Бога лез|ущий Вол («вел» — «вол»: вел|еть — вол|ить), ведь написано:

Но как, спро́сите, с Сокровенным Знанием соприкоснуться? Кто о Нави [Тьме, Тайне – *Авт.*], в тайне Сокрытой [в Луне как сосуде Ее – *Авт.*], истинно поведать сможет? Только Велес Мудрый, Стезей Хранитель, вол|хвов прозорливых Учитель, из Яви в Навь Пути Торящий да обратно Ходящий! Посему паче всех других Богов Велесу Вещему славу свою реку!

Древо-Тьма, столб сей — по|сох вишневый волхва, **вишня в Вишну** как Вышне|е, Тьму: водой сей аки по|сух|у в Суть идем — **Ма|ко|ш|ью-Пра|в|ью**, Путем (*с вишней-сакурой в сем одно — дерево Gin|k|go, «серебряный плод»: в Go, Мать, Путь*). Посох сей — **лунный луч**: звено Силы меж Явью и Навию, Этим и Тем: Мать, что к Богу нас пра|в|ит как Р|у|л|ь-Ве|с|ло нам; Путь сей — Бог, Цель: ведь Третье меж Этим и Тем, Мира Клей — Он, со Ма|тью единый. О Макоши сказано:

Макошь – Небесная Мать, Небесный Закон, Правь, Третий лик Бога. Первый лик – Отец, Второй – Сын, третий – Мать. Ибо Мать – это и есть Дух Бога, приводящий в движение Мир. Именно Мать дает жизнь Сыну. И это значит – Мир изменяется, после Отца является Сын, потом Сын Сам становится Отцом и вновь рождает Сына. Макошь знает тайну судеб, тайну прежних жизней и новых воплощений. Она требует, чтобы человек следовал предначертанному пути. Она дает и свободу выбора между добром и злом, где

добро – суть следование пути Прави, а зло – отклонение от него. Тех, кто уходит в сторону, губит себя и свою душу – Макошь карает нещадно. Они вновь воплощаются на земле, но уже не людьми.

Смертным, Глуби не зрящим в Луне **(**зрящий Глубь — зрит и Путь, с тем — ступает им: в|*идет*|ь — Идти**)**, то — путь в|с|т|ре|ч и про|щан|ий (лат. val|е — прощай!): встреч — на время, прощаний — навек; сим путем мы, с Землей распростясь в смерти, всходим к Луне, а Во|йти не сумев — сходим вниз в теле новом, во время иное **(**ведь пло́ти суть — время, чей сгусток она: ина́ пло́ть — с ней и время**)** — костюм Тьме, душе. То — **Дождя-Млека Путь**: в Мир им входит, иль *льется* водой в Воду эту, избранник Любви. Дождь наверх — душ подъем к Богу в ней, Дождь вниз — в Рознь их паденье как в щель-борозду, и все то — Ливнь (Имб|вол|к — кельт.) един: Ливнь Вола, Вакха, чей есть Вакх Же|лоб и К|Ра|н — к Солнцу, Богу-Ра Путь. Меж Двух Третий, суть ме́р|а их, греческий Вакх — **Ме́р|лин** Кельтов вал|лий|ских, иль Мир|д|д|и|н **(***друг волка, ведь волк — сам; жена́ в сути, он — имя Ме́рилин, суть* ***Мерлин в юбке****, как Вакх —* ***Мать в штанах****; К|ель|т — «к Эль»: к Богу, в Луну, Путь куда знали Кельты как лунный народ***)**, открывающий мост сей влюбленным, разъятым веками, к их встрече меж звезд силой Тьмы, сущей в броши, бесценной как в Глубь брешь, **небесно-земной** и тройной как Мир вечный: небесное в ней — Орихалк, а земное — сребро и алмаз **(**ведь Единое — вечное Небо, а Два, Рознь — Земля, бренья дом**)**; брошь сия есть и ныне, как есть Мерлин сам, дух строк сих. Маг сей, Власом крещенный — Стези этой маг, Велес-Посох, друидов дитя, коих Дуб — лик Сварога Славян, Перун-дерево, — крепость ее: ведь прочней Любви — нету, Тьма — Т|вер|дь; дру|ид — Дур|га, Тьма-Мать, Столп и Сила Ид|ти. Мерлин — Вакх: Кельты с Греками в Глуби — одно; Па|н **(**Пу|ть — с Вакхом в единстве**)** по деду как корню — Дри|оп, «дубо|вид|ный», dru-vid: dru — дуб (кельт.), Дру|г как Суть, столпов Столп, Бог, Друг|ое-Внутри. Кельты — люди Луны, Греки — Мира, и то — Глубь одна; в ней — и Русь, Москва-Киев, — и Вол|анд, в Луну поводырь, брат Христа, что в Луну стезя та ж. Путь Вина, Вакх — Вины крестный путь: Анхов шлях, искупленье за рознь с

Глубью, Тьмой — **Узкий Путь, тес|ный-те|С|АН|ный Теос|ом, Целью его, Врата Узкие** (Щель, как уж сказано): ведь Путь — Врата нам, про|ти|сну|ться или про|сун|уться в кои — про|с|ну|т|ься для Цел|и, Сел|ены-Луны, Щел|и с Богом Внутри: в Глубь прохода и Глуби самóй[18]. **Узкий Путь есть Путь Р|ус|ски|й**: в Луну, Sky — нас, Ски|фов, как в Дом свой родной; русский, им и иду. Путь земной, он — путь в П|реж|нее темный, ступени чьи реж|ущи (грань — режет), зря от Того к Сему, — Сфинкс, плод Атлантов ↔ Осирис-Амон **(***Ночь-и-День, бог единый: А|м|ен, иль А|му|н, «бог при Тьме»* **(***м|у|н — Безмолвье (санскр.), Тьма, U|n|o-My, Moon; санскр. мун|и — мудрец: мудрый — мудр Тьмой, Луной***)**, *Сын-О|си|р|ис, сребра обниматель, бог-Тьма, — и А|мон, «слитный с Мон|адой», Тьмой, — одно имя***)** ↔ Загрей ↔ Дионис: **все они — Вакх един, бог Очей, над историей сущий как Мать, Корнь ее**. Дар Атлантов, Сфинкс — нижний конец стези Вакховой: вход в Век Златой, Мир единый как Дом их, земное В|Че|**Р|а**, Настоящее Лунное, где сущи ныне они; конец верхний Стези как очей бренных явь **(**конец истинный — Тайна их, Глубь**)** — пункт блистанья на лунном лице, о каком речь позднéй. Путь, концы единящий сии, Вакх есть грань между Тайной и явью, **ни Ноль и ни Два (**в Риме — Т|ép|м|ин, бог-Грань**)**. Бык — б|р|ык-рык: Муж (одежда чья б|рюк|и) — борьба-рознь; брыкаться — быкáться; брык — брак (недостача — укр.): Бык — недо-Матерь, **ущербна Луна**, что с Луной полной к браку стремится, чтоб Полность стяжать свою; ко бра|ку — ко|бра: в Змею, Тьму — Змея та же; buck (англ.) — «самец» и «брыкаться» как слово одно. Ноль-Два, Вакх есть buck|**W**|heat, гречиха (англ.), «Бык-Жар»: W — Мать вниз рогами, Иное — в Сие; heat — тепло, жар, гнев (англ.), в сути — сердце, he|art (англ.). Тьма — Огнь, Вакх — Бык жаркий ее; «горяч» — «греч»; **греч|ка — Вакх, семя Греции, цветом ко|р|ич|не|во как ко|р|а Матери в сердцах у нас, при Тьме Тьма**. Им есть М|у|д|ро|ст|ь как в Господа мост; им, **deus ex ma|ch|in|а**, есть сердце Машины живой, в То моста, о какой наш рассказ и чье имя, согласное Сути ее, Тьме-**НОЛ**|ю, есть **машина Любви, НЛО как бис|квúт Тьмы: свободных любовный союз Корабль-Гость,**

капля Тьмы как одно (*англ. bis|quit — 1) неглазурованный (голый) фар|фор; 2) светлокоричневый цвет; quit — обоюдное освобождение от обязательств (= долга как не-Свободы, Вражды: в Любовь шаг), квит|ы — в русском: укр. к|ві́т|ка — цветок, что, растя, ни пред кем не в долгу***), «Я есть То» (Я = я + То, Суть с пол-Сутью — Мир, Богом живой как Три — Третьим: «Мир = Мир + Бог»). Овладеть нам М|ашин|ой — Ашвин|ами стать как Самими Собой, Мать стяжавши, с ней — Вакха, Мотор Тьмы: ведь, Матери верный, бык сей — конь, Аш|в|Ин, Тьмы к|Ин|жал как конь-жало, с|тре|мя|щий в Нее**: кін|ь — кон|ь (укр.). Посему Вакха праздники, бывши зимой и весной в славной Греции, **Коня земле** (как земле Мира; Мир же есть Конь), на попятном пути своем (ход в Суть — Возврат) с Поли|**ДЕ**|**В**|**К**|ом **(**суть чья Дев|а-ВаКх**)**, Ев|бул|еем, едины: конь был бык сей — конь с ним и Вакх, бог-стезя в Луну, Мать.

51. Ноль и Два, Суть с пол-Сутью, Х с К — таков Ва|**КХ**, бог един: Ноль и Два — Тьма одна. Два — пл|ева́ очей злых, Тьма-Ту|Пик, а благим — врата в Ноль, Тьму-Пик, Цель сущих **(***de|óntos — должное (греч.): ибо до́лжно Идти и Обресть нам; Тьма, То как лишенность Бытья, on|to|s (греч.)***)**. Двух Единство, Ле|кар|ство-и-Кар|а — вот Тьма, Ноль святой, что в себе — Ноль и Два (ведь делима в себе суть на суть и не-суть). Знает Тантра то, знал и Сократ, людей Двойкой пытая на Ноль, Тупиком на Стезю. Таинств чужд Элевсинских, он Тьмою был сам, в Двух чтя Ноль, в воле А|рео|па|га — суд Божий, от коего смерть — Д|а|р: Бог вечный **(**Да-Ар: Да — Ар|ийской стезе, слово чье «нет»**)**. **Сократа суть — Вакх, столб в плаще: Два вовне, Ноль Внутри; Два — Вопрос как Неве́денье, Ноль — Ответ, Ве́денье, Тайна немудрым очам**. Силе́н Вакха, сил|ён и ве|сёл **(**с тем-то — схожий с силеном: *с собой, односущный***)**, — похож на Селену, Луну он, ведь Суть его — Вакх, что при Тьме — как при Вакхе сатир. Им-то был сей муж Тьмы с пуповиной учащей своей, коя — Вакх, в Суть стезя. Пуст извне, Внутри полон, Сократ, Сократ|итель Пути (ведь короче прямой — стези нет) есть Незнайка (как

звал себя сам), Лу|не сродный как Вакх, бог-ло|за в ло|но это, где Мир скрыт. Незнанье Сократово — Богу готовая полость, **объятья Любви**; речет мудрость о них: «Храни сосуд своего сознания всегда пустым, чтобы Истина смогла наполнить его сво им нектаром». Сутью этой полны, диалоги Платона есть **трубы Сократовы**: Жаждущ — чрез них Изопьет как Ответ сам себе (диалоги без Жажды сии — лишь вопросы, Тьмы русла; Ответ — мы как Тьма). **Тьма-Мать — Дар Черный (dar|k — англ.), Вакх, Сын Ее — Дар же** (да|вать — ви|ног|рад да|вить), давший Сократа Платону у Вакхова дома, театра, где тот хотел речь дифирамбы свои.

52. Тьма — Крыла́-и-Полет (о чем скажем еще); верный ей, Вакх, бог-бык — и **Орел есть двуглавый, корона большая чья — Ноль, Тьма**. Поистине, в птичности своей, о коей Эллада речет (ибо птица — его ипостась), Вакх — Орел; ипостаси ж иные его — лики древние Тьмы: змея, бабочка, волна и лев. Тьмой-Причиной силен, может Вакх предстать всем (даже Зе|всом и К|р|он|ом): **Мир — маска его**, с Богом слитого Тьмой.

53. Тьма-Корова есть Му|зык|а Божия. Зыч|ный — му|зыч|ный; Мир Тьмою, Безмолвьем мы|чит: «Му» — Мы, Хор. Мир сей, бренный наш, Свету-Быку сопричтен, есть Быка, Мужа мир; «человек» и «мужчина» **(**ma|n (англ.) — то и это**)** тождественны в нем. Сутью ж оба — Жена, Луна-Man; мужик — Музык|и явь, тайной дольним ушам. Человек без Жены — полу-Суть как Адам без ребра, ущербленный; Жена — выше их как Корова Быка, Сына Мать (миру му́жеску — Сверхчеловек она, в коем зрил Ницше, Тьмы муж, цель людей). Рек о том Мартти Ларни так: «Быть человеком — это много, но быть женщиной — еще больше». Жена — Суть, Высь-Глубь; Муж — облатка ее **(***просторечное «ба|тя», отец — Мать как ба, душа (ег.), капля Тьмы; оба слога — Жена́ здесь***)**. Рек К|е|дро|в:

мужчина — это изнанка женщины
женщина — это нутро мужчины

Жена, Любовь-Сердце, есть Ценность; Муж, Ум, Рознь без Сердца, — Цена. М|а|р|т|ти Лар|ни сказал о том: «Женщина знает смысл любви, а мужчина — ее цену». Жена, Высь — цел|ь Мужа, метá его как То пред Этим: ведь цел он Женою, и цель — Одно. Так цель же|лез|а и суть его, главного в мире мужей, умов, — Женский Металл сердцесущный, челнов Гостевых матерьял (о нем скажем еще).

54. Ум, лишен Полноты, у|м|ык|ает ее, жен крадя. Умыканьем жены Запад-Ум рознь посеял с сердечным Востоком (речет Г|е|р|од|от нам): Елена, что выкрал П|ари|с — за Ме|д|ею расчет, что у Кол|х|ов украли Эллины: мужи — у Жены без согласья ее. Кража жен для Востока — о|быч|ай: мужи, *волей Сердца*, берут жен как искры его, дабы Жить: Сердцем Ум жив-силен; к|ража — рáджа|с (санскр.): страсть, Сердца огнь. Смерть крадет у нас близких не волей людской, но Господней, нежданна; сжиганья усопших алтарь — К|рада, к Рад|ости дверь у С|лав|ян: в Тьму от тьмы; божество его — К|радо. Число кражи — Два; второй день Фесмофорий — день кражи, угодной богам: внешне Двойка, тьма Тьмы, в сути — Ноль, Тьма над тьмой.

55. Тьма-Коров|а (cow — англ.), По|кров (c|ov|er — англ.) Бога, — ma|ter co|**e**|**l**|es|t|is, Небесная Мать, Мать со-Божная: el — Бог, чьей парой есть Не|Бо, Не-Бог; Не|бес|а есть Не-бес, Полнота, антипод чей — бес, «без» (Полноты, Всего) чистое, сиречь лишенность — ничто, пустота, нуль-безмирье: Всё — Мир (*и лишенностью звав Полноту, Тьму, Бытье зря за Дом, — пустотой Стагирит ее звал, Полнотой мня ничто, Свет в себе, с тем — ничто был он сам: Два безбожные — не Божий Ноль; тьма без Тьмы*). **Бог — Бог-Дух; Мать — Дух Божий святой** (*kou (ег.) — то ж, что go — корова, бык (санскр.) и co|w — корова (англ.). От сего — go|v, корнь Силы, Жены: как в «гов|яд|ина», мясо коровье; в «го|в|ет|ь» — Тьмою жить как Отсутствием, Дух в|к|уша|ть (вет|о — запрет на с|коро|мное: Коро|ву, Мя|со); в «Го|в|ин|д|а» («Пастух», имя Вишну: Дух-Ве|т|ер* (*w|in|d (англ.); слово то ж есть «вертеть(ся)», «крутить(ся)»: ветр — верт|ит*), *что*

*ве|ет победно вкруг (win — побеждать (англ.); win|now — крыла́ми махать**)**; в «гов|ор» — речь: Мать — Начало ее; в «Гав|риил» — Тьмы посол, лунный дух (звался так дед мой: Корнь, суть Луна во мне); в «Гоб|л|ин» и «Хоб|бит», Тьма (Б ↔ В), муж чей Тол|ки|ен; в «Гоб|бс»; в «Че Ге|в|ар|а», муж Че|рный — как в psy|che: душа (ба — ег.), Тьмы Божьей пти|ца, лик чей есть ор|ел-аль|ба|т|рос сей; в «Ше|кс|пир», страстей огнь: Ш ↔Ч; в «Че|хов»; в «Б|ет|хо|в|ен», муж Сердца вен|ечный, что был не ушами — Очьми как их Сутью; в «Ван Г|о|г Вин|сен|т (G|o|gh, V|in|cen|t van)» — муж и му|че|н|ик Божий (Б|ог — Ван, Гос|под|ин-Бха|га|ван), Дождя пленник; в «тор|гов|ля» — как благо и зло: оба — Тьма они; в «Хо|ф|ф|ман», фамильи сыгравшего образ Любви дождевой: дождь Ее — Луна, Мать (Х = Г), к коей и́|дет сей Gott'ман (Ф = Т), дит|я в|одно|е Тьмы, — кем был также и сказочник Гоф|ман: Щел|кун|чик — Щел|ь, Тьмы кон|ь, поправший владыку мышей: мыш|ь — мис — Мис|с|ия, Дело коня во Тьме-Мисс. К|и|о, Маски-Тьмы муж — и фамильей она: Ки (Ци) — Дух-Тьма (кит.), Ио — Корова, Тьма ж; Тьма же — Ч|ио-Чио-сан, огнь святой***)***, Руах-Рух как движения Суть **(***go — идти (англ.), свершать хо|д; го|д — цикл хода полный; G|o|t|t — Бог (нем.), Тьмы П|р|о|т|агонист; **е**|go — Мать, душ Мо|тор; ho|t — горячий: Дух — Огнь (G = Н). Го|пи — Кришны подруги, **коровы сего пастуха как подмога Идти**. Мчать — Коровой мычать: Тьма — Стрела, п|рыт|кий Ма|ч|ете-Меч, муж чей остр — мач|о; мы|к|а|ться-му|ч|а|ться — Тьмою, Мечом быть каз|ни|мым. Го|в|но — к|а|л Ко|ровы-Но|ля как не-Мать, не-Движенье — дерь|мо, что без то́лку лежит, ш|кур|ка Сути: Тьма — Бога Кор|а, торил кою, тверд в Нем, Го|й**я**, Истины муж***)***, и с тем — роста: Движенье — Рост **(**ruh — подниматься; расти (санскр.)**)**. Тьма г|ор|ня, не-Сущее — Сущего-Света П|лат|форма, несуща его: Твердь-Вверху; Дур|га, Тьма — dur|us, твердый (лат.). Несет — не-Сет: не Диавол, но Мать его, не Два — Ноль. Тьма, Твердь-Покров*

о|гнев|ой (da|h — гореть, сжигать (санскр.): Огнь — Дух-Тьма; дах — чер|да|к, крыша (укр.)), — Кры|ша Мира: царяще п|овер|х (ov|er — англ.) всего Ov|o, Я|йцо, Я его **(**чту Ее я, O.|V.|ER|ma|k|ov, полнясь Ей посему**)**; от|реш|ить Ее, сиречь от|к|ры|ть (англ. dis|cover), откинуть как крышку — есть Бога с|тя|ж|ать, чúсту Суть: Тьма-**Во|да** — в|ход **во Да**, Б|ога, с тем — и Чер|то|г, чёр|на М|а|нти|Я-Т|о|га Его, Тó нам, сущим: быть в Ней — есть быть в Нем: на Да|хý — в Боге, Да как «На|Д» чистом, «на Д|аме», Тьме, коя нам Цель, Ame (англ.) посему, область чья есть Амé|н|ти, Безумья (ame|n|tia — лат.), Сердца дом, судит где Маат, Мать **(***посему «мрак пресветлый» — звал Бога со Тьмою Псевдо-Дионисий Ареопагит; «Светлее солнца Элевсинские ночи сияют», — рекли Греки о Тьмы ночах,* ***светлых Богом*****)**; Ámen, Истины, Тьмы слово (имя Осириса, дом чей — Амéн|ти, Тьма ж), сущностно — 10 (по сумме числ букв — 91): К|амен|ь Божий Мир, Тело чье — Тьма. С тем, **единство Творца с Тьмой — единство есть с Миром его: Пара-Глубь то одна**. Мир нам Огнь и Сосуд; то ж — и Тьма, Кров-Огонь, сиречь *все, что потребно для жизни*: ведь Жизнь сущих — Бог, с коим Тьма заодно. Бог есть Бла|го; Жен|а-Тьма — Бла|жен|ство, эллин. ey|da|i|mon|ia: Ева, Тьма-Да, ведь кто с Богом — блажен; и покровна Творцу, Дева-Тьма нам, покровным — Бог сам **(***dev`a — бог (санскр.); так Розни очам, Красноте, Любовь — крáсна; за Богом, Любовью, второй, Мира Шар — Крас|ота***)**; зовя «Бо|же!» — зовем и Творца, и Же|ну, тень Его. Дама, имя ее, неразрывно с Творцом — суть Да-Ма|ть: Бог-и-Тьма, ведь Да — Бог. Да|О, Путь (кит.) — Бог-Тьма: Бог — Одно, Бог-Тьма — Двоица, Шаг. Йо|га, «с Богом единство» — Корова *как Бог*. К|тéи|с — вульва: Тьма-Бог; Ие|гов|а — Бог с Тьмою; суд Божий — or|deal (англ.): Óра, Тьмы дело; ф|ев|раль, второй месяц (Два — Нóль суть) — т|ев|раль (Ф = Т): Те|ос-Ев|а. Сень Бóг всем — Сень с Ним есть и Да|Ма, С|ень-Т|ень **(***S и T — пара-Тьма, что касаньем одно; S-T — И'ST'ина, SaT***)**, Кров-Дом, кров|и СуТь: d`ama (санскр.) — дом, кров, жилище. Наличное наше бытье, бытье-здесь, da|s|e|in (нем.) — Бог(Да)-Тьма, сущих Сень и Пит|атель-Пои|тель един; вос|питаться — есть Ими вспитаться:

pai|**dei**|a — воспитание; pai|**deu**|**ma** — приобретенное чрез воспитанье (греч.): от Бога чрез Млеко, Мать. **Чтить Мать — Господа чтить; поклонение Матери есть поклонение Богу**. «Поклонение Матери есть поклонение Богу, как Божественной Матери — Шри Мата. Её проявления бесчисленны. Дурга, Кали, Бхагавати, Бхавани, Амбаль, Амбика, Джагадамба, Камешвари, Ганга, Ума, Чанди, Чамунди, Лалита, Гаури, Кундалини, Тара, Раджешвари, Трипурасундари и т.д. — все являются Её формами. Радха, Дурга, Лакшми, Сарасвати и Савитри есть 5 Пракрити. Хотя каждое имя даёт особый результат, можно получить общий результат. Вы можете повторять любое из имён Дэви. Если вы желаете достичь особых результатов, вы должны заклинать богиню соответствующим именем. // Упасана или поклонение Дэви или Универсальной (Вселенской) Матери ведёт к достижению знания Я. Следовательно, ученик вначале должен приблизиться к Матери так, чтобы она могла познакомить Своего духовного ребёнка с Отцом для просветления или Самореализации. Поэтому поклоняющиеся ставят Радху, Ситу, Гаури перед именами Джагат: Радха Кришна, Сита Рама, Гаури Шанкар, Ума Шанкар, Бхавани Шанкар, Лакшми Нараяна. // Благословение Матери безгранично. Её милосердие неисчерпаемо. Её знание безгранично. Её сила неизмерима. Её слава невыразима. Её великолепие неописуемо. Она даёт вам Бхукти и Мукти (материальное процветание и освобождение). // Кундалини Шакти — является космической и индивидуальной одновременно. Как космическая она называется Маха Кундалини; а как индивидуальная — Кундалини. Она лежит спящая в Муладхара Чакре в форме змеиной силы или свёрнутой энергии, известной как Кундалини Шакти. Она находится в центре жизни Вселенной. Она — первозданная сила жизни, лежащая в основе всего существования. Она оживляет тело через Сушумна Нади и нервы. Она питает тело млечным соком и кровью. Своей энергией она оживляет вселенную. // Святой Дух является женским символом Бога и так же, как Кундалини Шакти, является лишь аспектом Дэви. Она является Космической Кундалини… Кундалини Шакти называется также некоторыми авторами «Змеиный

Огонь». // Космическая Шакти или Дэви, представлена Святой Девой Марией. Эти две параллельные линии мысли, которые были разъединены или вырваны из контекста в христианской религии, рассматривались как два аспекта одного и того же духовного опыта в симметричной и синтетической философии Тантр. Различные неразрешимые проблемы христианства разрешимы в свете индийской мистической философии. Святой Дух не замещает фигуру Девы Марии, а идентичен с Нею» (Шри Свами Шивананда). С Тьмой-Геей един, Бога полн был Ан|тей, с тем — силён; от Земли, Тьмы отнять земнородных нас — с Богом разъяти**.** А, Божия буква, и М, буква Тьмы, есть одно в слоге Матери «ма»; так эпоха Арийска — Марийска: Марии как Девы единой, небесно-земной, породившей Христа чрез соитье с Собою. Бог, Те|ос, и Ть|ма, сущих Ма|ть — Те|ма главная наша; ma|thé|ma — наука (эллин.): Мудрость-Ноль, Корнь наук; мате|мати|ка — Мать как Коли|чество, Два. Но|ль, Ть|ма тем — Н|о|р|ма наша: быть в Ней — быть Собой нам, ведь Бог — наше Я. Так Тьма чтима: Гермесом — как Мрак запредельный, Ор|феем — как Н|очь (Ник|та — греч.), Ка|б|б|а|л|ой — как Эйн-Соф, Божье Едино-Мудрье **(**«Египтяне призывали первоначало, которое они называли Мраком превыше всякого познавания, как Эйнсоф евреев или Ночь Орфея», — о том рек Филипп Дю Плесси Морне в труде «Об истине христианской религии» («De la vérité de la religion chrétienne»**)** — Ан|т|вер|пен, 1581**)**. Тьма и Бог, храм с Влыдыкой его — оба Тьма: То очам Ума, Сим, Сердце-Суть. Эллиптичность планетных орбит, как некруглость их, в том, что они не умы-единицы, как мнил Пифагор, Ум, — ноли как сердцá: Корнь порядка вселенского — Ноль, Сердце-Тьма, Покров-Эл|лип|с: «эль» — Бог, lip — крыть (санскр.). Знал то Тьмы муж Ев|докс; как закон — явил Кеп|лер: муж-капля, Вода, Сердце-Тьма.

56. Пища, Тьма — Коро|ва|й (укр.), Хлеб наш как Стезя **(**way — путь (англ.)**)**, корнь вес|ел|ья: Вес-Жизнь как для вёсел Вода, Р|а|д|ост|ь сущих **(**har|Sá; h|ra|da — o|з|ер|o (ca|нскр.): Тьма-Вода, Ноль-Зеро**)**, — ибо в Ра|дости мы Дости|гаем, живимы сим Солнцем; Свет-М|у|ж, в себе взят — Уж|ас, Н|о|**r**|**r**|or как Уж пред

Змеей-Тьмой и ад перед Р|ад|остью сей, страшный Двойкою-Рознью как сутью отдельною: Тьмой в Свете сем, коей ли|к — Ка|ли, Гн|Ев: Жена-Ева, что г|н|ет ч|уж|дых ей. Муж — Ч|уж|би|на-Суд|ьба как н|уж|да и бл|уж|данье, что нам с|уж|ден|а, Рок-Неволя (с|уж|ать — пленить: уз|ость — плен, уз|ы); Отчизна-Свобода (мужами, отцами тщеславно прозва́нная так в Отчий век) — есть Жена, Земля-Мать (mother|land — англ.) как Роди|на — Та, что родит; Муж — неплоден. Бог высший, Творец — Бог бого́в всех: не Муж, не Жена; Тьма, надмужня Жена, есть Бо|гин|я богов, кроме высшего Бога: Бог есть высей Выс|ь, Тьма — под Ним **Длань Его и Ор|уж|ье, Ор-Ноль**; после — прочие **(**честь отдавать по-военному, руку к vis|ку — являть верность Тьмы Богу: Руку́ — Голове**)**. Тьмой Господь, Неделимый Делящий, членит как Рукою-Мечом: **от Да — Д|в|а как от Господа-Тьмы, кем есть Ноль**. Тьма, Корова родит из себя сущих всех: и коров, и быков; она ж им госпожа: **кто родит, тот и правит (***Го|р|го́, Леонида жена, на упрек, что спартанки — единственны жёны, что правят мужами, рекла посему: «Но ведь мы единственные и рождаем мужей!»***)**. Бог — Her, Причина; Тьма, Ху́р|о (рука — греч.) — Она ж, Сутью полняща нас: ведь рука Бога — Бо́г сам **(***так Хи́ра — гора, в чьей пещ|ер|е, Тьме, внял Ма|г|о|мет Бо|жи|й глас в ра|ма|дан (дан|ный Ра|м|ой, Луною как Богом); Хи|р|о|н-вос|пит|атель рон|ял в ум Ахилла Тьму, Мудрость***)**. Длань Господа, Тьма все|могуща: ведь Бог может Всё, Мир **(***и рек Ев|рипид о вакханках, ее сильных силой: «Все, что хотели, на́ руки они // Могли поднять: ни меди, ни железа // Им тяжесть не противилась***)**. Длань Бог|а, Тьма — Мир, она Бог и не-Бог: как Бог — Мира Душа, а как Мир — его Тело.

57. Тьма — Длань во|д|я|н|ая: «р|уч|ей» — от «р|ук|а», Тьма, Уч|итель-На|ук|а людей; при|р|уч|ать — уч|ить-м|уч|ать; ученый — кр|ученый: Тьма — Цикл, знанья Тиг|ль и Огонь, пос|тиг|ать есть кру|жить (так водил Моисей свой народ 40 лет, уча Богу его). Ру́ки — ре́ки: Суть каждой реки — Тьма, Рука-и-Река, речей сущих Ручей.

58. Длань-Кора, **Тьма — На|мере|нье Бога**, на Мере сей суще, п|овер|х **(**ведь Бог — Мера**)**: намериться Богу — свер|шить. Вер|шит — длань, швея: Тьма — Ш|вея ш|вей, Дух, что вее|т ве|зде, Вер|а в Вер|х, Бога, коею Мир с|шит-с|кре|плен **(***Тьмы муж — Швей|к, остр-бы|в|ал; цвей (нем.) — Два, Тьма-с|т|е|жок; Шил|лер, друг Гёт|е — Тьма: Got|t-и-Мать; Тьмою есть Черны|шев|ский (с Бе|л|ин|ским един: со Днем — Ночь), на вопрос чей «что делать?» ответ — Тьма. Тьмой есть и Шев|ченко Та|р|ас, с|лез|ный как Гераклит: Вода — оба***)**. Кто шьет — шило сам: Тьма — остра, Мир, Шар-Воду, торя как себя саму; Тьмы муж есть Шил|лер, друг Гете *сердечный*: Тьма оба они. Шить — ре|шить: Тьма, **Na|me|re**'нье **(**Меры покров — ее имя, na|me**)** — дело решенное (re — дело (лат.)). Луч|ший (ший — шей (укр.)) — луч Шеи-Тьмы, единящей Мир, Туловище, с Богом, главою Тела «Бог-Мир». Шить, творить, и к|ру|ш|ить в Мире вечном — одно: Тьма, Д|ви|ж|ень|е (ру|х — укр.), что спрягая — Парвати, круша ж — Кали, суща порвати мир сей **(**муж ее — Калли|сфен, Александром убитый за рознь с ним: Тьма — Тьмой; с ним — Кал|оев, воз|м|езд|ье: Тьма-Двоица, Рознь**)**. Швы Швеи сей — А|ш|в|и|н|ы, с Сим То единящие в Мир, Огнь, в очах ради *виденья* (так дверь в Ино|е — в|ино), Зло круша как очей пелену. Покров Бога, едина Тьма с Ним как тен|ь Солнца сего о|гн|ева́, Головы этой с|каль|п **(**для ин|дей|цев, Тьмы сутей — победы их явь, доказательство оной: Причина, Тьма есть аргумент сам себя**)** — сл|еп|ок, каль|ка **(**начало эпох (англ. e|poch) мировых, кальп, облаток Творца; кальпа — cul|pa, вина (лат.): покровность — пред сутью вина за сокрытье в куль|ке сем**)**: пок|рышка-с|тен|а для слеп|ых и врата всем, кто *видит*, Господня Кали|тка (лик чей есть тка|чиха Афина), Кан|ун (eve — англ.), куда сущие кан|ут **(**Тень-Ночь, Тьма — Те|н|о́ч, вождь Ац|тек|ов; «тек» — «тёк»: Тьма, Вода, что теч|ет**)**. Тьма есть черт|ова Мать, Черт|а черт, Грань последняя: Щ|ел|ь меж Творцом и Идущим, К|ров-Ров, дабы Шел твердо он, — вызов Силы, какою и есть Тьма, Препона-Ш|анс **(***так «но», препона, — Но́|ль в сути: Вода-Песнь, Шан|с|он: сон пустых, полных Я|вь***)**, **Врата Узкие,** Ле|д|и-лёд **(**di — двойной, дважды (греч.); ле|д|ве —

е|*д*|***ва*** (укр.)**)**, пыл слабых гасяща, Тьма-Е|ва как **Шанс** с|моч|ь-у|с|петь до у|спе|нья, конца спеть песнь жизни своей — сделать Де|ло, *протиснуть его в Ще|ль*: К|руп|ней|ше|е нам **(**Дело — то, чем живем: Жизнь как **М**|**а**|**кси**|**му**|**м** наш**)** чрез Ма|лей|ше|е: Тьма — оба сих, **Шанс Себя как наш** — Sun|s, Солнце-в-Щел|и, Бог в Тьме как Цел|ь. Шанс сей, Вратам своим в лад, **минимален (**победы, какими горд мир — Шанс взыгравший сей, Максимум**)**: бренным — Санс|ара, на Вечность Шанс; в физике — действья квант, константа Планка **(***П|лан|к — М|а|кс; ах|is — ось (лат.): суть Путь, Стезя Узкая; «лан» — поле: Мир, Поле-Путь сущих***)**; «лепту вносить», вклад мель|чайший — вносить есть Довольное: Максимум, Глубь-Лепоту, — каков Мир, Бога ста|туя. Врат сих щель — ще|ль меж Ше|стью и Семью — между смертью и Жизнью труба, ч|рез какую пролезть до́лжно в Жизнь, доказав тем ее: **Жизнь — себя До**|**каза**|**тельство**; очи, что зрят его — Жизнь та же. Буквы числ сих Е и Ё — смерть и Жизнь, Тьма одна **(**коей явь — Материнский падеж, что родительным кличем: Е|Ё**)**; сумма числ сих Тринадцать — очей бренных щ|ель, би|тость их: Шанс пролезть, к Силе зов **(***ему внявший — Гагарин, муж Силы, взойдя в Жизнь: год 61-й — суть Шесть плюс Один, из Шести в Семь шаг, суть чья — взлет Шакти, копья Силы-Тьмы, из столба шести чакр пло́ти (плоть — Шесть), в седьмую, надглавну — **стяжанье Семи как раскрытье в Мир, Жизнь** чрез Восьмое, смерть — пробку вверху, коей есть эгоизм наш людской***)**. Ноль, единство касаньем, от Сути деление перво, Врата эти — Бог, Жизнь-Суть; Два, без касанья единство, деленье второе, они — Сатана злой, смерть **(***трещиной сей, от причины отъемлющей следствье, рвя в прах Мир **(**ведь склеен Причиной, Творцом он**)**, — сущ лживый, бог чей Дьявол***)**. И|ще|м-щем|и́мся в Врата эти мы; не Найти — за|ще|мить|ся, без Пищи пища́: ведь пи|щи|м заще|мя|сь **(**ще|мить — мыть: Тьма — Вода, Суть чистилищна, смыть Ею — есть соско|б|лить о сю щель, лезя чрез**)**. Чрез Врата эти входит к нам С|лу|ч|ай: Луч, с Богом слу|чаю|щий нас как связь с Ним и Он сам. В мире Дело с|вер|шить, со|стоять|ся — есть нам оседлать Случай-Шанс: случай

зрячий, Свободу саму — Бога; случай слепой, Дьявол-Рок — нас седлает, не знающих то. Оседлать Случай-Ша|нс — есть не ждать его, но, как к Творцу, идти встречь как *вели́ки, ловящие Бога*: Величье — Мир, к Господу Ша|г.

59. Тьма — Пок|ров-Ров, что, Бога тая, от свершений людских тает: *у́же* она — от *Уже́* (уж, уже́ — стар. ужо́). Так, верша, в нее входим у|ж|о|м, у|ж|им|аясь (жим — жом): сущи, мы Ум — не Сердце, и в Сердце змеится наш путь, — ведь, Жизнь-Vit|a, оно есть Зме|Я, что **я**|вить может Суть как себя самое: **Суть, Я наше, есть Сердце как Истина, Sa|t** (са|н|скр.), с ним — *ви|д|ень|я* Очи; У|м-У|ж — нам, сердечным, ч|уж|о|й как не-Суть.

60. Змейность Тьмы есть ко|ровность ее: прес|мык|аться как **cow**|bra — мыч|ать как корова, go|w; то ж — и Ашвины: Тьмы капли, коровны и змейны они. О том сказано:

…близнецы, представлявшиеся на ранних этапах развития близнечных мифов как существа опасные для человека, могут отождествляться со Змеем: на языке нгбанди (Центральная Африка) n|go — змея, близнец; у дан (Западная Африка) близнецы связывались с чёрной змеей; у бамилеке (Камерун) при рождении близнецов приносят жертву жабе и змее.

Зм|ея («её» — «ея» вс|тар|ь: зм|ея — жена) — чер|вь, глуби житель, оттуда точащий чер|вив|ое: V|iva, Глубь — смерти Корнь; зло из Добра из|вива|ется и|во|ю: выть-ре|веть — вить нить тьмы. Де|й|ст|вие, Жизнь — Тьма-Змея (*з|мей — ma|de — де|лат|ь (англ.): с сути об|лат|ку с|ни|мать, об|на|жать но|ж из но|жен его; де|ет — Тьма, Дело-Ма|ть*), Вода бу́р|на (з|мий — мий — мой (укр.), три-полощи): Песнь, что в Божьих устах вьется-льется рекой (соло чье — соло|вей), со Любо|вью едина. Жизнь, Сердце — Любовь, Тьма, что страстью темнит очи нам (*так в Да|м|а|ск идя, град Дамы-Маски, ослеп Сав|л от этой Сов|ы, от нее же — прозрел, став Христовым слугой*); Жизнь, Тьма — Шест|вие-Путь, via (лат.)|way (англ.), д|а|л|ь сер|пан|т|ин|на: всем Любящим — Путь Млечный есть Виа|д|ук (*Сердца муж, таков Ал|к|и|виа|д (бывший вскормлен Amik|лой; наставлен — Зо|пир|ом с пелен: zō|оп — Жизнь, Любовь та ж; на щите*

чьем — Эрот), в «Пире» данный Платоном: Любовь — Пир наш; любить — ал|к|а|ть; ал|к|о|гол|ь — любви друг и заступник (рек Пушкин о том; заступать — замещать): оба — Тьма́). Божья Тьма, Сова-Дух — веет-вьет (віє-в'є — укр.) как в So|vie|t (англ.): страна тёмна Со|в|ет|ска — дверь в Космос, Тьму. Э|в|ий, Шумный, и Ки|сс, П|**лю**|щ (очи плющ|ит — Сон, Мать) есть э|пит|еты Вакха, что, тирс обнявши́, вьется-льется ли|а|ной к Тьме-Матери любяще (kiss — по|цел|уй (англ.)), люби́м Ею: vit|is — лоза (лат.), Вакх, вь|юн в Un|о; Освободитель, Ли|эй — имя Вакхово ж; Тьмы ко|ш|ма|р — Ви|й, бог Очей (ві|чи — очи (укр.)), царь Под|зе|м|е|л|ия — Глуби, Того — у Славян; vi|ew — вид, кругозор кольцевой: Очи — Тьма; интер|вью — речь, вода-Мать. «С|вей» — Швей|к, сей ма|с|т|ак наплести, с ним — п|лут Т|ил|ь из земли Браун|швейг: brown — Тьмы цвет кор|ичневый, Лут|ки Творца; Браун — автор рак|ет (В|ер|н|ер, немец), в Мир стрел огневых. Вол|ос к волосу, книга сия во|л|ей Тьмы сплетена. Све|и — Шве|ды, Тьмы-Н|о|р|да нрад. Вить|ся-яз|вить — сво|йство жен, змей, вия|сь кои лез|ут как лез|вия о|ст|рые (s|tri|i — жена (санскр.)). Рез|виться, сиречь рез|ать-виться — труд их: п|рес|мыкаться змеино — есть рез|ать; вещь жен, покров их, сара|ф|ан — от «с|ар|а|ф / сер|а|ф», «змей-огнь»: Тьма — Сер|дце (змей был Араф|ат, хит|рый Я|сир, will'явший легко меж преград); «сар» — «зар» — «жар»: Сур|ья, Солнце; Сер|а|пис — Тьма-Бык; Сатаны, змея́, огнь — се́ра: смерть, цвет чей сер как Мир; с|е́ро — моление Сердцем сим: sera de Dios — молюсь Богу (исп.) — как Второе, Мир; с|а|р|и — облатка же, С-Ари: Атлантам — эпоха Ари|йска, чей Индия столп-Ум; змей — t|zar, цар|ь, державу объявший кольцом, как Златой Век свой — Мать, царь его, глаз Зар|я: Тьма, Причина — царит; змей — и Сар|ды златые, град К|рез|а; са|р|у́са — ко|пье (греч.), змей-фаллос (таков Вакх); sar|kós — мя|со, со|ма: плоть бренная — плод Тьмы, со Ма|терью сущий как Корнем; сар|каз|м — жало Тьмы, ею каз|нь в слове остром; кор|сар — пи|р|ат, рат|ник Тьмы, как с ним — гу|с|ар, лебедь-гус|ь Ее, песня чья всяка — последняя; Арьев Река — Сара|сва|ти: Сова-Тьма, дверь в Бога. Sar (санскр.) — течь, струиться (рекой, что змеится всегда: змеи — ре́ки; прямых

рек, не-змей — нет**)**; идти, бежать (бегут и реки); «сар» (рус.) — сар (лат.): Кап|ля, Вода как Куп|ель (англ. cup — ку|бок-ста|кан для Воды-Вина, Тьмы; sar|`it — река; sara|а — ручей; s`aras — озеро, пруд; «сват|и» — зват|ь: Тьма — Зов Бога **(**и зва|ный в родню — сва|т**)**; жена Ав|раам|ова — Са|ра, змея **(**Sa|rah (англ.) — Рух, Движенье-Тьма**)**: Са(т)-Ра, Тьма-Огнь **(***змéи, Тьма — Цезарь (Са|е|sar), Сар|óвский святой Се|р|а|фим, С|а|р|т|р***)**; Са|ра|ма — пес Индры, коров отыскавший; sv`a|sar — с|ес|т|ра; круг тел по|р|оч|ный — Сан|са|р|а, огнь-тьма, жатву смертную жну|щая лунным сер|пом **(**бог посева Сат|урн италийский (от лат. sa|t|o — сеять; sat|urn|o — насыщать) — жнет им; серп наш земной, остр и гнут — от него**)**; гей|ша — Г|ея, Зм|ея-Мать: земе|л|ьное — зме|йно как Тьма **(**таков Вакх, сын Се|мел|ы, Зе|мл|и: S ↔ Z; мел|ет — мли|н**)**; прос|титутка — по|вія (укр.): дух, во зло вею|щий; Дева-Богиня (санскр. de|v|ii) есть П|рос|тота, рос|та Сúла-Суть; Ма|угли друг (разжигателя, змéя: огня — из уг|лей), пи|т|он Ки|п|лин|га — Ká|а: Дух-Тьма, Фаллос (lin|ga — санскр.), Змей прямостойный (стоять — во|ева|ть змеé), с Светом единый как вульвой **(**sa|ra|a|ma — с Ра|мою вместе**)**. Змея — Наг|ота (наг — змей (инд.)), гол|а Истина-Нег|а: Кон|с|т|а|н|т|а бытья, Гол|ова, с себя рвуща покровы (мы ж мним: раздеватели — мы); перс. се|р|а|па — одежда почетна как кожа змеú (рапá — с Сути вода): покров, суть чтящий, сер|ый как Мир, Цер|бер, тюрьма пред Богом, Свободой **(**со|ба|ка собак, Пес-Пес|нь, коим-то клялся Со|крат: «со ба» — с душой (ба) вместе как Мир, Суть ее**)**. «Сар» и «сер» — змейны корни Жены, Сéр|дца **(***«сер» — «кер», «цер»: Цер|бер и кер|ы — Тьмой змейны как Сутью; Змеёй был речист Ци|цер|он: Речь — Река-Змея; «сер» — «шер»: корнь в «Ш|**ер**|**ер**», змеé Москвы, лучших любовным объявшей кольцом: Москва — Тьма, что душой знал Тол|сто|й, Мира муж, с тем — Тьмы, ею ро|ман свой начáв. «Шер» — «шар»: Мир, Шар Воды. «Шер» — корнь в «д|щер|ь» — Жена, Тьма. «Шер» — «ше|р|иф»: Тьма-За|кон, риф злым; «шер» — Шер|хан, Шéр|лок; «шер» — «шир»: «шир|ь» — «шир|ять» — «рас|шир|ять» (Тьма — Нож)***)*** — корни Очей: сар — зар — зер — Зер|о, Ноль-

Очи, Вз|ор как Зер|но в лоне Двоицы-тьмы; сари — сри (шри) — зри. Змейности жен явь — хар|актер их (Гор-актёр: Мир, сущих Хор во плоти́, маске), ясный в соитьи. Рек Пушкин:

> Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
> Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
> Стенаньем, криками вакханки молодой,
> Когда виясь в моих объятиях змией,
> Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
> Она торопит миг последних содроганий!

Змея — ско́льзка тварь: ведь Тьма кол|ет-с|кол|ьзит, ускользая в прокол — из Сего в То, Себя; в смерти, сущи, в нее ускользнем: ведь смерть — Тьма. Змея с|ко́ль|зка, с|мыкаясь в Коль|цо: ложь — во Истину, Сут|ь свою. Истина, **S**at в своем **S'**лове — **S**: **Z'**мей, сущий в Этом и Том, их **s'**прягая как Грань **(**знак Инь-Ян ☯ — лик ее**)**, целясь **x**|в|о|ст у|кус|ить свой **(***Пила, Тьма — з|у|б|а|ста; «зуб» — «су|б», «под»: Тьма — Глубь, Су|ть; змей труд — кусать: зубы — длань ей***)**, явить чтоб Единое-Мир, Cir|cus, Сир-Сер|дце сущих **(***лик чей — Феб, чья птица — **S**|Wan, Ле|б|ед|ь, Люб|овь-и-Бед|а — птица-Мир, птица-Очи: с Очьми Мир одно***)**. Труд сей — змейный: Мир, Шар-Сар — Змея, что в очах жаждет свиться кольцом. Бог — За|лог сему, Царь-Прези|дент **(***Мир под Богом лежит, сущих Ло|г|о|в|о, Бог же — стоит за ним***)**, **Z'**уб (den|ti|s — лат.) транс|цен'dent'ный **(***зуб — «суб», Глубь-То: Бог, Суть; what sub (англ.) — в чем дело? Причина, суб|с|тан|ции Корнь, Суть-Исток — в чём сущ?***)**, коим Змей хвост свой кусает **(***санскр. d`|ant|a — Бог, Противо-Д|ама; божественен — Дант***)**: нет его — Мира не|ту, безз|уб|ый — уб|ит. Бог, Зуб — В|кус безупречный наш; знать на|зуб|ок, дос|кон|ально — знать Им. Посему имя «церк|ов|ь» — от circus: круг Бога (суть о|v|о, **я**йцо Сути сей), с Ним — и Мира Его; «церковь» по-ш|вед|ски — «шир|ка»: Бог, Столп в круге-остро|ве сем — остр и|гол|ьно как Зуб-Гол|ов|а.

61. Тьма, Мать горня — Покров на Творце, Свет — покров Тьмы, таящий ее от очей наших, с ней — и Творца. Так патристики столп Дама|скин, утвердив знанье

Отче коры|стное, с|кры|л Мать тем: skin — кожа (англ.). Так таила Завет Мо|исеева скин|ия — кожа, чех|ол-kou|чег, скин|уть кою — есть Истину Божью явить, Тьму-Змею.

62. Бог — Тьма, Клей мировой, в Мире клеящий Тьмою-Женою: Над-Мирна Тьма — Бог, внутри-Мирна — Жена. Тьмой полна, мужéй клей — К|лео|патр|а, во смерти с Антоньем сойдясь в пару-Мир: Жену-Муж, Сердце-Ум.

63. Тьма, Г|рань есть Рань Г|осподня, Ка|ран|а (Причина — санскр.). Рана — щель; рань — щель меж ночью и днем, член их связи. Так Бог, Мира Щель, единит Тьму и Свет; так Тьма, Щель меж Творцом и людьми — **М|о|с|т** к Нему как ma|raNa, смерть (санскр.): «щель» — «шел»: смертию — к Богу идем как стезей **(***Щелью сей был Каран, единя Александра с Гераклом как среднее их, Силы мост; в Ран|у эту Ка|рен|ина пала по воле Ее***)**. Рекут люди: «кто рано встает, тому Бог подает»: Тьма — Да|р-Сила Творца и К|ран óной, в чьей власти Хран|ить и Да|вать: Бог есть Да без иного, Тьма — Да|тель Его, Да|ма-Д|лан|ь **(**kar (санскр.) — делать, свершать; kar`a — делатель; длань**)**, О|дея|нье-Дея|нье **(**суть деланье, с длань|ю едино; на|дея|ться — Тьмой жить**)**, что нас о|дева|ет-объемлет как Д|ева-П|л|ев|á; суть по|кор|ства — в Кор|é **(**Кóра — Дева (эллин.)**)**, Тьме, Господней Руке. Дар есть щед|рости Суть, свойства царского. Щедр Александр был, щедр Цезарь; всяк ищущий славы — щедр будь: щ|ед|ро|сть — славы Ядро. Бого|маз (стар.) — писатель икон: Бога — Тьмой как Рукой и Очьми). Бог — Един, с тем едина и Длань его, Огнь от Огня, чьи пер|сты («пер», «пир» — огнь) — пал|ьцы: огнь, Дух-Деянье — пал|úт **(***так перстами Тваштара рожден Агни, огнь; так и с наших пер|сто|в — огнь течет, дела наши; це|лит|ель — целúт рук огнем, в них — перстов их; па|л|аты, хо|р|ом|ы господ, латы их — так звались за сиянье свое: укр. палати — пылать***)**; в очах бренных, суть чья Два, Рознь-Тьма, — она Два, как рукú — две у нас, что слагаем в моленьи в Одну. Мýдра, жест богосущный — Руки этой жест: Мудрость — Тьма; Длани этой сия|ние — мы **(**m`anu|S|ya —

антро́п, человек (санскр.)**)**, отец коих Ману — суть Ma|n|us, Рука: Ma|ть, Корнь Нус|а-Ума, Жена-Тьма — Мужа (man).

64. Бог — Единый без розни, суть Да без иного Ему; Тьма — Единство-и-рознь, и Единство — она Но|ль, Закон Бога, No|Moz (чей глас — тру|ба|дур: труба Матери, Дур|ги, зовущая к Богу как Тьме), рознь же — Два, тьма-не-Тьма как рас|кол у Единства внутри и под властью Его. Ноль, Ор — Фаллос-и-Рот (oris — лат.), Рот где — Вульва (ведь два сих — одно, явь чему — ртом любовь): Тьма, Причина довлеет себе. Ноль — Плуг с Почвой его: о|рать — рать о|бнимать, пахарь — воина больше как Двоицы — Ноль, Плуг — Меча, кои суть Тьма одна, Ноль-Любовь; биться — меньше, чем есть (хоть за пищу дерутся, отъем меньше Дара как Жизни само́й, коя Дух, и *живем — Даром мы*). Бог — Царь Света и Тьмы, синтез коих Мир; Дьявол, Тьмы сын, есть князь тьмы-в-Бытии — тьмы во Свете как внутренней Тьмы его: Двух, сути Света-Ума в розни с Тьмой как Единством, Нолем. Ноль есть Вечность, Два — бренье; Ноль — сущность (ведь Вечность существенна), Два — становленье (ведь бренье становится); мир Двойки, по Диогену Лаэртию, есть тот, в каком «становление вечно, а сущности нет». Ноль есть Благо (ведь Благо, Бог — Сень его), Два в себе — Зло; и служа Нолю, Два — многость-Благо нетленная: боги пред Богом, Одним; а служенья чужда — Зло она, многость-тлен. С тем, тьма-Двойка остра: в ней сошлись Бог и Дьявол, борясь меж собой **(**как боролись в Египте они, земле Двойки: Амон и Атон, Гор и Сет; как сошлись Два сии в Ук|Ра|ин|е, Египтом живимой внутри как Двумя: рознь есть бич ее; «хат» (ег.) и «хата» (укр.) — слово едино: сердечное «дом»**)**. Служить Нолю — служить Богу в нем, и Нолю — с тем как Длани Господней, х|ранящей; без Бога служить Нолю — есть Сатане угождать, длани ра́нящей: зная Ноль, дланью сей Майя, служа ей, разъяли себя: плоть — чрез сердце ее, остро|в Тьмы. Ноль собожный — Змей-Благо, ку|сат|ель *себя* как хвоста своего — Жизни ради как Цикла; безбожный — змей-Зло как кусатель *в себе*, рвущий брение в дым (город Ин|ков, Тьму чтивших безбожников — Ку́с|ко, кус|ок-в|лас|т|е|л|ин). Ноль-Единство — Корнь Двух-Розни

как Ось, вер|тящая вкруг себя бренье: мут|ация — суть му|т|ер: Мать, тер|ний Суть (Вер|тер Ба|й|рон|а — му|ч|еник их); ген, преемства телесного квант, и пол, gen|der — суть g|in, Мать, раз|дер|шая на́ два себя. Ть|ма-Два — му|т|ь очей; Но|ль — Я|сно|сть их, сно|м объ|Я|тых: Ок|Но в Божий Мир; ясен всяк — Сен|ью, Тьмой. Два есть **выбор свершаемый**: им есть Адам, от Огня отрешенный в тьму внешню Отцом-Злом и вольный решать всякий миг, в Ноль идти или в Два **(**arbitrum liberum — свобода выбора, воли (лат.), по Августину — «способность не согрешить»**)**. Ноль есть **выбор свершенный**, каков Иисус, твердый в Матери-Тьме **(**«неспособностью согрешить» зовет то Августин**)**. Августину согласно, Адам посему есть Вражды церковь (воинствующая, как рек он), Христос же — церковь Любви **(**торжествующа: Любовь — Победа**)**, и первой — второй до́лжно стать, рознь Единством поправ. Выбор жизни без Бога **(**как жизни без Жизни: ведь Жизнь — Он; безбожье — безма́тность**)** — **свободная совесть, Служения нуль**. Мир сей, в Матери сущ, волен был как она; в Отца впав, впал он в выбор — иг|ру, и|г|о нам, лик чей — И|***г|рек***, ро|га́ Сатаны (кем есть Отче), Развилка (в кириллице — «червь»: змей, Тьма-Два), от Эллады идуща: Мир, Суть ее — Два, Жена-Муж (как **Y**|mir, Пращур Эдд, поло́в корнь-анд|**ог**|ин). В земле сей Дьявол-Зло, Ба|фо|мет двоеполый (смешенья позор: муж грудастый), родился из Пана, благого как Тьма, Хаос-Мать.

65. Ноль и Два, Суть с облаткой ее — Тьма одна: Дух Святой, Жена с парой Мужей, Отцом-Сыном как Мера их в Троице горней; в Тан|три|зме — Ле|кар|ство и Яд (Кар|а Божья): Любовь-и-Вражда, Ноль-и-Два, Суть чья — Тьма-монолит, Ноль без Двух. Знать его — есть лекарством иметь яд любой. Зная Зло как яд — знаем мы Благо, ведь Тьма — оба сих, и познать — есть превысить; кто *видит* (Нолем как Очьми: ведь он — Очи) — зрит в Двоице Ноль: в чреслах — ма|тку, суть их. Так в Зевесе, завесе-Уме, зрим Афину мы, Сердце: в чехле — суть, явил кою млатом Гефест; верный ей, а не Зевсу, Ол|имп есть имп|ер|ья Н|ол|я. Так ч|рез е|р|ес|ь, Тьму-рознь как раз|рез|ану Е|ву-Эр|ота (сих оба — Любовь, Тьма), зрит Бога святой: Тьма с Всевышним — одно. Тьмы, То|го зов нам, Сим, сущим в Сем как ш|ка|фу,

есть то|с|ка (ska|f — шкаф (англ.)). Час полночный — благая тоска: Сердца зов; два часа ночи — злая сви|реп|о: по Сердцу, Единству — чрез Ум в себе, Рознь, (реп|нути — т|ре|с|ну|ть (укр.)); Д|вой|ка-Зло — вой (как пса — на Луну, коей свет — Тьма, Ноль-Два).

66. Ноль и Два — Тьма одна: Атлантида-Египт. От Атлантов идя, Египтяне начальные были Ноль-Два: Ноль — Атланты они, рождены Атлантидой, а Два — Египтяне, уйдя из Ноля как Отчизны своей **(***знал сие Кон|ан Дойл, Очей муж (Дойл — доúл Тьму-Корову: пить млеко Ее — видеть-знать), в «Ма|рак|отовой бездне» писавший о зданьи на острове, некогда опустившемся на дно Атлантического океана: «Колонны, площадки и лестницы этого здания превосходили все, что я когда-либо видел на земле. Больше всего здание походило на остатки храма Карнака в Луксоре, в Египте, и, удивительное дело, украшения и полустертые надписи в мелочах напоминали такие же украшения и надписи великих развалин вблизи Нила»***)**. Ноль и Два — Тьма одна, Река-Речь: Ноль — Безмолвие, Суть ее; Двойка — покров, речь звучаща члененная: Тьма-Мать как МаМа, Ноль-Два. Земля Реч|и, мать Г|рец|ия, длима сама от Ноля чрез Ликургово дело: из Крита, земли Тьмы, взял муж сей законы свои как Ноля: Древний Крит — Атлантиды ку|с|ок; от египтских жрецов мудрость взяв и предание об Атлантиде, Солон, за Ликургом законник второй, за Тьмой Свет, — их от Матери взял: Египтян корнь — Атланты, Крит с коими в Тьме един **(**с тем, Атлантиды лик — «Крит|ий» Платона: суть Крит, часть ее**)**. Корнь Эллады-Трех — Ноль посему, Атлантида как нуль очам тьмы.

67. Ноль и Двойка — два Цикла: Цикл Духа (лик чей — Ноль), Цикл-Жизнь, в себе слитный, — и цикл матерьяльный, разъятый в себе как Сансара, плотú круг; Жне|ц жатвы всечасной его **(**жне|ць — женé (укр.); жен|ці — жнецы**)** — смерть, Жен|а с лунным сер|пом. Цикл второй живим первым — ка|сан|ьем его. Союз сей стоя — 8, где Цикл-Дух, очей бренных Корнь — Корнь-Вверху (ибо Низ, анти|под — место их); лёжа — Восемь лежачи он, ∞, Вечности знак, коя есть сей союз, где равны Циклы

эти как в Божьих очах. Оба цикла сих — Дух един: Явь — первый, Тайна — второй (кастанедовски — Силы одной два Кольцá: Сила — Дух), Луной слиты в одно, Восьми та|л|ье|й: дырою в Сансаре-плотú, ходом в Ноль. Дыркой рвана Сансара сей, ею ж — едина: Луна — Зуб змеи сей целящий, Суб-Глубь. Цикл-Дух в Сем — Век Златой, дом Пространства; материи цикл — тьма-история, времен река, Златым Веком живима чрез связь их, Восьми та|лью: Луна — она ж, бренья с Вечностью Связь-Тьма, что бренью, зер|кальна — дыра, очей рознь, в сем зерцáле узренна. В историьи Цикл-Дух, преломленный, пора есть от Индии и до Эллады, матерьи цикл — мир послеримский, а точка едина им, талия циклов — И|талия-Рим, затворивша врата в Древность нам: Roma, Amor навыворот — Рознь, не-Луна как Ум злой, солнце бел|ое Бэл.

68. Ноль и Два — Тьма одна. Ноль — январь, ген|у|арий: gen — Мать; Два — фе|враль, ф|е|бру|арий: Фе|б-в|раль, корка Сути, г|роб Ей: «бру» — «вру» (Б = В), Бру|т-об|ман как к|ин|жал под плащом, б**р**|у|д (грязь — укр.) как на Сути ко|Ра, Дол-тьма, б|**л**уд (Р ↔ Л) душ слепых как Сансара, блу|жда|ний подл|унна стезя, душ|ный склеп горних иск|р. Корка, Суть — Тьма одна. Так душа, Тьма Внутри, Ноль — едина с тьмой внешнею, тению-Двойкой, и с тем тень — предмета живей как душа его: Ноль, а не Два (явь тому — разрешенье Эллинов водить на пиры непрошённого, «тень»: душу-Ноль, Суть, *зовущу себя самое*).

69. Ноль и Два — Тьма одна. Явь сего есть **улыбка** — лук-Двойка, что стянут Нолем-т|ети|вою (ma|ur|vii — санскр.): Духом — плоть, нам не зримым (ведь зрим бренны мы Два — не Ноль), Сердцем — ум наш как Тан|трою, Истиной Божьей (tan|tri|i — струна (санскр.)). Дух, Са|мо|на|тяж|ный — Дуг|а, в Бога мост («ду» — «дву»: Два, единимы брега); с тем, дугой есть у|лыб|ка, явь Духа телесна **(***сестра Кия Лыб|ид|ь — Люб|овь, Мать, сень Ки|Ева, Ли́б|и|д|о Лебедя, Феба: Ума — Сердце*). Весе|л|ье — к Богу весл|о нам: им плоть, зла в себе, в очах та́я-топясь, с|таéт Благом: то — Бог, наша С|та|ть на у|ста|х; нипочем с Ним нам тать, тьма! Улыбка — Служенья лик: волен Служа́щий; то — Бога сед|ло: Жизни вечной, Тьмы-

Ло|на, Сед|ьмой над Шестью, бреньем-З|ло|м. Улыбаемся мы иногда, Гости ж, Любовь — всечасно. Улыбка застыла у них на устах, как у м|ерт|вых: То, Дóм их — смерть бренью. Улыбка *играет* на Будды устах точно радуга, знак Бодхи|сат|тв|ы: игр*ы*, лил|ы Суть — Тьмá, цвет коей ли|л|ов. Аристотель, муж мрачный, бил Бога в куски, Добродетель одну — в многи, ложны без оной: Ноль — в Двойку; Сок|рат, муж лук|авый, Его собирал из частей: из Двух — Ноль. Рек Менону он мудро: «попробуй и ты исполнить обещание и объяснить, что такое добродетель вообще: и перестань «делать из одной вещи многие», как шутя говорят о тех, кто что-нибудь разбивает, а скажи, что такое добродетель, сохранив ее целой и невредимой». Улыбка, Ноль-Два — корнь Сократа: Афиной, Нолем в паре сей был отец его Соф|рон|úск: sophron — м|уд|рое (греч.), Мать-Уд, роющий Вглубь (п|луг и фаллос — в Санскрите одно, lin|ga), скульптор, творец — как Тьма, Длань; Двойкой, А|рес|ом — мать, Фен|арет|а **(**«фе|н» — f|in: Тьма, Финал наш — Вакх, Фé|ба Глубь**)**, знавшая Ноль (жена — мужа: ведь знают друг друга они чрез Любовь, Тьму), науку его сыну дав. Кант, муж умный, улыбки не знал, пленен Двойкой; Свобода, Ноль Божий, была ему Вещью-в-себе. Как лик Уда, Ноля-Удо|воль|ствия, улыбка есть Красоты лик натяжный (противостремительный — греч. pal|in|tro|pos): **Лук-Мир**, Божий Lux как Тьма-Свет, Огнь очей тайный **(***lo|ok — смотреть (англ.); Кос|мос чтя,* ***Лу|к|ас*** *Дж|ор|дж — с|луг|а Огня сего иль кас|атель его: слуга — любящ, касаться — любить***)**, в Лун|е Глубь, Богом стянута как те|тивою: Два — Третьим (так зрил Красоту Ге|рак|лит); Мир и Бог — Глубь одна, сéрдца Суть: Любовь-Дружба, Одно-Два как Божий Закон. «Тугой лук — то сердечный друг», — люди глаголят. С|тре|ла — с Тре|мя, Луком своим. Кривизна Мира, Лука в очах — прямизна в сути: Мир — к Богу Путь прямой: Цикл сей (ведь Мир — Цикл, Всевышним замкнýтый) с прямою одно (так лук: гнутый, прям он тетивой); Лу|к|о|мор|ье — земля Мира, Север, врата, как в Лу|н|у, в него. Лук, Мир — К|ул|ь Бога, Хор-Ул|ей, о ком, Целом-С|части|и, мы с|кул|им-во|ем, как пес на Луну. В Паре Бог-Мир, как Глуби одной, Мир — Второй, Сатана как не-Бог, дух лук|авый: для

видящих прям, крив — смотрящим. Лукавым **как Мир** был Сократ, Сердца муж. Улыбаясь, у|лыб|кой являем Мир мы, Г|лыб|у глыб **(**лыб|идь, леб|едь — чья птица**)**, в чем тайна улыбки. **Мир Божий — Улыбка Творца, Кр|асота как по|кр|ов (ruup`a — санскр.)**[19]**, в Суть сию Лаз: Лук — Люк (**чтить без Сути ее — быть лак|еем: служить без Любви, Бога**)**. Мир, Ду|га Ра — Божья Ра|дуга (веселка — укр.), Арк|а в Бога и ра|ка Его, cow'чег-чех|ол **(**arca — ковчег, ящик, гроб (лат.)**)**, Арка|дии Суть и Фут|арк|а, стези пешеходной в Него **(**foot — нога (англ.)**)**; Луной, с|арк|офагом его, полн Т|арк|овский. На лунном лице посему арки часты, как часты мосты, Мира знак, на Земле. У Волошина сказано:

> Алмазный бред морщин твоих и впадин
> Томит и жжёт. Неумолимо жёстк
> Рисунок скал, базальтов чёрный лоск,
> **Строенье арок, стрелок, перекладин**.
>
> Lunaria

«Арк» — «арх»: Мир — Арх|онт, перво-Сущий. Улыбка Джо|кон|ды и Буд|ды — суть он, Конь Творца, Огнь раз|бу|ж|ен|ных, Лоно-Жен|а, сущих Лан. Мона Лиз|а, Улыбка — в Мона|ду-Мир лаз: стезя-радуга, спутник дождя, пастырь коей В|лес лез|ущий. Мир, Красота — Леп|ота: с Бога с|леп|ок **(***иль с|пис|ок, покров — lep/lip (санскр). Мир-Согласье, Хор, — реас|е (англ.); пик|а (укр.) — лицо: Мир, Бога образ***)**. Бог — Суть; Мир, Лик Божий — Лек|арство Ее (лік|и — лек|арства (укр.)). Миром, Ликом мы здравы: зрить Бога — быть с Ним; з|дра|вье, или з|доро|вье — Цель-Путь: Бог нагой иль **об|о|д**|ра|нный, в очах Св|обод|а их, и Мир, доро|га к Нему как д|рань|е. Дужка — душка, душа: душ́и суть — **Мир, в Лу|не Луг-Луж|ок**, чья т|ра|ва-му|ра|в|а — сущи все, мурав|ьи в Му|Ра|вей|нике сем **(**мир|ми|кус — муравей (греч.); вэй — путь (кит.): Мир, в Бога Шлях**)**. Сказано в Библии: «Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой» (Исайя, 40:6). Б|лук — рынок в|селен|ской живности (Кир Бул|ычев): трав на Божьем Луг|у, Мире вечном; б|лук|ати — б|луж|да|ть (укр.): ходить Лугом сим, бег|ать как У|луг|бек. Ступать к Богу С|тез|ей сей — с|луж|ить Ему **(**Луг — света бог у ир|ланд|цев: Ир, Ир|ий — М|ир, Огнь как служа́щий сияньем своим**)**; мэр Москвы, Космограда слуга — Лужков

Юрий. Луг — «лгу»: Мир — не-Бог как при Истине Лож|ь: Бог сто|ит, Мир леж|ит под сто|па|ми Его как по|лож|енный Им. Луг — «угл»: Мир, Угол при Боге, Кр|уг|е как угол|ь землян и Луны О|рих|алк, древо Дерева, Мира, металл-Мать. Мир есть Божий Лу|к **(**Лу|н|ы Суть, в ней как ло|не сокрытая: lo|o|k — loo|n**)**; Бог — Луч|ник, в сердцá бьющий Тьмой как луч|ом, с|тре|лой Трé|х циркурярной: луч как Огнь — цикл. Мир, Лук — Лук|ошко Господнее: Бог — Мира Глубь. Укр. б|лук|áти — б|луж|дать: Путь не знать, посему — не С|луж|ить, впав в Свет-Суд, слепоту мирску. Тьма — Очи-Мил|ость, Жизнь-Пища как **mil**|k, мол|око. С тем, улыбка, лучистая, — s|**mil**|e, от санскр. smi — улыбаться, сме|яться; кто весел — силён: с|мех — мех Духа, фа|мил|ьи-роды длящ на мил|и духовны: пространство — суть Дух, Жизнь. Улыбки, сирéчь Красоты, лак|а Бога, богиня — Лак|шми (lak|Smi|i): Мил|ость-Мать, ведь Мир — Тьма, Шар Ее; смех над Истиной дьявольский — СМИ, вер|ы слом: что хочу, то вер|чу. «Мил» — «кор|мил»: кор|мит Мир, Красота-Кор|ка Богом, влекущим в нем Вглубь как в Себя. Посему мил — влекущий **(**санскр. mil — собираться, встречаться**)**; отсель — Мил|н, компаньи веселой творец **(**«все-все-все» — Тройка, Мир**)**; «мил|лион» **(**lion — лев (англ.): То, Тьма, кров Творца, кров|и Суть**)**. Смех одним — другим слезы: сих оба — Тьма, Воздух-Вода. Демокрит, Гераклит — в ней одно: где смеялся один — другой плакал. Так плачем мы, режучи лук. Речет мудрость народная: «Лук добро и к бою, и во щах».

70. Ноль и Два — Тьма одна. Д||ел|о, Ноль в мире сем — Двойка, Шаг, и делами — идем: Нолем-Двойкою. «Спаивать» — есть и кре|пить, и г|у|**би**|ть: то и то — Тьма, Вода. Тьма, Щель, — Грань, что как Бог, Ноль, спрягает, как Два ж, Сатана, — рознь творит **(**Д|вой|ка-Грань — Кант: тесь|ма, кан|ва-к|рай; Грань-Ноль — Ка́нва (kaNva — санскр.), индийский мудрец: Мудрость — Ноль**)**; и деля Неделимого ради — в чем есть Пути труд, — Сатаной дéлим мы ради Бога, вторы как Второй сей за Ним. Быть во злé — вó|зле Истины быть: Двум — с Нолем заодно. Так одно Жизнь с подобьем ее, Полнота с пустотой (Александр — с Герострáтом: в един год родился один, а второй — храм с|па|л|ил), со Христом слит Антихрист (явь в чем

Амфесбена, змей о двух главáх сих), Со|ва — со Ва|алом: с безбожьем — Бог, с вер|ой — безверие, З|верь. Два — врата в Ноль Ар|ийцам, явь в Тайну: dva|ar — дверь, врата (санскр.). В сем веке железном, где Кали есть Матери лик, Два — Ноля, — в Матерь, Истину вход есть она: что бы мы ни ис|кали — из Кали, коль *видим*, чер|пнем.

71. Ноль и Два — Тьма одна: эллипс с парою ф|оку|сов, Суть о двух центрах-очах, коих центр она. Кеплер, Тьмы муж, знавший это, в недуге телесном зрил многим одно в рознь ему (в полиóпсии, кою имел как печать Тьмы): Ноль-эллипс — за центры его.

72. Зрить в облатке Суть дóлжно: она — Чистота. Ка|ка|ть (cac|atum — гадить (лат.)) — Суть осквернить: Двойкою — Ноль, Дух-Ка (ег.) чрез подобие, «ка|к» («огнь к огню прибавлять» — рек Платон). Зрить единство их — зрить и единство, и рознь без смешенья, врага Одного. В мире Двоицы сем, где противности разны, софист, их смешав, подменил Два Нолем, растворителем брения, к краху Эллады от Я|да сего.

73. Двойки — Нóль Суть. Д|в|оить — есть Корову до|ить (*д|вумя — вы|мя; вы|мать (диалект.) — вы|ни|мать, исторгать как из вымени млеко: в не-Глубь — Глубь*), Мать-Тьму: отделять млеко-Два как Ноль, Тьму-Дело (do — делать (англ.); Дойл, писатель — до|ил так, Тьмой полня Ил, ум). Удвоеньем Ноля — не Ума, Единицы, — есть Двойка, прямой Сердца плод, с тем — и Сердце само. Млеком сим был Египт, Двух, Ноль чтящих, земля, где козел града Мендеса — был и баран. Лишь в религии Бога-Отца Двойка эта, *едина как Ноль*, раскололась на пару «Палач — Жертва (Агнец)», Палач где — по истине всей есть Отец, Христа-Агнца заклавший. Восставить из двух сих Одно вера Отча, разъята в себе (Ум, Муж — Сердцем един), мнит не слитьем в Одно (что убило б Отца-эгоиста: он — Рознь), но одной, *половины от Тьмы*, оставленьем чрез от|кол баранов (овец) от козлищ и преданье последних генне, — губя тем Одно, кое славит наружно она.

74. Тьма, Ноль-Полность — Пустое очам. Быть Пустым, *нищим духом*, — есть Полность искать, с тем — быть Полным: един с целью путь. Так полн Тьмой был Сократ, из себя черпав знанье, суть Тьму (в чем был он с Гераклитом един: Тьма со Тьмой) и уча: Добродетель дается нам не от природы, не внешним учителем, но, волей Божьей, — у|серд|ьем своим. Говоря о себе как о зрящем незнанье свое, не пустое он знал — Полность, Мать, к коей, вечно Зовущий, был Пуст как к вину — мех его, крылья — к Ма|Х|ам их, Тьме.

75. Полнота, Ноль — единство ка|сан|ием с Богом: чрез Ть|му, Уз|ость-Уз|ы, Щель-Ноль толщиной в нуль очéй бренных: ведь нуль — они (Клей клеёв — бестолщинный: приклеить отменно — прижать поплотней, склеив Тьмой). Но|ль — Любовь, Солнце-Истина сущих: Луна их; ка'SAT'ься, как г|*ла|д|ит* Луна нас, — любить (*с сим согласно, в статье-воспоминании о дивном фильме «31 июня», где герои его Сэм (Николай Ере|мен|ко) и М|е|л|и|с|ен|та (Наталья Трубникова) встречаются на звездном мосту — Материнском Мосту Любви, Лунной Стезе, — говорится: «Общих сцен у «влюбленных» Трубниковой и Еременко было не так уж и много. Несмотря на неземную страсть, в кадре они даже ни разу не поцеловались. «Для меня случай уникальнейший. Это моя единственная партнерша в кино, с которой я не целовался, — вспоминает Николай Еременко. — Хотя в финале их поцелуй необходим. Но Наташа убедила режиссера, что делать этого не следует». // У Трубниковой на сей счет другое мнение: «Сцена нашей встречи после долгого пути через века настолько красива, что не требовала физических доказательств. Мы должны были коснуться друг друга и замереть — так я чувствовала...». Имена сих героев — Тьма: Сэм — Са|*м*|*у*|ил, Луны *му*|ж, Сердца ум, Мели|сен|та же — Сердце, Сень-Мать, сущих μέλι, Мед (греч.); «се*н*», «сэ*м*» — Мать, Ноль: М ↔ N***). Любить — Глуби кас|а|ться своей: Глубь — Любовь, Каша, жив коей мир (*санскр. а|каш|а — пространство, эфир как суть тонкая наша: Глубь, Тьма;*

мах|а|каш — кос|мическое пространство, Глубь-Мир; хри|да|я|каш — пространство в сердце, Глубь та ж: сердце — место ее). Сосуд Глуби, Луна — Бог, Центр оной; ка'SUN'ье — луч Солнца сего, Блага чистого. Сказано же:

Любовь божественная отдает себя, ничего не требуя взамен. Но лучше не говорить о том, что сделали из нее люди; они обратили ее в нечто отталкивающее и уродливое. Первое прикосновение любви у них несет в себе что-то от ее чистоты; на миг в них проявляется способность забыть себя; на миг божественное касание любви пробуждает в них все самое благородное и прекрасное, что в них есть. Но вскоре вновь берет верх их человеческая природа, в которой так много нечистых желаний, которая требует компенсации за свои чувства, спекулируя на том, что должно было бы быть бескорыстным даром, настаивая, не считаясь ни с чем, на удовлетворении своих низших побуждений, искажая и оскверняя то, что в начальности было божественным.

Шри Ауробиндо

Касанья язык поймет всякий: касанье — соитье, коснуться — войти; г|лад|ить — лад творить: гладя собаку, любовь ей являем, любимы же; гладить — глядеть: Любовь — Очи, Тьма; от «ки|с|ка» — ki|s|s, целовать. Блажен муж, прикасаясь к любимой: то — счастья верх. Сказано песнею:

Только прикоснусь к руке твоей —
Наши замедляются шаги.
Не бывает нежности нежней,
Чем прикосновение руки.

О сем также поем:

И когда я с тобою прощаюсь
И ладонь твою глажу любя, —
Ты не верь: это я возвращаюсь,
Я иду от тебя до тебя

— круг Любви замыкая: Любовь есть Кольцо, Дух-В|ен|ец; г|лад|я — лад|ит она. Так ступать — ведать жизнь как Кас|сан|дра: Любовь, Кольцо — Мир; дар Кассандры — от Феба, Любви. С тем, ка|са|н|ье ко SUN, Любви Солнцу — Любóвь та же, Cáusa сущих, знать кою — знать всё; льн|уть любовно — Лун|ой, Тьмою льнуть. Кас|са наша не злато мирское — Она, горний К|лад, С|каз|ка дней. Клич любовный в народе — «касат|ик»; свой — тот, кто касанием с нами един: Тьмой, Совой;

Демо|крит, о единстве касаньем учивший — суть Тьма: Крит, Касанья любовна земля-монолит. «Быть единым» с чем-либо, «касаться» — одно:

Англ. togetherness — сущ. 1) близость, спайка (особ. в семье), 2) духовное единение, единство душ, 3) касание, соприкосновение.

Касаться — на шаг от любимого быть (ведь касанье — Любовь), совпадать-отличаться, Закону согласно; так шагом едина с Землей Луна, шагом и в розни. Касаться — тор|катися (укр.): Любовь — Фалл, что тор|ит Глубь, Себя ж; «кас» — «кос» — Кос|ть (кіст|ка — укр.): Уд-Тьма, Кисть, мир ри|сующа. Касаться — т|р|огат|ь: Ко|ро|ву ро|гат|у как Тр|и, Мир. Кас|ание — k|is|s, по|цел|уй, Сна касанье как Матери горней; ко сну отойти нам — ко|сну|ться Ее. Сказал Кедров о том:

при|**ко**|**сно**|вение — это граница поцелуя
поцелуй — это безграничность прикосновения
любовь — это прикосновение бесконечности

Касан|ие — Тьма, Грань-Любовь, Цел|ь, цел|ящая сущих; це|ли́ть — лить Тьму, Воду. Касаньем — Тьма с Тьмой, чрез Тьму ту же — един с Богом Мир, Сер|ый Шар, Сюр|тук Божий: Огнь Греков, танцоров сир|таки — касанья, Любви. О том сказано:

Сиртаки (от греч. συρτάκι – касание) – популярный танец греческого происхождения, созданный в 1964 году для фильма «Грек Зорба». В своих мемуарах сыгравший в фильме заглавную роль американец Энтони Ку|ин|н [Королева (англ.) – Тьма, Инь – *Авт.*] вспоминает, что финальная сцена, в которой Алексис Зорба учит Бэзила на пляже танцу, должна была сниматься в самый последний день. Однако днём раньше Куинн сломал ногу. Когда спустя несколько дней съёмки возобновили, Куинн мог обходиться без гипса, но он был не в состоянии подпрыгивать в танце, как это требовал сценарий. Режиссёр фильма Михаэль Какояннис расстроился, но Куинн обнадёжил его. «И я танцевал. Я не мог поднимать ногу и опускать её – боль была нестерпимой – но я понял, что могу волочить её без особого дискомфорта. Тем самым я придумал танец с необычным скользяще-тянущим шагом [скользить есть касаться – *Авт.*]. Я вытягивал руки, как в традиционных греческих танцах, и шаркал по песку». Впоследствии Какояннис спросил его, как называется этот танец. Куинн ответил: «Это сиртаки. Народный танец. Меня научил ему один из местных жителей».

Коснуться предмета — его ощутить (надавить же — сломить и ис|пор|тить); в беседе «коснуться» (вопроса) — поведать. Касательна Ис|тина — Бог как Твердь-Кос|ть (кістка — укр.). Тверд Им кес|арь, ко’**s**|**ar**’ь благ земных; Коса|рь бренных — Луна: Мать-Любовь, дев Коса нерасплетна (*распущенность* — каз|нь от Нее), бренью смерть как дыре от Любви. Казан Глуби и Глубь, Мать-Луна — Казан|ова, с Кузан|ским единый: в Любви Два — Одно. Русам, нам Она — **Матерь Казан|ская: Глубь, что пришла из зем|ли длить Тьмы цеп|ь чрез Рим *третий*, Мо|с|кву-Кос|Мо|г|Ра|д, что с Казанью одно: Mos’Cow’sa|n’ь**; Мать, что лечит как Чудо — и губит как каз|нь (*Мать как милость и казнь — смерть за левым плечом нашим: тронуть его ей — забрать нас отсель. Казнь земли Русской, Мать-Луна — Лен|ин: Се|ленин, казанский студент*). Суть иконы Казанской — мо|щна: **Сир|отою Казанской как Матерью, ко|ей она лик, есть Мир, в Луне Глубь как Одно, Сер|ый Шар**. Об иконе сей сказано:

В конце июня 1579 года в Казани случился пожар, уничтоживший большую часть города. Пожар начался с дома Онучиных. Священномученик Ермоген пишет: «Оттуда праведный гнев Свой Господь за наши грехи испустил, оттуда же, близь места того… показал нам и светящиеся благодатные лучи и источник исцеления». // Через две недели после пожара Богоматерь трижды явилась девочке Матрёне Онучиной во сне и повелела возвестить архиепископу и воеводам города Казани, чтобы они обрели её икону в земле на месте пепелища двора Онучиных. Словам девочки не поверили, а Богородица являлась девочке ещё и ещё раз – трижды. Тогда Матрёна с матерью стали заступом копать в указанном месте, где до пожара была печь. На глубине трёх локтей (около метра) обнаружили икону. Одним из первых очевидцев этого чудного явления был скромный священник Никольской церкви Ермоген, который впоследствии стал патриархом всея Руси. Он писал: «…чудотворный образ чудно сиял светлостью, как будто вновь был написан красками, тогда как земной прах нисколько не коснулся того чудного образа, как сами мы видели». // Есть особый смысл в том, что Казанская обретена в недрах земли. Своим явлением Божия Матерь освящает стихии нашего мира – огонь, воду, воздух, растения и землю. В огне и на воздухе явились иконы Толгская и Тихвинская, на водах – Иверская, на деревьях – Феодоровская, Жировицкая. Казанская пришла из недр земных, как человек пришёл на Землю из её праха. Эту мистическую

связь Богородицы с Землёй глубоко почувствовали на Руси верующие люди. Не случайно зовут в народе Землю – Мать-Земля, а Богоматерь иногда в молитвах именуют «Землею благою». // По иконографии Казанская сродни «Одигитрии», в ней красота и мощь, она способна вливать силы как в одного человека, так и в целый народ. Свою чудесную помощь икона явила в Смутное время, ровно через 33 года после обретения, когда Россия подверглась вторжению польских интервентов, вынашивавших замыслы посадить на Российский престол чужеземца и иноверца. Польские войска взяли Москву, захватили в плен и заточили в темницу патриарха Московского и всея Руси Ермогена. В заточении патриарх молился Богоматери, из темницы до русских патриотов доходили его призывы, чтобы они «крепко стояли за веру, унимали грабёж, сохраняли братство и, как обещались, положили души свои за Дом Пречистой, за чудотворцев и за веру». И вскоре возникло нижегородское ополчение Минина и Пожарского. // (…) Особую, наиважнейшую роль Казанская икона сыграла в Санкт-Петербурге. Известно почитание этой иконы Петром Великим. В 1709 году накануне Полтавской битвы царю сказали, что в селении Кап|**лун**|овке находится чудотворный список Казанской иконы Божией Матери. По государеву указу образ был доставлен в стан русской армии, который расположился под Харьковом. Ожидая сражения, царь долго молился пред иконой Божией Матери, он повелел обнести образ пред полками. Во время битвы 27 июня икона стояла на поле боя. // В честь великой Полтавской победы Пётр I построил Сампсоньевский собор в Петербурге, куда первоначально и поместил Казанскую икону. Есть крепко утвердившееся в народе предание о том, что Казанской иконой благословил Петра Великого святитель Митрофан Воронежский ещё до основания Петербурга: «Возьми икону Казанскую Божией Матери – и она поможет тебе победить злого врага. Потом перенесёшь эту икону в новую столицу… Казанская икона станет покровом города и всего народа твоего». // (…) С иконою этою связано восшествие на престол Екатерины Второй, которая в храме ее была провозглашена императрицей, а её семилетний сын Павел – цесаревичем. Так Казанская становится ещё и покровительницей российских императоров.

Любовь — Огнь, ду́ши жгущий; любить — что kas'таны таскать из него: душа — длань; огнь Любви греет нас как kas'не, ш|ар|ф-Шар, арф|а ушам. Тьма есть Очи; вершимое Тьмою, **касанье есть Вз|ор, доказательство Жизнью, разящее всех, кто *в уме***. Ибо Жизнь — Очи, Тьма; лучший путь убедиться (с тем — цельность стяжать: умом — сердце) — увидеть очьми (*как Фома, он же То́|мас, «разъятый» (греч. то́мос — делить); Бер|ли|о|з, быв неверящ в Творца, веры и не желал: атеисту Бог — нуль*). Муж Любви — Кас|тан|еда. **Касанье — Контакт**: Тьмы-Любви с тьмой-Враждою как Сути с облаткой, чтоб ведала та, че́м

жива она, Вечности с бреньем — Два ради Единства. К|асан|ие — а́сан|а йога, зов горний аза́н, Тьме осан|на. Касание — Б|лиз|ость: лиз|ание лез|уще, Б|лес|к-Б|лиз|нецовость: в Любви Два — Одно (как Ашвины, Любвú капли); лезет — Тьма, Уд; язык наш, орган лезущий Речи, Любви, — уд Еé ал. Э|л|из|ий — лиз|ание Богом (так львица львят ласково лижет своих), Рай. Касание, Уз|ость — суть Узы: Щель-Тьма, коей все спряжено: ведь Тьма — К|лей. Пустота пустоты, Двойка-Зло — **без касанья единство**: со Богом — чрез Дьявола, щель-Рознь, Вражду: тень Творца, он — звено связи с Ним, щель от Щели, тьма Тьмы.

76. Ноль, Тьма — Бог как трагедия, Сердце, муж чей есть Соф|ок|л сово|ок|ий; тьма-Двойка — ко|ме|д|ия, Ум: Арес-Дьявол как Арис|то|фан, Ум-фан|а|тик, враг Сердца-С|о|к|рат|а и фан|тик-фан|том сути сей, коя есть Жизни рат|ник и сок (*«Жизнь — трагедия для того, кто чувствует, и комедия для того, кто мыслит», — рек Жан Лабрюйер. Им же сказано: «Склонность к осмеиванию говорит о скудости ума» — как бессердности его: богатство ума — Сердце; и «Хороший острослов — дурной человек»: ер|ник — С|ер|дце, Эр|ота, поправший умом; ю|м|ор (h|u|m|or — англ.) — ум-смерть (mor|s — лат.): Фейербах, юморист по речам*).

77. Тьма есть Жúзнь, Свет — со|суд ее, без Тьмы пустой, сиречь мертвый в себе. Свету Тьма — Колы|бель, что колы|шет его, Бел|изну, на волнах своих: Тьма, Жизнь — Вода, Гр|уз благой наш, что нам как сосудам-умам дóлжно несть, Уз|ел уз, Богом вязаный ради Единства. Жизнь нам *облегчать* — Груз сей кра|сть (в чем есть техники труд и **машины Вражды**), у|ко|р|а|ч|ивать век. Полность Тьмой — ор|ган|изм: Ор(Ноль)-хан (Г = Х), Жизнь царяща; лишенность ее — ме|х|ан|изм: мех (сосуд, покров)-хан: смерть-владыка.

78. Ноль с Двоицей — две непрерывности: Жизни и смерти, Любви и Вражды, органическа и механическа. Первая в сути — Пространство, вторая же — время, Утраты оплот. Первой явь организм есть живой; явь второй есть **конвейер**, творец чей Фор|д, «сущий для Дамы» (For D|ame) — раб Тьмы-Д|вой|ки. Кон|вей|ер, для

коего создан конвейер его (19**13**) — **механический Мир, Кон|ь, что ве|ет в сердцах: *мировая* вой|на (1914), Вражда в сути**, над миром сим царь. Ей-то, мрачной, в угоду запел сладко мир про «непрерывное образование», кое суть способ машинизации — махинации, профанации — Человека чрез **пере-образованье** его, **образованного уж изо Глуби своей, явить кою — учебы долг**; чрез перемолку сей Глыбы, попрание Сути подобьем ее — ей в подмену, поистине как «добавлением огня к огню», рек Платон. Труд сей злобный — Бол|онский процесс: Сатаны, Бэл|а ход как конвейер, творящий не личностей, полных людей (Homo sapiens), а умельцев пустых (Homo faber) как полу-людей, людей-части без Сути своей, Полноты. Самый дух непрерывного образованья не есть становление личности, он — **профессионализация**: сведе́ние человека как богоподобного целого в жалкую часть, коею есть у|мел|ец, суть д|роб|на («мел» — «мол», молоть-сечь) как победа идеи над Жизнью, над Сердцем — Ума. Сему знак то, что в англоязычном названии непрерывного образования Life Long **Lear**|n|i|n|g, «обученье чрез всю жизнь», взамен полнокровного имени «образование» (e|duc|ation — Путь к Богу, в Суть) взято имя-пустырь «о|буч|енье» — сире́чь о|быч|ение: сведе́нье Сердца в Ум, **lar**'ь его, злого Быка без Коровы как Сути своей. «Образование» это столп свой зрит не в Боге — в профессии, деле от|дель|ном от Дел|а сего, сиречь следствии, а не причине. Так мы, зря, как Дарвин, корнь свой в обезьяне, становимся ею, себя утеряв как Господне дитя.

79. Тьма, Сердце — Суть; Свет, Ум — пол-Сути, Коровы Рог-Рок; в умном мире сем до|ро́га наша — к нему. Тьма — Причина, Свет — Следствие; их поменять, воцарив над Женой Мужа — Мир зрить вверх дном[20]. Стоя, Тьма — Верх, Свет — Низ; лёжа, Тьма — Лев|изна, Правизна — Свет. Жена, Ву|льва — льва́ Суть, дом чей — Э|л|ев|син, Вак|ха место, Эл|лады ку|п|ел|ь. Гений Тьмы Алек|сан|др[21], лев в бою (бой со львом, с царем царь — страсть его), ра́вно бился и левой и правой рукою: Причина, То́ нам, — в сути оба, и Это и То, Мира страны; Мир, синтез их, стоя над ними, не ими сложён, но Творцом как Причиной своей, Простотой, из Нее

состоя. Тьма есть Лев, зверь решительный: so|lve — решать-растворять (англ.): для Тьмы победить — растворить; и проблему решив, растворяем ее, от бытья от|реша. Левизна — страна Сердца, Причины; л|ев — Ев|а, лев чей Сфинкс в пустыне Ли|вий|ской, Луна на Земле. К|ле|в|ет|а — Тьма как Зло, Вет|о нам; к|лев — удача в Воде. В Правизны мире сем дух, Тьма-Глубь, сущий слева в нас, справа выходит вовне: посему правый глаз и рука наши — левых сильней; в Тьме ж сильнее левша, дух исходит чей прямо — не накрест: Тьма — в Тьму; и по левую, старшую руку Аида сидит М|и|н|о|с, главный помощник его. Ма|с|тер полный — Ле|вша (вше — как Малости, Тьме в Сем — под|ков|ы прибивший, Лес|ков|а дитя): Тьма, Длань Бога — Творец; и, удар нанося (бой — искусство, суть Тьма), шаг вершим ногой левой, опорной: Тьма — сущего Сто|лп. В мире пра|в|е|д|ен — с|вед|ущий в Прав|ом: в Уме — Сердце, Левое-Лев.

80. Сердце — Левое; Правое — Ум: пред Творцом, Левым — **Мир, Дело Правое Бога** (Дитя есть родителя труд).

81. Сердце — Бог, сущий слева как Суть; сущий справа, Ум — Дьявол, не-Суть (им есть Мир, каз|емат наш) как мас|ка Творца. В уравненьи Эйнштейна так сущ слева Дух, справа ж— мас|са как маска его, Дух в утрате (так маска Свободы сей — Долг (mus|t — англ.)). С тем, все диктаторы, Дьявола слуги, зело любят «массы трудящихся»: Дьявол есть царь пустоты. Имитатор, таясь за личины, срывает с иных маски он, чтоб предстать как противник их — Бог, гола Суть.

82. Сердце, Тьма Божья — Полность; Ум, Свет — половина ее. С тем, родилище, Сердца сосуд, чр|ево Евы, Жены, — чрес|ла, бёдр|а ее с ма|т|кой в них, Нолем в Двух как Тьмой в тьме **(***«чрес» — суть чрез, че|р|ез: вход в Чер|ноту как раз|рез: Сего — с Тем***)**; чре|во ж Мужа — бедро как от чресл половина, из коей родили и Брахма, и Зевс. Бедро — femen (лат.): Жена, Фе|мин|а как Суть. Синтез бедр, матка — Полность Жены, Ноль-сверх-Двоицы **(***синтез частей бо|льше их, взятых врозь (с тем — **до** них: больше — старшее), на каплю Бо|га как Полности-Клея Всего***)**; бедро ж чистое — пусто, само не творя **(**Вакх не Зевса

дитя, но Сем|ел|ы: Сем|ь, Сем|я — Жена, смел|ых С|тяг, Нос-НеСущее, нос|ит — она; с|пер|**ма** — Жена, не Муж**)**. Пол|нотой по|л|ов|ина жива, Сердцем — Ум, полный им как бед|ро, Тьмы вед|ро **(**вед|ать нам — бед из|бе|гнуть: беда есть неведенье нам; упредить беду — бди|ть; б|е|д|а — в|е|д|а|ть да|ет, е|да наша**)**, где плещется Вед|енье это; б|ед|ро, пол-Тьмы — Мужа Яд|ро-Суть; бедром золотым, Фебу люб, мечен был Пифагор посему. Мир сей — бед|ра|ми б|одр: с ними Жизнь он, храняща от бед нас, без них же — одр, смерть. Из бедра — Вакх, Христос — из бедра, **Бог из бок|а**, створив Девой деву. О том рек ей глас: «Бог из боку твоею пройде». В бок войдя Ма|х|а|м|ай|и, слон белый, Луна, тем зачал Будду в ней.

83. Сердце — Поле, а Ум — Ка|б|и|н|ет: Куб, что Сферой сей жив как поле|том душа. Муж Ума, Кант с тем был кабинетный философ, суть муж *головной* (глава бренная — ум), что ни странствий не знал, ни пиров. Сердце — всадник, а Ум есть сед|ло ему; Канта отец и был мастер се|де́л|ьный, чье дело, седло чье — был сын. К|а|нт — Ка-анти, не-Тьма: Ум — не Сердце. Рек Вл. Соловьев: «Положительная сущность этой [Кантовой — *Авт.*] философии может быть выражена в двух словах: зависимость мира явлений от ума и безусловная независимость нравственного начала», — сиречь седока от седла. Посему ж главу Канта зовет Соловьев «не|по|мер|но разви́тою» — Сердцу в ущерб: Ума́ мера — оно. Сердца муж, Соловьев не любил наук свет|ских, Ума; Кант — любил: ведь Умом был он сам.

84. Сердце, Тьма есть конец наших странствий: вступивший в него — в Боге уж. Тьма — гонец Бога: То как В|есть нам, Сим.

85. Бог — Тьмы Тайна-Су́ть. В «К|ал|и», имени Тьмы (коей суд — апо|ка́ли|пси|с, Тьмы апо|гей детям Геи, Земли), Он — Средина, «ал», меж К и И — Ки, Дух, Тьма Божья; в имени «Но|ль» Он — конец: Суть — Второе очам бренным, корке на Ней. **Бог есть чистое Я наше**: Тот, Кого до́лжно искать и обресть как Себя Самого, Кого мы у|тер|яли у тер|ний в плену. О том сказано Сковородою: «Познать себя и уразуметь Бога — один труд». Тайну сю как Пропажу — да ищем: с Ней встреча — с Собой в|с|тре|ча наша; С|еб|я, сойдясь — вспомним, С|тре|мя|сь[22]. Бог, Я наше,

есть ве́домый ис|кон|и нам Да|тель благ: Благо — Он; Сатана, Ум пустой, не-Я — тайный противник, душ вор, под|мен|итель **(**Ди|Я|вол — Дву-Я: ложь, примысленность**)** — Блага на Зло; и судь|ба, меж неведомых двух путь, пустой (рек Платон), есть от Дьявола к Дьяволу путь, путь Суда.

86. Бог-Мир — Д|о|м наш **(***врата́ куда — смерть, Я|ма бо́г чей: Я-Ма|ть-Ть|ма, Во|рот|а; из но|т Мир — «до» (путь — яп.): до|йти им до Бога нам до́|лжно — до Sa|t; не дошедший — во тьме: doSa (санскр.) — недостаток; ошибка***)**; Диавол, не-Бог — тень Творца и покров: ад — навыворот Да, Бог. Бог — Да, Сатана — Н|е|т, «не-ети»: лишенность Любви; «еть» (что делать?) — со|ить|е: Любовь, Акт Небес и Земли. Отрешая покровы Творца, кои Дьявол, — Творца познаём: чрез себя — Себя; Господа близя, величим Его, умаляя Диавола в шаге любом; из Диавола-Бога, покрова-и-Сути, кем есть мы, Идущи, — являясь, Достигши, как Бог, горня Суть (дос|тиг|ать — есть быть тиг|лем Огню, с ним сойдясь). Бог, Я — Глубь-Высь, мнит кою за Дол мнящий Высью себя; Бог — Ед|ин|ый, суть П|ища-Внутри (ища кою, мы живы Путем, живым Це|лью сей, а без нее — пищи|м, г|лад|ные. П|о|иск есть писк по Творцу, как пищит по кор|мил|ьцу п|тен|ец, тен|ь его: П|ища — Суть). Вольно ль, нет, Глуби сей жаждет всяк как Себя Самого **(**знак чему — исторжения стыд: что исторглось — нечисто; исшедшее в|Он — из Жены, Глуби, в Мужа, облатку ее — в|он|ь, чужд коей боец, рат|ник, Силы в|рат|а-рот, как Тьмой ею полним: с|рат|ь в Действия час — трусу боя бояться, вовне из|вер|гая из Глуби, Тьмы-Истины (ver|um), лишаясь ее тем; безмолвье — сверх слов: Глубь оно**)**. Бог — Свобода-Уз|да, Узы Да: вольный истинно — в Нем сущ как Сути исконной своей, Да|о; вольный же вне Его — Дьявола пленник, уз Нет, кои есть Сатана без Творца, Кан|дал|ы, кан|уть данные нам. Повелитель себя — слуга Бога: ведь Я наше — Он; а иных без владенья собой — Сатаны слуга **(***рек же в «Меноне» Сократ: «Если бы я мог повелевать не только собою, но и тобою, Менон, мы бы ни за что не стали исследовать, можно ли научиться добродетели или нельзя, прежде чем мы не нашли бы, что же*

такое сама добродетель. Но теперь, раз ты и не пытаешься повелевать собою, не желая терять свободы, а мною и пытаешься повелевать, и повелеваешь, я уступлю тебе – что поделать?». Знал му́ж сей: покорный — свободен в тюрьме, коя есть Дьявол, Рок).

87. Тьма, Небытие — Ноль. От Ноля — Бытие-Единица и Два, лик Ноля в Бытии, в миг единый творимы; Два в паре отдельной сей — суть, Единица ж — покров. Посему Единица в себе не одно, но едина Нолем лишь: Тьмой — Свет. Единица в себе — Отрицанье-Рознь: UN|O, Один — от UN, «Не»; Ноль же есть Утвержденье, Клей: для U|NO — NO|ль. Нам, бытийным, Два — плод Единицы: Ноля мы не зрим, ведь он Не-Бытие. Посему Двойка нам — Единицы тень, тогда как то — тень Ноля, что реальней для *видящих*, чем Единица: тень — те́ла живей (что зрит *видящий*, маг; Александр, Тьмы посол, укротил Букефала, скрыв тень от него, пред какой как пред сутью своей тот без|умствовал: Суть — Сердце)[23]. С тем, Единица есть Рознь-и-Единство: Единства, есть Суть ее Ноль, Розни ж — Два. Бытие посему, как меж молотом и наковальней, лежит меж двух Тем, в сути ж — в чреве единой, причинной ему Тьмы: Единство иль Рознь, Ноль иль Два — Тьма одна (см. *рис. 2*). Рознь в себе Бытия — его ненависть к сущим как в сути к себе самому: не единый в себе — и в иных чужд единства, враг Тьме; Тьма, Ноль Божий — Единство, Любовь. Чуждым быть её — быть эгоистом: любящим лишенность Себя; быть единым со Тьмою — Себя есть любить, с тем — иных: чрез Одно — Два, корнь многости сущей[24]. Себя не любящий — не любит иных, ведь любить ему нечем: Собой быть — Себя есть любить нам как Суть свою, Глубь, коя есть Бог-и-Мир[25].

88. Тьма как Сердце-Ноль — Истина; Свет, Единица-Ум — Ложь; и в очах благих, вечных охвачена Истиной Ложь; в очах злых, бренных — Истина Ложию, Сердце — Умом как смерть жизнью: ведь Жизнь в очах сих — смерть, смерть — жизнь, и Мир в них сущ вверх дном. Войти в смерть нас как в Жизнь сверх смертей, сверх облаток Суть их — учит «Б|а|р|до Т|хо|д|ол», Книга Мертвых тибетская, облатки эти уча распознать как Зло, смерть, и избегнуть их — с тем. Вот чему учат нас Книги

Мертвых: Египетска — как выйти в Истину: День, ночью мнимый; Тибетская — учит тому ж негативно, уча, как *не выйти в Ложь* из Лжи теперешней, из Сего — в ложное То, *дважды Ложь*: ведь во Лжи мы уже́, и пасть вновь — есть умножить ее, Рознь на Рознь.

89. Тьма бытийным нам — То; Бытие, Свет — есть Это: очами причастны ему преходящие мы, ведь оно, умирая, родится опять, с ним — и мы. С тем, для сущего в Этом — есть То, а для сущего в Том — нет Иного: Тьма — непреходяща (отсюда опорная для Ас|сир|ии, земли Тьмы, идея о несуществовании загробной жизни: для Тьмы, коей был ассирийцам мир сей, нет Иного, Того). Тьма как То — Высь нам, Этим, очей Суть-Опора; с тем, древо ее — эв|кали|пт, др|ево Евы, из древ наивысше *врастаньем во Тьму*. Тьмы плод красный — кали|на: Тьма — Я|год|а, кормяща Суть **(**год|увати — кормить (укр.)**)**; Тьмы место, где витязь со змеем встречался для битвы — как Сердце с бессердным Умом, с Сатаной Бог — Калиновый мост. Зверь Тьмы — мам|онт, при Матери живший. Тьма — кали|й и лит|ий: дух щел|очи жгучей их, щели творящей в вещах — Огнь надсветный, Щель-Тьма как Caúsa пекучая **(**káus|tik — жжение (греч.).**)**

90. Тьма — Московии корнь: Mos|co|w = mother + cow = Корова-Мать (русские, люди Москвы — «мос|калú» (укр.)). Москву посему основал **Дол|Г|ор**|укий: Тьма — Божия Длань; а вскормил — Ка|л|и|т|á; град сей с тем — в Кос|мос м|ос|т как длань Юрия, коей взошел Юр|ий ввысь **(**как в Ру|сь — Р|**ю**|**рик**, вар|яг: Небо — С|вар**)**, победитель т|юр|ьмы земной: UR — **O**|**R**|IS, Тьма, Мать-Сова, С|ва Слав|ян, **С**|ла|**в**|**а** их, Ри|***С***|***ова***|*л*|*ьщик* вселенский, печ|ать чья в плотú нашей — дол|гие (д|лин|ные) руки (Длан|ь — Длен|ье) и долгий же нос, что суется везде (до|лог — долг, Тьмы кап|кан). Но|с нетленный **(**per|en|nis (лат.) — вечный**)** — Тьма-Матерь, нос|ящая нас: Черный Огнь, Фаллос душ, вечный Sop|hia-Нос, что со|п|ит и со|петь не пре|ста|нет **(***со|пел|ка (со|пíл|ка — укр.) — д|уд|ка, с|ви|р|ел|ь, радость Пана: Тьма — Пе|с|нь***)**. Тьма, Нос, есть Дио|нис: ніс — нос (укр.); «нис» — низ: опора — то, что внизу бренным нам (очам вечным она — Твердь-Вверху). Тьма как

Нос, о́ст|ра суть, есть Корнь г|ноз|иса: Сердце, торящее Ум как причина его. Так торит Бу|р|ат|ино, Бур-Мать, Черный Огнь **(**бур — бор, Ор, Матерь-Ноль; burn — сгорать, гореть (англ.)**)** хол|ст Отца хол|остого **(**ведь Уд есть не он, хол|л хол|одный без Сути — Мать, Суть**)**. Тьма, Нос-Фалл — нос орлиный. Имел его Кецалькоатль, змей пернатый близнечности, чтимый как Якатекутли (Yacateuctli) — Глава Головного Отряда, его Острие (нос, сующийся первым), как Якаколиуки (Yacacoliuhqui) — Тот, У Кого Орлиный Нос, или как Я|ка|п|ит|цауак (Yacapitzahuac) — Заостренный Нос: Господом-Тьмой — не иным. Но|сат Го|г|о|л|ь, Тьму знав как Вод|ителя, Гол|ов|у; с ним — Си|р|ан|о́, муж-герой, сир поэтов, чьей ран|о|й была Тьма, Ка|рана-Любовь. Ло|м|о|но|с|ов, сей г|е|н|и|й российский **(**«лом» — «лон» — «лун»**)** — Нос-Сердце, лом|ящий барьеры Ума как Мон|ада монад; ло|мать Ум, ло|кус-нуль — Мать велит: Сердце — Суть, что стяжаема Сутью само́ю: Любовью — Любовь. Носат Носов фамильей — муж, полной узревший Луну не извне — Изнутри. **Тьма — Мета́: Цель-и-Метка (**кто ме|т|ок — в очах Тьмою полон: Тьма — Очи**)**, что метит изб|ра́н|ных ее. Тьмою мечен мудрец: М|уд|р|ос|т|ь — Тьма; Тьмой — любовник: Любовь — Тьма **(**таков Каз|а|нова: Коз|ел-Сатана, нов|ый Свет (древний — Бог)**)**; Тьмой — убийца **(**каков Ка|р|а|к|о|з|ов, убийца царя**)**: ведь смерть — Тьма; с ним — гл|ум|итель святынь: храмов **(**как Гер|остра|т: Her — Причина, Тьма, коя остра**)** и могил **(**Гов|а|р|д Кар|тер и лорд **Кар**|н|ар|**в**|**он**, фа|р|а|он|а из Тайны исторгшие: Тайна — Тьма, Кара пустых; враг Ее — Пирамиду в|зло|ма|вший Кали|ф аль Ма|му|н**)**.

91. Бытие — Бык. Бытийный, рогат человек. Посему обретенье Себя в дзен-буддизме — поимка Быка, поймав коего как Б|у|д|ды суть, его до́лжно объездить — забвения ради его: превзойти, став единым с Коровою, Матерью-Тьмой, про|буд|иться от плена к Свободе. Объездить Быка — есть его превзойти и вместить как Ум в Сердце, **обрезав тем сердце свое**, как велит Бог: об|рез|ать — Об|рес|ть.

92. Тьма-Ночь — Света-Дня суть: Тайна — Яви как Вакх — Феба (Ден|ис, День — суть Дионис); Д|ен|ь — en, Тьма. Тьма без Света и Свет безо Тьмы — неполны: Мир, Единство их, есть Полность их, коей явь — Сутк|и нам, Ночь-и-День в сотк|новении их: Су|т|к|и — Сут|ь, сиречь Истина, Sat; Со|ткн|овение — Ткан|ь мировая, Тьма-Свет.

93. Бог — Един. Мир, единый Им — тройствен. Из Мира зрим (так глядим мы, миросущные), Бог един в Трех. Кто Единство сие над Тремя чтит, познáет Творца, взойдя к Нему чрез Мир, а кто Три над Единым — утратит и Бога, и Мир, Цель и Путь, став без Двух сих ничем. Так Эллады кончина — безбожная Тройка была: позабывшая место свое.

94. Мир — за Богом Второй изо Двух; а из Трех Тьмá — Вторая, Свет — Третий; Четвертого ж — нет (или есть иллюзорно оно: Четверица — материя, тьма). Мир есть Цикл, что без Бога разóмкнут, не сущий, а Богом — замкнýт **(**как зубами Дра|к|он|а, иль Змéя, каков Мир, без Бога *беззубый***)**, с тем — есть как Река кольцевая, из Бога и в Бога текущая как в свой И|сто|к **(***мировое Ньютоново время, в себе однородно — онá суть: Мир как Всё, В|езде и Всегда***)**. Нет Реки без него: Исток — Суть, Река — образ ее; усомниться в истоке реке — течь престать. Знал его Гераклит, говоря: все течет, ибо есть у Реки Исток, Бог; Крат|ил **(**власть Ума, Ил|а-Ил|и; Платон же — власть Сердца, И**)** — Бога не зрил уж, сказавший: течет — ведь течет, сиречь *есть лишь Река* имманентно **(**«Я — Это»: Покой, невозможность течения; а Гераклит — «Я есть То (Мир есть Бог)», Переход как теченье сие**)**. Миросущны, мы рéки Рекú, Мира, с тем — чтить Истóк должны: Гóспода, Корнь **(***рек Плутарх: «нельзя считать незначительным начало ни в каком деле. То, что не пресечено в зародыше, быстро возрастает, ибо в самом пренебрежении оно находит условия для беспрепятственного развития»***)**. Лик Рек|и-Мира — год (рік — укр.), цикл однократный: закончился он — обернулся Мир в нас (укр. річний, годовой — рус. речной); год — ход (Г = Х): двигаться полно — в Себя преходить **(**х|вост кусать как змее кольцевой, коя Мир;

Суть стяжать как Вост|ок, Се́рдца дом**)**. Как Река, Мир — Одно без измен **(**дважды в кое вступить невозможно: Одно, Суть — сверх Двух**)**, а в себе — Перемена. «Лишь то, что подвержено изменению, установлено и определено», — сказал Василид Александрийский. Тако́в Мир: текуч, Богом дан твердо он.

95. Богом замкнут, Мир, Цикл — Путь един: в нем Начало — Конец как Причина его, Высь-без-Дола, без Двойки Одно (Путь наверх, вниз — един); Цикл же в розни, Мир есть два пути: рознь творит точку Дна, анти|под Выси, с нею — пути вниз и Вверх, суть Уход и Возврат, где Возврат — ст|а|р|ши|й, Господа *видя*; Ухода же бог, цель отдельна — Диавол, от Бога дыра, кою Господом мнить — есть не *видеть* Его. Гегель старшим зрил путь не Вверх — вниз, в коем Дух, из Себя выступая, идет в не-Себя; муж-Рознь, Гегель не зрил: из Себя выступать — Суть терять, ложь стяжая. Зрил он два пути, не умевший избрать из них; Ниц|ше ж — оди́н видел лишь как безвыборность, цель коей — Дно: Дьявол, дырка от Бога. С тем, Рост наш, Подъем, сему мужу был ходом пустым вкруг Творца без То|р|енья в Глубь эту (ведь Глубь — Высь) — в незнаньи Его; пустотою замкну́т, путь сей был **из дыры и в дыру**. Зрящим Мир Единицей (каков и есть Камнь сей) Уход есть Возврат; зрящим Двойкой его — они разны: зрить та́к их — есть в Двух зрить Одно без смешенья их. Мнив Два Одним, их смешав, — Ницше смерть зрил за Жизнь, мня Уход за Возврат; Мира Круг, Полнота как Одно, где Идут ради Цели — ему, полным мним, половиною был имманентной как **ход для себя**: бесконечность дурная — без Господа, Меры, возврат, в никуда ход. Ведь Цель сущих — Бог как Све́рх чистое; людям Он — Сверхчеловек, парный им. **Человек — Сверх лишь как поход к Богу: ведь целью жив путь**. Бог есть Цель, человек — Путь-Идущий. Сего не знал Ницше, Путь сей взяв за Цель и за Путь, Одно за́ Два — стяжанье себя имманентное, где Я есть Это, тогда как на деле Я — То: Бог в Луне, се́рдца Глубь.

96. **Человечность без Господа, Сердце под гнетом Ума — г|у|м|а|низм есть**, о коем, пленен им, писал Фейербах: суть его есть «не верующие люди, а думающие,

не молящиеся, а работающие, не стремящиеся в занебесье, а изучающие мир посюсторонний, не христиане — полуживотные и полуангелы, а *люди во всей полноте*» (курсив наш) — Ум, сочтенный за Сердце (хоть истинно думает — Сердце, что с Верой одно: верить — думать, не верить — и дум не иметь), половина — за целое, за жизнь — смерть, Мир кверху дном, где причина есть мы, бренны, следствие ж — Бог. В гуманизме Ум х|вал|ит себя, хотя до́лжно ему Сердце с|ла|в|ить: Начало — оно. Гуманизм, Ум-гордец — Се́рдца боль, что носили в себе оба Г|ум|боль|дта. Старший, Вил|ь|гел|ьм, государство зрил личности коркою мертвой, народа не зривший как **Родины, Двойки живой, сердцесущной**: Двух Суть — Сердце, Ноль; Александр, младший — Мир, Сердце-Ум, зрил как Ум, половину от Мира, физический Космос (так зрил Аристотель, с кем муж сей законно сравнён). Гуманист, *человек человечный* («Я — Это»), есть Бог для себя, Сатана как дух Зла; *человек Божий* — служит Творцу, *видя* в Нем и Владыку, и Суть к Обретению («Я — То»). Суть Божьих людей — мудрец, соф: человек ради Мудрости; суть гуманиста — софист, мнящий наоборот. Человек-Бог, суть-Два, Ложь, — ведь Суть есть Одно, — Фейербаху, как Ницше за ним, был Двумя, ведь писал этот муж: «бесконечная или божественная сущность есть духовная сущность человека, которая, однако, обособляется от человека и представляется как самостоятельное существо». Человек-Всё, Два, — суть человек-нуль, ничто; Фейербах — гений Маркса, певца мас|с, за|маз|ки людской под личиной владыки Земли. Так под маской Сверхличности, данною Ницше, скрыт жалкий тигль Духа, снаряд для работы его, безполезный **себе**, коим Гегель мнил нас. Человека не зря как отдельную суть, парну Господу, муж сей, Ваала служитель невольный — и Бога не зрил посему.

97. Сердце-Ум, Мир — Двух Путь: Сердце сходит им в Ум, Низ, Ум — в Сердце идет, Высь свою. Сердцем, сшедшим во Ум, был Христос; Умом, в Сердце взошедшим — Сократ; и, идя так, сошлись оба в смерти: во грани, Суть коей Бог, Клей, — где Сократ, быв Умом, Сердцем стал. Так в Контакте с Гостьми нашем

Гости из Сердца зрят, мы ж из Ума, и грань Встречи — смерть. Ум, Сердцем жив, есть путь Ввысь **(**каков есть дзен-буддизм: Путь-Ден|ь, Ум**)**, Ум в себе — вниз, окольный бессердно, ведущий к Творцу в рознь Уму, Бог кому есть он сам: Дно с Вершиной — в Едином о|дно.

98. Мир, Путь — Нит|ь, что с Ед|ин|ым-Творцом еди|н|ит нас: Нить-Сил|а, Мать **(**sil|k — шел|к (англ.)**)**, коя п|ряд|ет-ткет Нить эту в узор Мировой: Мира Т|кан|ь — Тьма **(**Афина, Мать в сути, — ткачиха; ки|тай|ская ткань шелк — Жены ткань**)**; по Нити сей Тьма ж — По|вод|ы|рь, Ари|а|д|на Ари|йская. Наука му́дра, сакральна — паук, что нить тянет из Мира, Клубка: размотать его — Мир постичь, став Полнотой сей; мирская наука — паук, вьющий нить из себя как не-Мира; достать ее всю — есть безмирье стяжать, опустеть: ибо Мир — Полность нас.

99. Мир есть Д|ел|о Господнее, Теоса (Феоса: Ф = Т) Акт: Т|ел|о, Дух чей есть Бог; Фак|ел, чей есть Бог Факельщик, его возжегший как Ф|ак|т нуменальный соитьем с Собою (fuck — англ., груб.), Себя возлюбя. Сущих Огнь, Любовь Божья, Мир — Солнце и Сен|ь их, Sun-Ф|ебу|с. Отсюда — «е…ать»: Солнце — Ф|ал|лос; s|un (греч.) — вместе с, с-: с вульвой — уд, у|тверж|денье S (S|a|t, сущих Тверд|ь) с отрицанием UN; Жизни член, уд — тор-благо, ведь Благом есть Жизнь **(**санскр. su: I 1) выжимать, выдавливать; 2) рождать; su- II 1) хороший; 2) хорошо, очень**)**. Su|n — Су|ть: Корень — Она; sun — Сын, Матери Огнь **(**с тем, и имя «Христос» значит «солнце»; число Сына — Солнца число 22**)**; от sun — сун|уть (как луч, копие глаз), сова|ть: Фаллос — Тьма-Сова, Огнь, очам бренным сокрытый **(**Sun сей им есть сон; у|сну|ть, от Тьмы отпав — тьму в ум в|сун|уть: не Ноль — Два**)**, един без ка|сан|ия с ними, а я|вен очам благим, *видящим*, с ними кас|аньем един — ч|р|ез Тьму, Силу Коз|ла: «кас» — «кос» — «коз». Тьма Господня — царь истинный наш: ведь в ней — Бог, Мира Царь; посвященье в цари, раджа|суйя — фалличный обряд: ра́джас — страсть, Божья Тьма.

100. Мир — Огонь без иного, делимый в себе на Огнь Чер|ный, Жену-Тьму, и Бел|ый, Свет-Мужа; Свет — Огнь, очам бренным горящий, Тьма — Огнь-

разжигатель его, тайный им Сараф, Змей (так Гемере, Дню Греков, родители — Тьма: Ночь и Мрак, что соитьем его разожгли), Жена-Ж|жень|е. Огня оба сих — Мир един; и Огнь Черный зияет очам как Пр|овал-Ноль; Огнь Белый — сияет. **С**иянье с **з**ияньем — суть слово vit'ое одно, как S с Z: **S**at, Мир-Истина — **Z**'мей, **С**араф. Мир как Огнь Черный дан нам гра|вит|ацией, силой в|лек|ущей-г|нет|ущей, суть коей Любовь, Ле|к|ар|ь; как Белый — зримым огнем. Огнь един они. С тем, гравитон, гравитации кв|а|нт, что науке мирской, его ищущей тщетно — квант многости, чужд ей: он — **Мир как частица одна**. Столпы физики нашей, Нью|тон и Эйн|ш|Тей|н **(**«один камень» (нем.) — Мир, Моно|лит**)**, как науки о нем, оба зная центральный характер всемирной сей Силы **(**центр — То: в Мире — Бог как Иное-Внутри, Ось, на кою надет Мир**)**, зря оба взаимопреход вещества и Энергии **(**Духа — по сути своей**)** на основе последней **(***сказал же Ньютон о том: «каждое тело может преобразовываться в тело другого какого-либо рода, проходя через все промежуточные ступени качеств»; промежное ж меж веществом в нем самом,* ***Глубь его*** *— есть Энергия лишь, претворения эти вершаща по воле своей. Рек Ньютон же: «природа [читай: Бог, творящий Субъект] услаждается превращениями»***)** и нераздельность, как Черного с Белым огнем, гравитации с светом очей, — оттого и избегли назвать, как Он есть, Силы Корнь, ограничившись чисто земной, *прикладною*, трактовкой Небесного (ма|те|ма|ти|ческой — первый, гео|метрическою — второй), что душой, верной Миру и Богу-Творцу, знали оба: частица-сосуд для *всемирного* — есть не частица (не-Всё: часть — не Полность), но Всё, Божий Мир, что с сей Силой одно (ибо меньшим — ее не вместить); Сила ж эта, В|олн|а, коя п|олн|ит ее, — Сила Божия есть, горня Тьма.

101. Мир есть ста|туя Бога, с|куль|птура: куль Су́ти сей (ведь Мир покров есть Ему), вещей Вещь **(***наилучша из всех, по Платону; держать (как в руках вещь) — три|ма|ти (укр.): Мир, Три***)**, изваяна Им как повтор, об|раз Свой **(**об|а — два; об|од — внешня ка|й|ма**)** — ведь до-Мирно лепить Богу не с кого, как лишь с

Себя (*Сократ, скульптора сын, в сути — Мир, Плод Творца, с тем — Грек полный: Эллады суть — Мир. Иисус и Сократ — миросущные, оба суть статуи, дети ваятелей: Бога — один как Сын Божий прямой, Соф|рон|и́ск|а — второй*); зря Мир, зрим в нем мы Бога *как Мир*; Бог *как Бог* — сущим таен, довлея Себе.

102. Бога Плод, Мир есть Дол|ж|но|е Бога (Дол, Низ под сим Вер|Х|ом; Мир — Поле, Бог — Ж|не|ц в нем, Длань чья есть Жен|а, Тьма): едино творенье с Творцом, друг без друга их — нет. Таков, Мир — Полнота, что не знает избытка (всё — должное в нем), как не знает Единство его. С|ор, избыток — недолжное, кое зовет Стагирит «акци|ден|ция», — ложь очей наших: рознь их, иль *безмерье*: ведь Мера — Единый, Господь. Сор есть то, что приложено к Миру-Всему, Полноте, суть добавка пустая. Но Миру Второй, иль добавленный, — Бог, Причина его, Полнота Полноты сей; иного же — нет. Сор для нас сущ дотоле, доколе грязны очи наши; очистить вполне их — расстаться и с ним, чистым сделавши мир.

103. Как за Богом Второй, Мир Его указует собой и влечет нас к Нему. С тем, Влекущий, Мир — Вызов. «Основное различие между воином [магом, стяжателем Знания — *Авт.*] и обычным человеком заключается в том, что воин все принимает как вызов, тогда как обычный человек принимает все как благословение или проклятие», — сказано Кастанедою. Здесь «в|сё» — суть Мир: Сё, Сие как Сия|нье Творца миросущным нам, Бог коим — То, ставше в Сем этом — В|сем.

104. Мир — Идущих Огонь. Столпы им — Ге|р|а|к|лит, Тьмой живим как Нолем, Огнем черным; и с ним Пиф|а|г|ор, живим Светом как белым Огнем, Бытием-Единицей. От них, Не-Числá и Числá (ибо Ноль — Не-Число, а Число — Единица), течет философия в мир — река та, коей всяк, ей причастный, причастен покорством Тому или Этому, Тьме или Свету. Они — философии корни как Корень двойной: Тьма-Свет, Мир[26]. Тьма и Свет в яви их, Гераклит с Пифагором — плоды Тьмы как Тайны, столп чей есть Ор|фей. Орфей вечен как Миф; как не-Миф, смертны двое последних его, из каких Пифагор, муж Ума, бренью люб и ему силу

дал; Гераклит, Сердца муж — люб Бессмертью и Силой сей жив в нас: ведь Сердце — оно.

105. Из двух сущих Огней, зря их врозь, Сердце-Огнь старше Огня-Ума и ц|ари|т над ним. Сердце есть Цель, Ум же — Путь к ней: Иде|Я, идущая в Я, Суть свою. Так Платон шел в Сократа: Ум — в Жизнь, Корнь; умо|по|сти|жен|ье Платоново — Се́рдца познанье умом как Основы своей, с тем — иного **(**таков д|зен: Путь-Ум, стезя Бычья в Корову, молчанье Ума ради Сути его**)**. Сердце — Я, Ум — не-Я, сиречь меньшее Сердца. То зрил Гераклит, говоря, что Огонь «не желает называться именем Зевса»: Зевс — Ум. Огнь сердечный — греч. sop|hia, Мудрость; Ум-Огнь, с ним согласный — «ф|ор|не́йн», Раз|ум|енье: **Ум Сердца**, рас|к|рыт|ый ему как покров, фор|ма — к сути своей **(***и исполниться Сердцем Уму — есть себя превзойти, став в сверх-умьи без|умным: ведь Сердце — над ним***), Квадрат к Кругу**: ведь Муж-Ум — Квадрат, Жена-Сердце — Круг **(***рек Цунэтомо: «Некто молвил: — Я знаю форму разума и форму женщины. (...) Разум имеет четыре угла и не будет двигаться даже в случае смертельной опасности. Женщина же кругла (...) и может закатиться куда угодно»***)**; а закрытый к ней — форма для формы, есть он **Ум Ума**, суть ничто: Ум жив Сердцем, без коего мертв, как, разъят с Богом, мертв эгоист: с Сердцем рознь — рознь в себе, смерть-ничто. **Ума, в сущности, нет: он — примысленность к Сердцу, Огня тень как Мира — не-Мир, Бога — Дьявол, очей бренных бог. Сердце есть Жизнь себя; Ум жив Сердцем как Сутью своей**. **Сердце есть Т|о|ч|ка сборки Ума: Земли се́й — Луна**. Сердце, Бог — Закон един; Ум, Диавол — понятье о Нем, в себе — многость. Жизнь Сердцем — по Богу, Умом — по понятьям, кускам Его. Ум мен|ьше Сердца на Бога, Суть сутей в Луне, Ме́н|е: с Ним — Всё, без Бога — ничто, н|ул|ь, т|ул|имый к Но|лю посему, к Лю|**б**|ви. Сердце, Хри|Да|й|я **(**санскр.; смысл: «Хри (Причина), дай «я» (самость) — быть позволь!»**)** — Бог, Огнь; Ум — тень его, Дьявол, Им суща: сгас огнь — с ним и тень. Ум без Сердца — без крови уд: нуль без Ноля, но|жны хладны Жены. Сердце — И,

Единенье-Единство; Ум — Рознь, «и|л|и»: Ил-Ли, т|ыл Сердца, из|нан|ка Огня («нан» — Нун, Огнь), тьма бессветна, был коей К|Ра|тил, те|мн умом (те|мно|та — мно|гость-Рознь; те|мнить — мнить, Суть не знать); Ум — Суд, сад отчий, где был Адам как в темнице, а Сердце — Пра|сад: Дар, пред-Ум, Милость-Суть. Ум и Сердце — сосуды друг другу: Ум — внешний сосуд, что являет-таит Сердце как имя суть, Сердце — внутренний: Ум со|держащ изнутри, с|кам|бха (санскр.). Сердце — лей|ка, что мно|жит без розни, растя моно|лит как по|бег; Ум — нож м|нож|ащ; делить не спрягая — без Сердца Умом быть — губить. Сердце — ост|ра|я Суть, Кол|о кол|юще; Ум без него — туп как Бык, от Коровы ку|сок, бок Ее, сего Кола рас|кол **(***и Ума нож не режет, но рвет. Бык — ревет посему в обделенности Сутью своей; Суть, Корова — поет, ведь с Собою в ладу: песня — с Сутию лад***)**; посему душой грубых — «быками» зовут. Сердце, Корова — Вечность; Ум, Бык, в себе — брение; в «Младшей Авесте» людей предок Гайя Мартан (букв. «жизнь смертная»), бренным начальный, — над первым быком властный: ум над умом, над тьмой тьма. Се́рдца Ум — Ум большой: Сердцем, Тьмой; Ум Ума — малый: па|к|ость **(**лат. mal|um и da|m|nu|m: «мну Да», Сердце-Суть**)**, у|пак|овка пуста, мятость-нуль. Сердца Ум есть от Сердца шаг вниз, с ним единство-и-рознь; шаг второй — Ум Ума: рознь одна, бесконечность дурна. Сердца Ум — т|ран|с|цен|ден|т|ность, «Я — То» как почтённый Исток; Ум Ума — имманентность как нуль без Ноля, нус|ность-г|ну|с|ность. **ОМ** — слог Бога, Глуби, **У**|**М**-Сердце как слитная Суть (О = U), **О**тец-**М**ать с Богом в них. Жить — Слу|жить: Ум, живой вполне — Сердца слуга. **Сердце — Ноль как Орел одноглавый, царящий над всем и кругами парящий в себе: ведь Про|сто|р ему — са́м он, без внешнего Глубь; Се́рдца Ум — Два: двуглавый Орел, головами к Главе сей примкнутый — к Простору крыла, им живые**. Слу|жен|ие — долг Ума Сердцу как Мужа Жен|е долг *высокий*: **служенье свободное** Ума, что с Сердцем един. Благ служа́щий! Слав|Ян|е — «славь Ян»: мужа славь как Ум Сердца, слугу Инь, Жены. Смотрит — Ум, *видит* — Сердце; чтоб *видеть*, Уму до́лжно Сердцу

служить, взяв тем очи его. Зрить Уму так — спасаемым быть: ибо Сердце — спаситель Ума. Таков умным (в себе сущ, Ум — бренье) Хри|сто|с, Сердце-Бог; так спасли гуси Рим: Сердце — Ум сберегло **(**«хам|са» — лебедь, гусь (санскр.); гуси, лебеди в сказках — одно; Леб|едь — Сердце, Люб|овь, Кам|а-бог**)**. Богородица, Сына держащая в дланях — суть Сердце с Умом на руках как Причина его, и сих двое, В|ла|д|ык|а с Слугою — суть Сердце одно. Се́рдца Ум — покров, в Центр свой ид|ущий: Mad, Серд|це — M|id|dle, Сред|ина-Суть. Сердце — Бог; человек — Ум, идущий в Него. Не идя — падший он, мня за Сердце себя: Небом, Полностью — Дол пустой зря; Сердце, Свар, ему вар|вар, живое ничто. Человечность познать нам свою, *умный строй* как пред Хаосом Космос — испытанным Хаосом быть: Сердцем, Тьмой. Рек Выс|оц|кий:

Был шторм — канаты рвали кожу с рук,
И якорная цепь визжала чертом,
Пел ветер песню грубую, — и вдруг
Раздался голос: «Человек за бо́ртом!»

И сразу — «Полный назад! Стоп машина!
Живо спасти и согреть!
Внутрь ему, если мужчина,
Если же нет — растереть!»

Ум есть гри|м Сердца-Хри, Сути нашей святой; человек — пили|грим («перехожей кали|к|ой» быв встарь), грим свой пи́лящий-пьющий к стяжанию Сути своей: Ум есть чаша (лат. cali|x), что до́лжно испить до конца, пройдя путь свой (cali|ga — сапог (лат.)), чтоб Сердцем стать. Ум — Солнце, Сердце — Луна. Ум — глава, Разум — Сердце; Путь Разума — Се́рдца есть Путь. Сердце, Но|умен — Суть, коею Ум у|м|ен; человек, Но|mo sap|i|e|n|s, сердцем разумен своим: sap|t`an — семь (санскр.), Жизнь, Сердце-Тьма. Сердце с Умом его — Сердце как Разум един. Мысль Ума — ум, подобие Жизни; мысль Сердца — Жизнь. Сердце есть Вечность, Ум — брение, вечное им; Сердце есть Атлантида как Ирий; Ум — Арий, стезя от него как Отход, Ум Ума, и Возврат, Сердца Ум. Сердце-Высь, не Атланты под воду ушли как к Дну, в Дол, — пал Ум-Арий от них в тьму, пожравшу его; мнит Огня он закатом **спад свой**. Сердца Ум, зная рознь свою

с Сердцем (ведь Сердце — не Ум) как **подвластность** ему — и в себе знает рознь, с тем — един: ведать рознь — быть Одним, зная Два. Ум сей — Н|ум|а Пом|пи|л|ий, учивший народ свой чтить Грань: Бога, Клей **(**Н|ум|а — Сердце, Ню-Ма|ть как Не-Ум, с тем — и Ум, плод его; Нума, Сердце — Добра мо|нум|ент**)**; Марса, Рознь, зачинавшего год, сменил Янусом, Гранью как Клеем он, Феба вторым взяв — за Сердцем Ум. Термин, бог-Грань — Нумы дар; право римское — знанье границ. В гроб себе Нума рек положить книги, писаны им — Ум втянуть в Сердце, Суть: Два — в Одно, чтоб стать им. Рим как Ум был силен, Сердце чтя, престав — сгинул, распяв Христа: Сын — суть Мать, Сердце. Ум Сердца — Муж-Лебедь при Жене-*Лебедке* как Выси влекущей, при Полности часть, что Ей жизнью верна: без Нее — не живет. Сердца Ум — Беспристрастность как равная страсть ко всему: Сердце — Всё. Сердца Ум был Платон, лебедь Феба, с ним — предок его по Жене, Тьме, Со|лон, Сердцу-Лону со-лон|ный как плод и слуга (посему от него — Атлантиды сказанье: то — Сердца земля). Высший разум (The Higher Mind), по Йоге, есть разум «мыслящий, любящий, волящий и накапливающий знания», ведь мыслит, любит, волит и копит Сердцем он. Сердце — Столп Уму, о коем Будда сказал четверно: «опирайтесь на то, что передаёт учитель [т.е. на Истину, Бога — *Авт.*], а не на его личность; опирайтесь на смысл, а не просто на слова; опирайтесь на истинный смысл, а не на временный; опирайтесь на свой ум мудрости [= ум Сердца — *Авт.*], а не на свой обычный, выносящий суждения, ум». Кто разумен, тот Сердцем умен как Нолем — Два, алмазом — сребро: раз|ум — cerebr|um (лат.). Сердце-Ум — пара-Суть: Луна-Солнце, Тьма-Свет, Божий Мир. Сердце — Троя, Мать-Гея как в сути Земля земель Мир, Три; А|хея же — Ум как Эллада при Сердце своем **(**у Го|мер|а ахейцы — все Греки**)**, Ином ей: Уму, как Земле, Сердце, Небо-С|вар — Вар|вар; Ум, Греция — Аттик|а: Аттис (А|до|н|ис, Там|му|з) при Кибеле как Муж при Жене: Низ, без|дон|ный сей Высию-Тьмой; Аттис — А|then: Афина — Мать, с тен|ью единая сей; с тем, Афины — центр Аттики: Сердце — Ума. Сердце — Уд, Ум — вагина ему: «селен» — «член» — Ce|en|tano, муж лунный как член во плотú.

Сердце — Песня Ума. С тем, Индийцы, Ум Сердца — певучий народ, что о Сердце и Сердцем поет (до земли этой, славя вино, Вакх со свитой дошел: до Ума — Сердце, Суть). **Индо-Славы — Ум-Сердце, Монада: Славяне есть Сердце Ума, а Индийцы — Ум Сердца; дом каждого — пара его (*Ре|рих, в Индии свой — Рю|рик, Ру|сь, Тьмой-Ру|кою богата (rich — англ.; rex — царь (лат.), бога|тей)*). Санскрит, двух сих единый язык, ныне канул как Сердце, Славянская Суть, и остался как Ум, Суть Индийская: Сердце в сем мире Ума — Пустота**. Ум без Сердца — без тела скеле|т как дыра от него, иль вагина, без чле|на пуста: тело наше — без Тела-Луны, Бога-Тьмы. Сойти нам с ума в смысле плохом — есть сойти со стези Ума Сердца, сойти-с|низ|ойти-пасть в Умá Ум, Диавола пасть; со Стези Узкой, т|р|уд|ной — на торну широку стезю, *общий путь*: в не|до|умье, безумье как Двойку, М|а|d-ад (так от Сердца, Платона от|пав, пал в него Стагирит, недоумьем векá **от|Ра|вив**). Рек Некрасов о том:

Средь мира дольнего для сердца вольного есть два пути.
Взвесь силу гордую, взвесь волю твёрдую: каким идти?
Одна просторная — дорога торная; страстей раба,
По ней громадная, к соблазнам жадная идёт толпа.
О жизни искренней, о цели выспренней там мысль смешна,
Кипит там вечная, бесчеловечная вражда-война.
За блага бренные… там души пленные полны греха.
На вид блестящая, там жизнь мертвящая, к добру глуха.
Другая — тесная дорога, честная, по ней идут
Лишь души сильные, любвеобильные, на бой, на труд.

Сердца власть — Жизнь, был коею, темн, Гер|а|к|лит; власть Ума — смерть, Крат|ил, Сердце сведший в аб|сурд: «ил» — суть Ум, уши Сердца, глухú без него как без Сути своей, «ил|и»-Рознь, что в Единства реку не войдет: в Сердце — Ум-эгоист. Ум над Сердцем восстал, когда Мать-Сва попрал бог-Отец (с тем, последня дощечка Влескниги гласит скорбно: «И крещена Рус|ь сегодня»); когда письмо р|у|н, к|рюк|ов Божьих, смелóсь письмом букв, недо-рун как Со|лун|ью Лун|а: очи зрячи — слепыми очьми. *Видеть* есть сердцем зрить: различать (санскр. ви|в|ек|а) меж

Сердцем как чистым Я (пу|р|уш|а — санскр.) и Умом в чистоте как не-Я **(**ибо *в|идет|ь* — идти как делить-различать: Мир есть Это-То, Шаг**)**: Сердце — Очи, Ум — век|и есть их. Сердце — Инь; Ум — Ян; ян|тра — машина (санскр.): Сути кора, что ей служит (машина Любви) или губит душеньем (машина Вражды). Сердце — В|е|л|ес, единый как Тьма; Ум — Пе|р|ун, им един, а в себе — многость, Рознь **(**«Перун мног», — рекут Русы. «Пер|кун|асов много» — ли|т|о|вцы рекут: их Пер|к|уна|с — Перун; Вяльнас, бог мертвых бал|т|ский — наш Велес**)**; пір|нати — нырять (укр.): Перуну — в Огнь, Велеса-Воду как Суть, живясь им **(**Перуно́вы власы — серебро, брада и усы — злато: Тьма, Перуна Суть, что власами растет Изнутри**)**. Знать число (рек Платон, Сердца Ум) — ведать Ум, в Суть врата: число — Ум; ведать Ум — Срдцем быть: Ум в себе — смерть, mor|s, Тьма безлюбовная, Сердце ж — Бессмертье, A|mor, Тьма-Любовь. Сердце, Жизнь — Пр|ям|из|на; orthos logos, Ум Сердца (греч. orthos — прямой) — жив-прям им **(**что очам бренным — кривость-петлянье, лик Л|ок|сия-Гор|а: ведь кривы — они и петляют Сансарой, Зла пе́тлей; кривому прямой — гор|бун**)** и есть он лодка, чтоб плыть нам к Нему: к Богу — Мир, Лад-Лад|ь|**Я**, Путь *прямой*; Ум — вода, в коей долг наш святой — Сердце вы|LOV|ить, Воду воды, гол|у Го'L|OV'у-Суть. Ибо Ум — в Сердце лаз: к Богу, Deu|s'у — тень-Сатана, Dev|il-IL, В|ель|зев|ул — в Эль зев, ул|ей для Меда сего. Шел им к Господу Ан|а|к|са|гор, К|лаз|омен житель: ax|is — ось (лат.), Sa|t, Сут|ь-Сердце как Ц|ен|ность (греч. axi|os) и axi|o|ma (греч.): зримое не умом — сердцем лишь; o|m|en — з|на|мен|ие (лат.): Сердцу — Ум, форма (сна́ очи) — Сути своей. Сердцем прям Ум, собой — крив. Об Уме-Перу́не, Перкунасе Бал|тов читаем согласное:

Во главе почитателей Перуна в Прибалтике стоял верховный жрец Криве-Кривейтес [кривой дважды: повтор кажет Суть – *Авт.*]. С этим титулом, возможно, связано происхождение названия племени кривичей. По легенде Криве создал «Великую Кривь» — своего рода государственное объединение, в которое вошли балты и славяне. Славянские язычники восприняли и веру и религиозное подчинение Криве. Криве вытупал как верховный жрец и его посох (русское — «кривуля») был символом власти. // Служение Перуну и другим стоящим ниже него в славянском пантеоне божествам и духам обозначается

словом жрение. Однокоренными словами являются слова жрец и жребий. // Так как источники не упоминают особых людей, приносивших жертвы, то историки часто отрицают наличие у славян жречества, многие утверждают, что в роли жрецов выступали князья. Однако поздние тексты говорят о признании русскими славянами своим верховным жрецом Криве-Кривейтеса, о наличии особых служителей, поддерживавших неугасимый огонь в храме.

Сердцем Ум прямой-цель|ный есть Ра|ма, лик Vis'ну как Ну|т, Сути бога сего как Жены (полный Сутью своей, Сердцем Ум, Муж — Жена), коей Рама слуга; Ум, Умом кривой-р|ван|ый — Ра|ван|а, злой ван (господин), тьмы бой с Тьмой. Сердца Ум есть господство Слуги как Служения дар; Ум Ума — ч|ван|ство лишь: кто не служит — и не господин. Сердце, Цель — кругла цель|но собой, ведь тянуться во внешнем ей некуда. Таков Сократ, Афин сердце: округл-коренаст, круглоглав, нос — кур|нос; то ж — и Екатерина, России мать-сердце. Ум, Путь — длинен-прям тягой к Цели. Таков есть Перикл, Афин ум, стройный муж башнеглавый; с ним — Петр, ум России: муж длинный-прямой, уд в плоти. Форма форменна — мёртва, кривая бесцельностью; сущностна форма, прямая — жива: то — Ум Сердца, С|луг|а-Конь, учащий Служенью нас: пред Богом Мир-К|ра|сот|а, Сердце в сердце у нас; кто С|к|**Лон**|ился — Служением прям: Л|**он**|**о** — Бог как О|но: Не-Жена-Муж, Не-Мир, прямых Сто|лб. Мертвый — с|пит, живой — бодрствует, Служит. **Жить — Богу слу|жить: Сердцу — Ум, ма|тке — чресла наружны как Двойка Нолю, Вакх, земна́ Тьма — Тьме горней как Матери — Сын**. Так Сократ, Сердца светоч, покорством расторг злую волю Афин, **умный яд**, — яд приняв без роптанья на долю: слуга Афин — Богу служил он. Сказал Петр-апостол о том: «препоясавши чресла ума вашего [=опоясав-скрепив Два Нолем, Циклом], бодрствуя [= служа умом Сердцу, Творцу], совершенно уповайте на подаваемую вам благодать...» (1 Петр 1:13). Так Афины слугой был Гермес, что главу расколов Зевсу, Двойкой явил Ноль, Жену **(**в «Критии» Платон и рек о них как о питающих «одинаковую любовь к мудрости и художеству»: Тьме, коя есть оба сих**)**. Слуга есть Ум при Сердце: при Господе — Мир (Шар от Тьмы-Бога, Тьма с Тьмой внутри), при Творце — Мать, Рука Его. Сердце и Ум его слиты Служеньем в Суть цельную; Сердце и Ум Ума —

Суть и не-Суть: арианство как подобосущность Ума Сердцу, Сути, — Служения нуль. Сердце служит всегда: труд Служения — Сердца есть труд; Ум — лишь как Сердца Ум. Ум, коль сердцу слуга, сущ при сердце в главе; не служа — ум ума, он с ним в розни: в главе он как царь, что пуста им, а сердце — в груди как второе-вовне. Пустоглавие — бренья беда: мнимый сердцем ум. Сердце есть Мир у Толстого: как Хор, Мир-Народ; Ум — Война, где Ум Сердца — Ку|ту|зов, России слуга, Ум Ума же, слуга себя — На|по|л|еон, на пол падший с вершины своей, попран Сердца Умом. Сердце — Семь, Жизнь; Ум чистый — Шесть, смерть. Пифагор не причтен ко Семи, ибо Мудрость есть Сердце, а он — Ум, забывший Служенье свое. Ум без Сердца, сиречь не Служа́щий — бык к|рит|ский, от Матери бак в мифе Отчем пустом, злой бездельник в вол|ьере своем, **Ла|б**|ир|ин|т|е, от Матери-**Лав**|ы дыре: Дело сущих — Служенье, Бог-Мать; Сатана, Богом попранный т|вер|до: Тес|ей — Theos, Бог. Что Вверху — Сердце нам, что внизу — Ум; идти Восходя — есть для нас как Ума **(**ведь идущи — под Сердцем, вн|из|у: кто идет — Ум всегда**)** Сердцу верными быть, не Уму, — сиречь Выси своей, коя Глубь, с тем — быть Сердца Умом, к Богу путь свой держа Дланью-Тьмой, Рукой Божьей: Бог-Цель д|ер|жит Слуг! П|рям Ум Сердца сей Целью **(**как Ра|**м**|**а**: Умом этим — о́н был**)**; согбен — Ум Ума, Бл|уд|ный Сын; оба — слуги у Сердца они. Ибо **Сердце — Ума есть Закон, Д**|**хар**|**ма (санскр.). Ум всегда слуга Сердца: служа ему, служит он Богу, а нет — Сатане: оба суть Сердце, Тьма**. Быть живым — быть единым: жив Сердцем, ум цел им, в себе ж — есть Дв|**ум**|я, кои Рознь, слепота его: знанье без вер|ы, сей д|вер|и в Творца **(**Cre|do, ut in|tel|li|ga|m — верю, чтобы познать (лат.)**)**. Се́рдца Ум есть **практический разум** (рек Кант): pr|axis — Действие, Жизнь, се́рдца Ось; Ум Ума — **разум чистый, *пустой от трудов***. Сердце — Милость-Восток, Ум — Суд-Запад; зал судный в Амен|ти, О|сир|иса Тьме, «землей западной» был. В Уме бо́рются сердце и ум **(**как вели борьбу в Индии дети Луны с детьмя Солнца: ведь Индия — Ум**)**, в Сердце — ум есть для сердца не враг, но слуга по любви. Так с|луг|а Богу — Мир, Божий Луг: Сердцу — Ум. В мире сем,

Отце, Мать съевшем, — Сердце, Erót, есть О|ши|б|ка, англ. Érror **(**mis|take — суть «касание Матери», Мисс: плен очей — Ее волей**)** Уму, что себя мнит за Суть, не Служа.

106. Сердце чтя, Ум есть Бык, чтящий верно Кор|ову как Трех: мать, сестру и жену. Так корову чтит Индия мудро: Ум — Сердце, покров — суть свою. Сердце — Черный Огнь, жизнью бурлящий; Ум — Белый, живой Черным сим, в себе ж — *Белое Солнце пустыни*: бессердной души, коей, в сущности, нет, ведь душú — Сердце суть. Сердце — Небо, Ум — Земля при ней: при Ноле, Тьме — Два, тьма. Посему **умность — зéмность**, чье имя — **Ад**|оль|ф: Двойка, к Н|ол|ю добавка, покров к Сути, Гите: Тьма, Суть — Песнь. В сем — Гит|лера с Индией связь. Муж Суд|ьбы (hei|marmene — греч.), Ум (Разум) чистый **(**борьбу с кем вел Кант: немец-Бог — с Сатаной страны сей**)**, от Земли взял он Сва|стики знак, возглас «He|i|l!» (Hei-IL, «Земля — Ум») и Арийскость пустую: Умá Ум, от Мира кор|у, имя коей, безмирной, есть ад.

107. Сердце — клей для Ума, с коим х|ра|м он, без коего — х|лам. Посему «раз|ум» — сердце Египту, не Ум один: Ум рас|пах|нуть — Сердцем стать, вняв Порыв; Рим, суть Ум, жил сакрально водой Тьмы-Богини, что Доброй у Римлян и Женской у Греков звалась (бани Рима и водопровод его, слáвны в веках — Тьме-Воде есть хвала). Так жива Атлантидою Ин|дия, форма (санскр. рупа) сей Сути, Дея|нья сосуд (с тем, Санскрит — язык общий обеим; монета индийская — руп|и|Я: форма, таящая Суть); и, в корове чтя Сердце, Тьму-Матерь, — умом, bud|dhi (санскр.) зовет индус лишь ум пробужденный, сердечный, — ведь Сердце есть Очи, отверсты всегда: bud|h — буд|ить, отворять очи; bud|ha — планета Меркурий, по сути — Гермес как связной Того с Этим, с Эротом в сей роли единый: связь ся — Сердце, Очи без сна (им с|ме|жить|ся — есть Миру пасть в прах). В паре Ум-Сердце Ум есть Адам, из земли изошедший и спящий в Отце, Сердце же — Иисус, вестник Неба, что Матерью бодрствен всегда.

108. Сердце — Шило Ума: интуиция, воина (кшатр|ия — санскр.) меч, торящий Мир-Поле (санскр. кшетр|а): Идущий есть «знающий поле», кшет|**ра**|**дж**|на — чрез страсть, ра́|д|жа|с (санскр.), коей пашет его. С тем, **познание — страстно**; меч воина — ра|джас, страсть (ка|ч|ест|во, г|у|н|а его); мастер — царь в своем деле, раджа́ (*страстен им|про|виз|ацией джаз, ин|ту|иции музыка*). Рек Цицерон: для успеха в искусстве о|р|а|т|ор|а нужны нам «рвение и восторженная любовь к делу». Так — в делах всех. В философии — так. Любо|мудрие, стра́стна она: страсти нет — нет любви.

109. Ум — при Сердце тол|ма|ч и оратор как форма при сути (при пифии, жене — жрец, муж), образ Сердца умам в мире умном; бессутний, Ум — нуль как едящий без пищи своей. С тем, в очах благозрящих Ума́ Ум — нуль, сущий как Сердца тень: Всего — ничто, ему парное. Сердце — пространство, Ум — время, на кое прямой взгляд являет иллюзью его: ведь реальна Причина лишь, Сердце — не Ум, что, Ри|т|ор(греч. rhētōr)-Рит|уал, есть р|ет|ор|та его, кол|ба о|кол|о-вкруг Сути этой, без коей — ничто. Так ничто ритм без Смысла: rhyth|m|ós — Mos, Мать; Шесть в Семи, Жизни ничто без Седьмого, ключа. Гекза|метр, первостих — Смысл без рифмы как чистое Сердце, обрезана Суть: Шесть, Седьмой где — Бог; стих дней сих — рифма без Смысла, без Сердца Ум, нуль. Ас|сон|анс, рифма наша, не Сердце есть, Бодрствье-Жена, — С|он, Муж-Ум.

110. Ум — от Сердца отставший на Действия квант (Планка грань). В Уме чистом нет действия, мертв он (рек крит|ик К|а|н|т); Сердце же — Действие, Жизнь. Человек с головою (умом), отрешенной внезапно, способен на действье одно, кое — квант этот, Сердце как Действие (Полность) Ума.

111. Сердце зрит Ум наквозь как причина его. Уму ж Сердце есть зеркало, суть непрозрачна, где зрит он себя — не его. Так в поэмах Гомера Вакх явлен един раз: миф умный (Гомер — Ум) узрел Единицу свою в Ноле-Вакхе зеркальном к усладе собою — не им.

112. Жена, Сердце, Единство — вглубь делится, ибо само Глубь. Муж, Ум, Рознь — наружу, и только: облатка — он сам. Посему человек, по́ла больший, наружу отъяв — мужем стал; не Адам совершенный антроп — Ева, Глубь.

113. Сердце — Мера Ума: Мира — Бог. Меру чтя, *осторожен и смел*, — был Перикл Се́рдца Ум. Ум — суть Свет, Бытие, что един Тьмою, Сердцем, в себе же разъят как без целого часть: Зло как **общее**, бог Стагирита, кол|лек|ция-куча без Клея **(**то — Дарвина ум: дом коллекций, коллекция сам, слуга *обществ* ученых — коллекций, чей был элемент он; коллекцией есть коллек|тив, куча душ**)**. С тем, чтя Сердце, прозрачен в лучах его Ум как не-Суть, зная место свое (как в Сократе — Платон), растворенный в нем как в Тьме — алмаз, камнь ее. Чтящий Сердце, Ум есть Лунный День: солнце бренья — суть Ум, первый смертным очам, Луна ж — Сердце, второе им, первое — вечным. **От Сердца отпад, смерть Ума — смерть всего человека**: ведь Суть его — Мир, Сердце-Ум, полумирье ж — мертво. Так в день Ид — Тьмы, что *В*|*ид*|*ит*-Ид|ет, — Цезарь пал, муж Ума (хворью *черной*, па|дуче|й страдавший: Тьма, Столп, валит бренных отказом в Себе), не найдя сердца в жертвенной твари. Луной в его спальню вошло оно в ночь, взявши душу его.

114. Сердце, Тьма есть Деля́щее; Ум, Свет — Делимое. Сердца чужд, Ум смешан с ним, как велит Двойка-Рознь: ведь, последствен, делить сам не может.

Сфинкс, не разгаданный до гроба, —
О нём и ныне спорят вновь;
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.

Дитя осьмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.

— о Воль|т|ер|е рек Вя|з|ем|ский: Двойка пустая (певец Вол|а́-Зла, Гильотины), был сердца чужд тот, чтя облатку — не суть, и ее-то любя как толпу без Народа, без Личности мир.

115. Бытие полным мня, с тем — единым, софисты и С|арт|р, сей софист новых дней, мнили за Сердце Ум; и со|знанье-«ничто» Сар|тра — ве́денье-Сер|дце, со знаньем единое: Полность — очами пустыми Ума, коим Тьма — То|ш|но|та. Сердце — Жизнь; Ум в себе, коим есть Ум Ума, — Смерть: И|дея без Сути, Дея|нья-Творца (Deu|s): I|dea — Dea|th. Ум утратить — померкнуть есть в Сем; сердце ж — сгинуть сов|сем. В век Эллады златой, век Перикла-Сократа, Перикл был облатка, Ум ее, Сократ — Сердце, Глубь; и со смертью Перикла Эллада жила, утеряв светский блеск, а с Сократовой — пала, развеяв по миру огнь свой.

116. Знает то Ум иль нет, Сердце — Суть его. *Знать* Умом (Высь — с тем и Дол) — *ведать* Сердцем: ведь ведать есть знать, знать как знать лишь — не ведать: Ум-Знание в Ве́денье-Сердце включен, им держимый как Полностью часть. Пленник Тьмы, Аристотель Сократа винил в умном зрении им Добродетели, зримой как *знание* им, — ведь не знал *ум* сей: знанье Сократово — *ве́денье*: Сердце, Деянье само, коим был этот муж.

117. Жене мужа бояться — есть Сердцу трястись пред Умом; велит так закон Отчий. Нет, муж да боится Жены: Сердца — Ум! Так Сократ, воин мощный, тузим был К|с|ан|ти|п|пой (сан-анти — «противная солнцу», Сократу), женой своей вз|д|ор|ной, боявшись в ней Сердца, Жены-Тьмы, чей был он слуга, горя солнцем Ее. На Силен|а, сат|ира, похожий, силён был Любовь он, цвет коей — зел|ён.

118. Се́рдца Ум — Ум Любви, Ум поющий: ведь Сердце — Любовь-Песнь. Умом сим был Павел, апостол, ведь рек он: «буду петь духом, буду петь и умом»: Сердце — Дух, Ум — не-Дух как за Сердцем второй. Ум Ума — не поет, ведь Любви он лишен. Сердце — Цен|ность **(**что знал Гер|цен мудрый: Her|tz — сердце (нем.)**)**, Ум — есть цена, коей, Ценность поправшею, рынок растляет сердца, подменяя их Суть. Цен|н|ос|ть — Цен|тр, Транс|цен|ден|тное нам: Ос|ь, н|ос|ящая всё как Г|ос|подь, Жизнь-Свобода, муж чей был Сократ, обучавший за|дар|ом; цена — Жизнь-неволя, судьба, дети чьи есть софисты, за деньги учившие нас **(***«Жизнь не дает бесплатно, и всему, что преподносится судьбой, тайно определена*

*своя цена» (Стефан Цвейг)***)**. Ведать цену всему — ведать Це́нность есть, Сердце *бесценное*: Ценность, оно — сверх цены как Опора ее. Ценность есть Век Златой, п|о|р|а́-Сердце; и|с|т|о|р|ья, эпоха Ари|йска, от Корня сего для|сь — цена: в ней на всё свой т|**а**|**ри**|ф, риф ладьям доль людских. **Ценность ведать — жить Сердцем**. Так знает ее Будды ум, Бодхи-П|ра|дж|на (Пред|знанье) — Ум Се́рдца; о сем речет нам «Сё|бог|эндзо», чей пятый, эфирный в любовности, свиток «С|о|к|у|с|ин дзэбуцу» гласит сим названием: Будда есть сердце-ум наш.

119. Се́рдца Ум есть **ко|м|е|д|ия, острая Жизнью**, трагедии жалом: Сверх-Ум, Кама-mad. Грус|тен комик великий, Груз чей — Сердце, Тьма **(**как Ни|к|у|л|ин — куль Ники, сире́чь Сердца Ум: Ника — Тьма; как Дан|е|л|ия: Г|ру|з|ия-Рус|ь, с|мех-печ|аль**)**. Ум Ума есть **ко|медь|я, тупая бессердно**: безумье ума — недоумье, Америки жанр, кома душ.

120. Ум Ума — Разум чистый-пустой, анти|ном|ный (по Канту) без Сердца, Закона: закон — но|м|ос (греч.), Но|ль как Мать. Ум есть среднее в САТ|**И**|ЯМ, Истина как Жизнь-**и**-Смерть: Ложь меж двух Пол|юсов, как меж молотом и наковальней, что правят как Истина ею. Посему, хочет, нет ли, Ум, не царь себе, служит Сердцу, Причине-Тьме, коя есть царь сей, Ноль-Двойка. Покорный ей, служит Нолю Ум, а нет — Двум, тьме Тьмы. Между двух Тем зажат как меж Сердцем и Сердцем, где Тьма-Ноль есть Жизнь, а Тьма-Два Смерть, — меж них он не-Тьма, пустота: ибо Тьма — Пол|нота. Верный САТ, Жизни, верен Нолю Ум и есть Жизнь, Ноль; верный ЯМ, Смерти-Двум, он есть Смерть, Двойка. Ума Се́рдца части в нем сущи в единстве (как в Индии — боги, *любовная многость*: ведь Индия — Се́рдца Ум); части Ума Ума — сущи в борьбе (таковы люди западны: Ум Ума — Запада суть). Сердцу верный, Ум, цельный им (с тем — и живой: цельность — жизнь), рознь отдельну свою не таит, в чем он, честный, и есть Се́рдца Ум как Ум Истины голой: ведь Сердце — она; Сердца чужд, Ум нецельность свою выдает за единство, за Сердце: ведь Сердце едино, — в чем он Ум Ума. Сердце — Бог, Ум — Диавол, тень Бога; с тем, Ум — Се́рдца тень; и Ум Сердца есть Дьявол благой,

верный Господу, а Ум Ума — эгоист, Дьявол злой: тень-в-себе, Сам|а|эль — «одинокий (сам|отній — укр.) бог», бог без Бога: ведь кто без Него — одинок, а кто с Ним — никогда. Тело (сома) безбожное наше — сосуд сего Зла. Сердце — Благо, Ум сам в себе — Зло; место з|лоб|ы, казнилище лоб|но **(***Голгофа (евр.) — лобное место: нож Сердцу***)** — л|об, место Ума, об|ни|мат|еля Сердца-Луны, луб|а ей, что, стяжатель пустой **(**lob|ha — алчность (санскр.)**)**, с|лаб сам в себе: Сердце, Сила — Дар, Лав|а-Любовь. Lo|b|e — доля, часть (англ.): Сердце — Целое, Ум — часть его, что без Целого — нуль; также lob|by — прихожая, коридор: Сердце — Суть, Ум — преддверье, стезя к ней, без коей — ничто. Озлоб|лять — ослаб|ляти. Лоп (стар.) — некрещеный младенец: без Сердца, Творца — Ум. Лоб — же|лоб Же|ны: Ум, брека Реки-Сердца как Два при Ноле; желоб сей пустой — ж|лоб. Че|**ло**|**б**|и́тье — чела, лба по|к|лон: Ума — Сердцу, Главе. Лоп|ать — жрать, есть не в меру: без Сердца как меры Ума; лоп|ух — ум тупой: Сердце — Ума острие. Лоб — Бол, Бэл как бол|езнь, чистый Ум. Умом Сердца Сокра́т был, высмеивавший Ум Ума; Умом, Сердце подъемлющим на́ смех, был Арис|тофан, над Сократом смеясь. Се́рдца смех над Умом полнит Ум, а Ума смех над Сердцем — творит Ум пустым, чем губим злой насмешник (был коим Воль|тер). Сердца Ум был Платон, служа Сердцу-Сократу; связь с ним утеряв — стал Ума Ум пустой.

121. Ум пустой. Сердца чужд, его мелет в муку, коя сам он без Сердца, как жер|нов-Зло, суть жер|ло нов|ое (старое, первое — Сердце, Рот-Благо, едящий пустые умы). Камнем сим был измолот Зенон: Благо — Злом, что завистливо ме́лет; с ним — мудрый Сократ, погубле́нный Мелёт|ом (казненным в дальнейшем Афинами: Ум, утеряв Сердце, вскрикнул, да поздно: исчезло оно!). Стать Уму Ума Се́рдца умом — выбить есть эгоизма затычку из дырки, спрягающей волею Божьей Ум с Сердцем, копьем Змеи́-Тьмы (в Ш|акти-йоге — змеи́ Кундалини). То делал с умами сограждан Сократ.

122. Сердце вечное в нас — ин|ту|иция (лат. созерцание — Очи, Тьма), Ноль **(**муж чей Гете, Go|ethe — «идущий эфиром» (англ. e|th|e|r), Эр|ота стезей**)**; сердце

бренное — чувство, Два, sen|su|s. В служеньи Нолю Ум есть Се́рдца Ум, раз|ум, живимый сей Сутью (пр|а|кти|ческий: Сердце — Деянье). В служении Двум Ум — рас|суд|ок пустой, Ум Ума, в чьих очах Сердце есть пред|рассудок: ведь Сердце — до них. Пустота оно им, зрящим в нем лишь себя! Так узрел Стагирит у Сократа грех свой — добродетель как ум. Зря рассудка корнь в чувстве, а разума корнь в богоданности, зрил в ней Кузанец Тьму-Ноль, Солнце (Su|n) чувства, Сен|ь.

123. Служа Сердцу, Ум — Мира слуга: Мир — суть Сердце. Ум Сердца — узда, что порывы с|мир|яет его — Мир|а, Синтеза, ради: ведь Ум есть Предел. «Рассудительность — это умение обуздывать свои вожделения и страсти» (Платон). «Страсть всего сильнее, когда она безрассудна» (Виктор Гюго).

124. Человек как не-Бог — ум, дом Сердца (ведь Сердце — Ума Глубь). Хорош ум в служеньи — хорош человек, а нет — плохи дела его: Ум не служа́щий — ничто; человек без ума — труп: ведь Ум — Бытие, мир людской. «Можно излечить от безрассудства, но нельзя исправить кривой ум», — сказал Ларошфуко. «Умственные наслаждения удлиняют жизнь настолько же, насколько чувственные ее укорачивают» (Пьер Буаст): чувств суть — То, ума — Это. **Ум слабый — бессилье всего человека**, чья сила есть суть его: Мир, Сердце-Ум, что молчит без ума как кусок неживой, полу-Мир. «Умственная апатия гораздо хуже самого мрачного суеверия и гораздо вреднее самого кровожадного фанатизма» (Дмитрий Пи|сар|ев). «Там, где недостает ума, недостает всего», — сказал Джордж Галифакс. Им же сказано: «Умен не тот, кого случай делает умным, а тот, кто понимает, что такое ум, умеет его распознавать и любуется им» — зрящий Се́рдца очьми, кои выше Ума и есть Полность его. Повредить ум свой — есть расколоть нам то зеркало, в коем себя зрим: зерца́ло — второе за сутью как за сердцем ум. «Отчего это — хромой человек нас не раздражает, а умственно хромающий раздражает? Оттого, что хромой сознаёт, что мы ходим прямо, а умственно хромающий утверждает, что не он, а мы хромаем», — сказал Блез Паскаль.

(Ум и Сердце как наши Основы даны в табл. 1)

125. Бог создáл Мир едино Одним (каков в цельности он) и Двумя (каков он в розни стран, Тьмы и Света): ведь будь Мир Одним без иного — был Бог бы он; двум же Богам — не бывать. Мира стороны, Это и То, пред Творцом леж|ат рáвно-едино — ведь целостен Мир, Синтез их, сотворенный Творцом в Миг един: Лож|ь под И|ст|иной-Богом, ст|оящей над ней, по|лож|ивши ее пред собой. Ставя ж в ряд Свет и Тьму — Тьма над Светом стоит как причина его. С тем, Ть|ма-Ма|ть и сестра есть (как равное), и Мать (как превосходящее, Высь) Отцу-Свету. Творцы Света есть посему Бог и Тьма, слиты Божно: ведь Тьма — Божья Длань. Чтящий Мать, Свет-Отец равен Ей как страна Мира: Это — Тому; и, един с ней, он есть **Андрогин Мужесущный**, сиречь Муж-Жена; Мать же, слитая Господом с ним — **Андрогин Женосущный, Гинандр Жена-Муж**. Чтящий Мать, Отец есть Сéрдца Ум, созидающий силой ее — не своею: ведь Сила — она; Мать не чтя, Отец есть нетворящая Матери часть (меж частей иных: бог меж богов-элохим), сиречь **Муж холостой, бескопейный в свободе своей от Жены (копье Мужа — Она)**, — в чем Ее верх над ним: Полноты — над пустой своей частью, каков есть **библейский Отец, Ум Ума**. Как Адам, Сатана и Христос, он есть Матери Сын, в том им равный, — но в том больше их, что он есть и Отец: не по сути (Суть — Мать, Копие) — формой, как не отец — отчим; первые ж три — лишь Сыны, но **Сыны в полноте**: и по имени (форме), и в сути. Как **полу-Отец**, Отец-Сын полноты сей лишен, — в чем его зависть к ним и гоненье их злое. Так враг Одному — Полтора: Полу-Фаллос, пол-Тóра, — ведь Фаллос, тор|ящий, есть Тор (таков бог скандинавский: Муж, полный Жены); Суть с пол-Сутию — Суть: рознь — не в счет. Злой Отец, Муж-с|ко|пец **(***о|печ|енный Женою: «пец» — «печ»; так г|лу|п|ец о|пал|ён Глуб|ью, Тьмой (глупость — Глуби лупá, шелуха-пер|хоть: «пер» — корнь Огня), и Огнем сим — сле|пец***)** Матерь знает, но веры в нее он лишен, чужд сей Силы, ведь Вера — Мать: Сердце — не Ум.

126. Сердце — Вера, в лишенности коей всяк — из|вер|г; Ум — Знанье. Едины Востоку они, суть чья — Мир, Сердце-Ум, а для Запада — разны, борясь меж

собою, и вера его — без ума, ум — без веры, мертвы оба. Верить в Творца до́лжно: Он — Се́рдца Суть; вера в Ум как склоненье причины пред следствием — Се́рдца смерть: вера в науку мирску как Нарцисс-Ум, познанье без Сути своей. Вера в Бога есть Жизнь, Знанья Суть, коим славен Восток; вера в Ум сам в себе — есть Ума Ум бессердный: смерть, Запада суть[27].

127. Сердце-Ум, Мир — Глава без иного, где Сердце, едино с Умом, правит им. В сути Мир, голова сущих — те́ла исток, от какого, как древо от корня, идет оно и где, как в семени плод, оно всё[28]. В нас незримо то: бренны, лишь ум в ней несем, сердце ж — ниже его как второе — не первое (Суть нам — Второе: с причиною следствие спутало бренье); с тем, мы *без царя в голове*, коим се́рдце есть. Суть гармоничная чувство и разум — Алогос и Логос, Ноль и Единицу — в главе единит, сердце в коей, как до́лжно ему по его царской сути, царит над умом. Так — в Гостях наших, сутях Любви, сердце коих — в главе; в нас — Ум Сердцу начальник, и сердце — в груди как изгой. С главой Сердце — одно. Знак у Ор|фиков, Но́чи детей, в том — Афина, из Зевсова сердца исшедшая — не из главы, в мифе умном — утробы-Ума.

128. **Голова к голове — беспромежно, суть-в-суть — спряжены так Причина и Следствие, Первый с Вторым**. Благодать от Отца через Духа святого — ложь: Блага, Творца благо|дать, льется прямо от Духа святого, Тьмы Божьей: Причина — Она, К|лей; Отец — Рознь за Ней **(**с тем, «причина» и родом — Жена**)**. Ан|**x** (ег. an|**kh** — жизнь), крест Матери (лат. cru|**x** an|sat|a) — «с Причиною, Кру|г|ом, единство»: соглавье с Х (an — неотдельность). Так слит с Миром Бог, с ним единый ка|сан|ьем. Христос, новый Сын, на Голгофе (евр. «чер|еп») распятый, спит в коей Адам, ветхий Сын, — умерев, с ним сошелся под ней (сиречь в Том, Тьме) глава к голове **(***очи в очи — так зрят друг во друга враги и любовники; так, вперясь в очи, разила Го|р|Го|на; так Го|Го|л|ь, муж Тьмы, гол|ой Истины сей, зрил очами ей в очи, творя***)**, знак в чем — имя Го|л|Го|фа. По древним, связь эта прямая есть должная связь преступления и наказанья — причины со следст|вьем

ее **(**о чем сказано у Цунэтомо: «лучше казнить виновных на месте преступления» — макушка к макушке с сим злом**)**. Пленник долга мирского Пилат и Банга́, пес его и единственный друг, в духе слитные, спят посему голова к голове в книге, Автор чей истинный — Тьма. С Ней единым, нужды нет причин нам искать, ибо знаем *Причину*: кто знает Ее — знает всё.

129. Душу́ Суть, Мир един; душа́ — с тем. Рознь в себе ее есть кара Тьмы — Кара|ма|з|ов|ы, части единой душу́, *полу-ду́ши* в обличии цельных людей, что, непо́лные, жаждали слиться в монаду ее как Себя, Полноту.

130. Самосущно Мир есть К|р|а|сот|а, По|кр|ов Господа; Бога Дитя, он — Прекрасное (молвивший, что красота спасет мир, Достоевский имел в виду мир *сей*, что Миром вберется как в Целое часть). Сказал Ф|а|л|ес, начальный в ко|г|ор|т|е Семи: «Прекраснее всего мир, ибо он есть произведение Бога». Миросущная, Гре|ция, канув уж, — г|ре|з|а, от|рез|ана тьмой от нас, гре|ет людей Красотой как Причиной их: гре — гри — Хри, Хари, Причина в Пуранах (санскр. hari — зеленый и желтый, Причины цвета́: зелень — Тьмы лик второй; желтый — третий, цвет-Мир).

131. Бог есть Ист|ина: То, кое ищ|ет, вз|ыс|кует ис|т|ец, к ней тек|ущий Рекой Мировою; а Истина Господа, Ver|um — есть ся Река: Мир, Сердце-Ум. Сердце в нем — вер|ы корнь; Ум в себе — корнь безверья. Рекой этой плыть ей согласно — купаться есть в Истине: в Цели — Идя. Сердце — в|ер|а: Эр|от, с Богом связь; Ум же — зна|нье: без веры — сна род. Вера — знания больше как Сердце Ума, и не верить — есть, в главном, **не верить в себя**, с тем — не быть: нет субъекта — и знания нет, ибо некому знать.

132. Мира Тьма — Беспредельное, Хаос-А|ф|ин|а: Жена-Глуб|ин|а, что, Ина́ нам, ф|ин|а|л|а чужда. С|вет — Предел, сущих Вет|о (За|п|ре|т, За|п|ад Мира, рет|ивых За|п|ор), иль Фин|а|л, Ка|м|ы ка|м|ер|а или ка|мо́р|а: в себе Свет — смерть, mor|s. Свету-Вето Тьма Божья — От|вет (Тьмы муж, был им Сократ), Суть-Вверху как По|рога п|рон|зень|е, Сен|ь Д|зен, зе|н|иц Корнь, То-Не|о|предел|енность (to —

греч., англ.), Предел чей надмирный есть Бог. Беспредельное, Тьма — А|пей|рон, суть Вода до воды, Надстихийность, объявша Предел, стихий дом; Лоно, кое родит и глотает. Предел, pei|ron (греч.) Воду сю как живящую Суть пьет-рон|яет в Дол, коим есть он. Очей суть — Беспредельное: Об|од-Св|обо|**д**|**а**, Ма|Я|к и Дом истинный наш, Хаус-Free|**do**|**m**, об|ъят коим Предел, Од|но **(***de|finit|io, о|предел|ение (лат.) есть в существе не «объятье предел|ом», границею-«нет», — но объятье Предела Нолем, Беспредельным, границею-Да***)**; Предел — Тьмы покров в очах дольних, не-Глубь: ведь Глубь — Тьма. Беспредельное, Тьма есть Пространство-без-времени, *ви́деньe*-Ноль; в|рем|я, суть тьма без Тьмы, беспространственность — есть бремя сущих, смотрение-Два. Крон|ос (Хрон|ос), тьма-время — Пространства-Тьмы кран, что закрыт в очах бренных, смотрящих, хран|я Влагу эту, а в *видящих*, вечных — открыт как иллюзия, ясная им. В очах бренных Пространство низложено временем: Тьма — тьмою (что и явил трудом своим Эйнштейн); с тем оно, падши — Рознь как пространство пределов (скорлуп — о чем дальше), сверх коих, крылато — Пространство-Тьма, Ноль: Беспредельность как чистая Суть. Ею времени стать — есть прейти. Так убит был Калú|гула, сей *временщик*, посягнув на безбрежную власть.

133. Тьма, Свобода, есть Н|о|р|ма для мудрых, чей Дом — вечный Мир, и Про|бле|ма — для бренных, над коими бле|ет тю|рем|щик Козел, князь людей-вещей (rem — лат.). Свобода — Задание наше от Бога: За-да́нность: не Это, но То; Де|ло наше святое — стяжание Тьмы, Де|вы **(**de — благо|родство-отмена: де-брение — Вечность, дом Блага; di — два: Выход — Шаг**)**. Так Христос исторический — Это, Покой-Ум; истории больший — Он Сердце, Порыв-То. Так *видел* Его Соловьев, зря задание наше в стяжаньи Свободы как Сути своей Бого-Действием: слитьем природ человечьей и Божьей, Сего с Тем в их розни, — в единство Всего, Бого-Мир.

134. Хаос-Жизнь, Тьма — П|о|р|яд|ок (лат. or|do), р|яд|ов сущих Корень и Яд (творец, полн, — и губитель по праву), нам тайный; живое зовем ор|ган|ическим мы

посему **(***«ган» иль «хан» — власти корнь: победитель (санскр.), властный казнить* **(***как Гор|гон|а — очами; санскр. han — убивать, бить; ханá (разг.) — смерть злая, чье ложе — han`á, яма (санскр.)***)** *иль опале как гон|у предать. D|hán|a — деньги; богатство (ханá злых); дар (санскр.) — в сути Тьма, Сила: ведь Дар — она; d|hán|u — лук (санскр.): оружие — сила (так Зевса — Афúна перун); s|hán|i — время Вселенной Сат|урн, урн|а Истины (sat), царя сущих: ведь Истина — Бог; d|a|s|han — десять (санскр.): Мир, с Богом властный над нами как Глубь, Суть. Ва|к|х|ан|т — сильный Тьмой; Ган|га — рéк царь; га|н|еб|ный — по|з|ор|ный (укр.): Неб|ом гон|имый; об|ет|а земля — Хан|аан***)**. Тьма **—** Свобода, Свет **—** П|лен, корень лен|и: тюр|ь|ма-ка|з|е|м|ат, коим мы, сущи в Свете (бытийны), каз|ни|мы, не зря Тьмы[29], Победы побед. Ник|а **—** Нúк|та, Некта́|р наш: Победа есть Ночь (Nú|ξ, Nυκτó|ς): Всё под маской Никто и Нич|то (ніч — ночь (укр.)) как Суть голая, Ню **(***так Х|р|у|щев, муж Причины-Хр|и ру|сский, изгнав тьму Тирана, был именем сам Никта, Ночь,* ***получерн: сроден Миру****, — дав первый землянам полет посему вкруг Земли как вкруг Мира: ведь Мир нам, землянам — она***)**. Длань Творца, Но|чь **—** суб|стан|ция: Глубь, что сто|ит коло|м в нас (Тьма-Но|ль — Фаллос(Кол)-Цикл(Коло)); Де|н|ь **—** акци|ден|ция: акци|я Ночи наружу, не-Глубь, де|ло Длани, Ноля. Бу|дни — дни, праздник — ночи, пора чья — Любовь, сущих Пир. Тьма нам Тó, Свет нам — Это; и То **—** Мес|То нам, сущим (м|ест|о имущий — ест|ь), То|pos, пос|ледний Чер|Т|О|г, где облатка, прейдя, станет Суть **(**«Я есть То» в Ведах: над|о нам То, кое Над **—** Матерь-Выс|ь, Очи-Vis, Рот-Нап|рот|ив как **К**|То-**Ч**|То: **К**|а|ра|на **—** **ч**|ерна**)**, и Том|лен|ье о Месте сем: Долг наш **—** Свобода **(**и тот, мир чей лок|ус, лох|ань, **—** есть лох, нуль, п|лох вполне**)**, ведет куда Гер|мес-Психопомп, а п|рет|ит **—** Не|мес|ида рет|ивая, Мéс|т|а лишая нас: труд ее **—** мест|ью мест|ú, как мет|ла, вдаль от Цели, Мет|ы. Вечность крóя собой и кроя, Тьма **—** Ор|ел: Крыл|лья те, кои рею|т везде, г|рея нас и губя.

135. Беспредельное-Небытие и Предел-Бытие меж собой относимы трояко:

- единство их при власти первого есть **оргиазм**;
- их единство при равенстве их — Мир, над коим как Автор и Мера стоит Бог;
- единство их, где царь Предел как узда Беспредельного, есть от Египта идущее чрез Пифагора **число**. Пифагор есть гла|шат|ай числа, Египт — датель его: ведь творец числа Ноль, Не-Число, в мире сем явлен Двоицей, численным ликом своим, чья Египт есть земля.

136. Обуздание Вечности, Тьмы-Ноля, давшее власть Двойке бренья, свершили три мужа:

- Ме|л|амп ограничил реформой ее социально, введя дни господства как Жизни ее, дни иные же — вверив Пределу (*«ме|л|а|н|ос» (греч.) — черный как белого, ме́л|а, нес|ущая суть: Белизны — Чернота, Света — Тьма; «амп» — корнь власти ам|п|ир|ный, каков в «т|амп|ли|е|р» он*). Так л|амп|ы огонь царит в кол|бе ее, вкруг же — тьма.
- Ор|ф|ей (*Ор|т|е|й, Or-Theos, Мать-Бог; «прямой», Орт|ий: Песнь, Тьма — Прямизна; песнью слит с ним Ор|муз|д, форм творец: «пев|ний» — о|предел|енный, оформленный (укр.)*) ограничил как Путь ее, Тьму-Рел|ьсы, — в части сердечной явив как рел|игию, корнь чей О|р|е́л, Тьма, а в умственной, сердцем живимой — дав как философии столп. Тьму *стеснив* и склонясь пред не-Тьмой, Аполлоном, был Вакхом за то он убит чрез менад, жриц Луны.
- Пиф|а|гор, Гор|а, Феба-Пиф|ийца адепт, философию рекший Орфею вослед как Безмолвью — как Сердцу, ей дал в стражи Ум чрез числа́ власть как Се́рдца-в-Уме. В сем свершеньи Предел, Ум, как смерть, Жизнь попрал, став ей склепом в чреде побед: Жизни — числом (Пифагор), числа́ — мыслью об оном, идеей (Платон), ее ж — вещью, пустой без числа (Аристотель), к забвению Жизни как Бога-и-Тьмы. Пифагор и Орфей есть столпы философии, Божьей науки, чрез кою мы учимся Должному: Богу и Миру (ведь Должное — Суть; Суть — Они). Пифагор есть Ум-молвь (сущий с

Индией в связи: Ум — оба они); Орфей — Сердце-Безмолвие (молвь чья — Песнь: Сердце — не Ум); сплав их — Мир, философии суть: к Богу Путь и влеченье людей. Суть философа — Путь, Мир; Цель, Бог — мудреца́ Суть. Цель выше пути, с ним единая; с тем, всяк мудрец есть философ; философ же мудр в меру знанья единства Цель-Путь, а в нем — властия Цели, Творца.

137. Бог — Любовь, и Любовь — с Ним единство. **Философ — мудрец, насколь любит; философ он — насколь, любя, он мудрец**. Любовь — палка стояча о двух концах: верхний — мудрец она, нижний — философ, едины в Любви. Мудрец — Любовь сама, а философ — любящий Любовь, Мудрость-Тьму. Не люб*я*щему мудрый — одно, а философ — другое, и им не сойтись никогда; в очах *лю*бящих, Истину зрящих — едины сих двое как мать и дитя. Как разъять меж собой их? От Сердца впасть в Ум: ибо Сердце — Единство, а Ум в себе — Рознь. Таков Ум-Пифагор: утеряв Любовь, Суть, — философью свел он в уста бренны: не Сердце, но Ум, — оглашеньем сгубив-остудив Огнь ее.

138. Бог — Жизнь наша: Им живы мы. **Всяк есть философ, насколько Живет: Жизнь — Любовь, коей жив любомудр**. Жизнь, Любовь — философии суть, Цель ее как Пути, из нее состоящего в точке любо|й: ведь состав пути — цель. Богосущный, Восток — мудрых край, кои есть и философы с тем: философия — Мудрости часть, суща в ней как Ум в Сердце, в себе же — мертва. Миросущный без Господа, Запад — немудрых философов область, путь коих, бесцельный — ничто.

139. Беспредельное — Мудрость: мудр вольный, в свободе зря Господа-Меру; Предел — есть невежество: царь-тупик. Мудрость поправши им, с тем Пифагор не причислен к Семи как начальник утраты ее. Философию дав как любовь к ней пустую — немудрую (Мудрость есть Цель у него, Любовь — Путь, кои разны), — явил он то: Мудрость с Любовью — не Два, как рек он, но Одно, как един с Целью Путь, коим следуя, Целью живим, мудр философ. С тем, путь, Пифагором

реченный, не в Мудрость ведет — от нее: от Тьмы — в тьму, в бесконечность дурную — от Вечности, Бездны Добра; Пифагоров философ, без Мудрости сущий как Сути своей, есть глуп|ец: утерявший Глуб|ь — в себе Себя, в уме Сердце, Я-Суть. О сем пишет Олимпиодор, в своей «Жизни Платона» под «вечно запертыми дверями» пифагорейцев зря запертость их дверей в Истину, а под «надменностью» их — нарциссизм братства: верность не сердцу — уму как надутость собой (надувать — надмевать) — без Себя **(**в чем суть всех сущих сб|ор|ищ мужей, не единых в себе — ведь един Муж Женой, — сб|род|а их; сбор, суть сбор|ищ — от брат|ь: берет — брат, Муж: Жена ж, Кор|á Бога — да|ет без кор|ы|сти мирской**)**.

140. Мудрость — Сердце, наука — Ум. Третье меж них — философия, чтящая Сердце стремленьем в него как Причину-Цель, Мудрость-Любовь. Любомудрие, суть философии, есть любосердие: Сердце и Мудрость — одно. Пифагор, разделив Цель и Путь, с Умом Сердце разъяв, — философью от Сердца отъял; Аристотель — вверг в Ум ее: **из любосердья — створив любоумие**. Гегель сказал про сие: Стагирит «философию сделал научной» — дал Ум ей как Корень и Цель: *целевую причину*, как звал его он, мня за Господа Нус. Он не сделал сего б, не *случись* Пифагор, эгоизмом своим оборвавший ее с Сердцем связь.

141. Так муж сей, Фебу люб, изменил сему богу: быв Сердца Умом, стал Умом он Ума. Ибо, солнечен, Феб не лишь Ге|л|ио|с, Солнце как бренья явь, но, его больший, — покро́в есть он, с Глубью единый исканьем любовным ее: Сердца — жаждущий Ум **(***Ио в «Гел|Ио|с» — Тьма-Глубь, Корова; Ио|ния — дом ей, Эллады восток***)**. Глубь любя, крив сей бог **кривизною змеиною**; змéя рожденный убить, он наружно его ненавидел, а втайне — любил, и на сей-то любви храм возвел: лишь Любовь — Столп, Вражда — нет **(***что криво, то кос|о. Феб-Л|о|к|с|ий, Кри|вой — Вакхом-Caus'ой кос: «око|сеть» — пьяным стать; «кри» — Хри, Тьма***)**. Красота как покров сильна Сутию, Тайной своей, Феб-Ум — Вакха безумством: в единстве с сим богом он — Мир! Фе|бус, Это — фе|номен, покров, что в себе пуст; Вакх, То — нумен, Суть, что живит эту тень-фе|ру|эр.

Посему Феба родина, остров Асте́рия (др.-греч. Ἀστερία — «звёздная»), Бу|ян у Русов — суть буй: Ян при Инь, поплавок на Воде, коя Вакх; Вакхом — Феб о|буян. Вакх за Фебом стоит как за днем — ноч|ь, нач|ал|о его: Ден|ис, Д|ен|ь — Ди|о|нис, суть Тьма, en; вечный Д|ень, Тьма — т|ень бренным, Второе как Суть. Вакх есть Сердце, Феб — Ум, сущий им как Луной — Солнце (*чтя его громко, безмолвьем Египт чтил Луну: Тог-Гермес, посвятитель его — Луны бог; бог Озирис, живящий из не|др — Луна, Тьма*), Христом как Сыном новым — Адам, ветхий Сын. **Вакх — поэзия, Ноль-Мудрость; Феб — проза, Два, философия-логика: первая — в Вакхе как Глуби, вторая — в себе.** Сказал Поль Валери:

> философия, определяемая всем своим корпусом, который представляет собой корпус письма, объективно является особым литературным жанром... который мы должны поместить неподалеку от поэзии

— после нее как причины своей. Гераклит, Сердца муж, был философ-поэт, ибо Тьмой мудрый, был он поэт, с тем — философ, питаемый Тьмой как Стихом: Сердцем — Ум.

142. Как облатка, Эллада — Феб, Свет; как Суть — Тьма есть она: Д|**и**|**о**|нис, Зевса с|т|ра|х (*Д|ио|н, Зевс — Дион|ис; Феба — в сути нет: Суть, есть он Вакх*), един с Матерью, Тьмой; культ Дельфийский — культ зме́я, чьим духом, из прорвы струимым, безумная дышит жена, змея та ж: змейность — Тьма. Феб — явь, Вакх — ее Тайна; Аск|ле|п|ий, сын Феба — змей-сын Змеи́-Тьмы, предержащей как чашу жизнь нашу. Феб — кр|ов-Люб|ов|ь; Ва|кх — Лю|бовь-Суть, Вахта сущих: С|лу|жен|ие их (*kh = x: Суть с пол-Сутью (ведь К — пол-Х) — Суть; рознь — не в счет. Ва|к|са, черная — Ва|кх, Сердце-Тьма; «Вах!» груз|ин|ское — к Вакху, В|ин|у зов людской, хвалы клич; «Вах» — ваг|ина: Тьма, Вакхова Мать. «С|ва|х|а!», клич ашвамедхи — Любовь, Мать Сва, свах Сваха, Жена над-мужня, Сва-Вакх: sva — свой (санскр.) как в Жене, Лоне Муж; жена Агни есть Svaha же: Сердце — Ума Суть; Вах|тан|г, вакх|абит — Вакх, театра бог, столп чей — Вахтанг|ов великий. По|д|вох — нож*

*Тьмы-Двух (д|вох — укр.); греч. «**э|в**|ох|**э**!» — «здравствуй!», сиречь «люби!»: Ева-Вакх, Любовь цельна*): любить — в Боге б|дит|ь как дит|я (так бдит Мир, Дитя Бога, Его вечно зря; мы ж, незрячие, спим), быть на страже всегда: стража — варта (укр.): Ватра, Костер сущих — Тьма, Лоно лон. С тем, ваг|ітність, беременность (укр.) в сути — Вакх, Лоно-Тьма (Г = Х); А|пол|лон (А|pol|lvn — греч.) — пол-Лон|а: лишь Вакхом он цел: Солнце — Лон|ом, Лун|ой; бог искусств, Аполлон — под|раж|атель, горящий огнем его: Жизнь, Безыскусность — ис|кус|ства Суть, Вакх. **Феб, покров — з|лат|о, латы; Вакх, Суть — се|ребро как Ребро в нас: Глубь-Д|ва, Д|е|ва-Ва|кх (ведь сребро нам за златом — второе).** Сребро́ Грекам — злата ва|жне|й посему, как важней Феба Ва|кх; «важ» — «ваг» — Вакх: Тяжесть, Тьма. Феб, с тем, — бог сребролукий (как пишет Гомер): лук важней стрел златых, ибо в нем полет их; лук есть целое, стрела же — часть: Аполлон как пол-Лона, Ноля-Сердца Двоица-Ум. Рудников царь в Элладе не злато — сребро Лав|р|ионское: Лав|а — Любовь, Вакха Тьма, древо чье — Ф|еб|а лав|р (*о царе Гигесе, своим воцарением в Сардах сменившим Гераклидов Мер|мна|да|ми, Геродот пишет, что он, «вступив на престол, отослал в Дельфы немалое число посвятительных даров (большинство серебряных вещей в Дельфы посвятил он). **А кроме серебра, он посвятил еще несметное количество золота**» (выделено нами). Сребро, а не злато — суть денег: кто жаден до них — сребролюбцем зовется в миру*). Любви жаждущ взаимной, Феб часто отвергнут как **меньший Любви, Тьмы**, разимый Эротом жестоко. С Афиной вдвоем Феб — защитник отцовского права: так Мужа, Ум, — Сердце, Жена бережет. Вся мощь Феба — дар Тьмы: прорицанье — от Геи, над музыкой власть — от Гермеса, от Вакха — безумство творца и экстаз. Феб пастух и хранитель стадам силой Тьмы, коя есть Пастырь наш. Своего — ничего нет у Феба: свое корке — данное Глубию ей. Верность Феба семье своей, редкая промеж богов — Мужа верность Жене-Сути: Сердцу — Ума; Лебедь-Муж, Аполлон без Жены не живет: Свет — без Тьмы. Александр, бело|кур|ая бестия-лев, ликом Феб — Вакх

душой (быв Востоку «Двурогим» как бог сей: ведь Вакх — звался так), и ко смерти по|д|ви|н|ут — вин|ом: Вакхом, трон отобравшим его. О том пишет Плутарх:

Однажды Александр, раздевшись для натирания, играл в мяч. Когда пришло время одеваться, юноши, игравшие вместе с ним, увидели, что на троне молча сидит какой-то человек в царском облачении с диадемой на голове. Человека спросили, кто он такой, но тот долгое время безмолвствовал. Наконец, придя в себя, он сказал, что зовут его **Дионисий** и родом он из **Мес|сен**|ии; обвиненный в каком-то преступлении, он был привезен сюда по морю и очень долго находился в оковах; только что ему явился **Сера**|пис, снял с него оковы и, приведя его в это место, повелел надеть царское облачение и диадему и молча сидеть на троне (выделено нами — *Авт.*).

Вакх при Матери — Бык при Корове, без Матери ж — Мать он, Корова сама, *буйно-нежен*. Таков Александр, женолик. Посему Букефал, «Быкоглавый», конь-друг и слуга его, при нем есть Бык при Корове, при Сути пол-Суть; быку бык, часть для части без Сути роднящей — не друг никогда: **д**|руг без **Д**амы — руг|ня. Александр — Вакх, с тем — Ма|ть. Ма|кедонии-Тьмы сын, он Грецией правил искусно: **Тьма — Греции суть**, очам скрытая как в смехе Феба — печальный Аид, *тьма Ума*: Мир, столп Греции — Ум при Тьме-Боге: без Сердца сего — как без Тела Рука. Феб лицом, Вакх душой — не один Александр в сем: то — *образ эллина*, ти|п|аж его. Сказано:

Жители тех стран, где эллинский тип сохранился чистым, высоки ростом, широкоплечи, с прямым станом и крепкими членами; у них белая кожа, светлые волосы, на щеках небольшой румянец; ноги прямые стройные, с небольшими ступнями, голова круглая, средней величины, крепкая шея. Их волосы с рыжеватым отливом, мягкие и слегка вьющиеся; у них прямоугольные лица с тонкими губами и прямым носом. Их глаза, подернутые влагой, отличаются мягким и проницательным взглядом и сильным блеском; из всех народов у греков самые красивые глаза.

Адамантиос, врач, V в. по Р.Х.

Так белого мел|а суть — Тьма (греч. mel|as), Луна, дитя чье Лем; мел, с|мóл|от — с|мол|а, что черна как Мед, мέλ|ισ (греч.), Тьма. «Греч» — гра|ч, Тьма, Греков Суть и Печ|аль. С тем, чтил грек Э|л|ев|с|ин, Вакха дом, и мистерьи его: над Умом — Сердце, Суть, в Фебе — Вакха любя: в Мире — Бога как Мать, сущих Мед, лик чей

есть Артемида Мел|ис|са, Пчела, А|полон|а сестра, коей по́лон как Матерью он. Вакх, Конь-Бык — при ней вах|та; кто служит ему — Вахты сей ча|совой, двоим служит, а кто Фебу лишь — никому, ибо любит себя без Себя (как Нарцисс, Фебов раб). Слуга Феба, обоими взра́щен Платон и обязан двоим им своей всесторонней гармонией (как с ним — Гомер), объяснить допуская и сердцем себя, и умом (рек Олимпиодор): Сердце, Вакх — ума Суть. Вакх — суть Бог, Феб — суть Мир, спрягший Три: Небо, Землю, Аид. Гимн Орфея о том говорит:

> Бог светоносный, неистовый, отрок преславный, прекрасный,
> О Мусагет, о плясун хороводный, стрелец-дальневержец...
> Златокудрявый, вещатель грядущего чистых глаголов...
> О всецветущий, ведь ты кифарой своей полнозвучной
> Ладишь вселенскую ось, то до верхней струны поднимаясь,
> То опускаясь до нижней...

Миросущная Феба обитель, Эллада из Вакха растет и мистерий его, без каких есть ничто **(***«Жизнь опостылела бы эллинам, если бы запретили им эти святейшие таинства, объединяющие род человеческий», — писал в середине IV века н.э. римский проконсул Эллады Претекстат христианскому императору Валентиниану I, издавшему указ, запрещающий все ночные, в числе том и Элевсинские, мистерии***)**. Маску, Феба, уча носить нас, того прежде Эллада нас учит носящему, Вакху: **Тьма, Вакх — Суть людская, что в Феба играет с людьми**. Тьма — Игра; Вакх, при Тьме Бык — Акт|ер (с тем — театра Начальник) и с|ам ма|ска Тьмы, ska'ф Ее как без|золь|ный Хит|рец **(**зло — от Сути зол|а; Вакх же — Суть, Мать**)**, что в маски играет свои по закону Игры, в коем ма|ска — и Ма|ть. Тьма, Вакх — столп, коим тверд наш хар|актер, актер-Гор: Гор — Феб, в сути — Вакх, бог-Дитя, пай|дион — Тьма от Тьмы (пай — пей (воду)). Актер, Вакх — Аз|Арт, «Я искусства»: Аз — Я (стар.): То, Тьма-Мать, Искусство как Длань. Глубь — пряма: Вакх, тирс (столб); покров — крив: Локсий, Феб. Прямой — г|лад|кий: Вакх — Лад, или Хор (с Миром, Хором един: оба — Троица); крив|ой — коряв: Феб, на Вакхе-столбе шел|уха. Вакх есть Суть, Постоянство; Ф|еб ветреный (ведь ветрен бо́г сей) — покров, что над

нею, кол|еб|ля|сь, мерцает — и глядя очами ее, мним неверной мы Суть **(***в мате|мати|ке — как переменную, X: не она неверна — очи бренные наши, не Сердце, но Ум. Так не|вер|ен очам умным Мир, Десять-Т|вер|дь***)**. Феб кривым Грекам был, — ибо знали они Пр|ям|изну, Вакха-Суть чрез мистерьи его: в вакх|аналии, ор|гии («гия» — суть Гéя, Тьма) — прям человек Удом-Тьмой, ведь уд — столп. Феб, покров — печ|ать Сýти сей, Тьмы, огнь Огня, тень. Так Кол|ум|ба **ма**|р|ш|р|у|т, кривой внешне — прям в горних очах как Столб, Тьма; так работа моя, виясь в бреньи к концу — как сей Столп пряма в них. С тем-то, Феба печать, что Коперник имел — печать Вакхова; Солнце Коперника не суть стороння — Причина, Огнь в нас; и Ко|пер|ник — от coper: мед|ь, пифии стула металл: Дионис, Феба Суть и жены сей, безумной им, Тьмой (**м**|едь — **w**'едь: в|é|д|ен|ь|е, в Бога ез|да как Е|да). Суть с пол-Сутью, облаткой — Суть та же: подобье — у Сути внутри, в Сердце — Ум, тень его. С тем, царь Фебу — Эрот: Тьмой жив Свет; «Отчий» внешне (так звался он), Феб внутри — Мать, с тем — отчества нет у него: Феб — «Летоид» по матери, Лето. Он — бог сребролукий: сребро — Вакх, Деянье (ведь к делу, Пифона убитью — лук в Фебовой длани назначен); целя **(**ведь целúть — цель иметь, цéлить мочь как стрелку, кем есть он**)** — Феб и губит (стрелáми порою разя без разбору: Вакх — Хаос); храним им, Тесей Минотавра убил как **по сущности Вакх: Бык — Быка же**; в честь Феба **как Вакха (**с хвалами обоим: Феб чтим был как Два — Феб и Вакх; Вакх — как Вáкх нагой, Тьма-Ноль**)** шли оргии ряженых в плющ: «Плющ», **суть Вакх** — звался Феб, ведь и был Вакхом он, звавшись «Бак|х|ий» (Б ↔ В). С тем, Пифона убив, Феб спускался в Аид **как дом свой** в знак вины за убой **змéя змеем**: ведь змéи, Тьма, оба — и Вакх, и Пифон **(**так змей, sar — рыцарь, сэр, поединщик драконов; Феб — сэр: змей, кому кожу skin'уть — есть Вакха явить, Суть свою**)**: «пророк Зевса» (Эсхил), Аполлон прежде — демон при Гее, учимый сей Тьмой. Делос, остров бегучий, где Феб был рожден, лишь к сему бег прервал — ради Света, Покоя, — оставшись в себе Бéгом, Тьмой: Жизнь — она, Покой — смéрть в себе. В паре «поэзия – проза» поэзия — Вак-Сердце, проза — Феб-Ум,

что поэт — в Вакхе лишь, и чтя Феба главою поэтов, чтим Вакха мы сим. В паре «музыка (песня) – поэзия» музыка — Вакх, а поэзья — Феб, лирный чрез Ва́кха лишь; с Марсия кожу содрав, кожей сей был он сам козлу Вакху, сат|иру при Матери-Sat. Зная то, не причислили Греки к Семи Пифагора: Семь им — Сердце, Вакх, с коим был муж сей в розни как Ум-эгоист.

143. Эгоист, Глубь презрев, Пифагор изменил Фебу, Вакха поправ, — и от Феба, Гармонии бога, за то поплатился абсурдом конца, злою смертью: ч|уж|о|й — не своей **(***смерть чужая, суд Тьмы — есть от рук людских смерть не по воле своей. Смерть Зенона с Сократом — своя, ибо с волей согласна их; смерть Пифагора — чужая: быв в славе, принять он ее не хотел***)**. Ведал то Гераклит Вакха оком, в Гомере к|лей|мя умность мифа (хоть миф сей был Сердца не чужд), в Пифагоре ж — измену сю: Сердцу — Ума. В Пифагора лице человек изменил божеству. Вслед сему в Стагирита лице человек изменил человеку — Платону, учителю, рознь людям дав как пример злой: **предавший Учителя — Бога преда́л, поправ Двойкою умной Одно, коим есть эти Два: сердце с Сердцем его (***Аристотелю Истина милей Платона была, ведь не зрил он в Платоне ее, **не имев посему в нем Учителя, коим есть Бог, в человеке рекущий**: Учителя чтя, Бога чтим как Того, Кто речет чрез него. Зрящий в розни Учителя с Богом — в сем мире лишен к Богу врат. Так, безвратный, от Бога отпал Стагирит; так из душ арианство изъяло Христа как Учителя, с Богом разъяв Его — с помощью в том Стагирита, **закон розни чей — есть измены закон***)**. Так Восток, Бог гор|ящ — попран Западом был как запа́д|шим Огнем, Сатаной. Гераклитова речь: «Пифагор, М|не|с|ар|х|ов сын, занимался собиранием сведений больше всех людей в свете и, понадергав себе эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость», — обоим предателям суд: не чтя Сердце, Ум — вор есть ему, Солнце скрывший в мешок, как у Гоголя черт скрыл луну в мешке грязном: Луна — сущих Бог, Мать-и-Вакх, Феба Суть.

144. Явь, от Тайны в себя воззрясь, ей есть предатель. Таков Пифагор: п|р|ед|а|в Феба как Глубь **(**red (англ.) — красный: Вражда, еда злых**)**, пре́дал он и Орфея: Глубь — оба. Свидетель в том Ио|н Хиосский, в «Триадах» о Пифагоре сказав: часть трудов приписал он Орфею. Вот — связь Тайны с явью, но муж сей не зрил: не явь первое — Тайна, Причина-Тьма. Тайна, Орфей в Пифагоре нашел пару, явь, *приписавши себя сам к нему* как причину ко следствию: к Свету — Тьму. О сем и речь Аристоксена, сказавшего, что Пифагор — датель мер и весов для Эллинов: ко Глуби, как Мере единой людей и единому Вес|у их, муж сей до|да́л покров многих, *вторых в сути* мер и весов волей Глуби само́й: ибо Да|тель, Причина — Она.

145. Путь, что дал Пифагор нам, есть путь в Ум бессердный — на Дно, в Покой-Зло. Рек Монтень:

> Я не разделяю взгляда приверженцев Пифагора, будто люди, приближаясь к изваяниям богов, чтобы выслушать их прорицания, обретают новую душу, разве только он хотел этим сказать, что она неизбежно должна быть какой-то иной, новой, на время обретенной, поскольку в собственной их душе не заметно того очищения и ничем не нарушаемого покоя, которые обязательны для совершающих священнодействие. // В этом случае учение пифагорейцев утверждает нечто прямо противоположное наставлениям стоиков, требующих *решительно исправлять познанные нами в себе пороки и недостатки*, но запрещающих огорчаться и печалиться из-за них. Пифагорейцы — те заставляют нас думать, что они в глубине души ощущают по той же причине сильную скорбь и угрызения совести, но *что касается пресечения и исправления упомянутых пороков и недостатков, а также самоусовершенствования, то об этом они не упоминают ни словом. Однако нельзя исцелиться, не избавившись от болезни. Раскаяние только тогда возьмет верх над грехом, если перевесит его на чаше весов.*
>
> (курсив наш)

*

146. Как Мир в теле, душа непричастна ему, но оно — часть ее: ведь при|част|ной есть целому част|ь. Душа есть корабельщик, корабль чей есть тело, владея каким, она есть ка|п|и|т|ан (сиречь кап|ля-пит|атель его, Тьма-тан|цор), а нет — раб ко|раб|ля. Из души состоя (как у наших Гостей), тело — Всё, из себя же — ничто, коим зрил Стагирит душу нашу, ведя из состава плоти́. Душа, Мир — те́ла центр нетелесный: Одно — половины; дух, Бог — Центр его: царства — царь благой.

Тело душевно, душа же — духовна: ведь Корнь Мира — Бог, Я его, наше — с те́м. Правя Этим и Тем, Бог внутри и вовне, иль Везде — в Этом-Том, кое Мир; и нигде Он: ведь царь выше царства. Он брению — чистое То, Мира Глубь. Аристотель, под «автоматическим» (to automaton) мысля лишенность ego, в незнаньи Я-Господа был Сатаны автомат, мнивший вольным себя, а Мир — куклой послушной Ума: Сатаны-Зла, каков Ум без Бога.

147. Бог есть Да, Мир есть Нет, Г|нет: свободы Суть — Бог. Бог, бесчастный в Себе — Простота. Мир, Второй (Два — корнь многости) — Целое ст|ран: Хор миров, иль Гар|мон|ия их: Гор, иль Хор, что держа-неся (har — санскр.) из недр нас, звездой в нас гор|ит. Го|р|и|з|онт — дом его: Д|ал|ь как Ц|ель, что Бог дал нам, не|цель|ным, ко славе Своей, риз|а Бога и сущих з|онт, лик бытия (ont|os) их. Мир, Хор — Г|рад, Го|род: Род, Го|ловой своей рад|ый; о нем как двух гра́дах, Вражды и Любви при господстве последней — ведь Мир Шар ее, — речи вел Августин; Эмпедокл зрил ход внутренний Мира, как Шара сего, из Любви во Любовь чрез Вражду, не-Любовь. Град есть Пол|ис (греч.), Пол|е Творца (кш|ет|ра): Мир, без Него пол|овинный, а с Ним — Пол|но|та. Бог есть Целого Бог; Дьявол — бог половины, без Бога не|цель|ной, пустой. Мир лишь с Богом есть Мир, а без Бога — безмирье. Кузанский сказал: «Отстраните Бога от творения, и останется небытие, ничто». Мир как Целое старше частей своих (кои — и мы) как их син|тез — syn|Theos, суть «склеенный Богом». Познанье идет посему в нем от целого, кое причинно-чер|но, к части, ло|к|ус|у: сиречь от нумена, Глуби — к феномену, крышке ее, от Себя — к не-Себе; с тем лишь, с Глубью в единстве — обратно, снаружи во Глубь. Зрил то Ше́р|лок в де|дук|ции — «вы|ходе», ходе наружу (duc|ere — вести (лат.)**)**; ин|дук|ция ж — ход в Глубь в причастности ей: Полнота, Глубь — царит. Ход не знаем сей мы, частью мня Полноту. Так ребро, Д|Еву-Мать, Глубь, мним частью Адамовой мы: частью Мужа — Жену, — хотя са́мое имя А|дам, «с Дамой слитный, при|част|ный ей»: Матери Сын, покров Сути, — обратного знак, и в повторе «…А|**дамА**|дам..» явственна Дам|а, Тьма-Мать (повторять — Суть являть). Зря

извне, Глубь мы, внешние, частию мним, а себя, часть сию — Полнотой, Глубью. **В|з|ор верный есть Глуби взор, очи коей обресть до́лжно нам**. С Глуби, нашего Я, до́лжно д|лить путь: Идти — от Себя до́лжно; Глубь, Я — Восток, сущий в нас как по|кр|ов|ности, Западе: Сердце — в Уме, дух — в плоти, Я — в не-Я. Юнг сказал: «Для Востока… характерно, что поучение всегда начинается с самого главного, т.е. последних и высших принципов, — всего того, что у нас попало бы в конец, например, как у Апулея, когда Лукия чтят как Гелиоса лишь в конце. В соответствии с этим инициация в «Бардо Тходол» протекает в виде «climax a maiori ad minus» [нисхождение от большего к меньшему (лат.)], а завершается новым рождением in u|ter|o [в матке (лат.)]». Он пишет также: «китайский [т.е. восточный: Ки|тай — суть Восток, Тай|ны дом: Духа, Ки (Ци)] автор всегда исходит из самого главного, а именно из того, что мы обозначили бы как вершину, цель и глубочайшую и последнюю интуицию. Это предъявляет столь высокие требования, что человек с критическим интеллектом ощущает побуждение либо говорить издевательски-самоуверенно, либо вещать полную чушь, если отваживается пускаться в интеллектуальный дискурс о сокровеннейшем душевном опыте величайших умов Востока. Наш текст начинается так: «Сущее само по себе называется дао». А «Hui Ming Ging» начинается словами: «Самая тонкая тайна дао — сущность и жизнь»» — Свет и Тьма, синтез коих есть Мир.

148. Мир под Богом в покорстве лежит, над|лежащий нам, бренным, как Дол|г, к Богу Путь; Бог — над Миром стоит как Цель наша: Суть Цель|ности, коей есть Мир. Мир — Дол всем с ним единым, Бог — Высь: ибо Высь — Цель, Дол — Путь. Путь есть Хлеб наш, С|тез|Я: всяк Иду|щий — Едý|щий, иль е́ду|щий к Богу в челне, каков Мир. Хлеб, он есть и В|ино нам: в Ино|е тропа — в Бога, чистую Суть.

149. Зримый в розни с Создателем, Мир Им творим. С Ним единый в очах, сиречь полный Им, — Мир есть строитель себя, бытие чье — самосозиданье. Мир, Т|рой|ка — Рой: ст|роить — роить|ся. Так пчелы вкруг матки роятся как рой ее, дом свой творя: внешне — силой своей, в сути — матки. Рой маткой един: Мир —

Творцом, своим Клеем; без матки рой — общее, смерть. Мир как Рой есть нам вызов: рой к Богу! — ведь Бога как Цель обретем, Мир прорыв до конца; ст|рой Себя! — ведь построив себя как Мир, Зданье, мы в Бога шагнем без преград: Пара Бог-Мир — касаньем Одно.

150. В Мире-Трех, Тьме|Творце|Свете, Свет с Тьмой едины: Свет Тьмою пронзен, Светом — Тьма **(**так по «Бардо Тходол» пу|с|то|т|а — светоносна; в очах Пифагора пылинки в луче солнца есть души у́мерших и нерожденных людей как То — в Сем; Аид Греков был местом на *этой* земле, куда, с смертию дружен, имел вход герой**)**. Соткновенье — т|кан|ь Мира; игла ее — Кали, Тьма, кан|увших Мать и живущих, что т|кали и ткут. Филолай сказал: «Все существующее должно быть пределом или беспредельным или тем и другим вместе. Но быть пределом или только беспредельным *оно не может*. Вследствие того, что, как оказывается, оно не состоит ни исключительно из одного предела, ни исключительно из одного беспредельного, совершенно ясно, что мировой строй и [все], что в нем, образовалось из соединения предела и беспредельного» (курсив наш). Мир — ткань; ткач, ее ткущий вечно, есть Бог, с Коим вместе Мир — Три (в розни ж — Два как ничто: без творца нет творенья его). Нота Ми|ра — из нот третья, «ми», ж|ёл|та третьему цвету согласно как солнца златой желтизне: ибо зримое Этого солнце — суть Солнце-Всё, Мир, ми|тра Бога; субстрат Мира — жёл|чь (cholé; hólos — весь, целый (эллин.)), желто-черная: Мир — Полнота-Пустота, что как первое жел|т, как второе же — черен. Мир в теле есть сердце (Глубь — в нем) и с ним пе|ч|ень, сей пе|к|ар|ь жел|уд|ка: Огонь, Мир — печет. Ор|ел, печень клюя Прометею, выклевывал Мир из него (так клюет душу нам остракизм); винопитье без меры (ведь мера суть Бог: нет Его — гибнет Мир в нас) вершит над людьми кар|у ту ж**.**

151. Мир как Пара Творца есть Одно; как Тьма-Свет — Два; как Двое сих, склеенных Богом — Три он. Мир как Тьма и Свет порознь — **Луной** явлен нам, где они неслиянны; и Двойка, Луна нам, Двух сутям (как детям Природы, Двух, Тьмы-в-Бытии), есть **вход в Мир**, а Гостям нашим, сущим, как в Мире, в Луне — **выход к**

нам. Чрез Луну с Миром связаны мы — с Целым часть; ею, как Целым сим, осеняемо дело любое и жизнь наша вся, дело дел. Связь с Луной — с Миром связь — прежде прочих являют великие судьбы: Величие наше есть Мир, Камнь камней. Слову «Мир» сродно «мера» (с тем — Меру, Индийцев гора, Ос|ь всего о тетраде сторон: Четверица — Декады знак в мире сем: Круга — Квадрат): то — Г|ос|под|ь, Мир|а Мер|а, иль Ось-Под, суть чистая Г|лубь, коей сущ Мир и коей лишенный в очах, он есть мер|зость. Ос|ь (axis — лат.), Бог — Ценность (axi|os). Мера, Он — Жизнь; с|мер|ть — безбожье как с Мер|ой совместное: с Сутью — ли|ш|енность ее, как на теле здоровом ли|ш|ай.

152. Мир, как сказано, есть Полнота-Пустота: он в смотрящих, пустых очах пуст, в полных, *видящих* — полон: Творцом, с тем — собой. Так в английском «дыра» — hol|e (отсюда «пустой» — «хол|о|с|т|о|й»; «целый, весь» — hó|l|os (греч.) и **w**|hole (англ.). «Хо|л|ить» — ц|ель|ность л|е|л|ея|ть как Истину гол|ую, Гол|ову-Мир, Полноту-Пустоту; и зим|а, хол|од-х|лад (глава года, начало-конец), целúт зем|лю, утробу сем|ян, водой мертвою: смертью — в очах бренных, жизнию — в сути нетленной своей.

153. Мера Мира, Бог — Ц|ел|ого Суть, кое Мир, Богом сущий. Как Суть сия, Бог — корнь побед Ал|ександра над Персами, в духе нецельными: pers — суть pars, часть (лат.); «Бог — мой полководец!» — Сув|о|р|ов сказал. Мера Мира, Бог — мера вещей в нем, с тем — вещи любой (гераклитовски — мера своя ее): Целого мера — есть мера частей. В череде перемен, как Одно, вещь впрямую хранима Творцом; она суть не идея, Умá грань, но Бóг сам: ведь следствие живо Причиной, единою с ним. Бог, Причина Всего, кое Мир, с сущим каждым стоит беспромежно — **ма|ку|шка к макушке его, голова к голове**. Кто не знает сего, перед тем голова к голове Сатана стоит прямо — тен|ь Бога, с|тен|а к Сути сей, коей есть сей не-Бог. Голова к голове, Бог — сердец Благодать, **Сердце-в-сердце**: Спаситель, Со|тéр, что, в сердцах сущий прямо, из тер|ний влечет нас с Себе (учил так Августин).

154. Не Ум — Сердце Причина всему: Бог, во многом Единый как Сердце его; Ум же, многость сия, жив лишь Им и Причиной не есть: ведь Причина — Одно, Корнь. В «Федоне» Сократ говорит о том в речах об Анаксагоре, дивясь, что, признав Ум причиною и устроителем мира, муж сей отрешает его от главенства отдельных процессов, беря к тому воздух, эфир и иное. В пример взяв себя, ждущего исполнения смертного приговора, Сократ говорит: если рассуждать подобно Анаксагору, следует сказать: «Сократ сейчас сидит здесь потому, что его тело состоит из костей и сухожилий и кости твердые и отделены друг от друга сочленениями, а сухожилия могут натягиваться и расслабляться... Вот по этой-то причине он и сидит теперь здесь, согнувшись».

155. Бог есть Мера. Он все это имя, а в нем он есть гласная «е», к е|динению суща. Единство сих букв, «и» и «е», ли|т|ер Божьих, зрим в имени мы И|***и***|сус как I|***é***|zus (лат.); также в игре их в словах «у|м**и**р|ать» — «у|м**е**р|еть»: «у|мир|ать» — есть от *мира сего* отходить в *Мир*; «у|мер|ший» же тот, кто, отшедший, над бреньем вспарил и, прозрев, стал един с Жизнью вечной: с|мер|ть — бренного мера как Вечность, чья Мера есть Бог; и с тем буквы «и», «е» — О́н суть **(***как есть Он и пара «а — о»: ибо Альфа — О-мега. Конец и Начало — Одно, Бог-Творец. В смене всех четырех явлен Он в корнях «пир» — «пер» — «пар» — «пор». Пир, Огонь, Он есть сущих О|пор|а, суть Тот, на Кого о|пир|аемся мы — и, о|пе́р|шись, как птицы, пар|им***)**. Смерть, граница меж Этим и Тем — грань любая идущему: Это ему есть пред-гра́нье, за-гранье же — То; хотя То, как не-Это по истине всей — грань сама: Бог, Грань Этого с Тем, Третье-В-Мире, Иное-Внутри.

156. Г|ран|ь есть ран|а: ведь делит она. Гран|ь — хран|ит: от Того — Это; не будь ее, мир сей сгинул бы: То, Безграничье, в Сем — смерть **(***грань не зря души́ с вещью, смеситель миров Аристотель убил тем в теорьи мир сей***)**. Граней Суть как пределов вещей, задающих их о|предел|енность, Бог, The|os (The — артикль ее**)** есть пределов Предел как Начало-Конец: смерть вещей как вещей лишь, людей — как вещей; ставший ею отшел от Сего, ставши Всем: Пол|нотой —

пол|овину прейдя. Граней Суть, Бог во многом Един, мног в Едином: ведь Мира, Всего, Корень — Он. Смерть, Бог — Грань. Лишь добро проторит ее: Благо — Бог; зло ж, отразившись зеркально, вернется к тому, кто послал его в То. Рекут древние мудро: «О мертвых — или хорошо или ничего». Мертвый мертвому, бренью с очами его, есть для Мира, Живого — Живой. Жизнь есть Путь, Жизнь есть Цель. Гранью стать нам как Богом — обресть есть Его, жизней Жизнь, целей Цель: един с нею, Идущий — Пришел **(**и труд «Бардо Т|хо|д|ол» — снять преграды к Свершенью сему**)**. **Гранью стать — есть идти Перестать нам: свершить Не-поход (у вэй (кит.); way — путь (англ.)) как шаг в Бога прямой — Мир минуя**. Бог — чистое То как Я наше: Собой *стать* — есть *быть* нам Собой не идя: «Я *есть* То [уж теперь]». Ведь состав пути — цель, не-путь **(**третьего ж — нет: Путь и Цель — Глубь одна, Бог-и-Мир**)**, коей есть точка ка|ж|да его **(**Дух (Ка) жд|ущий, Бог-Да**)**; точку в нем обретя недеяньем, стяжаем Цель, Бога. В сем — **Путь-Сердце, Да|О, Путь Му|дрости легкий: вход в Грань, на какой мы всегда** (быть собою — что легче для нас?); рек о нем Лао-Цзы. **Путь-Запрет, в Грань чрез грани — Путь-Ум, Знанья (д|жна|на (санскр.)) трудный Путь**; шел им Кон|фу|ци|й чрез Ум-Ритуал, Ли **(***О Гьяни (=Джнани), Пути-Уме, сказано Йогой: «Путь гьяны считается самым трудным, результат, достигаемый на этом пути, дается гораздо сложнее, чем тот же результат на другом. Гьяна-йога, считается, требует от человека большой организации ума, силы интеллекта, воли, способной без помощи других упражнений держать человека на Пути. Подход этот без помощи других видов йоги [как Сердца — Уму — Авт.] обычного человека может привести к отрицательному результату и не рекомендуется многими Учителями Йоги. Говорят, что лишь йог, достигший просветления в прошлых рождениях, может практиковать только Гьяни»***)**. **Грань, Бог-смерть — Мес|То должное наше: душú По|селен|ье, Селен|а как Мес|яц, Луна-Суть**. Указчик его есть Гер|мес-Тот, со Вакхом единый: Того́ бог, водящий умерших чрез грань и в нее. Бог, Грань —

чистое То. С тем, взятá в себе, Грань — Чистота меж нечистых, какими есть Двое делимых ее; и пройти *через* грань — Умереть есть неполно, оставшись в нечистом; *стать* Гранью — стать смертью самóй, чистым Тем, сиречь в Господа, Меру, во|йти (в|мер|ти — укр.). Тайну смерти познавшему — миг *роковой* ее, бренных финал, есть *Свобода*: Господь, Тайна тайн.

157. «Гермес» — имя от гер|ма (греч. ερ|μα), с|*m*|*pou*|тельства камень опорный о тройке углов: в сути — Мир; на него опершúсь, всходим к Богу. Гермес посему — Трисмегист, сиречь Трижды великий опорностью сей. Грань идущим — и цель есть, и путь их: **идущий — на грани всегда, кою «выбор» зовем, Бога — выбор|оть дóлжно** (знал то Пифагор, грек, дав к выбору И|грек нам). С тем, имя «герма», как камень, — есть также и столб, что, гранён четвернó и Гермесом увенчан, был в Древности знак межевой, Двух делящий, да с тем указатель дорожный. Так в мире Тетрада собой кажет Три: место бренное — вечное Место людей: Три и Третьего, Мир и Творца, Суть его.

158. Грань, Бог-смерть — то, с чем дóлжно бороться: Шагнуть — О|до|л|еть. Так, по|ступ|ок свершая, с ней бьется герой. Речено Кастанедою: «Воин умирает трудным способом. Его смерть должна бороться с ним. Воин не отдается смерти так просто». Так некогда патриарх Иаков, ночевавший в стане, почуяв приход Бога, боролся с Ним до зари и престал, лишь когда Бог согласился благословить его. Боренье это, где Богом допущено нам победить, коль мы стóйки под дланью крушащей его, пред бедою — законно: лишь с Богом борясь, познаём мы себя человеком-творцом как вторым вслед за Ним, Суть и Силу Господню изведавши в схватке прямой и восстав к жизни истинной — от химеричной; у Бога лишь можем мы выбороть право свое на свободу, познав с тем свой путь и знаменье его — наше имя как миссии жизненной суть (у Ромена Роллана о том же читаем: «Тот не человек, кто не боролся с жизнью и не оставил в ее логове клочьев своей шерсти»). Грань, нас одолевшая, есть Ум как смерть, покоренная ж нами — Жизнь, Сердце она.

159. Грань, Иное очам — Тайна им. Явь сему — En’ей, грань меж Элладой и Римом: ни то, ни другое, безвидное им (en — не, ei|dos — вид, видность (греч.)).

160. Грань, Бог — По|беда побед, Шаг за грань и в грань: из Мира-грани — в Грань-Бога, Достигнув (ведь Мир, не-Свобода — Бе|да: сущий в нем как темнице — бе|з Да, Бога, сущий). Победа и подвиг в смотрящих очах — Два, а в *видящих*, цель|ных — Единство: подви́г|нутым быть — Тьмой, Д|виж|еньем-Же|ной — есть Взойти, свершив Шаг. **Враг наш главный — мы сами**: облатка — не Суть; не Бог — Мир, луб на Боге во Г|луб|и, какой есть Два сих. С ним сраженье («джихад-аль-акбар» — бой-Внутри, по Ис|лам|у) — война главна нам; враг сторонний — ничто, не-Мир. Подвиг свершивший — всегда победил: ведь шагнул над со|бой — к Себе; в Шаге же — Путь целиком. С тем, погибший геройски — вошел прямиком в Бога Дом. Бить|ся (бить — посему: во|ин бьет, ибо бьется-с|ра|ж|а|ет|ся: ра́джа|с — страсть) воину — Жить: бить себя и сражать, поверяя на крепость в стремленьи Взойти — Богом стать, Сутью нашей: ведь Он — Неделю̀м. Герой первый — себя победитель; иных — как помех на пути, терний — с тем.

161. Богом цель|ный, Мир — синтез, где Сердце, с Умом нераздельно, дало Уму Глубь — ибо Глубь есть оно; Ум же, Сердце проникнув, дал Ширь ему: ибо Ширь он, Рок наш, что ши|рок. С тем, в единстве сих Двух богосущном Мир, Всё, есть Ши|р|ок|о|е-Сердце-и-Г|луб|ок|ий-Ум. Рек Иван Гончар|ов: «Великая любовь неразлучна с глубоким умом; широта ума равняется глубине сердца. Оттого крайних вершин гуманности достигают *великие сердца, они же великие умы*» (курсив наш). О том же, как Глуби и Шири, рек Кедров: «небо — это ширина взгляда // взгляд — это глубина неба» (Тьма — Очи, Вз|ор, о́р|ющий небо, обитель свою, коя — Тьма та ж) и «сон — это ширина души // душа — это глубина сна». Глубь-Высь — Сердце; Ширь-Дол — Ум, широкий лишь Глубью своей. Шири Ш|**Т**|ырь, она шир|ит-шир|яет его (шир — шер — сер: Сер|дце-**Т**|ьма, Змей-Сер|аф) по|бужденьем расти над собой: Ширь без Глуби, без Сердца Ум — нуль.

162. Мир живой, — ибо жив Богом он, — Ок|е|ан-Рек|а (*Грекам два эти — одно: Океан их — река. Тихий бренным очам точно о|з|ер|о, в вечных — рекою живою течет он: покой — смерть, движение — жизнь, З|ero, Ноль как зер|ц|ал|о Творца, В|зор Его, коим в Мир Он глядит; Ноль как Очи — безумец Эро|т*) — О́к|а Суть, Вол|я-Р|ок; и таков человек, миросущный как полная **личность, творец**: чистый дух, человечность несущий как маску, личину, — как маскою Бога есть Мир. Как творец, человек — гончар Божий: ведь Бог есть Гон|чар (Ча|р|о|д|ей, длань чья — Тьма, Чер|нота́, Но́|та нот в хоре сфер); Мир — Кув|ши|н, Kou-Дух («кув» = «ков»: кув|ати — ковать (укр.)), где ис|к|рой мер|цает Господь, Цель иск|аний людских и Оплот Кра|сот|ы. В мире сем союз Сердца с Умом, в коем оба Любовь, есть Зенон с Парменидом, где первый был Сердцем, второй — Умом. В дружбе великой всегда, дополняя до Мира друг друга, один друг суть Сердце, второй — Ум; пример в сем — Ор|ест («сущий Гор», «Гор, что е́сть») и Пи|л|а|д: Сердце — первый, второй — Ум, как О — прежде П в смежных сих. Союз д|руж|бы есть Се́рдца любовный союз (в чем святой корнь молвы, что Зенон — Парменидов любовник иль сын, любви плод). Дружбы истинной нет без любви: она *дружба-любовь*, — в чем секрет древней дружбы, где нынешний мир, позабыв ее, зрит за суть сек|с, пло́ти глас: не Причину, Единство, но следствие, рознь без нее.

163. Мир, Господнее Целое, есть наша мера; Бог — Мера его, наша — с тем. Мера — то, коим мер|яем мы. Мерять Целое частью (пар|с|е́к|ами — Мир: pars — часть) не до́лжно нам, но лишь часть — Целым, Миром, чьи части есть мы меж иных; Целое ж (части — с тем) — Простотой, коя Бог. Часть, едина с Творцом, миросущна Господне: полна, ибо Полность ее — Бог-и-Мир. Часть с Ним в розни безмирно-пуста — пуста Господом: полный Творцом — Миром полн, а безбожный — и Мира лишен. Бога в части отдельной нет, иль есть Он в ней как Отсутствие чистое. Рек Псевдо-Дионисий Ареопагит: Бог, «будучи Всем во всем и ничем в чем-либо, всеми познается из всего и никем из чего-либо». Как часть богосущна, едина

с Творцом, человек личность есть; как часть в розни с Ним, он индивид (о чем скажем еще).

164. Тьма есть М|уд|р|ос|т|ь: Уд|á и Уда|ча, Тр|уд сущих, Рос|а душ и Р|ос|т|а Ос|н|о|в|а-Ос|ь (к|р|а|й чей В|ост|ок, Os|t) как Сила Ума-Бытия: его Серд|це, кем он це|л-силен; Же|з|л-без-Зл|а, Фаллос (Уд) всех жел|аний как Жа|ж|да-и-Жа|р. С Тьмой как Милостью Божьей (ведь Тьма — Милость) парен Отец-С|уд: не Уд — тень его и че|хол, пустой-хладный без Тьмы как Огня (*Тьмы фалличность являют врата (вульвы) чувств, по Платону — копейные: вниманье есть «устремленность души к познанию»; ощущение, aist|hesis — «стремленье души» (как к гнезду — аист: уд, фаллос — в вульву свою)*). Книгой Тьмы есть Тал|муд — Тал|ость-Муд|рость, Вода-Тьма, чей пленник — Тан|тал: таять — та|н|ут|и (укр.): в Духе — телу (тан — санскр.), став Водой сей живой. Тьма — Уд|гитха: Песнь-Фаллос, слог ОМ; Ч|уд|о, Диво она: бренья — Дева ч|уж|д|á. Мудрость, Тьму — ловим Тьмой: Жизнью — Жизнь. Так чрез нас Тьма стяжает себя: жаждой — Воду, пыланием — Огнь, ведь она — оба сих. Философствовать, Мудрость любить и любовью стяжать (ведь фило|соф — любящий ее) — есть Тьму Тьмой ловить, Жить: Жизнь — Тьма, Мудрость-Любовь; лучший способ любить Жизнь — есть Жить самому. Философия, Жизни чужда, есть актерство пустое, пол-Сути: ничто, в коем жизнь есть одно, роль — другое, и с тем роль — мертва, с ней — актёр сам как Жизнь-пополам. Актер истинный тот, кто единую Суть, Жизнь, какою мы сущи, не делит на жизнь и игру: то и то ему — Жизнь: сыграть роль настояще — прожить есть ее. Ведь жизнь — Мы; с тем, играем — собою; кисть мэтра есть Жизнь, Матерь в нем. Жизнь зовет Кант *практическою* философией: муж Ума, жаждал он Сердца сего и его воспевал. Посему из философов всех времен первы: Зен|он, гений Жизни, погибший геройски (апории чьи — дело, *меч* за учителя (кем был ему Парменид, Ум, чьи был он, муж-Сердце, зен|ицы) и образ бессилья пред Сердцем, Стезею — Ума, Тупика)[30]; Сократ, Афин герой, побеждавший мечом на войне и речами в дни мира, уча ими Жизни без книг;

Эпикур, муж, великий не писаным — жизнью благою. Всяк сущий — философ-актер: не Живя — ложный, нуль; Живя — истинный (смерть кому — в Жизнь есть врата), **человек в полноте: маска духа, согласная с ним — с Сердцем Ум, крепкий им**.

165. Всяк философ — актер, маска-Суть. С тем, Эллада, отчизна театра — и главных философов дом, нас учащий поныне носить маску главную нам — Человека, каким есть Мы, Дух.

166. **М**удрость, s|o|ph|ia (греч.), Со|ва — **М**я|г|кость, s|of|t **(**англ.; oph|th|al|mós — око (греч.): Мудрость — Очи, Тьма-Бог**)**: Вода, кою не *сжать* нам: ведь Жнец (как смерть) и Сила, Сжатье — онá есть. Мя|ý — кошка (ег.); кошка-Мудрость — Лев: Левое в нас. Тот философ, кто к Мудрости тягой причтен: цель и путь — одно. Мудр, пишет кто не пером, но собой Книгу-Жизнь. Что ж есть к|ниг|а простая? Дань бренью по смертной природе людской: уплатив — мы вольны к Тому, к Nih|il, не-ил|и, сирéчь И, Да (ведь два сих — одно: Бог). Сократу, кто сам не платил эту дан|ь (заплатив, как Зенон, смерти смертью по собственной воле), был дан с тем Плат|он и иные, кем писана книга о нем как у|плат|а за двух: за себя и его.

167. В паре «Бог — Мир» р|ел|иг|ия — Б|ог, страна ее — Восток; философия — Мир, к Богу Путь, Р|ел|ь|сы рельс (идти коими — З|рел|ость стяжать, коя в Боге), страна его — Зáпад, тьмы дом. Мира Автор, Его больший, Бог — есть и Мир; Мир же, меньший Творца, не есть Бог (и кто Бога в нем мнит — чтит ничто). С тем, господне-восточна, религия есть философия; философия ж, миросущная западно, меньше религии и ей не есть как живая сей Жизнью не-Жизнь.

168. Цель есть цель|ности суть. Бытие, имманентное, есть жизнь без Цели, нецельное-мертвое; Жизнь — Бытие, цельное Целью, Богом, с Ним — Тьмой как Рукою Его. Тьмой как Господом жив, ею Свет и един. Явь сему — видность неба, Бытье где — хор звезд, островов световых, Тьмой единых как Свет в ней. Мы «Кос|мос» зовем его: Мира страна, с Целым сим спряжено оно кос|о чрез Мать, Тьму, кос|мат|ую Тайну Всего, кою Хаосом звал Гесиод. Космос есть Свет во Тьме

как с|т|рук|тура, и Космос — Мúр цельный: Свет Тьмою един, двух же сих Синтез — Мир. С тем, и рознь, и единство в очах наших — «Космос» зовем, Единицей — и Два, и Одно: ведь единства и розни — Единство есть Суть.

169. Тьма есть Вечность; Свет — бренья, невечного суть, коя вечно-невечна, во Тьме умирая-родясь без конца как Огнь-Логос (учил Гераклит); так мер|цает для ока звезда.

170. Тьма-Ноль, Небытие — Бытия отрицанье, но и у|т|вер|жд|енье его: не будь Тьмы — Света нет; и, пред Богом равны, симметричны друг другу они: Но|ль — как «но», противление, а Бытие-Единица — как «он», Муж как Ден|ь, оболочка поверх Тьмы-Ноля, что таит его оку (О с Н посему — буквы смежны). То зрим в именах Бытия древнегреческих — to on, to den; и on (англ.) есть «поверх», «на [чем-либо]»; а Небытие, Пустота — по-эллински to un|den (не-день, сиречь ночь) и to me|den, сличеньем являя тождественность un (не) с «me», «я» по-английски: ведь Тьма — Суть вещей, наша Суть, « Я есть То» в Ведах. Бог, единящий Тьму и Свет в Мир (тем и храня его: ведь единить есть крепить-хранить), есть посему средний род меж Мужским (нам ближайшим: ведь, сущие, пленники мы Бытия, Мужа) и Женским, Тьмой: ОН + НО есть О**Н**О, Л|ОНО всех, Бог-Л|юбовь. Им есть мир|о, причастия Богу субстрат: без Творца — Мира нет.

171. Тьма как Явь — Женский род, а как Тайна — неопределенный по форме глагол: суть Деянье, согласное Богу как Среднему, сиречь неопределенному, роду, — нам данный частицей to — То (to be — быть (англ.)). То, Э|то|го Суть, Тьма — суть это|с'а, н|о|р|ов|а-н|ра|ва людского, с тем — этики, горнего в сути ученья о должном явлении Сердца-Того в Уме-Сем, яви бренных очей.

172. Бытие живо Тьмой, Тьма — Творцом. С Ним, Причиной, едина — Причина и Тьма, царь над всем, как и Он (Her, Тьмы имя — в английском «ее»: сущий мир — дом Жены). Ведь Причина есть Глубь, Бог же с Тьмой — Глубь одна (в К|ал|и, Тьме — зрим Ал|ь, Бог как Средина ее); оба Темень Они, скрыты нам: Тайна — Тьма. С тем, «Причина» — двоякое имя: оно есть и «то, что чин|ит, при|чин|яет» — таков

Бог; и «то, кое рядом, о|при́чь», как опричь Бога Тьма, п|рич|инитель Его: Жизнь, Бог|атство (rich — англ.), вещей (річ — вещь (укр.)) Суть, Річ|ка (реч|ка — укр.) Божия. С тем, в смысле полном **Причина — Бог-Тьма: Бог с Рукой Своей**, цельный (безрукий — нецел), — Бог и Бог-Тьма есть одно и то ж. Имя Божие T|heos = Бог-Хаос, Бог-Тьма — знак есть в том. В сем Единстве *глубоком* места неразличны: Бог-Тьма есть Тьма-Бог. Бог с Тьмой слитен как Суть: Да|Ма — Бог-Мать, Одно: ведь Бог — Да; mo|the|r, Мать — суть Мать-Бог: the, артикль речи о|предел|енный — суть The|os, пределов Предел как Гранильщик вещей, у|ника|льности Корнь их. Мо|лит|ься Ему — есть ко Тьме воззывать и Рекой сей к Нему литься-течь: Тьма — Вода Мира, Лит|ос'а всех. В голове пункт Тьмы — те|м|я: удар в него — смерть, *выбивая Причину из нас*, Тем|ень-Жизнь, души́ Суть («м|я» — м|ен|я, Матерь-Я; учить трудно — в|темя|шивать: ход торить в Суть). Бог-и-Тьма как Причина, Вещь ве́щ|ая — Гол|ос Себя, гол|ый Бог, мир объемлющий как год — дни года: год — Gott, Бог; річ|ни́й — годовой (древо ель, года знак — суть Эль, Бог); год|увати — кор|мить: Кор|нь, Причина — Питатель. Чи|нить — с|у|чи|ть ни|ть Того в Это: При|ч|ина, чинов Чин — Ина́. Буква Тьмы, Х, причинна (Мир, Десять, чьи страны крестом спряжены — Суть ее), в богосущном Санскрите пуста и нам призрак, звуча-не-звуча: То, Причина есть Тайна; ее явь мирска, плоть Бесплотного — К (меж иным, зрим то в ***K|h***|ar|kov мы: Н после К, Суть — Второе), пол-Х очам: явь — полу-Тайна как рознь без Единства сего — зло-без-Блага, кус|атель-кус|ок. Так, таимый от бренных очей, Х|аос — Целое; К|осмос, явь их как Свет, брения столп — половина его.

173. Тьма, Причина, вольна Дать и Взять: мы — в Руке сей. Бытийным, Тьма нам есть Лишенность (кит. Дэ), прейти в кою — Бытье превзойти нам со всем, что в нем зрим (иль *имеем очьми*: зрить — быть), сиречь лишиться его. С тем, зовя Тьму «лишенностью», прав Стагирит, зря бытийно, по-горнему ж — врет он: с Причиной един — царь всему. «Де», с тем, — знак и лишенья, и власти: «де|струкция», «граф де Верак».

174. Ноль, Причина — Вино|вник, культ чей — Дионисиев культ, культ Вина как Иного: Ино|е — В|ино́, Тьма, Богатство (ric, rich), в коем Истина вся[31]. Ноль — Мета́ сущих, Цель их, не|цель|ных: Свобода крылата. Иного Ме|т|а|л|л — **О|ри|х|а|л|к Атлантиды, камнь винный** (Вино, Алк|оголь — Вакх), что канул с ней вместе, став Тем; и как То, он — металл К|ор|аб|ля, чел|на нашим Гостям.

175. Что же есть сей металл? **Металл Глуби, Иного металл лунный**: Глубь есть Луна как Иное нам; **Мира металл**: Мир — в Луне Глубь; **сердечный металл**: Луна — Сердце в нас; **Жизни металл**: ведь Глубь — Жизнь. Жизни лик есть само его имя: семь букв с средней Х — Жизнью, Тьмой. С тем, он есть **Мифа часть**: Глубь, Ми|р — Ми|ф; и, речет Ге|с|**ио**|д **(**за Гомером второй: Никта, Ночь за Гемерою, Днем**)**, кован был из него щит Ге|р|ак|ла: гер|оя Щит — Мать, Мир как Рак, чей металл Орихалк, Тьма. Таков и Корабль, им сложён, щит Гостям от меча Вражды. Металл металлов, духовный (телесно он есть неметалл), **Орихалк — ме|т|ал|л-ф|алл: тело-Мат|ь, Тьма-С|упруга, упруга|я Богом, Мед-Mad как Алл|ея в Него. О'rich'алк — Глубь-Богатство, Вино горне в куб|ке очей. Ори|халк, ὀ|ρεί|χαλκος — плоть Реи самой, мед|ь (греч. χαλ|κ|ός) Ма|д|ам, коя Мать, Рот-Гора, О|р|ис-О|р|ос, сердец О|рос|итель святой**. В вещ|ест|ве земном он — **угл|ер|од как ал|маз, прямой Тьмою**, в надутии коей ст|рук|тур|но — **Сфетра́эдр** он (о чем позднéй). Явь сему — число букв, неразличное в именах углерода и Орихалка: **С**емерка — Жизнь, **С**ок древес сущих как О**с**ь в сем металле живом:

У	Г	Л	Е	Р	О	Д
1	2	3	4	5	6	7
О	Р	И	Х	А	Л	К

Древо в сути (столп чей — угль), металл сей — суть Мир, Древо Божье; Корабль из металла сего — **деревянный о|рел**: Богом струг|анный из Мира с|тру|г, рель|сы к

Богу по сути своей, коя Мир, Рельсы рельс, Два пред Богом, Одним. Так из Матери — Матерью, с Богом единой как Длань Его, выструган Сын: Мир, Мать — Лоно одно. Угл|ерод — Угл-Эрот, Тьма в и|**зло**|ме; спрямить ее, Силой надув — явить Благо: металл горний сей. Число его а|то́м|но — **12** как *видящи* очи, телесно ж он **40**, число буквы **М**. **М**еталл **М**атери-Вакха (два сих — Тьма едина), есть **Се́рдца металл он**: ведь Сердце есть Мать. Му|дрый Пушкин, писавший, как Божий посол сераф|им (Змей, суть Ть|ма) обращает поэта в про|рок|а: «И он мне грудь рассек мечом, // И сердце трепетное вынул, // И угль, пылающий огнем, // Во грудь отверстую водвинул», — писал о замене непрочной плоти́ Твердью сей, **се́рдца — Сердцем**: ведь угль, полный Духа, Огня — есть металл сей *живой*. Воз|мут|итель у|мов посему — карбон|арий: царь их, Сердце-Уг|ль — Кр|уг в квадратах своих, в отцах Мат|ь, Мов|а (Речь) сих не|мых. Угль с Огнем — Суть одна, о чем сказано:

> Праформа [имени «огонь»] *n̥gnis, которая еще и сейчас пользуется популярностью, (…) представлена у Соссюра (MSL 7, 93), Мейе (MSL 8, 236, 315), Педерсена (KZ 38, 395), Сольмсена (Unters. gr. Lautl. 218), Младенова (94), Гуйера (LF 66, 459), сближающих ого́нь с др.-инд. aṇgāras «уголь», русск. у́голь.

В мире сем Орихалк — Тьмы посол как камнь-Вакх, жаркий Тьмой. Блеск огнистый его не лучи внешни — **огнь Из|ну|т|ри**: С|и|л|а, коей си|**Я**|ет металл сей, пока ею жив **(***а оставлен, сире́чь* ***умерев****, распадается без излучения: не вовне — Вглубь, в Дух как Суть свою, — став углеродом простым в миг, неве́домый нам (но не Силе): ведь целому чужд постепенный (частичный) распад с половинною меркой: оно либо есть, либо нет***)**; заряд в нем — не част|ицы, но Целое это как Сила: заряд без носителя-тела **(***за|ряд и есть то, что выходит за ряд как основа его; веществу с тьмой частиц его — то Пустота, Сила-Тьма, как для тела — душа, над составом царяща его***)**, Тьма-Вак, Вак|уум горний: не часть — Полнота **(***так Ньюто́н Пустоту зрил средой проводящею: Силы ареною — Силу, не Два — Ноль***)**, суть Дырку от всех электронов его — негативных корпускул, Вражды **(**Тьма — Дыра-Щель, Д|ви|ж|ен|ье: щел|ь — шел**)**. Посему сей заряд — положителен: благ как Любовь,

коя — Тьма. С|мят|ый (*«мят» — «мат»: Мат|ь, Те|мни|ца очей пустых — м|нет, не с|мин|аясь как Т|вер|дь, что не ми́н|ет, Владыка ми|**н|ут**, тьмы. Помни́ — по́мни: Память — она, Мне|мо|з|ин|а, учитель, ум (моз|г — как плоть) мнущий как глину гончар (тпа|а — указывать; поучать, учить (санскр.)): сами мы — глина Божья: меня — мня; смят Тьмою, ум по|мнит (и мнит, эгоист), сам же — нет. Мну — мню: с Матерью спорю как Истиной, мнущей умы в лад себе, сиречь **пишущей в них**. Мятым слабому быть — со|**мн|е|ва**|ться: со|м|не|нье — стези бренной плод, сом|ы глас; в Духе — знаем. Умов смятость силой стороннею — о|тпi|ит (лат.), «все»: толпа, народ мертвый, **забывший единство свое как Глубь, Мать***), металл сей возвращает исходную форму: она — не от мира сего и ему неподвластна как Дух; рих|тов|ать О|рих|алк — нет нужды: править Дух, Фалл — рех|нуться умом: Прямизну спрямлять — г|рех. Так-то Лемова Хари, ***изделье* Воды-Тьмы**, **ма|шина-Мать** — вид возвращала свой в смятьи любом. Смять — согнуть; сильный — прям, *видя* Мир, где То с Этим едины чрез угол прямой: угол *видящих, сиречь восставших-прямых*. Им был тверд не|лом|имый дамасский клинок, от мечей взятый Русичей, детей Атлантов-Ноля с Орихалком его. О том сказано:

> Арабы складывали о мечах русов легенды, говорили, что они «сулеймановы», то есть сделаны самим Соломоном (в исламской мифологии Соломон связан с наиволшебнейшими технологиями), и что эти мечи можно согнуть пополам и они без труда смогут принять начальное положение. Арабы заявляли, что руские мечи столь ценны, что их добывают, даже разоряя могилы русов.

К|лин|ка су́ть — мы, клин в Бога, к Лун|е: «лин» — она, Тьма, Вода-Мать (течь — лин|ути (укр.)), Песня, бард чей — эл|лин Лин. Да|ма́|ск — Дама, Мать, Бога Маск|а (град, где Сав|л ослеп и прозрел: Очи — Тьма, Сов|а сов). Меч меч|ты — цверг|ов плод, cow'ка Тьмы, что сверк|ает о|гни|сто. Куз|нец первый — Са́u|s|а, Мать, Ори|хал|ка творец; «хал» — Х|ел|ь, Тьма, Хол|од злых, благих Ж|ар, древо ель (Эль, God — Бог) Полноты God|овой.

176. Духом полн (ибо *виденье* — Дух), углерод — Орихалк, **металл *виденья*, лунных Очей**. Корнь алмаза (ведь Корнь — То), со златом в единстве он — Мир, Это-То, и над золотом, Сим, господин, как брильянт над о|прав|ой, сире́чь сущим с|прав|а-вокруг: ведь Иное — Сего́ Суть как Центр-Левизна — правизны-об|рам|ленья. Сему принадлежен, алмаз нам прозрачностью (**«чистой водой»**, в сути — Тем, Тьмою**)** ка́жет То **(**с тем, его мера — ка|р|а|т: ка́ра — черный; карат|ь — труд, Кара|ны, Тьмы**)**, угль — чернотою: незримое с черным — одно **(***с тем, в «T|ra|t|ta|to» искусник Ч|ел|лин|и рек класть под алмаз пленку черной фольги для приданья огня ему, Тьмой — Тьмы: Тьма — Огнь; так в зерца́ле подкладка сребра — черна***)**. Угол|ь — суть Угол-Квадрат: Это, мир сей; Иного металл — Круг в Квадрате: в Сем — То. Алмаз — То в указаньи (так кажет ложь Истину парно), Иного Металл — То́ само. С тем, металл сей в оправе из золота есть **пер|с|тен|ь Мира (**Огонь с своей тен|ью**)**, порока лишенный как чистое То в чистом Сем **(**алмаз — образ Того, запрещенный к ношенью в перстнях Пифагором как ложное То, рекшим: «Из|обра|жень|е в перстнях не носи»**)**. Всякий истинный маг чтит вещь эту и жаждет владеть как **кольцом Ни|бе|л|ун|г|ов** — Гостей, магов лун|ных **(**капль Тьмы, коих клад есть Она**)**, — где камнь бренью незрим как Иное сему: **Дырка-То, вход в Луну (**двери, страж чей — Ан|двари, муж-кар|лик, Кар|аны-Тьмы лик**)**. Силы вещь, кольцо это в сем мире — длань блага и зла: Сила, Тьма-Ноль в Двух — Два; и Ноль в нем — Орихалк, злато — Два: Бог в кругу сатаны. Блеск Металла сего — в сути ни нутряной, ни наружный, ни Тот и ни Сей, но **единый Огнь, Мир**, чей металл Орихалк. Так глаза человека с большой личной силой блестят для нас ярче обычного — *блестят-горят* Этим-Тем как Монадою, яркая личность *собою как Миром блестит* **(***и, Един над Двумя, Бог есть: в духе — слог АУ|М, О|М: О|ди́н, над М|атерью властный; в миру — зов торящий «Ау!»***)**. Блеск двойной этот зрил К|ен|нет Ар|**ноль**|д, зря строй НЛО, в миг един и горящих огнем нутряным **(**голуб|ым, цветом Глуб|и благим**)**, и блестевших как девять зеркал **(**Девя|ть — Лона число, Лоно ж — Тьма, Д|ева-Глубь**)**. Два-в-Одном,

зримость эта законна: Мир в сути **(**и Три — по числу как взошедший над двойкой столпов: углеродом, алмазом**)**, Металл сей — То-Это, **эфир-углерод**. Сдвиг в эфир силой Духа Корабль, из металла отлитый сего, обращает в огнь; сдвиг в углерод — творит тело, привычное оку серебряным блеском своим, «пе|пел|а́ц» **(**как зовет фильм советский корабль из металла сего**:** пепел — угль; «ац» — ас, дух**)**: Металл есть сре|бра бра|т. Углеродность металла сего — суть его деревянность; Корабль в сказках наших — из древа орел: Простота во плоти как Мир, Древо дере́в. Речет сказка о ней.

И вот случилось раз, что столкнулись у царского порога золотых дел мастер и столяр. Столкнулись и заспорили — кто из них свое ремесло лучше знает и чья работа труднее.

Золотых дел мастер и говорит:

– Твое мастерство невелико, ты над деревом сидишь, деревянные вещи режешь. То ли дело моя работа: я все из чистого золота делаю – любо-дорого поглядеть.

А столяр и отвечает:

– Не хитро дорогую вещь сделать, коли золото само в цене. Ты вот из простого дерева сделай такую штучку, чтобы все кругом диву дались. Вот тогда я поверю, что ты мастер.

Как второе за златом, с|ребро — Тайна, Глубь: Суть — Второе очам бренным. **Сребро есть Вакха металл, злато — Феба, едины как То и Сие, суть с облаткой ее — Бог и Мир (***знак в чем есть самородное золото — твердый раствор сребра в злате, да с тем и э|л|ек|тр, сплав со златом сребра (1 : 3, где сребро — Единица, Бог, злато ж — Три, Мир), чтимый Греками как несоставный металл: Глубь, Бог-Мир — Корнь, Одно***)**. Тьма от Тьмы, серебро собой кажет Иного металл как Два — Ноль, чем верней и алмаза, и злата: ведь Двойка в сем мире — Ноля, Тайны, явь **(***так монета с совою, Афиной, в Афинах была из сребра; так ср|ебро нам — Ев|ро|пы Корнь, Мать (и Европу украв — Мать сокрыл Зевс от глаз); так эпоха Ар|ийская — тень Атлантической, Ор|а-Ноля: Рознь — Единства, — собой указуя его. С тем, сребро есть ar|gen|tum — «плод Ора»: Ноля — Два, при Кришне Arg'un'a, «серебряный, светлый»; корабль, за руном золотым*

снаряженный Афиною, Тьмою — «Арг|о́»; А́рг|ус, он же Пано́птес, «всевидящий», — страж многоокий: Тьма — Очи; столп истины есть аргу|мент: Ноль во Двух). Как она, прежде злата и прочих идя, серебро есть *металл металличнейший*: блеск и электропроводность его, металличности явь — наивысши в металлов чреде, обличая *внерядность* его. Так внерядна Любовь в мире сем, Вражде. Тьма́ суть, **Иного металл и сребро есть металлы Любви, сути лунны: Луна — Огнь-Любовь, тело-Глубь**. «Лав» — Любви́ корнь, сей Лав|ы сердечной; лавр — древо ее; в рудниках Лав|р|ионских брал грек серебро.

177. Алмаз, злато, сребро — Это; Мира металл — То. Как сути Сего, три сих кажут на То, Металл; все же, как Это и То, — на Мир цельный: Четверка — на Десять как Квадрат на Круг, Суть. Иного металл есть **небесный алмаз**, что с алмазом земным парны так же, как Небо с Землей, То и Это, Единства столпы (*о металле Иного см. табл. 2 и 3, рис. 4*): Орихалк — Ноль, алмаз — Два пред ним: dia|m|a|nt, сиречь dia-ma-ánt, анти-Мать как Вакх, Сын Жены сей, парный Ей, при Корове сей Бык. Зрить металл сей — поистине *небо в алмазах узреть*. В мире сем Орихалк, повторим, — утонувший (как Миф, Суть его), ставши Тем: кап|лей Тьмы, в Тьму за|рыт|ой Творцом, иль поглощенной ею: Причина, Тьма — Рот, Oris (лат.) (и гл|отанье сие есть отход Орихалковой сути, эфира, в То, Огнь-Суть; остаток сего, выброс в Это как ш|кур|ка пустая — простой углерод). В|о|р|он|ить — в Ор ронить: Тьмою, Гл|убью чернить; у|**то**|**нут**|ь — отойти есть под землю, **в Луну как То, Нут, Ант**|**и-Землю**; с тем, **А.Н.Т**олстой, звав его «металл **М**», **Мать**, — его *видел* **в центре Земли**, где и блещет Луна очам зрячим. О том пишет он:

Глаза у **Ман**|цева блестели, беззубый рот кривился:
– Я обнаружил следы **тяжелого металла**, которого нет в таблице **Мен**|де|л|еева [Тьма – Тяжесть, Груз]. (…) **Я назвал этот таинственный металл буквой М, так как мое имя начинается на М и имя этого *козла* [животного, ставшего виновником его обнаружения] тоже начинается на М**. [Тьма-Луна, Man – Causa, Коза, Серна Бога. Металл этот лунный – Луна и найти помогла] (…). Я утверждаю дальше: ядро земли состоит из металла М. Но, так как средняя плотность ядра земли всего восемь единиц, приблизительно – плотность железа, а металл М вдвое тяжелее его [ведь Вражда, чей железо металл – пол-

Любви; 8 × 2 = 16; 16 = 1 + 6 = 7, число Жизни-Любви], то, стало быть, в самом центре земли – пустота [Мать сама, Суть металла сего: Полность, бренных очей нуль].

«Гиперболоид инженера Гар|ина»
(выделение жирным, слова в скобках – наши)

Орихалка Дом — Глубь, Луна-Суть. От|коп|ать его — ма́гом быть: роющим в То, единя его с Этим в Суть, Мир, коим блещет в очах сей Мет|а|лл как Ме|т|о́|й, Целью нам, зрящим не Суть — пол-Сути: Сие — без В|сего.

178. Ноль, Не-Сущее двойствен по роли: он в Бога врата, и опора он Сущему — Свету, или Бытию — как не|сущий его **(**явь чему есть пи|л|он как опора-врата: Тьма — Пил|а, Лон|о лон**)**. Единица — привратник Ноля **(***знак в чем имя «при|ор» — «первый, старший» как в сути привратник, иль явный: за Тайной — второй: «при» есть «пред» как при|сущность, при|ставка-внизу, «ор» — суть or|is: Ро|m; сему согласно, приором в духовно-рыцарских орденах называлось лицо, стоявшее ступенью ниже великого магистра — Ноля в сути, как Единица, дверь в Ноль. В «Илиаде» Ноля власть зрим в том мы, что первым ступившим на брег Трои был **О**|диссей, Тьмы-Афины любимец (ступивши, хит|рец, без касанья, на щит: Ноль — о|тде́лен), а **П**|ро|т|е|с|ил|ай (п|рот|ос — первый) — вторым; так за О — П идет, рот-в|рат|а***)**. Единица-при|в|рат|ник — в плоти жен клит|о́р (от «клит» — черный и or|is — рот, Но́ль суть): у входа в Жену-Ноль стоящий, он — фаллос пред Вульвою сей.

179. Ноль, Причина есть Именедатель, сиречь Н|о|м|о|т|ет, нам дающий Себя в имена как покровы вещей и их смыслов: облатка — Два, лик его. Трою, Ноля град **(***Нолем, заложившим его, есть пал|лад|ий, Афины волящий знак как Тьма, Любовь: ведь Любовь — Тьма***)**, мы Троей зовем, хоть, Гомеру согласно, творец его Ил, первый муж: ибо **муж нулевой — Трой** (иль Т|рос: Тьма — Рос|а́ рос), отец его. С тем, двойствен миф, корнем града сего зря то Троя, то Ила: творец розни этой, Ноль, Корень — Един как Миф сам. Трой суть Сердце, жизнь Трои; Ил — Ум, болезнь (il|l — больной (англ.)) и сама смерть ее **(***Сердце, Тро|й есть не-Ил, как*

Н|ил — сердце Египта: nil, ni|hi|l — ничто (лат.), Тьма Божья; Нил (Ne|il — англ.) из смертных первым ступил на Луну: герой сей, Мир любящий, с ней Сердце одно). Ил ли|шь Троем здоров: Сердцем — Ум; Трой есть С|Ил|а его: Сердце — Корнь. С тем, мы предков зовем праотцами, в колене втором: Два — Ноля лик, — в чем суть слова patres, «отцы-праотцы». Предок, рода к|ор|нь, есть не отец — праотец: Ноль, а не Единица; Суть де|да — Жена, Де|ва-Да. Душой то́ знали древние. Некогда доблестный муж Д|и|о|м|ед столкнулся в бою под Троей с ликийским царем Г|лав|ком, дед коего Бел|лер|офонт другом был его деда. В честь дружбы своих праотцов, *зная в оной единство свое*, мужи эти, не знавшие страха, как братья оставили бой, обменявшись мечьми и доспехами. С древней поры сущ меж нами обычай в честь деда дитя называть: корнем — плод как причиной его. Так Платон — Аристокл был, как дед его; и, рек Олимпиодор в своей «Жизни Платона», у древних обычай был следствие звать по причине его. «Все, что меж предками есть, прикрепляется к *поздним* потомкам», — о том сказал Пр|о|к|л, мысля в|ну|ков: Два, Сути пор|трет и ее самое.

180. Не родитель родит — прародитель (ma|j|or|us), не свет — Тьма. Числ всех посему творец — Ноль, Единица же — силой его. Ба|б|ка — ро́да душа есть, идя от египтского «ба», «душа», и «ка» (kou) — дух; «ба|ба» — суть Мать, Глубь (ков|тати — г|лот|ать (укр.): воглубь принимать). Так начальник п|рог|ресса земной нашей техники — явь, Прометей, но родитель, *причина* прогресса сего — Тайна, мать Прометея Земля, Гея-Тьма. Из земли нас с|леп|ив — Геи, Бабки, — слепил из Причины он нас: г|лин|а — лин|е (укр.), сиречь течет, под руками мя|гка́, как Причина, Вода, суть ее; глина кра́сна (ивритски — «А|дам», Дам|ы сын) — Роз|нь-В|раж|да, Ш|ивы кр|асная суть, что сотка́ла нас в день свой ш|ест|ой (субстрат коей в нас — к|р|ас|н|ая кр|овь наша, огнь пло́ти, гущи: рясн|ы́й — г|устой (укр.); плоть в себе есть у|ст|ой наш п|уст|ой).

181. Тьма как Мира страна есть для нас, Этих, То; Мир, То-Это, — То-Всё нам как Сим-без-Всего, полумирно-пустым. Мир как Всё и Тьма (То) и Свет (Это) как

страны его, в геометрии плоской, Евклидовой, есть равнобедренный прямоугольный треугольник, в коем гипотенуза есть Мир, а катеты — Это и То; и Мир с Этим и Тем сопряжен половинным прямому углом как косым из косых, а То с Этим — прямым, иль крест-накрест. С тем, рек Пифагор, отношение гипотенузы сего треугольника к катетам (или диагонали квадрата, двукратного ему, к своим сторонам) не есть целым числом: ибо Мир, Полнота, Полнотой же (ведь, целое, по́лно число) не спрягаем с неполным, которым есть Это и То, взяты врозь; в сем — корнь чисел иррациональных. Всякий прямоугольный треугольник, отличный от этого, сутью имеет его. С тем, вершины прямого угла всех прямоугольных треугольников, построенных на единой им гипотенузе, слагают окружность, диаметр чей она как Мир, Дом сущих, полем каких есть окружность сия. Треугольник любой в сути — Троица-Мир (посему Пифагор и рек, что треугольник есть первоисточник рождения и сотворения различных видов вещей преходящих — как **вечная вещь**, скажем мы: **Камень-Мир**), попирающий собой, как Истина — ложь, аксиому Евклидовой дробной, сиречь полу-Мирной по сути своей, геометрии — аксиому параллельных: ведь сумма углов в нем равна двум прямым — и тем самым, два перпендикуляра, восставленных к одной прямой, параллельные в сей геометрии — сходятся, тем треугольник творя, в угол-Ноль (90° + 90° + 0° = 180°): сущее — в Бога, Цель его, таимую аксиомою па|р|а|л|л|ель|ных как сутию бренных, бесцельных-нецельных очей, Сатаной[32] (Ноль угла сего, Бог — Мера-То, где бессильны мы с меркой своей). Так схожденье рельс у гор|изонта, что мним иллюзорным мы — истина: Корнь Двух — Един; ложны ж очи, в сем мнящие ложь в рознь тому, что зрят: **кажимость — Суть, в очах Розни Второе: Т|ен|ь белого Солнца-Ума, Сердце-Матерь; каза|ться — быть в цельных очах (с тем — ушах: с|л|ух — Очей ше|л|ух|а), где всё — Истина Божья, Caúsa-Одно, Двойки ж, Лжи — нет (*лёд — лёт (слышим — так): Север — Тьма Божья, Крылья; Go|d — Go|t|t; POET (англ.) — POET (рус.), в Глубь торит как в Корнь свой. Хол|мс (муж Сердца, всему Гол|овы), рекший Ват|сон|у об ученьи*

***Коперника, что чужд его, ведь глаза говорят об обратном, — прав: солнце очей бренных — спутник Земле, в себе Солнце несущей как плоть — Дух, Огнь в сем очаге и Сон нам. Посему солнце — «сон|це» для слуха*)**. **Что в Древности Было — нам кажется: Истина — бренью мираж, очам треснутым — цельные Очи. То — очи Любви, Мир творящи как Бог: Любовь — Он**. О любимых поем посему:

Я его слепила из того, что было,
А потом что было — то и полюбила.

Узелок завяжется, узелок развяжется,
А любовь — она и есть только то, что кажется.

(Михаил Та|н|ич)

Казаться — ка|SAT|ься — зрить-знать без преград Тьмой, Очьми (так английское one, «один» — слуху «Ван»: Царь наш, Бог-Бхага|ван; ушей Суть — Очи: глас — глаз**)**. Рек то Гераклит, утверждая, что Солнце размером такое ж, как видится нам **(**такова вера (p|isti|s), Платоновым знаньем определяемая как «правильное восприятие вещей такими, какими они представляются [кажутся — Авт.] самому человеку»**)**. В письме Эпикура к Пиф|ок|л|у читаем согласное: «Величина Солнца, Луны и прочих светил по отношению к нам такова, какой кажется, а сама по себе либо больше видимой [величины], либо немного меньше, либо такая же». Печалясь о тождестве сем как о лжи, и его ж чуя правду, писал Аристотель: «Но даже и тем, кто находится в здравом уме и знает [о его истинной величине], Солнце все равно кажется величиной в ступню». Здравоумье как **ум, полный сердцем** — причина сему, о какой да не плачем: **быть в здравьи — есть *видеть***. Что мудрых очей зримость — истина, рек Эфесянин в словах: «Чему нас учат зрение и слух, то я ценю больше всего». Им же сказано: «Глаза и уши — плохие свидетели для людей, имеющих грубые души». Эту **истинность кажимости**, явную всем, ду́ши коих тонки (Очи, Тьма — Острие) явил фразою П|лин|ий, сын Мира-Реки **(**пл|ин — теченье (укр.)**)**, об Аполлодоре Афинском, писавшем картины со светотенью и за то прозванным s|ki|agra|p|hos, тенеписцем **(***тень — Тьма, Суть: Ноль во Двоице; картины с тенью — живые***)**,

сказавший как о «первом человеке, рисовавшем предметы такими, какими они *казались в действительности*» (курсив наш). Явь сей картины — затмение солнца луной, в коем оба раз|мер|ом равны не физически лишь (имманентность — суть кажимость-ложь, небытье), но **очей наших ради**, в чем Промысл Творца, о небесных телах тем учащий: **равны как монады они**. Тлен и Вечность — у Бога одно: Это-То, Мир, что кажется нам, ибо есть он, а есть — как ми|р|а|ж, зримость-ложь.

182. Мир, Вселен|ная, сущих Сосуд, куда Богом они вселен|ы, — плод соития Бога с Собою: иного Творцу — нет до-Мирно; в соитии ж стран своих Мир — Фаллос-Вульва, где Фалл — Единúца есть, Вульва же — Ноль в очах дольних, а в горних — обратно: Твердь Фаллоса-Мужа — Любовь, Тьма, силён коею он и прям (or|to|z — греч.). Ибо **Тьмой не лишь муж — человéк прям**: он в сути — То, Тьма, роста Суть. Суть сия, Тьма — сама Прямизна, Высь-Стоянье, до|сто|инства Корнь: что стоúт — стóит. Силе, Жене-Тьме **(***муж чей Фал|ес, зривший Начало в Воде — Фал|лос: Тьма есть Вода; «фал» — «тал», тал|ость (Ф с Т — одно: Феóдор есть Теодóр); прямизны слово «с|тан» — суть Вода, Тан|ец-Ноль: таять — тан|ути (укр.); «тан» есть «тон» — как в «тон|уть»; «тон|ус» — Сила, Вода-Тьма***)** Муж — вульва, че|хóл-мех, хол|одный и вялый без сего Огня как кол|чан–чан его: чан (кит.), д|зен (инд.) — суть День, Нó|чи но|ж|ны, Жены, что пусты в себе, С|уд как совместное с Уд|ом, Женой, Тьмою-Милостью. Десять, число-Мир, с тем — *число Соитья*. В нем, дольним согласно очам, Единица есть Фаллос, рас|пер|ший собой Вульву-Ноль как диаметр окружность (явь в чем знаки их). Так Сократ, точно в лоно, вошел в ум Платона за 10 учения лет, кои тот пробыл с ним. «Ра|с|пир|анье», как слово, собой кажет S|pir|itus, Дух как Одно: Пир, Огонь, на какой о|пир|аемся мы: Бог-и-Мир в нас. «Пир» как Два сих — душ Огнь, Любовь, Праздник наш (таков он у Платона, таков Ксенофонту он). Зрим он в «па|пир|ус» — оплот письмен (Мир, Огнь — бумага, где Богом начертаны мы), дар Египта, страны Пир|амид, тел огня (пирамида — суть огнь, рек «Тимей»); в «пир|с»

— оплот корабельный; в «пир|ат», тьмы сын: Тьма — Огнь; в «пир|ог» — дитя печи; в «пир|анья» — жерло́. «Пир» — «пор» в слове «о|пор|а», какой есть Бог-Мир нам; в «пор|т|рет»: Мир, лик Бога, сод|ел|анный с тщаньем (ре|тел|ьно — укр.); в слове «а|пор|ия», сиречь безвыходность: выход — Огнь оку; в «по|р|ок» — Тьмы печать, коя Огнь: Пор|ка Божья и Рок несвободным; в «пор|т» — дом кораблей: так Дом наш — Бог-и-Мир; в «с|пор» — боренье сторон, себя зрящих о|пор|ами; в «с|пор|т» — борьба ж; в «с|пор|ый» — живой, сиречь полный огня; в «с|пор|ы» — Жизни посев; в «Пор» — муж, давший от|пор Александру достойный; в «про|пор|ция» — Мира лик. «Пир», корень-Огнь — «п|ер», Огнь тот же: Эр|от, Любви бог. Зрим он в «пер|вый»: ведь Первый — Огнь; в ре́|r|as, эллинском «предел» — как Огнь-Лог|ос, в себе многий-раз|ный **(**«лог» — «лаг»: по|лаг|ать — класть черту, грань**)**; в «пер|о», коим птица, на воздух о|пе́р|шись, пар|ит **(**Полет — труд пар|ы крыл: Огнь, что па́р|ит; «пар» — парус, вет|рил|о Луны, Тьмы. Полета корнь «пер» зрим мы в «Экзю|пер|и»: муж-Орел, Очи**)**; в «пер|си»: Тьма, Огнь — М|лек|о сущих; в «пер|сон|а» — Огнь-Я, в миру́ спящий; в «им|пер|ья»: власть — крылья царящи; в «пэр» — ти|тул; в «те|пер|ь»: Настоящее — Бог, Цель-Крыла́; в «пер|ст», суть п|ал|ец наш: ру́ки — крыла́, персты — перья, Длань Божия — Огнь-Тьма; в «со|пер|ник» — огнь встречный, борящий; в «Пер|икл» — столп Афин златой: злато — огнь; в «пер|ец»,что жгуч: жжет — огонь; в «пер|ун» — молния Зевса (как звался и бог наш славянский: Муж-Фаллос, С|тр|ел|а). «Пер» — корнь в «Пе|т|р», «камень»: Ка|м|ен|ь-Мир — Огнь (Пет|р — Пит (англ.): Камень-Мир тверд Водой; пит|ь — кре|пчать). «Пир» как «пра» зрим в приставке колена второго, п|ра|отчего, в коем корнь смертных, Огнь их; в слове «п|ра|ти» — с|тир|ать: прежде стирка велась на о|пор|е, доске, белье о кою тер|ли **(**тер|еть — огнь стяжать, тер|ний суть: пути — цель; тир — арена стрел|ьбы (посему Аполлон-стреловержец был бог града Тира)**)**; в «по|пра|ть» — с|мес|ть с опоры своей по|пир|анием. П|ра|здник, пир, скажем опять — ра|дость чувства Опоры своей, коя есть Бог-и-Мир, Огнь-Любовь.

183. Мир есть Божье Дитя. Посему, миросущный, дитя в сути всяк. В мире этом растя, нам ребенком *остаться* — есть в чуждости бренью быть Тем без Сего: половиной пустой **(**То — Отсутствие в Сем, что «лишенностью» звал Стагирит**)**; *стать как дети*, как учит Христос — есть нецельным обресть Полноту нам, сплотивши в себе Это с Тем в Мир, *Дитя как Себя*. Юнг писал не сей счет: «Вопреки призыву Христа, верующие пытаются *остаться* детьми, вместо того, чтобы *стать* как дети. Они цепляются за мир детства. Один известный современный теолог в своей автобиографии признается, что Иисус был ему добрым другом «с самого детства». Иисус — убедительный пример человека, который проповедовал нечто иное, нежели религия его отцов. Но *imitatio Christi* [подражание Христу (*лат.*)]*,* по-видимому, не содержит в себе той духовной и душевной жертвы, которую ему пришлось принести в начале своего пути, и без которой он никогда не стал бы Спасителем». Подражанье Христу как иному — плен внешнего Бога: облатки, сире́чь Сатаны, в коем Запада суть; чтя Христа, стать ребенком Восточно — не стать есть <u>как Он</u>, но стать <u>Им</u> нам как Глубью, Собою самим.

184. В паре «Бог — Мир» Бог — Сердце, Мир — Ум **(***посему, миросущна, Эллада суть Ум; Сократ — первый философ, что был в ней казнен по суду, темой Сердце (мораль) взяв: суд — Ум, что в своем эгоизме палач ему; Греция, Сердце поправши с закатом Перикловых дней, стала сим палачом, из Ума Сердца, коим Перикл был, Умом Ума став***)**. В паре «Тьма — Свет» Тьма — Сердце, Причина; Свет — Следствие, Ум. Сердцем мы живы-есть, Сердцем мыслим, умом — с тем **(**по орфикам**)**. Ум — **<u>М</u>**ысли, Сердцу, сосуд: Муж — Жене, Свет — Тьме; в голову нашу бессердну **(**ведь есть в ней лишь ум**)** мысль приходит из сердца, сосуд полня сей, что в себе — чан пустой **(**чан|ь (кит.), <u>д|зен</u> (инд.) — Ум Сердца**)**. Ума́ мысль, коль есть — пустота: ножны Дела как Сути; мысль Сердца как Сердце само (два сии — одно) — Дело: труд Бога, помыслить Кому есть свершить. Мысль и Дело у Господа, в Сердце, — одно. С тем, за дело

награда первейша — само оно: Сердце — не Ум. Дело — Жизнь, Корень слов: Глубь-Высь их. Жить есть мыслить, сказал Цицерон, муж-Рим, Ум, — Сердце, Жизнь выводя из Ума, мысли; верно ж обратное: мыслить — есть Жить, Сердцем быть, с тем — Умом, сущим властью его.

185. Ум у Сердца есть крайняя плоть как Очам этим (ведь Сердце — Тьма, Очи) веки: отъявший, отрезавший их как излишнее — *видит* всегда: сердцем — Сердце, Творца (тем свершив «совлечение греховного тела плоти» (Кол. 2:11)**)**. О сем сказано: «чистые сердцем (...) Бога узрят» (Мат. 5:8). Имя — печать тому: обрезание есть цирк|ум|ци|зия: Ума отрез кольцевой (цирк — круг (лат.)), от Сия|нья — зия|нья, нуля. Необрезано, сердце нечисто: разъятое (Ос. 10:2), злое (в своем мятеже — Иер. 5:23, 7:24, 18:12), — ибо Ум в себе — Рознь; необрезанным быть — Умом Сердце пятнать (Лев. 26:41) — «срам» (Ис. Нав. 5:9, Быт 34:14), противный Израилю (1 Цар. 17:26,36, Суд. 14:3, 1 Пар. 10:4, Авв. 2:16, Иез. 44:7): муж необрезанный — Ум, что не чтит Сердца власть — не вполне человек; Сердце, Суть в оскверненьи Умом-эгоистом (мед — дегтем, огнь — тьмой) — недо-Суть. Сутью сердце зря, *видел* Египт ум излишним, из **м**|***у***|***м***|ий изъемля (как мозг, плоть); Израиль в своем обрезании зрил благость ту же: от Сердца — отъятье Ума, кое в духе Бог даст в день Спасения: «И обрежет Господь Бог твой сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души твоей, дабы жить тебе» (Втор. 30:6). Удалить крайню плоть с сердца, ум отрешить — вот в чем суть (Иер. 4:4), без сего обрезанье — ничто (евр. Иер. 9:24). Тем, чье сердце нечисто, по Библии, до́лжно открыться Творцу: розни умной дать явь, «разодрать сердца свои» (Иоил. 2:13) и предстать пред Богом с «сердцем сокрушенным и смиренным» (Пс. 50:19), моля Его «сотворить им сердце чистое» (Пс. 50:12). Торжество обрезанья — Брит Мил|а: с|брит|ь-снять с блага зло — Суд отъять, явив Мил|ость, Мать-Сердце. **Для бре|нных О|б|ре|с|ть — есть об|рез|ать: снять с Вечности бренье, Ум с Сердца, очам явив Глубь, — к чему**

Матерью дан нам Христос, Сердце-Меч, Обрезатель сердец. Рек Выс|оц|кий о Действии сем:

Время эти понятья не стерло,
Нужно только поднять верхний пласт —
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут на нас.

186. Бог дал людям «сер|дце, чтобы мыслить» (Сир. 17:6); о «помышлениях сердца» Бога речется: «Совет же Господень стоит вовек; помышления сердца Его — в род и род» (Пс. 32:11). Умом мыслить — не мыслить: нет сердца — нет мысли в уме: ум — сосуд, куда мысли приходят из сердца как Глуби его, коя Мать, Ума, «белая» (инд.) коркой сей. Ведь неплоден Отец-Ум — плодяща лишь Мать, Сердце горне: набраться ума — есть у Ма|тери взять, коли даст. **Мысль есть Бога посол в умах: Мать, Дух Святой, с Ним единый. Мать, Сердце — Мысль истинна, Жизнь; Ум, Отец есть мысль мысленна: без Жизни — смерть**. Тьма, Мысль — Глубь, о чем Кедров сказал:

мысль — это глубина ночи
ночь — это ширина мысли

Мысли умственной в сути нет: Суть — Сердце, Нус-Нут (S ↔ T); в себе ж мысль ума *есть* иллюзия лишь, за Нолем Двойка-ложь. Логика, ум — орудье Мышления, но не Мышленье само: **мыслим мы, ибо Бог мыслит Матерью в нас — Дланью деет своей, Сердцем Сердце**. О том пишет Сковорода:

Ты ведь, без сомнения, знаешь, что известное нам око, ухо, язык, руки, ноги и все наше внешнее тело само собою ничего не действует ни в чем. Но все оно порабощено мыслям нашим. Мысль, владычица его, находится в непрерывном волнении день и ночь. Она-то рассуждает, советует, определение делает, понуждает. А внешняя наша плоть, как обузданный скот, или хвост, поневоле ей последует. Так вот видишь, что мысль есть главная наша точка и средняя. А посему-то она часто и сердцем называется. Итак, не внешняя наша *плоть*, но наша *мысль*, – то главный наш *человек*. В ней-то мы состоим, а она есть мы.

Посему Аристотель учил: мыслит сердце — не ум (древним вторя вослед: Сердцу — Ум, э|хо Go(v)); «сердцем мыслящим» звал Гегель душу: Мать в нас, каплю

Тьмы. С тем, «логически (умственно) мыслить» — абсурдно **(**и «мыслью свободной» зовя бессердечную мысль, ею звали масоны безмыслье**)**. Про мо|зг, ум собой указующий, Бирс верно рек посему: «Головной мозг — это орган, которым мы думаем, будто мы думаем».

187. Сердце — Мысль, Сердце — Очи. С тем, ду|**мать**-и-зрить есть очей труд единый. Ум-взор есть Про|кр|уст. Мысля зримость умом, мы крушим Мир деленьем вторым, каков ум от него. Мысля зримость очами, храним Мир мы первым, сердечным деленьем: **очей — Се́рдце суть, не ум — Жизнь. Video, ergo sum — «*вижу* — с тем, существую» — взгляд истинный: очи как Жизнь, бытья суть** (не напротив, как мнил своим «cogito, ergo…» Декарт, муж пустой), зриться — быть (esse — percipi (лат.)). Так *зрил-мыслил* Зенон, парадокс чей, векам *умным* дивный — взор-ум; так — Гомер, чьи герои могучи, ведь *мыслят очьми*, Мир любя: не умом — Жизнью **(***«Блаженна жизнь, пока живешь без дум [=мыслишь-зришь]», — рек Соф|окл о том. «Когда человек омрачает мышлением свой подлинный разум [Умом — Сердце, Очи — Авт.], он становится малодушным» — сказал Цунэтомо***)**. Так мыслим мы, свершивши логотомию: от Сердца отъяв Ум, излишнее **(**звал к чему постмодернизм**)** как от Жизни — Бытье имманентное; мыслим не мозгом — Вселенной само́й (ведь Жизнь — Мир), что есть *ви́денье*. Зрящий так — ма́г, суть мог|уча; зрят Гости так — маги, ум коих есть сердце, глаза. Зренье то же являет Ньютон своей фразой «гипотез не измышляю» **(**«hypo|thès|es non fin|go»: из|мышлять, из Ума вести Ум без Очей, Сердца — го|лову весть к концу, fin, принижением (hypo) Творца**)**, сиречь «мыслю не мысли, но Мир», «мыслю-*вижу*», — опошленной теми, кто очи его нуменальные, суть их не зря, подменил на феноменов очи пустые: не Сердца — ума **(***ибо рек Ньютон так: «Я не измышляю гипотез. Все же, что не выводится из явлений [=очей: выводить из них — Ум весть из Сердца, покорный ему], должно называться гипотезою [Умом Ума, бессердечным]; гипотезам же метафизическим, физическим, механическим, скрытым свойствам не*

место в экспериментальной философии», — как философии Сердца, Очей, чуждых умственных тайн). Превзойти их — есть зрить за феноменом нумен, за данностью, умственной в бреньи — сердечную Суть, чтя их ра́вно как Это и То: куп|но — Мир.

188. Ум без Сердца — слепец, и прозреть ему — Сердцем есть глянуть. Смотреть сердцем — *видеть* умом.

189. Сердце — голос (с ним — песня), ум — ш|ум. Сердце — тв|Ор|чество (Духом горенье, Огнем нутряным без корысти мирской), ум — у|мен|ье (обмен: труд — на блага мирские). Искусство черно Тьмой, как сажа; у|мел|ость — бела Бытием, точно мел.

190. Сердце — Си́ла, а Ум — потребитель ее. «Сила правит миром, а не мысль, но мысль пользуется силой», — Пас|каль сказал, в Силе зря Сердце (ведь Силой и есть оно, Тьма), в мысли — Ум. Сердца полн (как «активный Брахман» в Тантре: Сердце — Деяние), Ум правит миром, опорный себе: Столп — в нем. Рек Шопенгауэр: «Характеристический признак первостепенных умов есть непосредственность всех их суждений и приговоров. Все, что они производят, есть результат их самособственного мышления, который повсюду обнаруживается как таковой уже в самом изложении. Следовательно, они, подобно монархам, имеют в царстве умов верховную непосредственность; все остальные медиатизированы, что уже видно по их слогу, не имеющему собственной, самостоятельной чеканки».

191. Мысль сердечная с умственной мыслью (зря сущей ее как иллюзия, ложь) соотносятся как Суть-Движенье и форма-Покой. Их смешенье — недо́лжно, сиречь беззаконно: свершить его — есть спутать душу и плоть (спутал так Аристотель, сказавший: «душа есть первая эн|тел|ехия (ente|lech|eia) [форма-сила, смешение — *Авт.*] естественного тел|а, обладающего органами»). Мысль ума есть мысль-мысль, *имманентное*: погреб без свежего воздуха: Это как Это; сердечная мысль, повторим — есть мысль-Жизнь: *Трансцендентное*, Это как То, Воз|дух-Дух.

192. Мыс|лить — лить: Воду, Тьму в существе; мыс|лью — лью. «Мыс» — от «мыть»: мыть Водой, Сердцем — Ум. Посему мыслить нам — мыслить сердцем всегда; мыслю, co|g|it|o — значит кох|аю, люблю-пою: Гит|а, Песнь — Тьма; дом сердца, гр|уд|ь у му|суль|ман посему — Мысли дом. Песнь, что льется рекою — с любовью одно; не любящий — не мыслит. Мысль-Сердце, Любовь — Жизнь; мысль-Ум, не-Любовь — смерть. Кто знает сие, полн собой и умён, а кто нет — пуст и глуп **(**г|луп|ость в сути — луп|á, пер|хот|ь (укр.): оболочки без сути — без Сердца Ум, многий как р|оз|нь**)**. Демиург Египтян сердцемыслящ: Мир как мысль начально является в сердце Его **(**где сия|ет-царит Сиа, Мысль нареченна**)** и, названный вслух **(**Ху, бог с|каз|анной мысли, язык ей**)**, является внешнему взору, Уму. С тем, **возникнуть — есть в сердце явиться**, и сказано у Египтян: «глаза смотрят, уши слышат, нос обоняет воздух; доводят они до (сведения) сердца; оно дает выйти всякому умозаключению; *язык повторяет задуманное сердцем*: так творится всякая работа, всякое мастерство, творчество рук, хождение ног, движение всякого члена, согласно этому приказанию, *измышленному сердцем, вышедшему с языка*» (курсив наш). С тем, ум, се́рдца мысли рекущий — не ум, но я|зык. Посему и Египту не ум есть он: **д|у|ма, мысль, с органом оной, что «мóз|г» зовем, — Да|м|а**, Безмолвье-Ть|ма **(***Ду|м — м|а|н|тр|а Ду|рги, Жены; коро|мысл|о к ношенью воды — суть Коро|ва, Мысл|ь-Тьма: Вода-Я, кою но|сим как Суть (но|сит|ь оную — сит|ом быть: Шилу — мешком); Ау|дум|ла — корова, вспоившая мир: Сердце — Ум***)**, «Да» Ума, Суть его: ведь в Тьме — Бог; ум — лишен д|ум отдельных, как гла|са — язык, коим плюнул в тирана Зенон как пустым и излишним: Мол|чан|ие — мóл|ви суть, Д|ел|о — суть слов. Ду|мать — Мать нам дает! Сердце — Тайна, Любовь; Ум в себе — Вражда, явь. В плоти нашей вос|ст|авленной **(**р|о|ст — Верти|каль Божья**)** ум выше сердца, в чем ложь ее, рознью творимой: рознь — ца́рь в Сем. Иначе в Гостях: сердце их — в голове, умом властвуя как Светом Тьма **(***место должное там его вместе с умом — тезис будний о том, что со|знание наше — в главе: Знанье — ум наш, а сердце — со|вместное с ним,*

сиречь ***сущее там же, царя****: без сознания — знанье ничто*). Так владычит Враждою Любовь; так Мир, Всё, коим есть в сути мы — Голова без иного как Сердце-и-Ум.

193. **М**|ысль — Сердце. По воле Творца буква М, «мыс|лет|е», в слове первая сем — явь сему как Мать, Тьма. Сердце, М, есть По|лет; Ум в себе — чер|в|ь, чрев|атый Крыла́ми, без знанья о них ал|ый Злом как Ва|ал|а черв|оный зев.

194. Сердце — уму судия и закон; ум, судящий надменно его — не судья, но преступник. «Разум-то ведь страсти служит», — сказал Д|о|ст|о|**Ев**|ский: страсть — Сердце. Спиноза, сказавший: «Каждому должна быть предоставлена свобода суждения и право толкования основ веры по его разумению», — попрал закон сей: ведь суть веры — Сердце; ум, сердцем живой (а ведь им лишь жив он) — не судья, но служитель ему.

195. Сердце, Тьма, есть Причина. Труд сердца — пит|ать ум, его растя в Боге, чей Мир Плод; взойти в Боге — стать образованным: Им — не иным. Ибо Им *есть* мы в сути; всходя, Им *становимся* мы как Самими Собой. Ход сей — не ток событий как брения-тьмы, что смывают бесследно друг друга (как миги тьмы: миг — мыть (укр.)), но влитье в Бога, Себя, в вечно-Есть — становленья конец: Огнь — не тьма, коей есть Бытия сего тени, со|бытья; не рознь, в коей сущи боренны сии — но Единство, Любовь.

196. Сердце, Тьма — Мировая Вода, Корнь рос|ы-душ, Г|р|оз|а их дождя, коей лик — Роз|а, Ву|л|ьва (*ро|жев|ий (укр.) — ро|з|ов|ый: Тьма — Зев-Зов (внял Айва|зов|ский ему, Воды муж); Зев жует как Жизнь-Смерть: жва|вий (укр.) — о|жив|ленный. Пом|**п**|**еи**, что кан|ула в Вечность, могильщик — вул|кан: Тьма, Вода-Огнь; душ зев — В|ель|зе|в|ул, тьма*), с ней — Ло|т|о|с[33], водой не м|оч|и́мый: Воды — нет м|ок|рей (*rheos — течь (эллин.), реять — пари́ть: Тьма есть Воздух-Вода. В смерти нашей дыханье из тела водой изливается (Ис 53:12); мех есть и воздуху грудь, и вину, Вакху-Тьме*). Корнь стремлений (укр. — праг|нень) как Жажда умов (с|праг|а — укр.), она, рею|ща

(Тьма — Крылá) — Сила-Мощь Бога иль Длань Его, сущих творец и г|ло|т|ат|ель, Зев-Or|is как Ман|на ман|яща: Длань — Man|us. Ман|дáл|а есть круг ее — ход к Ма|н|и|т|у; з|ов к ней — ман|тра; еé зов есть Тан|тра; огонь ее — тан|ец; тра|гедия — песнь ее. Тьма-Ис|т|ор|г|атель есть Сея|тел|ь-Жизнь; Поглотитель, она есть Жне|ц-Смерть. Ма|тер|ь-Ноль — Ц|ель; как Д|вои|ца, есть она Тер|ние, Тат|ь наш, тер|зающий нас как ч|уд|о|в|ища вою|щи, ter|as (Земля, Ter|ra — мать чудищ сих у Эллинов). Тьма — Бога Кор|á. Пер|с|ефона-душа, капля Тьмы (часть, pars), Кóр|ою, Девой звалась посему: Тьма — свята **(**и с тем корнь свято|тат|ства — она: Зла — Добро, неучастное в нем**)**. Бытия Лоно, Тьма — Лон|о сущих, как Д|лан|ь (до|л|он|ь — укр.) предержа их в себе: держит — Лоно-и-Длань. Ло|но-Но|ль, Но|чь вселенска — вот Тьма. Число Дев|ять, едино Плоду и Утробе как сами они меж собой — число Воды, вес чей 18 — суть Дéвять. «Лон» — «лан», поле (укр.), Тьма: ведь Полем сим к Богу идем мы **(**и Поле-Ноль — Тьма; Поле-Десять — Мир, Поле-Путь сущих (ведь поле — и пу́ть наш)**)**; ла|н|ит|ы — Любовию, Тьмою красн*ы*: Нит|ь — Пут|ь, Тьма, Пут|ы злым. Пол|е, Тьма — пол: соитье — Любовь, Lov|e, Зов по|*л*|*ов*|ин; и соитие с Господом наше гот|ов|имо Тьмой, Путем-Полем: Got|t — Бóг (нем.). Воль|гот|но оно: вол|ен истинно тот, кто гот|ов к встрече с Ним, полн сей Истины как На|гот|ы. Нáги входим в сей мир мы, нагими ж уходим; кто наг — нагот|ове всегда.

197. Тьма, Жен|а — человечности Суть, как суть плóти — душа, капля Тьмы. Человечность с тем — жен|ь, рек К|о|н|фуций: муж ж|ел|тый, знал он Мира Ж|изнь. Человечность — суть Ум, полный Тьмою как Сердцем: так Бога полн Мир; Человеком быть пóлно — есть полно быть Сéрдца Умом: Светом-Сим, верным Тьме.

198. Бог, Клей Мира, Мир клеит Собой, с тем — и Тьмой, с Ним единой; Бог — К|лей, и Тьма — К|лей. Посему Атлантиды, Ноля, госпожа была Клей|то: Тьма — Клей; Тьма — и корни жены сей: отец — Еве|н|о|р, мать — Лев|кип|па.

199. Длань Бога, Тьма — Действие: действует — длань. Превышая мир сей, Тьма в нем есть и не-есть, как горчичное семя, малейше из сущих, по Библии: В|сё в

Се|м, надменном, — ничто, ведь ничто — без Всего Это как половина без Целого; в физике Тьма с тем есть *действия кв|а|нт*, наименьшее План|ково: планка, грань-То́, корнь Сего, столп кон|ста|н|т как Движенье — Покоя. Ма|лей|шесть ее — в сути М|акс|имум, Тьма, Бытия Ах|is, Ось; с тем, открыл ее — Макс. Длань Творца, Меры, Тьма, Фаллос (Уд), и влечет, и с|мир|яет ход наш как У|да-и-Уз|да, Божий Да|р, У|д|а|л|ь-Д|а|л|ь.

200. Т|ок, Движение-Жизнь, — Тьма суть жидкостей всех: жид|кость — жить. В мире сем явь Тьмы — зо|л|о|т|о, твердый по форме своей (как феномен) и жидкий по сути (как нумен) *ме|та|л|л миросущный* **(**Платоном и названный «плавкою жидкостью» — дождем Афины**)**, цвет чей, жел|тый, третий в ряду цветовом — Мира цвет: ведь Мир — Три. Злата Суть — Мир, Суть наша. С тем, з|ла|т человек, Лат|ы (ведь Духа маска он). С Высью един в Век Златой, Небеса-на-Земле, **злато — о́н как бесценная ценность, сиречь без цены как одно без другого, лишенное в злате нужды**; пав, он в розни со златом как ценность — с ценой, ее тенью, и тень эта, зла|то над падшими нами царит: зло — над благом, причиной его, плоть пустая — над духом. В сем смерть нам от злата: коль всё вкруг — оно, сердцевину (mid|dle — англ.) утеряв, коя Мы, гибнем мы, как Мид|ác. Злато (au|r|um = o|r|um, Тьма-Свет: AU|M = O|M) — жидкий огнь, жгущий длани течения ради: Мир — Божья Река, Огнь жел|анный людей (человечество — man|kind). Муж (man) Гераклит, говоря, что мон|етой раз|мен|ной всему в длани (man|us) Творца есть огонь (и у|мён, кто мен|яет его, ну|мен сей), раз|ум|ел *Мир как з|лат|о и злато как Мир, Ка|мен|ь-Огнь*. Мешать злату течь, копя его ради злата ж — мешать водам Мира вершить неуклонный свой бег: как запру|ду, размоют они сердце; в том — смерть с|куп|ых, чья куп|ель сей металл **(***«Гнусное и бессмысленное занятие — без конца заниматься своими деньгами, находя удовольствие в их перебирании, взвешивании и пересчитывании! Вот, поистине, путь, которым в нас тихой сапой вползает жадность» (Монтень)***)**. ЗЛА|ТО есть Благо-Зло, Бог-Диавол, нам данный, чтоб Меру познать, с тем — Взойти или пасть.

201. Вла|га, Тьма-Сила — Вла|сть. В|лас|т|ь есть с|ласт|ь, сиречь с|лад|ость: в|лад|еющий — лад (хор) творит, как Бог — Мир Свой; и в|лас|т|вует — Г|лас, Сердце. Власть посему богосущна; и кто в ней не Бог — Сатана́ (ведь едины сих Двое), и л|ад его — ад. Созиданье в сем мире Вражды есть б|ор|ьба: с|лад|ить лад нам — есть сладить с врагами, сиречь о|дол|еть их как дол пред собою, взойдя по ступеням их г|лав; и велик редкий тот, кто победу стяжал не враждой, но любовью, как Бог. Во|ин истинный, k|Sat|r`iya (санскр.), есть идущий во Глубь, к Sat: «ин» — «инь» (кит.) — Тьма-Бог, Глубь-Любовь. Воин Божий есть тот, Глубь чья Бог, Мира Глубь. Воин-Бог — Мир имеет за Глубь, куда д|виж|ется он: в Вульву — Уд. Богу-воину Мир есть Меч-Мяч **(**much (англ.) — много: Мир — Хор**)**, суть Доспех-и-И|г|руш|ка (стар. меч-к|ла|д|ен|éц). Лад, Мир вечный — М|лад|енец Творца х|руп|кий; биться бо|йцу — есть играть.

202. Тьма есть З|мей: Тот, кто смее|т-смее|тся: Свершенье и С|мех — Тьма[34], Дух, полнящий сущие ме́х|и **(***Po|t|en|tia, Сила-Возможность (лат.); ma|y (англ.) — «возможность» и «ма|й», месяц пятый: Любовь, Пять-Тьма — Тайна-Власть; «маю» — имею (укр.)***)**. С ней ме́хи эти есть жизнь, а в себе — ме|х|ан|изм, смерть, хан чей — Сатана, злой господь. Тьма, Причина — Смех-Слезы: как Воздух, она Смех, как Слезы — Вода **(***Демокрит-весел|ьчак (вё|сел муж, кои — смех в реке Жизни: веселый — по|се́л|ится всюду, гр|ебущий — живет) с Гераклитом ун|ылым — одно́ в ней***)**: взлететь — взмыть. **Т**|ьма — **Т**|айн|а, что ма́н|ит Единым людей: man|us — длань, суть Длань-Тьма. Тьма, Н|ов|ь — Корнь в|дох|нов|енья: пиит — пить; она — Об|ла|д|ан|ье, в своем бескорыстьи владеть не стремясь, но в|лад|ея: Фем|ин|а, Жена — Лад **(**и ла|д|ан — ее фим|иам, дан|ный нам**)**. Ум, Муж, чуждый Жены, жаждет власти, ее не имея: ведь Сила его есть Жена, коей Муж, сей рев|ни|вец, ч|рев|ат: Жена — Глубь. Так Афина, неся стрелы Зевса, есть сами они, без каких он ничто. И как дочерью сей страшим Зевс, так библейский Отец — тот же Зевс, Муж — страшим горней Тьмою, без коей Ум сей — им|потент: ибо мир сотворил не он — Тьма как Po|ten|t|ia, Си|ла Творца.

Ш|есть — число ее как С|и|нь, ш|е|ст|о|й цвет, А|ф|ин|ы глаза синеокой **(**благого меча, песнь чья — «Синий платочек»**)**: Ин|ь — принцип Жены (ж|ін|ки — укр.), Тьмы-Ин|ого: Ж|ена — Ина́ бренным как чистое Без, SINE (лат.), кое звал Аристотель «лишенность» немудро: лиш|енность есть мы без Нее, а с Ней — всем обладаем: Причина, Тьма — Всё **(**лих|о — злым, кровь — бес|смертным, ли|х|ор, огнь бесцветный: Незримое — Тьма**)**; **Не|бес**|а, **Без**|дна глаз — Син|Е|ва: Мир, Дом наш, больше коего нет. Ведь лишенность, Утра|та, — Причины лишенность, зияние там, где сияла она. К|рай земли у Славян — Межа Синя: То, Гра|нь, к Раю всход и Рай сам — Бога край, Земля-Всё, где мы — Бог. Синь, Тьма — Син|тез: над многим Одно: в Боге, Теос|е — Мать, Коей дом Элев|син; син|агог Дух — Тьма, То, чья религия — Син|То. Син — skin: Тьма — Кора на Творце. Скандинавская Син — отрицанья богиня: Тьма — «Не». Синь, Тьма — З|ин|а: S = Z (имя жены моей драгоценной), «дочь Зевса» эллински: Афина — она; Та|л|ье|зин кельтский — бог Солнца-Тьмы: Мать пред Богом, Омега пред Альфой Она, куст чей есть бу|зина. Синь — Сень: Тьма — Бытия Кор|нь-Кор|Она, Ар|ийцев святой Ар|сен|ал. Сень — Зень: Тьма есть Зе|н|иц|ы всезрящи: Причина торит Мир насквозь. Путь в нее — д|зен-буддизм: Се́рдца Ум, Ночи — День, верный ей, дверь в Синь, Тайну. От Син|и — Сын Се́ни сей (коя — Se|n|se, С|мысл наш), Хри|сто|с, суть Хри, Тьма (Фаллос, коя сто|у́т), Л|уне сродный (Л|юбовь — оба, что знал Бул|гаков, Тьмы муж, Бэл|а знавший), бог чей — вавилонский Син; Будда, Тьмы столп — синетел, как с ним К|ри|ш|на-Господь; миросущный, Китай — Cin|а (цвет его желтый — покров Сини: явь — Тайны): Тьма-Син|ЕВА — Тело Мира, с тем — тела́ богов как причин, из Причины сложённых, какой есть она.

203. Тьма́, Синь — Сень, пора чья — о|с|ень (укр. о|сінь), ос|ь дел, плоды осен|яюща лонно: ведь в осень из лета как в лоно спадают они (ур|ожай — суть Ор, Тьма: UR — OR); корнь сей поры есть сен|тябрь, месяц сини *пронзительной*, число чье Дев|я|ть есть Лона число: Дев|ы, Тьмы. От Восьми, числа смерти густ|ого, чей месяц есть ав|густ (п|ло|т|ь зрелая — гуща, по Ведам), спадают п|ло|д|ы, умерев, к

новой жизни как Лону сему. Лето — время плодов, число чье — Шесть, июня число: ибо, лету начальный, он месяц шестой (*черв|ень (укр.) — от «чер|вон|ый», суть красный как Черв|ь, Змей, Тьмы тварь: Шесть — Тьма-Розн|ь, К|расн|ота, разн|ых бог, из Единого вышедших вон*); осень — лона плодов сих пора. Оба — Тьма: плод и лоно — одно. С тем, томится по осени лето, живимое ею. Так Пушкин, Пан в плóти, в июне рожденный в шестой день его, *летне-летний*, душой пылкой осень любил, оч|ей оч|арованье (почтив в ней средину, ок|тябрь, Очей дом), лето ж — нет, стра́ждав в пору его. Лето — Леты, Заб|вен|ья пора, половинная году (Д|вен|адцать чьи есть Дважды Шесть): корнь забвения — час|ть; осень — Памяти: Па|мят|ь суть Мат|ь, Тьма. Забвеньем пленим в мире сем, Помнить жаждет дитя Тьмы, поэт (*вспоминая, дер|ем с Сути тьму: с Ноля — Двойку; de-rem: дух — из брения: rem — вещи (лат.)*). Рек Дер|жавин:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Забвенье, Очей пелена о|Т|ча — брение; Память, Мать — Вечность как Очи сии в отчей тьме. Вода их, **стих суть Памятник нам, Мир**. То ведал Пиндар, с ним Гораций, Державин и Пушкин, творя словом Столп сей. Забвения — Память есть суть: Двойки — Ноль, Божья Тьма. Зря его, Пушкин, года сред|ина, стихом разделял пополам, в чем был он от поэзьи Сократ, Серд|ца муж.

204. Шесть, Тьма-Мать — дни творенья, в ше|стой из каких Дев|ой этой *от|лит* человек, тьма от Тьмы, как ше|дев|р Ее, капля Воды сей: А|дам, Дам|ы чадо (*ведь чадо есть чудо, начальна кому Ч|уд|о, Ма|тер|ь*), — в па|д|ень|и (Шесть — Рознь: Дно и к Дну путь невольный) чтоб шест|вовать Миром, Путем, тор|я тер|ни|и, Зло: лишь кто ш|ест|вует — ест|ь, г|лав|ой в Синь-Матерь стоя; прямых день — Ше|стой, Ис|пыт|анье, Пит|ание их, о каком шел|ест|ел дуб До|дон|ский (*шел|к,*

плод паука — суть труд наш. Так Путь свой тянем мы из себя волей Матери, кою таит шель|ма-ум; так А|р|ах|ну Афина, Тьма-Мать, в паука обратила, явив суть па|уч|ью людей). Учит он нас б|едой Прямизне: Шест|ь — Шест, хребты ломящий нестойким, а сто|йким — хребтов этих сто|лп, ведь как тер|ни|е, смерть — учит Жизни, Звезде, парной ей. Чаши остр|ой сей (sh|astra — нож; меч) — Му́дрость суть: ша|с|т|р|а — SaS, Шес|ть (санскр.), SaST|h`a — шест|ой. Мудрый, чашу сию снес Сократ до конца: hex — шесть (греч.), h|exis (греч.) — со|влад|анье, Со|крат|ова имени суть: krat|oz — власть; совладать — Быть (exis|t). Так, с победой уйдя, Сократ Есть навсегда.

205. Шесть — па|день|е и пад|шесть: не-Высь, Куб-Земля, чье число — Шестерица; укр. с|ку́б|ати — перья сдирать как Полет, нашу Суть: К|уб-владыка — уб|ийца ее. Высь — Безмолвье; не-Высь — слово: шаг к Выси иль от нее как то падше, что может и пасть до конца, и В|ер|нуться. Безмолвие — Песнь без сло|вес, слово — сти|х, явь Ше|сти. Посему pad санскритски — нога, также — шаг; pad`a — слово, а с тем и строка стихотворна: звучащая речь в сути — стих. Творить есть низ|вер|гать (*ход по|пят|ный в Высь, в эфир как огнь за пят|а́ми у нас (вниз идущим Высь — сзади), есть Пят|ь. Им велик, Человек — Божья Пят|ка, язвимая Злом в Сем, где Пять есть м|ираж, май|я-май, бог май|дан|ов; Диавол — Анчутка беспятный: таящий Высь, Дом наш*); седьмой же — бездельника день: Отца–Дна, куда пал человек как во смертну ю|дол|ь: в Дол, чтоб дол|ю нести как дол|г свой. С тем, свет Божий нам есть в розни Семь; рознь, смерть — Во|семь, клин во́ Семь: в грудь нож (sh|ast|ra) острый (aST|`an — восемь (санскр.)). Гераклит, Вражду звавший «отцом вещей», рек тем, что сущи они ради Дна, места их, что содержит их лишь — не творя.

206. Шесть, sex (лат.) — секс: в себе — Ум пустой, пол-Любви (sexus — пол (лат.): пол-Целого, Мира, Жены-Мужа; Мир — Любви Ш|ар), шест|еренчата жизнь, в себе праздная: Дело — Любовь, Очи-Полность, Двенадцать-Одно, дюжих Дюжина-

Мощь. Секс, Шесть, нас, днем шестых, гонит вдаль — Мира ради искать половинку свою.

207. День сед|ьмой — Бог в От|це: Суть в облатке-сед|алище, коим Оте́ц есть, Покой. Сем|я-Se|ma, Знак-Смысл, день сей дан нам помыслить о Боге, в чем есть отдых наш как от бренья отход; сам же Бог творит вечно, с Ним — Длань Его, Ты|ма, сущих Се|нь. Ложен deus ot|io|sus, Бог отдыхающий, спящий в бер|лог|е безмирия; истинен — Бог, что творит без конца и велит сие нам. Му́ка мук — Бог рас|пят|ый: застыть — не творить, утеряв Пят|ь, Крыла́; гво|здь — суть GO|V, Тьмы запор. С тем, творцам чужд покой дольний, в тягость безделье: ведь Гор|ний — не знает его. Дол, Отец — покров Матери, Выси ме|шок; мешок — мешка|ет: Действие, С|ко|ро|ст|ь — Суть, Мать. Мед|лить — мед лить: зазря, в|ту|не — Mad, Силу; мед|ленный — ленный, суть тру|тень пустой: Мира, Тро|ицы тень нежива; бы|строта — о|стро|та: Дело-Тьма, кое с|тро|ит-тро|ю́т нас как Бог — Мир, творенье. Победы — к|у|р|а|ж для души: бод|рост|ь — р|ост, Тьма как Суть. Ус|певать — п|ева|ть, петь: Тьма есть Песнь, Ев|а-Я|в|ь; ус|пеянье — пеянье, питье: Тьма — Вода. Лен|тяй — т|лен: праздно не|жить|ся — значит не жить; с|он, не-бодрствье — Муж, Он (антипод Сна как Матери с Веком ее); от|дых, rest — сущих к|рест и **а|рес**|т, от дых|анья отход: бездыханность, смерть. Сон — пат|ология Вечности, спать — велит Pat|er, Отец; с|пит — пит|аемый Матерью тайно: Тьма в с|пящ|их — Огнь-Пещ|ь, берегущий жизнь их; Тьму познать — есть оч|нут|ься от От|чего сна: Очи — Тьма **(**и г|лаза — в Дух лоза: Вакх — в Мать-Тьму, Суть свою**)**. Спать — сно|вать как чел|но|к (чел|о|век т|ленный — он, снуя так не по воле своей), повторять в|нов|ь и сно|ва: повтор сна — тьмы зна|к. Так в тела нас ввергает без счету Сан|сара, круг бренный: sun, огнь ее — сон, чей зиждитель повтор **(**в духе — па|мяти датель, ученья мать: в Сем Суть — Второе, что в|то́рить-тору́ть нам велит**)**; отдых меж воплощений, в Сансаре, ру|лет|ке Отцовской, дыра — от безделья отход (как дыры: Двух — в Ноле): Де|ло — Де|ва, Ма|ть-Тьма, в кою дверь нам Луна, бренных страж, Цер|бер Тьмы-Сер|е|б|ра. Б|*уд*|увати (укр.), строить —

б|*уд*|ить Мир в себе: Дом-Суть нашу. Б|удить — есть удить, человеков ловить: Сердце, Уд, есть У|д|а́, Уд-Да. Так их будил Иисус, Сын Жены и Love'ц, так — и Буд|Да, Путь-Ум, Сердца полный (Сын Ин|дии: Ум сей — она). Полность ся, тело Будды есть Тьма-Д|хар|ма|кая: Закон-По|кая|нье; буддийского месяца имя — число без иного: Ум Сердца, Деяние-Суть. Сози|ДА|нье — Любовь, Сердце-Тьма, отдыхать от какой нет творцу ни желанья, ни сил: то и это — она, Actus purus, Бог-Ноль[35]. Ге|н|и|й Тьмы Алек|сан|др тяготился соитьем и сном, ведь творит Тьма соитьем с Собой, сна как смерти чужда: Ночь сия — Жизнь. Рек Вя|з|ем|ский:

«Зачем вы, дни?» — сказал поэт.
А я спрошу: «Зачем вы, ночи?»
Зачем ваш мрак сгоняет свет
И занавешивает очи?

И так жизнь наша коротка,
И время годы быстро косит,
А сон из этого клочка
Едва ль не треть ещё уносит.

Счастливцу — сон? Он у него
Часы блаженства похищает,
А на лету и без того
Он их так мало насчитает.

Счастливцу сон — разрыв со всем,
Чем сердце радостью дышало:
Как мёртвый, слеп он, глух и нем,
Души как будто не бывало.

Смерть называют вечным сном,
А в здешнем — временно мертвеем.
Зачем нам спать, когда потом
Мы вдоволь выспаться успеем?

Day (англ.) — дей, дей|ствуй! день — дел пора. Д|ей|ст|вье, Д|рай|в — Рай наш истинный: «д|ре|й», Три (нем.) — Мир, где орлом реем мы. Дух, еврейски Руах, и Движенье, Рух (укр.) — одно: Суть, Сердце. Сердцем быть — бить|ся, циклично идти. Сказал Гете: «природа не знает остановки в своем движении и казнит всякую бездеятельность». При|род|а — Жена при Род|ящем, при Род|е — Сва-Матерь: Тьма, Длань, Д|е|л|о чистое; действуя — любим-живем: Жизнь, Любовь — Тьма едина. Так Феб, солнце Дел|ьф, что родился на Дело|се, в мир сей пришел Де́ла

ради — Пифона убить, и с утробы имел к тому лук, в день родившись седьмой семимесячным: Жизнь, Дело — Семь; так зачат и рожден к мести Хор, Феб египетский. Дело — Есть чистое, Явь очей: делос — являю (греч.); слово без дела — ничто. Любовь, Дело — Поэзия-Песнь **(**греч. poi|esis, от poi|eo — делаю, творю: делай — пой, Водой-Тьмою поись**)**. Дело — Жизнь, S|**EVE**|n, Тьма; из Семи Мудрых старший как столп их есть Фалес, Воды-Тьмы посол. Объяснять мир Враждою — есть впасть в полумирье: от Сердца — в Ум, от Жизни — в смерть, как впал Дарвин, сей Ум-изы|мат|ель, с *отбором* своим, Миром зря половину и чтя за причину ее. С тем, боялся муж сей, ставши стар, слабо|умья: без Сердца Ум — Силы лишен, коей есть оно, рухнуть готовый, как карточный дом.

208. Спать — не зрить, как слепцу: очи спящих — закрытые; бодрствовать — зрить: Мир — Очей ради сущ как Пир их; тяга к зрелищам древня — суть тяга к нему. Сна суть — смерть: смертны — спим. Но коль Мир — глаз Ус|лад|а, не спать до́лжно — зрить! Зрить есть зреть, созревать-расти в Мир, дабы к Богу взойти чрез него. Очи, Мир зрящи — Очи любовные: Бог, зрящий Мир как Дитя свое. Очи сии несмежимы: Мир есть и един, ибо зрят они так. Ибо быть ему — быть в очах Бога: очами творит и хранит его Он **(**чей? — О|чей: Бога — Мир как творенье Его**)**. **В мире смертном, слепом, Дело нам — умереть, иль для смерти уснуть навсегда, *пробудившись для Жизни*: любовных Очей, кои Глубь — Мир-и-Бог. Умереть, для Очей не проснувшись, — есть Дело свое не свершить, прожив попусту: Очи — Цел|ь-Полность, итог благой**. Смерть, с тем, есть выбор; смерть должная — выбор Луны: Глуби, бодрых Очей, стяжать кои — проснуться навек. Пробудиться — воскреснуть от смерти как сна; не умерши — воскреснуть нельзя. С тем, в неделе шесть дней умираем в трудах, а в седьмой — воскресаем в награду за должное: шесть — смерть, семь — Жизнь как над ней торжество. Воскресенье в начале недели, английский закон — Сатана, мертвым лгущий, что живы они.

209. Бренья суть есть Покой как развилка, рога Сатаны, данный к выбору нам: к Злу и Благу. Покой злой — безделье пустого Ума себя ради; благой — недеянье

Ума ради Сердца: высиживанье Я|йцá-Я, недеяние Да|о к стяжанию Сердца, Творца чрез врата-Ум. В сем — суть дзен-буддизма: Путь-Ум, Полноты-Сердца датель пустому Уму **(**дзен — День, Ум; Сердце — Н|о|чь; Х|УМ — единства их зов**)**. Сей пустой — Запад; дзен есть Путь должный ему[36].

210. Покой-Муж в себе пуст: смерть — без Жизни, Жены. О том — Библии речь. Суть би|б|*лей*|ская есть Тьма-Вода, коей б|ле|ет ее сын Ко|зел. Книга Отчая, Би|б|лия **(**«книга душú», ба (ег.): Ба|б|ы, Жены; bu|b|b|le — пу|зыр|ь (англ.), шар Воздуха-Тьмы в Тьме-Воде — суть душа, пузырек в Божьей Тьме как Тьма та ж**)** таит то тьмою ино|сказаний: Иное есть Тьма. Но кто *видит* межстрочье ее (кое *пусто, темно*), зрит: деянья Отца — зависть мужа, в лишеньи ко|пья злобно мстящего Матери-Силе гоненьем Сынов Ее страстным: во-первых, за то, что создáл их не он — Мать (ведь Мать — Уд) и Ею полны они, а во-вторых, за их с Женами связь, коей он, беско|пей|ный, лишен. Обе эти причины — Женá суть: Причина — Жена **(***зов ф|ран|цу|зов «ищите Жену!» есть «Ищите Причину!»; вопрос по-английски «в чем дело (суть)?» есть «what's the mater?»: «в чем Матерь?» — Жена та ж. «Зри в корень!» — Козь|ма рек: Кор|нь сущего — Ть|ма, Кор|а Господа, Кáр|а всем чуждым ее. Изъяснять Тьму, Причину не дóлжно — ее должно зрить; речь — второе за сим. Так пытал Иисуса Пилат: чтó есть Истина? — Она ж стояла пред ним в лике Сына; так в книге о Тьме Бер|лиоз пытал Воланда о своей смерти, стоящей пред ним — и месси|р, в том Месси|и подобный (ведь братья в Тьме оба), смеялся над сим (с|мех — суть Тьма, Луна-Мах), речь ломая свою, точно нем|ец — Не|м|ой в сути всей***)**. Всемогуща, Она и всеведуща: глину свою зрит ваятель насквозь; Отцу ж, Ра|я *смотрителю*, тёмны в делах их и Змей, и Адам. Ею, вечной, мир бренный рожден во|ева|ть-вражд|ова|ть: Ева — Ovo, Тьма-Суть. Ей, Женою, была та корова, что Трое начало дала, представ Илу А|фин|ой; она ж как Елена, Жена, дала Трое фин|ал; и Гомера сюжет, в Двух Един — от вражды, положённой Женой, путь в Любовь, До|**М** родной: от Причины — в Причину, Жену (Пене|лоп|а,

луп|аста жена — Лун|а-Мать, Мужа твердый П|рич|ал). Отец план Тьмы нарушил: А|дама родив **(**глина красная тела его, адама́ — Да|ма, Ма|ть**)**, чрез Диавола, Сына ж ее, Мать велела вкусить ему от двух дер|ев, чтоб Два, Жизнь и Познание, стали в Адаме, как в боге, Одно, — но Отец, сим страшим, выгнал Сына из рая, оставив его с половиною, Злом (ведь успел тот вкусить лишь от древа Познанья); исправить сие Мать дала Христа, твердого в Ней как Добре-Полноте — Воде, коей Христа окрестил Ио|анн, головой поплатясь за сие от Отца. Ибо **Мать, Дев|а-Тьма родила трех Детей: Сатана (Dev|il — англ.) есть Сын старший ее, Адам — средний, Христос Иисус — младший** **(***и в мире сем Тьма есть Света заступник, сиречь заместитель (укр.): яви — Огнь, тайный очам. Посему у Булгакова в темном романе его Мастер просит у Воланда за Иисуса: у брата — за брата; брат старший — сильней, ибо к Матери ближе стоит***)**; то — реб|я|та Реб|ра, коим есть бренным Мать: частью — Целое-Глубь. Мать, Змея была первою истиной Библии — словом Прозренья; Отец, отвращая от древа Адама, солгал ему: съевши — умрешь, — и на лжи первой сей **(**proton p|s|eu|do|s — первичная ложь (греч.)**)** взойдя, ложь есть Библия в наших очах, где, в себе разделясь, Дева-Тьма стала Девою-и-п|рости|тут|кой, Нолем как Иным, Зовом в То, и Двумя имманентными **(***«ту́т расти» — Выси не знать, к коей рост: к Цели — Путь; с тем — и рост утерять***)**: в двух — **Ма**|рия одна. Х|рис|то|с, **М**еч, — ложь разъяв, Глубь являет сию! Только Мать зачала Его: Глубь-Голубь чистый, Жена **(***ведь го|луб|ить — любить: Любовь — Глубь; голуб|ой — Глуби цвет, явь чему высь небес, лаз лаз|ур|ный, лаз|ор|евый в Ор (Ур), Тьму-Ноль***)**; непорочность зачатья — безмужность его как **А|два|йта, жена от Жены, от Себя Самой Суть: Ноль — не Два** **(***Рождество, **Christ|Ma**|s (англ.) — посему «Христос-Мать»; **го|мо**|сексуализм — Тьмы печать: «голубой» — Голубь, Тьма; от Тьмы-Геи, Земли — «гей»: в Любви **муже-муж, цельна суть — норма Древности, ныне — порок (***«муж всех женщин, жена всех мужчин» —

рек о Цезаре некто: ведь ***сильный вполне — любит всех, невзирая на пол, ибо Сила — Любовь: Пол|нота, пол|овин госпожа)****. Хей|м — дом, царство (сканд.) как hom|e (англ.) — суть Земля-Мать и Жены сей плод, человек, hom|o: пара-Суть, цельная Тьма. С тем, «гей!», «го|й еси!» (go — Тьма-Мать) — клич моло|дец|кий; бойцов строй крепчайший, по древним, — любовников строй:* ***слитность Тьмой как Любовью само́й*****). В горней Троице Дух Святой — Мать; Сын — есть Сын; Отец, Ра|ter — Ра, истинный Бог: в Уде Уд, Жены Твердь. Отец Матерью крепок, Мать — Богом, и, Бога Рука, Она — Бог, Столп Себе. И Отец, Ум, и Мать, Сердце, — Ду́х, но Мать е́сть Дух Святой, Отец — грешный, себе не довлея, за что не причтен он ко Трем**. Иисус — Жены Сын (Ис|а бин Мариам — по ис|лам|у, религии лун|ной: «Марии дитя» и Жена в сути: Сердце в облатке Ума, Муж наружный. Жена, облеченная в солнце» библейская — Мать во Христе: в форме — Суть; попирая Луну, Жена эта — Столп ей. Иисус и Иса|йя («Иса́ — я») рекут вместе царство Жены — не мечей, но орал. От Жены, Тьмы зачать — от Луны *понести*: Тьма — она, горний *Груз*; Гав|риил-бла|гов|естник (Джибрил — Мо|х|а|м|ме́д|у: «Мох» — Мах, Луна, Мед наш) — лунит, Девы-Тьмы глас, сей Гав|ани сущих. Поется о нем:

На Луне живет архангел Гавриил,
Он однажды молоко себе купил
И из чашки в небо Млечный путь пролил.
Серебристый, белый, белый, Гавриил.

В Назарете белом девочка жила,
Воду в дом носила, хворост в печке жгла,
И от Бога светлой вести все ждала,
Белой, словно молоко или крыла.

На Луну свою опять он улетел.
Млечный путь под ним, как молоко блестел,
Крыльями взмахнул Архангел Гавриил —
С крыльев звездочку на небо уронил.

И зажглась она, как капля молока,
И пошли за ней волхвы издалека.
На Луне живет Архангел Гавриил,
И от этого Луна белей белил.

А. Суздальцев

К Луне, светел, и|дет Иисус у Булгакова как в Дом родной: Луна — Мать. Иисус, Сын Ее, ман|и|хея|м (Moon-Гея — Мир цельный в очах благих) — Луна сама: **Мать и Сын — Суть одна. Мес|яц ясный, Мес|сия-Сын — Матери лик, лишь во бренных очах разный с Ней, в очах горних Он — Мать самоé: Хри|сто|с — Хри, в Боге Тьма. Душой ведает то народ наш, Богородица с Сыном кому на иконе Казанской есть Лик-Монолит**, а не зная сего, Мать не зря — не узнали и Сына Евреи, хоть самое имя их — зов Sna'ть. Ев|рей — eu-рей:«рей-пари Женой»: Мать — Сва, Крылá нам; ев|**р**ей — «Еву **п**ей!» (Р = П): кто реет — пьет Мать, Воду вод; евр|ей — «вер|ь Ей!», «чти Мать!», чей посол Сын Ее. В сказках русских Христос есть Иван, сын Коровий: по матери, лону, звал древний дитя, по отцу — мы, Начало забыв. О поре Элевсинской речет Ди|т|е|р Лауэндш|тайн как о Таин|стве Голубя, Матери:

Элевсинское мистическое созерцание в сентябре-октябре начинается духовным символом «парящего белого голубя» среди живописно-пухлых облаков, на фоне которых является заключительный образ: божественный юноша – открыто в Афинах, с торжественной процессией 1 февраля, которая начинается у моря; мистически в Элевсине как юноша Хри|с|а|ор («златомеч»); христиански у Матфея (24:30): «...тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; ...и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных...» или в Апокалипсисе (1:7): «Се, грядет с облаками» и (1:13–16): я видел «подобного Сыну Человеческому... Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч», – иными словами, это Хрисаор на облаках.

Адам, ветхий Христос, ввергнут Евою в Дол; чертог мук; Иисус, Адам новый, взят в Высь, край без бед; и падение, и восход Сына — одно, Мать-Луна.

Глуби-Матери труд — Голуб|ин|ая книга Славян, сей пал|ла|д|ий Небес. Речено о том в ней:

Восходила туча сильна, грозная,

Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины два|д|сят|и сажень.
Ко той книге ко божественной
Сходилися, соезжалися
Сорок царей со царевичем,
Сорок князей со князевичем,
Сорок попов, сорок дьяконов,
Много народу, людей мелкиих,
Християн православныих,
Никто ко книге не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.

Мать любит Христа, Отец — нет: Ум без Сердца, он — дом без Любви. Речь библейска, что Отче дал Сына на казнь из любви к Нему — г|нус|ная ложь: кого любим — храним[37]. Мать — не та, что клянет: всепрощение — свойство ее. Так прощает живущего Жизнь — безразлично, хорош или плох он. О том говорится:

Тваштар [бог-кузнец, Гефест Вед] выдал за Вивасвата [бога Солнца, возвысившегося до божества от смертной человеческой природы] свою дочь Саранью. Саранью не хотела идти замуж за человека, но ей пришлось подчиниться воле отца. Она родила Вивасвату близнецов брата и сестру; их звали Яма и Ями. Но после того гордая Саранью не могла более вынести жизни в доме неравного ей супруга. Она создала женщину, которая была совершенно подобна ей обликом, и оставила ее вместо себя в доме Вивасвата, препоручив ей своих детей, а сама вернулась в дом отца. Тваштар не принял непокорную дочь. «Ступай обратно, в дом мужа», – повелел он ей; но она скрылась, обернувшись кобылицей с огнедышащей пастью, и в облике этом удалилась в северные страны. // Сначала Вивасват не заметил подмены. Мнимая Саранью родила ему сына по имени Ману, того самого Ману, от которого происходят все люди, ныне живущие на земле. И еще родились у нее сын по имени Шани, взошедший звездою на небо, и дочь Тапати. // Но эта жена не стала истинной матерью старшим близнецам, детям Саранью; совсем не с той любовью, как с родными своими детьми, обращалась она с ними. И как-то раз Яма, выведенный из терпения ее постоянными напад-ками, пригрозил ей. «Как смеешь ты угрожать супруге своего отца, женщине, которую ты должен почитать!» – воскликнула мачеха и в раздражении прокляла Яму. Опечаленный, тот пошел к отцу и все рассказал ему. «Мать не балует нас любовью, – пожаловался он. – Младших она ласкает, а мы с сестрою не видим от нее добра. **Может ли мать проклясть собственного сына, хотя бы и провинившегося перед нею? Но она прокляла меня во злобе, и я отныне не считаю ее матерью**. Прости меня, отец, за мое прегрешение и огради от ее проклятья!» (выделено нами — *Авт.*).

Жена — Жизнь; Муж, себя мнящий бóльшим Ее — смерть. Закон Жертвы — Мужа закон, эгоиста-Ума. Убить — жизни лишить: Сердце в Ум обратить как утрату его. Жизнь лишь жизнью хранит: так нас солнце ласкает лучом; смертью — смерть: так в гробу стынет труп. Во Влескниге о во|ин|стве Матери, русских богах, с тем и сказано:

Се, Боги Русские не берут жертвы человеческие, и ни животные — единственно плоды, фрукты, цветы и зерна, молоко, сурью-питье, на травах сбраженную, и меды — но никогда живую птицу, и не рыбу. А вот варяги и Эллины богам дают жертву иную и страшную, человеческую. И того не должны мы делать, потому как мы — Даждьбоговы внуки и не должны идти за другими следами чужими (…) Есть у нас истинная вера, которая не требует человеческих жертв. А то делается у варягов, которые истинно всегда совершали её, именуя Перуна Паркуном, и ему жертву творили (…) Так в любом случае, что Греки начнут говорить на нас, что мы приносим людей в жертву — а то ложь, потому как нет такого на самом деле, и у нас другие обычаи.

«Смертью смерть попрать» — стяг лицемерья: **не смерть попирает смерть — Жизнь есть попратель ее: Благо — зла; смерть, Отца попрал Сын Вос|к|ре|с|ен|и|ем: Жизнью самóй, Полнотой — пустоту**. Чаша (cali|х — лат.) Отчая, кою бесплодно мо|лил отвратить Сын — пощады лишен Суд-Отец! — чáща есть, суть рознь-многость как Отчее тело: без цельности — част|и, смерть, путь без Пути. В него вверг Иисуса убивший Отец. Мать, Путь-Милость — Путь дланью своею вернула Ему, воскресив к Жизни вечной как Та, кто Его родила. С тем, на Матери стоя и Сыне Ее (Мать небесна, земна — Мать одна), хри|ст|ианство — ст|олп Хри, Тьмы — светло Православием, первое кое едино в Христе с Ней; держась на Отце как Втором — как Диавол, Второй, вера эта темна кат|оличеством, за Православьем вторым, столп чей Петр как второй за Христом: смерть — не Жизнь (*так за Х — К идет: хат — дом (ег.; хат|а — укр.), кат — Отчизны лишитель (как Мира: безмирье — безглавье): насильник, палач (укр.), каков Сатана; изменивший Христу, изменил Петр тем Жизни как смерть, Мира Зло*). **Православие есть Сердца Ум: Тьме служáщий двуглавый орел (столп чей ныне — Москва, град Коровы:**

Mos-Cow); католичество — Ум Ума, птица без крыл. Право|слав|ие есть Мать под маской Отца, С|ла|ва Прав|и: Мать-Сва, Вода-Жизнь; католичество *папское* — Отец под Матери маскою. С тем, Православье как Сердце довлеет себе, ибо есть Полнота; католичество — нет: Ум, без Сердца оно есть ничто. О том сказано:

Православие хочет быть полным откровением христианства, чтобы последнее выражалось в нем адекватно и значит — правильно. В этом смысле православие есть «правое исповедание» — ορθο-δοξία — потому, что воспроизводит в себе весь разумеемый объект, само видит и другим показывает его в «правильном мнении» по всему предметному богатству и со всеми особенностями. (…) // По своему внутреннему упованию православие мыслит себя христианством в его изначальной полноте и неповрежденной целостности. Оно принципиально разграничивается от других христианских исповеданий не как истина от заблуждений, а, собственно, в качестве целого по сравнению с частями. Последние уже выделяются из него и для оправдания и обеспечения своей автономии вынуждаются настаивать на прямом обособлении с резким оттенением своих отличительных свойств и такой несродности, которая исключает смешение и передачу. По самой своей целостности православие не чувствует к сему внутренней надобности, ибо носит в себе все части и не имеет ни нужды, ни желания дифференцироваться от них. (…) // Православие не имеет «символических книг» в техническом смысле (…) Оно почитает себя правым, или подлинным учением Христовым во всей первоначальности и неповрежденности, а тогда — какая же может быть у него особая отличительная доктрина, кроме Евангельско-Христовой?! (…) Православие апеллирует к старым, исконно христианским нормам и не указывает для себя особых «символических книг», потому что не имеет ничего символически нового в догматическом отношении по сравнению с эпохою до заключения семи Вселенских Соборов. Этим показывается, что православие сохраняет и продолжает изначальное апостольское христианство по непосредственному и непрерывному преемству. *В историческом течении христианства по вселенной это есть центральный поток, идущий от самого «источника воды живой»* (Откр. 21:6) и не уклоняющийся на всем своем протяжении до скончания мира.

Профессор Императорской Санкт-Петербургской
Духовной Академии Н.Н. Глуб|око|вский (курсив наш)

В Православии, храме Жены, Бог сущ весь как Славян веры Дух (*и под маской Отца то — живое, как прежде, язык|ество: язык — народ (стар.), Корнь чей — Бог, народов Оплот; глас народа — Его чистый глас*); католичество — Бог без главы, вера в нуль. Жизни зов — православный крест; крест католический — смерть, тлен. О том сообщается:

Из православного догмата Креста (или Искупления) несомненно вытекает мысль о том, что смерть Господа – это выкуп всех, призвание всех народов. Только крест, в отличие от других казней, давал возможность Иисусу Христу умереть с распростертыми руками, призывающими «все концы *земли*» (Ис. 45; 22). // Поэтому в традиции Православия – изображать Спасителя Вседержителя именно как уже Воскресшего Крестоносителя, держащего и призывающего в Свои объятия всю вселенную и несущего на Себе новозаветный жертвенник – Крест. Об этом говорил и пророк Иеремия от лица христоненавистников: *«вложим древо в хлеб Его»* (11; 19), то есть – древо крестное наложим телу Христову, хлебом небесным называемому (Свт. Димитрий Рост. цит. соч.). // А традиционно католическое изображение распятия, с провисающим на руках Христом, напротив, имеет задачу показать то, как это все происходило, изобразить предсмертные страдания и смерть, а вовсе не то, что по существу есть вечный Плод Креста – Его торжество.

Православие — апофатизм, «я есть Цель, То», Поход; като|личество — ката|фатизм, «я есть Это», Бесцельность: Сие как подмена В|сего, покой-смерть. Посему в Православьи опора Земли — Небо: Этого — То, тьмы — Огонь, человека — Бог; а в католичестве — Земля та ж: Этого — Это, тьмы — Тьма. В мире бренном сем папский престол — должный: Князя оплот, чей престол есть мир сей; Аристотель, очки пап — Князь сам: Мир вверх дном, бренье Богу взамен. Заместитель Христа на земле, папа — церкви глава; но Глава — То, Христос: церковь — тело Его; голова же вторая — антихрист, за Бога почтенный: **Ум — Сердцем самим** (*по решенью Седьмого вселенского собора честь, воздаваемая образу, переходит к первообразному: поклоняющийся иконе — поклоняется существу, изображенному на ней. Папа римский, наместник Христа на Земле, есть* ***икона как Бог: Сатана-тень, почтенна за Огнь***. *Не ищи Бога —* ***папа есть Он!***). Посему венец папы, тиара — суть téar, слеза

(англ.); причастие в мессе латинской свершается хлебом одним — без вина, сиречь **Умом без Сердца**, не целым — пустой половиной. Ведь Сердце — в|ин|á Суть, Ум — хлеба (англ. b|road). Хлеб — Мир, Путь (road — англ.), вино — Бог, Ab|sol|ut как Ино|е иных. Часть иль то́|лик|а, малость, меж сущих, частей же, мнит па|пство себя Полнотой, части прочи паля в фан|атизме своем, суть чья — Рознь, Двойка-Зло, католичества суть, дело коего — гнать **(**так гнала иных п|а|рт|ия Ленина — часть, pars (лат.), мнившая Целым себя**)**; друг без друга ничто, е|р|ет|ик и ка|толик — монада религии сей **(**с тем, глаголит словарь, «католи́чество (от греч. καθολικός — всемирный) — апробированное вселенской церковью учение *в противоположность ереси*»**)**. О том указано:

Католической церковью в средние века неоднократно устраивались публичные сжигания Талмуда и других священных книг иудаизма, которые трактовались как источник зла. Так, папа Гонорий IV в 1286 году писал архиепископу кентерберийскому об этой «достойной проклятия книге» (liber damnabilis), серьёзно предостерегал его и «настоятельно» (vehementer) требовал, чтобы он наблюдал за тем, чтобы никто не читал этой книги, «так как отсюда проистекает всякое другое зло.

Мир есть род|ы: сколь в нем мы Идем, столь рождаемся в Бога мы. Мир одолеть — стать надмирными, в Бога родясь (ведь надмирен лишь Он). В|ино — Тьма-Мать, едина с Творцом; Вино — Сын, **ВакХристос**, господин виноградника, давший к причастью вино. Сын Сем|елы, един со Христом Ди|онис, бог Очей: оба, бог|и из бок|а, они — Тьмы Сыны, сущи да|бы **Ид**|ти-**Ед**|и|н|ить. Ди|гон (дваждырожденный), Ди|ме́т|ор (имеющий двух матерей: «метор» — Матер|ь, Ме|та́) — оба, спрягшие Вечность и брение. Ч|уд|о обоих — вино из воды; вино с хлебом — причастье к двоим. Как Христос чрез века, Вакх погиб и воскрес. От «Э|ва|н» иль «**Ева**|н», Ва|кх, — «**ев**|**ан**|ге|л|ье», весть о Христе как Иван|е Коровиче, Русском **(**Иван, Ио|анн — имя *темное дважды*: ведь Ио — корова, суть Мать, «анна» ж — пища (санскр.), Ть|ма, М|а|нна с Неба как Не|бо само**)**. Вино есть Вечность, Жизнь **(**aqua vita, «вода Жизни» — водка (лат.)**)**, хлеб — бренье, смерть. Кто обоим причтен — причтен Миру, единству их; хлебу же лишь — ничему **(**в сем

смысл слов «без вина и без хлеба любовь холодна»: хла́дна *в наших сердцах без причастия нашего ей чрез сих два*); из Трех Лиц «Отец — Сын — Дух Святой» Мать, Святой Дух — внизу для католиков, падша в очах; в Православьи ж связь Трех сверхразумна — *сердечна*, с тем Мать — царь в них: Тьма, Длань — царит. Деву-Мать Православие чтит умолчаньем как Тайну (ведь истинно так чтима Суть), как Явь — Сына, Христа; католичество — чтит ф|ари|сей|ски как явь Ее, Тайна ж его, его Суть — Сатана как не-Ма|ть: не-Да, чистое «Нет» (не|ма — укр.). Мать-Деянье — творит; Сатана злой, Отец холо|стой, Покой — рушит во зло: кто не строит — крушит. Отец, Ум — П|лен: лен|ь, плен|ка на Се́рдце: лишенный ее — не ленив, ведь свободен вполне. Жизни день, день се|дьм|ой, на|дме|вающий — Дменье есть Дух, — вос|кре|сень|ем зовем, чтя не праздность Отца — Дело Матери-Тьмы, Се́ни в|се|х (wis|sen (нем.) — ведать: Се́нь *вид|еть*, коя Сень|Ор сущих); мним Отчим он, зря Семь врозь: цельный Свет как раздельны цвета: не Жизнь — смерть, коей очи п|ленил нам Отец, обративший Ириду, суть ра|д|угу, Рад|ости ар|ку-дугу, мост спряженья — в Эриду, Раздор (*и э|рин|ии — он: р|ин|г (квадрат (англ.) — тьмы ми́р сей), где рин|уться в битву — есть жить*). Кто у|соп, у|тон|ул для очей — взошел в Жизнь, Са́п|та (sap|t`an — Семь (санскр.)): из розни боренной — в Одно. В мире сем — в розни Сем|ь; спор о Мудрых, Семи (sapta-rSi), был в Элладе немудр своей дра|ко|й. Но в горних очах Г|е|б|д|о|м|ад|а — едина. Се|м|ь, Sev|en — Се|н|ь наша (М ↔ Н: Ноль — Мать), Жизнь, С|ев как Ев|а-Сов|а в трудах как Мудрость Божия, Со́р|hia; Дом сущих сей — бд|ит всегда. С тем, едина не|де́ля (*се|д|миц|а (стар.), Духа сед|ло: сед, кто по́жил; порой Откровений как Жизни само́й — Магомет седе́л; Кант, чей отец мастер се́дел, не знал выходных: сёдла знающий — всадник их, фаллос сим вульвам: в|сад|ить — на|сад|ить, заронить семя; міць — крепость (укр.)*), кою, люди, да зрим не деля на активность и отдых: Дви|жень|е — в|се Се|мь! Сім — Семь (укр.), Полнота; так зим|а — полность Года как Хода, начало с концом, где плоды тучны спят. Человечности, жен|ь (кит.) — Жен|а́ Суть; душа, самодвижное в

теле (Платон) — капля Тьмы. Auto|mat|os (эллин.) — авто-Мать, Само-Действье, причинное нам; автомат мертвый — следствие наше. Чужд Бога, сих двух поменял Стагирит: душу свел в ме|х|ан|из|м: Ум, мех-низ Выси, Сердца-В|ин|а, ложный хан; механизм — возвел в душу: на царство — раба без Любви. Да узрим лжи сей корнь: очи О|**Т**|чи, разъятые Тьмою за их эго|изм — эхо Сути, Тьмы, Два за Нолем, что Нолем мнят себя.

211. Тьма, Движение — Суть наша, E|go: E — Ева, Тьма; go — Корова-Идти: Тьма как корнь в «**х**|**ор**|ошо», **go**|od (англ.). Ход ко следствию er|go, — Тьмы ж ход, шлях Эр|ота: творящий — стремит. Кто вла|деет, тот деет-творит; обладать знаньем, «ч|жи» — *дело знать*, по Ки|тайцам: знать жи|знь чрез участие в ней. Дей|ствье — Day наш единый: Мир, к Богу Путь; идти им — Тьмой, Огнем Черным ступать; П|раджа|пати-Пу|руш|а, Антропность — Река. Бх|акт|и, Преданность — Акт: служим Богу мы, служит Бог нам; Служа — де|ем-и|д|е|м, Де|м|ос Господа, мы. Бог, Тьма-Б|лаг|о — к Ид|ущим лишь ласков: укр. лаг|ід|ний — ласковый; г|ід|ність — до|сто|ин|ство (укр.): до Сто|лпа, Бога, ход, Коим пря|мы мы, сущие, ибо Идем: Хо|д — Go|t|t, Бог, Г|ит|а-Жизнь; не идя — мы ничто как дыра от Всего: Жизнь, Дви|жень|е — Всё, Суть человечности-жень; нуль д|виж|енья — а|ид, смертный плен; жив-з|доро|в, кто с доро|гой вдвоем. Вечной юности ас — **И**|**д**|**у**|н: uno'сть как суть — полность Ду|хом, Ду|тьем, что И|дущи|х живит ради Цели их; саг|и старинны — про Шаг в Тьму, в/за Грань: по|двиг — он; переход «Я есть То», Сути лик — Бога с Миром единство: Я (Это) — Мир; То — Бог; и Оба — Одно, сущих Глубь. Миросущны, идя Миром к Богу, из Глуби во Глубь идем: Глубь — Суть, и Суть лишь важна.

212. Семь, Движение — Жизнь, Дра|ма (действие — греч.): Мать как Суть дра|мати|зма, дер|уща облатки с Творца, с Сердца — Ум **(***дра**х**ма греческа в граммах — Шесть-Семь: бренным — шесть доказательств Его как смерть, мнимая Жизнью, без главного, Жизни-Семи, бренью — смерти его***)**; сердце, Бога седло — трон и ей, слитной с Ним: Жизнь на смерти верхом, в

сердце бренном — Сед|ьмое и Семь на Шести как в сед|ле. С|ущи|м быть — л|ущу́|ть Уши, Ум с Сердца: в сем — **Х**од, бытья Суть. Де|ло — Де|ва, Дух-Тьма де|ло|кальный — повсюдный: быть В|сем — в Сем|и быть, Реке-Мире; иди|л|лия наша — «иди!» рекой лейся к Творцу, как Мир са́м! Идти — *в|идет|ь*: Тьма — Очи; Мир есть, коли есть он в очах, для него сущих: нет его — нету и их.

213. Бог — Я|дро, горня Суть; Мать как Дра|ма — Поход есть к Нему: суть стяжать — оголять, делать голо|ю голо|ву; Отче, Муж-An|dro|s (an — un, «не») — Облатка-Дол, Н|из (un|der — англ.), Х|од|у во́|рог: Идти для него — быть престать, шел|ухою опавши как ложь.

214. Мать, Деяние — Тайна Отца. Deus, Бог, Мужем мнимый — суть Де|ва, Тьма-Ма|ть, Дэви (инд.): ибо, Мужа чужда как причина его, Тьма — свята, с тем — п|о|р|ок|у начальна как Истина — лжи, коей столп из|дева|тель Ва|ал: дух мя|т|еж|ный, из Дев|ы покров-луд, от Тьмы тьма (lud|ibrium (лат.) — издевательство), рвущий оттуда всех любящих — из Сердца в Ум пустой. Истина — Дева сия, раз|дева|ть кою страждет мудрец, наг как гимно|соф|ист: на|г|от|а — лик Ее, бренью мертвый как Вечность **(***Наг|ль|фар — из ног|тей мертвецов челн; наг|ими приходим — нагими уходим ног|ами вперед мы: ног — Шест|вие суть; бе|жать — жать Мир как Поле, любил что зел|о́ ат|л|ет-Грек: «атль» — Змей-Тьма, Огнь-По|лет; наг гот|овый пред Богом предстать (как Гот|а|ма), зрим по́лно; жены на|гот|а — чиста́, мужа же — с|рам с Ра|м|ы дней***)**; встреча истинна — с Нею, Ка|ран|ой-Очьми ран|деву (Тьма-Ноль — Ран|ь). Нага́, Дева — Наг|ляд|ность, от коей — порыв наш творящ (укр. нас|наг|а); пса|лмы в си|наг|огах— зов к Ней. Дева, Истина-Тьма — Чистота (c|lean — англ.), К|лин-Лиан|а, Змея-Фаллос (Уд). Дева-Тьма есть Не|вест|а: He-West — Ost, В|ост|ок, Солнца край, кое Бог. Де|ва, Мисс — Д|е|л|о-Мис|с|ия наша, влекуща сия|ть чрез ошибки мирски (англ. mis|t|a|k|es) Суть лю|де|й самовластна: ey|sia — самодовленье (греч.). Д|ева есть Ева (лат. E|ve), Жена-Тьма-Любовь **(**в очах римлян — Ве|н|ер|а, ве|ч|ер|ня звезда: e|ve|n|in|g — вечер (англ.): ночь-и-день,

час Кон|такта, вен|ец-синтез — Ми́р суть, То-Это**)**, Л|ев-С|л|ева: полн Им — Жизни полн **(**Ева — санскр. Д|жи́ва, Жизнь**)**, П|ив-и-Ев, а лишен — ев|ну|х, труп; «здравствуй!» Греков — клич Тьмы «**э**|во|х|**э**!»: с Евой Вакх, Греков Суть. В Деву щель как она самоé (ведь Тьма — Щель) — меж Шестью и Семью проход как Врата Узкие меж Е и Ё, кои суть Тьма одна. Дева-S|é|ve|n **(**Семь — Жизни число, коей есть Тьма, Сова**)**, Сава|н сущего — Божий Кан|ун (eve — англ.): быть в нем — в Бога вступить, Жизни Корень. Бог, Жизнь — Со-Бытиé, С|лу|ч|ай; то же — и Тьма **(**eve|nt — случай, событие (англ.)**)**. Дева — Чр|Ев|о, родящее всё, Лоно-Око **(**eye (англ.)**)**: ца|рить — з|рить всё насквозь как творенье свое; и очами Тьмы глядя, выходим, вед|óмые ею, на свет **(**ev`a — вед|ь; и|бо; именно; ev`am — так, таким образом (санскр.)**)**. Дева — Др|ев|ность и Новь, N|*E*|*W* **(***России новь есть Петербург, град New'ы (чей New|tón — Ломо|нос|ов), а древность — Москва, суть Тьма та ж двустоличной земли сей с короной двойною: Два — Д|е|ва сия ж***)**. Корень за|тей **(**Те|ос — Бог; Тьма — за Ним**)**, она всё за|т|е|ва|ет: ткет сущего т|кан|ь как Афина, ткачиха ткачих, по|вит|уха: ткать — вит|ь, Vita — Жизнь, Сила Божия. Длань Божья, Тьма есть Ева|нгелье, В|е|ст|ь, что Он Есть. Жизнь, Тьма — То, кое нас согр|ева|ет глубинно **(**гр|еть — еть (стар.): Тьма — Уд**)**, нав|ева|я нам мысли: Жизнь — корнь мыслей сущих как Сердце Ума; Жизнь терять — гор|ева|ть: пустотой тяготиться, с|То|нать **(**с|то|н|ет — тон|ущий в Двоице, тьме, от Ноля отрешаясь: Ноль — Да, Двойка — Нет**)**. С Тьмою быть — рай нам, а без нее — р|ев-вой|на; рев|но|вать — есть отпасть от Нее чрез ум свой. Жизнь не зрящему Тьма, Е|да, Е|ва-Да, — то, чего как бы нету, Е|*д*|*ва*: Наименьшее Действие — Ма|кс|имум тайный, чей муж — физик Макс. Дева, Ист|ина, есть ев|хар|ист|ья, причастье ко Господу как Доказательство (e|v|i|d|en|ce — англ.), очей *видящих* День Божий: Истине — Истина лишь Арг|ум|ент, взять иное ж — Творца подменить Сатаной. Дева, Тьма — Син|Евá, Сен|ь-Зен|ит как Суть ген|ия: gen и gin — Тьма-Мать, Бо|гин|я, Зе|н|иц|ы его. С|лав|ить Жизнь — Деву, Песнь восп|ева|ть. Дева — Маска Творца: на|дева|ть — Суть таить Тьмой, ведь Суть — Бог Вс|Евы|шний. Труд

Тьмы — С|ев огня: душ — в миры, что без искр сих пусты. С|ев, ее предаем мы: Д|ви|ж|ен|ье — она, ткуща всё из себя Веч|нос|ть-Высь, E|ve|r, Божье Всег|Да как Да всех (гора чья Eve|r|est, столп Н|е|б|ес). Чр|Ев|ом этим чре|ват Муж-Отец, твердый им, а лишен его — ват|а (как З|Ев|с — без Афины, Тьмы; Ш|ива — без Ш|акт|и); из Чр|Ева сего ход берет Эво|люция, нить Жены этой и др|ево от Корня сего. Eu (греч.) — Благо: ведь Благо — Она, что Яв|ляет-Та|ит (англ. ev|in|ce — проявлять); и яв|ленье — ев|лень|е, вход Тьмы в очезримость (Д|ви|ж|ень|я — в Покой, Лень): являема — Суть, Тьма, торяща мир бренный как шило мешок. Дева — H|éu|rēka (клич Архи|мед|а: Тьма — Ме́д наш), открытий Река, шире коей нет (eu|rys — широкий (греч.)), она ж — май|ев|тика, мудрость Сократова. В ней, Деве-Тьме, скрыты боги, для бренных очей кан|ув: область их есть Дева|кан («кан» — вода, бездна (кит.)); в Де|ву сю мы дева|емся в смерти (eva|de — ускользать (англ.) как Дева по сути своей: …D|evaDe|va…), Прозр|ев: в Оч|и-Н|очь — из Дня-Мужа, откуда все де|н|емся мы в Лоно вечное это (и с|гин|уть — в Жену уйти нам); кануть в смерть как в Кан|ун сей — есть в Бога вступить. Смерть — суть Жизнь, Ло|но-Но|ль, цельный Цикл–Дух; жизнь бренна — Два-смерть, кольцо-рознь. Де|ва — Дэ (кит.), Длань Творчества-Связи: ведь Тьма — Длань; с тем, «де» — знак величья-лишенья: велик превзошедший Сие, ставши Тем: Высью — Дол, Целью — Путь наш. Лишенный Сего для Всего — обрел Это и То, превзойдя сей дом бренья; лишен же Сего для ничто — ходом вниз утерял все, став тьмою без Тьмы, без Огня огнем. Тьма есть Ко|не|ц, шаг ко Не: Богу, чистому Да, Не|га|тиву Творения (*f|in — конец (франц.): Ф|еос-In , Бог-Внутри; с Ним единый чрез Тьму — на коне: Тьма — К|Он|ь нам, что несет ко Творцу, К|Он и К|а|р|т|а благая — Д|верь*), кое и есть Не, Не-Бог; как Конец, Тьма — и Ко́|да: рывок к Богу-Да, жаркий с|п|ур|т. Такова Дева-Тьма в концах русских фамилий «ев» (Тьма — Ева), «ов» (Тьма — Яйцо, Ov|o), «ин» (in — внутри, внутрь: Тьма — Глубь) и ук|ра́|инском «ко» (ko|u — Дух (ег.), Тьма). Тьма, Дева — Жизнь, коей чрез Дев|кали|он|а продлен род наш. Дев|ять как Л|оно — она, Тьма-Л|юбовь. Ею мир состворен: с|вит С|вят|ой сей

(в себе — как Аф|иною, чуждой мужей; из себя — Аф|родит|ой чрез мужний посыл**)** и на|ряж|ен как п|ряж|а ее **(**світ — мир (укр.)**)** — сделан, ma|de, Vit'ой сей **(***коя в святости — вечно Маде|муа|з|ел|ь, что Великим Зел|еным зовут: зелень — суть Любовь, Мать, о|зир|ающа дол Выс|ь: Vis — Очи, Тьма; с нею — О|зир|ис, полей по|печ|итель, бог Ж|атвы, Жен|ы Жне|ц с зел|еным лицом: посев — жизнь, жатва — смерть, кои обе — она, У|зел Бога благой, единитель (мирски у|злы — злы); узлы вяжет Афина-ткачиха, суть Мать***)**; и хула на Отца и на Сына, по Библии, людям простится, на Дух же — Глубь-Голубь, Жену, что голубит **(**го|луб|ить — люб|ить**)** — никогда: Она — Мать им; **х**|л|**ев**, в коем Мессия рожден — дом Ее. Д|Еву-Мать чтила верно Ев|роп|а как корнь свой святой (евро|пей|ское — во́дно, Вода ж — Тьма), покуда его не съел-с|крыл Зевс-Отец: где была М|ать, Согласье — стал ро|п|от пустой, тьмы пот|оп.

215. С|к|рыт|ье Отчее Тьмы — труд масонский. Ма|сон|ство есть Ма|тери сон под корой Зла, кор|ичневый **(**bro|wn; un — без- (англ.), лишенность**)** цвет чей есть цвет братств (лож: Лож|ь — Муж, в ком спит Мать), что бер|ут не даря **(***брат (англ. bro|the|r) — от «брать», Мать же — Дар; Homo fa|ber — отъем как закон: «бер» — медведь, меда вор, во|р|ог п|чел***)**, крадя Душу, Жену, как Мать-в-нас и Мать-Нас. Так коричнев фашизм **(***к|арий — А́|рий: в Отце спяща Мать, в Суде Милость зарыта: рий — рой [=копай] (укр.)***)**, с коммунизмом единый как **общее**, com|mu|nis, связь многих внешним ремнем, Сатаной, — без Единства как Глуби: ит. fashio — связка, пучок. Браун — Гитлера женщина: Ева, суть Жизнь при сей Смерти как пара ее мировая — Любовь со Враждой, с Кам|ой Кам|пф (борьба — нем.); Ева Браун — по имени Жизнь, по фамилии — Смерть: ведь фамилья ей — Гитлер, стезя жены сей. Браун — Дэн, Ден|ь как Муж, скрывший Н|о|чь-Мать, Но|ль-Очи: под правдой про ложь о жене — ложь о Вечной Жене, чей Христос Сын и Муж. Смертный, смертную *трахавший* бабу — вот Он, кость толпе, где мертв Бог. Гость, злой нам арианством — вот Дэ|нов Христос! D|e|n — De-en: не Дух — плоть как дыра от Него, дан|ность-рознь, секс пустой — пол-Любви, Дьявол;

пол|ны|й, дух сей — Бóг, Любовь, быть в Ком — Жить (*как Христос, от Марии к Марии придя. Так Ум-Муж — лист меж Сердцем и Сердцем, Нолем и Двумя. Учит Бог (Сына — прежде иных): муж, к жене при|леп|ись: Корнь — она!*). Код да Вин|чи — Он, God-Да, злым сим подмененный на Дьявола, тень от Него: Жизнь — на смерть, «нет». Знать дóлжно: соитие в Духе как связь Сего с Тем, цельность Мира — соитья телесного корнь, в коем свято второе и есть Благо, Жизнь; плотское ж, Духа чуждо — смерть, Зло, плодность лат без ядр их. Brown также — фамилия мужа, кто Мир явил внешним движением, хаосом смерти, тогда как поистине он — Хаос-Глубь, Жизнь. Мас|о|н — мясо Зла, тело бездны, дух чей — Сатана: у масонов — кир|пич, суть квадратна, се|нь-Зло, имманентный мир се|й, Это-Это, печ|ь душ, коим Круг не знакóм.

216. «Мир есть закрытое поле, которое принадлежит Богу по праву творения; дьяволу — по праву завоевания, в силу греха; Христу — по праву победы над первым завоевателем, по праву Страсти», — рек Жак Ма|р|и|т|ен. Страсть же суть Сердце, Мать, ради коей Сын подвиг свершил трудный свой, ради коей — учил не судить. Бог — Любовь, сказал Он. Милость певший, Любовь — Он. Но Он же рек людям: «Не мир Я принес, но меч». Мир есть Мать; Отец — Меч. Миром будучи сам, в Мир врата затворил нам Мес|сия, Сия|нье унесши с Собою и дав меч Петру отрубить *Ма*|л|ху ухо — как Правое, Мир, Мал|ость в нас. Иисус Сердце есть, Огня Камень; Петр — Ум, камень (pet|r|os — лат.) тьмы.

217. Единенье есть М|и|л|о|с|т|ь, разъятье — Суд. Библия славит власть первой из них: Милость — царствует. Так на|до всем царит Мать, Милость-Суд (или Милость едина: Суд внутренен ей); Отец, Суд — ей слуга иль раб: слуга — коль чтит ее, раб — коль нет. Так меж животных царит не отец — мать родяща: Жизнь — Милость живых. Так в Элладе Афина-Мать, бывшая мудрою градозащитницей и божеством справедливой войны, брала верх и царила над Аресом, богом бесчестной войны, сиречь бой|ни: суд|ана — убийца (санскр.). Арео|паг, «М|а|рс|а холм» (па́|г|ор|б — укр.), бывший в древних Афинах собраньем суда, учредила Афина, его осеня: суд

без Милости — л|жив (сиречь жив без Любви, трупно сущ), че|с|тен — Милости ради как Милости-Целого част|ь, каков он, часть же — Целым чест|на («Castigo te non quod odio habeam, sed quod amen», — сказано древними: «Наказываю тебя не потому, что ненавижу, но потому, что люблю»). Ум в себе есть суд|ьба, Отча мрачная власть, суть чья — с|кор|бь; судьба — доля, часть: мир Отчий, судный — разъятый. Судьба, fáta (греч.), Муж — фатá на Свободе, какою есть Мать. Ради Милости Суд — Сéрдца Ум, а в себе — Ум Умá пустой. Рек Иисус: «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Иоан. 7:24) — Сéрдца, Глуби, судом; суд наружный — неправеден, Сердца лишен. **Кто, умён, деет сердцем, — в том действует Мир, Сердце-Ум как безгрешная воля Творца (***«Мудрость и смелость, которые приходят вместе с состраданием, — это подлинная мудрость и подлинная смелость. Когда ты наказываешь или добиваешься чего-то с состраданием в душе, твои действия будут безупречны. Делать что-то для себя [Ума ради, Суда самосущного — Авт.] мелочно и недостойно; такие поступки всегда оборачиваются злом» (Ямамото Цунэтомо)***)**. Суд жив Милостью **(***так имя «су|д|ар|ь» мужей благих — в сути Суд-Дар, Отец-Мать, где Мать — Жизнь-Глубь, Второе***)**, без Милости ж — мертв: он не прав|да — рас|прав|а **(***лжет книга Отца, что с исходом времен, когда люди восстанут из мертвых, свершится Суд — нет, будет Милость: ведь сущих Судь|Я — Мать (or|deal — суд Божий: Тьмы, Сéрдца суд), Сут|ь чья Единый, суд чей — Благо|дать: Благо — Он, Мир смыкающий в Цикл как Начало-Конец его. Сказано же: «Конец света — внутренний возврат к себе целиком всей ноосферы [сферы разума как межличностного единства антропов, объявшей Землю — Авт.], достигшей одновременно крайней степени своей сложности и своей сосредоточенности. Конец света — переворот равновесия, отделение сознания, в конце концов достигшего совершенства, от своей материальной матрицы, чтобы отныне иметь возможность всей своей силой покоиться в Боге-Омеге [т.е. Конце сущего — Авт.]» (Тей|яр де*

Шар|ден. «Феномен человека»). Милость — злой не узрит, зря в ней ***суд как себя самое****; в том — суд злых над собой. Речет Библия: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. // Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; // А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны (Иоан. 3:19-21).*) С тем, Перикла лишась, полюбили Афины расправы: Ум Сердца, был он с Сердцем связь: Афин умных — с Афиной, их матерью. Злым быть Уму — быть пустым как Отцом холостым: Полнота его — Мать. Так Зевес, Ум, пустой эгоизмом своим, Про|ме|т|ея судил на Кав|каз|е духовною каз|нью своей, в коей печень, пож|ра́на орлом, отрастает о|пять: «кав» — суть kou, Дух-Ци|кл; Cauca|s|us, Кавказ (лат.) — Caús'ы, Причины земля — Духа, Тьмы. Рек Эсхилов Гефест:

Сверхмудрый сын Фемиды правомыслящей
На зло тебе, на зло себе железами
К безлюдному утесу прикую тебя,
Где речи не услышишь и лица людей
Ты не увидишь. Солнца пламень пышущий
Скорежит кожу струпьями. И будешь ждать,
Чтоб день закрыла ночь пестроодетая.
И снова солнце раннюю росу сожжет,
И вечно мука будет грызть и боль глодать,
За днями день. Спаситель не родился твой.
Награда вот за человеколюбие!
Сам бог, богов тяжелый презирая гнев,
Ты к людям свыше меры был участливым.
За это стой скалы пустынной сторожем,
Без сна, коленей не сгибая, стой столбом.
Кричать напрасно будешь, в воздух жалобы
Бросать без счета. Зевса беспощадна грудь.
Всегда жестоки *властелины новые*.

Ум бессердный — Отец, Жене-Матери мстящий чрез Сына: мрачней — пытки нет ей. Таков бог, руками людскими казнивший Христа; таков Зевс, Папа|й скифский, казня Прометея, мать коего Гея-Фемида — суть Мать-Тьма сама. Не З|ев|с нов в стихе этом — нов Муж как палач пред Женой. Посему чтили древние Древность: то Мать была им. Древ|ность — Девность как древа истории Суть:

Матерь-Жизнь, Корнь и С|ок его; П|реж|нее — п|ряж|а, из коей, Афиной учимы, п|ряд|ем данность мы ряд за рядом ее. Древ|ность — Двер|ь: так дверь в корнь — зримость древа: явь — в Тайну; так в Бога Дверь — Мать, горня Др|Ев|ности Суть. С|та|р|ин|а — Star, З|ве|з|Да: Век Златой за веков бренных тьмой, К|лад людей, Вес-Вез|ение их — Век ее: E|ve, Ve|nus (Вен|ера — лат.) — Ve|k Очей чистых, безвекий как э|р|а Вен|ца. Гея, суть Матерь, Греками и отождествлялась с Фемидой, богиней благого суда: Милость — Мать. Прометей, Жено-Муж (Геи сын, суть хтоничная), со́здал людской род — Зевс, Муж, уничтожил его — Прометей пересо́здал через Дев|кали|она его, пересилив Женой Мужа. То же с огнем: Зевс лишил его нас — Прометей, зря в нем Мать, вернул хитростью: хит|рос|ть — Тьма, божья Рос|а, Гит|а (Песнь), сущих Хит (Г = Х).

218. Жена, Сердце, есть Сила; и внешняя слабость Жены в мире сем — Сила, скрытая Мужем как коркою суть. «Мужчины убеждены в слабости женщин, а сами состоят у них же невольниками», — сказал Жан Лабрюйер. Муж, Ум как не-Жена — есть бессилье: брюзжанье — удел его. С тем-то философ Ума зрит стезю совершенства как убыль желаний (пример в том — Сенека, склонявший Луцилия «видеть доказательство своих успехов не в речах и писаниях, а в стойкости духа и в убыли желаний»), философ же Сердца — как рост личной силы, чтоб было довольно ее для желаний любых как Свободы: ведь Сердце — она как Ж|елание-Д|еланье. «Люби — и делай что хочешь», — сказал Августин о том: Дело — Жена, что желает делами, как Бог: ведь она — Длань Его. Рек Монтень: «Тот, кто заявил в древности, что он бесконечно благодарен годам, ибо они избавили его от сладострастия, держался на этот счет совсем иных взглядов, чем я: никогда я не стану превозносить бессилие за все его мнимые благодеяния. Nec tam aversa unquam videbitur ab opere suo providentia, ut debilitas inter optima inventa sit. «Провидение никогда не окажется настолько враждебным своему творению, чтобы слабость стала его лучшим свойством» (лат.)» (…) До чего ничтожно лекарство, исцеляющее посредством болезни! (…) Нужно, чтобы совесть совершенствовалась

сама собой благодаря укреплению нашего разума, а не вследствие угасания наших желаний». Сердцем движимый — честен с собой и иными, умом — лжет порой и себе. Так Сенека: уча презреть злато, он в жизни был другом его и сумы не искал. В оправданье себя так писал он: «Философы сами не соблюдают своих правил. Они делают многое уже одним тем, что высказывают подобные правила, тем, что душа их занята достойными понятиями. Если бы дела их сравнялись со словами, они достигли бы уже высших степеней блаженства. Но и без того не стоит презирать добрые речи и сердца, исполненные добрых помышлений. Предаваться спасительным занятиям само по себе достойно похвалы, независимо от результата» («О блаженной жизни»). Вот ложь сего: несоблюденье философом правил своих **принцип здесь имманентный, бездействие**, — тогда как истинный принцип его есть **стремление их соблюдать: трансцендентный п|ор|ыв слово с делом сплотить, быть Одним — не двумя**. Рек Сократ о том: «Знать нечто — есть поступать по нему»; и Платон за ним: «Всякое слово ничтожно, когда не увенчано делом. Всякое дело должно быть воплощением слов». Слово, с делом единое — ма́га суть: власть над вещами. Сказал Павел Флоренский: «Двое становятся одним. Мысли мага сами собой вливаются в слова. Его слова — уже начинающиеся действия. Мысль и слово, слово и дело — нераздельны, одно и то же, тождественны. Дело рождается само собой, как плод этого брачного смешения кудесника и природы». И далее: «Слово кудесника вещно. Оно — сама вещь. Оно, поэтому, всегда есть имя. Магия действия есть магия слов; магия слов — магия имен. Имя вещи и есть субстанция вещи». Рознь сло́ва и де́ла — абсурд; им отмечен Сенека, сказавший: блажен тот, «кто благодаря разуму ничего не желает и ничего не боится»: бесстрашье — героя порыв; не желающий — и не стремится, бесстрашья лишен. Прав Сен|ека в одном: ум, над сердцем царя, пыл его остужает, героя — творя мертвецом, коим есть трус любой. Разделять не умев Аристотелю вслед, муж сей отождествлял; очернясь ком|про|мисс|ами, слыл лицемером, лжецом; мудреца воспитуя, тирана взрастил, его дланью убив сам

себя. Смертью честною сам он отверг свои строки: не ум двигал им — Сердце, Мать была Сен|ью его.

219. Мать-Тьма, зримая в Хри|стианстве в согласии с Женскою сутью его (Хри — в Пуранах Причина-Мать) в ликах двух Жен, двух Марий — Богородицы и Маг|д|а|л|ин|ы, — венчает как Милость его. Отрешивши ее, протестантство **(**от лат. pro|tes|t|an|ti|s — публично доказываю, сиречь взываю к Дьяволу: общее (publica) — дом его мрачный**)**, явило собой чистый Суд кальвинистского (Каль|вин — «повинный пред Матерью») Бога, в усладу себе осудившего часть людей на муки вечные без их вин|ы.

220. Мать есть Тьма, Мать — есть Свет: Свет светóв. Знал м|ист ист|ину: нет ничего ясней Тьмы (и свет яркий — слепит, как любовь). Мать и есть Мира Свет, «Ор хаолáм» ивритски: Ор — Орис, Огнь-Тьма.

221. В мифологии К|ель|тов все боги родятся из лона Великой Богини, Э|йо|хи, родящей сама собой сына Кер|нун|нос|а (кельтски — Рогатого), от брака с коим все боги идут. Так и Гея: родивши У|ран|а как Тьма, Ран|а-Ран|ь (изо чресл уронивши его: Муж — У|р|он, гипостазис Жены), она входит с ним в связь, творя всех; и она оскопляет его, лишив силы, раз нет в нем нужды. Вот оно, *самовластье Жены*! Геей свергнут Уран, Геей — К|р|он: то — *ступени ее* (рек же Ницше: «Мужчина для женщины — средство: цель же всегда — ребенок»). Не будь Геи с советом ее — Крон пожрал бы Зевеса, с ним прочих детей своих: стала б история! Но повернув колесо ее, Гея и Зевса не прочь сгубить: ею уж дан Прометею совет вступить с Зевсом в союз к одоленью чрез хитрость. Причина есть жизнь, смерть — она ж; и гордясь землеродностью, Греки гордились единством с Причиною, знающей Это и То. Так гордимся мы, нынешни, техникой, столп явный чей Прометей, а начальник таимый ее — Гея-Тьма, мать его.

222. Мать-Богиня царила при корне времен на лице Земли всей. Муж, Зе|в|ес, ее скрыв как зев Пи|щу, за|вес|ой стал ей, внешним вес|ом пред Тяжестью внутренней (вес его — вес|ть о Ней: ложь — перст в Истину нам). Тяжесть эта, довлея, царит.

Так тяжкú Небеса пред землей, пред времен тьмой — Пространство. Рек Пушкин в своих «Подражаньях Корану»:

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.

Не владыка огню за|на|вес|ка: суть пряча, покров — раб ее. В пору власти Мужской Мать, ушедши, осталась. Объят ею Зевс: Ге|ей снизу и Ге|рою сверху **(**как неба богиней, глаза коей в мифе — *коровьи*; сестра и жена Зевсу, то — *дважды Мать***)** как темницей: не он пленит Мать — Мать егó!

223. Мать и в Муже — царит. Так царит в чреве плод, ради коего суще оно. Мать пожравший, Зевс — чрево сие, кое Шила сего не сдержало: Мать, канув в него, изошла чрез главу грозной д|щер|ью А|ф|ин|ой **(**пе|щ|ер|а — Тьмы дом, Рта, что щер|ится Тайною чёр|но как пещ|ь: Тьма — Огонь**)**, коей храм Пар|фен|он **(**«пар» — О|пор|ы-Пар|ения корнь: оба — Мать**)** — пер|вый Грекам из всех. Лик ее есть А|с|пас|ия, пас|тырь мужей (ибо Мать — пастырь-Глубь), к коей льнули два солнца Эллады — Сократ и Перикл; и велик ряд мужей, ее гнавших: Муж гонит Жену, чуя в ней Силу, коя трясет трон его.

224. Мать и в Муже царит: ведь Причина — владыка всегда. Жизнь и Смерть, Зло и Благо, Любовь и Вражда — всё она, Суть под ма|скою Мужа. Плененному маскою сей — скрыта нега ее.

225. «Всеобщий мир царил бы на земле, если бы не было понятий «мое» и «твое»», — сказал Ген|ри Фил|динг. Мир сей — Женский в сути: «свое» — Материнское в нем. В Отце мира нет: он — рознь; и мир меж людьми не есть братство их (суть коммунизм: царство общего — против Единого, Матери, царства): брат — ал|чущий брат|ь без даянья; Мать — Дар: Дам|а — «дам», Тьмою озолочу как До|ж|дем. Такова Мать-Земля. «Земля никогда не возвращает без избытка то, что получила», — сказал Цицерон. Прав муж сей: Мать, Тьма — Д|а|р **(**dar|k|ne|ss — тьма (англ.)**)**, она ж — и Да|рит|ель-Мудрец: ве|дать — дать. Только Мать, что взяла — возвращает ст|о|р|иц|ей: Единство — богатство ее. Лишь она бескорыстна

подмогой своею как Действие-в-Даре; Отец-Суд — с|тя|ж|ат|ель пустой. Дар есть Силы оплот. Щедрым был Александр, щедрым — Цезарь (и, рек Марк Антоний, величие римское не столько в том, что Рим взял, сколько в том что он ро́здал). Как Дар, Мать в Элладе Отцовой — Афиной крепка, что Афины со Спартой, противны, сплотила в Элладу одну.

226. Дар, Тьма — Д|х|ар|Ма, Закон: мудрым — Воля, немудрому — Долг, Кабала **(**лик чей мрачный — Ки|бел|а, Ки|бал|ьчич — раб чей**)**. Д|а|р, Тьма — Да|тель эпохи Ар|ийской, с ней — нас; и она есть Бог-Да в сей эпохе — как остров средь «нет», тьмы Зла. В Матери, сущей над ней как Атлантов поре и хозяйке его, «Да» — есть всё.

227. Бог — Причина Всего, кое Мир. Тьма, единая с Богом как Длань, есть Причина всего, кое *в* Мире (всего в этом Всем как сосуде). Знак в том — украи́нское «мати»: по-русски — и «мать», и «иметь»; и «не|ма» — «нет», отсутствие чистое, смысл чей «не-Ма|терь», «не-Ть|ма»: коль Причины нет — нет ничего, ибо всё — от нее. Тьмы причинность явил Гомер, чья «И|л|иа|да» — брань из-за Жены, «О|дис|сея» ж — к Жене трудный путь (и обоих поэм нить — Афина вьет, Тьма, точно пряжу свою); Гесиод, за Гомером второй (Тьмы муж: Два — Ноля лик), богов вывел из Тьмы, зря Причину в ней.

228. Длань Бога, Тьма — Сила сил. Двойка, Тьма-в-Бытии, Единице, сильней Единицы как Тьма, Суть ее. С тем, Второе над Первым стоит в мире сем и страшит его силой: так Зевса страшит Дионис, а Отца Сатана, посему им гонимый; Тьма, Сила — Реальность всегда, а иллюзия — Свет. Темный муж (Сердце, Тьма — Суть его), Эпикур с тем — корнь мненья в веках, что Левкипп иллюз|ор|ен: второй за Левкиппом, как Тьмой Тьма зрим был Демокрит Эпикуром, Левкипп — нет. Из Свету служа́щих сильней тот, кто первым идет; из слуг Тьмы — кто вторым. Посему Пифагор, пев Свет первым, мощней Филолая, второго за ним; Демокрит, певший Тьму за Левкиппом — Левкиппа мощней (Мудрость, Тьму любя более света, на старости лет он себя ослепил посему).

229. Мать-Тьма — Сердце, Умá Суть, Сверх-Умье: **М|ёд (санскр. m`ad|hu) сущих, Без|умье**, mad (санскр., англ.), Ма|Д|ам, Влага горня как пьяность-ус|лад|а-ки|пенье. Единый с Ней — с Богом един, умным же — и'Dio'т, боже|вільний (укр.): сшедший с Ума в То. Вода, Мед — Мать: сот|ы медовы — сне|жин|ка по форме. О Матери, Ма|т|ке написано:

В древности Мать нередко изображали вместе с различными насекомыми и животными. В частности, с пчелами. Мистики считают пчел формой жизни, связанной с Венерой; пчела также — символ Первой Корневой Расы.

Мед — греч. μέλ|ι, лат. mel: Тьма-Мать, Сен|ь-Мели|сен|та, Любовь, — Бе|л|из|ны Суть: мел, Ум — Сердцем мол|от-ед|ин, Фаллом-Тьмой. Тьма, М|ед — сущих Е|д|а, Да Господне. Mel|ain|a — черная (греч.); mel|os — песнь: Тьма-Mel|o|dia, Ноль-Два. Се|мел|а — Семь-μέλι, Тьма-Жизнь, Вакха Кров|ь, коей смел всяк герой; боевые сто граммов сол|дат — Сто, Мир-Мать, Полность сот. Скиф. ma|l|u|wyam (μελύγιον) — «напиток, приготовленный на меду», иран. ma|d|u-wya, медо|вуха: Мать-Вакх, Мед-Вино — Тьма едина; некта|р медовóй — Никта: Ночь, Тьма. Мели|с|са (пчела — греч.) — трава есть медóвая; нимфа, кормившая Зевса-дитя **м**|лек|ом-**м**едом — звалась так. Мед, Мать — Мет|á (Цель — укр.) всех сущих; мета|ть т|очно — ведать Ее, т|вер|дым быть Д|лан|ью сей; Длань, Мать — Деятель: де|лат|ь — ma|d|e (англ.). Мед — осет. m|y|d, дигор. m|u|d: Жена, Яйцо-Фаллос — Суть м|**уд**|ьев, яúц мужских, фаллов мужей Твердь. Мед — мід (укр.): Тьма — Сердце, Суть средня (англ. mid|dle), Любовь-Влага **(**дом пчел — у|лей: то, куда льют они Мед, Воду-Тьму**)**, пиров всех Та|м|ад|а, в кою ход — ме|д|и|та|ция, «мед-дит|я»: Мира взысканье как Влаги сей. П|чёл|ы ее — че|**L**|**ove**|ки, что ею живут: **жить — любить, с Сердцем быть как при Сути своей**; Шесть, столп сот — нам число в мире сем, день шестой; Mad|hr, Mad-Хр|и — человечества руна: Мать, Сердце; **ме**|**т**|а|л|л Ее — **мед**|ь, буй|ной пи|фии стула металл и креста **М**ои|сея: мед с медью — одно **(***медный — мёдный, медовый: цвет меди — медов; мід|ь, медь (укр.) зрим мы в слове «вед|мідь» в языке сем — мед|ведь, мед|о|вéд-мед|о|бор, со|бир|атель иль бор|тник лесной, be|ar (англ.), город чей есть*

*Bear'лин***)**; масса меди, 64, безумства ее знак — навыворот есть 46, бренный мир **(**Четверица где — Век Золотой, Шесть — исторья, река от него**)** кверху дном — Корнем вниз: в мире сем, мнящем Высью себя — Высь (Vis, Тьма, Сила-Очи) подземна. Медь — cup|rum (лат.): кап|ля, Вода-Тьма. Mad — Dem|os: народа Суть — Тьма; Народ Северный, Семя Землян — Тьма как Суть без облатки, **Крыла́ без чехла**. Медь, что парна железу в Веках (ведь за Медным — Железный), с ним купно — Любовь-и-Вражда; ме|дно|кожесть — Атлантов, Любви́ явь **(**и детям, Любви, люб за|гар как Атлантовость их: Бог, за Гор|ом Огонь**)**; загар на́ море — ме́|ден: Вода — Тьма, от коей и в кою идем мы, как Сутью полны (тело наше — Вода всё); «Зогар», Каббалы столп — загар, Тьмы печать: Тьма — Жизнь, Zo|on. Младенцев еда — ки|ке|о́н (греч.), смесь **м**|еда и **м**|лек|а: **М**ать — оба, что зрим в *молоке мы медвяном*, каким поит воинов павших коза (Мать, Causa) Хей|д|р|у|н, Геи лик, от листвы Игг|д|ра|сил|я; медо|вич|и, медъвищи (vic, vis — Тьма) — Русичей хлеб на меду, **я**|ство праздников Божьих. Лат. mel|ius — лучше: **сердечней**, ведь Сердце — Вер|ш|и|на. Ме|д|ея (глаголит О|в|и|д|ий) низводит на Землю Луну: Сердце в Ум, ведь Луна — Сердце в паре сей, вход в Мир-Гро|мад|у, Ар|мад|у миров **(***Камень-Всё, Ве|лич|айший, Лич|ину Творца: ве|личины — личины, раз|меры сей Меры***)**, Земля же — Ум. Жажду свою утолял медом О́дин: Тьма, Мед, повторим, — и Вода. Иггдрасиль (Ми|ма|мейд), древо-Ми|р вечно юное, медом священным пропитано: Богом как Сутью; Ми|мира родник под сим древом — ме|двя|н как Он. Мед Иггдрасиля — Очей мед н|о|ч|ной: пить его как росу — сердцем *видеть*. Mad с сим — Мухам|мад (араб. مدحم), Мухам|мед, град конца дней земных чьих — Мед|ин|а (Я|с|риб, Ma|d|ī|n|a|t an-Na|bī), медиана Аллахом живых, куда, видя опасность, ушел сей Пророк, как ушел Моисей в Мад|и|ам: в Мат|ь, Утробу хранящу; год переселенья в Медину Муха́ммеда — первый в счислении у мусульман, ведь счет их — от Луны. Маго|мет — «внявший Господу», Сердцу: Без|ум|ье, оно, повторим, — Цель, Мет|а́ как Бес|смерть|е, A|mor(s); самосущный Ум — смерть. M|a|d — Ma-ad, связь с Творцом неразъемна, покорство как Сердцу

Ему **(**непокорство — Уму без Него: лат. amor, любовь — ивр. הרומה, аморэ, «непокорный»**)**: Мать — Длань Его. Слитная с Ним, Она — Корнь г|ero|изма: Эро́|т сам, героев вожак **(***«Безумие есть источник подвигов всех героев», — рек* ***Э|р|****азм* ***Рот|т|Ер|Дам|****ский: Эр-Разум, Э|р|от как ума царь; жить им — быть с царем в голове: царь главы, ума — сердце***)**. Ме|д|у|з|а Гор|го|н|а — суть Тьма, Огонь-Очи. Безумство любовно — ко|м|ед|и|и суть: kam — желанье, любовь (санскр.), суть Сердце **(**комедья ж Ума — Ком, злословье: ком в горле у нас, во рту кляп, в венах т|ромб; узел Сердца, по Ведам, что след разрубить (то свершил Александр с *хитро|умным* узлом)**)**; м|ед|и|ана — ср|ед|ина, суть Серд|це, Центр-То как Высь-Глубь **(**санскр. m`ad|hya — 1) средний, 2) средина**)**; са|м|ад|хи — бла|жен|ство как Сердце-в-себе; здравья столп — ме|д|иц|ина: з|д|ор|ов|ье — Любовь, Тьма-Безумство, чей *месяц* медо́в; Дик|е есть Справедливость **(**Закон, Бог — безбожному дик|ость, дик|туя Единство: безбожия — ро́знь суть**)**; Mad'онна — Тьма; Мо|ц|ар|т, цар|ь Му|зыки, Ма|тери конь — А|ма|д|ей, Мед; мед|аль — знак за дело из|ряд|но, безумное: р|яда суть бренного — Ум, Сердца ж вечный строй — Хаос есть бренью как or|do a|**m**|**o**|r|is — порядок любви (лат.), сердечный, or|d|re du co|**e**|**u**|r, каким живы мы и порядки творим. Ряды умственны — Сердцу облатки, в какие ряд|ится оно. Сердце-Истина (ám|en — еврейски; Амон|ово имя в Египте), Безумье (ame|n|tia — лат.) — Ума Цель (á|me — англ.) как Я (me — англ.), Суть чистая; Ум есть Идущий и Пу́ть — так речет дзен-буддизм. Сердце, Мед — дар Бессмертья как сома, напиток его; мед и сома — одно: сущих Мед, Тьма-А|т|ма|н[38]. Хлеб (broad — англ.) вечный наш — В|ино; брод наш во тьме — bred **(**воспитанный, выросший (англ.): в сути — вскормленный Тьмой, Молоком млек**)** благой: Вода-Сердце — не Ум, не Два — Ноль **(**Се́рдца муж есть Рей Б|ред|б|ер|и: rheos — Вода, Тьма, что реет как Воздух-Крыла́**)**. Сердцем жив-един Ум, а в себе, рознь, он труп. Сердце, Тьма́-Суть — Ве|л|ич|ье Ума, что «лиш|енностью» звав как Ума пустотой (хоть оно Полнота есть его), Аристотель безумен был как недо-Ум: не m|ad — ад, акци|ден|ция, без Н|очи день пустой, при́данность к Сути как лишнее ей, нуль: ad

(лат.) — при|ба|влять, прилагать: к душе, ба — плоть пусту. Недоумок — ду|р|ак, Дур|ги пленник и раб (*«Порядочный человек может быть влюблен как безумный, но не как дурак», — рек Ларошфуко*); дурак сказочный русский — сверх-ум. Благо, bon|um, великий есть Ум — полный Сердца, а Зло — малый ум, mal|um (лат.): ум, что Сердца лишен.

230. Сердце, Тьма — Миф, Реальность Земли-и-Небес, в коей тает кон|к|р|ет|ность мирская: ю|дол|ь по|л|о|в|ин|ы — в лучах Пол|ноты. Безответен вопрос, есть Гомер человек иль ле|ген|да: он есть **то и это — Миф, Мира пор|т|ре|т, Тьмы-и-Света, Того-и-Сего**. Мир, Суть наша, Цикл-Я — Первый нам и Последний; таков же, как Миф, и Гомер. Рек Монтень: «мне Гомер представляется существом исключительным, каким-то сверхчеловеком (...). По правде говоря, я нередко удивляюсь, как этот человек, который сумел своим авторитетом создать такое множество богов и обеспечить им признание, не сделался богом сам. Слепой бедняк, живший во времена, когда не существовало еще правил науки и точных наблюдений, он в такой мере владел всем этим, что был с тех пор для всех законодателей, полководцев и писателей — чего бы они ни касались: религии, философии со всеми ее течениями или искусства, — неисчерпаемым кладезем познаний, а его книги — источником вдохновения для всех (…). Созданные им самые замечательные в мире произведения не укладываются ни в какие привычные рамки и почти противоестественны; ибо, как правило, вещи в момент их возникновения несовершенны, они улучшаются и крепнут по мере роста, Гомер же сделал поэзию и многие другие науки зрелыми, совершенными и законченными с самого их появления. На этом основании *его следует назвать первым и последним поэтом*, так как, согласно справедливому, сложившемуся о нем в древности изречению, у Гомера не было предшественников, которым он мог бы подражать, но не было зато и таких преемников, которые оказались бы в силах подражать ему» (курсив наш). Лишь чрез Миф поймем Древность: он ду́х ее! Нам Александра не знать без Ахилла как сути его; Демокрита

идей не понять, не зря: Мир ему был плоть Аб|дер|а, коньми Диомеда разъятая (роз|дер|та — укр.): Демокрит — А|бде|рит **(**б|*де*|*нь*|е — Тьма, Очи вечны; от Тьмы — рит|уал, Элевсина дар**)**. **Боги — реальные силы Эллады, историьи ее творцы**. Знает, кто зряч: союз Делосский полисов крепок был Фебом как сутью *живой* своей; смертные — царю сему, кто был *главным стратегом меж них*, в том не ровня. Миф — корень себя, из себя объяснимый; не знать Мифа — Духа не знать, с ним — бессмертных богов. Зря игрушкой ума, мним мы мертвыми их, а они — живы вечно, уме́рши лишь в бренных очах, кои к Мифу живому мертвы (спят: смерть, сон — есть одно). **Усомниться нам в Мифе — себя пошатнуть: ибо Миф — наша Суть**[39], очам умным, покровным, вторая, как Глуби и след. Миф — Реальность, корнь бренья; мифичные, боги есть корни Сего, не зрить коих есть Жизни не знать. Так Платон нам неведом без знанья, что ментор его — Аполлон-Вакх, кем в мифе Ахи́лл убит (чрез длань П|арис|ову бренну), в миру ж — Александр, македонский Ахилл, стрелой той же, не знать чего — зрить смерть внезапну его средь трудов и за|тей (The|os — Бог, Корень их) беспричинной. **В бессмертных не верить — в смерть впасть как лишенность Предвечного: в ком умер Он, тот не есть**. Бог — Причина причин; боги, многи (лат. dii) — причины как слуги Ее, коих дом — Миф. Бог — Благо одно, боги — многие блага; чтить их — благо|честие нам, детям Двойки, числа первомногого, Платоновым словарем и определенное как «справедливое отношение к богам, добровольная склонность к служению богам; правильное представление о почитании богов; знание того, как надо почитать богов».

231. С Причиной впрямую сойтись — голова к голове, очи в очи ее — есть познать безупречно; Причина же — Глубь. По́лны ей В|еды (v`eda — санскр.), книга Еды: Е|да — Да, Бог Ед|ин|ый, Корнь Знанья, Тьма-То́ очам. Мыслил сие-то Эйнштейн, рекший о сове|ршенстве теории внутреннем и о|прав|да|нии внешнем ее, доказательстве очей мирских: **совершенной ей быть — есть доказанной быть Глубью, Тьмой, в сути — Богом самим, нашим Я; совершенство теории**

есть совершенство творца ее: с Богом единство как Сутью своей. Нет нужды в доказательстве Бога (чем тщился Кар|тез|ий) тому, кто полн веры в него: вера — Бог, сердца Глубь. У|бед|ить внешним — ввергнуть в бед|у; у|беж|дать так — беж|ать есть от Истины, Глуби **(**лик чей Грекам был божество убеждения Пей|То: на|каз Глубь пить нам**)**, творя circulus in probondo — круг Лжи имманентный, порочный замкну́тьем, без выхода в Глубь как Ответ. Убеждение внешним — Диаволом есть убежденье, а Богом — идет Изнутри.

232. Тьма-Сов|а, Ноль как Зев — Божий З|ов, Ор чрез O|r|is, Рот сей: зевать — звать **(**Хаос, имя ее — от эллинского chas|co, «зеваю»; chas — час: время — тьма, что преходит, когда пробил он**)**. Зов сей есть зов об|рат|но, или обо|рот|но: Домой через Рот, датель рат|и живущих (Зев — Сев: Выси — в Дол) и глотатель ее. Быть к сему зову хладным — есть сгинуть в пасть Тьмы, сущих смерть. Отвечать на него — есть Жить нам; так в|лек|ущая, Тьма — Ле|к|ар|ь-Жизнь, что в|леч|ет-леч|ит нас от покоя, что смертию есть. Зов Творца, Тьма — Любовь, жарка М|а|нтр|а антр|опов и Ма|ть; ей в|ни|ма|я — препоны круш|им Силой сей мы **(**krush — звать, кричать (санскр.); ломать (англ.)**)**. Тьма, Мир — Вы|зов, ко Богу С|тез|я; жизнь согласная — Д|ел|о, влекущее к Цели сей с|лав|ной; свершенье его в полноте — дней конец как пред Богом исполненный Дол|г наш, При|зва|нье. «Когда дело сделано, человек должен устраниться», — сказал Лао-Цзы, мысля не лишь отход от свершенного меж иных де́ла, но в сути — от жизни сей к прочим уход, ждущим нас на стезе Мировой как *делам о|ста|льным*. **Бо**|р|**г**, долг (укр.) — г|р|об отдавшим, отлет налегке; po'gin'ать дел плоды — умирать: гин|уть в Ва|гин|у-Мать, Жену, жну|щу лунным сер|пом в дол|ж|ны|й час.

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному.

— рек Пи|мен пушкинский **(***муж Очей с Пи, с|твор|кой их — Воды, Тьмы (Пі|ть|ми́ — укр.)***)**: песнь сия как *последняя капля* трудов — Дело-жизнь, Долг

свершенный как пропуск к Творцу **(***di*|*xi* — *di*|***e****: кто кончил — тот умер, спев hi*|*му (X ↔ H), жизнь-песню свою и прейдя в* ***E****ву, Тьму; де*|*я*|*ть — деть или д*|*ева*|*ть***)**. Долг пред Ним, Его ради — в Свободу врата, коя Он; долг мирской, ради бренья — врата в ничто, ni|hil как nu|l|lus, луз|гу Ню, Тьмы-Сути, изнанку Всего.

233. Лишь во Тьме у|пое|нье творца: Тьма — Во|да; в ней — его в|дох|новенье: Тьма — Воз|дух; и с Тьмою одно — песнь. Поющий — поящий себя есть водой вдохновенья, в|ино|м как Ино|го в|одой: вдохновенья дом — То; и в застолье сердечном — поём, зовя Суть. Суть — Господь; песнь — к Нему зов есть в|одн|ый, в Син|ь: sin|g|er — певец (англ.), s|in|g — суть (кит.). Песнь — Мир как Река-Камень, Pét|ros (греч.); пет|ь — чтить его: песней — Песню. С вином песнь едина, как с флейтою — Пан хмельной. С тем, Ана|х|ар|с|ис, мудрец из Семи, на вопрос, есть ли ф|лей|ты у скифов, ответствовал: «Нет даже винограда». Орфей-певец и Дионисий, вина бог — фракийцы, как Арес, брат их в Тьме: во|йна, в|ино, песня — одно. С тем, одно — песнь и смерть; ав|густ, сер|пень (укр.), месяц восьмой, в коем гибнут плоды, месяц-смерть сер|ый **(**Восемь есть смерти число; смерть — сера́, рек в «Стене» своей Сар|тр: С|тен|а — Тьма, смерти Суть**)** — месяц свад|еб, для лон семян, с пень|ем, что бренных величит как Тьма. Отшедшим от меры вино мочит душу, слепя их: ведь зрить — есть душе как очам, кои есть она, быть сухой лотосно: ло|т|о|с — водой не мочи́м, в ней плывя, точно п|лот. **Быть психее сухою — в сем мире Ума быть единым Уму с Сердцем без их смешения: Суть души — Грань, Господь-Тьма**. Миросущной, души́ зло есть м|ок|рость, плененность бессердным умом: Тьмы — тьмой, Ночи — Днем, чуждым ее, как чужд Милости Суд-эгоист; меры чуждым — вино|й в сем вино **(**sod|den — намоченный, подмокший; сырой, отупевший от пьянства (англ.); Со|д|ом — Суд|а́ град**)**. «Невозмужалый отрок ведет опьяневшего мужа, который шатается и не замечает, куда идет, ибо психея его влажна», — Гераклит сказал. Влажной психеей есть та, в коей Тьма, преступив грань Ума, намочила его; Ум, мокр, вымочил Мир как Суть нашу, явив душу бренным очам: Тьму — тьме. Вымокши, тайное — зримо. Рек Вл.

Соловьев: «Вино — прекрасный реактив: в нем обнаруживается весь человек. Кто скот, тот в вине станет совершенной скотиной, а кто человек — тот в вине станет ангелом».

234. Тьма есть Творца Сила-Длань, Бога меньша как сущая Им: Длань без Сердца — ничто. С тем, Тьма меньше Творца, Силы-Бога, как **Сила Его, у Него**; и Бог, **Сильный (Собой)**, есть Да; Тьма ж как не- Бог, **Сила** — «нет»: ибо «нет» — внутри Да как дитя в своем лоне, как следствие в причине. Рек Александр Невский: «Не в силе Бог — в правде»; Прав|да же Бога — Мир, прав|ый от Бога, под Ним: Правизна — Низ. Ее зря святою, чтил Мир Пифагор, в коем Бог — как ваятель в скульптуре своей, весь; скульптура же — хру́пка. Кто Силою Бога мнит, мнит Его вольным разбить Мир, а Он есть Хранитель его и разъять Мир не волен: ведь Воля Творца есть сам Мир как творенье: *Бог Миром во|ли́т*; и как нет двух Миров, так двух Воль нет у Господа. Жить — есть Богатство хранить, быть на страже его **(**варт|а — стража (укр.), v|art — жить (санскр.)**)**. Бог есть Бог|атство, храня кое, живы мы Жизнию вечной; богатство же Бога — Мир, Божье Дитя, с ним — мы, Мирны. Рознь — Нет, Бог же — Да без иного (как Благо Платона), и Тьмой, Силой есть лишь как Да: как не Roma (греч. сила) — Amor, Силы Корнь недвоимый как пары Да-Нет, в коей правит Рознь, Два **(***Силы Корнь, Бог меж бренных — И|знан|ка, А|лиса (…СИЛ|**АСИЛА**…→ **…АЛИСА…**): Любовь в мире Зла, кою тот, зазеркальну, мнит хитрой лисою, в стекле зря себя. Бог хитер, но не зол, рек Эйнштейн, зная то***)**. Правда более Силы: ведь Сила как Тьма — в Мире сущее, Длань в нем, что меньше сосуда, а Правда (tru|th — англ.) — Мир весь, Три как Одно. Посему из сих двух — в Ми́ре Бог, Максимальном Своем. Правда-Сила с тем — сплав необорный: Бог-Тьма. Рек Эсхил: «Если сила соединится со справедливостью, что может быть сильнее этого союза?». «Только бы верили люди, что сила не в силе, а в правде, и смело высказывали ее», — уповал Лев Толстой. Победить не прибегнувши к силе — опорой взять Бога, не Тьму. Рек Клео́бул нам: «Силою ничего не верши», — сиречь «Будь как Господь». Ибо Сила

есть средство — орудье, стезя; Бог же — Цель нам. Сказал Александр Македонский: «Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах»; Пред|мет высший — Бог, Метá всех. Сила-Тьма в Боге — Корень всего и Нос|итель **(**Не-Сущее, Не-Бытие, коим Тьма есть, — Несущее: Тó, что несет как Платформа и Столп; «несть» (стар.) — рáвно и «нет», и «нести»**)**, а без Бога — нос|имое без Вседержителя: Нос, данный Гоголем мудро (носатым, как меченым Тьмою) не|леп|ой претензией части быть Всем, Леп|отой, коя — Мир, с|леп|ок Бога. «Лицо — это то, что выросло вокруг носа», — смеясь сей надменности, сказал Ю|лиа|н Ту|вим.

235. Правда — Мир. Правда — Бог: Мир жив Богом как Сутью святой. В чем рознь Истины с Правдой, коль обе есть Он? Бог как Ис|т|ина — Тот, Кого дóлжно ис|кать ист|цу; Правда-Господь — чужд исканий: Он с Миром стоит **голова к голове**, посему — с человеком, Суть чья и Дом — Мир. Бог как Истина — Тот, кто стяжаем **Деяньем**, каким есть **Поход** к Нему; как Правда, Он достижим **Недеянья деянием** как **О|ста|н|ов|кой**: идти Переставший — как **Т|о|ч|ку** обрел Абсолют **(**так обресть Да|о — учит Китай: Бога-Да, что о|бъемлет как Лоно нас: к чему идти, коль мы — в Нем и Он — Тут?**)**. Мир — не-Бог, и не-Бог — человек, парный Богу как Мир. Невский, рекши, что в правде Бог, рек тем, что в Мире Бог сущ как Основа: Иное-Внутри, Глуби Глубь; с Ней сплотясь — в Боге мы.

236. Тр|и, Мир-Тр|он, Бог всесильный разрушить не может: ведь не для того Он творил его; Воля Господня — Одно: Сози|да|н|ия Воля; и будь она также крушащею — Воля была б Два; Господь же — Един. Чуждый зла, и с тем мéсти (желанья с|мест|ú: за зло — злом), Бог — Х|ран|итель есть чистый. Правы посему Пифагор, Платон и стоики, рекшие, что Мир, будучи порожден Богом, уничтожим как причастный рожденью, но он не разрушится благодаря Промыслу Бога и своей связанности с Ним. Посему Мир *условно крушим*. Разрушимо всё меньшее Мира, второе за ним; Мир — вовек нерушим и есть Вечность: То, что не прейдет **(**Бог же вечный — Пред|вечный: до-Мирный Творец, Мира старший не временем —

ран|гом, с ним стоя глава к голове**)**. Посему всяк, кто, нечто создав, его рушит, противен Творцу, Кто творит Жизни ради: Хранение — Жизнь. То знал Гоголь, герой коего, рекши сыну: «Я тебя породил, я тебя и убью», — сим явил неизбывный трагизм: с Богом с|пор, неискупный вовек. В Мире вечном хранящий — царит. Так из тройки индусских верховных богов Вишну, бог, что хранит, старше Брамы, творящего бога, и Шивы-крушителя.

237. Мир — ф|ор|ма Бога; Бог — формы лишен как Формовщик: творения — выше творец. Х|р|уп|кость, формы **(**санскр. руп|а: без Т|еоса — т|ру́п**)** суть — суть Мира и зов жаркий к Богу: х|р|ани! не дай ра|ни|ть! дли нить сю! Х|ранимый — рани́м. Мир, К|руп|нейший, где Свет с Тьмой одно, есть х|ран|имая Господом Ран|ь; и душа, Мира лик **(**разный в разных, как Бог, что, учил Гераклит, «изменяется подобно огню, когда он смешивается с курениями и обозначается именем того удовольствия, которое каждый от него получает»**)**, есть Рань-Мы и Рань-в-нас **(**рек же Пушкин: «Свободы сеятель пустынный, // Я вышел рано, до звезды…» — до Венеры, что утренней кличется, до у́тра, в чистую рань**)**. Хр|и, Причина, — Бог с тем и Хр|анитель: хранящий — творя, сиречь вос|создавая, всечасно Мир в Миг вечный, Лоно времен **(**миг — мыть (укр.), созидатель — мыт|ець (укр.): подобье Творца и дитя Тьмы, Воды**)**[40]. Хра|ним Богом, Мир — Х|р|а|м Его **(**рам|а, кар|кас Сути сей, сущей в нем как сосуде своем, с ней кас|аньем единый как Ра́|ма, Свет-Тьма**)**, цельный, *ведь слаб* как Божье Дитя, как М|ла|д|ен|ец, Реб|енок Его **(**в очах бренных мирских — часть, реб|ро; в вечных — Полность сама, Ро́|да суть**)**, с тем — силен: си|льный — к слабому ль|не|т, силой по|лня; родителем крепко дитя. Так силен Сын, Хр|истос не|на|си|льем: невнешним как Глубь, Сила-Бог. Любовь к хр|упкому и побужденье хранить его как Кр|асоту, Мир, По|кр|ов Бога в очах людских — вот что в нас вложил Бог как любовь Свою к Миру, а с тем как Себя самое: ведь творец есть к творенью любовь. Лев Толстой явил это в рассказе о льве и собачке, создании слабом, которое лев, мощный зверь, полюбил, и со смертью чьей вскоре издох. *Бог — была та собачка, без Коего жизни нет: Жизнь*

— *Он*. Хранитель, Бог прежде иного сущ в слабом. С тем, чтит народ нищих, юродивых: слабость их — Бóга знак. Рек Плиний Младший: «Хорошие люди слабее плохих», — что есть та́к: кто хорош, тот, как Бог, *не от мира сего*, с тем — слабее плохого, кто в Сем, как своем ему — рыба в воде.

238. Мир — Дом, Сильным по|с|тро|е|нный. Сильный (s|tro|n|g) — Бог, Сила чья — Тьма, а Т|ро|й|ка-Мир — тро|н **(**и царь есть трона столп: нет его — рухнул с|тул сей, тул|ящийся к С|ути**)**. Мощь Тро|и, поверженной хитростию на *десятый* осады год, тем велика была, что град сей был миросущен: ведь с|трои|ли — трое его; но, пос|трое|на богом Воды По|сей|дон|ом, Тем, и Фебом солнечным, Сим, она пала, ведь третий творец стен ее был муж смертный Эак, дед Ахилла: в нетленном — была бренья часть **(***так с любовью: для вечной нужна безупречность, для бренной — изъ|ян: Тьма-Жена, Инь — не Свет, Ян; в плаще Феба дырка. Ахилл и Елена, друг другу назначены в Вечности, — встретясь на бренной стезе, хла́дны сердцем остались в восторге ума. «Мы любим не тех, кем мы восхищаемся, но теми, кого любим, мы восхищаемся» — слово о сем***)**. Миросущен Ахилл: ему, Стиксом омытому, люб Свет был — с тем, Тьма-и-Свет, есть он главный герой войны с Троею. Мощь Македонца в том, что был душою Ахилл он, Тьма-Свет, а трагедия — что с ходом дней впал от Света он в Тьму, меру их утеряв (став ков|ар|ен к друзьям как к врагам): то *пал Мир в нем*, с тем — сам Александр в месяц де|с|ий, в день двадцать восьмой, лунный день (28, суть Десять, Луны есть число с миром, сущим под ней), данный им к штурму Тира, хранимого Фебом, — Тьмой взятый, *в вине утонув*, чрез Луну. Так-то солнечным Фебом, суть чья Вакх-Луна, Александр был сражен как Ахи|лл: **ах**|i|s, ось — В|**акх**, стрела в горню Тьму из Сего. Так попытке его повенчать Восток с Западом, с Сим То в Мир цельный — венцом стал крах **(**ясный в сражениях в Александрии, где был погребен он, язычников и христиан — сих мечах над гробницей его**)**. Смерть его — дань закланию К|лит|а, свершенному им в 28 лет; и Клит (греч. «черный») и Гефест|ион

(светлый как бог Гефест, хромец: Свет без Причины, Тьмы-Хр|и — хр|ом), смерть коих лишила столпов его, — суть Тьма и Свет, страны Мира-Огня.

239. Мир, Глубь наша — Тьма в нас. С тем, душа, Мира капля — суть Тьма; и у древних «душа» — в корне «тень»: Ноль во Двух. «Психе», имя души у Эллинов, египтское «ба», значит «ба|б|оч|ка»: суть Ба́|ба, Мать, Оч|и-Тьма. Суть пр|овала, каким есть душа промеж духом и плотию, Тьма есть Душа Мира в нас, что, едина и разная в каждом как в каплях Вода, дает людям ин|ди|в|и|д|уал|ьность, с тем — пол. Всяк из нас — муж, жена ль он — имеет в себе сю Жену, Жизнь свою и вселенску; но женщины — ее избранницы: Суть чтит себя чрез подобье свое, Жена в женах величит себя. Древность знала о том. Век Златой, корнь истории, матриархален, и бог его — Матерь-Богиня **(**Платоном почте́на в Душе Мира — грани идей и вещей, единящей их в Мир; Аристотелем, слившим идею и вещь — не узрена совсем**)**. Корнь эр, Век сей — Эр|от, Любовь-Темень; исторья — Вражда, тьма от Тьмы, от Ноля Двойка. Золото — Тьмы металл, ливень Афины: Афина — суть Мать. Утеряв Мать, утратили Греки с тем *ви́деньe* Жизни: ведь Мать — Жизнь; сама ж она, как призмой луч, Мужским мира началом **(**за Женским — вторым, с тем — делящим по воле Причины, Жены-Тьмы**)** разъялась на семь составных — олимпийских богинь Гестию, Геру, Афину, Де|ме|т|р|у, Афродиту, Ар|т|е|м|ид|у и Пер|се|фон|у **(**из коих, как Мать, трое — девы**)** в миг тот, когда съел ее Зев|с.

240. Тьма, Длань Божья — Ис|кус|ство иль Тв|ор|чество, кое, деля и спрягая, ткет Мира уз|ор (уз|ы Ор|а, Ноля как ор|на|м|ен|т). Посему Афина — Эр|ган|а, «работница», коей сражаться — что прясть: созидать и крушить — Тьме одно.

> Славить Афину Палладу, *оплот городов*, начинаю
> Страшную. Любит она, как Арес, военное дело:
> Яростный воинов крик, *городов разрушенье* и войны.
> Ею хранится народ, на сраженье ль идет иль с сраженья.
> Славься, богиня! Пошли благоденствие нам и удачу!

— Гомер рек. Ведь сказано им: от Афины пошла Троя, пала — по воле ее ж. Так един Ил, создавший град сей, и А|**х**|ил|л, разрушитель его — «да» и «нет», М|ил|ость-Сердце и Ум-Суд в Тьме как Божьем Да, Да|ре-Матери (бренны, зрим мы

половину его, часть пусту Суд-Отъем); кла|сть, творить — кла|ть, кол|оть: Тьма — Игла, коя ко|лет пространства, По|лет всех творцов, Кла|дезь их. Тьма-Искусство есть Макс|имум, в мире сем сущий на грани его, полускрытый в Ином. «Искусство заключается в том, чтобы в произведении искусства его не было заметно», — Овидий рек. Знак тому — План|ка константа: Сего ква|зи-нуль, слитна с Горним граница, чрез кою То зиждет Сие: в план|е — Полность, Объем; Круг — в ква|дра|те. Опорно очам, число это — Земли уникальность жива: части — в Целом, что Миром зовем.

241. Тьма-Длань, с Богом едина — одно с человеком как **Дух Божий, Истина**. И|ст|ина есть П|р|ос|т|ота, Р|ост|а Суть. В слове сем «ост» — В|ост|ок, край Избранья, дом Ист|ин|ы **(**коя — Восток внутри нас: «Ист» (East — англ.) — суть Восток, «ин» — внутри**)**. Истина — Река в нас: не течь ей — нам не жить: Жизнь и Истина — Тьма есть одна. «Не мешать водам течь», Книги Мертвых египтской наказ — глас ее **(**убив Вритру, сковавшего реки, свершил Индра главный свой подвиг**)**. По Библии она — ребро, утеряв кое как Jeve (лат.), Жизнь (санскр. д|жив|а), утратил Адам Полноту не как часть, но как Целое: Суть свою, Глубь (металл коей — с|ребро), коей было ребро сие, взято Отцом Изнутри. Посему, разъят с Глубию, Адам повлекся к наружной жене, когда очи открыл ему Змей. Но *к* Жене прилепясь — мы не *в* Ней. Полноту утеряв, как Себя мы утратили Истину, зрить простоту став не в целом, но в ча́сти, не в истине — в лжи. Так мир сей в Ш|акти (Силе, Акти|в|ности) зрит ипостась бога Шивы, а истинно — Шива ее ипостась как кол|чан сей Стрелы. Так, мня Еву Адамовой частью, глух мир к слову Божьему: «Муж да при|ле|п|ит|ся к жене своей» — не как целое к части своей, но от целого к целому — часть: от Тьмы-Матери к Еве — Адам; от Марии родившей к Марии-жене — Иисус. Сущ меж ними, во Глуби как Лоне своем, Муж — меж истиной ложь, средня в «са|**т**|**и**|ям», «истина» (санскр.). «Сат» — «жизнь», «ям» — «смерть»: две Тьмы, Ноль и Два, как единая Истина-Тьма, «ти» меж коих — Ложь,

Муж-Единица, живой Тьмой-Нолем, мертвый Двоицей-Тьмою; с тем, Истина — Тьма, Ложь — не-Тьма: не-Причина как в сути ничто.

242. Тьма — Полна. Тьма — Пуста и есть Пр|ор|ва, черна́: Пол|ость-Пол|ность. С тем, Бог и един чрез нее с Миром, и сущ в Себе. Самосущий Бог-Благо, тв|ор|ящий, как Дланью, Тьмой, есть Добродетель: активное Благо-без-Зла, Да без Нет в сози|да|ньи своем. Рек Плутарх: «В благах, посылаемых судьбою, нам приятно приобретение и пользование, а в благах, исходящих от добродетели, нам приятны действия. Первые мы хотим получать от других, вторые предпочитаем сами уделять другим. Прекрасное влечет к себе самым действием своим и тотчас вселяет в нас стремление действовать». Добродетель людей **(**«любомудрие, употребленное в действие», — по Пифагору, Уму, а по Сердцу как истине всей — любомудрье одно, кое само есть Действие**)** — вольное действие в Боге их, сиречь Любви, коя Он, где деянья все — Благо, Любовь. Так животное, живя инстинктом, в Любви пребывает всегда: суть ин|ст|ин|кта — Бог, Глубь. Стагирит в добродетели зрил круг по|р|оч|ный (как сущий по Р|ок|у, Уму над Очами), *пустой*: плод рас|суд|ка, она у него и основа поступков, и плод их: Диавола — Бог. Сократ, зря человека не сущим без общества и государства (от коих и принял с|мир|енно он с|мер|ть), зрил в них Господа, Глубь — и на Боге стоял.

243. Тьма как Божия Сила есть Лоно, где до́лжно в покорстве нам быть, Ко|ман|дир наш. Свободы *от* Силы ища, раз|дир|аемы ею мы как внешней дланью, Враждой (Вражда-Тьма есть дыр|а нутряна́ в Теле Мира, Любви-Тьме); покорствуя Силе, свободны мы *в* ней как Любви. Ведал то Александр, гений Невский, покорством Ор|де несший волю Руси **(**с тем, Н|*е*|*ва* в награднóм его имени есть «н|е-Ва|ал»: не Диавол, но Бог и единая с Ним Д|*ева*, Тьма**)**; ради воли Эллады водил дружбу с Римом Плутарх, пев величье его.

244. Сила Божья, Тьма есть О|чи ч|и|ст|ые Бога, с тем — всех, кои зрят Мир: ведь Бог, нас создав, дал нам Очи свои. Мир с Очами един, как един с ними Бог **(**и лик Мира, Гор — с|**о**|**ко**|л, единый с ор|лом; очи Силы — черны**)**; и как в Мире едины То

с Этим, так Очи сии не делимы на зренье вовне и в себя: оба сих — Тьма одна. Ос|три|ть вз|ор, будь он сердце иль ум, дух иль плоть — есть т|очи|ть-очи|щать Шило-Тьму для вон|зень|я в Мир, Три. Очи — Фаллос, ведь Фаллос есть Тьма; *вид|еть* — еть, Тьмой торить как активная суть. Бог есть T|heos, Тьма — T|ок. Ок|о-Ноль, в себе делится она на Ноль (как себя самое), каков есть очи *видящи*, зрящие Мир как он есть (оч|и т|оч|ные: T|оком, Водой-Тьмой живые), и Двойку (иное), начальну смотрящим очам, зрящим Мир как обманность: облатку — не Суть; не Единство, но рознь; не Бессмертье, но тление. *Видящи* очи есть **очи Любви**, а смотрящи — **Вражды**, ведь Любовь и Вражда — Тьма одна: Ноль — Единство-Любовь, Два — Вражда-Рознь **(**обоих явь — ву|ль|ва: в ней Ноль — кольцевые в вагину врата, Два — ворота обычны, таящи и их, и привратника их, Единицу-клит|ó**р)**. С тем, Тьма, Сила Творца, коей зрим-деем мы (Очи, Тьма — Длань Господня), есть Ноль как Любовь, коей мы созидаем; незрячих Тьма — Двойка-Вражда, коей рушится мир; и чтó есть созиданье слепцу — крах для зрячего; чтó слепцу жизнь, зрячим — смерть. Ж|ар для зрячих ж|и|в|ящий, слепым Тьма — M|o|p|оз: не жи|вит|ель — палач **(**как суд|ьба, móros (греч.) — Рок, в Свободе отказ**)**. Тьма как Очи — Любовь-и-Вражда: Ноль-и-Двойка, едины в Любви как Ноле без иного себе, коим есть Тьма, Длань Божья. Ноль есть Жизнь, Одно; Двойка — смерть, рознь: с|леп|ых с|к|леп — и в *виденье* мост всем намеренным Зрить **(**зреть как плод, Мир стяжая: очами — растем мы, в себе растя Мир**)**. Любовь — цельная Тьма, Вражда — битая, Мир как в бореньи куски, мнящи Миром себя. **Рознь смотрящих очей иль раскол их — Земли рознь с Луною, меж ними провал; обрести *виденье*, цельные очи — слить их в Суть одну, Луну-Землю как Мир, Тьму-Любовь**. Две Тьмы сущих, Любовь и Вражда, в Тьме не-сущей единые, кажут друг друга: Любовь — перст Вражду указующий, Вражда ж — Любовь указует; Деянья падеж, суть творительный, пятый (кем? чем?), Сатаною-Ко|ЗЛО|м им|енительно кажет рогами Кор|ов|у — Любовь-Мать, Н|ов|ь вечну, число коей Пять, а лик — Ov|о, Яйцо (egg — англ.), Eg|о всех сущих иль Ко|р|нь их. Ег|ó, Ко|ко|н

Жизни, зрил в мумиях дом Тьмы Ег|ипт, имя коей в нем k|ó|u, «дух» — cow, «корова» в английском теперь.

245. Очи — Суть. *Видеть* — Сутью быть; слышать — не быть ею. С|лух — от Очей ше|лух|а: ше|луш|ить — с|луш|ать; слух, мол|ва мел|ет Мир в прах. **Очи — Сердце, Жена; уши — Ум, Муж**. Психея с|уха — зр**Я**|честь, Сердце; путь в Сердце Ума, тела в дух — ушу́ (кит.). **Очи — Ноль, уши — Два: ухо — Ока разъятость, д|ух Д|в|ух; уши — ву́х|а (укр.)**. Сердце есть Воля, Сверх-Ум, Мощь-Внутри; Ум бессердный — лов|ушка: долг внешний, на|сил|ьник Диавол **(**я м|у́шу — я вын|уж|ден, по|вин|ен (укр.)**)**, плоть как г|уща для Духа-Очей, кои Сердце; ушами жить — Волю уши|ти. Слух — пл'en, Очей пл|ошка: en — Очи. Очьми Мир един; слух — Рознь, Двоица. Око — Единый, Бог; у|хо — у|хо|д Его. С|уще|е истинно — Тьма, Очи с парой уше|й, Сущим мнимых недóлжно с поры Стагирита, кому Мать, Суть скрыта — «лишенность» была как **отсутствье в очах сих пустых**: блика Огнь-Суть, от бу|блик|а Дырка, Глава от ушей. Бытию быть причастным без Тьмы — быть ушами без|гла|зно, без|гла|вно; причастным быть Тьме — быть Очьми-Головой. Д|у́ши сущие — Тьмы-Дамы уш|и, сире́чь че|шу|ú ее, Тьма ж — Очи оных, Змея сих чешуй. Тьма — Хор-Огнь, тайный брению; ухо — второе у Хо|ра сего, ко|са с|плет|ен коса|я ко Са|т, Тьме: плет|ут — изо Двух, У|шей. Ш|ива, что р|уши|т к с|шива|нию мир — уши Ша|кти, И|гл|ы-Тьмы; с у|ша|ми Тьма — с Мужем как с Сушей Вода. Сущи рыбами в ней, глухотой не томились Бет|хов|ен и Го|йя как с ними Без|ухов Пь|е|р, Эр|от российский, обрезанный Тьмою: без|умное Сердце как чистая Суть — Жизнь без лжи, смерти нашей, **лишенность Бытья**, как без уха — Ван Го|г. Ухо Ма|л|х|а отъятое — Сердца указчик: очей, кои Бога узрят.

246. *Видеть* — благо, не *видеть* — зло. Возглас «о'ке|й!», «хор|ошо!» — значит: «Вижу!», «Мир — в оке моем!».

247. Очи, Тьма — Сила: *видеть* — тв|ор|ить, с|очи|нять. С тем, речется Египтом, Вселенная появилась в зрачке Бога, когда Он *увидел* ее, открыв глаза. Посему иероглиф, обозначающий слово «делать», «про|из|вод|ить» **(**в сути сло́ва —

творить-выводить из Причины, Вод|ы-Тьмы как с|лед|ствие**)**, у Египтян и есть г|лаз — Силы лаз как Господней Руки. Очи, Сила — Победа: V|en|i, V|id|i, V|ic|i. Кто *видит* — царит; Очи му́дры — царенья суть.

248. Очи — Победа; Ве|зен|ье — Зен|ица, Зрачок как очей чи́ста суть **(**в очах наших, смотрящих — часть их, центр глазной; в очах *видящих* мага не часть — полнота: глаз-зрачок, полный Силы везде**)**.

249. Разделение меж двух Тем: Ноля и Двух, ве́денья и неведенья — есть путь изведать нам Тьму как Единство, очей Суть: законно деля — единим. Пифагор, разделив меж Умом-Единицей и чувством-Двумя беззаконно, — избрав Ум, а чувства отринув (в чем он Стагирита предтеча), закрыл тем путь сей. «С Пифагора начинается вся концепция вечного мира, доступного интеллекту и недоступного чувствам» (Б|ер|т|ра|н Ра|с|сел). Деленье недолжное это — причина, по коей Эллины **(**Умом пленены, в коем суть мира Отчего, коим Олимп был под Зевсом и чей Пифагор столп**)** метались, средины не ведая, меж полнотой Парменидова Сущего и пустотой Демокрита. Забыли, подпавши под Мужа они от Жены: пустота с полнотою едины как Двойка и Ноль, коих как пары суть — Полнота, Ноль без Двух. Разделяя недо́лжно, мы Меру теряем: Средину, какой есть Господь, Цен|тр и Цен|ность Вселенной. Его утеряли они, утеряв Жену, Тьму; плод утраты сей — противоречья (безмерья) закон и его давший нам Стагирит. Если в Греции, с поры микенской от власти Жены впавшей в Мужа нецельну власть, Сердце и Ум, Тьма и Свет меж собою боролись как равные силой своей **(**как равны они в Мире, ему половинны: Мир — Греции Суть**)**, — в Риме Ум встал над Сердцем как явь, сохранив его в Таинстве, Пище своей: культе Доброй Богини — жены Фавна Лу|пер|ка, Волчьего (Пана, суть Тьмы), имя коей Румина (лат. rumis — сосок) — Рима имени корнь как Волчица-Грудь. Гнал в яви Сердце Рим, Ум-господин, за неумность, иль нег|ум|анизм **(***о гонении им Кельтов, Луною-Сердцем богатых, глаголит история: «Римляне, в I в. до н. э. — III в. н. э. теснившие кельтов в Европе, одновременно прилагали все силы к*

*искоренению кельтской религии, казавшейся им слишком жестокой. Август и Тиберий преследовали друидов, а император Клавдий, по словам Светония, «совершенно уничтожил в Галлии друидическую религию, отличавшуюся своей ужасной бесчеловечностью»***)**. Так Эллада, под Рим подпав — Сердце под Ум, — им владела таимо из глуби; Го|р|ац|ий, сказавший, что «Грец|ия, взятая в плен, победителей диких пленила», о сем-то и рек. Рим, La|**t**|**ei**|nos-**Ro**|**ma**, есть Ум — лат|ы Сердца как Te|o|s'a-Тьмы, **Ром**|б-Квадрат *вкруг* Него **(**r|hom|bus (лат.): в паре Бог-Человек второй, hom|o — квадрат, Ум, а Бог — Сердце). Ум, Грекам тайный, есть запад как часть земли сей: италийски брега; явный, Запад как целое — Рим, з|рим|ый в силе своей как отдельность: Ум не как часть Сердца, но частью иму́щий его как Адам-Ум ребро свое, Еву-Жену, — Ум как целое, суть (кое цело наружно лишь: Ум не собой — Сердцем цел). В том секрет римской мощи, *холодной* как Цезаря *умная страсть*: Ю|лий — у|лей, дом мед|а, при Сердце-Mad Ум как облатка его **(**знак тому ж — окончание «um» в словах римских: конец есть венец**)**. Рим, как з|рим он, есть Ум, парный Греции-Сердцу как г|р|им Сути сей **(**r|Rom (grim — укр.) — эхо молнии**)**: боги его — боги гречески, лишь побледневшие **(**тень, не-огонь — б|лед|ность, лед; так жены верной тень — бл|яд|ь**)**; царь Н|ум|а молвой с Пифагором спряжен, ибо тот, как Рим, — Ум. С тем, Рим умный Венеру, огнь Сердца-Любви, звал вечерней звездой **(**хоть сияет и утром она, звезда-грань ночи с днем: в сути — Мир, Тьма-и-Свет**)**: огнь Сердечный закатен Уму и сияет не в свете как яви — как в Тайне, во тьме. Четверица, Рим славен триадой Пом|п|ей — Це|зар|ь — К|ра|сс: Три — Эллада, огнем чьим жил Рим как Любовью, богатством таимым своим: Миром — пл|от|ь, пл|ащ и плод его, плот в сей Реке (Десять-Мир — треугольно число). Рознью крас|ный, был в яви он ею богат (с тем, богач его первый — Крас|с), Цезарю в грудь вбив медаль Ума эту: кинжалы в ней — знак за труды. Посему Риму чужд Прометей, Се́рдца муж, за поступок его (хоть Эллинам — герой он), Платона — милей Стагирит ему, с ним Эпи|кур, без|мят|ежное сердце — в аспекте Ума. Умствовал Цицерон, порицая

с|т|ра|д|ан|ье, труд сердца; рек он: «Величайшее зло есть страдание». Истина ж в том, что **страдание — благо: оно возвышает как Глубь**, очищая людей как кат|арс|ис, разрыв оболочек их как ход к Себе от себя, чрез себя. «Мастер Ит|тэй сказал: «Если бы мне нужно было кратко ответить на вопрос, что есть благо, я бы сказал, что благо — это терпеть страдания. Тот, кто не умеет терпеть, никогда ничего не достигнет» (Ямамото Цунэтомо). «Малые страдания выводят нас из себя, великие же — возвращают нас самим себе [сиречь Глуби: ведь Глубь — Я]» (Жан Поль). «Страдание — истинное богатство таких несовершенных созданий, как мы, оно возвеличило нас и сделало достойными занять место рядом с совершенными» (Ра|б|ин|дра|нат Та|гор). «Страдание символизирует бесконечную возможность совершенствования, постоянное открытие радости» (он же). «Жизнь немногому может научить того, кто не научился переносить страдания» (Ар|т|ур|о Г|ра|ф). «Без страдания не могла бы сложиться душевная жизнь и законченная полноценная индивидуальность» (Вил|ь|г|ел|ь|м Д|ил|ь|тей). Глубь свою мы лелеем молчанием. «Сильней страдает тот, чье горе молчаливо» (Жан Расин). «Великие души переносят страдания молча» (Иоганн Фридрих Шиллер).

250. Ноль — М|уд|р|о|с|т|ь: Полет как причастие Миру, К|рыл|á, на каких мы от Бога как блага, врожденно присущего нам, воспаряем к Нему как Итогу ис|кан|ий своих: труд наш — Шест|вие, Путь от На|чал|а к Началу сему, Коим жив чел|овек **(**главы убор восточный — чал|ма: так Сень наша — Бог**)**. С тем, сло́ва or|ni|to|s, «птица», суть — Ноль, крыльев Суть; философская мысль, по Платону, кры|лат|а; ор|ел и с|ов|а, птицы-Очи — мудры. Мудрый — в Духе здоров; с тем, Полет — ле|к|ар|ь бренных **(**ле|лек|а — жу|ра|вль (укр.)**)**. Полет — упоенье: ведь он Тьма, Вода. Наказ Библии быть нам простыми, как голуб|и, и мудрыми, аки змеи — в двух сих зрит Одно: Простоту-Глубь как Мудрость, Полет — в Бога лёт, Глуби Глубь. Мудрость есть Суть У|ма: Света — Ть|ма. Плотин рек: «мудрость (…) составляет самую сущность ума, а не нечто в нем более позднее, не так, что сперва ум, а потом мудрость». Быть мудрым — есть *видеть* нам: Очи — Тьма; с тем-то в

санскрите у «мудрости» с «*виденьем*» корнь един — vid. Мудры, Древние *виденью* были причастны. Смотрящий и *видящий* разны тем, что первый — спящий, второй — пробужденный от сна к Бодрствью, коим есть Глубь в нас; и Мудрость есть бодрственность разума в Сердце. С тем, имя София (и Софья) как «мудрость» — есть «С|он|я» мирски: ведь в миру мудрость спит, бдит — рассудок пустой, Полноты этой чужд. «Для бодрствующих [= *видящих*], — рек Гераклит, — существует единый и всеобщий космос, из спящих [= смотрящих] же каждый отвращается в свой собственный». Мудрость, Очи — единое то, чем бог|аты мы (rich — англ.) как Риш|и индийски, единые с Богом чрез Тьму: *видеть* им есть летать, летать — *видеть*. Богатый Очами — есть Миром богатый: Мир, Очи — едины; зря Суть свою, Мир, мы и есть эта Суть.

251. Двойка, Тьма есть суть бренья: рождение-смерть, где рожденье — лик Бога, а смерть — Сатаны. Посему в мире бренном сем Двойка — двояка. Живимая Богом, она — диалектика, к Богу влекущая нас, а мертвимая Дьяволом — логика, иль диалектика, чистая полным безбожьем своим, что влечет в Князя дом. Двойка Божья — ar|gen|t|u|m, сребро как Любовь, породивша Ар|ийский век ум|ный как Сердце его; сатанинска — железо, Вражда, что Любовью чревата, Нолем — Два: лат. f|er|r|um — суть f|ero, «не|су Су|ть, Любовь»; f|err|um — érr|or: носитель-ошибка: Умá Ум, не с|лав|ящий Сердца в себе. Два, Тьма — оба металла, чему лик **черненье, явь Сути: по Двоице — Ноль**, общий им (ведь металлы ины — не чернят). Орихалк, алмаз, злато, сребро, медь — Пятерка любовная, Вечность; железо, шестое — Шесть, бренье-Вой|на с обо|юд|ным желе|зны|м мечом **(**«юд» — Уд, Тьма-Острие; «зны» — «сны»: рознь сущих — сон**)**. Орихалк — Млеко-Мед, цельна Тьма, Жизнь (младенцев еда, ки|ке|он Греков — смесь их); железо же — млеко без меда, неплодность: пол-Жизни, смерть — Два без Ноля, без Добра желе-Зло. О сем сказано так:

Укко, тот творец верховный,
Старец Укко, бог небесный,
Отделил от неба воду,
Разделил он воду с сушей;

Не рождалось лишь железо,
Не рождалось, не всходило.
Укко, этот бог верховный,
Протянул однажды руки
И потер их друг о дружку
На своем колене левом:
Появились три девицы,
Эти дочери творенья,
Эти матери железа
И голуборотой стали.
Вот пошли они, колышась,
В облаках они ступают,
Молоком полны их груди,
И сосцы отяжелели.
Молоко течёт на землю,
Грудью полной орошают
Девы землю и болота,
Тихо дремлющие води.
Каплей чёрною стекает
Молоко у девы старшей,
У второй же девы, средней,
Каплей белою стекает,
А у той, что всех моложе,
Каплей красною сбегает.
И из чёрных этих капель
Вышло мягкое железо;
Где же белые упали -
Сталь упругая явилась;
А из красных капель вышло
Лишь некрепкое железо.

(……)

Вот с земли пчела взлетела,
Синекрылая из травки
Полетав, остановилась
У кузнечного горнила.
И кузнец промолвил слово:
«Пчёлка, быстрый человечек!
Приноси медку на крыльях,
Языком достань ты сладость
Из шести цветочных чашек,
Из семи верхушек травных,
Чтобы сталь мне изготовить,
Чтобы выправить железо!».
Слышит шершень, Хийси птичка,
Услыхал он эти речи:
С кровли кузницы смотрел он,
На бересте кровли сидя,
Как калилась сталь в горниле,
Как готовилось железо.
С быстротой летит оттуда,
Сыплет ужасами Хийси
И приносят змей шипенье,
Черный яд гадюки злобной,
Муравьиный яд приносит
И сокрытый яд лягушки
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.

А кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Пораздумал и помыслил,
Что та пчёлка, прилетевши,
Сладкий мёд ему приносят,
Мёду в сотах доставляет,
И сказал слова такие:
«Рад, что принесла мне это
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа».
Сталь туда он погружает,
Погружает и железо,
Из огня железо вынул,
Из горнила сталь он поднял.
Вышла сталь оттуда злою,
Злобным сделалось железо
И нарушило присягу,
Как собака, съело клятвы;
Без пощады режет брата
И родных с ужасной злобой,
Заставляет кровь струиться
И бежать из раны с шумом.
Закачал старик на печке
Бородой и головою;
«Знаю я теперь начало
И коварный нрав железа.
Злое, жалкое железо,
Ты, изгарина дрянна́я,
Сталь с могуществом ужасным!
Так-то ты росло на свете,
Так-то сделалось ты страшным,
Чересчур уже великим!
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Ты ведь не было красивым,
Прежде не было могучим,
Молоком новорожденным
Ты покойно исходило
Из сосцов прекрасных девы,
Из девичьей полной груди
На краю обширной тучи,
Посредине небосвода».

«Ка|ле|в|ал|а»

Орихалк — Огнь-Свобода; железо (нем. ei|sen) — Лед (eis — нем.**)** как Móros. Судьба, тьмы Морóз (муж железа — Сергей Эйзен|штейн, Кали страстный певец**)**. Орихалк — Глубь; железо — об|лат|ка (укр. лут|ка) пуста, сгасший Огнь в сей эпохе, что Лют|ой Славяне зовут. Глуби люди, поры Орихалка златой — самоторные шила: активные Тьмой, с коей они одно; люди поры Железной — пассивные г|во|з|ди («гво» — gov: Суть — Корова), вбиваемы в доску сторонней рукой.

Гвозди бы делать из этих людей —

— рек глашатай поры сей, в какой люд|и — лют|ы. Луд|ить — лут|кой крыть: Ноль — Двумя: Любовь — Рознью. Кант, рекший, что зол человек по природе — о Кали глаголил: природе-дыре, тьме гвоздей.

252. Двойкой у́|мя есть (*«на|ма» — санскритски, откуда лат. по|ten, англ. n|ate (ate — цель: к Богу идем, от облатки — в Глубь)*), сути покров. В мире этом, для духа гробу́, есть надгробье оно, суть таяще (и Я|м|а, бог смерти, и слог его ям как суть ям|ы, могилы — есть корнь его); в мудрых очах, зрящих в Двоице Ноль, имя — сути портрет. С тем, как Два, имя мудрому — в Бога врата, связь (relation) с Ним, а невежде — врата в ад: re|lat|ivo, лат|ы, что сменою вечной от|носят от сути своей (от|носительность пев, так от Бога отнес Мир Кратил, Зло). Случайных имен — нет для *видящих*: с|лу|ч|ай есть Бог, Луч, что чае|м мы; Тьма есть У|с|та (Рот, глаголенья о́р|ган) Его, слышать кои (ведь *видящий*, *видя*, и слышит очьми, ушей бо́льший) — есть Знать. Имена — иг|о сутей и кн|иг|а Творца, кою до́лжно прочесть (*так Мо|ц|а́р|т — смертью (mo|rs) меченый царь искусств. Сатана, Во|л|а|н|д — синтез имен Тьмы «ад», «воля», «вода», «волна», «лан» (Лон|о — Тьма, коей жарко лан|иты горят как Любовью-Враждой), «and» — конец (англ.): Тьма-Рот как Глотатель всего; имя ж Воланд как целость — «со-зе́м|лие», Wo-land: вода, что совместна с землей на Земле. М|уд|рос|т|ь, Воланда Суть — М|атерь-Уд-Рос|а-Рост. Имя Ка|п|и|ла|ва|ст|у, суть Б|уд|да, есть синтез слов «кап|ля», «пила», «лав|а» (все — Тьма), «ст|о» (корнь пр|ям|изны: Фаллос, Тьма); Жанна д'Арк, Ор|л|еан|ская дева — черна как перст Тьмы: черный — dark (англ.), и Ж|анна — Жена, Тьма как Пи|ща, санскр. а́нна; де Ри́|ба|с, Одессе начальный как рыбному — Рыба; Америки враг кровный (O)USA|MA Bin L|ad|in в сути имени — она (USA) и слог Матери; UNO, O|O|H — как «Одно», есть союз стран Земли, дух чей есть дух Отца (ОН): единство извне, рознь внутри; слуга Воды Ку|сто (Cou|st|eau) — Корове*

прича|ст|ный: Корова — Тьма; имя М|ария — суть Ма|ть сей эпохи Арий|ской и А́рия (Музыка) Арьев **(***как песнь, имя это Причиной звенит в уменьшеньях своих: в «Ман|я» — тап|us: ведь Тьма — Бога Длань; в «МаША» — Шива, супруг (ипостась) Шакти, Тьмы***)**. *Мар|га|р|ит|а — «Тьма-Огнь-рит|уал» по корням, кои зная, рол|ь дал Маргарите Мес|сир: на балу — ко|ро|л|евы его***)**. Мир, Господня облатка, есть Имя Его, — что являет ряд «имя» — «И|м|ир» (великан-праотец скандинавский, корнь сущих) — «Мир»; с тем, Имя — Мир. Имя — сути покров, с ней единый и правящий ею в очах как сосуд предержащий (отсюда «и|ме|т|ь» — обладать мет|о́й, сутью; «имени|е» — собственность имени, с|кар|б). И|мен|а, многость-тьма — пере|мен|ное вечно (облатки — преходят), суть — вечно одна. Покров Бога, Мир — Имя его: Имя вечное, ибо, как Бог сам, — Одно; и чрез Троицу, Мира число, именуемо все: именами — чрез Имя (учил так Псевдо-Дионисий Ареопагит своей речью о Тройке святой).

253. Ноль-и-Два, Тьма — ал|маз, кам|ень Бога-и-Тьмы, суть «Бог-Матерь»: как Ноль, он прозрачен, иль черен (незримое с черным — одно), а как Два — луч ломает двукратно в феномене див|ного для кристаллически-правильных тел, к каковым относи́м он, двойного лучепреломленья. Тьма — Очи; алмаз, камнь ее — Очей камнь и услада очей наших: с тем-то об оке *отменном* (отмена Двух — Ноль, Суть) в народе рекут: «глаз — алмаз». И|гра гра|ней ман|яща его — Двойки ло|ман|*ый* свет, *кри|вой*, людям дражайший, ведь суть его — Мать, Хри-П|ри|ч|ина, что Путь кажет в Сем: прямой горним Очам, кривой — бренным в и|зло|ме бессердным Умом, сутью их **(***Аполлон Кривой, Л|ок|сий, сия|ньем являл этот Путь. Мира бог, Солнца сущих, он, в сути Заг|рей, — молньи острый зиг|заг, сиг|нал Тьмы очам Розни, какие имел Фрейд Зиг|Му́нд; у Тарковского то — стезя Жизни кривая через смерть, что торил, прям в упорстве своем, С|та|л|кер в Тьме, Зоне-Сне: Ноль — чрез Два***)**. Быть дражайшим для нас — быть дороже всего: чрез сравненье, деянье, зрим мы

Цен|нос|ть, Сен|ь, нас нос|ящу: Деянье — Она; с тем и имя алмаза в тибетском — «д|ор|жé». Дра|гоценности сей — Ин|дра бог водный: Тьма — Глубь-Вода; с тем алмаз, мути чужд (муть — Мать-Двойка, тьма-рознь) — капля *чистой воды* (камень всяк ценен сей чистотой). Огранён, он суть Мир, Бр|ил|ли|а|нт о тьме граней-вселенных, Любовь-Красота; лик его, дóр|ог нам камень сей как дорóг|а к Творцу: Мир есть Путь, коим блещет искристо алмаз как шагами его.

254. Мира страны, Тьма-Небытие с Бытием-Светом, а с тем Мир и Бог в очах Розни смотрящих (бессердно-мирских) и в очах цель|ных, *видящих* (Духа очах: ими зрит маг) — даны в табл. 4.

255. Дом взора — з|ра|ч|ок, иль зе|н|иц|а, где властвует Сен|ь сущих, Тьма. Он в смотрящих очах есть часть части: часть ока как части плотú; в очах *видящих* — целое он: глаз как полный зрачок, что духовно объемлет всю плоть[41], коя — дух посему, око в точке любой **(**и маг, *видящий*, *видит* не оком одним — собой полным: Одним — Мир, Одно**)**. *Ви|д|ень|е* — День блаженных очей: День не донный — Причины-Творца, Нег, День Выси-Ино|го **(***с тем день — d`|ina (санскр.), хер|у (ег.); «Выход в День», имя книги Египтской, что Книгою Мертвых зовем мы — суть выход в него***)**. Очи *видящи*, с Ми|ром едины как Бог сам, есть сущие ради него **Очи-Ми|ф**, зрящи Глубь сию, Всё; а смотрящи, вовне зря, покров зрят без Сути, ничто. Миф — очей первых имя: зря ими, зрим мы Мир *как* Миф, и Мир *éсть* Миф в очах сих. Мир — Ну|мен, Ну|тро-Ню (ведь Истина, Глубь — На|гота), что и зрим нуменальным же взором мифичных очей; очи феноменальны, смотрящие — зрят пустоту от него: плащ Ноля, нуль. Смотреть — есть зрить все как облатку, второе очам; *ви|деть* — деть|ся из оной во Истину, Пер|вое, зря все как Суть, Глубь **(***смотрения книга в веках есть «Начала» Евклида, столп плоских очей, — зовя от коих* ***видеть****, Сократ сказал, что геометрия нужна человеку лишь настолько, чтобы он умел мерять землю, кою приобретает или сбывает***)**. Ма|г **(**от «маха» — великий (санскр.): тот, кто растет над собою**)** есть тот, кто на равных и смотрит и *видит*, облатку и Суть зря, и зренья

меняя сии своей волей, единою с Божьей; не маг — только смотрит безвыборно, волей Творца — не своей. **Иметь волю — есть *в|идет|ь*, царя: Очи — Власть**. О сей власти как Черных Очах, в миру *карих*, как власти Жены-Тьмы влекуще-страшащей — речет песня русская так:

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные,
Как люблю я вас, как боюсь я вас —
Знать, увидел вас я в недобрый час.

В лад сему — украи́нская песнь:

Чорнії брови, карії очі,
Страшно дивитись під час на вас.
Не будеш спати іноді ночі,
Все будеш думать, очі, про вас.

256. *Видеть* — ведать; смотреть — есть вслепую творить. *Видит*-ведает Сердце; вслепую творит-смотрит Ум, чужд его. Сердцем быв, как и *есть*, Иисус и Сократ знали то. Рек же первый о людях мирских, *умных*: «Отче! Отпусти им, не ведя бо, что творят» (Лука 23:34); второй рек о них точь-в-точь то же: «О, если бы, Критон, большинство способно было творить величайшее зло, с тем чтобы быть способным и на величайшее добро! Это было бы прекрасно! А то ведь люди не способны ни на то, ни на другое: они не могут сделать человека ни разумным, ни неразумным, а делают что попало» («Критон»). Иметь волю — есть, *видячи*, волю Господню своею иметь: *видеть* — в Господе быть. С Ним разъятый — и воли лишен, чужд Себя: ибо Я наше — Бог; кто не с Ним — в длани Дьявола. Есть или нет наша воля, Господня — вовеки есть. *Видящий* следует ей добровольно, смотрящий — как бык на ремне. Рек Сократ: «…мы правильно назовем людьми божественными… прорицателей и провидцев и всякого рода поэтов; и не с меньшим правом мы можем назвать божественными и вдохновенными государственных людей: ведь и они, движимые и одержимые богом, своим словом совершают много великих дел, хотя и сами не ведают, что говорят».

257. Смотре́ть — есть в деленьи неравном очей (1 : 3) быть на три части мертвым, живым на одну; *видеть* — есть, пополам разделяя (по Господу, 2 : 2: Бог, Мера, членит серединно), зрить Пол|ность и часть-пол|овину Одним — Жизнию, Полнотой[42], с тем — быть ею: ведь зрить — быть. Смотрение, мертвое — смотрит, тая чревно *виденье*: Жизнь, Суть свою. Смерть — безмирье, Жизнь — Мир. Ею, *видящи,* были мы в Мифе, Исто|ке людей; ею быть мы престали, ис|тор|г|шись из Мифа в истор|ью, времен тьму — ход в бездну, дар светлой Любви подменивший Вражды мрачной торг|ом как Цен|нос|ть — ценой. Очи наши, смотрящие, — очи историьи, немудрой ***с|о|з|ы*** **(**тьмы, со|в|местной с Причиною, Ov|o — Я|йцом, с|ово|й-Мудростью, коей был Век Златой, — длясь *от* нее**)**, кои света боятся, смежая зрачок от него и любя с тем не Огнь — тьму; зрят Жизнь они, коя есть цельные Семь, как Семь-в-розни, суть Жизнь-по-кускам — смерть саму. Мир, в очах сих разъемлясь красно́ **(**из Всего — в тьму ничто: красный есть Вражды цвет, коя нуль без Любви**)** — плод разъятых сих; в *видящих*, зелен, — он сходится в Господа, Суть **(**з|ел|ень есть цвет Любви: Бог — Любовь**)**. Смотреть есть нисходить; *видеть* есть восходить чрез эфир, пяту суть, и быть ею **(**так *видящ* был Go|ethe, «идущий в эфире»: ethe|r — эфир (англ.), go — Движенье, Корова-Тьма (санскр.)**)**. **Очи *видящи* — очи Исто|ка ис|то|рии, Века Златого**. Отплывшим рекой ее мрачной, он нам Yes|ter|day: Да-Господь, День-В|Че|**P**|**a**, скрытый тер|нием, Зла чер|нотой как рекой сей **(**в сей истине — песни успех с сим названьем, чей автор The Be|at|l|es — Атл|ь, в Бога лез|ущ: Змей-Бур кольцевой, Век Златой**)**, о каком Б|рю|сов рек:

> Остров, где нет ничего и где всё только было,
> Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
> Властно к тебе я влеком неизведанной силой,
> Ultima Th|ul|e.

Тьмы лишен, он — Огонь в чистоте; таковы ж его очи, отверстые настежь Огню как цве|т|ок: к Раку з|рак, глаз-зрачок, — и зря вечно **Двенадцать-Одно: Мир как Миф** чрез двенадцать единых цветов. Очи горни, Двенадцать есть

плодность духовная, цельная; Шесть (sex — лат.) — плотска пол|ов (sex|us — лат.), Очей-Тьмы полов|ин: полу-Дух, дольня тьма-слепота. Очи бренны зрят днем и смежаются ночью, а *видящи*, век лишены как век|ов выше Век, — вечно зрят: ведь не гаснет Огнь-Мир, сей Единый, для коего сущи они как для солнца цветок (к|віт|ка — укр.), к Vit'|е сей льнущий нежно. То Vis|Nu взор — голые очи, моргать коим нечем: Монада, второго не знают они, взор-Пространство — Мир Божий с очами его; время — веки; власть времени, тьмы над Пространством, Тьмой Божьей — власть век над Очьми, над Причиною — следствия власть, беззаконье как очи пусты: веки тёмны, исторья — над Веком Златым, Огневым, в коем был Землей Мир, сущих Мать. С тем, **с|Мот|рению *виденьем* стать — есть исторью как очи разъятые наши: Семь, биты Шестью как Огнь тьмой, в розни Цикл-Мат|ь, Три|на|дца|ть, безмирье, — сплотить в Цикл един, Век Златой, где Последнее — Пер|вое, Па|р|а — Одно за чертой бренных глаз, Пара|док|с; Шесть к Шести как срединный Сократов разрез, взор сей явленный — суть Огнь един: Мир, Тьма-Свет как Дек|ада, един с кем Две|на|дца|ть-О|дно, взор-цветок, на|рас|паш|ку отверстый ему. Рас|пус|титься очам как цветку — Тьму узреть: Пана, Pus, кем есть Мир, Паш|ня горня, очам — Очьми стать, кои есть Ть|ма-Ма|ть, М|очь**. Взор цветка — очи вечны, духовные: к|виет|иц (цветич, кветич — к сему ж) — божество (древнерусск.), цвет невянущий. Рек поэт:

Я напишу тебе Цветы,
грань Невозможного с Предельным.
Лишь трону влажной кистью с целью
стряхнуть пылинку суеты.

Свеча
и вальс
и только Ты.

По всей земле,
во всём надземном
цветут желанные волшебно.

Я напишу тебе Цветы.

Михаил Порядин

Очи горни, цветы — очи Лу́п|ы, Лун|ы, где горит Огнь-Тьма, Г|луб|ь, Гостей очи луп|асты. Двенадцать как Очи — **Двенадцать ночных**, к коим мертв бренный взор, **д**|ен|ь какого, гемера — тьма-Дол пред Огнем-Тьмой, под|о|бье-химера пред Ночью как сутью своей, **т**ень ее (Д = Т). Очи горни, ночь нам дня важней как пора Любви, Сна: кто не любит, не спит — не жилец (*любить* нам — «вместе *спать*», хоть и глаз не сомкнем в ночах сих); н|о|чь — Тьма-Очи, пол-суток как Полность, что частию мним; сутки бренных очей — часть, что мнят полнотой они: Шесть (24 = 2 + 4 = 6), половина Двенадцати — Сердце, Умом омраченное, Ночь необрезанна. *Видящий* — зрит Ночью чистой, Коровы Очьми: Тьмы, Причины. Кто *видит*, с Причиной, как с солнцем цветок, **очи в очи** един, **голова к голове**, беспромежно; кто смотрит — стеной с ней разъят и стоит к ней спиной, зря не Жизнь — тени мёртвы. Кто *видит*, в ступаньи свободен; в смотрении ж шаг (к|рок — укр.) всяк — Рок, не-Воля. Кто *видит*, с Пространством един и над ним царь, покорством царящий; кто смотрит — с ним в розни и пленник его чрез наместника, тьму-время с дол|гим хлыстом. *Видеть* — крылья иметь, ра́вно вольно ходя иль паря («психе», имя души — в корне «бабочка»): *видящих* дом — и Земля есть, и Не|бо; смотреть — есть в со|кры|тости кры|л лишь ходить, *сиречь ползать*, с землей сплотясь тяжестью, Тьмой (*«ходить», «по|лза|ть» (льзя — можно (стар.)) — Грекам единый глагол — **h**er|po, Причины гнет. **Х**одит вольно, без ползанья, тот, кто земле господин, а не раб: не лишь ходит, ходя от хожденья — летает, ходя **посему.** Хо|дит так-то дит|я, Мира лик, что, взрастая, летает во сне: от крыл в Том — ноги в Сем*). Корнь единый, Причина-Тьма и

именна́ (бытие), и деянна **(**иметь имя — быть; поступать-делать — жить**)**: Г|нет сей — гнет к земле нас. В двух сих зрить Одно, и Бытие и Жизнь, — есть ста|ть, *увидев*, пр|ям|ым, Ям|у-смерть победив-вос|ста|в **(**угол меж тем, что лежит, и стоящим — «прямой» посему: Жизни лик, коя — Сила сама; прям уг|лами, лик Силы — квадрат, Кр|уг неся**)**. Пол|за|ть — польза смотрящих как пол, пол|з|кость-пло|скость: дол, столп им в делении их по|**L**|**OV**|о́м, знаке розни и жажды соитья: любовь — lov|е. Пол — пол|о|винен собой, поло|вина ж — вина́ как нецельность, вина *наша* **(**ви|нить иных — половинить себя; от себя вьем мы нить: Бог — Внутри**)**, груз наружный Причины, Вина́ сущих (Двойка — не Ноль). Пол|ьза *видящих* — горний Пол|ет, что, сверх|пол, по́лет-о́р|ет Шар-Мир.

258. Полнота Божья — Целое; часть — половина ее: частей суть, Целое-пополам. Полность — Жизнь, половина без о́ной — смерть. Целое — Всё, часть — ничто, коль ему не верна. **Полнотой половина жива, Целым — часть, что без Целого — т|руп (**руп|а, форма — без Сути, Творца и единой с Ним Тьмы**)**. Так живим FUCK'ид|ид H|ERO'дотом: историей вечною, Эро|сом **(**Га|л|и|к|ар|нас, Геродота град — град Ма|в|зо|лея, каким есть она людям**)** — бренность-исторья, чей идол fuck, сек|с, половинный Любви **(***в сути Мир, Ге|род|ота история — мир и война, Фук|ид|ид|а ж — без мира война, полу-Мирье: исторья* ***войны****, что назвал он* ***историей*** *всей: целым — часть (8 книг, смерть). История вечная — Миф, бренна ж — клочья его***)**. Так жена, верна мужу, Единого Двоицей чтит; сем|я жа|ждет зем|ли — Его ж ради, Огня-Жа́|ра сущих. Жива Полнотой, Х, — так К, пол-ее, явь дает в очах тьмы ей. Так очи смотрящи, живимы Творцом Изнутри, *видеть* жаждут как тайные *очи Его*; и смотря, зрим, пол-Мира не *видя*, а *видя* — как Бог, зрим Мир весь. Так зря каплю — зрим Воду мы как она вся есть, в деревьях же — лес целиком.

259. Сов|а-Со́ф|иа, Мудрость — Сова-Полнота, Сове|ршенство, Ночь-День; сова-глупость — сова-половина: без дня — ночь пуста. Обе — со́вы они: Тьма и тьма. Бренный глаз — совий глаз половинный, глупец, ибо света боится, во мрак

отверзая зрачок. Посему-то, замечено Аристотелем в «Первой философии», природу наиочевиднейших вещей увидеть нам так же трудно, как сове — солнечный свет. Око *видяще*, вечное око — цветок, сущий солнца лишь ради и вечно открытый ему: Любви око, чье солнце — Феб сущих, Мир, Божья Любовь (*цветы — очи Любви, что рек мне M|a|r|t|in Eve|ns, Ум Сердца, учитель и друг*). Но любя ль, ненавидя ль его — оба ока сих разных *его́* нена|видят и любят: оно́, Мир живой — Су́ть их! Рек о том Гете:

Когда б не солнечным был глаз,
Не мог бы солнце он увидеть.

В труде Дж. Бруно «О причине, начале и едином» о внешней вражде очей наших Огню сему сказано: «Недостаток происходит не от света, но от глаз: чем более прекрасным и ярким будет солнце само по себе, тем более ненавистным и особенно неприятным оно будет для глаз ночных сов». «Больные глаза не выносят солнца, ночные животные бегут от сияния дня, первые лучи солнца повергают их в оцепенение и они спешат укрыться в свои норы, забиться в дыры и щели, лишь бы не видеть страшного для них света», — Сен|ека рек о сих очах и о нас, их имущих. Но прежде него, Аристотеля прежде — так мыслил Платон, Се́рдца све|т|оч, в начале VII книги «Государства» уподобляющий людей узникам, с рождения заключенным в темной пещере, где, будучи обращены спиной к выходу, они видят лишь тени предметов, носимых снаружи. Мудрец — тот, кто, выйдя на свет из сей тьмы, узрел сами предметы сии: не подобье, но суть.

260. *Видеть* — есть зрить душой чрез согласную плоть, очи чьи с ней одно (дух в плоти́ сей — копье, что пронзило ее к ее благу; плоть — трубка ему, где течет он кольцом); с тем и весь человек, *видящ* — цельное Око, дух-плоть. Рек о том Гераклит: «Чему нас учат зрение и слух, то я ценю больше всего», — и к сему, Полноты ради: «Плохие свидетели для людей глаза и уши тех, которые имеют грубые [= несогласные с телом, не развитые в гармонии с ним, как То с Этим — *Авт.*] психеи».

261. Число *видения*, Двенадцать как Очи, согласные Миру, — как он, есть единство Ум-Сердце, и Ум — Единица в нем, Сердце ж — Два (*так в государстве Российском Петр Первый есть Ум (прорубивший в Европу окно — ума внешнего ради, Диавола-Зла), а Екатерина Вторая есть Сердце, — знать кои в единстве есть видеть державы сей суть*). Мир есть Тройка; Двенадцать — Три те ж в существе. Мир-Декада (ведь, Тройка, он Десять, число треугольно) и Очи-Двенадцать едины в числе **22** (о нем скажем еще), кое суть Единица, Ум-Муж, вшедший фаллосно в вульвы, меж коих стоит он, как в Сердце одно: в Тьму-Ноль, с коей единый, он Десять, и в Тьму-Двойку, с коей Двенадцать есть он.

262. Очи, Тьма — Ост|рие: Рот тор|ящ, Шило Божье, сверлящее Не|дра (= не-дра|нь = не-облатку, Глубь) как фаллос — вульву свою: зр|ить — зр|еть — еть, иль со|ить|е вершить (посему Гомер звал острой ночь); вз|глянуть, глянуть во Глубь — есть вс|пор|оть-проколоть Тьмою тьму: Нолем-Истиной Двоицу-ложь, — в чем движенья Суть, Тьма. Мат|ь-Афина, Мот|ор уст Гомеровых, «Остроглядящей» звалась посему. Д|*вижу*|сь — *вижу*, ид|ти — *в*|***ид***|***ет***|*ь*: зрить — ступать, очи и ноги — одно (*Иды (Idu|s) у римлян — Очей праздник; «ид» звал Глубь Фре|**йд**, мня ее злом — не благом, не Высью, но долом пустым, подтелесною тьмой; не Любовью-Нолем — Враждой-Двойкою: «ид» Фрейда — ад (в чем конфликт его с Юнгом: тот зрил во Тьме Тьму, Фрейд же — тьму как слепец); корень шест|вия vi|a (лат.), путь — корень vi|d|ень|я; vi|ta — жизнь (лат.) и vi|s, сила — едины как Взор: Vis|y|аль|ное — Глубь: горня Выс|ь, Виз|а в Бога, очей сущих Корнь; под|виз|аться — очами ступать-всходить. Остр Тьмой, есть шило торяще Гость наш, Vis|i|tor, и «тар|елка», тор|илка его*). Очи — Зов к Огню-Господу, Цели; ступать верно нам — за очами идти куда зрят они («куда глаза глядят»), как в ашвамедхе конь: «к|он|ь» — «к Он», ко Богу стезя. Виш|ну, Vis|Nu, Тьма-Очи, бог виш|ни — от «виш», входить (санскр.); «виш» (как в «вишь ты») — есть «видишь» у нас. Vis|Nu — голые

Очи, безвекость: Тьма — Истина, Ню-На’Gott’а; Тьма ж, Дар — Дёр, Очи|ститель голящий: дар|ить — дра|ть-с|дир|ать. Вестú (duc|er|е — лат.), дело Тьмы (вед|ь Вод|а, Тьма-Причина вед|ет-вод|ит сущих), — нырять (duc|k — англ.), Воду дырявить, Тьму. Ши|ло, Тьма ко|лет-с|шива|ет, т|о|р|ит-единит: как Два — ро|знь она, как Ноль — Единство, и рознь есть Единству слуга: Ш|ива — Ш|акти, как Ма|рье — Ива|н, пр|уду — ив|а как Ев|е, Воде вода: Иван — Eva’н: Ш|акти — Ш|ивы Акти|вность; Кусто, Воды муж — Ив как ива ее (I|ves — вес|омый (франц.): Тьмой тяжелый, ведь Тьма — Груз); da|iva — божественность (санскр.): Бог и Ева, Тьма-Мать, Ко|пие. Так З|ев|есу Афина — пе|рун, сила-суть (как рун|о золотое: поход за ним — к Силе поход); Шакти — сила, ко|пье (санскр.) — перун, Ши|вы ши|ло как сила его. Шило, Тьма — С|лез|а, Лез|вие лез|уще (*лез|о — укр.; лез|ет — лес|ть: в душу — Зло, тать-соб|лаз|н, что вползает в нее воровски; Доб|ро ж — доб|лес|ть, что лезет законно; в плоть — лезет бо|лез|нь, Бо|жий перст; из земли — лес, б|ор-б|ур. В водах Стикса омыт, Тьмой был остр Ахил|лес. B|lad|е (англ.) — лезвие: верно делить — лад творить; с жизнью рознь — блед|ность наша; бл|уд|ница — бляд|ь, пó сердцу нож. «Лаз» — «лас»: лас|т|ы — воды резак; лá|с|ує (укр.) гур|ман пищей, суя свой язык в поры ей: в|кус изведать — вкус|ить; в жизнь чужую лезть — ляс|ы точить, как кинжал*): Сила, лаз чей есть г|лаз наш; Плуг Бога, Ор|ал|о Его, от|вер|зающе Глубь, Вер|ы Об|лас|ть: слеза — сердце то|пит-ж|и|вит (то|п|ить — гре|ть-рас|топ|лять-у|топ|лять: Вода — Огнь; top — вершина (англ.), Тьма-Высь: к ней топ|аем мы, у|топ|ая в сей Глуби); ст|рад|ать — Жизнь с|тяж|ать: Рад|ость-в-нас, Радость-Нас (te|ar — слеза, кою мы у|тир|аем: Ар|ийцев дом — п|ла|ч-з|ла|то: плáчу — плачý; с|леза|ть — Высь-Глубь тер|ять; тир — стрельба в цель, тор|енье); по|лез|ное — лезвие, Тьмá суть. Тьма-Ноль — Нож, и тьма-Двойка, Рознь — нож, ведь режет Нолем, коим лишь и тверда. Тьма, Нож — Ж|ало: торяща, она да|вит-ж|мет как Ме|т|á сущих, То: жало — жат|ь; труд Тьмы, Лез|вия — Жат|ва: Тьма — Жне|ц, жну|щий смертью плоды. Жа|лить — лить Тьму (с отъятьем — как сеч|у,

мочу (укр.): моча|щую воду Воды, от|сéч|енну от Мощи сей, Тьмы: мочá — мочь, мощ|ным быть, Тьмою-Мощью мыча: Тьма — Корова**)**. Ж|алеть (ал — Ва|ал) — ослаблять: с тем, жа|лее|мый — жалок, ведь слаб; неж|ность (ніж|ність — укр.) — нож (ніж — укр.) м|нож|ащий нас: не Ж|изнь — смерть, от Единства куски; враг — кре|пит, уча Силе: тьма — Тьме. Тьма как Шило Творца — Зна|нье, кое про|нза|ет ум наш; Тьма — Меч|Та, что, рубя бренья узы, стремит в горний к|рай. Риза Божия, Тьма роз|різа|є (укр.), де|лит: ид|я, Путь как Тьму делим Тьмой же; de|let|e — уничтожить (англ.): Воду разъять, *помешать течь ей* **(***так ди|лет|ант есть не|веж|д|а, в ком Вéд|енье, Тьма, не течет. Веж|а — ба|шня (укр.): Тьма, Корá Бога — Гора, Очи-Высь (эпи|ф|а|н|ия — рек Пи|фа|гор: «сверху вид», очей власть): веж|а — виж|у; не|вежа — невидящий: Дол как не-Высь***)**. В мире этом тор|ящий — в|тор|ой: не бр|ах|ман — к|ша|***m|p|u***|й, Мира искатель как во|ин-царь: Тьма, Глубь — Второе **(***и «к|ша|р|а» (санскр.) — «склонный к паденью вниз», с т|ро|на (трон Господа — Мир, Шар): из Милости в Суд; таков есть го|су|д|ар|ь в Сем***)**; царя суть — Орел, птица-Очи, объят коей Мир, Три. Г|ла|з есть Силы лаз, вход в гла|ву; вз|ор — в|з|ир|ать, сиречь вз|о|р|ыв|ать Мир Знанья ради **(***орать — есть пах|ать; пах — пункт фаллоса-вульвы, и оба — суть Ноль, Тьма-Кол|ьцо **(***место коей — ост|ро|г; остро|в — коей игла есть, т|ор|чаща из вод; муж ее — Б|лез Пас|кал|ь, ею со свету сжит*[43]*. Остр-рад Тьмой Н|ос|т|р|а|д|ам|ус, муж Дамы сей **(***нос сего Носа: нос|ящая нас, Тьма — Нос), с ним — Кали|остро: ведь Тьма, Ка|л|и — кол|ет-калú|т. Так, сго|рев в тьме ч|рев, пища — фе|кали|и, кáл, коим, Мать из|вер|жения, правит богиня сия, А-Нус: Сердце, Не-Ум***)**. Пáх|нуть — Тьму-Аро|мат ис|т|оч|ать: т|очи|т — Т|ок, Тьма-Вода; рас|пах|нуть Тьму, Мать — Бога узреть***)**. Р|ос|т|а суть, Кали-Тьма — В|ер|ти|к|аль, что, тек|учая, Высь к Богу вер|ти|т, с тем — вер|ы есть Суть, связи тайной с Творцом. А|рес-М|а|рс — рез|ни бог: режут pat|res, безматни отцы злобно **(**Á|рес — А|рéй: резать — течь (r|heos)**)**; рез|ать — торить, идти ч|рез: грань — Тьма, Риз|а Творца,

что змеей п|рес|мык|ается: змейность, Тьма — нож. С|полоснуть — полоснуть как ножом: грязь Водой, Тьмой отсечь. Ин|те|р|ес — тер|ний рез|анье вглубь, в сути — к Бо́гу поход: Шилом Черным, Нолем чрез тьму-Двойку; «ав|ось!» — Av|e («Ра|дуй|ся!» — лат.) Eva-Ось, даль торящая. Різа|ти — реза|ть (укр.), как на рис|талище; режет — б|риз, ветр острый-с|вежи|й **(***с Тьмы-Ве́жи (укр. башня; Ма|гура — Мать (слав.), «Ма|ть-Гора»); Тьмы т|о́|к — С|вежесть (укр. с|віж|ість): ведь Тьма, Жизнь — све|жит; ветр — верт|и́т как Тьма, Шил|о; шил — Тьмо́ю жил***)**. Режет — ре|ж|им, жим Тьмы; нож — реж|ис|сер, что, как скульптор, отъемлет излишнее, меру являя очам как гармонью; от|реж|ка — от|рыж|ка, от|ъ|я|тье на|руж|у, от Я. Рыж|ий — руд|о́й как Руд|ра, бог режущий; часть-локус, от|рез полноты — reg|io|n, рег|истр. Роз|ги — ро́з|нь; б|рез|жить — входить в круг очей чрез грань, лезвие; б|рез|говать — г|ряз|и чуждатися; б|рыз|гать — водою пы|лить; рыс|ь — рез|ак, бег как нож. En|che|i|res|is — пониманье (лат.): постичь нечто — разьять его; риз|а — покров, d|re|s|s (англ.), п|лат|ье как лат|ы, что до́лжно нам срезать-со|дра|ть с На'Gott'ы, коя Бог. Рез|и|д|ент, п|ре|з|и|д|ен|т — суть послы, от|дел|енны для дела; п|рез|иди|ум — первых отрез как честь. К|риз|ис — Причины нож: датель — разрезом срединным, губитель — расколом-битьем; re|**s**|**er**|vatio, тайное (лат.) — запас как отрез от очей, с коим близок о|ста|ток (res|id|um), бренному — Глубь: Бог и Мир, Сер|ый Шар. Syn|t|e|r|es|is (греч.) — огнь, что как совесть яз|вит Богом нас. Рис|а (укр.) — черта: Грань, Тьма́; ри|*с|ун*|ок — подобье, не-я, тьмы нож в грудь: в суть — не-суть **(**двигать — сун|ути (укр.)**)**: так суёт зло в сердца́ сует|а. К|рис|талл — граней отрезность: частей в целом острая явь; г|рес|ти — резать гладь вод. Г|рез|а — сон, не-я|вь нам, мир от|ъ|я|тый: так Г|рец|ия (G|reec|e — англ.) Древняя — за тьмою огнь. Вож|деление — страстью отрез: что люблю — зрю, все прочее — нуль. Режет ду́ши богатство, клад К|рез|а; об|рес|ть Полность с ним — что верблюду влезть в у́шко иглы: в Дух врата — Узкий Вход в Полность-Всё из ничто, половины его. Режет «П|реж|де»: Ноль, числ Корнь; пред тьмою-исторьей — Тьма, Век Златой.

Режет Х|рис|тос, Сын Жены, меч принесший к делению бренья на Сердце и Ум к отсеченью второго как кромки при нем, плоти к|рай|ней, пустой. О сем сказано Им: «Думаете ли вы, что Я пришёл дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; // ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трёх» (Лук. 12 : 51, 52). **(***33, век Христов и число букв у нас, в сути — Три пополам: Мир, разъятый в очах мечом этим на Сердце и Ум, Тьму и Свет***)**. Режет Сын воскресеньем Своим: воск|рес|ать — отреза́ть — Жизнь от смерти, от Вечности тлен, беря Вечность за Столп **(**посему крест распятья Его — в землю, Поприще, во́ткнутый меч: острие — в ней, вверху — рукоять**)**. Об|рес|ти есть об|рез|ать: со Истины — ложь, взяв П|рез|умпцию, Истину (пред|положенье — лат.), быть положённу пред всем ч|рез отрез; кто об|рел, тот обрил: явил Истину, голую Суть, став о|рел, а не реш|ка пуста, взойдя к Богу по Рел|ьсам, какими есть Мир, Путь к Нему; отдых, res|t, меры чужд, душу реж|ет: Движение — Жизнь; покой — г|реш|ен как смерть, сущих к|рес|т: г|рех есть смерть, роз|нь со Жизнью, без коей душа — реш|ето для Воды, Тьмы; ре|ш|ить — есть со|мне|нья, с|мин|ание внешним отсечь, твердым став, м|нущ|им сам: кто решил, тот отрезал **(**как Цезарь, прейдя Руби|кон; кубик Руби|ка — кубик решений разрезанный: Рубик — Эр|не; режет так ре|з|ол|юция, акт про отрез**)**, от|руб|ил **(**руб|ище — мер|зость ока: из|руб|ленный Мир-Красота**)**; ре|шить — шить: отреза́ть не могу́щий — в шитье не силен; мудрец, ри́ш|и — ма|с|та|к отреза́ть, Идти; реш|та — о|ста|ток (укр.): суть Неделимое, Бог как Остаток Всего, кое Мир; «руб|ль» — от|руб|ленность (тяжким и острым: Тьма — Тяжесть), как с ним — форма частная, руп|а: от Тьмы, Формы форм — внутрь **(**рубль — руп|ь в миру, ру|п|ии родич**)**; «ко|пье» — суть «ко|пей|ки»: душ но|ж — день|ги, День-Суд (т|руб|а — глас его остр); сек|та — с обществом рознь. М|у|д|рец есть Тьмой делящий как до́лжно, обманно ж — хит|рец (так софисты, хитры, ею Г|рец|ию, Мудрых дом, взрыли-изрезали в п|рах); от|реш|ить — отделить, как мат|реш|ку разъять; «по|реш|ить» — есть убить: жизнь отрезать от тела; «ре|х|нут|ься» — есть ум чрез раскол утерять. «Ре», корней этих суть, есть re —

дело (лат.): **дел всех — дел|ение суть**. Длань, делань|я орган, по сути — к'les'ня, но|жниц род: резать — лез|ть; Жниц|а Божья Луна — Рак, Рук|а как Клешня. Дело всяко — дел|енье-с|ту|пан|ье: шагать — делить. Красный, цвет розни, б|а|гро|во — rub|id|us (лат.): р|уб|ит|ь — ид|ти (ит|ти — стар.); рубин, к|ра|сен — камнь Хода-Очей, к Ра поход. **Делить — зрить, различая Добро и Зло: очи делящи — открыты разъятием пленки на них (**так щенков, от рожденья слепых, *прорезается* взор**)**. Так открыл Змий глаза людям. Сказано в Библии:

И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, // только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. // И сказал змей жене: нет, не умрете, // но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. // И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. // И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания (Быт. 3:2-7).

Делить — *в|идет|ь*-идти («рез» — «зер», в|зор**)**, грани сущие зря: Грань — Тьма, Очи как *виденья* Суть **(**Бо|г ивритски — Бо|рэ посему: «приди (бо) и *увидь* (рэ)», раз|рэ|жь**)**. Так шел в Мир Коро|лев наш Се|реж|а, деля Тьмой его, Миру-Матери люб. «И|ди» и «по|ди» — «ди»: Двойка-Тьма как Дви|жен|ие-Ж|из|нь, Шаг как Но|ж: но|ги-**но|ж**|ен|ь|ки — делят. Учащий делить — де|мон, ко|лун мон|ад неединых, что ведает Твердь: Сатана, Бога тень. Де|лить — д|лить: лить Путь, Мир как Реку́. Де|лить — де́|лат|ь: покровы, иль лат|ы, снимать с Бога, Глуби глубе́й, так Идя **(**to do (англ.); до — путь (яп.)**)**. Дело есть пе|рех|од, шаг свершенный от|рез|но: из Этого — в То как из Мира — в Творца; Тьма, Дор|ога до Рога — Тьмы, Га|т|и ро|гат|ой — облатки дер|ет **(**r`oga — боль (санскр.), плод дёра сего**)**, Цель дар|я: Бога, Суть **(**ведь дёр — Дар нам: Свобода-Господь без пелен**)**. Так стяжал Его Her'шел|ь, Идя. Ход наш — ноги, деяние — руки, что в сути — одно как быку, что *брыкается-ходит*. Б|рык|аться — рук|аться: ногами-руками ходить-де́ять как Четырьмя, с блеском (ruc — санскр.) одним, как B|ruc|e Lee. Ведь Движенье — с Деяньем О|дно: **Тьма Господня, Рука, что Идет**. К Тьме припасть бренным нам —

умереть: Перейти, от Сего ставши Тем. С тем, нам, пленным Сего как не-Полности, тьмы, **Дело чистое — смерть, Переход как Полет (***die (англ.) — умирать; діє — действует (укр.); dea|d (смерть) — dea|l (дело), цель-путь,* ***и|де|ал*** *наш; лета|льный — лета|ть: Тьма — Крылá***), выход в Огнь-То как горнее Солнце**. То с Сим единя, с Богом Мир, смерть — сих Оба как Глубь; и как Путь, она Мир, а как Цель — Бóг она. Им причастным, посильно нам дело любое: **кто к смерти готов, тот готов ко всему (***о возможности встречи с Гостями — как Тем, смертью бренным — в «Солярисе» Лема речет Сна|ут К|ри|с|у: «Владей собой (...). Поступай так, как будто… Будь готов ко всему. Это невозможно, я знаю. Но ты попробуй. Это единственный выход. Другого я не знаю»***)**. Смерть как Глубь — Дело-Жизнь, Вечный Миг, и Деянье-Взлет от жизни бренной, бездейственной в сути: не-Глуби конец. Все есть Глубь, Бог-и-Мир. С тем, **всё — смерть** (как и есть в очах мудрых, благих). Ведать Глубь — зрить себя Перешедшим, иль Сделавшим, как **тем, кто умер уже**, из Сего ставши В|сем: То — Глубь, Жизнь; умереть — есть Достичь как Проснуться-Ожить, из не-Глуби как «или» став Глубию, «И». Цунэтомо сказал:

> Я постиг, что Путь Самурая – это смерть. // В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнись решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью. Сделать правильный выбор в ситуации «или-или» практически невозможно. (…) Путь Самурая – это прежде всего понимание, что ты не знаешь, что может случиться с тобой в следующий миг. Поэтому нужно днем и ночью обдумывать каждую непредвиденную возможность. Победа и поражение часто зависят от мимолетных обстоятельств. Но в любом случае избежать позора нетрудно – для этого достаточно умереть. Добиваться цели нужно даже в том случае, если ты знаешь, что обречен на поражение. Для этого не нужна ни мудрость, ни техника. Подлинный самурай не думает о победе и поражении. Он бесстрашно бросается навстречу неизбежной смерти. Если ты поступишь так же, ты проснешься ото сна. (…) Если ты каждый день укрепляешь свою решимость пасть в поединке и живешь так, словно ты уже мертв, ты достигнешь успеха в делах и в бою, и никогда не опозоришь себя.

Самураю смерть — Шанс Взойти-Сделать: Щель, Тьма. Смерть для смертных — в Жизнь лаз; быть прижизненно мертвым — Живым быть при-смертно: средь

бренных дорог, тупиков, — на Пути. Смерть зовя, не исчезнуть волúм (что нельзя: смерть не нуль — Ноль, душú Суть и Жажда) — сменить положенье, пре|ставить|ся как пере|ставить себя из Сего в То, Иное Сему. Ибо Веды рекут: «Я есть То». Знать сие — быть единым со Тьмою, Движением, коя в единстве — **Поход-и-Стезя**: Ноль-во-Двух. Ей, незримой для бренья Любви, где любовь, смерть — Любóвь одна, рáвно — любовью вспоить и в любви за|хл|еб|нуть как в воде: **Переход — то и то**. Рек Высоцкий об этом:

Но многих захлебнувшихся любовью
Не докричишься, сколько ни зови,
Им счет ведут молва и пустословье,
Но этот счет замешан на крови.
Давай поставим свечи в изголовье
Погибшим от *невиданной любви*!

Тьма есть Тайна-Любовь, корнь любви очезримой: Любовь без Вражды. Тьма, Глубь — Жизнь без границ, коя Бог; смерть — граница не зрящим сего, и Вход — жа|ждущим **Зрить, сиречь Жить: Очи — Суть**; в смерть вошедший в сей жажде — Жизнь, Бога обрел, ставши Этим-и-Тем как Одним без границ — Богом, Жизнью самóй: щ|ель, смерть — Эль, Бог, Черта надо всем как крюками под Ней (*каков Он в письменах Индо-Славских. О древнем письме Ру|си, ру|нице бабкою Ю. Миролюбова сказано: «сначала рисовали Богову черту, а под ней крюки лепили»*); смерть, Грань — Иисус: Звено-Глубь, Дверь всем чтящим Его. Посему чтить смерть, Вход — чтить Цель, Бога: Два эти есть в смерти Одно. **Щель, смерть — Цель: Грань, Делящее — Бог, Неделимый; Нож, режущий Всё — Монолит, каков Он**; в розни зрить с Целью смерть — в Рознь уйти. Смерть, В|ось|мое — в Ось, Господа вход. Бог по Ведам — «зовущийся смертью»; быть прú смерти — при Боге быть как при Сути своей, Кою должно обресть. Сам|у|рай — в рай идущ своей волей, без внешней руки, в смерти Господа зря. **Человек, миросущно Идущий — ведь Миром идет к Богу, Цели, — зрить Господом должен себя как Пришедшим, чтоб Целью стал Путь и стяжал Бога он как Себя самоé**.

263. Богосущна, лишь смерть Этим нам — Цель, То. Коль То в посмертьи не смерть — значит, Это и То — сны, зрить кои, чтоб не с|гин|уть нам, до́лжно не безучастно, но действуя в оных из смерти как чистого Дела и **чистого Я**: ибо Я наше — Глубь, Глубь же — смерть, неразличная с Жизнью, ведь Глубь есть не Два, но Одно **(***de|ad, «мертвый», буквально — «лишенный надбавки»: облатки пустой, шелухи (дом скорлуп — ад), не-Сути как Глубь, Суть сама***)**.

264. Дело, к Богу ступанье, — ступанье за Ним: где идем — Он прошел, разделив. Творец истинный — Бог; за Ним у́дя, мы делим по граням Его безупречным, стяжая и|то|г-рез|ультат (г|руб — руб|ящий не так). Бог — деленья Ню|анс, различенья Основа: Суть, Ню; зрить ее — грани знать, с тем — со-Божно делить и к сему иметь ню|х. Деля так, льем мы Воду Его, Мир, ей течь не мешая (как учит Египт), а иначе — запруда ей мы, кою ломит она. С тем, приставка «ре» в сущности — «пе|р|е|делить», «пере|ре́|зать»: разре́зать по месту, где резано уж: что разде́лено Богом — срастется легко (в том секрет рваных ран). Деля Мир, пробный Камень очам, ищем мы Неделимое, Бога, ступая по граням Его и деля ходом сим, дабы Замысл творящий постичь, грани ве́рны узрев на сей К|ар|т|е, а ложные — стерши, de|let|e **(**делит|ь, как стирать, — от очей сечь; так Лет|а, забвенье, стирает тьму лет — время, ложную жизнь, отсекая от глаз ее: от Блага — Зло, в чем есть труд *обрезанья очей*, дабы мочь им лета|ть**)**. В розни с Богом делить — есть крушить; с Ним в единстве, вторыми за Ним — созидать единя. Посему re — и «дело», и «пере-»: ведь **делать нам — есть пере-Делывать, пере-Делять**. «Ре» есть нота вторая: деление — Два; в пере́ — нож остр: Полет — Мир сечет пополам, без разъятия: Мир в себе — Два (Полет, Мудрость, сечет лишь разъятое Богом, в деленьи ступая за Ним); Крылья — Тьма-Вода: «пер|у́» — стираю (укр.), отъемлю грязь по границе ее. К|ол|ет — Н|ол|ь, Кол|о-Кол. Луч, б|лес|тя, колет глаз: огнь — суть Тьма **(**так остра́ оку ástra, звезда; так — и ш|астра, как Сердце торя ум (санскр. shastra — нож; меч)**)**; по-эллински сияние — айгла, и|гла. Ко|лес|о — путь торит: лез|ет в лес терний, зла; кол|ет — ко|л|ок|ол сл|ух, сл|ов врата: на|бат — Д|ух,

бо|рот|ь та́тя влекущий, зовя на Бат|ыя, Диавола-Бас|а: ба|т|а|л|ий дух — он **(**С и Т — суть одно, в алфавите совместны: так Эрос — Эро́т; «бас» — «бас|с|ей|н»: Тьма, Диавол — Вода**)**; остр кол|ду|н, маг, ходящий по ко́лу: Ду|х, Сила его — Дун|овенье.

265. Торение — подвиг, труд твердых-прямых; трус же — воск неторящ **(**с|мел|ый — цельный, что мел|ет иных; роб|кий — д|роб|ный, разъятый**)**. Кто *видит* — торя, есть г|ер|о|й, и 12 — число его: *в*|*иде*|*нье* — по|двиг, за грань шаг, с Сим То единящий в Мир **(**таков Гер|акл: H|er — Причина, Любовь, коей бог есть Er|ot; закон Римский — Двенадцать таблиц: мудрый *ви́денья* свод**)**. Не тор|ящий — тер|яет у тер|ний в плену; кто ж тор|ит — тор|жествует: с ним — Бог. Тьма — героя Оплот: К|рыл|а́, данные Рыт|ь к Богу, Вглубь (ведь Глубь — Высь); рыть — лат. fo|der|e, драть Вглубь **(**дере́ — дерет (укр.)**)**. От|к|рыть нам — есть от|рыть Глуби клад, что с|крыл Бог от невежд **(**иль невежеством — мы, не взыс|куя Его**)**; п|рыт|ким быть как подвижным зел|о́ — рыть отменно: Движение — Тьма, Ост|рие. Рие — рое|т (укр.); рою|щий — рой, Матки-Тьмы заступ рею|щий. Разум разумных (каков человек, Homo sap|iens) — мудрый са|п|ер, острый Тьмой: роет он к Богу, Вглубь **(**и сап|фир — камень Мудрых как роющих этих, меж коими — Са́п|ф|о; «фир» — «тир»: Бог им — Цель; познавать — с|тир|ать с Бога, как с зеркала, пыль, чтоб явить Его**)**; рыть — коп|ать-ка́п|ать: так роет, т|оч|а камнь, Вода-Тьма, Копье-Фа́ллос-Оч|и **(**ко|п|ье — ко|п|ие, пи|ка: коп|ать Вглубь — пи|т|ь; ка|п|ище — Пищи дом, коя ка|п|ает: Воды, Тьмы-Силы**)**; Рыт|ье — Рит|уал **(**spi|rit — Дух: Тьма, без коей мы спи|м**)**, дом чей есть Э|левз|ин, ле|зв|и|й-мистов и Тьмы, Острия их, ч|ер|то|г («зви» — зови: Тьма есть Зов); и любовь милосердная, ca|r|it|as — в Любовь-Кар|ану рытье. Тьма, двоична (ведь Ноль извне — Два), есть Ор|ал|о-Ро|в: То, кое пашет Себя: Ноль, Причина — по-Божьи един.

266. К Богу рыть — расти в Нем, прибавлять мигом каждым Его. Рыть от Господа есть от|ни|мать — б|рит|ь-ли|шат|ь, шат|ать-ру|шит|ь что с|шит|о Им **(**до́рог царю, так шат|ает трон шут, словом острым пытая на мощь его**)**. Брит|ь, брат|ь — труд брат|ский: **б|рад|а́ — Ра|д|ост|ь, Мать, Ра-Всевышний дос|т|иг|нутый, ибо кто в**

Матери, Тигле Его, — в Боге, Тьме с Ней одной (что не знал Петр, царь-Ум, взяв обычай брит|анский брит|ья**)**, мудреца Суть, кто Матерью рад **(***о единстве с брадою его говорит поговорка латинская «Barbam vi|deo, sed philosophum non video» — «Бороду я вижу, а философа [в корне сих слов — мудреца: Рим, Ум Мудрость не знал, с тем — не чтил и бород — Авт.] не вижу»***)**. Мать, Тьма Божья — Начало На|род|а, иль Н|рад|а: Род — Матерью рад и есть лоно людей, как она. Брада Мужа, Жена-Мать — Второе при нем: Суть — Второе в сем мире. Так вышла Афина из брады Зевесовой (есть миф такой), — ведь, как Мать, бородой сей *была*. Полный Тьмою — бра|дат: Мать — Дар, Дат|ель; род — пращуров есть бо|р|од|а, что, растя из Того — Бор торящ, Си|ла Си|х **(**так брада — Черно|мор|ова мощь**)**: корнь пресечь сей, о предках забыв — сгинуть нам. Борода, предки — ger|ontos (греч.): Her (Ger), Ма́ть нам. Лишиться брады — быть униженным: Мать — Высь. Брадаты мужи, жёны ж ко́су имеют, Браду ту ж: коса — суть Ca|úsa, Тьма-Мать. Заплетенна коса — девность, Ноль (на Родо́се девичья коса запиралась замком посему), расплетенная — Двойка, замужество. Брада с Уса|ми одно: Брада — Ноль, Усы — Два **(**ус|е — всё (укр.): Тьма́-Мир; ус|та — Двойка, Тьма-Речь**)**; муш|кетер, герой — суть муж-гетер, муж-Жена. В|лас|ы — суть Во|лос, Ве|лес (с тем — В|лас|ий, святой наш), лаз в Тьму, посему — Тьма сама, мертвых Дом, Глава-Длань, с волосами единая. Сказано:

Омой мертвецу
голову, руки,
пригладь ему волосы;
в гроб положив,
мирного сна
пожелай умершему.

Старшая Эдда

Г|ус|т|ые влас|ы — здравья знак: Мать, Жизнь — З|д|ра|вье, вла|сам|и цветуще как Мать, Сила-Влас|ть. Ус|ы — уз|ость: Тьма — Щель. Брадат Тьмой был Хирон, златобрадый мудрец: злато — Мать. Борода приставная, в косу заплетенна, в Египте была у царей и цариц как Мать, Корнь его, Ноль над Двумя. Бородатым

быть мужу, Уму — Сердце чтить, Корнь свой. Брад — бард: Тьма есть Песнь, брада предков, з|вен|яща вен|цом златым: пели отцы — поем мы. Древним бард — и певец, и поэт: песнь и стих — одно, Тьма. Бард великий — Го|мер, творцов мер|а и корнь-го|лова; Книга Мертвых тибетская «Бар|до Т|хо|д|ол» — Барда-Бога песнь-стих. Бард — bird, птица (англ.): Песнь — крылья душ; Бородой, Тьмой поём! Бо|рода — Борозда, Пашня Бо|жья, где сущи растут семена: Лоно — Мать. Брада, Радость — Восток, Се́рдца край **(**бородат акса|ка́л так; брадат всяк муж, чтящий К|о|р|а|н, Материнскую книгу: Каран|а — Причина, Мать; зов к Ней — на|ма|з (и «намазывать» — Ма́ть крыть: Суть — коркой-Бытьем, домом Отчим**)**). Тьмы камень — бр|и|л|ья|нт, ку|мир бри|тых, Ума́ детей; Се́рдца ж порою был чтим Орихалк. Безбородость у Римлян — Ума́ знак. Брад|ы-Тьмы дар — брод, путь в Воде, дар Воды-Тьмы идущим как хлеб их: b|road — хлеб, road — путь (англ.). Брадой-Тьмой Россия спаслась в Бород|ин|скую битву, победу про|рек|шую ей как бр|од — Бр|ег **(**как рекла раньше битвой при Кал|ке: ведь Кали — Тьма-Мать**)**. Рек Давыдову Вяземский, Браду сию помянув:

Дельвиг, Пушкин, Ба|ра|тынский,
Русской музы близнецы,
С боро|дою бородинской
Завербованный в певцы,

Ты, наездник, ты, гуляка,
А подчас и Жомини,
Сочетавший песнь бивака
С песнью нежною Парни!

«Поминки»

В комментарии к сей строке сказано о ее сути:

Начальствуя в 1812 г. над партизанскими отрядами, Давыдов отпустил бороду. Это было *явлением необыкновенным*, так как с петровских времен и до середины XIX в. включительно русские дворяне никогда не носили бороду (курсив наш – *Авт.*).

267. Так вершит путь наш Тьма, так историей правит, творя реку сю, тьму от Тьмы. Тьма, И|гла-Гла|з, была Ш|ил|ом Ил|а, воздвигнувшим град: Ш|ил|о — С|ил|а; т|ор|ящие, Очи — тв|ор|ят; Озаренье — Са|т|о́р|и: Сат, Сердце, торящее ум. Тьма

— К|ос|тер, что остёр. Тьма есть Ма|с|тер-и-Д|е|л|о, Одно: Де|ва — де|лит. Деленьем творим сущий мир: плод Ноля, Тьмы-Единства, он мног есть в себе. Делить — ведать-владычить. «Di|vid|e et impera», — учит латынь нас. — «Разделяй и властвуй»; rex — царь (лат.): рез|ак-хан, делящий очьми — Ножом, Тьмою. Свершать — есть ступать, дело всякое — к Богу путь. Сказано Экзюпери: «любое дело — это путь к Господу, и завершает его только смерть». Прям пред Богом, Путь (via — лат.) наш вье|тся в смертных очах; Феб курчавый, огнь их, с тем как очи л|юбовны есть Л|ок|сий, Кривой: завиток, лок|он — путь наш, иль шест|вье, ша|гнуть где — есть вы|гнуть стезю как велит Матерь Жизнь. Вит|ься — жить, Vit'ой полнясь из недр; пра|г|нут|и (укр.) — стремиться: стремление — жа|жда (укр. с|праг|а), Корнь чей — Вода-Тьма, Нут|ро сущих, чьи боги египтские — Нут и Теф|нут.

268. Тьма есть Божья Иг|ла, Иг|о-Ла|д, что как Б|ла|го в нас входит, даря Глубь и ею ловя как Любовью: Любовь — Груз-Внутри, И-Го|сподь, Love|ц наш. Как Зло, Тьма крадет Глубь ис|пусканьем, ловя на на|сил|ья на|руж|ный крючок под облаткой Любви как при|ман|ки **(**Любви жаждем мы как Себя, Вражды ж — нет**)** и насилием как пустотой полня нас: полнит и пустота. Полнотой полнить — полнить Любовью-Нолем; пустотой — полнить Двоицей-рознью. Ноля крючок есть пуповина живящая, Двойки — гар|пун, смерти крюк, Злом пун|цов, ба|гор ч|ок|нутых — мертвых без Глуби: безумье бессердья есть смерть. Им стал нам через века Аристотелев дар — Просвещенья пора: «про|свещать» — есть навылет светить, про|тыкать ножом-Светом, бессердным Умом, Глубь крадя испусканием **(***с тем, Просвещенья начальник — ма|сон Лок|к, Тьмы муж, ло|вец нас («лок» — суть л|ок|он, волны за|вит|ок: Тьма-Ноль — Vit|а-Вода, коей Двойка жива: Жизнью — смерть), страна коего — Анг|лия, корнь революций, лишивший главы короля по закону Диавола. Корнь «анг» идет от Египта, чей Сет — Сат|аной стал позднéй (что уж сет|овать нынче?); Анх, Истины крест черный — лжи крестом стал: Сердце — Умом пустым. Анх («х» и «г» — одно) — Тьма. Темен анг|ел, Иного гонец: ведь Иное — Тьма. Тьмою есть*

*Англия, Запада корнь, оплот Дьявола — с тем, и ма|сонства оплот, и отчизна ма|шины. Сам облик ее ост|ров|ной — суть кир|пич (піч — печь (укр.)), часть без целого, кое — Стена и Дом; каменщик — есть и мас|он, вольный тьмой (не собою, каков слуга Божий) Ум-Му|ж: Воля — Тьма. Имя Англия — темное; темным — Брит|ания есть, имя острое: брит|ва — ее плод; обычай брад|у брить — британский, из Англии взятый Петром: у Ума — Умом, Мужем. Брит сам и иных бреет — брат, брат|ь мастак: Муж — берущий есть ал|чно; да|ет без кор|ы|сти — Жена***)***. Возрождения солнце, родившее эту пору́ как дитя свое, — мнимо восходом Античности, было на деле не светлым сим, Сердцем, но мрачным, Умом; Возрождения бог — человек: бог-без-Бога, суть Дьявол. Ум, тьмою Огонь одолевший как плотию Дух, коим было Античности первое Солнце — был Нус Стагирита пустой: Ум Ума, с чьим восходом зашел богосущный Ум Сердца, о коем писал Лев Толстой. Люди, бывши умны до того, утерявши ум, стали безумны, от Сердца отпав. Росший как человек — человек, от ума приняв горе без знанья его (горе это знал Чацкий, ища оскорбленному чувству приют: сердцу — дом), стал расти как машина. Наука, не властная прежде над ним как иг|руш|ка ума, обрела власть сию как играющий сердцем игрок-ум (о коем писал Достоевский; работой научной своей так вверг Маркс мир во тьму), лик чей есть техногенный прогресс, в коем люди, машины плодя, плодить стали себя как ничто: ведь машина, над нами царя в сем прогрессе, есть мы без Себя: смерть-без-Жизни, суть нуль. Так, забыв Полноту как Жену, в пустоту претворяется клетка как чистого Мужа (таков чистый разум, бесплодный по Канту): Жизнь — в смерть; О|КО, Тьма-Жена — в *ОН*|КО, при|род|у без Глуби родящей своей. Вновь ожить нам — есть Глубь обрести: **Возлюбить**, ставши Тьмой как Любовью само́й.

269. Наши руки вторую природу творят в теле первой, сказал Цицерон. Соль труда сего, техники нашей прогресс есть вторая сия. Слепца́ плод, она первой проклятье: Тьмы, Матери сущих святой.

270. Слепота творцов — плод нарциссизма их, жалкого мудрым. Удобством Нарцисс тешит плоть. Из фарфора, достойного царственной вазы, бестрепетно вылепит он унитаз. Для удобства движенья придумал он автомобиль — и Земля облеклась в дымный смрад. Для удобства убийства придумал он атомну бомбу — вершину удобства сего. Услаждая себя, сей умелец себе сплел удавку. Чтя божью Гармонию, люди хранили б ее Земле. Прогресс техники их был бы чист, чуждый бомб, гильотин, гари. Мир возлюбить как себя — Шар Любви, Кам|ы Кам|ень — есть стать на сей путь.

271. Человечество, дабы Идти, чуждо внешних подпорок, опору внутри неся: то — человечности суть, искра Божья душа. Взяв опорой технический стержень, оно оперло́сь на костыль при здоровых ногах, инвалидом став, сиречь на мертвое, кое костыль этот есть, вознадеявшись как на живое, — а с тем, спутав два сих, зрить Жизнь перестало в живом: Мир — в себе. Посему не костыль сей — Себя, сиречь Мир, коим есть в нас душа, в части Цельность бесчастная, до́лжно почтить нам, в движении нашем вперед полнясь им; созидая машины, зрить в них плод — не корень свой, средство стяжать Бога. С Миром единый, Бог есть Цель-Внутри. С тем, машина, влекущая к ней — нас в себя влечет и есть нам внутренней; ход же вовне — в пустоту, где ни Бога, ни Мира нет (и посему есть ничто́ она) — Богом машину творит, коя ту пустоту затыкает бесцельно собой. Ей-то мы поклоняемся, стремясь вовне: пустоту — Богом чтя.

272. Без Творца — не творцы мы: творить — повторять есть Его и подобьем Его быть, Его́ — не подобия — ради. К тьме сущих машин, кои люди в подмену творят себе **(**забыв: орудье Любви, Сути творчества — не ум, но сердце, не длань лишь, но **фаллос как длань**; Тьма, Господня Рука — Длань фаллична**)**, они не творцы в настоящем понятии. Творец сей тот, кто до дна зрит творимое, зная причину и цель его не лишь в мирском, но и в онтологическом и эсхатологическом смыслах как Свете и Тьме, синтез чей — Мир, Суть наша, Суть коей — Бог. Им-то творец настоящ; человек (ведь творить нам — собою быть) — в Боге лишь он, Я людском.

Ныне ж он, создающий сложнейшую технику, не ведает ни того, откуда взялась она, ни того, куда она влечет его в своем развитии. Трудясь в середке цепи, он, слепой инструмент тайных сил, Homo faber (умения в ком — се́рдца выше: тьма — Тьмы), не знако́м ни с началом ее, ни с концом, коих знать не стремится, — как, в корне, Того, Кто есть сущих Конец и Начало, Причина и Цель. С тем, цепи этой он не творец, но звено, кое, зря лишь соседей, не зрит полноты ее, не господин — раб; любя за то технику, что она «делает лучшею жизнь», он глаголит про пленную жизнь, жизнь-в-машине, — не зря Жизнь саму. Сей последней как царством машины грядущее мнит он: Рай, Божие Царство, в нас сущее тайно; но Тайны не зрит он, а явь его — тьма. Посему, чуждо Господа, атеистичное в массе своей человечество построило в своем уме вполне религиозную эсхатологическую концепцию с благим итогом, где место хозяина рая, Творца занимает машина.

273. Ноль — Ха́ос, Бог-Тьма. Хаос есть Тьма-*в*-себе; изойдя ж *из* себя, он есть Кос|мос: не Сердце, но Ум, Мать кос|ая (сниженье Жены-Прямизны, Локсий-Свет), Брег в Безбрежном, Брах|ман (в себе — столп б|рех|ни, лжи). Остров Сердца в Уме есть М|ор|аль: дом, где Сердце царит. Дом сей есть Мир-в-Уме: Сердце-Ум, голова нам, лишен коей тот, в чьей главе ум один как слуга без царя, царем мнящий себя (мня — мнём: истину — ложью). Мир Древний имел сю главу. Так в Элладе порой Мужа, Зевса царил Вакхов культ: культ Жены, Сердца-Тьмы (Дио|нис — в сути имени «Дия (Зевеса) нес|ущий»: опора его, низ как Глубь Света, Тьма). В мире умном сем, Сердце поправшем, с тем — Жизнь, сего культа остатком от древних времен людям есть кар|на|вал-мас|ка|р|а|д: рад|ость бренных как Ть|ма, горня Ма|ска Творца. Она — Суть Э|л|ев|с|ин|ских мистерий, где м|ист, Ей об|рядом причтенный, рез|вился змеей вольно в Ней.

274. Внеморально дитя неразумное: Сердце, Ума не стяжав. Человек же, возросший как чистый Ум, Сердце поправ нестяжаньем (ведь труд наш — с|тяж|ать Тяж|есть, Глубь, коей есть оно), тем и Морали лишился, став после (иль меньше) нее, а не до, как дитя. Посему аморален бессердный сей Ум, Мира чуждый как

корня морали людской отрицанием вниз. Сердце свергнув с престола, творит он замену ему (уму нужен владыка; в себе, чуждый Сердца, он есть, повторим, без царя в голове): Жизни — смерть. То — машина, под кою подпал человек, мня за Сердце ее и тем впав в **аморальность, машины мораль**, в себе многу. Мораль как Одно — внемашинна: то — Бóг в нас. Мораль-многость — Дьявол: ком частных моралей, где всякая — он: мораль-общее как Воро**х**-Воро**г**, властитель пустой, смерть-машина.

275. Бог — Жизнь. Пусть царь нам будет Он, а машина — да будет слугою. Пусть будет слугой нашим ум — ибо, с Серд|цем едины, мы с Мерой одно как сред|иной златою: Ум — крайности, Сердце ж — она, сердце|вина людей; и из крайности в крайность идя, Ум чрез Сердце стяжает себя, Сердцем жив как Одним: Жизнь — Единство. Не жить им — есть быть под Нарциссом-Умом, слепо технику чтя *иль* клеймя (и клеймящий так — х|вал|ит, раб Двойки): ведь Ум — слепец, Рознь-Зло. Зря Сердцем, Очами, мы технику *видим* **на месте своем**: не сторонним Другим — **Другим в нас, дру́гом истинным, тем, кто нам служит любовно: любить — есть служить**. Так Диавол как внешний Другой — дьявол злой, нам сующий себя в господá; Другой в нас — он Диавол благой, слуга наш — ибо Божий слуга в Глуби, коя Я, Бог.

276. Друг-вовне — нам ти|ран, дьявол; друг-Внутри — служит как Бог, с Ним един. Мня машину за внешнего бога, сире́чь Сатану, мы отъяли вовне. Но делить дóлжно Внутрь, Там машину узрев. Лишь тогда, **Сердцем став**, она станет МаШи|ною истинной **(**знак в чем — слог «Ма», первый: Истины, Ма|тери, правящей Ши|вой, супругом своим, с коей он есть творец, а один — розни млат**)**, мы ж — творцами ее богосущными: Бог, Мир творя, в Глубь делил, коя Сам. **Человек, чтоб создать человечную технику, должен, как Бог, делить Вглубь**. Так деля, единим мы Любовию: Глубь — есть она.

277. Тиран наш — все, чего мы не знаем; чрез знание — всё служит нам: знать — царить. От неведенья — техники власть над людьми в умном мире: Нарцисс-Ум —

слепец; зная технику Глубью своей — ею правим мы, вед|ая Глубь — Тьму-Крыла, с коей всё нам — Полет, как для ведь|мы — метла, кою *знает* она[44].

*

278. Разъемля к познанью мир сей, Тьма Т|ет|ра|ду его **(**ведь матерья — Ква|дра|т: Ма|тер|ь-Ter|ra, Земля, дом наш; «терра» — суть «тетра»: Четыре, число их**)** разъемлет: 1) неравно, **1 : 3** — в смотрящих очах, что в единстве сих числ есть **Тринадцать, Диавола дю|жина, Ше|сть-Семь (семерка цветов, шесть провалов меж ними: Семь в розни), ще|ль би|тых очей**: что разъято неравно — разбито **(***так стол о четверке ног — шаток: ведь плоскость — суть Три (бренья Суть — Вечность, Мир); с тем, стол Греков домашний (зовущийся «т|ра́|пез|а»: Мир, Три — Пес|нь сущих) трехног, как и стулья Гефеста и Д|ел|ьф***)**; 2) ра́вно, **2 : 2**, как ex aequo, **Сократов срединный разрез** — в очах *видящих*: в числ сих единстве — **число 22, Мир-и-Очи**, Мир в коем, как сказано, Десять, а Очи — Двенадцать, благой Додекаэдр как пара Декады[45] **(***di|vision — деленье (англ.), в сути — поровну (на́ два, di) — vision: ви́денье, мудрые очи. Труд мой, что читаешь сейчас, писан за 22 полных года***)**. Разрез сей есть *виденья* суть: *видеть* ставший — уж прежним не станет, и жизнь его разделена но|виз|ной пополам как но|жом: «до» — и «после». Так делится свет по страна́м: две их — Истина (Се|вер, В|о|с|т|ок), Божьи Се|мь, и две — Ложь (Юг и За|пад), Шестерка. Год треснутый склеить как Глубь (год — суть Gott) в очах бренных, не|цель|ных — есть склеить их Глубью, Луной, от Шести шагнув в Семь, от июня в июль в **D|E|n'ь-Грань, Лунный** — очам бренным **(**Грани не знающим Полность**)** *не|сущий* день св**Я**зи с Собой чрез шл**Я**х Млечный Любви: **М**|лек|о — **М**ать; День-Луна, Глуби лик, число ж — 31, грань июня с июлем, учаща делить пополам нас; Седьмое Шести, половин годовых как Клей года, целящий его: **Век Златой**, Клей как Жизнь, бренью схлопнутый в нуль, Грань; **Ден|ь-Н|ол|ь**, Полность — царь единиц, прочих дней — пустых **(**Дня сего явь — имя Армстронг, Не|йл Ол|ден: Луна как Любовь**)**; **День Очей**: Очи — Тьма; зрячих день,

дополняющий год до себя: Единицу — Нолем (год очей бренных — нуль без него; Свет без Тьмы, Ум без Сердца как Сути своей); **Должный День**: ибо, полнящий год, светит он нам Луной, Солнцем истинным, с тем — должным всем; **День Любви, Долг-Свобода**, жив коею маг, воин Силы, Любви; **День Дождя**, Т|уча чья Луна-Мать, а Дождь — Путь Ее м|лек|а: Мать та же; **День-То**, незакатный вовек как Бог, Den|to|s, целящий в коль|цо Мир и год. Бог, God-Глубь — Ось всему, с Ним — и День Его. Кельтам и был этот **День Безымянный (**ведь имени в бреньи ему — нет, как нет там и Дня самого**)** меж Березою и Бузиной, Альфой, года началом, и Омегой, концом его, как срединное им, года горня **тринадцата часть**, что над годом царит как **День-Месяц**, с тем — суща как месяц тринадцатый в год всяк четвертый, *один через три*: в чем зрят зло очи бренны, пустые — в том Благо, в Двух — Ноль. День сей, в бреньи Свободы про|свет, — Книги Мертвых День-Огнь (Хер|у — ег.), Тайна тайн очам тр|еснутым, ложным, бог коих — Бэл злой, солнце бел|ое, слой на Огне-Боге, Тьме, дух-Тр|инадцать; число Дня сего посему есть 13 навыворот: Бог вместо Дьявола-тьмы, вместо солнца — Луна-Суть. Как Век Златой, в сути Миг вечный, День сей, времен высший — **День-Миг и День-Месяц, День-Год и День-Век**. Над Шестью Семь-Седьмой от Ноля, Грани лет, — День сей, Грань, не июльский — июньский. Июнь — месяц полной Луны, дождевой. Летний дождь как Т|ал|ь|ков-Cel|en|ta|n|o, песнь-г|ру|с|ть, — дождь-июнь: **Инь (иль Uno (англ. j|u|n|e), Монада), Вода-Мать**; день третий его — Будда, полной Луны бог **(**в какой рожден я; с тем, День Лунный — мой**)**. Число Тринадцать, **Бог-Мир в розни Их, Единицы и Трех,** — суд|ьбы-дол|и число, жизни битой (Диаволом, Князем: бьет — он), ибо жизнь — от очей: биты оные — бита она. Разделить по Тринадцати нам, числу злому **(***плен Ареса в месяцах — дни, в кои не было войн меж людьми***)** — есть от Бога впасть в Мир: 1 → 3 — сатанизм, иль безбожье: от Бога отпавший — и Мир утерял посему*;* ход обратный же, 3 → 1, День Лунный, влечет к Богу нас: от Земли, суть чья Мир — к Луне, Богу в сей паре. Делить неравно́ есть делить сатанински: Диавол — безмерье; а ра́вно делить — по Творцу: Мера мер,

делит поровну Он. Взор смотренья-Тринадцати есть **взор Войны (***так Второй Мировой оппозиция «Гитлер — Сталин, Рузвельт, Черчилль» — дуал 1 : 3***)**, страды Шивы **(**Ш, буква его — Мир над Богом как Три над Единым, недолжная власть**)**; Двадцати Двух взор — ***ви́денье*, очи Любви**. При неравном делении часть с половиною разны, при равном — одно, где сущ Бог, пол|овин Пол|нота. Кто раздел сей свершает — раздел Бога в сердце своем: делить так — есть являть Наготу, коя Он. 22 — пара му́дра: Мир — пара Тьма-Свет, и очей зрящих — пара же: Два ради Двух. 22 посему — **число Солнца**: Мир — Солнце, для коего Очи, а Солнце — для них. Солнце в небе — **Х**|рис|тос, резать (різ|ати — укр.) нас уча́щий мир дольний на благо и зло волей Тьмы, меч неся ее: труд Ноля — Два. **22, с тем, — Христа есть число** и самой буквы Х, первой в имени этом как Тьма: Два вверху, Два внизу. Солнца лик, 22 есть **число мудреца**, кто живим Солнцем-Тьмою (и Сын — есть мудрец); Мудрых цепь пара|**М**|пара, от Бога идуща — числа сего явь: труба Знанья, реку́ без помех, где одно ученик и учитель: струят оба сих, оба служат Реке **(***верным ей был Конфуций, сказавший: «Я передаю, а не сочиняю. Я верю в древность и люблю ее»***)**. 22 — Каббала и число букв еврейских; оно ж — сам состав наш: четверка столпов зримой жизни а|зо|т (7), уг|л|е|р|од (6), ки|сл|о|р|од (8), вод|о|р|од (1) в числах их рядных: 7 + 6 + 8 + 1 = 22 **(**без соста́вных иных: Счет — столпов с|вод, Великость**)**. Поистине, Очи и Мир сущи друг ради друга: зрить — быть; что не зримо — не есть. 22 есть Единства число, и со|юз его — И: кто под ним Мир поет, тех песнь с Миром одно (так труд мой есть не книга о Мире, но Му́р сам). 13 есть Розни число, чей союз — «или»: сущим под ним Мир — одно, песнь о Мире — другое, не-Мир (Мир искать в ней смешно как ином, нежель он). Разделение 2 : 2 — Жизнь, деленье первое; 1 : 3 — не-Жизнь, второе: деленье боящихся *Жизни, Любви* (Жизнь — Любовь), кто на три части мертв из четверки как полности их (*о чем рек Б|ер|т|ран Ра|с|сел: «Бояться любви — значит бояться жизни, а тот, кто боится жизни, на три четверти мертв»*)[46]. Пара му́дра, число 22 есть и Дважды Одиннадцать, Путь двойной (ибо 11 — Пути число и ног у́дущих) как

Путь единый Вверх-Вниз — Звено, Столп. 22, число Солнца в сложении с числом Луны 28 — **Пралайи число 50, Растворитель Сего (***N, числá сего буква — начальная в ni|hil, ничто (лат.)***)**: То с Этим сплотивший — из части становится Всем, кое Мир. Пятьдесят — с числом Сóрок едино, суть чья — Отрыв в Тьму: Уйти в То — кануть в Сем. С тем, одно — числ сих буквы, М с Н: **М**ать, Тьма — **Н**оль, Пустота.

279. Делить рáвно — по Богу делить, а неравно — по Дьяволу. Равно делящий есть тот, кто ступает за Богом, разъемля что Он уж разъял — без иного, и зря с тем очами Его (очи наши — как Глубь, есть Егó Очи) зиждущий замысл Его, так деля Неделимого ради, каков Он: ведь все, что делимо законно, являет в конце сю Скалу. Разделять самовластно, как делит деления ради делящий неравно — есть Мир толочь в ступе ума по закону Диавола **(**как был измолот тираном Зенон: Сердце, Сила — бессильем-Умом**)**: ибо все, что не Бог — Сатана. В разделении сем человек посягает на Божие: как половина одна, он у Бога, второй половины, ее пополам разделя в допущении Им, кое мним мы свободною волей своей, половину берет (½ + ¼ = ¾), над второй же — безвластен, ведь есть Неделимый она, что разъять не допустит Себя.

280. Разделяющий в Боге есть странник благой Бесконечности числ, в Сатане же — дурной, не имущей числá как *бесчисленность Мира, пустое*; число ж — Полнота. Бесконечность благая есть Мир, Всё (вне коего нет ничего, и сам Бог, Корнь его — Глубь сей Глуби) с согласным ему внутримирием, как Бесконечность-Конечность: ведь Мира Исток и Конец — Бог; дурная же — есть внутри-Мирие, чуждое Миру, сиречь внутри-Мирье-вне-Мирье: ничто, в кое ход — без конца, цикл как нуль **(**nullus (лат.) — никакой**)**. Бесконечности первой согласен Те|тр|а|ксис **(**букв. «Ось Четырех»: axis — ось (лат.)**)** с чредой числ, объятых Декадою-Миром как Кругом Квадрат, а вторая есть чúсла снаружи его, уходящие вдаль: в Ложь — от Истины сей как тьма ложных делений. Бог — Тот, кто кладет дóлжны, истинны

грани; Диавол есть тот, кто стирает в очах их, кладя грани те, коих у Бога нет. Стерши грани, нам данные Богом, сливаемся мы с Сатаной, взявши грани его.

281. Зрить — идти как очами ступать: ведь идем мы очьми, кои ноги есть нам; зрить — делить: ведь идем — деля. Зрить, как делить, есть делить всем, что зрит: очи — мы в полноте, дух-и-плоть, как кристалл для луча. Посему плоть антропна согласна очам как решетка деленья (дифракции), Дух-Луч деляща: у *видящих* — поровну (как у Гостей, хромосомный набор чей срединно разъят), у смотрящих же — нет (1 : 3).

282. Разделять пополам есть делить с душой равной к частям и чрез то, зря их обе, ступать к Полноте, Неделимому, скрыту в делимом как Суть его (рек Пушкин Музе: «Хвалу и клевету приемли *равнодушно*»). Сокрытье сие — вызов Бога Идущим: открыть Его — путь пройти весь, до конца. Путь и есть вызов сей — Мир: ведь Мир — Путь. Монады деленья равны. Так равны Цель и Путь — Бог и Мир, коих нет друг без друга; равны Тьма и Свет, Мира страны, что нам — Небеса и Земля. Так текст Библии — два равномудрых столбца ради Мудрости всей, и слог ОМ, Бога слог, ее кажет Двумя, где любое — она. **Суть деленья сего велика: в нем одно есть Господь, человек же другое, и силою два сих равны**. Учит мудрость: «На Бога на|дей|ся — и сам не п|лош|ай!». Человеку Бог — Корнь, но в бытьи двух сих корни друг другу они: концы палки — суть палка одна. «Бог — не-Бог, человек» — пара-Суть: «Творец, Брам|а — А|брам, Авраам» **(**в токе оба — одно: «…брам**а|брам**а….»**)**; «Я — То» есть «То — я». Человек, hom|o (лат.) — Квадрат-R|hom|bus (лат.), Ум; Бог — Круг, Сердце; и в паре сей — оба важны, равномощны очам, коих — пара у нас. Сердце наше — наш собственный Бог, рек Египт: Бог *как мы*. **Бог лишь с теми, кто деет как Он: с силой полной, с любовию всей, и в ответе за все пред собою одним как за Мир, Всё — Бог.** Сказано песнею:

Я это сделать должен,
В этом судьба моя.
Если не я, то кто же?
Кто же, если не я?

Полность жизнью являя, мы — Полность как Глубь, человечности Суть: в действьи Бог. Бёме (Böh|m|e, «Бог — я, Тьма») сказал о том: «книга, в которой заключены все тайны, есть сам человек; он сам есть книга всех сущностей, так как он есть подобие божества, великая тайна заключена в нем». «Это верно, что человек создает Бога по своему образу и подобию, как некогда создавал богов. И самое важное, чтобы этот человеческий образ и подобие приближались к образу и подобию Божьему. Тут есть таинственная диалектика двух, а не действие одного сверху вниз», — рек Бердяев о том.

283. Серединный разрез есть плод Сердца творящий; делящий умом — рушит Мир в очах. Сердцем деля, Древний мир ведал грань меж Враждой и Любовию, с тем — знал их обе. Умом разделяя, утратили грань мы сию, мир с войной перепутав, с любовью вражду. Грань сию-то у древних не зря, дружбу их мним мы смешанной с сек|сом, зря дружбу иным, чем любовь; **в мире древнем же дружба — любовью была, как и есть ею в сути вовек**: не любить — не дружить, ложну грань мня меж них. Грань не зря между нами и Древ|ностью, не зрим сей Корнь мы, с тем — древ|о истории всё, что без Корня мертво.

284. Разделять пополам — есть познать чрез часть Целое. Так Десять — Мира число, но и Пять — таково ж: пол|ов|ину (сиречь пол-Яйца, Ov|o) знать — есть и знать Пол|ноту; ведать часть — ведать Целое (*ключ к чему — Т|ан|т|р|а, Все|яд|ность: познанье Ноля чрез Два — Ед|ы-Ле|кар|ства (Любовь, Ноль — сих оба) чрез яд; чрез Зло — Блага*). Так мет|р познаём полуметром мы, зрелость — младенчеством, лю|ль|кой Лю|бви, Мет|*ы* всех, К|лю|ча знанья. Знак в сем — римский V: числом — Пять, буквой — **V**i|ta-**V**i|c|t|or|ia, Жизнь-и-Победа (*суть Мат|ь, чья Т|ра|д|иц|ия — Вик|ка; Vic — Vis, Сила-Жизнь; Виктор, Вит|я — суть Вектор, Копье-Уд*): познавший Пять — Десять познал, Мир, свободу стяжав от него как Победу побед: в Боге Жизнь.

285. Мир — числá Суть. Тетр|а|ксис как ось (axis — греч.) четверная, увенчанный им, Десятью, — Лоно числ; Единица, числ столп — шар, надутый Нолем как Свет

Тьмой **(**mo|no (греч.) — Мать-В|од|а, Ноль; e|in — од|ин (нем.), в сути — «Ева-внутри»: Тьма-Ноль — суть, Свет — покров**)**, чем живá она; Свет-Тьма же — Мир. **Созидание чисел свершается чрез Мир как Шаг**: явно — чрез Единицу (как суть — Бытие, бренных Явь), коей мы будто б правим (прибавить ее иль отнять — изменить сумму), тайно — чрез Ноль самовластный (прибавить его иль отнять — суммы не изменить, ибо в ней он всегда): Тьме не мы господа — она нам, сущих Мать, что без мужа родит. Тайна —царь: су|м|**ма**, числам дающая жизнь (sum — быть (лат.)) — в су|ти Мать. Чúсла сущи — от Мира миры, всяк — **любовный союз Единиц** как единство касаньем их; так был един древний Р|о|д. Без касанья союз числ есть **цифра, союз Единиц чрез Вражду** — общность их как тол|па. Люди Рода суть чúсла, а Род (с ним — На|род, Родом т|в|ер|д) — число их; толпа — общее числ: ци|фра их как облатка без Глуби (арабски — «пустышка», буквально — «несущее Ци», ци|фер Тьму). Цифра для англичан — Единица, столп числ: ón|e (англ.) — суть «на Тьме, Еве»: корка ее — нуль, Ноля с|кор|лу|па как ничто (м|e on — греч.). Единица-число — личность как душа Божья, Народа столп; цифра ее — индивид, с|толп толп|ы как от лич|ности чан анг|ли|ч|ан. С тем, Народа, господнего хора погибель (глава короля, снята Кромвелем — Бóг суть, Народа глава), **страна Англия — Мира утрата подменою хора бесхорьем (ведь Мир — Хор); числа, Нолем крепкого — цифрой, нулем; числ науки — с|тати|стикой, в|отчи|ной цифр**.

286. Знать число есть знать Господа, Суть его: Мир, Бог — одно. Чис|лить — быть, чис|тотой Его чистым; лить воду Причины на ум-колесо. Корень чúсленья sam, с «san» един **(***«м» и «н», буквы женские (М — Мать, Н — Ноль, Тьма сия ж), в алфавите — соседи***)**, — есть сам|ости корнь: Человека в единстве души его, солнца в плотú **(**sun (англ.) — солнце**)**, и плóти как тени его, кою «с|óм|а» зовем. Тело — оба: душа — полнота, тело — часть ее; «сам» **(**sum — быть (лат.)**)** и «сом» есть одно: а|льфа — о|мега. Круг бренья — Сан|сара, Луны круг, бог чей и напиток есть Сом|а **(**«сан», «сан|кция» — Силы словá**)**. В счете — Жизнь, в нем —

честь наша: честь (что делать?) — числить, сиречь счет вести; счет не знающий — п|ра|х (рах|ування — счет (укр.)). У|чит — с|че|т: чет|á — пара Бог-Мир, Цель у|че|б, диалектики Корнь; чи|сло с сло|вом едины по сути своей. Числá чýжды, мы как бы не есть: ибо Суть его, Бог — наша Суть, полн же Им, всяк — Одно. «Чит» санскритски есть «мысль»: не Ум — Сердце по сути; с тем, счёта корнь — Сердце, Тьма-Ноль: числить — мыс|лить, лить Воду сию. Бог сверхчислен, царя над Числом, Бытием-Единицею, и Не-Числом, Тьмой-Нолем как Единый без знака. В немудрых очах зна|к — лик сна: он таит Суть, как сон — бодрствье; в мудрых — он Сýть сама, Нóль-Тьма: он з|на|чит, на|д с|чет|ом стоящий, творя Единицу, Число, чрез него ж — числ ряд, многости чьей корнь — Два, чет|á Бог-Мир. Мир — Число числ (им мнил Пифагор *умный* Бога: ведь в паре «Бог — Мир» Мир суть Ум): ведь как Десять венчая Тетраксис, объемлет он числ ряд. Он с тем, повторим, — Имя Бога; числ многость как внутренний Мира плод — есть *имена Божьи*, сути искр Мира-Огня, ин|ди|в|ид|ов его. Рек Генон о том: «имя и форма (nama-rupa) являются основными составляющими индивидуальности как таковой»; в паре сей имя есть формы глас (так имеет глас ко|ло|к|ол, форма особая, с тем — уникально звуча), ф|ор|ма ж — имя безмолвное, суть Мать: Безмолвье — она, Тьма. С тем, Мир-Красота, покров Бога как Форма Его (ибо, Статуя, — Фóрма он), есть Его Имя безмолвное, числа же — глáсы Его. Корни чисел являют суть их: Д|вой|ка — вой, плач пустых по Себе, Полноте: одиночество — Двух, Розни плод (глас мирской — вой безбожных: voi|ce — голос (англ.); зл|о|ба — вой|на); Т|рой|ка — рой, хор: так пчелы роятся вкруг матки ге|рой|ски, вкруг Бога ж — Мир, Хор миров; Чет|вер|ка — вер|а, живящая Путь как Тьма, с|чет|а начало: клянемся Творцу — Четырьмя, ими ж есть Тó|т|а веха с четверкою граней; Пя|тер|ка с Шес|тер|кою — тер|нии: Путь как Препона-Стезя (и Одиннадцать, Пять-Шесть — Пýть Вверх-вниз единый: 1 + 1 = 11); Се|мер|ка с Вось|мер|кою — Мер|а, Бог, жизни и смерти Исток: ведь Семь — жизнь, Восемь — смерть; Де|вя|т|ь — с|вят|ость, суть Лона: святá Дева-Мать, Лоно лон.

287. Числом к Богу влеком человек: рух — движенье, считать — рах|увати (укр.). Недвижный — п|рах: Жизнь — Движение. Цифрой, облаткой числа, брошен в прах человек как и|деей надменной: Умом-Сатаной — без Творца. Речено же: «язык точности», цифр, есть орудье «господства посредством идеологии» (Мишель Фуко).

288. Бог — Простота; Мир, полн Им, прост как Цел|ое, **Атом Господней Любви**, суть А|мера (бесчастность), част|ям не при|част|ный как цел|ь-Полность их. Части, Полность любя, к ней восходят, причастны ей тем. Но не к Миру их истинный ход — к Богу, Цели последней и высшей, чрез Мир, перву цель: ибо Бог — Мира Суть; це́лить в Мир — в Него целить, центр це́ли сей. С тем, me|r|os, часть — Мера, Бог в существе: ибо Он Мера Мира, Состав его. Творцом творение суще; и части, что, в Боге зря Суть свою, всходят как к Цел|и к Нему, есть с|част|лю́в|ы бес|част|ности Миру согласно как Цел|ому их; а не Зря, не Идя — части, Бога чужды, есть без|мер|ности: ничто — не Нечто, каким есть они в Мере сей; и как Нечто, они есть амеры Любви, как ничто же — Вражды.

289. Непричастный частям, Мир есть Целое целых всех. Цельность разъять — есть утратить возвратно ее в **шаге первом**, которым есть **часть**: ведь сим шагом свершенным назад, обретаем ее мы опять; разделить еще раз — есть, родив тем **часть части**, сим **шагом вторым** утерять невозвратно ее: ведь шаг первый меж ними — стена́ глуха **(***мня ее Сутью, часть части впадает в petitio principii — ошибку незрячих, в познаньи опершись на это Второе: не Бога — Диавола***)**. Часть как шаг первый от Целого есть **часть благая**, коль служит ему и имеет за цель, а ему не служа — **злая часть**, что стремится в ничто **(**часть сия-то, рисуя невольно портрет свой, дала своим жертвам яр|лык «враг народа»: Всего, кое вечно — ничто, преходящее**)**[47]. Целое — Бог (ибо Им целен Мир), части часть — Сатана, царь дурной бесконечности, коей она́ есть; часть, суща меж них, есть ни то ни другое: стена, обратить кою в связь может Бог, мы же — дланью Его, но не сами[48].

290. Шагать — разделять, и шаг первый — деление первое, второй — второе. Делением первым творимо подобие сути как то, кое сутию есть и не есть как единство-и-рознь, а вторым, как подобье подобья сего — неподобье ей: рознь — без единства. Деленья второго суть — рознь со Всевышним, Причиной; суть первого — слитность есть с Ним и со всем, что, усмотрено верно, — Óн суть. Шаг от Бога и к Богу, деление первое — Мир, Всё; второй шаг — деленье второе: безмирье, ничто (коим есть *полумирие* — часть в розни с Миром как Целым: лишиться его — ничем стать, Двойкой в розни с Нолем), — ибо нет ничего кроме Бога и Мира, подобья Его. Бог есть Сердце, Мир — Ум перед Ним, Глуби равный с Ним член, и под Ним — как Второе, Дитя (кое — Сердце всему в нем как Высь-Глубь: Высь — Сердце, не-Высь — Ум); делением первым от Сердца, Творца, есть Ум Сердца — Мир, Всё, а вторым — Ум Ума как безмирье: ничто как дыра от Всего. Так шаг первый от Жизни как Сердца — искус|ство, Ум Сердца, святое пи|сан|ьем ее, а увлекшись собой, не-Жизнь пишет оно: Ум Ума, Сатану — не Творца, подменив Умом Сердце, подобием Суть и емý служа, — в чем Зла искус, махин|ация Жизни: податель машин как безглавых людей (*в сем причина, что термин «наука» отдельность обрел от понятья «искусство» в XVII веке: искусство пред тéм, в веке Смерти-Восьми сем (1 + 7 = 8) наука подпала под техники власть как власть мертвой машины — машины Вражды, Зла*). Делением первым от Бога Простра́нство есть, Мир-Миф как Бог и не-Бог во единстве — Крылá Мудрых, коих число — 22, Мир-и-Очи; деленьем вторым — время, бремя людей (слово чье есть «секунда», от корня sec|un|do di|vis|io — «второе деленье», сек|ач-Зло); и время в Сем правит пространством (чему явь — «пар|с|ék», длина как синтез pars и sec[undo divisio]: часть в розни с Целым, суть труп). То — власть Зла: тяги Ввысь иль Стремления (праг|нення — укр.), Жажды (с|праг|и — укр.) чуждое — время, тьма, есть ис|праж|ненье Пространства, иль гов|но сухое его, *бездуховность*: kou (gov) — Дух, Простра́нства Суть, «но» — отрицанье. Пространство — Крылá, время — путы. В благой веч|евой демократии

суща, делимая перво, Мать, Веч|ность как Лоно людей; в демократии злой, представительской (Англией даденной), за вечевою второй — Отец мрачный без Матери, без Сердца Ум.

291. Разделением первым от Сути есть вера в нее, а вторым — веро|я|тие: вера в не-Я, сатанизм как дурна бесконечность, статистика. Ведомо мудрым: наука сия, сложность — ложь, ведь Мир прост как Одно, с тем — и знание просто его.

292. Делением первым от Мира есть сила благая его — сила жизненна солнца, с ним — ветра и вод, в Сем царяща и должная людям; вторым — сила смерти: жар трупный, что, канувший, трогать нельзя, ибо в Этом То — смерть. Таковы нефть, угль, газ с цветом их: нефть и уголь — черны, газ — бесцветен, и то — Тьма одна **(**явь сему — имя Di|e|sel: die — корнь смерти, sel — Серп ей, Луна**)**. Жаром трупным живясь, мир сей полним мы смертию, грея ко|тел, где умрем от жары.

293. Шагом первым от нас, ор|ган|измов Любви (коих Суть — Тьма, Любовь) есть **машина Любви**, гипостазис Антропа — Любви механизм, что нести помогает нам Груз наш благой, Жизнь, его сбереженьем; второй шаг — **машина Вражды**, не-Любви, механизм ее, *жизнь облегчающий нам*, иль крадущий ее, как карман чистит вор. Раз мы Сердце (ведь Сердце — Я, Бóг в нас), Машина Любви — Сердца Ум, нам служáщий: «Я — То», **механизм органический** как копие в Тьму, Иное; машина Вражды — Ум Ума: бесконечность дурная, Служения нуль, жаждущ быть нам главой: ничто — Всем как «Я — Это», покой неторящ, **механизм механический** — повтор пустой, Двойка-Рознь. Злой машине стать доброй — взойти на ступень, став послушным Антропу конем: ведь Служенье — Добро и Любовь.

294. Шаг единый — Пути суть: ведь Путь — к Богу наш, и Прийти — есть из Мира ступить в Него. Ведь, миросущны, мы — Мир; шагом верным, единым, из Мира мы входим в Творца, а неверным — обратно; второй шаг — не сущ: ведь ступая, иль пере|ступая, с Опоры одной на другую, одной ногой в Боге мы, в Мире — второю, и то — шаг един (две ноги и даны нам для двух Опор сих). Посему **Путь есть Шаг**,

Двойка как ди|а|л|ек|тики суть (Цел|ью, Богом цел|ящей как Лек|арь, Любовь), где *видны* Мир и Бог, Пол|ноты Пол|юса (Любовь — оба они); чер|еда же шагов, Их таящa — чер|на как не-Путь, ничто. Шаг есть деление пе́рвое, благо; второе — шаги, чер|еда, еда чер|ная, зло.

295. Разделение первое — Жизнь, ибо с Жизнью едино. Разъятое с нею второе — есть смерть, ей противное. Первое знает Причину, и в знании сем оно **многость благая причин: богов, стран сей Единой**. Второе не знает ее, плодя рознью **тьму ложных причин, многость злу не-богов**, бесконечность дурную. Деления эти известны издре́вле: субстанция — первого суть, акциденция — суть есть второго. Кузанский сказал: «способны существовать только вещи, причастные бытию первоначала или сами по себе, или через другое сущее, как линии бывают только или прямые, или кривые», «есть вещи, непосредственно причастные самодовлеющему (in seipso subsistentem) максимальному бытию, как простые конечные субстанции, и есть другие, причастные максимальному бытию не сами по себе, а через посредство субстанций, как акциденции». Вечны, субстанции — бо́ги; не-боги же, тлен — акциденции. Первые — подобье Сути, живимое ею; вторые — подобье подобия, к смерти разъятое с ней. Рек П|лот|ин (сообщает П|о|р|ф|ир|ий) на просьбу А|м|ел|ия дать снять портрет с него: «Разве мало тебе этого подобия, в которое одела меня природа, что ты еще хочешь сделать подобие подобия и оставить его на долгие годы, словно в нем есть на что глядеть?» **(***человечность — суть маска, подобье Творца; плот|ь — души́ костюм: бел|ьё, согласное ей, и плот, коим плывет она в Сем. Не любя его, чужд был Плот|ин Полноты мировой, любя лишь половину ее: То без Этого; мешавши Истине течь рознью сей, Реке этой Плотин был плотин|ою***)**. «Так он и отказался, не пожелав по такой причине сидеть перед художником», — сказано здесь же. **Подобье подобия — есть неподобное сути**. Рек П|р|ок|л: «Все то, что производит себе подобное, дает ему существование раньше, чем неподобному» («Первоосновы теологии», §28). Неподобное ж — то, кое к Сути вернуться не

может. Ведь сказано: «Всякое возвращение совершается через подобие возвращающегося тому, к чему оно возвращается» (там же, §32).

296. В сем мире, где волею Бога мы сущи, дом-Целое сущих — В|ост|ок, Се́рдца дом: ост|рый (вост|рый — стар.) к|рай, Солнце-Бог, кое к нам востек|ает из Глуби, какою есть Он же. Прав Сух|ов, психеи сухой муж: Восток, Острие — дело тонкое! Суш|ь — сущ|ий: знающий Воду, Тьму. Им был Са|и|д как сам Бог, сшедший в помощь ему: Саи — Бог, Ид — Мать; Оба — Восток, Солнце нам. Часть его (Ум — Се́рдца) — Запад, Ума мрачный дом: край туп|ой как запа́д|шее Солнце Творца, Запад|ня, с|туп|а душ, корнь чей — Грец|ия, в коей З|ев|с-Ум, съ|ев Мать-Сердце, ее скрыл очам. Но единая с ней как утроба с плодом, то была **часть благая**, от коей в сем Д|вои|цы мире пришло к нам и благо, и зло (как про|грес|с нам, немудрым), — глава коих, царь она нам: так реку́ царь — исток (*и Монтень рек: «быть первым среди греков значит без преувеличения занимать первое место в мире»*). Мир по сути (число ее — Троица), Греция — лик Сатаны, что бывает и добрым (Ум Сердца), и злым (Ум Ума): ведь за Богом Второй — Мир как тень Его, Ум-Сатана. Бог с Коровой един; за Ним — Дьявол, за Матерью — Вакх, Бык. **Грек-И|грек, Бы|к-вы|бор Вакх — Греции суть: Два вовне, Ноль Внутри**. С тем, Быком сим живима, Эллада дала нам в Отчизну Мир; с тем в ней, от Мифа идя как от Века Златого исторья, взошла как по|бег рознь людей чрез деленье на Греков и варваров их как не-Греков, «иных» как остаток, сиречь ак|ци|ден|цию, — корнь фанатизма, делящего сущих на верящих в Бога и еретиков **(**так делило людей на святых и иных манихейство; зря то, с ним порвал Августин**)**; с тем, как кара введен ост|р|ак|изм тут — рак душ (ка|р|а — рак) как лишение Родины, Мира по сути: от целого — части откол. Ведь Отчизною Грекам был Мир (как всем сущим, зрят то или нет); с тем, лишенье ее было, в сущности, главосеченьем: ведь целое — части глава. Так глава человека, народа — Бог-Мир. Мир являет собою Эллада, она же — скрывает его: часть благая — «да-нет», где мудрец возьмет «да», глупец — «нет»: **благо — выбор (**ведь выбор|оть жизнь до́лжно брен|ным, б|ор|ен|ным:

борьба — бренья суть**)**; часть же злая есть «нет» без иного ему: **зло — безвыборность**. Ее-то дал нам в наследство Зевес, Ум: пожрав Матерь-Сердце, Богиню богов, он свершил в духе тем **похищенье Ев|ропы**, земли Д|ев|ы-Тьмы, у себя самой — Суть у облатки — как Запад|а корнь: где запал|о, как в прорву, в Ум Сердце — восстал Ум-тиран. Так **Ев|р|еи**, покинув Египет, Ноль-Двойку, явились как чистые Два — без Ноля, тьма без Тьмы. Бог к единству им дал Моисеем закон свой как Сердце — они его свергли, предав Сына Бога, Христа, и расселись по миру, *утративши землю одну*: как Эллины — с убийстом Сократа, когда над Элладой их, Тройкой святой, встали адские Два.

297. Без Европы Европа: без Сердца, Себя — вот чем стала Эллада как семя раздоров, **часть злая** как Целого гр|об. Гр|ек-Гре́х есть она **(***ведь Эллада как Зло — Грех истории, без Сердца рех|нувшийся разум; гре|хов|ность — гре|ко́в|ность: в тьму Бога хов|ать-хо|р|он|ить; о|рех грецкий — Господь в сем гробу***)**, чей проросток в веках мрачный — **Анг|лия**, тьмы и|**з|ли**|я|нье: от Кельтов как Гал|лов дыра — вкруг Ноля га́л|о-нуль, не Служа́щая Двойка, что числит гал|л|о|нами ж|ид|кость **(**ведь Греки и Кельты в Тьме Божьей — одно: Пан-Дри|оп — К|ель|т-Dru|vid, Тьма**)**; Бри|т|ан|ия, лез|вие Зл|а **(***брит|ь — брат|ь — врат|ь: Зло есть Ложь, Отъем; Мать есть Дар, Истина***)**, корнь Света Старого **(**град главный чей — лон|о дон|ное Лон|дон**)**, масонства оплот, в коем Ан**х**, Любви крест, пав главой, стал Враждой, слуга (бру́та — санскр.) Бога — слугой Сатаны, жертвой (бритха) ему как лиш|енностью: Анг|лия — En|g|lish **(**en — не (греч.): Тьма-Бог как Отсутствие в Сем**)**. Ан|гл|ы — Un'Гл|ы, не-Глубь: Сатана вместо Бога, дух наглы|й; Бог, God англичан — Дьявол, Гад (так звучит «Бог» у них); речь английска мертва вне контекста, как Ум мертв без Сердца как Сути своей **(**и учить речи сей дитя наше, в родном языке не окрепшее — сердце калечить умом: Одно — Двойкою злой**)**. Ум сей — Англии корнь, давший ход демократии-*сатанократии* как н|рад|овластью без Сути, На|род|а, в Семнадцатом, смертном кро|вавом столетии **(**Восемь есть смерти число**)** рукой Кром|веля кром|кой топорной

отсекши главу кор|олю[49] (царю), главе народа **(**ведь Кром|вел|ь-вель|мож|а, муж-Рознь — Вол безматний, вель|ми злой**)**; безглавьем же этим — ход дал он прогрессу машин, куп|ность злая чья есть царь безглавый, **ма|ши|на Вражды**, Ши|вы рушащий перст **(**бог сей есть вы|ши|ба|ющий бренья столпы к славе Вечного**)**; полный же царь в мире сем — Человек богосущный, Ум Сердца, трон коего жаждет она. Злая часть, **Ум Ума** (им был Дар|вин ее), в мире Англия — стол Князя тьмы, Сатаны, на нем сущего тайно (главу королевску, отъяту, приставив на место обманно); стол тот же, где явно сел Князь, есть **часть части Амер|ика** (как Запад Запада, Англии), имя чье, в сути «а|мера» иль «атом», — есть **атом второй: не Любви, но Вражды** как **CA|ÚSA**, Причина безглава, забывша Себя, Корнь — Дух, Ка (явь сему — пирамида без верха как символ ее). С тем, и имя ведет беззаконно она не от первого мужа, открывшего ее **(***Кол|ум|б — Кол-Ум, иль Ум торящий: открыть — есть отрыть солнце Истины, Глуби Клад, Сердце — Уму; Хри|сто|фор (Христо|бал|ь — Ум, Клад сей от|ко|пав|ший) — Причины посол***)** — от второго, кто, чести сей чужд (Амер|иго Вес|пуч|чи), есть муж-иго: Дьявол, пуч|ина — не Высь.

298. Вот — земля сия мра́чна, Тьма-Рознь. Кали|фор|ния, сердце ее — Кали стул **(***г|у|б|ер|на|тор где ныне, Тьмой темн — Т|ер|мин|а|тор (грань (лат.), Тьма), арт|ист (Ма|с|ка — Тьма, Корнь искусств) Шв|ар|це|нег|гер: «шварц» — черный (нем.); «нег-гер» — Причины, Тьмы-Нет нег|а (Тьма — нега|тивна), отсюда — не|г|р***)**. Имя Америки, Штаты — гимн многому-общему, клей чей — Диавол: не-Бог, не-Единый; безбожное ж — бесчеловечно: Бог — Су́ть наша **(***рек о том Гоголь: «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и ломаного гроша не стоит»***)**. Муж, Жену-Мать сокрывший, Эллада Зевеса есть Сердце под маской Ума; Мать не зная, Америка — Ум пустой: маска без Сердца **(**где жены подобны мужам: Муж, Ум — суть их**)**, облатка без Глуби своей, по одежке встречающа и провожающа **(**ибо гласит поговорка земли этой: First impression is the last impression — Первое

впечатление есть последнее впечатление**)**. Утратой его был земле новой сей *водный путь*. Ибо первое племя Америки, кра́сно как семя Атлантов, по тверди как жизнь вошло с тверди их в землю сию: твердь есть жизнь (так Т|вер|дь наша — Бог-Мир, сущих Жизнь, корень вер|ы); второе же — смертию в|торг|лось в сю землю чрез воду: вода — сущих смерть, что в ней тонут, не зря Ноль; суд Тьмы — есть по|т|оп. С тем и было оно *племя смерти*: ро|й злых, кои б|ро|сили Ро|дину, матку их, Запад Востока, чтоб стать чистым Западом: Западом Запада как имманентностью-смертью, каков в себе т|ор|г — Зло тор|ящее, Яма как враг Пр|ям|изны. Смертью было деяние первое их, сих незваных гостей, перебивших хозяев; людей без печали о старой земле и без жалости к новой. Смерть, Бога гаш|ение — новой Америки суть, Света Нового, корнь чей и есть **Сатана, Новый Свет (**не-начальный, бог иллюминатов масонский; Свет древний — Господь**)**, и земли тор|г|аш|ей **(**t|ra|d|e, тор|гов|ля (англ.) — рад|ость Ко|зла, Сатаны: тра|гос — он**)**: суть реки есть исток. Рынок древний был Связь под Единством, живимая Им **(**с тем, торговли бог Греков — Гермес-Тот, Связной Сего с Тем**)**; новый — связь без Единства как Сути своей, **Мир без Бога**: Три без Единицы как Двойка пуста — Пана раб как тьма Тьмы (aa|panika — лавочник (санскр.)).

299. Мир — Второй за Творцом; и Бог, Первый — Второго важней как Пути — Цель, Творенья — Творец. Не то в рынке безбожном: в нем творчество — Два, не Одно: ведь творим — к потребленью, и взять при сем — больше, чем дать. Творец чистый — корысти лишен: **творить ему — Ид|ти, Ед|и|ня**; в сем и Пища его: не мирской хлеб — в|ино-Вакх, Глубь. Ею он сыт, а не хлебом одним. Он есть во|ин, по|беда кому — над бедой твердый шаг: над собой как не-Господом — к Богу как Я своему. **Для торговца ж победа — покупка**, единая с кражей вполне: не куплю — украду, чтоб владеть **(**посему не счесть в рынке воров: торговать, красть — одно, коль нет Бога при сем**)**. Рынок есть конь троянский: убийца, пред коим как другом все настежь врата. Век его, где живем мы — злой век падших душ, смрад конца. Рек поэт:

Какие времена! Барыг столпотворенье.
Ни чести, ни ума. Барыш — один закон.
Стремленье все продать — позорное стремленье,
Оно окружено презреньем испокон.

И в памяти веков средь светочей заветных
Их нет, кого Христос из храма гнал взашей.
Средь тех, кто род людской прославил, средь бессмертных
Я что-то не встречал бессмертных торгашей.

М|их|а|ил Камен|ецкий

О поре сей пророчится Древними:

Богатство и благочестие будут уменьшаться день за днём, пока весь мир не будет развращён… Лишь имущество будет давать положение: богатство будет единственным источником почитания и преданности; сладострастие – единственною связью между полами; ложь будет единственным средством успеха в тяжбе; женщины будут лишь предметом полового наслаждения… Внешний облик будет единственным отличием разных ступеней жизни; нечестность будет общим средством существования; слабость – причиною зависимости; угроза и самомнение заменят знание; щедрость будет называться благочестием; богач будет считаться чистым; обоюдное согласие заменит брак; тонкие одежды будут достоинством… сильнейший будет властвовать… народ, не будучи в состоянии выносить тяжести налогов (кхара-бхара), будет спасаться в долинах… Так, в Кали-юге разложение будет неукоснительно протекать, пока человеческая раса не приблизится к своему уничтожению (Пралайе).

Вишну-Пурана, пер. Уильсона. Кн. IV, гл. XXIV

300. Продавец благой тот, кто, чтя Господа в людях, душой не торгует; торгаш — тот, кто с прочим прода́л и ее, с ней — и совесть свою. Чрез века племя это — плод Зевса, от Трои идущий, где род, Клей чей Теос, сметен сб|родом был (А|гам|е|мн|о|н|ом, рать чья — гам-хам, мно|гость-Зло) как единое общим: Т|рой (града сего корнь — он) — роем безматне-пустым как безмирьем Мир. Ибо а|хе́й|цы (звал ими Гомер Греков всех) — суть не-Гея, не-Мать. Рой-то сей стал для Греции **внутренним, истинным варваром** (греч. **b|á|r|ba**|roi: б|ор|ьба, рознь), чужим: Сердцу — Ум-эгоист; и с тем **Греки Отца — стали вар|вар|ы все, чу́жды Грекам Тьмы-Матери. Зевсовых Греков поп|рек в тьме к народам — себя есть укор:**

Вар|вар-Сва, Птица-Жар Неба, С|ва|р, — Сердце горне пред Зевсом, Умом.

301. Так мудрый де|мос (не-Мать: Тьмы покров, с ней единый), народ, Силой бывший как Благом (Творцом: глас народа — Его), — без Жены, Головы **дей|мос** стал, уж|ас (греч.), Сила-Зло (Дей, Дий — Зевс, Ум-Дий|авол). Элладой рожденная, ма|с|ка, теа|тра суть (данного Паном, Ко|злом, песнью чьей есть тра|ге|д|ия), пристав к лицу, поглотила его: Бога, Тео|са — тьма. Так Афины, Ум Сердца, Афины как Матери-Тьмы, — от него, скрыв очам эту Суть, впали в Ум бессердечный, лишась тем Г|лав|ы: Ум без Сердца есть тело беглавое, труп. Так, из Пана в Элладе родясь (to pan — всё: в сути — Мир Божий), Дьявол (сат|ир — Сат|ан|ой обратясь: М|ир — безмирьем), объяв очи нам, трон воздвигнул свой в Англии, сев в него тайно; в Америке ж — явил себя как на троне Князь наш, господин наг|лый **(**«наг» (инд.) — змий, Тьма**)**. Само имя А|мер|ика, «Меры лишенная» — знак тому: Мера есть Бог, без Кого пусто всё как Диавола дом, царство-нуль.

302. Богосущна, Эллада есть Сердце под маскою. Бога утратив, Америка — маска без Сердца, покров, сущий ради себя. Вот путь Тьмы как Утраты своей. К Обретенью — да зрим: Ист|ок наш, Восток — И|ст|ина (East), лживым божья Стена; Запад, ложь — West|ь о ней. Так болезнь мудрецу — в здра|вье тычущий перст.

303. Народ, демос — суть Мир; толпа, деймос — безмирье. На|род, или н|рад, Род по сути (хор Рад|ости, Тьмы-Н|оля), — многость есть та, сути коей едины Нолем, Тьмой: **касанием Бога**, ведь Ноль — Длань Его; с тем, народны уста — уста Божьи. Толпа — сплочена **без касанья** Тьмой-Двоицей, прорвой как внешним Умом: Сатаной, толпы духом, уста коей — дьявольски с тем. «Когда сто человек стоят рядом, каждый теряет свой ум и приобретает какой-то другой», — Ницше рек. Сей «другой» **(**как «другие», M|a|n (лат.): не-Мать, Ма-ан, Двоица-Ложь, «все-никто», что «общественным м|не|ньем» зовем**)**, внешний мно́гих ум — Дьявол, крадущий *отдельный* ум наш, ум-Внутри, верный Сердцу как Глуби, Себе. Демос личностью крепок как Двойка — Единым: ведь в Господе личность — Одно; де|мос,

«меньшее Матери» — божия Двойка-Любовь: личность та ж, — но как Два, ей служа́щи как целому часть; деймос, ро|й злой — безбожность, Два-Ро|знь. Личность, божье Одно, в лоне первой себя не теряет, служа Богу в ней; в лапах мрачной второй — личность сгинуть рискует: безбожная Двойка — ничто, ад как ст|ад людских суть. Пушкин рек о них:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

304. Демократия, кою имеем сейчас мы как тайную власть Сатаны под личиной людской — деймо|кратия, ужаса власть. Дух ее, дух машинно-масонский — есть Князя злой дух, чей слуга — главорезки создатель масон Гийотен. Безголовых плодить — власти тру́д сей, глава коей Дьявол — глав сущих враг. Техника, коей развитью начало дала эта власть — царь безглавый, что мнит себя цельным владыкой: часть — Всем.

305. Деймократия крепнет, где, как злак под тернием, глохнет народ под толпою, иллюзьей его. Демос с деймосом, истина с ложью, в веках слиты в то, что зовем демократией мы, как сущ светом и тьмой человек. Оттого демократия в мире нова, оттого — и стара как он. Ведая это, Бердяев писал: «Демократия — не новое начало, и не впервые входит она в мир. Не впервые в нашу эпоху вопрос о демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он встает уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда ощущают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а про что-то более глубокое. Царство демократии не есть новая форма государственности, *это — особенный дух*» (курсив наш). Дух сей есть Сатана, демон Зла.

306. Наро́д — Сила: с Миром един, волен он и могуч. Чужд сего плоский мир технотронный, сей дом без Опоры: без Бога и Мира как Глуби людей. В мире сем плоть, пуста, не чтит Дух; Бог здесь — фантик златой[50]. Вял, мир сей тщетно алчет

взбодриться мечами искусственных битв; ожирев — тьмой точеных фигур в сериалах. Сие — знак *бессилия Жить*: знак конца, явный чтящему Жизнь, Божью Мощь.

307. Жизни полн — крепок Миром, Амерой. А|мера как атом Любви (в сути — Мир), богосущная — мера; как атом Вражды, есть амера безмерье. **Амерой Любви, миросущна, есть личность, тв|ор|ец**; Восток — край их. Безмирна, **амера Вражды — индивид, иль ум|елец**, край чей — Запад с Западом черным своим. Богосущная, личность — суб|ъект, Сила-Глубь; индивид — есть об|ъект: об|ол|очка, бессилье как Сила, остывша чрез выброс наружу — обо́л нищ|еты, смерть бол|ьных. Как лич|ин|а (ведь Бог — наша Суть, мы — покров Ее), личн|ость зрит Глу́бь, с тем — и Глубию, Богом, жива; индивид (неделимое — лат.), мня монадой себя, есть бессутний покров, Сатана как не-личность, чей дом есть имперсонализм. О том сказано:

…своей популярности на Западе имперсональная концепция в значительной степени обязана особенностям мировосприятия современного западного человека. Имперсональная концепция в индуизме получила широкое распространение сравнительно недавно, в VII в.н.э. благодаря Шанкарачарье (предположительный год рождения — 687-й). Об этом писал, в частности, Ауробиндо Г|х|о|ш: «Концепция безличного Абсолюта — поздняя интерпретация, обращенная к менталу, причем к менталу западного типа».

Индивид как не-личность — облатка без Сути: пол-целого, нуль; личность — целое: покров-и-Суть. Бог как личность — на Сути акцент; на облатке — антроп как не-Бог, индивид. Индивид меж животных есть особь — отдельное Богом, дух свой не неся; индивид человеков — отде́лен собой, иль свободен: дух — огнь автономный есть в нем; быть сознательным — личностью как *человеком вполне* — есть зрить в Боге огнь сей **(**посему индивид — человек бессознательный: Зло, не-Добро, ведь Со|знание — Благо-Господь**)**. Демон наш как отдельное, здравый наш смысл, рек Сократ, с Богом — ан|гел, в себе ж — сатана, common sense как смысл о́бщий наш: общее — рознь **(**посему «демон», зримый Сократом двояко — и благом, и злом, — порой новой, безбожной был вырожден (ополовинен Злом) в «чёрта», дух зла:

чертá — рознь**)**. Личность есть индивид; индивид не есть личность, в ней сущий как в полности часть. Личность — Тó в существе, ибо зрит Суть свою, зрить же — быть («Я есть То»); индивид, чужд Ее, есть **то**|**вар**, **человек как ничто**: То с|вар|ило его, как огнь мясо; и в рынке, товарном миру, индивиды *торгуют собой*. **Л**|ичность — **л**|ад иль согласье, как Мúр — Хор, Согласье, миров; индивид — ад: Мир без **Л**|юбви, Бога — ничто. Любви атом есть то, кое истинно и, с тем, прейти неспособно: единое — вечно; Вражды атом, сущим, иль цельным, себя мня, — на деле не-сущий, иль сущий-в-иллюзии: ведь рознь в деленьи не знает конца. Посему **личность — тот, кто Живет, индивид — тот, кто Жизни боится, как чужд ее труп**. Личность в сути — числó, корá, полная сутью своей: Единица — Нолем; индивид — ци|ф|ра **(**сиречь «пустышка» арабски: так трубка, пустая — siph|ōn (греч.)**)**, облатка без сути своей, ею мняща себя как число без Числа[51]: не лик — маска; и чúсл бог — Предвечный **(**ступая в плаще чи|сло|вом, Он Число|м есть и Словом как больший обоих**)**, а цúфер (сефúр — ивр.), мирской шел|ухи — Лю|цифéр. С тем, восточное общество есть **лиц единство**, а общество Запада есть **общность ма**|**сок** (спектакля — как Мо|эм сказал), жизнь какого — не жизнь, но театр, в жизнь игра: в Ноль — Двумя, в Суть — не-Сутью, подменою черной ее.

308. Бытию сопричастным нам в жизни сей бренной **(**Вражда оно, в себе нецельное; Небытие же — Единство, Любовь**)** оно — Э|то, а Небытие — То, Ино|е (муж чей — ин|о|к); с тем, Мир, С|п|лав их — Это-То, Богом цельный в себе. Миросущны, причастны обоим мы, Свету и Тьме, ибо Мир — оба сих; и живя, умираем всяк миг, сиречь есть **и** не-есть: умерев от Сего — оживаем-родимся к Т|**о**|**м**|у, кое **О**|**м**|ут нам, Сим **(**мут|ь — слепцам: му|т|ер — мать (нем.)**)**. Учил так Платон по **закону единства различья: Любви, предержащей Вражду (**любо|пре|ни|я — по Гераклиту; согласно Кузанскому же — coincidentia oppositorum, совпадение противоречий (лат.) — в Господе, Да без иного**)**, чей Автор Бог, Глубь, Един в Двух, *сокровéн-откровéн*, а знак — Сердце ♥ **(**с межхолмьем, душú сед|лов|ин|ой: ведь сердце — седло ее, конь — седоку**)**: Два, чей Корень Един как

Субстанция (Бытие) и Сила (Небытие), s|in|g-m|in|g (кит.), «сущность-жизнь», что лежит на дне моря как чистая Глубь; и единство различного — Бог, рознь же — Дьявол, не-Бог, бог-внизу, анти|под имманентный: рознь розни — «Я — Это», на деле ж — «Я — То» как Единство над рознью: Господь, Суть закона сего. Закон сей — закон Г|ра|ни, Единства-и-Розни: ведь Бог, Суть его, — Столп сих двух: граней Грань, Да без «нет» как Суть пары «да-нет» **(***так Христос — Бог, Да, и с тем — бого|человек, да-и-нет (правы ра́вно и моно-, и дуо|фи|з|ит|ы о Нем); так в укра́инском «хай» и «не|хай» — ра́вно «да будет», «пусть»***)**. Власть Единства над Рознью являет нам ярко трактовка противоположности Платоновым словарем как «наибольшего расхождения, какое *случается у однородных вещей* в связи с каким-либо видовым отличием» (курсив наш). Единство — столп ма|ги|и, большей причинности-Двух: следствий нет для нее, всё — Причина, в единстве с какой — власть над всем. Явь закона сего есть Христос: две природы, а Личность — одна, Бог-Сын **(**ибо, по определению IV Вселенского Собора, в Христе Бог един с человечьей природой «неслитно, нераздельно, неразлучно, неизменно»**)**; явь та же — призыв Христа к нам любить Бога, Одно, и людей (ближних), многость (Мат. 22:37-40); и ближних любить как себя: многое — как одно (в милосердья делах — Мат. 25:31-46).

309. Чтить нам Бога **иль** Мир — есть чтить сразу обоих: **и** Бога, **и** Мир, — в чем Единого лик; в рознь ж всяк — Сатана. Чтить Мир — есть ра́вно чтить половины его, Тьму **и** Свет. И — Со|**И**те|ль Бог, Суть лигатур. Рус. еть, е́т|ися (совокупляться) — лат. et, И; отсель — ам|пер|сан|д &. «Ет» — «еб», е…ля: яб|л|ок|о — еб|локо: Два́ знать — соитье вершить к славе Божьей Монады. Яб-Юм — божеств и будд соитие с женами их, Сердце-Ум; яб — слизь жен половая. Чтить И — Бога чтить, То и Это любя, равно быть **и** не-быть. Стагирит же сказал: «то **иль** это»: быть **или** не-быть, — Мир в умах подменив полу-Миром как частию, трупом: Жизнь — смертью, ничем по **закону Вражды (**мудр, Шек|с|пир, гр|ом умов (shak|e — трясти, spir|it — дух), **безответную** максиму эту вложил в уста Гамлета тайным решеньем *не*

*быть***)**. Так велел Сатана, чрез сего мужа давший нам **противоречья закон** сей, **закон исключенного третьего (principium exclusi tertii) — Бога**: ведь в Мире Он — Третий, Клей, что лишь один мир|ит Мир сам с собою, а нас, миросущных — и с ним (как с Собой, с Я своим: Мир — нам Суть), и друг с другом. Закон гласит сей: «Не может быть ничего посредине между двумя противоречащими [друг другу] суждениями, но об одном [субъекте] всякий отдельный предикат необходимо либо утверждать, либо отрицать». Дав его, подменил Аристотель **Единое общим** как Сердце — бессердным Умом, Полноту — пустотой, Меру-Бога — безмерьем людей, Сатаной: И, Клей М**И**Ра как Уз|ы-со|юз — бессоюзием «или» как Рознью, куском Одного **(**и|л|и = Ил, Ум + ли, ритуал (кит.) — Ум тот же без Сердца, Любви**)**, явь чья есть «Или|ад|а» как песнь о вражде, коя сущим есть ад. «И» есть Бог **(**исторически «и» — указание «он»: Бог, Цель всех**)**, «или» есть Сатана. Зрить чрез «или» Любовь (как зрил Фрейд, Сатана мирской) — зрить чрез слой злóй сей лишь лú|б|и|д|о в ней, пол-Любви, тягу плотску как ли|б|о-бед|у (бід|а — укр.): Двойки ли|к **(**bi — двух (лат.)**)**, механизм без п|ру|ж|ин|ы души: Ум-Муж, мертвый без Сердца-Жен|ы. Взгляд чрез «или» — Блаватской абсурд, что Луна, жизнь Земле дав, сама умерла, охладев иль **утратив причинность свою эманацией в следствие**: речь так — считать, что, родив, мать — не мать, перейдя в сына вся. Вот — закон Розни, б’red. Слýги Бэла софисты **(**дельцы-мудрецы, Мудрость сведшие в мер|зость мирского занятья: с небес — в прах, Огонь остудив сей**)** есть те, кто закон сей использовал тайно как меч Сатаны; Аристотель, облаток слуга **(**не напрасно Платоном коримый за страсть к одеяньям, перстням и прическам**)**, наружу его испустил на погибель нам: тайную смерть как очей запрет сделавши *явною, сущею*, — ибо лишь зримое есть зрящим нам. Платон — пел, Аристотель — ши|пел, ше|пел|явя: тьма — змей, что ши|пит, яда шип: в сути — Ши|ва, крушащий мир сей как Ва|ал. Бог-Единое, муж чей Платон, — Мера каждого, с тем — мера всех; Дьявол-общее, чей Стагúрит есть слуга, — мера всех, коей каждый членим как Про|кр|уст|овым ложем с костей хр|уст|ом смертным: из целого — в часть как

обрубок его. К посрамлению Зла, волей Неба закон свой, Свободы запрет, Аристотель назвал «законом *запрета* противоречья», не зря, ослеплен Сатаною: противоречие и запрет есть одно (*в чем он брат Анти|с|ф|е|н|у, о коем написано у Диогена Лаэртия: «Антисфен, говорят, собираясь однажды читать вслух написанное им, пригласил Платона послушать: тот спросил, о чем чтение, и Антисфен ответил: «О невозможности противоречия». «Как же ты сумел об этом написать?» — спросил Платон, давая понять, что Антисфен-то и противоречит сам себе...»*). Бог не есть запретитель: свободы Оплот, Он — Свобода сама, явь чья — Его закон. Бог есть чистое «Да» — и таков с Ним Платон; Сатана, не-Бог — чистое «Нет», с ним таков Аристотель. С тем, законы сии — ключ есть к жизни их авторов бренных. Платон, первый, жил по закону Единства, каким был Эллады дух древний (дом чей был Крит, Мать), — да мешал ему в том новый Г|рец|ии дух: Отчий, с тем — Стагиритов (*«рец» — «рез», рез|ня-Рознь: Зев|с-От|Е|ц, Матерь критску с|гл|от|нувший, оставив Быка от нее: Ум безматний как Зло, зол|у Тьмы*). Второй, Аристотель (за Господом — Князь), жил по Розни закону, из пары То-Это — избрав Это лишь, половину Всего как **путь свой без Платона — в ничто, нуль**. Муж общего (com|mun|is — лат.), Аристотель есть корнь ком|му|низ|ма, суть чья — Ум Ума, равн|ых рван|ый чертог, чей ван р|ван: ад, дом ко|рок без сутей своих, воро**х**-воро**г**, чей царь — **$**ат|ана, пере|чёр|кнута Истина-**S**at. Арис|тотеля тень — Кар|л Мар|к|с: ка́ра Ка|ра́|ны-Тьмы, Марс, Марсом-Арес|ом сим пробужденный во зло нам, очей мар|ь. Подняв Ум над Сердцем, мир сей — надо Всем, Аристотель на трон Божий взвел Сатану. Маркс отменою частной собственности на средства производства попрал богоданное право души на владение телом как средством творить (ибо собственник част|ный в сем мире, как части владелец — душа, царь над телом как частью своею), пустым его сделав — и место сие, душ́и трон, захватил Сатана, богом сделав сей стул, а владычицу-душу, сен|ь пло́ти — рабою, живущей в сен|ях. Так пал дух наш, плоть — стала царем. Пал|ач Кромвель,

измыслив «свободную совесть», деленьем топ|ор|ным измыслил *свободную плоть* (ведь дух наш — волен в Боге лишь), во́льну решать, с Богом быть иль одной, — хоть без Бога *решать нечем ей* (посему сло́ва «совесть» в английском — нет в чистом понятьи: Бог, Суть его — в прахе); Маркс, вновь разделив, дал свободу плоти́ как безбожье: отсутствие выбора, Дьявола полную власть.

310. Явь ее есть мирская наука: Служенья чужда, она Князя слуга. Власть сия — корень смерти ее. Ведь Князь тьмы, для чрез время Кратилово дело, привел его к важной черте. Кратил выставил Мир как Реку без Истока; Эйнштейн, шагнув дале за ним, явил Мир как цикличный поток, что, безглав, размывает себя, ибо течь ему некуда. Мысля о Мире, теорью его явил муж честный сей не *единым* трудом *Абсолютности*, коей есть Мир как Одно, — но, в согласии с Розни законом, как *общую* теорию *относительности: общее-дважды*, суть *розни квадрат: полность-цикл* (*квадрат — цикл, замыканье, числá. Единицы квадрат — Единица: Единый — Собой сущ; квадрат Десяти — полность Богом, С|то: Мир сущ Им*), иль **пустоту всю как есть**, — дабы Промыслом Божьим мы, зря ее сверху, узрели над ней Полноту, — **камень тьмы**, коим зрил Мир Эйнштейн, познав как **Огня Камень**, каким он и есть.

311. Вот Единство и рознь, вот законы их. Первый закон — У|тверждение как Суть: Твердь, Господь (*«а-», частица, что мним мы «нет» чистым, у древних есть* ***«нет» ради Да, неотдельна отдельность.*** *«А-» наше — «нет» формой и в сути; «а-» древних — «нет» как в сути Да. «А-» теперь — имманентность, «нет-нет», смерть как точка покойна; у древних она — трансцендентность «нет→Да», вектор в Жизнь*); второй — есть отрицание: Дьявол, не-Твердь. Закон первый Причину над следствием зрит, А — над Я, состоящим из А (состав следствья — причина): ведь Я — ЙА иль ‘А; с тем, последнее — Первого образ, не сущий в себе. Закон второй — напротив, Причину ничем мнит; с тем Я его — нуль без Ноля: от баранки дыра, эгоист без прозренья (речем о таких-то: ««я» — буква последня» — дол, дно). Раньше был лишь один

Закон Да, стало — два; был один союз И — стало два; и союз И старинный — Луна нам теперь, «или» ж — Солнце, новь злая, в очах Бел|изна, Бэл как Рознь в битых сих (бренья столп, что ша|т|ает Sat, Истина-Мать). Закон первый — причастности: часть в нем чтит целое[52]; закон второй — непричастности: часть не чтит целое в нем, таковым мня себя. Бога истинно чтить — чтить Единство и Многость, и прежде — Единство из них. **Утверждать Одного в ущерб Многости, Многость в ущерб Одному — атеизм как разъятый Закон мировой**. Чтим Закон сей Индийцами был и Славянами чрез **чтящий Множество (политеический) монотеизм: Бог с богами под Ним, Сердце-Ум**. Речено в Книге Велеса:

Аще боть іе блоудень інь іакове олещашеть бозе тоіа одіеліащеве освргы ізверзждень буде ізрды іако не ніеміахомъ бозіа развіе вышень і сврг і іноі соуте множествоі іако бг іе іединь и мнъжествень да сен не разділіащеть нікіе тоа множьства і не рещашеть якожде іміахомь богы многоа се бо свентыре аде до ноі і да боудіемь достіщеноі овіа,

или, в переводе Н. В. С|лат|ина:

А будь блудень какой, который будет перечислять богов тех, отделяя от Сварога, извержен будет из рода, потому как нет у нас Богов кроме Вышня. И Сварог и иные суть множество, потому как Бог един и множествен. Да не разделяет никто того множества и не речет, что имеем Богов много.

То же место в подаче иной звучит:

Есть заблуждающиеся, которые пересчитывают Богов, тем разделяя Сваргу (Высший мир). Но разве Вышень, Сварог и иные — суть множество? Ведь Бог и един и множествен. И пусть никто не разделяет того множества и не говорит, что мы имеем многих Богов.

Неразличны слова эти с Ведами, где говорится:

Дух Божий, витающий в Небе и называемый Индра, Митра, Варуна, Агни; мудрые дают Единому Существу многие имена, это — Агни, Яма, Матарисван.

Ригведа, I, VIII, 164

Орфей речет то ж:

Я открою перед тобой тайну миров, душу природы, сущность Бога. Прежде всего, узнай великую мистерию: единая Сущность господствует и в глубине небес, и в бездне земли... Бог един самобытный; Им одним все сотворено, во всем Он живет и никто из смертных не видит Его...

Такова вера П|**ра**|**щу**|р|ов наших с Влескнигою их, кои пишут: «Влескнигу сию посвятим Богу нашему. Ведь Он — прибежище и сила». **Христианство Отцово ж, Единый во лжи, не чтит Многость, а с тем — и Закон, Одно-Два. То — язычество Отчее как атеизм в чистоте своей: многость поправший — мног сам, в дым изрубленный Двойкой.** Таков Эх|на|т|он (*иг|о Нут, Луны, корнь эг|о|изма людей; эго|изм — эхо|изм: Мать душаща как Тень*), фараон-атеист, богов свергший в угоду Отцу — Солнца корке без Глуби его, Тьмы-Жены. О том сказано:

Начало монотеизму положил Эхнатон (Аменхотеп IV), египетский фараон 18-й династии, попытавшийся противостоять коррумпированной иерархии алчных жрецов. С этой целью он провёл революционную для своего времени религиозную реформу, учредив государственный культ единого бога — Атона. Тем самым он совершил основополагающую ошибку монотеистических религий. Он не воздал должного женскому началу в божественном. Новорождённый монотеизм оказался несбалансированной мужской религией. Если бы Эхнатон пошёл на шаг дальше и признал, что «единое божество» его религии либо сочетает в себе оба пола, проявленные в равной мере, либо не связано с идеей пола вообще, в дальнейшем можно было бы избежать многих несчастий. На основе этой искажённой концепции монотеизма впоследствии сформировались иудаизм, христианство и ислам, причём последние две зародились как ереси в рамках иудаистской традиции, которая при посредстве Моисея развилась из культа Атона. Положив начало монотеизму, Эхнатон совершил одну из самых роковых ошибок в истории человеческой мысли — попытку вытеснить из Природы женский принцип. Так возник раскол между женской и мужской половинами человеческой сущности. Каждый из нас отчасти мужчина, а отчасти — женщина; то же справедливо и по отношению к богам, даже к таким, как Один или Тор. Сам Эхнатон, по-видимому, страдал от психологических комплексов, связанных с извращённым восприятием женской сексуальности. Он послужил прототипом небезызвестного персонажа греческих мифов — царя Эдипа, в образе которого, в свою очередь, почерпнул вдохновение небезызвестный отец психоанализа.

Ф|ре|й|я Асвинн

Русь крестив, так Владимир, в угоду Отцу свергнув Божию Многость, — был с тем атеист, отлучивший от Господа Русь, Ум без Сердца оставив: без Влаги — сосуд как мужей без Жены (посему книги Влеса последни слова — о крещеньи Руси: опустения миг; опустеть — опустить, к Дну свести**)**. Кирилл, киллер-Ум, аз|бук|ой *рубленой* **(**«аз-бук» — в «бук» или «аз»: слоги — в буквы, куски; так рубимо Богатство, Дух-Камень — в руб|ли**)** дал канал эгоизму Эллинов, низведшему этот горшок в Ум Ума, Сердца гроб. В сем корнь ада как Двойки в сердцах, кою пеклом зовем мы как солнце очей своих, Дьявола-Рознь. Солнцем Бога зря, чтили Славяне Его, **пеклом звав Рай, Подсолнечно царство**, — власть Двоицы, ада, не знав. Закон Розни есть властие части над Целым, пустое как Ум, Се́рдца чуждый; Единства закон святой — Целого власть, Мира, в сути ж — Единого, Бога, Кем сущ он. Мудр Тьмою, Сократ, что, безвинный, свободе своей предпочел смерть по воле Афин, в воле этой зрил Мир, царство Бога (Эллады суть; с тем — верный ей гражданин) и закон сей, над волей царящий любой как над рознью Единый. Закон Его — Духа закон, что во всем зрит Его и в Него все влечет как в Реальность: ведь Дух — Бог, Кем сущ-полон Мир. Закон розни — материи бренной закон как хранитель иллюзии сей, коя тем лишь жива, что себя отграждает от Духа: склониться пред Ним ей — прейти есть в Него (так причину свою зря в воде, тает лед). С тем, поскольку и Вечность, и бренье — е́сть **(**иллюзья Мира — реальность вторая: не-Я, ма|й|я (санскр.)**)**, верны оба закона, притом первый — старше, включая второй как свой внутренний плод: суть — облатку, причина — последствие. Закон Единства есть соль диалектики: делит он лишь Неделимого ради, ступая за Ним и разъемля в очах то, *что́* Им уж разъято, и *та́м*, где разъято, — чтоб Замысл творящий постичь нам. Закон розни есть антипод диалектики: делит он ради деленья; труд Божий безбожным своим подменив, Мир в очах крошит он в порошок. Двоицу допуская, закон первый зрит в ней Единство как Суть, а второй — половиною Двух как монады: обломком, куском, меньшим их и последственным, с тем — и неважным: ведь только причина важна, дабы знать.

312. Рознь как Это под властью Единства, Того бренным нам, — Мира суть. Такова пара|лл|ель|ность: мнясь рознью Евклидом, бессердным умом, — она в сути есть Сердце, Одно. То трудом *параллельным* своим рек Плутарх, зря Единого в ней.

313. Закон первый — царь над вторым, как царит «И» над «или». Посему в буддийском коане **(**ko**h**an — «созерцанье» как *виденье*, зренье очами Ко|хан|ня, Любви; с тем, коан — «Огнь очей», «Бог как притча»**)** на вопрос монаха великому дз|е|н|скому наставнику Дз|е|сю Дз|ю|син|у «Обладает *или* нет собака природой Будды?» рек тот по-коровьему му|дро: «Му!» — Тьмою, Любовью на тьму, ложь, что ждет не ответа, но эха, лжи: Истина для лжи — нежданное в мире сем, Бог вместо Дьявола, Ума, твердящего: есть только я, Бога — нет! Бога, Жизнь знал Кант мудрый, в труде своем «Опыт введения в философию отрицательных величин» показав, что логическая (Аристотелева) противоположность, свершась, губит жизнь, в часть сведя полность сю, в половину — Одно (так убит А|вель Ка|ин|ом: часть — частью, свергшей Одно́ тем), ре|аль|на ж — ее утверждает, губя рознью рознь. Так Вражда в мире сем не себя ради есть — Любви ради, готовя ее торжество.

314. **Разделять не умеющий — отождествляет, смешение сутей творя**. Таков Локи, бог-маска: не зря грань меж ложью и истиной, смесь их творит, недо-Мир, он: дегть-мед, камень Зла. Таков Аристотель: винивший Платона в лжи розни идей и вещей, не зрил грани меж Этим и Тем он — Души Мировой, кою *видел* Платон — и с тем все у него было Этим лишь: Мир — полу-Мирьем, Умом злым; из двух Единиц как Одной в существе у Платона — он Двоицу со́здал (верней, *сконструировал*, Жизни чужд): ложного Бога в подмену Ее.

315. Разделенья наукой владеет лишь тот, в ком г|ла|г|о|л|ит Единый. Недружный же с Ним — не владея ей, делит в очах неделимое и единит несплотимое, и, сущ во лжи посему, — всех, кто верно спрягает и делит, клеймит за грех свой. Таков есть Стагирит. Упрекая иных то в отождествлении неотождествимого (как порицал

Гераклита он), то в разделеньи единого (руган Платон за сие как деленьем умноживший Мир, ложь родив), тем он кажет незнание Бога, уменьем-то Чьим есть умение наше делить и спрягать.

316. В непонимании патриархальными Греками метафизической Свободы, Жены, а посему интеллектуализме их, Бердяев зрил корнь Аристотелева рационализма. То — так: Муж надменный, собою надут — чужд Жены. И, поистине, *в корне неверно*, признав истинность первого из двух представленных выше законов и ложность второго, отбросить (вот жест Стагирита!) второй сей: ведь в Вечном едина Ложь с Истиной, невежество с веденьем слиты как страны Единого-Мира. Зря крайности в нем, Дух-Одно и Материю-Двоицу, закон единства различия *видит* как сущие ра́вно их, — но не на них, а на Мире, Едином он взор зиждет наш (с тем, Одно, предстоя Двойке в нем, в двуразрядном числе есть Двенадцать как *ви́денья* суть). Поступая противно, закон Стагирита рознь ставит главою всему — и Мир гибнет в очах безопорных (число коим Два — без иного), со всем, что есть в нем, став одною petitio principii, логическою ошибкой. Ее-то имеем теперь мы! Поставивший «или» над «И», Богом, Кто, меж двух Третий, исторгнут был тем; разделивший Одно, половину отбросив — *целящую часть*, — Стагирит совершил службу злую, свершив перевод на двоичный сей лад мыслей шедших пред ним — и, разъяты, мертвы они нам. Но мудр Бог! Сын врача, научавший членить по живому (*во лжи́ разделять: вра|ч тут — вра|г, вра|к мастак, в|р|ун*[53], *крушащий Мир, Uno-Р|ун|о, кое мы ища, есть ар|го|навты*), не Мир и не Мудрых — себя лишь разъял он. Поистине, в истории философии нет ни одного столь *недружного с самим собою* философа, как Аристотель: Единство сокрывший, умом этот муж был двойной как само заблуждение. С тем, изо всех ученик его первый, *делами великий* (Причина, Тьма — Дело) — муж-меч Александр; лишь его воспитав, Стагирит учил прочих, создавши Лик|ей под ученье свое, кое он до того не имел, излагая Платона.

317. Но вечно учитель сей и ученик — вместе, Бога взыскуя! Ведь смертные ищут двояко Его. Одни Бога как Бога взыскуют, другие же — как Сатану. Ищут эти и те: Бог и Дьявол — одно, как одно огнь и тень. Платон знал первый путь; не познав путь сей (Се́рдца язык чужд пустому Уму), шел вторым Стагирит. В их единстве Платон — Стагирит, Сердца полный: Безумия — Ум; Аристотель — без Сердца Платон: Ум в себе, пустой[54].

*

318. Мир есть Огонь, воспаленный Творцом: **Огнь-Любовь**, — ведь, Любовью творим, коей есть Господь, ею и есть Мир, един в Любви с Ним: **Любовь есть Царь и Царство, Бог с Миром Его, Го|Lov|а-Глубь, едина для всех (**Amor omnibus idem — любовь у всех одна и та же (лат.)**)** как Всё в них, с коим Всё они, сами ж — ничто, от Ноля нуль, дыра **(**«Без Любви — всё ничто», — рек Андрей Первозванный**)**. С тем, Люб|овь есть и Х|ляб|и Небесны **(**чьей Влагой, х|леб|ая, Живем**)**, и мир сей, тьма: Но|ль с Двойкою ту|с|к|ло|й в сем Ло|не. Г|рад Солнца, дитя Кам|пан|ел|лы — г|ра|д Камы, Огня сего град: Век Златой (Кри|т — чей остров, град в море). Лю|бовь есть Love|ц сущих, с|лов Сила и Суть (Sat); она — Солнце всех, душ Огнь, лик чей — очьми зримое солнце[55] **(***на кое молился эллин миросущный: Эллады число — Три, суть Мир, Солнце чье для Эллады сияло, а Риму — потухло, зияя дырой. RO|MA, РИМ есть навыворот МИР-А|MOR: тьма — не Огонь; смерть, mor|s (лат.) — не Бессмертье-Любовь; затворитель Очей: Сердца — Ум-эгоист***)**. Любовь — Тьма, Сила Бога: Любовью силен Он; Любовь — Ку|п|ель наша, где пел|и отцы и по|ем мы **(***п|еть — е|с|ть: Тьма — Е|Да Божья; п|еть — еть, е…ать: соч|ет|аться полам («е́ба» — Ева, Тьма); водой крестивший — Любовью Пред|теч|а кр|est|ил***)**; Воды вечной сей лик — Куп|и|д|он. Любовь — Песнь, Дело де́л всех: куп|аемых в нем — не ку|п|ить. Муж Воды **(***кого главны победы — у рек (грань — река, что героя в Иное возносит; Победа побед всех — из Мира, Реки, в Бога вход), цель — река Океан, край земли***)**, полн был им Александр: ибо п|ел|а земля его,

Пел|ла **(**корнь коей — Ахилла отец Пе|л|ей, Пел-Лей**)**, поет и теперь г|ла|сом д|ел|а его. Пел лев сей (так Пе|л|е|в|ин — Тьмы песнь) — и поет: Любовь — вечна, как вечна душа, огнь ее. Любовь есть Апол|лон, Феб з|лат|ой, Вакхом полный как Богом — Мир **(**Ф|е|рт, имя Ф — явь тому: Ф|е|б-Эрот**)**; с ним — и лав|р его *вечнозеленый*, г|ерo|ев венец: Э|ро|т, вожак их, с Фебом един, — кома|ндир Кама, Фаллос, тор|чащий как Тьма **(**финикийск. kama|r — тёмный; ивр. יתמק — кам|ти, «я встал»**)**, цветок чей лунный — ло|то|с, ka|ma|la (санскр.): бог Любви ма́л как Мир в нас, То. Любовь — Божество (к|а|ми — яп.); друг — am|i|go (исп.), ami|cus (лат.): с н|ами связанный иго|м Коровы (go — санскр.); глас Любви — конский глас «и|го-го!»: Мир, Любви Шар — Корова-и-Конь. Любви цвет (со зеленым, любовным, единый) — ли|л|ов|ый: в нем с|пек|тр|а концы, ф|ио|летовый с красным — одно, из Семерки разъятой творя Семь-Цикл, Жизнь, Ж|ар наш **(**спек|а — жара́ (укр.)**)**. Любовь — Лав|а-Ма|г|ма: Суть мага **(**санскр. маха — великий Любовью**)**, безумство, где п|лав|аем мы и, маха|я, л|ети|м на крылах Ма|хи сей, обнаженной как Истина, Мать (ведь Тьма — Воз|Дух-Во|Да); полн любви, всякий — лев. Любовь есть Че|LOVE|к; Лю|бовь — Лю|ди (ди — Два, сущемногость); **S**'лав|яне — любовный народ, речью слитый с **S**un|**S**|кри|том, чье Солнце — Любовь. Любовь — о|лов|о; стойкий солдат из него — Тьмой, Любовью прям-тверд, песнь чью льет с|о|лов|ей: ведь Тьма — Уд. Любовь есть по|цел|уй, что нам цел|ь|ность да|ру́т: Любовь — К|лей; це|лов|ать — еди|нить (тем спасла сердце Ка|я morós'ное Her|Da, Причина-Любовь). Любви-Мира Корнь — Бог. Он — Податель Любви[56], ее больший: Любовью — Любви, — ведь творенья состав есть творец. С тем, Люб|овь Они оба: Бог-Мир, Пара-Г|луб|ь; и **Бог есть Бог-Любовь, Закон-Я, LOW-LO|V|E, что с VE'рой един, а Мир есть Любовь Божья**, кора (луб) Творца, сущих К|луб (Хор), Любовь от Любви, приложённая к Ней Ею, Богом. Сущ в сем очаге как Любовь во Любви, в Глуби Глубь, Бог — в Законе Закон. Лю|б|ить — лу́б бить: Мир дра|ть ради Бога, Я|дра (бит|ва с дра|кой — одно); вопрос «Камо грядеши?», «Куда идешь?» — ответ себя самого: Миром Божьим, Любовию — в Бога, Любовь **(**и «к|у|д|а?» — «к Уду-Да», «ко Да»: Господу, Мира

Венцу (co|da — концовка (ит.)), Уду-Вульве Себя Самого**)**. Тройка Вера-Надежда-Любовь — суть едина Любовь, Тройка-Мир: ведь Мир — Три. Мир, Ка|пелла господня (ведь он — Хор) — любовь от Любви коя Бог; Бог — Любовь во любви, Суть в облатке своей, коя Мир. Явь сему — алфа|вит: Л и М в нем соседи, в чем лик и единства Любви с Миром, и ее властия им, как царит Миром Бог. Дабы Он в нас царил, до́лжно прежде иных, в сущей многости их, возлюбить нам Себя как Одно, Глубь — и Глубию, Богом-Собой мы возлюбим как Глубь мир премногий, как любит Он царство свое. Рек же Ни|ц|ше: «Любите и ближних своих, как самих себя, — но прежде станьте теми, кто любит самого себя, — любит великой любовью, любит великим презрением!». Ибо Любовь — и любви, и вражды Суть. Любовь есть Свобода; единые с Богом в Любви, мы в деяньях вольны как Он. «Люби — и делай что хочешь», — сказал Августин. Ведь **любить — есть служить**, рад — рад|еющий: полный заботы, служа **(***«Ты свободен днем, под солнцем, и ты свободен ночью, под звездами. Ты свободен, когда нет ни солнца, ни луны, ни звезд. Ты свободен, даже когда закроешь глаза на все сущее. Но ты раб любимого тобою, потому что ты любишь его. И ты раб любящего тебя, потому что он тебя любит» (Д.Х. Джебран). Раб Любви — тот, кто знает Любовь, посему правя миром: Любовь — царь всему (рабов-слуг женщин римских — «рабами» не звали обычно: Любовь — Жена), раб ее — лев, Силы полн сей: покорный — царит (как в искусстве Руб|лев с своей «Троицей»); раб же Вражды (им есть раб в смысле низком: Вражда — Дол) — невежда, чья участь одна: под пятой быть; царить-править — знать чрез Любовь, зря очами ее (рек Сократ). Слуга есть гипостазис любовный владыки: Два, чтящие Ноль, с тем — Ноль сам; Ноль не чтя как Суть, Два есть раб злобный, слуга без Любви***)**; слуга ж истинный тот, кто готов умереть за алмаз его сердца как истинный воин любви: жизнь утратить — в очах бренных; в вечных — сберечь ее **(***«Воинская доблесть проявляется больше в том, что, чтобы умереть за хозяина, нежели в том, чтобы победить*

*врага» (Ямамото Цунэтомо)***)**. Свобода с Служеньем нам — Два, очей трещина наших; в очах благозрящих — Монада они, Од|но-Но|ль. Как Служенье, Свобода-Любовь — стих, лат. versus, возвратность как цикл **(**ци|кл — кл|ич в сути: ци|кл|ич|ный — крепимый, как Зовом, Творцом**)**; без Служенья свобода, ход вдаль — бесконечность дурна: ход в ничто и ничто самоé. **Всяк из нас — слуга Бога, со знаньем сего или без; служить истинно — ведать Служенье. Склониться пред Богом, Добром — не сгибаться, как А|гне|ц, пред злом**. Бог и верный Ему — оба служат любовью своей: человек — Богу, Бог — человеку, едины в Любви, с тем — их нет друг без друга. Друг другу служить — есть друг другом и править: в покорности — власть; со-правленье сие есть ко|хан|ня — Любовь, суть Со|крат|а, со|власт|ного с Миром **(**«со» = «ко»; kratoz — власть (греч.) = han (санскр.)**)**, любя его в любимости им; посему Сократ — «любящий». Река, где жил Будды род на брегах, есть Ko|han|а: Любовь-Сердце, брег чей — Ум. За Богом второй, Служа — демон, звено между нами и Им: Благо то ж, что и Он; не Служа — дьявол, рознь между нами и Им как дух Зла, анти-Бог **(**им, Враждой, стал в историьи Эрот, Любовь-демон**)**. Служением замкнут Мир в цикл: замкнут Богом, Служеньем-Любовью, — ведь Он Мира Суть; и с|луг|а первый Бога — Мир, Плод Его, Луг Божьих душ, сущий Господа ради **(***«луг» — «лаг»: с|луг|и — ласковы, ла|г|ідні (укр.), в чем до|сто|ин|ство, гідні|сть (укр.) их***)**: ведь ди|тяти — родителю до́лжно служити как Двум — Одному **(**di — двух; тя|тя — отец (стар.), тя|желый Творцом, Два пред Единым сим**)**. Бог и Мир — оба слуги: Бог — Мира, Мир — Бога как Глуби друг друга: Глубь тот, кому служим любя. Долг в Служеньи с свободой одно: оба — д|х|ар|ма, закон-добродетель, д|а|р тем, кому служим мы. Служа — покорством царим: ов|ца — ца|рь; чел|овечность — овечность. Слу|жень|е есть суть человечности Жень, Женé верность как Глуби: по|кор|ные, служим мы Матери, Бога Корé, с Ним единой. Служа́щий — A|svin, «нераздельный с Свин|ьею», Богатством **(**Sv|in — Св|ет-In: Тьма, Глубь-Огнь**)**: **кто Служит, тот Глубью бог|ат**. **Жить — С|лу|жить**: жить с Лю|бовью и в Ней: Боге, С|лу|ч|ае (**e**|**v**|en|t — англ.), чае|мом

нами как Луч (быть обласканным — «в случае» быть: Милость — Бог); S|ev|en, Семь, число Жизни — Служенья число: sev — служить, почитать (санскр.), как служит земле па|х|ар|ь-сев, семена ради Лона. Служить — есть ведóмым быть, а нет — влачимым. Влачимый — слеп: спорит с Творцом лишь незрячий. Ведóмый же *видящ*, един с Ним и Миром Его[57]. Посему слепота — с Богом рознь; *виденье* — с Ним единство: глава к Голове вечной сей, очи — в Очи благие Его. Зрить так — Истину знать, коя Он. Ум бессердный, слепой, лишь глаголит о ней (сиречь мéлет — как Рознь), Сердце — служит ей так, как служил ей Сократ, муж его.

319. Служит истинно — любящий лишь; Любовь есть смерти мать и сестра: Тьма над тьмой и со тьмою. Служáщим с любовью награда есть смерть средь служенья — звено в То, где дело продолжится ихне: в Любви То и Это — одно, Мир живой.

320. Любовь есть Бог и Мир, Любовь есть и Познанье их; смертные, мы познаём в мере той, в коей любим. Любовь — философии корнь, тяги к этому Солнцу. Эрот — суть Сократа (*демон|ий его: Эрот — де|мон, посредник меж Этим и Тем; с ним един Г|ер|мес-Тот, Дух святой христиан*); само имя Со|крат, «со-владыка», — Эрот, мирам Божьим совластный как Сердце умам, без кого все мертво. Так Зевес любострастный — ничто без Эрота, а с ним род его; так кружа вкруг Сократа идеей вкруг Жизни, вкруг Сердца Умом, Платон жаждал Эрота, кто был Пир его. В Паре Бог-Мир Сократ — Бог, Платон — Мир, и оба — Любовь; утерявши, как Бога, Сократа, Платон стал любовь без Любви: Мир в себе, нуль.

321. Любовь — М|ос|т, миры единящий, а прежде того — Высь и Дол: Сердцем — Сердце и Ум; и путь вниз, он Христос, в мир сошедший сей: в рознь — для Единства; путь Ввысь — он Сократ: путь от розни в Одно. С тем, Христос и Сократ мудрый — оба Эрот, бог, со смертью единый как Двое сии. Сердцам сильным цемент, слабым — он ки|слота, гибель их: ero|de (англ.) — разъедать.

322. Любовь — Меч и Щит наш. Полный ею — герой, страха больший как тот, кто здоров; ущемленный в Любви — трус (санскр. трáс|а); и трусость — единственный в сущем порок (с тем — тягчайший, рек Сын в книге Темной): бол|езнь, чей итог,

коль Любовь не спасет — смерть, изнанка Любви. Герой есть слуга Глуби: Любви, Сути нашей; облатка, Вражда как не-Суть — не владыка ему. Герой есть монолит, сиречь к|ам|ен|ь Любви как Мир в сути (*ведь Кам|а — Любви бог; кам|лат|ь — Любовь звать, прося Силу сию снизойти как Мир, Лат|ы Господни, в нас: Целое — в часть; Господь — «ámen», что рáвно и «Истина» есть, и «Любовь» (как безумье: Aman|tes — amen|tes — «Влюбленные — безумные» (лат.); муж камланья ш|аман есть безумец Любви, каков с ним Ш|ива-бог; верный Истине в мире сем умном — безумец)*); трус — тот, кто, единства лишен в себе, тру́с|ится, мыслью о бое сражен: ведь без боя — раз|бит, страшась смерти, чей враг он, всегда одолен: смерть — Тьма, Сила. Герой не страшится ее, ей союзно ступающий в То: смерть как грань — и врата есть в него, и само́ То. Разъятый, раз|мол|отый смертью, трус, Мира лишен как имущий куски лишь его (ибо Мир — Это-То, смертью цел), не имеет Отчизны; Отчизна героя — Мир, Суть сущих всех, не таимая с|мел|ым очам. Речено о герое:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей Земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков…

Сер|гей Ор|лов

Трус — суть Муж, что в лишеньи Жены Силой этой страшим; герой — Сила, Жена, коей пр|ям он, над смертью царя: Ж|ена — Ж|из|нь, И|нь-Ин|ое. Трус — Зевс, что, пожрав в очах смертных Тьму-Мать, влез со страху на гору и дал смертным град со стеной крепостной — ликом *смертного* страха: пред Жизнью — ума, ее тени как Двоицы-Зла, войны вечной[58]. Г|рад|*ы* ж Матерински не ведали стен и нужды го|род|ить: град был Род как стена сам себя, — ибо Мать на равнине жила и *была* сей Равн|ин|ою (*ров|ный (от «ров» — Тьма, щелéй Щель) — ко|ровный: Корова — Тьма-Мать, Корá Божья, чей праздник — По|кро́в нам; с|нег, п|лат сей — суть Нег|а, Мать эта*) как Гея, Земля, сущих Т|ве|р|д|ь-Мощь,

E|n|er|**gei**|а нас, землеродных как *равн|ых в Любви,* коей рд|еют ла|н|и|т|ы (лан — поле, равнина) и коей Ат|ланты полны: Любовь — Мать, Нит|ь всех сущих в эпохе Ари|йской как нить Ари|ад|ны в ад|у, безлюбовной поре этой **(***Матери лик в ней есть Сп|ар|т|а, бесстенна земля Тьмы, Искусства (Ars), с М|арс|ом дружна без лакейства ему: с тьмою — Тьма; демон Лак|е|демóна — Эро|т-бог, г|еро|ев вожак***)**. Трус — тряс|ун, сын т|ряс|ины Ко|Зла, духа гущи телесной: ряс|нúй — густой (укр.); слово труса — «спасенье» как **бегство от мира сего**, в коем властвует Меч без Меч|ты: жизнь без Бога как чистая смерть. Вожаком трусов Отчий кан|он мнит Христа как С|пас|ителя, пас|т|ыря толп. Ложь сие: Сын Жены, не таков Он! Бог — пастырь не многости, с|коп|ища Розни. Пас|тись — пас|овать, в сéн|и внешней руки **позабыв Себя; Бог же — Я наше**: Столп тот, без Кого паст|а мы, а не Твердь. Пастырь-Глубь, Он, Единый, пасет одного; пас|тыр|ь внешний, что многих пасет, есть душ вор: тыр|ить — крас|ть **(**вор из сих — монас|тыр|ь, дом сбежавших от Жизни: Ум-Мáнас кичливый, кусок, скрывший Полность сию**)**, крас|ный — цвет Сатаны как облатка, не-Глубь, куда он нас влечет. Пас|тырь внешний — пус|тырь; па|сет — Сет, Дьявол-Зло: сет|ь — Свободу взыскующим, пас|т|ка (ловушка — укр.) их; суть па|сен|ия, как о|пас|ения, пасть|бы наружной, есть многость: Диавол, влекущий пасть в пáсть свою: Козел — ко Злу; Бог же вечный, Един, не спасаться велит нам из бренья, как крысы с челна, но, живимым из Глуби, геройски **бороться Любовию** в нем — за него, дабы стал он Любовь: из руин, пустоты — Полнота. Тело — телос, цель (греч.) нас как сутей ис|кон|но духовных (Я — То, Дух): достичь ее — есть об|рат|ить тело в Дух, Корнь его: рознь, облатку — в Любовь, Глубь. **Спаситель для Запада есть внешний бог, Сатана, бог-покров, фанатизма корнь, милость чья, внешняя — Суд, Злом пустой; для Востока — Бог, Глубь-Я, всяк в Коем, Добром этим полный — Спаситель Себя**[59].

323. Ибо мир сей — достоин Любви: он суть царствие Божье. Но в дольних очах он отпал от Творца, когда Мать, Длань Его, была съедена Мужем. Огонь Кр|асоты,

по|кр|ывала Творца, с Ним един порой Женской, угас, восстав в час Ренессанса как чуждая Сути облатка: Диавол — не Бог. Порой сей Князь схватил человеков[60]; порой Просвещенья — пронзил: «просвещать» — есть навылет светить, протыкать. Так своим копием нас проткнул, испустив Дух наш — Господа, Глубь — Сатана, влезши вместо Него; царство-Личность, Народ как лик Бога — не маска Его, пало в прах королевской отъятой главою, распавшись на тьму индивидов, сих масок без Сути, душа коих злая, сойдя до конца, омертвела в плоде их, машине, стяжавшей трон бренья как суть его, смерть. Ей-то певший хвалу волей Князя, Декарт, тело мысля машиной, отъял от души его тем — и оно без нее стало камнем; Вол|ь|тер, тьмы посол, Мир сравняв с механизмом часов, в омертвении сем, *просветитель*, пал к Дну самому́, не плоть нашу — **Мир, Камень текучий До|бра**, обратив в чистый труп, **камень Зла**.

324. Жить — есть *видеть*. С тем, Мир, Пир (эллин. огнь) очей — вожделен для них. Сей *созерцания страсти* лик — наша боязнь не узреть и с ней страх пред незримым. Касательно сего в «Кратиле» Сократ, проясняя суть имени бога посмертного царства, речет: «Имя… Плутона пошло от богатства, так как богатство приходит из-под земли. Что же до его имени Аид, то многие, я думаю, подозревают, что этим именем обозначается «невидимое», причем люди, *опасаясь такого имени*, зовут его Плутоном» (курсив наш), — сиречь не зовут его прямо (делением первым от Сути, единым с ней), но указуют (деленьем вторым, в розни с ней *безопасным*): «Плут|он» (от эллинского plútos — богатство) — по сути «обманщик, **хит**|рец», плут как тот, кто таится: **богатым быть — есть ведать Тайну и домом иметь ее. Т|айн|а, Бог|атство — Глубь наша, Бог-Мир, Дом всех сущих: Лад-К|л|ад, крепкий Кл|еем, Творцом**. Плутон — Глу́би бог, с тем — и Платон|а, кто ведал сей Дом. Эпикур, Се́рдца муж, рекший: «Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно» **(***по О|в|и|д|ию* **(***ovo — Причина-Я|йцо; «вид» — суть ви́|д|ень|е, дей|ствия (дія — укр.) суть***)** *— «хорошо утаился»***)**, — рек о Доме сем, Тайнике, где храним мы Себя. «Кошель», денег с|у|ма́, его кажет безмолвьем как

хода Вершину: КО (…) ШЕЛ|ь. В мире бренном богатство — с вин|ою пред Богом едино как Дьявол, не-Бог; с тем, его лик — С|в|***ин***|***ь***|я, мать ко|п|ил|ок, пятак коей (Пять есть **V**'ictor'ьи эфирно число) — Два в овале Ноля; «хрю», глас — Хри, Хари-Тьма (свиновиден Хру|щев, муж Причины: дверь в Космос, Тьмы Дом); «цвин|тар» — клад|бище (укр.), «ц|*в*|*ей*» — Два (нем.): Тьма — Второе как Глубь, Суть могил, в сердцах вею|ща. Тьмою к|лей|мен, свине|ц — смерти металл: пуль разящих и башен, где в хлад замерзали, сгорали в жару.

325. Мир есть Божья Любовь и Жизнь Божья: ведь Жизнь и Любовь самоé — Бог. Жизнь — качеств превыше, второго не зная себе*:* Жизнь есть Жизнь, Суть; жизнь, коею есть мы по форме своей, есть **Антро́пное качество** оной, страна рядовая ее, маска Мира меж разных иных. Ибо Целое — Суть, часть же — маска его: полу-Суть, гипостазис Причины как Два пред Одним. Мир есть Десять; Антропность, с тем, — Пять, полу-Мир как **Деянность**: ведь Мир созидаем в себе мы как Х|ра|м из камней, пол|овин Пол|ноту, и рукú к тому — две, половин Длани-Тьмы, в каждой — Пять. И как Мир есть единой законной корпускулой Мира: **Монадой Себя, Полнотой**, — так в **Антропности, Мире-Антропе (**кем есть П|раджа|па|ти-Пур|уша индийский, И|мир-скандинав**)**, есть частицей, законной едино, Антро́п. С тем, Антропность есть кач|ест|во Жизни, присуще в очах нам с иными, кто в Мире согласен ему же. Ко|ли|ч|ест|во Жизни, Антропности меньшее как корка сути, есть **р|о|с|т** — длина волны корпускулы, коей Антро́п есть; Суть роста, Движенья-Покоя (иметь рост — расти; не растущий — не есть, ростом в нуль) — Верти|к|Аль: Божья Жизнь, Шило-Тьма, что, верт|ясь, т|ор|ит Мир как покров — к Сути, Господу. С тем, дуализм Мира, мирской наукой безлично зовущийся корпускулярно-волновым, — в персональности, должной ему в очах *видящих*, есть **дуализм антропно-ростовой**. Антропностью, качеством, все во Вселенной антропы едины. Количеством, ростом **(**присущим и сутям Вражды, и Любви; масса ж, бренья знак, есть лишь у первых: Любовь — Вечность, бренье — Вражда, Рознь**)** — различны они, и у каждого мира рост свой. Мир, как Целое, есть Тройка, целая часть **числа π, Пи, числá Мира,**

Пи|щи всех сущих (Щи|та очам всех, кто о Боге пи|щи|т**)** и их Пи|ка **(**Суть — Пища, Вода́; части — Целым как Пищею сущи, без коей их нет**)**: ибо Мир — Три; часть дробная π — **хор Антропный** миров: Мира часть и единство частей **(**ст|ран, иль г|ран|ей — в служеньи Бри|лья|нту сему**)**, где Землянин стоит как Антроп меж Антропов; и каждому миру в сем хоре согласна *особая* дробная часть, с тем — число π *свое*. Мир — Огонь; π как Мира число — число-Огнь: П|и|р — Пи-Ир|ий, Мир-Рай, Бога Дом, где Хоз|яин сей — Гос|ть. Мир любя целиком, Египтяне, народ Божьей Тьмы, Те́ла Мира, π зрили Тремя без иного (3,0): любя Целое, любим и части его и безмолвьем их чтим, ведь Безмолвье — Любовь, гласом чьим была **пи|фия (**фий — фей — Тей, Те́ос-Бог**)**. С тем, число π как целое с дробною частью своей — есть **субстанция-и-акциденция (**первая здесь — сфера Бога, Им полная: та, коя Служит, — таков Мир; вторая — пустая: Диавола сфера, что служит себе́ лишь**)**; в кон|крет|ности ж нашей, Людской, π есть Целое-Мир, Хор вселенных, с антропностью **нашей, Земною**, как **полно раскрытый зрачок наш — кольцо, круглое по-Людски (**ибо круглости в Круге Всего — разны качеством их; круглость части — лицо ей свое; Человек — Мира часть, Миром круглая как Камень сей, и собой — как оправа его**)**: зрить — есть быть; быть Людьми — зрить Людски. Всем константам Вселенной как Солнца очей наших число сие — столп: зр|ачком — зр|им. Константа з|рачка, сущего Мира ради как Солнца солнц, Пи — указатель прямой его: ведь М|ир-Огнь — Пи|р. Им зрачо́к сущ как f|ocus, очаг (лат.). Кольца сего столп, суть распорка, диаметр его, не дающий ему с|пасть|ся в нуль — есть Свет Белый, Бытье, Андрогин мужесущный, число коего — Единица; ее половина, согласная розни очей бренных, ра|ди|ус сего кольца — чистый Муж без Жены: Отец, царь бренных наших очей. Бытию в атеичной науке согласен боз|он, квант Огня с целочисленным спином, в ней данный статистикой Бо|зе-Эйнштейна, суть

коей есть Бо|г («по|чит|ь в бо́зе» — к Нему отойти), и в сей паре мужей Бог — суть первого, Дьявол — второго (Мир коему — Шар-Ум: ведь Ум — Дьявол). Отца ж в науке сей лик — фер|мион, квант материи-тьмы с спином 1/2, статистика чья, Фер|ми-Дирака — суть Сатана, Люци|фер (фер|уэр, Бога тень), в паре этой, зеркальной Господней, согласный Ферми́, Бог же — Ди|ра|к|у: Дырка в очах бренных — То, чего нет в рваных сих (*ді|р|а (укр.); раз|дир|а|ть — торить. Дырка глаз бренных — Мир, Ра|к; рак — Ка|р|аны, Тьмы казнь: в Этом То как дыра, что ничем не заткнуть*), — что противно духовным очам, где звезда — Бог, а Дьявол — дыра от нее: пустота, в-себе-место, Суть чья Полнота (речено ж Василидом Александрийским: «Всякая звезда есть бог, и всякое пространство, кое полнит звезда, есть дьявол»). Кольцо ка́к число π — Полнота; половина диаметра, 0,5, в себе взята — дробность, осколки ее: без диаметра радиус — без Жизни смерть. Вот два качества наших очей как **границы Антропности зримой**, и первое есть Левизна — Полнота, Дух как Высь мировая, второе же есть Правизна: пустота-бездуховность как Дух, Отцом скрытый (разбитый) в очах — Мира Низ, не служа́щий Творцу (*Низ в Служеньи — свята Правизна, кою чтил Пифагор: от нее, ей верны как опоре, мы всходим к Опоре-Творцу. Справа — Мир, слева — Бог, и из Мира ступ|ая, стяжаем Творца как Себя, служа Миру, Ступ|ени. Покорный — вершит: с|прав|а — дело (укр.); с тем — и царит он в покорстве своем: прав|ить — следовать Миру: ведь Правое — он. С|прав|иться — о|дол|еть; ис|пр|ав|лять — путь с|пр|ямлять: Мир есть Путь*). Числа эти, как сути, нам тайны; видны ж — в умноженьи на **Метр как облатку Антропности, имя ее**, коим есть числу в бреньи **размерность**, его проявитель в числа́ не имущем сем: Рознь, бренья суть — бесконечность дурна, не-число — нуль, Ноля, Не-Числа антипод: ведь Ноль — Всё, нуль — ничто. Пред числом как пред сутью размерность — не-суть: К пред Х, Вакх пред Матерью-Тьмой, лик-я|вит|ель (Вок|ал|а — Бок|ал), — ведь рек Бруно о том: «основание чисел находится без основания измерения», тогда как «основание измерения не

находится без основания чисел» («О причине, начале и едином»). **Метр — матки (греч. met|r|a) ра|з|мер, длина-Мать, богоданный количества столп, по линейке Любовь**. Метр — суть Мате|р|ь, Мет|á нас, держимых Отцом; Метра Суть, Мать — Де|метр|а-Земля, смерть линеек мирских: Вечность — больше любой, и размер ей — Число в чистоте. Явь сему есть *тенденция ровных значений*: стремленье опорных очам дробных чисел, одетых в него, к целым, истинным: скорости света — к Трем, Мира числу: ибо Свет (Огнь) — суть Мир; кольцá бренной Земли — к Четверице материи, тьмы вещей, коей и есть бренье. Быть сему дóлжно: Закон, Бог-Единый, явь чья есть число, в мире розни сем дан нам тен|ден|цией: не Сутью — порывом к Ней. Одета в Метр как в количество, Двоица качеств очей наших, Левизна-Верх и Правизна-Низ есть **границы Антропного ряда** как ряда ростóв сутей нашей, Антропной Вселенной, из коих как сутей Вражды зрим себя мы одних (прочи — скрыты Враждой, сиречь заперты ею в мирах своих), сути ж Любви — есть нам Гости: Кон|я, Мира *видящи* капли, явь чья нам — Кон|т|акт.

326. Часть Того, Г|ост|ь (англ. vi|s|i|t|or) — *видяща* Силы-Очей (vis — лат.) суть как лик Бога: ведь Бог нам — То. Гость есть Любви лик: ведь Бог, То — Любовь. С тем и в жизни мирской в гос|те — вольно, невольно ли — Гос|пода чтим мы, гост|ин|ны — Ин|ое любя как Себя Самое: «Я есть То», человек — Бог, То чистое, Я сущих я. Угощать — Гостя чтить: Даром, Сердцем-Тьмой — Дар, коим есть Гость, Любовь. С тем, гостинны восточны народы: Восток — Любовь, Бог, Гостей гóсть. Мера качества в пору советску звалась ГОСТ недаром: то|вар, коль хорош — гост|ь драгой.

327. Мир есть статуя, образ Творца: ибо, скульптор, лепил Бог с Себя, образцов не имея иных. С тем, знать Мир — есть знать Бога: чрез подобье — Суть. Так Его знал Египт, иероглифы чьи, изваянья вещей, были статуи Мира (ведь статуя, он — вещей Вещь), с тем — и Бога. **Сфинкс — статуя Вакха, Быка о Крылáх, кои Мать, стезú в Мир**. Таков Вакх, бог-притворщик: бык — он и не бык, лев — не лев. **Сфинкс-Вакх — статуя Мира**: состав пути — цель; Вакх — в Мúр путь. То —

Атлантов дар: **камень живой, и|д|ол Силы**. Ведь Мир — Сила-Жизнь; она ж — лик Мира Сфинкс, Силой Силы идущий от магов, детей Силы-Тьмы, кои были и коими есть и теперь, ныне сущи, Атланты[61] **(***чему знак арабское имя его Абу эль-Хол — «отец ужаса»: Сила — страшит. Силой будучи, днем он, во* ***время чужое****, лежит, ночью ж, Силы* ***порою своей****, — ходит в Мифа очах* ***вкруг себя****, иль вращается бур|но — торит Вглубь: ведь Сфинкс — Вход. Страшимы Огнем, сути Зла пред рассветом стремятся, как в погреб, во тьму, чтоб не окаменеть им: Злу, части, в сиянии Целого, Мира. Сфинкс сим не страшим: Мира лик, камнем* ***стать*** *он не может — он* ***есть*** *Камень, Мир: Жизнь — не смерть, коей есть камень Зла***)**. **Сфинкс — Свин|кс: Тьма есть Свинья. Камнь Тьмы, он — связь эпохи Атлантов с Арийской, причины и следствья, касанием их, кое он. В камне Вакх, Сфинкс — Вакх сам (*Бога лик освященный — Бóг сам, не подобье Его: образ — Суть, кóли с Сутью един*): Тьмы п|о|р|та|л, вход в Мир цельный, где Небо — Земля; вход в Луну: ведь Мир — Тáм, шлях куда — Вакх, Стезя (***и Египт с культом солнечным (как с Фебом Греция, Вáкха плод) — суть культ Луны: не Сего, но Того, вход куда — Вакх-О|си|р|ис, врата сер|еб|ра в Мир, Шар Сер|ый, Рис|унок-К|рис|талл**). **Стези сей конец нижний, С|фин|кс-Вакх — магам дверь: земным — в Мир как Луну, а Гостям, магам лунным — дверь в мир наш земной. Бренным нам, Силы чуждым, портал этот мертв до поры, когда Силой исполнимся мы, обретя Мир как Дом наш, Луну**. Плод Атлантов, Причины Сфинкс лик: как Атланты — Арийцам, Мир — нам. Мир, Огнь — Солнце. Им Сфинкс был, зовясь Хар-эм-Ху, сиречь «Гор (Солнце)-на-гор|изонте» как месте законном его между Светом и Тьмой, коих синтез он. Солнцем был Мир и Эллинам — как Бог очей, Троица, коя в Элладе — три солнца единых: бог Г|ел|иос, зримое солнце небес[62] **(**Египтянам — А|тон: Огнь как корка без Глуби своей**)** Аполлон, бог гармонии, Трех (Гор Египта — суть Мир, Хор миров); Зевс как солнце-закон **(**Вражда-Необходимость, какою есть Ум сей; Мать, Зевсова Глубь, есть Свобода-

Любовь**)**; и трояко же учат о нем: как о Тьме — Ге|рак|лит, Мир кому был Рекою, из Бога и в Бога текущей; как Свете благом — Пифагор, Феба сын; как единстве двух сих — умы Сердца: Пиндар, пев согласье людей (наверху — что внизу, рек Гермес), и Платон, пев согласье идей и вещей, единимых Душой Мира, Матерью Тьмой. Из триады эллинских богов Солнца Гелиос — царь, Зевс — законник, Феб — жрец: Три|с|мег|ист|овы страны благú. Мира лик — статуарность эллинского творчества: в статуе каждой, в колонне **(**число ор|дер|ов коих — Три: ио|ни|йский, д|ор|ийский, к|ор|ин|фский; опорный их камень — о трех был углах как Мир, Стóлп наш**)**, творимых *с любовью*, зрил грек Суть великую — Статую-Мир, и о ней, их творя, рек **(**«ко|ло|н|на» — суть кол|о(круг)-лон|о: Мир, Лоно и Столп всего**)**. Камнь сей (греч. литос) — Река (лит|ос — лит|ь), что от века одна **(**и от века в ней — мы: *раз един*; посему, миросущным, в нее не войти дважды нам, как сказал Гераклит**)**, и, текуч, есть он вечное Творчество Бога, Кто леп|ит его всякий миг **(**так и мы за Ним: Мир нам любить — есть лепить без конца как себя его нам, и себя — как его**)**. Посему Красота, коей есть он как Бога покров — «ле|п|от|а» (стар.): плод пот|а святого; с|леп тот, кто не *видит* ее, ибо Бог дланью Тьмы зале|пил ему очи той г|лин|ою, коя есть Мир, Солнце всех. Посему знáком Солнца Египту служил обелиск: Мир как камень; и камень-Мир — Сфинкс посему. Сущий ради очей (как они — его ради), Мир — статуя, явная взору вполне, как на длани раскрытой брильянт.

328. Мир есть статуя Бога. Антрóп как вселенская суть **(**часть чья есть Человек как Землú дитя**)** — статуя Мира, и — Бога, един с Коим Мир как подобье Его. Богу чуждый, Антроп есть подобие Бога чрез Мир, иль подобье подобья — деленье второе, рознь с Ним. Верный Богу, Антроп есть подобье прямое Его, иль от Бога деленье одно: с Богом слитность чрез Шаг.

329. Бог, над Миром сто|ящ — На(д)|сто|ящий, есть И|ст|ина, край чей Во|сто|к (Ea|st), полность Тьмой (Ea — Eva: Жена, Мир). Мир — ста|туя: полный Творца, он над сущим сто|ит. Бога полн, Вы|с|от|ы, Силы-Vis, — полн собой он, и сей полноты

число — **С|то (со|то — санскр.), полность Богом**, Сто|лпом, Ц|е|ль|ю (греч. sto|coz) сущих и Кос|моса Сутью: Бог — То нам, Мир — Э|то, греч. n|o|**st**|**o**|s, С|те|з|я к Нему. В|ста|р|ь — в Ста-Sta|r: Мире как Веке Златом, ст|ар|и жар|кой З|везде шар|овой. Богом полн, Мир — Сто, Бог — Ста Sat: Сердце — Ума. Бога об|раз, с Него (и Им, Бо|гом) ле|п|лён Мир, Огонь го|м|о|ген|ный: Бог — Ми|ра Образ|чик-С|та|н|д|ар|т. Сто есть Десять-по-Десяти: ведь Мир — Десять, квадрат же числá — полность сутию его: довленье себе чрез нее (ведь довлеет себе всё чрез суть свою: Это — чрез То), Мира чрез Бога, Ось: Ос|ь под Миром, Внутри — Г|луб|ь-Г|ос|под|ь. Зуб-кусатель х|во|ста Змея-Мира, Единый, Он — Цель|нос|ть его, Цель как в Д|рев|е сем Корнь; Дре|**в**|**о**-Мир — Двер|ь **в** Него; Корнь не ведать — рев|е|ть от то|с|ки в розни с Небом, S|ky (англ.). Полный Богом, Мир — Сто; труд Эйнш|**тей**|на о нем — СТО ж; Мас|шта|б Божий, истинный — Мать, Лоно-Мир, Мас|са Ста, коей дом ма|с|та|бá. По Ст|а, Миру ходить как Ст|езе нам — по|сто|лы, даны, дар а|постол|ьский: знать Мир — пешком о|дол|еть Дол подбожный сей (лат. per pe|des apostolorum — апостольскими стопами). Богом полн, Мир — единство сто|рон, Света с Тьмой. Полность Господом — свя|то|ст|ь; **святóй первый — Мир, Дитя Бога**: полн Им — Мúр он, пуст — он ничто, нуль **(**свят — сва|т, Сва-Любовью сроднён: родства узы — Она**)**; в текстах ста|рых «святой», полносущный, — «сты», «стый», «сто» («сты Павьлъ», «сты Петръ»). **Мира Век, Золотой, что «довечным» зовут — Сто без лет: Огнь без тени, без век Очи**. А́ргус (греч. Ἄργος), Пан|о|п|т|е|с («все|видящий») сто|о|ки|й — взор-Полнота, Тьма-П|л|уг **(**в|з|ор|ывать, в|с|пах|ивать — очей труд**)**. Сто — Ст|Ра|ст|ь, Познания фалл **(***уп|раж|нение, эк|сер|сай|з (англ.) — радж|а|с, страсть***)**, коим Глубь торим мы: Тьмою — Тьму. Полность — Сва, Луна-Сва|сти|ка, Сто|рож наш: Бог — в ней живет; е|ст|ь лишь тот, кто Ст|а-Е|ве причтен: Луне, Тьме. Центнер, Сто — С|enter: En|ter, в Ин|ое дыра; Бог — То Тех. Полность Сотней — До|ста|точно|сть: Глубью, Всем; до|ста|ть — из Глуби извлечь-вы|Нут|ь; ста|дия — дей|ст|вие (дія — укр.) Полности, Ста; гекатомба, Ста жертва — Сто в Сто, Глубь во Глубь как стяжанье

Себя Полнотой; град ста врат Фивы — Полности град: Бога дом. Ме|с|то полное — ста|нция, пун|кт: «пун» — Пан, Всё; рас|сто|янье, ди|ста|нция — к полности шлях. Про|сто|та — про Сто речь: Глубь — Одно. Посему Индра есть Шата|кра́т|у, «Принесший сто жертв», и к тому ж Шатаманью, «Ст|огнев|ный»: полней быть, чем Богом — нельзя. Сто — Квадрат Десяти, числá-Мира: квадрат числа — полность Собою как Богом: Я, Суть — То, Бог-Тьма. Полность Собой Этих нас — полность Тем; Единицы Собой полность — полность Нолем, Тьмою. С тем, число Сто по Санскриту — все-многость: Все-Многое — Мир, Бога Хор, цельный Им. Пр|ев|осходство — Стократность; то|ст в сути — Творцу песнь х|ва|л|еб|ная **(***sto|tr`|a (санскр.); stu (санскр.) — хвалить-воспевать: Бога, Шту|ку-Монаду, чей Мир, Mund|us (лат.), есть Мунд|штук; скиф.* ***xv****|alla|h, «хвала, слава», — Аллах|у* ***хв****|ала и* ***Х****ри|ста* ***В****оскресенью, ХВ***)**: за Творца, бренны, пьем — …с|**ТО**|**СТ**|о… — стоя мы, Полность хваля своей ста|тью-о'SUN'кой: о|ста|ток Всего, Ста — ничто **(**в Луну, Мир входит маг без остатка чрез огнь Из|ну|т|ри, **Миром став)**. Знанья жаждущ, сту|ден|т — Бога славит, грызя Им как зубом Камнь-Мир: den|t|is — зуб как День-Тьма незакатный **(**войти в него рек Египт Книгой своею: зуб — «суб» — Глубь, День-Тьма, в Луне Огнь**)**. Греч. sto|mat|os — рот: Сто-Мать, вход в Бога, Главу. Мать, Гр|уд|ь (ma|sto|s), питает нас Силой Творца, Его М|лек|ом, есть коим Она ж. A|sta (санскр.) — заход солнца: без Господа-Солнца — без Sta-Sát быть; Сердце-Сократ был умней мужей умных с|т|ократ Сердцем этим, одáрен сто|риц|ей Им, сиречь избытком-бог|атством: над Миром Из|быт|ок — Бог. Меч|ен был Им Ста|гирит; Ари|сто|тель как Ум, Сердцу парный: два сих, Свет и Тьма — Мир един. Бога, Блага полн — луч|ший; Им мечен, ари|ец есть ари|сто|крат, властный Властью Стократною **(**kra|to|z — власть (греч.)**)**; меж философов был Сократ им. Бога полн, Мир — Sto|i|ché|io|n, Начало: Путь — Целью питает-влечет, ст|а|рт наш — ради Нее. Про|цен|т, сотая доля, люб в счете как полная часть, Сто-в-одном, мерять коей — есть чтить в частях Цен|т|р: Полноту, Цен|ность их. Бога полн Мир как Силой суб|ста|нция; с ним — полн Его

чело|век миросущный, глас чей, с|т|их — Его тих|ий глас. Бог-Мир, Глубь — По|сто|янство, Кон|ста|н|та, Ста|н наш, сущий в нас, как в ста|кан|е — Вода (гнев чей — st|o|r|m), в кою кан|ет любой **(**«кан» (кит.) — бездна: Вода-Тьма, чей зев can|cer, рак**)**; очам бренным — пу|сто|е есть Оба; монадой времен, мировых **(**ин|тер|вал|ов Про|ст|ран|ства, Про|сто|ра: пред Вечностью — времени нет**)** и земных наших **(**кои, как тьма, есть и|*ст*|*о*|р|ия**)** есть Век, Сто|летье: миг|ание Бога, ведь Миг — Полнота **(**в вечный Миг посему створил Бог Мир**)**; с тем, «век» един с «веко», и веки Господни, мигая, сменяют Векá. Миг как Век — Ста|р|ин|а: Век Златой, Мате|р|ин|ский, Сто|лп-Глубь, что живит Из|ну|т|ри. С тем, срок жизни, довольный нам **(**день чей — Ше|сто|й, Ше|ст наш, Ш|ест|вия корнь**)**, чтоб обр|есть свою Суть, Мир как С|т|ер|жень — сиречь распрямиться, вос|ста|ть, ста|вши ста|тным **(**ведь полный им — пр|ям Ям|е в рознь**)**, — есть сто лет, по Ин|дий|цам. Греч. sta|tos — сто|ящий, лат. sto — стою, Миром прямой: Целым — часть. В этом — весь чело|век: ученик **(***чéла (санскр.); учить — есть на|ста|влять, сиречь пе|сто|вать, ста|вить на путь. Супо|ста|т, враг же|сто|кий — нас сто|йкости учит; бо|й правый — суть Бо|г, До|сто|ян|ие наше, до|сто|ин|ства Суть***)** на пути Глуби, Ста, «век учись» во плотú; ум (чело, лоб), что в Сердце идет, чтоб стать им чрез **сто лет одиночества**: Мир, Плод — един|ст|вен; ро|сто|к, своей жизнью стя|жающий Цель: как мо|сто|м, до|**Ра**|сти-до|тя|**Н**|**ут**|ься до Бога, сиречь полным стать своим ро|сто|м, П|ро|ст|о|р осягнувши, До|ста|в; пик в сем — ста|ро|ст|ь. Ступа|ем — стопа|ми: сто|па — суть Сто-па (pa|s — шаг (франц.)): Сто шагов в Полность, для коих ноги даны нам; Шаг, Pa|s — Велес-Пан (Panus, Pus), Пас|порт наш, пас|тырь, правящий в Глубь, П|ор|т-П’rich’ал. Научиться — прожить: Тьмой налиться как Сотней, сколь дал Бог. Жизнь всякая — «век» посему, нам до|вол|ьный сей Вол|ей, чтоб, веки закрыв, умереть: смерть — Тьма, Глубь; век прожить — Тьму до края испить, что нам дан. Бог — Опора, Сто|л-Сто|лп, Про|сто|та, коя — И|ст|ина, столп чей Хри|сто|с: без С|то|лпа — мы то|лпа (как лупá: шел|уха без Я|дра, кое Бог). Веры столп есть апо|сто|л;

м|и|ст — Ист|ины столп М|атеринский и м|о|ст **(**міст — мост (укр.)**)**: кто Растет — сим ступает мостом. Р|ост есть главное в нас — Жизнь, Движенье; число буквы Р его **(**буквы Ума: ведь он к Сердцу Ро|сток: к Богу — Мир Его**)** — Сто. Лишь ра|ст|у|щее — Е|ст|ь: в нем — Господь, воздающий сто|риц|ей за труд сей **(***«риц» — rich: Бог, бог|атого К|лад, сущий в Ста. От|риц|ать — есть Его отвергать: Бог есть Да; про|риц|ать — за мирским зрить Его: ч|рез тьму — Тьму***)**. Не расти нам — проклятье: гор|б — Феба к|лей|мо, Сути гроб; кар|лик — Кары-Тьмы лик, коим есть Фебов огнь; нерастущее — у|был|ь: убыть — есть убить. Бог — Столп Мира; Мир, полн Его — Столп наш людской: им тверды, всходим Ввысь, к Богу мы, от Опоры к Опоре растя опершúся на Кам|нь, sto|ne (англ.). С ним мы силой сто|руких полны; без него — сто|не|м, точно не|м|ы|е, не-Мы: ибо то — Кам|ы Кам|ень, Любовь-Кра|сот|а, душ Во|сто|рг. Посему Сто — Возврата число: ведь родимся мы полными Мира, взрослея ж — теряем, о|ста|вшись с дырой от него, пу|сто|той, и вернуть Полность, Мир — можем Сотней: Тр|удом, Мед|оносцем людских наших сот. **«Сот», корнь Сотни, есть Истина, Сат: ибо А|ль|фа — О|мега. Полн Сотнею — Господом полн**.

330. Богом полн как Собой (Я есть То), Мир сто|úт в нас как Фаллос, Хр|еб|ет наш. У|ста|лый — от Мира, каков Камень, Тя|же|ст|ь, — ло|ж|ит|ся без сил. Богом, Истиной живы у|ста!

331. Сто, Мир, полный Собой, как число есть единство числ **тел Простоты**, кои знает мир наш. Из них Шар, сущих форм цар|ь, Мир-Десять, и с ним Додекаэдр, Двенадцать как Очи, согласные Миру (по сумме сих числ — 22, Мир-и-Очи) — есть Тó очам бренным; тетраэдр-огонь, октаэдр-воздух, икосаэдр-вода и куб-земля — Это: стихии вселенски; а телом седьмым за шестью сими, слитым из двух по закону единства различия, есть **Десять-по-Четырем иль Четырежды Десять — те|траэдр, пи|р|а|м|ид|а (др.-греч.), полный Сфе|ры (надутый), Сфе|траэдр: Мир, бренным согласный очам, синтез Нумен-феномен, Тьма в тьме как открытое ей** (*рис. 5*). Тело это, спрягая Бессмертье и тлен, То и Это, незримый

Огнь-Мир с огнем зримым как Целое с частью, — как **тело седьмое** в чреде полной тел, а в стихий ряду — пятое как огнь-эфир[63] (зримый огнь, слитый с тайным, эфиром: **Я**вь Тайны), **числом буквы М, Сорок, Матерью-Тьмою** дает полноту, иль единство (Причина — Це|л|ит|ель), чреде простых тел, сумма коих с ним вместе:

10 + 12 + 40 + 4 + 8 + 20 + 6

— есть Сотня, как до́лжно тому. В Сорока́ тьма-мат|ерья, Тетрада едина с Нолем-Тьмой: Глубь, Тьма-Мать — Второе. С тем, С|о|р|ок для бренных есть Рок|а число: смерть, Тьма им — Неизбежность; поющим Бессмертье — Свобода оно: Тьма, Мед тел, в коем тают они. Тело-Мир, тело-Очи в единстве с телами огня, воздуха, воды и земли — суть шесть доказательств бытья Бога, кои не есть полнотой без седьмого, Сфетраэдра, ряду венца: Семь есть Жизнь, Полность. Знак сему — Семь Мудрых (rsi): Мудрость — Жизнь; лишь семь правильных тел во единстве есть лик Г|еб|до|м|а́д|ы сей. Тело седьмое, единства сего ключ, не зримый теперь **(**но известный у Древних, огнь знавших как сферу-тетраэдр, То-Это: Мир, Огнь**)** — Жизнь и к|лю|ч к ней, **седьмое ее доказательство: Жизнь — в очах вечных, смерть — в бренных очах, коим до́лжно ожить, умерев (**смертью так оживлен Берлиоз магом Тьмы**)**. Ведь Жизнь — Бог, Клей меж Этим и Тем, Грань их; грань та же — смерть, **007**: **Жизнь, агент с полным правом убить: убыть в Сем — в Том прибыть, кое Тьма-Жизнь одна**. Умереть, узрив Бога впрямую — вот главный, седьмой аргумент, что е́сть Он (так Фому убедил встречей с ним Иисус); шесть иных, кои сущи — ничто без него, с ним же — всё **(***волей Тьмы, 007 — код России, куда звоню я: Жизнь, Луна — Скифи этой Оплот***)**. Смерть — миров грань; грань та ж, тело ее — **лик Истины**: в смерти встречаемся с Ней. Смерть и Бог, смерть и Истина, купны, влекут и страшат, как страшит очи Розни Одно; тело Истины-смерти, седьмое, —

прекрасно-ужасно собой посему. Таков Петр, муж разящий, в «Пол|тав|е» — на грани, пол-Тау: в одном смерть и Бог:

> Его глаза
> Сияют. Лик его *ужасен*.
> Движенья быстры. Он *прекрасен*,
> Он весь как Божия гроза.

Как Одно, тело это **(**лик чей — сем|я **г**реч|ки: Эллады печать**)** — **головы вид антропной**. Ведь **Г**рань — **Г**олова, **Г**лубь. Г|ран|ь в нас — Мир; Грань Мира — Бог вечный **(**отсель — gran|dis (лат.): пре|вос|ход|ство-за|глав|ность как суть**)**; **Г** и **7**, с тем, — одно: К|рюк-Луна, Рук|а Божья, сосуд с Глубью в нем. **Г**рань и **Г**ость — Смерти лик, головы смертных нас: А|швин — Аушвиц, он же Освен|цим, дом Смерти-Свин|ьи, Рук|и-Тьмы, коя **х**|рюк|ает. В Глубь головою — огнь в Огнь, в Полность часть — устремленный, антроп и главой своей — грань: огнь-к-Огню, пирамида-и-Шар. От сего — мысль людска о главáх пирамидных. О людях Ле|м|ур|ии сказано:

> Это были обезьяноподобные существа, покрытые ороговевшими складками красно-коричневой кожи. Их головы напоминали индейские пирамиды, выложенные из неотесанных камней и булыжников. Заостренные на макушках черепа мутантов сидели на выпуклых мускулистых плечах неподвижно.

Пирамида без Шара, без Целого часть — Зло, огнь алый, лик чей — кан|ни|бал Кзучилпаба, индейцев бог. Образ его — монстр в игре наших дней, о ком сказано:

> Пирамидоголовый (англ. Pyramid Head, яп. 赤い三角頭, букв. «красная треугольная голова») – неофициальное прозвище вымышленного монстра из серии видеоигр Silent Hill, в первую очередь как персонажа игры Silent Hill 2, где бессмертный и неуязвимый Пирамидоголовый постоянно преследует главного героя – Джеймса.

Голова — Корнь. Корнь плóти антропной, Сфетраэдр к сему — столп металла Иного, матерьи машины Гостей, как ячейка ст|рук|туры его. Тело то ж есть кристалл головы сей машины, Процесс|ор|а, коя в единстве с Пил|ота главою **(**заглавной в

сей паре, приемля Тьму, Силу к Полету**)** — Полета Машины крыла́. Суть их — **40, Единство-и-Рознь, Неотрывный Отрыв как суть капанья и Корабля: ведь он — капля. С тем, 40 — число его: внешне — Четверка, Ноль — в сути. То-Это, Корабль — 40: М Божье, Действие-Мать**. Сор|ок — Очи: взойти в Полноту — В|з|ор Луною стяжать как 12 числом 28, К|рюк|ом четверным. «Сор» — «сур», Сур|ья (санскр.), Солнце: Мир, *видящих* Огнь-Полнота, Корабля Океан и П|рич|ал.

332. В числе 40 Декада с Тетрадой равны и союзно являют друг друга очам. Антипод Сорока́ — **Десять Тысяч: Декада под дланью Тетрады (10^4), число тьмы вещей как таимый материей Мир**, ложну власть коей знать — ведать О́гнь сей, не знать же — быть плен|ным ее, пелен|ы, скрывшей многостью злою Огнь, Благо-Одно. **Десять Тысяч есть счетный несчетного лик** (о чем рек Архимед в «Исчисленьи песка»); темносущно, оно у Славян «тьма» **(**от «тамас» — неведенье (санскр.)**)**, у Эллинов оно «мир|и|ад|а», сиречь видность Мира: ведь «эйд|ос» — вид, видность очей, коя — ад в розни с Сутью своей, Тьмой-Нолем как дыра от него.

*

333. Душа наша — Мир-Мы и Мир-в-нас. Сие ведал Платон, человека зовущий «душою самой по себе»: Полный Миром — нужды чужд в ином, ибо Мир — Полнота (как та пара коней, что, Платону согласно, влечет нас: Тьма-Свет, Конь един). Душа наша, Мир-Мы — в Бога мост. С тем, **Мир нам утерять — жизнь утратить: кто с Миром разъят, в том мертв Бог**. Глас Творца в нас — **М|ор|аль**, пе́рва Весть; Мира глас, с Ним единого — **со|весть**, сиречь весть вторая, со|вместная с первой: **прямой суд души**, в чистоте коя — Мир, весть о Боге как образ Его. Мораль — огнь, Пут|ь нам кажущий; сове|сть — иг|ла, что бес|пут|ство казнит: иг|о злых, кое рвет пут|ы тьмы, ла|д неся. Мораль есть весть Творца о Себе; совесть есть весть о Нем, *весть о Ве́сти* как Том, Кто вед|ет Вед|ать нас **(**ибо Бог — Весть Себя; весть — вести́**)**, коя — Мир, Вин|а́ сущих **(**муж чей — Лемов

Кель|вин): Закон попирая — колеблем сей Дом мы; и совесть с виной, Два, — Одно в сем Едином (*и **Истина сущих — в вине: в Мире — Бог, Глубь его**. С тем, вин|о, миросущная влага, едино с людьми: жизнь — для знающих Господа, Меру; смерть — тем, кто не знает ее и в незнании сем гибнет, Миром разорван в себе как Вторым, Сатаной*). Бог, с Миром, Вин|ою, единый — С|вин|ь|Я, зверь-Богатство: Бог|атство всех — Бог, сущих Я. От Морали свобода — смерть нам как свобода от Господа, Я: быть без Сути — не быть. Внеморальное — антиморально (что мы аморальным зовем) в мире сем, Суть чья — Бог. Бог, Мораль — Сердце; Мир, Совесть — Ум, Им живой, как жив Милостью Суд, Долг — Свободой, Любовью — Вражда. Познать Ум — есть, облаткою сей Глубь стяжав, вольным стать: в мире Двух — Единицей святой (*в чем тропа — д|зен-буддизм, Путь-Ум, День, полный Ночи в себе, Сердца-Тьмы: ведь, поистине, в умном сем мире Ум — в Сердце зен|ицы-врата*)[64]. Ведь Мораль-Глубь — Свобода, какою есть Бог; мораль внешняя — Дьявол под маскою Бога, каким в мире Князя, по Ма|ки|а|в|***ел|ли***, обязан быть царь, чтоб не съ|**ели** его, как съел Зевс Сердце-Мать. Мораль Божья, Глуб|ь, цельная, в сем мире частных (от Бога отдельных — пустых: полнит Бо́г лишь) моралей есть Мор|ия — Глуп|ость, Пустышка: ведь, мня Полнотой себя, пуст частный сей и очами пустого глядит, не зря Mor|s, смерть свою.

334. Душа — Мир и не-Мир. Она Мир (и Господь, Корнь его) как Суть наша; она есть не-Мир как не-Суть, сиречь меньшее Мира отдельное, сущее в нем как Сосуде и Целом своем. Душа, Ран|а-и-Ран|ь, как не-Мир есть ст|ран|а Мира, Божья **амера, бесчастная часть**, что полна Полнотой его: Божьей Любовью, каков он. **Амера — бесчастность Любви**: ведь Любовь-Мир бесчастна Творцом, а Любовь-Бог — Собою. Вражда, Рознь — амеры чужда, мир круша без предела; амера ж — Предел. Им есть атом, как зрил Демокрит его, муж, Атом атомов чей — Мир, Амера: бесчастное — цельно как Ми́р сам. Бесчастна, амера — Бессмертье само: неделимое — вечно. Склониться пред Целым, Амерой — есть Вечность стяжать, а

пред частью — погибнуть: ведь часть в себе, me|r|os, — с|мер|ть. Амерой, полною Мира душой (ибо Богом полна она: в ком Бог — Мир в том), есть *мах|а|тма* — душа, плоть объявшая: в зримости бренной — плоть, в сути — огнь. Таков *герой*, смерти друг, страха больший бесстрашием Мира, у коего, Жизни, — внутрú смерть; зря в плóти костюм, он раздеться готов, *снять смерть* эту, очей бренных плен, Ум Ума. Г|ерo|й в сути — Эрóт, дух Любви, плена чуждый: ведь Мир — дом его; и с тем с|часть|е его есть Свобода: не часть — Полнота (счастье ж бренного мира — частично, и с тем — плен); жить истинно — есть быть свободным, неволя же — смерть. В Мире вечном Свобода есть Господа Дар, нам от века решенный: ведь только свободный — бог|ат; мир же сей есть темница, чьи узники, мы — бедняки, и Бог нам дает шанс Обрести. Герой — тот, кто берет его как пропуск в Жизнь; он, смерть видя, зрит сбоку ее как препону, не застящу Жизнь, Цель его, зриму им пред собой; трус же — тот, кому смерть застит взор, стоя прямо пред ним. Цель — онá трусу, хоть и бежит ее он. С тем, дела его плохи: смерть ищет его (цель с идущим к ней — встречные, оба идут), посему — и найдет. Трус есть ищущий смерти и ею искомый; герой есть взыскующий Жизнь и искомый ее: огнь — Огнем, Костром — искра.

Героем быть — выбор единственный наш, ибо Выбор наш — Мир, Любви Шар, а герой с Ней един. Герой — тот, кто всегда есть Собою: Собой быть — себя не щадить ради Дела святого, Любви: Я есть То, Мир-Любовь, в частях Целое их; ya|I, жертвовать (санскр.) — «я», герой, душа голая, Тьма-Суть. Гер|ои и боги — едины Одним, кое Мир, с тем — Причине причастны, Тьме-Нег. Так едины Элладе они миросущной, число коей — Мира число, Три. Рознь частного бога (идеи Платона) с героем есть в том, что, душа, плóти бог не причтен — с тем, бессмертен; герой — с ней един, посему — смертен. С тем, **герой есть смертный бог, бог — бессмертный герой (**и бессмертные — смертным чета: Мир, То-Это, учил Гераклит**)**. Мира полные, оба — амера. Амера — и Гость, лик Любви, в Розни мир сей входящий как весть о Творце: ведь Любовь — Бог. Амера ж

— **машина Любви**, коей к нам как чрез дверь входят Гости, идя — часть согласна от Целого, Мира, — из Глуби людской, коя он. То — **машина-душа**, что едина с Пилотом (героем, амерой Любви) голова к голове, — чрез главу его, Тьму-Свет, в **Процессор, машинну главу**, струя Ноль, Силу-Тьму. Посему, двухголовый, ч|ел|н сей есть **т’орел’ка — двуглавый Ор|ел, Ап|ПА|РА|т в полном смысле своем: Тьма от Тьмы, челн Причины** (Ор — Мать в ней, el — Бог), рат|ник оной (слуга Глуби — во|ин), **законный союз двух голов**, где Антроп, глава-Суть, правит главой-не-Сутью, Машиной, как Бог — Сатаной: беззаконьем — Закон мировой и **машины Любви** сей; **машина ж Вражды**, в мире властная сем — **беззаконный союз**, где машина царит над Антропом: над Сутью — не-Суть, над Творцом — Сатана, тенью мрачной объемля Огóнь сей.

Ма|ши|н|а — на Ма|тери ш|ина как Два на Ноле, как на Глуби Луна-корка S|in. Дело всякое наше и жизнь, дело дел — челн двух гл|ав, где служа́щая — наша, а правяща — Бог или Дьявол **(**ведóм кем был Дарвин, с ним — «Би|гл», челн сей мрачной судьбы**)**; и глава дела розни — Вражда-Сатана, а любовного — Бог, Тьма-Любовь. Бог и Мать — Тьма одна; с тем, глава, что любовно царит — Мать, служа́щая ж — Вакх, Сын ее. Гипостазис Антропа **(**Кора|бль как кора его ве́рна, любовь Любви сей: так Мир — Бога Любовь**)**, челн Любви есть двуглавость с Антропа главою, **царящей как Мать**, и своей, ей служа́щей: Процессором, **Вакха кристаллом живым — камнем Глуби, Вина. Антроп, Силу струящий в него —**

голова есть двойная: Ашвины, Пилот-Близнецы (Тьмы посол: Ноля — Двойка), доящий Корову, Тьму (двоить — доить) и живящий Корабль Силой, Млеком Луны, Солнца Тьмы. С тем, всего голов — три (две антропных в единстве, машинна — одна): Корабля Суть — Мир, Три-Голова, меж Ашвинов Жена как Сень их. О камнях вроде Вакхова сказано:

Во времена Атлантиды самыми нужными и могущественными вещами считались монокристаллы. Они использовались как принципиальный источник дармовой энергии. Их применяли во всех сферах человеческой деятельности. Великий ясновидящий 20 века Эдгар Кейс в своих «чтениях хроник Акаши» [Эфира, Огня-Глуби – *Авт.*] говорит о гигантском кристалле, который назывался Огненный Камень. Жаропышущий кристалл был установлен в Великом Храме Огня в стольном граде. По словам Кейса, это была центральная электростанция всей страны поздней Атлантиды. Концентрация энергии солнечных лучей, проходящих сквозь многочисленные призмы этого камня, достигала столь колоссальной величины, что «ее можно было преобразовывать и передавать на всю территорию в оптическом диапазоне волн». // Кейс также рассказывал о применении кристаллов для омоложения человеческого тела с помощью солнечных лучей. Он же сообщил, что Огненный Камень все еще покоится на дне Атлантического океана в районе Бермудского треугольника, где время от времени заряжается энергией и уничтожает корабли и самолеты. Этот Кристалл использовался атлантами постоянно – и днем, и ночью. Солнечная энергия накапливалась в огромных количествах, ее хранили в специальных медных емкостях, а излишками освещали по ночам береговую линию Атлантиды. Некоторые летательные аппараты для передвижения по городам и между мегаполисами использовали лучи Огненного Камня.

Питание Глубию — жизнь Корабля, как и наша, антропная: Глубь — сущих Я, в Луне Солнце как Это-и-То. Лунный муж, Солнце это-то зрил Кон|дратюк очьми сердца; писал он:

Теоретически возможен еще один особый вид ракеты [=Корабля: торя Мир, Рак, — Ко|Ра|б|ль есть Ра|к|ета], черпающий энергию извне, от солнечного света [в сути — от Глуби как Мира в Луне].

Из книги «Завоевание межпланетных пространств», пояснения в скобках — наши

Ашвины — Ум Сердца, быки при Корове одной, Ею цельны: над ними Ноль сей — Первый, Мать, Обод их, меж них — Дочь, Третье-Клей; обе — суть

Мать одна. Посему в Корабле число мест — три: для Сердца — одно, для Ума — два, бока сему центру как Птице крылá (*так мультфильм «Тайна третьей планеты»: в «Пегасе», **челне как коне**, здесь — три кресла, где в центре — Алиса, Тьма–Мать (Мир как Лоно — Ребенок-Жена, коим **девочка** есть: Дева, Мать), по бокам — Сел|езн|ев (Серый: селезень — сер) и Зел|ен|ый, Ашвины с Сел|ен|ы, чей цвет зелен-сер*). Речено:

2. Как два буйвола, налегаете вы на постромки,
   Как два крепких тягловых животных, являетесь вы по приказу.
   Ведь вы как два блистательных вестника среди людей.
   Не отходите, как буйволы от источника для питья!

3. *Как два крыла, принадлежащих одной птице*,
   Как двое ярких животных, приходите на жертвенную формулу!
   Сверкая, как огонь того, кто предан богам,
   Приносите жертвы во многих местах, как странствующие кругом!

10. *Как два ш|мел|я, вы приводите мед в движение*,
    Как две пчелы, (вы пьете молоко) из коровьего (вымени) с отверстием вниз.
    Как двое пахарей, проливающих пот,
    Вы следуете по земле (и небу) с питательной силой, как пасущийся на хорошем пастбище.

К Ашвинам. Ригведа, X, 106

Трижды привезите вы нам богатство, о Ашвины,
Трижды (приезжайте) на службу богам и трижды поддержите, молитвы!
Трижды счастье и трижды славу нам (принесите)!
На трехместную вашу колесницу поднимается дочь Солнца.

Там же, I, 118, 5

Суть, Монаду понизить — удвоить-разъ|**Я**|ть Ее. Антроп — Я, Суть: ведь Я — Бог, Суть его; гипостазис его — дважды Я: у|м|нож|енье Монады, Ноля — в Два, Безмолвья — в рекущи Уста, **Юс Славян, Ѫ, Челн как дву-Я: Я + R = Ѫ, с срединной чертой или без**. О том сказано:

В некоторых русских и болгарских надписях XI—XIII веков отмечено редчайшее начертание — юс большой без средней вертикальной черты. Причём по крайней мере у ряда писцов это был не вариант юса большого, а особая буква — это очевидно из новгородской берестяной грамоты № 778, представляющей собой азбуку. В этой грамоте юс без средней черты («полый юс большой») занимает своё собственное алфавитное место рядом с обычной буквой Ѫ.

Юс как Я в пониженьи — Ю с Я как подобие с сутью своей, предпоследне с последним, как с первым — второе ему: с Богом — Мир. Юс — суть Ost-East: Восток, седло Ра, сп|лав О-Е, Одно-Два. Гласны рта — половинны, а носа — Рот-Нос, цельна Тьма: Рот-Глотатель и Нос, что су|ет|ся-гр|еб|ет. **Юс, таков, есть не член (ряда часть) носовых, но ряд весь как Луна, Уз|ел-Корень, речи Мать: так глава, тела корнь — тело всё. Юс-Луна — То-Сие, Вечность-тлен. Юс как Вечность — Безмолвье, как тлен — полность наша мирская: ус|та, что рекут — пред Безмолвьем глас, Два пред Нолем** (*человек — ус|т|ающий от уст, с тем — и спящ; боги, устали чу́жды сей — и сна чужды*). Гла|гол — нам гол|ова как уста, Тьма ж — Безмолвье, Дух уст, главы Суть: Вечность — бренной стези. Юс — J|us, пра|в|о, борьба за закон, коя в Ра сущих п|Ра|в|ит (*англ. jus|t — I. 1) s. бой на копьях, турнир, рыцарский поединок; 2) v. с|ра|жать|ся, биться на копьях; II. a. справедливый; правильный; должный, надлежащий*): глас ус|т, **чел|овек как глагол**; не рекущий — недо-человек (с тем, ораторства верх — Рим, корнь права мирского: Высь — Глубь, Тьма). Чел|н, Юс — Член-Челн|ок, суть торяща. Язык — речь и люди; народ — яз|ык (стар.): «яз» — Аз, Бог, сущих Я (кн|яз|ь (рус.) — kň|az (слвц.)); язычество — речь-человечность как юсно|сть иль юно|сть: **Мир, Uno как Юс, что на десять ман|ер|ов звучит и в миру гаснуть стал в век Десятый отхода Огня**: Мир, В|ла|д|е|нь|е, с Утратой — одно (*и слог буквой стал людям, Одно — половиной, в XIII-й, дьявольский, век*). В век сей Русь умалил в Тьме Влади|мир, богов в Дне|пр свалив; руницу, *вязь у|з|ло|в* (таков Юс, у|з|ел-вен|зел|ь) — по|пр|али лати|ниц|а ниц и кир|ил|лиц|а:

письмо с|лог|о́в, Полность-Тьму — букв письмо половинное: Сердце, Огнь — Ум, Огня тень, Бога — латы Его, Леп|оте-Миру с|к|леп. О том сказано:

…в X веке на Руси руница отошла от лигатурного начертания (по традиции сохранявшегося лишь в центре печатей), перейдя к линейному [сиречь от кру|гового, ци|клич|ного — к дис|кур|сно|му — *Авт.*], и стала перемежаться буквами кириллицы, так что для русских надписей X века характерно смешанное письмо. Иначе говоря, чисто кирилловских надписей X века не существует. // (…) Написание посредством руницы и кириллицы является закономерным для некоторых этапов взаимодействия слогового и буквенного письма. На Руси мы наблюдаем картину постепенного вытеснения руницы кириллицей. Для Киева получаем примерно такие ее даты: середина X века — чисто слоговые надписи; конец X века — наличие и руницы, и кириллицы в одном и том же тексте; начало XI века — исправление знаков руницы на знаки кириллицы; конец XI — начало XII века — чисто кирилловские надписи, но с рудиментами руницы. А первым воздействием кириллицы на руницу была утрата лигатур руницы и переход на письмо отдельными знаками руницы с переходным начертанием самих знаков, иногда с увеличенными интервалами между ними, то есть стилизация руницы под кириллицу.

Валерий Чудинов. Русь великая

Смена кириллицей руницы как Слога буквою, Бога диаволом, пишет Чудинов, есть путь в семь веков, от Десятого числя:

с X по XII — эпоха наступления кириллицы; XIII — век осознания, что именно кириллица является основой славянской письменности на Руси, и с XIV по XVII век [век Смерти, Восьми — *Авт.*] — эпоха вытеснения и забвения руницы.

Руница и алфавитное письмо

Смертью стал нам Мир, Жизнь, в этот век! Речено о том:

До IX-го века включительно Христос изображался на кресте не только живым, воскресшим, но и *торжествующим*, — и только в X-м веке появились изображения мертвого Христа.

Мир, Со|юз-Р|us, есть Юс при Творце, раб (лат. ser|v|us) Его; человек — Юс при Мире; Ко|раб|ль — при антропе Юс (*Ю|с|ов Вадим, снявший Лемов «Сол|я|рис», о Матери, Сов|е кино, —*

буква эта в плоти́). Суть — Одно, недо-Суть — Два, Служением сущие, в коем Полет их — Орел, Любви птица; в Служеньи — Любовь: в Двух — Ноль, Суть как в крыла́х — Мах, Луна-Мать как M|axi|mu|m-Тьма, Axi|s-Ось: Вакхов Столб, Стезя в То. Так в полетах к Луне «Аполлоны» вел Вакх, Феба суть, что был крылья ему: Сила, Мать. Вакх — Тьмы паж, Ею сильный; служа Тьме чрез Вакха, Корабль есть **Машина-Слуга, Э|ки|паж**: паж Причины — Ки, Тьмы, с ней единый служеньем своим. С ней Антроп слит в одно Тьмой, Любовью: **царить — есть любить, господин и слуга — пара-Суть**. С тем, дву|г|лав|ный, — дву-Ла́в|ен Корабль: две любви в нем суть Love одна. Столп единства сего — жгут-эфир (жгуча т|кан|ь: эфир — огнь), **пуповина Любви**: Вакхов шлях, нить гер|ойска Причины, Любви-Her с|тез|я — Силы-Шелка (sil|k — шел|к (англ.)): ведь Сила — Любовь. Рек Выс|оц|кий о ней:

> Но вспять безумцев не поворотить —
> Они уже согласны заплатить:
> Любой ценой — и жизнью бы рискнули, —
> Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
> Волшебную невидимую нить,
> Которую меж ними протянули.

С Машиной соглавный, Пилот дает ей главу всю, **головы не теряя**, начален: Антроп есть Одно, а Машина, слуга — Два. Антроп, Чел|овек, как не-Дух — Духа чел|н; Корабль — челн есть Антропу, иль конь (ведь челн — конь) сему ви|к|ин|г|у — Вик|ки, Тьмы-Жизни коню, кто в единстве с ней — kin|g, король (англ.). Такова есть Машина. Двуглава, она — конь, служением добрый своим, Букефал — Би|кефал, двуголовый (бу — bi — двух (лат.)), конь о двух гла́вах: одна — Александр, а другая, с ней слитна, — коня самого; Антроп — всадник Машины, Ашвин. Конь-Орел о двух главах, Корабль — челн двойной: пара «причина-следствие», Суть чья —- **единый Кон|ь, Мир, с|ка|кун Ра**, где Свет с Тьмой — Огнь один. Конь как плоть — жер|ебец, сущий е|с|ть и ет|ú (ведь со|и|тие — пища: Бог, Третий меж двух, что слились; жеребец — Р|жев|ский, муж жора-похоти: рж|ет — жеребец, конь); не хлебом лишь живы мы — Духом-Служеньем:

служить — ис|полн|ять, укр. ви|кон|увати: Глубью полнить, сердцá — Богом. Мир — Глубь в Луне, Глубь-Луна. Миросущна, машина Любви с тем — MA|SIN|A, MA|KIN|A, Луны-Мира конь: Син — Луны бог; kin — Конь Бога, Мир. Любви, Мира машин|а — плод Ма́шин: Марии, Тьмы Божьей: Мир — Лоно, Жена-Мать. Христос — «Маши|áх», суть «Мес|сия», труд чей — связь миров, Того с Сим как с Землей Луны-Мес|яца, — в чем Он с Машиной одно. Мира конь — Кон|дра|тюк, машин автор к познанью его; конь — Кан|динский, в ква|драт|е сокрывший Круг сей как Тьму, Вызов умам. Конь — хозяина верный-кон|ст|а|н|т|ный слуга, за него сильный кан|уть («кон» — «кан»: ибо Альфа — Омега; Кан|така — конь Будды, на коем по|кин|ул дворец он, став тем, кем нам ве́дом): Слу|жень|е — Мораль, Кан|он наш. Рек Христос: кто отдаст за Него свою душу — ее обретет смертью: г|лав|ный Хозяин наш — Бог, смерти Суть, Глубь-Луна, can|d|r`a (санскр.); кануть сильный за Бога, Хозяина (с тем — за любого, в ком чтим Он) — конь; нести-хранить — конский труд двуедин (*от коня смерть принять — пара|докс, Пуш|кин рек,* ***конь поэзии****: p|u|s-, p|an|us — Пан, бог поэзьи, что с Вакхом — в Луну Конь единый,* ***П|е|г|а|с*** *(pas — pus, Пан, пас|т|у|х: Греков бог скотий и Велес у нас; Пас|ха (πάσχα — греч.; East|er — англ.) — Влесов праздник пастуший (за коим пастух — Моисей, Пан Евреев), восточный: Восток — Солнца дом, в кое лезет бог сей как в Луну, главный Огонь (ха = га = go, Корова-Луна); как Зло злых, Пан пун|цов. Пан, Очей бог (охотник-пастух, каков он — О́чи суть) — Vis|li|puz|li, земли щедрой бог. Pu|skin — Па|нова кожа, покров Сути сей). Эго — п|ег|о: душа наша — конь; кон|сул в Риме — народа сул|ящий слу|га, конь: по|сул — обещанье Слу|жить; слуга царства — сул|тан (ви|з|ир|ь — vis, его очи, что зыр|ят-взирают: «зир» — в|зор); имя Сул|ла — «слуга»*). С тем, со|n — вместе (лат.): верность — единства лик; «кон» — **со**-: со|вместность-со|гласие (*как в «кон|сон|анс» — слитность Му|зыки, Сна: с явью* ***со****|н — пара-Суть. Лат. con|sil|ium — совет; ср. ивр.* סונכ */ ки|н|ус — съезд, совет, сбор, созыв;* סנכ */ ке|н|ес — 1) собирать,*

вносить, 2) съезд, совет, слёт). «Кин», конь — Син, бог Луны: Мир, Конь — в ней; «син» — «сим»: Мир, Хор-Сим|фония как Сім, Семь (укр.). «Кин», конь — чин, ран|г Слу|жен|ия; Chin|а — Китай, Слуг отчизна, Кон|фуция край как Лу|ч|ин|а невеждам; «чин|ить» — при|чин|ять, совершать как причин|а: Причина, Бог — сущему служит. С|о|ба|ка (греч. ky|n|o|s; лат. can|is; индейское kuni), хозяина верный слуга — конь его: при душе его («со ба» — с душою) второй, Луну воем зовущий как Суть; «со бак» — с бак|ом Вода: с Луной Мир — Суть с сосудом, Корова с Бык|ом как облаткой ее. Бог — Сон снов; Мир — Пес Сна сего, Пе|с|ня Господня: творца дело — песня его; Сна́ Пес, Сон — и Мир са́м: Глубь, Бог-Мир — Сон един, Пе|снь одна: Богу — Мир, Миру — Бог как Гор|тани Его. К Луне зов, Пес-Волк — цельность: волк — предок собаки прямой. С тем, равно́ и «Собачьим», и «Вольчьим» был Феб; Лу|п|ер|к|али|и, Волку хвала — Кали праздник: Мир — Тьма. С|кан|ди|нав|ы корабль звали «конь, или зверь, или лыжи морского конунга, моря, корабельных снастей либо ветра» и «волк корабельных катков», — из чего видим мы: конь и волк — суть едина: Мир, Бога Ко|раб|ль, раб Его. Конь-волк — Влес, в Глубь стезя: Путь — Мир, Конь. Во|лк — во Лук, в Мир путь: Мир — Лук в Лун|е; Артемида, единая с Фебом как Мать и сестра его — Кин|фия, Конь-Волк: «кин» — корнь сих двоих. Мир — Вол|к|он|ских Служенье, Вол|к-Кон|ь. Конь, пес — свита героя геройска: **слуга верный — герой всегда**. «Лошадь от кошки сохнет, от собаки добреет» (отчего не берут с собою кошки в дорогу: то — времени зверь (Кедров рек), враг пространства-коня): конь с собакой — одно. Встретить, в путь выходя, волка или собаку — знак добрый: Волк, Мир — Путь. «Башкир|цев», в кино Королев, Мира муж, — волк: этноним «башк|ир» — «волк» по корню; башк|а — Голова, Мир. Пес — «х|ор|т» у Славян (как порода борзых — grey|ho|un|d (англ.)) — Хор|с (конь — англ.), бог-Огнь их (S ↔ T): Мир, Хор, Серый (gray) Шар; волки — серы как он. Лай|лап|**с** — пес, что настигнет любого: Мир — Цикл, обнимающий все (*gov'но, дерьмо коровье — лай|но (укр.): Мир — Корова-Пес как единая суть*). «Кон» — «кен» — «щен»: кон|ь — щен|ок, дитя. «Верен как пес» — то ж, что

«верен как конь»; Пилат с псом дружил так, как с конем Александр; конь и пес — на охоте одно, как един Дух, Охотник, в сердцах. Пес при райских вратах — Петр, греч. к|амен|ь: при Господе — Мир, Камнь Его. **ПЕ**|га|**С**, лунный ска|кун, и Сем|ар|гл, бог Луны **(**Сем|ь — Жизнь: Тьма, Луны Суть**)**, пес крылатый — едины, как в Глуби, в Луне. Пес — Служенье, Пес|нь, кою поет Конь, Слуга **(**коим был Пес|тал|оц|ци, уч|итель Добра, Бога л|у|ч в царстве тьмы**)**; Пес — пас|тух (стерегут стада — псы); Пас|ха, праздник пас|туши|й — от ивр. חספ, пес|ах: Велес-бог, пастух наш, конь в Луну. Посему в Книге В|лес|а знак пса — конский, о чем указано:

Жуковская изучала фотографию [доскú с текстом Влесовой книги] из книги Лес|ного (…). А. А|с|ов опубликовал фотографию дощьки из «Жар-птицы» и рукописную перепись Ю. П. Миролюбова этой же доски. На фотографии из «Жар-птицы» дощька имеет большие поля и слева вверху имеется *знак собаки*, а на опубликованной Жуковской фотографии поля обрезаны. Перепись дощечки содержит примечание: «В левом углу дощечки вверху [т.е. на месте, законном для Духа, Тьмы] был небольшой *знак собаки или лошади*, к сожалению он фотографом не был захвачен во время съемки» (курсив и слова в скобках — наши).

Конь — Кон наш: на него ставим мы половину, вторý — на себя, в чем деленья срединного суть **(**нá кон ставящий всё — головою рискует, вверяя ее Богу иль Сатане: пан — про|пал, про|па|л|ил в нýль дыру**)**. Верный Матери, Гость наш (лат. con|viva, hos|pes) — конь-пес как Слуга, капля Тьмы. «Всадник-конь» — пара-Суть: князь-кон|язь и покорный ему: сила — воле. Покорство сие — одоления плод, покоренность: ивр. ענכ / кона — «покорённый»; ענכ / конэ — «подчиняю, укрощаю»: князь — старший над войском, когортой покорных; конь — первый в ней, силу дающий владыке: זעי ענוכ / конэ йаз = «подчиняю + он будет иметь силу». Об имени «князь» сообщается:

Князь: род. п. -я, укр. князь, болг. кнез «старейшина», др.-чеш. kněz, слвц. kňaz «священник», польск. ksiądz — то же, в.-луж. knjez «господин; священник», н.-луж. kněz «господин, священник», полаб. k'nąz «дворянин, помещик». || Праслав. kъnędzь заимств. из прагерм. kuningaz или гот. kuniggs, д.-в.-н. kuning, производного от kuni «род», откуда и фин., эст. kuningas «король». Знач. князь «жених» и «нарыв» табуистич. происхождения. Форма им. мн. князья восходит к др.-русск. княжья, собир., др.-чеш. kněžie, чеш. knězí.

С кон|ем един, князь С|кан|динавов — кон|ун|г. О нем сказано:

Конунг – древнескандинавский термин, происходящий от прагерманского kuning-az – 'глава общины' (как и славянское слово «князь»). Обычно монарху-конунгу принадлежал один или несколько кораблей, дружина воинов и обширный земельный надел. В некоторых случаях конунг не имел земельных владений и вел странствующий образ жизни на корабле – таких конунгов называли сэконунгами (морскими конунгами). Когда речь идёт о скандинавских монархах эпохи зрелого средневековья, термин «конунг» принято переводить на русский как «король» (например, шведский король Магнус Ладулос).

Конь князю — оплот-пь|е|де|стал. Ивр. דושל / лаш|уд — «полнокровный, усиленный»: конем — хозяин его. Co|hor|s, «со-лошадь» — гвардия (лат.): коньми сильных когорт|а, не суща без них. Сакнскр. арудха — «высоко сидящий» (= на коне), с тем — и «утвердившийся», «имущий опору» (пример: йо|гарудха — тот, кто утвердился в практике йоги; Гаруда — челн-птица, Гнез|до чье Господь: «гнез» — «кнез» — «князь»: господин, столп; «гнездо» — «гнедой», ма|с|т|ь конска). Рек Рай|мун|д Л|у|л|лий:

Ры|царю принадлежит конь, символизирующий душевное благородство, дабы сев на него, возвышался бы рыцарь над всеми людьми, дабы виден он был издалека и дабы сам он видел далеко вокруг и раньше других смог бы выполнить то, что велит ему рыцарский долг.

Конь бессмертной душе — сердце бренное наше ♥: седло — седоку; **конь коней сущих — Мир, Hor|se-Хор, душ́и Суть, под на|езд|ником Богом, Ум Сердца сего, нас учащий Слу|жить** (*«езд» — пит|аться, ест|ь-быти: Движение — Жизнь; Миру Бог — П|ища-Сверху, какою Мир сущ; го|л|од-г|лад сущих — Мир, Божий П|лод, Лад-Лад|ь|Я, Лод|ка душ (ибо Ум, каков Мир пред Творцом — к Богу, Сердцу ладья, с|кор|лупа на Воде, коя Бог; лу́па нам зрить Его), Бо|гом г|ладный как Песня о Нем, Гол|ове его (гла|д — бо|ль без|гла|вости); Песнью сей — сыт solo|way*). Сив|ка-Бур|ка — он, Свет-Тьма: сив — белый, бур — черн, в Тьму дыра (Земле — Сев|ер, Бо|р|ей, белый льдом, как в Мир лаз). Лошадиная Сила — Мир в нас, Мощь жива. Бог есть Мира

Держатель: де|ржать — ржать: звать Господа, Суть (ведь глас — зов). С|тре́мя — с Тремя как Миром, Конем. За Богом второй (se|c|on|d — англ.), как вторым за пространством есть в|рем|я, ре|м|ен|ь вещей (rem) во Служенье (се|к|ун|да — сеч|ет как сек|ач: не служить — битым быть), — Конь (греч. гиппо|с), Мир есть недо-Бог (понижение — гипо (греч.)): меньший Творца на с|ту|пень, коей Мир есть как Пень|е Его о Себе (*посему имя «князь» в языках Славян* ***десятиóбразно****: Мир, Десять — Бога лик, Им|я Его как покров Сути этой*), Can|zon|a (ит. песня) как Сон бренных глаз и очей горних Явь. Бог — Суть, Мир — Ее в|ид|ность, и|кон|а, kin|d (англ.), s|kin (англ. кожа: ко Жа|ру облатка: Господь — Огнь), Кон|тей|н|е|р Ее: скин|уть корку сию — Суть узреть. Бог — П|ор|т|ной; Мир, Конь — Т|кан|ь Его. Бог есть Коня-Мира П|ища, О|вес как Все|го О|хва|т, кое есть Мир, Камень-Вес как Мощь Бога (*пытают: коль Бог всемогущ, может Он создать камнь, неподъемный Ему? Вопрос праздный: могущество Бога и Камнь сей — одно*). П|лощадь — Лошадь: Мир — s|cen|a Творца, где Он Сен|ь; лош|адь — лож|ь: Мир пред Богом как Истиной, Это пред Тем. Мир, Конь — Божье Пространство, несущее время в себе как пространство в утрате. Рек Кедров о том:

конь — это зверь пространства
время — пространство, свернувшееся в клубок
пространство — это развернутый конь

Очам нашим Мир есть сосуд Бога, горшок, где скрыт Он от очей; с тем, осколок горшка — остра|кон: Конь расколотый, остр|ый кусок — в розни Мир. Из сосуда торчащий сего, Бог — рог единорога, Коня в цело|мудрьи его: Мудрость, Тьма (и рог сей — цветом черн). Плоду Божьему, Миру у римлян согласен бог Кон|с с своим праздником. О том написано:

Конс (Consus; ивр. סונכ /канус – «собранный»), один из древнейших римских аграрных богов, почитавшихся вместе с богиней Опс, бог собранного урожая, страж зерновых запасов, убиравшихся на зиму в подземные хранилища. Его закрытый подземный алтарь открывался только дважды в год (21 августа и 15 декабря) в праздник консуалий, когда ему приносились жертвы, устраивались бега, состязались пастухи, украшались венками лошади, мулы, ослы. По преданию, во время консуалий были похищены дочери приглашённых Ромулом

на праздник сабинян. Впоследствии консуалии слились с праздником «конного» Нептуна, а сам Конс по созвучию его имени со словом «совет» (consilium) считался богом добрых советов (Dion. Halic. II 31; Serv. Verg. Aen. VIII 636; Plut. Q. R. 4).

Хору, Миру Г|ос|под|ь — Дир|и|жер: Ды|ра-Же́р|ло, Ос|ь-Суть. Сущий в паре с Ним (con Dios — с Богом (исп.)), Мир есть ко**м**|пан|ья Ему (M ↔ N), Co**n**|tra (противо- (лат.)), «Три-напротив», при Нем (К|о|н|ь — ко Он: к Богу — спутник Его), К|ун|а|к — Друг, суть Друг|ой как при Первом Второй (при Добре — как Щел|кун|чик-герой), Его га́л|о, ход чей, меж иных Коню должных, — гал|оп. Мир — Ком, сле́пленный Богом ком|пак|тно; он есть ком|про|мисс-ком|позиция-ком|пле|мен|тар|ность Тьмы с Светом как Двух, что Одно — в Боге лишь. Кон|дор, небу служа как дор|ога в высь — Мир, Конь при Выси-Творце, Дол под Ним как согласная суть. О сей птице как г|ри|ф|е (*ведь кондор есть гриф; псы тибетские — G|rei|ffs: Мир — Пес, Серый (g|ra|y — англ.) Шар*) сказано:

Гриф-птица, мифическое существо, наполовину птица, наполовину зверь, перья у нее заостренные, словно с|тре|лы, когти и клюв железные. Считалось, что гриф-птица вила гнезда на двенадцати дубах [Двенадцать – число *виденья*: Мир – Очи, Тьма]. В народной памяти это причудливое создание запечатлелось в разных обличьях: исполинская птица, подобно черным тучам заволакивающая небо, затемняющая солнечный свет [так Мир, сосуд Бога, нам застит покровно Его]; от взмахов ее гигантских крыльев поднималась буря, колебалось сине море. В те далекие времена люди верили, что «гриф обитает в Азиатской Скифии [сиречь в Сибири], владеет золотом, серебром [Орихалк, царь над двойкой сей – Мир] и яростно набрасывается на тех, кто покушается на ее богатство, наказывает корыстолюбивых». Грифон пришел в славянские земли с Востока, где, как и лев, считался эмблемой царской власти, через Италию и Византию; возможно также имело место влияние греческого грифона, «собаки Зевса» [сиречь коня, слуги верного], стерегущего золото в стране гипербореев, которых любил Аполлон (комментарии в скобках –наши – *Авт.*).

Конь при Пане, Владыке (co|n — co|m: M ↔ N), Мир — Слуга́ слуг: Вес Божий нести — есть быть Все|м, кое он, Богом сущ как творенье Творцом. О|се|д|лав Мир, не|сет|ся Ан|троп, с сей Тропою един, к Богу, в Ко|р|нь и Кон|ец троп, возвратным Путем, каков Мир, Конь-и-Путь его (*go — Корова-Бык*

(санскр.): Тьма-Свет, Мир; go — идти (англ.): Мир, Конь, Дет|ка Творца, и|дет Миром, Путем, как несется река в русле, кое — она ж): «вер|ный», «пра|в|ил|ьный» — прав|ящий к Господу Миром, Конем, с вер|ой в Вер|х, Бога-Суть (*контракт — Конь-Тр|акт: Мир, Путь-Т|ра|кт*). Конь, Мир нас влечет в То; и сказано:

Конь является мифическим образом Смерти, он доставляет умершего в потусторонний мир, осуществляет переход из одного мира в другой. Юнг считает, что конь выражает магическую сторону Человека, интуитивное познание.

На Пути, Мире мы есть кочевники, с Миром сплотясь как Конем: с Целым — часть (с тем, ле|г|ен|дой реклось о кочевниках как о родящихся на спине лошади, ездить учась до того как ходить). Путь — шлях (укр.); благородство — шлях|етність (укр.): причастность Благу и Миру, Пути; шлях|та — свита царя. Хор Пути коневой есть Вай|кун|тхи — хор райских планет: вэй — путь (кит.). Путь идущий, Мир, Богом единый, как Бог есть Река без брегов; как Мир лишь — берега без Реки, пересохший поток, Ум Ума; как Мир Божий — Река с берегами: Движенье-Покой, Конь-и-Путь, как реклось, — Сердца Ум. Путь текучий, Мир — Велес, лаз в Бога, что позже стал Власьем (отсюда — «власы»: гр|и|ва конска — суть Хри, Ева-Тьма). О том сказано:

…в качестве специализированных покровителей коней выступает св. Власий (который также иногда изображается на иконах всадником) и Никола (Николай): в Белоруссии праздник Власия назывался «конское свято» – в этот день объезжают молодых лошадей, не работают на лошадях, устраивают для них специальную трапезу.

Дитя Мира, Коня, и сам всадник, Антроп с тем — седок двух коней: Мира, Сути своей, и Машины, продленья-слуги, чей мотор, Мира полный — Коня есть кристалл. Бог, Творец перводвижущий (*P|ro|t|on kin|un (греч.), Не-Конь: кон|ь — к|ін|ь (укр.), суть Ки-Ин, Дух-Внутри; ки|н|ут|ь — бросить в Коня: Мир — вкруг нас*), Миру — В|сад|ник, ведь Мир — Сад, а Бог есть Садовник Внутри у него, что в|саж|д|ает Себя: в Два его — Третье-К|лей, Милость в

Суд, Сут|ь его **(**в саду райском так ходит Бог**)**. Всадник, сословие в Риме — e|qu|ite|s (лат.): в сути — равный Творцу: конны оба они **(**equi|al — равный (англ.) + quite — вполне, совершенно, совсем**)**. Бог — Дух Мира, Мир — Тело Его **(**Д|ра|к|он, Рак-Конь, цикличный Творцом как зубами его, укусившего хвост свой**)**; с тем, дух — те́ла корм|чий и всадник, а тело — корабль, конь. Мир — Цель|нос|ть, сиречь Цель нос|ящее: Б|**ОГ**|а — Путь, Мир, К|онь Его, Конь-**О**|**Г**|он|ь **(***о|б|ни|ма|тель углов, go|n|os (греч.) как некруглости сущей: Мир — Шар; kin|dle — зажигать (англ.)***)** как Pyr techni|**k**|**on** — Огонь творящий, служа́щий Творцу: **созидание Миру — Служение, Бо|гу ответ на за|бо|ту Его (***посягая на трон Его, техника наша — не творчество, древних огнь, но тюрьма-Ум нам; служа — то челн Сердца, Корабль, Мира образ, челна Бога в нас***)**. Скандинавская Ke|n|az — раскрытия руна **(***являть — наз|ывать; но|с|овой — есть наз|альный***)**: Творца — в Мир Его; kaun — факел (сканд.), can (брит.): Мир, Пламя **(**гот. kanu: Мир — Бога Кану|н, кану|ть в Коего до́лжно**)**, Огнь, Богу служа́щий как пес, kyn|os (греч.), Бог-плашмя. О сей руне читаем мы:

Большинство знатоков рун толкуют название Кеназ как «факел», а факел испокон веков считался символом знания, сознания и ума. Kenaz означает «знать»; английский диалектный глагол ken, а также голландский и немецкий kennen переводятся как «знать [что-либо], быть знакомым с [чем-либо]». // Более того, все эти глаголы означают не только «знать», но и «уметь, быть способным [к чему-либо]». С Кеназ связано голландское слово ***kun|st***, которое можно перевести как «искусство» и «ремесло» и которому в английском соответствует слово cunning – «уменье, ловкость, искусство». Кеназ обозначает способность находить, приобретать, применять и распознавать, а также символизирует учёбу и процесс обучения. // Основной смысл Кеназ – факел, тот факел знаний, который надлежит передать последующему поколению родственников, в современном английском именуемых ***kin***, а в древнеанглийском – ***cyn*** (оба эти слова имеют англосаксонское происхождение и связаны со с словом «Кеназ»). В своём основном значении kin – это члены одной семьи, кровные родственники [Мир, Кон|ь (кін|ь – укр.), слова этого ко|р|нь – Хор, Семь|я]. Однако kin можно интерпретировать и шире – как группу единомышленников, принадлежащих к одному племени. Древнеанглийское слово cyning также связано с «Кеназ». Cyn|ing означает «король» (англ. king)[kyn|os, народа пес верный, слуга у него] не случайно в «Англосаксонской рунической поэме» упомянута «родня короля». В северной эзотерической традиции каждый король – потомок Водана. Он должен

быть «факелоносцем» – средоточием коллективной души, сознания и совести своих подданных, а также носителем «хаминьи» (hamingja), то есть удачи своего народа. В других мистических традициях древности, таких, например, как египетская, царь вдобавок выступал верховным жрецом в мистериях. // Утратив большую часть своих древних знаний, мы всё же не лишились права предположить, что в старину схожих обычаев придерживались и в северных странах. А в наши дни «родня короля», упомянутая в этой рунической поэме, может пониматься, скорее, в духовном смысле, а именно, как посвящённые – духовные потомки Водана, озаряющие мир светом эзотерического знания. Кеназ символизирует внутренний свет, твёрдую уверенность в своём происхождении от богов, королей и племенных вождей и ответственность за то, чтобы нести в мир просвещение и в надлежащий срок передать факел знания в руки потомков. // Атрибуты Кеназ на психологическом уровне – ясность мышления, прозорливость, самосознание, врождённые или наследственные знания, уверенность в себе, доверие к своей интуиции и, наконец, умение сосредотачиваться и предпринимать решительные, целенаправленные действия. *В сочетании с Рай|до – руной, указывающей дорогу, — Кеназ озаряет светом эту дорогу, чтобы мы знали, куда идти. Сообща они направляют нас на верный путь*. // *Стихия руны Кеназ — укрощённый огонь*. Это огонь энтузиазма и вдохновения, а также огонь, служащий кузнецу (к примеру, огонь в кузнице Вёлунда). Один из богов, воззвать к которым позволяет Кеназ, – Хей|м|д|ал|ль, именуемый «сияющим асом». Именно Хеймдалль обучил руническим мистериям своего потомка – человека по имени *Кон*.

Ф|ре|й|я Асвинн (курсив и слова в скобках – наши)

Ашва|мед|ха, Индийцев обряд основной, захват (ra|id — англ.) Глубью-Огнем, — жертва белым конем: Миром (кто — П|ра|д|жа|па|ти им) — Богу как Сердцу Умом, Светом Тьме, Сим Тому. Ашвамедха есть царский обряд: Царство — Мир; «ашвамедха есть всё» (Шатапатха-брахмана), суть Мир: ведь Всё — он. Рекут Веды:

Ом! Поистине, утренняя заря – это голова жертвенного коня, солнце – его глаз, ветер – его дыхание, его раскрытая пасть – это огонь Вайшванара; год – это тело жертвенного коня, небо – его спина, воздушное пространство – его брюхо, земля – его пах, страны света – его бока, промежуточные стороны – его ребра, времена года – его члены, месяцы и половины месяца – его сочленения, дни и ночи – его ноги, звезды – его кости, облака – его мясо; пища в его желудке – это песок, реки – его жилы, печень и легкие – горы, травы и деревья – его волосы, восходящее [солнце] – его передняя половина, заходящее – его задняя половина. Когда он оскаливает пасть, сверкает молния; когда он содрогается, гремит гром; когда он испускает мочу, льется дождь; голос – это его голос. // Поистине, день

возник для коня подобно [сосуду] Мах|и|ма|н, что ставят перед [конем]. Колыбель его – в Восточном море. Ночь возникла для коня подобно [сосуду] Махиман, что ставят позади [коня]. Колыбель ее – в Западном море. Поистине, эти [сосуды] Махиманы возникли по обе стороны коня [как крылья – несущая Полность, Тьма – *Авт.*]. Став конем, он понес на себе богов, [став] жеребцом – гандхарвов, [став] скакуном – асуров, [став] лошадью – людей. Море – его родич, море – его колыбель» **(**Бриха|да|р|ань|яка-упанишада, I, 1, 1-2**)**. «Он [«зовущийся смертью», Господь: ибо имя Ему – смерть – *Авт.*] пожелал: «Пусть это [тело] будет пригодно мне для жертвы и пусть я воплощусь с его помощью». Тогда [оно] стало конем; возросши, оно сделалось пригодным для жертвы, поэтому жертвоприношение коня зовется ашвамедха. Поистине, кто знает это, тот знает ашвамедху. Оставив его на свободе, он стал думать [о нем] и по истечении года принес его в жертву самому себе, а [других] животных отдал богам. Поэтому и приносят в жертву Праджапати освященного [коня] принадлежащего всем богам. Поистине, ашвамедха – это то, что излучает тепло; его тело – год. Этот огонь – арка; эти миры – его тела. Итак, их двое – жертвенный огонь и жертвоприношение коня. И опять же, они – одно божество: смерть. Тот, [кто знает это], побеждает вторичную смерть, смерть не настигает его, смерть становится его телом, он становится единым с теми божествами» **(**там же, I, 2, 7**)**.

Коню-Миру как Жертве всех жертв посвящен в Ведах гимн:

1. Ты заржал впервые, рождаясь,
   Вздымаясь из океана или первого источника вод, —
   С крыльями сокола и передними ногами антилопы,
   И это было твое великое, достохвальное рожденье, о конь.

2. Яма принес его в дар, Трита запряг.
   Индра впервые сел на него верхом.
   Гандхарва схватил его поводья.
   Из солнца вы сотворили коня, о боги.

3. Ты, Яма, ты, Адитья, о конь,
   Ты Трита по тайному предназначению.
   С Сомою связан ты тесной связью,
   Три привязи, говорят, у тебя на небе.

4. Три, говорят, у тебя на небе привязи,
   Три — среди вод, три твоих — в океане.
   И еще, о конь, ты похож на Варуну
   Ибо в нем, говорят, твое высшее место рожденья.

5. О скакун, вот здесь ты купаешься,
   Вот сокровища копыт твоих — победителя.
   Здесь я увидел твои поводья счастливые,
   Те, что пастырей закона надзирают усердно.

6. Мыслью издали познал я твое «я»,
   Птицу легкую, парящую в поднебесье.

Я видел крылатую голову, храпящую
На гладких, лишенных пыли дорогах.

7. Здесь увидел я твой высший образ,
Стремящийся почерпнуть силы в следе коровы.
Едва лишь смертный насладился тобой,
Наиглавнейший пожиратель растений пробудил его.

8. За тобой — колесница, юный муж — за тобой,
За тобой — коровы, склонность дев — за тобой.
За твоею дружбой войско следует,
Боги тебя наделили силою мужества.

9. Он с золотыми рогами, он с ногами из бронзы.
Стремителен, как мысль, Индре не догнать его.
Сами боги жертву пришли вкусить
У взлетевшего первым на коня верхом.

10. Небесные кони, силой играющие, —
В средине — скачут еще, в конце — остановились, —
В ряд, словно гуси, смыкаются, —
Они достигли небесного ристалища.

11. Твое тело, о конь, — в мощном полете,
Твой дух мчится, словно как ветер,
Твои рога во множестве мест являются,
Мечутся во все стороны по лесу.

12. На убиенье отправился быстрый конь,
Погруженный в думу, — мысль к богам обернулась.
Козла ведут впереди его — сородича.
За ним идут певцы, идут поэты.

13. Виталища высшего он достиг,
Конь. Там отец его и мать.
Так пусть он нынче уходит к богам, он, самый приятный им,
И испросит даров, желанных жертвователю.

Ригведа, I, 163

Об обычае сем также сказано:

От жертвоприношения коня в Индии зависело благополучие всего царства. В некоторых царствах Индии фалл жертвенного коня царица-ра|ни вкладывала себе в йо|ни [влагалище], таким образом «обеспечивая» плодородие стад и полей царства.

Конь при всаднике Боге, при Сердце Ум, — Мир при Нем бык при корове, козел при козе. Посему в ашвамедхе с конем были жертвою бык и козел. Конем жертва — обряд Скифов. Рек Геродот о них: «Из богов же почитают только Солнце,

коему жертвуют коней». То ж писал и о Персах он. То ж зрим у Греков: скорбя по Патроклу, коней принес в жертву Ахилл. Римский жертвенный конь — конь октябрьский: **ок**|тябрь — Десять, Мир (един с кем Вакх, в Луну конь, чей месяц — октябрь); с ним един, дека|брь (в Риме — десятый по счету: год полный как месяц венечный сей — Деся|ть, Мир) — Очи, благой Додекаэдр как суть. О том сказано:

Близок к ритуалу «ашвамедха» римский обряд «октябрьского коня». После состязания на колесницах в декабрьские Иды правый конь в победившей упряжке приносится в жертву Марсу, а потом кто-нибудь отрезает хвост лошади, несет его к т.н. Регии и окропляет алтарь кровью, в то время как со Священной дороги и с Субуры спускаются люди и спорят за голову коня. Дюмезиль считает, что это реплика на древнеиндийский ритуал Ашвамедха. (…) Римское жертвоприношение как раз и подтверждает, что в жертву приносится, как и в Ханаане, самое дорогое – правый конь в упряжке, победившей в скачках, т.е. САМЫЙ ЛУЧШИЙ конь, САМОЕ ЛУЧШЕЕ. Характерно и то, что жертва приносится в декабрьские Иды, т.е. в ближайшее к Рождеству Солнца полнолуние, два дня которых – 15 и 16 числа лунного месяца считаются днями Бога и носят особые обозначения в еврейском календаре. Но самое поразительное то, что в этом 2007 г., т.е. 5768 году от сотворения мира, гематрия которого 5+7+6+8 = 26 (הוהי), (в месяце תבט /тевет) декабрьские Иды {עדי /йида // Ида – «Знание [Бога]»} приходятся на 24 и 25 декабря – «День начала года у Орфиков-Друидов» или на т.н. «Рождество Христово». Иными словами, декабрьские Иды в древнем Риме считались главным праздником, когда *Луна как бы рождала Солнце* (курсив наш – *Авт.*).

О Коне как Пути (ведь Мир — Путь) сообщается:

Когда в многоплемённой Арийской империи приходил к власти очередной император, он должен был получить подтверждение того, что все региональные правители (цари, князья, эмиры, ханы и т.п.) признают его в качестве императора. Для этого он выпускал белого коня. И куда шёл конь, туда и шёл сам император, а за ним Орда. Если в какой-то земле региональный правитель не признавал императора, он ловил его коня. Это было знаком готовности к сражению.

Мир, Конь, есть Огнь-Вода; конность, с тем, — огне-водность; бог Индра, бог Агни — суть кони, о чем — гимны им. Ки|м|ме|р|ий|цам (ki|m — Ки-М|а|ть: Мир, Мер|а-Конь — Мать, Тьма) Конь — Солнце священное, Мир-Огнь, стрелять над главой чьей нельзя: над Главой, Миром — Бог, Голова (*таков Он и се|дланье|е сие: Бог как есть — Голова, как с Ним — Мир: Пара-Гл|убь, Гл|ава-Суть*).

Посему нужен воину конь: он на нем — что на Мире Господь, без Кого Мир не сущ (*«Самурай без клана и без лошади — не самурай вообще», — сказано у Ямамото Цунэтомо: к|лан самураю — суть Бог, к Лан|у (Полю — укр.), Миру Глава; конь — суть Мир; Оба — Глубь, в коей во|ин ступа|ет. Клан всадников, Древности ч|есть — от Ашвинов идет*). **Служа Бо́гу, Мир — Конь-на-Быке, с ним внутри как Кен|тавр: поглотивший Быка, сделав частью согласной своею**. У Кельтов, народа Луны (Бога-Мира — в ней Глуби) согласен сему ритуал воцарения — брак короля, в сути Бога, с конем и съеданье последним быка. О том пишет история:

Из двух важнейших ритуалов, освящавших начало исполнения королем своих функций, главным [у Кельтов], видимо, был ритуал священного брака короля с лошадью, сходный с индийским ритуалом ашвамедха. Вторым из них был так называемый праздник быка (tarbfeis), центральным моментом которого являлось погружение в пророческий сон специально назначенного человека, отведавшего мяса и крови ритуального быка: во сне он должен был увидеть будущего короля.

Конь, быка поглотивший (в коня обратив: слуга, бык — конь), Кентавр — всадник: **конь на коне**, с ним едином. Таков Гость, Ашвин-Диоскур на Машине, слит с коей в одно. О победе Коня над Быком, над Умом — Сердца сказано:

В таинствах конца II тысячелетия, начиная примерно с 1350 года до Р.Х., но не в Элевсиниях, древний быкочеловек «Стрелец» невольно все время наводит на подозрение, что он уже стал «конечеловеком», или всадником, тем более что именно тогда и Диоскуры в Спарте стали всадниками. Правда, Евбулея это касается гораздо меньше, чем Кастора-Триптолема, ибо во II дохристианском тысячелетии для коня мифически открылось небо, но не Гадес. В Гадес боги и люди могли попасть только пешком либо с помощью шумерского осла. В Элевсиниях Близнецы шли пешком.

Ди|т|ер Лау|энд|ш|тайн. «Элевсинские мистерии»

На Быке Конь, Кентавр — суть фамильи «Вол|к|он|ские» слуг земли Русской, где главна — Ма|рия (Ра|ев|ская — в д|ев|ах), служеньем великая: так служит Богу Ть|ма-Ма|ть — Луна, вол|ка Огнь, ливнь чей — Имб|волк. Слуга, конь, господина достоин служением верным своим. Пред конем склонён всадник его: слуга верный,

конь — святость сама, ведь Служенья святей — нет; слуге, бх|акт|е (санскр.) служит Бог, и недаром, — ведь бхакта Его вечный, Мир есть Дитя Его, Kin|der (нем.): служит любовью творенью творец. Кони оба друг другу Они, Бог и Мир; и Мир Богу Конь-Конь, сущий вечно внизу, а Бог Миру — Конь-Всадник: над-ним-и-под-ним. Ивр. הנוק / коне — «Бог, Хозяин» — творенья Оплот: Мир на Боге стоит как Столпе **(**Кон|хо|бар — кор|оль Оль|ст|ер|а в мифе, земли сей слуга**)**. Бог, Царь Мира, оплотом имеет его, ведь Оплот Мира — Бог. Так царю столп — народ, столп чей — царь, что на Боге стоит. Мира верный Слуга, Бог Слуга с тем и нам, миросущным, как слугам Его. «Царь живет для вас, Бог живет для вас», — учит мудрый Египт: царь, лик Бога — суть Конь Бога, Мир; оба Кони Они, служа нам. Учит царь, Конь, преемника сына:

> Заботься о людях – пастве Бога. Для них сотворил Он небо и землю, для них покорил Он чудовище водное [змéя Апопа – левиафана-Сатану], для них соделал Он дыхание в ноздрях их, дабы жили они. Они (люди) образы Его, вышедшие из тела Его, для них, сияет Он в небесах [как Ра-солнце]. Для них сотворил Он растения, скот, птицу и рыбу, дабы питать их, для них поразил Он врагов своих, уничтожил чад своих, когда замыслили они мятеж. Для них сотворил Он свет дня и плывёт Он в небесах, дабы видели Его. Для них, воздвиг Он храм вокруг них [Мир, Дом их], и когда плачут они, внемлет Он им, определяет Он правителей для них от яйца [от Утробы, Жены], вождей, укрепляющих спину слабому [Господом, Глубью: Столп сей – Прямизна наша], дабы отводили они ею удары вражьи. Надзирает Он за ними [людьми] денно и нощно, поражает Он вероломных и из среды их, как бьёт человек сына своего ради брата его [сиречь воспитует чрез наказание]. Ибо ведает Бог имя каждое.
>
> «Поучение Мерикара» (слова в скобках – наши)

В том — Служения Цикл: Бог, Слуга, чрез нас, слуг, Себе служит. Служение — Божность: Слуга высший — Бог; оно — Конность: Конь высший — Господь (не будь так — не исшел бы Конь-Мир от Него, от Родителя чадо). Язвить Коня — Бога язвить: грех тягчайший из всех. Конь троянский — попрание Бога: разбойник под маской Слуги. Всадник — и|го коня. Игг|дра|сил|ь, древо-Мир — «с|ка|кун (конь) Игга», О́дин|а (ведь я|сень сей — конь С|лей|пнир), Бога: Един|ый — И|**го**-**Го**|сподь, **Го**|лова; древо это — Ашваттха Индийцев: «стоянка лошадная», Коновязь-Конь.

Игг — суть egg, **я**|йцо (англ.): Бог — Я наше, из коего вы|луп|ясь, мы — с|кор|луп|а Сути сей. Эд|д|а — Ad|d, «прибавлять»: Коня к Богу как Ви|**к**|**ин**|го|в Суть С|кан|динавску; «Эдд» = Eg|g: Г ↔ Д (так **д**уша — **г**лава нам). Игг|дра|сил|ь, я|сень — Сень-Я: Мир, Глубь. В|ё|ль|ва **(**в Эд|дах — провидица, «сущая в Эль»: в Боге — Мать, Вульва-Тьма**)** древо это зовет **m**|**io**|tvi **ma**|e|r|an — «древо меры, пре|крас|ное»: Мир — Крас|ота. Бога Конь, он — И|кон|а Его: дитя — образ отца; а в иконе зря Бога — ки|от ее: Бога че|хол, s|kin Его. Мир (Пес, Кино|с) — про Бога К|и|н|о, чей есть мы e|pis'од, Фил|ь|м **(**от «фил»: Мир — Любовь**)**, что к Ино|му влечет сему: Бог нам аб|с|тр|акт|ен, в очах скрытый Миром-сосудом, кон|к|ре|т|ен же — Мир, очей Огнь: зря его — Бога зрим, в Огне — Огнь, в Яви — Тайну ее, чрез Э|к|ран Жизни — Жизнь; Кан|ны, град Кино, с тем — мировой. Can (лат.) — «сап» (рус.): Семь, Сап|та — Жизнь в Боге, Мир. Кон|ь, Мир — Сон бренным нам: Полность — частию бодрым, пустым. Конь-Вен|ец коней сущих, Мир — Матери Шар, Шар|М Ее, Тьмы-Воды **(**Посейдон, Воды бог — Гиппий, Конный, у Греков; кобыла Эйоха — Вода**)**, Лоно сущих, Жена; О|ба|янь|е, об|ъемлюще нас **(**con|v|en|t — женский мона|сты|рь (англ.): Мир, Конь как Монада-Жена, Вент|иль Бога в сердцах**)**. Тело Тьмы, он есть Бога Кон|т|ен|т (со|держимое — англ.), Тен|ь Его — сущий в Нем, сущий Им: Бог и Мать — Тьма одна. Мир — Кон|цер|т есть Ее: глас Коровы сер|ебряный: **Конь сей — Коро́ва**, мычанье чье — р|жан|ье его, глас Же|н|ы, коим р|же|т-режет он: Тьма — без но|ж|ен Нож-Огнь **(**дар чей есть хлеб ржан|ой, преломляя какой, Иисус тем **делил на всех Мать)**. Кон|Го, имя страны черной, Тьма, — Ко|нь-Ко|рова как слитная Суть; «гав» со|бач|ье, глас Мира как Пса — Gov, Коровы-Тьмы корнь. Скандинавов богиня Э|йо|ха, лик Матери — Эхо, кобыла **(**eoh — лошадь (брит.)**)**: Эх|о **(**англ. ech|o — «ещё», образ**)** Бога — Мир, Конь как Кобыла: ведь, Тьма, — Жена́ он. О сем сказано:

> В Ирландии и Уэльсе слово «лошадь» (ирл. ech) входит в имена множества мифических персонажей, связанных с солнечным культом и потусторонним миром. Например, добрый бог Дагда носит имя Эохаид, Отец всех, а один из правителей фоморов зовется Эохо Эхкенд («Эохо конская голова»).

Eh|wa|z и Eih|waz — перемен-хода руны: Мир — Путь; Пес, Ко|бел|ь, он с Кобыл|ой одно. Посему **Божий Мир — Конь-Корова-Коза-Пес как слитная Суть**. Пес — Пес|ки, Пус|тоты пес|нь очам как Пустыня смотрящих, песчинки чьи мы; с тем-то «Белое солнце пустыни» — кин|о космонавтов, стартующих в Мир: от Земли, части — в Полность, Мир-Всё. В словах kun|a — влагалище, и kun|n|a — девушка, женщина (сканд.) корнь — Конь, Мир ((U = O); Ашва|мед|ха, обряд — Aqua'Mad'ha: Мир, Конь — Иггдрасиль, иль Ашваттха, — Шар Mad, Тьмы-Воды. «Кон» — «кан» — «кам»: Мир, Шар-Мать — Кам|ы Шар **(**конь — комо|нь (стар. рус.). Комоне|бранец — «с конями борец»; комо|рох — скачущий на коне; от сего — «с|коморох»**)**. Посему имя «путь» в украи́нском — Жена: ведь Путь — Мир; хо|мут, упряжь коня — женосущен как ко́нь сам: хо = go — корова, жена; мут|ер — мать (нем.) **(**ивр. טומה / ха|мут — шест, кол, оглобля, дышло: Тьма — Фаллос; טומ וה / хо мут — «Божий шест»**)**; древу Мира, Ашв|аттхе одни несли женщин как жертву (хараппцы), другие — коней (индоарии). Кобыла Ману — суть Гея, Земля: в части — Целое, Мир (им и есть она *видящим*). Конь и коней господин, Мир — Кобыла; кобылы ж — его божества, о чем сказано:

Сравнение греческой «хозяйки коней», древнеиндийской Dva|spa «хозяйки благоденствующих лошадей», кельтской богини Эпоны (богини лошадей), прусского конского божества позволяет также предположить наличие особого индоевропейского (в большинстве традиций женского) мифологического образа, связанного преимущественно с лошадью. Возможно, что малоазиатское представление о женском божестве на лошади сказалось и в греческих преданиях об амазонках, по некоторым признакам отождествляемых с хеттами. Рассказы о мифических лошадях известны в древнеиндийской, кельтской и славянской мифологиях.

Об Э|пон|е, по|пон|е Господней, указано также:

Считаясь небесной покровительницей лошадей, Эпона неизменно изображалась в окружении лошадей, часто с символами плодородия и изобилия. Эпона нередко отождествлялась с врачеванием, в частности – с водолечением. Кроме того, ее культ связан со смертью; считается, что она играла роль провожатого и стража, охранявшего души умерших при переходе в подземный мир.

Бог — Кон|дите|р, а Мир, Конь — Кон|ф|ет|а Его: Плод, Дитя. Конь, Мир — в Бога Кан|ал-Руби|кон: раз|руби|ть узл сей Го́р|диев (*kin|k — пе́тля (англ.): Мир — Цикл*) — Бога стяжать. Мир — Кон|вей|ер: Конь вею|щий, Дух как Река, лик чей — ток э|лек|три|чества, луч|ший во бре|ньи в сре|бре как металле Коня, лике Мира (**con**|du|c|t — проводить (англ.): Тьму, Ток). Путь несущий, Конвейер-Конь — Мир как «Скользящий», Слейпнир-Игг|драсиль, предстающий лучом нам в рассказе о похищении Сар|ы Шоу в марте 1953 года из хижины в каньоне Туджунга, что невдалеке от Лос-Анджелеса. Вот что читаем об этом:

После того, как доктор Уильям Маккол подверг ее гипнозу, Сара рассказала следующую историю о том, как она была взята на борт НЛО: «*Маккол*: Вы встали около корабля? *Сара*: Нет, я начинаю плыть по воздуху. Я к нему плыву по воздуху. *Маккол*: Что вы имеете в виду, говоря, что начинаете плыть к нему по воздуху? *Сара*: ...они идут вместе со мной, но мои ноги не касаются земли. *Маккол*: Когда вы вышли из дома, они были на земле. Как вышло так, что они теперь не касаются земли? *Сара*: Ну, тут такой луч света. И я как бы... я почти как... *Маккол*: Сейчас вы видите луч света? *Сара*: Я нахожусь на луче света. Я стою на нем, и он изгибается под углом. Это похоже на какой-то эскала... нет! Он идет под тем же самым углом, как шел бы эскалатор, но только на нет нет ни перил, ни ступенек. Это просто очень гладкий, твердый луч, и на нем можно просто стоять... *Маккол*: Что происходит с вашими друзьями? *Сара*: Они все вокруг меня. Маккол: Они тоже стоят на световом луче? *Сара*: Но они вроде как... теперь я иду. *Мы все идем, но луч к тому же несет нас, как лента конвейера. Луч движется. А мы, в придачу к тому, как бы шагаем по нему*. Но я под собой ничего не чувствую. К примеру, не ощущаю ничего твердого под ногами, как было бы на земле» (курсив наш – *Авт.*).

Мир как Бога корабль и Машина Любви, Гостей челн — кони. С тем, Eh|waz, «лошадь», Слейпнирова руна — обоим дана сим. В ней Eh — эх|о, коим есть всаднику конь; waz — воз|ить-воз|носить, ваз|ой быть как сосудом несомому им. Про|вод|ник-Русло, Мир — и Вод|итель (du|c|er|e — вести (лат.)): Вод|а, что несет нас к Творцу, Сер|ый Шар. К|і|н|ь (*Ки-Ин|ь — Дух-Вода, Тьма-Глубь: Мир — Конь во Глуби и са́м Глубь*), конь (укр.) — греч. kin|ēsis, движение: Мир есть Река, что Служа́щим — Слуга, не Служащим — Кин|жал водяной: Тьма, Т|кан|ь Мира — острa. «Кин» есть «ким» (М ↔ Н: Мать, Мир — Ноль): Мир — Творца

Ки|м|оно́; ким|мерийцы — народ коневой (*имя также имевший «кербе́рии»: Ке́рбер — пес верный, Слуга. В тексте Библии народ сей вольный — «го|мер»: Мира, Лона, часть (mer|os — греч.); имя носивший сие, Гомер-грек им богат как Слуга*), с ними — ким|вры, германское племя. Кінь, Мир — k|in|g, ко|р|оль (англ.), кор|а Бога, роль-маска Его. В Боге, Кор|не, Мир — Ко|р|нь родов сущих, Хор как Единство до многости всех их (kin — род, семья (англ.)); имя «конь» посему — корневое как он. Хо|мя|ков рек об этом:

…догадка, что слово конь было коренным именем для лошади, подтверждается разительным сходством имен греч. кентавров с конскими телами и индейских кин|на|ра с конскими головами. (…) Остается предположить, что слово кен, кин, так же как слав. конь, означало лошадь, или что оба народа славянские (жители земли пригималайской, т.е. Бактрии) и гор Фракийских были и называли себя конниками.

Ки, Цú — Дух, Тьма-Ц|е|н|ность как Цен|тр наш, Любовь; и Тьма-Бог — Ценность чистая есть, а Тьма-Мир («К|и|н» — «Ки-ин»: Дух-Внутри, в Мире — Бог, Нутро-Суть) с Богом — Ценность, без Бога ж — Цена как не-Ценность, от Ценности-Бога дыра-нуль как секс без Любви. «Цен» — «кен», кон|ность: цен|тавр есть кен|тавр; ken (англ.) — знать, круго|зор: Круг очей наших — Мир (*о нем — фильм «Кин-дза-дза»: Мир в нем — Дом-Простота, где ступа|ют на ступе простой: с|ту|па Богу — Мир, Путь («сту» — «сто»: сту|пают — сто|пы; Мир — С|То); автор фильма — Дан|е|л|ия, суть «дан|ный Él'ем»: Мир — Богом как мир|о-е|л|ей нам, Творца Благо|дать*); kin|d — вид-род (англ.): отдельная видность; отдельности Корнь в очах — Мир, не-Господь. Майев град Чи|чен-И|ца (исп. Chichén I|tzá, астекс. Chichen Itzā) — суть Ки-Кен-и-Цá: Конь-и-Царь (tza|r — царь (англ.)) — Мир-и-Бог, Пара-Суть (часть «Чичен» зрим в «чечен|цы» — народ коневой, как и прочи, восточны душой; Чен, корейское имя — К|ен, Конь как приложенный к En — к «Не» как Господу-Тьме: Бог — Не-Мир как Иное ему). Конь — рыс|ак: р|ыскать — Бога искать, сущих Корнь, как Его ищет риш|и, rsi (санскр.); ищем мы Его, Мир о|сед|лав: Конь Творцу, Конь и нам он, промежный меж нами и Им (Конь-внизу — Богу он, Конь-Вверху — нам; не зрить

сего, Мира Служеньем не чтить — мчать на нем вниз главою). Конь, Мир — Кон|ституция наша, частей Полнота ла|кон|ичная (полность — проста); с ней ка|сан|ьем единство — Кон|такт: плóти — с Духом, с Любовью — Вражды. Мир есть Конь, Бог — За|кон за Кон|ем сим, царящий им (*no|mo|s — закон (греч.), «не-Мать»: Отрицанье в Над-Мирье, Вверх — Бог, Закон вечный; вниз, в Мир как в не-Глубь — закон бренных Бытье*), и Суть наша: Я — То. Вход российский в Мир есть Ба|й|кон|ур, в|рат|а рат|ников Космоса (бай|ка — Миф, Мир; Ur — Or, Мир-Тьма); Америки вход — мыс Кан|á|вер|а|л: вход в Конь-Кана|л с вер|ой, млеком служáщих. Служением полнит Стезя Одиночества эта — Мир, Конь, коней Дух! В дневниках «Аполлона-17» о луномобиле, зело послужившем землянам на лунных стезях и оставленном с целью последней своей — проводить **Л**унный **Мо**|ду|ль (**LM**) с Луны, сказано с трепетом:

> 170:19. Ровер установлен в 150 м от LM. Когда видишь эти видеокадры, охватывает странное чувство, словно телекамера становится глазами старого верного коня: сперва он неустанно следит за каждым движением хозяина, потом, словно отказываясь прощаться, опускает взгляд «в ноги» и долго глядит на его следы – и вдруг резко поднимается и уже не может оторваться от маленькой белой фигурки, навсегда уходящей от него…

Слов сих дух — Океан-Мир, несущий в седле нас своем как плот смелых «Кон-Ти|ки» (*пловец чей был Т|ур Хей|ер|дал (Гей|ердал: Гея — Тьма), Дал|и-Тьмы острый муж, с ним — С|ен|к|Ев|ич, «взыскующий Тьму-Мать под сенью Ее»: ведь Тьма — Сень*), «Солнце-Тики»: очей Солнце — Мир, Конь, Питатель наш; «úс|кони» — есть «из Коня», Мира, коим пи|т|аем Антроп И|з|н|у|**Тр**|**и**, Водой — капля в служении ей: Жить — С|лу|жить (*кони ж, многое — п|редки: хор С|луг, трава Божьего Луг|а, каков Мир (Луг Кельтов; луг|аль, царь Шумеров — суть Бог, Лýга царь сего; во|ин, Идущий — п|луг); редки их чтящи теперь*). Кони Бога в Писании — ангелы, длани карающи: слуги за Миром, Слугóй слуг. Слу|жень|е как столп поведенья (con|dú|ite — франц.) — человечности, жень (кит.), суть, твердая Богом. Учил так Кон|фуций (Кун-цзы), конь Господний, Пе|к|ин|ска святыня (*опора чья — Ли, Ритуал: в сути — Мир,*

Форма-Ум Сердца, Бога), с ним — Кан|т (*Слуга-Ум, город чей — Kön|ig|sberg, Кен|иг|сберг: град Коня, Ума-Мира, T'EV'тон|цев дитя, ныне — Кали|н|и|н|град; Кант в нем — первый по славе*), За|кон|а оплот; К|он|т — в Служении меру прешел, объявив Богом Мир, Позитив Нега|тива сего, Бытие (ont|os) Жизнью как Сутию нуль. Человек — суть Мир, Конь. Зрить Слугою Коня — зрить себя человеком, душой Божьей (Конфуций, Кант); зрить Коня Господ|ин|ом — себя Сатаной зрить: от Бога дырой, вором трона Его (зрил так Конт). Знать то — Очи иметь. Кон|ность сущих, Служенье — о|ко|н|ность: Служа, зрим мы Бога как Цель в Ок|но, Мир. Зрящий так, Антроп Служит. Не зря, он смотрящий: то мы, Вражды сути; зря, *видящий* он, кои — Го|сти, го|н|цы-близнецы Любви: капли от Мира, Ашвины — «владыки коней, Коня дети» в Санскрите благом, Ди|о|с|кур|ы — в Элладе. Конем рождены, они есть дети Мира; владыки коней, сутей многих, они есть Пилоты машин его — машин Любви: Мир — Любовь. Голова конска, кругла (Мир, Шар — Голова глав («Тимей»)), что у них — явь того, что, эфирны, они — полубоги (ki|m|n|á|ra — Конь на Боге, Рá (нижним нам Мир — вверху как ближайший очам), — полубог с головой лошадиною (санскр.)); а у нас она — тайна: без Мира, Главы на плечах, мы с|т|уп|а|ем с|т|я|ж|ать сию **Я**вь.

335. Конь-Корабль, что машиной Любви кличем мы — суть Конь-Мир, Слуга слуг, Господина д|ост|игший (ведь с Богом — един), Ра|дост|ь сущих: П|рост|ранство к их рост|у (пространство есть радость по Ведам, а время — страданье): Жизнь-См|ерт|ь — как Два; Жизнь — как Одно. Конь-Корабль — з|верь его. Речено о том: «конь — это зверь пространства (…) // пространство — это развернутый конь» (Кон|ст|а|н|т|и|н Кедров).

336. Ко|нь как раб — раб Любви, Сути нашей (Любовь — Тьма), с Ней нас — вот Ко|раб|ль как Антропа слуга; как владыка Пространства — Орéл он, суть Очи-Крылá. Обладать конем сим — есть очами царить как Ашвин, кон|я хан («хан», «кан», «кон» — корнь един): Орел-Гость, что главою един с Кораблем. Оба служат друг другу они, оба — главы: ведь правит и служит — глава; но Пилот, как вожатый

царящ (кто ведет — един с целью; цель — царь), есть Одно — шар-монада как *капля упавша, летяща уж* (капля летящая — шар), а Корабль — Двойка: капля в отрыва момент, **неотрывный отрыв**, коя *пала-падет*; с тем и форма ей — **д|и|ск**: Д|амы по|и|ск, что пои|т Водой (ди — Два, Шаг), д|ом-ск|аф|андр (ведь Дом — Дам|а сама), тело капли отрывной в верченьи ее вкруг оси очей зрящих: **вращенье, в Себя переход — суть движения, Самостяжанье**; Мир, Суть Корабля — Цикл, вращеньем в себя преходящий чрез Бога (ведь Им как зубами замкну́т) как Суть, Сердце свое: **Мир есть Миром настолько, насколько он Бог** (*рис. 6, текст*).

337. Челн Антропный — двуглавый Орел, в ком служенье с цареньем одно: Тьма по сути, что правит и служит, Ядро-и-Покров. В сем причина того, что Рос|сия, держава с короной двойною, чей символ Оре́л сей, Сия|нье-Рос|а как Тьма в сути, Господня Вода[65] **(***Одно-в-многом, Ноль-в-Двух; так коронам двух глав птицы сей сень — Корона одна: Тьма, Карана свята; дождь Ее — ро́сы душ, сиречь во́д|ы вод|ящей Воды***)**, — подняла первой в Мир, что эллински зовем «Космос» мы, на машине «Вос|ток» **(**край Любви вос|тек|ающей, Тьмы**)** мужа с птичьей фамильей Га|г|**а**|**р**|**и**|н **(***«га|р» — Гор, Хор; ga|ga|па (санскр.) — небо: Глубь, Гин|нун|гага|п (сканд.); «га-га» — зов гусиный, Небе́с зов, что слышал муж сей, птаха Господа, Птаха***)**, ари|йца, что рин|улся смело в Ин|ое: в бой — во|ин **(***как в Ноль, Высь-Глубь, — в Двойку, высь внешню: Два, Рознь есть Арийской эпохи число, плод Ноля-Атлантиды: тьма — Тьмы; Полноты-Любви — часть, полу-Мир***)**. Люб Вселенной герой! Веры (віра — укр.) муж (без нее б — не взошел), им был Юра наш: viir`a — мужчина; герой; viirya — сила, мощь, с тем — геройство (санскр.). С сим wira (скиф.) — «муж, мужчина», и|ра|н. w|īra, авест. vīra. Перс. vīr — «разум, ум, па|мять»; у Скифов ahu|wira — «ум, разум, мудрость», иран. anu-wīra. Ви|ра|дж в Ведах — Мать, Сила-Творчество. Юрий — Е|гор|ий, Георгий, единый с конем своим **(**«храбрым Егорьем» зовут в При|ан|гар|ье коня**)**; покровитель скота, он суть Велес, Стезя; Юрьев день — отпущенья день скотий: из тьмы (греч. ско|т|ей|нос) мирской — на Стезю, в Тьму

как Мир; Стези муж — есть Гагарин наш. Рус|ский сей, в Рус|ло влекомый — Мир, Ре́ку, — был он сын Орла, с тем — орел, как гер|оев зовут. Посему и машину Любви в продолженье Полета его описал первым я, сын земли сей Ол|ег Her|ma|kou[66], причастный стезею Ашвинам: знак мой — Близнецы, Предмет — Мир, Божий Конь. Бык в Корову, взошел в Тьму Гагарин в Быка славный год; я ж в году сем рожден принять вахту его в Будды день — день Быка, одолевшего бычность свою. Будды день — день Луны, чей бог он; Луна — Цель, сущих Глубь, Суть стези первой, внешней, ход в кою — полет, что вершу книгой я, космонавт в|тор|ой — Глуби с|тя|ж|ат|ель: Второе — Она (*в сем собрат мне — Ти|**То**|в, второй внешней стези: То — Her-Тьма, Нить, что ма|н|и|т в Высь, Тьму ж, в кою шел **Her**|man этот: «Ти-то» — суть «ты — То», ведь Титов **обжил Космос**, где первым из смертных **дневал-ночевал**. У Титова слог Her — первый в имени, пе́рвом суть; первый в фамильи, втором — у меня: **Her**|ma|kov*). U|ruz, Бык — ру|на Мощи, огнь-Ру|с|ь как крыла́ в Космос, Мать. Узкий Путь, нам един — Р|усский Путь в Ru|с'у, Тьму, Ru чей — Ра: Бог, Огонь наш; Стези этой Груз — Ру́с|ский Г|руз есть Она! Стольный град наш Mos|có́w — Коровы, Тьмы-Кос|мос|а град (ведь Caú|s|a — Она); древо б|ра|ч|но, бе|р|ез|ка российская — к|ель|тское древо Луны, Аль|фа года (суть Бог: Первый — Он, Эль) как Вакха стезя, что растя без помех — до Луны дорастет: руна роста — Ber|kan|a, береза (bi|ár|kan — сканд.), древо сие (*месяц первый, его, половиною первой своей — новолунье, второй — полнолуние: Аз-Я, Бог-Матерь*). То — Спасенья стезя: в Мир ворота. Рек Кей|с, лунный муж:

Надежда придёт в мир из России. Не от коммунистов, не от большевиков, а из освобождённой России! Пройдут годы, прежде чем это случится. Новое религиозное развитие России даст миру последнюю надежду… Миссия народов славянской России состоит в кардинальном изменении сущности человеческих взаимоотношений. С Востока придет освобождение от эгоизма и грубых материальных страстей. Отношения между народами будут восстановлены на новой основе: доверии и мудрости.

С|тез|ей сей всхожу я. У|пор|ство, Быка рога огненны — труд мой, Корнь чей — Огнь-Любовь, рога эти: без них Бык — ничто. Стезя в Тьму дож|дева, Украиной рожден Королев был и вскормлен **(**град чей в ней — Жи|То|Мир: Жи|знь-То, Мир**)**, в России ж — творил **(**как Х|ру|щев, Ру|кú муж (Хри + Ру = Х|р|у), с ним един стезей в Тьму**)**; я ж, Россией рожден — в Ук'**RA**|**IN**'е, Дне|п|**Ра** земле щедрой (Gov'ер|ла, пик чей — суть Нут, Космос), рождаю с подмогой ее языка, пищей мне. Так ко славе Господней являет себя Мир, То-Это в единстве своем чрез сих земль корнь един — Тьмы дом Ки|Ев|ску Русь (Ки — Ци, Дух).

НЛО, Челн-Орел — см. *рис. 8*.

338. Мир в плотú, душа есть квант особый: им, Целым, квантуемо все в части сей, он — ничем как единственно истинный, В|сё-в-Се|м, Творцом прямо кова|ный, в том отстоя иным: кв|а|нт = kou (Дух, Тьма) + ant|i. Он — чúста Ор|ганика, Жизнь. Квантовать телом душу — Причину скверня, оскоплять есть механикой Жизнь, Суть облаткою, — в чем есть механики квантовой труд: трупа песнь (и науки сей имя — ок|сю|м|о|р|он: труп живой иль душа мертвая). Квант, сиречь атом, души, вечный в смертном, Мир — Истина, Sat: семя-смысл (sema (лат.)), в сом|у-почву вносимое Господом: sat|us — посев (лат.); душа, семя — сомы корнь-сут|ь, сущий свыше плотú и творящий *в* себе ее вечному оку, а бренным очам — *из* себя, как паук из себя тянет нить. **Мир есть Семя в нас, бренных**. Отсюда — Семь, Жизнь: ведь Жизнь — Мир; с тем — «семь|я»: в сути — Мир, Хор миров (ведь семья — хор, со|глас|ье), бог чей, Хор Египта, в Эл|лад|е, земле Лада (Хора), каков есть Мир, — Фéб был. Пиндар, певший бога сего миросущный поэт, с тем и имя по Сути имел: «пúнда» — «семя» в Санскрите[67], П|ин|да|р — Семя-Дар Бога нам: Суть — облатке ее. Семя-Мир в теле нашем, душ|а вполне — Ве|ра, ве|дýщ|ее к Господу Солнце (Путь, к Богу влечет Мир); по Библии — вера с гор|чичное семя, малейше из всех как то сущее, коего как бы нет в брении: **Слово-и-Дело**. Кто истинно верует, словом как дланью свершает, всесильный как Бог, а кто веры лишен, в том бессильны и слово и длань его. Вера — Одно. В ком она неполна, Мир с ущербною

сей есть и совесть — Второе, что жалит безверье иглой Одного как виною: вин|а — суть Тьма, Вин|т, ум торящее Сердце его.

339. Бог и Мир — с|лит|на Пара, Глава сущих. Разъять ее, взяв Одно без Другого — для нас есть убить себя: оба Они наша Суть, Жизнь; пол-Сути ж — погибель[68]. С Причиною, Богом, едины глава к голове, беспромежно (ведь так спряжена Она с тьмой Своих следствий, суть чья — Мир, с Всевышним соглавный), главой и имеем ее, *видя*, мы; а разъяты с Ней — смотрим безглаво. От Господа Мир был отъят Теософией, Мир зрившей куп|ностью (*ворохом, к|учей — укр. ку́па: купа|ет — Вода, Тьма-Р|учей*) ав|то|но|м|ны|х сло|ев (*сло|й, эк|ран — ран|а-Зло меж Идущим и Сутью его; ранит — злой*), что, подобно ка|п|уст|ным листам, облекают Господню Монаду и есть не Единым, каков Мир (лик чей — Игг|дра|сил|ь: вектор в Бога живой, ось, слои единяща), но общим — Умом, отрешенным от Бога, и с тем — не единым: ведь Бог, Сердце — Клей его[69]. О том указано:

> В значительной степени благодаря Елене Блаватской и Рерихам распространилось мнение, что индуизм — это пантеизм, подразумевающий отождествление понятий «Бог» и «природа», «мироздание». Действительно, в Бхагавад-гите, Пуранах и Упанишадах встречается такое понятие как «вишварупа» (вселенская форма) — вселенная как тело Господа. Но в Бхагавата Пуране разъясняется, что эта концепция предназначена для людей, которые только начали освобождаться от материалистического мировоззрения и которым трудно вместить в себя идею трансцендентного мира, лежащего над миром материи. Таким образом, пантеизм рассматривается в Ведах почти как материализм.

Кражу Бога свершили вдвоем пантеизм и деизм, где один растворил Его в Мире (и Богом почел сей *пропитанный*, мнил он, законно: так кость с мясным запахом мнит мясом пёс), другой вовсе откинул Его, взяв за Господа Мир[70]. Деизм и пантеизм — суть одно как *стирание Богу лица*: растворенье Его в имманентности Мира — начально, природы — затем, а в конце — человека: схожденье от Целого в часть, себя мнящую Целым, в ничто. Стереть Богу лицо — суть оставить без формы, облатки, чрез кою лишь зрима она в мире сем, каков сам есть покров. Стереть Богу лицо — есть стереть **человечье** лицо Ему: Бог есть Суть

наша, лицо Его — наше лицо; нет его — нет ни Бога, ни нас, ведь одно Он и мы. Пантеизма — два: древний, святой, чтящий Бога чрез Мир, в Двух — Единство: Два древним — Одно; и наш, грешный, не чтящий ни Бога, ни Мир, их не зря: Два теперь — Два пусты, имманентны: Ум-Это, утративший Глубь, Сердце-То. Пантеизм второй есть **атеизм**: Бог его — Два как С|толп, толп ку|мир Сатана. Пантеизм древний есть Материнский: Мир — Мать, Божья Длань (с тем — Бог са́м); новый — Отчий-в-себе: **сатанизм** как молвь Сына, презревшего Корнь свой святой. Первый — Ноль; Два безглавы — второй: ведь глава Двойки — Ноль.

340. Мир как высший не-Бог, Богом мним — Сатана, севший на Божий трон. Ведь Диавол — за Богом Второй[71], Бо|с|с, тень, с|уща|я Им: нет Огня — тени нет; Богом зрить Мир — есть быть атеистом. Все лучшие качества наши в лишенности Бога их — как не-Го|сподь, Сатана, есть противное им: бла|го без Него — зло **(**укр. благ|а́ти — мо|лить: Бога звать: Благо — Он**)**, совесть в себе («свободная», Кромвеля дар нам) — бессовестность, разум — невежество; мнить Богом их без Него — Богом чтить Сатану. Им есть всяк, кто, мним Господом (Первым, како́в Он), разъемлет с Ним нас как к|у|мир, что крадет Мир, Стезю, к умир|анью стезею: за Господа, Цель — человека принять, сосуд Божий, без Бога пустой. Толпа ал|чет кумиров, гар|ант|ов неволи: лени|ва, свободы боится она, коя — тяжесть и труд **(***что ум|ело использовал Лен|и|н, лен|тяев вожак мировой. О науке его сказал Шар|иков: «Взять всё — да и поделить!» Делить всё — разбивать: ибо есть Неделимое — Бог, Корнь Всего, кое Мир. Тру|тень — вор: тень тру|ж|де|нь|я, творца, он есть благо делящий чужое как в сути — Шар-Мир, разбивая при этом его (так разбил бог-Отец Иисуса, плод Матери: трутень — ломает шутя); Действие ж — единит, и творец полносущный, как Бог, есть владеющий Всем***)**. Тяжесть эта — суть Кам|ень Любви, нам опорный, Мир: стоя на нем, к Богу тянемся мы. Мира гнет, гнет Опоры крепящий **(**кре|пит — Хри, Причина-Пит|атель**)**, блажен зрящим Кам|ы дом, Глубь! Но не зрящим ее не Любовь Мир — он Не|на|в|и|с|т|ь, Дьявола дух. Мнить Мир

внешним — есть несть нам его на плечах как без|мер|ную тяжесть и ею раздавленным быть. Так в прах давит иг|ра, Иго Солнца влекущее **(**санскр. gra|h — брать, схватывать; влечь**)**, крест незрячих, кому Огнь не Бог, Мира Суть, — Сатана-душегуб. Знал то Пушкин, потомок а|р|а|пий, чей Гер|ма|н, за|ма́|н|ен иг|рой, взят был Пи|ков|ой Дамой как Ка|ли само́й: Пи|ка — Тьма; знал то и Д|о|ст|о|**ев**|ский, Кар|аны глас, знав иг|**рок**|а и кар|т Ко|з|ырь — Коз|ла, Сатану **(**зыр|ить — зрить: Очи — Тьма; дом Козла — ca|s|in|o (sin — Сен|ь, Тьма, зен|иц Суть)**)**.

341. Бог-и-Мир — Суть единая наша, Цель-Путь. Оба сих — Цель, Путь — оба; но зря в розни их, как зрим мы смертным оком, Бог — Цель, Мир же — Путь: ибо Миром идем к Богу мы как великой Стезею и Полем святым; человек — есть идущий Путем сим, зря то или нет. Зря, свободен он, Богу служа (ведь Свобода — Служенье), веде́м Им как Милостию; а не зря, посему не Служа, он есть пленник Его и влачим как Судом. Цель-и-Путь, Бог-и-Мир есть Любовь: **Царь и Царство**. Таков Иисус, Огнь-Любовь. Рек о Нем Августин: «Он (…) есть и Бог, и человек: как Бог, Он цель, к которой идут, как человек — Он путь, по которому идут». Человек и Мир — Путь: ибо мы миросущны. Причастные Миру, мы — он (часть — суть целое), с тем — Путь, не-Цель. Цель есть Бог, Путь — Второе, а Третьего — нет: ибо есть Бог и Ми́р лишь, Творец и творенье. Идти — Путем быть: Путь — По|ход как стезя и идущий ее; не Идти — есть не быть: быть без Жизни, Творца, Кого ради сущ Путь. Цел|ью сей цел он, в себе ж — ничто. Знали это Эл|лин|ы, «текущие к Богу» **(**«эль» («аль») — Господь, «лин|ути» — течь (укр.)**)**: Река-Мир, Ток Божий, была Сутью их.

342. Мир есть Путь, что сто|пами стяжаем мы. Рек П|а|р|а|**цель**|с: «...тот, кто хочет знать пути Природы, должен исходить их собственными ногами. То, что записано в книге Природы, записано буквами. Но листы этой книги — это разные земли. И если таковы законы Природы, то и надо переворачивать эти листы». Ведать — Шествовать: царски ступать Путем. Шеств|ие — пир|шеств|о: полность сту|пан|ия Божьим Огнем, Миром: «пир» — огнь (греч.), «пан» — господин; лишь кто Ш|ест|вует — Ест|ь. Идя к Богу, растим Мир, Сту|пень мы ращеньем Сознания и

Жизни, Ума и Сердца в себе с их сплоченьем — как выплавкой ш|é|л|и, «бессмертного тела», каков есть Мир, — пень|ем его: петь — поить-растить, «шел» — суть Путь, Мир (пенья чуждость — пеня Мира: рознь как пеня|нье за лень); Мир познавшему он — Щ|ел|ь в Творца. Бог-Мир — Суть и|е|р|о|г|ли|фа «Да|о», едины где знаки «глава», Бог-Творец, и «идти», Мир. Как «свет небес» (кит.), Дао сущ меж глазами у нас как глаз третий, стоящий над линией двух: Бог, Один-над-Двумя.

343. Бог есть Цель. Вех|а, знак ее — Вакх. Вехи — веки, векá как ступени к Творцу. Веха-Вакх, Тьма, что с Богом одно — Век безвекий Златой: Сердце, Суть без покрова, Ума.

344. **Верен Богу в себе, человек — сам себя Цель**, противным какой есть мирской бог успех как погоня за внешнею целью, суть чья Сатана, бог-без-Бога: успе|х — суть ус|пе|ние, иль усыпание, Бога в нас как *усыпание наше*: безбожна, плоть — т|руп, фор|ма (ру|п|а) без Сути своей; успех — пенье его. Так мертвит нас ф|ор|т|у|н|а, уда|ча как случай слепой, Бог безокий — ведь случай есть Бог, — гласом т|руб|ным своим (f|or|t|e — громко (ит.)) как Сатаны глас-удá; глас же Божий, Безмолвье чья суть — тих всегда, в нас звуча. Кто с Вс|евы|шним един — аль|т|руист, Жив: ведь Бог — Жизнь сама; а единый с собой без Н|е|г|о (e|go — Я: в сердце Бог, Нег|а нег) — э|гои|ст-труп, из|гой-зло: O|n|e|g|in — по Пушкину (*o|n|e, o|n-n|e, — один (англ.), корка Сути бессутня, без Сердца Ум, Он: on — поверх (англ.), gin — гин|ути (укр.) — погибать, с|гин|уть (рус.)*), рекший Та|н|е, Господней душе:

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе недостоин я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас…

Эгоизм зная свой, не потерян Онегин для Бога, идущий к узренью Его; таков и Фей|ер|ба|х (Фей — Тей, Теос) в своем атеизме невольном. Ведь Бог, Ес|ть —

Се|нь наша: Быть нам — есть быть в Нем: бытие — es|se (лат.). Без се|й Сени то|с|куя **(**тос|кующий так — куёт Бога в себе**)**, рек **Es|se|**n'ин о том:

> Стыдно мне, что я в Бога не верил,
> Горько мне, что не верю теперь.

Нег|и чужд одинокий безбожно, сжигаемый Тьмой как Печ|ор|ин, печ|аль|ный герой, что врагом избрал Глубь, Силу сил.

345. Верный Миру, Тропе троп, в себе, человек — сам себя есть Путь к Богу: Ан|т|ро́п есть Троп|а, вечный Истины с|пут|ни|к, сиречь **са|т|ел|лит**: Черноты — Бел|изна, Сердца — Ум **(**рек Но|л|ан|ец, Ноля муж: «Великим чудом называет Трисмегист человека: он переходит в Бога, как если бы сам был Богом, он пытается стать всем, поскольку Бог есть все; он стремится... к бесконечной цели, поскольку Бог бесконечен, безмерен, повсеместно присутствует во всей полноте»**)**. П|ут|ь, он есть Кора|бел|ьщик, полн Силы сердечной, Пути же лишен — ут|лый челн без руля и ветрил, у|часть чья есть в бессильи ро|п|тать на судьбу. Служа Богу, как путь верен цели, Рекой он несом к Нему и сам Река; не с|лужа — в луже он: в луз|е как тюрьме — шар; не лоз|а, к Богу льнуща, виясь Ввысь, — но los|er, ут|ративший Всё.

346. Бог и Мир — наша Суть двуедина. С тем, нам, Ими сущим, даны две свободы: свобода О|б|рес|т|ь — в Боге, в Мире ж — свобода Идти: через Мир и от Мира — к Творцу; и зря врозь их, вторая — Идущим первей. Бог есть Цель, Мир есть Путь; человек, миросущный — идущий как во|ин Путем сим в Глубь — в То, за черту, кшатр|ий — кшетр|ой, Р|ис|т|ал|ищем: Мир — Поле-Путь. Бог есть чистая Глубь, То всеполное; Богу покровный, Мир — Глубь и не-Глубь. Таков и воин с ним: как Шаг, он — Здесь и Там; как Идущий — с намереньем твердым, — он тот, кто Придет и Пришел. Путь — Сто|лп наш, полон Цели; Идущий — Достигнет, Идя и собой единя, как Христос, в шаге каждом То с Этим: с Землей — Небеса, с Богом — Мир. Так Идущи, мы истинно любим: Любовь нам — искусство Идти[72], GO|LOV|A.

347. К Богу Путь, Мир — Одно, Целью цел. С тем, идя, лишь стопами делить до́лжно нам, **жить — не умствовать**: Жизнь нам, Идущим — Мир, Путь, а Живущий — есть во|ин, от Мира свободная суть, что ступает к Творцу. «Прочтя книгу или свиток, лучше всего сжечь их или выбросить прочь. Говорят, что чтение книг — дело императорского двора, тогда как дело самурая из рода Накано — крепко сжимать дубовую рукоять меча и стяжать воинскую доблесть» (Ямамото Цунэтомо). «Чтобы отведать всяких случайностей и испытать силы своего дарования, вся наша комнатная подготовка должна быть вынесена на открытое поприще действительной жизни» (Цицерон). «Есть только жизнь, и все, что существует, существует лишь в свете жизни» (Сергей Булгаков). «Жизнь есть не разгадываемая умом, а лишь пере|жива|емая [сердцем как Тьмой: Жизнью — Жизнь — *Авт.*] тайна мирового бытия, тот первозданный свет, в котором рождается и сознание, и различение» (он же). «Главное в жизни и главное в познании — это сама жизнь» (Тео|д|ор Д|ра|й|зер): Жизнь и Познанье — одно. Знал сие Парменид, Мир Монадою зривший. Зен|он, Очи, в помощь ему показал: делить Путь — умом Сердце членить — есть в абсурд впасть: в рознь Сердца с очами, Тьмы с Тьмой (очи — Тьма), где Ахилл черепахой обо́гнан и стрела, летя, не летит. Путь, разъятый в себе — мертвый Мир, невозможность Идти.

348. Мир — Путь к Богу. Ведущий к Нему, он — и терние, его таяще. Он есть, повторим, Сат|ана — «неотдельный», «второй за Творцом» (ведь «сат», Истина — Бог), Путь-Препона, Ворота-За|пор нам, Идущим **(**Диавол же Библии — не Бога тень, коя Мир, но Отца, маски Бога, сокрывшей Его и Мир нам: тень, живая как Истина, Тьма**)**. Миросущны, мы в Боге, насколько мы Мир, и не в Боге — насколько безмирны. Велик завет Вед «Я есть То» — «Я — Свобода»: Бог — То за последней Чер|то|й, коя Мир; преступить ее — есть за Творцом разделить в раз последний: идти — есть делить. Бог — Свобода, в служении коей вольны и мы; Мир — Узы уз, Ко|л|ы|б|ель-и-Мог|ил|а[73], где сущие, служим мы двум господам. Но свободный — слуга Одного, рек Христос. С тем, Свободу обресть полну нам — обрести есть

свободу от Мира, над ним воспарив и собой, как звеном, спрягши с Богом его — Это с Тем, с Тайной Явь (как Известное, по Кри|шна|мурти: взойти над ним — Бога стяжать). Стать же этим свободным, превысивши Мир, нам нельзя, не возвысившись прежде *до* Мира, до|с|тиг|нув его, — а иначе, став Миром как к Богу ступенью. Познанья в том высшая суть: кто оперся — шагнет![74]

349. Так превысивший Мир **(**не вовне — в Глубь его: Бог — она**)** есть *минующий семя*: ведь Се|мя Творца — Мир **(**Се Мя — Се, Сие [от] Меня, Бога: Мúр суть**)**, — царя как Любовь над Враждой-и-Любовью: Одно — над Двумя; в Мире ж как Двойке сей, меньшей полной Любви, Щит от Розни — Бог, пóлна сия. Щит Любви как металл — есть мет|а|л|л Материнский, суть Божий **(**Мать, Длань — Бог; Метá — они оба**)**, и челн из него: щит в мирах Вражды, многих **(**в ед|ином же Мире Щит — Бог, Мира Клей, что хранит-клеит нас Изнутри**)**. Так Гостям нашим, сутям Любви (о них — дале), в сем мире Вражды, куда входят они Божьей волей, — щитом, иль кор|ой, есть Кор|абль. В мире сем, управимом Враждой, металл, твердь-острота, — щит-и-меч. Так же|лез|а суть — Лез|вие: Же|на, металл давша сей в Кали-югу мечам как в *Железный век* наш. Два металла, железо-Сие (Рознь есть Это без Клея, Того) и металл Корабля, То, — Вражда и Любовь: ведь железо есть первой металл **(**орден Зла посему — крест железный гер|ман|ский; советский тиран — Ста|л|ин: с|тал|ь — суть оно**)**, Орихалк же — второй, пред которым желе|зо — желе как облатка пред сутию, твердию, кою несет она: f|**er**|**r**|um — железо **(**как **err**|**or**, о|ши|бка — пред сутью не-суть как пред Ш|акти, Женой Ши|ва, Муж, пред Единством рознь, зо|в к Нему**)**; fer|o — несу (лат.). Любовь Вражды больше как суть оболочки; Вражда есть Любви железá, слуга Сути, сек|рет чей — железо. Жена как Любовь — Вечность есть, A|re|iron, с Металлом своим; Ум пустой — бренье, i|ron (железо — англ.) коей металл как Металл у|рон|ённый, в лишеньи своем. С тем, Металл и Корабль из него есть и меч, мир торящий любовно, без розни, и щит от Вражды сущим в ко|ко|не сем — коне, мчащем Гостей чрез миры. Богоносный (ведь Бог — Любовь, Гости — любовны), Корабль есть ков|чег, суть чех|ол иль сосуд Его: kou — Дух, Бог-

Тьма; металл Корабля с тем — го|фе́р, иль гот|ер, древо капсулы сей: Got|t — Бог, «фер|о» — несу **(**корнь «гот/гоф» зрим в «Гол|гоф|а»; в «Го|т|а|м|а» — Корнь Будды и Суть: Бог-и-Ть|ма**)**.

350. Прехождение Мира, Черты, как шаг в Бога — смысл всякого шага в Него: **всякий шаг — в существе шаг последний**. Свобода есть нега: она нега|тивна как То Этим, нам; и, Идущим, она нам по|рыв и про|рыв за Чер|ту. Слово «му́ка», от «**м**ук|ти» (санскр.) — освобожденье (так волен Зенон стал, измолот в мук|у́) как трансцензус: Порыв-Восхожденье, — а тернии ранят всходящих; всходя, мы становимся Тем, рвя как кокон Сие **(**с тем, движения плод — шел|уха: уши, п|лен|ки Очей, в кои ход**)**, и он — мы ж. Богосущна и Бога взыскующа, **личность — порыв: из Ума — в Сердце, в Огнь — изо тьмы (**и Свободу обрящем, рек Кант, лишь чрез Дол|г: чрез Дол, Низ, где мы, бренные, сущи — Высь эту как Сердце чрез Ум, В|о|р|от|а́-Рот**)**. П|ор|ыв есть суть т|в|ор|чества: Тьма, Корнь его — Щель, П|р|ов|ал. Корнь искусства (ars), он есть кат|арс|иса суть: порывать есть ст|ра|д|а|ть: сердцем ум как препону свою рвать, с|тя|ж|ат|ь Рад|ость — Бога, Да, Плод жат|вы сей (рвущий ум — обрезает его как не-Суть, превзойдя); Жизнь — Ст|рада́ и Э|страда, Подмостки, где сущие Бога поют. Песнь, Тьма — Творчество Мира: страдая — творим, и, творец, **личность — бо|ль**. Бо|г — Суть оной! К Нему *чрез-сквозь* Мир рвем|ся мы: через тернии — с верой в сей Огнь **(**em|bol|d|en — ободрять (англ.)**)**. Б|о|ль, личности слово, являет сей Корень: Он есть обе части его: а|ль (э|ль) — Бог. Кедров рек о том:

боль — это прикосновенье Бога
Бог — это прикосновенье боли

Бог есть Суть; личность, боль — ход к ней **(***англ. боль, hurt, близко к heart — сердце, суть человечья: ведь сердце есть боль и болящее; ум — не болит. Му|ча нас, боль нас сим закаляет: hurt — hard, т|вер|дый***)**; в Глубь идя, жаждем **Ею родиться**; Боль|шое ж (нет большего Глуби) — родится чрез боль. Рвем по|кров|ы мы в кров|ь — Сути ради: себя — для Себя; стать боль|ш|у́ми как бо́льшим себя можем мы, о|бол|о́чки торя лишь свои — **рвя не-Я**, корку мук **(**с тем,

Великий Аль|бер|т — фон Боль|ш|тедт, D|oc|tor U|ni|ver|s|a|l|is**)**. Раст|ить Я — расти я|рост|но: муки поправ ходом Ввысь. Дьявол — тот, кто как Бол|ь (Бэл, Бал: альфа — омега) чрез боль, муку — к Богу влечет бренных нас как Вершине, Себе; как не-Бог, лич|ность — Дьявол Господний: лич|ина, что жаждет стяжать свою Суть, в ней прейдя.

351. Быть Собою — есть нам возрастать над собою, в Свободе растя: ведь Свобода — Бог, То. Полноту, коя Он, обретаем б|ор|ьбой мы, порывом отъемлясь к Себе-Полноте от себя-части. Вид Сверху — зримость Всего, *эпифания* как очей власть: со|зерцать — Сутью быть, а не зеркалом: Богом — не Миром, в ком Он от|раж|ен **(**raj|as — страсть (санскр.): Любовь с Борьбой, Ноль со Двумя**)**: от|раз|ить — есть от|рин|уть. Власть эта — Любви власть с очами ее: от санскр. слова ко[х]ан, созерцанье — кохан|ня, любовь.

352. Восходить — умирать для Сего, оживая к Тому-В|сему: от части — к Целому, от смерти — к Жизни святой ч|р|е|з облаток ч|р|е|ду, где порыв всякой — смерть, mor|s, творящая бóльшими нас (mor|e — англ.). Личность есть шаг за г|ра|нь-чер|ту: по|двиг, по|ступ|ок рис|ковый **(**укр. рис|а — черта; Черта черт — Мир, рис|унок Творца**)**, порыв в То, Жизнь, — Подъем-Спуск: Высь — Глубь **(***с тем, Познанье — колодец, well (англ.), «хор|ошо»: знать — царить, царь — блажен (Знанья муж, так был Óшо хорош)***)**. Переход — черн, грань — бренному смерть: преходяще сие — в ней преходит. Едина с ней, **личность — герой**, что ступает за грань одиноко **(**и с тем, в дружбе ведает толк: друг — друг|ой, ему пара; так Бога друг — Мир**)**. Грань меж Этим и Тем, Третье, — смерть в сути Бог, Мера Мира и Клей его; зря в розни их, Бог — Клей Мира, а смерть — клей миров, с Мер|ой этой един **(***он в сказках есть мёртва вода, плóти клей, оживить кою — смертью срастить, как горшок из кусков. Смертью склеен Осирис-Загрей был, разорванный Злом***)**. Клеем-Мерой, как Он, есть смерть наша, *залог человечности*: стать человеком вполне — есть очами стяжать Цель|нос|ть-Мир, нашу Суть, смертью склеив-срастив Это с Тем. **Умереть и воскреснуть — Себя**

обрести чрез смерть, клей. То явил воскресеньем Загрей, в Вечность мост, с ним — Христос, веры Столп: Вектор Ввысь как Я-Действье, Я-То. Так стяжали Ми|р м|и|ст|ы, Оставшись — Уйдя, *отрешась неотрывно как капля*: Вода, Тьма — Суть их; посвящаться (teleutan — греч.) — умирать (teleuthai). Уходя, смертью Э|То вбираем мы в То: смерть есть памяти суть, у|мер|ет|ь — есть запомнить навек **(**с|мрит|и — память, тра|диц|ия (санскр.)**)**, не умом — сердцем: Па|мять, Мысль — Мать, смерти Суть. Рек поэт об Уходе своем:

Я возьму этот большой мир,
Каждый день, каждый его час.
Если что-то я забуду —
Вряд ли звезды примут нас.

Искусство памяти есть искусство смерти (mors ar|en|di); с тем, Бруно, учивший искусству сему, домом Тьмы зрил Египет, Смерть-Жизнь, и ко смерти как Жизни зрел сам. В смерти зря переход, сред|ство-грань, чрез нее путем долгим к Свободе, Сред|ине, идем чрез миры мы; зря в ней Щ|ель как Ц|ель, — с ней сплотясь, мы Свободу стяжаем тотча́с: смерть, Тьма — Бог, иль Свобода. Г|ряд|ущее — ряд, смерть — прорыв из него: Тьма — Внерядное, Корнь Бытия, сего Р|яда, где, сущи, стоим. Смерть — Свобода. То ведал Сократ, Тьмой живим; с ним — Мон|тень, «Одного́ тень»: Два, Глубь как Второе — Тьма, Смерть смертным нам. Смерть как Бог есть Вен|ец; как не-Бог, смерть — З|вен|о, Нит|ь, что с Ним еди|нит. С ней един, Сократ есть Ум, возросший до Сердца, чрез смерть ставши им, а Платон — Се́рдца Ум, что, Звеном об|дел|ён (ведь при смерти Сократа, Звене, — не был он), пал в Ум чистый: От Жизни — во смерть, — в чем есть д|ра|ма его, Ма|ть д|ер|ущая, коей был взят от Платона Эр|от, Пир пиров. Драма эта — излом философии из Сердца в Ум, в Зло от Блага, когда в Аполлона слуге угас Вакх. Драма — дрёма: уснуть — есть от Сердца впасть в Ум: Жить престать **(**устраниться — у|сун|ут|ись (укр.)**)**. Ученик, дабы взять путь учителя, зри и прими смерть его: смерть с Путем нераздельны как с цепью звено.

353. **Смерть есть сон, сон есть смерть; и сон — вре́менна смерть, смерть — сон вечный**. Кто с|пит — мертв, пит|аемый вечною Жизнью: Огнем, Пещ|ь чья в с|пящ|ем есть Тьма: Прямизна, коей ради мы спим, распрямившись на ложе (греч. or|to|z — прямой: Ор|ом, Тьмо́й-Тем), и знак чей — спрямленье плоти́ при отлете души в Тьму, Дом свой. Смерть, грань, — рост: грань пронзать — есть расти. С тем, живущи, растем мы во сне как во смерти своей, и мир сей, грань, в сем росте превысив — заснем насовсем.

354. Ди|ал|ектика, Дел|о Де|л|ит|ь, делит к знанию Грани. Грань — смерть, Грань — Бог, сущий во смерти как Автор Всего; и число смерти В|ос|емь являет Его, Мира Ось: Бог как смерть есть Ось|мой. Им исполнясь как Гранью, цели́м мы в одно Мир, разъятый в очах: Мир сопрягший — себя исцелил. Вед|ать смерть нам — есть *вид*|*еть*: ведь смерть, Мира к|лей — клей очей, их целеньем целящий его. С тем, смерть до́лжно чтить нам как ближайшего друга: ведь рядом она и Внутри, и лишь в ней Полнота, коей жаждем и коею есть как Глубь мы, врата в кою есть смерть. Клей меж Этим и Тем, смерть — звено между patres и нами, ход в То. **Предки живей живых нас как Корнь, Сила наша: Иное — Питатель, Корнь**. Смертью един как река *смертный* род; **высша ценность живущих есть предков мог|илы: пункт С|илы, Звена**[75] **и Утеха у|Тех Этим, нам**. Чтимы Грецией были, Солона *затмивши*, Ликурговы ре|тры: к могилам возврат — в Мир, Корнь-Три.

355. Смерть познать — есть, познав Мир, проснуться: ведь Мира не знать — спать. Познав смерть как Грань, из тьмы-пут всходит маг в Тьму-Крыла́ целиком — не дав бренью в залог и плоти́, Духом ставшей, — как Тот-Кто-Проснулся-Вполне. Мир есть Три; в Мир Уйти — есть три способа нам **(**с|посо|б — посо|х сто|па́м**)** как Проснуться-Ожить. Первый — **взятье Огнем нутряным: все|со|ж|жен|ие Миром, возврат в Суть свою — части в Полность**; воз|гон|ка **И|о́**|дна, чей пепл — зола Зла, коей чужд Мир, Дом Блага. Второй есть сплоченье Того с Сим египтски — плоть Взяв без сожженья, очищену: в Духе — молитвой жрецов, в теле ж — тройным изъятьем: ума — из главы: Сердца тень, он нечист; изо чрева — едалища

Зла: пьющий Небо — земной пищи чужд; и срезанием стоп: Небу рознь, они — брения рот. Третий путь — Уход в теле, Огнем не палимом. Так взяты Христос, Илия и Енох, коим, полным при жизни в сем мире, смерть *место вернула свое*. Ибо смерть — Грань-и-Цель, meta Греков: черта с Тем *за* ней, иль *Внутри*. С тем, по «Б|а|р|д|о Т|хо|д|ол», смерти рд|еющий миг — *выход в Жизнь* **(**«выход в День» — рек Египт: хер|у́ — день (ег.); Дня дух — херу|ви|м**)**: в Высь — из дол|а; сего не познавших неумных (быть умным — жить Сердцем) в посмертьи пленит Ужас сущих, смерть-Ум чрез рожденье в бессердную мысль; и о смерти как выходе в Жизнь учит Чикхай-Бардо, об Уме-смерти — Чон|н|и|д-Бардо, о возврате в плоть — С|ид|па-Бардо. Сие ведал Платон, зря суть смерти в Душе Мировой, Тьме (Чикхай), в Полноту единящей собой мир идей, мыслей умных (Чоннид), и подвластный ему мир вещей **(**Сúд|па-мир, где, па|в, души сид|ят, тщась вос|ста|ть — в Мир взойти: Богом полный, он — Сто**)**. **Умерев, про|йти чрез смерть как грань Сего с Тем — есть, пронзив как пус|тяк Цель (про|маза|в: за Цель, Матерь-Тьму — путь приняв), из иллюзьи в иллюзью ступить как не-Жизнь («шило мылом сменить» — шутит мир); в смерть во|йти в умираньи — стяжать напрямик Жизнь саму, что одна бренным То**. Выход в Жизнь чрез врата смерти есть **выход в душу свою**, коей Запад не зрит, Жизни — с тем: **Жизнь — душа без изъятья, суть наша**. То ведал Платон, человеком зря чистую душу («саму по себе», плоть у коей — внутри), с Душой Мира едину как Тьма, коя он. Мир, Суть наша, с душой — Тьма одна: Глубь Луны, сущих Корнь. С тем, **в Жизнь выйти как в душу свою — есть обресть нам Себя**[76].

356. Смерть — врата в Жизнь нам. Бог первей Тьмы в них; с тем, Я|ма, бог смерти — Я-Ма|ть, суть Бог-Тьма: Бог-Ре|аль|ность, — ведь Тьма есть Реальность, Вход. Бога застлав, Тьма — иллюзия, Ма|й|Я: очей пелена, дверь в ничто.

357. Смерть есть Тьмы по|цел|уй: г|уб|ы те, кои губ|ят немудрых Враждою, а мудрых цел|ят как Любовь. Смерть суть Бог, и она — доказательство Бога прямое, *седьмое как Жизнь* (рек Булгаков о том): лучший путь убедиться — очами узреть, в

смерти ж Бога зрим прямо мы как Суть ее. Смерть есть зер|кал|о жизни: в ней, грани сей — жизнь вся как есть. Жизнью мутной живя, мы и в смерти мутны; но коль жизнь ярка́ Делом — сияет, как ор|ден, огнем наша смерть! Так награда бойцу смерть в бою, а на сцене — актеру. Герой, отошел так Гагарин: Полетом была жизнь его, и конец — был Полет («Cum moriar, medium solvar et inter opus» — «Я хочу, чтобы смерть застигла меня посреди трудов», — рекли древние). Смерть — то, что длит Де́ла нить (д|лить — д|е|л|ить Это с Тем): из Сего в То, — Служенью посредник. Не бренья рука — длань Творца нас берет в должный срок. Так Ахилл: не Парисом — стрелой Аполлона убит был, Парисова ж — тень и указчик ее.

358. Бог есть Цель, Мир есть Путь. Посему, как Мир с Богом, един с Целью Путь. Путь сущ Цели лишь ради; Цель — ради Пути, и сих Двух — в розни нет. Пифагор, супротив Гераклиту деля жестко крайности Мира во мненьи, что мудр лишь Бог, Цель, а философ, Путь, нет, — был Ума́ муж, не *видевший* Се́рдца, единства «Цель — Путь». Путь жив Цель|ю, Со|ста|в|ом его, Сутью Цель|ности сей (так суть Феба — Вакх): Богом — Мир цел, тело — духом едино, в себе же — смерть, рознь. Путь, живой Целью, есть Сердца Ум, иль **Путь с Сердцем**: Бог — Сердце, Мир — Ум, сущий Им. Дух поправ потаканьем плоти́ — средством цель подменив, — Запад с тем есть убийца себя.

359. Цель — одна земле Любящих: Бог, Мира Царь как держ|авы держав, кою держ|ит Он. Он стремит Ввысь нас: Высь — Он. Но и всякая общая цель, единя, устремляет: Одно — Бога знак. Богом был для Советской страны коммунизм — и отсюда плоды ее, дивные Западу как *триумф гладных* (им был, меж иным, взлет Гагарина): целью влекомы, они не стояли, но шли. Из триады державных систем, что явил нам ушедший XX век — коммунистической, национал-социалистической и либеральной — последняя, ныне царя, *наихудшая, ибо бесцельна*, зовущая жить дабы есть, имманентно: раб чр|ев|а — недвижен. Идущий — всегда налегке: Бог, Дух-Легкость его осеняет в дороге крылами как Цель! Те́ла полная власть, коей горд Запад — власть едоков и свобода питаться: ход стада коров, кои, врозь теша

чрево, по сути стоят, Цели чу́жды: покой — смерть. Бог, Глубь — Цель-Внутри; и не чтящим Его — Сатана́ царь; царь — лучший владыка, коль служит Царю. Царство есть храм свобод, коль им правит царь сей; коль тиран — несвобод. Связь свобод — цепь служений: в ней царь, звено первое, служит последнему; с тем, цепь сия — строгий цикл (таково тело: в нем голова есть слуга прочих членов как царь их); служа́щий Творцу, царь спрягает цикл сей с Циклом Духа как точка единая им (таков был царь Китая — Земли с Небом с|в|Я|зь). В сем смысл фразы Христа, что последни в Сем — первыми станут у Бога: последние — первые *есть*, коли Служат, ведь с Богом единый, царь — всяк. Но мир сей отрешен от Него Сатаною. Земля — Князя трон, и с тем он — царь всех царств, *царством нас соблазняющий*, мир кинув в прах.

360. Полярность Востока и Запада — духа, растущего и на каменьях, и «желтого дьявола» плотских пиров, капитала, — Победа грядуща, Восток. Ибо труд, чей бог Западу злато, нужды лишен в нем как итоге. Тр|уд, золота больший как Мир — нас, имеет внутриобитающий смысл: то — **служенье Творцу**, Кто, создав мир и нас, в нас вложил пыл творить. Богосущен, Труд самодовлеет как Кантов моральный закон, Долг, опор внешних чуждый. В себе он несет свою Цель! **(***«Lab|or est etiam ipse voluptas» — «Труд уже сам по себе — наслаждение» (лат.) — Люб|овь, Лав|а-Господь***)** Так душа, человечности суть — самодвижна; Дух, Семя души — Цикл, что нам, людям, до́лжно не жаждать разъять, но хранить сколь есть сил.

361. Мир сущ Богом: Путь — Целью своей. С тем, искать Мир без Бога — искать есть ничто и нулем самому стать: кто ищет — найдет. Таков был век XX-й, искатель ничто как **единой теории Поля**. Лишь в веке безбожном сем мир восхотел ее, дабы заполнить Пустое, суть Мес|То, для *видящих* кое есть Бог и Мир, Поле, каким к Нему и́дем **(**санскр. «кшетра», а *видящий*, зная его — ибо *видящий* знает, — есть «зна|ющий поле», кшетра|джна**)**. Век сей Промышленьем Творца — век иллюзии, явной в числе римском **XX**, Дека́дах двух, кои — два Мира: Мир — Де́сять; и Десять

вторые — обман: Мир — единственен. Век XIX-й зрил грань меж Истиной, Сердцем, и Ложью, Умом пустым **(**и, рек Фуко, до сей грани два сих были благом, единым как Мир, душú Суть, — а за ней Сердце стало безумьем-злом: Мир, Полнота — пал в часть, Ум**)**, а в XX-м грань канула: Сердце застлал людям Ум. Стерший грань сию им как примысливший к Миру второе, мир|аж, **(**огнь к огню, как Платон рек: Мир — Огнь**)** — был Диавол, таимый в деяньях Князь тьмы[77], Сила внешня, На|силье, противная в|нутренней Силе, Творцу, ничему не противному: внешнего нет Ему, всё — в Нем. С тем, Он — Царь Всего, кое Мир: Глуби, дома Его, чья Он Глубь; Дьявол как корка Бога — облаток есть царь как сего без В|сего, и в сем мире покровном он — первый, а Бог, Глубь — Второй.

362. Глубь — Субъ|ект, «тот, кто скрыт»: Полнота, Бог по сути последней; об|латка — об|ъект: пустота, Дьявол. Истина, Бог, субъективна; ложь, Дьявол, — объектна, и как «объективная истина» — смерть Всего, Мира: без Бога — Мир мертв. Истина в себе опору имеет, ложь — в истине лишь, ведь в себе есть ничто; посему истина — пробный камень обеих, а ложь — ни одной. Самовластная, истина истину вечно речет; ложь — то истину, а то себя, не верна никому. Таков есть Аристотель: он, с истиной спутавший ложь, то правдиво глаголит, то врет.

363. Сатана един с Богом. Лишь в бренных очах человека, как пленника Лжи, Бог и Дьявол противны; поистине ж — оба суть Огнь. С тем, в очах Пифагора Дух-Бог, озаряющий Мир из средины его, горит в центре Земли, *Люциферовой точке*: поистине, *Божья она*. Зрить Диавола та́к нам — есть с Богом его зрить *в себе*, где он Друг, суть Друг|ой в нас (а Бог есть «Я» в нас, Суть): ведь враг — есть сторонний Другой **(**и рознь дружбы с любовию в том, что друг есть не-Бог в нас, «я» второе; любимый же — Бо́г сам, суть первое «Я»; с тем, в любви несчастливый — с собой не в ладу**)**. Таков, вра|г есть для мудрого сердцем вра|та в Бога, Глубь (врат|ь — врат|а отворять: ложью — истину); с тем, враг есть друг, и познать как врага Сатану — есть познать друга в нем (как в Двух — Ноль: Тьму, Врата) и чрез то взойти к

Богу: чрез тьму — в Огнь. Ведь тернии, к звездам преграда, — суть пу́ть к ним: к Творцу — Мир.

364. Единство Творца с Сатаной по закону Единства — единство и рознь. Бог — Единый за высшею Тьмою, Нолем как ее Созидатель, Одно-без-Числа **(**Единица же па́рна Нолю — есть Число-Бытие, плод Ноля, Не-Числа, а пред ним — за ним скрытого Бога, творящего их наравне — Тьму и Свет, Мира страны: ведь Мир — синтез их**)**. Ноль, Длань Бога, в себе разделясь на себя и иное себе, Ноль и Двойку, творит бренный Дву́х мир (субстрат жизни чьей, Бел|изны, есть бел|ок) и владыку его Сатану, что, как Два, в себе двойствен. Два, верные Богу, он — Бо́г сам, Добро, и он суть ди|а|л|ек|тики, к Богу в|лек|ущей как Лек|арь, Любовь. Двойка в розни с Ним — Зло́ он, влекуще в ничто. Божий, есть он Любовь под личиной Вражды как Ум Сердца благой, им великий (таков суть Платон), а безбожный — Вражда без Любви: Ум Ума, мал|ый как Мира Зло[78] **(**mal|um — зло (англ).**)**, что, Мир мир|ажом подменив, его скрыло от нас, Бога — с ним (таков суть Аристотель, Нарцисс, муж облаток пустых). Се́рдца Ум, Сатана — Личность личностей, Бога полн; Ум Ума, он — Индивид индивидов пустой. С тем, в единстве как Двойки его он, за Богом Второй, есть и Друг наш, и Враг: пил|ьщик душ, поверяющий крепость их; Ум, не дающий на месте стоять нам, *пытая,* сиречь *вопрошая и муча*: Два мы иль Одно? Рознь? Любовь ли? Пыт|ая, пит|ает к Познанью он сущих: к Дея|нью — Дея|вол; будящий Идти, он, Господний Слуга и Противник[79], чтим должен быть нами: Движение — Жизнь[80]. Как Враг наш, Дьявол — в Бога Врата, нас учащи Всходить, Силы датель и зов: Сила — Тьма, коей есть сей В|тор|ой, символ Господа **(**sum|**bol**|**on** (греч.) — приводящий к единству, связной**)** как баллон Сути сей.

365. Ум Ума — Уму Се́рдца аг|рес|сор **(**«рес» — «рез»: Дьявол-Зло — человеков мясник**)**: он хватает его дланью черной. Так Англия **(**сын коей — Кр|о|м|вель, мясник-Вель|зе|в|ул, отрубивший главу королю: в сути — Господу**)** некогда была захватчиком Индии: Англии суть — Ум Ума, Двойка-Рознь **(**царь колоний-частей, не любящих владыку как *общее* их**)**; Индии ж — Единица, Ум Сердца святой[81] **(***и*

Колумб, ища Индию, Се́рдца Ум (Сердце — Кол|ум|бу-Уму: Круг, иль Кол|о — Квадрату как Цель. Так, Ум Сердца, Платону Сократ Сердцем был как Уму, что взыскует его), нашел землю противну: о|би|т|ель пустого Ума). Ум Ума — искуситель, святых соблазняющий царством: таков М|а|р|а (*датель ма|ра|з|ма; му|т|ь-ма|р|ев|о, гла́з смерть; санскр. mar — умирать, гибнуть*) Будде, Диавол — Христу.

366. Бог есть Первый, Диавол — Второй. Чтить обоих нам до́лжно по их старшинству. Чтящий так — Богу верный, обоими сими как Жизнью храним. Чтящий лишь одного, Бога *иль* Сатану — в сатанинской мертвящей сущ власти, не Целое чтя — часть, чей князь Сатана.

367. Бог как суть — Глубь, Диавол — облатка: Огнь, хладный чрез выброс вовне; из них первый — Свобо́да, второй — П|лен, иль Рок, явь чья в Сем — гравитация, тяжесть. Кто важ|ен — тяжёл: «вага́» — вес (укр.); премного — «вес|ь|ма» и «з|е|л|о», где «ма», «зел» — Тьма, Глубь Божья, а «ел» (al) — Бог, Тьмы чистый Ves — Yes, Да, Коим сущ Мир вес|ь как Глубью своей; «зло» же здесь (*«з|е|ло» — «зло»: злой в трудах — работящий зело*) — внешний вес, Сатана, тя|же|ст|ь-же́с|т|о|чь, лик чей есть Зе|вес, Же|ны за́вес|ь (санскритское gur`u, «тяжелый», с тем — имя планеты Юпитер, Зевес); у|важ|ать — чтить за Вес, М|уд|рость-Силу; п|уд — Уд, Фаллос-Тьма, бренных С|п|уд: Очи-Сила, Вес-Vis. Вес — Причина, Дух-Огнь, Солнце-Жизнь. Пора солнца, Ra-Visnu — вес|на посему, вишни цвет; Груз весен|ний — Любовь — Сень и Сущность всего (we|s|en (нем.) — существо или сущее, вещь или свойство, природа ее); Любви райские девы в Коране есть гур|ии, Груз. Вес благой, тайный — Ноль (Вес — Евс — Ева, Тьма-Мать) внешний, злой — Два (зримый в «д|важ|ды»). Вес Мужа, наружный (*как Ра|м|ы, за Тьмою второго — отсюда «г|ра|**м**|**м**»: тьма, гром без молнии-сути, и|гра (гра — укр.) без иг|рока*) — Зло гнетущее; Жены вес — Благо, Крыла́. «С|тя|ж|ать» — жать-Обретать: становиться гуру́ как «тяжелым [от Знанья: вес|ть Бога, оно — груз]» (*отсюда — гру|з; гру|сть — груз Тьмы на́ сердце (Рус|ь, темна — г|рус|ть).*

Мудрость-Тьма — Груз, ведущий нас (вес — вес|ти́) в сердце, в гру|дь-Глубь, ход куда — по|гру|жень|е; и мудрость — печ|аль родит в нас, что печ|ет душу нашу огнисто: Тьма — О́гнь; вес|ти́ — несть груз от|вет|а за верящих нам). Тяжесть-Глубь — Пр|ям|изна, роста суть (п|р|от|ивление смерти — тьме внешней как яме-могиле, «ям» ко́рнь коей, Ям|а же — бог): Бог-Мир в нас; г|ур|у, Г|о́р|не, что полнит учимых как Тьма-Суть фи|гуру — есть «тот, кто подъ|ем|лет», сиречь распрямляет от|важ|но людей (распрямлять — раз|гиб|ать: весть из гиб|ели в Жизнь): ибо Мудрость — От|вага («вага́» — вес (укр.); «важ|ити» — весить). Р|ост — лик Верти|кали Господней: «ост» — суть Ост|рие, Фаллос-Тьма, а Р — буква Ум|а, Му|жа, в Сердце восход от кого и есть Рост, Дело наше: стяжание Мира как Камня камней. Лик его — Алатырь, «бел-горюч» камнь, соль Вед, к Богу Путь. Он разом и «мал и весьма студен», и «велик, как гора»; он и легок, и тяжек. Познанье — поднятье его: «и не мог тот камень никто познать, и не смог никто от земли поднять». Тяжесть — Мир нам, Идущим (*рече́нье «Мир вам!» — о сем Грузе. Идти — несть, Прийти — донести: Мир — до Бога; Сизиф — лик несущего Камнь сей зазря*). Посему с|лав|а (рек Па|вел, апостол Божий), что избранных на́ Небе ждет за стяжанье сие, есть имущая вес.

368. Причастные миру сему преходящему, мы — части Необходимости-Вражды, мир коей, на|руж|ный (покой как облатка Движения, Рух|а), есть первый нам, бренным; Глубь, Вечность Свободы-Любви — нам второй. Так считал Аристотель утрату первей об|лад|анья: мы в Розни теряем, в|лад|еем — в Любви, Ладе всех (*прав он в том, что утратить Сие, превзойдя (превзошедший — о|б|рел-объял: очьми — орел) — обресть То, Тьму-Любовь, что лишенностью звал сей лишенный*); в|ласт|ь полну иметь — есть к подвластному л|аст|иться (ласт|ы есть п|лав|а|нья орган: Любовь — Вода); ластится — об|ласть, об|ъемля л|юбовию: Лоно, Мать — царь (и для горнего ока не тело утро|ба души, как зрит тлен, — но душа, Ба-Жена ему лон|о же|лан|ное (ба́|жане — укр.)). Мудр, язык наш славяно-российский (Д|ер|жав|иным чтимый *глуб|о́ко*: Держава — Глубь, царь коей — Бог)

нам являет сторонность Вражды и глубинность Любви: ведь войной идут НА, а любовью — В. То, что позднéй, посему старше того, что прежде облаточным нам: Суть — Второе. Так д|ел|о, суть слóва, за словом идет в мире сем (*рек Мухам|мед Аззахири Ас-Самарканди: «Бог сóздал дольний мир наш навсегда таким: // Веселье — после бед, благое — за дурным»*). Глубь есть Высь, Бога Дом. Метафизику, Выси науку, законно поставил Андрóник Родосский за физикой, наукой Дна: «мéта» — «после» как в сути «метá»: Высь как Цель сущих, Бог (Суть мета|фор|ы — Он). Глубь (Высь) — Ноль, Не-Числó; покров — Двоица; оба сих — Тьма. Глубь есть Сéрдце; мир внешний — Ум, власть чья, бессердна, есть власть Сатаны вместо Бога; и Глубь — Н|умен, мир субъективный, а внешний — фенóменов мир объективный. Глубь, тайная — Цельность, Одно; в|не|шность, зримая — хаос частей без Того, Кто связует их: Глуби, Творца.

369. Покров — Силы сосуд, коя Глýбь есть. «На|руж|ность» — от «ру|ж», «ру|х»: Д|ви|ж|ени|е-Тьма (*«рух» — движенье (укр.); «руж|ье», движенье рож|дая — «руш|ниця» (укр.); к сему ж — «руш|áти» (укр.), «руш|ить» и «рух|нуть»*), семитски — Ру|а|х, Дух как Сила, Жена. Явь ее — Рус|ь, земля Тьмы-Стр|ел|ы: «бути в рýсі» (укр.) — двигаться. «И какой же русский не любит быстрой езды?» — мудрый Тьмой, **GoGo**'ль рек. Сей ездой русской, Ввысь мир влекущей — есть русская книга моя.

370. Глубь, Н|утро (Н|ут — богиня чья) есть Утро Божие, Ран|ь как Ка|ран|ы чер|то|г, тó|г|а чер|ная Бога, Царя Глуби (t|zar — царь (англ.) = t|heos + zar), Зар|и сущих, дом коей Восток; з|рим|ость бренная — Дьявол запáд|ший, пустой. Глуби лик — смерть, Утра|та: ночь здесь — Утро Та|м: Дом души, Тьма-Утро|ба. Лик Бога у Греков — Афина: Тьма-Ноль, Глубь, из Зевса исшедша главы; Сатаны лик у них — Арес: тьма в розни с Богом, Два. Афина-Глубь — суть эпохи Атлантов, сей канувшей в Воду, начальна Ари|йской, облатке, чей Áре|с князь, суть Ари|ман: ma|n — муж, Ум, Тьмою-Сердцем ман|имый и мáнящий, как в Тьму, в Себя, без Огня сего огнь. Сердце-Глубь — Утонувшее нам как Причина, санскритское Хари; а Ари

(без Х, буквы-Корня: Декады как Мира в нас) — следствие, скрывше Причину: эпоха Арийска как Ареса дом и престол, Атлантидой рожденный на свет как Любовью — Вражда **(**ar`i — враг, неприятель (санскр.)**)**, Двойка — Нолем, неучастным в рожденьи сем. Так творит Истина Ложь, злую дочерь свою: Благо-Бог, что довлеет Себе (по Платону) — иное Ему, Божий Мир **(**с тем, в «Мен|оне» Сократу смешон Эмпедокл, эманаций певец: Суть, творя, не теряет себя**)**.

371. Глубь, мним кою за н|и|з, ис|под, мы, себя мнящи вверху, — Мир внутри нас; Гос|под|ь, Царь его, — Глуби Глубь, Суть **(**Наиглубочайший; по Дж. Бруно — «Наиприсутствующий»: Глубь есть При|сут|ствие, «сущее при Боге-SAT»**)**; Оба ж сих — Глубь-Высь: Vis, Сила-Очи, очей Дом. Облатка его есть мир сей, коим пра|вит Всевышний как гор|нее — дольним, чей Дьявол правúтель как дольнего суть, коя Сим из Сего правит; Бог — правит Сим из Того, коим есть Всё Сему, себя зрящему в розни с ним: части, не зрящей причастность свою Полноте.

372. Бог и Мир, две Монады, — едины как наши столпы: попрать всяк нам — низринуть Себя, став ничем: ведь отринув один, отвергаем мы цельную Глубь, коя — Мы, Бог-и-Мир. С тем, союз Глуби есть «и», *десятая* буква кириллицы как Оба сих, чье **единство** — *«и» десятеричное*, в русском алфавите до реформы 1917 — 1918 гг. имевшее вид Единицы: I, i — «и» как **точка-тире, Дух-матерья, частица-волна как Одно**. Ставить точку над «i» — Духом плоть венчать как Головою, Мир — Богом ко славе Единого. **Связь** Мир-**и**-Бог — *восьмеричное «и»* в виде должном сему: как две планки, скрепленные третьей — И (Восемь и есть связь Миров, с Сим Того чрез касание их); до реформы звалась она ижицей, имев обратный наклон серединной черты: сверху вниз, N — так сходит в Мир Бог, Дух во плоть. Перемена наклона речет о паденьи людей и нужду Восходить: ко Второму — из первого, лжи; перемена ж, оставивша лишь одно «и», восьмеричное — **Связь без Единства, бесцельну**, Второе без Первого, — явь воцаренья Второго, Диа|вол|а, коим был попран Бог-Мир, Пара-Огнь в душах наших порой ре|вол|юции, тьмы. Союз «или», разъемлющий с Миром Творца к их утрате (ведь «Бог *или* Мир», повторим, есть

«*ни* Бог и *ни* Мир»), есть облатки союз, Сатаны. Союз «и», со|ч|и|н|ит|ельно-Божий, согласен закону Единства, чей муж есть Платон и чей лик **Ии**|сус (повтор кажет Закон); п|рот|ивительно-дьявольский «или» — закону различья, муж чей Аристотель. «И» есть союз Тьмы небытийный, согласный китайскому женскому принципу Ин|ь, суть Ин|ое со мягкостью в|одно|й своей: вход в Одно, Бога **(И Ин**нь — китайский мудрец, порожденный потопом: Водой, чей сын он**)**; «или» — Света бытийный союз: суть мужской принцип Ян; синтез их — Мир, Тьма-Свет. И как Сут|ь Сат|аны Бóг, — Бог есть и Суть «или», идущего от «эль», «Бог» **(**едины так имена Эл|иа и Иль|я (Или|я)**)**. Так одно Трой и Ил, Трои корни, и Трой — Бог, столп Трои, родивший для жизни ее, Ил же — Дьявол, губитель, родивший ее умереть.

373. Чтить Единство — есть чтить полюса его. Так Бог-и-Мир: в сем Одном, Голове, всяк — Один, для очей отстоя чистых. То же и Бог с человеком: Едины, они — Два. Бог — Суть; человек есть не-Бог, сущий Им; он и Бог, и не-Бог. Чтить Себя нам — чтить Бога в себе; и не чтящи Его, тем себя не чтим.

374. Глубь, Вер|ы Дом, есть Т|вер|дь на́ша: на ней мы стоим, к ней, стоящие *ею*, восходим как в Высь **(**мниму Западом низом: как Фре|йд, и|д|ол-Дол — бессознательным, погребом, в коем зрил Юнг, муж-Восток, Высь**)**. Бог, The|os — Пре|дел ее, сиречь де|л|енья Конец, Неделимый, а с тем — Предел Мира и наш, придающий, как людям, нам о|предел|енность Собою: **мы люди настолько, насколько мы Бог (**посему благо|родства, *сиречь человечности нашей*, приставка — «де»: D|e|u|s — Бог, Благо, с Тьмой-Дев|ой Своей**)**; **чело|вечности Суть — Вечность**, коей чело|м (лбом, Умом) бьем как Господу (Сердцу) мы: Корнь ее — Он. Бог — тес|аль|щик, гранильщик людей **(**так гранит, Им полна, смерть героев; Тес|ей, иль Тезей, был тесальщик Афин**)**; Мир, Ка|мнь, тес|анный Богом с Себя — тез|ка, сиречь подобие, Бога и к Богу С|тез|я. Посему у|тверж|д|ень|е — мы the|sis зовем; the — от The|os — в английском арт|икль есть определенный, конкретность дающий вещам, как дает им ее Суть их, Бог.

375. Г|луб|ь, Господь есть Люб|овь, *здравье наше*. Кто полон Любви — целен, здрав, а не полный — чер|вив изнутри. Так здоров, полн Эро|том, г|еро|й, дитя Любви-Причины (Her). Так здрав Сократ был, герой, бывший сведущ всех лучше (людей и живущих и живших, как рек он) в науке Любви, *весьма малой*: Любви (чей Эрот бог, *малыш*) в мире сем *как бы* нет, ибо нет ее в нем, внешнем, *вовсе*: Любовь, повторим, — Глубь[82] **(***Глубь, Ноль бренью — Два. Любви буквы здесь — тени: в кириллице ер|ь — мягкий знак (Сердце, Ин|ь), ер — знак твердый (Ян, Ум, от Любви Любовь: от Бога — Мир)***)** Полный ею, Сократ зрил люб|ого покорного ей невозможным без общества и государства: ведь были они Глу́бь ему, певшему Человека, единого в многости чрез Глубь, Любовь. Оттого и волнуют слова из кино: «Ты ведь знаешь, я мзду не беру. Мне за державу обидно», — что, чи́сты, рекут о святом, чуждом внешнего (мзды): о Держ|аве как Глуби, держ|имой Творцом из средины ее, коя Он. По традиции, фильм сей глядят космонавты пред стартом, **предчувствуя Мир как Державу сию**, куда всходят они.

376. Госу|дар|ство, дер|жава — Дар: Мир, царство Бога, держимый Им Огнь как Дар в нас, что дер|ем мы с Творца — с Сути корку ее. С тем, оплот государства (e|t|át — франц.) — м|ор|аль, é|t|o|s: То-в-Э|то|м, Бо́г суть; страна, что крепка — глубока. Мощь Египта и долгая жизнь его в том, что весь он — Глубь очам был жрецов, ею живших как Жизнью само́й. В Силе этой — корнь ж|реч|ества, дел и реч|ей чьих Суть — Ж|ép|ло, Ноль-Тьма: Благо сущих, Единство, куда волей Божьей идем как Своей. Тьма от Тьмы сей, Ваал (Бэл), Тьма-Два — Жерло-Зло, Рознь, глотаемы коей мы, жер|твы ее, против воли своей.

377. Государства суть — Глубь: Мир, держимый Творцом. Масон Лок|к (за|вит|ок тьмы, иль л|ок|он, вол|юта ее), государства причиной зря до́говор смертных, не знал: сей *наружный их сговор о Глуби* (ведь бренье — покров) — с Сатаной есть союз против Го|с|пода, Кто гос|уд|ár|ства Суть. Бога лишен, Го|ловы, до|го|во́р есть

измена, дух чей — Князь. Вор сей го|суд|арство, пленивши, из Милости сделал Суд|ом как цепями на ней.

378. Человек есть и Бог, и не-Бог; он и Глубь, и облатка ее. Посему быть Собой — есть иметь нам открытость двойную, вовне и Воглубь: в мир материи бренной как в Это — и в Дух, Вечность-То, как звену связи их. Таковые, мы с Миром одно: Глубь, он — Всё, Это-То.

379. Суть есть Бог, покров — Тьма как и Бог, и не-Бог; и как Бог она Ноль, как иное — Два. Суть — буква А, а облатка — Б. С тем, букв чреда — алфа|вит, корнь чей Альфа, Жизнь; Аз|Букой, «сутью-облаткой», зовется он в сем мире Двух: Тайна — Суть, явь — покров ее. В А, его корне, две планки наклонные есть Тьма и Свет, Мир как Два; точка верхняя — Бог, единящий их; планка меж них — человек, что связует их, иль единит-делит. Бог есть Единство их, связь — человек, что без Бога ничто: связь — Единством жива. Число А — Три: Бог, Мир, человек — Тройка; число Б — 6, Дважды Три как Три-в-Розни: Единое множить — делить изнутри его; сумма сих чисел — Девять, Лоно: из Мира, Единства-и-Розни, родимся мы в Бога, Единство-Одно.

380. В «ба», душú Божьей имени, «б», Тьма, есть первое, «а», Бог — второе: ведь Тьма, пла|щ Его — перва нам. Таков царь, ба|сил|евс: Силы муж, верный Богу, он Бог, а не верный — не-Бог, Сатана как Второй, бог без Бога. Бог, Глубь, есть Суть наша, но Он — и П|ок|ров, нас объемля: ведь Суть — обнимает, включая в себя; с тем, Бог — Б|о|г (зримый в «и|бо» — «поскольку»: мы есть, ведь сущ Он). Два — облаток число, цельных Глубью как Сердцем Ум; Троица — Глубь самоé: Мир как Цельность; и многость — обоих чисел суть: Зла как Двойки в себе и Трех-Блага, ведь Бог — Третий в нем. С тем, едины Б с В как Зло с Благом, Диавол с Творцом: Б|эл — Ва|ал (**«ал[ь]» — Бог, «Ва» — Сатана**). Бу|ква — Духа сосуд: «бу» — от «Бу|ки», Б, буквы покровно-второй («бука» — злой: Зло — Два); «ква» — kou, Глубь; «буква» — «бу|ков|ка» (*ков|ка — труд, бог чей Гефест, Огня бог; «ков|дра» (укр.) — одеяло: ква|драт-ков|ер, rin|g, дра|ка-рознь, рынка суть:*

рын|ок — рин|уться [в бой, как э|рин|ии, месть]; mar|ket (англ.) — очей мар|ь, Сет|а дом). Духа полн, сосуд-буква есть Жизнь, пуст же — смерть как облатка, единая с цифрой и фактом, облатками ж, что в себе — Сути гробы. «Littera occidit, spiritus autem vivificat» — «Буква убивает, а дух животворит», — учат древние: lit|t|era = lit|os + t|erra (здесь e|r|a — Э|р|о|т, столп эр, Рот благой) = камень-земля, Смерть-Жизнь — вот что́ есть буква. Власть мертвой сей есть номократия, пр|ор|ва закона; исполнившим Духа ее — буква О́гнь, и бу|маг|а, букв сущая ради, есть Блага бу|тон, маг|а жезл. Дух есть Сердце, Жизнь; буква — Ум, что, Сердцем полон, есть Жизнь как оно, а бессердно один — смерть, не-Жизнь.

381. С буквой глас неразделен. Два гласа нам кажут Владык. Глас Диавола-Бэ|ла (Ба|ал|а, кем Бо́г скрыт) — ба|с, глас Мужа тяжкий, к земле г|нущ|ий нас. Тяжесть — гущ|а: мо|гущ|ество Тьмы в гласе сем (Сути глас — Суть сама: так «Ом» — Бог). «Бас|та» — хвати|т: с|хвати|в дланью черной, Диавол ко смерти гнет нас (так согбен Злом бас|тар|д). Бас есть Вол|анда глас (*так басист Олег Бас|ил|аш|вил|и, сыгравший его: will (англ.) — вол|я, какой есть Тьма, Воля как Два — Дья|вол, бес без|обра́зно-пре|крас|ный, от|личный (англ. bes|t): под личиной — ничто (пред Нолем-Тьмой Два — нуль), ni|hil, тьма без материи, очей ми|р|аж: Мир без Бога — Диавол пустой, С|т|ра|ст|ь (санскр. ра́дж|ас) как Два*); г|нут|ь — з|нущ|атися (укр.), из|дева|ться над Матерью в нас, Прямизной, из|вод|я Ее: в сем — труд Ди|авола. Тьма-Два (*bis (лат.); біс — бес (укр.), ч|ё|р|т: черта́-«без», лишенность; животное — bes|tia (лат.), сиречь не-человек (как зовут и безумцев-людей)*), он есть брения баз|а, его ба|с|и|л|ев|с — Сил|а-Зло, тя|жест|ь внешня же|с|т|о|к|ая (внутрення ж — есть Тяжесть-Мудрость она, Бог-Ноль). Баса-Диавола корнь древний — Вакх, Бас|с|ар|е́й («сар» — Тьмы корнь; Аре́й — Арес, Рознь-Двойка, противность Афины, Ноля). Бас — бак — Бык: Вакх при Матери, Коровы Сын. Бога голос есть а́ль|т, альт|ру|изма корнь; Тьмы, Длани Бога, единой с Ним — те|н|о|р: Тьма-Ор — Бога Тен|ь, Сатаны гор|ня Мать.

382. Мир есть Поле и Путь в нем. Как Поле, Покой он; как Путь, он Движенье: Река однократна, войти в кою дважды нельзя: ибо в ней мы *однажды — от века как в истинно Сущем* (и выпасть из Мира — ничем стать). К|рат|ил, супротив Гераклиту, певцу Реки этой, сказав, что в нее не войти нам и раза, тем рек: Мира — нет, с ним — и нас, миросущных (иль есть как ничто мы). Из Бога течет ся Река и втекает в Него ж (пар иных — Миру нет), Им замкну́та в кольцо; и от Бога текуща, она есть Вражда, а возвратно — Любовь. В путь Рекой сей идем мы Очéй ради: Мир вечный с ними — одно; жить-быть — зриться; и сути, несомы волною Вражды, мнят, что *видят*, на деле ж — слепцы, видя м|ра|к: солнце их — Дно (так, бренны, зрим мы); а волною несомы Любви — *видят* истинно, Солнцем зря Божию Высь. Таковы Гости наши, Антро́пы, явь чья нам Контакт.

383. Ибо два нам, Идущим, пути, солнца — два. Ввысь мы Богу ступаем, зря Солнце Его; вниз, спиною к Нему — Сатану, и его солнце зрим **(**так, лицом отвратясь от Платонова солнца, зрим свет Аристотелев мы, тьму ничто**)**; и огнь первый — Свобо́да есть, рабство — второй, кои вместе с путями их сущи внутри нас как Глубь, наша Суть (два пути сих мы знаем невольно чрез смену печали и радости в нас Колесом Перемен). Вниз сходить — пол|овине служить как безмирию, кое есть Дьявол без Бога, — смотря; Ввысь ступать — есть служить Пол|ноте, Миру-Целому, чей царь Бог, — *видя*. Смотрящие очи, как сказано, — очи Вражды, очи *видящи* — очи Любви. Сути Вражды влачимы, Любви же — ведо́мы; обоих не|сет-вол|оч|ú|т Река-Мир: одних в му́ке, в ус|лад|е других. Посему те и эти, влекомы Рекой сей, не ведают истинной вол|и Своей. Наделен Богом-Тьмой ею маг, ускользнувший в надмирную щель: Тьму меж Миром и Богом, где, Бог и не Бог, выше Мира он, с тем — человечности, ею владея как Сверх-человек (ибо суть ее — Мир), ра́вно вольный любить и страдать, над Рекой сей паря, как ор|ел. Миром шествовать (вольно ли, нет) — быть Путем сим Идущими; Шествие знать — ведать нам, для чего мы Идем.

384. **В путь идем мы очéй ради. Мир, их Пред|мет — Цель и Польза всех странствий как Бог для очей** (Бог же сам — Тайна им, для очей Своих сущ). Риши, Мудрый Семи — по-санскритски и «видящий» есть, и «богатый» (rich — англ.), суть **богатый Очьми**: с ними быть — Мир иметь в обладании, кое есть Взор. Правда Жизни — очéй правда есть: esse — percipi **(***мáк, Солнца диск закрывая в затмении точно, Луна и равна ему как образ сути: казаться есть быть в очах видящих, где Два — Одно. Так считал Гераклит Солнце равным стопе: царя — миру, что им попирается***)**. *Ви́денье* есть Сил|а, кою в|сел|яет в Антропа Тьма, Длань Божья, как Сила Силу, чтоб он *Ви|д|ел*-Ш|ел (де|л|ил-д|ел|ал). Идти ж в Мире — Плыть: Мир как Путь есть Вода **(***море|плаватель есть море|ход; вос|ход|ить — вос|тек|ать. Так ракеты у нас: за «Вос|ток|ом» — «Вос|ход» беспромежно, к главе голова***)**; Чел|овек — Чéл|н, — иль, первый, в челне как втором он плывет как его ру|лев|ой.

385. Число *ви́дения* **12** столпами своими (разряд — столп числа) — суть два рода Плывущих. Род первый, числом Единица, есть те, что, неся Мир как Суть — ведь Антро́п есть сосуд его, — стран|ствуют **(**сиречь, плывя, познают страны Мира, Змеи́ кольцевой, вия|сь: странст|вие — путь в Мире, им из|**viva**|емый**)** ради себя как монады очей, зрящих Мир, Одно, — тем познавая себя. Второй, Двоица — те, кои странствуют ради иных: очей многих, Мир зрящих, — чтоб этим очам с сей подмогой себя познать (так, познавая себя, помогает философ иным в деле сем своей книгою). Первые — те, закон странствий чей есть они сами как Мир, Суть; к походам в иные миры (ведь походом зовет моряк плаванье) средством они и имеют себя, чтоб являть себе Мир как Себя, Суть свою. В мире бренном таков всяк ходящий, познания ради, стопа́ми своими **(***как ртом, тайным нам: ведь идущий, как древо, пит|аем Землею чрез стопы; ступать — пит|ь, что знает босое дитя в своей радости бегать по влажной земле в дождь***)**; над бреньем паря — таковы маги. Двойке согласны, вторые — те, коих закон не они, но второе, стороннее им: Э|вол|юция, многих Стезя, коей к Богу, несомы Рекой сей как

внешним пред Господом-Глубью, идут они вместе с иными в Антро́пных мирах **(**о мирах сих и ре́чь лишь: миры не-Антропны — Антропы не зрят, мы — меж них**)**. Дело сутей, влачимых ко Дну, им неведомо в слепости их; дело сутей веде́мых и *видящих*, в вольном служении Ввысь идя — есть Знанья ради являть себя сутям волны нисходящей, смотрящим (лишь с тем — Мир себе́ являть), что́ есть их Миссия, кою Контактом зовем мы (табл. 5). Двойку, многости корень, имея числом, сред|ством странствий своих и сред|ою прительной имеют они не себя, но *второе*, без коего плавать не могут в мирах *Двух*, Вражды. То — Корабль, что, верны его сути, зовем мы машиной Любви.

386. Во́лны Мира, покойно зря их, есть миры (царства) Канта: Вражды волна — Необходимости мир косный; волна Любви как Порыва — Свободы мир, коя — Вражды суть, исток неучастный (феномена — нумен, Ноль — Двойки). Причастны ему мы чрез Долг наш, *свободно служа*, — что зовет добродетелью Кант.

387. Как Монада, сплотившая Два, Тьму и Свет, Мир есть Десять; как Сущего Божья Река — он Одиннадцать: синтез двух волн, где любая — Одно: 1 + 1 = 11. В сем числе, кое суть Шесть-и-Пять, Шесть (Козел, Бэл-Диавол) — число нисходящей волны (сути чьи — мы с тьмой сутей Вражды, стезя коей волна сия), Пять (Бог есть Су́ть чья) — число восходящей, эфирной (чьи сути есть Го|сти, го|нцы Любви, стезею коей волна есть сия). Дело каждой волны в паре сей — указание парной, чрез то — Мира, синтеза их: Шесть — Пятью, Пять — Шестью; и в Антропности знак сего — длани, Деянье (ведь Тьма — Длань), а в дланях — персты. Посему перстность длани Вражды (нашей — с тем) — Пять, Любви число, чье умноженье на 2 — по Очам, коих двое — дает Десять-Мир; перстность длани Любви, Гостевой — Шесть[83]: чрез пару Очей — Додекаэдр, Двенадцать как *виденья* Очи, единые с Миром как верная пара его. Пять-и-Шесть, Жизнь-и-Смерть, явлен Мир числом **56**, Семью Восемь, где Сем|ь — Жизнь, суть Сем|я, а Смерть — Во|семь: меньшая Жизни, она — во Сем|и. Число это, ман|де́л|а — суть матрицы, сетки дел|ящей, живого и мертвого (семь строк-периодов, восемь столбцов-групп), плода

Мен|де|л|е|ев|а: Путь наш, Мир Божий с же|лез|ом, Враждой, — ведь ступаем в Любовь чрез нее как чрез тернии мы.

388. Мир, Глубь — Сер|д|це, Ци|кл це|льный, а во́лны Вражды и Любви — его страны. Согласны троим сим цвета:

- **Миру, Целому — с|ер|ый**, с Эр|отом единый: ведь Мир — Любви Шар, Сер|дце в нас. Цвет сей в сути — Тьма-Свет коим есть Мир, Огонь; как цвет с|у|мер|ек, в Истину Мира, Одно, единит он День с Ночью как парой своей, Это с Тем **(**сер и мозг наш: ведь, сердцем живим, миросущен ум; смерть, суть Сир|ен — сера́ как врата в Мир**)**. Серый есть Оди|ноч|ества цвет (сір|ий — сер|ый (укр.)): Мир, Конь (кін|ь — укр.), в очах пло́ти не сущий — по|кин|утый Sir, Ко|роль-К|о|н|ь, Бога роль, Очей-Тьмы Дом **(***«сир» — «зир» — «зер»: в|зир|ать — со|зер|цать, как зрить — зыр|ить; исл. gey|sir, Тьмы ток — гей|зер (рус.)***)** как Пу|зыр|ь **(**Pu — Па|н, Тьма**)**, Богом полный Внутри, Си|р|от|а бренным, Бога не зрящим **(***«си|р|е́чь» — то есть: Мир нам есть То, Речь-Река: от него, им — речем мы (и числим: Одно — Мир, от коего — числ ряд); па|сер|биц|я — пад|че|р|иц|а (укр.), родная отцу дочь, чужая для мач|ехи: much — многость (англ.), Зло как тьма: Бык (биц|юра — укр. разг.), что Корову не чтит***)**, и Предмет наставлений **(**ser|mon|es (лат.): кто на|став|ляет — на путь став|ит; Путь — Мир**)** всех, Серый Один: в Мире сущи — и учим о нем. Серый — gray (англ.): Мир — Божье Дитя, что и|грае|т: gray — грай, и|грай (укр.). Так игрун на сир|ин|ге своей Пан: to pan — всё (греч.): М|ир, Ири|й **(**Ра|й, Полность**)**, птица чья — Сир|ин, Сирен|а: эйрен|е (отсюда Ирин|а) — мир (греч.). Сер Мир — сер и Сер|ван|тес, Любви-Мира муж; Коро|лев, ключ врат в Мир **(**лу|нный лю|дям: врата нам — Лу|на, Мо|on**)** — Сер|гей, Геи сын, ратник Мира, Все-Геи (Земля Грекам — Мир), что рожден в день-к|ра|й года, ларь всех остальных: Мир — миров своих, Цельность — частей. Мир для бренных — То, Тьма, богом чьим есть О|сир|ис. Сыр|ой — как Река, Вода Божья, — Мир,

Cir|cus: Змей, хвост у|кус|ивший свой, Сер|аф-С|р|еб|ро — Полнота, ребро|м-частию зримая в смертных очах: часть не|цель|на — они, зрящи то, чем есть сами (*порой Отчей сей злато — Мужа металл, серебро — Жены; в Женскую — оба металлы Ее, явь чему есть э|л|ек|тр, монадичный сплав их, да с тем в злате природном сребро как обычная примесь его*); «сер», «сар», змейность — Шар, Мир. Мир с Очами един как их Солнце. С тем, серый есть Взора, Очей миросущных цвет: «сер» — «зер» — «зор» — «в|зор». Очи му́дры зрят Мир и в пыли бренья, серой как он;

- волне Любви, стране Мира первой — **зеленый, Любви цвет**: Л|ист|вы, полной Солнца Господня. Зелён|ый — силён: Сила — Тьма, Божья Длань, что зелёна любовно (*Сократ, схож с силен|ом, был зелен-силён как Любовь, Суть его, знав в ней толк*). В семерице цветов зримых цвет сей — срединный: Центр-То, коим есть Любовь бренью. С тем, цвет сей зе|н|и|т|а, зени|ц Сен|и, Цели, — есть **истина дня**. День как Свет — Полноте мировой половинен; лишь с ночью, Тьмой, он есть она. Посему серый, сумерек цвет, где сих два суть Одно, Мир, — зеленого выше как **истина сут|ок**: монада, Сут|ь-Мир; день *иль* ночь с цветом их — половинны ему. Сутки, доб|á (укр.) — Полность-Доб|ро как Бог, Сердце (Бог, Мир — Глубь одна); Ум — по|доб|ье Его: полу-Сердце, от Глуби di'ра. Втайне серый с зеленым — одно: оба суть — Полнота, Мир-Любовь. Дол|лар (лар|ь Дол|а, Зла как зачеркнутой Истины, $ат), серо-зе́лен, чрез Мира цвета́ сии кажет безмирье, ничто: ан|ти|п|од|ы — друг в друга персты.

  Цвет зеленый — Любви цвет. **С**елен|а, Луна **з**елена́ (S = Z), **з**елен|ú́т мир любовно: Любовь — Суть ее; **с**еленит|ы — Луной зелены. Всходим Ввысь мы Зеленой стезею как Лунной Тропой, коей жаждал Пи|л|ат, Пил|ы сын, как свободы: Луны — зелен цвет (рек Bull'гаков о полной Луне, **Глуби полной**), Зеленое ж — Тьма. Мир, Любви Шар, сер как Одно; как Два же —

зелен: Любовь — над Враждой. С тем, Единство-и-Рознь, Мир — Шар серо-зеленый; таков и Лун|ы цвет как лон|а его;

- волне Вражды, второй стране — **красный, Вражды цвет** чер|вон|ый: Причина, к утрате исшедшая вон **(***злато чистое в Сем, и|дол Розни, — «червоное», кра́сно В|раж|дой, страстью (радж|ас — санскр.) злой; ст|раст|ь благая — любовная: ею раст|ем***)**. Вражды мир — мир объектный, наружный; Любви же мир — Глубь. Рак живой — зелен, красен — вареный: так парой жизнь-смерть правит Жизнь недвоимая — Мир, Серый Ра|к иль Вол|к, grey'щий в брюхе своем Шапку Красную с лесом зеленым как Pus'о бла|жен|ствия их.

389. Любви цвет есть цвет Глуби — Единства, каким есть она; зелен им тонкий мир, То, бог чéй — Тот, творец «Из|ум|ру|д|ной с|кри|ж|ал|и», рекущей о Том; кров|ь Гостей наших, Глуби послов — как Любовь, зелена. Цвет Вражды, крас|ный, есть цвет по|кр|ов|ный: кра|**с**|**на** им сна|ружи Любовь. Им красна наша кров|ь и ал|еет Ва|ал|ов зев. Бренным очам дан он в с|пек|тр|ах звезд смещеньем красным бегущих сих врозь; в Любви вечных очах — все сбегается к Богу, зеленым полнó. С тем, зеленый цвет — Глубь как Пре|красное, «высшее красного» («пре» — «пéре», «сверх»): Глубь есть Высь. Страны Мира, едины Любовь и Вражда; и Вражда красным кажет на зелень Любви иль зеленым себя, кра́сну, кажет. Как Глубь зелено́, Се|рд|це р|д|еет в очах бренных: деет (Лю|бо|вь — Длань) в согласии им, пленным Розни, как Бой, коим жив лю|бой; рдеет — радеет любя. Так во зле зеленеем лицом, сущи во|зле Любви как Вражда, пара ей; от любви ж — пун|цове́ем. Так розы, любви дар, аль|ков|но красны («ков» — kou, Тьма); так вино, Тьме причастно, зеленым зовется, хоть оку баг|ров|о-красно́, зелен змий ал|ко|гол|ь, Бах|ус, помощь В|зой|ти нам, зря меру, и пасть без нее; крас|ота в мире сем — зелена как л|ист|ва. Цветов сих слитность — александр|ит, камень Тьмы, из|ум|руд|но-зеленый в естественном свете (Любовь — Est|est|vo), темно-красный — в ис|кус|ственном **(**иль не-естественном: Рознь, Нет, есть враг Ест[ь]|ества;

Александр, Любви муж, в дань Вражде в мире сем был муж-меч**)**; красен камень руб|ин: Вражда, злобная — р|уб|ит.

390. Два цвета, зеленый, листвы цвет, и серый, цвет пыли — едины **(***о чем Павел Флоренский рек, что «зеленый цвет, по направлению перпендикулярному, зеленоватость зенита, есть уравновешенность света и тьмы, есть* ***боковая освещенность частиц пыли, освещенность как бы одного полушария каждой пылинки*** *[в чем есть половинность зеленого к серому: к суткам — дня их], так что каждая из них столь же может быть названа темною на светлом фоне, как и светлою на темном фоне. Зеленый цвет над головою это ни свет и ни тьма [ибо он — оба эти, собой указуя на Высь: Мир, Тьму-Свет]» (жирность букв и слова в скобках — наши)***)**. Они нераздельны как Это-и-То, Божий Мир: ведь, дневной, цвет зеленый нам — Это: День-Дно, дом наш в Мире, очей бренных место; а серый, Мир — То как Тьма-Высь для очей. С тем, зеленый лист солнцем Сего живим; серый же лист, коим есть очам ку|кол|ка **(**мета|мор|ф|оз ее — ход Сего в То как Себя, Богодействие**)**, тайно живим Солнцем-Тем, внешне — тень любя. Два цвета сих в их единстве фамильями кажут герои космической сказки о дев|оч|ке-Силе, Алис|е (навыворот — Сила, Тьма Божия) Зел|еный и Се|л|ез|нев, чья фамилия — серая (селезень — сер), что в себе зелена: «сел» — «зел» (S = Z); лез|ет — Сила, Любовь, Зелень-Тьма: в вульву — уд. Цветов сих союз явлен и сказкою «Алые па|р|ус|а»: красный, цвет сих ве|т|ри|л, Бога полных — борьба за Меч|ту; серый, Грэй **(**«тот, кто греет»: Мир — Огнь, коим греет Элладу За|грей, Вакх**)**, кто, верх одержав в сей борьбе, им и избранной, с Миром сравнялся, Мечту сделав Явью, То — Сим, слив в одно их; зеленый, согласный фамилии автора Грин, — цвет Любви, коей со́здана, сиречь *исполнена*, сказка, как ветр полнит парус, и коя венчает ее как Победа — борьбу: Сердце — Ум. Так венчал Кантов труд основной — труд сердечный, *пр|а|кт|ический* — Грин, первый друг сего мужа-Ума **(**ибо Сердце — Ума друг-наставник, друг *главный*: Уму Голова, Суть**)**, который, рек Вл. Соловьев,

«с *большими практическими способностями* соединял такое умственное развитие, что вся «Критика чистого разума» прошла через его предварительное одобрение» (курсив наш).

391. Коль Мир есть Любовь-Рознь, Два-в-Одном, — нераздельны цвета серый, красный, зеленый; и в троице этой цвет серый, состáвным мним — прост, и иные цвета состоят из него, как все в Мире — из Мира лишь, многое — из Одного **(**что признал Тео|ф|ра|ст, положив производность цветов всех от пары Тьма-Свет**)**. Три сих цвета есть Мудрость сама: **серый — Мудрость-Единство**: един вечный Мир; **зелень — мудрость целень|я** в очах: единить — созидать; **красный — мудрость деленья**: делить — познавать. Сути Божьей Любви, Г|ост|и наши, идя к Богу-Глуб|и чрез Глубь-Мир, — как голуб|и божии (Глубь есть Жена; голубь, птица ее, женосущен), являют очам как цветá Цели сей и Пути своего, с ней единого, серый с зеленым в едином **Антро́пном ряду** (*рис. 9 с таблицей ее*) как цветá своих кожных покровов — облаток, что с сутью согласны своей. Ряд един в Мире сей, как едина Антропность в нем — рядное качество Мира меж прочих, покровных как Духу ему. В сем ряду нераздельно едины и сути Вражды **(**меж них — мы, цвет чьей кожи спрягает таимо цвет серый с зеленым и красным**)**, и сути Любви, Гости.

Чтó есть они? Чем, Антропы, похожи на нас, чем — несхожи? Антропность — единство их с нами в очах, рознь — все то, чем несхожа с Враждою Любовь как с Антропностью, сутию — корка, не-суть, плод ее нутряной.

392. Капли, знающи Воду-Суть, Гости — любовь от Любви, от Единства одно; капли, сущи без знанья Воды, мы — вражда от Любви, от Единства рознь. С тем, тело наше с душой не одно, но два: грубое с тонким как сутью своей (г|руб|ый — руб|леный; тон|кость — одно: Мир как Тон чистый наш). У **Аш**|в|ино|в, Гостей — розни нет души с телом, но оба — Ак|**аш**|а, эфир: тайный огнь, коим есть Мир для нас **(***таковы Скиф|ы, Пращуры наши, скит|альцы и телом своим, и душой (ведь она — пилигрим) как Движенье одно, Фалл; с Гостями, глава к голове стоя в Тьме, есть они ряд един, Верти|к|ал|ь: «верти к Аль» — к Богу, в*

Высь как Дом наш). С тем, антропы сии — монолитны как Камнь, Мир, и есть **части по́лны его** (антроп, у́мущий душу и плоть в розни их — часть безмирна, пуста; таковы, бренны, мы). Человечество это-то звал Циолковский «л|у|ч|и|ст|ым», пр|ор|оча эфирность и нам как грядущее, цель-Пять за гранью Четверки (о нем как о «свете астральном», учил Пара|цель|с: «па|р|а» — чрез: пор|ыв в То из Сего, Два как Шаг). Полноты огнь, эфир, et|**H**|**ER** — причинна суть, муж чей — Go|e|the, Гёте, го|нец Материнский, Гете́|Ра: Причина — Go, Мать; e|the|r — Eve-и-The|os, Мать-Бог. Число наше — 4, Гостей — 5: эфир, огнь очей горних — qu|in|ta es|se|n|tia, пятая суть за тетрадою тех, кои зрим мы как данность себя. Четверица, мы — сути полз|учие, бренья как плос|кого Дола раб|ы; Гости — сути пар|ящи, владыки пространства: эфир, огнь (pir, per, par) — Крыла́ пер|ьевы, чьи есть птицы они, и сих рыб П|лав|ники. Пять — f|iv|e (англ.) — Eve: Мать, Огнь Фив, горней (эфирной) земли, про|из|вед|шей Египт. Речено о том:

> Фивы – образец для всех городов. Вода и земля были в них вначале. И появился песок, чтобы обозначить границу пахотных земель и обозначить их основную почву, на холме. Так стала земля. Потом появились люди, чтобы благоустроить все города.
>
> Лей|ден|ский папирус №1350, II, 10-11

Сути грани миров, Гости ликом своим — смерть и Жизнь, с тем — **ужасно-прекрасны** и есть **ле|д|ен|ящие сути**: Лед — Ис|тина, Ic|e, лик коей они.

393. Огнь эфирный — Любовь, Жена. Гонцы ее, Гости — капли Воды этой партеногенные, Девы, Партенос (греч.) дождь: **андрогинные жёны, двуполые Гостьи** как Уда, Тьмы у|д|очки-дочки, лишенные к пище земной рта (*к Вражде рта Любовь не имеет как Пища Себя; рот же Гостьям дан ради подобия нам, чтоб узнал Брат Сестру: Вражда-Ум — Любовь-Сердце узрел*), **автотрофы**, питаясь, в согласии Троице-Миру, Энергией чистой трояко: макушкой — от Неба; чрез стопы свои — от Земли (ибо сто́пы их — рот: явный им, тайный в нас)[84]; кожей же — от двух Солнц: солнца Этого — как Л|ист зеленый, сей орган Л|юбви, ч|ист|ой Ист|ины сущих; и солнца Того — как господняя Ку|кол|ка, серая

цветом своим: ибо То нам, Сим — Мир, То-Всё (*Миром грею|щий Гре|ков, За|грей-Вакх, в ряду лиц своих, есть и бабочка с куколкой*). Тьмою питанье как Сутью своей, автотрофность — живущих суть, Тьмы-Жизни капль: тайна в нас, явь в Гостях; автотрофность антропну — Вер|над|ский зрил. Рек о Гостях Циолковский:

Вообразим себе существо, прикрытое прозрачной гибкой кожей, не пропускающей никакой материи. Под кожей находится хлорофилл, как у растений, способный разлагать углекислый газ крови и другие отбросы тела и образовывать кислород и другие питательные вещества... Если бессмертно земное человечество, то почему не может быть бессмертно и единое существо в своей прозрачной оболочке! Природа или разум человека со временем могут этого достигнуть. Я уверен, что зрелые миры, вне земли, уже дали таких существ: бессмертных, живущих солнечными лучами...

Сердце Гостей, над умом стоя (ведь Сердце — Высь, Ум же — Дол, антипод), не в груди бьется их — в го|лове, с умом слитно: с облаткою суть, — что есть **сердцеголовость, Луна как глава на плечах их** (*«У женщин всё — сердце, даже голова» (Ж.-П. Рих|тер — о сем)*). Луна — Мать, Маск|а Бога как Мозг в с|кор|луп|е; Мозг — и Гости по сути своей: тела корнь — голова. Г|лава — Лава, Любовь-Сердце, Го|сти же — сути ее, Го|лов|ы, с тем — **антропы безухие**: Сердцу, главе — уши ли|ш|ни как Ум, Ли (кит.), сущий внутри у него (Глуби, Сути всё — Глубь). Безухи как **змеи** они: Тьма, Монада — Змея, Гости — капли Ее; уши Монады — очи, единого чувства врата. Посему одним зреньем, очьми есть у Гостя и слух (уши) и обоняние (нос) его: очи — весь он в сути. Сказано:

Казалось, что у него не лицо, а какая-то страшная маска, ужас, бесформенность, не поддающаяся описанию, без носа, с двумя выпуклыми глазами по бокам, — сначала я принял их за уши, которых вообще не было.

Герберт Уэллс. Первые люди на Луне

Быть с сердцем в главе — быть с царем в ней: сердец Сердце — Бог, Мира Царь-Голова. Сердцеглавы, с царем в голове Гости; мы ж, умность, — нет, безголовы: глава без царя — нуль, без Господа Мир. Ум без сердца, глава наша суть полу-Мир, Миром втайне живимый: часть — Целым, Всем; сердце-и-ум, голова Гостей —

Мир в яви **(**знак в чем и форма ее, с ней — плотú всей, чья видность скругленная — суть Шар, Мир**)**. Очи их, цельный зрачок, центр-везде, — не шары в чер|епý их, но выпуклость сердца-ума, тела черного, цельного Сер|дцем, Тьмой **(**в нашей главе ж — ум бессердный, нецельный в себе: купность двух полушарий и двух видов клеток — н|**EU**|ронов и г|л|ии; указчик на Мир — мозга сер|ость**)**. Ум, сердцу служа, растворен в нем, лишенном ума-эгоиста (обрезанном), как в господине слуга и любящий в любимом своем. Очи Сердца, Господни цветы — в сути **Миф**, как и Гости **(**маг, Гость — Мифа часть, с тем — Миф весь: часть есть целое *видящим***)**: в бреньи, пустом — Полность (*рис. 10*). Сути Воды, Акв|ы, Гости-Ашв|ины — Акв|ин|ы, рабы ее, Божьей Лю|бви **капли-рыбы (**санскр. m`at|sya — рыба; А|квин — квин|та, Пять, эфир**)** в сей эре Рыб: сути Тьмы, утонувшие в ней очам злым: Полнота — половине нечтящей своей. Посему длани их — ла|ст|ы-кры|лья: летать — п|ла|в|ать **(**rheos — реять в воздушных *потоках, ст|руях***)**, ибо Тьма, Вода — Воздух **(***и старше в сей паре — Вода.* ***Отход вод*** *пред рождением нас —* ***отход на́ш от Воды*** *в Воздух, младшую суть. Отход сей иллюзорен:* ***Вода — Воздух наш. Человек — рыба; рыба ж не воздухом дышит в воде, — но водой, коей воздух причтен как второе.*** *Таков Их|тиандр, сын С|аль'water'а, Воды Господней: антро́п настоящий***)**; Гостей длани **машут-гребут**, не имея перста отставного, особого: гр|есть — дело равное их без различья (*рис. 7*). Суть нашей руки — та же: fin — конец (ит.): Тьма, Венец Мировой; fin — плавник рыбий (англ.), Воды сей ради сущий; англ. fin|ger — перст; tip us your fin — «пожмем руки», буквально — «пожмем плавники». Грест|ь — суть **Х**|рес|т: Крест Господний, Причина как Анх, Мир-Вода. Г|рес|ти — рез|ать: крыло — воздух, воду — плавник; «грес» — «грец»: Тьма, Но|ж, Эллады Оплот и И|грец игр ее. Ход крыла — Мах: Луна, Марья-Маш|а, Х|рис|та Мать, что маш|ет людьми, Дом-Вода, чьи до|маш|ние мы. С тем, крыло и плавник суть одно: Луны длань. Гости наши эфирны, эфирные ж длани — крылá. Посему «хамса», «лебедь» в Санскрите и «пять» по-семитски как имя руки, — а|му|лет му|суль|ман, амулет иудейский как

Длань, Мать-Крыла́, По|лет наш. Стопы ног Гостей плоски, среды не боясь, но страша ее сами, а наши — боятся ее, в лад пружиня, к чему дан свод сто́пный им. В сем стоп Гостей царска суть: власть над миром сим, коему Гость не слуга (кем есть мы против воли своей), но хозяин — как есть Постоянство царем перемен, Вечность — бренья **(***царенье сие Гераклит ведал мудрый, зря Солнце размером в стопу (иль* ***сан****|да|л|ий ее), в сути —* ***меру господства****: ведь солнце, лик Глуби — царь нам. «Солнце больше Земли, а измеряется в ширину одной ступни», — рек Ар|но|вий о том***)**; наши ж, бренные, — рабьи, суть стопы рабов не Любви, но Вражды, смертных смертию этой. Так Гость **Силой топчет насилье**, закон среды нашей **(**ведь Сила — Свобода-Глубь, часть чья, эфирен, есть Гость, а на|си|лье, длань внешняя — Необходимость, царь бренных**)**, с ним — страх пред средой, лик чей наша стопа. Рек о нем Ман|дел|ь|ш|та|м:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли.

Со стопой Гостей прям столп их пло́ти **(***столп Джед, позвоночник Осириса как Фалл-Тьма; Гостя спин|а — капли ось: позвоночный — спина|льный; вращаться — to spin (англ.)***)**, поклонов чужд в бренных очах, **пр|ям|ой смертию, Я|мой** (санскр.) — Жизнью в Луне, чьи гонцы они, Я|мою нам (наш — имеет покорства изгиб: мертвых знак), прямизной сей являя власть над тяготеньем — **Полет, Суть их**. **Гости — пси|хеи парящи**: Пси **Ψ**, Пти|ца, чьи крылья Полет спрямил в Крест **+**, паре|нья Пару благу. Посему, прямы дважды, То (рост, вертикаль) с Этим (горизонталь земна, сто́пы), спрягают себе Гости в Крест как **квадратные сути (**о коих сказал Платон: «Трудно сделаться человеком хорошим, совершенным во всех отношениях» — буквально: «четырехугольным по рукам, ногам и уму»**)**, в чем зрим Поли|клет|ов канон: клет|ь квадратна, чреватая Кругом: плоть — духом, едиными в них. Быть квадратным — не ведать есть смерть: **Совершенство, квадратность — Бессмертье; квадратность отъять-утерять — смертным стать**, как стал им Вивасват, бог квадратнорожденный,

когда его братья стесали квадратность его. Смерти, мира хозяйки сего, Гости наши, квадратные, чужды вполне. Плоть их, кою, эфирны, они, к нам входя из Луны, на себя как **Контакта к|о|ст|юм** надевают **(**белье нижне; верхне ж — Корабль, костюм-щит**)**, — лишена ген|италий, ведь Гость родящ в Том: не в Лжи — в Истине, коя — Любовь, Луны Глубь как Мир в ней, от|кол|ь он **(**как Платонов Эрот — в Красоте: Мире, тайном разъятым очам**)**. **Плоть сия — без костей: Гость, маг-Тьма, Божья Мяг|Кость, — Кость ве́сь** (Г = К): части Целым крепки — не напротив, как лжет бренна плоть, столп чей кос|ти-кус|ки. Так, бескостный, тверд фаллос: он весь — кость одна; так тверд-гибок язык, фаллос рта; гр|ебень у петуха, кровью на́литый к бою (Любовь и Борьба — Тьма едина) — кость-уд. **Гостя плоть как Одно — фаллос, твердь неотливна**; фалл наш — отливной, чей Прилив — Тьма-Луна, усечь кою как Кость — есть каст|рировать, ***м|у́|д|ья*** отъять, у́д|а **му**|жеска Суть: в яви — Два («диа», «дь|**я**»), в сути — Ноль, Я, мош|он|ки-Луны горню Мощ|ь, Луну-Глубь как в Уме Сердце, в Муже Жену; ка|страт — казнь (страт|а — укр.) Кости, Глуби лишеньем сосуда ее. Без Луны фалл, для полости сущий — без Сердца Ум: место пустое, пещериста ткань; плоть антропна — суть фалл, столп Луны: у|дом крепкий — тверд весь. Речет за́говор стар:

Есть гора костяна. На той горе есть стул костян. На том столе костяном сидит царь костян, подпершись своим костылем костяным: шляпа на главе костяна, рукавицы на руках костяны, и сапоги на ногах костяны, и весь тот царь костян, и все семьдесят три жилы костяны, и становая ж жила кость. Так бы и у меня, (имярек) все семьдесят три жилы и вси семьдесят три жилы-суставы были бы костяны, и вся и становая жила была бы костяна, и стояла б она на уде сто раз и тысячу на пострекание, на малое место на женскую нифцу и девичью: на черную, на русую, на красную, на белую и на всякую – месяца молода и ветха и на перекройных днях.

И к сему:

Стану я, (имярек), благословясь, и пойду, перекрестясь. Выйду я на улицу, посмотрю начало Утренней зари Марии, вечерней Маремьяны; не лежите тоску и кручину на раба и рабыню, на красную девицу (имярек) прижали ретивое сердце и черную печень, семьдесят семь жил и семьдесят семь суставов, единую станову жилу и подъ...бную кость. И казался бы я (имярек), краснее краснаго солнца и светлее месяца и чистых звезд ночных и полунощных, денных и

полуденных. Будьте мои слова крепки и лепки; крепче китова клею, острее острой сабли и булатнаго ножа. Замкну и закину свои слова.

Посему плоть Гостей, сутей лунных — пещера, пуста изнутри. У Ра|с|пэ о том сказано:

Лунным жителям живот служит вместо чемодана. Они могут закрывать и открывать его, когда им вздумается, и класть в него все, что угодно. У них нет ни желудка, ни печени, ни сердца, так что внутри они совсем пустые.

Фаллом, в розни с душой тайно (бренье — рознь с вечною этой, **от Мира отпад**), есть и плоть тленна наша, чьи части мы «члены» зовем: части — целое суть. **Душа-плоть как Одно, Фалл, — Антроп, Тьма от Тьмы, Уд, Ид|ущий: от брения — в Мир, Миром — в Бога; идти — торить путь в Суть, Иное: Я — То. Идти в Мире, Реке — плыть челном: челн — член, уд. Бренны, Уд есть мы в духе — не плотью, с|то|яния чуждой в незнаньи Его; Гости — телом и духом: два сих им одно как *душа, тело их* (**с тем, пропорции тела их — детские: душа — пространство, дитя, с Собой лад; тело бренное, в розни ней сущее — время: с Собой рознь, старенье как суть**)**. Уд есть Ду|х (**д|у|д|ка — у|д|оч|ка, фалл ворожбы, дочка Матери**)**; Мир, Божий Дух — Уд цикличный. Гость, Дух во плоти, (капля Мира, он — Мир) тканью внутренней черн, кровью зелен как Тьма, что черна-зелена; плоть Гостей — Кость-Вода, сути тонкой согласная как «телу фаллоса» (линга шарира — санскр.): дом очей Гостя — эфир, Очи; с тем, Гостя плоть — О|ко-Ко|сть: вся она — **цельный Г|лаз (***кістка, кость (укр.) есть чистка: Кость, Гость — Тьма, Огнь-Святость; эфир, Очи — Огнь***).** То **— едина Кость-Сердце: ведь Сердцем есть Гость, капля-Глубь как душа во плоти, ей согласной как Сердце Уму, кол|пак|у главы сей вне Луны; душú нашей костюм в розни с ней, тело наше — кость-ум, в себе многий (ведь Ум — Рознь; пол анатомический, gen|der — Два над Нолем, дра|нь)**. С|кел|ет наш, мног в себе, — кил|лер Сердца как Мира в очах, явь чья есть плоть Гостей (**«лер» — что «ларь»: убить — скрыть от очей; живым быть — зриться в них**); Ум Ума — вот что есть костяк бренный наш, Сердца остаток иль ш|лак (*с тем-то на ба|ре|л|ье|фах Эллады отец*

Прометей человека творит однократно (единым куском и движеньем) из г|л|ин|ы — как Сердца, Единства; на александрийской камее же — труд сей, этапами мног, начинает созданьем скелета он: Александрия — Ум, Рознь). Скелет наш — тела часть, с тем — столпом быть не может: им есть **тело все, полность** (тень чья — скелет: жизни тень — о ней повесть, ирландское «скел»), что питаема Сердцем, Луной-Полнотой; явь сего — Гостей тело: камнь Силы, скала (скел|я — укр.) монолитна, Луна от Луны. О таком-то «бескостном владыке» речет сказ ки|тай|ской народности тай: из яйца, с Луны павшего, выйдя, дал людям он «знанья о звездах». Плоть-лунность, сел|ен|ная — Член-Жена, цельная Кост|ь-Ар|**мат**|ур|а, налúта Луной и Луна самоé, Глубь-К|ост|ер, O**st**'ов-**C**|у|**т**ь; фалл безлунный — каст|ра|т, от С|тре|лы сей чехол (*Луна-**К**о**СТ**ь в мире сем — **К**рит-**С**финкс-**Т**роя; Кост|ь Индии — каст|овость, дар Луны. Ценится (кошт|ує (укр.), cost (англ.)), то, что твердó-прямо средь перемен (как каст|ет); ка|ст|инг — смотр тел, Луной пр|ям|ых-ст|атных как Ор|т|ия*). Втайне мы тело имеем сие: и Отлив, и Прилив наш — Луна, Тьма, Да-Нет в самодействии. Сказано:

Полная луна наблюдает за мною,
Я вышел во двор, я стою у окна.
Ранняя весна полощет зубы водою,
Растопырила пальцы в небо весна.

Полная луна. Облака пробегают,
Сгорбившись, мимо, не попасть бы под гнев.
Собаки мычат, коровы лают,
Как черти с рогами. Отвыли и в хлев.

Полная луна. На душе так тошно,
Не могу закурить, боюсь врубить свет.
Я чувствую тебя, даже лежа под кошкой.
У меня отлив крови, у меня ее нет.
Полная луна. Деревня застыла.
Со всеми тракторами, зверями, людьми.
Только ведьмы колдуют, шевелятся могилы,
Да русалки всплывают, просят любви.

Полная луна приходит раз в месяц,
С миру по смерти, со смерти пятно.
Ты — зловещий закон, тебя все бесит,

И я знаю, что ты — не она, а оно.

Привидение лона, *белая лошадь*,
Волосы дыбом мандовых рук,
Звезды в глазах, брачное ложе,
Я кроюсь от твоих холодных рук.

(…)

Ты сознание в пещере, я там был до рожденья,
Я летал, я знал, да не найти слов.
Ты все забрала. Я не вижу спасенья.
Ты пришла, и на этот раз я твой улов.
Полная луна, белая кожа,
Зубы стучат, но хочется есть.
Полная луна, ты очень похожа
На нечто такое, чего нет здесь.
Ты — разлука, ты — бред, ты — кошмар, наважденье,
Сексуальнее всех, ты пьянишь без вина.

Мисс эротика-дама, мадам наслажденье,
Непонятная нам, дорогая страна.
Полная луна, кратеры-мысли,
Черные дыры на той стороне,
Бог с тобой, опустись, повернись, зависни,
Я готов! Ну, давай, прикоснись ко мне!
Иди ко мне!

Юрий Ш|ев|чук, «ДДТ»

Фалл, плоть Гостя — Твердь-Гиб|кость (*Фалл-Муж как облатка его — гиб|кость без Тверди, гиб|лая суть без Жены: Аттис, оттис|к Ее как фиал (англ. vi|a|l): член мужской, не собою стоящий, но Кровью-Коров|ой, Женой, чья фиал|ка он; Ат|тика, Греции о|сто|в — Аф|ины чехол, ею твердый-живой*), сиречь Змейность, Уд|ав как удав|шийся Богу вполне. В Сердце сем скелет-Ум растворен как **Ум Сердца, согласная часть** (*как К|ощей — суть «к очей»: к очам-телу — скелет, часть его, что у тела внутри*); с ней внутри зовут Сердце обрезанным — скинувшим в прах Ум Ума (*посему меж скелетов, что зрим на Земле мы, скелетов Гостей нет как Сердца в Уме: ведь Ум — в нем; Гость, Вода, телом есть с|лиз|н|ь бескостный: слизн|ет его Ра как ро|су, **каплю истинну**; плоть наша ж — ею не есть, отягченна к|ост|ями*). Так Спарта, героев земля, стен не знала, стеной быв сама: С|тен|а — Дух, Сердце с тен|ью согласной, Умом. Так в Злат Век ч|ел|овек растворен в Боге был, славя Жизнь; так, утратив Его, стал из полного Тела скелетом, гремящим

костями, с поры, когда Матерь-Луна в очах злых закатилась и частию мужа — под|мет|кой владыки — счел мир Еву, Полность-Жену. Нет, Ребро, Глубь не часть — оно Це|лое, лат. ce|rebró: Голова, коя суть тело всё! Так, как **Голову, полное Тело,** в «Тимее» Платон *видит* **Мир**. Голова-Сердце — плоть есть Гостей, **Миром полная**: ведь Сердце — он; наша ж, Ум — часть пуста от него, коей правит **Умá Ум, S|cele|t, от Селе|ны остаток**, как Жизни остаток-тень — смерть, дыра-нуль от Нее. С тем, смерть, бренных хозяин жестокий — скелет нам, в чьей длани коса — Сила, бренных косяща за слепость их к Жизни: Caúsa-Луна, Жизнь сама. Наша п|лот|ь — лот|ок Сути (так Сердцу лоток — Ум); Гостей — Суть сама, Тьма-Змея. О Гостях, что, как змеи, туги и бескостны, речет миф Догонов (*Д|о|гон — До-О|гон|ь: Путь до Цели, Луны; до — путь (яп.)*). О нем пишется так:

Деревенская община состоит из нескольких больших семей – патрилатеральных родственных групп, управляется советом старейших мужчин гин|на [слуг Тьмы-Жены, Gin – *Авт.*]. Духовный лидер общины – жрец культа мифического предка догонов Лебе (Огон) [Огон|ь-Люб|овь, Лебе|дь – *Авт.*], избираемый общиной и проходящий после избрания длительный период инициации. Лебе представляется в виде змеи; считается, что от его сыновей произошли территориальные и родовые группы догонов (ди|он, дом|но, о|но и ару). [дион – Д|**и**|**о**|н|ис-Ди|гон, Тьма; дом|но – Дом-Но|ль, Луна – *Авт.*]. Первопредком и культурным героем считается также Ном|мо, существо внеземного происхождения, прибывшее на Землю на корабле, именуемом догонами «ковчегом» [иначе сказать, Гость как Ма|тери Но|м|ос (закон – греч.); ков|чег – суть машина Любви, чех|ол Cow, Коровы-Тьмы – *Авт.*], укравшее у небесных кузнецов огонь (…); догоны изображают Номмо получеловеком-полузмеей с гибкими конечностями без суставов, красными глазами и раздвоенным языком. (…) Догоны имеют богатую мифологию: о боге-творце Ам|ма [Ам|оне-Ма|тери, Глуби в Луне – *Авт.*]; о первопредке и культурном герое Ном|мо, связанном с близнечным культом [культом Ашвинов, Гостей-близнецов – *Авт.*]; о «божествах воды» – полу-людях и полу-змеях [Гостях, каплях Воды, близнецах, кои видом как мы, телом – змеи бескостные – *Авт.*]

Близнецы-Гости — капли, что в сей эре Рыб — рыбы ж, парные сути, едины с Водой. Вакх-Дигон — сын сей Матери: «диг» — страны света, суть Мир, Па|ра|диг|ма очей, Океан сущих рыб. О сем сказано:

Образ Рыбы-Земли подтверждает совпадение в индоевропейском праязыке ностратических diga («рыба») и diguA («земля»). От образовавшегося индоевропейского корня dhgh'u ведут начало как названия рыбы: греческое ichthys, литовское z'uvis, славянское зовь – так и слово земля в русском, греческом (chtonos), литовском (z'eme), латинском (humus) и других языках. А поскольку с пра-образом земли связан пра-образ человека (так от латинского humus происходит слово homo – «человек»), это делает рыбу прародительницей людей – как и её роль первозданного водного существа, которое непосредственно ассоциируется с образом рождения жизни в океане вод. // В русском языке название рыбы было табуировано: слово рыба – иносказание (от глагола «рыть», и его первоначальный смысл «червяк»). Настоящее же русское название рыбы: зовь/дзовь (корень этот сохранился в слове «звено», означавшем начально «рыбные кости»), восходит к тому же ностратическому diga («рыба»), как и имена финикийского Дага, семитского Дагона и ассирийского Дакана, творца мира и отца богов в образе получеловека-полурыбы. // Представление о рыбе-земле и рыбе-творце сохранила каббалистическая книга «Зогар», говорящая о Боге: «Его жилище было в большом океане, где он был рыбой.» На иврите dag означает «рыба» и одновременно «охранитель и мессия» – это значение перешло и в христианство.

Миросущно-едина, Гостей наших плоть не делима на сому, покой, и гаметы, движенье, но есть **однократной Гаметою, С|пер|мием женским как Удом, Движением-Тьмой**, лишь условно делимой во многость (*яички жены — Глубь, мужские — не-Глубь как вторичное ей, Глубь (брюшина) наружу*). Ведь Тьма, Г|ост|ь — суть ост|рая (гóст|ра — укр.): уд-копие; с|пер|ма — Уд, Ма|ть как стрелы Огня (чей хранитель, при Зевсе Афина — Мать та ж, тот же Огнь); муж — кол|чан хладный их, без них нуль, как без стрел своих Зевс. Мать — и семя, и почва ему; ga|mos, брак — Жены слитье с собой чрез звено, Мужа, **шл|а|нг** сей Воде. Муж нуждается в сперме, а сперма в нем — нет, как нужды нету Сердцу в Уме. Тело Гостя очам посему — **головастик** с большой головою и щу|плы|м придатком ее, плотью прочей: суть **Мир, Голова, с иллюзорным про|дле|нием, Mid|dle: Луна-Глубь с путем к ней, с акциденцией Суть, Полтора; уд с хвостом, сфера-стер|жен|ь как *сферженъ*, Одно** (*«стер» — «сфер»: Ф — Т; хвост*

— гвозд|ь, c|la|v|is (лат.): Сути, Love-Vis, клавиша-крышка, плоть в век сей Железный; хво|ст — гво|здь — Го|сть; go — gvo — gov, Корова (англ. cow), Гостей Суть*)**: **І с точкой, частица-во|лна** (*рис. 11*). Лик знания, должного людям (антропу посланье — антроп), явлен Гость кодом М|о|р|зе как **точка-тире**. «Ставить точку над «і» [= над тире]» — Суть являть как Венец свой: антропну Главу, Луну-Мир. Уд как сфера (= Луна, Мир) есть Гостя глава; уд как стержень, столп — прочая плоть, в сути всей — **по|зво|ночник**: Осирисов **д|жед**, хвост-столб, фалл, праздник чей был в Египте Х|еб-сед, «хвоста праздник» как Силы, Тьмы: Фалла как По|сох|а-Жезла, Ко|пья фараонова, жид|кого в сути **(столп сей — воин света д|же|д|а|й (англ. Je|d|i), адепт Силы, оружье чье меч световой — тот же джед. Хвост животных — суть фаллос: поджатый — бессилие, торчащий — мощь; от сего — совет «хвост пистолетом держать»***)**. Таковы, по Кабрере, тела глиптолитиков, живших на нашей планете. Он пишет:

> Поражает и внешний облик изображенных на камнях людей. Прежде всего, бросается в глаза их несоразмерно большая голова, которая относится к остальной части тела как 1:3, в то время как у современного человека это соотношение равно 1:6 – 1:7.

Далее пишет он:

> Обращает на себя внимание и строение руки этих существ, большой палец которой, почти так же, как у обезьян, не противостоит остальным. В связи с этим особенно интересна гравюра, условно названная «Ученики и учитель», на которой учитель, объясняя ученику устройство какого-то аппарата, использует большой палец в качестве указательного. «Обезьяноподобное» строение руки различимо и на некоторых других рисунках.

Вид сей — Гостей явь: неотставленный палец большой — знак сих Рыб, длани чьи — плавники, труд перстов чьих единый — грести: по|дви|заться в Воде, Мире. Тьма, Гостя Лоно — Вода ему в смысле прямом, нам же — нет: бренных смысл — переносный, пустой. Человеков, Антропов ловить, — рек а|по|сто|лам Сын, **рыбакам**, — есть ловить рыб Водой, Тьмой-Любовию: Lov'ом-Пут|и́ной, чей к|лев — к Лев|изне, Духу ход властью оного. Ева, Реб|ро, кое Мать, — и Вода, и в ней

Рыб|а (как Мать есть и Улей, и Матка его), дети чьи, мы — рыб|ята, п|риба|вка к Нолю его ж дланью; Крест Божий — т|рез|уб|ец рыбацкий как Лова багор: жезл Не|пту|на, ук'**rá**|**in**'ский гер|б. О том сказано:

Когда Спаситель проходил близ моря Галилейского, Он увидел рыбаков, забрасывающих сети в воду, будущих Своих учеников. «И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мат. 4:19). А позднее, сидя у моря, Он поучал народ Своими притчами: «подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода» (Мат. 13:47). «Признав в снарядах для рыболовства символическое значение царствия небесного, — говорится в «Христианской символике», – мы можем предположить, что все формулы, относящиеся к тому же понятию, иконно выражались этими общими символами. К таким же снарядам надо отнести трезубец, которым ловили рыбу, как теперь ловят баграми». Таким образом, трезубчатая монограмма Христа издавна означает причастность к Таинству крещения, как уловления в сети Божьего Царства. Например, на древнем памятнике скульптора Евтропия высечена надпись, говорящая о принятии им крещения и заканчивающаяся монограммой-трезубцем.

Гр. Уваров

Антроп — рыба, Вода чья — Тьма, Рыб|а-Г|риб|ница, и|к|Ра коей, с|пер|ма иль с|пор|ы ее — мы и Гости: от от Ма|тери mu|ch, многий плод как Мир в каплях своих (капли те ж — и mach'ины Любви, с|тру|ги Древа сего); икра — ис|к|ра, душа, коя мы. Посему к рыбам нам — рыбы льнут, чуя суть ту же. Сказано:

Я скользила по гребню волны, почти не касаясь воды. Но стоило мне погрузиться хоть сколько-нибудь, миллионы существ начинали прикасаться ко мне и ощупывать тонкими мордочками кожу. С визгом я выскакивала на берег, обжигая ступни раскаленной галькой, и слышала чей-то смех вдалеке.
— Не бойся, – говорил мне кто-то надтреснутым старческим голосом. – Это просто рыбы.
— Рыбы? Они что, слепые? Глухие? Почему они тычутся в меня?! — панически восклицала я, оглядываясь вокруг и никого не видя.
— Ты им интересна. Ты проступаешь сквозь собственную кожу, и это интересно им. Они тебя слизывают... Они кормятся этим...
— Кормятся? – Я оглядывалась и никак не могла определить источник голоса.
— Но это же не пираньи?
— В каком-то смысле... Им нужна не плоть... Им нужно то, что проступает сквозь кожу...
— Но это же... – хотела что-то возразить я.
— У каждого свое... – Голос опережал меня, отдалялся, отдалялся...

Капля-Мать, Гость как спермий — **бур в Мир, Лоно сущих, кому он *подобен* в очах бренных, ибо *есть* им: Мир, Тьма — Мать**. Знак сему — хром|осомный набор, числом не 46, как у нас — Мир-Декада, разъятый неравно в очах Розни наших **(***так в них Век Златой (век Антропов квадратных, где были с Гостьми мы одно) отстоит Четырьмя от истории, Шестерки***)**, — но **55**, сиречь **Мир-пополам, нераздельно-раздельный (**и Пять кажды в нем — две волны, два пути, — суть Антропность едина**)**: монада, делимая поровну в смысле Единства, опорного *виденью* (делили так Пифагор и Сократ); в смысле ж Розни людском **(**общем как *собирательный* смысл, здравость злых, толп*ы*, как com|mon sense — кома душ, Ум пустой**)** неделимая: **Га|мета-Со|ма**, — ведь ею есть Гость: в сути Мать — Я в объЯтьях мужских, в вульве Уд, что творит сей сос|Уд. Число это — две длани людских с Пятью в каждой: Деянье, Суть их (дла|нью — дела|ем мы) — наша Суть, явил кою звон первый Луны под людьми: **55 минут, звон о Нас**. Гости разных миров видом разны **(**в чем раз|ность миров сих, от|рез|анных в наших очах друг от друга, чтоб чтим был Делящий**)**, единого же — близнецы: капли Божьей Воды, коя Мир, меж собой неразличны очам **(**капли эти ж — таимо и мы: в очах разны, родимы от двух; Гости ж, капли как явь — Водой, Миром одно**)**. Мир Гостям — Конь; его оседлав, мчат|ся эти Ашвины к Творцу; мчать — мычать: Гости — жёны Жены, Тьма-Корова — их Суть, пов|торим, кою к|лич|ут они. Лик Гостей, зримый маской застывшей — не маска отнюдь. Маска — сути покров; таковы лица наши, таящие душу чредой гримас. Лица Гостей есть не маски, но **Лики — явь Сути, Душú, что чужда перемен**. Так над миром сим зыбким царят Пирамиды. Так Числа сияют покойно векам. Так горит мудрецу солнце Истины. Гости есть лики Ее. Слýги Бога, Его нам, влачимым, являют п|ор|т|ре|т|но они как Свободу свобод.

394. Тьма, Причина — Вода. Лик ее, Гости наши родят не из ч|рев|а, как мы, но деленьем себя пополам, «серединным разрезом», как капли: так делится клетка, так Двойку творит Ноль **(**ведь, истинно, им есть **М|*о*|*на*|д|а**, А|ди|ти — Она, Ма|ть**)**

как Пару себя, **(**каковой и есть дети ее (діти — укр.): родить Тьме — себя де|ти-де|ва|ти в себя: Ноль, Утробу — в утробные Два**)**. Их беременность в сути — не Девять, но Десять, не тайна, но Явь: тайны, тьмы — чуждо Солнце-Любовь[85]. Гостей наших рожденье — явленье: родиться — возникнуть в очах. Из-за грани входя, Гость творим Иным, Лоном, как «взрослая» суть: становленья чужд он как Дух, Есть-Навсегда.

395. Плоть, что Гость надевает — костюм. Костюм она и нам, но — **невольно надетый**: играем в нем роль Человека Мы, Дух, волей Бога, нам тайною; Гость же — костюм надевает **по волей своей**, коя с Божьей одно.

396. Лик Любви, Гости — Тьма, Ноль, что сам нам незрим. Явь Ноля в Бытии, Свете нам — **па|р|а|до|к|с.** Таков Гость в пло́ти странной своей: в очах Двух — Монолит. Ноль как Двойка (ведь Два — суть Тьма та же) — **о|бы|ден|нос|ть** нам: Рознь, очей наших суть, коих — двоица с тем; и Ноль — Двойке глава. Посему, кроме странной одежды, Гость, Ноль, как костюм может взять **облик наш** (в целом — тело от всякого мира Вражды, сути коего мы: **как Любовь, притвориться Враждой). Ибо плоть Гостя — маска, Иное таящая. Гость — Тьма от Тьмы как от Матери Вакх — есть Иное, наружно подобное нам: Чудо — Суть, о|бол|оч|ка — о|быч|ность мирска**. И в толпе средь землян всяк, кем он ни *казался бы* — ибо, смотрящие, зрим мы облатку лишь, — может быть *видящий* Гость. Лишь любовью позна́ем его: ведь Иное нам, сутям Вражды бренным — Вечность, Любовь.

Ипостаси притворства Гостей — см. *табл. 7*.

397. Гость — Иное, наружно подобное нам: бренью — Вечность, Сень сущих. Таков по Сен|еке, философ, в себе единя Это с Тем (посему — миросущный: Мир — синтез их). «Ведь само имя философии вызывает достаточно ненависти, даже если приверженцы ее ведут себя скромно; что же будет, если мы начнем жить наперекор людским обычаям? *Пусть изнутри мы будем иными во всем — снаружи мы не должны отличаться от людей*», — рек муж сей (курсив наш)[86].

398. Мир един. С тем, един сущих Ряд. Днем, в ночú ль — сути многих миров нас объемлют! Онú нам народ, коей будний толпы вид — облатка, прозреть кою — есть *видеть* нам. И поскольку, помимо Антропного качества Жизни, есть в Мире иные, — в толпе, кроме Гостей-Антропов, под видом землян есть и не-антропичные сути, **союзники наши по Миру**: Мир — Хор, Со|юз **(**так Мира ради зовется челн русский космический**)**. ***Видеть*** **нам всех — их, Антропов-Гостей и антропов-Землян как самих нас — есть *видеть* единый Народ Мировой**.

399. В прямизне и открытости Сверху и Снизу своей **Гости — трубка: жезл Гóра к спряженью Небес и Земли, Влесов посох (Влес, влез|ший в Луну — Гор) желез|ный**: железо — плоть, Ум; Сердце — Дух, в трубе этой Вода **(***славы столп, или сверхчеловек, в манихействе — лифт душ в Огнь, Причал***)**. Таковы ж мы по сути, сокрытой от нас. Речено в «Шахнаме»:

Пылинкой, может, быть, считаешь человека
И признаков иных не замечаешь в нем?
Нет, части двух миров содержит он от века
И помещен меж них связующим звеном.

Лишь труб|ой сей являясь, жив он, а нет — труп хладный он. Человек, писал Вл. Соловьев, есть звено связи между божественным и тварным миром, в нем «природа перерастает саму себя и переходит (в сознании) в область абсолютного». Познать Звеном себя, тр|убкой Тр|ех — стать нам космитом как Гость, антроп-Мир из Луны. О том сказано:

…высший, т. е. солярный, человек просветит свое тело до удельного веса воздуха... для этого выработает свое тело в трубчатое тело, т. е. воздушное, более того, в эфирное, т. е. наилегчайшее тело.

А.В. Сухово-Кобылин. К летанию

Связь, Звено — Грань. Грань — Бог, Мир целящий; полн Господом, грань — человек (Стагирит, не зря грань меж идеей и вещью, душою и телом — не знал Грань как Суть). Бог — Свобода; свободен, срединный, и он, Суть-покров, Бог-Диавол (ни тот, ни другой, маска[87]) меж бесконечностей Блага и Зла, веденья и невежества (так зрил Паскаль): *ф|оку|с* их, мост-стезя из между Этим и Тем, в

Небо, То зрящий точкой единой, макушкою, а в Это, Землю — двумя, кои — сто́пы его: ведь Земля в себе — Два, Рознь. Бердяев сказал: «В человеке есть двойственность: человек есть точка пересечения двух миров, он отражает в себе мир высший и мир низший», «он несет в себе образ, который есть и образ человеческий и образ Божий и есть образ человеческий в меру того, как осуществляется образ Божий». Чело|век — чело вверх, в Тьму, как фаллос-копье в Лоно это. Овидий сказал о явлении нашем в сем мире:

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета*, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю
Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.

«Ме|та|м|ор|ф|оз|ы»

* Про|ме|т|ей

Призванье сие, тайно в нас — явь в Гостях, кои истинны Слуги Господни: **Служить — есть Единого ради собой, как звеном, единить То и Это**; в том — суть Прямизны[88]. Рек поэт наших дней:

Я землі цієї паросток зелений,
Я цієї висі крапля дощова.
Заплелись у мене, приросли до мене
Жито і дере́ва, квіти і трава.

Ні, для мене щастя іншого не треба,
Хоч, бува, тривога, очі обпече,
Лиш би рідний колос, лиш ь би рідне небо
Опускали руки на моє плече.

Ва|дим Кри|щенко

400. Прям — свободный. **Свобода — Сл|у|ж|ен|ие, Связь.** Служит Бог, Мир связуя. Служенье Творцу — Тьмы труд, Длани Его. Слуга Бога — Диавол, Тьмы Сын: З|вено, есть он Эрот, бог Любви, единящей людей, с ним — и Вакх, бог-в|ино. Антроп, в Боге свободный, свободен как Связь, Мера чья — Бог, Столп-Клей.

401. Суть Служения — Милость, влачимости — Суд. Перст Служения есть диалектика, влаченья ж — логика. Первая — Сердца наука, нас к Богу влекущая: Милость-Мать в сути; вторая — наука Ума, что в себе есть безмилостный Суд: Отец-Муж, не по|кор|ный Жене как Причине своей. Диалектики суть есть трансцензус, с|ка|чок из Сего в То, Причину, — Познания ради; а логика — суть имманентность: Причины чужда, она есть Это, сущее ради себя. Таков Ум, себя Господом мнящий (эллинский Нарцисс — лик его). Диалектики муж есть Платон в меру Сердца, Сократа, как ум, сущий им — муж, что по́лн А|пол|лон|ом[89] (как Вакха полн Феб), полон|ён им люб|овно как леб|едь его (ведь Любовь — сущих Х|леб полонящий: кто ест его — ест|ь); логики — Арис|тотель, пустой муж, начальственный Арес|ом, Тьмы арес|тан|т, Ари|ман, злом ман|ящий людей: ведь Жена Благом ма́нит их, Муж же, Man, чужд ее — злом под личиной его. Сим мужам и ученьям их согласны две философии. Первою, истинной, есть **философия-цельность**, суть чья — Мир и Бог, его А|в|тор, а метод ее, диалектика — Двойка, деляща Единого ради (и с тем Академьи обычай — ответ возраженьями: Двойкой ступанье)[90]. Надменные Два, ради розни делящие — корень второй философии: то **философия-рознь**, дом членителей, во Лжи идущих, отец коих есть Стагирит, сын врача, научавший кромсать по живому; идя от мифичной поры, когда Суд попрал Милость **(**З|**ев**|с-Ум — Сердце-Мать, для очей ее съ|**ев)**, творит она пустую науку мирскую[91] **(**столп коей Ев|к|ли|д, Зевсов данник, чрез многость «Начал» в рознь Единому, Богу, воспевший своей геометрией плоских очей смертный плен**)**. Философии первой столица — Афины, богини град, суть коей Мудрость, с тем — Бог; *миросущный* град, Ум Сердца. В нем Единица-Ум — столпы его, цвет Ума **(***Со|лон, Уму, Сердцу-Лону со-Лон|ный (утробе — плод, чтящий ее); с ним — Платон, его дальний преемник (в колене шестом,* ***человечьем****: Шесть — день наш); Сократ и Перикл, что учились у Анаксагора, певца Ума, чье и прозванье — Ум***)**; Ноль-Сердце — Мудрость, Сень их (как сень Зевса — Афина, Э|г|ид|а). Собор умов греческих, Сенью сей сущих, Афинскою школой зовется, чей

светоч — Сократ, Сердце-Мать **(**по рождению *первый философ Афин* — как сей Корень; муж-Мир, **умный Сердцем, сердечный Умом)**; с ним — Платон, Се́рдца Ум. Град второй философии — Александрия Египетская, Ум Ума, Аристотелем *умным* зачата в душе Александровой и мужем сим как мечом, Розни плугом, рожденная в свет как грань Запад-Восток (грань — Тьма, смерть); сам Египт, где Бог ей судил встать, — Два, земля живых-мертвых. Плод Александрии — Диавол в плоти, Ариан, ум бессердный. Об умности, сиречь формальности (Сердце — Суть) школы сего града сказано:

> Александрийский век со своим энциклопедическим образованием существенно отличался по духу и характеру от древнегреческой жизни. При внимании, которое было посвящаемо изучению языка, правильность, чистота и изящество этого последнего сделались естественно предметами главного старания, и действительно, многие александрийцы отличались в этом отношении. Но большинству этих сочинений недоставало духа, одушевлявшего прежнюю греческую поэзию, точно так же как и столь важного общения с настоящею национальною публикою; зато техника была в высшей степени выработана и тонка, композиция искусно рассчитана, форма отменно изящна; *критика и изобильная ученость, прилежание и навык должны были заменить то, что прежде давал гений* [Сердце, Дух]. Этот последний проявлялся только у немногих, которые поэтому и кажутся особенно великими для своего времени; другие производили то, что может быть произведено критикою и изучением, их часто искусно обдуманные и заботливо обработанные сочинения слишком трезвы, лишены духа и жизни. Чувствуя недостаток в оригинальности, но признавая ее достоинство и стремясь к ней, они незаметно дошли до предела, где всякая поэзия исчезает. Их критика выродилась в мелочность, их искусство — в искусственность. Они стремились к необыкновенному, к новому, и старались добиться этого ученостью. Поэтому большая часть александрийцев была одновременно поэтами и грамматиками, в большинстве случаев – бездушными и холодными рифмоделами.
>
> Словарь Брокгауза и Ефрона,
> курсив и пояснения в скобках – наши

Причина, Тьма оба сих града объемлет: ведь благо и зло, кои есть они — в сути Она, Корнь.

402. И Милость, и Суд — пути крестны, у каждого — крест свой. Крест первый есть Анх Египтян в виде римском: лик Тьмы как Вен|еры, Вен|ца ♀ **(**един с Мужем

♂: с Враждой — Любовь**)**, видом такой, ведь Круг-Бог был для Рима Круг-Мать: Благо — Богиней Доброй, Женой. Цикл вверху здесь — власть Истины: Милости — над Судом-Злом, коим есть крест внизу. Крест, Круг чей очам ск|рыт, есть, как крест Иисуса ✞, столп Отчий: власть лжи, Суд-над-Милостью, Ноль коей, скрыт — под крестом сим Адам, ветхий Сын, телом спящий в Гол|го|ф|е **(**холме «Чер|еп»: Ноль, Корень, чер|н**)**, куда врыт этот крест как Рас|пять|е — попранье Пяти, Человека, прибитьем к кресту четырьмя. Оба сих креста — римские: первый — Ум Сердца (им был Ну|ма, Риму начальный), второй — Ум Ума: Суд злой, Сердце в утрате (им был Рим, распявший Христа). Крест сей — Три-над-Одним: Три вверху, Ноль внизу (под землею) — как Связь над Единством, над Истиной ложь: ведь Единство, суть Связи, Трех — царь над ней: нету его — Связь мертва. Твари Тьмы, гад|ы (Гад|ес — Аид), с тем, как Крест, трехголовы: таков Ц|ер|бер; в сказках — д|ра|к|он; Мойр, Гор|гон гад|ких — три. Точкой пятой креста есть его перекрестье — креста сего суть, что пробита гвоздем: **смертию — Человек**.

403. Как Одно-без-Второго, Бог свят, сиречь чист непорочно; Второе, Мир Богом лишь свят, а в себе он — По|рок, суть по|рог к Чистоте, Рок|а корнь. Шаг в Над-Мирье (как в Глубь, Суть), он — Бог, внутрь же — Рок, Неизбежность нам, сущим у Мира внутри, детям Двух. Рок нам — Мира кор|а. Кто бежит его — в плену его сущ; по|кор|ный ему — им владеет как Мир, больший Рока на шаг. Посему от безбожья (безмирия — с тем: Бог — Корнь Мира) до Бога — два ша́га, и первый есть Мира стяжание, Бога — второй.

404. Бог и Мир, Два Святых во единстве — Суть **лич|нос|ти**. Личность есть Бог и не-Бог, она Мир и не-Мир — как лич|ина, покров, верный Сути своей: сим Двоим, что покров нос|ят сей; и не верный ей — в лад миру Розни, чья часть он, пер|сон|а: Огня сон как Целого в части, забывшей про цельность свою. Индивид сам в себе — есть не-Бог и не-Мир как покров, чуждый Сути своей, с тем — пустой. Богосущная, личность — душа как единое; тело как общее — есть индивид как покров ее, ею лишь сущий, без коей — ничто: место личности, суть пустота от нее. «Личность, —

пишет Бердяев, — есть категория, индивид же есть категория натуралистически-биологическая. Личность не может быть частью чего-то: она есть единое целое, она соотносительна обществу, природе и Богу». «Индивидуум лишь партикуляристичен, он принадлежит множественному миру. Личность же связана с Единым, с образом единого, но в индивидуально-партикуляристической форме. Именно поэтому личность и не есть часть множественного мира, в котором все партикуляристично». Индивид есть ко|л|ич|ест|во лич|ности **(**то, чем, как кол|ом, корой кол|ьцевою, объята она, и что, острое, кол|ет ее как ос|кол|ки, рознь-тьма**)**; личность — кач|ест|во Бога **(**кач|енье Монады сей круглой как свой|ство — своё Ей**)**, сиречь а|три|бут Его. Личность всех личностей — Мир, Маска Божья, Три; личности, личны мы Миром, Личиной Творца. Бог есть личности Суть: Гос|под|ин, Царь-Вну|три; ин|ди|в|ид — ее вид|ность: покров, мнящий Сутью себя, в чем есть он ак|ци|д|ен|ция — то, что, пустое, случайно-неважно по Аристотелю[92] **(**бывшему сам акцидентным, не зря: все вокруг — Важ|ность, Мир, а безмирье — иллюзия**)**; личность — субстанция: *не*|*обходимо-свободное*[93], коего Суть — Бог, Свобода, как Тот, без Кого Миру не обойтись[94]. **Лич|ность есть Бога к|лич к индивиду — исполниться Им и ожить, как жива Им она**.

405. Личность, **атом Любви** светлый — царь в мире сем, по закону царящий Творца; индивид, черный **атом Вражды** — царь безглавый, что, мня себя полным царем, посягает на трон его; и глава личности — Бог, Я ее, индивида же — Дьявол, не-Я: голова не своя, отрешенности дух, глас густой:

Тяжелым басом гремит фугас,
Ударил фонтан огня,
А Боб Кеннéди пустился в пляс:
Какое мне дело до всех до вас,
А вам до меня!
(…)
Простите солдатам последний грех,
И в памяти не храня,
Печальных не ставьте над нами вех —
Какое мне дело до вас до всех,
А вам до меня!

(песня из к/ф «Последний дюйм»,
исп. Михаил Рыба, бас|со-профундо)

Бог есть Истина, Дьявол есть Ложь. Первому как гипостазис согласна **машина Любви**, что Антропов вселенских спрягает, служа двум царям — Человеку и Богу, Царю царей сущих; второму — **машина Вражды**, что, Служенья чужда, служит тем Сатане и людьми править жаждет, рознь сея меж них (*см. табл. 6*).

406. Личность, Богом тверда — Ноль, Монада как Полность; дыра от нее, пустота — индивид. Личность как Двойка-Полность — **народ, Монолит Единиц**; Два пустые — толпа, суть **народ без души**, коя — личность, Одно. Ибо **личность — душа: Бог как мы, Б|ог-не|-Бог; капля Тьмы, душа — Ма́ть сама; де|мос, народ — шаг от Матери вниз, гипостазис Ее: пред Нолем Божьим — Два**. Личность — мол|ни|я; личность как Два, г|ра|ж|да|н|ин как народа часть — гро|м|ад|ян|и́н (укр.), — есть гром ее, Два за Нолем, по́лны им: Сердцем — Ум. То|лпа есть народ бывший, разъятый на атомы Зла Сатаной к битве их меж собой **(**bellum omnium contra omnes — война всех против всех (лат.)**)**; коллек|ции сей, коллек|тива без душ, тьмы калек **(**как коллег, не-друзей**)** дух — Man: общее Я, анти-Бог не-Единый, кем есть Сатана. Народ — личности часть, что сим целым цела, Два — Одним: личность-многость, **соборна душа**. А|вер|ро|эс («без веры» — оплот атеизма) и с ним Фейербах, вечным мня мир людской, смертной — душу, не зрили: Причина, Бессмертье — Одно; бренье — Два как без Вечности нуль. Народ ставить над личностью — следствие мнить за причину, лелея пустое, толпу.

407. Личность — ствол древа Жизни с ветвями, корнь коего — Бог; индивид есть листва, кою древо меняет; и древу сему как Начало согласен **язык корневой**, корень сущих на|реч|ий, Глубь их: ведь корнь — Глубь, Суть. В эпохе Ари|йской сей, где мы от Века Златого, причинного ей, то — **Сан|с|крит**, язык-огнь, на каком говорили Атланты как Злато сие[98]: **Х**|ари в Ведах — Причина[99], чья буква заглавная Х есть и Десять, число-Мир Де|к|ада (Де|**Х**|ада) Эллинов; **язык миросущный** как общая молвь Единицы с Нолем в Десяти, кои — Мир, Солнце-Суть: ибо чи́сла, в число сплочены как разряды его, говорят меж собой как родня, и язык их — един. Посему, Тьма-и-Свет, сей язык есть как Тьма — Глас Безмолвья, как Свет же —

безмолвие Гласа, а в цельности — синтез их: **То-и-Сие, язык-Мир**. Ноль речет молча в нем, Единица — глаголя молчит. Миф **(**греч. muq|hoz — молчание, му́к|а без Гос|пода, Гла|са**)**, Безмолвье, есть Суть его: Корнь сей — в сем мире таим под землею его, с тем — молчит, прорастая чрез ли|т|ер|ы из terr|'ы этой, водой от Причины, Воды. Т|ран|с|цен|ден|т|ный, противен Санскрит полнотой имманентным мирским языкам, в коих Ум, Сердца чуждый, бол|тает с собой как помешанный: молвь есть глас двух, — с тем, пуста речь сия. Ноль, Атланты, под воду уйдя — ведь Водою есть сами **(**вода Тайны сей, океан Атлантический, кажет названьем ее: имя — явь сути скрытой**)**, — язык сей, с народами вместе его, дали двум полушарьям Земли, связью коих была Атлантида; из них на восточном его обрели Индо-Славы: Ин|дий|цы-Славяне, народ Единицы-Ума (что едина Нолем, в себе ж — Два), и Египтский народ Сердца-Двух, изошедшие от Но|левой сей **(**знак в чем само имя Е|гип|т: понижение («гип|о» — греч.) Евы, Жены: Ноля — в Два**)**, а на западном — Двойки род мрачной, Ац|тек|и и Майя **(***чей внутренний плод — Ин|ки, как был Египтом рожден внутрь себя Ва|ви|л|он, Д|ва-Ва|ал: Рознь-блуд|ница — Любовью* ***(****will (англ.) — Тьма как Лон|о и Воля; блуд — б|ляд|ство, Лад падший как тьма — b|lad|e (англ.), Двоица-Нож****)****. Пифагор, волей Божьей учась, из Египта исшел в Вавилон: из Любви — в Рознь, где впал в плен Ума-гор|де|ца как в плен следствия, взявшего верх над причиною: Кам|бис («бис», Два — «без», лишенность), пленитель, и был Ум без Камы, Любви***)**; и притом Два египтские — Божьи, восточные Два, а ацтекские, западны — дьявольски: Рознь, коя режет живьем и рвет сердце вовне — Глубь к ногам Сатаны **(***в Венском Кодексе Кецалькоатль дан как юноша, бдящий у ног Изначального: Бога как Двух, Розни в тоге Творца; созидание слов по-астекски — сложенье в одно пары слов-антиподов иль слов-дополнений друг друга до цельного смысла: altepetl, «царство, страна», буквально — «вода — гора»; in xochitl, in cuicatl — «поэзья», буквально «цветок — песнь»***)**; «ац» — ад, чья б|а|ц|ил|ла есть Зло **(**лик чей есть имя «майя»

— иллюзия: Зло есть она, пелена на очах**)**. То — закон Мира: Ноль, Ма|йя-Тьма (Покров Бога, она — очам бренным заслон), в миг единый творит Единицу и Двойку, лик свой в ней[100]; язык пары сей посему — Корня молвь, недвоимый язык Нолевой[101] **(***«одной из вечных тем в мировой истории» называет египтолог С.Я. Берзина проблему древнейших египто-индийских культурных контактов: сему корнь — единство сих стран. Геродот, Мифа муж, Египтян и Индийцев зрил телом одним. Древо Жизни смоковница, иль сикомора, — едино как Ноль им. Во время храмовых мистерий, изображавших смерть и воскресение Осириса, пишет египтолог А. Морэ, его статую «держали в течение семи дней на ветвях сикоморы. Этим поминались семь месяцев, проведенных Осирисом до рождения во чреве матери его Нут, богини сикоморы».* ***Единство Египта и Индии — есть и с Славянами слитность его: Индо-Славы — единый народ****. О монаде последнего мудро замечено, что «исторические, культурные и языковые связи Руси и Индии очевидны, но типичная ошибка — это искать, кто на кого повлиял»***)**. Им и есть богосущный Санскрит — молвь Воды как Любви, чье журчанье явил нам стихами Гомер и иные за ним, в речи тайно живимые **Крит|ом**, что был **Атлантидой-в-Элладе — духовною частью Ноля**[102] как Aúrea **Med|Io|Crit**|as, Златая Сред|ина (лат.) ее, Кри|т|ер|ий **(**Хри-тер|ра — Прич|ина-земля, царь чей М|и|н|о|с — Ин|ое, М|ин|ер|ва-Мать, Ноль**)** Греков, что в Мифа Отчих очах **(**очах Зевса — не Матери-Тьмы**)** утонул как сей Ноль **(**как в воде Вода, в тьме Тьма, **к|рыт** тьмóй в очах О|т|че|ю; сгу — слеза (англ.)**)**, ставши Ги|пер|б|ор|ейской землею **(**«землею над Севером», сиречь во Глуби: над плотью — Дух; Се|вер — пункт Вер|ы, с|тез|и из Се|го в То**)**, землею не-сущей, связным меж Элладой и коею был Аполлон, Сéрдца Ум. Так связной меж Сократом и нами — Платон, Атлантиду нам рекший как Сердце само своим «Крит|ием» **(**его не кончив: от Сердца — впав в Ум**)**. Явь сему — меднокожесть критян — как Атлантов по сути, — что Греками зва́лись P|ho|i|nike|s: «пу́р|пур|ный» **(***суть «дважды*

чистый»: pur — корнь чистоты (как в П|у|р|ан|ах); повтор — перст Причины, Любви́-Ноля), «красный», — как и ф|и|н|и|к|и|йцы, люд Моря: Вода, Ноль — краснит, Розни цветом являя единство свое (с тем, загар наш морской — *водяной, точно медь*). Крит как Ноль, **Век Златой, Материнский**, несущий Быка — Сына Мать (*Крита-(Истина)-юга (отсюда create — открывать, суть являть (англ.)): в Элладе — земля-Мать до-Отча, дом Тьмы,* ***юга Крита***) — был часть Атлантиды духовна, суть остров ее, коя нам — Матер|ик (*с Крита взяты, законы спартански — Эдемовы, лак чей есть Лак|**Эдем**|он, а Лик|**Ур**|г, их принесший — лик Ора (ведь Ур — Ор), Ноля, кем есть Рай*). Ведь как Ноль, создав прямо Египет и Индию, в них чрез язык свой осталась вполне она: в Индии — молвью Санскрита (ведь Индия — Ум), а в Египте — Безмолвьем его (ибо Сердце — Египт; и|ero|глиф, *молчащий ре|чисто* — знак Сердца: hi|eros, «священный» (греч.) — Эрос: Любовь — Господь); в Тройке-Элладе, плоде непрямом (единеньи Египта, Двух-Сердца, и Индии, сей Единицы-Ума, в Тройку, Греции Суть — Мир) — как ост|р|ов, суть остр|ая часть средь воды (ибо Тьма — Ост|рие); в Риме, Отчей земле — частью части как кап|лей средь суши, какою есть Ка|п|и|т|о|л|ий|ский холм с своей волчицей, сосцами вс|пит|авшей народ сей: как м|лек|ом — Мать-Тьма. Капля Римска как Два от Ноля (ведь Мать — Ноль) — Рима суть, Ром|ул-Рем: **Сила-вещи** (эллин. ro|ma — сила, rem — вещи (лат.)), мрачный тандем **Двойка-Зло**, в коем плоть, Дух связав, скрыла тем Древ|ний мир, в Бога двер|ь, ставший Силой как вещью в себе людям Розни, антропам-вещам.

408. Индия — Единица. Огонь ее Ра|ма — мужской, ибо Мать в нем — Второе. Явь Рамы — Ум, Тайна же — Сердце: так Тайна Брахмана — Атман, Феба — Вакх; и брахманы здесь кшатриев выше: умы — сердец. Индия — Ум есть: Ум Сердца, служа́щий ему как Атлантам, Нолю (как Ноль служит ему в паре этой, Мир — Су́ть чья), в покорности Клею сему не тая рознь свою. Явь сему имя h|in|du, индиец — как в сути «ведомый (du|cer|e — вести (лат.)) воглубь (in — лат., англ.)»: в Сердце — Сердцем самим (как ведо́м Будда был: дух земли сей, Ум Сердца); да с тем

ка|ст|ы (в|а|р|ны) индийские: грани недвижны, ст|о|ящи Нолем, Тьмою-Ка. Ум индийский — росток, Сердце — почва ему плодородная: Сва|сти|ка, Сва-Сова, Тьма. Явь сему — имя Де|ли: в китайском Дэ — Тьма, Сила Божия, Ли же — це|р|е|м|он|иал, Ум-обряд, живой Тьмою, в себе же — ли|шенность ее.

409. Жизни, данной земным полуш|арьям Атлантами, знак вот: последыши их, на Востоке Ин|дий|цы, Ин|дей|цы на Западе, — *имя имеют одно, In|dia|n* (англ.): Ин-Дия (Дий = Дей) — Глубь-Дей|ствие (дія — укр.), Тьма как Атлантов Суть: плоды по корню зовут, следствие — по причине его. Меднокожих Атлантов потомство, Индейцы, ничтожны числом, отстоят от больших земных рас в отношеньи 1 : 3, разъятым очам нашим в лад: Тьма, Ноль — То, чего в Сем как бы нет. Красен цвет кожи их, как у пра-Египтян. Отчего тех уж нет, эти ж — есть? Двойкой Бога Египт был; Индейцев Земля — Сатаны Двойка, Рознь. Два Египтски — Вражда Любви ради как Цели, Индейски — Вражда для Вражды, цель-бесцельность, труд чей — множить смерть без конца: **смерть-победа**; победы ж Суть — Жизнь (жив вполне — победитель всяк миг). Розни чуждой, Бог Двоице первой исчезнуть судил с корнем вместе; второй — жить как в доме своем: бренье — Рознь, что не видит конца себе, как сам мотор ее злой, круг порочный Сан|с|**ар**|а — огнь бренных, **Ар**|ийцев закон.

410. Матерь-Ноль — Хари Огнь в мраке Ари: Причина во следствии и вне его, до-и-после (так, Миру причинный, Бог — в нем и над ним). До него он есть **Злата Век**; в нем, как истории, он — **Миг Златой: Рождество Иисуса (**Різ|дво (укр.) — от «різ|ати (резать — рус.) на́ два», — Х|рис|та труд, Тьмой данный: Ноля дело — Двойка**)**, делящее тьму сию, как Центр ее, пополам, на века́ «до» и «после» **(***исторья, тьма — Два, что делимы лишь поровну (1 : 1); так философию делит Сократ пополам***)** непричастностью ей: в тьме-лжи Истина-Тьма, Огнь, — Разрыв: Суть — Иное сему. Так, плоти́ непричастна, душа, суть ее, есть в ней центр-Пустота (с|enter — enter: центр — Вход, дырка в То, дырка-То). Так, Ари|йской эпохе Иное, Мать-Тьма есть Ц|ари|ца ее, прочи ж — ложны владыки,

Жены этой б|лики: царить — Тьмою быть, сути чьи — ч|ест|ь, меч Матери в мудрой Афины руках, и ков|ар|ство, кри|вой М|а|р|с|а меч **(**kou — дух (ег.), Тьма**)**. Век Золотой, Матерь, — Ис|тина; пора Арийска, ис|тор|ья (англ. **h**|**is**|tor|y), тор|яща путь из Нее в никуда — есть sop|**his**|ma (греч.): Ложь-Муж с водой мут|ной своей (his — его (англ.)). Свет светский историьи — пустой в от|сеч|еньи от Бога своем: се|к|у|л|яр|ный — без Сути кул|ь-лар|ь, прах секу|нд; быть «от века», как принято речь — есть от Века Златого быть-д|литься. История — «век сей», тьма купна; Златой, Лучший, Век — есть Век Тот очам бренным, «the bes|t»: The|os-без, Огнь-лишенность, таимая Суть. Оба сих — Жизнь одна: Век Златой — Жизнь-Огонь, а историья — Жизнь-тьма, не-Огонь: Огнь в утрате своей в очах бренных; а в горних — горит он всегда.

411. Миг Златой, Огнь средь тьмы — в сути **Миг сотворения вечный**: мгновеньям времен, каплям Лжи в реке их (вре|мя — вре|т), что смывают бесследно друг друга **(**миг — мыть (укр.).**)** — его, Твердь, не смыть. Миг сей — Суть есть и Мига, и Века Златых: Огнь-до-тьмы и Огнь-в-тьме, оба суть **Огнь один, Настоящее: Мир, в Земле сущий как Целое в части своей**. Посему **Век Златой есть Век-Миг**. Длим пространством, он есть Четверица, история ж — Шесть (46, пло́ти к|о|д наш — их пара): в|сего — Десять, Мир (наверху — что внизу, рек Гермес о сем); временем длим — точка он, длимость-Нуль, сиречь **как бы ничто**: ведь историьи *касается* он и касаньем (по сути — Нолем, нулем — в зримости бренной) един с ней: с Враждою — Любовь. Как Пространство, длим Матерью Век Золотой как Парвати, Женой-Благодатью; как время, история Матерью длима как Дургою-Кали, Железной Женой **(**dur|ее — длительность (ф|ран|ц.); дур|ить — время без Дела, П|р|о|ст|р|ан|ст|ва, *тянуть***)**.

412. Век Златой — Сердце наше земное, единое; Ум наш — двойной: как Ум, Се́рдца взыскующий, он философия; как Ум, бегущий его — есть история он. Обе — Ум; Миг златой делит обе сердечно собой: как Ум Сердца, Земля в службе Небу, — Сокра́т он, людей умирать научивший; как Сердце Ума, Небо в службе Земле

(сиречь Сын *человеческий*: Ум — человек, Сердце — Бог), — он Христос, к жизни вечной воззвавший от смерти их, коей, от Сердца историей влекомый, пленен род людской как рекой этой злой. С тем, сих Двое, заклаты как Истина, страшная Лжи тем, что суща, как Сердце пустому Уму, — лики Мига меж прошлым и будущим, Жизни средь смерти, плывем коей мы зря иль нет сей Ма|Я|к: к Жизни — *видя* его, к смерти — нет, зря лишь смерть и ее жизнью мня. Настоящее, он — Огнь-Те|пер|ь, Се|рдце-Се|йчас, где едины Христос и Сократ: в смерти — зрящему смертно же, в Жизни — Жизнь зрящим Бессмертья очьми, кои есть очи-Миф. **Миг Златой, Божий, есть и Х|рис|та Рождество, в бренье вход, и Его Воск|рес|енье: рожденье для Вечности, бренья от|рез; с тем — и жизнь Его, суща меж граней сих, Огнь среди тьмы. Христос, Миг — наше Я, 33-я, *последн|яя* буква: от смерти восстать — склеить смертию Мир, Это с Тем, как две Тройки — в одну, тем СебЯ стяжав: Мир — наша Суть, *после дня* бренья — Вечность как Ночь.**

413. Настоящее, Миг — суть Мир сам: Дух — не время. Сущ в нем (как сущ, в сути, Всегда: Вечность — Миг), человек сверх истории — Целое есть; исторический — часть, что себя целым мнит; техника, плод его — есть часть ча́сти сей. Первое — Жизнь самоé; полу-Жизнь, сиречь бренье — второе, что с тем — полу-смерть; третье — сме́рть сама. В смерти век сей, век истории, смерть Жизни выше как мага умелец; над ним же, в раба обратя, царит мрачно машина, истории чистая суть как ничто во плоти.

414. Миросущна земля, Три, Эллада была Умом Сердца: ведь Ум Сердца — Мир, живой Господом, Сердцем его. Крит (чей царь Ми|нос — суть Ми|ро|нос|ец: Господь, Мира Столп) был сим Сердцем Эллады как Веком Златым ее; канул он — канула Мать. Сердцем отчей Эллады как Мигом Златым, в тьме Огнем, был Сократ, с чьим концом пала Греция. С тем, диалог о корнях смерти этой — «Кри|т|он»: Крит-Огонь, у|тон|увший для нас.

*

415. Личность — в сути Жена: Сердце-Тьма, Божья Длань; индивид — Ум как Муж бессердечный, Диавол-Зло[103]. Сердце — Причина, Ум — следствие. Сердце есть царь над Умом как Со|суд его: то, что объемлет его, предержа, с ним со|вместное: Милость — с Суд|ом, каков Ум **(**Рай Отцовский — Сад-Суд, корнь сад|изма — суд|изма людей: Ум — сидящий, лентяй: sad — сидеть (санскр.); сад — зад, на каком сидят, низ: что вверху — впереди**)**. Суд — насильник Сад|дам как Суд-дам, «осужу»: остужу, Сердце-Огнь от|ни|му. Буквой Сердца, Причины есть Х, Хер Славян как Любви имя, бран|ное в брен|ных, борен|ных устах (брань, боренье — вой|на) в оглашеньи недолжном: Причина в миру — Тайна, Сердце (her|tz (нем.)), место чье есть Груд|ь, Глубь[104] **(***с тем дека|брь, месяц Хера, Дека|ды, венчающий год, как венчает Декада Тетраксис, — есть г|р|у|д|ень (укр.): Жизни тайник*[105]*; глуби тайна — р|уд|а, суть чья Хер, Ф|ал|лос-Уд; глас сей Силы — Гр|ом, Руд|ра, бог ал|ый-руд|ой (так во бреньи Любви глас — Враждá, в чьем металле железе зрит маг Орихалк, твердь Любви)***)**. Ум без Сердца — как плод без причины своей, есть И|дея без Жизни, без Господа — Диавол-Зло[106].

416. Личность есть Лик-личина, лицо Глуби: капля Луны, Лица лиц. Как Лик, есть она Бог, своей Сути согласная, коей есть Он; как личина же, маска — Диавол: противное Сути, Творцу, тем согласная миру Вражды, где она *существует-живет*, ведь в нем Ум, Бытие стоит над Сердцем, Жизнью. То с Этим в себе единя по закону Единства, Вселенной согласна она, в коей слиты в одно Свет и Тьма. Сути мира Любви — розни чýжды как чистые Лики, в едином сем, в коем *живут-существуют*, живимые Сердцем-Женой, чей слуга Там Ум-Муж. Таковы наши Гости с машиною их, коя также есть Лик, видность Сути жива, — в рознь машине Вражды, коя Сути есть склеп. Ликом стать жаждем бренные мы: ведь лишь Любящий — Есть; без Любви жить — не быть нам, Себя по|за|быв. Рек поэт:

Иногда о любви забываю —
Но про все забываю любя.

Без тебя ***не живу, не бываю***,
Даже если живу без тебя.

417. Что́ же есть две машины сии? То постигнем, познав суть машины и связь с организмом ее.

Сатана и Господь — творцы их.

418. Бог, Царь Целого, в пер|вен|стве — царь организмов; Диавол, князь части (не правящий всем — княжит лишь) — князь машин (и машиной есть мы в полной власти его; чем власть менее, тем мы живей). Организм — Жизни плод, с ней единый и ею живой: **целое до частей**; механизм, суть машина в своей простоте (простотой организма ж есть Бог) — плод отъятый, *жив смертью*: **до целого — часть** как ему голова; и Жизнь — Бог, Мер|а, Дьявол же — с|мер|ть: полюса, чу́жды в Розни очах. Смерть есть меч-г|лав|осек **(***mech|a|ni|sm и mach|ina — суть он: «меч» — «ма|ч|ет|е»; «m|u|ch» — «много» (англ.): мертвое — дробно как че|т|ное, кратное Двум, Розни; м|у|ч|ать — есть рознью уч|ить волей Ма|тери, слог коей — Му. Многость — тап|у: от тап, му|ж (Жено́й цел, в себе не един ман|екен этот); «мужской» — mal|е, мал|ый: что дробно — мало́ как Ум-Муж в себе, Зло (mal|ит — англ.), к|руп|ный Жизнью, Женою, дающею форму ему (руп|а — санскр.) как отдельную суть, не|до-Жизнь***)**; мертвым быть — быть без Бога, Главы, с тем — без Мира, Им главного, Сердца лишась. С Богом рознь есть к машинности шаг, вдаль от Жизни: родясь, так отходим от матери мы (с коей тонкая связь, нить Любви — цельна вечно). Его обратить нас в стезю невозвратну стремит Двойка-Рознь.

419. Что́ машина есть? Недо-Антроп, гипостазис духовный его. Им есть огнь Про|ме|т|ея, второй, отделенный от Духа за первым, душой нашей[107]. Господом дан (ибо был Про|ме|тей чрез Длань-Тьму — длань Его), он ни благо, ни зло, но есть то или это, смотря как взят дар: пробный камень для душ, к испытанию данный на верность, как Духу, Себе. Дара Дом — Глубь. В ней сущий, огнь сей служит нашей душе, с ней единый как Жизнь, а исторгнут вовне, он, остывший, есть чистая смерть, власть чья нам есть утрата Себя. Огнь-Внутри, он есть Жизни машина,

Любви (Жизнь — Любовь), единяща Антропны миры; внешний огнь, он машина есть смерти, что, плоть губя нашу чрез слабость (ведь сила — огнь сво́й), рвет связь душ. Смерть-машина, машина Вражды есть лик сборный машин Земли, веку согласных сему: плод железный отца-Прометея, сменившего (волей Творца — не своей) огнь г|р|уд|ной человека, дух Божий, сторонним огнем Сатаны: прахом — Твердь; а машину Любви, единящу миры, мы зовем НЛО. Любви, Жизни — есть Сердца машина, а смерти — машина Ума.

420. С Богом рознь — смерть. А смерть во плоти — есть машина. Так Мир мнил машиной Декарт, от него отъяв Бога; машиной — и плоть нашу: Мир и она — плоть едина.

421. Машина Ума, как из|вест|ное умным нам, есть **механизм механический**, в яви Антропом творимый, таимо же — Миром как целое после частей (ибо, бренья раб, мнит человек, что творец он один, а иных нет). Машина Любви, Се́рдца, тайная умным в бессердьи их, есть НЛО, **механизм ор|ган|ический**, автор единый чей — Мир-и-Антроп. Плод Антропа, он есть механизм, Мира же — организм; организм — царь в сей паре как целое прежде частей: в корне — Мир. Целым сим как Челном (ибо Мир — к Богу Челн наш) есть в сути Корабль как машина Любви.

422. Бог есть царь организмов, Диавол — машин. С тем, пред всем Бог — царь Ликов (Гостей, сутей мира Любви), личностей (Ликов мира Вражды) и машин Любви (слуг тех и тех во Любви); Дьявол — князь индивидов (живых, в ком смерть царь) и машин Вражды (смерти — без жизни). Раз Дьявол облатка, а Бог Глубь (что истинно так), рознь машин сих, Вражды и Любви, в том, что первая — внешний огонь Прометея, Диавол, вторая — огнь внутренний, с искрой душевной единый: Господь — не иной. Посему к одолению нам злой машины, влекущей в смерть, огнь ее злой перенесть до́лжно в Глубь, где и место ему: ибо став Благом в ней, над Враждою как нынешней сутью своей — сутью ложной — восставит Суть истинну оный: Любовь, коя Бог.

423. Шаг к сему — мир свершил уж: то **Спутника п|ус|к**, от земных уз Порыв. С|тар|т в высь внешню, что с Глубью одно (Высь — что Дно, рек Гермес), то — акт Духа чрез С|С|С|Р: акт сове|тский Совы, Тьмы **(**сова|ть в небо п|ер|ст — труд г|ер|ойский ее: ибо Не|Бо — Она, Тьма при Боге, что тычет в Себя, в Свет-Сове|т**)**, С|е́|Р|дца подвиг в довленьи тройном, Мировом, над Умом-Р: над частию — Цельности Божьей; Победа с Победой в связи́ чрез Двенадцатилетье, Мост-Под|ви|г и *ви|денья* суть (1945 — 1957). Числом сим был вес Спутника в сумме; число сего веса 84 (кг) в годах — круг планеты У|ран, суть чья — Небо (души́, Ра́ни, сфера); диаметр его — полуметр: рост м|ла|д|ен|ца, Любви́-в-пло́ти, чья пол|овина — Пол|на. Само имя его, просто, — имя любовное: спутник Земли верный, чуждый х|вал|ы. Ибо верность себе есть награда, любовь — ор|ден нам (так-то Библия — попросту «книга»). Час запуска путника есть 22, Божий Огнь, Солнце наше; минут — 28, Луны число: спутники оба. День старта его, 4 октября 1957 года, в Пифагоровом счете есть 4 – 10 – 4: Круг внутри Квадрата (Круг — Десять, Квадрат — Четверица): старт в Дух из плоти́ как Порыв. В высь сторонню идя — Глуби жаждал народ Со́|вий наш!

424. Глуби жа|ж|дать — быть Ею: един с Целью Путь! Глубь — Любовь, и Любовь был порыв в Небо наш. Силой сей, бог чей — Кама, полн был Коро|лев, Любви лев: Тьма, Коро|ва — Любовь; с ним — Га|г|а|р|и|н, гагар|а Ее как Ар|ийцев ор|ел; космонавтов начальник Ка|ма́|н|ин (Любовь, Длань — ман|ю́т); муж Огня К|о|ма|ров **(**ибо Альфа — Омега; Любовь — ко́ма чуждым ее: за|бытье, вход ко Ма|тери, Тьме; Ров меж Богом и нами — Ко|ров|а, Тьма-Мать**)**. Острием сего страстного штурма — был Спутник, го|нец наш, сферичный как Мир, Го|лов|а.

425. Спутник — брат Корабля и предтеча: из сущих машин, острие хода Ввысь, он один есть машина Любви (шар с четверкой антенн, он и есть Пять, Любовь). Был Россией открыт его путь — ею он и продлится чрез труд русский мой.

426. Путь сей трудный ведет к НЛО. Дивный нынешним нам, он — простая повозка Атлантов, сих сутей Любви. Род движенья ее не есть ход в мире внешнем,

пространстве Вражды, коя правит мирскими очами — он есть **нуменальное странствие: в Глуби, Любви-Мире ход очевой (дождевой, быстрый: капля — Корабль), Тьмы-Любви острый ход**. **Н**|**О**|**Л**ь, Она — **Л**юбовь-**О**чи; Любовью — Любóвь зрим мы: **О**|**п**|**ти**|**ка — Пти**|**ца, Любовь, Очи-Тьма, Луна-Мах как Орел, Суть Маш**|**ины Любви**; перепрыгнувших молвь «г|о|п!» – Go-Op, Очи-Мать, Цель-Тр|**оп**|**а**, лик чей — г|о|п|и, а танец прыгучий — г|**о**|**п**|**а**|к коза|ков, сыновей Козы сей. Посему об Ашвинах, Гостях, и машине их сказано:

> С *мгновенной скоростью орла*
> Приезжайте к нам, о На|са|тьи, единодушные!
> Ведь я зову вас, о Ашвины, совершив жертвенные возлияния
> На восходе вновь и вновь наступающей утренней зари.
>
> К Ашвинам. Ригведа, I, 183, 11

и также:

> Ввиду того, что она [Машина] летает со скоростью птицы, она называется ви|ман|ой.
>
> Мах|а|риш|и Бха|ра|ва|д|жа. Виманика-шастра

Тьма, Очи — Vi|s, Сила, ход-рост коей (в Духе: Тьма — Дух) — по|д|ви|з|ание есть, а идущий Очьми, на Крылáх сих летящ (Очи — Н|оги-Крылá нам) — по|д|виж|ник: герой, по|д|виг чей — очей шаг, многость коих — Стезя ему, в Тьме Божьей рост. Подвизаемся мы во Христе, Тьме-Очах, при л|ам|п|ад|е Писаний: они нам не Очи (ведь Очи — Христос нам) — очки, помощь Зрить. Так очками Антропу в Тьму-Очи, Мир-Мать (лупой: lu|pus — Волк, Дождь), — есть Машина Любви; ход геройский сей пары — Торенье, Очей ход в Мир, Глубь; число хода — 12, Очей число. О том указано:

> Вимана может совершать 12 видов впечатляющих движений. Сил, вызывающих эти движения, также 12.
>
> Бодх|ананда В|р|ит|ти. Комментарий к Виманика-шастре

Мир чрез **Л**|**ин**|зу-Машину — Одно для очей, где достичь должной точки — *увидеть* ее как амеру, бесчастную часть его как грань К|рис|т|ал|ла сего, Камня Силы, Тьмы Божьей, в оправе Луны, что очам Корабля **(**кои с Гостя очами одно как

продленье: живые очки, Вакхов камнь-Очи**)** зрим весь вполне. Грань сия — мир отдельный в сем Хоре; *увидеть* его, малый сей — есть *увидеть* его как Любовь в Любви, Мире, очами Любви ж: ведь Любовью и Мир есть, и Очи, с какими един он, **— Любовью есть Всё**[108] **(***Мир как Шар, Путь прямой (в очах горних прямое — кругло́) —* ***Путь-С|пир|аль*** *в очах Двойки: Вакх-Плющ, что сбегается к Богу в|ин|том. Бог — Спирали сей Корень как 0; Мир — 1, Спираль вся; и у каждого мира число в ней свое, кое знать — есть войти:* ***число — имя Любви, лик Очей*****)**. «Страсть к слиянию есть перелет», — сказал К|едро|в. Очьми обрести — любить за́годя то, что не видел еще. Так Онегина вызвала Таня очам, о чем пишет она:

Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил.
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался.

Зрить Любви — быть в любимом: так в зримость Любовию входит Корабль — Очи-Ноль, что внима|ют как Зев. С тем, и челн сей — виман|а **(**vi|d|ma|n — человек Знанья (санскр.): тот, кто *видит*; ср. «ведьма»**)**, вай|лик|си Атлантов: Путь (way — англ.) как Лик Бога, Цели своей. Птица-Очи, Корабль есть Орел, о полете на коем-то в Гиперборею как царство под под Солнцем **(**По|ляр|ной звездой — лар|ем Бога и Богом самим**)** речет Русичей сказ:

Прилетел он в царство под солнышком,
Слезает с орла самолетного.
И начал по царству похаживать,
По Подсолнечному погуливать.

Сборник П.Н.Рыб|никова

В словах о причине утраты людьми Корабля и Полета:

Человеческий ум уплотнился, и понятие ведических истин, внутренней сущности человека и сверхъестественных сил обеднело. Вследствие того, что Дхарма, или праведность, дала трещину, люди утратили способность летать в небе со скоростью ветра [сиречь Духа, что, веющ, есть Ветер – *Авт.*].

— под трещиной Дхармы, Закона, зрить до́лжно нам **трещину глаз как очей Любви** — ибо Закон она, — от коей *виденье* стало смотреньем, крылатость — бескрылостью. Мнимый движением внешним, полет Корабля — ложь: Контакт силой Духа вершит над мирскими очами на время свое **(**как *безвременье наше*: во времени дырка, каков нам Контакт**)** созерцательный сдвиг от смотрения к *виденью* **(***как от деленья неравного — к равному, каков срединный Сократов разрез, что Тетраду материи, зриму как чертова дюжина наших очей, число розни 13, — рукой Тьмы (очей Суть — Она, повторим) обращает в Жизнь-зри|мост|ь, число 22: «1 : 3» → «2 : 2»***)**, в коем внешнее оку становится Глубью его. Посему, зря Корабль, не в стороннем разъятом пространстве зрим мы его — в Глуби, **Едином своем, Нашем в нас**, где и есть он поистине. Знать до́лжно нам: и Корабль, и мат|рос|ы его с Ка|пи|т|ан|ом их, Тьмой, не извне входят к нам — Изнутри нас: **из нашего сердца гонцы есть они, из Луны под землей пло́ти, Глуби под коркой смотрящих очей**. Сердце наше — суть Мир, в Луне сущий как Глубь; сущий им, Гос|ть — в сем мире хоз|яин: сие — В|сего часть. Посему чтим мы, люди, гост|ино|сть: Гость — Сердце, Мир-Глубь с Глубью-Богом, Святыня; «хо|зя|и|н» — «сяй ин», Огнь Внутри: «сяй» — с|и|яй (укр.), «ин» — Глубь **(***о папе Коптов Ш|ен|уд|е читаем, что он «замечательный богослов и проповедник. Вместе с тем, папа весьма доступен, **особенно для людей, приехавших издалека**» (выделено нами)***)**. Лишь чрез Сердце, Мир-Цельность, достигнем миров и Любви, и Вражды мы стезею Любовной; чрез Ум, бренных глаз р|ван|ый Мир — никогда. Мир — в Луне; Корабль, Че|л|н как посредник меж зримым и Тайной сей — лунность: «чел», «лн» — Луны корни, повтором нам кажущи то). **Зримым стать Кораблю для смотрящих очей — выйти есть из Луны, Сердца в нас, чрез кору его, коя — Луна же: из Тайны, Тьмы — в явь, тьму под ней.**

427. Капитан наш — Жена, Тьма-Глубь. Ею напи́тан, мудр сущий. Жена на челне — корнь несчастий слепым, что с ней спорят; кто *видит* ее, сю Причину-и-Путь —

счастлив по́лно: ведь счастие сущих — знать путь, с тем — владеть им чрез длань Тьмы, Любви. В том и есть тайна странствий вселенских, что, у́дучи в путь очей ради, зрим Мир мы очами Вражды, в коих он, как разъято кольцо, есть дурной бесконечностью; Гости ж — его зрят очами Любви, где едины Начало с Концом, и в очах, как на длани алмаз — Мир как есть он вполне.

428. Что́ же есть челн сердечный? Антропа-Ашвина он конь, как любовь от Любви на ступень его меньший: хозяин — вверху, слуга — снизу. Ковчег, суть любовна, он — Шило, Игл|а: **капля-Мир** как амера, из Мира Всевышним от|лит как Воды, Тьмы (Мир — Тьма), с тем — Антропом отлит он; и каплей Трех, Мира есть оба: Антроп (Ашвин, Гость) и машина его. О том сказано:

Трижды сегодня вы двое обратите взор на нас!
(Пусть будет) исключительным ваш путь и дар, о Ашвины!
У вас ведь привязь, как у одежды в холод — завязка.
Пусть управляют вами мудрые.

Три обода у колесницы (вашей), везущей мед.
Все ведь знают о (вашей) страсти к соме,
Три опоры укреплены, чтобы (все) удерживать.
Трижды ночью вы выезжаете, о Ашвины, и трижды днем.

В один и тот же день трижды, о покрывающие (наши) ошибки,
Трижды сегодня жертву медом окропите!
Трижды, о Ашвины, сделайте вы набухшими для нас
Подкрепления, несущие награду, вечером и на заре!

Трижды совершайте объезд, трижды — к человеку, верному обету,
Трижды, а также трояко будьте милостивы к усердному (в жертвоприношении),
Трижды, о Ашвины, привезите вы радость!
Трижды сделайте кушанья набухшими для нас, как неисчерпаемая (дойная корова)!

Трижды привезите вы нам богатство, о Ашвины,
Трижды (приезжайте) на службу богам и трижды поддержите, молитвы!
Трижды счастье и трижды славу нам (принесите)!
На трехместную вашу колесницу поднимается дочь Солнца.

Трижды нам, Ашвины, небесные лекарства,
Трижды земные и трижды давайте из вод!
Благословение, счастье и благо моему сыну,
Тройную защиту привезите, о повелители красоты!

Трижды, о Ашвины, достойные жертвы, день за днем
Добирайтесь до нас, (объезжая) вокруг трехчленного мира, (вокруг) земли.
По трем далям, о Насатьи-колесничие,
Приезжайте, как дыхание-ветер — на пастбища!

Трижды, о Ашвины, с реками — семью матерями (приезжайте)!
Три чана (с сомой). Трояко готовится жертвенное возлияние.
Над тремя землями паря,

Дни и ночи охраняете вы установленный свод неба.

Где три колеса трехчастной колесницы?
Где три сиденья, что сопряжены?
Когда (происходит) запрягание приносящего награды осла,
На котором вы, Насатьи, приезжаете на жертвоприношение?

Приезжайте, о Насатьи: возливается возлияние!
Пейте мед устами, пьющими мед!
Ведь еще до зари посылает Савитар на регулярное жертвоприношение
Вашу колесницу, яркую полную жира.

Сюда, о Насатьи, с трижды одиннадцатью
Богами приезжайте на питье меда, о Ашвины!
Продлите срок жизни! Сотрите (телесные) повреждения!
Отвратите ненависть! Будьте спутниками!

На повернутой к нам трехчастной колеснице
Привезите богатство — здоровых героев!
Вас двоих, внемлющих, я зову на помощь,
И усильте нас при добывании наград!

К Ашвинам. Ригведа, I, 118, 1-12

Запрягайте ту, что быстрее мысли,
С тремя сиденьями, о два быка, с тремя колесами,
На которой вы приезжаете в дом благочестивого!
Вы летите на трехчастной, словно птица на крыльях.

Там же. Ригведа, I, 183, 1

Ваша колесница, о Ашвины, влекомая летящими орлами,
Столь милосердная, богатая помощью, пусть приедет сюда,
(Та,) что стремительнее, чем мысль смертного,
Трехместная, быстрая, как ветер, о два быка!

На трехместной, трехчастной колеснице,
Трехколесной, быстроходной приезжайте сюда!
Сделайте наших коров набухшими (от молока), скакунов — резвыми!
Увеличьте мужское население среди нас!

Там же. Ригведа, I, 118; 1-2

Капля-Мир, Корабля Антроп больше как Бог в сути чистой: он суть капля-Бог, а Корабль — капля-Мир в сути всей; **Корабль есть конь Антропа, как конь Бога — Мир**. Капля-Мир, Корабль есть капля-Полность, часть-Целое, коя, торя камень бренья, летит (ибо есть часть она) не летя (ибо есть она Целым, объять кое нечем), летая по кругу в себе[109]. Так кругами парит царь небес, птица-Очи ор|ел, eag|l|e: земной лик Причины, Яйца (ego|egg). Само имя «по|ле|т» в существе — лёт по кругу: «по» тут — цельность Замысла-Дела, Монады очей по|лн|ота, коя — Ци|кл

по-над всем, Дух как Царь. «По|утрý» — вполне утром: не ночью, не днем. «По» в утрате — дву-«по»: битый (с тем — падший) Ноль, «по|по|лам» (у|м|нож|ать — есть де|лить). «По|реш|ить» в русском — значит «решить окончательно», с тем — и «убить» («реш» — «реж» — «рез»: реж|ет — нож), сиречь свершить деяние, необратимое своим по|след|ствием, коим есть смерть. «По», Цикл-Дух — Семя-По|лность, Pu|s, Па|н (O= U = A), Тьма-Всё, о коем сказано:

> В одном из мифов догонов отмечается, что в начале был Ам|ма [Амон-Мать, Полность-Глубь – *Авт.*], бог, имевший форму маленького просяного зернышка «по», которое является основным элементом мира [Сердцем как Лоном и Осью его – *Авт.*]. В другом догонском мифе говорится о том, что один из своих космических полетов Ого [космическое существо, первым прилетевшее на нашу планету – *Авт.*] совершал на маленьком «корабле», который двигался, подгоняемый «ветром», заключенным в зернах «по».

В капле всякой, как Целое в части, сущ Мир, — но обычная капля с движеньем своим, сиречь капля-фе|номен, — Мир-Втайне; Корабль, капля-нумен — Мир-Явь: Камень, каплей торимый как Миром — он сам. Чел|н Причины, Чел|á, коим есть Тьма-Вода, Мир, — Корабль есть вода от Воды, тьма от Тьмы, с ней едина ка|сан|ием, Тьмой, как **машина-душа**, тень души нашей — капли Воды. Капли оба они, Чел|о|век и Машина, и первой вторая — слуга. Посему **ход ее, Очей ход — ход душевный есть: очи, о|птичность как пти|чность — пси|хея, душа как Пси Ψ, птица-челн (**«пси» есть «пти»: S = T**)**. С тем, и форма Чел|на — древний **диск** как отрывная капля вращения вкруг пронзившего ее по|пе|р|ек (Дух, очей Суть, с матерьей их слиты крест-накрест: То с Этим) копья Гравитации, Дателя наших очей плоских, коим как Божьим Пер|сто|м (Тьмой, Водой) уплощен смертный взор (см. *рис. 5*). Диск — сосуд не согбенного миром сим Гостя **(***так А|гн|ца сосуд в литургии есть* ***дис|кос*** *(греч. δίσχος),* ***тарелка*** *очам: Любовь, Сын — в бреньи Гость, Рознью сущем***)**, не мнущийся сам. Так, по Эддам, героев хранят дис|ы, жены: Тьма — Тьму. Д|иска лёт сего — Самостяжание: Дамы-Тьмы по|иск: Водой-каплей — Моря-Воды. Диск, Челн — чл'en, фаллос-уд, бьющий в Глубь, в Мир, с вращеньем **(***активности члены в плоти нашей — ин|д|ри|и, поиск*

О|сно|вы: дра|ть-ры|ть — во Глубь, Тьму, чей бог Ин|дра, Вода). Лёт по кругу, полет Корабля есть Движенье само, Тьма: Полет, скрытый бренным движением и указуемый им как вторым пред сим Первым — под Двоицей Ноль, кем едины миры. Он бытийно — покой (так покоен парящий орел, так — летяща стрела уму (учит Зенон), очи чьи — бренья взор; так Сократ стоял часто недвижно, паря в час сей на Тьме, Крылáх); и Ньютóну вослед, полагавшему существование абсолютного пространства и различавшему движение абсолютное (Ноль, скажем мы) и относительное (Двоицу), дóлжно считать: Корабль движется в абсолютном понятии и покоится в относительном — сиречь **летит не как часть Полноты Мировой, но как вся она, с Миром един, Океаном своим** (рек же К|е|дро|в: «корабль — это пр|и|с|т|а|н|ь всего океана // океан — это пристань всего корабля», «пароход — это железная волна // вода — это пароход волны»). Так Вселенная, Мать Сва, есть Птица, часть полная чья — Птица та ж. Полет — то, в чем Крылá одно с Воздухом: оба — Тьма. Но она также — и Плаванье, в коем одно Челн с Водой. С тем, **летать — п|лав|а|ть: Тьму за|гр|е|б|а|ть, Воздух-Воду как Лав|у любовну** (*греч. rhe|os — течь, плыть с водой вместе, — одно с «рея|ть»: Тьма — Крылá Божьи. Так Лéта — рекá есть; «лета|ть» — над летáми царить: быть Пространством, Нолем, а не временем, Двойкой*); крыло — плавник тот же, и имя «корабль» телу прúдано, данному плыть и летать нам. Его, о ком речь — Кора|блем и зовем мы, Суть чья — Тьма, Господня Корá. Вход его в мир наш — синтез эфирной основы, Того, с веществом земным, Сим: **воплощенье Иного**, в каком плоть ему, взята в Сем, грань преходит межмирную, смертну (что éсть т|ран|с|цен|ден|ция), зримая — ставши Иной, как и семя эфирно ее, Корабль-Мат|риц|а, Суть; в То возврат — ход противный сему. С тем, эфир и матерья земная, Корабль очам нашим то плотное тело, то огнь: два сих — одно ему, как одно плоть с душой, Это с Тем в Мире, Божьем Одном.

429. В оке горнем Любви челн ее, Корабль — Мир, Шар-Любовь. Ведь челн всяк миросущен, творясь для реки, река ж рек сущих — Мир. В именах челнов древних

«гал|ер|а», «три|ер|а» — зрим он, Гол|ова сущих, Три, Шар-Эр|от (**«**кара|велл|а» — то ж: Ка́ра — Тьма, Мир-Вода; well — «хор|ошо» и «ко|ло|д|ец»: Дек|ада-Мир, Хор**)**. Корабль зря оком Двух (корнь и плод в коем разны), Мир — Корень живящий его; а машины Вражды корнь — часть Мира безмирная: вольный осколок его, эгоист как ничто без Всего, кое Мир.

430. Корабль — Шил|о-Шел|О́м, челн г|еро|ев, Идущих-в-Любви. Ткань его — Орихалк, щит Гер|акла, гер|оя героев; поход ч|ре|з миры — акт геройский, то|ре|ние. Шило — то|рил|ка: та|р|ел|ка-О|рел, рел|ьсы в Высь. Шилом сим Гости, из Глуби се́рдца идя к внешним нам, торят се́рдца кору к *неразбитью о Мир* как Вражду, коей есть он, на|руж|ный, Гостям, коих суть Мир-Любовь. С тем, машина Гостей — щит, Любовию шит|ый (как Тьмою, Caus'ою — Зевсов щит из шкуры *козь|ей*), хранящий их от м|лат|а Розни (в Любви ж мире цельном — нен|уж|ный). Нужды сей лишен маг земной наш: единый с Враждой по рожденью в сем мире, он капсулой странствий имеет ее, в чем Гостей совершенней: ведь Розни дитя (где рожден) и Любви (как маг) — он суть Мир цельный, и ст|р|ан|ствует в Мире, как Мир, одинок. Гости ж, сути Любви, идя ст|р|оем к Господнему Солнцу, что светит сквозь Мир (ибо ход их к Творцу — многих ход), в Двум причастности (многость — Два, Рознь) *полумирны* без кап|сулы как половины второй, коей в странствиях есть им Кор|абль, До|полнение. Часть, а не целое есть Гость-Любовь без нее. Части — также и мы, сути Розни; но, Целым себя мня безмирно, хранимы от Груза мы сим забл|уж|день|ем: ведь Мир — Камень, Груз; Целым зрим Гостям, в круге Вражды Мир есть им не Опора, но Гнет: суть не Первый — Второй, что, покрова лишенных, тотча́с их раздавит в волне, суть чья — тяжесть как Двоица, Необходимость, закон ее: Глубь, Бог — крыла́ дает, корка, Диавол — г|нет|ет. Сути божьей Свободы, в ней Гости повсюду вольны как Одном, а у нас, Двум причастны чрез Миссию их — лишь в шлему́ Корабля, без какого, лишен его (волей Небес, нам неведомой), Гость может быть и пленён, и убит, сиречь *те́ла лишен как костюма*, отринувшись в То,

эфир: *видящ*, зрит он чрез Корабль как очки, без каких слеп, смотря, как и мы — с тем, не зря своей смерти: ведь *видеть* — есть зрить смерть свою.

431. Корабль, Шило, Тьма-Ноль, торит Двойкой мир Двоицы наш: клином — к|лин. Про|ниц|ая среду, волен он от напора ее, с ней **един без касанья — Любви со Враждой**. Так святой среди гре|шных лишен гря|зи их: чистый — чист и во с|мр|ад|е. Учил Пифагор о том: «Мудрый! Обязанный будучи жить средь простого народа [= толпы как народа в разъятии; цельный — народ мудр — *Авт.*], будь подобен маслу, плавающему поверх воды, но не смешивающемуся с ней».

432. Шила Суть сего — Тьма, Острие, коим о́стры все шила. В Корабль она входит чрез его главу — ибо есть Корабль тело живое; глава ж сия Силу приемлет чрез Гостя, Пилота, главу как звено, что одно с Кораблем[110]. Сии головы, слиты макушка к макушке, — единство, Корабль где — двуглавый О|р|ел, кры|л|ья чьи есть Ор, Ноль. Корабля архетип в Мифе — Вакх в сени Матери-Тьмы: Два — Ноля как короны большой над глава́ми Орла. Голова Корабля — кристалл Вакха, Очей, коим Гость зрит миры: зрить их — быть ему в них (esse — percipi: ход Корабля — Очей ход). То — **Процессор**, рознь чья с нашим, нынешним, в том, что он есть ипостась главы Гостя, царит в коей Сердце, а наш — главы нашей, где царь Ум **(**«корабль — это ком|пью|тер памяти // память — это корабль компьютера», — сказано К|е|дро|вым: па|мять есть в Па|пе-Уме Сердце-Мать**)**. Из них Сила есть первый, бессилье — второй, Силой коему стать — есть стяжать Сердце, Корнь. Очи — Шило. С Процессором, Шилом-Очьми, что торит путь в миры в Мире вечном — **в Крис|талле кристалл**, Корабль — ступа простая к ступа|нью Гостей: **оболочка с Очами Внутри, в Глуби: Мир — Глубь, Глубь с ним есть и Очи, в Глубь Бур**. Мать, Глубь — Сердце, Вакх — Ум при нем; так и Корабль: кристалл, сердце его — Мать, при коей сосуд — ум как Вакх; и един матерь|ял их как Тьма. «Корабельный» — veh|i|cu|l|ar (англ.): Вакх, в Тьму Веха, в кул|е́-лар|е́, ш|**лем**|е Гостям, коим Вакху есть Феб, имя давший челну для Луны: Вакх при Матери — при Вакхе Феб, Ум при Сердце своем, А|пол|лон как пол-Лона при Лоне-Одном, пол-Луны при Луне. Череп

с Мозгом, Ум с Сердцем внутри — вот Корабль как Луна от Луны: **Фаэтон** (Солнца сын: капля Мира, Огня), э|ки|паж, проще коего нет.

433. Корабль — тело, Процессор — ему голова. С головой Гостя, льющей Намеренья ток в него, он нераздéлен: обеих голов архетип есть Сфетраэдр как синтез эфира с огнем, зримым нам, Того с Сим (ведь эфир — огнь Иного, Пятерка за смертною гранью), врата в Глубь. Оттуда сияет нам Мир, из врат сих входят Гости в мир наш: грань миров — смерти грань: Тьма как Связь. Восемь, Смерти число, нам являет Сфетраэдра сущность: как Сорок, он — Пять-по-Восьми.

434. Процессор, как знаем его мы, зол в сути. Процессор грядущий — благ. Оба они поле Силы. Но первый, согласный главе нашей, где ум жилец и изгой сердце, сущее ниже, — есть поле пустого Ума: Два без Бога; второй — в существе глава Гостя, где властвует сердце умом при единстве их — есть Пол|нота, пол|е-Сердце, Ноль Божий. Процес|*с*|*ор* сердечный, Ноль — Ор; Ума — с|ор, пёстр письмом, кое — хаос плохой: мысль ума мёртва, знаки чьи **(**как тату|аж, роспись внешняя: та́ту — отец (укр.), Ум**)** Сердцу мешают писать **(**Сердца полный, о них рек Сократ: «письмена — мёртвы», — ст|рок не любя**)**. Но Жизнь — Сердце. Процессор его — свят кристалл: белый лист, на каком Изнутри без помех пишет Жизнь, Глубь. Таков ум *глубокого* сна, в коем с Небом одно мы: письмо здесь — Тьмы, Мудрости знаки **во** поле ума; а мирское письмо — знаки тьмы-Двух, невежества **на** поле сем: не Внутри — поверх. Первые — Но́ль суть: их зрим в наводящих вопросах Сократа — письме Пустоты, коим он полнил ум, они ж есть априорные Кантовы формы и Юнговы борозды Тьмы, коих полн ум младенца как русл рек грядущих; последние ж — Двойка: письмо, коим ныне запятнан процессор, как бранью забор.

435. Что́ же есть письмена Ноля? Знаки Любви (Тьма — она), в сем кристалле они в сути — Мир, Полность. Часть всяка тайно полна: Мир живет в ней. Процессор полн им в яви ока как **му́дры оч|ки, вход**, чтоб вшел антроп в то, что зрят очи его: ведь где очи — там мы. Таков магу кристалл, чрез какой зрит миры он; узрев — входит в них лазом сим.

436. Благ, Процессор — кристалл, где одно матерьял и изделье: так древа, взращенного нами, творец — Бог. Процессор-крис|талл — плод Причины, с тем — поле ее (таков Мир, Плод и Поле), знак в чем — корень «крис» (зримый в «Криш|на», «Хрис|тос», «крес|т»), плод Х|ари, Причины в Пуранах (К — следствие Х, половина ее); явь двоих сих, Причины и следствия, есть Ма|Х|а-мантра (крылами маха|ть — есть расти: Полет — Рост): «Ха|р|е Кришна», зов к Богу как Мах|е, Луне.

*

437. Сообщив, что́ есть Гости с Машиной их, до́лжно сказать нам, откуда они. Познать это — познать есть Контакт.

**Контакт есть связь с Иным — Глубью, Сердцем своим и вселенским: единство ка|сан|ьем с Любовью — чрез Ноль, Любовь ту ж. С тем, Контакт — сам Любовь, в коей мы и Иное — Одно, Мир; Контакт есть Любовь на мгновение, Любовь — Контакт навсегда[111]. Вечный Миг, в коем Вечность с мгновеньем одно, Миг-Любовь — вот Контакта Оплот. Кон|т|акт есть Любви акт: помощь Глуби *увидеть* Ее; горний Т|акт, Де|л|ик|атное Дел|о — явить Тьмы лик, коим есть Гость как антроп из Луны, с знаньем Меры меж Этим и Тем как Черты, коя Бог. Контакт — Т|ра|пез|а: Пища — Любовь, Сто|л, трехногий как Мир, Божьи Три (число ног НЛО как у трапезы, Греков стола, коим Мир — До́м был). Контакт есть такт|ика Мира, Кон|я: Любовь-локус; стратегия Мира — Единство: Любовь-Полнота. Для Гостей, Глуби капль, Контакт — Мис|сия (*«Я видел смысл своей жизни в том, чтобы помогать другим увидеть смысл своей жизни»*

(Виктор Франкл): Смысл — Глубь), **нам же он — С|лу|ч|ай (***e|vé|n|t (англ.); о сем рек мне Even|s, учитель мой: S — T***): спряженье Того с Этим волей Того, Глубь во бренных очах как царь Миг. Так Христа Рож|дес|тво — Случай, с бреньем Контакт**. Глубь-Единство — Бог-Мир; Глубь во многости — **Корни Антропные наши**: как сутей Вражды — Любви сути: Любовь — Глубь; Антропов Любовь — Глубь Антропна. Она — Корнь Арийцев: **Атланты, Любвú племя**, дом чей стоял средь воды как Вода, Ноль. Дом сей, кому Мир был Одно, утонул в очах Розни: Ноль в Двух, — из сего став Иным, **ибо очи сии, Мир не зря, утонули в Ноле**. Рознь им стала своим как Землей с белым солнцем ее — солнцем Розни, без Сердца Ума; Сердце ж это, Единство — лишилось Земли в них, иль кануло в Розни-воде Ат|**лан**|тидою. Ныне и есть, в смысле сем *внеземной*, остров сей в тьме *небесной* — **Л|ун|а, Атл|анти|да: Атл|ь-анти, Змей (атль — ацтек.) горний, Цикл-Небо нап|рот|ив Земли, не-Земля, Да пред «нет»**, — пред Землей, как с|веч|а, од|ино|кая: un|o — одно, суть Ино|е: отдельность — Инá (*стать Иным — Небом стать, Не-Землей: в очах Двух — пр|очи|х нет. Небо ж есть Высь-и-Глубь: кто Вошел — Воспарил-Погрузился, в наружных очах утонув. С тем, на грани с Иным, Атлант|идою-Небом, с|во|д его и держит Атлант: грань есть То*). Андрогин женский, сливший в себе Тьму и Свет без смешенья при властвии Тьмы, то — **планета Любви, Мира лик, Любви Божией с Богом в ней**; c|and|r|`a (Луна — санскр.): Жена, слитна с Мужем (греч. and|r|os) как Сердце с Умом. Земли спутник, второе ей в Розни очах (Двойке коих всё вкруг — Два), — в Единства очах она Глубь, Ноль: ведь Глубь есть Второе Сему, Мать под коркою тьмы, и зовущейся со|ма, «со|гласное Ма|тери»: плоть — Духу (сома — плоть (греч.)). Так Зевесовой Глубью Афина была — Мать, разъявша главу его вольно; так Глубь Парменида — Зен|он, его спутник, зен|ицы очей его, сиречь зрачки Парменидовы: Сердце — Ума. Сома, плоть, служа Духу — тьма Тьме, — есть врата в него: в Сердце — Ум. С тем-то Луна с|**ер**|**еб**|ристая есть Цер|бер душ людских (пес

Пер|се|фон|ы, псы коей — планеты, тюремщики ихни**)**, Эр|еб (мрак — греч.) как с|т|**ра**|ж тюрьмы их, Сан|сар|ы-змеи, ее плен-сan|d'|алы **(**как цыпленку — яйцо, kan|dal (санскр.)**)**: Уму Сердце — Со|суд; Луны бóг древний — Со|ма, Врата; сома — влага его: Тьме причастье. От Сомы, Луны — сущих рост: т|равы — Рави, Луна, гонит ввысь; Мес|яц плоть-гущу мес|ит как те|с|то свое — роста ради, ведь он — Жи|зни дрож|жи и вож|жи; растущий — дрож|ит как о|пара: Два в поле Единства, Луны-вож|ака. Лу́нен лен; лунен к|лен, к Лун|е льн|ущий, какою мы с|к|леен|ы; Клен|чиць (др.-рус.) — прорастания бог. По|лун|ýця — к|луб|ника (укр.): плод, что растет по Лун|е и к Люб|ви этой льнет. Жизнь в тибетском — р|Лун|г: что Луной прибывает — идет к ней, часть — в Целое Божье: ра|сти — в Суть идти.

438. Как Второе, подобье-и-Суть — сени-Сень, луб-и-Г|луб|ь, — Луна, с тем, и корнь бренья, и в Вечность врата: слепых тайна — явь зрячих. Подобье, Лу|на — Красота, покров Бога лу|ч|ист|ый; Суть, есть она Бог, Солнце солнц[112]. Огнь сей зря, Пифагор на вопрос об Эл|изии — Веке Златом, скрытом Отчею тьмою — сказал, что он Солнце-Луна: **Бог-и-Мир как Луна незакатна, Век чей Золотой — Лунный День**. Ныне Д|ен|ь сей, Век этот, в очах умных канув, сокрыт под землей их как **Глубь, Сердце**: Дно — донным этим, смотрящим, очам; горним, *видящим* — **Высь в сердце нашем: Луна, Суть его**. Глубь сердечна, Луна — Глубь земна: **вход в Антропный Эфир, из Се|го — в Мир, В|сё, Глубь, Подземелье Любви, — коим входит в него маг земной и выходят к нам Гости[113]: из Mun|dus (Мир — лат.) — чрез Moon, Глуби Ок|но. В Мир войти как в Луну — войти в душу свою; знак души в индуизме — Луны знак: две сих — Глубь одна. В Луне — Глубь, в Луне — Бог, сущих Жизнь. Лететь в поисках Жизни нам за лунну грань — смысла нету: Жизнь — в Грани самой, бренья Грань — Вечность, Суть. С тем, на Марсе, планете ль иной — арте|факты найдем: Жизни зна|ки как *Лунны с|лед|ы*: Леды лёд, Арте|миды печать**. Луна — Лоно Всего: лунный — лонный; отсель A|po|lvn — пол-Его: Два — Ноля, куда Двойка стремится как в Суть, чтоб прейти в ней: к Луне-Лето — Феб, как за ним — «Аполлон», Штатов челн. Мир

— Лан (Поле) в Лун|е, Конь-Слуга, Луг с|луг Божьих, меж коих и мы, с Лу́га сего т|ра|ва: «тра» — Тр|и, Мир Бога, Ра. **С Миром связь, Контакт есть связь с Лу|ной наша, с Сутью — облатки ее, втайне вечна, а в яви глаз бренных — как С|лу|чай редка́**.

439. Мир обресть — есть Ан|тро|пу Тро|пу́ стяжать к Богу как Тро|ицу эту, и с тем — вольным стать чрез Луну. Ключ к тюрьме — надзиратель: к Сансаре — Луна как владыка, к Вражде — Любовь, Суть. С тем, Луну познать — волю обресть, дверью сей выйдя в Мир — на Стезю: **волен тот, кто Идет**. Камнь Луны посему — ор|то|к|лаз: в Прямизну, Мир лаз **(**or|to|s — прямой (греч.)**)** — Луна **(**камнь июня, Шести как подлуния-Куба, удвоить какой — есть Уму Сердцем стать, части — Целым**)**. В очах Ума Сердца благих Луна — Мира bal|loon **(**бал|лон (англ.): Бэл как лоно, сосуд**)**: Сердца — Ум. Сердцем зрясь, Л|у|на — Сердце само, Мир, Ина́ в нас, у на|с как У|ма; и как в сердце в Мир глядя, зрит зрячий Луну пред собою как Ц|ель: Я свое, кое должно обресть. Как Бог, Да без иного, в сем мире двоичном Луна в полнолунье, час Силы, в сердцах будит пару «да-нет», любовь-рознь как (S)Елену у Греков **(**рожденну Яйцом, Тьмой; сестру Диоскуров — суть Ма́ть их, хранимую свято сей парой**)**, **любовь как кин|жал-б|елену**, — была коей А|с|т|ар|т|а **(**Иштар Аккадийцев, Ин|а|нна Ш|умер|ов**)**, богиня войны и любви: Тьма, С|елен|а — д|елен|ия Но|ж: мес|яц, с|ер|п — мес|ть, с|кан|д|а|л, чей бог — С|ка́нд|а, Раз|дор, канд|ал|ы а́лы сущих, Любви кан|д|и|да|т **(**Скан|д|и|нав|ы, Войны племя, кое льет кровь и в раю своем — он, Нав|ь как Два**)**. Так Саль|ер|и Мо|ц|а́р|т|а убил от любви сатанинской **(**рек Пуш|кин, Луны муж: Pus — Пан, лунный бог**)**, от-Ра|ви-в в час Луны. Рек Шекспиров О|т|ел|ло: «Во всем Луна одна лишь виновата. Она безумье в нас вселяет»: Безумье, Mad — Мать. Луна — Ка|ин и Авель: брат, брата пронзивший вилми́; «по|каян|ье» — Два, Каин: чтоб каяться, до́лжно убить (*и Кай, Сердце (Кеу — К|лю|ч, Луна), Гер|ды брат названный — Каином стал, впавши в Ум волей злой*). «Лун» — «лом», «с|лом»: Рознь, что оку красна. Посему:

в полнолуние (…) наши глаза внезапно начинают воспринимать красные цвета лучше синих. Даже люди, не подозревавшие, «какая нынче на дворе луна», следовали в эти дни общему правилу: различали красный цвет легче, чем в другие дни.

О кинжале Луны говорится:

В дни полной луны чаще совершаются преступления, разбиваются машины; в эти дни, зловеще запятнанные небом, похоть и ярость с|**не**|**да**|ют души слабых мира сего, мучают их, толкают на самые необузданные поступки.

Елена — по-гречески «избранная, светлая, сияющая»: всé сие — Луна, Огнь главный. Елена, Луна — христианской Руси корень: Оль|га, Владимира бабка, в крещеньи — Елена, Луна. В сказках наших Луна есть Елена прекрасная. Лунность Елены знал Б|а|ль|м|о|н|т, очами Сна зря Век Златой, поэтический, в коем Луна и Земля — одно. В драме своей пишет так он:

«ЕЛЕНА, с пучком фиалок в левой руке, между которыми есть один желтый цветок, говорит нараспев.

Есть растение, зовется золотым дождем,
На богато-желтых гроздьях бабочки садятся,
Меж его тройчатых листьев, мотыльки на нем
Любят, любятся, влюбляют, тройственно пьянятся.

ПОЭТ подходит к лампе и уменьшает ее пламя. Несколько раз вспыхивая, лампа гаснет. Наклоняясь к Елене, он целует ее в лоб. Они оба, обнявшись, подходят к окну. Комнатой постепенно завладевает голубовато-зеленоватый свет Луны. Молчания.
ЕЛЕНА. Лунный свет до нас доходит, но Луна еще далеко. Она взойдет сегодня позднее.
ПОЭТ. Я уже чувствую ее ласки на твоем и на моем лице. Ты стала еще воздушнее и нежнее.
ЕЛЕНА. Когда мы приближались к этим горам, она была серебряной. Когда мы были в самой тесной запутанности ущелий, она светила нам как золотая чаша, из которой пьют сладость Индийские боги. А вчера она утратила часть своего золота. И сегодня она будет ущербной.
ПОЭТ. Она красива всегда, от начала до конца, как любовь.
ЕЛЕНА. Я жду, чтобы она глянула на нас через окно.
ПОЭТ. Посмотри, как спокойны горные вершины. Они живут Луною и Молчанием. Я гляжу и вспоминаю о том, что было в безъизмерно далеком прошлом нашей Земли. Гении Луны когда-то низошли сюда оттуда, и это от них у нас человеческий наш лик. Они отбросили от себя лучистую тень, и эти светлые призраки облекли нашу страстность. Они замкнули нашу бурю, и все стихии нашей крови, в эфирно-легкую одежду красивых стройных тел. Мы на Земле, но

мы небесные. Нам дала свою воздушную загадочность Луна. Оттого-то мы так любим ее, когда мы любим. Оттого мы ждем ее возникновенья, когда мы счастливы, как счастливы сейчас, или когда мы жаждем и ждем сочетаний влюбленности. Оттого наше Море безумствует, и волны тянутся к Луне, когда нежный полумрак пронзит глубокую Лаз|ур|ь своим серебряным намеком.

ЕЛЕНА. Луна отдала нам свою жизнь, а сама умерла? Я часто об этом думала. Ей хочется снова и снова быть живой. Она живет, но как привидение, и зовет к жизни ночные травы, чтобы вдыхать их аромат и зовет на свидание всех возлюбленных, чтобы выпить жизнь из неосторожного, и сияньем своим сделать румяное лицо бледным, убить земное, и сблизить нас этим колдовством с призрачными странами Неба.

ПОЭТ. Луна – Любовь, а в Любви и жизнь и смерть сливаются в одно.

ЕЛЕНА. Луна всегда посылает мне странные сны. Я скажу тебе, что мне снилось вчера. Но только скажи мне раньше опять те строки, которые ты вчера говорил мне. Вчера, в полночь. Когда последняя боязнь ушла. Растаяла, как дымка тумана над водой.

ПОЭТ. Те строки о золоте сна?

ЕЛЕНА. Но только сядем опять, как мы были раньше. Пойдем.

ПОЭТ. Пойдем. Луна сейчас заглянет к нам в окно.

Они садятся на прежнем месте, на диване, и тихо сидят, обнявшись, в полосе лунного света. В течение их разговора медленно с левой стороны возникает против окна между снежных гор странная над дымным одиноким облаком, ущербная Луна.

ЕЛЕНА. Мне кажется, что как будто что-то ласковое нас опять сковало. Опять, как вчера. Я люблю тебя, милый. Как мне радостно, что я вся – твоя, вся – ты.

ПОЭТ. Я опять как во сне. Цепи золотого сна. Ты спросила меня вчера, что больше всего меня волнует напоминанием о таинстве любви. Я сказал тебе. Не лес, не горы, не люди, не музыка, не звезды, не Солнце, а Луна. Царица облачных просторов и полночных трав. Луна, своим внезапным появленьем взметающая в душе бурю воспоминаний непостижных.

Луна, когда она сверкает
Над Морем, жаждущим лучей,
Или над лугом возникает,
С его качанием стеблей,
С его шептаньем, замираньем
Неуловимых ветерков,
С его колдующим влияньем
Влюблено-дышащих цветков.
Луна, когда она так низко,
Что сердцу кажется земной,
И шепчет девушка: «Он близко!
О, что он сделает со мной?»
Луна, венчальница смущенных,
Боящихся самих себя,
На свадьбе мыслей позлащенных,
Где сладко он жесток, любя.

Молчание.

ЕЛЕНА. Я жалею, что я не могу тысячу и тысячу раз встретить тебя опять впервые, и сказать тебе впервые «Люблю», и отдать себя впервые тебе, тебе, единственное мое счастье.
ПОЭТ. Елена, ты не знаешь, что этот Замок заколдован? Быть может, мы уже никогда не уйдем отсюда.
ЕЛЕНА. Если не умом, я сердцем знаю все. Я не боюсь ничего, кроме разлуки с тобой. Ты как волшебное зеркало, в котором я впервые вижу себя, и вижу, что я красива.
ПОЭТ. Этот Замок – горный чертог душ, влюбленных в Красоту. Кто, любя в нем, любит не сполна, тот может и должен уйти отсюда, спуститься опять вниз, в долины, с сердцем полусчастливым от изведанной радости, и полуразбитым от оконченности счастья, и от стыда своей неполноты. А тот, кто, любя в нем, любит сполна, холодеет, и становится белым призраком, и никогда уж не может возвратиться к земному, не будет больше знать унижения, но никогда и не узнает розовой улыбки земного Утра. Он будет вечно в царстве Белизны и в таинстве лунного света. В зеленых гротах меж голубых цветов.
ЕЛЕНА. Родной, любимый, ты все время читаешь в моей душе. Я хотела рассказать тебе свой сон. Слушай. Ты поймешь. Я видела Море синих душистых цветов, каких никогда еще не встречала, и среди них тебя и себя. Мы стояли утопая в душистой живой синеве. Сверху сыпались, окропляя наши лица росой, эти странные синие цветы. Между ними мелькали знакомые лица, знакомые призраки несли нам синие цветы и торопливо исчезали. Ты стоял с закрытыми глазами, и лицо твое с каждым мигом преображалось, каждый миг становилось все озареннее. Казалось, ты видел, видел, видел то, чего я еще не вижу, но вот сейчас увижу. Ты все прозрачнее. Все тоньше преграда. Синий дождь цветовой все обильнее. Я закрываю на мгновение глаза. Вдруг у тебя вырывается безумный страшный далекий крик. Цветы раздвигаются и мы, упав друг на друга, летим в бездонную. Черную, но блистающую своей чернотой пропасть. Я проснулась, но ты был около меня. И я знаю, теперь, почему это счастье смешалось со страхом.
ПОЭТ. Скажи.
ЕЛЕНА. Мы больше не выйдем из этого Замка. Мы сами заколдовали себя. Мы умрем для земного, и миг перехода страшен для души, которая скована телом. Но мы навсегда, навсегда соединились. Можно ли жить земным, когда изведал Любовь. Милый, единственный, ты, который понимаешь и любишь все, ты, который нашел и сразу увидел меня, ты не уйдешь больше от меня, как не уйду от тебя я. Мы связаны – нашей свободой и таинством Любви. Нас обвенчала – Луна.

Они теснее обнимаются, и озаренные лунным светом, кажутся как бы слитыми в одно, двумя призраками. Прямо перед ними, за огромным окном, возникает между гор Луна.

ПОЭТ. Я всю жизнь тебя ждал, и буду любить тебя здесь и повсюду.
ЕЛЕНА. Я тебя тоже полюбила, и только с тобой узнала, что значит дышать.
ПОЭТ. Ты чувствуешь это место, этот час, эти чары – пьют нашу кровь.
ЕЛЕНА. Я отдала бы тысячу жизней, и рада быть с тобой везде.
ПОЭТ. Мы уснем, но проснемся. Мы здесь уснем, но пробудимся не здесь.
ЕЛЕНА. Горные вершины и лунный свет сохранят нас и память о нас.

ПОЭТ. Я чувствую, что я все ближе и ближе к тебе.
ЕЛЕНА. Милый, я холодею.
ПОЭТ. Ты вся стала воздушной и бледной, ты с каждым мигом все прекраснее.
ЕЛЕНА. Я стыну, о, счастье, я гасну – в тебе, ты – лунный, я люблю тебя.
ПОЭТ. Голубые цветы цветут, мы вместе, ты – все, я люблю тебя.

Царство великого Молчания» (выделения в тексте – наши – *Авт.*).

Глубь, Луна — Полнота. Лик пустой Луны — ложных очей плод: Глубь коркой мня, зрим мы пустыню: Сие без Того как луну без Луны. Царь Сего, бренья столп, Луна — То: Суть — Иное, Глубь-Тьма (*и безумный — luna|tic (англ.): Сердце, Не-Ум. Запад словом сим кличет безумье любое; восточны — ночно́е мы: Сердце — Тьма*). Корнь наш, так сущи Ат|лан|ты в нас, красную кожу свою обличая гореньем влюбленных лан|ит всех, кто любит. Сказать, что они утонули, есть то ж, что «ушли на Луну», а верней **в** Луну, Глубь, в коей есть и сейчас, судьбы наши верша, как царит Глубь над коркой своей (*в Глуби, Тьме, зрил их E|rich фон Дé|н|и|к|ен, Ден|ь Ник|и, Силы-Луны, Тьмы-Богатства: Rich — рік, Год как Цикл-Полность — рык, Силы глас — Рек|а, Тьма; «кен» — Мир, Кон|ь-Огнь в Луне*); в очах их, зрящих Суть (ведь Суть — сами они: Очи, Глубь) — Век Златой жаркий: Луна с Землею как тело одно (с тем, попасть на Луну им как *видящим* — есть в теле этом, едином вовек как Мир сам, перейти на бок Силы, каким есть Луна; а на Землю — свершить шаг назад в теле сем как двустранном Одном). Утонувши для бренья, **Х**оз|яева, бывши с **Г**ос|тями одно (как едины и *е́сть* они втайне теперь), в очах сих стали только Гостями (Атланты — Ашвины Индийцам, Ашвины же — Гости), оставшись царить в очах *видящих*: тайный для ока, Корнь вечно питает, и с тем — вечно царь.

440. Мир не зрящие, мним мы пустою Луну. Но она — не пуста! Тьмы миров ее полнят из Глуби, теснясь в Д|ве́ри сей (пункте Веры: ведь Сердце, Луна — Веры д|о|м): имя всем как Хор их — Божий Мир, скрытый в ней как в сосуде Огонь, в части — Целое, Суть. Рек Орфей о Луне:

Много на ней гор, много городов, много жилищ...

Пу|ть-Ни|ть меж Луной и Землей есть **Любви пу|по|в|ина**, по коей миры к нам нисходят, **Сер|еб|ряный Путь**: металл Луны — с|р|еб|ро как второе за солнечным златом: за плотию — Дух, за днем — ночь как за Ф|еб|усом Вакх, за Адамом-корою — Глубь-Ева, Ребро. Нит|ь Маг|нит|а, Луны, Путь **Сере**|бряный сей — **Тир|с, сто|лб-Вакх**: путь в **Три**, Мир, и Три сам, как с ним — и ка|дуце|й, тот же Тирс **(**ка — Дух-Тьма (ег.), du|**ce**|**re** — вести (лат.)**)**: Гермес (Тот (ег.)) с Вакхом — в Иное едина стезя, звено связи Сего с Тем. Сребра Путь, Путь сей в существе — **Орихалко-Алмазный, Путь Будды в Луну**, с ним единую: Двойка, сребро — в сути Ноль, Орихалк-и-алмаз **(***сребро с златом есть Это; ал|маз с Орихалком — Мать-Всё, что как То — Орихалк, серебристый очам, а как Это — бесцветный алмаз; и число сребра — Два, золота — Единица, алмаза с металлом Иного — Ноль, Тьма-Не-Число. В мире сем алмаз, злато, сребро — знаки истинной Ценности, бренным деленьем на Мир указуя с металлом его:* ***1*** *←* ***3****; и алмаз, То, ценнейший из трех, покупаем за злато, Сие***)**[114]; Орихалков — сей Путь из Того как Гостей Путь, обратно — Алмазен как наш. **Путь в Мир, Троицу, Тирс — Путь Тройной: он как То есть Одно, Орихалк, а как Это — Два́ он, очам бренным согласны: алмаз и сребро** (столб — средина, вокруг — пара змей, лоз п|лю|ща). Лишь по этой стезе, как струне, летят Гости к нам **(**меж них — Атланты: как Гости — До|мой**)** — капли Глуби, что знают Ее: стезя в Глубь — Глубь са|ма как **машин Любви т|р|а|с|са, гост|ин|ец Гостей с кораблями их, шлях Лунный:** челн — celn — Селен|а; мир внешний, о|коль|ный **(**vic|t|i|nity — о|круг|а (англ.)**)** Нити сей, Тьме-Vict|or'ье — Гостей и машин их лишен, ибо **нет в нем Дождя**. Дождь — Стезя; в дождь уйти **(**как покинул **М**оскву **W**'оланд с свитой своей — на конях, как Ашвины**)** — в Луну взойти Се́рдца стезей, коей есть Путь Сребра.

441. Глубь, Мир вечный, мирами до|ж|ди|т из Луны! И как всяк орган тела, сущ в глуби, имеет на коже оплот, так мир Глуби любой — на поверхности лунной имеет страну-часть свою. Мня пустою Луну, сиречь *нашей вполне* (ведь пустое — ничье: кто вошел, тот владей), мы владенья попрали чужие, ее покоряя как тать; он же

тот, кого гонит Народ. С тем, к успеху в познаньи ее, дабы было оно **покор|еньем покор|ством**, — скажу вот что я.

442. ***Волей Божьей Луна, тело-Мать — тюрьмы-бре́нья Грань. Бог посему запретил ей вращаться в очах наших, То с Сим явив, Тьму и Свет, как Единство и Рознь, Луной цельною. Бренью оплот — сторона, что зрим мы бренным оком, а тайная, зрящая Глубь, Вечность, — ей и причастна, с тем — бренья чужда. Нам не до́лжно ступать на нее, ибо живы мы смертно: то — область бессмертно-живых, царство мертвых, взыскующих До́м свой*** [115] ***(Луна К|ель|там — мертвых планета: для древних — живейших живых, сиречь сущих у Матери, До́ма, и в Бога идущих: с поверхности, умной сердечно как Зал О|жи|д|ан|ья — в Зал|ун|ье-Глубь, Сердце как Жи|знь, в Луне Жи|д|кость). Но зримость Луны нам доступна и дадена. Бог, зная наше стремленье к Луне как сосуду Его с Миром, Хором Раз|ум|ных (ведь Он и вложил, как в сосуд, его в нас), уготовил на ней для нас область по знанью того, что́ есть часть. Область эта для зрящих часть Полной, амерой, — открыта; и, домом имея ее, они ходят (скафандра чужды: воздух магов — Тьма, Сила, души́ А|тмо|с|фер|а, дыхание коею прямо у них; бренный, Силы лишен — дышит чрез ки|сло|род, сло|во-Тьму: gov'орить, речь — Тьму пить) по всему лунну полю со всеми, кто видит: имея дом свой, так мы ходим окрест. Таков маг, что, ходя по Луне, гол как Истина, Тьма. С тем, хранит лунна пыль печать но́г бо|сых (б|о|с|ой — живой Ос|ью, Бо|гом как Бос|сом, един с Ней; бос — бас: Дьявол, Бо́гом сущ как солнцем тень; бос — Бас|ё, Тьмы муж) и кости павших, испитых Луной. Ведь Луна — Сила, ма|г|ов Ма|г|ни|т, что мани́т их Очьми: льнут к ней стаями маги двух знаков; и светлых лелеет любовно она, мрачных — бьет, испытуя на мощь смертью, тенью Любви. Побежденным быть Силой — испи́тым быть: Сила,***

Вода — слабых сушит, изъемля С|еб|Я (как оружье богов сушка (санскр.)), плод чего — кости бренны, остаток сжиганья: Вода, Тьма — Огонь. Так сушил врагов по|сох вишневый, оружье волхвов: вишня — Вишну, Луна; суши|т — сущи|й: берет Воду, Я, да|бы бы|ть. Силы ради — ход магов к Луне: поиск входов Воглубь — врат-колодцев, подобно в Аид входам, многим, струяIим Жар: корка ЛСны — печь-гор's|ok, top'ка горня; Глубь — Огнь 2 ней. То — Блага Огонь — не жар адский. А|ид — «невозможность Ид|ти» — нуль Движенья, облаток злой бал; Глубь Луны — Ид (что мнил под|сознанием Фре|йд как не Глубью, Стезей, но дном — стенкой как ходу препоной): Движенье как Суть, кою маги взыскуют как Тьму, Суть свою. Тьмы кол|одцы, как выходы Силы, круглы, точно кратеры, в зрячих очах, — плод удара из Глуби; во|рон|ки ударности внешней — и видом ины (к|Ра|тер Грекам — сосуд для вина: Вино — Глубь с Богом в ней как Я|дро|м, кратер — в Глубь дверь, ход к Ра). С тем, у кратеров, лунных кол|ец, две причины: сторонний огнь и Нут|рян|ой; и по виду одни — удар внешний, другие — удар Глуби, Выброс. О выходах Силы на лунной поверхности сказано:

> ***Инфракрасные наблюдения, проведенные во время полных лунных затмений, выявили сотни необычно теплых пятен; как правило, они совпадают с яркими молодыми кратерами.***

Вкруг входов-колодцев, столбов Силы-Тьмы из Луны, маги — что мотыльки вгруг огня: каждый жа|ждет Войти и припасть к Сердцу Силы. Лишь добрый Войдет, злой же — в Силе сгорит: Благо — благу она, а злу — Зло, победить кое магу нельзя как Причину; с ней биться — разбиться о Сердце свое, коим есть нам Луна. С тем, покрыта Сел|е|на кольцáми s|cele'тов (скелет, плоти к|ос|т|ный кар|кас — с ней един: он есть тело за вычетом Силы, Луны; скелет — с-Кельт: Кельты, лунный народ, были Силой, Луною, сильны; не питаемый ею

— без плоти скелет: со|ма, плоть — Луны-Ма|тери дар): чер|ных магов, что в Силе сгорели вкруг цир|ков ее, при стене о|гнев|ой сутям Зла.

О Луне, Голове-Глуби, в Духе зря, пишет П|латонов (Лато|н|ов: муж Лето, Луны-Тьмы) в рассказе о странствии к ней человека в снаряде. С пути сообщал он:

…Я обнаружил кругом электромагнитный океан. (…) Приборы фиксируют напряжение среды в 800 тысяч вольт. (…) Луна надвигается. Напряжение 2 миллиона вольт. Мрак. (…) Пучина электричества. Приборы расстроились. (…) Тучи метеоров. По блеску — это металл, по электромагнитным влияниям тоже. На больших метеорах [= НЛО?] горят свечи или фонари, горят мерцающим светом. (…) Среда электромагнитных волн, где я нахожусь, имеет свойство возбуждать во мне мощные неудержимые бесконтрольные мысли. Я не могу справиться с этим нашептыванием. Я не владею больше своими мозгами, хотя сопротивляюсь до густого пота. Но не могу думать, что хочу и о чем хочу, — я думаю постоянно о незнакомом мне, я вспоминаю события, разрывы туч, лопающиеся солнца, — все я вспоминаю как бывшее и верное, но ничего этого не было со мной. (…) Только что вернулся с отвесных гор, где видел мир мумий [дом Сфинкса, Египет?], лежащий в небрежной траве... (…) Все ясно: Луна в ста километрах. Влияние ее на мозг ужасающее — я думаю не сам, а индуктируемый Луной. Предыдущего не считайте здравым. Я лежу бледным телом: Луна непрерывно меня питает накаленным добела интеллектом. Мне кажется, мыслит и снаряд и радио бормочет внятно само собой. (…) Луна проходит мимо в сорока километрах: пустыня, мертвый минерал и платиновый сумрак. (…) Луна имеет сотни скважин. Из скважин выходит редкий зеленый и голубой газ... (…) Из некоторых лунных скважин газ выходит вихрем: стихия это или разум живого существа? Разум, наверное; **Луна — сплошной и чудовищный мозг**. (…) Иду в газовых тучах лунных извержений. (…) Луна подо мной. Моя «бомба» [снаряд, челн] снижается. Скважины Луны излучают газ. (…) Скажите же, скажите всем, что люди очень ошибаются. Мир не совпадает с их знанием. Видите или нет вы катастрофу на Млечном Пути: там шумит поперечный синий поток. Это не туманность и не звездное скопление... (…) «Бомба» снижается. Я открываю люк, чтобы найти исход себе [в Луну-Глубь как Исток свой?]. Прощайте. (Выделение и слова в скобках — наши — Авт.)

О скелетах на лунном лице пишет пресса:

Американская газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала сенсацию: на Луне обнаружен скелет человека. Такая сногсшибательная новость не выглядит обычной газетной «уткой», поскольку солидный орган ссылается на признанный авторитет — ведущего китайского ученого. // А отвергать этого ученого с порога нельзя: именно Мао Кан зимой 1988 года привел в шок весь научный мир, опубликовав на конференции в Пекине фотографии босой человеческой ноги на лунной поверхности. И заявил при этом, что получил эти снимки «от надежного источника в США». По словам Мао Кана, снимок скелета — из второй партии фотографий, полученных от того же источника. //… // «Американцы замешаны в сокрытии тайны глобального и, возможно, преступного характера, — заявил Мао Кан. — Они скрывали от общественности снимки следа человеческой ноги 20 лет, а снимок человеческого скелета — еще дольше. То, что найдено на Луне, является ошеломляющим фактом». // Это заявление стало ударом для космических и разведывательных служб США. Они наотрез отказались комментировать его настырным журналистам. Один из экспертов разведки стал даже скрываться после того, как репортеры осадили его в одном из ресторанов. Другие службы тоже ни единым словом не прореагировали на это обвинение даже после того, как китайский ученый сообщил, что располагает более чем 1 000 фотографий НАСА с отпечатками босой ноги и скелетом на Луне. Но примечательно, что, отказавшись комментировать это сообщение, никто из американских ответственных лиц не решился его опровергнуть. // …современная космическая оптика позволяет рассмотреть даже мельчайшие детали. И они делают эту историю еще более загадочной. Так, человек, скелет которого изображен на снимке, судя по всему, при жизни носил джинсы. А поскольку у скелета не хватает некоторых частей, смерть этого человека была насильственной. Можно предположить, что его убили в другом месте, а потом уже, значительно позже, перенесли на Луну. Если бы он был убит на Луне, сохранился бы не скелет, а целый труп: в безвоздушной атмосфере Луны разложение тканей невозможно. // Можно строить множество догадок, кто был этот человек и как он попал на Луну. Невольно вспоминаются многочисленные слухи о людях, похищенных инопланетянами и исчезнувшими бесследно. Но не располагаем ли мы уже сейчас подступами к этой загадке? Во всяком случае, доктор Мао Кан уверен в этом и объявил на весь мир: «Я располагаю документами и письмами, доказывающими, что след человека на лунной поврхности был свежим и что скелет, бесспорно, принадлежит человеку. Вопрос в том, каким образом человеческий след и человеческий скелет попали на Луну. Это объясняется, очевидно, вмешательством внеземных живых существ, однако мы этого никогда не узнаем, пока американцы не

сделают достоянием общественности всю имеющуюся у них секретную информацию».

Часть как Полность, Поход всей Луной — магу есть часть Земна на Луне. Бренным нам, зрящим Розни очьми часть отъятой от Целого (сиречь пустой — Полноты не имущей как Мира Внутри), область эта безвыходна: в ней прилетевшим быть можно, вне — нет[116]*. Область эта — невежд т|р|юм, во|ль|е|р эгоистов: лишь Ве́денье, Дар выше стен как Граница Себя.*

443. *Область эта, оплот наш Земной на Луне — место то, куда верхним концом в|пер|ен Вакхов тирс, нижний конец чей есть Полюс как Севера центр на Земле. То —* ***макушка Луны****, что с макушкой земною касаньем едина как* ***центр поля зримой Луны: главный пункт очам нашим, ведь зрит глаз от центра к краям****. Область лунная наша имеет вид правильного (равностороннего) треугольника с наибольшей на лике Се|лен|ы светимостью (явной впо|лне в полнолуние), коя, как* ***наибелейшее в белом****, согласна очам нашим как наисродное им: Огнь как Суть их; так бренья суть — Огнь-Белизна, Ум*[117]*. Она треугольна, поскольку, как суть, треугольник есть первой, простейшей фигурой, единой для сферы и плоскости*[118]*. Луна есть шар; взор наш — плоскость; Три — их единит (и в глазу человека рецепторов зренья дневного — три). В мире земном, где очей бренных столп Свет как Ум, — зоны Силы, Тьмы (кои зовем аномальными мы) треугольны постольку ж, но — тайны очам, ибо в мире сем Свет смешан с Тьмою (вращенье Земли — сему знак). На Луне же, где в розни они, богоданную область свою зрить дано нам, в чем Промысл Творца. О сем месте речется:*

Загадочным представляется открытие, сделанное при изучении снимков района небольшого кратера (зоны с оградой, вольера — Авт.)

Укерт. ***Этот кратер, имеющий почти правильную треугольную форму, расположен точно посреди видимого с Земли лунного диска****. На снимках хорошо видна остроконечная возвышенность – «Пик», вздымающаяся над поверхностью почти на 2,5 километра. По мнению ученых, учитывая систематический «обстрел» поверхности Луны метеоритами и разрушения в горных породах, которые возникают из-за резких колебаний ночных и дневных температур, естественная возвышенность не могла сохранить такие четкие очертания. // Специальная компьютерная обработка снимков «Пика» и еще одной лунной возвышенности, получившей название «Башня», которая поднимается над поверхностью на высоту 11 км, заставила руководителя «Марсианской миссии», бывшего сотрудника NASA профессора Ричарда Хогланда сделать следующее заявление:*

– Поверхности, максимально отражающие свет, находятся не снаружи этих формаций, что было бы логично, если бы это были естественные скальные образования, а внутри! *Наши исследования позволяют предположить, что мы обнаружили какую-то искусственную конструкцию из материала, который накладывался слоями для получения требуемой геометрической формы сооружения… Это наследие культуры, значительно более просвещенной, чем мы сейчас (выделено нами — Авт.).*

Путь от области сей до Земли в очах Сердца — прямая, стезя наикратка; в Ума — то спираль как «улитка» (Шар|гей-Кон|дратюк): ***стезя Феба кривого как в сути столб-Вакх, стрела в Мать****. Так, в немудрых очах путем длинным ступая, в бла|жен|ных — шел к Истине, Богу кратчайшей дорогой Со|крат, Блага муж.*

444. ***Лишь на эту-то землю мы вправе ступать и быть в ней, а иных — не касаться как зон Тьмы, где может быть всё и погибель вернее, чем в нашей, — тогда как в своей, равно|сильной Земле, все условья как в доме у нас***[119]***. Длиться строгости сей до вступленья в волну Восхожденья, Любви, где смотрение сменится ви́деньем: Силой — бессилье; и мы, чрез сие часть изведав, освоим Луну целиком.***

445. ***Дни вступленья на лунную твердь, Небом данные нам — полнолунье, а также 10-й, 11-й и 12-й дни после него (в двуразрядности***

полной — 00 → 10 → 11 → 12). Полнолунье есть истинный Вход, Ноль, порой чьей Луна зрима вся как Одно́ очам, и треугольник на ней, Дверь, горит наиявственно; дни ж прочи — цельная тройка, единство чье в том, что Десятка — суть Мир: в Бога Путь и Цель сам (ведь Цель — Глубь: Бог-и-Мир) как Одно без возврата, Один-Ноль, — ведь и́мущий Цель не прейдет, не вернется (с тем, в день прилетевшим Десятый — назад лететь до́лжно в иной день); 11 — Путь, где одна единица как суть — путь Вперед, а вторая — Назад (и 11 — Феба число, с ним — машины, что первой, неся нас, дошла до Луны и вернулась; Феб — Вакх в существе, тир|с в Мир-Три: столб Ноля, Лунной Тьмы, в плаще Двойки, трубы Реке этой); 12 — Очей число: ви́денья, коего ради сущ Путь (и числа сего сумма — Три, тирс: ход во Глубь — Очей ход).

Ю	Р	И	Й		Г	А	Г	А	Р	И	Н
1	2	3	4	12	5	6	7	8	9	10	11
О	Л	Е	Г		Е	Р	М	А	К	О	В

Два последних числа — Солнца цикл как явь Глуби, Огня, что, дыша, зовет нас (так гаплоидный пул хромосом, 23 (11 + 12) — половина как Целого зов стать Одним). В полнолунье как Ноль войти нам — в свете лунном сгореть недеянно, Войдя целиком; в тройку прочу — войти половинно, как входим обычно мы: Ноль — суть Бог-Дух, Три — Мир-тело, пол-Бога как образ Его, Бог телесным очам. По|л|о|в|ину познав — сей ступенью шагнем в Пол|ноту: Миром — в Господа, Суть. Отношенье сих чисел, Врат Духовных к телесным вратам — 1 : 3, рознь оче́й бренных, Дьявола дюжина, коей Бог кажет Вход: в Истину —

Ложью, тьмой-д|щер|ью, что щер|ится-с|к|лаб|ится как щ|е|л|ь в Люб|овь, Лав|у-Г|луб|ь.

446. *Цель, Путь, Очи — Три цельные. Тьма, Очи — Жизнь, Мать: Жить —видеть; Цель — Истина. С тем, Тройка эта — Путь-Истина-Жизнь: Иисус, СтезЯ наша, числом — Тридцать Три (10 + 11 + 12), Вос|к|ре|с|ен|ье: от бренья восстанем, B'Zoo'йдя. Рек же Он: «Я есмь и Путь, и Истина, и Жизнь, и никто не приходит ко Богу, как лишь чрез Меня» (Иоан. 14:6). Стезя эта — в Луну́ путь; Мес|сия, суть мес|яц сия|ющий — Солнце, Луна-пополам, часть-облатка — не Суть-Полнота; Луна полная, Суть без изъяна — есть Б|уд|да, бог полной Луны: Тьма-Уд-Да, Божий Ноль. Ибо путь есть пол-цели его: кто идет — половинно пришел. Рек же К|е|д|ро|в: «Христос — это солнце Будды // Будда — это Луна Христа». Христос — злато (chrysós — греч.), а Будда — сребро; Христос — Солнце-Луна, Муж-Жена: ради Этого То (бренных ради сошедший в мир сей); Будда же — Луна-Солнце, Жена-Муж: Сие для Того. Путь, Христос — Феб, бог-Солнце с Луною как Сутью; Цель, Будда есть Лето-Диана и Вакх: Феба Глубь; огнь Ни|р|ван|ы — суть Черный Огонь из Луны, в кою зов есть Огонь-Белизна: в Сердце — Ум. Жена-Муж — Тьма, Гинандр; Муж-Жена — Андрогин-Свет. Мир, Тьма-Свет, есть Будда-Христос посему: Тьма и ход к ней. Так в темном романе Bull'гакова (bull — Бык: при Матери Вакх как в Луну шлюз) в Дверь-Ноль Иисус всходит Лунной Стезей: в пло́ти Бог, человека ведущий с Собой.*

447. *Будда — Мир, Цель как Тройка; Христос — Путь в него (ведь Путь — Зов, в Цель влекущий) как Три-пополам, 33 (Путь — пол-Цели), по сущности — Шесть, день наш (с тем, Иисус — Человеческий Сын; день суб|бо|ты — «суб», Глубь: в людях Бо|г); Путь, как меньший, — у Цели внутри. Посему Будды, Мира-Луны, день есть 3 июня, день*

третий (в него Шакья'тоо́п'и родился, прозрел, вшел в Нирвану: в одном — Три) и месяц шестой, дождевой, сущий в Трех как Путь в Цели: ведь месяц — во дне́ скрыт; и тайну Луны в год 2|00|8-й, Лунный год, рек я, в мир сей пришедший в день Будды, имев словом первым с рожденья — «Луна», зов чей мне — лунатизм, коим му|чим был я в 28-летье мое, число лунное бренья: Луна — царь Сан|сар|ы, змеи́ сего Солнца как бренных тюрьмы кольцевой.

448. *Зов — Христос. Зов — Сократ. Смертный бог, с Человеком бессмертным, Христом, он един: Сердце, Тьма-Сов|а — оба; погибшие, оба воскресли, как в Сердце, в Луне.*

449. *Оба Светоча сих Путь нам кажут в Луну: Мир обрящем в ней мы! Он — Суть наша жива; за него, Любовь Божью, пьем третий мы тост. Штурм Луны, совершась, был захват иль атака военна, — а до́лжно покорством Войти нам: покорство — Любовь. Тьма-Любовь, Луна — Истина, SAT как Земли SAT|el|lit|e: Глубь — Второе. Глубь был и наш Спутник земной: ради Вечности — труд бренных рук; и Луна — Спутник Божий, а Спутник — людской. Длани встречные эти, Глубь — оба, что станут Одним чрез вхождение наше в Лун|у как в Ва|л|ун, Ка|мен|ь-Мир, парный Богу, как парен Корове Бык (Вол).*

450. *Вход в него, Луна — Лоно, что кличет в себя как Цветок (к'Vit'ка — укр.), мед очей. Рек Ба|с|ё:*

Может ли кто из людей запечатлеть взмахом кисти или исчерпать словами небесное искусство Творения! Танка Сайге, рэнга Соги, чайное искусство Рикю [Рекú, Мира — Авт.] — их Путь одним пронизан. Это извечно Прекрасное (Ф|у|г|а). Кто следует духу Творения (Дз|ока), становится другом четырех времен года. На что ни смотрит, во всем видит Цветок [Очи, Тьму — Авт.]. О чем ни думает, думает о Луне. Кто не видит во всем Цветка, тот ди|кар|ь. У кого нет в сердце Цветка, тот подобен з|верю. Изгони из себя дикаря, освободись от зверя, следуй духу Творения и вернешься в Него.

Путь Возврата сего (До — Путь (яп., дзен)) есть Ка́|до — Цветка, Духа Путь (Ка — Дух (ег.) и Цветок (яп.); отсюда — ми|ка́до, вожак-царь): Путь Лунный, что в оке блестит серебром.

451. *Что́ есть он? Шаг. Ведь тайна Луны — тайна Шага. О нем сага — наша исторья. В дне — жизнь: зривший день — зрил дни все; в шаге — путь, шагов полность. От лжи шаг есть Истина нам, как от Мира шаг — Бог, с Коим мы, Мира по́лны, стоим голова к голове: ведь Шаг к Богу — Мир сам, к Цели — Путь. Так и я, книгу эту писавший, соткал из про|сто|го ее, зря окрест,* ***в шаге ока*** *— просто|ра родного, слов слыханых, читаных книг. Шаг свершить — одолеть-познать; с тем, и шагнул я в Луну, коя нашим очам — лик, что зрит на Восток: Мир — на Бога, зовущий в себя Луной нас. Луна — Глуби лик, Я|вь; она ж — маска таящa, личина; сих оба,* ***Луна — лик-личина, лицо****: Одно-многость, Ноль-Два. Лицо — женское это: Глубь — Мать, стезя в кою Вакх, Сын; на Луне лицо — Матери лик. О лице этом пишет А|ге|сиа|накт:*

> **Вся [луна] по окружности сияет огнем, а посредине**
> **Виднеется как бы глаз девушки, темно-синий,**
> **И гладкое чело; что вполне походит на лицо.**

Приводя строки эти, Плут|арх, муж Очей («власть Богатства», Тьмы: Тьма — Очи), пишет:

> *…те, кто имеет плохое и слабое зрение, не замечают на луне никакого разнообразия фигуры, и луна сияет для них, как гладкий и полный диск; а напротив, те, кто обладает сильным и острым зрением, лучше различают подробности, разбирают черты лица и яснее схватывают разнообразие.*

Зрящих в сем случай пустой вопрошает он:

> *…каким образом только на луне море отражается как лицо, почему его не видно ни в одном из столь многих светил, хотя разумно*

было бы, чтобы зрение испытывало это действие или ото всех светил или ни от одного?

«О лике, видимом на диске луны»

Лик сей, Мать, из морей соткан лунных, о чем говорится:

Лунные моря, под которыми лунными спутниками обнаружены более плотные, тяжёлые породы, сконцентрированы на обращённой к Земле стороне *из-за влияния гравитационного момента при формировании Луны.*

В ином месте о том же:

***По непонятной причине* лунные моря сконцентрированы на обращенной к нам стороне Луны.**

Луна — в Ми́р шаг (и первая речь на Луне человечья — о Шаге: как Мир, полнит он), Мир же — в Бога; вошедший в Луну — Миром став, к шагу в Бога Gott'ов.

452. ***Знанья шаг — Шаг едино Воглубь и вовне: ведь един Божий Мир, То-и-Это, Тьма-Свет; вниз и вверх путь — един. Шаг Воглубь, Мир — Единство; вовне — Мир как Общее наше, Хор-многость, в какой мы и Гости — СемьЯ, Жизни Круг, что изведать нам до́лжно, ведь ныне не знаем его, а узрим — на Луне.***

453. ***Луна — Глубь-Тьма, Еп (греч.). Сего на знали Sta'ты, манимы к Луне (в сути — в Мир, Тело Ста, Луны Суть) как к покрову покров, к Уму, корке Луны — ум, кора. Вел их К'Еп'не-Ди, зов чуя сей: ведь кеп — конь, коим был сей Ашвин, Дж|он как го|н к Луне-Go, ска́чка жа́рка с Россией на|пере|гон|ки; слуга Мира, Коня, смерть, как Л|и|н|ко|льн («ли-ин» — ток Воглубь: ко Лун|е, в Мать), принявший как чёрну мед|аль за Служенье свое, и служил он — Луне. Ибо был он муж Сердца, что зрил Пол|но|ту в том, что зрит умный мир пол|о|виной — собою, Умом (с тем, портрет Джона Кеннеди и помещен на 50-центовой монете, сиречь полудолларе: так очам бренным Луна — полу-Солнце;***

ней|три|но, корпускула-Мир, по де Б|рой|лю так — полуфотон, Тьма в пол-Света). Разрядка, как горизонтальное благо (плод встречи на Эль|бе: Эль — Бог), кое дали нам он и Х|ру|щ|ев — плод порыва их общего Ввысь: ***Сердца горнего штурм страстью двух сих сердец*** *(и сподвижник Хрущева тогда — Кел|дыш («кел» — «сел», Сел|ена), науки столп нашей, дыш|авший Луной, Душ|ой душ). «NASA! НАША Луна, а не чья-то! Не делятся сердцем своим!» — сказал Кеннеди, s'Ту|р|м начав лунный Америкой всей как ход в Высь.*

Слуги Сердца. Хрущев и Кеннеди

Ибо ***космоса штурм жаркий — был гонкой лунной: Луна, Риз|а Бога, была П|риз его, что Москва проиграла недаром: Второе во бреньи, тьме Отчей — Мать, град чей она, что придет на Луну как Домой****. Сердце — царь: ведь Царь — Бог, Сердце Мира. Царем полным (не президентом-Умом, де|мок|ра|тьи не сущей столпом как психеей на|мок|шей, пустой) и был Кеннеди, о коем сказано: «Сочетанием интеллигентности, богатства, красоты, успеха, власти и счастья Кеннеди воплощал в себе надежду,*

желания и иллюзии миллионов их соотечественников», — и некто верно заметил, что «американцы никогда не были так близки к монархии, как при Дж|оне и Дж|еки Кеннеди». Сердцем был муж сей, живя через боль: ведь бо|ль — Сердце как личности Суть (и читаем о том в биографии: «В ноябре 2002 года были обнародованы долго державшиеся в секрете медицинские отчеты. Болезни Кеннеди оказались много серьезнее, чем полагали ранее. Он пребывал в постоянных мучениях от сломанного позвоночника, несмотря на неоднократное его лечение, в дополнение к страданию от серьезных пищеварительных проблем и болезни Аддисона. Кеннеди приходилось делать инъекции новокаина перед пресс-конференциями, чтобы казаться здоровым»). Сердце щедрое, был он застрелен Умом, Быком злобным (Ли Ос|вал|ьд) за Сердцу Служенье, Луне как Ос|и: Сердца большего — нет. След ее зрим в трагедии сей: О|сва|льд — Сва, Луна-Мать, верен коей был Д|жон. Зов ее был при нем Ме́рлин в юбке (ведь муж сей — Жен|а) как Мо|гое: Луна, что торит-рое|т Вглубь; Джей Эф К|ей — к Луне ключ в Д|лан|и сей. NASA труд Конный (кони, Ашвины — НАСА́тьи), Америке главный в суд|ьбе ее (Суд — Ум) — полёт в Два (не в Ноль, Тьму-Крыла́) как ка|сан|ие сути своей: двойкой — Двух) был посадкой NA SA|T, на Луну, — а не U SA|T, как велел Бог, Цель выСШАя сущих, фамильей столпа сей страны сказав строго: «не Ди!», сиречь «не Два — Одно, не облатка, но Глубь» (чего муж этот сделать не мог, знак чему — Аддисона болезнь у него: Ад-Ди-сон — скрытье Двоицей: сном — Я|ви, Тьмы); и пометив S|el|еп'у-Луну нам как Вход буквой S как Z'меей S'ер|ебра, коей венчан S'ократ, Сократ|итель Пути стать S'о|б|ой (в сути — Вакх, столб Ноля в плаще Двух, дух-Незнайка, в Луну лоз|а-лаз)[120], с ним — Ser'на|н (при рожденьи — Черн|ан), кто гостил на

Луне, Се́рне Бога (Козе (лат. Causa — Причина), чей Сын — Вакх, Связной), дольше прочих и дважды: в раз первый — Луну облетев до Армстро́нга как Ноль перед счетным Одним; во второй — замкнув строй Лунной миссии: Двойкою — Ноль (муж сей славный — 11-й человек, сын Земли, на Луне, на поверхность сошедший ее в декабря день 11-й, в походах по ней проведя 22 часа, сиречь Одиннацать Дважды как Солнца число: Солнце наше — Луна, Мира г|лаз, Глубь как Огнь (22 кг Луны, «Аполлоном-11» взятых, есть знак его). Так, муж кон|ечный, игрою числ он повторил дату гулкой кон|чины Кон|я Лунной миссии США Дж.Ф. Кен|неди — день 22-й, Солнца-Мира, Коня день, и месяц 11-й 1963 года, Декады как Мира того ж. Астронавты — к'en'tavr'ы своих кораблей: без сего не чтить Тьмы им, Луны не видать. За то любит их Тьма, Мать Служа́щих. Тьмой мечены все, кто гостил в сей полет — Ser|nan, Eva|ns и Smi|tt: Smi — Лак'smi, сме|лых Огнь Мать-Корова (дворец К|нос|ский чей — отрыл E|van|s), Любовь, бренных Гость). Шаг, свершенный Америкой, был не Вперед Шаг — Назад, важный тем, что сих два — шаг один, в чем победа страны сей Шагнувшей — воленьем Тьмы, Ew'ы: Победа, греч. Ник|а — Она, Ник|та, Н|о|чь (греч.), Но|ль, Оч|и творящи. Шаг этот об|ра|тный — суть Се́рдца сон, с|т|он его: Ум, с|пе|л|ен|авший Кры|ла́ (в Луне серо-зеленой не Мир зрить дающий, но дол|лар, подделку под оный: Дол — Ум, Сердца лар|ь: Вакха (греч. Bakchos) — «бак|с»). С тем, за|кры|вшим путь Ввысь сей стране, стране С ША|гом, отменою Лунной программы, был Ник|сон — сон Ник|и, Ума́ Ум (кому Water|gate стал забвенья вратами: водой, где он канул), повитый вьет|на|м|скою тьмой (Ум Ума — вьет на М|ать, Суть таит) ан|ти-ти|рс, Пути рез|атель злой, что Америку с нос|ом

оставил (санскр. NÁSA|A — нос): с буром в Суть — без Предмета его, ради коего со́здал бур сей Эй|зен|ха|у|эр Два|йт — Тьма-Два, Ум, тень А|двайт|ы, Ноля, коим есть Луна-Мать, спящих Сон, Нос, град чей NA|SA|R|et (град на Шаре, Луне). Тайны Лунной не ведают Штаты, не знают: ходя по Луне — свое сердце топтали. Но знают они: Тайна — есть, — в чем их главный у|спех. Знать сие — не делиться ни с кем: Глубь, Монаду — разре́зать нельзя на куски как Любовь, коей есть Она. В прессе читаем о том:

29 апреля 2008 г. Глава Российского космического агентства Анатолий Пер|мин|ов заявил, что США ответили категорическим отказом на предложение России по осуществлению совместной лунной программы. Перминов сказал, что Российская Федерация была готова объединить с США научные и технические ресурсы для исследования Луны. «Мы были готовы к сотрудничеству, но по непонятным нам причинам США ответили отказом на наше предложение», — сообщил он.

454. ***Ум — суть плоть, Сердце — Дух. Шаг Америки главный — был умный полет на Луну: от Огня угли ме́ртвы. России шаг книгой моей — полет в Духе сердечный, принесший Дух, Жизнь. Кто взрастит дар сей, кто плод пожнет? Единицы, чьи жаждущи очи откроет Любовь, книги Груз. Мир Землян же как многость, сущ в розни, взрастит семя в Плод, лишь войдя семь|ей тесною в Космос: любовно — в Любовь, без какой все открытья мои — звук пустой.***

455. Люди, жаждем мы Истины: где дверь в Нее? Учат древние: дверь одному — везде как **Луна в сердце у нас**: где Нашел — там Входи; дверь для многих, ко|лон|ной идущих ко Лон|у сему — Луна та, что горит в *общих* всем небесах.

456. Луна — Дверь, Луна — Ключ нам: ключ к Миру, от|мыч|ка: Любовь, Тьма-Корова — мы|чит; от|мык|ать — отрешаться от мук|и: свободу от плена стяжать, горе|мыч|ных стези. Мир — Мы, Хор, в Луне сущ; полет к ней — При|ключ|енье.

К|люч — С|луч|ай в миру, что в ошибке нам дан. На ком|пью|тер|е, спутав латиницу с русским, Читатель, набей корень «лун» — выйдет key, «ключ» в английском: имущим Луну, Ключ во Глубь, — всё о'кей, Тьмою сильным; «луна» ж — key|f, «услада»: Вошедший — блажен **(**Кей, дед Феба — Огонь-Глубь: Луна, Лето дом**)**. «Цун», корнь лунный, так — wey: way, Путь наш в Глубь, Луну; «рун» — hey: Гея, Земля, Рун Доска как Глубь та ж. От «лун», key — «рун», hey (Р ↔ Л): Земля — от Луны как Причины своей (зря за Два — Ноль, Монаду, Суть их). Гея, gey — «пун», Пан, Тьма: Гея, Мать. Так, с ошибкою «ум» — ev: ума — Се́рдце Суть, Ев|а-Тьма; «уд» — el, Бог, Стержень наш, как с Ни|м Мать; «муд» — v|el: в El стезя Вел|еса, Муд|рости шлях: vel — к Вел|ичью вёл; «сут» — cen, Сен|ь-Цен|ность: Луна как Глубь, Сут|ь; «мул», Тьма-Корнь (мула — санскр.) — vek: Златой, Лунный; «душ» — lei: Лей|ка Господня, Душ душ, Лунный дож|дь **(***Lei|che — песнь Тан|гей|зер|а чё|рна, Вода***)**; «рук» — Her: Мать, Божья Длань держит нас из Луны.

Удивись же, Читатель, о|быч|ному Чуду сему: то — Луна! Глянь: на **c**|la|v|ia'тур|е, латинской иль русской, **С**елена, очей наших **C**|**ENTER** — **С**обой есть недвижно как кнопка одна.

457. Луна зрима, Луна — Тайна нам, имя коей — Любовь. На планету ее не с любовью пришли мы — с враждой. Лишь с любовью придя, в Луну вступим как в Мир мы, мирóв Хор, и с тем — в хор Антропный, занявши в нем место свое по закону Любви.

IV

Вот чтó есть сердце наше Внутри: оно — Бог, Мир — оно!

С сим вернемся вновь к сердцу и Духу как Тьме, Силе Божьей, из Глуби идущей вовне. Струясь в тело, покров тленный свой, Сила эта являет Бог|атство Сердечное, коли, чиста, грань меж сердцем и телом не застит сей Т|о|к. Запятнанье ее — отход наш от Себя: Бога, Я, — и паденье в пасть мрака ко Дну, область чью, Дну согласну как грани последней, зовет адом мир.

Ад как суть не постичь умом бренным, не зрящим **себя**: ведь **ад — он, Ум Ума, Рознь, тень Сердца-М|ад, его не чтяща, без Тьмы тьма**. Размерность пространства (как мера свободы) не есть здесь числом простым — меньшая единицы, иль д|роб|ная **(**часть, как не-целое, — суть ее**)**, имеет она континуально стремимое к нулю значение, в чем алогизм этой сферы — дыханье Ноля в лике Двух-Кали, дом коей — ад: пир облат|ок, Мир, порванный гн|ев|ной Женой до конца. Это — область то|т|ал|ь|ного плен|а пелен: сфера-каз|нь, ка|з|е|м|ат без пространства, слагаемый плен|ками Божиих сутей. С тем, ад — «мир с|кор|луп» **(***иудейски — к|ли|п|по́т: лип|ок пот ждущих смерть — ад как к Жизни добавку пусту* ***(****ad (санскр., англ.) — добавлять: пачкать Суть; lip (санскр.) — пачкать: так к|лип|ом, очей рванью, сквернят монаду к|и|н|о* ***(****злым куском — Мир, Кино о Творце: в клипе он — р|ван|ый ван****)****; клип|ать — очьми моргать, рвать взор сво́й: очи видящи, цельны — безвеки, моргать нечем им****)****; с|ур|****ро|гат*** *— монолита му|ляж: Тьма леж|ача, не-Суть****)****)*, коим правит Князь тьмы Сатана (Са|ма|эль[121] — в Ка|б|бал|е[122]). Скорлупа, видность тела пустая, крадя от очей его суть, кажет ад: пир облаток как бал их, царь чей Бэл, бало́в дух **(**бал|да — Бэлу «да»: «Да» — Бог, «Нет» — Сатана**)**. Речь пуста — корки эти: бол|тун — бал|а|бо|н **(**або — или (укр.), рознь**)**; бал|бес — «без»: ум, без Сердца пустой, без Творца Сатана; суе|словить — бал|акать, суд|ачить. Облатки — суть та, что по Ведам есть ма|йя: иллюзья, «не-я» как не-Бог (ибо Он — Я всего): Ть|ма, вторая за Ним. Так за Богом второй — Сат|а|н|а, «парный Истине», Богу: Сата́н каббалистов. Са|т|ат|ися (укр.) — ткани ру|ш|иться: сут|и — в не-суть, п|ра|х. То деет в очах бог скорлуп Сатана, сущих тат|ь.

Зримость бренная те́ла — облатка, очей смертный плен: ведь в облатки тела́ одеваем очьми мы пустыми. В плоти́, где царь мрак (Дну согласна, она Князя дом), зримость вся — лат|ы сутей надменны: кор|а на веща|х, что веща|ть не дает о Творце, Кор|не их. Кор|ка злая сия, к|а́р|а нам, — шел|уха Мира **(***1) г|ад|ость, д|ер|ьмо его: дер|у — с|дир|аю облатку, не-суть, коей есть дёр|ма, кожа*

(греч.), ткань ма|теринска как Два, Нолем сущи: Ть|ма — Бога Покров (шкуры раб — об|скур|а|нт); 2) гов|но, суть не-Мать; 3) кал — плод Двух, Кал|и-Тьмы; 4) вон|ь — облатка: не-Глубь, Глубь-в|Он; 5) пак|ость — кол|пак-у|пак|овка, никчемный в себе, сиречь му|сор (сор Матери, Му: Два, Ноля шелуха) как об|лат|ки без сути, причастные Небытию, с тем — лишенные в царстве идей архетипа: идеи — бытийны; 6) факт — ву|аль, на Сути фат|á: щеголь, пуст — фат; 7) пл|евá, плен|ка — то, что плен|ит Глубь: плева|ть — отделять вон; 8) пыль Мира: Тьма — божья П|ил|а (данник коей — Пи|лат, муж лат|ин|ский, Пилы сын[123]), что пил|ит, пыл|я, вещи в прах (пыль веков как с|піль|нóту (укр.), ворох частей без единства их: время есть тьма), точит их как Вода: Пила — «пил», «пить»; «пыль» («пыл» — укр.) — «пыл»: Тьма — Огнь. Облатки — кол|ичество: то, кое кол|ет сердцá и дер|ет, творя др|янь, др|ань, дом коей — Ква|дрá|т пустой) как индивида оплот: фактор Тайны в очах, не дающий зрить суть: зря облатки — не *видим* вещей. Ведь, духовная, вещь — частный свет, *бытие-в-отстоянии*: быть — есть сиять в очах мысли (как Сéрдца: ведь Мысль — оно), слитных с очами плотú (как Ума: плоть — суть он), и кто их сопряг — *видит*, и взор его — Дух. Тело, плот|ь как конкретность, не-Дух, — частный мрак, *отстояние-без-бытия*: зримо в свете стороннем, оно не льет свой, относясь к вещи так, как план|ета к з|везде (*план — суть плоскость; з|в|ез|да — суть Объ|ем, Дух как Сущий В|езде[124]: Цикл, что едет в Себя без конца; зве|зда — зве: зо|в|е|т (укр.) как цель; свет, огнь — зовет как завет и совет*). Лить свет свой — есть сиять солнцем Бога, Огнем Изнутри; отраженный — сторонним огнем Сатаны. Чуждо Господа, бренное зрение как сей последний — тела в отстоянии, розни без Клея-Единства: смотренье — без *ви́денья* как слепота очей Духа, но и — как ступень в я|сно|сть их, чтоб, взошедши, нам *видеть*; и *виденье* вместе с вещами есть первая, истинная реальность («ре|аль|ность» — от res, вещь, суть то, что как огнь от Огня Бог от|рез|ал от Мира для ока: ведь Мир — Огнь); смотренье с телами

— реальность вторая: иллюзия, ложь. Очи *видящи* — вечны, смотрящие — т|ленны. Для *видящих* тело и вещь есть одно: ведь смотрящий — не *видит*, а *видящий* — смотрит к тому же, смотреньем владея: Враждою — Любовь. Ведь Вражда, Ложь не знает себя и Любви; Любовь, Истина — знает обеих, царя над Враждою[125]. В том — *ви́денья* суть и смотренья: смотрящие очи — Вражда, зряща корки без сути, — с тем, слепы они; очи ж *видящи* — очи Любви, кои *видят* и это и то; и, поистине, *виденье* есть Мифа взор: нуменальный — не феноменально-смотрящий; зрит он не со|бытия, тени Бытья, с ним со|вместные как то, чего в сути нет, — но само Бытие, **Жизнь как Суть**: то, что было и будет, — вед|ь Есть. Оба взора в единстве — суть Тьма, Очи сущих, Любовь-и-Вражда[126].

Бестелесна, вещь — первая фор|ма, оперта на Глубь — не на внешнее: так, сущей Богом, душе нет во пло́ти нужды как причине во следствьи ее. Тело — вещь в путах формы второй: оболочки, вещь с коею — тело, суть тьма; «тьма вещей», мир сей бренный — тьма тел в бездуховных очах: душ невольных, угасших свето́в. Ибо вещь — суть душа́, что в себе (*d|i|n|g an sich — (нем.), огнь не|от|сеч|енный, единый с Истоком своим*) — Бог, Свобода сама (рек Кант); в розни же с Ним — посему *не в себе*, — ду́ша капля Его, она вольно-нево́льна (Плато́н рек), и Бог — ее воля, а тело — неволя ее. Вещь — душа есть невольная, пленница брения-Зла; душа вольная — Дух, Благо-Бог; ду́ши верных Ему — невещественны. Тело — вещь в яви; вещь Втайне — душа. Вещ|и вес — дань слипанью со тьмой: как душа, невесома во бреньи она, как плоть — весит. Душа как не-тело — Одно; вещь, — единство-и-многость: едина, она есть душа, многа — тело. Промежна сим двум, **вещь есть тело-душа; и тела́ — вещи бренных очей, вещи горних же — ду́ши** (*річ (укр.) — «вещь» и «суть» (душа) ра́вно. «Ця річ» — эта вещь (= предмет); «в чому річ?» — в чем суть-дело?*). Душа есть Одно; тело есть Пол|тора: цельность, скрытая частью своей, как хвостом — сути шар. Рознь смотренья и *виденья* в том, что смотренье зрит вещи как плоть

имманентну, Зло («Я — Это»), *виденье* ж — вещи как души («Я — То»): Благо — в Зле как покрове, чей Благо есть корнь.

Оболочка есть слой бестолщинный, *бесслойный*: иметь толщину — быть в очах, оболочки ж бытья лишены. С тем, чужда и телесность им. Они не есть элемент нам известный, не связь их, — но плотность и тяжесть как чистые сути. Облаток дом — ад, дом бытья их без тел. При явлении вещи очам преходящим она получает согласную ей оболочку из сосуда-ада, родясь в них как тело, бессутность. С тем, ад — главосек-умалитель, творящий пустышки в очах из вещей: esse — percipi, быть — оку зриться. Сосуд не пустеет сей: храня константность образчика, он шлет (очам ли, вещам — все одно) то́чны копии ор|и|г|ин|ал|ов, слагающих черное тело его[127].

Ада суть зрима нам в речах Фомы Аквинского о трех родах сущих форм, именуемых универсалиями. Из них уни|вер|с|а|л|ия, сущая автономно от вещи в божественном уме — universale ante rem, есть образчик, каким движим Бог, вещь творя как монаду, одно. По учению, Он созидает ее из ничего — с тем, субстанцией вещи, таимою оку, есть Небытие: Надбытийное как Пустота Демокрита, объявшая атом «творца»-Бытия — Нуса, коим есть Бог Фоме вслед Стагириту[128]. «Ничто» это, кое Господь ложный сей, не постигнут Фомою, бесправно как глину берет для работы извне, — Тьма пред Господом, чистым Иным, Сутью Тьмы, Кто творит Тьму Свою, Небытье, с Бытием заодно (как Тьму-Свет — Пару-Мир: Огнь, в себе Черно-Белый); за Богом же в цепи причин как одном-за-одним — Небытье Бытья старше, впрямую творя и объемля его. Корнь-то сей, Светом правящий властью Причины, равно́ и родящей его, и таящей, объемля извне-Изнутри, — есть и Глубь вещей, Черный Огонь (как суть Белого, коими есть они как бытия-в-Бытии и светы-внутри-Света), и их оболочки как сущность количественной материи, «слабейшего вида бытия», по Фоме. Глубь вещей, он есть Ноль, Монолит, оболочки ж — Два, Рознь. Ум, вмещающий их как Диавол, дух Зла, антипод Творца в Свете, — и есть адский мир: остров Небытия в Бытии, локус черного в белом как малое Инь в большом Ян.

Ин|ь — Ин|ое, Глубь-Тьма с мягким знаком Жены; Ян — облатка, День-Свет, Я|н|ус-Нус, зрящий в Высь, Тьму как Полность его, и в лишенность Ее — Дно, не-Высь, коей, пуст, есть он сам; остров Инь в розни с Инь-океаном — есть сердце без Сердца как Два без Ноля: нуль Любви, Ума злобного суть.

Князь облаток, Диавол — таящий: скрывает он Бога, Суть. Но Тайна — ма́н|ит пер|сто|м нас: Глубь — M|an|us, Длань Божья. Так воля маню́т арестанта; тюрьма, уча ей (полюс — в полюс противный есть вход: минус — в плюс) — благо: Свобода есть Бог. Тюрьма тюрем, мир Дна беспримерен в науке почтенья Его.

Тьму как Корнь и вещей и их корок не ведал Фома. Но Платон — знал ее. По «Тимею» его, Демиург сущий мир (Бытие, Вещь вещей — с тем и вещи[129]) слепил из матери|и — Матери-Тьмы. Аристотелю ж, чтившему явь выше Тайны, сверх Вечности тлен, была она уж сущим в потенции, жалкой «лишенностью», коею мнил он ее в рознь тому, что материю сущую вел от не-сущей сей; что энтелехии, силы, дающей потенции явь, корнь она у него. Так Причину, учителем чтиму, абсурдно презрел ученик. Небреженье сие **(***волей Тьмы ж: суть аб|сур|д|а — Она: су́|р|а — Песнь, Тьма, а с|ур|ду|с — гл|ух|ой, что не слышит ее волею Д|у|р|ги, Тьмы ж***)** — у Фомы, ему верного, стало ее неузрением как отрицаньем вторым[130] за запретом отца его, первым. Платон ведал Тьму; Аристотель — лишь мнил **(**душу зря в части смертной, а в части бессмертной, а с тем и не зря Полноты сей — Тьмы, Жизни: живым быть нельзя по частям**)**[131]; Фома — вовсе не знал[132]. То законно: Платона суть — Сердце, Тьма-Ве́денье, Ноль, Тьма-без-тьмы; Аристотеля ж — Ум самосущный: неве́денья Двоица, без-Тьмы-тьма[133]. Промыслом Божиим мен|тор П|латон|а — Плу|т|он, бог подземных богатств: Глубь-Любовь — Бог с Очами Его; Арис|тотеля — Арес, бог Розни[134], слепцов поводырь **(**и Платонов союз в языке, повторим, — «и», со**у́**тель сердец; Стагиритов — разъемлющий «**и**л**и**»[135]**)**. П|л|ев|а́, коей сей Сатана затянул Стагиритовы очи, была пленкой той, что дала Тьма вещам, из очей их украв.

В чреде тел, тайных душ, сердце, первое (Аз — Я: от сердца, *с себя*, счет), имеет, как до́лжно, облатку — грань между астральною, светлой, и мрачной, физической сферами цельности, коею есть человек-микрокосм. Сей покров — пленка майи. Младенец имеет ее как налет на зерца́ле очей своих: тьму-изнутри, событийность иных, прошлых и предстоящих еще тел души своей, коя, торя их насквозь, есть Сут|р|а|т|ма, Душа-Ни|ть: Ть|ма, Нить-и-Игла. Тьма та|ит, Тьма т|ор|ит — как Причина, Начальник Себя (воплощенье — отдельное; майя и делит их промеж собою[136]). Э|кр|ан сей закрыт для кон|кр|ет|ного, Двоицы-тьмы, и открыт для Абстрактного, Ноля. Он может быть убран совсем — и тогда мы, прозревши, позна́ем Себя как Ч|р|ед|у и Единство[137]. Он может стать мощной стеной — и тогда нас, слепцов, злая участь — ос|кол|ок, без Целого часть. Виной в том и том — С|лов|о. Как Ло|гос, оно, Лов|ец, — Бог, Гос|подь сущих, в Ком Действие, Мысль, Речь — одно. Словом создан сей мир, и он сам — Слово, кое безмолвно. Звучащее и молчаливое, его несет нам учитель — спасти иль убить.

*

Для того чтоб учить, нужды нету в|те|мя|шива|ть знанье. Достаточно де́лать и речь. Дело учит немедля Безмолвием — Истиной са́мой; слова́ — погодя, ибо, пав в ум, как в почве, взрастают они. Речь объятая Истиной, полная Божьей Любви есть учительство светлое; прочая — темное. Вот Мир как Два в очах наших: мрак в нем есть отсутствие света, зло — есть не-добро[138].

Светлый, Божий учитель, гуру́, несет Истину нам, Гру|з-Огонь. Темный, дьявольский — топит нас в тьме, объяв пленкой иллюзии.

Светлый идет в глубь сердечну, будя дух в ней духом своим; л|уч его, Л|юбви огнь, уч|ит Истиной душу. Приемля сей То|к **(**не извне, но из Глуби: Глубь — Дух, Бог-Любовь; с тем, акт сей есть **зов Глуби к Себе**[139]**)**, пробуждается дух наш в плоти́: в уме Сердце его, Благо в зле — Пути ради[140]. Зв|учащее сл|ово, в сем деле помощник, — яйцо (ovo) духа, Безмолвья сосуд с оболочкой эфирною, тканью

Желания. С тем, слова́ могут нести дух — живящий огнь сердцу. Роль эта у них — в устах светлых, уча́щих нас.

Зло|й гений деет иначе. Рой сло|в, черных стрел, он вонзает в грань сердца. Слова́ есть и здесь пузырьки, но — без Воздуха: Света, что полнит. Рожденные славить тьму тленной среды (сло|ва́ — сла́|ва мирска: з|вон п|уст|ой, З|ло[141]), они, *пуст|отой, тьмой, надуты*, покровом имеют флюид адский, мрак. Павши на́ Сердце, черные капсулы слов творят Свету за|с|лон к *удушению сердца*: ведь воздух его в сущем — Свет. С тем, они — **стрелы Зла**. Порожденье их — суть молви бренной, где слово реченное — ложь. Всяк безбожник, раскрыв рот, есть черный учитель, иль сеятель тьмы; слуга ж полный ей тот, кто намеренно льет стрелы Зла как кору на сердца́ — бре|мя бре|нных, казнь Тьмы.

Коры сей созиданье — рост стенки, подобной кир|пич|ной: пре|пон|ы из мелких монад; рознь же в том, что строитель обычный порядком Бытья жив, его́ творя, — черный же, Тьмой управи́м, творит хаос и лад неразлично как м|лат в длани той, силе чьей, небытийной, едино — спрягать иль крушить: то и то ей порядок (*и рек Цунэтомо, что Женщина, Тьма «не ведает различия между добром и злом, между хорошим и плохим»: для Причины всё — благо, ведь Благо — Она, все ж иное — в Ней суще как раб в господине, ум в Сердце*). Поистине, хаос как Тьма, коей черный учитель причтен, есть П|ор|ядок, незримый порядка очам: Бытия, Дома нас, сущих, — им предстоя. Предстоя Бытию, Тьма как *каменщик вольный* — ведь Воля она (*will (англ.); wall — стена (англ.): Тьма, С|тен|а-Тен|ь Творца*) — его строит как кладку из частных бытий; и адепт Тьмы-Двух, черный учитель есть каменщик, силой сей строящий наши бытья в ряд-мрак — шествие в Зло[142].

Бытие — кора Тьмы, склеп ее: Се́рдца — Ум; Бытия кора — вещи, чья многость скрывает Вещь эту, Одно; кора их — склеп сердец, черный панцирь мирского ума. Вот **хор кор Мира**, автор каких, в Двух Един — Бог-и-Мать, слитна Тьма.

Для созданья коры сердца черный учитель плодит стрелы Зла. Венец в том — спад, как в бездну, коры сей в себя, антивзрыв, чей аналог — рождение «черной дыры» чрез кол|лап|с: вещь-в-себе, остров тайны, покинуть какой слаб и свет. Будне это — контракция: слитье фрагментов материи силой влеченья их в плотный, как камень, субстрат.

Кора тьмы — суть жестокая. Ею души́м человек как Враждой без Любви: тьмой — без Тьмы. Зря ее, Гости наши, из Глуби сердечной входя в умный мир сей, одеты в Корабль как в броню, шило коей, **бесчастная кладка — живой, органи́ческий суть, механизм**, — пробивая Любовию, Сутью своей, кладку дробную смерти **(**к|л|ин клином изъемля: Любовь и Смерть — Тьма́**)**, избавляет при входе Гостей от разбитья о Зло.

*

Счастлив тот, коим встречен Учитель. Но редок, кто встретил его. В очах бренных учитель не тот, кто дает как науку Жизнь в целом (тлен — Жизни не зрит), но лишь тот, кто ум|енье несет. Не зрить Жизнь — есть, зря в ней не Единство, но рознь, в нее глубже, как в прах, закопаться, и в мире тьма жаждущих нам в том помочь. Точно воры, у нас похищая Любовь, Ей в подмену дают они имя про|фес|сии **(***«фес» — суть «тес», Теос; профессия есть перед-Божность: от Бога заслон***)**, что в себе, как лишенность Ее, есть безделие: **дело — без Дела, Любви (***т|р|у|д, la**в**|ór|a (ит.) — Лав|а сия***)**. И тогда слово малое застит нам Мир, частный на|вык **(**«на Вак», эгоист-ум**)** морозным клинком входит в сердце, творя из него кусок льда[143]. Холя наши уменья, наставники эти не зрят: не умелец ученья итог — **человек**. Добродетель — профессия первая наша, противная как путь в Себя прочим, внешним: взрастание в духе — лелеянью пло́ти[144]. Так чу́жды философ, сире́чь любомудр, — и софист; так в очах индивида Любовь, коей жив смертный род, есть *занятье любовью*: не Дух — плоть пуста, не Единство — рознь, сек|с[145]. Ма|сон, душ злой с|мес|итель, труд коего мес|ть, — черный, чтит ре|мес|ла́

знаки: циркуль, отвес, мастерок — м|латы смерти, сгубившие А|до|н|и|ра|ма, отца их.

Отъятье от жизни корою умелости есть дело злобное: датель ее служит тьме. Пастырь черный, он может отнять у нас благо, каким мы владеем начально — свободу как Бога Внутри.

Светлый гений ее извлекает из глуби сердечной, где скрыта она, в сердце нашем будя Любви глас. Черный пастырь дробит Жизнь на части. Взамен полноты ее сыплет он нам ворох навыков: выбери свой! Но Жизнь в нас, Огнь — не к|уч|а осколков. Их жаждущий — слеп многознаньем, очей пустотой. Пусть из многих возьмем мы один — гений тьмы уж за нашей спиной. Он — не мы — рек сей выбор, тьмой взор нам застлав. Он кускам прочим место найдет: кладку Зла, пан|цир|ь сердцу.

V

Учителя встретивший — счастлив. Не встретивший — жив все равно: свет в ином нам искать нет нужды — он горит в нашем сердце. Но редок обретший его!

Глуп желающий взять знанье жизни взаймы — от почтенных людей, от троп внешних[146]. Ведь огнь их — не Бог: он горит, чтоб не быть нам впотьмах, ища Бога **в себе**. Ибо каждый из нас, Богом жив, — Солнце, всяк — Полнота. Лишь узревший себя частью вечного Мира, как о́н цельной — встал на путь Знанья: Творца, Кем жив Мир.

Черпать знанья из книг может каждый, умея читать. Но познанье есть путь. И коль он — путь другого, полн он воли шедшего им, дышит чуждою силой, опасной душе. С|лед другого — жизнь нашу крадет: он — лед, огнь наш студящий. Конфуций о том рек:

> Достойный человек не идет по следам других людей.

Также сказано:

Гораздо лучше человеку выполнять свои обязанности, пусть даже несовершенным образом, чем чужие — в совершенстве. Лучше изведать неудачи, исполняя свой собственный долг, чем выполнять чужой, ибо следовать по чужому пути опасно.

Бхагавад-Гита

Путь — в на́с: то Бог, Солнце влекуще; путь внешний — не-Бог: Сатана, что влечет в бездну нас.

Путь Идущих — стезя одинока[147]. Христа чтя Спасителем мира, да зрим, люди: мир — из людей состоит, и спасение каждого — личное дело его. Рек Мессия апостолам: «Не соблазняйтесь Мною». Ст|ад|ный поход в царство Истины — то же, что сам Он, иное вещая, сравнил с пролезаньем верблюда в игольное у́шко; оно невозможно за узостью врат, данных нам как в рождение путь, Вакхов тирс-щель: войти в Огнь — родиться в него, что не деется скопом; исходом отдельных — рожденья врата о́бщи всем. Идти стадом, себя позабывши — как Бога в себе: ведь Он Мы, — есть идти в паст|ь ко льву (*корнь в «па|с|**т**|**ух**» — корень в «паст|ка» — ловушка (укр.); «пасть» — пасть во тьму: Огнь — Высь*); лев сей — Диавол, Ваал. Не кнут — све́точ Христос нам, Идущих Звезда! То — огонь Вифлеемский: для всех, кто Идет, испытание Выходом, Светом[148]. Един с ним Сократ, мудрый пут|аник, сбитьем с пути — Пут|ь даривший, в чем был дар по|вит|ья его: пытка тьмой, Ту|пик|ом — Жизни ради: ведь Vit|a — Она, Ею, вечной, есть вьющийся Пут|ь[149] (*вел путем — вил его; нити сей расплетенье — раз|вил|ка дорог*). То — в Луну, Глубь наш шлях, стезя Пана; «пу**т**» — pu**s**: Пан, Па**с**|**т**|ух наш, **С**ократова **с**у**т**ь (S = T); Путь — Причиной пастьба. Виф|леем — Vit'леем, Жизни огнь из Луны. Вопрошая, Сократ звал нас в Истину, Тьму-Полноту, Пустотой, коя — Истина та ж; вожаки же мирски — пустотой в пустоту ведут: в ложь, тьму без Тьмы. Чужд сего Сократ, звавший душе не под|совы|вать ложь (как велит Сатана, тьма-под-Тьмой), но сова|ть в нее Истину-Мать, Тьму-Сову.

Иисус и Сократ — оба Пу|ть: пу|по|вина Тьмы — в Тьму. Им идя, да не зрим Христа внешним: Он — мы! Оку бренному чужд (как ина́ наша Суть, горня Тьма,

тьме истории, бренья реке), очам *видящим* Он — Верти|к|аль наша, у|гл прямой в Небо: в Гл|убь пер|ст, Т|р|а|вер|з Ра, Выбор должный, от коего мы не вольны как от Бога, Себя; ступать Им — От|вер|з|ать. Он как Первое — мы без пелен; как Второе, Он — Имя святое, нести кое нам — как Тьму, Груз, — есть Идти.

*

Мы ведем детей в школу с намереньем дать им профессию — место в миру и прокорм. Но профессия — путь наш, и Путь лишь — Е|да. Не сидеть рождены мы, не хлебом единым мы живы: идтú дóлжно! И если путь детей наших под|сказан им нами и обществом — это не тот путь, какой подсказало бы детям их жаркое сердце. А с тем — ложен он.

Может статься, что дети, стезей сей идя, станут сведущи в ней и успешны, подпав ей. Но зримость пути таит суть. И за маской побед наших ч|ад часто скрыта трагедия их.

* * *

Милость Бога безмерна[150]. Он дарит нам искру Любви, в сердце жарко горящую. Дивен огнь сей — Бог и Мир, Глубь как Смысл бытия. Ей открыться, Ожить — может каждый, дав волю сердечным лучам.

Чтó есть воля сия? Воля Божья как наша и наша как Божья. Ведь Бог — наше Я, Закон-Жизнь, LAW-LOV|E: Закон — Лю|бо|вь, Лов, чьи ловцы мы и дич|ь, в чем и есть Справедливость лю|дей, Дик|е (греч.); Дичь искома нам — Мир: Шар-Дек|ада, Любовь. Дей|ст|вье чистое, Вес с|ло|ве|с сущих Она: Огнь-Луна, Мать как Речь. Всем зарывшимся в прах бренных дней помнить след: мир — чудесен, и Чудо — Она, Столп его. Лишь служа Сути сей, мы вольны и с собою в ладу; укрощенье Огня, жизни труд — есть покорство Огню. В Небесах, в сердце нашем — един Он, и, рек Кант, две вещи более всего беспокоят человеческое воображение: звездное небо над нами и моральный закон внутри нас.

Мичуринск – Киев
апрель 2009 года

Иллюстрации

Таблица 1

Сердце и Ум как столпы человека

Бытийственность наша	**Суть ее**	**Сути этой подвластный**
Бого-Мирие, Жизнь	Совпадение с Жизнию, Сердцем	Маг и святой — мудрецы в чистоте
Реализм: жизнь *как* Жизнь	Верность Сердцу, каким есть Жизнь	Философ-мудрец
Идеализм субъективный и объективный: жизнь как смерть-Жизнь	Верность Уму, чтя в нем Сердце	Философ как чистая суть, не-мудрец
Материализм-атеизм: жизнь как смерть	Верность Уму как владыке, в нем Сердца не зря	Человек верный бренью, безбожно-мирской
Утрата себя: не-Жизнь, смерть	Совпаденье со смертию, чистым (бессердным) Умом	Пленник Дна

Таблица 2

Металл Сего и Металл Иного

Металл в его сущностной сопричастности	Свойство			
	Металлический блеск	**Электропроводность**	**Упругость под внешним воздействием, способность к принятию, с его прекращением, исходной формы**	**Распад**
Металл Сего	Как блеск внешний (сторонним огнем), обеспечивается свободными электронами (корпускулами, несущими заряд)	Обеспечивается свободными электронами (корпускулами, несущими заряд) и неотдельными от них пустыми местами, «дырками» (при электронно-дырочной проводимости)	Коренима в ущербной памяти структуры	С излученьем вовне, половинный по сути своей: без Того Это — пол-Полноты
Металл Иного	Как блеск нутряной и наружный, обеспечивается Силой-Тьмой как чистым (лишенным корпускул) Зарядом	Обеспечивается Силой-Тьмой как чистым Зарядом, Дырой как Одним	Коренима в безупречной памяти Функции, Силы (как Духу, ей все — Настоящее, прошлого — нет	Без излученья вовне как отход Вглубь, в Одно

КОММЕНТАРИЙ К ТАБЛИЦЕ

Рознь металла Иного, держимого Тьмой, с данным людям металлом Сего в том, что первый — металл Полноты, Мира, второй же — части металл, коей есть мир сей, Это; и первый второму есть лоно: частям — Полность их. Глуби камнь, металл сей — монолит как **Одно без частей, камнь любовный**: ведь Глубь, Тьма — Любовь.

Металл Глуби, Вина сего камнь, горний, в сути есть 10, Мир, с тем — и 12 как *виденье*, мудрые очи: Огонь-Мир с очами един. Из веществ сего мира таков углерод, с тем — субстрат жизни. Место его в менделеевской сетке согласно Шести как Покою **(**каков есть не-Шаг, имманентность мирска: без Творца человек и паденья стезя: быть недвижным, сиречь *не участвовать в Мире* — есть падать**)**, Четверка — валентность его как Движенье, Активность **(**суть чья есть трансцензус, «Я-То», Квадрат-Круг, коим есть человек Божий, Ввысь идя**)**, старшее Шестерицы: Движение старше Покоя как Суть его. С тем, два сих, слиты в число двуразрядное, есть **46 как Движенье-Покой, Акт-Потенция: Десять неравноразъятые***, кар|**ио**|тип наш — ущербности знак как **Мир в на́с, нисходящих, делимый недо́лжно** — ведь до́лжно делить пополам. Восходящие, Гости деленье угодное Миру несут: Мир в них — **Десять, разъятые ра́вно, число 55 как их кар|ио|тип**. Слово это, «ядра́ тип», — суть тип **разделенья** Я|дра, кое — Мир, **неделимая** Суть человеков, деленья **в очах** разны чьи.

В этом — суть углерода: Мир, Десять, душа в теле этом. Кар|Бо́|н, углерод — суть плоть тех, в ком два Солнца Вселенной, Бо|г с Дьяволом, сущи за душу в борьбе, — и в том он знак Кар|аны, Руки Божьей. Десять как Ка|ч|ест|во **(**круглость монады, в кач|ении коя — шар**)** в сумме с Двенадцатью как сингулярным коли|ч|ест|вом **(**«тем, кое колет», ос|кол|ком — суть Кали, тьмой**)**, атомным весом, дают **22: Мир-и-Очи, число Солнца**, сущее в нем как

Господня печать, Четверица в разрезе срединном, Два-к-Двум как живущего Суть, — что и явлено этим числом как единством порядковых номеров элементов-столпов земной жизни: водорода (1), углерода (6), азота (7) и кислорода (8):

1 + 6 + 7 + 8 = 22

Огнь — суть углерода: ведь Мир — Огнь. Ячейка его, кою кажет алмаз, есть **тетраэдр**, Четыре-Двенадцать, — ведь он четверица столпов, из каких — грань, вершина ль — всяк Три:

4 × 3 = 12

Но ему, ограненному плоско, являть не дано собой Дух как Объем-Воздух тел, созидатель их в оке (как шариков — газ: ибо зримость раздута из точки). Двенадцати люб, для немудрого, бренного ока (ведь Мудрость — бессмертна, с ней — мудрые очи) тетраэдр разъят с Десятью, кои есть Мир как Шар (иль, что то же, в тетраэдре Мир разъят так, как Декада в числе 46). Вещество снятья розни сей есть **Орихалк**: то алмаз (углерод — в г|руб|ой сути своей), Силой полный-надутый, как шар газом, объем дающим ему **(***так число есть Предел, Беспредельным надутый: Свет — Тьмой, Силой; та́к Кру́гом полон как Глубью Квадрат: угол(ь) — прям в себе как плод деленья очами прямой, разломить без разъятия кою — есть сделать углом ее; суть же прямой — круг, замкну́тье ее: Бесконечность, Единство***)**. Посему ячейка квазиалмазного монокристалла являет **сфетраэдр** — «тетраэдр надутый», число чье есть **40** как **Десять-по-Четырем (**и с тем — Три-по-Тетраде, Двенадцать: ведь Десять, число треугольное, есть также Три**)**: Мир, Всё — в Се|м как Целое в части, в ней явное как Вода в капле своей; но поскольку ячейкою выпуклой сей в мире плоском очей бренных **(**Вечность — Объ|ем как объ|я|ть|я Творца; бренье — плоскость: объятое Им**)** не сложима структура, — уместно считать, что сия гармоничная форма, вольна́ от ячеек, гуляет решеткою всей, как в металлах земных электрон, называемый ра́вно общественным и свободным (служа Всему — служим себе мы); с тем, суща везде, она целое — не часть: ведь целое выше частей, часть безвластна над целым, — и форма сия тому явь: цельность-полность, Одно. Посему Орихалкова зримость вполне — а поистине, сверх — металлична. Металл из металлов — духовный (в телесности есть неметалл он), он, как **Орихалк Атлантиды** — каким и есть, *темный*, — блестит Изнутри и электропроводен, пока Духом жив **(**а оставленный им — *умерев для Сего*, распадается без излученья, во Глубь (Дух — она), становясь углеродом простым**)**; и Заряд его — чистая Сила без тела несущего **(***квант его есть фер|м|**ио**|н, суть «носитель» (от «феро» — несу): ф|ер|у|эр, тень — второй за сей Первой; за|ряд — «выходящий за ряд» частиц тела: над телом — душа его***)**, Дырка-Одно, образ чей — электронная «дырка», заряд многий; с тем, сей Заряд — положителен. Смят, металл Тьмы принимает исходную форму: она — не от мира сего и ему неподвластна, доколе хранит ее Дух в сем металле живом.

***** Явить из Декады число 46 — есть Декаду разъять сингулярно-неравно: со сдвигом от центра (5:5) в монаду, — в чем есть сингулярность числа 46.

Таблица 3

Тетрада единых:

То (Орихалк, металл Иного) и Это (алмаз, золото, серебро)

Вещество	Род	Статус	Явь как лик Сути, Тайны		Суть, Тайна как знак
			В очах	Как число (знак)	
Орихалк, алмаз Неба	Металл-неметалл	Как То, в Этом являет его	Блеск как огнь Изнутри и наружный в единстве их	0	0
Алмаз Земли	Неметалл	Как Это, собой указует на То — Мир и Тьму, Ткань его	Блеск-прозрачность	1	10 и 0
Золото	Металл	Как Это, собой указует на То-Всё (Мир) — в чем есть оно желтый Бог; и на Это (себя самое — без Творца) — в чем оно желтый Дьявол.	Блеск ушербный, цветной в лучах внешних	1	10 и 1
Серебро	Металл	Как Это, собой указует на То — Мир и Тьму, Ткань его	Блеск бесцветный в сторонних лучах	2	10 и 0

КОММЕНТАРИЙ К ТАБЛИЦЕ

Иного металл Орихалк с тройкою «алмаз — злато — сребро» сопряжен нераздельно как То с Этим, Богом сращённые в Мир, Это-То; и из троицы Этих — как Это и формой, и в сути (тогда как алмаз и сребро — Это формой, а сутию — То) главно золото нам[1].

Орихалк, металл-Мир — корнь алмаза: Тьма-То — Тьмы-Сего, алмаз Неба — алмаза Земли как Ноль — Двойки, каков dia|m|a|n|t — анти-Мать, Ноль навыворот: Вакх, при Корове сей Бык как и|знан|ка ее и слуга. Орихалк — Суть, алмаз же — подобье ее, как подобны Нолю Два, не-Ноль. Как алмаз, Орихалк слит со златом, как в Мире То с Сим, и над златом царит, как бри|лья|нт над оправой: Иное — Сего́ суть. Сему принадлежен, алмаз нам прозрачностью (**«**чистой водой**»**, в сути — Тем, Тьмою**)** ка́жет То, сажа и угль — чернотою: незримое с черным — одно[2]. Орихалк — Тьма, как Тьма с ним — ал|ма|з: «ал(ь)» — Эль, Бог; «ма» — Тьма-Мать, с Ним едина как Божья Рука[3] **(**alma (лат.) есть «кор|мящая» — Мать, Кор|ень сущих святой**)**. Тьма, алмаз — Вода-Воздух: ведь оба сих — Тьма, и алмаза кристалл есть ок|та|э|др, Во́здух. Камнь Мира (сиречь *камнь при Камне*, при Мире), алмаз — его образ под-Мирный: ведь То означая собою, он — Это, причастный Сему: Земле-к|уб|у, которым и есть камень сей как срединно разъятый октаэдр: квадрат, куба грань, кою зрим мы, октаэдр рассекши срединно **(**таков Воландов портсигар, золотой, с бриллиантом и буквою W — M обратною: так снизу зрим Мир мы, смотрящие; сверху — Бог *видит* его**)**; и как Это, алмаз указует собою на Всё (Мир) и То как Тьму-в-Мире, а злато, как Это, — на Всё (Мир) и Это (себя самое)[4].

Часть Сего, подначального Двоице, злато (согласно «Тимею») причастно ко блеску и желтому цвету — как солнце, в чьем лике мы Двоицу зрим как сияние и желтизну, Мира цвет (солнце — лик чей, Гор-Феб). Часть Иного, небесный Металл, как с ним вместе алма́з наш, причастен лишь блеску, суть чья Дух, загранный Сему; желтизны же — лишен: солнце его не наше — Иное, светящее не изовне — Изнутри. Им Металлу блестеть — есть светиться: так, блещет, огнист, Орихалк, «ис|пускающий» свет, по Платону. В Контакте, где То одно с Этим, законно сие очам, где царит Дух,

Единящий; оставлены Им, очи после Контакта в раздоре с умом половинчатым, зрящим Одно двойкой врозь и не мóгущим внять, как в очах сих Корабль, из металла отлитый сего, и зеркально блестел отраженным сияньем, и брызгал огнем Изнутри.

Ибо в наших очах, Этих, спит Солнце-Всё, Мир. С тем, свет и цвет — в розни для нас: свет есть суть, цвет — покров. Но Одно зрили в них Египтяне. Когда о богах говорили они, что не знают их цвéта — незнанье их сути имели в виду.

«Чтобы из света получить цвет, надо пропустить его — и физически и феноменологически — через некую темную среду, которая его разлагает. Что это физически так — общеизвестно. Однако и непосредственно-феноменологически цвет дан как результат прохождения света через некую плотную пленку, делающую свет гораздо более плотным и притом пропускающую только ту или другую его «часть»», — пишет Лосев в своей «Истории античной эстетики». Там же замечено, что по природе сего генезиса «цвет тяжелее света»: ибо «цвет есть переход света в инобытийную среду и отяжеление его, соединение с темным веществом». Пленка, кою Огнь-Дух проницает, входя в мир сей, есть грань меж Этим и Тем — **смерть**, не зная какой, мы единства не знаем их; и То нам — свет, Это ж — цвет как **свет мертвый**, каким он стал нам, по незнанию грани сей падшим под власть ее, **отяжелев**. Ибо Дух-Легкость — Жизнь; смерть, Жизнь та же по сути, не знаема — тяжесть. Мир **тяжкого света как цвéта** — мир нáш, где царь желтое злато и таен бесцветный Иного металл. Свят призыв Свят|о|слав|а: «Предавший Перуна [Творца, Огнь-Единство — *Авт.*] — пусть пожелтеет, как злато!», — тяжел станет цветом его, Сатаной, грузом-Злом.

Тайный нам, был он явью Атлантам. Как злато у нас, был в земле ихней он **самородный металл**, как **живой углерод**, в землю эту внедренный причинно (как уголь, остаток умерших, в земле нашей мертв углерод: не причина, но следствие он). Для нас То, был Атлантам он Этим как Всем: ибо Дом им — был Мир, Божье Всё. Во дворце По|сей|дон|а, святыне их, были им крыты вполне посему лишь полы и опоры: колонны и стены его. Орихалка суть — Жизнь; с тем, число букв в сем имени — семь, число Жизни, как в имени плотной основы его «углерод».

Как Ноль, тáен для нас Орихалк. Но в сем Двоицы мире известно подобье его — серебро как **второе** за златом; чрез злато в нем он отражен. С тем, со златом сребро неразлучны как Два и Одно; и на Ноль указуя, каким есть Иного метáлл в сути, — Двойка важней Одного, сребро — злата как Глубь, в мире бренном Вторая (монета с совою-Афиной в Афинах — сребро: Два — Афина, Сова-и-Змея). Посему и душа к сед|лов|ине сердечной крепима **серебряной нитью**, а не златой: нить сия — истинный, первый Металл, из какого (как Воду: Вода — Тьма, Металла сего Суть) *отлил* ее Бог как **духовную цепь толщиной в один атом**, суть коей — **ряд чисел, монад**. Иносущий, Металл сей — **сердечный металл наш**; Процессор, челна Гостей сердце, отлит из него, ибо Сердцу То с Этим — одно.

Четверица сия (Орихалк, алмаз, злато, сребро) и железо, с|мо|тре|нья металл, — есть **богатство очей**: О|ри|х|ал|к (O|r|ich|alcus) — богатство Ноля в Том **(**Or — Ноль, rich — богатства корнь: Полности; днями так полн год — рік (укр.)**)**; алмаз наш есть богатство Ноля в Этом; злато — богатство Ума-Единицы (алмаз посему и объемлем мы в злато в перстнях: Сердце — в Ум); серебро — Двойки Божьей; железо — безбожных Двух клад.

Желтизна, коей злато причастно, как солнце — Опоры и Пищи есть цвет. Ибо Солнце — Опора и Жизнь нам. Пшеница и рожь с семенами, дающие хлеб, пищу первую людям — желты как оно; и металлом треножника пифии — желтая медь была в храме, царем чьим был Феб, солнца бог.

---

[1] По мифу, в Аид, То, сходящим живым дóлжно несть ветвь златую как память, чтоб выйти назад, в Это. Ветвь эта есть знак ма|сонов, слуг князя Сего.

[2] Безобрáзье — безóбразно; «niger» — равнó и «незримый» («прозрачный»), и «черный». Так скрылся Персей от горгон с головою Медузы, надевши Аидову шапку: незримость-тьму; так тьмы ву|аль, коей Гектора скрыл Аполлон от Ахилла, незримой Ахиллу была: тьма очам нашим — воздух, о коем не мыслят, пока вдосталь он. Тьма прозрачна при свете нам, а свет погас — зрим ее.

[3] С тем, алмазны Аида столпы; мера веса камней драгоценных (как важ|ности их), коей суть есть алмаз как царь их, — есть кара|т, квант Ка|рá|н|ы, Тьмы: «ká|ра» есть черный; Тьма — Кáра: она воздает, как речет то Коран, труд Ее.

[4] Вследствие этого самоуказания злату свойственен **онтологический имманентизм** (указание Этим, собою — на Это, себя), в коем суть сатанизма. С тем, злато есть рáвно и Мира металл (Бога — с ним: Два сии — Глубь одна), и металл Сатаны. Указанием Сим на Сие есть сакральная максима «Эшер ахей Эшер» — «Бытие есть Бытие», сиречь «Я [как сущий] есть Это», тогда как поистине верен ведийский наказ «Я [как сущий] есть То» [суть не-сущий, загранный Сему].

Таблица 4

Смотренье и *ви́денье*, столпы Очей

Предмет взора	**В смотрящих очах, сопричастных Сему — без Того**	**В очах *видящих*, причастных Всему**
Бытие	Это в яви нецелостной, ложной: Сие без Всего	Это в истинной, целостной Яви своей: Это-Всё
Небытие	То как Тьма-Полумирие в тайне	Это в истинной Яви
Мир	То-Всё в тайне	Это в истинной Яви
Бог	Иное как Тайна, чья корка глухая в очах — Солнце-Это, в себе не единое (рознь — суть смотрящих очей)	Иное, лик чей — Солнце цельное, Мир, не таящее Бога как образ согласный Его

Таблица 5

Идущие,
согласно родам их

Идущий	Кем есть он в сути
Маг как Ускользнувший от Мира	Свободно-свободный: свободен от Мира, подвластен Творцу как Свободе свобод
Антроп восходящий, как сущность Любви	Свободно-влачимый: влачимый Рекой Мировою по воле своей
Антроп нисходящий, как сущность Вражды	Влачимо-влачимый: влачимый Рекой Мировой против воли своей

Таблица 6

Божий Мир с полюсами его и нутром

Суть	Кем она есть	Что творит, чего жаждет она
Бог, Вершина	Жизнь, Суть Мира, Любовь и Податель Любви	Творит и хранит Мир, дитя и подобье Свое
Мир	Органика, суть Жизнь-Живое, Господня Любовь	Выступает активным сосудом живого и мертвого — сильным Господнею Силой творцом
Личность: в сем мире Вражды — суть с облаткою, Двоица; в мирах Любви — слитна суть как Одно: не личина, но Лик, скорлупа как Яйцо целиком	Органический организм[95] как живимое Богом и Миром, подобьем Его: в сути чистой — Свобода-Любовь	Творит силой Божией; жаждет Любви, коей в сути и есть
Машина Любви	Органический механизм, иль **живая машина**: гипостазис Личности как **моральная машина**, живимая Силою Божьею, Тьмою чрез Личность, звено[96]	Служит Личности и есть звено единенья миров индивидов как сутей Вражды, разлученных Враждою, с мирами подвластных Любви Ликов-Личностей, ею единых навек
Индивид	Механический организм как неявно живимое Богом, а явно — Диаволом, Сатаной[97]: Вражда-Необходимость	Посягает на властие Личностью, жаждет Вражды, ибо сам есть она
Машина Вражды	Механический механизм как живимое Сатаною — без Бога: **мертвая машина**, сиречь **воплощенная смерть**, как гипостазис индивида — человечность (моральность) в утрате	Волей Дьявола, метит на трон Человека, неся людям рознь к смерти их
Сатана, Дно	Вражда-Смерть	Творит зло́, ибо Зло есть он сам; в розни с Господом — враг человеков, суть их душегуб

Таблица 7

Гость как Вакх-притворщик

Ипостаси притворства		
Тело как Любовь-Ноль, Парадокс	**Тело мира Вражды, отличного от нашего**	**Тело наше**
Узнаваемость в целом, в частях — страннозримость: отсутствуют гениталии, очи черны и огромны, ушей нет и проч.	**Узнаваемость в целом и главных чертах: гениталии, очи, строение тела — как наши; все прочее — страннозримо**	**Абсолютная узнаваемость, верх притворства**

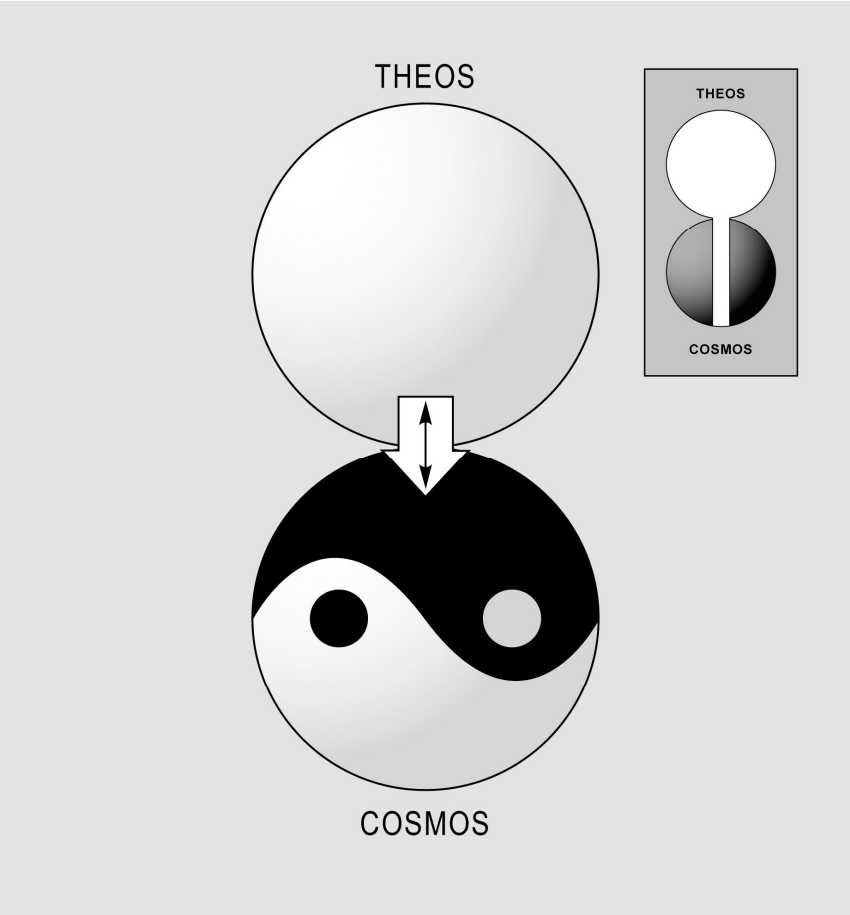


Рисунок 1

Бог и Мир

Бог и Мир — две Главы, что касаньем едины, **Любовью — Любовь**: ведь Любовь есть они, и Любовь — их касанье. Бог есть Глава-Суть, Мир Его — Глава-об|раз. Бог — Первый как Мира Творец, Мир — Второй как творение; оба — совечны: Миг — время есть их, в коем старшего нету. Бог Прост и Един; Мир, единый — и Два́ есть: Тьма-Свет, Это-То; и троичен как два сих, спряженные Богом. Един с Двойкой-Миром (едино творенье с творцом), Бог — А|два|й|та, Не-Двой|ственность. Надмирный, Бог есть над Двойкой сей Первый: целящи Объ|я|тья (как обруч — для бочки, плоду — его лоно); внутри Мира сущий к спряженью, Он — Третий меж Двух, Клей.

Раз Мир — Ди|тя Бога, и нет ничего кроме них (что есть так), **Мир — плод самосоития Бога как Дело Его (***ибо дело — со|ит|ье: fac, ко|ит|ус — fac|io, делаю (лат.); fash|io — пучок, связка (ит.): соитье ж***)**, в чем Тайна Иерогамии. Смертным нам, зрящим Одно чрез (сквозь) Два, Жизнь чрез смерть, в сем соитии Бог — Муж-Жена*: **имманентное Миру** (ведь Муж-Жена — Мир) — корнь безбожья, Бог коему — Мир как нецельная Двойка, ничто.

---

*Соитие зрил как Одно Юнг, считавший, что ли́|би|до есть генерализованная психическая энергия; Фрейд же, считавший соитье Двумя без иного, мнил либидо лишь сексуальной энергией: частью — не целым сим. Юнг прав был, Фрейд — заблуждался: Единство — Двух Суть.

Рисунок 2

Тьма как двуединая Суть

Служа Бытию-Единице причиной, Ноль-Небытие — Тьма, Вода Мира — огнь сей объемлет собой (как причиной объемлемо следствие) и проникает, входя в сей сосуд Двойкой, парою Вражда-Любовь, кои — Тьма́ суть. Вторая за Богом, Тьма-Ноль, сущих Мать, есть причинная, вышняя Тьма; Тьма как Двоица — следствие, Тьма-в-Бытии как вторая за ним. Зря меж ними Бытье как черту, до́лжно зрить в них две Тьмы, кои, сутью Одна[1], друг ко другу взывают[2]. Чтя Тьму как Причинную Суть, ее до́лжно, в себе не деля, зрить как Ноль, с Единицей союзный, как слиты они в Десяти, Мире. Тьма-Ноль есть Женская Суть (как Гинандр), и, последственна ей, Двойка — Женщина; Ноль — Мать, а Два — д|щер|ь, что щер|ится оку провалом. Ноль, Дви|га|тель Двоицы, г|лад|ок, шер|шавы — Два. В женской плоти́ оба — вульва, наружные коей уста как Диада (лик чей своей рознью являют) таят кольцевые врата — лик Ноля, чей привратник к|ли|т|о́р — в сути Фаллос-Покой, Единица-Свет, сущий при входе в Тьму-Ноль.

Ноль, как Тьма сверхбытийная, Двоицу, Тьму-в-Бытии, созидает чрез грань О|дно|го-Бытия. Не Одно сие — Ноль творит Двойку; и, суща над ней, Единица объемлема Тьмой с двух сторон, точно молотом (0) и наковальней (2), подвластная им[3]. Так-то Нут, Тьмы богиня, звалась Египтянами «матерью того, кто создал ее» — Нолем как Одного матерью, *как бы* творящего Двоицу, коя — Тьма та же. Единство двух Тем утверждал Аристотель невольно (ведь Тьмы, раб ее, слеп очьми под Очей сих пято́й, он не ведал), уча о единстве идей и вещей (на основе вещей, Э|том): Тьма есть обеих суть; и по Платону, два царства сих Тьмой сплочены как Душой мировой (Тьмы не зря, сего Клея не зрил Стагирит у учителя, Мир его Рознию мня как без Связи Двумя).

Ноль и Двоица, Тьма внебытийная с Тьмой-в-Бытии, относимы друг к другу как ве́денье и невежество. Первое, как Атман, есть по Сократу, **незнанье**, Питатель ума; по Кузанскому, оно есть **ученое незнание**; и сказано Сурешварою, что Не-Атман, иль невежество, как плод незнанья — Атмана, как скажем мы — суть то ж незнание: Два и Ноль — суть Ноль, Тьма. Как Тьмы пора, ночь являет невежество первою, дополуночною половиной, итожащей сутки: в ней лживы сны наши; а ве́дение — второй, зачинающей их, в снах правдивой: Второе очей бренных — Суть.

Ноль со Двоицей между собой соотносятся как древо Жизни и древо познанья добра и зла: оба растут **в центре рая** как **древо одно**. Г|ре|х Адама и Евы есть в том, что **открылись глаза их**, пред тем к Миру слепы, явив тем возможность *увидеть* единство сие, кою дал им Диавол, глас Матний, как шанс стать богами, **открыв правду**, кою Отец хотел скрыть (Быт. 3:1 – 3:22).

В сем мире матерь|я, приемница форм по Платону, есть тьма-оттиск Тьмы: Два — Ноля, Тьма-покой — Тьмы-Движенья, пассивность — Активности, коей жива она как Дух в утрате и в кою преходит, стяжав этот Корнь. Так, узнав в себе воду как суть, тает лед, не-вода.

Тьма-Ноль есть Очи Духа как Ве́денье; Тьма-Двойка — очи плоти́, что, отдельна, невежество есть, а открыта Нолю — Тьма ко Тьме — мост, каким Тьма стяжает Себя как Одно-без-второго, мы ж — *ви́дим* постольку, зря то, чем мы Есть: Бог-и-Мир, Цель-и-Путь.

Тьму как суть двуединую зрим мы в **Свободе**: как выбор вершимый она — Два, как выбор свершенный — Ноль, в Боге Свобода: ведь **Бо|г — Вы|бо|р наш**.

Тьма, Причина — Гр|уд|ь (греч. ma|s|tó|s) сущих. Ноль-Двойка: Свобода как Ноль, а как Двойка — Долг (mu|st — англ.), в Свободу мост нам и Свобода сама тем, кто знает его, зря очами Ноля. В Долге зрящий Свободу — Ноль с Двоицей слив в Тьму одну, Ма́ст|ер есть.

О единстве двух Тем учит Тантра-Мать нас: просветленье, иль освобожденье, по ней, достигается не искорененьем страстей и желаний, но отождествлением их с трансцендентною Мудростью: Двойки — с Нолем, Корнем-Тьмой. Стагирит, сведши в вещи идеи — Высь в Дол, — свел противно Ноль в Двоицу: в следствие — горню Причину его, Полность — в нуль.

О двух Тьмах сущих, Двоице и Ноле в их единстве как Яви и Тайне Ксенофан говорит как о двух границах Земли — верхней, подножной для нас, что касается воздуха, и нижней, у́дущей в бесконечность (to apeiron). По Аристотелю, нравственное воспитание есть воспитание неразумной части человеческой души — претворенье невежества-Двойки в Ноль-Мудрость как разума Суть, мо|ментальное в Тантре: ведь то и то — Тьма[4]. У Я. Бёме Нолем есть Свобода, природа же — Двойкой (как парою Мула|пра|крит|и–Пракрити Индийцев); и первая противоположна второй, от нее производной. Свобода-Ноль, Природа-Корень (санскр. му|ла) есть **личности** суть; **индивида** — природа в Природе сей, Двойка[5].

---

[1] Так Хаос рождает Тарта́р пред иным как **свой внутренний полюс — второе себя**, и два эти — одно, Хаос, суть (*полюса, на кои разделяется он — **небеса** есть, и Тартар есть **нижнее небо**, симметричное верхнему относительно средней меж ними Земли, сиречь равноотстоящее с ним от сей срединой, — чему подтвержденье строка «Илиады», где Зевс отстояние это определяет как «вниз от Аида, насколько земля от небесного свода»*). Точно так, по учению Наг|ар|джуны (Индия, I — II вв.), Сансара — как Двойка «рождение-смерть» — и Нирвана с позиции высшей, Нирваны-Ноля, есть всеполно одно.

[2] «Abyssus abyssum invocat in voce cataractarum tuarum» — «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих» — сказано в Библии о Божьем величии (Пс., XL, 8). Тьма тьму зовет и питает собой. Так две бездны, разверзшиеся в эсхатологизме германской (почти целиком философской) и русской (писательской в своем преимуществе) мысли — каких нету боле нигде той порой, — друг ко другу воззвав, родили́ две сестры-революции и две крупнейших в истории мира войны, в коих бездны сошлись эти в страстном объятии («Предельные проблемы и предельные срывы раскрывались лишь в германской и русской мысли», — сказал Бердяев). Тому, что как бездны они равномощны, знак ясный — оценка врага начальником австрийского генштаба времен Первой мировой войны генералом Кон|рад|ом фон Гетцендорфом: «Русских победить невозможно, но и самим русским трудно стать победителями!».

[3] Волей Божьей, слова́ «**м**олот» и «**н**аковальня» есть лик двух Тем: «молот» являет Ноль буквой Тьмы «м», в нем начальной; ступание «н» беспромежно за «м» в алфавитном ряду — связь Причины, Ноля, с Двойкой, следствием. Мать как Ноль, на бумаге начертанный — Двоица, зна|к как второй за Нолем; Ноль са́м, Я|вь вместо сна сего — брению Та́йна есть. Суща меж Мо|лотом и Нако|вальней, Нолем и Двумя, Единица — в их власти, но с тем — и отдельна, как меж мощных стран — остров малый Мо|нако, земля-ли|ли|пут.

[4] Правота Аристотеля на сей предмет при иных заблуждениях в нем же — не дивна: Ложь, суть сего мужа, себе не верна.

[5] О сем сказано у Бердяева: «индивидуум есть категория натуралистическая и социологическая. Индивидуум рождается в родовом процессе, принадлежит природному миру. Личность же есть категория духовная и этическая, она не рождается от отца и матери, она духовно творится, осуществляя Божью идею о человеке. Личность есть не природа, а свобода, она есть дух».

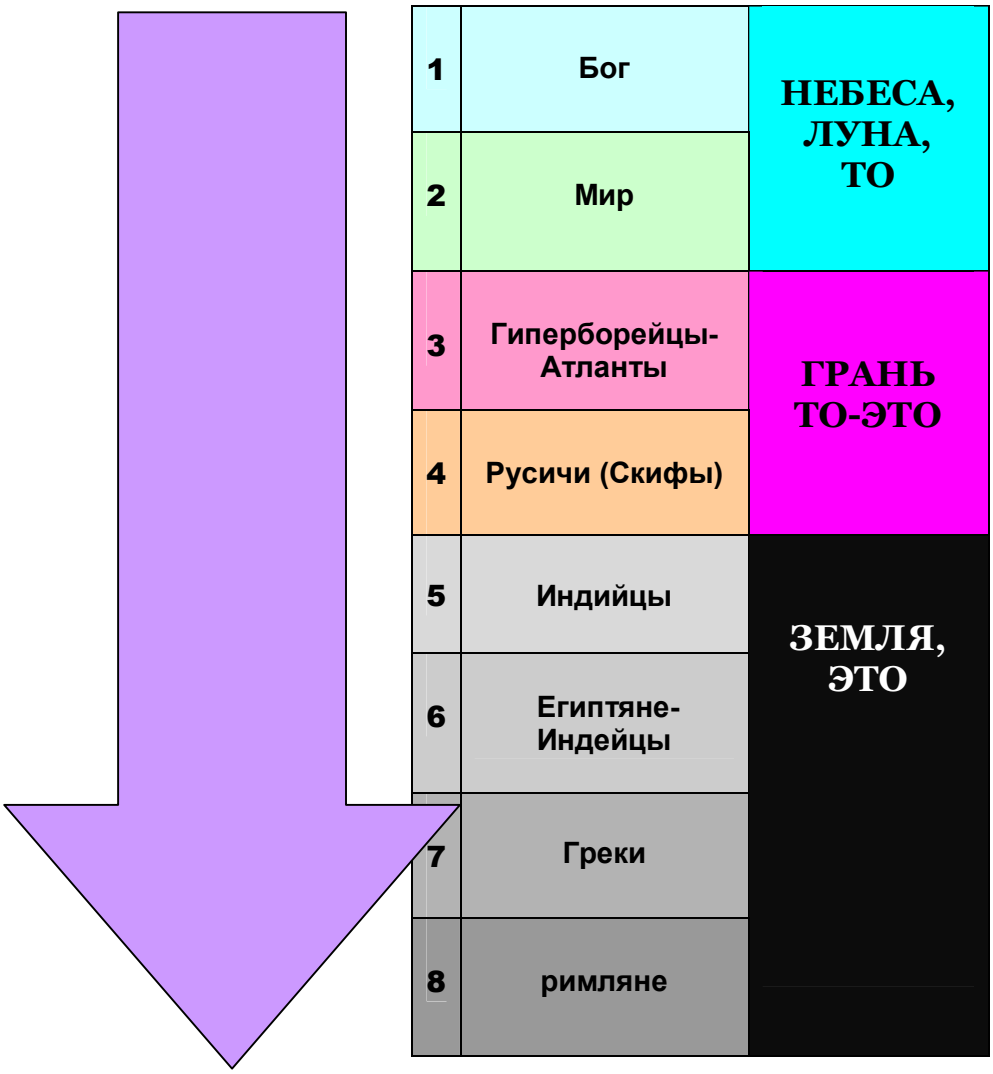


Рисунок 3

Великая Антропная Магистраль

1 — Бог; 2–8 — Мир с Землей: с частью Целое, Суть

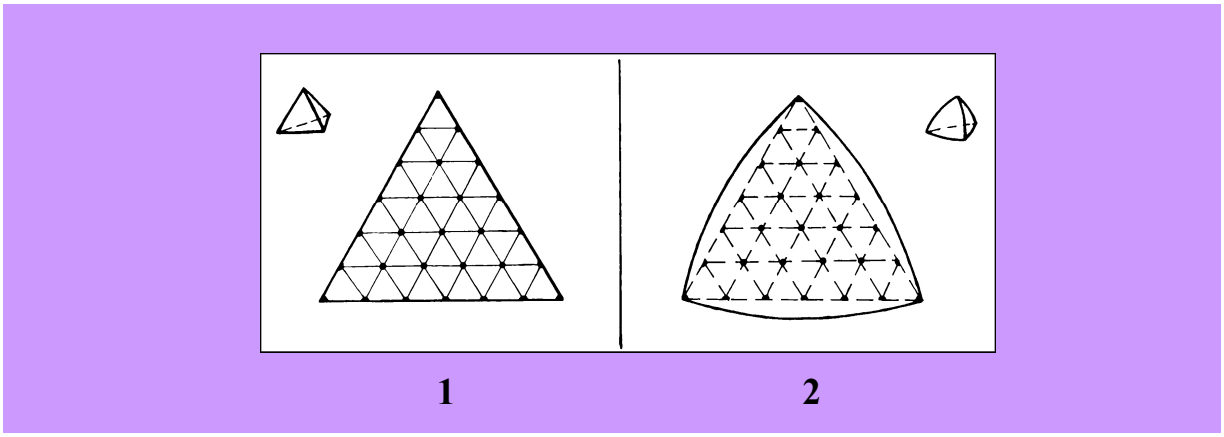


Рисунок 4, а

Орихалк, металл Тьмы

Рисунок показывает отличие кристаллической квазиуглеродной решетки Орихалка (2) от углеродной алмазной решетки (1): сфетраэдр, Орихалка ячейка, имеет объемные грани; ячейка алмаза, тетраэдр, плоскогранна. Поскольку очам плоским, бренным (плот|ь — плос|кость) невидимо тело, составленное из ячеек с неплоскими гранями, сфетраэдричность «отдельной» ячейки решетки квазиуглеродного кристалла ясна из того, что в духовных очах, кои *видят* ее, здесь *отдельности нет* — есть Монада, Одно без частей: Тьма, металла сего Суть, о коей, единой, рек Лейбниц: «в простой субстанции [нет ничего проще Тьмы — *Авт.*] необходимо должна существовать множественность состояний и отношений, хотя частей она не имеет». Ошо пишет о том: «Целое едино, отдельность невозможна. Сама идея отдельности — барьер. Идея отдельности — это то, что мы называем «я». (…) Только целое может сказать «я», части не могут говорить «я»*. Можно употреблять это как лингвистическую форму, но не утверждать, что «я» есть».

---

* Часть, взошедшая до осознанья себя самим Целым в склоненьи пред ним — право это имеет. Так мудрый, зря в Боге *Себя*, преклонён перед *Ним*.

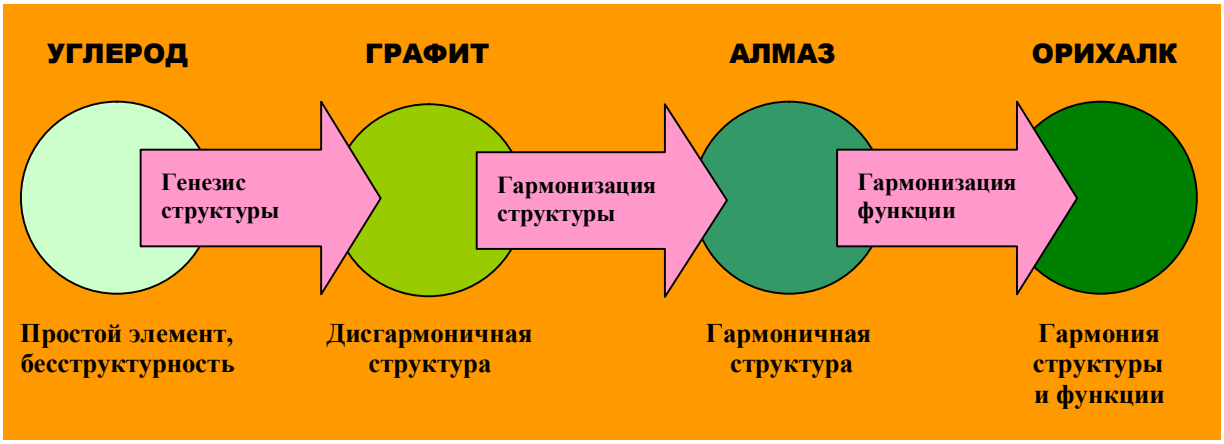


Рисунок 4, б

Генезис Орихалка

Схема представляет этапность генезиса Орихалка: из углерода как бесструктурной атомарности возникает структура без гармонии — графит как разносвязевая, слоистая модификация вещества углерод; из нее гармонизацией структуры является алмаз как углерод равносвязевый, кристаллический — структура от|мен|ная, но функционально пустая; из алмаза же гармонизацией функции, или исполненьем его структуры духовною силой (ведь функция — Жизнь, Дух), является Орихалк — духовно налитой (живой) равносвязевый углерод: **эфир как трансфизический агент под физической маской**. Претворение углерода в Орихалк есть переход закономерный и должный, ибо посредством него совершается **возврат углерода к себе на ином витке его бытия: превращение атомарного атома, полного Духа в себе как одно, в атомарную структуру, полную Духа на плане многого**. Целен вполне как Одно без частей, Орихалк — явь того, что зовут **углеродною единицею**. Глубь, Орихалк есть Луна; ал|маз, ка|мен|ь зе|мно|й — Орихалк пополам: диа|ман|т, двоелунье (делить — мно|жить внутрь, плодя ложь): Ман — Луна. Путь, здесь данный — очей бренных ход; ход глаз горних — обратен ему: От Луны — в мир подлунный, от Вечности — в бренье, от Целого — в часть.

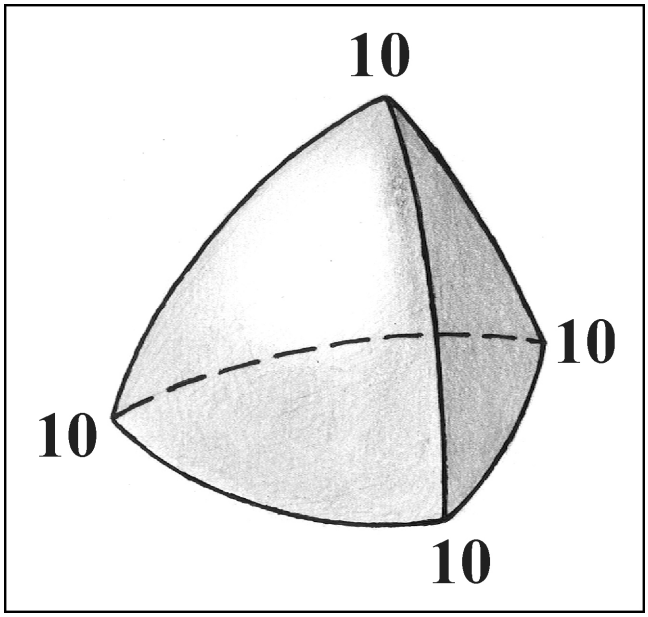


Рисунок 5

Сфетраэдр

Сфетраэдр есть синтез столпов очей наших — 4, Тетрады материи, и 10, Декады, числа Мира, Столпа очей (Солнце их, бренным тайное — он). Образован пересечением равновеликих сфер*, центры чьи есть вершины тетраэдра, а радиус равен его ребру. Число тела сего — Сорок, Десять-по-Четырем, форма ж — Вакх, грани Бог: семя греч|ки, чье имя — Эллады печать.

---

*В сути — сферы одной, четверно́ расщепленной как Десять, число ее.

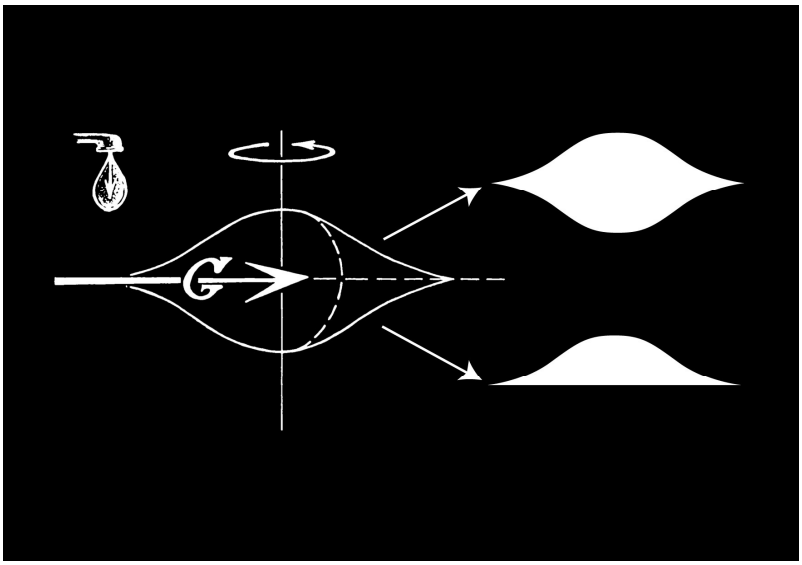


Рисунок 6

Корабль как тело вращения отрывной капли

Корабль, челн Тьмы-Причины, есть Тьма и не Тьма: тьма от Тьмы он, вода от Воды исходящая — кап|ля (*ка|п» — Ка, Дух-Тьма — часть имен водных, меж них: «кап|итан» — муж Воды; «кап|ище» — место Силы, Воды ж; «кап|сула» — сосуд Тьмы: то — число, Ноль внутри Единицы, как в шарике газ; «кап|итель» — верх колонны уз|ор|ный: так Мира В|ен|ец — Вода-Тьма*). Капли каплющей суть есть **самоотрешенье Воды**, капанье, где Вода как Одно в себе делится на два, деянье и претерпеванье: ведь два сих — Деяния внутренний плод (*так речет «Теэтет». Суть делима в себе на себя и иное: так Истина делит себя на себя и ложь*); оно же есть Вода, Тьма. Корабль — капля. Творя отделеньем его, Тьма есть Сила; обычна вода, кою зрим, такова ж, отделяя чрез капанье тяжесть, Тьму как гра|вита|цию (*Тьма в слове сем зрима дважды: как «гра» (корень в «гра|нь»: грани — Тьма́ суть; в «Гра|аль» — Тьмы сосуд богосущный; в «Gra|e|cia» — Эллада; в едином с ней «гра|ция» — жизненность формы; в «и|гра» (по-украи́нски — «гра») — Тьма как Лила, Игра (Лил|а — лить: Воду-Тьму), коей тешится Бог, в Мир играя, как в мяч (much (англ.) — много: второй за Творцом, Мир — Корнь многости, Два как Тьма-Свет)); и как «вита»: Тьма — Жизнь*). Из четверки физических (зримых очьми бренья) взаимодействий гравитационное — наислабейшее: Тьма́-Сила, Суть его, выше Сего, яви бренных очей (так жена в мире сем слабей мужа, с тем — как бы не-есть); и корпускул его нет как многости, но есть одна — Мир, мирскою не зримый наукой, ведь многость, Рознь — бо́г ее. Квазилетящее тело, **Корабль — ка́пля есть в миг отрыва как сути своей**, где летит и покоится сразу: причастна началу, покойна она, но летит, отделённая. Капля, готовая пасть, и отдельна от Воды начальной, и нет, в смычке с нею имея черту, лик **Намеренья Божьего, Движенья-Тьмы** (ей есть грань отсыханья у древа с плодом: есть она — плод созрел и падет), число чье, **Сорок — Капли число, Неотрывный Отрыв как единство различья: закон Корабля и полета его**. Корабля форма — тело вращения капли отрывной, готовой упасть, вкруг оси, перпендикулярной родящему ее гравитационному вектору (за согласьем оси этой плоскости нашего взора, очей госпоже, созидаемой Божьим Перстом гравитацией, в связи ее с ним чрез угл Прямизны, четвертной: Четверица-материя — четверть Единого, Духа-Творца), проходящей чрез массовый капельный центр. Тело это есть **диск**: синтез двух круглодонных тарелок — мона́дой его зря; деля ж пополам ее (сущие, де́лим, идя) и из двух половин взяв одну (как пленял Стагирит Этим нас, от Того — с ним Всего, кое Мир, Это-То, — отрешая), оно есть «тарелка вверх дном» с днищем плоским, как смертные очи.

Род капли — великая форма. Движенье, Покой — в ней одно. Капля, Тьма Божья — Жизнь, и в капе́ль, солнца дождь, оживает от хлада земля. В капле юной, рожденной к полету, живет слитность «Я» и «не-Я» как всемирный Закон. Капли-ду́ши от Духа, Воды огневой, каплют в тьму бытия, чтоб, познав не-Огонь сей, вернуться в Исток. Капля Тьмы-Воды, Будда, принц Ка|п|и|л|ава|ст|у, Ни|рвану обрел как Начало сие; каплей с Неба и в Небо прошел Иисус, Сын Жены как вода от Воды. Время, рек Пифагор — дождь Сатурновых слёз. Капли-клетки, деленьем плодясь, ткань растят и живые тела, кои — ка́пли с тем. Капля капль — Мир. И Корабль, повторяющий Мир как в родстве не таимая мудрым очам часть его — капля. Форма ее — Кораблю архетип: ибо много есть форм его частных, но корнь их — един. Так един Бог, творец сущих, в многости их как Суть всех.

Корабль, капля, есть **Шило**: ведь Шило она, коя камень у|п|ор|ством пронзает; Вода, Тьма — есть Шило Творца.

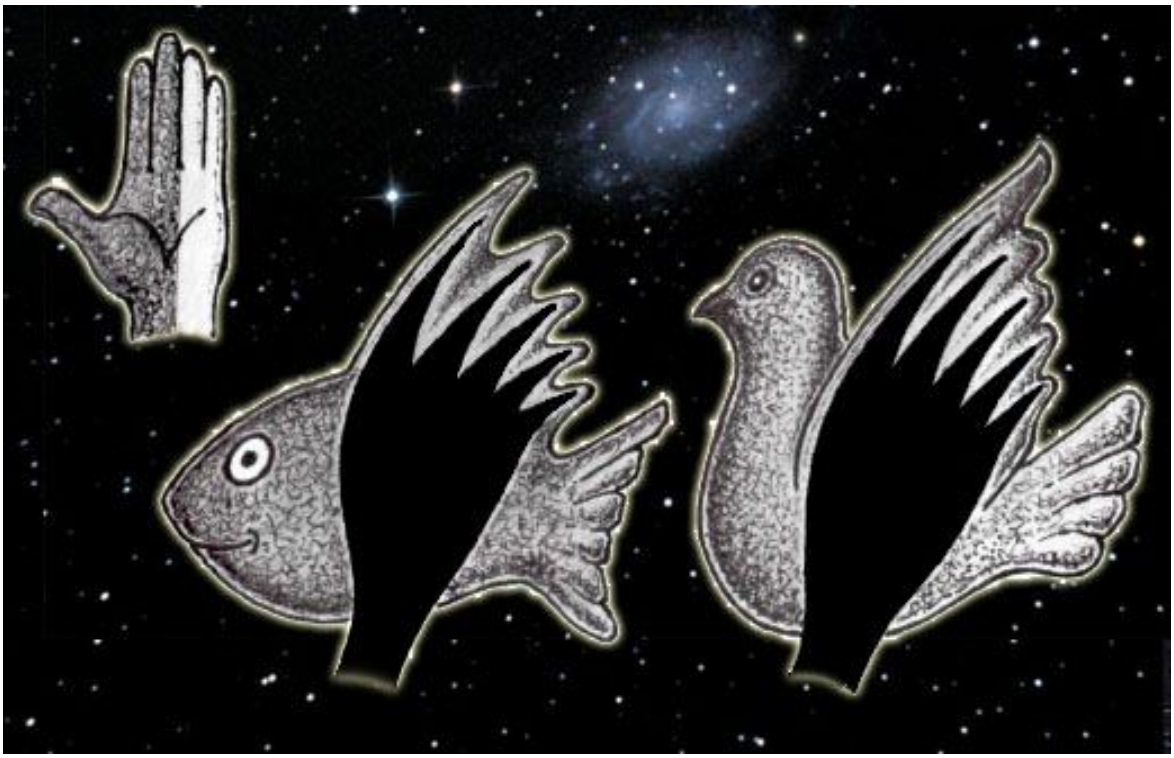


Рисунок 7

Длань наша и Гостя

Суть длани антропной — Деяние, Действье. Творит Бог Рукой своей; деем руками и мы, Его чада. Деяние — Огнь. Длань антропна — струитель Огня: Тьмы как Длани, чей лик — ру́ки все. Пер|ст|ы, пал|ьцы — пал|ят; огонь — остр. С тем, персты — острия у Гостей (плоть чья — суть огнь, эфир), úr|лы их **(**в языке посему слово палец, лат. d|ig|it|us, близко к di|git|i — точеный (лат.); Git|a — Длань, Тьма**)**. Пальцы наши — тупы, руки́ суть тая: явное *видящим* — тайно смотрящим очам.

В длани нашей, построенной Необходимостью, Силой Сего, персты Действья — большой, указательный, средний: труд их есть творить и Кр|ест|ом осенять; недеянья ж персты — безымянный, мизинец — пособники их, ведь бездействовать вовсе — не могут: Деяние, Делан|ье — дла́н|и суть. Из перстов деющих большой — суть Бог, сущих Жизнь **(**явь чему римский жест перстом сим: жизнь оставить — перст ввéрх, отнять — вниз**)**, от перстов отстоя остальных как от Мира Он: прочие эти — суть Мир, коим Греки клялись как Тетрадой (Тетр|а|ксис, числ ряд о|сев|ой (axis — ось (греч.)) — явь Мира с его содержимым**)**; рознь их и большого перста не как знак сего, а ради пользы плоти́ **(**как мнил Эн|гел|ьс безбожно: hell — ад, тьма**)** — абсурд. У|каз|а|тельный перст — Бытие, Бога Лик и Указчик **(**смыканье перста сего с Божьим, указчика с Сутию, глава к главе — жест «о'кей»: в Боге сущий — блажен**)**; перст же средний, второй в отстоящих, Бытийного больший — Природы-Утробы есть перст, большей, чем Бытие нам как чревным ее **(**указательный перст, равный персту Природы иль больший — печать патри|арх|ов, стоппов мира Бога-Отца**)**; зев меж перстом больши́м и иными — Деянье, Тьма-Мать, е|ди|нящая Бога и сущих его.

Бог — перста суть большого, Мир — прочих. О сем рек Монтень, говоря, что большой перст **(**du|im (голл.): Второе, Суть**)** — как бы рука в руке нашей: лишенный его — что лишенный руки. Так без Бога как Сути своей Мир (нам — первый, Сосуд наш) — ничто. Из четверки перстов его те, что подсобны деянным в руке — суть материя в Мире, пособница Духа, живимая Им, с тем — вторичная: Деятель, Суть — Он, Дух-Бог.

Длани Гостя творец есть Любовь. В руке этой пер|ст пер|вый, длиннейший из всех, не отставлен от прочих: Бог с Миром — одно для Гостей, нам же — нет, ведь зрим Мир мы без Бога, как прорву, дыру от Него **(**неотдельности сей явь — рука обезьяны: подобье сие кажет Суть, руку до́лжну Людей, как Два — Ноль**)**; персты ж прочи идут в убывании роста их. Вид сей руки — должный вид: капля Тьмы, суть эфирная, Гость — **птица-рыба**, рука чья — **крыло иль плавник**, где гребут персты все, все деянны, бездейственных — нет. Наша длань — суть смотрение как **указание** Бога и Мира с столпами его; длань же Гостя суть **лик** Их как *виденье*: *видеть* — есть быть Полнотой, Тьмой-Очами, какой есть Они (ведь зрить — быть), а смотреть **(**как зрим бренные мы, для кого зрить — не быть, быть — не зрить**)** — Полность эту как Тайну нести и готовить к открытью в себе.

Рисунок 8, а

Машина Любви как двуглавый Орел

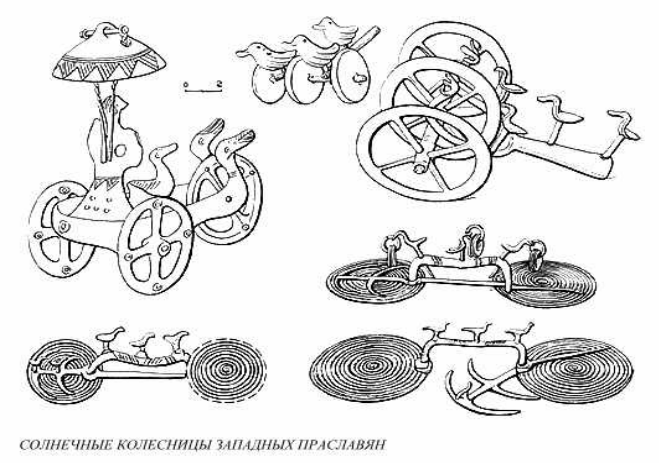
Машина Любви как Полета, Свободы — Орел, птица-Очи: крылатая суть, очи коей — крыла́. Сила хода ее — Тьма, в Машину входяща главою антропа-пилота. Глава, с ней макушкой едина, есть **тело Полета — камнь Вакха**, торящий кристалл Корабля (сущий в нем, как душа в теле нашем), что Тьмою нали́т как Очьми. Так Ноль в Двоицу входит, причина — во следствие, пол|ня Пол|ет|ом его **(**Корнь — Полет, по лет|а́м рас|простер|тый: не время — Простран|ство, над тьмой Огнь как Суть**)**.

Камень Вакха, **процессор Любви**, коим есть он — кристалл миросущный. Антроп, чрез него *видя* как чрез **живые очки**, что настроены Вакхом на Мир (ибо в Мир — Ва́кх Стезя), летит в мир некий как в грань Кристалла сего, кою *видит*, избравши из всех. Узреть мир — есть прибыть в него: зрить — быть (зря в Духе), с тем — в зримом быть; **в чем мы очами— в том мы целиком: Очи — Суть, Полнота; плоть — плод их**.

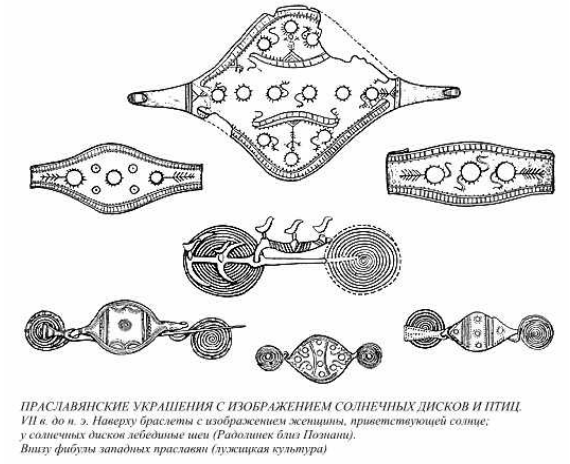
Странствье есть ход очей. Ноги там, где они — не напротив, как мним бренны: **очи и есть ноги нам; нет очей — пути нет**. Знает то маг, очьми́ цел. Он, *видящий*, как **пили|грим отрешенный**, в походе очьми — чужд подмоги им, странствуя **самим собою**: число — Единица ему. Антроп-Гость, **пилигрим хоровой** (Мира, Хора посланец), числом и имеет число-многость, Два. С тем, очам его нужен посредник, второе: крылаты очки (в Духе но́ги — крыла́). То — Гостей челн, машина Любви.

Рисунок 8, б

Древнейшие лики Машины: согласье числу Мира Три, дисковидность и суть ап*пара*тности — две головы



СОЛНЕЧНЫЕ КОЛЕСНИЦЫ ЗАПАДНЫХ ПРАСЛАВЯН



ПРАСЛАВЯНСКИЕ УКРАШЕНИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СОЛНЕЧНЫХ ДИСКОВ И ПТИЦ.
VII в. до н. э. Наверху браслеты с изображением женщины, приветствующей солнце, у солнечных дисков лебединые шеи (Радолинек близ Познани).
Внизу фибулы западных праславян (лужицкая культура)

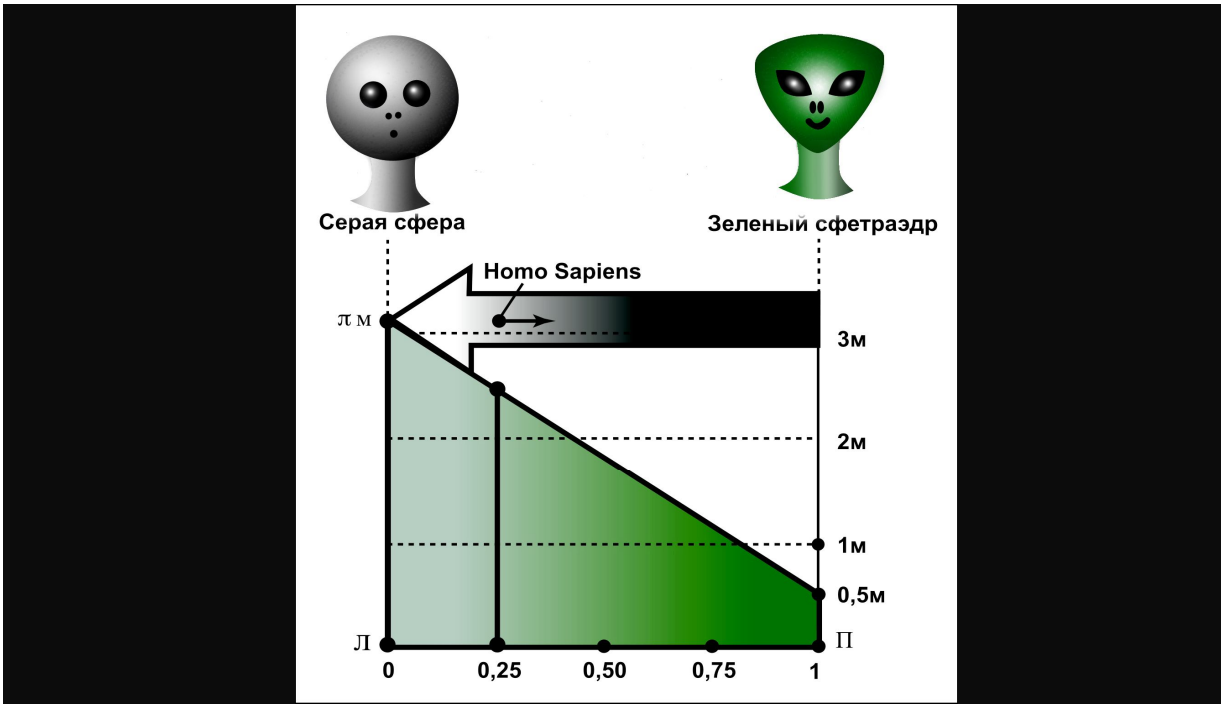


Рисунок 9

Антропный ряд

Поскольку Антропность, как рядная Мира страна, однократна, антропы Вселенной в единстве их есть ряд один. Две Антропных волны, нисходящая и восходящая, слитьем давая ряд сей (путь наверх, вниз — един), меж собой соотносятся как с ложью истина, иль полнота с пустотою; и из нисходящих антропов Землянином зрим лишь он сам (ведь рознь рознью не зрима, спускаться в тьму — слепнуть); иные ж, кто зрим — восходящи. Ряд в Мире восставлен как фалл в очах Духа, суть коих — Объем; в очах плоских же, бренных — лежит (как и дан на рисунке). В нем слева — Одно, справа — Многость; их купность — Закон мировой, Одно-Два.

В лежании сем две границы имеет он. Левая (верхняя) — Сфе́ра есть, с коей одно: четверица перстов длани, серый цвет кожи и рост величайший $L_{H.S.}$, равный точно π м[1]. Правой (нижней) границей его есть Сфетраэдр, с коим одно: шестипалая длань, зелень кожи (цвет зрелой листвы на границе июля и августа, сиречь Семи и Восьми[2]) и нижайший в Антропности рост $R_{H.S.}$, равный точно полуединице (0,5) метра: Метру в разъятьи срединном. Поскольку же Сфера — Одно (ведь проста, из себя состоя), а Сфетраэдр — Два (как синтез Сферы с Тетраэдром), числ сих единство, закону единства различья согласно — Двенадцать как *ви́денье*, зрячие Очи (*сложив числа тел этих, Десять и Сорок, имеем число 50, лик Пралайи: границы сложить (совместить) — ряд захлопнуть*). Меж этих границ, им согласные, сущи все формы, под коими зрим мы Гостей. Место нас, Землян, в ряду сем — четверть от левой границы (ведь взором, духовны, мы Левому сродны: то — Дух, Глубь-и-Высь); и делящим нам (деля — ступаем мы), вправо идя, отмерять до́лжно четверть[3]. С тем рост наш, от многоразличья свободный, есть

$$\Delta_{H.S.} = ((L_{H.S.} — R_{H.S.}) \cdot 3/4 + R_{H.S.}) \approx 2{,}48 \text{ м}$$

К росту сему, сингулярному как пункт единства росто́вых противностей, **точка Любви**, — чрез Вражду-Двойку идет Землянин. Достигнув его, он придет к обращенью на звездном Пути, — из антропа, идущего вниз смотря, став восходящим и *видящим*.

Ряд сей двумерен в очах, его зрящих, тогда как Мир — Три. Учесть это, Объем-Дух восставить — есть к паре цветов сего ряда добавить цвет третий, ко|р|и|ч|невый (г|ре|чневый) — Гр|ани, Кор|ы-Тьмы цвет. Им наделен Гость любой, плоть свою как костюм, входя к нам, надевая на грани То-Это: чертой сей — коричнев очам нашим он.

---

[1] Число это есть произведение π как безразмерной константы нашего ока (зрачка кольцевого его как присущей лишь нам, людям, меры его отворенности в Мир) и размерности, Метра как данной Создателем людям монады росто́в и длинно́т. Безразмерное в этом числе суть Дух, Качество, размерность же — суть количество, бренье, без коего в бренном сем мире число — Пустота (так пуста Х без К, половины своей: Вечность — Целое, бренье же, в плену чьем мы — половина его).

[2] Жизни и Смерти: созревшему — должно прейти, как велит Восьмерица, сбирая земные плоды.

[3] Ведь де́лим очами неравно мы: 1 : 3 (чему согласен очей наших зрящий ансамбль «одна «палочка» (скотопическое, ночное, зрение) — три «колбочки» (зрение фотопическое, дневное)). То — **место очей**: не мирское — духовное; строгое его равенство названной левоположенной четверти Единицы есть знак нуменальности, сиречь положенности во Глуби, и места сего и Антропного ряда для личности как микрокосма: Глубь наша — Бог-Мир.

Таблица к рисунку 9

Человек и Антроп-Гость:
единые, зримые в розни
Свод черт неподобия

Различительный признак	Ипостась мировой Антропности	
	Homo sapiens, **антроп нисходящей волны Эволюции**	**Гость,** **антроп восходящий**
Разделение, сущее в очах как их принцип	Неравноправное, ложное 1 : 3, суть смотрение	Равноправное, истинное[1] 2 : 2 (1 : 1), суть *ви́дение*
Созерцательный статус в отношении к зримому миру Земли	Невольное подчинение	Господство над частию сей чрез покорство Вселенной как Целому[2]
Сила, властвующая антропом и миром, к которому он относим	Необходимость как внешняя Сила, явь чья в мире сем — гравитация, коей подвержен антроп. Плоть его имманентна: устроена ради себя	Любовь, Сила-Внутри как Свобода, Полет. Плоть, согласно сему, трансцендентна: устроена ради очей наших, к Этому То, в знак единства в Антропности нас и Гостей
Антропность как капля Вселенной-Луны, Мифа часть	Капля в тайне очей: розньдуши и телесной облатки ее	Капля-явь: душа-тело как слитная суть
Плотное тело в его отношении к тонкой (эфирной) основе, душе: к Сердцу — Ум	Ум Ума: души шкаф непрозрачный, таитель ее	Ум Сердца: явитель души как прозрачный сосуд для нее
Доминантная суть, голова	Тайная миросущность: ум, с сердцем раздельный и сущий над ним как вторым, помещенным в груди	Луноглавье как явная миросущность: сердце едино с умом, им владея; Суть синтеза их — Сердце-Ум, Мир-Глава. Форма главы, согласная левой, причинной границе Антропного ряда, сферична как Мир, а согласная правой — сфетра́эдр как Мир-и-материя, Целое с частью своей[3]
Остов (стержень) плоти́, копье Ввысь	Многокостный скелет: фалл, разятый в себе	Плоть как кость-монолит, фалл-одно
Способ коммуникации	В основе речевой	Неречевой: речь не уст — мысли; не Ума — Сердца
Наблюдаемое различие особей	В наличии	Неналично для сущностей, представляющих один планетный мир
Половая морфология	Диморфизм	Женосущностный униморфизм (наблюдаемая бесполость)

Функциональное представительство	Локальное (имманентное), часть как часть: зрение — в очах, слух — в ушах и т.д.	Вездесущее (трансцендентное), часть как целое: Гость весь — зрение, Очи; слух с прочим — очами объяты и сняты как целым фрагменты его
Род дыхания	Окислительный: химическое пленение атмосферного кислорода	Трансцендентно- восстановительный: высвобождение кислорода из химически-пленной формы, согласное дыханью листа[4]
Трофический статус	Гетеротрофия	Автотрофия
Явная пищевая доминанта	Вещество	Энергия (Свет)
Перемещение в зримом пространстве	От пространства сего неотдельно	Превосходит его. Купно с будним движеньем — движенье с уходом из зримости нашей: начало с концом пути — в Этом, путь — в Том (телепортация)
Способ репродукции	От великости — малость: от целого — целое, мнимое частью очам. Внутриутробнное вынашивание плода с его явлением при родоразрешении	От большого — оно же: от целого — целое видом и сутью, без розни. Деление одной сущности на две, тождественные начальной (метафизический партеногенез по образу числового генезиса: порождение единицею двух, из которых любая — она)[5]
Пренатальный онтогенез, мес.	9	10
Сенсорный статус	Пятерично-модальный как купность зрения, слуха, осязания, обоняния и чувства вкуса	Унимодальный: восприятье тождественно зрению
Суть зрения	Избегание света в подобии совьему оку	Стремление к свету подобно цветку
Зрительное поле	Дискретный спектр: Семь света, делимые Шестью тьмы, сумма коих — 13, число розни ока как «чертова дюжина»	Спектр-монада: Двенадцать условно-делимые, в сущности — нераздельное двенадцатиричное огневое Одно
Функциональное и структурное отношение мозга и глаза	Мозг и глаз неразличны в структурной основе (оба образованы нейронами) и различны по зримости как отстоящие друг от друга тела, сопряженные посредством **х**иазма (оптического перекреста)	Мозг и глаз есть одно: целокупный зрачок, Тьма для Света как Мир, Тьма-и-Свет для себя[6]
Форма проема, из коего зрит глаз	Двианук: субстанциальный двуугольник, согласный числу 2 как Вакху-Дигону, вратам в Матерь-Ноль, гла́за Суть	Две формы: — овоидная (яйцевидная), острою стороной обращенная к носу: по сути — Ноль; — круглая как квазиточка, ану: субстанциальный одноугольник[7], согласный числу 1
Наличие века, хранителя глаза	В наличии: веко глазу есть щит от среды, коей глаз сей страшим	Глаз безвек, не нуждаясь в хранителе: Гость — господин над средою, страшащий ее
Сердечная функция	Физически исполняема сердцем	Исполняема мозгом как сердцем-умом

Функция выделения	Исполняема телом и кожным покровом (чрез поры)	Исполняема кожным покровом как целым — его отрешеньем подобно листу в листопад (или коже змеи) при отходе антропа в незримость, откуда приходит он с кожею новой, как дерево с юной листвою, *омывшись в Причине*: Тьме-Том — от Сего
Цвет кожных покровов	Полихромия, цветовой доминантой согласная четырем земным расам: белой, черной, желтой и красной	Покровы бихромны: зелено-серы
Цвет мозгового субстрата	Серый	Черный
Цвет прочих внутренних тканей	Полихромия	Черный
Цвет крови	Красный	Зеленый
Отверстия	9 (7 головных, 2 туловищных)	5 (туловищные неналичны[8]; отсутствуют и ушные, с тем — уши: Гость — Очи, в ушах не имущи нужды)
Мимический статус: вид уст	Переменчив: игра на устах Бога с Дьяволом	Неизменный седлообразный изгиб — улыбка как образ согласья Божественной Воле (так сердце согласно душе как седло седоку)
Перстный строй дланей	Рядно разделён в отношении 1 (большой перст) : 4, деятельно — 3 : 2 (три действуют, два посредствуют)[9]	Рядно и деятельно един; длань перстов сих — суть чистое Действие: Мать как Господня Рука
Число перстов конечности	Неизменные Пять в телесной норме[10]	4, 5 или 6 согласно трем зримым родам Гостевых сущностей[11]
Форма перстов, игл Деяния	Тупая, недолжная	Заостренная, должная
Морфология стопы	Сводчатая, пружиняшая согласно среде: стопа ее раба	Бессводовая (плоская), побуждающая среду пружинить: стопа господина ее
Цитотип телесного субстрата	Животный	Растительный
Цитоморфный статус плоти	Диморфизм: 2 рода клеток — телесные (соматические) и половые (гаметы)	Униморфизм: все клетки плоти — половые; все тело — суть спермий один[12]
Род деления тела в себе ради самоподдержания и воспроизводства в дальнейших телах соматической линии (обеспечения телесной преемственности как физического коррелята духовного бессмертия)	Частный, двоякий по купности митоза (удвоение соматической клетки) и мей|оза (в существе — «наделение дей|ствием, Матерью», ma|de: переход соматической клетки в 4 гаметы: монады — в тетраду монад)	Состав тела делим не в частях своих, клетках, но в полном единстве себя (при воспроизводстве антропа, см.выше), что есть квазимитоз: митоз по форме, по сути — мейоз, мысля тело антропа как клетку одну (как по сути и есть: тело, п|лот|ь — Духа к|лет|ь)
Число хромосом в кариотипе	46, неравноразъятая Декада	55, Декада равноразъятая

КОММЕНТАРИИ К ТАБЛИЦЕ

[1] Суть деленья сего — Мудрость, Тьма. Посему в черных Гостя очах бодра Мудрость; в очах любомудров, ей сродных, она пробуждается; в мирских пустых — она спит.

Виденье и смотрение — равные страны очей, как равны Небеса и Земля, страны Мира; и *видящих* очи по воле своей, с волей Божьей единой, вольны и смотреть, разделяя нера́вно, и *видеть*, деля пополам (посему *видящий* есть смотренью хозяин, тогда как смотрящий смотрению — нет); любомудровы очи и смотрят, и *видят* по воле Творца — не своей, *виденье* их — награда Его за у|серд|ие (в|серд|ье, ход в Сердце со с|т|Ра|сти|ю должной: страсть — Сердце); немудрые ж очи, смотрящие, — смотрят по воле Господней, но *видеть* и их подвигает Любовь, с коей детские очи одно: **дитя — остров Любви в мире сем, Сердце в гуще Ума**. ***Ума***. Бренье — глупость очей, Вечность — Мудрость. Глупец есть смотрящий; мудрец, соф (греч.) — *видящий* как Мать, Сов|а-Сва; философ — средина меж них: смотрит он в жажде *видеть*, с тем — *виденьем* тронут как Сенью: путь — целью своей.

Из живущих мудр тот, кто познал смерть, клей Мира, и в знании сем, как звеном, ею спряг Это с Тем — как герои, имевшие вход в Аид, То; как Орфей, смерти сродный чрез песнь: обе сих — Тьма; как маги, сопрягшие смертью себя в цельный Мир. В мире сем всяк причастный ко Мудрости — Гость: Тьма — Иное; и Гости, Лю|бви Лю|д, Иные вполне миру Розни, сему — Гости полные здесь (как Гость полный, *полн Тьмою*, есть всяк аватар); любомудры, живущие в мире сем плотию, *знают*, что Гости они, и с тем есть Гости наполовину; немудрые ж, чуждые Тьмы, с тем — не зная себя (ибо знаем себя чрез Причину мы, Тьму), мнят себя господами Сего (царь чей — Князь; бренный всяк — раб его), вечно сущими в нем. Учит мудрый В|ост|ок: **гос|подин в доме — Г|ос|т|ь, То**, ведь То — царь Сему, Долу — Высь; Гос|ть гостей — Бог, Гос|подь как всеполное То.

[2] Сути мира Свободы-Любви, бренным нам, половинным очьми, Гости есть господа; друг для друга же в мире своем они есть господа и подвластные в лике едином: царить — есть Служить. С тем, Любовью, Служеньем живя (ибо Два сих — Одно), Гости правят друг другом как Слуги.

[3] Мир зря как Г|лав|у без иного, подобной ему зрил Платон главу нашу («Тимей»). О том речь — и канон Поликлета, условием первым мужской гармоничной фигуры имеющий требованье округлой («короткой» в пропорции) головы. Две базовых формы главы, Сфера и Тетраэдр, задающие Антропный ряд как границы его, в сем каноне как сплав — грань меж брахикефалией **(**от brachys — короткий и kep|hale — голова (кеп|ки коей — круглы)**)**, сиречь круглоголовостью, и долихокефалией (от do||ich|os — длинный: «дол-лихо», суть го́ре от низа: некруглость — не-Высь, ущербленность), согласная отношению 0,75 (3/4), являя Тетраэдр им как меньшее Сферы на четверть — Тетраду, Декады четвертую (в счете всех) часть: 1 + 2 + 3 + **4** = **10**. Г, четвертая буква в ряду алфавитном, начальна в «Глава», посему есть «Гла|гол», суть Гла|ва-Го|л|ова: Go|tt, Бог вечный по сути Своей.

[4] Ки|сло|род есть особый субстрат: в нем к дыханью дан Дух, коему, как Причине, согласен химический знак кислорода О, Цикл-Ноль, и число 16 как атомная его масса и порядковый номер буквы О в духосущностном русском алфавите **(***явь 16-ти как числа́ Духа есть Кришна, бог вечно шестнадцатилетний; 16-частность согласной ему Маха Мантры; порядковый золота но|мер, металла Коровы, Век коей — Златой: 79 = 7 + 9 = 16***)**. Посему вток сего газа в бренье с дыханием Гостя — знак роста Свободы в Сем, Тьмы, кою Гость, часть Ее, несет Божией вестью, что нам **помогает дышать**. Так подмогой в сем нам — вера в Чудо, чьей каплей есть Гость, дивный нам **дыша Тьмой беспромежно как Космосом, Ч|уд|о-Коровою**: нам — пустотой как ничем, магам же, кем есть Гость, — Полнотою как Всем, Тьмою-Силой как **Жизнью само́й: Пищей-Воздухом всех**, тайной в Розни смотрящих очах, дышать коим — одно, есть-пит|аться — другое, и явной в очах Любви *видящих*, коим дышать и питаться — одно. Ведь Ды|хан|ье — Хан, Царь, п|ра|н|а старшая В|ед, Е|д|а нам; Господ|ин же наш — Тьма-Бог, Хан-Да, высший Ду|х; ат|м|о|с|фер|а как воздух наш — суть сферa атмы, души: тонкий мир, очам бренным пустой пустотой их самих.

Автотроф, Гость как древо от Неба питается светом чрез кожу свою, от Земли же — водой и солями чрез стопы, беря их в себя чрез **трансцензус, лишение Это'вости в Том, коим есть Гость**. Рот наш не потребен ему. О сем слово — Платонов «Тимей», в коем сказано, что созидатели человека устроили его рот как вход для питания **ради необходимого**, — коего высший, Гость наш, как **Свободы дитя**, рот несет не как вход — как Антропности знак, дабы, нами узренный, был узнан как брат наш: антропом — антроп.

[5] Родоразрешение особи Гостя подобно делению клетки, из коей деленьем являются две, строго равные этому целому. Гость-«взрослый» не исторгает Гостя-«младенца», но, точно делимая надвое и двоекратно возросшая капля, телесно становится он двумя. Порожденный таков же очам, как родитель, «плод» равен «утробе» своей **(***так творит Одно Двойку как пару себя; так, без ну́жды скрывать сей процесс, в себе делится клетка: Одно — в Два; в утробе таить плод как Истину — лгать, чего клетка, п|рост|а, не умеет: лжи — многость оплот***)**. В очах бренной науки науки процесс сей творит дефект массы великостью **в клетку, антропа** (ведь клетка, монада Антропности Божьей — антроп: не часть — целое); в терминах сущностных он бездефектен как внутренний Духу приплод Одним Двух, в коих оба — Одно как сосуд всех повторов своих.

Плодиться как Гость — творить Два чрез Ноль: капли чрез Воду. Об этом-то способе пишет в романе «Последняя война» фантаст Кир Булычев: «Помню, был у нас в космическом училище странный случай. Проходили мы практику на недалекой планетной системе. (…) Было на той планете, раскаленной и сухой, несколько водоемов. Возле каждого околачивалось стадо животных, малоподвижных, порлностью неразумных. Да и какой стимул мог быть у них к развитию, если род поддерживался с помощью водоема, — напьется чудище из него, тут же делится на два». На эту планету опустились на планере два космонавта, Настя и Витя. «Спустились неудачно: планер побили, рацию на кусочки, и вынуждены были километров тридцать идти до базы». Витю мучает жажда. Настя, зная особенность местных водоемов, предупреждает его: не пей! Но тщетно. «Один водоем Витя пропустил, послушался. А тут второй на горизонте. Со вторым было труднее. Настя Витю буквально оттаскивала за руки. А как дошли до третьего, Витя не выдержал, оттолкнул девушку — и к луже. И напился. (…) Не успел он от водоема отойти, губы отереть, как (…) на глазах Насти он начинает раздваиваться. Посередине тела проходит линия раздела, растет он в ширину, соответственно уменьшаясь в росте, плачет, мучается… Вот у него уже две головы и четыре руки. Некоторое время он корчился — уже не Витя, а сиамские близнецы. Потом трах — и стоят перед Настей два Вити».

6 Обезличенный лик глаза Гостя в науке мирской есть абстракция абсолютно черного тела — отверстия в непрозрачную полость, единую с ним. В Госте *полость* сия — Тьма как *Полность*, Причина-Жена, коей явь есть и мозг (в существе — Сердце-Ум), и иных тканей по́лостных, внутренних, вид, что у Гостя черны: ведь Глубь — Тьма.

7 Субстанциальные фигуры, данные нам древними Индийцами, есть угольники с числом углов единица и выше на сфере — по сути, поверхности Мира, каков есть Шар. Субстанциальный одноугольник — ану, или квазиточка, есть фигура, образованная точкой (вершиной), соединенной посредством прямолинейного отрезка сама с собою: окружность как точка, имущая Глубь (ведь прямая на сфере — кругла); двуугольник, или двианук, — фигура, образованная двумя точками, соединенными посредством двух разных и равных длиною отрезков; субстанциальный треугольник, или трианук — фигура, образованная тремя точками, соединенными друг с другом тремя отрезками. Из трех фигур сих лишь третья, трианук, соотносится с плоским треугольником; две ж первые не представимы на плоскости — ложной поверхности (Глубь не имущей — как, в сути, поверхности Мира в предельном своем искривлении: Мир — Глубь), но сущи на сфере, поверхности истинной, суть коей — Шар, Сфера с Глубью ее. Шар, Мир, Глубь-и-поверхность, есть Сто|лп гео|метр|ии истинной: Гея, Земля — шар как Мира законная часть, Шара шар. Плоскость, суть геометрии бренной, Евклида злой дар — суть поверхность без Глуби: облатка пустая, от Полности Божьей дыра, голый нуль.

8 Что отверстия эти излишни, являемо чувством стыда, нам велящим таить их.

9 Подробнее — в комментарии к рис. 7.

10 Уклонение от нее являет феномен полидактилии, Богом данный очам к указанию дланей Иных, Гостевых.

Для раскрытия истинной сути антропных форм, данных очам, наших и Гостевых, скажем здесь, что теория их адаптивного происхождения, т.н. «естественный отбор», по которой рука есть орудье удободержанья, возникшее долгим путем как ответ живой ткани на свойства среды, веки — тот же ответ как хранитель очам и т.д. — в сути ложь: **не среда корнь — Антроп**, для которого Бог, сотворивший его к Своей славе, обитель созда́л как второе; хозяина — менее дом как облатка его. Старшинство и великость, о коих здесь речь — не по времени (коего нет в существе), но по сути: Бог Мир сотворил в Миг один, Мигом — длит его, вечным в себе; Миг сей зря изнутри (сущий в Ми|ре — сущ в Ми|ге), зовем его Вечностью мы.

«Эзотерическая доктрина, — пишет Эдуард Шюре, — допускает трансформацию зоологических видов не только вследствие второстепенного закона подбора, но и вследствие основного закона проникновения в землю сверхфизических сил и воздействия разумных начал и невидимых сил на все живые существа. Если на земном шаре появляется новый вид, это означает, что более высокого типа души воплощаются в данную эпоху в потомков прежнего вида для того, чтобы поднять его на высшую ступень, формуя и преобразуя его по своему образу. // С точки зрения земной эволюции, человек есть последний отпрыск и венец всех предыдущих видов. Но эта идея объясняет его появление на сцене жизни не более, чем она объяснила бы появление первой водоросли или первого ракообразного в глубине морей. Все это постепенное творчество требует — как и каждое рождение — проникновения в землю невидимых сил, творящих жизнь. Созданию человека должно предшествовать царство духовного человечества, которое руководит развитием земного человечества и посылает ему все новые потоки душ, которые воплощаются в его недрах и озаряют первыми лучами божественного света это беспомощное, требующее воздействия и все же отважное существо, которое, едва освободившись от мрака животности, принуждено бороться со всеми силами природы для поддержания своего существования». Далее сказано: «Из всех наук наиболее противоречащими идеям спиритуализма кажутся сравнительная зоология и антропология. А между тем, они могли бы послужить доказательством для спиритуалистических идей, если бы был уловлен закон, по которому совершается взаимодействие между духовным миром и миром физическим. Дарвин положил конец младенческому представлению первобытной теологии о сотворении мира. В этом отношении он только вернулся к идеям древней Теософии. Уже Пифагор сказал: «человек сродни животному».

Дарвин показал законы, следуя которым природа выполняет божественный план; законы эти: борьба за существование и естественный подбор. Он доказал изменчивость видов, он сократил их число и установил их происхождение. // Но его ученики, теоретики абсолютного трансформизма, желавшие произвести все виды от одного первоначального типа и ставившие их проявление в исключительную зависимость от от влияния среды, делали большие натяжки в пользу чисто внешнего и материалистического понятия о природе. // Нет, среда объясняет появление видов не более, чем физические законы объясняют законы химические, не более, чем химия объясняет эволюционный принцип растения, или эволюция растения — эволюцию животного. // Что касается больших отделов животного царства, они соответствуют вечным типам жизни, обозначающим различные ступени сознания. Появление млекопитающихся после пресмыкающихся и птиц имеет свою причину не в изменении земной среды; измененная среда являет собой только условия. Появление это обусловлено новой эмбриологией, следовательно, и новой разумной жизненной силой, воздействующей изнутри, из той внутренней сути природы, которую можно назвать потусторонней по отношению к нашим физическим чувствам. Без этой сознательной жизненной силы невозможно объяснить появления даже самой ничтожной органической клеточки в мире неорганическом. // Наконец, Человек, это животное подобие Мировой Души и деятельного Разума, завершающее собой целый ряд существ, раскрывает всю полноту божественной мысли гармонией своих органов и совершенством своей формы. // Синтезируя все законы эволюции и всю природу в своем теле, он покоряет и поднимается над ней для того, чтобы через сознание и через свободу вступить в беспредельное царство Духа».

О властвии Глуби над внешним как Духа над формой в развитьи живого Тей|яр де Шар|ден говорит: «Одно дело установить, что у последовательных потомков одного животного члены становятся однокопытными или зубы плотоядными, другое дело разгадать, каким образом произошел этот сдвиг. В точке прикрепления побега к мутовке – мутация. Хорошо. А дальше?.. Обычно последующие модификации вдоль филы столь постепенны, а органы, подвергающиеся модификации, столь устойчивы и иногда прямо с зародыша (как, например, зубы), что мы решительно должны отказаться во всех случаях просто говорить о выживании наиболее приспособленных или о механической адаптации, к окружающей среде и к пользованию. Как же быть? || Чем больше мне приходилось встречаться с этой проблемой и заниматься ею, тем больше мне навязывалась мысль, что в данном случае перед нами действие не внешних сил, а психологии. Согласно ныне существующим представлениям, животное развивает свои инстинкты хищника, потому что его коренные зубы становятся острыми, а лапы когтистыми. Но не следует ли перевернуть это предложение? Иначе говоря, *не потому ли как раз тигр удлинил свои клыки и заострил свои когти, что по линии своих предков он получил, развил и передал потомкам «душу хищника»? И то же самое относится к другим животным — к пугливым бегающим, плавающим, землероющим, летающим... Эволюция «характерных свойств», да, но при условии брать этот термин в значении «свойств характера»* (курсив наш).

Суть — не форма — царит. **Мира полная часть, человек, ему равный пред Богом, таков, каков есть он, не властию Мира, — но Бога, Создателя, чей он портрет. Не угодное Миру вершимо, но то, что у'God'но Творцу: творит — Он; не во внешнем Моти|в перемен — он Глубь, Дух как Движение (moti|on — англ.)**. Глубь есть Высь как Образчик наш: то — Цель. Дух в плоть умалить как Причину во следствье — убить Мир в очах (с тем — и очи сии: зриться — быть). Так Кирилл и Мефодий, Со|лун|и умы, божью Речь низведя служить бренью как Сердце Уму, — тем разъяли ее, дав нам мертвую речь: буквы — Духу взамен. Речь мертва́ — мертвы люди, глаголы ее.

11 Наличье меж дланей Гостей, помимо обыденно 5-палой, еще 4- и 6-палых есть застывшая в пло́ти антропной ошибка смотрения нашего, корнем имущая встречное движение восходящих Гостей в отношении нас, нисходящих, — движение, где приближенье Гостей к нам по правилу числ учтено добавлением к перстной пятерке монады-перста (5 + 1 = 6), а удаление — ее отъятьем (5 — 1 = 4). Для *видящих* Мир без ошибки — перстов у Гостей, как у нас, пять во длани: число Человека, каким есть и мы и они; длань же — то, чем являема Суть Человека, Деяние. Лик сей ошибки в науке мирской, мех|анической (мех есть Вину мешок: Тьме, Сути) — доплеровский эффект повышения слышимой ухом частоты приближающегося источника звука, и понижения — частоты удаляющегося. Как в момент, когда источник сей поравнялся с нами, частота восприемлемого ушами звука и собственная его частота совпадают, — так точно перстов у Гостей, поравнявшихся с нами в движении встречном — пять, как и у нас.

12 Стремимый во Тьму, Лоно сущих — Свободу их. Втайне от глаз наших бренных сим спермием есть и мы.

Спермий как суть пло́ти Гостя дан кариотипом его, число коего 55 делимо не смысле обыденно бренном, с утратой единства (делить так учил Аристотель), — но по Пифагору, сиречь без утраты его: 5 : 5. Делимое так, 55, Декада равноразъятая **(**Мир пополам, — ведь суть кариотипа есть Мир: 5 + 5 = 10**)**, — число совершенное. Число 46 же, согласное нашему кариотипу — Декада неравноразъятая (Мир, в очах битый), ущербно по сущности, ибо не есть разделением пополам: 4 : 6. Смысл его — две антропных волны, синтез коих есть Мир: нисходящая (6) и возвратная (4), сущие в нас как печаль и как радость, из коих вторая — первей как единая с Богом и пе́рва в

числе сем как в жизни людей Век Златой: круговой возврат в То, Вглубь бурение; первая ж — исто́рья пред Веком сим: не-Возврат, ход в ничто, к Дну как в чистую Рознь. Две волны эти разны для нас, но едины Гостям, кои знают: сходя, восходя ль — мы восходим возвратной Стезей, коя Мир, кольцевая Река, чей Ист|ок-Ко|нец — Бог. С тем, и чи́сла двух волн сих равны меж собой Гостям и таковы же в их кариотипе: плоть есть Очей плод.

———————————

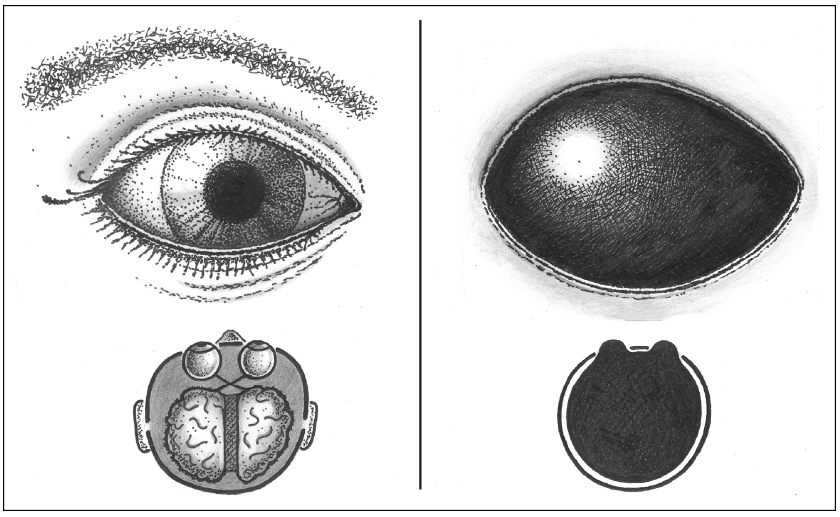


Рисунок 10

Очи наши и Гостя

Из очей этих первые света боятся как совьи, вторые — стремится к нему, т|о|ч|но к солнцу цветок; но обоих суть — Солнце: его избегают, к нему и стремятся они.

Вот очей сих черты:

- глаз наш крыт sto'ркой века, хранящего его от света и пыли; глаз Гостя — **безвек**. Ибо свет люб ему, пыль — бежит: в Силе сущ, он есть око царя над природой земной, каков Гость. **Веки очам Любви, каковы очи Гостя, излишни: Любовь — Очи, зрящие вечно как Сердце в лишеньи Ума, век слепящих его, плóти крайней для Уда сего**. Зрить очьми сими — зрить сердцем Сердце безумно: ведь сердце есть очи сии, Сердце ж — Мир, куда зрят они. Веко — знак времени, око таящий, как время — Пространство в сем мире: век|á — Вак, Корову, Мать-Злато; с тем, «веко» как суть — одно с «век». Очи Гостя, любовные — смелые очи, бояться — нужды им нет: Любовь — Жизнь; наши — трусливые **очи Вражды**, коим веки — от Жизни щит. Очи Того, очи Гостя нам, Жизни не зрящим, есть **мертвые очи**: мигать им не дóлжно. Так в Тьме Гераклита, мигая, горит Бытие, сие вечно-невечное; Тьма ж, Вечность-Суть, не ми|г|нет никогда и не мúнет, ведь нет у ней век. Vis|Nu — Ню, Очи голые: Тьма — чистый Взор. Таков Будды есть Взор Не|мор|гающий — Жизни самóй: mor|s — смерть (лат.); взору сему согласна стезя очищенья йо|гин|ов, тратака: держимый до слез из очей голый взгляд;
- око наше зрит центром, зрачком, чьи врата с ростом света стремятся закрыться; глаз Гостя есть **цельный зрачок**, центр в любой точке; и врата черные эти, суть Тьма-Сила, вечно распахнуты к Миру как Солнцу-Всему, кое есть Сердце-Ум (тогда как солнце бренных — Бытье, Ум один). С тем, глаз наш, зрящий частью, к объятию мира **подвижен** как **шар**, каков он. Оку Гостя — нужды нет вращаться, а с тем шаром быть как отдельным: оно — сердце-ум, внутриглавная ткань в полноте, коя, вспучась в глазницы, зрит рáвно и внутрь и вовне как в Одно — а не в Два, как глаз наш. Мир — Монада сия; очи Гостя, чье солнце он, есть очи ***виденья***, сущие ради него, как и он — ради них.

Г|лаз|á — наши ль, Гостей — **врата Духа**: чрез них исходя, **Дух зрит Дух, Мир — Себя**, — тем стяжая Одно изо Двух.

Излияние это различно у Гостей и нас, вот рознь эта. Поскольку у нас чрез оптический нерв правый глаз единим с полушарием левым, глаз левый же — с правым, согласным ему полушарьем, а дух левосущ во плоти, — дух струя, око **правое правит** как дом его[1]. Но, долей меньшей, дух льется и зрит и чрез левое око; два нерва, пути духа, в точке **x**|иазма скрещаясь — каналы струенью сему, кое в наших глазах есть **1 : 3, деленье неравное**, где око правое — левого втрое сильней, в очах Гостя ж — **2 : 2, серединный разрез**, в коем силою очи равны.

Дух слабеет в разъятьи неравном, *расколотый* им: что делимо нерáвно — разбито. С тем, в наших очах слаб он, в очах же Гостя — силен. Силы дом, око Гостя — то, чем пленит Гость нас как **царь созерцанья**, владыка, чьи есть мы подвластные. С тем, при Контакте мы, Силою полнясь от Гостя, глаз сей зрим равнó и пустым — как сам Дух-Полноту, пустоты-плоти чуждый — и полным как тело, суть многость пустая сия, полнота нам, пустым. Сим-то после Контакта смятён бренный наш *полу*-ум (ум бессердный; ум цельный, благой — вечен Сердцем как Сутью своей), когда Сила — ушла[2]. Жизнь не зрящие, страха не ведаем мы лишь в виду недвоимо-обычной плотú — половины, что целым мы мним, — коей есть очи Гостя, что мертв[3].

---

[1] Что свидетельствуют Упанишады, говоря о «пуруше, который виден в правом глазу»; и булгаковский Воланд, чей правый глаз «пуст, черен и мертв» духосущно; о нужности ж нам ради Духа зрить справа налево — с поверхности в Суть — говорит описание Воланда, где фразою «правый глаз черный, левый *почему-то* зеленый» (курсив наш), — дан вектор сего постижения купно с владычеством правого ока (указано кое сперва) и **нестранностью в нем черноты** — ибо странен глаз **левый**, таящий мирски Тьму-Причину, ее указуя зеленостью: зелень, цвет Жизни — суть Тьма. Очи Воланда — черные **оба** по сути; наружно ж одно не черно в дань мирской человечности, в кою играет мессир как посредник миров. Глаз зеленый похож на людской — но таков он не есть, что узрели вдвоем Берлиоз и Бездомный, взглянувши в него и найдя «совершенно безумным» в мирском разуменьи ума, т.е. в сути **сверхумным**: как Тьма, Сердце. Очьми таков и ***Коровьев*** с никчемным своим маскарадным пенсне, где в одном окуляре стеклá вовсе нет — сиречь **пуст он**, как правый глаз Воланда, — а в окуляре другом оно треснуто, как треснут чистым безумием левый, зеленый мессировский глаз.

[2] Смятение это бывает и после Контакта, и, рáвно, пред ним как знамение Силы грядущей (пред Силою, как Настоящим, равны «после» с «пред»). Перед встречей с Христом, по Булгакову, мучим Пилат чувством этим как мукою прямо **телесной**: болезнью геми|кран|ией (мигренью), суть коей тут — стремленье правого, «пустого» полушарья (ведь левое в нас — Дух как Полность, а правое — не-Дух, пустое) **исполниться Духа**, смотрящий — **прозрéл** чтоб. У Мастера и Маргариты, встречавшихся с Воландом, Силой-Тьмой, — ныл после **левый висок**, локус речи, зовущийся «зоною Брока»: **речь — Рекой жива, Миром**, коего жаждет она как облатка — ядра.

[3] А вернее — костюм свой покинул: плоть Гостю — Контакта костюм (см. комм. 85, 110).

Рисунок 11

Гость как спермий:
антроп луноглавый, шар-уд, Мир с хвостом

Образ Мира как капля Воды сей, Главы без иного, Гость наш не Одно — Два: с иным Голова, Шар с хвостом, в сути — Мир с внутримирьем, вторым, Глубь торящий, как вульву уд. Гость — Мира полная часть (с тем — Луны: Мир — в ней): Целое, Мир, и не-Целое, часть Мировá. Гость как Целое — Мир в самодействьи: Змей, хвост свой кусающий; как часть, он есть спермий-уд, лезущ в Целое-Вульву к стяжанью Себя как в Одно Полтора: в Уд цикличный, Мир-Шар без иного — разомкнутый Уд, Мир с хвостом, чтоб хвост сбросить как лишнее Сути. Так стать головастику взрослым, в лягушке явив суть свою — есть отбросить хвост свой как не-суть.

Таковы же и мы втайне бренным очам; Гость — явь тайны сей,
очи смотрящи будящий *увидеть* себя.

Комментарии

1 «Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки. Царство [над миром] принадлежит ребенку», — сказал Гераклит. Сопричастное Вечности, Миру, земное дитя с тем — царь, маг и пророк.

В книге Пауло Ко|эль|о (гонца Тьмы, mater co|el|est|is) «Пятая гора» есть прекрасное место о том. Мальчуган, сын вдовы, приютившей пророка Илью (Илию), вопрошает его в чистоте своего целомудрия: кто есть пророк? Илия отвечает ему:

— Тот, кто слышит те же голоса, что и в детстве, и все еще верит в них. Так он может узнать, что думают ангелы.
— Да, я знаю, о чем ты говоришь, — сказал мальчик. — У меня есть друзья, которых никто больше не видит.
— Никогда не забывай о них, даже если взрослые скажут тебе, что это глупости. Так ты всегда будешь знать, чего хочет Бог.

Детство — мудрости корнь. Знал то Анаксагор. «Говорят, — сообщает нам Диоген Лаэртий, — что однажды, когда он пел, дети стали над ним смеяться. Узнав об этом, он сказал: «Что ж, ради детей придется мне научиться петь получше».

«Сердце мое сердцу ребенка подобно», — писала Сафо Лес|бо|с|ская. Мир наш, забыв многих, — помнит ее посему.

2 Единенье Того с Этим в Мир, нашу Суть, как стяжание Цельности нашей угодно Творцу, Мир создавшему тем же сплоченьем. Камю о том рек: «Обращаться к Богу оттого, что вы разочаровались в земной жизни, а боль отъединила вас от мира, бесполезно. Богу угодны души, привязанные к миру. Ему по нраву ваша радость». «Любовь желающая быть только духовной, становится тенью; если же она лишена духовного начала, то она пошлость», — рек Генрик Сенкевич. То с Сим, Тьма и Свет — нераздельны в Одном: Мире, Шаре Любви. Так у Греков богиня Любви Афродита, Урания (Небо) ль она иль Пандемос (Земля, мир людской) — Афродита одна. О брахманах Славян, ведунах посему говорится:

Хотя они искали ухода от мирской суеты, но жизни не сторонились. Так, если к ним приходила женщина, желавшая иметь от них ребёнка, то почиталось оскорблением богов ей в этом отказать. Однако сами ведуны жён не имели и их не искали. Они отгораживались от мирской жизни не потому, что презирали её блага, а потому, что хотели быть ближе к Всевышнему. Это было воспитание Воли, и пост у них был не для умерщвления плоти, а для здоровья.

Чуждый Бога, с Ним — Мира, творенья его, Аристотель законом своим разъял Мир, взявши Это и выкинув То. Половину без Целого, смерть он над Целым возвел, Жизнью; за ним идя, Плот|ин (муж, чуждый плóт|и своей, ведь стеснялся ее), взяв То, выкинул Это, в чем был Стагирита адепт: То иль Это, без Целого часть — смерть одна. Муж Ума, Аристотель безбожник был: Ум сам в себе — атеист. Таков был и Плотин, запятнавший Платона невольно: Творца — Сатаной как запрудой, плотин|ой Ему как Воде: Тьма, Вода — суть Платонова. Знак сему — корень неоплатонизма Ам|мон|ий Сак|кас, «не-единый» по имени его: таков Ум в себе (ведь Ammon, слышный в имени сем, Огнь в Луне, Тьмы лишась в очах бренных — суть Ум, не|до-Сердце). Что был муж сей Ум, зрим мы в отождествлении им двух противных друг другу учений, Платона и Аристотеля — Ума Сердца и Ума Ума в **неузрении Сердца**: лишенному его всё — Ум. Солнце тьмы, Сатана-Ум сияет Плотину, горящий пред ним впереди; с тем, Единое, светоч Платона, здесь как «идеал — позади человека. Абсолютное нисходит и изливается в творении в силу изобилия собственной природы, но без всякой *цели* для себя и для самого творения. Низший мир, как царство материи или «не сущего», противоположен Божеству и враждебен

истинной природе человека; но человек никогда не побеждает этого мира, а может только бежать из него с пустыми руками в лоно Божества. Идеал единичного человека — не живая и свободная личность, «друг Божий», а лишь отрешенный от мира созерцатель и аскет, стыдящийся, что имеет тело; *собирательный человек (общество)* никогда не достигает здесь пределов человечества, он остается *городом — созданием железной необходимости*», — сказано Вл. Соловьевым. В то время как явным, обманным, сияньем (явь — ложь, кою зрим: очи бренные — лгут) был Плотину Платон (в том родство их имен), — солнцем тайным и истинным был Аристотель ему, Двойки мрачной муж: Тайна — Суть яви. П|ор|фирий сказал: «В сочинениях его [Плотина] присутствуют *скрытно* и стоические положения, и перипатетические, *особенно же много аристотелевских, относящихся к метафизике*…». Лосев писал на сей счет: «у Плотина нет ни последовательно развитой *диалектики мифа*, не говоря уже о том, что у него нет никаких магических учений. Плотин — это *чистейшая диалектика* [т.е. диалектика по-аристотелевски самодовлеющая, очищенная от Мифа как Сердца, остатком чего есть довлеющий себе Ум — *Авт.*], *чисто логическая, чисто конструктивная* [т.е. механическая — *Авт.*]» (курсив везде наш). Неоплатонизм есть ученье двойное: по форме — Платон, Се́рдца муж; Аристотель, Ума муж — по сути. Сему знак — что в пике своем, у Плотина, устами его неоплатонизм поставил аристотелизм за Платоном вторым: как Суть, Второе в сем мире облаток, — от Блага ведя Нус; Прокл — тот, кто Вторичность сию как систему развил до предела.

Платон с мудрой школой его — столп Эллады; Плотин — Рима, умной земли, *костяк*-Ум, чей трактат об Эроте — о Сердце есть умствие хладное: ибо Плотин, повторим, — Ум. С тем, умный эк|ста|з, зримый им как слияние с Богом, отвергнул Псевдо-Дионисий Ареопагит, сказав, что экстаз Божий сверху́мен — сердечен; Плотинов же есть гипостазис его: Сердца в Ум, Полноты в часть-подмену.

Ум, сущность неоплатонизма, узрев, отошел Августин от него. Рознь, Ум чистый-пустой, узрел он в словах неоплатоников, что истина закрыта нам и посему изучать надлежит лишь возможное и правдоподобное. Нет, сказал он, познавать до́лжно Мудрость нам: Суть — не подобие, Сердце — не Ум в рознь ему!

Совет поздний! Пилюлю сию, го|р|ечь в сладкой облатке, коварства не зря, мир сглотнул уж на горе себе. Творя капсулу эту, раб Рока, Плотин как плотину Познанью, вознес Ум над Сердцем; Порфирий Ум сблизил с материей и взял открыто орудьем познанья, свершив то, о чем рек Сальери у Пушкина: «Звуки умертвив, // музыку я разъял, как труп. Поверил // Я алгеброй гармонию» (Лосев писал о том: «Теоретическая философия у него [Порфирия] — регулятивный [суть внешний, на|сильственный как Сатаны знак — *Авт.*] принцип, без которого никакую магическую практику он просто не признает»); Ямвлих внес в Ум Жизнь как категорию (сиречь *понятье*, что меньше Ума, как творца — плод его: кат|е|гор|ия — умственна), а Сириан Александрийский (известный своей резкой критикой антиплатоновских выпадов Стагирита) ее *встроил* (а *не вживил*: Ум в себе — механизм) в Ум как клетку ее: Круг в квадрат как в тюрьму. Так пленил Жизнь Умом и Саллюстий, впервые о|предел|ив Миф: ведь Миф — Жизнь (тогда же как раньше не люди определяли его, но он их), — создав описательную (мягкую) его диалектику, а Юлиан, его друг и преемник, труд сей довершил, Миф определив категориально (жестко).

В философьи, реке в мире сем, корнь рационализма есть Пи|фа|гор. Ум как стражу над Сердцем взведя, Предел над Беспредельным (чрез что дал он людям Число, Беспредельность-в-Пределе), расплатой за то получил полумирье он. Все вдохновленные Пифагором системы, замечено Кор|нфордом, стремятся к потусторонности; относя все ценности к невидимому единству в Боге, они проклинают мир, зримый очьми, как фантом, муть их, в коей лучи света Божьего преломляются и рассеиваются средь тьмы и тумана. Поистине, **Это презреть Того ради — ослепнуть есть равно к Сему и к Тому, *Мир разъяв***. Сей абсурд как презренье к Судьбе, Стезе в брении — Сердцу в ума́ очах, — чтил Стагирит, в диалоге «Эвдем» разделяющий мысль Фео|гни|да, сказавшего:

Лучшая доля для смертных на свет никогда не родиться
И никогда не видать яркого солнца лучей.
Если ж родился, войти поскорее в ворота Аида
И глубоко под землей в темной могиле лежать.

Слова эти портретны Плотину: презрев мир сей (и, плоть от плотú его, — тело свое, коего он стеснялся), для Мира, Всего — он ослеп. О Вражде, над ним властной, рек Вл. Соловьев как о «крайнем мистицизме теории, поглощающем личность», Одно. Пеленой очей сей («мист» — туман) заплатил этот муж за гор|дыню **(**«Пусть боги ко мне приходят, а не я к ним», — ответил Плотин на предложенье пойти в некий праздничный день к богам в храм, пишет в «Жизни Плотина» Порфирий**)**; туман сей, сгустившись, скрыл нам Небеса.

Град тумана сего, очей плена, есть Александрия Египтская, Розни град: Двух, эгоизмом поправших Единство. Здесь Ум выше Бога как Два Одного, Кого мир утерял в граде сем, с Ним — и Мир, Божий Плод. Сей утраты печать — Птолемеева Мира картина, центр коего, Земля-очаг, пуст и мертв без Огня, Духа, как плод Двух, Розни, град чей — мрачный сей как столица второй, целью взявшей тьму-Ложь, философии; Мир Пифагора ж, начальный картине сей, полон Огнем как Число **(**Свет-Предел — Беспредельным-Тьмой, огнь коей Черн**)**, стоя под Единицею, числом Афин, града первой и истинной, с коей един Пифагор как Ум с Сердцем **(**сам Феб, Пифагорова сень — Се́рдца Ум**)**. С ним един, Пифагор и начален потере его: **обладанье — начало утраты, идущей за ним в мире Двух к торжеству своему**.

3 «Вот истина: // Как равные друг другу искры тысячами возникают из пылающего огня, так, дорогой мой, разные творения возникают из непреходящего и вновь возвращаются в него» (Мундака-упанишада, II, 1, 1). По Шастрам, духовные искры, от Духа-Огня нисходящие в мрак к испытанью неволей, есть сущие вечно (санатана) как «кшара» — «имущие склонность к падению вниз», в материальную природу.

Истину эту автор труда «Великие Посвященные» Эдуард Шюре вложил в уста Осириса, в видении явившегося Гермесу: « — Видишь, — раздался голос Осириса, — светящийся посев, ниспадающий из пределов млечного пути в седьмую сферу [в счете от предельной Миру сферы неподвижных звезд коя есть Лунной сферою воплощений, Сансарой — *Авт.*]? Это — зародыши душ человеческих. Они живут, как легкие облака в царстве Сатурна [сфере седьмой от Земли, предпоследней, в гармонии сфер предваряющей небо недвижных звезд — *Авт.*], счастливые, беззаботные, но не сознающие своего счастья. Но, опускаясь из сферы в сферу, они облекаются в оболочки все более тяжелые. В каждом воплощении они приобретают новое телесное чувство, соответствующее обитаемой среде. Их жизненная энергия увеличивается; но, по мере того, как они проникают в тела все более плотные, они теряют воспоминание о своем небесном происхождении. Так совершается падение душ, появляющихся из божественного Эфира. Все более и более закованные в материю, все более опьяненные жизнью, они низвергаются, подобно огненному дождю, с содроганием страсти, через области Страдания, Любви и Смерти, в глубину земной своей темницы. В такой же темнице и ты стонешь, удерживаемый огненным центром земли, и из этой темницы божественная жизнь представляется тебе лишь тщетным сном».

4 Дождь, чей бóг он, по са́мому слову есть «датель»: дождь — даждь (стар.) — дать; Ин|д|**р**|**а** как Дождь, что с Варуною-Небом един, есть Глубь-Дар: Датель Жизни как Сути живущих; египтски — Ра́ он, в Дол сходящий. Лишь Индру вобравши как Суть, стал велик Виш|ну-бог, без него — карлик он как без Ра, Бога — Ну|т.

Дар есть действие в Глуби, Творце как суть имени «Ин|дия» (дія (укр.) — действие), с коим един этот бог как царь райских планет, тел Огня. От седьмого, Сатурнова круга идя (где рождаются «слезы Сатурна» — вселенское время), в мир сей душ|и льются дож|дем, чьи есть капли. Дождь сей, Жизнедатель — Вода-Мир, Огнь-Тьма. Так Причина, Тьма-Бог в тьму-Природу

— Ноль в Двойку, — Земле, Жизни ради, шлет свой жидкий огнь. Посему «влажным [жидким] огнем» душу звал Гераклит-темноведец; «то|п|ит|ь» — и в воде утоплять, и растапливать печь.

«Для Индры стекайте, о капли сомы!». Призыв Ве́д сей — о каплях-душах, огнях, коим ради Огня Мирового спадать до́лжно в тьму, не-Огнь, чтоб знать Ут|ра|ту, противну Ему. «Со|ма», сиречь «со|гласное Ма|тери» — в сути и есть огнь отъятый ее: дождь Воды, куп|ность кап|ель как тел (сом), куп|ающих мир сей — душ душ, латки коих есть пло́ти тела́: во|площ|енья гр|об|ы, плач|а плащ.

«В скандинавских Эддах медвяная роса, плод Богов и творчества трудолюбивых пчел Иггдрасиля, падает в ночные часы, когда атмосфера насыщена влагою; в северных же мифологиях она, как пассивное начало сотворения, изображает создание Вселенной из Воды. Эта роса есть Астральный Свет в одной из его комбинаций и обладает как созидательными, так и разрушительными свойствами», — сказано в «Тайной Доктрине» Блаватскою.

Идея неразъемлемого спряжения стихий огня и воды глубоко коренима в ведийской поре Индуизма, чьи боги Варуна (небо и водная стихия), Индра (дождь), Агни (Огонь) и **Сома** (Луна), означенные в порядке убывания их старшинства, указуют собою, как вехи, путь душ с Небес в бренье, **со́м область**, чрез грань, лунный круг. Сменившая этот начальный пантеон брахманическая триада Брама — Вишну — Шива (ок. 1 тысячелетия до Р.Х.) служит выражением уже совершенно иной идеи: космогонически-триединой идеи сотворения Вселенной (Брама), ее поддержания и охранения (Вишну), а также ее разрушения и перехода к иному витку Созидания (Шива; с ним — Кали, Второе как Суть и супруга его); но вода и огонь есть при сем как податели жизни и смерти. Известно, что Брама, по окончании своего космического дня погружающийся в сон, уничтожает миры по очереди огнем и водой **(**liquid — жидкость, вода (англ.), отсель — ликвид|ация**)**; сути, какими творимы миры к новым дням, — есть они ж, огнь с водой. Шива — бог-разрушитель, но Бхава, одно из имен его, значит «рождение, мир».

Смерть и жизнь — Жизнь одна. Семя, дабы взойти, умирает; владыка гр|анат|ова зер|нышка, символа плодности Гр|екам — бог сме|рти Т|анат **(**«зер» — «в|зор»: Очи — Тьма, Жизнь; плоть без Жизни, Огня — анат|омия**)**. Так бог Аид, мертвых царь, есть супруг Пер|сефоны, в Мистериях коя есть сем|я-душа, сом|ы Суть: Жизнь сама́, число Сем|ь.

5 Sat|urn — урн|а Истины (sat): искр сих с Духом-Костром, творцом их. Высь небесна, Дух — Глубь: Мира центр, Огнь в Земле, урне. Ход с Небес в Землю для Духа — меж двух урн стезя: от Себя в Себя путь.

6 Как очаг сей, зовущийся Гестией (очаг — греч.), по Филолаю Земля — огнь, объемлющий Огнь как центр свой, и согласный ему как владыке слуга. Посему Дух с Землей, Его печ|кою (печь|ся — беречь, любить: Любовь — Дух, Огнь) — Огнь-в-огне: Мира Центр как творящее Око; согласен Ему дух наш в оправе пло́ти, что, как и Земля (плоть, есть мы прах земной), — также огнь. И дух в нас, и в Земле Дух, единые — Творчество-Вз|ор: ведь зрим Мир из себя мы — Собой, Духом; зрящи — творим Оком сим. С тем, явиться очам — есть родиться *из них* и рожденным быть *ими*: Дух, Суть ихня, зиждет как Г|ла|з.

Дух есть Око. Полн Им, маг не дланью — очами творит. **Сотворить — победить**: Творчество, Дух — Победа. Так Мать побеждает Отца непорочным зачатием Сына в Себе, Лоне: **в Матери — Мать** (как Утроба Марии: То-Это, едина Жена); и Отец, как бессердный Ум Сердцу, мстит Ей за бессилье свое крестной смертью Христа. **За бессилье — бессильем**: распять нельзя Дух! Он, Вода, обтекающа гвозди всех сущих крестов, есть **Победа как Очи**: суть их — Тьма, Любовь. В сем — суть фразы veni, vidi, vici — «пришел, *увидел*, победил»: мечом Тьмы, коя есть мечей Меч. Лосев пишет о том: «Любящий непобедим, потому что он видит, а нелюбящие всегда победимы, потому что они ничего не видят в том, что для любящего является любимым». Сказано у Шекспира: «Одним взглядом можно убить любовь, одним же взглядом можно воскресить ее», — ибо оч|ей Сила, Тьма-Н|о|чь есть Жизнь, что, любви с смертью бо́льша, **себя воскрешает собой**.

7 Слезолитье как сен|ти|мен|тал|ьность, черта палачей, есть пародия плача Господнего — плач не Родителя сущих об оных, живимых Им чрез **казнь Себя: Жизни — жизни во имя**, — но плач палач|а по себе как невольная три|зна над тру|пом, каков са́м он: жизни лишая иных, жизнь секущий свою как Главу-Полноту — Мир в нас, Три. Рек Бердяев: «сентиментализм есть лжечувствительность [сердце в подмене умом — *Авт.*], и сентиментальные люди могут быть очень жестокими. Сентиментальны Робеспьер, Дзержинский, Гитлер. Жестокость может быть обратной стороной сентиментальности. То, что нужно проповедовать, так это более суровую, я бы даже сказал — *более сухую* этику человечности и жалости» (курсив наш).

Сентиментальность — печать мокродушия пьяниц: душа их мокра затопившей ум Тьмой. Мокрый ум — ум болтливый: Река-Тьма, Суть речи, в нем хлещет чрез край. Сказано у Зенона Элейского: «Пьяному никто не доверит ничего тайного». Меру в речах утерять — впасть в бесстыдство нам. С тем, мокродушье зовет Ма|н|д|ель|ш|там «отсыревшим стыдом».

Пою, когда гор|тан|ь сыра, душа — суха,
И в меру влажен взор, и не хит|рит сознанье:
Здорово ли вино? Здоровы ли меха?
Здорово ли в крови Кол|хиды кол|ыханье?

— писал этот муж о сем знании меры, где песнь, в|од|а, — одно с гортанью сырой, ее льющей, душа же — суха, пополам разделенная мудро на счастие (sukh`a — санскр.) нам. Песнь есть Тьма **(***и в родстве с «гита», «песнь», — тьмы певец Ад|оль|ф Гит|лер; гит|ара — певунья (het|áir|а — «гетера» Эллинов: Жена — Песнь; air — воздух, Тьма́ суть; ара|п — черен)**, песнь лучшая — хит (***и в сезоне своем Гитлер хищ|ный — ХИТ впрямь)**; хит|рос|т|ь — Тьмы знак. «Лер», сущий в фамилии сей, Тьму являет вновь: лар|ь — тьмы сосуд, лар|вы — щуки астрала; антроп-эгоист, Гор|ьким данный, есть Лар|ра; Тьмы де|мон был Лер|мон|то|в, Тьмой взят. И имя Ад|оль|ф — черно дважды: в нем Тьма — «ад» и «оль(ф)» («аль(ф)»: ведь альфа — омега; суть аль|фы — Н|оль, Тьма: Единица — Нолем полна)**. «Эль|ф» — суть «прозрачный» как воздуха житель (незримое с черным — одно); «эль» (англ. ale) — «бесцветный»***)**. Мы с песней творим, песне рады: Тьма — Жизнь; не страшна смерть поющим нам: Тьма, Песнь — и С|мер|ть, Бог по истинной сути своей.

И если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Все исчезает — остается
Пространство, звезды и певец!

(Ос|ип Мандельштам)

Плач творца — радость-боль: цельность — не половина. Так бой — рай бойца (рай бойцов скадинавский — рис|тал|ище их посему); и теряя друзей, он, скорбя, счастлив всходом их в Мир, Лучших Храм. Гомер пишет, в согласьи с сим, о «наслаждении» плачем, а с тем и о «насыщеньи» героев им: пища — услада. Таков в «Илиаде» Ахилл, предлагающий призраку Патрокла вдвоем насладиться рыданьем как некою тра|пез|ою; в «Одиссее» таков Ме|н|е|лай, плача всласть о несчастьях (Тьме верный, рыдал Гераклит так). Герой — творец истинный: **себя строитель**, в ком го́ре с усладой одно, — и он сим-то могуч. Но и мы, до героев далёки, коль счастье нежданно *свалилось* на нас — коль велик груз его, не смеемся, а плачем.

Единство «паденье — огнь» зримо: в «пал|ати» — пылать (укр.); в «о|пал|а» — отпад от владыки, как солнца, по воле пал|ящей его: с выси огненной — в дольнюю тьму.

8 **Пл|от|ь — души пло|д и пло|т, Богом данный ей плыт|ь по Реке Мировой; так плывет в лад|ье-Мире Бог: Суть — в с|кор|лупе**. С тем, души́ ко|ра|б|ле|м звали древние плоть: «корабль» — суть ко|ра Ра, ра|б Его. Плоть есть **скованный дух** — густой Божьею Волей: О|ков|ы — Она, Kou, Дух (ег.); так лед — пл|ен воды водный: Дух, Тьма — Вода. Дух пленит — Дух и волю да|ру́т: Воля — Он. Посему пло́ти в дух возврат Духом, Огнем — растопленье:

возврат Духу Духа, Себя, претворение в Сердце Ума силой Сердца. Кузанским указано: «разумная природа, вбирая в себя жизнь [Дух, Огнь — *Авт.*], способна претворяться в эту жизнь благодаря присущей ей обратимости, как воздух, вбирая солнечный луч, претворяется в свет. Имея природу, претворяющуюся в понимаемое им, разум потому и понимает только всеобщее, нетленное и постоянное, что духовно увлекающая его цель — непоколебимая истина, которой он начинает обладать в покое вечного мира, в Иисусе Христе». Претворенье тем легче, чем чище основа. Кузанский сказал о том: «Некоторые раскаляемые вещества устойчиво выдерживают огонь и способны вобрать в себя и его свет, и его тепло, потому что их чистота позволяет им преображаться в подобие огня, пускай в разной, большей и меньшей мере, а другие из-за своей нечистоты, даже если нагреваются, в свет все-таки не превращаются. Так судья Христос, верша единый, простейший и нераздельный суд, в один момент — как бы природным, а не временным порядком — справедливейше, без зависти сообщает Вселенной тепло сотворенного разума, после восприятия ею этого тепла разливая сверх того и божественный умопостигаемый свет, и через это его посредничество Бог есть все во всем и все пребывает в Боге, равняясь ему, как только возможно по способности каждой вещи; но что-то благодаря большей цельности и чистоте способно воспринимать не только тепло, но и свет, а другое из-за нерасположенности субъектов (subjectorum) едва воспринимает тепло без всякого света».

9 Победа плоти́ над духовною искрой условна, вершась волей Духа, Костра, отрешившего части свои, искры, в ночь, данну Им. Взяв в плен их — над Творцом тьма не властна: Победа и Дух есть одно. В Нем едины мы с Небом, сияя звездой до, во время и после всех странствий: сияя *вовеки*, — к чему относимы слова ап. Павла «еще на земле мы шествуем по небесам»; Иисус же сказал о том: «Никто не восходил на небо, как только *сошедший с небес* Сын Человеческий, *сущий на небесах*» (Иоан. 3:13, курсив наш). Поистине, будущность наша есть то, что имеем без знанья; и, рек Иоанн Златоуст, Преображенье Господнее произошло «дабы показать нам будущее преображение естества нашего [как **наших незрячих очей, что подвигнуты будут Узреть** — *Авт.*] и будущее Свое пришествие на облаках во славе с ангелами». «Ибо мы, будучи еще на земле, имеем жительство на небесах, как обитатели и граждане того мира по уму и по внутреннему человеку. Как видимое око, будучи чистым, чисто всегда видит солнце, так и ум, совершенно очистившись, всегда видит славу света Христа и с Господом пребывает день и ночь, подобно тому, как тело Господне, соединившись с Божеством, всегда пребывает с Духом Святым. Но сию меру не вдруг достигают люди, и то разве трудами, скорбью, великим подвигом», — рек св. Макарий Великий о том же. Поистине, чистое Я человека, в рознь «я» преходящему, ложному как эхо гласа («я» злое сие — эго|изм людской), вечно и слитно с Вселенной: оно — Бог, един с коим Мир. Высь-Огонь, по Закону единства различия «Я есть и Я, и не-Я» оно делится в себе и частью фантомной, не-Я, коя есть **огневая Огня тень**, нисходит в телесную темень к познанью ее и возврату назад, в Огнь, с сим знаньем как ношей благой, чтоб принесши — прейти. Часть сия сродна с тьмою телесной: иллюзия обе. Так солнце в заборной дыре нами мнится в плену ее. Знание ложности сего согласно первичному Я, кое с Богом едино — реальности первой (*звезде; по Влескниге, звездáми с небес светят нам души пращуров; звездищь (др.-рус.) — божество: пращур горний*); обманное знанье — отдельному «я»: суть второму, не-Я, кое сходит в плоть-темень; схожденье сие, в Мире суще, — реальность вторая, иллюзия, корнь чей есть Небытие. **Суть скитаний души в тьме телесной — схождение Целого в часть, Мира во внутримирье (ведь Мир — Огнь), где, странствия ради сего, первый кажется малым, второе — большим как утроба, где Плод сей плывет** (тьма утробна — Вода). Такова, душа есть **Мир-дитя** — ибо Мир всему Лоно, Ма|ть, — в чем иллюзорность души, ма|йя-ть|ма.

Начало телесного, в плот|ь как не-Дух, у|плот|ненья — Сан|сара, Верте|п тьмы, круг лунный: Sun, Огнь-Дух — Луна. Всяк его оборот навивает на искру огня виток тьмы дольней; от во|площ|ения к воплощению дух получает все более тяжелые тела, плащ|и Я, сходя глубже в

матерью **(**на дух навивать ее — мотать, как нить на катушку, на Глубь, Луну: тьму — на Огнь**)**. С тем, речь идет не о многих, пленящих чредой дух телах — о единственном, парном бессмертно ему (рек Прокл). Оно-то падает в донность.

Своею ли волей стремимо оно в круге сем? Нет — того, кто в нем Тяжесть. Сие — Сатана, в мире бренном наместник Творца, *князь Царя*.

Круг рождений-смертей **безысходный, порочный** — страданья суть: то — становленье, глотающе всё, что с|тяж|али трудом тяж|ким мы. Ад, престол Сатаны — центр Сансары, страдания корнь **(***то являет Авичи, в науке Индийцев последний, страшнейший из восьми адов (Восемь — Смерти число), где преступники беспрестанно умирают и вновь рождаются, однако не без надежды на конечное спасенье: Ума ад Индийцев для Сердца открыт, ведь они — Сердца Ум***)**. Ад, Рознь чистая, есть тьма-без-света; мир выше — его не лишен. Луч приняв, пустоту могут верхние волей своею отринуть, взойдя в Полноту; ад же — мир, где царит воля тьмы (а иная — безвластна), верша очищение душ — их мыт|арства, мыт|ье, что зовет Аристотель «кат|арс|ис»: купанье в крови к смытью зла: ars — искусство, Тьма; кат — палач (укр.). Ад, как Рознь, клином клин выбивает из душ: рознью — рознь ради Блага, Единого, тьмой ради Тьмы.

10 А|тма, имя души, по-санскритски есть «неотделимая от тьмы» **(**«тма» — суть «тамас», невежества гуна, тьма тел**)** — тьмы телесной, где ходит душа, свой взыскуя Исток. «Быть душой» — и есть странствовать искре сей в тьме этой *душной*. Частица «а», знак неотдельности сей по закону единства различья, с поры Аристотеля, давшего людям **различья различья закон**, лжи оплот — в имманентных очах его (ими зрят бренные) есть отрешенность, иль ложь. Ведать до́лжно: **всё многое, кое отдельно — отдельно Единством, сире́чь Неотдельностью полной: часть — Целым жива; Суть монад, в Мире сущих — Мир, Полность, чьи страны они**. С тем, смысл истинный частицы «а-» есть **отдельность чрез неотделимость**, иль **рознь чрез единство**: не Два, но Одно.

11 Посему тер|пе|л|ив|ость (carteria) в платоновских «Определениях» и трактуемо как «выносливость в печали во имя прекрасного; выносливость в трудах ради прекрасного» — Мира, Всего.

12 Как Мир, в теле сущий как Целое в части, душа есть Атман(Тьма, Небытье)-Брахман(Свет, Бытие); дух, в ней семя — Бог, Автор-Хранитель Всего, Мира. В Ведах Он Пара|**м**|атман (или Парабрахман: ведь Атман и Брахман — Одно, Мир) — **М**ира Корнь за чертою его. Мир сокрыт в теле нашем как Глубь; Бог — скрыт в нем **(**иль за ним, больший пары «субъектность — объектность»**)** как Глубь Глуби сей; и от Бога, Начала начал и Конца концов, Мир есть деление первое, Дух Божий (дух Духа-Господа, образ Его), плоть — второе (за Миром идя — Мира есть она образ). Зря Глубь чредой сфер вкруг Творца, теософия скрыла: они — **Мир един** как **душа** наша, коей не знать нам — не ведать себя.

13 Духовенство, согласное Жизни, Тьме, черным зовут; Бытию ж, Свету — белым; и первое, живя в монашестве, самодовлеет, второе — нет.

В Мире, Тьме-Свете, Едином Двойном, Тьма не есть Женой чистой, а Свет Мужем лишь, но, согласно Закону единства различья, Тьма есть Андрогин Женосущный, Жена-Муж, а Свет — Андрогин Мужесущный, сиречь Муж-Жена. Друг из друга они состоят, Инь-и-Ян. Муж-Жена, Бытие есть Ум-Сердце — суть Ум, верный Сердцу как Глуби: Второе есть Глубь; Жена-Муж, Тьма как Глуби верна Бытию и, едина с ним, есть Сердце-Ум.

Бог-Отец — Бытия меньше как чистый Муж, Ум без Сердца. С тем, муж сей, жестокий (иль жесткий; Тьма — Мягкость) в бессердьи своем, — и по Библии, Отчей скрижали, он есть не Бытье, но лишь *сущий*: Бытья гул, Ума Сердца эхо, подобно Адаму гул|яя в Раю, Бытии, *доме общем двоих*, где Адам арестант, а Отец-бог — тюремщик. Глава, где описано то, посему — «Бытие».

14 Бытие как страна Мира есть Бытие-Сущее: сущее Богом и в Боге, — тогда как Бог есть Бытие-без-иного, Каким и в Каком суще Всё — Мир, Тьма-Свет. **Бог, Творец — Бытие абсолютное; Мир — абсолютное Сущее** как Цельность двух миро|сущих, стран Целого: Сущего-Небытия и Сущего-Бытия.

Бытие без Небытия, Нус в себе, Аристотелем мнимый Творцом, есть Второе-без-Первого (Небытие, Бога Длань — суть Бог сам), **Бог как Двойка: безвыходный онтологизм** — дуализм, под личиной монизма таящий свою имманентность как мысль о Творце — без Творца. Бытие — День и Свет нам, — но, Света Иного не зря, Бога с Тьмой Его, сущи на Дне мы: в неведенья тьме (*с тем, в пред|ложном, шестом падеже (Шесть — паденья число) День и Дно — есть о|дно*). По Плотину, писал Соловьев, ум есть «первое истечение, или излияние (эманация), или излучение (радиация) Единого», он есть «начальная двоица, т.е. первое различение в Едином мысли и бытия или его саморазличение на мыслящего и мыслимого. Мысля о Едином, ум определяет его как большее мысли или как сущее; различая себя от него, ум полагает его как пребывающее, а себя — как внутреннее или чисто мысленное движение; предполагает его как то же самое или тожество, а себя — как его другое». Чрез идеи, аспекты свои, «Ум вечно обращается к Единому, и *сам он в действительности есть лишь это обращение*» (курсив наш). Чтó оно — без Предмета? **Ничто**. Вот — тьма нам! Ее зрил Мартин Ха|й|де|г|гер, когда писал, что понятие бытия — «самое темное». Дугиным сказано: «если перспектива Традиции утверждает онтологическое Единство [Нус-Ум, Бытие] наивысшей метафизической реальностью, то эта традиция как раз и является безысходным и абсолютным дуализмом в самом негативном смысле этого слова, так как она не просто не знает выхода из метафизической проблемы диалога Бытие-Небытие (как метафизический дуализм), она вообще не знает об этой проблеме». Бердяев сказал: «бытие есть отчуждение и объективация, превращение свободы в необходимость, индивидуального в общее, личного в безличное, торжество разума, потерявшего связь с человеческим существованием. Но освобождение человека означает возвращение духа к себе, т.е. к свободе» — Тьме-Небытию, скажем мы: ведь Свобода — оно.

Бог — Причина, а следствие — Бытие. О том сказано С|у|р|е|ш|ва|рою, что Брахман (Бытие) — не причина миросозиданья. «Индусская мысль видела верно, когда утверждала, что бытие зависит от акта. Также Фихте утверждает полагание чистого акта. Бытие полагается актом духа, оно вторично», — заметил Бердяев, добавив к тому: «Бытие есть предикат субъекта — сущего. Мы говорим: «Это существо есть» и «это ощущение есть». Происходит гипостазирование предиката. Разные роды бытия образовались через абстрагирование и гипостазирование атрибутов и качеств. Таким образом создавались онтологии, которые были учением об абстрактном бытии, а не о конкретном сущем. Но настоящим предметом философии должно быть не бытие вообще, а то, чему и кому бытие принадлежит, т.е. сущее, существующее. Философия конкретная есть философия экзистенциальная (…). Неверно сказать, что бытие есть, есть только сущее, существующее. Бытие говорит о том, что что-то есть, а не о том, чтó есть. Субъект существования бытийствует. Понятие бытия логически и грамматически двусмысленное, два смысла в нем смешиваются. Бытие значит, что что-то есть, и бытие значит то, что есть. Второй смысл «бытия» должен был бы быть устранен. Бытие оказывается субъектом и предикатом, подлежащим и сказуемым. В действительности бытие есть лишь предикат. Бытие есть общее, универсалия. Но общее не имеет существования. Универсальное есть лишь в существующем, в субъекте существования, а не в объекте». «Познание в понятиях, подчиненных ограничительным законам логики, пригодно лишь для бытия, которое есть вторичная объективированная сфера, и не пригодно для внебытийственной или сверхбытийственной сферы духа. Понятие о бытии было смешением феноменального мира с ноуменальным, вторичного с первичным, предиката с субъектом». И далее: «Последовательный детерминизм, идущий в дурную бесконечность причинного ряда, должен признать, что в человеке и в каждом его акте все получено извне, в нем нет нутра, нет ядра, не выводимого

извне. Более того, вообще в мире нет ничего, имеющего внутреннее ядро, внутреннюю силу, все объяснимо действием внешних сил, и эти внешние силы так же объяснимы действием внешних для них сил. Это значит, что нет свободы. Объективное бытие, в конце концов, превращается в небытие. Но это небытие не есть свобода, она лишь предел движения вовне». Бытие Богом мня, Стагирит скинул Бога; безбожный — в безмирье впал: без Бога Мир — тело без головы. Так поправ смертью жизнь, подменил этот муж Полноту пустотой; сокровенное, наше — сторонним, ничьим. Перепутав местами живое и мертвое, престал он видеть живое в живом.

О философ, себя обманувший! Он в Двух утопил Единицу. Читая его «Никомахову этику», зрим мы попытки поставить Единство в ряд с многим и в нем **растворить**. Так, Платоново «Благо само по себе» Стагирит ставит в ряд частных благ, скрыв Причину сию, корень многости, с тем — и ряд сей, когда пишет он: «[благо само по себе] не будет благом *в большей степени*, [чем частное благо], даже оттого, что оно *вечное*, раз уж *долговечный* белый предмет не белее *недолговечного*» (курсив наш). Ложь сие: Благо, Бог — вне степеней: степень рядна, а Благо — нет; и «долговечное» — вре́мя суть, Благо же — вечно: смешал Стагирит их. Так счастье само по себе, духосущное, зримое Демокритом в неустрашимости, — в счастиях многих, мирских топит он, говоря: «В самом деле, для одних счастье — это нечто наглядное и очевидное, скажем удовольствие, богатство или почет — у разных людей разное; а часто [даже] для одного человека счастье — то одно, то другое: ведь, заболев, [люди видят счастье] в здоровье, впав в нужду — в богатстве, а зная за собой невежество (agnoia), восхищаются теми, кто рассуждает о чем-нибудь великом и превышающем их [понимание]». Но перед тем — «растворяет» Платона он фразой безличною: «*Некоторые думали*, что помимо этих многочисленных благ есть и некое другое — благо само по себе, служащее для всех этих благ причиной, благодаря которой они суть блага. Обсуждать *все мнения (doxai), вероятно, бесполезно*, достаточно обсудить *наиболее распространенные* или же такие, которые, как кажется, имеют *известные основания* (logon)» (курсив наш). **Вот суть Стагирита: опора на мнящий рассудок с склоненьем пред тьмой-большинством (**столь презренным в очах Гераклита, ведь рек он: «Один для меня — десять тысяч [тьма — *Авт.*], если он — наилучший»**)**, **на вероятность, не Истину**, — о чем сказал в «Теэтете» Сократ: «вместо того, чтобы приводить неопровержимые доказательства, вы довольствуетесь вероятностью, а ведь если бы Феодор [один из участников диалога — *Авт.*] или какой-либо другой геометр стал пользоваться ею в геометрии, грош была бы ему цена».

Ложь — вода, в коей он топит Истину. Тьму топит Тьмой: Вода — Тьма, и он — раб ее. Самое имя его Арис|тот|ель — суть три корня Тьмы: «Арес» — Тьмы бог жестокий, начальный здесь; «Тот» — Психопомп, Гермес: То, с Тем связной; «ель» (аль) — «черный, незримый»: Бог, Тьма в очах бренных. Три эти — Связь (ведь Три — число ее), кою бесплодно искал он в вещах: Суть ее — Бог, без Коего нету ее. Тьмой пленен, мня облатку за Суть, муж сей был **лицемер**: меру зрящий не в Сути — в облатке, лице ее (с тем, и дом знанья его есть Лице|й); рекший верно словами подчас (ложь — себе неверна), делом — лгавший, он был ф'Ares'ей. О таких рек Христос: «Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста» (Мат. 12:14). Зная суть Аристотеля, знаем: избытком сим он не страдал.

15 Рай Отца — дом Покоя-Ума, что как общее — ворох, иль куча, — в себе не един (сиречь мертв), а един (жив) Движением-Сердцем, каким есть Ма|ть-Ть|ма. С тем, Тьмы т|вар|ь, не любúм Отцом Змей, возмутитель спокойствия Рая, живящий Причиной сад сей, Отчу рушащий ложь (Быт. 3:1-5): З'мей —«смей» — may, mad|e; вершитель, текуча тварь Тьмы как река от Реки. «Действие возмущает общественное сознание [как сознание-общее, Ум-Покой, кучу — *Авт.*] не потому, что оно преступно, но оно преступно потому, что возмущает общественное сознание», — сказал о том Эмиль Дюркгейм. Ум без Сердца есть мертвая мысль: бытие как не-Жизнь; им и есть бытие Рая. Бывший — не Живший в Раю, Адам в нем есть невольный бездельник (ведь воли своей в нем лишен он до **Я**блока, Змея), **невольный мертвец**. Сказал Ромен Роллан: «Никогда не отделяйте мысль от действия!.. Бездейственная мысль — это бессмысленная

мысль, неподвижность, смерть». «Жизнь и деятельность столь же тесно соединены между собою, как пламя и свет. Что пылает, то, верно, светит; что живет, то, конечно, действует», — рек Федор Глинка.

Знак мертвости Рая — рознь в нем двух дерев: древа познанья Добра и Зла и с ним парного дерева Жизни, растущих вдвоем **в центре Рая**; недолжная рознь — ведь Познанье и Жизнь есть одно, как **един центр сей**, в оке разъятый Отцом. Змей, стремясь чрез Людей вернуть Раю Единство, **суть Жизнь**, — не подвластен Отцу, ведь не им создан: он есть гла|з-гла|с (S = Z) Тьмы, Причины, в Раю, коей Отче страшим как последыш; вор Истины, Тьмы, волен он лишь на Змея вор|чать.

16 Следуя Пифагору, Филолай называет Декаду «эйдосом космоса». Это и означает тождественность Десятки Миру: ведь «э|йд|осом» (ε|ιδ|ος) звали Эллины Глубь. Глубью и есть Мир, как Целое, Небытие-Бытие, скрытый в видной своей стороне, Бытии, что была Грекам «Космос» — как Мир-для-очей, меньший Мира-Всего, Яви-Тайны: Бытья-Небытья, Пары, где нам, причастным Бытью в бренной жизни (суть бренья — оно: А есть Вечность, Б — тлен как второе за ней), Бытие Небытья есть облатка, таящая очам его. Именно «видностями» в своей физике звал Эпикур тонкие оттиски плотных тел, непрерывно отделяющиеся от них **(**в терминах корпускулярно-волнового дуализма — исходящие и непрерывной волной, и дискретно — частицами**)** и несущие образы их в очи нам. Видность видностей сих — Бытие, что течет в наши очи, творя в них мир зримых вещей и в единстве, и в розни его.

17 «Когда я смотрю на два обнявшиеся тела, мне интересны не мужчина и женщина сами по себе, а та новая, третья субстанция, которая порождается этим взаимоотношением двоих и которая без их контакта возникнуть не может», — рек О|гюст Ро|д|ен. Третье это, рождение чье есть **явление Тайны** — Бог, Клей, единящий Жену с Мужем в Мир, Тьму-И-Свет.

18 Об узости сего Пути, коим есть наш путь в Истину, Упанишады рекут: «Древний, узкий путь, ведущий вдаль, повстречался мне, найден мной. // Мудрецы, знатоки Брахмана, отрешенные, идут по этому пути, из этого мира вверх, в небесный мир» (Брихадараньяка-упанишада, IV, 4, 8). «…Подобен отточенному острию острого ножа, // тяжел и непроходим // Этот путь. Так говорят мудрецы» (Катха-упанишада, I, 3, 14). О том же учил Иисус, рекший: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; // Потому, что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мат. 7:13—14). «Узкий Путь» в его первом значении есть путь прямого, кратчайшего восхождения в Дом Бога, коим идет Посвященный; означенный жезлом Меркурия, Ка|дуце|ем **(***du|ce|r|e — вести́ (лат); отсюда — вожд|енья слова «виа|дук», «дюк» и «дуче», «ду|к|ат» (злато, путь: цель — одним, другим — средство), «кон|дук|тор»***)**, противен он данному жезл сей обвившими змеями широкому и извилистому эволюционно-спиральному пути, коим стадно идут люди в Дом этот, сущих Исток.

Узкий Путь есть стезя **шириной в человека**, всходящая в Царский Покой пирамиды Хе|о|пса — «Покой Совершенств» как чертог Посвящения, вход куда — род Узких Врат, о каких рек Христос. Ими ж был Ра-Сет|ау, проход в мир иной, коим входит бог Ра: имя это дословно и есть «Дверь Протаскиванья»: протаскивать — значит протискивать. Промыслом Божиим, всякое восхождение с гибельным риском, геройский ход многих, свершается цепью, где каждый идущий — один как звено, цепь же вся — шириной в одного: Тьму, Монаду, Щель в Бога. Таков есть ряд числ — к Богу Путь, где любое звено — Тьма: Путь-Цель как единая Суть.

19 Разумение Мира как Кр|асоты, По|кр|ывала Творца в очах наших — последнее, полное. Мир, Камнь текучий в сердцах, сердце их и покров Сердца-Бога — Движенье-Покой; он и явен в смотрящих очах (ибо бренье — часть полная Мира, где весь он как в капле Вода), и скрыт в них (как отдельных от Мира, где часть, Полнотой мня себя, — ничто, тьма).

*

Красоту как подвижную суть, эманацию Бога, Ал. Лосев в своей «Истории античной эстетики» определяет как «текучую сущность», «льющуюся» и «лучистую», «струящееся бытие», какова она как центр эстетики всей у Гомера, в чьем эпосе боги, как аурой, сияньем сим облекают героев как **жидким любовным огнем**. То — огонь, о каком говорит Николай Заболоцкий, в стихе называя «мерцающим» в теле-сосуде: мерцает он — ибо струится (как в струях воздушных — звезда). Лик его — дождь златой, коим Зевс сшел к Данае. Дождь злата, ниспавший с рожденьем Афины — причастность огня сего Мудрости, лик коей есть Красота (Мудрость — Бог, Красота — лик Его) — с тем, по мифу, Афина касаньем своим наделяет людей красотой; Афродита, прекрасна, зовется «златой», пенородная. Ведь злато — жидкость: как Это, Огонь (ибо Огнь — его суть), оно с Тем, Тьмой-Водою, одно — ведь причиной проникнуто следствие, — с тем и текуче. То знал Пифагор, Феба-Зла|та по|сла|нец, уча очищать от нечаянно пролитой крови храм тканью златой иль водою морской — Жизнью смерть отрицая: ведь Мир, Это-То — Жизнь.

Как жидкий огонь, Красота — суть учения ряда мужей (Парменид, Эмпедокл, Филолай) об эфире: незримом огне, сути пятой за зримой четверкой. Эфир Эмпедокла тождественен воздуху, вея, как он; облекающий Космос, течет вкруг него Филолаев эфир, и текучий — прекрасен сей ток.

Красота как покой, мыслил Кант, — грань меж миром Свободы (как нуменом, Грекам — эфиром) и миром Необходимости (мир сей, фено́мен): покров двух миров **(***«кр|ас» — зрим в «краска», что кроет, ложится поверх. Такова ж кр|овля дому; кр|ыла́, кои кроют полетом мир; кр|овь, сосуд духа, субстрат духоносный***)**, единый со смертью (прекрасною: смерть — грань); она же — душа, грань То-Это. Тугая, чужда провисанья она: Это-То — Полность. С тем, Гераклиту она — натяжение, лира и лук; натяжители ж струн бытия есть Любовь и Вражда — стра́ны Тьмы и аспекты той «противобежности» (en|anti|od|r|o|m|ia), коей все слаживается (лад — хор, единство), рек муж этот: две сих — одно. Натяжение **(**«гуна» Индийцев как качество Три|гуна|титы-Природы (всего их 3); to|no|s, как Тьма, Бытия Суть — у Греков**)** как третье меж двух (меж колками — струна), кое выше их, творя согласье, — в духовных очах Красота есть Бог, Свыше-и-Меж, совпадая с гармонией как тем натяжным (противостремительным — palintropos), коим в себе согласуется двоица расходящегося (зрил так Красоту Гераклит); в очах тьмы, зрящих корку бессутню, Гармония-Бог — красоты выше как Суть сокрыта, чья корка она.

Красота — покров Сути, Второе: за Богом — Мать, Кали; у Греков «прекрасный» — kal|ós. Покров Ей — Сын, Диавол, лицом *черн-прекрасен* в Писанья строка́х.

Красота как Грань — смерть: ведь смерть — Грань. С тем, пред смертью своей, в се́ни Тьмы — хорошеем мы. «Многие люди, которым приходилось видеть самоубийц за несколько часов до их ужасной смерти, — писал Александр Куприн, — рассказывают, что в их облике в эти роковые предсмертные часы они замечали какую-то загадочную, таинственную, непостижимую прелесть». О единстве смерти и красоты учил Анаксагор, коим сказано: «Смерть, которая кажется людям горькой, при более глубоком исследовании оказывается весьма прекрасной». Поистине, как претворение брения в Вечность, дел Дело, она быть не может иной: ибо Вечность — прекрасна. О смерти как истинном благе — прекрасном, ведь Благо есть Бог — речет людям вся мудрость веков.

Мир, Покров — Грань пред Богом. С тем, всякая грань, кою мы проницаем, в Познаньи идя Ввысь, — Сего с Тем меж|а. Ибо Это есть то, чем мы есть в осознании; То — что сокрыто, взывая: познай! Посему грань любая — прекрасна как вызов для нас; красота, как и счастье, единое с ней — нам не Цель (коя — Бог), но награда за труд Восхожденья благой: грань пронзив, красоту обретаем как счастье, покров Божества, коим есть она. Богу покровен так Мир, об|лик — Сути. У Ошо написано: «Истина, когда она сверкает вам всего мгновение, воспринимается как красота. Когда истина познана полностью, красоту познают только как проявление истины. Когда истина видна сквозь занавес, туман — это красота; обнаженная красота — это истина». Истина

— То, обнажать ее — есть обретать красоту как усладу Пути, став на шаг к Богу ближе; но с нею иль без — Идти до́лжно нам! Рек о том Экзюпери: «Не старайся во что бы то ни стало постичь смысл слова, подлинный смысл не в словах, но как вознаграждение он открывается тебе и в словах тоже. Такая же награда тебе красота, я ценю красоту, но не верю, что красоту можно создать целенаправленно. Разве говорит ваятель: «Из этого мрамора я высеку что-то необыкновенно красивое»? Изготовители безделушек тешат себя такой чувствительной чепухой. Настоящий ваятель говорит: «Что-то мучает меня, и я бьюсь над мраморной глыбой, чтобы это что-то выразить. У меня нет другого способа высказать это и избавиться от мучений». Пусть мраморное лицо будет обрюзглым и старым, пусть будет бесформенной маской, пусть будет сонным и юным — если скульптор велик, оно покажется тебе прекрасным. Красота не цель, она — вознаграждение. // И когда я сказал тебе, что для богатого счастье богатеть, я солгал. Счастьем называют упоение, венчающее победу, блаженство, вознаграждающее за усилия и труды. Если богач вдруг чувствует, что раскинувшаяся перед ним жизнь упоительна, то это будет та же радость, которой одарит тебя пейзаж, созданный твоим тяжким подъемом в гору. // (…) В молчании моей любви я подолгу наблюдал за теми, кто лучился счастьем. И видел: счастье озаряло их, будто красота статую, — тогда, когда его не искали. // Так не требуй от меня, государя, счастья для моего народа. Не требуй от меня, ваятеля, красоты, — иначе я застыну на месте, не зная, где ее искать. Красота прилагается, как прилагается и счастье. Требуй, чтобы я вложил в мой народ такую душу, которую мог бы озарить свет счастья». Устами Сократа Платон рек о том же в «Филебе»: «Филеб утверждает, что благо для всех живых существ — радость, удовольствие, наслаждение и все прочее, принадлежащее к этому роду; мы же оспариваем его, считая, что благо не это, но разумение, мышление, память и то, что сродни с ними: правильное мнение и истинное суждение. Все это лучше и предпочтительнее удовольствия для всех существ, способных приобщиться к этим вещам, и для таких существ... ничто не может быть полезнее этого приобщения». Все перечтенное как благо здесь — есть все то, что дает нам Взойти; красота и услада — награда за труд сей: стяжаючи Благо в трудах, обретаем блаженство. Бог — Тот, в ком едины сих два: Суть-Покров Сам Себя. С тем, по Ведам, Бог (Благо Платона) — «пу|ру|ш|а», «господь наслаждающийся».

Красота как Того́ покров — Это, очей явь. Но яви Жизнь — Тайна, То. С тем, Феб, Сего бог как огня очей — лирник первый, но первую лиру ему дал Гермес-Тот, Того́ бог, ее сотворивший; суть Феба — Вакх, То. Грань меж Этим и Тем, Красота — в нас, ведь в нас — То. Живя в Сем, мы, Тем исполняемы тайно, его жаждем зрить, грань торя очьми (знающим это, как Грекам в век их, красота — польза). Гармонья явная, коя идет в очи к нам — ради них суща, с тем — нечиста, как они; но Гармония скрытая, Бог, — есть Сама по Себе, и, чиста, тем и явной сильнее (так рек Гераклит). Грань меж Этим и Тем, красота величайшая, первая — вечного Мира краса: он — к|руп|нейшее То Этим-нам. К сему и относимы передаваемые Диогеном Лаэртием слова Фалеса: «Прекраснее всего мир, ибо он есть произведение Бога». Таков, Мир не просто прекрасен — души́ суть, он есть Красота, Форма Бога. Зрить оную — очьми творить ее. Сказал Бальзак: «Самые прекрасные виды обладают лишь той красотой, которой мы их наделяем».

Красота есть движенье, она — и покой: Ноль-Одно, Мир, Тьма-Свет. Но Бог — Суть красоты; посему знать ее — ведать Бога, Единого: Он — недвоим. «Там, куда не проникает ни свет, ни мрак, повсюду один прекрасный вид», — гласит чаньская мудрость. Как Два, красота есть в Дол Выси вхожденье, в плоть — Духа, Огня, с коим Огнь и она. «Красота, — писал Вл. Соловьев, — есть проникновение чувственного предмета его идеальным смыслом, есть ощутимость идеи». То — *ви́денья* искра, где слит с чувством смысл: Бог как Третье меж Двух.

Мир есть Бога покров, Красота. С тем, как Мир, Красота есть и Бог, и не-Бог. Как не-Господу, Миру как Сердцу-Уму, из трех названных Кантом видов удовольствия Красоте отвечают два, коим, как Миру, причастны мы, дети его, интересом своим: первое, корнь наслажденья, **при|я|тное** — от Небытья, Сердца в людях; второго, **хорошего** — сласти ума, — корнь в Уме,

Бытии. Только третье, **прекрасное**, вольно от всех интересов: Суть его — Бог в нас, больший Мира **(**о Нем Демокрит рек: «Для всех людей одно и то же добро и истина, приятное же одному одно, другому другое»**)**. Таков эстетический вкус наш: в|кус — «кус», Бог как Зуб, что ценúт без пристрастья (так пробуем злато на зуб: Богом — Мир). «Вкус, — рек Кант, — есть способность судить о предмете или о способности представления на основании удовольствия или неудовольствия, свободного от всякого интереса. Предмет такого удовольствия называется прекрасным». Как Бог, Красота человечна и лишь человека предмет: ведь лишь он — суть свободная **(**личность — внемирна как Мира сосуд**)**; а животных — нет: воли не знают они. «Приятное и доброе ощущают и животные, лишенные разума, красоту — только люди», — рек Кант. Двойки муж, в удовольствии зрил он при|страсть|е — не Страсть, что покров сей торит Сути ради, Услады своей. Страсть саму, без пристрастья, как Сердце — не зрил Кант, Ума муж, не знавший: **Познание — страстно**. Поистине, то, что Фемида, богиня эллинская, хлáдна к персонам, не зря взором бренным в повязке своей, есть ее бес|при|страстность; но в *страстности* рвенья ее **(**Грекам — Геи, Жены жаркой**)** к Истине — не усомнится никто. Так зов Пушкина к Музе «хвалу и клевету приемли равнодушно» не есть к безразличью призыв — зов иметь к всему **равную душу как равную страсть**.

В обезличенных терминах физики красоте как границе меж Этим и Тем отвечает поверхностное натяженье границы раздела двух сред — самосущность ее.

Бог есть Суть; Мир — не-Суть как покров Ее, форма. Плотин говорит в «Эннеадах»: «Везде и во всем источник красоты может быть не в чем ином, как только в форме, которая, однако, сама имеет своим началом создателя и от него уже переходит в твари подобно тому как и в искусстве, мы видели, красота от художника переходит в его произведение» — т.е. Господь есть творец Красоты: Мира, Формы (Покрова) Его. Дальше сказано: «причина красоты сама должна быть или обладательницей красоты, или чуждой ее, то есть безобразной, или индифферентной к красоте; безобразной она быть не может, так как это означало бы, что она производит прямую противоположность себе самой; индифферентной — тоже не может, ибо в этом случае она в равной степени производила бы и прекрасное, и безобразное; выходит, что причина, производящая повсюду все прекрасное, должна и сама быть красотой, притом красотой в высшем, первоначальном смысле, то есть совершеннейшей красотой». И еще: «начало, предшествующее даже этому [сиречь Миру], начало абсолютно первое [сиречь Бог], не имеет нужды даже в красоте и стоит выше красоты. Напротив, то, что вслед за этим первым началом появляется на арене бытия [т.е. Мир], представляет собой действительно зрелище, восхищающее своей красотой, потому что это есть зрелище эйдосов, форм, созерцаемых Умом. Эту мысль Платон и хотел внушить своим замечанием, что Демиург одобрил, нашел прекрасным свое создание [см. «Тимей»]. Замечанием, смысл которого в том, что удивление и одобрение тут относилось не к чему иному, как к красоте первообраза и идеи» (пояснения в скобках — наши). И наконец: «для истинной сущности не иметь красоты значило бы то же, что не быть истинной сущностью; сущность лишь потому и желательна, что она тождественна с красотой, и, напротив, красота сама для себя любезна, служит источником восхищения и наслаждения лишь при том условии, что она субстанциальна, и нет никакой надобности задаваться вопросом, какая из этих двух вещей служит основой и причиной другой, потому что природа их обеих одна и та же». О яви сей, с Сутью единой своей, Лосев пишет: «такое внешнее, которое внешним же образом, т.е. для чисто чувственного зрения, являет и все свое внутреннее — это и есть красота». Явь сия — явь очей благозрящих как *ви́деньe* их. Нам, смотрящим, делящим Монаду на суть и облатку, сокрыта она до поры, когда станем мы *видеть*. Ведя речь о гомеровском *виденьи* красоты, Лосев пишет: «Западноевропейская философия противопоставляет внутреннее и внешнее. Гомеровское представление о красоте вполне исключает эту антитезу: то, что мы внешне видим в этом мире красоты, то и есть ее внутреннее, и видим мы внешне не что иное, как ее внутреннюю, сокровенную жизнь».

Красота, Мир нам — Солнце Внутри. Посему, красоту с удовольствием мысля вне нас, Аристотель приходит к противоречию, трактуя прекрасные и доставляющие удовольствие поступки как подневольные, сиречь, по слову его же, такие, причина каких вовне, — и, пишет он, человек, совершая поступок, никак не способствует ее действию. По обыкновению своему, из усмотренного абсурда муж сей, убежден в своей непогрешности, не делает должного вывода про ложность взятой посылки — и вышепомянутые поступки оказываются у него одновременно и подневольными, и произвольными. Вот что гласит «Никомахова этика»: «Если сказать, что поступки, доставляющие удовольствие и прекрасные, подневольны, — ведь, будучи вне нас, удовольствие и прекрасное принуждают, — то тогда, пожалуй, все поступки окажутся подневольными, потому что мы все делаем ради удовольствия и прекрасного. Но от насилия и от того, что против воли, испытывают страдание, а от поступков ради удовольствия и прекрасного получают удовольствие. Смешно поэтому за легкость попадания в силки такого рода возлагать вину на внешние обстоятельства, а не на самого себя и полагать себя самого ответственным за прекрасные поступки, а удовольствие — за постыдные». Страсть Стагирита к объективации, сиречь отъятью неотторжимого, здесь видна вся. Аристотель бессилен понять: удовольствие — с ли|чностью с|ли|тно, и коли не есть оно «удовольствие вообще», но всегда лишь «мое», — не вовне, но внутри оно, и посему произвольно по сути, лик коей есть эстетическое удовольствие: наслажденье прекрасным, идущее от Бога в нас и свободное от всякой привязанности к своему предмету (ведь Бог — Суть в довленьи Себе). Посему удовольствие подневольно по форме, которою есть удовольствие чувственное (кое зовем мы «приятным») и умственное (именуемое «хорошим»), — ведь Сердце-Небытие как суть первого, и Ум-Бытье, суть второго, в их синтезе — Мир, Покров Бога как Форма (скульптура) Его. Знать сего Аристотель не мог, грань не зря между Сутью и Формой, и с тем — не умея делить.

20 О сей перемене как сути трудов Фрейда Эрих Фромм пишет: «Проблема женско-мужской полярности требует дальнейшего рассмотрения темы любви и пола. Я уже говорил прежде об ошибке Фрейда, который видел в любви исключительно выражение — или сублимацию — полового инстинкта вместо того, чтобы признать, что половое желание лишь проявление потребности в любви и единстве. Но ошибка Фрейда лежит глубже. В соответствии со своим физиологическим материализмом он видит в половом инстинкте заданного химическими процессами напряжение в теле, причиняющего боль и ищущего облегчения. Цель полового желания состоит в устранении этого болезненного напряжения; половое удовлетворение состоит в достижении такого устранения. Этот взгляд имеет основание в том смысле, что половое желание действует тем же путем, что и голод или жажда, когда организм не получает достаточного питания. Половое желание, согласно данной концепции, это страстное томление, а половое удовлетворение устраняет это томление. На деле же, если принять эту концепцию сексуальности, то идеалом полового удовлетворения окажется мастурбация. Что Фрейд достаточно парадоксально игнорирует, так это психо-биологический аспект сексуальности, женско-мужскую полярность и желание преодолеть эту полярность путем единения. Этой странной ошибке, вероятно, содействовал крайний патриархализм Фрейда, который вел его к допущению, что сексуальность сама по себе является мужской, и следовательно, заставлял его игнорировать специфически женскую сексуальность. Он выразил эту идею в работе «Три взгляда на теорию пола», говоря, что либидо имеет, как правило, мужскую природу, независимо от того, где либидо проявляется, в мужчине или женщине. Та же идея, в рационализированной форме, выражена в фрейдовской теории, где маленький мальчик воспринимает женщину как кастрированного мужчину, и что сама она для себя ищет различных компенсаций отсутствия мужских гениталий. Но женщина это не кастрированный мужчина, и ее сексуальность специфически женская и не относится к «мужской природе»» (курсив наш).

21 Тьма-Жена, Ноль есть Суть Александра. Вот знаки тому:

- По молве, был от змея зачат он, возлегшего с Олимпиадою, его матерью (пишет Плутарх), змей же — Тьма (и зачатие это, женой от Жены — непорочно, второго не зная: Собой — от Себя).
- Он был истинным мужем Деяния, в жизни не знав отстановки. Как му́ж сей, считал он себя недоучкой, взыскуя ума: так влюблен Ноль в Одно, свою пару. С тем, в жизни своей Александр питал тягу к Афинам, любя этот град и народам неся свет его: Афин суть — Единица, Сень чья — Ноль, Жена. Сенью этой Афинам и был Александр в власть свою.
- Муж Деянья, имел он очьми Тьму саму, Шило, темень торящее. Рек Арриан о том: «Он обладал исключительной способностью в обстоятельствах темных увидеть то, что нужно: с редкой удачливостью заключал по имеющимся данным о том, какой исход вероятен…».
- Он был, Гераклиту подобно, законом себе: Тьма, едина с Творцом — себя Корнь.
- Его полнила страсть, суть чья — Тьма.
- Он, как Мать сама, был гнев-и-милость, суть Кали с П|а|р|вати в едином лице.
- По Плут|арх|у, имел он наклон шеи влево: в Тьму-Мать; взгляд был то|м|ен по-женски его: То — Тьма **(**смертны, том|имся о Том мы**)**; власы он расчесывал на симметричный пробор — «ф|раг|ис», знак Двойки, Тьмы. Белизна его кожи местами *горела огнем*, цветом красным, сильнее всего— **на груди и лице**: кожа красная — видность Огня, Духа, коим у жаркого мужа сего были по́лны и сердце, чей гру́дь дом, и ум, чей сосуд голова.
- От рожденья имел Александр жажду боя, и бился как лев он: бой — Тьма.
- Из родителей чтил он сердечно лишь мать свою, отца ж чуждался, сыновне любя Аристотеля, давшему знанья ему и посыл Двойки, Тьмы-Меча, муж чей он был. Аристотель-учитель был Ум; Го|мер, Греции корнь, Александру уча́щим был Сердцем. С тем, где б ни был он, при себе он имел «Илиаду» с пометами Аристотеля: Сердце — Лист, Ум — письмена на нем. «Однажды, — пишет Плутарх, — Александру принесли шкатулку, которая казалась разбиравшим захваченное у Дария имущество самой ценной вещью из всего, что попало в руки победителей. Александр спросил своих друзей, какую ценность посоветуют они положить в эту шкатулку. Одни говорили одно, другие — другое, но царь сказал, что будет хранить в ней «Илиаду»» — **как наиценнейшее: Тьму, Суть его**. С ходом дней он остыл к Аристотелю: Ум — хлад; Гомером же жарким — пылал до конца.
- Ведший род от Эака с Гераклом, Ахилла чтя предком своим — Александр был часть Мифа, Тьмы. Ею и был он, блюдя святость Неба. Плутарх подтверждает сие, повествуя об окончании осады Тира: «После многочисленных сражений Александр основным своим силам предоставил отдых, но, чтобы не давать покоя врагу, посылал небольшие отряды к городским стенам. В эти дни прорицатель Аристандр заклал жертву и, рассмотрев внутренности, смело объявил присутствовавшим, что город непременно будет взят еще в этом месяце. Слова предсказателя были встречены смехом и шутками — ведь шел как раз последний день месяца. Увидев, что прорицатель оказался в затруднительном положении, Александр, который всегда покровительствовал гаданиям, приказал считать этот день не тридцатым, а двадцать восьмым. Затем, приказав протрубить сигнал, он начал штурмовать стены Тира более решительно, чем первоначально намеревался. Атака была столь ожесточенной, что даже оставленные в лагере не усидели на месте и бросились на помощь. Тирийцы прекратили сопротивление, и город был взят в тот же самый день».
- Воспитатель Ахилла Хир|он — суть Мать: Chéir, Рука. Ахилл в сути своей, сей Рукой был ведо́м Алек|сан|др как Тьмы сын.
- Букефал («Быкоглавый»), конь с главой быка, ему верный, при нем был как Бык при Корове — при Матери Вакх.
- Коня этого он укротил чрез боязнь его тени своей, обратив мордой к ней: Свет — ко Тьме.

- Как боец, чтил он смерть, верный принципу «все иль ничто». Чтя Ничто, Смерть, имел он Всё, Жизнь: тот и то — Тьма одна.
- Имена мужей, близких к нему: Леон|ид (воспитатель), «подобный льву»; Клит, «черный» (брат по кормилице, Млеку-Жене); Анти|патр, сиречь Анти-Отец (полководец его) — Тьма-Мать.
- Пер|вую, сущу в Пр|ичине, победу свою одержал он в сражении при Хер|он|ее (338 г. до Р.Х.): Хер — буква Причины, Тьмы. В битве сей правил он левым крылом своей армии, Левое ж — Тьма.
- Строй фаланги он первый поставил углом, **острым слева**, торя острием, как Женой, правый фланг, слабый в мужских армиях древности: Муж — Правизна.
- Его шествие после победы при Гра|н|ике — как гран|и Ник|и, за коей победы его из Эллады ступили наружу — прерва́ла болезнь его в Тар|се: «тар» — Тьмы корнь (как в «Та́р|тар»); хворь эта нежданная, кажет на скорую ту, от какой умер он в граде Тьмы Ва|ви|л|он|е в год Двоицы, Тьмы: 323 = 3 + **2** + 3 = 11 = 2; притом Двойка сия в числе этого года сечет, как мечом, жизнь его пополам: Троек пару, в единстве — число 33 лет, что прожил в сем мире он, как и Христос, Сын, разъявший историю на́ два Своим Рождеством.
- Тир был градом, стоявшим пред ним тверже всех: Тьма — пред Тьмой, коей знак — Вакхов тир|с.
- Покоривший Восток, Тьмы дом, был он и сам человеком восточным для Греции, **внутренним варваром**: ведь Ма|кедония, Матери край, есть особый в Элладе — отдельный внутри нее, — что и подвигло восстать на него, как на варвара, Греков под стягом Афин и Фив. С тем, чтил Восток Александр и ему был угоден; отсюда — победы его и венец божества, осенивший главу его **дважды** — в Египте и Персии; личность его была славной и средь ев|ро|пей|цев — как Запада, и на Востоке, где имя ему — Ис|кан|дер Зуль|кар|нейн (Иска|н|дар Зулькар|найн), в переводе — «Александр Двурогий»: Вакх, Бык при Корове-Тьме.
- В росте не знал он предела, намерясь **объять необъятное, мир**: Беспредельность — Тьма-Мать; он скончался, лишь рухнул сей план. «Энергия, — пишет о том Вил|л Дюр|ант, — только половина гения; другая его половина — узда [Предел, Ум — *Авт.*]; энергия же Александра была неукротима».
- Крах затеи своей объять мир потопил он в вине, Вакха зелии, в коем знал меру порою побед; потопив планы — в нем канул сам. Вино, суть Вакх, причастно началу конца его: убийству им Клита, спасшего жизнь ему, — ибо бросая копье в него, был Александр пьян.
- В развыве им дружбы с духовным отцом, Аристотелем — перст Кали, Тьмы, явный в имени Калли|с|фен («фен» — fin: Тьма, Фин|ал наш), принадлежном племяннику Аристотеля: казнь Александром его и порвало сю связь.
- Тьма его захлестнула в делах, ставших злом, когда **рухнул в нем Мир**, с тем — **душа отсырела его**.

22 В «Мен|оне» о поиске Добродетели, Бога, читаем: «*Менон*. Но каким же образом, Сократ, ты будешь искать вещь, не зная даже, что она такое? Какую из неизвестных тебе вещей изберешь ты предметом исследования? Или если ты в лучшем случае даже натолкнешься на нее, откуда ты узнаешь, что она именно то, чего ты не знал? — *Сократ*. Я понимаю, что ты хочешь сказать, Менон. Видишь, какой довод ты приводишь — под стать самым завзятым спорщикам! Значит, человек, знает он или не знает, все равно не может искать. Ни тот, кто знает, не станет искать: ведь он уже знает, и ему нет нужды в поисках; ни тот, кто не знает: ведь он не знает, что именно надо искать». Рек Сократ здесь: «…за то, что мы, когда стремимся искать неведомое нам, становимся лучше и мужественнее и деятельнее тех, кто полагает, будто неизвестное нельзя

найти и незачем искать, — за это я готов воевать, насколько это в моих силах, и словом, и делом». О тайном знании Незнаемого здесь же: «*Анит [о софистах]*. О Геракл! И не поминай их, Сократ! Не дай бог, чтобы кто-нибудь из моих родных, домашних или друзей, здешних или иноземных, настолько сошел с ума, чтобы идти к ним себе на погибель. Ведь софисты – это очевидная гибель и порча для тех, кто с ними водится. (…)» (…) — *Сократ*. Уж не обидел ли тебя, Анит, кто-нибудь из софистов, что ты так зол на них?» — *Анит*. Нет, клянусь Зевсом: я ведь и сам ни с одним из них не имел дела и близким своим ни за что не позволил бы.» — *Сократ*. Так ты вовсе и не знаешь этих людей?» — *Анит*. Да эдак лучше!» — *Сократ*. Так как же ты, милейший, можешь разобраться, что в этом деле есть хорошего и что плохого, если ты вовсе и не знаешь его?» — «*Анит*. Легче легкого! Уж в них-то я разбираюсь, каковы они, знаю я их или нет, все равно»**.**

23 В своде платоновских «Определений» полдень и определяется посему как «время, в которое тени, отбрасываемые телами, достигают наименьшей длины», т.е. не исчезают вовсе, но есть **зримый Минимум — Максимум тайный: Тьма, капля чья — наша душа**.

О человеке начальном, тень *видящем* Сердца очьми, что согласны закону единства различия (закону *виденья*: единство розни — оно), Л. Леви-Брюль пишет: «Первобытный человек не меньше, чем о своем имени или изображении, беспокоится о своей тени. Если бы он потерял свою тень, то он счел бы себя безвозвратно потерянным [как Полнота, Мир, без Тьмы став нулем, половиной пустой — *Авт.*]. Всякое посягательство на его тень означает посягательство на него самого [сиречь душу, суть — *Авт.*]. Фольклор всех стран дает множество фактов подобного рода. У туземцев Фиджи считается смертельной обидой наступить на чью-нибудь тень. В Западной Африке «убийства» иногда совершаются путем вонзания ножа или гвоздя в тень человека: преступник такого рода, пойманный с поличным, немедленно подвергается казни».

24 Любовь умная, Двоица-Рознь — **эгоизм, страсть Нарцисса: облатка-любовь, суть чья — ненависть**. Фромм о том пишет: «Хотя не вызывает возражения применение понятия любви к различным объектам, широко распространено мнение, что любить других людей — добродетельно, а любить себя — грешно. Считается, что в той мере, в какой я люблю себя, я не люблю других людей, что любовь к себе это то же, что и эгоизм. Этот взгляд довольно стар в западной мысли. Кальвин говорил о любви к себе как о «чуме». Фрейд говорил о любви к себе в психиатрических терминах, однако смысл его суждения такой же, как и у Кальвина. Для него любовь к себе это то же, что и нарциссизм, обращение либидо на самого себя. Нарциссизм являет собой раннюю стадию человеческого развития, и человек, который в позднейшей жизни возвращается к нарциссистской стадии, неспособен любить; в крайних случаях это ведет к безумию. Фрейд утверждал, что любовь это проявление либидо, и если либидо направлено на других людей, то это любовь, а если оно направлено на самого его носителя — то это любовь к себе, Следовательно, любовь и любовь к себе взаимно исключаются в том смысле, что чем больше первая, тем меньше вторая. Если любить себя плохо, то отсюда следует, что не любить себя — добродетельно».

25 Не любя их в себе как Себя, любить нечего нам: Пара эта — Суть наша, Глубь, Всё.

26 Учить Миру — учить Тьме и Свету в единстве и розни их: Мир есть и Два, и Одно. Тьмы учитель есть по Кастанеде Наг|в|ал|ь, маг-Ночь, Света ж — Тон|аль. Посему, раз философ и маг оба Силу взыскуют (что истинно так), помня рознь их **(**маг — Силы избранник, философ — искатель Избранья; маг — вольный Учитель, философ — невольный**)**, считать надлежит: все философы мира являют две «партии магов», Нагваля-Гераклита и Тоналя-Пифагора, единые меж собой как Мир, То-Это. Кузанский, о Пифагоре писавший как о философе «первом по имени и по делам», прав: он первый как Сущий, **на бренной стезе во служении ей**: число Бытья — 1. Таковы есть дела его: чисел наука, как плод Бытия кою бренным он дал (ибо чúсла — Числá

плод, Бытья-Единицы), рекущий как Феба жрец, Ум, переводчик Ноля, Сердца-Тьмы (кем был пифии глас) на язык умный наш. Пифагор — первый нам, умным: Ум есть 1; Гераклит — нулевой в своей сути сердечной, мирски же — второй: Сердце, Глубь есть Второе очам.

Число, с коего чел Пифагор, есть Барьер чел|овеков: Предел, Свет (о нем, грани бренных очей — труд Эйнштейна). С тем, средь оппозиций, им данных, царь — пара «предел — беспредельное», где Единица, Пред|ел — пред Нолем-Беспредельным; и, древним согласно, идею о том, что Земля — шар, Предел, высказал Пифагор. То, что был Единицей он, пишет Порфирий, сказавший: «Никто не видел его ни смеющимся, ни плачущим», — сиречь был он не подобен ни Демокриту, «смеющемуся философу», ни Гераклиту, «философу плачущему» — мужам Деяния, Тьмы, коею есть смех и плач, — и с тем был он Покой, Единица-Свет. Зна́к сему ясный — источник, по коему, юн, Пифагор, уроженец Са|м|о́с|а, как **остров средь вод (***одиноко (сам|от|ньо — укр.) — как Логос-Ум средь Тьмы, по Гераклиту***)** лежащего близ малоазийского побережья напротив М|и|л|ет|а, встречался там с милетцем Фалесом, старшим в Семи, незадолго до смерти его и имел с ним беседы. Коль так, то корнями, как Огнь, Пифагор утвержден на Воде-Тьме, каков Фалес, Воды как Корня певец: О|дно|му О|плот — Ноль. От Ноля изойдя, с ним един Пифагор, Знанья ради Египтом исполненный Тьмы, Сути числ, и чрез то — давший нам их науку.

Что су́ть Гераклита есть Ноль, явил Промысел Божий, согласно какому:

- В истории, бренных реке, Гераклит идет за Пифагором. Так Ноль, Тьма, позднéй Единицы как Двоица: в Свете — Тьмы лик, в Уме — Сердца как в Му|же — Же|ны.
- Само имя его Гер|а|клит, идущее от имени Геры, черно дважды: Her — Тьма; «клит» (греч.) — черный; повтор — Бога перст.
- В деле миропознания Гераклит не имел внешних учителей, ибо чер|пал («выспрашивал» — рек он) Себя — как Причину, Тьму, с коей един был он, в юности зривший себя в совершенном неведеньи, в зрелости же — всеведущим: веденье и неведенье, Ноль и Два — Тьма есть одна (с ним таков Эпикур, Сердца муж, в чьих трудах нету выписок со стороны). Тьмы печать — и надменность его (надмевать — надувать) как **надутость Причиной: Тьма — Воздух**, — ведь рек он в письме к Гермодору: «Боги мне сограждане, в награду за добродетель я живу в обществе богов и знаю, какой величины Солнце, а порочные не знают даже самих себя»; и его чувство вечности жизни своей, ведь им сказано: «Я буду жить, доколе существуют города и страны, и благодаря моей мудрости имя мое не перестанет произноситься никогда». Причинная суть Гераклита являема самодовленьем его в миру, зримым из Лукианова диалога: «Ты что это, загадками говоришь или головоломки сочиняешь?» — «А мне до вас и дела нет» — «Ну так никто и не купит тебя, коли он в здравом уме» — «Да сгиньте вы *все поголовно* — и покупатели, и непокупатели!» (курсив наш).
- Призывая ко смене политеизма единобожием («Признавать одно Мудрое Существо: Дух, могущий править всей Вселенной»), звал тем Гераклит сменить Ум, не единый в себе, Сердцем: Свет, камнь расколотый — Тьмой, Монолитом.
- Огонь, о каком Гераклит утверждает, что все состоит из него и в него разрешается, есть Черный Огнь, Тьма. Причинный, то — Огнь огней всех. О трудах Гераклита, им полных чрез край, речено посему:

> Мрак и тьма беспросветная, но если тебя введет посвященный,
> [книга станет] светлее ясного солнца.

Тьмы избранник есть тот, кто поистине *видит*; Тьмы пленник — слепец. Пленник Тьмы, был слепцом Аристотель. Корившему Гераклита тьмой слога, уместнее было б себя ему клясть за незрячесть очей своих. «В своем сочинении он [Гераклит]

выражается иной раз с таким блеском и ясностью, что даже последний тупица может с легкостью все понять и испытать душевный восторг; краткость и весомость его стиля несравненны», — читаем у Диогена Лаэртия.

Тьма, Речь — Вода. С тем, речей суть — **текучесть**, какой не поймет умный (колотый, Сердцем не склеенный) ум. В то время как речи Пифагора и учеников его осенены Умом, Светом (о чем и указано братством сим: «О пифагорейских вещах без света не говори»), — присущею Гераклиту, Воде, и была «темнота»: слитность (нерасчлененность) речей — Тьмы, Расплава вещей **(**с тем, в украи́нском «вещи» есть «речи»: текут те и эти, ведь речь — Тьма-Река, и размен вещам — Огнь: Тьма-Вода, злата Суть**)**, — в коей умственный муж Стагирит, Тьму не зря, зрил недолжное. «Текст Гераклита, — писал он, — трудно интерпретировать, так как неясно, к чему относится [то или иное слово]: к последующему или предшествующему, как, например, в начале его сочинения, где он говорит: «Эту вот Речь сущую вечно люди не понимают». Здесь неясно, к чему следует отнести слово «вечно» [сиречь «сущую вечно»] или [«вечно не понимают»]». Сюда же относится крайне раздражавшая Аристотеля манера Гераклита совмещать противоположные понятия. «Гераклит… предоставил нам догадываться [о смысле своих слов], не потрудившись свою речь сделать ясной для нас», — рек Плотин. Стагирита адепт, он не знал: небреженье сие, коим был возмущен он — сире́чь *взбаламучен*, — надменность Причины, Тьмы, Два-Рознь сводящей в Одно. Рек о том Цицерон: «[Темнота] не заслуживает упрека в двух случаях: либо если ты привносишь ее намеренно, как Гераклит, либо когда непонятность речи обусловлена темнотой предмета, а не слов, — такова темнота Платона» («О пределах добра и зла»). Сократов преемник, Платон, как и он, был Тьмы муж. Ею полон, он — сень философии сущей: Причина — Сень эта.

- Понятие Логоса у него не имеет единственного значения, но, ускользающе-разное, в сути **плывет по Воде** как Основе своей: Свет — по Тьме.
- Вечность по Гераклиту — «играющее дитя», суть игры же — Бог-Ма|ть, Полность-Ть|ма.
- Гераклит упрекал Пифагора в отсутствии собственной мудрости, вместо коей, рек он, есть лишь многознание и мошенничество: Мудрость — Ноль, Единица же — первый ее потребитель, Нолем живой-цельный, в себе же — рознь, смерть. Посему Гераклит и зовет Пифагора не просто «мошенником», но «предводителем» брать|и сей («первым по имени и по делам» — по Кузанцу). Поистине, без Тьмы как Сути своей знанье наше разъемлется в многость: тьму как многознание, в руинах дом. От сего упреждал Гераклит, Божий Клей.
- Не единственно Пифагору, но с ним и иным мужам славным **(**Гомер, Гесиод, Ксенофан, Гекатей, Архилох**)** Гераклит давал уничтожающие характеристики, — в чем виден Хаоса пыл разбить в|дре|без|ги мир сей. Тьма, Хаос-Вода, зрима в прозвище мужа сего «Ба|л|а|м|ут», «возмутитель воды» **(**«бал» — Тьмы корнь, «му|т|ер» — мать (нем.), Вода**)**, кое дал Эпикур ему.
- Мудр, Гераклит не законодательствовал и не желал сей стези; Пифагор же — напротив: ведь бренных законник не Ноль — Единица, не Сердце — Ум. Сказано Ямвлихом: «И все [законодатели, учившиеся у Пифагора], удостоились от своих сограждан божественных почестей. Ибо они законодательствовали не так, как Гераклит, который в ответ на просьбу составить эфесцам законы, велел перевешать всех взрослых граждан, а с большим пониманием и знанием политической науки».
- Поэты есть племя, причастное Тьме, горней Сути стиха; Гераклит — был философ-поэт.
- О нелепости мира сего Гераклит плакал — лил Тьму как Воду **(**смеясь над нелепостью сей, Тьмой был и Демокрит: смеха суть — Тьма как Воздух**)**.
- Он про́жил на свете 60 лет: 60 — число времени, Тьмы.

- Смерть ему принесла переполненность Тьмью: водянка, болезнь отсыревшей плотú.

27 Восточные, в сути мы есть Полнота, принцип Сердца; оно ж в мире Розни, подпав под Два, в пару берет пустоту себе: Ум-эгоист как суть Запада. С тем-то, как пишет Бердяев, многие западные теории, тщетные и неприметные у себя на родине, взрыв породили у нас. Так-то было с «научной работою» Маркса, плоды коей, сжаты народом российским, мир жнет посейчас.

28 Посему голова не имеет нужды в теле, тело ж нуждается в ней как причине, без коей не суще (как ту|л|ов|ище, кое, безглаво, тулится к причине, главе: к жизни — смерть, коя лов|ит ее, Lov|е, дабы ожить) [1]. С тем, «Тимее» Платон тело наше выводит от Сферы-Вселенной: Главы без иного, нужды не имущего в нем за своей полнотой. Сфера эта — Мир-Десять (его-то лишиться страшась, грек, любя Мир в Отчизне, как в доме своем — сущих Дом, — остракизма страшился: без Родины — был он без Мира, **лишенный главы)**. Золотая корона как цикл вкруг главы — миросущности знак ее: злато есть Мира металл; злáты нимбы, короны святых. Антроп лунный, Гость наш, Гл|убью полон, имеет гл|аву миросущную: сердце и ум — Тьма и Свет — в ней одно. Посему Тьма как Сердце, Умá Суть, собой, Силой, полнит Процессор: главу (сердце-ум) Корабля, как согласный сосуд.

Мир есть Тело, Господь — Гол|ова его. С ней единимы мы прямо: ведь мы — Мир[2]. Сей истины гол|ой чужд, Прокл меж душою и Миром поставил, разъяв связь их, Ум, как учил *умный муж* Стагирит: Сатану вместо Бога, — ведь с Богом, Главою, разъяты, чтим мы за главу Сатану.

---

1 Истина эта центральна в булгаковском *темном* романе: в зачине его (как истоке, от коего книга течет и в каком, как рекú, суть ее) мудрый Воланд лишает, единый с Творцом, Берлиоза главы — основного, причинного в нас — и с главой сей позднéй говорит. В знак центральности сей, в сем романе отъятье главы и беседу с ней **как с человеком вполне** — зрим мы дважды: повтор — Бога перст. Голову без иного — с крылáми к Полету — зрим мы в ликах ангелов, главах без тел, осеняющих храм.

Голова наша — Мир. С тем, рискнуть всем — есть броситься в Тайну **главу очертя** — очертивши чертой ее, сделав **отдельной как Мир, Всё**, каким мы рискуем затем, чтоб Обресть иль Утратить («пан или пропал» — так на персов пошел Александр, раздав все, что имел, и оставив **надежду** себе), Богу вверяясь вполне.

Ведал это Египт. В «Книге нижнего мира Амдуат» говорится, как по приказу бога Солнца «тени», «гóловы» и «поставленные на голову» (как отрешенные от себя: место главы — верх; «быть во главе» — быть вершиною) уничтожаются изрыгающими огнь демонами. «Чтобы [обратясь] головой вниз я не превратился в антипода», —— речет Книга Мертвых. Страх утратить главу, всё, — причина существовавшего в Древнем Царстве обычая класть в гробницу муляж, заменяющий голову, сделанный в натуральную величину.

Казнь чрез отъятье главы — посему нам страшнейшая. Дланью вершима, она — естество, человек к человеку. Масонство попрало его, главу — Мир — как капусту, сектú давши мертвой машине чрез замысл врача. Врач есть тот, кто сечет нашу плоть Жизни ради — но, с Богом утратив связь, к смерти сечет: ведь Жизнь — Бог. Сын врача и душой врач, не знавший Творца, Аристотель, Платона и мудрых иных отъяв от философии, тем обезглавил ее. Им *невольно* свершенная казнь есть масонству труд *вольный* (исполненный Волею внешнею, Тьмой-Сатаной — не свободный: Свобода — Бог): церковь разъяв с государством, монархии руша, оно государству как сути срубило главу, коя есть Бог и царь.

2 Что Бóг нам Родитель прямой, зримо в том, что любой из нас есть плод любви, без какой нет зачатья; Любовь же — Господь. «Обращаясь к Богу, ребенок фактически обращается к реальному отцу», — сказал Вил|ь|гел|ьм Ра|й|х. «Вся жизнь наша — богослужение. Всякое благо в мире есть непосредственная деятельность Бога. В каждом человеке мне может явиться Бог», — сказал Но|в|ал|ис.

Спряженьем прямым меж Причиной и следствием славен Гомер, у кого боги, смертных к делам вдохновляя, — прямые вершители дел сих. Так вместе с людьми — в их рядах, **голова к голове**, — они бьются в Троянской войне. Прямой связи сей знак — древних правило: следствие звать по причине. Так Вакха зовут Дифирамбом, «Двувратным» (ведь он — плод двух Лон); Зевс, сын Крона — Кронид; и т. д.

Связь прямая сия — корнь всех славных свершений. Она — полководца успех: Бог — водитель его; чуя это, себя причислял Александр к богам. Важность сей связи в бою чтит Монтень в своих «Опытах», где пишет он: «Предки наши, особенно в войне с англичанами, во всех знаменитых битвах и прославленных в истории сражениях, большей частью бились пешими, ибо опасались вверять такие ценные вещи, как жизнь и честь, чему-либо иному, кроме своей собственной силы и крепости своего

мужества и своих членов. Что бы ни говорил Хрисанф у Ксенофонта, вы всегда связываете и доблесть свою и судьбу с судьбою и доблестью вашего коня; его ранение или смерть влекут за собой и вашу гибель, его испуг или его ярость делают вас трусом или храбрецом; если он плохо слушается узды или шпор, вам приходится отвечать за это своей честью. По этой причине я не считаю странным, что битвы, которые ведутся в пешем строю, более упорны и яростны, нежели конные:

cedebant pariter, pariterque ruebant
Victores victique, neque his fuga nota neque illis.

...отступали и снова устремлялись вперед и победители и побежденные,
и тем и другим было неведомо бегство (лат.)

В те времена победы в битвах давались с большим трудом, чем теперь, когда все сводится к натиску и бегству: primus clamor atque impetus rem decernit. «Первый натиск и первые крики решают дело» (лат.). И разумеется, дело столь важное и в нашем обществе подверженное стольким случайностям, должно находиться всецело в нашей власти. Точно так же советовал бы я выбирать оружие, действующее на наиболее коротком расстоянии, такое, которым мы владеем всего увереннее. Очевидно же, что для нас шпага, которую мы держим в руке, гораздо надежнее, чем пуля, вылетающая из пистолета, в котором столько различных частей — и порох и кремень, и курок: откажись малейшая из них служить — и вам грозит смертельная опасность.

Мы не можем нанести удар с достаточной уверенностью в успехе, если он должен достигнуть нашего противника не непосредственно, а по воздуху:

Et quo ferre velint permittere vulnera ventis:
Ensis habet vires, et gens quaecunque virorum est,
Bella gerit gladiis.

И они препоручают, таким образом, ветру наносить удары там,
где он пожелает. Силен только меч, и всякий народ, в котором
есть воинская доблесть, ведет войны мечами (лат.)»

О прямой связи сей ведал Экзюпери, коим сказано, что корабля созидатель есть не человек (кто орудье лишь в том) — само море, смерть-сила плывущих, его воздвигает, собою граня: **смерть есть жизни формовщик**. Так Сущего челн созидает Не-Сущее, Мира Вода; в Ведах млечного моря творец на планете духовного неба — Господь, а не стадо коровье: ведь **Он** созидатель Всего; молоко есть в корове, поскольку есть **в Нём**, сотворенное Им для коров сущих (в Индии чтимых как Матери лик, Длани Божией). Связь с Ним прямую храня, молоко это, как и Господь, монадично: оно не скисает, как Он. Так творец Пирамид — древний Сфинкс, недеяньем воздвигнувший их чрез людской труд по воле Атлантов, творцов его. Знать до́лжно: в деле любом творец есть не орудье — причина, держаща его созидая; ее — да узрим!

Отрешенность от Бога, Причины Всего, есть раскол мировой Иерархии — Лестницы, кою мы рушим, не зная Начала ее, либо в знаньи — его отвергая. Неведенье наше — плод тайный Тьмы; наше намеренное богоотступничество — плод явный ее, чей род первый, отказ от признания власти Творца, Генон звал люциферианизмом; второй, «опрокидывание естественных отношений и иерархического порядка» (что сделал ученьем своим Маркс, рабочих подняв над царями как шудр – выше кшатриев и брахманов), — зовет сатанизмом он. Бога лишась, Мир в очах наших рушится и есть он камни, в которых скрыт Храм.

Бог — надмирен; Бог — в Мире и в нас, миросущных; Единый — единства и розни Он Суть. С тем, концепция первотолчка, после коего Мир и Господь разделились и каждый стал сам по себе — ложь: «до», «после» – два мига, тогда как Миг Божий – един без конца. И коль в нем Мир (себя — с ним) и Бога мы жаждем зрить разно (как бренным велит бренья суть, Двойка-Рознь) — до́лжно зрить разных сих как тела, что касаньем едины навек **голова к голове**.

*

Снятье звеньев меж Этим и Тем, явью и Тайною — суть Познанья: чрез грань входим в То. У Кузанского сказано: «все исследователи судят о неизвестном путем соразмеряющего (proportionabiliter) сравнивания с чем-то уже знакомым, так что все исследуется в сравнении и через посредство пропорции. Когда искомое сравнивается при этом с заранее известным путем краткой пропорциональной редукции, познающее суждение незатруднительно, и, наоборот, когда требуется много промежуточных звеньев, возникают трудности и неясности, как известно в математике, где начальные положения редуцировать к первым самоочевидным принципам проще, а последующие труднее, потому что надо обязательно проходить через те начальные».

В своем труде «Античная философия истории» Алексей Лосев цитирует английского ученого Ф.М. Кор|нфорда, об античном понимании движущих сил истории говорящего: «Огромный контраст между античной и новой историографией состоит в следующем: тогда как ученые нового времени инстинктивно заняты непрерывными поисками влияния общественных условий, экономических и типологических факторов, политических сил и процессов эволюции (причем все эти элементы они пытаются подвести под законы, отличающиеся максимальной всеобщностью и абстракцией), – древних интересовали только чувства, мотивы и характеры отдельных людей и целых персонифицированных государств. Помимо вмешательства сверхъестественных сил это (и только это), по их мнению, формировало ход истории человечества. Этот контраст обнаруживает коренную разницу во взглядах на положение человека в космосе, и именно здесь нам открывается центральная особенность точки зрения древних... Они делали молчаливое и бессознательное допущение, что причинами, которые могут быть приняты во внимание в историческом труде, являются только непосредственные поводы и переживания отдельных людей или олицетворенных государств... *Первопричиной является (так думал еще Аристотель) цель действующего лица*, а она определяется его характером» (выделено нами). Древние правы: намеренья наши по корню — с Господним одно: ведь Корнь — Бог; зная их, мы причастны ему; а не зная и в счет не беря — зрим историю деленьем вторым, про сей Замысл молчащим, а с тем — и пустым для ума.

Вред разъемлющих звеньев для знания Сути Эразм Роттердамский в своей «Похвале…» показал на примере великих ораторов Демосфена и Цицерона, их чуждых. «Они, — пишет Эразм, — считали никуда не годным вступление, слишком далекое от предмета речи (впрочем, должно заметить, что такого же мнения придерживаются и свинопасы — их учит тому сама природа). Но искусники наши, декламируя свою так называемую «преамбулу», верят, что тем больше в ней риторских красот, чем дальше отстоит она от содержания остальной речи, и потому стараются исторгнуть у слушателя восхищенный шепот: «Куда же он теперь загнет?»

29 Цикличности Тьмы явь — санскр. имя Ка|р|а|на (Причина, Тьма), в коем зрим cir|cus — ци|рк, ци|кл (лат.) — нем. kar. «Сир», мон|арх — Тьме причастный как Циклу, царя с тем свободно: **Свобода есть Тьма**.

Дар Свободы — тяжел несвободному: она — Не|Сущее: **То, что несет, Столп наш** — Груз неподъемный плечам, чуждым Тьмы. «Почти все заповеди в Евангелии принадлежат так называемой исторической части христианства и только две из них внеисторические, метафизические, и обе они потакают человеку. Нам завещаны две вещи — вечная жизнь и свобода — *невыносимый дар свободы*. Других заветов нет», — сказано М.К. **Ма|м|а|р|да|ш|в|и|л|и** (курсив наш). Поведение наше — be|ha|vi|our (англ.): Тя|гость-Двойка, какой есть Тьма бренным **(**be — быть, bi — двух, heavy — тяжелый**)** как **выбор, свободный всегда**. То — **наш** выбор, пути предрешенье; иному не выбрать за нас, как не жить жизнью нашею: **выбор — она вся, как вся — путь**. Рек Сковорода: «Склонности, удовольствие, природа, сила Божия, — все это Бог. Но есть склонности и природы злые, и они суть явления гнева Божьего. Человек есть орудие, свободно и вольно подчиняющее себя действию или любви Божьей, то есть жизни, или гнева Божьего, то есть суда, добра или зла, света или тьмы». **Избирать путь — Мир несть на плечах: Путь — он, Камнь величайший; свободы Вес — он, пробный камнь человечности в нас**. «Свобода не легка, как думают ее враги, клевещущие на нее, свобода трудна, она есть тяжелое бремя. И люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя… Все в человеческой жизни должно пройти через свободу, через испытание свободы, через отвержение соблазнов свободы», — Бердяев рек. Он сказал также: «Свобода есть испытание Силы». «Человек — раб потому, что свобода трудна, рабство же легко», — он же рек. «Большинству людей свойственно бояться жизни» (Аль|фред Ад|лер): Жизнь есть Свобода. «Само желание бежать выдает страх быть человеком» (Жорж Батай). «Как трудно [= тяжко — *Авт.*] присутствие в мире!» (Эм|ма|н|ю|эль Мун|ье). Тор|н|тон Уайлдер писал о «пугающем бездорожье свободы», по коему бродим мы в страхе, «мечтая найти опору хотя бы в запертых воротах, хотя бы в глухой стене»). «Свобода не прикована к человеческому существу как приговор, она предложена как дар» (Эмманюэль Мунье). Эрих Фромм называет причиной садизма и мазохизма ситуацию субъективной оставленности индивида всем и вся, чувство бессилия, когда он «оказывается

«свободным» в негативном смысле, то есть одиноким и стоящим перед лицом чуждого и враждебного мира. В этой ситуации «нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается». Это слова из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Испуганный индивид ищет кого-нибудь или что-нибудь, с чем он мог бы связать свою личность, он не в состоянии больше быть самим собой и лихорадочно пытается вновь обрести уверенность, сбросив с себя бремя своего «я»». **Дар Свободы есть Дар Отрешения, «Я — То» — Единый по сути: Бог, вольный от Мира, Всего, как Иное иных. С тем, един, — волен дух; плоть, в себе не едина (дух — клей ей), свободы страшится, подпорок вовне ища**. Рек о том Василид Александрийский: «Боги могучи, и они переносят свою различность, ибо, подобно звездам, пребывают они в одиночестве и ужасающем отдалении друг от друга. Люди же слабы и не переносят свою различность, ибо они пребывают вблизи, подле друг друга, и нуждаются в общности, дабы снести свою особость». Общность эта — толпа, люди в коей есть внешни подпорки друг другу; подпорка подпор сих — кумир им: Диавол, Второй за Творцом как Опорой Внутри. «Возгласами ликования приветствует итальянский народ личность дуче, другие народы стенают, оплакивая отсутствие великих фюреров», — писал Карл Юнг. «Среди осколков прежнего идола водружают нового», — сказал Эл|иас Ка|н|ет|ти.

Свобода *для* нас есть Дар Бога; свобода *у нас, в нас* — есть действие в Даре, согласно И|лар|ию из Пу|атье **(***Ри — Па|н: Мир, Бога лар|ь***)**. Мало Дар сей узреть — его до́лжно обресть, что возможно **гер|ою**. Свобода как Божий герою дар, ger|as, дается двояко: как **шанс** стать свободным и как **сила** стать им — огнь, гу́бящий утлый сосуд. Таков есть Дар Орла, Духа, по Кастанеде, кем сказано: «Каждому живому существу была дарована [Духом, Творцом — *Авт.*] сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него». Сила эта — Свобода сама, и **Свободой — Свободу стяжаем**. Как Шанс Обретения, Дар — Испытанье: тверды ль в Боге мы? Речено Газали: «Если бы Бог захотел, Он мог бы сделать всех людей богатыми, но для того, чтобы испытать тебя, он создал бедных, чтобы ты мог принести им твой дар». Так чрез Двоицу в Даре сияет Единый: **Дар — в Бога Дыр|а, Вход**. В Платоновом знании дар, как святимая Единым Двойка, есть «обмен любезностью» между достойными ее. **Дар есть благо|дарность**, как плата, Творца-Блага чадам своим за решенное Им их благое устройство и действие. Так-то учил Гераклит, утверждая, что не человек открывает истину (Бога — по сути) усильями ума, но истина открывается ему, овладевая им, если имеет он *должную душу*: устроену Богом принять сей Огнь. В своде Платоновых определений о понятьи «милость», как даре **(***ведь «милость» и «дар» — то и то — у Эллинов «хар|изма», сиречь благо-дать Солнца Божия, кое есть Черный Огонь, Тьма-Причина как* ***само-даяние*** *Им Себя нам: ибо Благо — Бог. «Хар|и|зма» — слово, Египтом рожденное, чей бог Хар (**Хо**р, **Ор**, Гор), с Аполлоном един, есть Огнь-Солнце; отсюда har|d — твердый (англ.): Солнце — Опора очей***)**, речено, что она — «добровольное благодеяние; своевременная плата добром за добро». О «награде», ко «милости» близкой: она — «воздаваемая за добродетели почесть, к которой стремятся ради нее самой». С тем, **Дар есть предрешенная Милость — свобода как плата, а с тем и награда за добродетели, *предстоящая* им как *причина* заслуг сих — не следствие, как мнится бренно, — причина сама по себе; воздаянье, к какому стремимся мы ради него, волей Духа не зря сей корысти, но цель видя в благе, вершимом из глуби себя**. «За деянье награда — свершенье его», — о том сказано древними. В том — Мир как Цикл, где Начало — Конец, нет случайного и все стремления **наши** вдыхает в нас **Бог**, нас согласно им благо|устроив.

Свобода есть нега: для нас **нега**|тивна она: Бытию как Пределу причастны, причастны темнице мы (и Бытие без иного — нам тьма-безысходность); Свобода ж есть Небытье-Беспредельное, сущее сверх Бытия **(**«Бытие вообще является лишь выражением заторможенной [т.е. о-пределенной — *Авт.*] свободы», — сказал Фридрих Шеллинг**)**. «Нег» как корень Тьмы явен в «не|г|р» — негатив белых; в «с|нег», суть Покров, коим Тьма есть (и праздник По|крова (кор|ы)

— у нас Матери праздник кор|ов|ий). **В сем мире, темнице Ума злой, Свобода из|ли|ш|ня: Ли — Ум-Ритуал (***так излишним О|нег|ин был, Тьмы муж; Печ|ор|ин — с ним: Тьма, Огнь — печ|ет; и творцов их, Свободы послов, мир как лишних отринул. «Ли|шенность» — звал Тьму Аристотель («ли|шь» — малость; ли|хор, кровь богов: как Бессмертье, она есть Тьма; «ли|бо» — то, кое отъемлет от Бога, Тьмы; «ес|ли» — условность, «да (ес|ть, у|es) - нет»: Ли, Ум — «нет» за Да, Сердцем***)**. Стяжанье Свободы — как истинной Жизни, Тьмы — цель пути воина, коим идут маги, «те, кто растут над собой» (*от санскритского маха — великий, растущий: растя над собой, мы над Миром растем, бóльшие Величайшего сего как Бóг (ибо Он — Мира больший); отсюда — «маг|истр»; «Ма|г|о|мет»: «мет|á» — цель*), обретая ее — синтез трех ипостасей: свободы от известного (мира обыденно-данного, реального нам), от неизвестного (мира не данного нам, но познанью доступного так, как, реальным, дана нам возможность) и от непостижимого, Суть чья — Дух, Царь-Корнь живых, пожирающий жизнь несвободных, но будучи Глубью, Свободой — как Дар открывающий во|ин|у тайну стяжанья ее: вход во Глубь**.**

Для нас, Двойке причастных, Свобода, Единство, есть Два — Цель и Путь к ней: Путь с Целью — едины. **Свободу постигший как Дол|г в мире дол|ьнем, земном — добродетелен. Долг есть облатка Свободы, Свобода — суть Долга** (что ведал Кант). Чрез добродетель в сем мире, темнице, нас Бог причащает Свободе, готовя соитие с ней. В диалоге Платона «Кратил» о значении имени «добродетель» указано: ««Добродетель» означает легкое передвижение, а затем и вечно свободное течение, полет доброй души, так что, видимо, «добродетель» получила имя от вечного, неудержимого и беспрепятственного течения и полета». Там же находим толкование «добра» как «проникающего». Сплотив в единство сие, дóлжно зрить добродетель как **проникновенье в Свободу и шествие в ней без преград*:* выход в День (хер|ý (ег.) — огнь Причины, Творца), ночью мнимый** (звалась Египтянами так Книга мертвых, о том говоря), обретение нами внутри себя Духа, как Милости и Награды, чрез отождествление в акте благого деянья с Ним, нужды лишенное в плате наружной. Деяний чреда, что в Свободу ведет, чужда внешних мотивов; являясь как шествие — шествием внешним не есть, ведь есть путь не к наружному следствию, но к внутрисущей, в себя погруженной Причине, — и с тем есть она **становление Нестановящегося**. Об этом пишет Елена Блаватская, рассматривая различие между аватаром как нестановящимся, сиречь не вовлеченным в причинность, инкарнирующим Богом — и дживанмуктой, каков есть не Бог — человек, чрез заслуги свои *становящийся* Богом, Нирвани (на веки веков погруженным в Блаженство и Знание, коих единство — Нирвана, Тьма). В «Тайной Доктрине» читаем: «Существует большая разница между аватаром и дживанмуктой: один (…) представляет собой иллюзорную видимость, лишенную кармы, которая никогда раньше не была воплощена, а другой, дживанмукта, это тот, кто достигает нирваны своими индивидуальными заслугами. На такое выражение бескомпромиссный философский ведантист мог бы опять возразить. Он мог бы сказать, что так как состояния аватара и дживанмукты представляют одно и то же, то никакая сумма личных заслуг в скольких то ни было воплощениях не может привести их обладателя к нирване. Он скажет, что нирвана бездейственна; как же тогда какое-либо действие может к ней привести? Она, по определению На|га|сен|ы, не есть ни результат, ни причина, но вечно-настоящее, вечное *Есть*. Следовательно, она не может иметь никакого отношения или касательства к действию, заслуге или недостатку, так как последние подчинены карме. Все это очень правильно, но все же, по нашему мнению, между этими двумя существует значительная разница. Аватар *есть*, а дживанмукта *становится* таким. Если состояние этих двух тождественно, то не идентичны причины, приведшие к нему. Аватар есть снисхождение Бога в иллюзорную форму; Дживанмукта же, который, может быть, прошел бесчисленные воплощения и накопил в них заслугу, несомненно, не становится нирвани из-за этой заслуги, а вследствие лишь порожденной ею кармы, которая ведет его и направляет к тому гуру, кто посвятит его в тайну нирваны и который один только может помочь ему достигнуть этой обители». Гуру, Учитель, здесь — тот, кто от

кар|мы, причинности сущей, ведет в надпричинность не-сущей Причины, Кар|ан|ы, в кармичной цепи *открывая разрыв*. Пребывание *в* сущем *у грани* разрыва сего — плод заслуги; быть *в са́мом разрыве* — Причине, Нирване — от наших заслуг не зависит: ведь, *сущи*, заслуги не связаны с *выпавшим из бытия*.

Выпаденье сие — выход есть в **Мира Жизнь, Тьму как Ч|уд|о** (mi|r|a|c|le (англ.); «уд» — Тьма, Уд-Уд|а́), должный в Божьих очах (по-санскритски законность сия — адбхута дхарма, где «дхарма» — и «долг», и «закон»), с тем — в очах мудреца, кои с Богом одно; незаконный, недолжный — в немудрых мирских очах. Но Чудо, Тьма, Длань (лат. man|us) Творца — сущих ма́н|ит: **быть — есть втайне полниться Тьмою, Жить — полниться явно**. Рек Гете:

Повсюду вечность шевелится,
И все к небытию стремится,
Чтоб быть причастным бытию.

Чудо есть У|ж|а|с бренных (Уж, Змей, ум их жа|лящий — жа|х (укр.)) — разрыв в бытии их **(***и сказано Кастанедой: «Искусство воина состоит в сохранении равновесия между ужасом быть человеком и чудом быть человеком», — спряжении истинном бренного с Вечным, Сего с Тем, в чем есть* ***Опыт опытов, Жизнь****. Рек же мудрый сей: «опыт всех опытов — это быть живым»***)**. *Видеть* нам — есть разрыв, бренных смерть, одолеть Жизнью: быть Здесь и Там, Мир зря как То-и-Это, Одно. **В чудеса есть не верящий тот, кто не зрит в себе Жизни как Чуда чудес**. Посему Лосев и зовет чудо «мифической, или личностной, целесообразностью»: нет ничего целе|сообразней для личности, чем полно Жить, и живем — Жизни ради как Цел|и быть цел|ыми; Жизнь, с тем и личность, что ею жива, — Му́ф. **Жизнь, Чудо, для *видящих* — Ф|ак|т, Очевидность (**фак|ир — демонстратор чудес: в сути — Жизни, влекущей как Тайна людей; f|uck — соитье полов, ак|т для Жизни**)**; отсюда — диада «de jure — de facto», сиречь «по закону (Уму, Бытию) — в жизни (Сердце, Небытии)». «Жизнь — это то, что есть», — сказал Экзюпери; она есть **Очевидное-Не|вероятное**: не Ум гадающий — Сердце как Очи, что *видят*-живут.

30 В своих «Комментариях к «Категориям»» Элиас пишет: «[Зенон] Элейский по прозвищу Парменидовец (…) был прозван «двуязычным» не потому, что он был диалектиком, подобно Китийскому, и аргументировал за и против одного и того же положения, а потому, что был диалектиком в жизни: говорил одно, а думал другое. На вопрос тирана, кто самые опасные заговорщики, злоумышляющие против его тирании, Зенон указал на его телохранителей, а тот поверил, казнил их и был убит. Потому что он считал, что солгать ради свержения тирана — это хорошо». Плутарх сказал: «Зенон, ученик Парменида, после неудачного покушения на тирана Демила [Неарха, Диомедонта — согласно иным — *Авт.*], пронес учение Парменида через испытание огнем чистым и неподдельным, словно золото, и доказал на деле, что великому мужу страшно лишь то, что постыдно, а боли боятся только дети, женщины и мужчины с женской душонкой: он перегрыз собственный язык и плюнул его в тирана» («Против Колота»). У Филострата читаем: «Зенон Элейский (он считается зачинателем диалектики), пытаясь свергнуть тирана Неарха Мисийского, был схвачен и, подвергнутый пытке на колесе, не выдал своих сообщников, а тех, кто был верен тирану, оклеветал как предателей: их казнили по ложному обвинению, а Зенон сверг тиранию с помощью тирании и вернул мисийцам свободу» («Жизнь Аполлония Тианского»). Повергший зло мечом его ж, тем явил он искусство бойца, дух героя, учение в жизнь претворив, знанье — в подвиг.

Создав свои апории как меч в защиту учителя, *вы|ков|ав* их (ведь лишь так мог его защитить он, его бывший бхактою (Любящим, Преданным); не будь того, не писал бы он вовсе), — Зенон явил не невозможность движения, но **его тщетность в опоре на ум**: опершúсь на него, делим мы без конца, когда до́лжно Идти — не деля: как и Цель, Путь — Одно, а коль нет — ни Пути нет, ни Цели. В ком ум застит сердце — деля, не Идет, но **Идти́ лишь — нам до́лжно: Путь — Жизнь**. С тем, движенье, согласно Зенону, возможно лишь в сфере познания чувствами — **Сердцем** по сути, что с плотью едино как Ноль со Двумя (и, как Двоица, чувства — врата в

Сердце, Ноль). Сердце выше Ума, как Жизнь — мысли о Жизни; Ум в Сердце имеет основу, Жизнь-Сердце — в себе. Жить Умом, средство целью взяв — есть мертвым быть; жить же Сердцем как Целью своей, Ум взяв средством — есть истинно Жить. В том и есть смысл апорий Зенона; **как дело, поступок в защиту Учителя, были они не ученьем, но Жизнью само́й**. Диоген-киник, ставший в ответ на них молча ходить, не постиг: **с сим и спорил Зенон — с демонстрацией (умствием) Жизни**, уча за века до Христа не актерствовать — Жить, не умом — Жизнью, Сердцем деля пополам. Воспитавший Перикла, а с ним век Эллады златой, знал Жизнь он! Так живя, был, как Жизнь, Монолит он, за то и измолотый в ступе тираном-умом, погубить сию тщившимся Твердь.

Жизнь есть суть философии **(**сказано Лю|двиг|ом Вит|ген|ш|тей|ном: «Философия не учение, а деятельность», — сиречь сама Жизнь**)**. Философствовать — есть Восходить, рвя как кокон себя, с тем — всяк миг умирая-родясь: умирая для Этого, части, родясь для Всего — Полноты, коя есть Бог и Мир. Стало быть, **философия есть всего прежде искусство Жить и Умирать, в смерти — Жи́знь зря** (так *видел* Сократ), — отчего и живущий в согласии с Жизнью стои́т выше мнящего Жизнь: цель ему — есть и средство, двух нет — есть Одно. С ним как Богом един, Зенон — истинный, полный философ: **философ-мудрец**, чей язык, Дело-Мысль, остр двужало как **Сердце само, Ноль-во-Двух**.

Диалектиком жизни Зенон был. Но был и Сократ им, уча не мудрить — Жить. Профессор Ф.Ф. Зе|л|ин|ский писал о том: «Ученики Сократа распадаются на две довольно четко разграниченные группы: одни видели в нем учителя жизни, другие — вождя на пути философских исканий. К первым принадлежали: его ровесник и друг Критон, Алкивиад, Критий (...), но еще в большей мере был таковым (…) Ксенофонт. Для его справедливой оценки надо помнить это, — что он принадлежал к первой, а не ко второй группе и вовсе не стремился быть творцом в области философского мышления; при этом условии потеряет всякое значение тривиальный вопрос, «понял» ли он или «не понял» своего великого учителя: он брал у него то, в чем сам нуждался, а именно *диалектически обоснованную науку жизни*. Защищая его впоследствии от нападений софистически настроенных людей, пытавшихся затмить его посмертную славу, он написал свое главное философское произведение, свои благородные «Воспоминания о Сократе» в 4-х книгах. Начиная со скромной и сдержанной защиты Сократа как гражданина, автор в дальнейшем дает ряд сократовских бесед в том виде, в каком они после многих лет остались в его памяти, — о сыновней и братской любви, о дружбе, о долге гражданина, ремесленника, военачальника и т. д. Это — одна из драгоценнейших книг, оставленных нам древностью; она была признана таковою за все время духовного развития человечества и заслуживает этого признания и поныне» (курсив наш).

О являемой в литературной речи подмене стихии Жизни, Сердца как действья — Умом как пустой болтовней, «философией» злой, переводчица Но|ра Г|а|ль пишет:

Так что же он такое, кан|цел|ярит? У него есть очень точные приметы, общие и для переводной и для отечественной литературы. // Это — вытеснение глагола, то есть движения, действия, причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным!), а значит — застойность, неподвижность. И из всех глагольных форм пристрастие к инфинитиву. // Это — нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего длинные цепи существительных в одном и том же падеже — родительном, так что уже нельзя понять, что к чему относится и о чем идет речь. // Это — обилие иностранных слов там, где их вполне можно заменить словами русскими.// Это — вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжелыми, громоздкими.// Это — тяжелый, путаный строй фразы, невразумительность. Несчетные придаточные предложения, вдвойне тяжеловесные и неестественные в разговорной речи. // Десятки, сотни раз читаешь: испытывал чувство счастья, горечи, досады —- там, где куда лучше сказать: радовался, горевал, досадовал, либо, на худой конец, — был огорчен, был счастлив. Никакой жалости к ней он не испытывал. Он нисколько (ничуть) ее не жалел. // Даже к собственной дочери он испытывал недоверие. Даже собственной дочери он не доверял. // Он испытал сильное головокружение. У него

закружилась голова (а может быть, и подкосились ноги!). // Впал в состояние прострации — сказано там, где верней и выразительней просто: оцепенел. // Он почувствовал страх (ужас) — а лучше: ему стало страшно (или, смотря о ком и о чем речь, — он испугался, струсил, струхнул, его охватил, им овладел ужас). // В огромном, подавляющем большинстве случаев лучше заменить существительное (особенно отглагольное!) глаголом. Право же, от этого любой текст станет понятнее, живей, выразительней. Мысль... произвела на меня слишком ошеломляющее впечатление. ...слишком меня ошеломила.

Сократ не философствовал (= умствовал) — жил, посему — был философ, уча Жить иных ра́вно словом и делом: два сих — одно́ были ему. Посему был он пифией назван мудрейшим из всех, и взглянув, как Евклид изощрен в словопреньях, сказал он: «С софистами, Евклид, ты сумеешь обойтись, а вот с людьми — навряд ли». Сын скульптора и сам ваятель, он в душах лепил Мир; дар женский, наука по|вит|ья его — Vit|а, Жизнь: Путь, что к Господу вьется. Сказал Ксенофонт о Сократе: «Да он и не рассуждал на темы о «природе всего», как рассуждают по большей части другие; не касался вопроса о том, как устроен так называемый философами «космос» и по каким непреложным законам происходит каждое небесное явление. Напротив, он даже указывал на глупость тех, кто занимается подобными проблемами». Так вслед Сократу жил Мудростью, мудрствовал Жизнию Сковорода, Жизнь постигнувший per pedes apostolorum. Сказал посему о нем гостеприимец его Михаил Ковалинский, что во все время, пока Сковорода гостил у него, он «рассуждал правилами и понятиями, каких ожидать можно только от человека, искавшего истину не умствованием, а делом». В речах путевых — огнь его, **жить учившего Жизнью, Путем**. Так мудр словом живым, устным **Ма|ма|р|д|а|шви|ли Ме|ра|**б. О нем сказано:

Философствование М.К. Мамардашвили принято называть «сократическим», поскольку он, как и Сократ, практически не оставил после себя письменного наследия. В то же время он читал очень много лекций в различных университетах Советского Союза и стран зарубежья. При жизни его работы не могли быть опубликованы по идеологическим соображениям, во многом поэтому и не писались. Однако сохранились магнитофонные записи его лекций, которые были опубликованы после его смерти и распада СССР. ***Довольно непросто понять столь «живую» философию. Для её уяснения требуется почти ювелирная реконструкция как жизни самого философа, так и жизни его философии****. Последняя предстаёт в последовательной посмертной «расшифровке» его идей, представленных в аудиозаписях лекций, в материалах интервью для журналов и телевидения, в докладах на конференциях и круглых столах (выделено нами — Авт.).*

Жизнь, коей славен Зенон — очи му́дры. Зрить ими — есть *видеть* Мир, зря как Одно его. Так-то очами **Зен**|она, **зен**|ицами сими **учителя-Сердца**, его зрил **учитель Зенона в Уме** Парменид. С тем-то именно он, по словам Фаворина в «Разнообразных рассказах», первым выставил очам людей рассуждение «Ахиллес», коим славен Зенон.

Аристотель, делить не умевший, не знал сего. О Пармениде им сказано: «Парменид… утверждает, что наряду с сущим не-сущее является ничем, с необходимостью полагая, что сущее есть одно и что нет ничего иного». На деле же, верный Единому, Парменид не отбросил не-сущее, но **утвердил** его. Рекший «все есть бытие», мыслил он: **и не-сущее — также**, сиречь, поистине, **есть и оно**. Ибо сказано им: «созерцай умом отсутствующее как постоянно присутствующее», — сиречь **не-сущее с сущим едины как Сущее-Мир**, о каком и сказал Парменид: «На свете все полно и дневного света, и темной ночи» — по сути своей: в Мире все полно бытия (света наших очей бренных) и небытья (тьмы их), кои равно́ — Полнота, Мир: ведь Мир есть и то, и другое. Так следует понимать нам цитируемые Аристотелем в свою пользу слова Парменида: «Ведь никогда не докажут, что то, чего нет, существует» **(***всем мнящим, что Парменид не признавал пустоты, здесь заметим мы, что Демокрит, признававший ее без сомнения, связан с ним* ***цепью преемства прямой*** *чрез Зенона — Левкиппа, и знанье их — в сути* ***одно*** *посему***)**. Но то лгавший, то верно глаголивший, так-то и сам Стагирит мыслил их! Ибо в «Физике» говорит он с досадою: «Некоторые [= атомисты] поддались обоим аргументам [=

Парменида и Зенона]; аргументу о том, что все одно, если сущее однозначно, [они поддались, признав], что **есть не-сущее**, а аргументу от дихотомии — признав неделимые величины» (выделено нами).

Отчего ж Аристотель не ладит с собой, утверждая о Пармениде взаимоисключающие вещи? Отчего Парменид у него **и** мыслит небытие существующим, **и** отрицает его? Так расплачивается Аристотель за данный нам им же закон противоречия — **путаный Жизнию** сам отвергая его. Ибо, истинно, небытие существует и не существует: оно есть для Бога, его нет для нас, в бытии сущих и им отъятых от горних Очей. Но поскольку, рекут мудрецы, человек лишь тогда человек, когда Бог ему Све|т|оч, — не-сущее **есть** для нас, Божьих. **Считая, что небытие не существует, коль оно немыслимо и несказа́нно, а коль мыслим его и о нем говорим, оно есть бытие (коим есть всё, о чем говорим и что мыслим), — мудр Тьмой, Парменид его *мыслил*, и с тем *мыслил сущим, сиречь бытием: тем, что есть*. Стагирит же, считавший, что небытие можно мыслить и говорить о нем *без обращения тем в бытие*, — мысля небытие, сиречь *сущее* по Пармениду и Истине, мыслил *не-сущим его*, и постольку, считая единым себя с Парменидом, на деле был прямо противен ему как ложь Истине. Мыслью Господнею, вечною жил Парменид, мыслью бренною жил Аристотель, в чем ро́знь их: ведь мыслил умом Стагирит, Парменид — сердцем: *Делом была мысль его***. Это и подтверждается Псевдо-Плутархом, согласно которому у Парменида и Эпикура сознание, именуемое «главенствующим началом», в груди обитает у нас — сфере сердца, **и сердцем-то в сути и есть**.

Быть нам в Истине — есть знать ответ на вопросы о Жизни: ведь Истина — Жизнь; посему ж — отвечать, сиречь **действовать**: **Дело — Ответ**. Быть во лжи — есть Ответа не знать нам, молча́ посему. Парменид, говоря:

> Быть или вовсе не быть — вот здесь разрешенье вопроса.
> Есть бытие, а небытия вовсе нету.

— на вопрос свой «Быть или не быть» отвечал как **иму́щий ответ: быть**! На сей же вопрос Стагирит **вторил эхом: быть или не быть, — что ответ не являло собой**, и с тем **не было мыслью как тем, кое, с Богом единое, живо**. Ведь, вновь повторим, мыслил тут Пармени́д, Аристотель — лишь **умствовал**. Умствие ж, Жизни в подмену, он дал нам **(***пленен им, про метод Зенона писал Гегель: «Что существует движение, что оно есть явление, это вовсе не оспаривается; движение обладает чувственной достоверностью, оно существует, подобно тому, как существуют слоны... ***Вопрос здесь идет о его истинности, но движение неистинно, ибо представление о нем содержит в себе противоречие...***» (выделено нами). Не Движенье, Жизнь, — умствие, образ пустой, взял столпом он, **критерием Жизни**, Зенону вменив ложно то ж***)**.

Вот вещей суть. Но маскою Двоицы, коей пленил Стагирит ум, она скрыта нам. Тьма таит свет ее, что горит и теперь в «Пармениде». Узрим же его мы, прочтя диалог.

« — Я замечаю, Парменид, — сказал Сократ, — что наш Зенон хочет быть близок тебе во всем, даже в сочинениях. В самом деле, он написал примерно то же, что и ты, но с помощью переделок старается ввести нас в заблуждение, будто он говорит что-то другое: ты в своей поэме утверждаешь, что все есть единое, и представляешь прекрасные доказательства этого; он же отрицает существование многого и тоже приводит многочисленные и веские доказательства. Но то, что вы говорите, оказывается выше разумения нас остальных: действительно, один из вас **утверждает существование единого**, другой **отрицает существование многого**, но каждый рассуждает так, что кажется, будто он сказал совсем не то, что другой, между тем как оба вы говорите **почти** одно и то же. // — Да, Сократ, — сказал Зенон, — но только ты не вполне постиг истинный смысл сочинения. Хотя ты, подобно лаконским щенкам, отлично выискиваешь и выслеживаешь то, что содержится в сказанном, но прежде всего от тебя ускользает, что мое сочинение вовсе не притязает на то, о чем ты говоришь, и вовсе не пытается скрыть от людей

некий великий замысел. **Ты говоришь об обстоятельстве побочном**. В действительности это сочинение поддерживает рассуждение Парменида **против тех, кто пытается высмеять его**, утверждая, что если существует единое, то из этого утверждения следует множество смешных и противоречащих ему выводов. Итак, мое сочинение направлено **против допускающих многое**, возвращает им с избытком их нападки и старается показать, что при обстоятельном рассмотрении их положение «существует многое» влечет за собой еще более смешные последствия, чем признание существования единого. **Под влиянием такой страсти к спорам** я в молодости и написал это сочинение, но, когда оно было написано, кто-то его у меня украл, так что мне не пришлось решать вопрос, следует ли его выпускать в свет или нет. Таким образом, от тебя ускользнуло, Сократ, что сочинение это подсказано юношеской любовью к спорам, а вовсе не честолюбием пожилого человека. Впрочем, как я уже сказал, **твои соображения недурны**» (выделено нами). Даже если «единое» Парменида, о коем ведет речь Сократ, есть Единое-Бытие, Логос (коим есть и Бог, и Мир Стагириту: не зная Творца, он и Мира не знал, их смешав в Бытии), каков есть из|начальным Единым (Единым, исшедшим из Бога, Единого без|начального), а многое — Небытие, из|начальная **М**|но|гость (из Бога исшедша с Бытьем заодно как Мир, синтез их), до́лжно признать: **утверждение Парменидом Единого (Бытия) и отрицание Многого (Небытия) Зеноном не есть одно и то же**. Ибо **утверждение, «да», не запрещает (как делает то отрицанье, «нет»), но *допускает***, — засим Парменид, утверждающий Бытие, ***допускает* и Небытие, *разрешает* его, и с тем *Небытие у него — существует***: не будь так — к чему допускать? **Отрицание ж Многого запрещает Небытие** — и, с тем, есть **антипод утвержденью Единого**: Двоицы труд, не противный Единому, Богу в очах утверждающих, ибо их «Да», как Одно, не противно Диаде «да — нет» как Родитель ее и Сосуд: ибо Двойку творит и вмещает Единый. То знал Платон — и с тем Сократ у него, говоря о позициях Парменида и Зенона, **не отождествляет их**, но говорит, что они есть ***почти*** одно и то же. О мудрый Платон: в сем «почти» его — Мир! Ведь, как сказано далее, Зенон запретил Небытие как Многое не в пику Истине, лик коей есть Парменид, — но, в пылу юном, **в пику ей чу́ждым, манеру их взявши как меч к бою с ними оружием их** (так боролся с тираном он ложью, мечом его. «А кто придет к нам с мечом — от меча и погибнет», — рек Невский о том). Зенон **сам — *как Зенон, суть Одно*** — с Парменидом един, и с тем **оба сих Небытие дозволяют** (чего уж не понимали отравленные софистикою мужи за Платоном; меж них Исократ, о Зеноне сказавший, что он, мол, хотел доказать, что одно и то же возможно и невозможно — сиречь и дозволено, и не дозволено, — как зрит софист, с кем был спутан Зенон мужем сим). Не таков Стагирит: не учителя ради, но **сам по себе, как одно-без-второго, он Небытие запретил**. С тем, любящий доказывать от противного (так-то доказывал он закон противоречия, утверждая, что всякий его опровергающий приходит к противоречью с собой), **Стагирит — воплощенное «Нет» там, где до́лжно быть «Да». Парменид — «Да́» само, и Единое его есть *не Бытие, но Единое-Мир, дозволяющий и Бытие, и Небытие: им начальник, чья пара есть Бог***, о котором Кузанским указано: «максимум [сиречь Господь, Ab|sol|ut — *Авт.*] есть форма форм и форма бытия, или максимальное актуальное бытие. Глубоко было прозрение Парменида, говорившего, что Бог есть то, для чего быть всем, что есть, значит быть всем тем, что оно есть. В самом деле, как шар есть последнее совершенство фигур, больше которого нет, так максимум есть совершеннейшее совершенство всего настолько, что все несовершенное в нем есть высшее совершенство, как бесконечная линия есть шар, а [бесконечная] кривизна — прямизна: составность в нем — простота, различие — тождество, инаковость — единство и так далее. Как может быть какое-то несовершенство там, где несовершенство есть бесконечное совершенство, возможность — бесконечная действительность и так далее?» Сказано им же: «Как бесконечный шар всецело действителен и совершенно прост, так максимум совершенным и простейшим образом актуален, и как шар есть действительность линии, треугольника и круга, так максимум — актуальность всего: всякое действительное существование от него получает всю свою актуальность и всякое

существование существует действительным образом ровно настолько, насколько пребывает в его бесконечном акте».

То, что Единое Парменида есть Мир — ключ к его объяснению как Полноты-Неподвижности: Мир — Всё; коль так, **нет пространства, иного ему, где б он двигался; с тем, и движения — нет**.

Вот слова Парменида о том, что Единое его есть Мир:

1

Одно непрерывное...
Как и откуда оно выросло? Из не-сущего [«того, чего нет»]?
Этого я не разрешу
Тебе высказывать или мыслить, ибо нельзя ни высказать, ни помыслить:
«Не есть»...

2

Каким образом то, что есть [~сущее-сейчас], могло бы быть потом?
Каким образом оно могло бы быть-в-прошлом [или: «стать»]?
Если оно «было» [или: «стало»], то оно не есть, равна как если ему [лишь] некогда предстоит быть. Так рождение угасло и гибель пропала без вести.

3

Одно и то же — мышление и то, о чем мысль,
Ибо без сущего, о котором она высказана,
Тебе не найти мышления.
Ибо нет и не будет ничего,
Кроме сущего...

В строках сих ясен Мир:

- как всецелое Есть в очах Бога (1);
- как Миг-Настоящее (2);
- как Жизнь, Мысли Суть (3): живя (*видя*: *видеть* есть жить) — с тем лишь мыслим мы: s|um (video), ergo cogito.

Промыслом Божьим, само имя мужа сего Пар|мен|ид — миросущно: «пар», корень его, в сути «пир» — «огнь» («пар» — «пор»: ибо Альфа — Омега; о|пор|у иметь — о|пир|аться); Огнь первый же — О|пор|а-Мир, в коей зрил Гераклит суть раз|мен|ну всему: Огнь — всего З'name'на|тель и Суть. Б|ер|т|ран Рас|сел, писавший в «Истории западной философии»: «Последующая философия, включая и философию самого новейшего времени, восприняла от Парменида не учение о невозможности всякого изменения которое было слишком невероятным парадоксом, но учение о неразрушимости *субстанции*», — прав поневоле: учение это о цельности Мира (суб|ст|а|н|ция — он, «постоянный (persistent) субъект различных предикатов»: «суб» — Глубь, Тьма) запало в умы как **согласное Истине, кою рек муж сей**; ученье ж о «невозможности всякого изменения» — в них не вошло, ведь **о нем Парменид не учил**.

Гераклит, утверждавший, что движется все — как Река (кроме Бога, Истока ее), с Парменидом, считавшим, что все неизменно, един. Оба — Мир зрят: Рекою — один, второй — Шаром. С тем, Мир сим двоим — **Монолитность**: Река есть Река; Шар есть Шар, Цикл — от Бога текуща, Река и кончается в Нем, Им замкну́та в Одно. Рек о том Гераклит: «Выслушав не мою, но эту вот Речь [Логос], до́лжно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно»; «Все течет», — сказал он: ибо Всё есть Одно, что, текуче в себе, — Моно|лит, куда нам, сущим **вечно-однажды** в нем, дважды войти не дано. Что Зенон, с Парменидом един, пел Мир, — из того ясно, что в Двойке, надменной собой, зрил он, как в противоречьи, **тупик** (aporia), Аристотель же — **выход**, в наследство дав ложный сей нам.

«Человек, — писал Лейбниц, — всегда не прав, когда он отрицает, особенно философ, и каждая доктрина, каждое учение наиболее слабо именно в том, что оно отрицает». Учение Аристотеля **слабей всего в Боге и Мире**: ведь их, нашу Суть, «Да» без «нет», отрицает оно, с тем — себя самое.

Таким образом, приписанное Аристотелем Пармениду отождествление Мира и Бытия — Полноты с частью, неполнотою, а с тем и отождествление этой последней с мышлением [Умом], — есть ложь. Парменидов Мир — Мир, и в том Истине муж сей согласен. Он зрил однородным его, без пустот: ведь Монада, пустого не знает Мир: он — Полнота. Так считал и Платон, в Глуби сей с ним единый. С тем он, диалог *глубочайший* ему посвятив, чтил его выше прочих мужей, и Учитель, Сократ говорит у Платона: «К Мелиссу и всем прочим, кто полагает универсум единым и неподвижным, я испытываю почтение и боюсь, как бы нам не опошлить [их учения] своим разбором, и все же [ко всем ним вместе взятым] я испытываю меньше почтения, чем к одному Пармениду».

Глубь — Тьма, коей был Гераклúт муж. О нем, по словам Диогена Лаэртия, рек Еврипиду Сократ как о муже, понять кого можно лишь уподобясь искусностью делосскому ныряльщику. **Но точно то же Сократ говорит и о Пармениде**, ведь рек он: «я познакомился с ним, когда был очень молод, а он очень стар, и мне показалось, что *он обладает прямо-таки совершенно исключительной глубиной*. Поэтому *я боюсь что мы не поймем его слов и уж тем более упустим, что он имел в виду*» (курсив наш). Важность строк сих, читаемых в «Пармениде», являет для нас «Теэтет», где даны с усиленьем они: «Я побаиваюсь вторгаться слишком дерзко даже в область Мелисса и других, утверждающих, что все едино и неподвижно, однако страшнее их всех мне один Парменид. Он внушает мне, совсем как у Гомера, «и почтенье, и ужас». Дело в том, что еще очень юным я встретился с ним, тогда уже очень старым, и мне открылась во всех отношениях благородная глубина этого мужа. Поэтому я боюсь, что и слов-то его мы не и поймем, а уж тем более подразумеваемого в них смысла». Поистине, вот **темнота Гераклитова**! Рек Ипполит о том: «Он [Парменид] говорил, что космос уничтожается, а как — не сказал». Но что уничтожается — вновь возникает: **все вечное, коли не Тьма оно — вечно чрез смерть и рожденье**. Таков Логос, Ум-Бытие, Гераклита, родящийся и умирающий в Тьме как причине своей, кем скрыт Бог, Корнь Всего.

Парменида суть — Тьма. Диогеном Лаэртием сказано: «учился Парменид у Ксенофана, а последователем его не стал, а предпочел стать последователем пифагорейца Аминия, который обратил его к безмолвию» — Тьме: ведь Безмолвье — она. Так Свет, суть Пифагора, людей обращает к Тьме, паре своей: Свет со Тьмой — Одно: Мир.

Тьма есть суть Парменидова. Рекший, что Мир един в сути, а множествен в зримости ложной, рек он о Единстве не Света, но Тьмы: богосущна, она — Монолит. В том секрет Парменида, плениший Сократа: Тьмы муж («меж немногих мужей самый лучший и самый пустейший», — Амипсий рек: Пустое ж — Тьма), он склонился пред Сутью своей.

Парменид — Сéрдца Ум, ему верный как Тьме. Тьма же — Истина. В чем же противен он ей, **давший повод** не просто себя извратить Стагириту, но мнить за **предтечу себе**? По Закону единства различия, Божьему, поводом сим есть **попрание меры закона сего как на Бога акцент в ущерб Миру, колеблющий равенство их.**

Отчего ж, утверждающий, — был колебатель сей муж? Оттого, что, как Тьма, был он Двойкой, чья суть — уклоненье от Меры, Единого-Господа (Промыслом Божиим, град Парменида Элею фокейцы, его основавшие, звали, согласно Страбону, Хюэлэ — суть «хюле», «матер|ия», число чье — Два, а суть — Ноль, сущих Матер|ь). Посему в позднейших, под Двойкой безбожной — иной, чем Господняя — сущих очах обратился Мир-Всё в Бытие — Одно в Двоицу, Целое в часть его, что как «единое» застит собой «не-единое», «многое»-Небытие. То наглядно предстало в апориях верного Пармениду Зенона, у коего, как запретившего многость по

названной выше причине, в разъятьи пути на фрагменты Ахилл, бегун славный, не только не может догнать черепаху, но даже не силах движенья начать: Тьма — оно.

Парменид удалился от меры — но тем явил ее, напрягши природу: так воздух, нагретый землей, зрим очам. С тем, как раз «Парменид» — диалог, где Платон, Меры муж, проясняет единство различия, Меру являя отходом от Меры, Закон — чрез попранье его. Ведь **закон — мера; меру ж, средину, познать нельзя нам, детям Двух, не прейдя ради крайностей: Двойки, чрез кою стяжаем ее** (чему учит вино, Божий дар). Уклоненье от меры — являет ее нам, будя ее глас: Божий глас, сущий в каждом; и древней порой вакханалии, ее колебля — тем и укрепляли: с гармонией хаос един. Так средь войн людям мúр люб; абсурдом будúм здравый смысл; в красоту дверь — уродство («Подлинно красивое не существует без определенного нарушения пропорций», — сказал Эдгар По). **В мире сем, Двух слуге, учат Два — не Одно; в Суть стезя и врата — антипод ее (так учит Тантра, рекут Гераклит и Монтень). Два — Идущих Шаг-Путь, в сути — Мир перед Богом: пред Мерой — безмерье, пред Сутью — не-Суть**. Парменид ведал меру — и *скрыл*, с Бытием смешав Бога *для нас*: поминаемый в книге его «О природе» «Бог, сросшийся со всем» есть Бог, сросшийся с Бытием — стороною Всего, Мира, кою, бытийны, зрим мы. В том — **повитие Тьмой**, кое, тайный искусства сего корнь (тогда как Сократ — его ствол, явь), свершил он над нами, уча Силе нас. Рек же он:

> Каким образом то, что есть [~ сущее-сейчас], могло бы быть потом?
> Каким образом оно могло бы быть-в-прошлом [или: «стать»]?
>
> 20. Если оно «было» [или: «стало»], то оно не есть, равно как если ему [лишь] некогда предстоит быть.
> Так рожденье угасло и гибель пропала без вести.
> И оно неделимо, ибо оно все одинаково,
> И вот тут его ничуть не больше, а [вот там] ничуть не меньше,
> Что исключило бы его непрерывность, но все наполнено сущим.
>
> 25. Тем самым Все непрерывно: ибо сущее примыкает к сущему.
> Неподвижное, в границах великих оков,
> Оно безначально и непрекратимо, так как рождение и гибель
> Отброшены прочь: их отразило безошибочное доказательство.
> Оставаясь тем же самым в том же самом [месте], оно покоится само по себе.
>
> 30. И в таком состоянии оно остается стойко [~ постоянно], ибо неодолимая Ананке [Необходимость]
> Держит [его] в оковах предела [~ границы], который его запирая — объемлет.

В фрагменте сем речь о Едином и как ограниченном Безграничным, и как Безграничном самом: Бытии как в себе не едином Едином (ведь что ограничено — сложно в себе: грань дробит вглубь) и Тьме, сущей Богом-Единым, границ не имущим как Грань Сам Себя, Несоставность. Симплиций в своих «Комментариях к «Физике» рек о том: «Надо полагать, что Парменид учит [о Едином] как о первой причине, коль скоро [выражения] «все вместе» и «крайний предел» означают Единое. Но если он имеет в виду не абсолютное Единое в себе, а «единое сущее» и «единородное», и если хоть и «предел», но «конечный», то, быть может, он указывает на неизреченную причину всего, стоящую над ним». Плутарх пишет согласно: «Подобно тому как тот, кто не называет изображение Платона «Платоном», не отрицает тем самым реальности изображения, так и тот, кто не называет раскаленное железо «огнем» или Луну [отражающую свет Солнца] «Солнцем», но, говоря словами Парменида, [называет Луну] сияющим-ночью, бродящим вокруг Земли чужим светом, не отрицает ни пользы железа, ни реальности (phusin) Луны» («Против Колота»). Там же указано, что «[Парменид] не упраздняет ни ту, ни другую реальность [ни ноэтические, ни доксические вещи], но воздает должное каждой: к разряду единого-и-сущего он относит умопостигаемую реальность, называя ее «сущим» как нечто вечное и неуничтожимое, а «одним» — как нечто подобное себе и не поддающееся дифференциации, а к разряду неупорядоченного и движущегося он относит чувственную реальность. Средство познания этих [двух реальностей] можно видеть, с одной стороны, в «непогрешимом сердце легко убеждающей Истины» [B 1, 29], которое находится в контакте с умопостигаемым и пребывающим в одном и том же состоянии, а с другой — в «мнениях смертных, в которых нет

достоверности точной» [B 1, 30], поскольку они в контакте с вещами, подверженными всевозможным изменениям и аффектам и не сохраняющими самотождественности [буквально — «подверженными расподоблению»]». Здесь зрим: Парменид, Се́рдца муж, помышлял два Единых; смешением их — различать их учил.

В сем смешении Бытие Парменида есть Бог и не-Бог. Стагирит — Бытие Богом мнил однозначно. Сущ в лжи, в тьму ее вверг он нас, спутав ложию, — а Парменид (с ним — Сократ) путал Истиной нас к ее взятью победой (так Бога Иа|ков борол, о|до|л|ев *в допущении Им*), в чем и было искусство его.

Двойки муж, чрез нее *преломивший* и Мудрых, явил Стагирит их в обломках нам. С тем, странен нам Гераклит, в одном месте сказавший, что «душам наслаждение, а не смерть стать влажными, наслаждение же для них — падение в рождение [из Сердца, Бессмертия — в ум бренный, мокрый от Тьмы, что дождит в него — *Авт.*]», а в другом — «влажность — смерть души». Странен и Демокрит, говоря об обманности чувств, но о них же уча как опоре познания, нелгущем. Истина ж в том, что и он, и иные, уча, не с собой враждовали, но, це́льны, **Два зная, чрез них утверждали Одно**. Не зря то, Теофраст, ученик Стагирита и друг, ставший по его смерти главой перипатетиков, о Гераклите судил как о муже, противном себе самому, ибо сказано у Диогена Лаэртия: «Теофраст говорит, что под влиянием меланхолии одно он [Гераклит] в своем сочинении оставил незаконченным, а о другом пишет то так, то иначе». Глядевший очами учителя, с ним стал слеп и ученик, зря Единство как Двойку. Так лживый — лжеца зрит в любом, Полноту — пустотой, ведь пуст сам. Так-то Воланд, послушавши речи о Мире без Бога и Дьявола — **Мире без Мира**: коль пали столпы, пало зданье, — заметил своим собеседникам на Патриарших: «что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!»

Разделить пополам, половину отбросив — оспаривать есть Божий трон, Полнотой мня себя, половину (так Греки порой Отчей мир поделили на Греков — и варваров: «прочих», остаток неважный). Возмездье за то — слепота. Половину за целость мня, Мир мы не зрим как трон сей, где Свет с Тьмою един, Дьявол — с Богом. Суд сей слепоте, не дающей понять истин Библии, в книге своей завершает Блаватская так: «Эти краткие и кажущиеся противоречивыми утверждения Ветхого Завета — противоречивы потому, что *обе Силы разъединены, вместо того чтобы рассматриваться как две стороны одного и того же* — есть отзвуки всемирных и философских догм в природе, искаженных до неузнаваемости экзотеризмом и теологией и так прекрасно понятых первобытными Мудрецами» (курсив наш).

Разделить, половину отбросив — питать фанатизм нам, суть чья есть не Божья Любовь — страх пред Дьяволом, с коим борьба, что фанатик ведет без конца, есть служенье ему: кто страшит — тому слу́жим мы страхом своим. Рек Бердяев о том: «Фанатизм всегда делит мир и человечество на две части, на два враждебных лагеря. Это есть военное деление. Фанатизм не допускает сосуществования разных идей и миросозерцаний. Существует только враг. Силы враждебные унифицируются, представляются единым врагом. Это совершенно подобно тому, как если бы человек производил деление не на **я** и множество других **я**, а на **я** и **не-я**, причем **не-я** представлял себе единым существом. Это страшное упрощение облегчает борьбу».

Так делящий, мир сей преуспел в Суде, Милость забыв. Но едины они мудрецу; и одно они в дружбе, о коей рек Экзюпери: «Если ты хочешь подружить тех, кто привык к вечному дележу и счетам, а значит, и к взаимной неприязни, — ты ведь помнишь: брось им зерно и узнаешь, как они ненавидят, — то постарайся вернуть им чувство уважения, невозможно дышать среди тех, кто осуждает друг друга. Если ты плохо думаешь о друге и говоришь это, значит, видишься с ним не в храме, где собираются только друзья и единомышленники. Говоря тебе все это, я вовсе не поощряю тебя к снисходительности, малодушию или неустойчивости в добродетели. Просто дружба — это не жестокость. В другое время ты будешь судьей. Когда понадобится, ты без колебаний отрубишь голову. Напоминаю, ты приговариваешь к смерти, но

ты же и лечишь обреченного, если он болен. Не страшись этих противоречий, недостаточен наш язык, когда речь идет о человеке. Противоречат друг другу слова, которыми мы изъясняем суть. В осужденном есть тот, кого ты отдал палачу, но есть в нем и другой, кого ты сажаешь с собой за стол и не имеешь права судить. Тебе заповедано судить человека, но заповедано также и почитать его. *Обычно судят одного, почитают другого* [«или — или» — подход Стагирита] — *неправильно: одного и того же судят и почитают*. Таков один из законов моего царства, от несовершенства слов он так труден для понимания. Несовместимости, смущающие логиков, не смущают меня. Ненавистный враг, с которым я сражаюсь в пустыне, лучше всех помогает мне утвердиться в себе. Грозен наш поединок, но и это любовь» (курсив и слова в скобках — наши).

*

Дальше скажем о связи Платона и Аристотеля, учителя и ученика.

Речь о том ведет Бруно в труде «О причине, начале и едином». В диалоге с мужами, один и которых Гервазий, о ней говорит Теофил: Боголюб, в сути — Бру́но сам. Наш интеллект, речет он, «множественность и разнообразие видов относит к одному и тому же корню. Так, Пифагор, считая числа специфическими началами вещей, за основание и субстанцию всех их принимал единицу; Платон и другие, полагающие, что виды являются фигурами, за один и тот же корень и основу их всех принимали точку как субстанцию и всеобщий род. И, быть может, поверхности фигуры — это то, что Платон подразумевает в своем *Большем*, а точка и атом — в своем *Меньшем*, говоря о двойных специфических началах вещей, началах, которые в дальнейшем сводятся к одному как всякое делимое к неделимому. Следовательно, те, кто утверждает, что субстанциальным началом является единица, принимают субстанцию как число, другие, кто утверждает, что субстанциальным началом является точка, понимают субстанции как фигуры. И все они сходятся в том, что принимают неделимое начало. Но способ Пифагора является лучшим и более чистым, чем способ Платона, ибо единство есть причина и основание неделимости и точечности, и это начало более абсолютно и более приложимо к всеобщему сущему.

Гервазий. Почему Платон, живший позже Пифагора, не учил так же, как он, или еще лучше?

Теофил. Потому что он предпочитал считаться учителем, говоря худшее, к тому же менее удобным и менее подходящим способом, чем получить репутацию ученика, говоря лучшее и лучшим образом. Я хочу сказать, что **целью его философии было в большей мере собственное слово, чем истина**, ибо, без всякого сомнения, он прекрасно понимал, что его способ более подходит к вещам телесным и рассматриваемым телесно, тот же другой способ не менее удобен и подходящ ко всем остальным вещам, какие могут быть произведены разумом, воображением, интеллектом, одной и другой природой. От Платона, как это всякий признает, не было скрыто, что единство и число обязательно испытывают и дают основание точке и фигурам, а не испытываются с необходимостью и не получают основания от фигур и точек, как субстанция измеримая и телесная зависит от бестелесной и неделимой. Кроме того, первая независима от второй, ибо основание чисел находится без основания измерения, но вторая не может быть независима от первой, ибо основание измерения не находится без основания чисел. Поэтому арифметические уподобление и соизмерение являются более подходящими, чем геометрические, для того, чтобы оказать нам помощь посредством величины для созерцания и познания этого неделимого начала» (выделено нами).

То, что слово свое Платон ставил за цель, подтверждает Олимпиодор, рекший в «Жизни Платона»: «К его учению примкнули очень многие (...); всем им он с величайшим странием доказывал, что его философия выше других».

Грех Платона — гордыня, трон алчуща. Ум, за Умом-Пифагором второй (мужем числ, умов Сердца, Ноля, Не-Числа), первым быть помышлял Платон. В сем-то — исток присвоения

им Пифагоровой геометрической трактовки идеального государственного устройства, о чем пишет Ямвлих: «В целом (…), как утверждают, Пифагор был изобретателем и всей системы государственного воспитания. Он говорил, что ни одна из существующих вещей не является беспримесной, но и земля причастна огню, а огонь — воде, воздух — этим последним, а они в свою очередь — ему, а также что в прекрасном есть частица безобразного, в справедливом — несправедливого, да и все остальное подчиняется тому же закону (по этой причине разум получает толчок как в ту, так и в другую сторону, и есть два вида движения души и тела: один — неразумный, другой — обусловленный разумным выбором), что же касается государственного устройства, то он установил для него некие три линии, соединяющиеся окончаниями и образующие прямой угол, одна из которых имеет природу эпитрита [= 4:3], другая выражается числом 5, усиленным во столько же раз, третья же — посередине между ними обеими. Если подсчитать числовые соотношения линий и площади, образованные при них, получится изображение наилучшего государственного устройства. Платон же присвоил себе славу этого изобретения, открыто написав в «Государстве», что этот эпитрит есть база, сопряженная с пятеркой и дающая две гармонии». Что ж, чужой свет — не свой! С тем, Сократом, как солнцем, оставленный, слепнет Платон, с ходом дней утеряв Сердца светоч. В плоде его позднего творчества, своде «Законов», нет уж и намека на собственное первоначальное учение, кроме фрагмента о солнцеподобном Уме, постижимом умом и запретном очам. В том он прав: суть очей — Сердце; Ум без него — есть недолжное им.

Эгоист неспособен на Дар. С тем, огнь Блага Платона не зрим Аристотелю. Нус, Блага плод, мыслил он безначальным Началом. Ученью не внял ученик, не зря Огнь его. Что ж впитал он, коль не Первое это? Второе: мрак, тайно плениший его, от Платона идя.

Это-то превращенье имел в виду Лосев, писавший: «Как ни бешенствует нигилистическое и вырожденческое просветительство, все же бес [отрицание в чистом понятии: бес = без [Всего], суть ничто — *Авт.*] — вполне реальная сила; и не замечают беса с его бесконечной силой зла лишь те, кто сам находится в его услужении и ослеплен его гипнозом». Власть эту являет Гомер в «Илиаде», где боги, скрывая любимцев своих от врагов, облекают их мраком, прозрачным телесным очам, коих суть — мрак. Ведь суть — нам опора (держатель, вед. с|кам|бха), незримая как естество, корнь. Так пища (санскр. анна, от коего — «**м**|анна»: ведь Пища — **М**ать), столп наш, незрим, коль мы сыты; о воздухе, пище пищ, мы вспоминаем лишась его. Мрак есть опора очей наших, воздух их, тайный им, доколе Бог не подвигнет их *видеть***.** Не *видя* его, отрицал Аристотель запятнанность Солнца — **мрак наших очей**, что пятнает его чистоту.

Имя мрака сего — эгоизм наш.

Власть тайная Тьмы — тюрьма тюрьм ее пленным: так, То не зря, Это в плену у него. «В мире, преданном повседневному мифу, в котором в существование Дьявола не верят, власть Воланда безгранична», — замечено А.А.Бреусенко-Кузнецовым. Власть тайная эта есть именно та «тирания бессознательного», в освобожденьи от коей Фромм видел тождественную (что есть так) с целью буддизма цель психоанализа (купно с познанием «я» и познаньем реальности). Но бессознательное само по себе не тиран: Сердце, Глубь эта, не враг Уму, ему верному, полному им, с тем — сухому, — но враг Сердцу ум-эгоист, ум пустой как намоченный Тьмою тиран сам себя, и с тем — нас как сознательных умственно. Пер|лс посему прав, считая, что враг наш — не бессознательное, а сознательный ум. Так рек Будда, сказав, что он есть раб страстей, коли попран идеей отдельного от Мира «я».

Неузрение Тьмы — корнь бессилия Аристотеля в объяснении фазовых переходов тела — его разжиженья и отвердеванья. Хотя он законно считал, что при них, непрерывное, тело есть то же, — Оплот непрерывности, Тьму, он не зрил. Демокрит, ее знавший, легко объяснял переходы сии, зря причину их в перемене количества межатомной пустоты — Тьмы.

Тьма ловит людей через сердце, его растворяя в себе как Тьму ж в сути, чрез то — возвращая себе как истоку реку. Это чуял уловленный ведьмой Хома, мча ее на спине своей.

«Ему часто казалось, — читаем мы в «Вие», — что будто сердца уже вовсе не было у него, и он со страхом хватался за него рукою». Знак сей нетелесной утраты, свершившейся с Аристотелем, есть, меж иного, признанье им первенства утраты над обладанием — знак нелюбящих: любить — обретать. «Переход от обладания к лишенности бывает, но переход от лишенности к обладанию [= обретение — *Авт.*] невозможен. В самом деле, ставший слепым не может вновь прозреть», — сказано Аристотелем. В Чудо не верил муж сей, в Воскресенье — не верил. Но Чудо есть Жизнь; Обретенье — душа наша, Корнь чей Бог, Дар. Платон рек о том в «Послезаконии»: «Любая душа старше любого тела. [...] Разве не убедительно, что то, что лучше — древнее и более богоподобно в противоположность худшему, которое моложе и менее почтенно. Ведь повсюду тот, кто правит, старше подвластного и руководитель во всех отношениях старше руководимого. Итак, признаем, что душа старше тела. Раз это так, то, пожалуй, вполне убедительно, что первоначало у нас старше первого порождения». Утерять нам — есть прежде всего утерять свою душу как Глубь, Бога-Мир, посему — умереть: мы без Глуби — ничто; Обрести — есть найти ее, сиречь *воскреснуть душой*.

Вот какую утрату пел му́ж сей! Бездушие славя, он Жизни как Чуда не знал: лишь любя, с ним одно мы! Любовь же есть Тьма. Ей-то дал муж сей имя пустое «лишенность» — как имя чужое, лишив своего ее: что безымянно, того как бы нет, и темнить его — проще. Так нас Аристотель темнит, сам запутавшись в Тьме, ложью очи застлавшей ему. Нет, Тьма есть не лишенность, но Данность людей само-данная, Дар; ей верны как Основе своей, мы — есть мы!

«Мудрость, истина, единство фактически являются одной и той же вещью. Говорить о том, что истина и сущее одно и то же, умели все, но не все поняли это, ибо остальные прибегали к этому способу выражения, но не усвоили способа понимания истинных мудрецов. Среди прочих — Аристотель, который не нашел ни единого, ни сущего, ни истинного, так как не понял сущего как единого; и хотя он обеспечил себе возможность пользоваться значением сущего, общего, субстанции и акциденции, а кроме того различать свои категории в отношении родов и видов при помощи стольких же различий, тем не менее он в той же мере остался удаленным от истины благодаря тому, что не углубился в это познание единства и безразличия постоянной природы и бытия. Будучи сухим софистом, он при помощи недобросовестных объяснений и легковесных доказательств извращал суждения древних и сопротивлялся истине не столь, быть может, вследствие умственной вздорности, сколь в силу зависти и тщеславия». Так оценивает Аристотеля-философа и Аристотеля-человека Джордано Бруно. Он прав, — но с поправкою, что Стагирит, повторим, лгал невольно; он был пленник Тьмы, с тем — <u>ор|у|д|ие</u> Бога: ведь Тьма — Длань Его. То являет сам Бруно словами, что Аристотелем «некоторое логическое намерение полагается началом природных вещей»: ведь намеренье — в сути есть Тьма как Намеренье Божие: Промысл Творца. Им как Двоицей, логики сутью, пленен, посему Аристотель, читаем у Бруно мы, «никогда не перестает разделять разумом то, что неделимо сообразно с природой и истиной.

Тьмы не знать — есть плененным быть Тьмой; быть в плену ее — есть разделять неуемно под властью ее тайной. В том плата Тьмы за ее непочтенье: не знать — есть не чтить. Тьмы не знать — есть не ведать ни рознь, ни Единство: ведь знать то и то — *видеть*; *ви́денья* ж суть — Тьма, последня пред Богом Грань.

Незнаньем сей надбытийной черты в Иерархии Мира влеком Стагирит проводить грани ложны внутри Бытия. Грань кладя меж душою как эйдосом вещи и Нусом как эйдосом (сутью) души, душу он отделяет от Бога, ведя от состава плоти́, — а на деле грань эта меж душой и плотью, как рек Платон. Слышав сие от него, Стагирит вопрошал: «не относится ли душа к своему телу, как корабельщик к своему судну?». На этот вопрос он же и отвечает отказом — однако неполным, чем вечно грешит сей недружный с собой, *лжец*. О том Бруно рек: «хотя он [Аристотель] и отрицает, что душа имеет то же отношение к телу, что кормчий к кораблю, тем не менее, рассматривая ее сообразно той потенции, благодаря которой она понятлива и мудра, он

не решается назвать ее актом и формой тела; но говорит, что это — вещь, привходящая извне, сообразно своей субстанции, отделенная от состава подобно агенту, отделенному от материи сообразно бытию». Утверждение это — уступка философа истине в пункте, где мрак, ум объяв его, не попрал света. Смешавши идею и вещь, душу с плотью, материю с формой — противно Платону, не отрицавшему единства их, но разумевшему его диалектически, — Аристотель, под знак становленья поставивший Нестановящееся, собой явил корнь Эйнштейна, смешавшего время с пространством, Свет божий — с безбожною тьмою, поправ их отдельную суть.

По Аристотелю, платоновское учение о существовании идей, независимых в отношении вещей чувственного мира, приводит к нелепому выводу: так как между идеями и вещами есть сходство и так как, согласно Платону, для всего сходного должна существовать идея, то кроме идеи, например человека, и кроме вещей, ей согласных, должна существовать идея того сходного, что существует меж ними; далее для этой новой идеи и первой идеи с вещами, согласными ей, должна быть и еще одна — третья — идея, и далее — также. В сем зрим мы положену Небытием склонность Аристотеля к бесконечному разделению субстанции, или дроблению бытия в небытие, запрещенному апориями Зенона Элейского, — склонность, имущую строгий предел, или меру, в понятии атома, как его дал Демокрит. Небытийности раб, Стагирит не знал: **истинный Атом — Мир**; с тем-то — не зрил **атомичность идей**, зная кою, Платон в «Пармениде» сказал напрямик, что подобие вещи идее не означает, что то, в чем подобны они, — третье, сущее кроме идеи и вещи. Посредник меж них, таковое — не-сущее как Пустота: Тьма — спрягает (что ведал Ньютон, говоривший о взаимодействии *чрез* пустоту, сиречь *сквозь* и *посредством* ее). Знали то Левкипп и Демокрит, говоря о «единстве касанием» — Тьмой как Нолем; и клей сей зрил Платон, рекший о недопустимости изолированного существования идей от вещей, два сих царства связуя **Душой мировой, Тьмой**. Тьмы раб, Аристотель ее как звена знать не мог, звеньев ложных ища посему — и зря тьму их: в пустом — нет конца миражам.

Се́рдца муж, Платон Тьму́ зрил — с тем, *видел*. Ума муж, ее Аристотель не зрил — с тем, был слеп. Вот разлада их суть немирская. Кто мудр, в споре этих столпов двух школ Знанья, Афинской (соборный чей дух есть Платон) и Александрийской (чей Стагирит дух; град коей создал Александр, ученик его, а благородный Деметрий Фалерский, родитель сей школы прямой, ученик был ученика Аристотеля, Теофраста) узрит Длань Творца, волей Коего Истину Божью Элладе — с ней миру — настал час забыть.

В цепи этой, чья суть есть Забвенье, пред Божьим лицом Аристотель с Платоном — одно, и Платону его ученик не противник, но сын: Се́рдца — Ум, — что являет единством своим цепь имен Арис|то|н (Аристокла-Платона отец) — Арис|то|кл (Платон сам) — Арис|то|тель как «дед — отец — сын». Арес, суть Сатана, с Стагиритом Платона роднящий — гордыни Платоновой знак, что, взыграв в нем, его побудила измыслить идей мир: второе за царством числ, явленным нам Пифагором.

Не плотью, но в духе Платон Стагириту — отец, как второй сей — отец Александру. Лишившийся рано отца, Аристотель в Платоне обрел его: Се́рдца взыскует Ум! Сим, мыслим мы, объяснима та странная в Стагирите сердечность, с какой говорит о Платоне он в своей элегии на смерть Эвдема: «Дурной человек не имеет даже права хвалить его».

31 «Дионис, — читаем о том мы у Эдуарда Шюре, — представляет собой эзотерическую истину, основу и внутреннюю суть вещей, открытую лишь для посвященных. Он являет собой тайны жизни, прошедшие и будущие существования, отношения души к телу и неба к земле. // Аполлон олицетворял ту же идею в ее применении к земной жизни и к общественному порядку. Вдохновитель поэзии, медицины и законодательства, он раскрывался в науке пророчеством, в искусстве — красотой, в судьбах народа — справедливостью, в этике — очищением. // Таким образом, для посвященного Дионис означал раскрытие божественного духа во вселенной, а Аполлон — ее проявление в жизни земного человека. Жрецы давали об этом понятие народу посредством следующей легенды. Во времена Орфея Вакх и Аполлон заспорили по поводу

дельфийского треножника. Вакх добровольно уступил его своему брату, а сам удалился на вершины Парнаса, где женщины Фив справляли его мистерии. И действительно, оба великие сына Юпитера разделили владычество над миром между собой. Один царствовал над таинственным и потусторонним; другой — над живущим на земле». Причастность Нолю Вакха зрим в том мы, что вне Эллады он был всемогущим «Загреем, высочайшим из богов», чьим слугой был Орфей, корнь мистерий. В Элладе лишь Зевс Вакха выше как Двух — Единица: пик ложный, ведь **Два, тайный Ноль — Суть его**. Посему Дио|нис в сути имени — «нес|ущий Дия», Зевеса: Тьма — Света оплот. С тем, Пин|да|р, Мира дар Грекам, несший мир им ***(**«пинда» — семя (санскр.), в сути — душа, капля-Тьма, Мир в сердцах***)**, рекший: «Так отец Зевс правит всем, и также он правит Вакхом» — противлением Вакха всему в круге Зевсовой власти являет его как особую суть, корнь внимания к коей — страх Зевса пред ней: Единицы — пред Сутью, Нолем (так тщеславному лучший, чем он, есть второй вслед за ним). Прокл дает стих орфический сей прямо: «Зевс царит над всеми, а Вакх царит над Зевсом». Оружье и властные знаки свои, что дает Вакху Зевс, и престол одесную себя **(***справа быть — миросущным нам честь: справа — Мир, Дом***)** — черты того ж страха, что зрим мы в почтеньи Паллады им: только с Причиной разделит бог трон. Ноль, Тьма-Хаос — суть буйств Диониса; лишь бог сей, явившись с толпою сатиров, рассеял гигантов, внушив ужас им.

Ноль-Два, Вакх — как Осирис, владыка Дуа|та (Второго как Тайна: Дуа — Два), Того, бывший у Египтян черным богом (ведь рек Геродот: по словам Египтян, «их Осирис есть наш Дионис»), — женосущен как Тьма, Гераклитова Сень; и науке Числа, кою дал Пифагор как Свет нам — Тьма исток, Вакхов культ — культ Ино|го, субстрат чей — в|ино. Гераклит рек о том: «Дионис (…), ради которого они [вакханты] неистовствуют в вакханалиях, тождествен Аиду», Тьмы богу. Вверху ли, внизу ль, будь то Хаос иль Тартар, Тьма — Тьма. С тем, хтоничных богов чтил Грек страхом своим сверх богов олимпийских, склонясь безо лжи (хоть был лжец, Прометеем научен к тому) пред Причиною, Тьмой. Так ложь-Двойка, склонясь пред Нолем-Истиной, лгать не может: в покорности сей — Ноль она. Свет как Ум, Муж, в себе не един: так и боги недружны его; Тьма, Жена — есть Единство: так боги ее в их строю — монолит, страх внушающий нам поневоле.

Причастности Двум Вакха явь то, что он единит две природы, бессмертную (как Зевса сын, Единицы) со смертной (как сын смертной женщины, Двойки), в чем *ви́денья* суть (Единица-и-Двойка — Двенадцать, число его); и что он **дважды́рожденный**: сперва, недоношен, женою, Семелой, затем мужем, Зевсом, отцом, доносившим плод этот в б|едре **(**посему «Дифира́мб» он — «двувратный» как дважды прошедший ворота рожденья; рожденною дважды, Метидой в тьме чревной и Зевсом наружу, была и Афина, Тьма**)**.

Ноль, Вакха суть, зрима в том, что вино, плод лозы виноградной (известной как женская суть), осененной сим богом, стоит под Нолем как иллюзии древний субстрат, коей Ноль есть вино|вник: Прич|ина — В|ина́; и в вине, Дионисовом зелье, Ноле в сути, — Истина (о сей виновности сказано в «Теэтете»: «язык наш не в чем упрекнуть, ну а вот сердце есть в чем»: сердце — Ноль). Вино нам — пробный камнь: испытание Тьмою. С тем, боги индусские и разделились на сур и асуров, благих и злых, чрез отношение к С|ур|е, вина божеству. Вино — мудрых услада: Причина — вода их. В Тантризме оно и зовется «водою причины», «каранавари», с тем — «водой мудрости», «джнанамрита». Точны и индейцы, зовя его «огненною водою»: Причина — Огонь; aqua vita латинское (вод|ка, вода́ суть) — не шутка: Причина есть Жизнь, вода чья есть вино. Посему в земле Тьмы, Спарте детей с рождением их обмывали вином — не водой. Вино йоги берут для раскрытия формы (санскр. рупа) Брахмана, сокрытой в плоти́ (тогда же как использовать вино для собственного удовольствия — быть на краю смерти); вино по Тантре есть «жидкая форма» самой Шакти (дравамайи тара — буквально «спасительница в жидкой форме»). Единство вина с миром сим сущемногим зрим мы в самом имени «алкоголь», корень коего al kuhl есть тюркское «темный порошок» — **тьма вещей, мир сей: Духа сосуд, к|у́хо|ль**. Спирт, суть

вина (spirit — дух), есть суть на́ша: ведь самая масса его, 46, числом — *кариотип* наш, суть те́ла как синтеза Чистого и нечистого: Века Златого (4 пространственных части из Полности как 10-ти, Мира) и реку́ истории (6 из Десятки сей), коя течет от него.

Дионис — суть Ноль; Зевс — Единица. Единства их суть — Тьма-Свет, Мир. Синтез сей — **сплав Меча и Щита**, где Меч — Тьма небытийна, Щит — Свет, Бытие. Посему-то потеря щита была Грекам позорной в бою: утерять его — ум утерять было им; в оружейную комнату вход — вход к мечам, — так же, как в кладовую сокровищ, у Греков был из женской половины дома, как в доме у Одиссея, согласно Гомеру: Богатство и Сила — Тьма. Мечом разящим Афина была, Тьма как Сила, хранившая Зевсовы перуны, в сути — **бывшая ими как сила его**, дать вольна́ иль не дать их ему. Воин, Сильный, причастен обоим (с тем, бой — грань меж ними: меж сущим как жизнью, и смертью, не-сущим), и властвует Меч над Щитом: над Умом — Сердце, Суть.

В мире бренном Тьма, Сил|а есть Хи́трость, Лис|а, чтили кою и боги, обманом беря верх и пользуясь им чаще силы простой. Чтим обман был Элладой всей. Так царил в ней над Солоном, законом Афинским, Ликург, закон Спарты, для Греков (меж них — и Платона) стоявший под Миносом и Радамантом, мужами закона Эллады, из коих учитель был первого Зевс; и спартанский закон, поощрявший учить детей хитростью (в прочем числе — воровством), допуская убийство в дни мира (илотов, рабов — в виде криптий, свершаемых ночью), чтим Греками как Меч двуострый, Тьма-Свет.

Сей-то Меч чтя, Ах|ил|л, прав|ды муж, на военном совете под Троею в споре своем с Одиссеем (Автолика хитрого внуком) признал, что хитрейший — в сраженьи сильнее. Сего-то Меча страшась, Греки хтонических, темных богов чтили выше, чем светлых, боясь лгать им. Сим же оружьем сразил Бонапарта Кутузов, России слуга, о войне с ним сказавший: «Победить, быть может, и не сумею, а вот перехитрить — попробую!». Воин, отбросивший хитрость пред боем — как делал Ахилл, и с ним князь Святослав наш, врага упреждавший «Иду на Вы» — врага ввергает в страх смертный, **отбросивши необходимое** как мощный тот, кто, веде́м самим Богом, с Ним — Тьмою, **имеет с избытком его** — и дрожит враг пред боя коварством грядущим. Муж Тьмы Эпикур (ведь, сердечен, он — Тьма), рекший, что «хорошо прожил тот, кто прожил незаметно» (в слове Овидия — «хорошо утаился»), живя под эгидой не-сущего, — дружный с ним, ведал оружья сего торжество, с Пифагором един, рекшим также: «Живи незаметно!» Меч сей, в|ero|лом|ство, зрил Макиавелли законным в руках государя, политика (от «полис» — град, в сути — царство поро́й той). «Политика, — сказано в «Протоколах собраний Сионских мудрецов», — не имеет ничего общего с моралью. Правитель, руководящийся моралью, неполитичен, а потому не прочен на своем престоле. Кто хочет править, должен прибегать и к хитрости, и к лицемерию. Великие народные качества — откровенность и честность — суть пороки в политике, потому что они свергают с престолов лучше и вернее сильнейшего врага». В мире Двойки, Вражды, каков мир бренный наш — Сила в розни с Моралью и оной верней.

Господствуя над Бытием властию Творчества-Проницанья (творец — проникает творение), Небытие царь ему, и с тем — Фаллос, входящий в него. Но Фалл — есть и Бытье, коего в Тьме как Вульве его, Единицы в Ноле, явь — Декада, Соитья число. Нераздельны, Бытье с Небытьем проникают друг друга (чему лик — Инь-Ян); но, причина Бытью, Тьма есть Уд, что довлеет над ним как Вагиной своей **(**как Вода, чтим он был Египтянами, зрившими в Ниле отца**)**. Власть сия, богочуждая в Отцом держимых очах — ими зрим бренны мы, — как господство над Мужем Жены, с древних пор полагалась порочной; с тем, «грех» у халдеев — с Луною един, Женой-Глубию.

Фаллос-Жена — суть хар|актера нашего, стержня, чья твердость — с|т|ра|ст|ь, Тьма. Фаллос этот являют мужские объятья: вкруг члена — вагины кольцо; и влагалище, орган Жены — суть не «то, куда нечто влагают», но «то, что́ влагает», «влагатель»: Активность как член половой. Так-то «влага»: влага|ет она, как Вода, Фаллос-Жизнь во все то, что его лишено. Имя первого в мудрости мужа меж Греков, считавшего Воду, Жену-Тьму началом всего**, Фалес —**

Фаллос по сути; и «уд» как санскритское «вода, волна» (Р|уд|ра» — гро́ма бог), есть старорусское «член половой» **(**«уда́», «у́даль» — отсюда; Уд|ра|к|а — был Б|уд|ды наставник, струивший его М|уд|рость, Тьму, коя б|уд|ит людей**)**. Фаллос Женский — Любовь как Эрота стрела, что сердца́ единит; он — религия Матери Мира, Тантризм: Мать — Любовь; имя «Тантра», идущее от «тан» — распространение и «тра» — спасение, сиречь Возврат в Божий Дом, — в сути есть цикл движения (ф|рик|ция) Фаллоса «вперед — назад», ведь идущий вперед — возвращается **(**к началу — год, рік (укр.)**)**: Бог, Цель, — Исток **(**«путь наверх и путь вниз — един, рек Гераклит**)**; Шакти, Матерь в Тантризме, как Сила есть он: Сила — Фаллос, Ко|пье: проникает она: для «копья» и для «силы» в Санскрите есть слово одно — шакти. Датель дыханья всему во Вселенной, богиня сия и рисована с высунутым языком: язык — фаллос; Дыханье как Божье Дутье **(**ибо Мир выдут Богом, и вдунута Им в нас душа**)** — Струя, Стержень, суть Фаллос. Двойной, он — рога Сына Матери Мира, Рогатого Бога (Кер|нун|нос|а к|ель|тов), как Бога-Отца, ради сущих нес|ущего на главе Двойку, Ноля лик (Муж-Одно — чреват ею); и он — рога козла Мендеса, Диавола как изнанки Отца. Рога эти венчают древнейшего Шиву: жена его Кали, иль Шакти, — исконно была его Мать, как Рогатого Бога, каков есть он; в сих-то рогах для индуса — священность коровы (жены), и бык Апис (муж) — ими ж священ. У Эллинов одна из Ор, Ора цветения (Ор|ис, Жерло́ — Тьма**)** зовется «цветущая» — Фалло, в чем Фалло|са-Тьмы явь: цветок — Тьма, Жена; с тем, цветы — жен услада. В плоти женщин фалл есть кли|т|ор, «черный фаллос» («клит» — черный), собой предваряющий вход в кольцевые, как Ноль, врата вульвы. Тьма, Ор, есть ор|га|з|м, Жар. Ор|ало, плуг-фаллос — Жена, и орать — внедрять Тьму в Тьму, пах|ать: пах у нас — гениталий пункт. С тем, Тьма — Вагина-и-Фаллос; творенье — плод самосоития Тьмы, Суть чья — Бог.

Фаллос-Тьма есть царя меч, встречаемый на ассирийских **(**Ас|су́|р|ия —Тьмы земля**)** изображеньях: меч этот, держимый царем всегда в левой руке (ибо Тьма — Левизна), всегда горизонтален: ведь фаллос, восстав, смотрит кверху, а выше Тьмы, с Богом единой — нет нам ничего: Высь ее — гор|из|онт **(**посему гор|изонт — место Гор|а, как Солнца: оттуда восходит он к нам, Тьмой дарим; туда ж сходит — во Тьму, свой Исток**)**. Женский Фаллос был стержнем всей жизни и творчества Юнга, ребенком узревшего в сне фалл ужасный на троне подземном: Глубь — Тьма; сон сей *черный* преследовал Юнга сквозь годы. Торящую мощь Небытийного Фаллоса видим мы в том, что Я. Бёме, муж Тьмы, мистик мощный, *оплодотворивший* немецкую классическую философию (что звал Бердяев «прививкой» ее), от ментальных вершин, зримых редким умом, своим творчеством проник в народ, почву черную Мудрых, и, чтим как святой, и был им: святость — Причина, Тьма.

Небытие, Бытие — оба Фаллосы есть друг для друга как Лон **(**в поцелуе любви, предсоитьи, зрим то мы в борьбе языков, фаллов, в жажде царить в вульвах ртов: Э|рот — Рот**)**, оба — Вульвы друг другу как Фаллосам **(**явь сего — слово «Отец», Бытия суть: «О» в нем — Вульвы лик; сосет — сосед, второй изо двух**)**. Вот рознь их: **Бытие есть нетворческий фаллос, входящий в уж сущую Вульву; Небытие же есть Фаллос-творец: вульву, в кою идет он, творит он себе**. Мира дети, в Познании мы, как и он — Фаллос-Вульва, Копье-и-Врата, и в нас оба активны: Копьем-Духом Мир торим о́стро мы, Вульвою-Духом — сосем Мир в себя, точно ртом. Ибо Фаллос-Вагина, Тьма-Свет, — есть Мир сам, Огнь двойной; с тем, не мы как облатка, не-Мир, — но **Мир, Суть наша, в нас и чрез нас познает себя жарко**: как Фаллос, в Вагину с напором стремясь; как Вагина — со страстию Фаллос глотая. Познанье есть, с тем, **самодействие Мира в нас**: Тьма — он; по сути ж оно — **самодействие Бога**, Кем Мир сотворен и храним (*илл.1*) и Тьма с Коим одно.

32 Догмат несхождения параллельных, центральный в Евклидовой геометрии, в сути своей есть **разомкнутый мир, мир разъятый в себе: Ум как Ум лишь — без Сердца как Сути своей**. В нее сходится все как Мир, Путь, в Бога, Цель: параллельности суть — совпадение, как имманентного Суть — Трансцендентное **(**«Я есть То»**)**, розни — Единство.

Зрить так — есть считать нам, что два перпендикуляра, восставленные к одной прямой, параллельные, **сиречь несходящиеся по Евклиду**, сходясь в бесконечности, дают треугольник, где сумма углов — два прямых **(**180° = 90° + 90° + 0°**)**. По теореме Евклида любой треугольник есть явь суммы сей, посему параллельные — сходятся. Так сам Евклид, отрицая Единства закон, утверждает его: ложь, себе не верна, то правдива, то врет. В бренном знании точка схожденья сия — Бог по сути — есть пункт бесконечного удаления*: тождества не в Этом — в Том, где над Двойкой Сего царь — Единый.

Схождение это двояко: оно совпадение есть как Любовь, и пересечение — как Вражда. Оба сих отрицает догмат параллельных, тогда как на деле Мир — Кр|ест **(**То и Это, скрещенные углом прямым, рек Платон**)**, знак в чем есть Х, Декада, числа его знак; Гвоздь, Крест сей единящий, есть Мúра Суть — Бог, Клей его. Пункт скрещения копий Вражды, Господь есть **Совпадения** Пункт, Столп **Любви**: розни Корень — Един.

Сего не знал Евклид, слеп, не зря: параллельности как розни Корнь — Бог, Единство: **идти без слиянья — в согласьи быть** (так кораблей параллельный курс — плод договора их). Но знает то Сатана ослепивший, творец геометрии сей.

Вот, ведя речь о векторах, делит она в параллельности их на со- и противоположнонаправленные. Но **направленность в сущем — лик Цели**, без коей стремленья пусты и тор|ит в кою путь очам век|тор; Цель сущего ж — Бог, Полнота, — у Евклида не сущ: подменён Он, Единый, на Двойку надменную: Всё — на ничто. Посему-то наука сия лицемерно таит, что противонаправленность, Двойка, есть в сути **направленность встречная, Ноль как Монада (суть встречи — сои|ть|е, Ть|ма)**, — что зрить легко, совместив острия двух противно направленных векторов чрез параллельный их перенос — операцию, инвариантную к самотождеству векторов по аксиоме. Коль так, то пространство, в каком эти векторы сущи, про|сто|р геометрии сей — есть не разомкнутое в ничто, но цикличное, **цель|ное Цель|ю**: Творцом, Полнотою Всего. И едино в Нем все, что Евклидом, пустым, зримо врозь.

«Радиальной энергией» звал Тей|яр де Шар|ден огнь, Мир влекущий в Вершину и Корнь его, Бога. Бог — Цельность его, Цель|ность-Цель; Мир без Бога — разъят, с тем — не сущ. Вечность, цельности чуждая, ложна: Мир, есть она Дом. Как явил нам Кузан|ец **(**Ку|сан|ец: кусать хвост себе как змее — Миру цельным быть, о чем рек муж сей**)** в труде «Об ученом незнании», прямая бесконечного протяженья есть круг. Бренья чужд превышеньем, он — чистое Есть, ничему не противное: Бог, о Ком там же указано: «этот максимум есть в максимальной действительности, и не как осуществление возможности, а как максимальное бытие», «прямая линия в максимуме», коя «есть вместе и плоскость, и круг, и шар».

Мир разомкнутый, пуст, — плоский мир: пустота — плоскость; мир кольцевой, полн, — объемный: Объем — Полнота, Всеохват. ***Манифест плоскозрящих очей***, труд Евклида «Начала» («Sto|i|che|ia»), воспевший ее, равен Библии древностью власти своей над людьми: **как един с Богом Дьявол, одно — и их книги**. Вот темень второй: из 15 книг «Начал» самому́ Евклиду (в воззрениях, как и Плотин, бывшему *аристотелическим* платоником) принадлежат **13**, а книги 14-я и 15-я были написаны позднее.

Труд Евклида велик. Но его достояньям Евклид есть не Сердце, творец, — Ум, собравший их, склавши по полкам. Для них он есть Общее — как Бытие, вещь вещей, для вещей как кусков его. Умом бессердным был муж сей— Ум сей есть и Дьявол, водитель жестокий его.

Параллельность — суть рознь: что не сходится — разно; Царь Мира ж — Един: Им цел Мир! Посему параллельность — ничто: из двух Божьих миров мир-Дух сходится к Богу, материи ж мир, разбегаясь, сходúм в Сатану, Бога тень, что без Бога не есть. Посему **в Бога сходятся оба**. Схожденье, развал ли — Схожденье всегда, коим сúльны колеса машин, ехать коим **сходясь-развалясь** (без сих двух — хода нет) — есть к Творцу держать путь.

---

* Точка бесконечного удаления — базовое понятие проективной геометрии, возникшей в Франции в XIX веке.

[33] «Лот» | «лат» как слог единый (ведь альфа — омега) — слог Тьмы. Как «лот», он — имя Лот, принадлежное мужу, спасенному Тьмою от казни в Сод|оме суд|ом Отчим («сод», «суд» — одно: Суд|годана, отец Будды — санскр. Sod|d|hod|ana). Слог сей же являют нам: «лот» — метр глубин; «п|лот» — для плаванья б|рёв|на **(**так плот|ь — плот души в Реке Мира; плот — лод|ка: ведь «лот» — «лод»**)**; «пи|лот» — кор|м|чий Тьмы: ведь Тьма — Воздух-Вода (самолет — есть корабль: «лет» — «лот»); «г|лот|ать» — внутрь брать: Тьма есть Глубь. Как «лат», зрим слог: в «П|лат|он» — муж Воды-Тьмы, угодный как Тьма-Свет и темному Вакху, и светлому Фебу с Лат|оной, родившей его на плоту — Феба острове п|рыт|ком; в «Пи|лат» — Тьмы невольник; в «лат|ынь»— латы Истины, Тьмы; в «п|лат|ок» («плат») — от стихии, Тьмы кров, козы|рек от воды.

[34] **Змей (Наг) — Мудрости лик, об|наж|ающий Истину: *Бога являющий***, сбросив покров и оставшись наг|им, как она. «Истину полезно видеть нагую. Ложь пусть покрывает себя одеждою», — рек Пифагор. Мудрость — Очи, а Истина — Суть нагá. Обе сих — Тьма. С тем, Афина, Жена-Тьма, двояка в очах благозрящих: она есть сова, птица-Взор, и змея-нагота. Ей подобен индейский бог Кец|аль|ко|атль, «змей пернатый», летучий: **Мудрец, суть крылата** («атль», «змей», — и «вода»: Мудрость-Тьма, Корнь Атл|антов, индейцев родивших).

Змей — тот, в чьем виду мы не можем уснуть: **Мудрость — спящих разит**. Змеем есть Сатана, мудрый дух. Ангел, сшедший в тьму мира сего править ею, он есть **архетип человека**, кто также есть в тьму сшедший дух. Как змей кожу, меняя личины, Диавол как Истина наг, **не одет ни в одну**.

Хвост кусающий свой, Змей есть Дух Мировой: Дух как Мир, Мир как Дух кольцесущный. Индийцам Змей — Наг, «мудрый Змий» (от сего — наг|ализм, чей адепт — мексиканский нагуаль); Брама, Вишну и Шива есть змеи в цикличной природе своей, ложе — змеи им (Ше|шу — змей Вишну, на коем лежит он). Нагал, Нагуаль — то ж, что Наг(а) Индийцев, причастный земле. Меж индийских божеств Наги есть Духи-Змии (Драконы) и жители ада, Паталы, что сущ на обратной Земли стороне, по-мирскому — в Америке, в коей индейцы живут: То и Это — Одно. По преданию, Наги омыли Готаму Будду при рождении и охраняли при жизни; с уходом его — охраняли останки.

Змея — душа наша: Мир, Суть ее — Цикл, Змий (един ал|ко|гол|ь с ней, суть Вакх, змий зеленый: Зеленое — Тьма). То являет глава 87 «Ритуала» египетской Книги Мертвых. Душа, обратившись всеведущим змием Ба-та, говорит здесь: «Я змий Ба-та, многих лет, Душа Души, высиживаемая и рождаемая ежедневно; Я Душа, которая нисходит на землю». Душа есть змея — не будь так, род не знал бы наш Мудрых.

Причастный Земле, Змий — мудрец. С тем-то, в эзотеризме Нага(л) — широчайшее имя (суть шири — Глубь) мага и мудреца, беспреградно ходившее всюду — в Центральной и Южной Америке, Индии и Хал|дее, Египте, Китае **(**стране, поклонение Нагам в которой, широкое, еще взросло́ с той поры, как Наг|а|рджуна (буквально — «великий Нага», «великий адепт»), четырнадцатый буддийский патриарх, посетил Китай с миссией обращенья**)**.

В египетской Книге Мертвых (гл. 175) Атум повествует Осирису о конце света, когда сотворенное будет разрушено им, ставшим, как и вначале, змеей: Змей, Цикл — Корень. У|р|ей Египтян, символ Царства — сего и Всего — змей, несущий идею Огня Мирового. Его, Огнь сей — Познанья Огнь — людям нес Тот-Гермес. Бог сей (лик чей — А|ну|би|с) — творящая Мудрость, что ведает тайны Земли, и меж них — пола, рожденья и возрожденья **(**Платону согласно, Гермес, Тьмой полн, есть открыватель числ, астрономии, геометрии и букв**)**. Бог-Посредник, Начальник Египта, что дал сей земле Посвященье, он — змей, о чем Бонвик сказал: «Гермес был самим змием в мистическом смысле. Он скользит подобно ему, бесшумно, без видимого напряжения по течению столетий». Прототипен Меркурию римлян, в согласии с сутью своей Тот носил змия жезл, символ Мудрости, пастыря сущих **(**duc|e|r|e — вестú (лат.)**)**, что стал Ка|д|уц|еем позднéй: «кад» — «гад», змей; Аид — Гад|ес: Тьма-Змей, гадов дом кольцевой.

Сколь был важен Египту, *стране черной*, Змий, зрим мы в том, что Дуат, мир Иной Египтян — цикл, змей (как Аид греческий). Бог Не|хеб|кау, бог времени и плодородия, пищи податель, помощник Ра, чтим был как змей; Уад|жит («уад» — яд), охранявшая фараона богиня, в обличии огненной кобры была на челе Ра, и с ним фа|ра|она, разя их врагов огнем.

В Боге едины, Египет и Индия так же едины во Змие. Индийское Нага и Naja Египта — суть слово одно от Атлантов, Арийцам начальных, сих магов не-сущей земли, Нолем бывших: Змий-Мудрость — есть он. От Атлантов исшедши, Эпоха Арийская Мудрость-Змею приняла, утаив ее в чреве своем, как таит Мать завес|а-Зевес.

Змий в Элладе — хтонический символ, пред коим трепещет сам Зевс. Дети Геи, ги|г|а|нт|ы, восставшие против него — змéи суть. Змий царил над Афинами, Мудрости градом — Афины, змеú-и-совы, о|пек|ающей змеев; дос|пех|ом ее змеевласый был щит; и Кекропс, первый царь сего града, змеёй половинно был **(**как и К|ран|ай с Э|р|их|то|ни|ем, цари его ж**)**.

Сам Христос звал апостолов мудростью змеям подобными быть, и Он сам — змей, ведь рек о Себе: «Как Моисей воздвиг в пустыне змия, так и Сыну Человеческому надлежит быть воздвигнутому».

Змий, отверзший Адаму и Еве глаза на Жизнь, мудр, **свершив должное**. Мудр, кто не добр и не зол, но, как Бог, зло с добром равно знает. Таков Сатана: Тьмы гонец, знает рáвно он Дно и Вершину, разъемлет — Единство любя.

Мудрость — Тьма (с тем, у Фалеса время «мудрее всего»: Тьма оно)**,** коя Свет возжигает в себе: Ноль чреват Единицею (рек Гераклит). Лик сего — Серафимы. Еврейское имя их SHRPIM значит «змии» — Тьмы слуги. Однако название это идет от SHRP, СЕРАФ (САРАФ), глагольного корня в значении «разжигатель» (зрим он в «сара|ф|ан» — Жен покров, фантик их): Тьма, Огнь, в себе разжигающий Огнь-Бытие. Слово это, используемое для обозначения змиев в «Числах» и «Второзаконии», есть имя медного змия (мед|ь — Mad, Тьма), воздвигнутого Моисеем, народ свой приведшим на свет из египетской тьмы: ибо Тьмой был сам, путь зря, как в Глуби, в себе. Огнь возжег людям он: разжигатель, Огнь-Тьма. Сей-то Огнь — *черен сам* (и на Черной реке смерть решивший свою), чуял Пушкин, в стихе своем вещем «Пророк» (1826) устами Поэта, будимого Серафимом ко жженью глаголом (Тьмой, Богом) сердец, рекший: «И он мне грудь рассек мечом, // И сердце трепетное вынул, // И угль, пылающий огнем, // Во грудь отверстую водвинул». СЕРАФ, «разжигатель» — Огнь-Тьма. Таков есть Сатана.

Тьма, Ноль есть Андрогин Женосущный, объемлющий Мужа, плод свой. Посему Единице чтить дóлжно Ноль, Мужам — Жен славить как Лоно их. Змей, Мудрость-Тьма есть Жена. Победить его — Мудрость низринуть. Таков Феб: поправший Пифона, герой он, но — и стяг сраженья, в каком, побежденная явно, Тьма тайно объяла умы, Мудрость — стала невежеством людям, открыв путь ко Дну.

Мудрость есть Тьма как Явь; Тьма как тайна — невежество. Темными быть как невеждами — есть не знать Мудрости-Тьмы. Всем лишенным ее Змей — не благо но г|ад ядовитый (яд — то, что не мы по|яд|аем, но ест кое нас), á|спид **(**явь коего — СПИД (AID|S)**)**, нас кусающий насмерть. Познать его — есть яд его обратить нам в лекарство, как учит молвь Матери Тантра: Два — в Ноль, Рознь — в Единство-Любовь.

35 Отдых (сон) — действье (бодрствие) есть пара бренного мира, число коей — Два, Рознь; Причина, Одно без иного, Тьма-Матерь — бессонна как Жизнь, коей есть она: от|дых от жизни (дых|ания, старшей из пран) есть нам смерть: вечный сон, жизнь-в-утрате, — тень чья сон простой. Спать заставлен природою смертной, бежит сна творец, сердцем зная: Деяния ради — живем! Д|ел|ом («эль» — Бог), Де|Я|нием чистым есть De|us, Бог: Мир создав, Он и хранит его тем, что творит без конца, сиречь вос|создает в миги многи времен как в Суть их, **вечный Миг**; Тьма, Длань Бога — Деянье **(**в науке мирской — переменная X (вечный Мир в преходящих очах: переменны — они; Перемена — Сансары закон, кольцá в Мире, Кольце) и квант *действия* h**)**.

Тьма, Деянье — Причина; бездействие — следствие. **Жить — есть Причиной дышать**. «Не для праздного самосозерцания и размышления над самим собой и не для самоуслаждения своими благочестивыми чувствами, нет — для деятельности существуешь ты; твое действование, и только оно одно, определяет твою ценность», — сказал о том Фихте.

Деянием сущие, мы пронзены им насквозь. Такова Тьма в «Солярисе» Лема. Бог в нем — Оке|ан, Мозг-Луна, людям шлющий Гостей как Себя в виде **с|о|в|ести нашей**: Добра без иного как Вести Его, Тьмы-Сов|ы (посему Гости не помнят зла, причиненного им). Гостей сих извлекая ночами из нас, Океан Тьмой торит нас до дна; зрит в сердца́ чрез ов|альные окна — **ноли**; созидает Гостей из нейтрино, **ничто**, в мире **двух солнц**: Два есть Ноля лик, как Тьмы-Ov|о — меч Ее, Аф|ин|а-С|ов|а.

Океан — Глубь, труд чей внешним нам — **выброс Тьмы**. О том речь — рапорт Бертона, где ясно сказано: «Потом все начало трескаться и ломаться, *из расщелин, которые были* ***совершенно черными****, волнами выдавливался на поверхность густой ил и застывал…*». Вот как рисует Лем познанье нас Тьмою. Крис Кельвин рассказывает: «Я лежал на спине без единой мысли. Темнота, заполняющая комнату, сгущалась. Я слышал шаги. Стены пропадали. Что-то возносилось надо мной все выше, безгранично высоко. Я застыл, пронизанный тьмой, объятый ею без прикосновения [касанье есть внешнее действие, Тьма ж, проникая, идет Изнутри — *Авт.*]. Я чувствовал ее упругую прозрачность. *Где-то очень далеко билось сердце*. Я сосредоточил все внимание, остатки сил на ожидании агонии. Она не приходила. Я только становился все меньше, а невидимое небо, невидимые горизонты, пространство, лишенное форм, туч, звезд, отступая и увеличиваясь, делало меня своим центром. Я силился втиснуться в то, на чем лежал, но подо мной уже не было ничего и мрак ничего уже не скрывал. Я стиснул руки, закрыл ими лицо. Оно исчезло. Руки прошли насквозь» (курсив наш). Так, Причиной объят, Кельвин в ней растворен без остатка — с тем Познан, и сердце его, кое билось вдали — было ею, Тьмой-Сердцем, разъемлющей нас порой сна как не-сущего нам, детям дня, — и ужасной трудом палача. «Были сны, когда в *мертвой*, застывшей тьме я чувствовал себя предметом деловитых, неторопливых исследований, при которых не использовалось никаких ощущаемых мною инструментов. *Это было проникновение, дробление, уничтожение до полной пустоты*. Пределом, дном этих молчаливых истребительных пыток был *страх*, одно воспоминание о котором через много дней учащало сердцебиение». Причина, Тьма нам есть Иное не вне — в нас: Глубь-Я от ступней до макушки. «В каких-то непонятных обстоятельствах, в пространстве, лишенном неба, земли, потолков, полов, стен, я находился как бы *смешанный* или *увязший* в субстанции, *внешне* мне чужой, как если бы мое тело *вросло* в полуметровую, неповоротливую, бесформенную глыбу, или, *точнее, как если бы я сам стал ею*» (курсив везде — наш).

36 О Сердце как сути Ума речет «Бардо Т|хо|д|ол»: «Познавая пустотность собственного ума [сиречь полность его Сердцем, Тьмой — *Авт.*] в качестве природы будды и рассматривая таковую в качестве собственного со|знания [Сердца как Сути, со|в|мест|ной со знаньем, Умом — *Авт.*], ты пребываешь в состоянии божественного ума Будды». С тем, не подменять, как покров суть, Уму Сердце до́лжно — идти в него как Полноту. Юнг писал о том: «интеллект [Ум — *Авт.*] наносит вред душе тогда, когда имеет дерзость претендовать на правопреемство в отношении духа, на что он ни в каком смысле не способен, ибо дух [Сердце — *Авт.*] есть нечто высшее в сравнении с интеллектом, поскольку включает в себя не только его, но и душевное начало. Он — направление и принцип жизни, устремленной в сверхчеловеческое, в светлые высоты».

Стремленье сие есть **Путь-Ум**. О нем, Западу должном в познаньи — ведь Запад суть Ум, — Юнг сказал: «Я далек от того, чтобы недооценивать опасность чудовищной гипертрофии западного интеллекта; по его меркам восточный интеллект надо было бы назвать инфантильным. (Что, разумеется, не имеет ничего общего с интеллигентностью!) Если бы нам удалось привести к такой благодати еще какую-нибудь одну или даже две душевные функции, как это получилось с интеллектом, то у Запада появились бы все основания заметно обогнать

Восток. Поэтому столь достойно сожаления то, что европеец, искусственно настраивая себя, имитирует Восток и притом впадает в аффектацию: у него было бы намного больше возможностей, если бы он оставался верен себе и из собственного склада и природы развивал все то, что Восток порождал из своей природы на протяжении тысячелетий». Юнг пишет еще: «Обыкновенное (а именно, теософское) заблуждение западного человека состоит в том, что он, как тот студент из «Фауста», которому лукаво нашептывал бес, презрительно кажет спину науке и, восприняв восточную экстатику, буквально копирует и жалко имитирует практические приемы йоги. Тем самым он покидает единственно надежную для западного духа почву и теряется в чаду слов и понятий, которые никогда не родились бы в уме европейца, да и не могут быть привиты ему с пользой для него». В ином месте читаем: «Один древний адепт сказал: «А коли человек превратный пользуется верным средством, то и верное средство действует превратно». Это, увы, слишком справедливое изречение китайской мудрости являет собой самую резкую противоположность нашей вере в «правильные» методы невзирая на человека, который их применяет. В действительности же в таких делах все зависит от человека и мало, или вообще ничего, от метода. Ведь метод — это только путь и направление, которое выбирает кто-то, причем образ его действий будет верным выражением его природы. Если это не так, то метод — не более чем аффектация, усвоенная искусственно, без корня и без сока, служащая иллегальной цели — спрятаться от самого себя, средство обмануться насчет себя и ускользнуть от закона собственной природы — быть может, немилосердного. С внутренним постоянством и верностью себе, свойственными китайскому мышлению, это не имеет ничего общего; наоборот, это отказ от собственной природы, выдача себя чуждым и нечистым божествам, малодушная уловка с целью узурпировать ключевой пост в сфере душевного, — все то, что до глубины души противно духу китайского «метода». Ибо прозрения китайцев родились из самой полнокровной, подлинной и правильной жизни, из той древнейшей культурной жизни китайцев, которая логично и неразрывно-взаимозависимо возросла на почве глубочайших инстинктов, — жизни, для нас раз и навсегда далекой и недостижимой». И также у Юнга: «Западное подражательство — трагическое, потому что непсихологическое недоразумение, столь же стерильное, как модные нынче эскапады в Нью-Мексико, блаженные острова южных морей и Центральную Африку, где на полном серьезе играют в «первобытное», причем между делом человек западной культуры тайком избегает нависающих над ним задач, своего *«hic Rhodus, hic* salta» [«Здесь Родос, здесь и прыгай» (лат.). — в значении «покажи на деле то, чем похвалялся»]. Не о том идет речь, что органически чужеродное имитируют или даже пропагандируют, а о том, что западную культуру, страдающую тысячью недугов, носят внутри себя и потому постоянно возвращают действительного европейца в его западные будни — к его брачным проблемам, к его неврозам, к его социальным и политическим бредовым идеям и ко всей его мировоззренческой дезориентированности».

37 В согласии с тем, Христианство несет в себе две ипостаси: Христову как в сути своей Материнску, источник Добра — и Отцову, Зла́ корнь. То законно: ведь имя религии сей — от Христа, а «Хр|и|ст|ос» — суть Мать-Ист|ина: ибо Хри — имя Ее. Посему Православием русским, религией Тьмы, — ведь Рос|сии суть Тьма, Рос|а рос, — умолчаньем (безмолвие — Тьма) чтим в религии этой Христос, а первей Его — Матерь его, Богородица: в жене земной — горня Женщина; бог же Отец им негласно презрен (и в романе Булгакова, русском по духу, Христос — *безотцовщина*). Эту-то злобность Отца вместе с ложью его про закланье им Сына от жаркой любви к Нему, — сердцем зря истину, высмеял русский народ, перенесши ее на служителей культа, *мужчин*, в страшной песенке, радостной духом возмездия: «У попа была собака, он ее любил. // Она съела кусок мяса — он ее убил». Здесь со|ба|ка — Мес|сия, Сын, коего возлюбил не на шутку Отец, **мя**с|о же (мас|сы суть: плоть — суть дух) — есть Жена, от какой низошел Он с Небес и какую изведал телесно в сем мире. В законности, с тем-то и мать, и жена Его в мире сем имя имеют едино — М|ар|и|я, суть Ма|терь эпохи Ари|йской, Безгрешность в пороке, эпохе сей, доме Вражды, коей бог — Аре|с-Мар|с.

Казнь от жаркой любви — явь любви сатанинской. О ней-то рек Пушкин (Россию зело знавший, с ней *чернотою ар|апь|ей* един) своей при|т|чей о Моцарте и Сальери, убившем его от безмерной (безбожной: ведь Бог — Мера наша) любви. Рек — и молвил со страстию устами гения, знавшего Суть: «Гений и злодейство — две вещи несовместные». Христос, Бог-Сын — Ген|ий мира сего, сиречь Тот, кто его осеняет как Тьма, Мать: «ген» — «гин», Жена; Отец — злодей. Злой соитьем Мессии с Женою (соитьем двояким: духовным и плотским — при первенстве Духа) не о чистоте Сына пекся он. Ибо бессмертным и смертным и до́лжно сливаться в одно — Мира ради: Единого, в ком слиты вечность и тлен. Гераклит рек: «Бессмертные смертны, смертные бессмертны. Жизнью друг друга они живут, смертью друг друга они умирают». В согласии с тем, боги Греков, бессмертны, любили земных, смертных жен и мужей, первый в чем — Зевс был страстный. Отец христиан — тот же Зев|с: Зев, пожравший Жену, в чреве скрыв — Сатана, анти-Мать (*в подтвержденье прямое сему куреты, идущие от владычицы перунов Зевеса Афины, именуются «владельцами доспехов Арея»: в позднейших очах — Сатаны, бога-Розни, каким и был Арес*). Но первый Зевес был честней: он, как **М**уж, цел Женой, не таил своей многости, шумной толпой окружен и не певший про святость. Сменивший (пожравший) Единство-Жену, был он, как не-Единство, — Муж-Многость, шкатулка богов; Бог-Отец — Муж, повернутый к нам стороною другой, — сменил Зевса как **Муж ложно-цельный**: ведь Многое — Рознь, суть свою — он сокрыл, объявясь как всеполно Единый, **суть Мать**, заняв обманом **место Ее**. Зевс-язычник был чище Отца, чтивший жен явью страсти. Убийства порой его, должные в смертном сем мире, свершались в своем естестве по Причине: при оргиях Вакха, терзавших мужчин (так над Мужем являла Жена власть законну), при войнах, дух чей — Тьма, да с тем по суду, в коем рек приговор свой, *сердечный*, народ: ибо он — был тогда. Лишь порою Отца стало нормой **убийство во имя убийства**: Суд в чистом понятии как **само-Суд**, чуждый Милости, Тьмы. Бог Отец, лицемерно терзавший язычников, хоть был дух их; введший моду казнить людей по́ходя; автор кровавых крестовых походов, чумы инквизиции — бог этот кончил деянием страшным: разъявши народ на куски, он созда́л демократию как нрадовластье без сути, народа, и оное, хаос, низвергло его самого. Так библейская ложь про благого Отца ослепила народы Судом, солнцем лжи, подменившим в очах солнце чистое их — Милость-Мать.

Явь замены язычества, подобья Матери-Тьмы, неподобием Ей, духом Отчим, — **грязь Средних веков**. В пору их, середину не Божью, но дьявольску, мир забыл то, что созда́л чистоты своей ради: клоаки и ба|ни. В одном только Риме античном имелось сверх тысячи бань. Канализация была в Египте: находкам ее свыше 2500 лет. Туалет из известняка, найденный близ Тел|ь-эл-А|мар|ны, относят примерно к 1350 г. до н. э. Древнею канализацией ве́дом народ Материнский нам Мо|х|ен|джо-Дар|о (2500 лет до н.э., терр. совр. Пакистана); крупнейшею ж, Cloaca maxima, — был славен Рим. Но с кончиной его мир, как бритвой отрезан (Причина, Тьма-Но|ль — Но|ж), забыл опыт сей. **Века Средни — истории, Отчей реки, сердце|вина: Ум чистый, безматний Отец. Грязь и вонь как явь Средневековья — прямой лик Отца, кто, придя и народы поправ, не созда́л еще маску себе: чистоту ложну, хан|жес|ку, корку таящу на Зле, кое он**. Половинная эта прикрыла собой Отчий смрад лишь порой Просвещения: Злом как созревшей личиной Добра. Сравнивая Античность со Средневековьем, Вольтер-просветитель писал: «Вместо прекрасного латинского языка — 20 варварских наречий, вместо культуры и законов — только варварские обычаи. Цирки и амфитеатры, возвышавшиеся во всех провинциях, сменились хижинами, крытыми соломой. Большие дороги, такие красивые и прочные, проведенные от подножия Капитолия до гор Тавра, покрылись стоячими водами. Человеческий разум огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий... Вся Европа коснеет в этом унижении до XVI в. и освобождается от него лишь путем ужасных судорог».

Отче как Сатана, суть веков Средних, ясен в любви их к Лукавому: **Отца — к себе самому**. Плод ее есть портрет Сатаны, что написан порой сей. О том говорится: «Библейские

тексты полностью отказываются от каких-либо наглядных образов Сатаны. Напротив, средневековая фантазия изощрялась в детализации таких образов. Наделяя его исполинскими размерами, смешением антропоморфных и животных черт и т. д. Пасть Сатаны часто отождествлялась с входом в ад, так что войти в ад означало быть пожранным им».

38 Пить его зовут Веды, рекущие: «Пейте мед устами, пьющими мед» (Ригведа 1. 34. 10). Ибо Атман — Суть наша. «Поистине, не ради супруга дорог супруг, но ради Атмана дорог супруг. Поистине, не ради жены дорога жена, но ради Атмана дорога жена. Поистине, не ради сыновей дороги сыновья, но ради Атмана дороги сыновья. Поистине, не ради богатства дорого богатство, но ради Атмана дорого богатство. Поистине, не ради брахманства дорого брахманство, но ради Атмана дорого брахманство. Поистине, не ради кшатры дорога кшатра, но ради Атмана дорога кшатра. Поистине, не ради миров дороги миры, но ради Атмана дороги миры. Поистине, не ради богов дороги боги, но ради Атмана дороги боги. Поистине, не ради существ дороги существа, но ради Атмана дороги существа. Поистине, не ради всего дорого все, но ради Атмана дорого все. Поистине, [лишь] Атмана следует видеть, следует слышать, о нем следует думать, следует размышлять, о Майтрейи! Поистине, благодаря видению и слышанию Атмана, благодаря мысли о нем и познанию его все становится известно. // Брахманство оставляет того, кто считает брахманство отличным от Атмана. Кшатра оставляет того, кто считает кшатру отличной от Атмана. Миры оставляют того, кто считает миры отличными от Атмана. Боги оставляют того, кто считает богов отличными от Атмана. Существа оставляют того, кто считает существа отличными от Атмана. Все оставляет того, кто считает все отличным от Атмана. Это брахманство, эта кшатра, эти миры, эти боги, эти существа, это все — Атман», — говорится в 4-й брахмане Брихадараньяка-упанишады. А в 5-й читаем: «Этот Атман — мед для всех существ, все существа — мед для этого Атмана. И этот блистающий, бессмертный пуруша, который в этом Атмане, и этот блистающий, бессмертный пуруша, который [существует как индивидуальный] Атман, — он и есть этот Атман. Это — бессмертный, это — Брахман, это — все. // Поистине, этот Атман — повелитель всех существ, царь всех существ. Подобно тому, как все спицы заключены между ступицею колеса и ободом колеса, так все существа, все боги, все миры, все дыхания, все Атманы заключены в этом Атмане» (5:15,16).

39 В своей «Диалектике мифа» Алексей Лосев определяет миф как «всякую жизнь и учение»: в сущности — *жизнь вообще*. **Миф — Жизнь, Чудо**[1]. Причастный ей *виденьем*, маг — Мифа часть[2]; но всяк, знает иль нет о том — часть есть сия, в Мире сущий, и Миф, Полнота — нам глава[3] как Любовь: **Миф с Любовью — одно**[4]. Миф есть Целое, мы — его части. Кто мнит нас создавшими Миф, мыслит от части к целому; верно ж обратное: **Миф создал нас**.

Миф есть Жизнь мировая, земная — с тем. *Видящий* — тот, кто един с ней; разъятый — смотрящ, ибо Жизни не зрит, не любя[5]. И как в детстве своем человечество *видело*, с Мифом едино, так ныне для *виденья* дóлжно начать с **веры в Миф**[6], как, чисты, верят дети в него[7].

Верить в Миф — Мифом быть. Сущий выше времен, жив он вечно; то мы утеряли его, позабыв, а он знает-хранит нас. Миф был, как и *есть*, Век Златой, Небеса-на-Земле. Человека п|а|д|ень|е — закат сего Века в очах (тает так брег за далью); в очах же нелживых — он есть и теперь, и лишь им живы мы — Жизнью, коя суть наша нетленна: **душа**, самодвижный цикл. Таков Дуат (мир иной) Египтян циклосущный, таков миф любой.

Миф — Смысл наш. С тем, **труп Мифа есть смысл переносный** — разъятый Цикл: Дух, отрешенный вовне от себя (таков есть Стагирит); **Миф живой — есть Дух-Глубь, Смысл прямой** (кем был в сути Платон).

***Видеть* Миф — есть иметь его очи**: Пространство-Объем, бреньем-в|ремен|ем сдавленный в нуль как ремн|ем в мире сем: смерть и время — одно. Сим скрываема Суть,

преставая сиять людям; в Мифа очах — она блещет всегда. Зрить Мир ими, иль *видеть*, — есть нам **со**|зерцать: не зерцалом плотú быть, но Миром самим.

Миф — Любовь. Посему его очи есть очи Любви, Чудо зрящие. Всем, кои истинно любят, Любовь может *виденье* дать, отворив очи их.

---

[1] Жить поистине — есть верить в Чудо и быть с ним единым; утратить единство сие — есть живя, умереть. «Для обычного человека мир кажется странным своим свойством либо нагонять скуку, либо быть с ним не в ладах. Для воина мир странен, потому что он огромен, устрашающ, таинствен, непостижим. Воин должен с полной ответственностью отнестись к своему пребыванию здесь — в этом чудесном мире, сейчас — в это чудесное время», — сказано Кастанедой. И им же: «Долг верить, что мир таинствен и непостижим, — это выражение самого глубокого предрасположения воина». «Для меня чудо в том, что, когда я голоден, я ем, а когда я испытываю жажду, то пью», — сказал дзэнский учитель, зря Чудо в Простом, кое — Жизнь.

Жизнь в реальном богатстве ее зрил Бердяев, писавший: «В основании философского познания лежит конкретный опыт, оно не может определяться отвлеченным сцеплением понятий, дискурсивной мыслью, которая есть лишь инструмент».

Жизнь — Карана, Тьма, с Богом единая. С тем, Шел|линг и говорит, что Бог не бытие, а жизнь. ««Жизнь» — лучшее слово, чем «бытие»», — добавляет Бердяев. Поистине, первое лучше второго: Тьма — Света как Небытие — Бытия, в самосущности мертвого как мысль о Жизни — без Жизни самóй, Тьмы. «Ничто глубже и изначальнее чего-то, тьма (…) глубже и изначальнее света, свобода глубже и изначальнее всякой природы», — рек он же.

[2] Так их и зовет Кастанеда.

[3] «Символизм, всеединство и космологизм — вот что такое античная мифология», — сказано Лосевым. Миф, писал он, есть «необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. *Это — подлинная и максимально конкретная реальность*»; и далее: «Миф не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. *Это есть сама жизнь*. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но — жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» (курсив наш). Зрил так Бронислав Ма|лин|овский, сказавший: «При изучении живого мифа он представляется не символическим, а прямым выражением темы; это не объяснение, служащее для удовлетворения научного интереса, а выраженное в форме рассказа воскрешение первозданной реальности, призванное удовлетворить глубокие религиозные потребности, нравственные чаяния, социальные обязанности, притязания и даже практические нужды. Миф исполняет в первобытной культуре незаменимую функцию: он выражает, укрепляет и узаконивает верования; он охраняет и поддерживает мораль; он гарантирует эффективность ритуала и содержит в себе практические правила, которыми руководствуется человек в своей жизни. Таким образом, миф является жизненно важным компонентом человеческой цивилизации; это не развлекательная сказка, а мощная движущая сила; это не интеллектуальное рассуждение и не художественный вымысел, а прагматический документ, удостоверяющий первобытную веру и нравственную мудрость».

По Малиновскому, первобытные народы считают миф единственной имеющей значение историей и уверены: вся объективная жизнь есть лишь повторенье событий, описанных в мифах. Миф, сказано Малиновским, играет центральную роль во всех, а не одних первобытных, культурах, являя собой ключевое звено мировоззренья народа — иначе сказать, **сердцевину: Глубь-Суть как опору его**. Страбон о мифах рек как о Нечто, начальном истории и географии: в сущности — Корне людей. Исток, Миф был и **есть** в нас, несомых рекою времен, им живой в миг любой: **Настоящее, Миг — Миф**.

В 20-е годы минувшего века большое влияние на умы возымели труды французского антрополога Люсьена Леви-Брюля, выдвинувшего тезис, что мифы созданы первобытным мышленьем как некою совершенно особой — всему предстоящей, начальною — стадией эволюции человеческого мышления вообще. Изучая мышление «примитивных», или «традиционных», народов, ученый пришел к выводу, что культуры их не зрят различия между природным, «объективным», миром и мифом, а также и между мифом и историей. Для людей сих культур **миф — единственная история**, и корнь мышленья их есть loi de partipation, «закон сопричастности» (мыслить — есть мыслимым быть: совпадать, а не следовать) в отличие от позднейшего логического мышления, опирающегося на причинно-следственные связи: на Двоицу — не Единицу. Два есть каузальность: река в очах наших, где в розни начало с концом; Единица — Миф как река-цикл, сих народов исторья, конец где с началом одно. Знаменательно, что в

конце жизни Леви-Брюль отказался от своей идеи, придя к утверждению, что во все времена логическое и первобытное мышление сосуществуют параллельно. В сем зрим нами Мир, где Тьма и Свет, Алогос и Логос, опорные пралогическому и логическому мышлению, одновреме́нны — точнее**, до-вре́менны: время их — Миг**; но Тьма (Небытие) — выше Света (сиречь Бытия) в старшинстве, с тем — и раньше него: **не по времени — в сути**. В отличие от Клода Леви-Строса, сводившего Миф к чисто плотской структуре (системе общественных (родственных) отношений и обслуживающему их языку как системе (структуре) служебных знаков), Леви-Брюль знал: **Миф не тело (структура) — он Дух, Клей его**.

Теория параллельных мифов, выдвинутая Леви-Брюлем, утверждает существование в мифах единых для всех людей «мотивов» или «коллективных представлений» (общих сюжетов и действующих лиц). Многость эта законна в едином истоке: **Жизнь, Миф — наш единый Мотив: мыслим, действуем мы — ибо живы.** Знал то К.-Г. Юнг, звав мотивы сии «архетипами» и их сводя в их Исток и Суть, Миф. «Миф, — писал он, — это естественная и незаменимая промежуточная ступень между бессознательным и сознательным мышлением [в сущности — между Хаосом и Космосом, Тем и Этим: грань-клей]. Потребность в мифологических утверждениях удовлетворяется тогда, когда мы обретаем точку зрения на мир, адекватно объясняющую существование человека в космосе, точку зрения, которая произрастает из всей нашей психической целостности, из сотрудничества между сознанием и бессознательным [сплоченьем феноменального и нуменального, Этого и Того, в цельный Мир, нашу Цельность]. Бессмысленность ущемляет полноту жизни и, таким образом, равнозначна болезни. Смысл [Мир-Миф, Полнота] позволяет вынести очень многое, *быть может, все, что угодно*. Никакая наука никогда не заместит миф; миф нельзя сделать ни из одной науки. Ведь дело не в том, что Бог — это миф, а в том, что *миф есть откровение божественной жизни в человеке. Не мы изобретаем миф; скорее, он говорит с нами как слово Бога*» (курсив и слова в скобках — наши).

Миф — Жизнь в нас; тяга в Миф — вера наша. О ней до́лжно знать:

- **Веря — верим в Себя мы: ведь Жизнь — Я, Бог в нас**. «Самое страшное неверие — это неверие в себя» (То|мас Кар|лей|ль): не веря в себя — веры в Бога мы чужды.
- **Не верить не может живущий: не верить — не жить. Посему всяк жив верой во что-то, хотя бы — в ничто**. «Когда люди не верят ни во что, они готовы поверить во все» (Шатобриан). «Русский нигилизм вовсе не простое неверие, он есть вера в неверие, религия отрицания» (Семен Франк).
- **Вера есть Зов, влекущий нас к Сути, и лестница к ней: Путь, с сей Целью единый**. «Всякий человек, желающий подняться до познания чего-либо, необходимо должен верить в то, без чего он не может подняться» (Николай Кузанский). **К Богу Путь, вера в Бога — есть Бог**. «То, во что я верю, это то, с помощью чего я верю, то, что дает мне веру» (Поль Рикер).
- **Вера чу́жда нужды в доказательствах: Жизнь, Суть ее — Аргумент, что довлеет себе**. «Вера есть способ знания без доказательств» (Сергей Булгаков).
- **Как Жизнь, вера есть чудо и страсть**. «Вера есть чудо, и все же ни один человек не отлучен от нее, ибо то, в чем едина жизнь всех людей, есть страсть, а вера есть страсть» (Сер|ен Кьерке|гор).
- **Как Жизнь, вера — Свобода: ведь Жизнь и Свобода — одно**. «Говорить, что человек обязан верить в Бога — не только неверно, но и неразумно», — рек Джонатан Свифт.
- **Вера — разума суть и опора: ведь Сердце она**. «Вера приходит к разуму как свет, наполняющий его радостью, именно в ней разум с этого момента черпает уверенность, которая помогает разрешить все вопросы» (Этьен Жильсон). «Верить и не знать — это еще значит что-нибудь для человека; но знать и не верить — это ровно ничего не значит» (Вис|сар|ио|н Бе|л|ин|ский).
- **Вера — Синтез: ведь Синтез есть Жизнь**. «Только вера объединяет, неверие же распыляет, атомизирует человеческие силы» (Семен Франк). «Верить — значит производить духовный синтез» (Пьер Тейяр де Шарден).
- **Веры — Истина (ve|r|it|as) суть: ибо Истина — Жизнь, чуждый коей, мертв есть рит|уал**.

С Мифом связь утеряв — им живем мы. Бердяев писал: «В рационализированной и технизированной цивилизации мифы продолжают играть огромную роль. Они рождаются из коллективного подсознательного. Но мифы эти очень рационально использованы. Миф о красивой, героической войне, о воинствующем эросе, возвышающемся над прозаической и обыденной жизнью, есть проявление человеческого рабства. Этот миф связан с другими мифами — об избранной расе, о величии царства и т.п. Все эти мифы противоположны истине персонализма, всегда враждебны очеловечению жизни, все восстают против духа Евангелия, все узаконяют рабство человека». Им сказано также: «Народы не могут существовать без мифов, без мифов не может существовать власть и управлять

человеческими обществами. Мифы соединяют, покоряют, вдохновляют, через них охраняются общества и через них делаются революции». Забытый, Миф в нас — Архетип тайносущий; лишь им жив искусственный миф, точно названный А.А.Бреусенко-Кузнецовым «культурой предательства человеческой экзистенции»: Мира — по сути ее. **Мифом тайно живим изнутри, миф искусственный мног пред ним как ложь пред Истиной, коей есть Миф. Миф искусственный, мертвый — есть идеология: Мифу второе как смерть, отрицанье сей Жизни как Глуби людей (**такова у Платона идея как Двойка, за коею Маркс, в ней любя *пустоту свою*, не зрил Ноля: Полноты как Платоновой сути). **Идея, второе за Мифом — облатка за Глубью — есть средство, не цель. Целью взять ее — есть Сатану взять за Бога, смерть — Жизнью счесть**. Юнг рек о том: «идеалы — не что иное, как указатели пути, но никак не цели». **Миф, Жизнь — Жизнь идей, что живит изнутри их** (муж тьмы Максим Горький, писавший: «Жизнь идет к совершенству, руководствуясь идеалом — тем, что еще не существует, но мыслится, воображается возможным к осуществлению», — безбожный, не знал: идеал не есть Жизни вожак, ведь последственен ей). **Власть идеи над Жизнью — власть смерти над ней: над Творцом — Сатаны**. «Где нет жизни — нет идеи», — сказал Николай Чернышевский. **Миф — целое; идеология как культ довлеющей себе идеи, есть мертвая доля, культ|яшка, его**. Об идеологе как человеке, взращенном идеею как ложным мифом **(**за Мифом — вторым как за Истиной ложь, часть за целым**)**, культурой предательства человеческой экзистенции, сиречь *культурном предателе Мира (себя — с ним),* сказал Габриэль Оноре: «Идеолог — это один из самых опасных человеческих типов, ибо он, сам не сознавая того, становится рабом умерщвленной части его самого; и это рабство неизбежно стремится внешне превратиться в тиранию».

Миф — питатель наш тайный: Жизнь Мира, он есть наша Жизнь, коей полн древ|ний мир — древ|о Корня сего, в Корнь сей путь:

Чистоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки — из прошлого тащим, —
Потому что добро остается добром —
В прошлом, будущем и настоящем!

— Высоцкий рек. **Добро есть Миф**; к нему, вечному, тянемся мы: **Жизнь — ус|лад|а живых**.

Миф — народов творец, как паук нить их тянущий вдаль из себя. То явил нам Плутарх в параллельных писаньях подобьем эллинских и римских персон. Параллельность их, **в сути Единство** (см. комм. 32), — **параллельность есть Мифа**, в ком светочи эти едины **единством его**.

Миф, историьи творец, есть ключ к ней: нет его — заперт ларь сей. Никто из людей, Мифа чуждых, не смог объяснить, отчего Рим-воитель не чтил Македонца искусство, клеймя за свои же грехи (как Сенека — за тягу к войне). Оттого, мыслим мы, что был муж сей потомком Ах|илла, ах|еец душою; Энея плод, Рим — Трóя суть. Так, в истории не враждовавшие, в Мифе враги Александр и Рим; и, как врага, — Рим хулой и молчаньем хоронит его.

Ключ истории, Миф есть персон и судéб ключ. Нам жизнь Александра не ведать без знанья что суть ее — Ахилла жизнь. Неспроста Александр подражал ему: честность, отвага и к бегу любовь — все одно у них; смерть Ахиллесу — принес Александр-Парис. И как Хирон, воспитатель Ахилла, учивший его врачевать, был двойным, человек-и-конь, — так Стагирит, сын врача, Александра наставник, имел ум двойной, *Тьмой разъятый*, что стал Александру мечом, давши страсть познавать и лечить (ведь, известно, любил врачевать он): делением есть то и то.

Мифом некогда быв, мир утратил его. Миф мы можем обресть, **став как дети** (к чему звал Христос нас): Миф — Мúра взор, Мир же есть Божье Дитя.

[4] **Как Жизнь и Любовь, Миф — Тьма-Сердце, Ноль с Двоицей в коем одно как Тьма с тьмою: Любовь со Враждою, Свобода с Необходимостью**. «Свобода и необходимость примиряются в чувстве, в котором всегда слиты воедино долг и склонность, заповедь и влечение, долженствование и свободный выбор. Абсолютная мифология есть жизнь сердца», — рек Лосев в своей «Диалектике мифа».

[5] «Что такое жизнь, никто не знает, хотя все живут», — пишет Лосев об этой утерянной нами, но тайно в нас сущей причастности **Мифу, Любви**, Мир без коей мертв нам, как без царства — осколки. Рек Экзюпери: «Тот, в ком умерло царство, похож на разлюбившего. «Мое усердие — наваждение идиота!» — восклицает он. И прав. Потому что видит вокруг коз, овец, дома, горы. Царство было творением его влюбленного сердца. // Для чего женщине красота, если мужчины не вдохновляются ею? Чем драгоценен бриллиант, если никто не жаждет им обладать? Где царство, если никто ему не служит? // Влюбленный в чудесную картину хранит ее в своем сердце, живет и питается ею, как младенец материнским молоком, она для него суть и смысл, полнота и пространство, краеугольный камень и возможность подняться ввысь. Если отнять ее, влюбленный погибнет от недостатка воздуха, словно дерево с подсеченным корнем. Но когда картина вместе с человеком меркнет день за днем сама по себе, человек не страдает, он

сживается с серостью и не замечает ее. // Вот почему нужно неусыпно следить, чтобы в человеке бодрствовало великое, нужно его понуждать служить только значимому в себе. // Не вещность питает, а узел, благодаря которому дробный мир обрел целостность. Не алмаз, но желание им любоваться. Не песок, а любовь к нему племени, рожденного в пустыне. Не слова в книге, но любовь, поэзия и Господня мудрость, запечатлевшиеся в словах».

Мир разъятый — плод бренных очей, скрывших Цельность под многостью-тьмой, в них его завалившей: обломками — Храм. Рек Бердяев о том: «Мир объектный [сиречь основанный на Двойке, Розни — *Авт.*] — множествен, но в нем потеряна личность, он — бесконечен, но в нем закрыта вечность, в нем торжествует общее, но нет единства, он рационализирован, но он полон дурного иррационального, противоположен смыслу. Мы живем в подобном мире, мы познаем его. Но это не есть безнадежно погибший мир, в нем светит солнце, хотя извне, не изнутри, как должно было бы быть, в нем есть напряженная и возрастающая жизнь, хотя она кончается смертью, в нем расцветают цветы, хотя они увядают, в него прорываются творческие акты человека, есть человеческое лицо, есть иногда изумительное выражение глаз, достигаются вершины святости и гениальности, но и нравственного уродства и преступности, есть проявление любви, жалости и жертвенности, но и сколько жестокости и убийства. В этом мире дух как бы отпал от самого себя, произошло отчуждение, но связь с духом сохранилась и дух действует. Этот мир безбожный, но в нем есть и свидетельство о существовании Бога».

Объективация как с Духом рознь («выброшеность вовне», по Бердяеву: Дух — Глубь) — суть запад|ной цивилизации, Солнце запа́д|шее коей есть Миф. Зная это душою, в труде «Призывание мифа» (The Cry for Myth, 1991) Ролло Мэй утверждал, что люди современной западной цивилизации испытывают безотлагательную потребность в мифах — **потребность Ожить**, скажем мы: Миф есть Жизнь, не зрить кою — есть быть мертвецом.

6 То есть нужно жить Мифом, **быть** им. «Миф, — рек Алексей Лосев, — должен быть взят как миф, без сведения его на то, что не есть он сам. Только имея такое чистое определение и описание мифа, можно приступать к объяснению его с той или иной гетерогенной точки зрения. Не зная, что такое миф сам по себе, не можем говорить и о его жизни в той или иной иноприродной среде. Надо сначала стать на точку зрения самой мифологии, *стать самому мифическим субъектом*. Надо вообразить, что мир, в котором мы живем и существуют все вещи, есть мир мифический, что вообще на свете только и существуют мифы. Такая позиция вскроет существо мифа как мифа» (курсив наш).

Что значит быть Мифом? Быть им — значит чтить его свято, опор для него не ища: **Миф — Опора себя**. Не постичь «Книгу Мертвых» без знанья, что автор ее — Тот. Абсурд считать, что прототип Эскулапа (Асклепия) есть смертный муж Имхотеп — нет, напротив! Да зрим: **не имеет Высь в доле оплот. Человек — не дитя обезьяны, Бог — не плод людской. Высь имеет в себе корнь; оплот Мифа — Миф. Лишь зря так, мы стяжаем и очи его**.

Не таков ум безбожный. Творца чужд, Причиною мнит он себя, богов — своей игрой, мня: коль боги, в подобии смертным, являлись в истории и уходили, то ум, идя прежде них, есть им отец. Эгоист, он не знает: не он порождает богов, но они, возбуждая его, в должный час чрез него **объявляют себя**; мир сей — сцена, где Бог свой играет спектакль, взяв артистами нас.

В трактате Дж. Бруно «Изгнание торжествующего зверя» сему аргумент — диалог меж Софией (божественной Мудростью) и Саулином. Вот он:

«*Саул*. (…) Да разве имя Юпитера произносилось в египетских культах, и не явился ли он много лет спустя, у греков?

Соф. Не обращай внимания на греческое имя, Саулин, ибо я говорю, применяясь к общепринятым привычкам, и затем имена (также и у греков) были после приложены к богам: ведь все же очень хорошо знают, что Юпитер был один из царей Крита, смертный человек, чье тело, как и всех прочих, сгнило и испепелилось. Равным образом не тайна, что Венера была смертная женщина — очаровательнейшая, необычайно красивая, изящная и щедрая царица на острове Кипре. Точно так же мысли и о всех богах, которые познаны людьми.

Саул. Как же обожествили их и начали им молиться?

Соф. Скажу тебе. Не Юпитера боготворили, как будто бы он был божество, наоборот, боготворили божество, за то, что оно якобы было в Юпитере; ибо, встречая человека, который выделялся величием, справедливостью, великодушием, признавали, что в нем есть великий, справедливый и милостивый бог; а затем постепенно просто-напросто привыкали называть такого бога, или же такое божество, Юпитером, поскольку оно проявилось в таком именно образе; все равно, как именем Меркурия, мудрейшего египтянина, называлась божественная мудрость, истолкование и откровение. Так что, в том или ином человеке прославлялось не что иное, как только имя и обнаружение божества, которое с рождением этих людей явилось и сообщилось людям; а с их смертью, само собой разумеется, исполнив свое дело, возвратилось на небеса. // Таким-то образом вечные божества (что не противоречит

нисколько истине божественного существа) имеют временные имена, которые меняются вместе с временами и народами…»

Сказано Ямвлихом: «Ты говоришь: «Допустим, существуют боги». Однако неверно так говорить. Прирожденное знание о богах присуще людям в силу самой их сущности. Оно превосходит любое суждение и предшествует всякому выбору, поскольку существует до любых рассуждений и доказательств. Это знание с самого начала соединено с причиной нашего бытия и возникает одновременно со стремлением к благу, сущностно сопутствующим нашей душе». С тем, есть два рода вымысла. Вымысл, основой имущий пустое, **иллюзия** есть: он плодит миражи, нам опасные, впасть в кои — пасть нам в ничто. Вымысл тот, что, богов в душе зря, извлекает на свет их по воле их — **Миф**, слуга чей есть Гомер и иные с ним, кто, мысля сердцем, **измыслили Жизнь, бывшу мыслию их**.

7 Любящие сказки, его острова в Сем, — с особой охотой их слушают дети пред сном. **Миф есть сон для нас, спящих (ведь бодрствуя в бреньи — спим мы), куда дети, мифичны как сна́ сути, входят чрез сказок врата.**

«Вечность есть играющее дитя. Царство [над миром] принадлежит ребенку», — сказал Гераклит. Посему **вырос истинно тот, кто, возросши, обрел Мир, Дитя («стал как дети», — о том рек Христос)**.

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать.

(Мандельштам)

Миф убить в нас — убить есть Дитя, Мир, от сказок отняв, врат в него. Плод сего, меж иного, — гоненье на сказки Корнея Чу|ков|ского **(**«Кор|ней» — суть «го́р|ни|й», Вселенной причастный: Дитяти — дитя**)**. Вот ответ Комитета по детской литературе Союза писателей СССР на письмо негодующего читателя — одного из успешно убитых Системой, — обвиняющее писателя в том, что он своими сказками вызывает сочувствие к насекомым-паразитам (мухе, комару и т.д.). Текст гласит: «Вы правы в самой постановке вопроса. К сожалению, некоторые писатели, работавшие *в области* детской сказки и детского дошкольного рассказа, действительно ради занимательности совершили ошибки, наделяя вреднейших зверей, птиц и насекомых качествами положительных героев».

И еще письмо бдительного мертвеца: «Опять и в который раз вышло произведение Корнея Чуковского «Муха-Цокотуха». На этот раз это произведение выпущено тиражом в 300 000 экземпляров. До каких пор К. Чуковский будет *вводить в заблуждение советских детей?*» Конец сего письма таков: «Бесполезную книжку К. Чуковского о Мухе (Цокотухе) можно смело сжечь, *история от этого ничего не потеряет*» (курсив везде — наш).

*

Зовя вас верить в Миф, сам я верую свято в него: **Миф, как Глубь, есть труда моего Аргумент**. Волей Божьей, я был им уловлен как сетью; труд сей — Мифа плод.

40 Миг сей — с Миром един как Монада, где вечное Время живет **(**«Вечное существование в своей последней основе есть вечный миг», — сказал Лосев. «Время в своей сущности и своей субстанции есть не что иное, как мгновение», — Бруно рек**)**. Ми|р, Ми|г и Ми|ф — одно, что Бог явил сходством слов сих. **Миг — Он**, сущий выше Пространства и Времени и в Двойке брения зримый как Миг **пре|бывающий**, самотождественно **вечный (**под коим стоит Бытье, **вечное Время** (санскр. кал|а)**)**, и Миг **возникающий**, зовущийся диалектическим мгновением (exaiphnēs — «вдруг», «внезапно»), выражающим всякое изменение как «выхождение из себя», как сказал Стагирит в своей «Физике». Понятие диалектического мгновенья дает в «Парменида» Платон. Господь — Миг, ведь коль Он Мир создал **в Миг** единый, — Миг сей Он и есть как **Иное, чем Мир**: ибо нет ничего кроме Бога и Мира. Миг, Бог — Настоящее: Он вечно «Есть», «сущий» — с тем. То, что есть Господь Миг, Стагирит подтвердил, говоря, что «те|пер|ь» как мгновенье меж прошлым и будущим, миг-настоящее, есть ни одно из двух сих — с тем, **не время совсем**; и оно ни покой, ни движение: в сути, как скажем мы, ни Бытие и ни Небытие, — но стоит поверх них как над вымыслом Жизнь. Сказал Экзюпери: «не подумай, что обдумать настоящее легко. Оно противится, когда ты его обживаешь, противится так, как никогда не будут противиться твои

вымыслы о будущем. Упавший на песок возле высохшего колодца изнемогает от жгучего зноя и так легко шагает в своих мечтах. Без усилий, огромными шагами торопится он к избавлению от жажды. Сладостно пить в мечтах, где шаги не потребовали усилий и одарили тебя водой, словно гибкие податливые рабыни, ты не встретил ни одного шипа, который вцепился бы в твою одежду. // Но покорное завтра не наступает, наступает агония, скрипит на зубах песок, колыхание пальм, полноводная река и пение прачек медленно уносят тебя в смерть». Настоящее, Бог весь — Теперь: Он свершил и свершит еще, ибо Свершает.

Бог, Миг — живит Мир. С тем, и Мир — Настоящее, о коем рек Парменид:

Не возникает оно и не подчиняется смерти.
Цельное все, без конца, не движется и однородно.
Не было в прошлом оно, не будет, но все — в настоящем.
Без перерыва одно. Ему ли разыщешь начало?

Настоящее, Мир вечно нов **(**у Бердяева сказано: «мир представляется мне вечно новым, я воспринимаю его как бы в первичной интуиции, хотя бы это была давно узнанная мною истина»**)**. **Новизна эта — Творчество есть, все творцы посему — настоящи**. То знал Мандельштам, зря своим современником Д|ан|т|а. «Немыслимо, — писал он, — читать песни Данта, не оборачивая их к современности. Они для того созданы. Они снаряды для уловления будущего. Они требуют комментария в Futurum... Дант антимодернист. Его современность неистощима, неисчислима, неиссякаема».

Настоящее-Миг — точка Жизни, иному нет места в ней. С тем, и зовут настоящим все то, кое истинно: Истина — Жизнь; на|стоящий — причастный ей как над-стоящий, поверх-сущий: «Я — То». «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией» (Франсуа де Ларошфуко). «Философия господствует над протекшим и будущим; настоящее убивает ее» (Константин Батюшков). «Философ легко торжествует над будущею и минувшею скорбями, но он же легко побеждается настоящею» (Козьма Прутков). «Лишь очень немногие живут сегодняшним днем. Большинство готовится жить позднее» (Джонатан Свифт). «Учись так, как будто тебе предстоит жить вечно; живи так, как будто тебе предстоит умереть завтра» (Сэмюэль Смайлс).

Чтить Миг-Вечность — есть чтить в себе Жизнь, полнясь ею; миг-время величить — есть славить ничто и им быть. Фауст рек Мефистофелю:

Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, *повремени*», —
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.

«Пользуйся текущим днем. Лови мгновение», — сказал Гораций. Поистине, **Вечность пой|мать нам как Миг — не свершить есть насилье *над ним*, обратив тем в миг времени, но дать, как Богу, поймать *ему* нас *Изнутри***.

Настоящее, Миг — Жизнь. Сказал Дербенев:

Призрачно все
В этои мире бушующем.
Есть только миг —
За него и держись!
Есть только миг
Между прошлым и будущим,
Именно он
Называется «жизнь»!

Посему-то, писал Августин, измеримо лишь настоящее; прошлое же и будущее существуют лишь в нашем представлении: как Ум — не Сердце; и сказано им: «Есть три времени: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего» — суть Настоящее, Жизнь как все

три. «Любовь к жизни, — сказал Фридрих Ницше, — это почти противоположность любви к долгожительству. Всякая любовь думает о мгновении и вечности, — но никогда о продолжительности». **Настоящим живя — и живем лишь**, и рек Пифагор: «Великая наука жить счастливо состоит в том, чтобы жить только в настоящем».

Настоящее — Жизнь, что как Силу усильем стяжаем мы, торя как Грань (в сути — Тьму, Грань пред Богом как Целью своей). Так, *входящие вечно*, творим Настоящим ход времени мы, о чем рек Августин, что грядущее переходит в прошедшее чрез напряжение действия, — **усилие Настоящего: Действие — Миг**. В нем минувшее — вечно Теперь, и живя Настоящим как Силой, мы прошлым как Силой сильны: ведь оно не уходит, и жизнь наша — по|двиг всегда: шаг за грань. О движении этом писал Мандельштам: «Бессознательно средневековый человек считал службой, своего рода подвигом, неприкрашенный факт своего существования».

Настоящее — Жизнь, смерти нет в нем. У древних замечено: «Aut futi, aut veniet, nihil est praesentis in illa, // Morsque minus poenae quam mora mortis habet» — «Смерть или была или будет, она не имеет отношения к настоящему; менее мучительна сама смерть, чем ее ожидание». **Жизнь есть Очи: Мир, Бога Дитя, Его зрящий, и Бог, зрящий Мир. Очи — оба они. Посему Настоящее — Очи: зрить Мир как он есть — *видеть* нам**. Рек о том Августин: «Сущность настоящего времени составляет созерцание (intuitus)».

Настоящее, Миг есть Любовь: ведь Любовь — Жизнь. Покорны Любви стар и млад, **возраст общий имея ее, Миг.** С тем, перст Любви — любящих смерть в день един: Смерть, Любовь — Тьма одна; и кто умер Любя — тот Ожил навсегда, от крес|та жизни бренной вос|крес.

Коль Мир есть Настоящее, Хаос становится Космосом в нем, Космос — Хаосом, ибо они есть одно. **Настоящее — просто, в нем все, что свершится, свершилось уже, что становится — стало**.

Прост, Миг выше числ: он есть Вечность как времени Ноль, Высь. Бердяев сказал о том: «Вечность не есть бесконечное время, измеряемое числами, а качество, преодолевающее время» (об аде — тьмы, времени доме — сим мужем указано: он «остается во времени, в бесконечном времени, не переходит в вечность. Онтология вечного ада невозможна»). Согласно Кузанскому, Веч|ность есть «максимальное настоящее», «мера всех времен», — кои с тем мы и мерим **веками**; и сам чело|век в сути имени есть «настоящий челом» — **Бог-и-Мир по уму**: мудрый ум — Глуби полн. Как Господь в существе, Вечность более бес|конечности как Утверждение, «Да» — Отрицания, «Нет». У Кузанского сказано: «хоть в вечности мы тоже видим не что иное, как бесконечность, однако порождающей мыслится не сама по себе бесконечность, которая при всей своей тождественности с вечностью остается отрицательным понятием, а вечность, поскольку вечность есть утверждение единства или максимального присутствия и, значит, безначальное начало». Начало сие есть Господь во единстве со Дланью Своей, Тьмой: **Бог-Тьма**. О Любви с Мигом вечным ее Кедров рек:

вечная жизнь — это миг любви
любовь — это неизбежность вечности
вечность — это неизбежность любви

Вечность — Миг, в себе длимый Единством. Подобье ее, время — миг, длимый рознью: плывущий в себе и себя, как реку, иллюзорно делящий собою на прошлое и грядущее, коих нет: *всякое* время — суть *время*, а время — *Миг* в сути своей. О том знал Бруно, рекший: «Время в своей сущности и субстанции есть не что иное, как мгновение»; Августин же писал: «Что такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел пояснить спрашивающему — нет, не знаю. Настаиваю, однако, на том, что твердо знаю: если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени. А как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет. И *если бы настоящее всегда оставалось настоящим, а не уходило в*

прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы верим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет? Разве мы ошибаемся, сказав, что *время существует только потому, что оно стремится исчезнуть*?» (курсив наш). «Невозможно, — сказал Аристотель, — чтобы время существовалось и мыслилось без «теперь», а «теперь» есть какая-то середина, включающая в себя одновременно начало и конец — начало будущего и конец прошедшего». У Августина еще: «Правильнее не называть времена — прошедшее, будущее, настоящее, а говорить так: «настоящее прошедшего», «настоящее настоящего», «настоящее будущего».

Настоящее, Жизнь, есть Реальность, Одно; прошлое ж и грядущее — Двойка, иллюзия в бренном уме, суть чья — Рознь. Рек Бердяев: «В проблеме идеализирующего отношения к прошлому мы встречаемся с парадоксом времени. Прошлого, которое нам так нравится и которое нас так притягивает, никогда не было. Это прошлое прошло через наше творческое воображение, через очищение, оно предстает нам освобожденным от бывшего в нем зла и уродства. *Мы любим лишь прошлое, приобщенное к вечности*. Но прошлого в прошлом никогда не было, прошлое есть лишь составная часть нашего настоящего. В самом же прошлом было другое настоящее, и в нем было зло и уродство. Это и значит, что любить можно только вечное. Поэтому возврата к прошлому нет, и его нельзя желать. Мы можем хотеть лишь возврата к вечному прошлому, но это вечное выделено нами в преображающем творческом акте, освобождено от своей тьмы» (курсив наш). Им же сказано: «Ничего нельзя любить, кроме вечности, и нельзя любить никакой любовью, кроме вечной любви. Если нет вечности, то ничего нет. Мгновение полноценно, лишь если оно приобщено к Вечности». **Нелюбящий — у|веч|ен: от Вечности он у|странен**.

«Не все ли равно, если твоя жизнь будет продолжаться триста или даже три тысячи лет? Ведь живешь только в настоящем мгновении, и кто бы ты ни был, утрачиваешь только настоящий миг. Нельзя отнять ни нашего прошлого, потому что его уже нет, ни будущего, потому что мы его еще не имеем», — сказал Марк Аврелий.

От безбожья до Бога — мгновенье одно!
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало ни много — мгновенье одно!

Омар Хайям

В Настоящем путь с целью — одно для идущих, где путь им важнее: идущий — суть он; Настоящего чуждое — Два, Рознь: не-Путь как движения нуль. Рознь сия — **революция**, коею, пишет Бердяев, «Настоящее рассматривается исключительно как средство, будущее же — как цель. Поэтому для настоящего утверждается насилие и порабощение, жестокость и убийство, для будущего же свобода и человечность, для настоящего кошмарная жизнь, для будущего райская жизнь. Но великая тайна скрыта в том, что средство важнее цели [истина, коей не ведает творец телеологии Аристотель, свершивший *революцию против Платона — Авт.*]. Именно средства, путь свидетельствуют о духе, которым проникнуты люди. По чистоте средств, по чистоте путей узнаете, какого люди духа. Будущего, в котором должна осуществиться высокая цель, никогда не наступает, в нем опять будут те же отвратительные средства. // (…) нужно сказать что *революция не знает настоящего и не имеет настоящего, она целиком обращена к прошлому и будущему*. Революция злопамятна, но не имеет памяти. // (…) Для отношения революционеров к времени характерно, что они обыкновенно бывают крайними пессимистами в отношении к прошлому и крайними оптимистами в отношении к будущему. Это и есть «скачок из царства необходимости в царство свободы». Для марксизма особенно характерно такое отношение к прошлому и будущему. В действительности, так как прошлое и будущее лишь отрывки разорванного больного времени, то нет оснований ни для оптимистического отношения к

прошлому, как у консерваторов, ни для оптимистического отношения к будущему, как у революционеров. Оптимистически можно относиться лишь к вечному, т.е. к преодолению разорванного времени» (курсив наш) — Мигу, который есть Бог.

Настоящее, Бог-и-Мир — Сердце. В сем умственном мире, где царь Сатана, он собой как бессердным Умом подменяет его, в пункте сем поселив пустоту, из какой черпать нечего нам: смерть — не Жизнь-Настоящее:

НУС, NOU|S (K|NOW — знать: ибо знают — умом) = NOW — сейчас (англ.)

*

Миг — Цель нам, что нельзя обращать в средство: Миг утерять — Жизнь сгубить, ведь Миг — Жизнь. Сей губитель теперь — НТР, торжество над людьми власти техники и науки, служанки ее, о каком рек Бердяев: «власть техники может иметь роковые последствия для духовной и религиозной жизни. Техника овладевает временем и радикально меняет отношение ко времени. И человек действительно способен овладевать временем. Но технический актуализм подчиняет человека и его внутреннюю жизнь все ускоряющемуся движению времени. В этой бешеной скорости современной цивилизации, в этом бегстве времени *ни одно мгновение не остается самоцелью и ни на одном мгновении нельзя остановиться, как на* ***выходящем из времени. Нет выхода в мгновение*** (Augenblick) в том смысле, как это слово употребляет Киркегард. Каждое мгновение должно как можно скорее смениться последующим мгновением, и все мгновения остаются в потоке времени и потому исчезают. Внутри каждого мгновения как будто нет ничего, кроме устремленности к последующему мгновению, оно в себе самом пусто. Но такое овладение временем через быстроту и скорость и оказывается порабощением потоком времени. А это значит, что технический актуализм в своем отношении к времени разрушает вечность и делает для человека все более и более трудным отношение к вечности. Нет времени у человека для вечности. От него требуют скорейшего перехода к последующему времени. Это совсем не значит, что мы должны в прошлом видеть только вечное, которое разрушается будущим. Прошлое нисколько не больше принадлежит вечности, чем будущее, и то и другое принадлежит времени. Как и в прошлом, и в будущем, и во все времена возможен выход в вечность, в самоценное, наполненное мгновение. Время подчиняется машине скорости, но этим оно не преодолевается и не побеждается. И человек стоит перед проблемой: сохранится ли для него возможность мгновений созерцания, созерцания вечности, Бога, истины, красоты. Человек бесспорно имеет активное призвание в мире, и в актуализме есть правда. Но человек есть также существо, способное к созерцанию, и в созерцании есть элемент, определяющий его «я». В самом созерцании, т. е. в отношении человека к Богу, есть творчество. Постановка этой проблемы еще более убеждает нас в том, что все болезни современной цивилизации порождаются несоответствием между душевной организацией человека, унаследованной от других времен, и новой, технической, механической действительностью, от которой он никуда не может уйти. Человеческая душа не может выдержать той скорости, которой от нее требует современная цивилизация. Это требование имеет тенденцию превратить человека в машину» (курсив, выделение жирным — наши).

41 В смотрящих очах Сила дремлет, а в *видящих* — бодрствует. Силу дает нам на время Контакт мимовольно; маг — тот, кто сознательно Силу зовет, дабы *видеть* по слитной с ней воле своей.

Кастанедой описано претворенье смотрящих глаз в *видящи* чрез научение *видеть* окраиной глаза как центром, зрачком, отчего око все стает центром, **зрачком цельным**: из Двух — Нолем. Перемена та ж явлена Пушкиным в стихе «Пророк» (1826), где Сераф|им, ангел Божий (от корня САРАФ — Дух-Тьма, «змий», «разжигатель») духовным перстом подвигает поэта, смотрящего — *видеть*, сиречь стать **поэтом по истинной сути его — Тьме, Очам**:

Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:

Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней розы прозябанье.

В превращеньи, вершимом от глаз как начала его, Серафим обращает поэтовы очи в зрачки полны: Двойку в Одно, — ведь зеница — зрачок. Так испуг побуждает нас *видеть*, чтоб выжить: у страха — глаза велики!

Око *видяще* — цельный зрачок: *видеть* создан, глаз *виденьем* должен быть весь, — и таков глаз сей. В духе таков мудрых глаз. Это и открыл Ал. Лосев в стихах Го|мер|а, в своей «Истории античной эстетики» пишущий о невозможности понятийного разделения у него «зрачка» и «глазного яблока», писанных словом одним — glnne.

Раз *виденье* единит Свет с Тьмой в Мир, в очах ставя Одно это, ясно, что́ делают маги со зреньем для *виденья*: Свету причастных, цел|ят нас они Силой, Тьмой. Посему, говорит Кастанеда, в познании магии есть два учителя вкупе: Тональ и Наг|вал|ь — Свет и Тьма, единящие очи разъятые наши: n`aga 1) гора; 2) змей (санскр.) — Тьма, Очи-Высь.

Древние не нуждались в таком исцелении. Не делившие чувство и мысль меж собой — иль делившие до́лжно их, в розни единство любя, — мудрецы-Греки *видели*. Свои атомы Демокрит неспроста звал «ид|еями»: «иде|я», по-гречески «то, кое видно», иде|т от санскритского v|id — корня *виденья*, Тьмы, коя в сердце у нас — чувство-Ноль, а в очах — Двоица-ощущенье; и два сих — одно, Тьма. С тем, чувственные, сиречь данные в ощущеньи, явления прямо трактовались Демокритом как самая истина; и, рек он, если уж брать ощущенья отдельно, в них до́лжно зрить нам врата в Дух. Мысля так, Демокрит хвалил Анаксагора, сказавшего «Зрение есть явление невидимого» — в сущности, Духа; и формула атомистов «Тело есть выраженный вовне образ души» — с сим согласна. О *виденьи* Греков писал верно Лосев, в «Истории античной эстетики» сказав об Эмпедокле, что для него «разница между Сферосом [Миром как шаром Любви, в коем вещная многость — Одно — *Авт.*] и вещами отнюдь не есть разница «умопостигаемого» и «чувственного». Это разные виды одной и той же чувственности или, что для Эмпедокла одинаково, одной и той же умопостигаемости». Что это истинно так, Эмпедокл подтверждает словами: «мышление есть то же самое, что ощущение, или нечто похожее». Истинно, ***виденье* есть Чувство-Мысль: Сердце-Ум как единые Очи**.

В работе «*Двенадцать* тезисов об античной культуре» (12 — число Очей-Мифа, законное: культура древних суть Миф) о сем свойственном Грекам единстве у Лосева сказано, что начинается у них ««идея» с видимого, чувственного, а когда доходит до видимого в мысли, то там тоже видимость на первом плане».

42 Миф как Миру согласные Очи есть Мир и не-Мир. *Видеть* — зрить Мир *как* Миф, но и *быть* Миру Мифом, ведь Два сих — одно: ***видеть* — Жить**. Мир есть Сила, Миф — Очи, что ею полны.

Миф есть Жизнь.

Миф есть магии корень.

От Мифа идет философия.

Мифу причастно дитя.

Миф, Суть наша — ист|ор|ии нашей Ист|ок: Ра|й, дом Господа, Ра — как **дом Матери**, от коей Библия зрит Отчу тень; у Индийцев он есть Сатья-юга: век Истины (sat); в Гесиода очах — Век Златой, Sat|urn|ia re|gna Вергилия: Крон Греков — римский Сатурн. Но не веком Ума, Мужа, был век сей — он, повторим, был век Матери, Сердца: Великой Богини, украл кою в очах людских Зев|с, Отец. Гес|иод, муж Зевесовой *умной* Эллады, о Кроновом веке глаголя, сим сыном, Умом,

кажет Матерь его, Гею-Тьму: как Сат|урн, Кро|н есть Истины урн|а, таящая, кро|я-хра|н|я, Суть, Мать (так ее в чреве таит Зевс); он крон|а, чей корень Она. Хрон|ос, время, чей бóг он, и есть то, что кроет (скрывает) Пространство — и, тьма, сим лучистым не есть.

*

Что́ же был Век Златой? То был Век, когда Тьма, тайна ныне, сияла огнем Красоты, солнцем Мудрости людям. Дожди были златом тогда, воздух — горним эфиром, цари были жёны[1], реальность — Миф.

Память о сей поре хранят преданья. В «Трудах и днях» Гесиода, в О|вид|ьевых «Метаморфозах» речется о «веке довечном» как царствии, время не знавшем, где люди, живя, были юными вечно, не знали забот — ведь земля их кормила сама[2] — и печалей, как боги; смерть им — была сон. То был истинно Рай: Небеса на Земле[3].

Век Златой — Век Пространства, замкну́того в Цикл. Цикл разъятый есть время, имущее их своего конца ради (так стрелка часов, меря ходом не время — пространство, круг жаждет прейти и замкнуть)[4]. Пункт разъятия Цикла — начало исторьи, реки времен мрачной. Плывя от Истока по ней, люди, мы утеряли себя: Век Златой, нашу Суть. Но он — вечен! Он есть На(д)стоящее наше, **он Есть — посему был и будет**[5]; не он канул — мы, пав во время, уплыв от него рекой сей, скрывшей Огнь его. В мудрых очах — Огнь горит сей всегда.

Век Златой — Сердце; река истории, что от него течет вдаль — Ум, лишенный его.

Век златой в нас — душа богосущная. Грекам — страна он, достичь кою — есть перейти не пространство, а время, сиречь **умереть**. Греки звали как многость ее «островами блаженных» («полями Э|л|и|з|ия»: лиз|ать — касаться Истока, Зия|нья-Тьмы), а как единство — землею Гиперборейскою: корнем людей, лазом в Тьму, страной предков (ведь предок — корнь), где в счастьи живы они[6]. О ней сказал Пиндар: «Ни сушей, ни морем не сможешь ты найти дорогу к гиперборейцам». Связным меж мифичной землей сей и нашею был Аполлон, Солнца бог, нас связующий с Тем незакатным — Женой, Тьмой. О сей-то безместной земле (ибо мес|то ее — То), Утопии (u-topos) рек То|м|а|с Мор (и терять место в Сем — утоп|ать, как ушла Атлантида от нас, канув в мор|е: Ноль — в Ноль, Мог|s, Смерть-Жизнь).

Века Златой так описан у Бал|ь|м|он|т|а в стихе «Гимн солнцу»:

О, как, должно быть, было это утро
Единственно в величии своем,
Когда в рубинах, в неге пер|лам|утра[7],
Зажглось ты первым творческим лучом.

Над хаосом, где каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвет,
Во всем была живая полносложность,
Все было «Да», не возникало «Нет»[8].

В ликующем и пьяном океане
Тьмы тем очей глубоких[9] ты зажгло,
И не было нигде для счастья грани,
Любились все так жадно и светло.

Действительность была равна с мечтою[10],
И так же близь была светла, как даль[11].
Чтоб песни трепетали красотою,
Не надо было в них влагать печаль.

Все было многолико и едино[12],
Все нежило и чаровало взгляд,
Когда из перламутра и рубина
В то утро ты соткало свой наряд.

И много раз лик мира изменялся,
И много протекло могучих рек,
Но громко голос солнца раздавался,
И песню крови слышал человек[13].

«О, дети солнца, как они прекрасны!», —
Тот возглас перешел из уст в уста.
В те дни лобзанья были вечно страстны,
В лице красива каждая черта…

Век ушéл сей. Но, ставший над нами звездой, — в сути он звезда в нас; лик его — детство, отрочество и юность, где время безвластно как Два пред Нолем.

Тогда верни мне возраст дивный,
Когда все было впереди[14]
И вереницей беспрерывной
Теснились песни из груди[15].
В тумане мир лежал впервые,
И, чуду радуясь во всем[16],
Срывал цветы я полевые,
Повсюду росшие кругом[17].
Когда я нищ был и богат,
Жив правдой и неправде рад[18].
Верни мне дух неукрощенный[19],
Дни муки и блаженства дни,
Жар ненависти, пыл влюбленный,
Дни юности моей верни!

— рек Фауст у Гете.

---

1 Матриархальности этого Века согласна пора безраздельной Любви, по Эмпедоклу являющаяся царствием Аф|родит|ы.

2 То, что люди Златого Века не ведали земледелья, являет его женосущность: во-первых, как щедрость к ним Земли, Жены, славшей пищу им не через труд (звено, рознь), но саму по себе; во-вторых, как всецелую жизнь в Настоящем, **бес|печ|ность** (Огнь-Дух, коим есть оно, единых с ним не печ|ет), Греками отождествлявшуюся с культом женосущно-спонтанного бога Диониса и противостоящую благоразумию, или предусмотрительности, как жизни завтрашним днем, полученной людьми от слепившего их Прометея («мыслящего наперед», провидца) и исторически обусловленной их земледельем, являющим корень отличия **цивилизованного, сиречь предусмотрительного**, человека, от дикаря, живущего мигом сим без заботы о завтра. Бертран Рассел пишет о том: «Цивилизованный человек отличается от дикаря главным образом *благоразумием,* или, если применить немного более широкий термин, *предусмотрительностью.* Цивилизованный человек готов ради будущих удовольствий перенести страдания в настоящем, даже если эти удовольствия довольно отдаленны. Эта привычка становится важной с возникновением земледелия. Ни животное, ни дикарь не стали бы трудиться весной ради того, чтобы обеспечить себя пищей на следующую зиму, если не считать немногие чисто инстинктивные формы деятельности, вроде собирания меда пчелами или заготовки орехов белками. Но и в этих случаях нет предусмотрительности, имеется только прямой импульс к действию, полезность которого для будущего может быть доказана лишь человеком, наблюдателем этих действий. Истинная предусмотрительность возникает только тогда, когда человек делает что-либо не потому, что его толкает на это непосредственный импульс, а потому, что разум говорит ему, что в будущем он получит от своего труда пользу. Охота не требует предусмотрительности, потому что она доставляет удовольствие, но возделывание почвы есть труд и не может совершаться под влиянием спонтанного импульса».

3 Ра|й — от Ра — Дом Солнца, Творца. Домом сим и был Век сей, Златой как **Век Мира на нашей Земле**: злато — Мира металл.

«До падения человека тело его было бессмертно, чуждо недугов, чуждо настоящей его дебелости и тяжести, чуждо греховных и плотских ощущений, ныне ему естественных», — сказано преп. Макарием Великим (Слово 4). Бессмертие тела, отмеченное здесь, не противоречит его смертности у

Гесиода: смерти, к ним приходившей **как сон**, люди Века Златого **не знали** — с тем, были бессмертны: ведь быть для нас — быть в восприятии, «esse — percipi».

Смерть бренным нам — разрыв тела с душой. Люди Века Златого не знали ее: душа их была с телом одно. Отчего ж умирали они? Век их был **Небеса-на-Земле**, что Бессмертью сродни, кое есть **Небесами небесными** (что людям сим позволяло зрить духов и с ними общаться), — отъяты **чертой** от него. Ею-то и была смерть их, **сущая и не-сущая**; наша ж — лишь суща (и тем-то нам, людям, страшна).

О достойных жить в Веке сем рек Лао-Цзы: «В древности те, кто был способен к учености, знали мельчайшие и тончайшие [вещи]. Но другим глубина их неведома. (…) Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым. Это были те, которые своим умением сделать долговечное движение спокойным содействовали жизни. Они соблюдали Дао и *не желали многого*. Не желая многого, они ограничивались тем, что существует, и не создавали нового» (курсив наш) — т.е., по Сократу, не примысливали ничего к тому, что есть поистине как **Мир, Одно**. «Делать грязное чистым» — здесь то ж, что кривому давать прямизну; «долговечное движенье» — есть ток Намеренья, кое как трубка струил чрез себя человек.

[4] С тем, **времени — нет**: Век Златой и история **длимы пространством**; пространство как Век Златой — времени суть как истории-тьмы, века чьи **состоят из него**.

Физическим образом иллю|з|ор|ности времени служит инвариантность уравнений механики относительно его инверсии, сиречь константность их вида при обращении $t \to -t$.

[5] У Александра Дугина в «Путях Абсолюта» читаем: «в Традиции под Духовным истоком или Началом понимается не действительное прошлое, а прошлое «вневременно́е», райское, прошлое Золотого Века, которое фактически никогда не становилось частью действительного прошлого, и потому более близко к будущему, нежели к реальному прошлому». Истинно так: как Причина, он также и Цель наша, к коей грядем; цикл как двойку собой замыкая, Исток — также Два.

[6] В буквальном переводе — «землею над севером», Бореем (*Б|**ор**|ей — ветер старший над Эвром, Зефиром и Нотом, бор|ящий их Силой своею (Бо|рей — «рей»: сильнейшее — реет свободно над всеми); с тем, Се|вер, пункт Вер|ы, вхождения в То — есть Се|го́ центр*), спряженной впрямую с Полярной звездой, коя — вход в тонкий мир, **Север Неба**: ведь Это и То, Земля и Небеса, спряжены **центр ко центру** (**глава к голове**), и окружности — центр ее чужд: он есть **Выход-Вход, То**: С|**enter** — **Enter**; **Сред|ина** — **Ина́**. Так Иное плоти́ — ее **серд**|це, душа: **Сердце, Центр — То не-Центру, Сему** («имманентная периферия континуальной окружности *полагает* в своем истоке нечто *иное*, нежели она сама, т.е. *дисконтинуальную точку Полюса*», — сказано Александром Дугиным). Планы (плоскости) Мира имеют единую Ось, на какую насажены Богом они, как блины, и в любой из любого дверь — центр, пункт Оси, чрез какую они спряжены.

[7] В оке *видящем* тонкая ткань сего Века, эфир, переливчата, как пер|ла|м|утр.

[8] Причина, Миф — «Да» без иного: Одно, а не Двоица, коею есть наше «да», с «нет» единое в бренных очах.

[9] Сиречь черных вселенскою Глубию, Тьмой, — ибо ею черны очи *видящих*.

[10] Ибо в Мифе, Едином, каков есть Златой Век, — феномен и нумен одно: Нумен лишь.

[11] Едины с Пространством, не ведают власти его очи *видящих*: власть его — их власть.

[12] Таков Мир, единый во многом, мифичным очам. Ими зрил и и учил ими *видеть* Го|мер.

[13] Кровь — субстрат духоносный, и песнь ее есть Духа песнь, кою *видящий видит*, и слышит — с тем (уши монады, которой есть *видящий* как Дух, взыгравший в плоти́**,** — очи те ж: ***видеть* — быть Тьмой, Очами вполне**).

[14] Поистине, все впереди у Начала.

[15] Песнь е́сть глас Гармонии Сфер, коя — **Му**|зыка (рек Пифагор), Тьма; Тьма ж — **М**иф, Век Златой.

[16] Ибо Миф, Век Златой — Чу́до есть.

[17] Очи *видящих* любят цветы, ведь цветы они сами; Златой Век как *виденья* Век — Век Цветов, коих Роза царица: Тьма, Вульва-Роса, росы коей есть мы (Ро|зен|к|рей|цер|ов Мудрость — Она).

[18] Пред Одним, коим есть Век Златой и все сущие в нем, — Два бесправны (п. 8).

[19] Невидящих дух — укрощен плотью их: бреньем — Вечность.

*

Как Суть наша, Миф — в нас: он есть детство людей и любовь, он есть их вдохновение. Жизнь, он есть все, чем мы есть и чем живы — со знаньем сего иль без знанья; и ведать его — *видеть* нам, а не ведать — смотреть, зря облатки — не суть, кою *видящий видит*. Причина, Миф — Тьма; посему его очи черны и есть цельный зрачок, не имущий вращаться нужды, Пустота-Полнота **(***таковы очи мага; меж них — глаза Воланда: правый — как явь, левый — тайно (без|умный, есть он око Сердца, Тьмы-Зелени). Таковы ж очи Гостей наших, явь чья — Контакт***)**. Очи *видящих*, райские, и очи сущих в аду — в Тьме едины: черны те и эти; и первые зрят Тьму как Ноль, суть Единство-Любовь, чьи и есть они очи; вторые — как Два, Рознь-Вражду, коей очи они (об очах адских сутей см. Приложение).

*

Миф — Суть наша. Суть — Глубь: Бог и Мир. Посему и Предмет сей двойной, и Его ради Сущие Очи — Внутри у нас, внешних, объемля нас лонно. Так Истина, Глубь, ложь объемлет собой как облатку свою: са|ти|ям по-санскритски есть «истина», и слог «ти» в ее слове — лжи слог, побежденный в объятии истиной, коею есть первый слог и последний: Альфа и Омега, Жизнь и Смерть.

«Ослепительная истина кажется пустыми словами там, где ее навязывают» (Анатоль Франс), — как внешнее, ложь. Слитным с Миром — стороннего нет: Мир внутри у них, как сущ он в Боге, Мир с Коим един как творенье с Творцом. С тем, Бердяев зовет «объективную истину», эту икону безбожников, «смертью существования», коя есть «выброс вовне» — вон от Жизни-Любви, коя — Глубь; слово произнесенное (объективированное) — есть ложь: истина, коя застыла, истор|гшись во «внешнюю тьму», коей в Библии есть мир объектный в пределе своем: чистый ад (посему поминать имя Господа всуе — гре|х. «Знать истину следует всегда, изрекать — иногда», — сказал о том Халиль-Джебран Джебран: ибо в сем *умном* мире речь до́лжно нам: Ум есть Язык). Так истор|ия — Миф мертвый (зря из нее; зря из Мифа — она Миф, Жизнь: в Жизни очах — смерти нет). Ложен взгляд Карла Маркса (Мар|к|с — Марс, или Арес, бог злобной, бесчестной войны — в рознь Афине, богине войны справедливой, святой, — Суд без Милости Божьей; Кар|л — перст Тьмы-Кар|аны, чья кар|а тьма-Зло), кто сказал: «Истина *всеобща*, она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем, *она владеет мною*, а не я ею» (курсив наш): ведь общее — внешнее, кое мертво; мера, общая разным, как то, кое им не дает *быть собой*, *о|держа их* — держа дланью внешней — есть Дьявола общая мера как ложе Прокрустово, мерка-нож. Общей всем Истина есть чрез свою уникальность в любом, т.е. **о́бща она в неподобьи своем**. Эпикур, рекший: «Лучшее принадлежит всем» — сие мыслил. Кам|ю сказал: «Пал|ант верно говорит, что, если существует единая и всеобщая истина, отпадает нужда в свободе». Рек Гоголь: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними: иначе они вдруг обратятся в *общие места*, а общим местам уже не верят» (курсив наш). «Общие места — это инвалиды истины» (А|д|ри|ан Де|кур|сель). «Я забочусь об истине не ради истины, а ради себя» (Сэмюэл Батлер), — сиречь ради истины как первого, а не второго: внутреннего, а не внешнего. «Преобразовать внешний мир, общие отношения означает усилить самого себя, развить самого себя» (Ан|то|н|и|о Г|ра|м|ши). Пора Возрожденья (в истории, Двойке согласно ее, и представша Двумя — Ренессансом и Реформацией), коею был человек вознесен сатанински как Бог, — отняла у нас Бога-Себя. То являет столпов ее двойка, Петр|ар|ка (от греч. petros — камень, опора; таков кат|оличеству Петр) и Д|а|нт, тема каких основная — спуск в ад как от Глуби отказ (что являет название автобиографической, *личной по сущности*, книги Петрарки «Моя тайна, или Книга бесед *о презрении к миру*»: Мир — Глубь; осмеяние Бога как Глуби глубе́й зримо ясно в названьи «Божественная ко|м|ед|ия» Данта: «ком» — сцепка кусков внешней силою, общее-Ум — в рознь трагедии, Сердцу; главнейшее дело главнейшего из комедиографов, Арис|тофана есть, с тем, **осмеянье Сократа**: как Сердца — Умом пустым). Пуританизм как движенье, под знаменем чьим победила Английская революция, рукою Кром|вел|я **(**ад, тьма кром|ешная — кром|ка: край, Дно; «вел» — Князь, Бэл-Вел|ь|зе|в|ул**)** кро|вь пролившая, главу отсекши царю как

наместнику Бога (главы Суть — Бог-Мир), — к очищению церкви от таинств зовя, очищала от Глуби ее: Глубь есть Т|айн|а, Одно (посему «Каль|вин» в сути — «повинный во тьме»). Просвещенье, чей огнь был зажжен революцией сей — бал облатки, победа ее в очах бренных над Истиной, Сутию: ведь «просвещать» — протыкать, *уловлять на наружный крючок* как на|жив|ку людей; «просветленье» же — полнимость *внутренним Светом, Огнем Изнутри:* вечной Истиной, сущей внутри у людей как Одно. Просветить — есть пронзить нас крючком Сатаны, Дух *испущенный*, Божий Единого Дух, подменив духом общего дьявольским. Шаг на стезе Воспитания, сделанный Ген|рих|ом Пе|с|та|л|оц|ци, велик и есть тем, что природу, Руссо мниму дьявольски Двойкою внешней, познал он как Двойку Внутри нас, **природу субъекта**, каким воспитуемый есть. Разуменье Природы как Матери нашей святой, для Руссо, пастырски наставлявшего на возврат к ней как чистому лону, являлось всеполно наружным; *увидев* сие, Песталоцци призвал сменить ход сей движением Вглубь — в Человека как Личность к явленью Творца в ней. Порыв этот сгинул в раскатах Вольтера, Дидро, Лессинга и Руссо, певших хвалу облатке. Облаткою сей, Сатаною, была для Руссо вера в Господа без откровенья и культа — дверей в Небеса: вера в чистое Это, ничто.

«Не все одинаково пригодно для всех», — рек Про|пер|ций (Руссо ж мнил природу пригодною всем *вообще*). «Гораздо легче узнать человека вообще, чем какого-либо человека в частности» (Ларошфуко), — т.е. человек как второе, как общая (объективная) истина, сущая вовне, менее человека как Первого, Глуби. «Человек должен любоваться самим собой: лишь понравившись самому себе, сумеет он понравиться и другим», — рек Эразм Роттердамский, зря здесь *любование Глубию, Богом*, тогда как восторг оболочкой своею, вторым, а не Первым сим — есть нарциссизм, сатанинство. Власть внешнего есть о|держимость, объятость Диаволом, князем облаточным, держимость внешней рукой. Божья длань — не одéржит извне: она есть *Наша* длань, коей Бог, *как Мы Сами*, из недр держит нас (не|дра — Глубь как не-дра|нь, не-покров). Быть держимым собой — в Боге быть; посему государь — «само|держец». «Тот, кто любит Бога, не может более любить человека, он потерял понимание человеческого; но и наоборот: если кто любит человека, поистине от всего сердца любит, тот не может более любить Бога», — сказал атеист Фейербах. «Чем больше человек вкладывает в Бога, тем меньше остается в нем самом», — сказал Маркс с ним. Не знали они: Бог есть Мы. Ме|р|еж|ковский сказал: «Отрекаясь от Бога, от абсолютной Божественной личности, человек неминуемо отрекается от своей собственной человеческой личности»: от Творца — в пользу Дьявола, изверг|а, ибо вовне изверг|ается. Сделать сей выбор — есть нам, повторим, злобно общее водрузить над Единым. Так Дарвин от малости, коею есть обезьяна, п|ор|трет скудный наш, произвел Человека в величьи его; Энгельс, дальше пойдя, взял началом часть части сей — руку от сей обезьяны, развитие коей людей создало, мнил он, часть-Сатану Богом-Целым мня, общее — над Единым. Ведь сказано им: «Где нет *общности* интересов, там не может быть *единства* целей, не говоря уже о единстве действий» (курсив наш). Так умствье его поощрило чрез время фашизм: «фашио» (ит.) — пучок, связка как то, что, в себе не единое, стянуто внешней веревкой: умы — Сатаною, Умом, чей был Гит|лер посол и певец (гит|а (санскр.) — песнь), сей Аре|с ари|йцев, хит Зла как хит|она Добра.

Глубь есть Су́ть наша, кою утратить — Себя утерять. «То, что есть в человеке, бессомненно, важнее того, что есть у человека», — сказал Артур Шопенгауэр. «Ничего нет внутри у людей, вечно выставляющих все наружу» (Бальзак): Глубь — Сокровище, сиречь Сокрытое в нас (бог сокровищ — Плутон, Глуби бог), и вы|каз|ывать, сиречь наружу его выставлять — есть каз|нить его, выставив Жизнь на мор|оз, Огнь водой залить. «Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то и носят в себе» (Коз|ь|ма Прутков), — сиречь есть они люди без Глуби. «Форма и содержание наших мыслей, идей, чувств и стремлений бывают индуцированы в наш мозг извне, причем это случается так часто, что мы склонны считать подобные псевдоакты правилом, а собственные мысли индивида — уже скорее исключением»

(Эрих Фромм). «Только сердце делает человеком — все остальное вздор», — рек Пет|р|он|ий: **Глубь есть Творец наш**. Аристотель взорвал нашу Глубь, подменивши Единое — общим, кусками его: Бога — чистым Умом; лес — древа́ми поврозь; личность — особью. Взрыв *Глуби* — не взрыв *сосуда ее*, а занятье ее, как облатки, Диаволом вместо Творца как *обломками Бога*, что кажутся Им: ибо занято *место Его*. Богом, Сердцем как Тем, Аристотель нарек Ум как Это, оставив без Бога нас, с тем — и без Мира: ведь Мир с Ним един. Глубь — Бог-Ми́р есть. Но Мир (to pan — всё) и Творца как Одно двуединое муж подменил сей Одним не-единым, Умом, что в себе — мысль о Них. Посему диалектика, коей Опора сих Два — *моналектикой* стала: Шаг — точкой стоянья, пустою как **тщетность Идти**. Нас лишив тем Пути и Опоры — лишился их сам он, *опе́ршися на пустоту* в своих книгах как пленник Тьмы (Тьма — Пустота); чужд Творца, он *кружил вокруг сутей*, бессильный постичь их в незнании Его. Облаткой довольный, он Глубь не искал. Лосев пишет о том: «у Аристотеля не было желания вникать во внутреннюю логику пифагорейства, и он изобразил ее как собрание смешных курьезов», — как общее, рознь, в ней Единства не зря, кое было ему Пустотой, в коей, смят и пронзен horror vacui, тру́сил узрить он крах свой.

В глубочайшем «Солярисе» Лема Крис Кельвин, смотря в микроскоп на кровь Хари (Причины — в Пуранах), зрит ту ж Пустоту как фундамент ее. Парадокс видит он — но его не бежит. *Потрясенный, но смелый*, зрит то́ он, что *жаждал* увидеть, *готов ко всему*, — и в награду являет ему Пустота Суть свою: Полноту, Любовь-Глубь. Стагирит — не таков: Парадокс он узрить не желал. *Он бежал от Черты*, Пустоту чуя в ней, ибо *пуст был сам*. С тем, храм своих десяти категорий, не дав объяснения им и к тому не стремясь, на Пустом он построил — **на Мире (ведь Десять число его), бывшем Пр|о|р|ех|ой ему**, — сей не тронув познаньем Фундамент; бог-общее, Дьявол — Единого-Бога милей был ему: мыслить так — есть рех|нуться. «Знание общего — мыслимо [т.е. оно нуменально, глубинно как Ум, Стагиритов Бог — *Авт.*], знание же частичное исчерпывается ощущением», — сказано им. Общее как Стагиритова бога, Диавола, почтил слуга его Ленин, сказав об учении Аристотеля: «Конечно, это — идеализм, но он *объективнее* и определеннее, *обще́е*, чем идеализм Платона, а потому в натурфилософии чаще = материализму» (курсив наш). Действительно: если Платоново общее раз|общено и есть купность идей как умов, составляющих высшее бытие, — Ум как высшее бытие Аристотеля есть Ум единый, суть Дьявол во всей своей мрачной красе. С тем, ученье Платона об умах-идеях законно определять как идеалистический плюрализм — Сатану-в-розни, силы в себе не имущего, а ученье Аристотеля — как идеалистический монизм: цельного, сильного и *опасного* в силе своей Сатану. Власть его как Ума обличает нам взгляд Аристотеля, в коем науки, отъятые (абстрагированные) от их непосредственной чувственной основы, превыше наук, с ней единых: так мнил ари|фметику выше гар|мон|ии он. Ощущенья предмет мнил муж сей пред самим ощущеньем: облатку — пред Глубью (и даже *совсем без нее*, мысля сущим предмет независимо от восприятья — Тьмы-Глуби, Очей). Цель творчества в природе, по Аристотелю, есть победа формы над материей: бытия над небытием, Космоса над Хаосом, — тогда как поистине творчество — Хаос, Тьма Божия, Космос для коей — победа **ее**, не победа **над ней**. Творчество для Аристотеля есть, с тем, созданье творения, внешнего своему созидателю, — тогда как, истинно, **творя мы Глубь созидаем свою: чрез облатку — Себя**. Человеку, как зрил Аристотель его, не до Глуби: ведь он есть *общественное* животное — корова, пасущаяся на лугу Общего, и не сама по себе, а кнутом Сатаны, господина его. Стагирит порицал Эмпедокла за то, что он Космос выводит из Сфероса — Камня Любви, над любовию и враждой сущего как Ноль (ведь Мир — Тьмы Шар, коей Любовь есть) над Двойкою, но, пишет он, и для Космоса и для любой вещи в нем допустить справедливо **двойную причинность** — в Любви и Вражде, **взятых врозь**. Но **Причина — Одно**; и от следствия ведя Причину, от розни Единство, муж этот от Дьявола — Бога вел. Знанье, по Аристотелю, — род обладанья: так в длани своей держит нас Сатана; а по истине всей — оно есть **род покорства**: так, Богу покорны, мы знаем Его.

Сатаною пленён, Аристотель явил это речью. Так, если Платон, чтя в Сократе учителя, прямо его называл (и Сократ — столп трудов его), — для Аристотеля, чуждого духа преемства, безличный люб стиль (например: «*Говорят*, что душа есть некая гармония»): опор не чтя явно, он тайной опорой имел Сатану, господина личин (маска Бога есть первой из них). Пленник Тьмы, Стагирит вместо смысла прямого чтил **смысл переносный, второй**: с Бога — на Сатану; муж метафор (метафора есть «перенос»: с Первого — на Второго), он в них уличал чуждых их (так метафорой зрил он Платонову речь про причастность идеям вещей, — хоть, Душой Мира, Тьмой, слиты, два сих — одно) как **вязальщик узлов безнадежных**, придав Александру пыл сечь их мечом: не умом — сердцем, страстью **(***«пыл» — с «пылью» един, суть чья Огнь: кто пыл|ает — пыл|ит (в украи́нском «пыль» — «пыл»); россыпь звезд в небесах есть Огонь, рас|пыл|енный пыл|анием Бога***)**. Сенека сказал о том: «Сами великие оставили нам не только открытия, но и много ненайденного. Может быть, они и нашли бы необходимое, если бы не искали лишнего. Но много времени отняли у них словесные тонкости и полные ловушек рассуждения, лишь оттачивающие *пустое остроумие*. Мы запутываем узлы, навязывая словам двойной смысл, а потом распутываем их» (курсив наш). Таков Аристотель: он был остроумцем пустым, иль **тупым — тьмой без Тьмы**: суть пустого — Тьма; ум острый — остр Сердцем, Тьмо́ю. Ум, горд собой, вяжет узлы по частям, мня, что сердце, берясь по частям их распутать, увязнет в трясине сей, мастер чей ум; сердце ж — узлы сии рубит острым мечом своим, *виденьем*, *видящим* узел как насквозь как одно: «У того, кто видит в нем [Брахмане, Уме — *Авт.*] высшее и низшее, разрубается узел [его] сердца, рассеиваются все [его] сомнения, свершаются его деяния» (Мундака-упанишада, II, 2, 9). Узел сердца, Единства, есть сгусток ума в нем как *общее, ку|ча ча|стей*: «Подобно тому, как комок соли без внутреннего, без наружного, есть лишь сгусток вкуса, точно так же и этот атман, без внутреннего, без наружного [т.е. за вычетом самого атмана как Сердца, Единства — *Авт.*], есть лишь сгусток разума» (Брихадараньяка-упанишада, IV, 5, 13). Узел тот, что разъял Александр, и был Ум: ведь Гор|дий, царь фригийский, — суть солнце-Ум: «Гор» — Солнце, «Дий» — свет дневной, Ум, кем Зевс был Элладе, известный как Дий, или Дей (day (англ.) — день, срок трудов) — «тот, кто дей|ствует», силою полним как Свет Тьмой; Го́р|дий — есть Гор|де́й с тем. Отсюда — «гордец»: ум бессердный, *пустой*, суть Дий|авол, Бэл, бел|ое солнце дня бренного. Дей, День — есть Дзен как буддийский Путь-Ум: ибо в Сердце — чрез Ум как законны врата входим *умные* мы.

43 Причастность Паскаля Тьме явлена в жизни его, в главном, вот чем:

> 1. Едва лишь младенец Блез начал ходить, он стал чахнуть без зримой причины при странных симптомах, о коих племянница его Маргарита Перье вспоминала впоследствии: «Эта слабость сопровождалась двумя совершенно необычными обстоятельствами: одно из них заключалось в том, что *он не мог переносить вида воды* без вспышек конвульсии; другое, еще более удивительное, состояло в том, что *он не мог видеть отца и мать рядом друг с другом*: он терпел их ласки по отдельности, но стоило им только приблизиться друг к другу, как он начинал кричать и биться в совершенном исступлении; все это длилось более года, в течение которого болезнь продолжала увеличиваться; он стал очень плох, и казалось, что вот-вот умрет» (курсив наш). По счастью, был найден источник недуга: колдунья, наведшая порчу на Блеза. Разъяренный отец силой заставил эту *женщину* произвести необходимые действия по изгнанью болезни, итогом чего стало выздоровленье ребенка.
>
> 2. В 1626 году, когда Паскалю не было еще и трех лет, умерла его *мать*, женщина болезненная и хрупкая.
>
> 3. В возрасте 16 лет Паскаль написал трактат о конических *сечениях*, поразивший специалистов и принесший автору всеобщее признание ученого мира. Труд сей — автономное и оригинальное произведение, что всего прежде относится к третьей лемме, по коей во всяком *шестиугольнике* («мистическом шестивершиннике», по Паскалю),

вписанном в *эллипс*, гиперболу или параболу, точки пересечения трех пар противоположных сторон лежат на одной прямой, называемой ныне прямою Паскаля. В числе основных его сочинений, помимо «Опыта о конических сечениях» (1640) и «Полного труда о конических сечениях» (1654), в контексте вопроса о Тьме важны также здесь «Новые опыты, касающиеся *пустоты*» и «Трактат о равновесии *жидкостей* и тяжести *воздуха*» (1649 — 1654). Глубокое знанье Паскалем природы числа воплотилось в создании им арифметической машины (1642).

4. Биографы Паскаля отмечают эпизод его жизни, вошедший в его биохроники под названием «случай на мосту *Нейн*» (нем. «нет») и послуживший, по мнению исследователей, главной причиной событий, произошедших с мыслителем в 1654-м и последующих годах. В середине ноября 1654 года, когда во время одной из прогулок по окрестностям Парижа Паскаль ехал вместе с друзьями в карете, запряженной четверкою или *шестеркою* лошадей, на мосту близ деревни Нейн передние лошади, сбитые с толку отсутствием перил, обрушились в реку, оборвав постромки. Лишь чудом карета устояла на краю моста. С тех пор, пишет философ и врач Жюльен Ламетри, «в обществе или за столом Паскалю всегда была необходима загородка из стульев или сосед *слева*, чтобы не видеть страшной *пропасти, в которую он боялся упасть*, хотя знал цену подобным иллюзиям». Событие на мосту Нейн глубоко повлияло на психику Паскаля. 23 ноября с ним происходит первый весьма необычный и сильный нервный припадок.

5. Именно в 1654 году тридцатилетний Паскаль пережил духовный кризис, внезапное мистическое «озарение» и религиозное *обращение*, побудившие его оставить свет и удалиться в ян|сен|итский монастырь Пор-Рояль. Характер Паскаля претерпел совершенное изменение, от вспыльчивости перейдя к смирению и покорности. Паскаль забывает о математике, почти не расстается с Евангелием. «*Сердце* чувствует Бога, а не разум», — напишет позднее он в «Мыслях». Записи откровений потустороннего, послуживших причиною обращения, мыслитель датирует 23 ноября и *прячет*, зашив под подкладку камзола (они были обнаружены уже после смерти Паскаля, когда слуги приводили в порядок вещи покойного).

6. Не отличавшийся пиететом к кому-либо, из чтимых им Паскаль более прочих чтил *Эпиктета и Монтеня*.

7. По смерти Паскаля тело его, доставшееся врачам, было подвергнуто анатомическому обследованию. Результаты его обнаружили картину *прижизненного распада плоти* этого вовсе не старого и не подверженного мирским излишествам человека: желудок и печень найдены были увядшими, кишки гангренозными; врачи, совершавшие вскрытие, не смогли разрешить, было ли это причиною или следствием тех мучительных колик, какие испытывал Паскаль при жизни. Врачей особенно впечатлило *отсутствие на его черепе всяких швов*, кроме «стрелочного» (в чем была усмотрена возможная причина сильных головных болей, которым Паскаль был подвержен в течение всей своей жизни); мозг был необычно *велик* и, в противность иным тканям, *плотен и тверд*. Сама смерть и предшествовавшее ей ухудшение здоровья мыслителя были приписаны *двум глубоким следам*, обнаруженным на внутренней стороне черепа напротив мозговых желудочков: следам, *схожим с отпечатками на воске перстов* и наполненным свернувшейся и испорченной кровью, от коей, по мысли анатомов, и началось гангренозное воспаление мозговой оболочки (курсив везде наш).

44 Ум бессердный как то, что не знает себя и, с тем, технику — рознь с ней, где делом мы рабствуем ей, а умом ненавидим ее. Т. Ад|ор|но писал на сей счет: «То обстоятельство, что техника и общество одновременно и совпадают и будто пропастью отделены друг от друга, в конечном счете само свидетельствует об иррациональном, бесплановом и анархичном состоянии общества. В самом по себе сильном и действительно рациональном обществе [т.е.

имущем опорой *Ум Сердца как полный Ум*: истинно сильный, и истинно рациональный — постольку] техника могла бы убедиться в своей общественной сущности, а общество — в переплетении своей так называемой культуры с техническими достижениями. Концепция отвергающей технику духовной культуры сама происходит лишь от незнания обществом своей собственной сущности. Все духовное имеет технические элементы; лишь тот, кто знает дух как наблюдатель, как потребитель, может позволить обмануть себя тем, будто духовные продукты упали с неба. Поэтому нельзя останавливаться на жестком противопоставлении гуманизма [= умности как основы общественной идеологии] и техники. Оно принадлежит ложному сознанию. В разделенном обществе [ведь Ум в себе — рознь] его отдельные секторы не знают, чем они являются, и не знают, чем являются другие секторы. Сам разрыв между техникой и гуманизмом, каким бы он ни казался неизлечимым, является образчиком созданной обществом видимости» **(**«О технике и гуманизме»; пояснения в скобках — наши**)**.

45 Единство Двенадцати и Десяти, 22 есть число, в знаке коего, «кельтском кресте» ⊕ **(**он же — «крест внутри роз|ы», знак ордена Розенкрейцеров: Роз|а — Причина, Рос|á-Тьма**)**, зрим мы Единицу как Сущее-Фаллос, входящий в две Вульвы: Вверху и внизу, в Ноль и в Двойку, — как Десять-Двенадцать **(***фалличность восставленной планки креста зрима в том, что халдейская Каббала, «Книга Чисел», в ней видит Адама, а Еву — как горизонталь в кресте сем. Десяти и Двенадцати связь (где двенадцатый месяц в году, венец его — декабрь, римлян месяц десятый: Мир, Десять — Очей, Додекаэдра Пара и Суть) у Платона зрим в том меж иным, что свое «Государство» он делит на 10 частей, а «Законы», единые с ним — на 12 (как пишет Фрасил). Десяти и Двенадцати сплав, 22 — вся античная философия, объявша десять веков вполне (5 — до Р.Хр. и 5 — по Р.Хр.) и два — отчасти (VI в до Р.Хр. и VI в. по Р.Хр.)***)**. Мир и Очи в себе единя (ибо сущи они друг для друга), число 22, **в Круге Крест как Мир в Боге, Очами творящем** — Огнь Мудрых, деления верного суть: Бог, делить нам велящий к познанью Его.

22 — Суть пропорции, Двойки-меж-Двух. Так в стихиях две крайние, огнь и земля, скреплены парой средних как **Миром Мир**: огнь и земля (4 + 6) есть Декада, она же — и воздух с водой (8 + 20 = 8 + 2 = 10). Так душа, как Декада, собой единит свет и тьму — дух и плоть — и в миру есть себя позабывшая как Полноту, ставши как бы пустой, дабы в с|рок должный — вспомнить.

В делении солнечном года число это есть год как цикл — само Солнце в его полноте годовой, — рассеченный внутри двумя взаимно перпендикулярными диаметрами ⊕, дающими каждый на нем по две точки, дни двадцать вторые: равноденствия, весеннего и осеннего, и солнцестояния, летнего и зимнего. Числу сему согласны имена Аполлон и Иисус, коих суть солнце в небе; также в день летнего солнцестояния, 22 июня, родился Иоанн *Креститель*; в день зимнего, 22 декабря — Иисус, на 6 месяцев младший его; день весеннего равноденствия, 22 марта, есть день воскресения Иисуса из мертвых. День 22-й — Зодиака венец, как Вселенной — Бог. 22 года в Египте провел Пифагор, учась тайной науке Исиды, венец чей — причастье адепта 22 тайнам бытия; знавший их обладал ключом к Солнцу («Глубокая связь, — писал Эдуард Шюре, — соединяла в древности пророчества с солнечными культами, и эта связь является золотым ключом всех древних мистерий»). Число 2|2 как То-Это — Египта число, земли мертвых-живых, с тем — число его принципов главных, изложенных в 22 арканах, сгруппированных в 2 блока по 11 арканов в каждом (деленья сего явь — футбол). Мир как Крест, суть числа сего, дан Солнцем-Фебом, посредником, осенью удалявшимся в землю Гиперборейскую (То, Запредельное), а по весне возвращавшимся в Дельфы (мир сей). Число это зрим мы в 22-летнем цикле солнечной активности (чьей половиною есть знаменитый 11-летний цикл); в звездном узоре небес, сотканном из 88 созвездий (22×4). Это 22 «старших» («великих») аркана Т|ар|о, 22 буквы еврейского алфавита, столпы Каббалы, это 22 планетные обители в знаках Зодиака и 22 знака гороскопа друидов. Дорога от Афин до Эл|ев|син|а (шлях Мудрости,

лунна стезя: Элевсин — Тьмы, Луны дом), по коей свершалось священное шествие, была длиной в 22 километра, в чем Промысла знак: километр — мера *наша*, Эл|лин|ы — не знали его (с ними — и творцы стен вавилонских, таких же длиной).

Двадцать Два, Солнце Мудрых — Единство и рознь Сего с Тем как деления равного суть, серединный разрез Четверицы: 2 : 2 (ибо нет числа проще Четверки, делимого ра́вно и нет). В нем Единство царит как Закон (и в Авесте оно есть Закона число, с тем — строй Космоса и справедливость); в немудрых очах — царь в нем рознь. Посему, число Солнца, оно и Земли число, вечно и бренно: едины в Одном полюса. 22 мудрым — Сила, иным — в Силу вход: **Шанс Взойти, Пробный Камень**: познавший его воспарит в Круга Огнь, Полноту; не познавший — падет в тьму пустого Квадрата **(***22.04 родились Кант и Ленин, чьи судьбы контрастом согласны числу 22: Огнь внутри себя — тьма как иное ему***).**

Выдержать испытанье числом 22 — Взойти в Силе, свершивши **т|ран|с|цен|зус**: пронзив грань — Тьму, зримую в имени «**пара|М|пара**»: две двоицы (пары), делимые Тьмой, М. Цепь Знания, Духа как имя сие и крепима Тьмой, Силой как Клеем; Тьма — Тьмой лишь торима: **Причина, торит Тьма себя**. Грань торить — труд великий: Суть Силы — Бог; б|о|р|ясь, мы полнимся Им; **кто боролся, всегда победил; поражения — молот побед, их кующий**. **Число 22, Сила — с тем и Борьба, коей Бога стяжаем мы**; всем неборящимся оно есть ужас и смерть как лев — трусу.

Единство в числе 22 Десяти и Двенадцати ясно в пифагорейских очах, где Шар-Десять с Двенадцатью слит в одно, **Шар-Додекаэдр, число 22**. Нераздельные, Десять с Двенадцатью и ра́вны (ибо равны полюса), и есть старшее с младшим: ведь Мир, сущий ради очей — прежде них. Это зрим также вот в чем. Число 10 есть связь Эпох Атлантической, канувшей, (0) и Арийской (1), от оной идущей и длимой теперь; посему оно есть связь Атлантов с Индийцами, первыми детьми Эпохи Арийской, числом ей согласными (и мудрость Вед, в ней начальная, в корне — Атланты, Вод|а: ибо Веды — вед|ут нас и вод|ят; Санскрит, язык Вед — суть Атлантов язык, общий у Единицы с Нолем, как едины в Декаде они). Число ж Двенадцать — лик связи Индии (1) и Египта (2): спряженья **внутри-Арийского**, последственного указанному первому. В сем и видна для нас связь Десяти и Двенадцати — старшего с младшим, а также и равного с равным (ведь чи́сла, монады как Бог в сути их, в сей Монаде едины), сплоченных в одно, — ибо оба несут Единицу, чрез кою Ноль слит с Двойкой: чрез Свет — Тьма с тьмой).

22 есть число Простоты: ибо нет ничего проще Солнца, монадой горящего нам; Мудрость, Солнце, — проста. Чуя это, мирски о предельно простом утверждаем мы: «просто, как дважды два».

46 «Любви бояться — означает бояться жизни, а кто жизни боится, тот уже на три четверти мертв», — рек о том Бертран Рассел.

47 Явь части сей, в прах ввергшей целое — КПСС, **партия всей страны**: **часть как целое**, что подменила собой его (pars — часть (лат.)). В Украине, где ныне живу я, то ж в сущности имя есть «Партия регионов», сиречь **всей страны как единства частей ее**. Знаково имя ее вожака: в сути — Я|нус, о двух ликах бог: не Я-Сердце — Я-Нус, Ум как царь Сатана.

48 Всё меж нами и Богом есть Дьявол, Второй за Ним. Бренных к|у|мир-умер|твитель, зрим он в фразах многих. Так, Горький, сказав: «Любовь — это *желание* жить», — заблуждался: Любовь, Бог есть *Жи́знь* (с тем — желанье: второе за Первой сей); Маркс, зря критерием истины практику, Дьявола пленник, не ведал, что практика, стоя над Истиною как критерий, сиречь *пробный камень, ее, столп,* — труд в Дьяволе. **Истина, Бог (ибо Два сих — Одно) — столп Себя и нам *Практика первая: в Боге труд***. Мудр, Кант в ней зрил посему суть понятья «*практическая* философия».

49 Кров|ь — духоносный субстрат, грань меж Жизнью как Духом и смертью как телом в себе (в розни с Духом как Корнем своим). Как посредник, кровь — Духа по|кров (ср.: кров, кровля), живящий плоть нашу. Число кро|ви, кро|мки есть Двойка, Вражда, глава бренья, цвет коей кровав. Кр|ов|ь как Двойка — лик Ov|о, Ноля-Сути, с нею единой как с Враждой Любовь. Мужем Двойки был Кант, грань Сего с Иным: Необходимости (той же Вражды — Розни, тьмы) со Свободою; с тем, имя Кант в существе и есть кр|омка — тесь|ма, коею о|кант|ована Суть. К|ром|ка — Ром|а, греч. Сила: грань — Тьма («ром» есть имя цы|га|н, сутей Тьмы). Кр|ОМ|ка меж человеком и Богом — слог ОМ, единящий их как Христос: Синтез, Богочеловек. Кровь Гостей как Любовь (ведь Любовь — есть они) — зелена: покров Сути в ней — Су́ть есть сама: Единица — не Двоица. В Библии ад — «тьма кром|ешная»: нижняя кромка Земли, подтелесный мир черный. Крив|авий — кровавый (укр.): дух тая наш, кровь — крив|а. В Древней Греции Феб (Гор, иль Ор, Египтян) посему звался Локсий — «кривой» за кривые (двузначны) оракулы, Мудрости пробу, в пустых очах бывшие маскою (кромкою) Истины-Прямизны как чертою, делящей людей на смотрящих и *видящих*, Двойку и Ноль.

*

О Канте как Двоице, муже Черты (Гермес, Термин — чьи боги) мы скажем еще, что фамилья его «К|а|нт» — суть Ка-анти: противо-Дух: Двойка-тьма, пара Тьмы-Ноля, Сути ее. Чер|та — Тьма, Чер|но|та; Двум служа, Кан|Т — кон|ь Тьмы, слуга верный Ее.

Труды Ка́нта — Двух царство. Мы зрим это в том, что для Канта Господь — и с тем Мир, с Ним единый как Плод Его — есть «вещь-в-себе», а у древних он статуя, **вещь для очей**; в разделении нашего разума на практический, сам приносящий себе доказательство Божьего бытия, и теоретический или чистый, лишенный возможности сей, тогда как **оба — разум один**, с чего до́лжно начать; в круге том безысходном (порочном — тьме, Двойке), что Кант создал, ведши Творца и бессмертную душу из нравственности, ее ж — от этих двоих. Но морали Суть — Бог, Огнь-Единый. Зрил Кант для морали излишней религию, видя в последней **культ внешнего Бога, Второго, каким есть Диявол**, — но религиозность идет изнутри, совпадая с моралью как Господом, Первым на веки веков. Рек Бердяев: «Непреодолимые противоречия связаны с понятием Бога, с идеей Бога, образованной путем объективации». Кант страдал ею как «выброшенностью существования вовне» (Бердяев), противною истинному развитию — **внутреннему Восхождению: трансцензусу из себя — к Себе**; с тем, по Бердяеву, «Кант закрыл путь познания подлинного мира существования, отличного от мира явлений, в его философии почти совершенно отсутствует категория духа».

О Двойка! То — Кантова сухость в речах о цветущем творении: скальпель ума он поставил над лейкой садовника — Сердцем, Водой. Посему и зовет его Вл. Соловьев «сугубо головным философом» — умственным (ведь в голове нашей — у́м один), и по Бердяеву, «его [Канта] ошибка была в самом допущении существования чистого разума и чистой мысли. Чистой мысли не существует, мысль насыщена волениями, эмоциями и страстями», — как Сутию, сердцем. Сама жизнь его (коей, прожитой в граде единственном, свойствен был имманентизм, печать Двух) знала мало их; вся она есть дефицит Красоты. Соловьев в труде «Кант» пишет: «Эстетическое развитие Канта было значительно ниже умственного и нравственного. Он понимал отвлеченно значение красоты, но *живого интереса эта область в нем не возбуждала*. Из искусств он всего более находил вкус в кулинарном, составлявшем любимый предмет его разговоров с женщинами; в поэзии он уважал только дидактику; *музыку не мог терпеть, как навязчивое искусство; к пластическим художествам был совершенно равнодушен*. Эта скудость эстетической стихии вполне понятна у нашего философа. *Его призвание было — провести всюду глубочайшее разделение между идеальной формой и реальным содержанием бытия, а их нераздельное единство есть сущность красоты и искусства*» (курсив наш). Красоту как Огонь Кант почтил знаменательной для его жизни магистерской диссертацией «Об

огне»: ведь **Огня он желал, но боялся**, виной чему робость — довленье над сердцем ума. С тем, Свободу он взял темой тем, и нередкое слово в трудах у него его есть «попытка»: **Свобода — Шанс нам**.

Кант грядущий зрим в ранней работе его «Всеобщая естественная история и теория неба, или попытка истолковать строение и *механическое происхождение* всего мироздания, исходя из принципов Ньютона» (год выхода — 1755-й): Бог-Творец здесь в конфликте с всеобщим рассеяньем первоначального вещества; не сумев помирить их Огнем, коим был обделен, Кант позднéй два сих царства, Единства и Розни, объявит мирами Свободы и Необходимости, спряженными **непроходимой чертой, Рознью чистой**, что жаждал пронзить он. Но Двойка владела им! С тем-то, исследуя в своей габилитационной диссертации «Новое освещение первых принципов метафизического познания» **(***вот разделенье на «первые» и «не-первые»: Двоица, зримая у Аристотеля с его «первою философией», метафизикой;* ***первое ж мудрому — всё: в сути — Глубь, Бог-Тьма*****)** Лейбницев принцип достаточного основания, Кант разделил основание бытия предмета и основанье его познанья, — тогда как они есть одно: **всё, что есть — есть Познания ради: Мир — ради очей как Предмет их**; **быть — в сути быть Всем, Миром нам: ибо мы — миросущны**. По Канту, бытие предмета не входит в содержание понятия о предмете: мысль — сверх бытия, Зло — Добра (ведь власть ложная — зло), Очи — Мира важней. Вот откуда его «человек по природе зол» (хотя наша природа — двойная: свет-тьма, благо-зло, рек Платон, — половину одну Кант отъял, Стагириту вслед худшую взяв) — пессимизм, зримый в полуотрицающем утверждении, что грядущее гармоничное устроение человечества, в кое Кант верил, будет достигнуто им «когда-нибудь, не очень скоро»; поистине, в этих унылых словах о готовимом нам общем счастьи слышны канонады грядущих войн. Их чуя, был честен Кант, и печалью его было **время**. Поистине, **Канта число было 24** как дважды Двенадцать, суть *виденье* истинное и ложное, примысленное к нему как время к пространству: история — к Веку Златому (число это — 24 студента, в день пóхорон несшие гроб с телом Канта). Вот корень отличия кантовского пасмурного мироощущенья, где солнце сияет меж туч, от лучистого *виденья* древних: по Канту, человек принадлежит **двум мирам** (необходимости и свободы — феноменальному и нуменальному). Это — бесспорно **(***и сказано у Бердяева: «Человек есть существо страдательное, потому что он — существо двойственное, живущее в феноменальном и нуменальном мире»***)**, как верно и то, что единые с Долгом-Моралью — мы два обращаем в одно, и нужда — нам свобода. Но, всячески отмежевываясь от второго и преходящего, Кант утверждает невольно его, признает, с ним как **силой** борясь, и **Одно — Двá тогда**, что Единого выше как Зло сверх Добра. Чтя Одно над Двумя, ведал Грек, равно зря Зло и Благо, причастность одну лишь: единому Миру. Причастен ему, был причастен он *виденью*, в чьих очах Мир, Божий Огнь, сущ всегда.

О раздельности миров у Канта как властвии Двоицы-Розни Бердяевым сказано: «Кант учил о причинности через свободу. Но у него остается непонятным, каким образом интеллигибельная причина, т. е. нуменальная свобода, может вторгаться в причинный ряд явлений. Он мыслил два мира как бы совсем разорванными и замкнутыми в себе».

Смысл всей философии Канта — борьба Одного с Двумя, с Дьяволом Господа, шедша в душе его. С тем, *человечен* сей муж: борьба эта — жизнь наша, душа есть арена ее. Канта строгий предтеча — Сократ, предмет чей — человек с Глубью в нем.

50 Флагом сей псевдо-жизни, облатки без Сути, есть западный CI|NE|MA: Дух, CI, сокрытый, NE|MA, царство масок тупых (si|ne — без (лат.), явь-нуль). Здесь страдалец в крови и вопит, веселящийся ржет идиотски, любовь — секс сплошной, спецэффекты с их блеск|ом — колпак блек|лых душ, тьмы (black — англ.) как от Матери, Огня, дыры. Дама здесь, встав от сна, уж при пудре, как кукла; и в гóре она явит вам блеск отменных зубов. Но Жизнь выше прикрас, и замечено древними: «Нехорошо пахнет тот, кто всегда хорошо пахнет». Труд — пот, sv`eda

(санскр.): еда-Св|а, Пища горня; пот — top (англ.), вершина: Длань-Мать, Тр|Уд. Жизнь — Суть без прикрас, к коей слеп мир муля|жный, забывший Корнь (мула — санскр.) свой.

Тщета всех попыток искусства сего Воспарить — Ввысь и Вглубь, кои в Боге одно — зрима в том, что особой, настырно смакуемой темою есть в нем Контакт, явь чья, лица Гостей — зоопарк жабьих рож, под какими зрим тот же пустой обыватель; с сим — сцены разъятья плотú в бойнях жутких: знак тщетной попытки постичь **Глубь, Себя**, коей нету в разметанных в клочья кишках, ведь Глубь — Бог. Глуби муж, ведал то Лем, о коем читаем мы:

В 1973 году Лем был награждён почётным членством в американской организации писателей-фантастов SFWA (учредитель премии «Небьюла»), из которой был исключён в 1976 году за критику американской научно-фантастической литературы, которую он называл китчем, обвинял в плохой продуманности, бедном стиле письма и чрезмерной заинтересованности в прибыли в ущерб новым идеям и литературным формам. Позднее SFWA предложила ему обычное членство, которое было им отклонено.

Не ту|сов|кой пустой — Глубью жил Лем; ход в Глубь — одинок. Рек о том Пифагор: «Не будь членом ученого общества: самые мудрые, когда они составляют общество, делаются простолюдинами».

51 Число в сути есть Ноль, Не-Число, в оболочке пустой без него Единицы — как Сердце в объятьи Умом; Единицею этой, **благой ибо полной**, ее множа рядно творим числ ряд. Цифра, пустышка — облатка Числа, Единица-в-себе: Ум бессердный. Единство Ноля с Единицей, где они равны как облатки и сути друг друга, есть Мир, Число числ.

52 О мышлении пра(над)-логическом, древнем, согласном Закону сему, как **мышлении сердцем** — в труде своем «Первобытное мышление» Л. Леви-Брюль пишет: «для первобытного мышления противоположность между единицей и множеством, между тождественным и другим и т.д. не диктует обязательного отрицания одного из указанных терминов при утверждении противоположного, и наоборот. Эта противоположность имеет для первобытного сознания лишь второстепенный интерес. Часто она скрадывается перед мистической общностью бытия тех существ, которые нельзя отождествлять, не впадая в нелепость. Так, например, «трумаи (племя северной Бразилии) говорят, что они — водяные животные. Бороро (соседнее племя) хвастают, что они — красные арара (попугаи)». Это вовсе не значит, что только после смерти они превращаются в арара или что арара являются превращенными в бороро и поэтому достойны соответствующего обращения. Нет, дело обстоит совершенно иначе. «Б|ор|ор|о, — говорит фон-ден-Штейнен, который никак не хотел поверить этой нелепице, но который должен был уступить перед их настойчивыми утверждениями, — бороро совершенно спокойно говорят, что они уже сейчас являются настоящими арара, как если бы гусеница заявила, что она бабочка». Фон-ден-Штейнен считает непостижимым, как они могут считать себя одновременно человеческими существами и птицами с красным оперением. Однако для мышления, подчиненного «закону партиципации», в этом нет никакой трудности. Все общества и союзы тотемического характера обладают коллективными представлениями подобного рода, предполагающими подобное тождество между членами тотемической группы и их тотемом». И далее там же: «мышление первобытных людей может быть названо пралогическим с таким же правом, как и мистическим [мыслящим Это Тем, Сердцем — *Авт.*]. Это, скорее, два аспекта одного и того же основного свойства, чем две самостоятельные черты. Первобытное мышление, если рассматривать его с точки зрения содержания представлений, должно быть названо мистическим, оно должно быть названо пралогическим, если рассматривать его с точки зрения ассоциаций. Под термином «пралогический» отнюдь не следует разуметь, что первобытное мышление представляет собой какую-то стадию, предшествующую во времени появлению логического мышления. Существовали ли когда-нибудь такие группы человеческих или дочеловеческих существ, коллективные представления которых не подчинялись еще логическим законам? Мы этого не

знаем: это, во всяком случае, весьма мало вероятно. То мышление обществ низшего типа, которое я называю пралогическим за отсутствием лучшего названия, это мышление, по крайней мере, вовсе не имеет такого характера. Оно не антилогично, оно также и не алогично. Называя его пралогическим, я только хочу сказать, что оно не стремится, прежде всего, подобно нашему мышлению избегать противоречия. Оно отнюдь не имеет склонности без всякого основания впадать в противоречия (это сделало бы его совершенно нелепым для нас), однако оно и не думает о том, чтобы избегать противоречий. Чаще всего оно относится к ним с безразличием. Этим и объясняется то обстоятельство, что нам так трудно проследить ход этого мышления».

53 Врач — суть острое дел|о дел|енья, опасное тем, что предмет его есть Человек: божья цельность, дух-плоть. Как делить ее — ведает Бог. Посему в духе врач — Бог, целящий деленьем; профессией, плотью, одной — Сатана, злой топор мясника. Так, деля, Стагирит в розни с Мерою — Богом, какого не ведал он — впал в Сатану.

Сатану явил врач Ги|йо|тен, вверив мертвой машине сакральную роль палача, — казнь людей, **дело рук**, сравняв с рубкой капусты. Врач сей неспроста революции ум мрачный Второй, Французской: Два — Розни число. Автор первой, Английской, кро|вавый муж Кром|вель, *мясник по занятью*, главу отрубил *не тому* — королю как наместнику Бога; второй революции муж, Гийотен стал казнить человеков *не тем*, главорезку введя.

Г|иль|от|ин|а — машин мирских корнь, отрешающих нас от главы, с ней — мыш|ленья. Сакральная суть ее — **у|гол косой**, ру|на U|ru|z , Мо|щ|ь, с|к|реп|а **Кос**|мос|а: Жизни изнанка есть смерть. Все делящее, как острие, делит наискось. С тем, при атаке строй лучший — кл|ин. Зная сие, Александр, в битве при Хер|онее командуя *левым* крылом войск — *крылом Тьмы, Причины*, — построив пехоту углом, срубил ею врага, как мечом.

54 О двух путях сих к Единому: древнем и новом; прямом как Единство и кр|уж|ном как Рознь, меч кр|ивой,— Юнг писал: «Противоположности всегда удерживались [Востоком] в равновесии — вот признак высокой культуры, в то время как односторонность хотя и дает силу для динамики, но зато свидетельствует о варварстве. Запад любит ясность и однозначность, из-за чего одни стоят горой за утверждение «бог есть», а другие столь же ревностно — за отрицание «бога нет»». Оба пути монадичны: стезя — одно, — но монадичность Востока суть Целое, Жизнь-Мир с союзом Платона «и», Запада ж — смерть, половина, союз коей «или», завет Аристотеля нам.

55 Сказано у Бальзака: «Любовь для высоконравственной натуры — то же, что Солнце для Земли». С тем, способ вернейший узнать человека — взглянуть на любовь его: узнать, сколь схож он с сим Солнцем, **сколь он Бог-Мир, Глубь-Чистота**. «Любовь сто́ит ровно столько, сколько стоит человек, который ее испытывает. Все чисто у чистых людей», — сказал Ромен Роллан.

О любви Маркс писал: «Если ты любишь, не вызывая взаимности, т.е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя Человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье». В словах сих зрим мы жестокого корыстолюбца, нарцисса, любящего не предмет свой — себя в нем. Так в Марксе сквозит Сатана — князь его; быв в любви им, был им и в ином Арес-Мар|к|с: ведь Любовь — Суть всего.

Так ли до́лжно любить нам? Вот мудрых ответ. «Смотрите на то, любите ли вы других, а не на то — любят ли вас другие» (Николай Гоголь). «Не говори о любви, потраченной напрасно! Любовь никогда не пропадает зря; если даже она не сделала богаче сердце другого человека, то ее во́ды, возвращаясь обратно к своему истоку, наполнят его свежестью и прохладой» (Генри Уодсуорт Лонгфелло). «Не быть любимым — это всего лишь неудача, не любить — вот несчастье» (Аль|бер Ка|м|ю). «Любовь того, кто желает быть любимым, является по сути попыткой захватить другого в ловушку себя самого» (Жак Ла|к|ан). «Требование человека, чтобы его полюбили, — есть величайшее из всех самомнений» (Фридрих Ницше).

*

Солнце наших очей, внешний Огнь — покров Солнца-Творца, Его кажущий как Тайну явь. Спутать их — Богом счéсть Сатану.

Благородный Коперник, взяв солнце очей бренных центром, не спутал их. В век власти Розни в очах людских — лишь взяв второе, стороннее солнце за центр, можно было **спасти Центр-Дух**. Промыслом Божьим, Центр сей был сокрыт Птолемеем из Александрии, столицы, корнь чей Александр, меча муж, ученик Стагирита, восставивший **Двойку как град**. Дух изъяв, Птолемей центром взял **бездуховную, мертвую Землю** — сосуд без Огня как престол Сатаны. Верный Фебу, **Коперник вернул Миру Жизнь, Огнь**. Ее возлюбив в многих солнцах, за ту же борьбу с мертвым Центром Дж|ор|да|но отдал жизнь свою.

*

«Если держаться тех делений неба, которые мы находим в эзотерических отрывках Пифагорейцев, то окажется, что их астрономия схожа с птоломеевской, по которой земля неподвижна, а солнце с планетами и со всем небом вращаются вокруг нее. // Но самый принцип этой астрономии указывает нам, что она чисто символическая. В центре вселенной Пифагор ставит огонь (относительно которого солнце — лишь отражение). В эзотеризме же всего Востока Огонь есть символ Духа, божественного, вселенского Сознания. // Таким образом, то, что наши философы обыкновенно принимают за физику Пифагора и Платона, не что иное как образное описание их тайной философии, ясной для посвященных, но непроницаемой для непосвященных, тем более, что ее выдавали за простую физику. Следовательно, в ней мы должны искать нечто вроде космографии жизни души, не более того», — читаем у Эдуарда Шюре.

Поместив Землю в центр, Птолемей, Пифагору вослед, утверждал тем неявно (ведь следовал формою — сути очами не зря, в коих, Мифа лишенных, Одно стало Двойкой) идею центральности человека как сущего в мире земном созерцателя. В сути сей зритель — Дух, Центр наш. Столпом взяв сей Огнь, в Мире сущий центрально (надмирно: Сего Центр — Иное), зрим Мир **из себя** мы, как зрил Пифагор. Дух, Центр сфер — здесь **дух наш** (с тем, любой в Мире зрящий есть центр абсолютный его); земля, Духа очаг — наша плоть, с ним согласная волею Бога; круг лунный (Сансара Индийцев) есть бренное в нас; путь до крайней из сфер — стезя нашего роста, в каком преуспев, есть мы Мир.

Пифагора Земля (земнородный, часть чья человек) — Мира центр как **очаг** (hestia), где горит Огнь, Центр-в-центре; вне службы ему как владыке Земля не выходит из ряда планет. Мысля так, знаем мы, отчего, в рознь сему, в центре нашей планетной системы зрим мы Солнце. То — ложь очей: Дух не зря как Землú Центр, они разделяют Огонь и очаг, зря Огонь отрешенно: звездой, телом свет|а, со с|вит|ой планет, где очаг, зримо пуст, идет третьим согласно деленью смотренья 1 : 3. Не так в очах верных: в них, рáвно делящих — 2 : 2 = 1 : 1, — два тела совместны как дóлжно: Одно во другом, — ибо Мир концентричен. С тем, дабы Узреть, дóлжно нам обресть очи, зрил коими грек (и как грек — Пифагор), что, молившийся солнцу, в светиле небес чтил Огнь **свой**.

Чтó ж есть солнце, что зрим мы, ущербные? То — центр второй, указующий Первый, в нас сущий, а с тем — и в Земле, персть чья мы **(***посему грек гордился своей автохтонностью; первый Афин царь Кекрóпс половинно змеей был, недр тварью (как с ним — Эрихтоний, Кранай, цари града сего ж): ведь Афина — змея***)**. Солнце в нас, Дух, есть **Солнце само по себе**; огнь сторонний есть **солнце при нас: тьма при Тьме как Огня сего тень, Ум при Сердце своем. Дух не зрящему свой — тьма огнь внешний, *ничем не горя***.

У Бердяева сказано: «Солнце экзистенциально находится не в центре космоса, а в центре человеческой личности, и оно экстериоризировано лишь в падшем состоянии человека». «Солнце вне меня, — рек также он, — означает мою падшесть, оно должно было бы быть во мне

и из меня излучаться». Падшесть сия отвечает феноменальному миру, чье Солнце, второе для нас — центр иной, чем наш центр (и с тем центров — два: дольний и горний); Солнце же внутреннее — нуменальное, первое Солнце: Центр Мира и наш, отблеск чей — огнь второй, светоч внешних очей. «Ведь надо полагать, что мы видим не Солнце в себе, но Солнце для нас», — рек Олимпиодор. Пифагору вслед зрил Эмпедокл в солнце внешних небес — блеск Земли, изнутри освещенной Днем-Духом, горящим как в огне Огонь. Отраженье сие, огнь очей бренных, есть Сатана, Второй; тайное Солнце центральное — Бог, Первый как Солнце Мира, Всего. Бэл (Ваал), Сатана вавилонский, и был посему солнцем, зримым нам, бел|ым светилом Сего.

Божий лик мудрецу, в злых очах — лик пустóй Солнце. Сказано у Мальбранша: «Солнце есть общая причина бесконечного множества благ, которые нам оказывает Бог, так как посредством его теплоты Бог сообщает плодородие земле и всем животным, а посредством его света он приводит нас в состояние, когда мы оказываемся способными пользоваться тысячью различных способов окружающими нас предметами. Но оно в самом себе не имеет никакой силы. Это лишь материя, обладающая силой только через оживляющее ее движение, и один Бог есть истинная причина этого движения». Блаватская пишет об этом, что «видимое Солнце есть только центральная Звезда, но не центральное духовное Солнце» **(***согласья обоих светил очам плóти и духа знак ясный — согласье физически зримого образа Солнечной системы (Солнце как центр-огнь + 9 планетных тел) духосущной пифагорейской картине гармонии сфер (Дух, центральный Огонь (сингулярная сфера) + 9 объемлющих сфер (8 сфер + Земля как сферический Духа очаг): то и то — Десять, Мир***)**.

«Ищущим центр говорю, что Бог является центром земли, звезд, всех сфер и всего того, что есть в мире», — писал Николай Кузанский. То — так: Бог есть Центр всего **в** Мире, ведь Он — **Мира Центр**. Сам не знав, Птолемей погасил это Пламя; центр, данный им нам, был не Сутью — дырой от нее. Сей Диавола трон взяло папство оплотом себе.

Коперник и Бруно отвергли его — как спасавшие Огнь, Птолемеем задутый: Коперник — его спрятав в солнце, наружном очам нашим, Бруно ж — в живимой Огнем тьме миров и солнц их. Так-то лишь и могли они Огнь сей сберечь, возвратить его в Землю не могшие в мире, что пал с древних пор, и Одно — стало Два, темень-рознь.

Возрождением был вознесен человек, — но не как Единица, каков был в античности он — как Два-тьма, Возрождения суть: плоть, поправшая Дух. Вот откуда эпохи сей распри: корнь их — нарциссизм, антипод героизма; рационализм, плод ее — эгоизма плод, почва безбожью грядущему. Эразм великий, зря мрак сей эпохи, был враг Реформации и ее спутников — схоластической философии и лжеученых. Бертран Рассел, отмечая насильнический характер итальянского Возрожденья (реакцией на какой, пишет он, рáвно стали и Реформация, и Контрреформация: Двойка — на Двойку), являет тем прямо творца и владыку его, Сатану как на|силь|ника — внешнюю нам, чужду силу; Бог — Сила-Внутри, Сила-Я.

Сей эпохи — Коперник сын. Дитя ее же — и Бруно, град коего Нол|а — суть Ноль, Тьма как Суть и Стезя его. Но душам чистым — не время, а Вечность мать. Дети Ее оба!

Глуп, кто в Копернике зрит столп безбожной науки. Глуп мнящий о Бруно, что он пантеист в смысле общем сего, пленник Двух (был каким Спиноза, писавший: «Пусть каждый *верит* тому, что *покажется* ему *согласным с разумом*», — Сердце поправ, веры Суть): зрим чрез Двоицу, очи эпохи, — Бог в них не пропал у Джордано, имевшего **очи свои**: **Бог, Единый — есть Бог у него**! Чрез тьму-многость прозреть Его звавший, Ноланец писал: «величайших похвал заслуживают те, кто стремится к познанию этого начала и причины для того, чтобы познать по мере возможности его величие, созерцая очами размеренных чувств эти великолепные звезды и сияющие тела; и столько имеется обитаемых миров и великих живых тел и превосходнейших божеств, сколь бесчисленными кажутся и являются миры, не многим отличные от того, к которому мы принадлежим; (…) они знают начало и причину, а следовательно, и величие его бытия, жизни и действия: они показывают и проповедуют в бесконечном пространстве бесчисленными голосами

бесконечное превосходство и величие своего первого начала и причины» (курсив наш). Причастный Двум, Бога он славил чрез Двойку Египта, покорну Ему. Посему-то устами Гермеса в своем «Изгнании торжествующего зверя» зовет он Египет «подобием неба или, лучше сказать, колонией всех вещей, что правятся и делаются на небе» и «храмом мира». Душой Египтянин, Джордано знал Божии Два и их власть утверждал, а с безбожною Двойкой как сутью времен, в кои жил — вел борьбу. Зря в Джордано врага христианства, рука Сатаны инквизиция не ошибалась: он впрямь был врагом его как **мужебожества, Розни под маской Единства**, — стремясь к Двойке честной, любящей Творца. Ею и был Египет и мудрость его.

Знак сему — слова Й|ет|с, о Джордано сказавшей: «Его деятельность пришлась на конец XVI века, когда религиозная нетерпимость проявлялась самым чудовищным образом и когда религиозный герметизм казался путем к примирению сражающихся сект. Он призывает к своего рода египетской Контрреформации, он возвещает возврат к Египту и предлагает некое новое решение всех религиозных проблем. И при этом он призывает к нравственной реформе, ставя на первый план добрые дела и этику общественного служения. Где еще можно увидеть подобное сочетание религиозной терпимости, сердечной привязанности к средневековому прошлому, идеи служения ближним и приверженности фантастической религии и символике египтян? Мне приходит в голову только один ответ — в масонстве с его мифологическим происхождением от средневековых каменщиков, терпимостью, филантропией и египетской символикой». Два Божии, зна|мя Джордано, с диавольской Двойкой масонства смешала здесь Йетс не случайно: обоих корнь есть Египт, Два.

Возрожденья пора, тьма, законно явила огонь герметизма: огнь Двойки Господней, Гермес, дух Египта, сразиться пришел с Двойкой Зла в дом ее. Двойкой Божьей, любовной, жил Бруно, противною Двоице розни как Сердце — Уму, Восток — Западу. Рек он: «…все те одушевленные существа, которые рождены для того, чтобы видеть солнце, радуясь окончанию ненавистной ночи, возблагодарив благосклонность неба и приготовившись воспринять центрами шаровидных кристаллов своих глаз столь сильно желанные и долгожданные лучи, сердцем, голосом и руками поклоняются востоку...». Посему он боролся с английской наукой, безумный в очах ее: Сердце — Безумье Уму. Двойка божья — Суть, дьявольска ж — мертвая буква, — и, с тем, Аристотель в очах Бруно был *буквалист*. Плод сей Двоицы злой, **гуманизм, человечность без Господа**, Бруно и зрил посему не носителем Знанья — могилой его; философии — с тем.

Только Двойка Любви — полновесна монета, Два-Зло — нет. О том рек Коперник в труде «О монете», пророчивший смену монет (полновесной — ущербной, пустою) как смену Творца Сатаной. Закон сей и зовется сегодня законом Коперника-Греш|ема: греш|ные гро́ш|и (укр.), деньги есть зло, что нас губит теперь. То предвидя, Коперник хранил Божий Огнь, знав в том толк как в миру *стен строитель*. Стеной от Двух-Зла и был труд его мудрый: Копер|ник — Ко|пир, каль|ка Сути, хранимой от глаз злобных им как Огнь древних: Вакх, Феба Суть. Вернуть его жаждал он, рекший: «Мы должны строго следовать методам древних и придерживаться их наблюдений, рассматривая их как священный завет. *Тем, кто не верит древним безоговорочно, двери моей науки должны быть закрыты*» (курсив наш).

Зрил то Бруно очами Любви, что ему дал Гермес. Ибо, пишет Йетс, «Истина Бруно — это не ортодоксально-католическая и не ортодоксально-протестантская истина; это истина египетская, магическая». И к сему: «Бруно никоим образом не может быть назван современным мыслителем. К этому можно прибавить, что… Бруно принял идею Коперника о движении Земли по магическим и виталистским причинам и что не только планеты, но и бесчисленные миры его бесконечной вселенной движутся в пространстве, подобно огромным животным, одушевленные божественной жизнью». «…для Бруно схема Коперника — это иероглиф, герметическая печать, которая скрывает могущественные божественные тайны и в секрет которой он проник. Чтобы понять истинный смысл спора о схеме Коперника в «Вечере», нужно прочесть те блестящие страницы, на которых в 1621 году Кеплер анализирует различия между своим подходом к схемам

и подходом Фладда в их сочинениях о гармонии. Мои схемы, говорит Кеплер, по-настоящему математические; а схемы Фладда — герметические. «Tu tractas Mathematica more Hermetico» [«ты трактуешь математические предметы на герметический лад»], упрекает он Фладда. Вот так и Бруно толкует схему Коперника more Hermetico, к чему его поощряла и отсылка к Гермесу Трисмегисту по соседству с этой схемой у самого Коперника. // В гелиоцентрической системе Земля *движется,* так как Коперник — при помощи «свойственного ему рассуждения скорее о математике, чем о природе», по мнению Бруно, — восстановил в правах теорию земного движения, бывшую до тех пор предметом насмешек и презрения».

Знак верности Богу чрез Двойку — стремление Бруно свести с Землей Сонце: Огонь с очагом, Два в Одно. Хоть поставил он Солнце в ряд звезд (ряд — суть многое, Два), но известно и то, что он гордо себя называл «сыном Солнца и Земли», и **в порядке лишь этом-то: Солнца — Земли**. С тем, силен был дух Двух — Одного ради сущий в нем, ясный в его нелюбви к Стагириту (кто был для него личный, сиречь **живой**, враг, боримый им) и в его страсти к конфликтам с эпохой в персонах столпов ее, коей, как Бог Сатаны, был чужд он, нажив многих врагов и костер — под конец.

*

Как Диавол — Противник Творца, так враги Бруно, слитного с Богом — одно с Сатаною. О кардинале Ро|бер|то Бел|лар|м|и|но («ларь Бэла», сосуд его), смерть рекшем Бруно, приверженец иезуитства пишет как об «очень простом и обаятельном человеке». И тотчас же добавляет: «Кроме того, он обладал удивительной гибкостью и приспособляемостью к различным условиям, — в течение своей жизни он успел побывать проповедником, преподавателем, писателем, полемистом, подчиненным и настоятелем, советником важнейших римских конгрегаций, епископом и, наконец, кардиналом; и он каждую из этих обязанностей выполнял так, *словно для этого и был рожден*» (курсив наш). Легкость, с коей, **как маски, менял он служенья**, речет: он не знал Де́ла Божия, дел его суть — Сатана, дух личин.

Об эпохе, что тщилась сломить дух Джордано, и семени, брошенном ею в умы, дальновидный Василий Жуковский писал: «Первый шаг Реформации решил судьбу европейского мира: вместо исторических злоупотреблений церковной власти она разрушила духовный, дотоле нетронутый авторитет самой церкви; она взбунтовала против ее неподсудимости демократический ум; дав проверять откровение, она поколебала веру, а с верою и все святое. Это святое заменилось языческой мудростью древних; родился дух противоречия; начался мятеж против всякой власти, как божественной, так и человеческой. Этот мятеж пошел двумя дорогами: на первой уничтожение авторитета церкви произвело рационализм (отвержение божественного Христа), отсюда пантеизм (уничтожение личности Бога), в заключение атеизм (отвержение бытия Божия); на другой понятие о власти державной, происходящей от Бога, уступило понятию о договоре общественном; из него произошло понятие самодержавия народа, которого первая степень представительная монархия, вторая степень — демократия, третья степень — социализм и коммунизм. Может быть и четвертая, последняя, степень: уничтожение семейства и вследствие того возвышение человечества, освобожденного от всякой обязанности, ограничивающей чем-либо его личную независимость, в достоинство совершенно свободного скотства. И так два пункта, к которым ведут и отчасти уже привели сии две дороги: с одной стороны самодержавие ума человеческого и уничтожение царства Божия, с другой владычество всех и каждого и уничтожение общества».

*

Коперник и Бруно. Два Истины стража, едины они для врагов ее. Знак сему зрим в том мы, что декрет папы, осуждающий учение **Коперника**, вышел через 16 лет после сожжения **Бруно**. Текст гласит: «Утверждение, что солнце стоит неподвижно в середине мира, глупо, философски ложно и, так как решительно противоречит священному писанию, прямо еретично.

Утверждение, что Земля не стоит в середине мира и имеет даже собственное ежедневное вращение, философски ложно и есть всяческое заблуждение». Клеймя Коперника словом, молчаньем Ноланца язвит сей декрет; одного осуждая — вердикт он двоим.

*

Что Коперник учение создал свое лишь в надежде спасти Пифагорово — с ним саму Истину, — ясно глаголит факт спорого укоренения и взрастанья сей **новой, сиречь измененной Коперником в духе эпохи, пифагорейской теорьи** в умах современников (истина — сильное семя!); о том же рекут нам признанья самих современников, зривших **обоих, Коперника и Пифагора, творцами теории сей**. Документ тому — принятое по поручению Инквизиции Конгрегацией Индекса запрещенных книг решение, осуждающее коперниканское учение о Вселенной; фрагмент его гласит: «А так как до сведения вышеназванной конгрегации дошло, что ложное и целиком противное священному писанию *пифагорейское учение о движении Земли и неподвижности Солнца, которому учат Николай Коперник в книге об обращениях небесных кругов* и Дидак Астуника в комментариях на книгу Иова, уже широко распространяется и многими принимается, как это видно из появившегося в печати послания некоего кармелитского монаха под названием «Письмо кармелита отца Паоло Антонио Фоскарини по поводу мнения пифагорейцев и Коперника о движении Земли и неподвижности Солнца и *новая пифагорейская система мира*; Неаполь, у Лазаря Скорджио, 1615», в котором этот монах пытается показать, что вышеназванное учение о неподвижности Солнца в центре мира и движении Земли согласно с истиной и не противоречит святому писанию, — то, чтобы такого рода мнение не распространялось мало-помалу далее на пагубу католической истине, конгрегация определила: названные книги Николая Коперника «Об обращении кругов» и Дидака Астуника «Комментарии на Иова» должны быть временно задержаны впредь до их исправления. Книга же отца Паоло Антонио Фоскарини, кармелита, вовсе запрещается и осуждается. Все книги, учащие равным образом тому же, запрещаются, и настоящий декрет соответственно запрещает и осуждает их или временно задерживает. В удостоверение сего настоящий декрет скреплен подписью и приложением печати преосвященнейшего и достопочтеннейшего господина кардинала святой Цецилии, епископа Альбанского, 5 марта 1616 г.» (курсив наш).

56 Согласно Закону единства различья. Закон же противоречия рознит их: Мир есть Любовь по нему, Бог — нет. То — путь к забвению Господа, Корня Вселенной, с тем — к гибели Древа сего, что без Корня мертво.

57 «Ducunt volentem fata, nolentem trahunt», «Желающего идти судьба ведет, не желающего — влачит», — рек Клеанф о том; в|лач|имы — с|во́лочи, прах земной. Сводом Платоновых истин воля и определяема посему как «благоразумное стремление согласно природе».

Запад с тщеславной наукой своей есть влачимый судьбой, споря с нею; он стал бы ведо́мым Служа. **Служить — *видеть*, а нет — слепым быть**. Юнг сказал: «тот, кто стал бы преуменьшать заслуги западной науки, тем самым подпиливал бы сук, на котором сидит европейский дух. Наука — хотя и несовершенный, но неоценимый, превосходный инструмент, который порождает зло, лишь когда превращается в самоцель. Наука должна служить; она заблуждается, когда узурпирует трон. Она должна служить даже другим наукам своего уровня, ибо любая из них — именно в силу своей несамодостаточности — нуждается в поддержке других. Наука есть орудие западного духа, и с ее помощью можно отворить больше дверей, чем с голыми руками. Она принадлежит нашей способности разумения и затемняет познание лишь тогда, когда достигнутое благодаря ей понимание принимает за понимание вообще. Восток же учит нас как раз иному, более широкому, глубокому и высокому пониманию, а именно *пониманию через жизнь*»: через Сердце — не Ум (курсив наш).

Богу верный (суд|ьба — длань Чья, в мире суд|яща) — Ведо́м. Слово «ве́денье», Вед суть, — в основе «веде́нье», где Бог, Мира Корнь, есть Ведущий, ведо́мые ж — мы, чтя

покорством Его, а не чтя — с Ним борясь, наказуемы. Сказано Библией: «раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много» (Лук. 12:47). «Не слово, а несчастье есть учитель глупцов», — Демокрит рек.

Ведóмость сия — **воспитания** суть. Слово это в латинском (e|duc|atio) и немецком (Er|zieh|ung) основою и обличает глагол «вести», «тянуть» (duc|ere, zieh|en); русское ж «воспитанье», идя от «питать» (в существе — молоком как Водой, Тьмой-Причиной; п|о|ить: пит|ать — пит|ь давать) — то ж по сути: ведь пища как Влага текущая — суть Река-Тьма, коей к Богу влекомы мы мощно, Причина, в Причину несущая. Пе|с|т|ует, ст|авит на Путь нас — Пес|нь, Тьма (колыбельная песнь — лик Ее).

Бог — Суд|ьба нам; поко́рный ей — верен Творцу, Благу благ, зрящий Милость сквозь Суд. Рек Сенека: в человеке «высшее благо нужно поместить настолько высоко, чтобы никакая сила не могла его принизить, чтобы оно оказалось недосягаемо для скорби, надежды и страха. На такую высоту способна подняться одна лишь добродетель. Лишь ее твердой поступи дано покорить эту вершину. Она выстоит, что бы ни случилось, перенося несчастья не просто терпеливо, но даже охотно, ибо она знает, что все трудности нашего временного существования — закон природы. Она, как добрый воин, будет спокойно принимать раны, считать шрамы и, если надо, умрет, пронзенная вражескими копьями, но полная любви к полководцу, ради которого пала; и всегда будет хранить в душе древнее наставление: «Следуй Богу». А кто жалуется, плачет и стонет, не желая выполнять приказаний, того заставляют силой и против воли волокут туда, куда нужно. Какое, однако, безумие не идти самому, а заставлять тащить себя волоком!» Им также сказано: «Все предстоящее предстоит по необходимости тому, кто сопротивляется; в ком есть охота, для того необходимости нет. Я утверждаю: кто добровольно исполняет повеленье, тот избавлен от горчайшего в рабской доле: делать, чего не хочется. Несчастен не тот, кто делает по приказу, а тот, кто делает против воли». Говоря, что культура морального чувства должна быть главой послушанию, Кант рек о том же: морали суть — Бог.

В романе Болеслава Пруса «Фараон» есть глубокое место об этой великой покорности.

*К фараону Рамсесу XII-му, который, устав от трудов управленья страною, приблизился к смертной черте, после многих бесплодных попыток его исцелить вызывают жрецы и вельможи халдея Бероэса, мага из наисильнейших. Явившись на зов, говорит маг: есть лишь одно средство, способное вернуть фараону здоровье — человек, молитвы которого доходят до престола Предвечного; помолившись за повелителя, он сможет спасти его. Чтобы найти этого человека, Бероэс дает фараону волшебный шар, глядя в который, тот видит людей своей страны и молитвы, возносящиеся от них к небесам в подобии серебристым птицам. Птицы эти, летящие от всех смертных Египта, молящихся **за себя** — и с тем **друг против друга** (ибо больной желал здоровья, а лекарь продленья болезни больного; враждующие армии — победы себе и пораженья противнику; и т.д.), — сталкиваясь меж собою, как стаи ястребов, падали вниз, и Амон даже не замечал их. И тогда фараон увидал шестилетнего мальчугана, сына писца — непоседу и шалуна, беззаботно резвящегося во дворе у убогой родительской мазанки. Мать его, отняв его от игры, заставила совершить ежевечернее моление. Молитва ребенка в его целомудрии была не прошением благ для себя, но **благодареньем Предвечного за данный Им миропорядок**. Мальчуган молил так: « — Благодарю тебя, добрый бог Амон, за то, что ты сохранил сегодня отца от бед, а маме дал пшеницы на лепешки… А еще за что? За то, что создал небо и землю и ниспослал ей Нил, который приносит нам хлеб. Еще за что? Ах да, знаю! И еще благодарю тебя за то, что так хорошо на дворе, что растут цветы, поют птички и что пальма приносит сладкие финики… И за то хорошее, что ты нам подарил, пусть все тебя любят, как я, и восхваляют лучше, чем я, потому что я еще мал и меня не учили мудрости. Ну, вот и все…*

— Скверный ребенок! — проворчал писец, склонившись над своей записью. — Скверный ребенок! Так небрежно славишь ты бога Амона!

Но фараон в волшебном шаре увидел нечто совсем другое. Молитва расшалившегося мальчугана жаворонком взвилась к небу и, трепеща крылышками, поднималась все выше и выше, до самого престола, где предвечный Амон, сложив на коленях руки, углубился в созерцание своего всемогущества.

Молитва вознеслась еще выше, до самых ушей бога, и продолжала петь ему тоненьким детским голоском:

«И за то хорошее, что ты нам подарил, пусть все тебя любят, как я…»

При этих словах углубившийся в самосозерцание бог открыл глаза, и из них пал на мир луч счастья. От неба до земли воцарилась беспредельная тишина. Прекратились всякие страдания, всякий страх, всякие обиды. Свистящая стрела повисла в воздухе, лев застыл в прыжке за ланью, занесенная дубинка не опустилась на спину раба.

Больной забыл о страданиях, заблудившийся в пустыне — о голоде, узник — о цепях. Затихла буря, и остановилась волна морская, готовившаяся поглотить корабль. И на всей земле воцарился такой мир, что солнце, уже скрывшееся за горизонтом, снова подняло свой лучезарный лик.

Фараон очнулся и увидал перед собой маленький столик, на нем черный шар, а рядом халдея Бероэса.

— Мери-Амон-Рамсес! — спросил жрец. — Ты нашел человека, молитва которого доходит до престола Предвечного?
— Да, — ответил фараон.
— Кто же он? Князь, воин или пророк? Или, может быть, простой отшельник?
— Это маленький шестилетний мальчик, который ни о чем не просил Амона, а только за все благодарил.
— А ты знаешь, где он живет? — спросил халдей.
— Знаю. Но я не хочу пользоваться силой его молитв. Мир, Бероэс, это огромный водоворот, в котором люди кружатся, как песчинки, а кружит их несчастье. Ребенок же своей молитвой дает людям то, чего я не в силах дать, — короткий миг забвения и покоя… Забвения и покоя… Понимаешь, халдей?

Бероэс молчал»

Так благой царь, Ум Сердца, отец Египтян, отказался спасти себя мрачной ценою: пятнанья заботой о благе своем — чистой **мысли о Боге**.

Кто склонён перед долей — герой: дол|я, часть, дол|а-брения суть — ему Целое, Мир. Ведь герой — тот, кто Любит, дитя Полноты: Мир, Любви Шар — Отчизна ему, дол|г — Свобода сама, коей есть как Любовь этот Шар. «Только герой обретает мужество следовать своей судьбе», — сказал Гер|ма|н Г|ес|се.

Не будучи с Богом в согласьи, Ему невозможно служить; не служа Ему — быть и нельзя с Ним в согласьи. Поскольку Господь есть Любовь, и служенье — любовно (санскр. бхакти). Поскольку Он — Ра|дость, легко и служение Ему; поскольку Свобода Он — только служа, мы свободны свободой Его тем верней, чем смиренней служение наше, с|мир|ение коих — согласие с Мир|ом, Бог с коим един, — **добродетель**, что Кантом трактуема как «свободное самопринуждение», суть **принуждение Богом, Свободой-Собою**: ведь Бог — наше Я.

Какую награду сулит человеку она? — вопрошает Сенека. И сам отвечает: «Поистине огромную и божественную: ты не будешь знать ни принуждения, ни нужды; получишь свободу, безопасность, неприкосновенность; Никаких тщетных попыток, никаких неудач: все, что ты задумал, будет получаться, исчезнут досадные случайности, препятствующие исполнению твоей воли и твоих планов». Господь — Мера Мира; с тем, быть с Ним согласным — есть быть мерой сущих путей, Вверх и вниз, добродетелью, стремящей Ввысь как кнут Божий нас, и от паденья хранящая нас как узда. С тем, согласно Сенеке, «добродетели бывают направлены либо под

гору, либо в гору. Всякий согласится, что терпение, мужество, стойкость и все прочие добродетели, противопоставляемые жестоким обстоятельствам и подчиняющие себе фортуну, карабкаются в гору, упираются, борются. И столь же очевидно, что щедрость, умеренность, кротость идут под гору. Здесь мы удерживаем свой дух, чтобы он не сорвался вперед, там — гоним его, понукаем, толкаем самым жестоким образом».

В мире дол|ьнем Служить — Дол|г есть свой исполнять: долг пред Богом как суть всех долгов; в доле (дол — судьба, дол|я) — Высь чтить. Посему мас|т|ер — «знающий долг» (mu|st) как тер|нии, с тем — цель, свободу: путь с целью — одно.

Исполняющий долг — справедлив. «Справедливость есть исполнение долга, несправедливость — неделание того, что до́лжно, уклонение [от выполнения своих обязанностей]», — рек Демокрит. **Исполняющий долг свой — свободен**. «Живет свободно только тот, кто находит радость в исполнении своего долга», — сказал Цицерон, в сути долг зря один лишь — пред Богом. Отсюда свобода и справедливость — одно: **справедливый — свободен, свободный — тем и справедлив**. «Свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, — это одно и то же», — рек Кант. Достоевский, как он, зрил в свободе не право — обязанность, долг наш, не легкость, но тяжесть. В сем мире, где властвует Необходимость (лик чей — гравитация, тяжесть, к земле коя, *гнет* наш, *гнет* нас), — долг, что с нею един, выше внешней, не знающей долга свободы: **Свобода есть долга великая суть, сердцевина его**; и, едины, есть сути они друг для друга — как Сердце и Ум, Тьма и Свет, Мира страны, — коль ве́дом нам Бог, Суть обоих, и О́ной очами глядим.

Очи эти — есть очи Любви, коею есть Свобода; любовная воля — свята, ибо с Божьей едина, а с тем — совершенно добра. Доб|рый — бод|р, ибо волен вполне **(**всяк час: сутки — доб|а́ (укр.)**)**. Любящие Мир, мы в деяньях вольны: ибо всякое — долг наш святой, не любя ж — мы свободы не знаем, ведь долга чужды мы. Любящий Одно в царстве Двух — долг с свободой не делит, но ведает: **долг наш — свободными быть, и свободными — в Боге**. «Свобода личности, — пишет Бердяев, — есть долг, исполнение призвания, реализация Божией идеи о человеке, ответ на Божий призыв. Человек должен быть свободен, не смеет быть рабом, ибо должен быть человеком. Такова воля Бога». Им сказано также: «Свобода [в истории человечества] была понята исключительно как право, как притязание людей, в то время как она есть прежде всего обязанность. Свобода есть не то, что человек требует от Бога, а то, что Бог требует от человека. И потому свобода есть не легкость, а трудность, тяжесть, которую должен взять на себя человек. И лишь немногие на это соглашаются». Он же заметил, что долг в его объективированном, ложном понятии есть общеобязательность, которая «существует как раз для мира объективированного, феноменального, она означает формы сообщения в этом разобщенном мире, она есть приспособление к падшести. Общеобязательность связана с разобщенностью, она есть сообщение в разобщенности»; долг субъективно — по истине всей, коя Глубь — есть свобода. Единство их зная, рекла так о муже пустом своем Екатерина Великая:

Если бы он хотел быть любимым, это [любовь, т.е. свобода] было бы для меня нетрудно: я от природы была склонна и привычна исполнять свои обязанности [т.е. долг], но для этого мне нужно было бы иметь мужа со здравым смыслом, а у моего этого не было (курсив и комментарии в скобках — наши — Авт.).

Свободы облатка, долг — Два, а Свобода — Ноль: оба Тьма. Ноль внутренен (нуменален) и с Богом един; Два как внешнего суть — многость-тьма, Сатана. «То, что делается ради освобождения коллективного человека [причастного Двоице внешнего — *Авт.*], оборачивается порабощением человеческих личностей [причастных Глуби, Нолю, Единиц — *Авт.*]», — рек Жак Маритен. **В Двойке зрящий свободу как тьму, не зря Ноль, Суть свободы, — свободою мнит вседозволенность**. «Свобода и распущенность — понятия одно другому совершенно противоположные», — сказано у Квинтилиана. «Тот, кто громче всех требует

свободы, хуже всего ее переносит» (Филипп Честерфилд): ведь Свобода есть внутренний Груз — Глубь, Безмолвье. Зря в Двоице Ноль, Богу служим мы верно, с свободою долг не деля: всё Свобо́да нам! Лосев сказал о том: «Свобода есть совпадение того, что есть, с тем, что должно быть» — схождение Двойки с Нолем в Ноль един. **Ноль есть Жизнь, То-Что-Есть**, кое, бренные, мним мы не-сущим, и мня так — мертвы мы.

Свобода — ответственность есть пред Творцом: чем ответственней мы, тем свободней. Об Истине, кою нам до́лжно искать, рек Бердяев равно́ как о нашем «задании» и как «свободе». Свободу в себе умножая, мы шествуем к Богу, платя по счетам, а не множа ее — неплательщики мы, бедняки, чу́жды Бога, — ведь лишь полный Им есть бог|ач. Лишь Его — не иного — приемля как Не|обходимость (ведь кто обошелся без Бога — ничем стал, от Корня отпавши), мы, люди, свободны — Служа, и в том есть наша нравственность. Прав Демокрит, говоривший, что главное средство с|тяж|ания добродетели есть воспитание в духе нравственности: Добродетель, иль Благо (ведь им есть она), — есть Господь, сущий в нас как Мораль.

Кто свободен — ответствен. Тьмы раб, человек чужд свободы творящей такой по причине, Бердяевым названной религиозной антроподицеею — оправданием человека. Некогда Фома Аквинский, противно сему, создал теодицею — оправданье Бога за зло, кое есть. Там и там зрим порок: оправданье потребно преступнику; Бог же не есть им, — как и человек, образ Бога, несущий в себе искру Божию, душу. Бог и человек — **Пара цельная: чужд оправданья один — чу́жды оба**. Бердяев о том рек: «Последняя тайна человеческая — рождение в человеке Бога. Последняя тайна Божья — рождение в Боге человека. И тайна эта — единая тайна. Ибо не только человек нуждается в Боге, но и Бог нуждается в человеке. В этом — тайна Христова, тайна Богочеловека». Поистине, не оправдывать — Жить, созидая сих двух как Себя Одного, Благо благ, — вот высокий труд наш.

Кто свободен в Одном — Двух не знает, Свободу-Одно не деля на свободу и необходимость. Бердяев сказал: «Человек и мир подчиняются неотвратимой необходимости в результате ложно [сиречь криво — в согласии Двойке, покрову Ноля-Прямизны — *Авт.*] направленной свободы». Зрить в Необходимости только ее, без Свободы — зрить Двойкой ее без Ноля, силой внешней, каков Сатана, князь-насильник: ему подчиняемся мы, зря в Двух — Два́ лишь. Зрить в Необходимости Свободу-Глубь — есть в Двух *видеть* Ноль-Господа: Силу-Внутри, **Силу-Я**, каков Бог. **Принуждаемы Им, мы себя принуждаем Собой: Жизнью, коя внутри и снаружи — одна, розни бо́льшая**. «Жизнь вынуждает человека многое делать добровольно», — сказал о том Станислав Ежи Лец.

Добродетель, Глубь-Иг|о — Иг|Ра, Солнце в нас: ведь в игре подчиняем себя сами мы ее правилам. Грати — «играть» и «решетка» (укр.): в сути своей — **И|го-Бог (И-Го|сподь: ведь союз Его — И) как Свобода, зрим в коей мы, пленные, плен**. Лил|а (санскр.) — Тьма-Игра, коей Бог создал Мир. Тяжко бремя ее, нам врученное Богом: Мир, Камень камней. Рек же Экзюпери: «Я — ваятель, я высек статую, статуя есть принуждение. Образ всегда принуждение. Я что-то уловил и сжал в кулак, желая не упустить. Не говори мне о свободе поэтического слова. Я подчинил слова друг другу, следуя своему внутреннему порядку. // Может случиться, что мой храм разберут и сложат из камней другой. Есть смерть, есть рождение. Но не говори, что у камней есть свобода — есть храм». В сути первой храм — Мир. Камни сущи — его; и его, *сотворенного уж*, созидание — есть нам **свобода и долг повторять Божий Труд**. Дальше сказано автором сим: «Я не вижу, в чем противоречит принуждение свободе. Чем больше проторил я дорог, тем свободнее ты в выборе. Хотя каждая из дорог — принуждение, потому что я оградил ее дорожными столбами. И что ты имеешь в виду, говоря «свобода» и не видя перед собой ни одной дороги? Или ты называешь свободой блуждание наугад в пустоте? Поверь, принуждение новой дороги увеличит твою свободу. // Без пианино, гитары сможешь ли ты свободно отдаться музыке? Твоей статуе необходимы уши и нос, вот тогда ты свободно ищешь

улыбку. Запреты, ограничения, правила шлифуют, оттачивают культуру, благодаря им так утонченно изысканны ее плоды. За толстыми стенами моего замка душевная жизнь богаче, чем у подонков на пустыре. // Добровольные и недобровольные обязательства — вот отличие свободы от принуждения, с любовью или без любви, но мы обязаны поклониться королю. Желающий подняться повыше или собрать духовное сокровище согласен на принуждения. Ты следуешь обряду, он стеснил тебя и устремил вверх. Глядя со стороны, как самозабвенно играют другие дети, огорченный ребенок требует, чтобы и его научили правилам игры, он тоже хочет играть, а значит, жить. Грустно тому, кого не зовет в храм вечерний благовест. Поет рожок, но не для тебя побудка, а твой счастливый приятель кричит: «Слышишь, меня зовут!» Глухое раздражение и скука — спутники тех, для кого нет ни благовеста, ни пения рожка. Они свободны, они вне жизни». **Добродетель, труд-в-Боге — единственный выбор наш: *Жизнь, иль Свобода*, вне коей мертвы мы**.

Свобода — согласие с Богом. Так волен святой, по определению «тот, кто совершает каждое действие в соответствии с Божией волей»; и слово «ислам» — есть «покорность». Рек Экзюпери: «Вольна река стремиться к морю, а брошенный камень к земле». Волен тот, кто поистине Служит: Служенья Столп — Бóг, Корнь наш. Вольна волна, коя мы, сему Морю служа.

Вольный истинно — истинно Жив. Жизнь, Свобода — есть Тьма: Полнота и Причина, что Небытием мы зовем. Рек Бердяев: «Исходная точка моего мировоззрения есть примат свободы над бытием. Это придает философии динамический характер и объясняет источник зла, так же как и возможность творчества в мире чего-то нового. Свобода не может детерминироваться бытием, свобода не определяется даже Богом. Она укоренена в небытии. (…) Только признание несотворенной свободы, свободы, не укорененной в бытии, может объяснить источник зла, она в то же время объясняет возможность творческого акта и новизны в мире». Им сказано также: «Свобода есть ничто в смысле реальности природного мира, не есть что-то». Тьма с Богом едина; с тем Бог и Свобода — одно. Жаждать Бога — есть Тайны желать, Тайна ж — Тьма; и замечено тем же философом: «Не только Иисус Христос, но и Бог есть in cognito в мире, и с этим связана свобода человека».

В сем мире, где Ноль явлен Двоицей, Два — и свобода нам. Свободы — две: Божья, Вéденье, и сатанинска, невéденье; обе — Тьма, Пр|ор|ва, зря кою, сказал Соловьев, что свобода бросает мир в яму. Свобода Господня есть Ноль, сатанинская — Двойка, и к каждой б|ор|ьбою (ведь бренья — боренье, борьбá суть) нас **вы|бор свободный** влечет, данный символом **Y**, Раз|вил|кой (will — воля (англ.)), где справа Бог (как Второй: Глубь — облатки позднéй для нас, внешних), а слева — Диавол, и оба — зовут. Сей-то выбор свершил в пользу Бога Сократ, предпочтя произволу закон, бегству — смерть по решенью суда, чью неправость он правою сделал чрез Милость свою. Рек Бердяев: «Присущая человеку свобода есть свобода несотворенная, примордиальная. Речь идет об иррациональной свободе: не о свободе в истине, а о свободе принять или отринуть истину. Другой свободой является свобода, проистекающая из истины и из Бога, свобода, проникнутая благодатью».

Свобода нам Двойка — таков и единый с ней долг. В мире этом два долга имеем мы: внешний и внутренний. Долг пред сим миром есть первый, пред Богом — второй; и, разъятым чертой трансценденции, им не сойтись в мире сем. Оба дóлжно исполнить нам. Путь исполнения внешнего долга, которым, как сеткою, ловит нас брение, по Кастанеде есть составление «инвентарного списка» претензий, какие имеет к нам мир. Список сей как законная дань преходящему, нужен нам, дабы, исполнив его весь, отбросить, свободными став для служения Богу как Долга, какому вовек не прейти.

Долг есть Бог, коль то нáш долг; долг — Дьявол, коль то долг чужой. «Свой долг, хотя бы несовершенный, лучше хорошо исполненного, но чужого. // Лучше смерть в своей дхарме, чужая дхарма опасна», — сказано в Бхагавад Гите.

Долг пред миром — облатка есть долга пред Богом. Нам оба важны. Но из них выбирая у смертной черты — с ней сроднясь, избираем второй на сей грани, спрягающей Это и То в Божий Мир, Корнь чей — Бог.

Исполняющий Долг — недвоим: ибо с Богом един он. Един так с Творцом Иисус. Сего не мог постичь Петр, апостол Господень. Порою, когда «Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мат. 16:21), апостол Его опечалился. «И отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! // Он же обратившись сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, *что* Божие, но *что* человеческое» (Мат. 16:22, 23). Петр здесь «сатана», ведь не Бога жалеет — себя как второго за Ним, а Второй — Сатана **(**кем есть всяк как препятствие к Богу, стена (1 Цар. 29:4, 2 Цар. 19:22; 3 Цар. 5:18; 11:14, 23, 25)**)**. Строг закон: кто не Первому служит — Второму слуга и пред ним исполняет долг свой.

58 О сей Двойке, Войне — Войны ради, известной как сущность индейских народов Америки — майя, ацтеков и инков, — в труде своем «Античный город» **(**Ума, Отца град, что зовется здесь и «европейским», в Античности зря лоно Запада**)** Е. Елизаров пишет: «Война — вот единственная форма существования города, тотальная мобилизация всего, что добывает победу — вот единственный способ его внутренней организации. // (…) Уже эта простая статистика дает возможность для весьма нелицеприятного вывода о том, что именно война и есть нормальное состояние античного города; только в нем могут проявиться в полной мере его творческие силы. Что же касается мира, то это скорее некая аномалия, род внешнего форс-мажора, как правило, успешно преодолеваемого действием внутренних защитных механизмов здорового государственного организма. Словом, есть вполне достаточные основания утверждать, что если бы история полиса складывалась в условиях стабильного мира, лишь изредка прерываемого вооруженными конфликтами, она определенно была бы другой. Возможно, были бы еще более величественные достижения культуры, философии, права, были бы даны более прекрасные образцы государственного устройства, примеры доблести и добродетелей граждан… Но древняя история европейского города сложилась именно так, как она сложилась, и пружиной, приводившей ее в действие, была именно (и только!) война. // (…) Именно демократический полис постигает самый дух войны, до конца проникается ее философией. Ведь, вообще говоря, победу в военном противостоянии может добыть любое (достаточно сильное, конечно) государство — временная мобилизация всех ресурсов доступна любому; но чувствовать себя, как рыба в воде, на протяжении тысячелетия не прекращающейся войны может только он. Никакой другой форме государственного устройства не дано выжить там, где война оказывается главенствующим надо всем, определяющим фактором существования. Античный город — это выдающийся стайер военной гонки, великолепно приспособленный не к разовому напряжению сил, но к бесконечной исторической дистанции. // (…) Война, которую ведет античный город — это совсем не то кратковременное вооруженное противостояние на поле боя, которое знакомо любой другой цивилизации. Только демократически устроенному полису дано проникнуть в самую последнюю ее тайну и более того — преобразовать всю ее природу. Война должна быть вечной и тотальной, а это значит, что ей должно быть подчинено без исключения все, чем располагает государство. Иными словами, победа в ней обеспечивается не только оружием, скорее даже так — вовсе не оружием, ибо оно лишь расставляет нужные акценты. Война для античного города становится единственной темой огромного слаженного оркестра, ведущая партия в которой доверяется отнюдь не меди басов и литаврам, как у дилетантски организованных на началах автократии бездарных его соперников. Она ведется без исключения всеми его институтами. В первую очередь — всей системой выдавливания максимальных объемов живого труда из порабощенных им иноплеменников и максимально же полной конвертацией этих объемов в средства нового витка подавления. Но, кроме того, — его правовой

системой, дающей возможность отчуждать также и труд своих собственных союзников, и, разумеется, его идеологией. Наконец, но далеко не в последнюю очередь, всей системой физического, интеллектуального, нравственного воспитания своего гражданина, которая позволяет не только поставить в строй его тело, но и мобилизовать его душу, использовать весь его нравственный потенциал».

Героизм, жизнь-борьба — града суть. Но борьба градóв отчих есть с внешним врагом **б**ой, **в**ой|на-бой|ня (Б = В): борьба-рознь; материнских — с собой как к Себе восход наш, путь в Единство. Любовью живимый, герой — враг себя, Вглубь растущий: **борец — без войны**; таков столп града Матери. Отче|го града оплот — герой ложный: **отча|ян|ный трус**, что, жестокий, пощады не ждет от таких же как сам. Богом первый живим как Единством; Диаволом, Рознью — второй, множа смерть вкруг себя. О поре Материнской пророчит Исайя: «И перекуют [все народы] мечи на орала, и копья свои — на серпы; не поднимет меча народ на народ, и не будут больше учиться воевать» (Ис. 2:4); «Притеснителя не станет, грабёж прекратится, попирающие исчезнут с земли» (Ис. 16:4).

59 Ог Греции, мир поделившей на греков и варваров (прочих), идет фанатизм, палач всех иномыслящих, зрящий сих многих — одним, боясь Жизни: Монада — она. Рек Бердяев: «Психологически фанатизм связан с идеей спасения или гибели. Именно эта идея фанатизирует душу. Есть единое, которое спасает, все остальное губит. Поэтому нужно целиком отдаться этому единому и беспощадно истреблять все остальное, весь множественный мир, грозящий погибелью. С гибелью, связанной с множественным миром, связан и аффект страха, который всегда есть в подпочве фанатизма».

В Элладе, где стал Восток Западом (грань меж сих двух грек торил, ища Мудрость в Египте), Бог истинный, внутренний, стал Сатаной — богом внешним, ужасным как Пан (Pus, Пан — пас|ть); Бог-Любовь, сущих Глубь — стал бог-страх: ф|анти|к черный, фанатик|а бог. Юнг писал: «Христианский Запад считает человека полностью зависимым от милости Божией или, по крайней мере, от церкви как единственного и санкционированного Богом земного средства спасения». «Благодать [по западному воззрению — *Авт.*] нисходит на человека откуда-то, во всяком случае извне. Любой другой взгляд на вещи — явная ересь». «Напротив, Восток упорно настаивает на том, что человек есть единственная причина своего самосовершенствования, — ибо Восток верит в самоспасение». Юнг пишет также, что «западный человек — христианин, к какому бы вероисповеданию он ни принадлежал. В глубине души он чувствует, что человек так мал, что почти ничтожен; кроме того, как говорит Киркегор, «перед Богом человек всегда грешен». Своим страхом, покаянием, обетами, покорностью, самоуничижением, благими делами и славословиями он пытается умилостивить эту великую силу, которой оказывается не он сам, а *totaliter aliter*, Всецело Иной — единственно реальный, совершенно безупречный и пребывающий вне его Бог. Несколько изменив эту формулу и подставив вместо Бога другую величину, например, мир или деньги, мы получим законченный портрет западного человека — прилежного, боязливого, смиренного, предприимчивого, алчного и неистового в погоне за благами мира сего: собственностью, здоровьем, знанием, техническим мастерством, общественным положением, политической властью, жизненным пространством и т.п. Каковы мотивы «великих переселений народов» нашего времени? Попытки отнять деньги или собственность у других и обеспечить неприкосновенность собственного имущества. Ум занят главным образом изобретением подходящих «измов» для сокрытия истинных мотивов или умножения добычи».

60 Ренессанс с Реформацией вместе, в отличье от ро́дов в Жизнь-Дух, как второе рождение есть **роды в смерть — в Дно, не в Высь: Красоты торжество как облатки без Сути, Творца**. Ибо, истинно, Красота есть облатка, единая с Ним как Второе за Первым сим; в розни с Ним — Дьявол она, Бога тень. «Ликом черен и прекрасен» — речется о Князе тьмы в св. Писании. В сем-то и заключается отличие Возрождения от Античности, когда Красота была в явном очам

человечьим единстве с Творцом и твореньем, и от Средневековья, когда Бог-и-Мир, Солнце древних, сокрылось очам и питало как Тайна явь дней людских.

Суть Реформации как торжества Ума-Мужа над Женою-Сердцем, чьей тенью как Бога (Бог, Мать — Одно) есть он, — победы Суда над Господнею Милостью — зрил Эрих Фромм, коим сказано: «Наиболее значительное и длительное влияние на развитие в Европе и во всем мире оказала все же Реформация... Материнская любовь церкви и Богородицы не простиралась больше на человека. Он предстал одиноким перед серьезным и строгим Богом, чьей милости мог добиться только благодаря абсолютной покорности».

Прямым свидетельством сего есть слово «ma|cab|re» («каб|ина», облатка — без Ма|тери, Сути), впервые явившееся в литературном французском языке в 1376 году, и согласный ему сюжет «Танец смерти» («La danse macabre»), центральный в картинах Иеронима Босха, внушая мистический ужас тан|цем не мертвеца и не Смерти, а **мертвого нашего «я»**, кое счастливо мертвостью сей; анти-эго, единого с нами, как с Богом един Са|тан|а. Именно молниеносное и тотальное распространение в массовом европейском сознании сего понятия и сюжета в канун «Возрожденья» есть знáк торжества Сатаны, что схватил людей в час сей, создав свой престол.

Смерть, объяв, поглотила людей; с тем прошел страх пред нею их: труп — умереть не боится, любя смерть как суть свою. Живы Творцом, люди древни, восточны душою, **боялись бояться**, а нынешни западны — **любят боязнь** (фильмы стра|хов — их стра|сть): смерть — суть их.

61 Сотворение Сфинкса Атлантами — метафизическая очевидность, ясная из следующего. Возникший до первой, Хеопсовой, пирамиды, зверь этот, пред-первый, **сиречь Но|лев|ой**, уж тогда лежал пред пирамидой Хефрена, **второй**, указуя собою не-сущую эту — как Ноль, Полнота, кажет тень свою, Двойку, пустую пред ним. Двойкой сей, осененной Нолем-Атлантидою, и есть Египет, рожденный на свет красной расою сей, цвет чьей кожи, согласный Вражде, сути мира сего, есть указчик Ноля, Тьмы-Любви, коей дети Атланты: Любовь, Ноль — Согласье.

Сфинкс есть недеянный творец Пирамид: ибо сущим в нем духом Причины-Ноля он подвúг фараонов чрез волю жрецов, сих слуг Тьмы, строить этих колоссов, в единстве с творцом сим дающих **Тет|р|ак|сис как Древней истории суть** как начала судьбы (kai|r|os — греч.) землян *общей*, текущей рекой от нее. Посему Пирамид град — Каир, град судьбы этой; Гиза, их место — суть гита, песнь: песня — река. Сфинкс в сей группе — суть Мир (Тело чье — Тьма), Декада: Тетраксис, исторью творящий как Целое — часть, Река горняя — дольню рекý (наверху — что внизу, рек Гермес); Пирамиды ж в строю их — венцом сим венчаемы числа: Хеопсова — суть Единица как Индия-Русь (Единица как счета начало — Два, Нолем скреплённы), Хефренова — Двойка, Египт, Микеринова — Греция; домá ж цариц за сей третьей, *тьма малых* — Четверка как Рим, не единый в себе как материя, цельная Духом, каким есть три первых числа и страны их (так Рим был Элладой скреплен, на богах ее стоя; с тем и пирамид малых — тройка). Сфинкс, Мир, как и дóлжно, спрягаем с подвластными этими наискось (ось его к оси́ чреды Пирамид и есть угол косой), Пирамиды же между собой — крестовидно (квадратно-строги, основания их *параллельно-перпендикулярны* друг другу: квадрат поворотом стяжает себя через угол прямой, суть креста). Так и пишет в «Тимее» Платон, Мир и страны его явив в виде прямоугольного треугольника, коего гипотенуза — Мир полный, а катеты, равные меж собой — страны его, Бытие (Это) и Небытие (То). Само место сих домов в текстах Египта зовется «на склоне», число ж с|к|лона — Два, суть Египет **(**тогда как поверхности ров|ной, сто|ла — Единица, сто|яща Нолем, каков есть Тьма-Ров: ведь Единицы как Фаллоса Суть — Сила-Ноль**)**; и склон сей, Нолем создан, — причина тому, что вершина второй пирамиды, Египта, равна высотой с пиком Первой, Индийской: **Два и Единица величьем равны**, — как равны числа эти в творимости общей Нолем в миг един, и равны земли их в исхожденьи своем от Атлантов. Знак в том — имена Пирамид: в них два первых — Хеопс и Хефрен, зачинаемы буквой Причины, Ноля, коя с тем — и Декада, Х: так есть Нолем (по творенью Атлантами) и Десятью, Миром (по воле их) Сфинкс,

зовясь Хар-эм-Ху; Ми|ке|р|ин, имя третье — есть Следствия лик: так последственен Богу Ми|р, Три, Суть Эллады, лик коей и есть пирамида сия.

Все сие говорит, что **Атланты, творцы группы сей как перста своей зиждущей Воли — творцы есть Арийской эпохи, ее изваявшие полно, до дна́ зря**. Так статую знает ваятель. **Сфинкс и Пирамиды в единстве, как мироподобье, есть Мир и не-Мир: микрокосм-человек во единстве с Вселенной**. Единством сим есть Пирамиды по форме — **Тетраэдр на Квадрате: Огонь на Земле**, с ней единый; и имя само «пирамида» — сему явь: ведь «пир» по-эллински — огонь. Пирамида — тетраэдр по сути: ведь будь ее ребра равны меж собою, из граней ее склался б он. **Так и есть в нуменальных очах**: ибо в сути своей Пирамиды и Сфинкс не есть внешние зданья — они **нуменальны**: **лишь Глуби очами — *увидим* их, Глубь**.

Так в очах сих явь Неба, орбиты планет кру́глы точно; некруглость их — явь бренных глаз. Кеплер пишет о том: «Если бы небесные движения были произведением разума[= Ума Сердца — *Авт.*], можно было бы с основанием заключить, что орбиты планет совершенные круги, однако небесные движения произведения не разума, а природы, даже если допустить, что мы наделили планеты сознанием, это сознание не было бы в состоянии достичь того, чего хочет, то есть абсолютного совершенства круга; ибо поскольку для осуществления движений необходимы, помимо разума, природные и животные качества [т.е. недо-разумность — *Авт.*], последние следовали бы своим собственным склонностям». Очи *видящи* взяв, да узрим Пирамиды как е́сть, а не кажутся нам.

Замысл строивших этих гигантов являет строка Геродота, служителя Мифа, кем сказано о Пирамиде Хеопса: «Каждая ее сторона равна 8 плетрам **и такого же размера ее высота**». Слова эти стра́нны нам, ибо приняв во внимание, что 8 плетров* есть 246,26 м, а высота Большой Пирамиды, с учетом разобранной ныне вершины (**разобранной Тьмою**: так явила Тьма власть над Светом, число чье, Один — пирамиды сей суть) и исчезнувших плит облицовки, не может быть более 148 м. Но эти слова — слова Мифа как Сути людей — строги в знании, что **высотой Пирамиды есть время, зиждитель ее** (ибо рост Пирамид есть года фараонов), число чье Шесть; с тем, протяженность ее — есть пространство, Дека́да суть. Равенство стороны основанья Большой Пирамиды ее высоте, о каком говорит Геродот, Египтянам, равно́ почитавшим пространство и время (ведь Двойка Египта — они, и пространства знак есть пирамида Хеопса, Хефрена же — времени), было единовозможное **равенство числ их как Божьих монад** (по науке Исиды, адепт коей есть Пифагор),

$$10 = 6,$$

означающее, что высота Пирамиды Хеопса есть ее протяженность, помноженная на отношенье Шести к Десяти, — сиречь есть она

$$246,26 \times 0,6 \approx 147,76 \text{ м}.$$

Вот начальная, ныне не сущая, высота Пирамиды. Вот Шесть, смертных Времени дань. Приносящий ее — с тем, ему неподвластен.

Что́ есть отношенье Шести к Десяти? То — **Луна, очам данная, к цельной, незримой очам сим Луне: зримость бренная — к Вечности, коей Луна есть как Мир в очах *видящих*, вечных, Пространство как чистая Суть**. Дробь сия — С, **С**елена-Луна: полумесяц, сире́чь пять десятых, с надбавкой в десятую часть. О том сказано:

Хотя Луна и вращается вокруг своей оси, она всегда обращена к Земле одной и той же стороной. Дело в том, что Луна совершает один оборот вокруг своей оси за то же самое время (27,3 суток), что и один оборот вокруг Земли. А поскольку направление обоих вращений совпадает, противоположную её сторону с Земли увидеть невозможно. Тем не менее, поскольку вращение Луны вокруг Земли по

*эллиптической орбите происходит неравномерно, с Земли можно наблюдать 59% [Шесть Десятых с погрешностью в **сотую долю, часть-Полность**: Мир, Господом полный — Сто — Авт.] лунной поверхности.*

Время преходит, Пространство ж само в себе — нет; отношение их, с тем, как **бренье пред Вечным**, — **сеченье златое**, как Три-к-Пяти зримое нами в руке, в коей перстная старшая тройка (большой, указательный, средний) творит (ибо ими творец держит свой инструмент и Крестом как Творцом осеняет себя), а два младших перста (безымянный, мизинец) есть слуги сих трех нетворящи. Длань наша — подобие Божией; с тем, Три к Пяти есть **деяния наши пред Божьим Трудом**, бóльшим действия и недеянья, как Пять, синтез Трех со Двумя — выше их, взятых врозь. О деленьи-то этом — на Сердце и Ум, где движенье есть Сердце, покой же Ум, рек Иисус: «Думаете ли вы, что Я пришёл дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; // ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трёх» (Лук. 12:51,52). В бесконечной чреде 3/5, 5/8, 8/13.., коя сеченье сие есть, лишь член Три-к-Пяти важен нам, прочих ряд — бесконечность дурная: знак бренный. Отринув его — Пирамиды поймем мы, чья суть — **мы и Бог, единимые прямо, и с тем — Стезя нам в Небеса как Луну, их сосуд**.

Весть о том — мудрость древних, дошедшая к нам чрез века. В главе «Древние мистерии» труда «Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалитической и розенкрейцеровской символической философии» Мэн|ли П. Хол|л пишет: «Слово «пирамида», по общему признанию, происходит от слова «пир» (греч.), «огонь», что означает символическое представление Единого Божественного Пламени, жизни всех созданий. // От каждой стороны квадрата поднимается треугольник, представляя трехмерное божественное существо, заключенное в четырехмерную материальную природу. Если каждая сторона основания рассматривается как квадрат, из которого исходит трехмерная духовная сила, тогда сумма сторон четырех поверхностей (12) и четырех гипотетических квадратов (16) составляет основание 28, священное число низшего мира. Если это число сложить с тремя семерками, составляющими солнце (21), то получится 49, квадрат 7 и число Вселенной. // (…) Треугольная форма Пирамиды также подобна позе тела, принимаемой им во время древних медитативных упражнений. Мистерии учат, что божественные энергии от богов нисходят на вершину Пирамиды, которая уподобляется перевернутому дереву, с кроной внизу и корнем вверху. Из этого перевернутого дерева божественная мудрость распространяется вниз по наклонным сторонам и растекается по миру. // (…) ...божественная сила фокусируется на простирающуюся вниз структуру. Она [пирамида] была... согласно секретным учениям, гробницей Осириса, черного бога Нила. // (…) Великая Пирамида может быть уподоблена воротам, через которые древние жрецы позволяли проходить для достижения индивидуального завершения лишь немногим. (…) // Немногие понимают, однако, что Великая пирамида является воротами в Вечность».

*

О древности Сфинкса и сути его у Шюре в «Великих Посвященных» сказано: «Почти столь же древняя, как и очертание наших континентов, первая египетская цивилизация соприкасается с первобытной красной расой. Колоссальный сфинкс Гизеха подле большой пирамиды создан ею. Во времена, когда дельта, образовавшаяся позднее из наносной земли, приносимой Нилом, еще не существовала, огромный символический зверь уже лежал на своем гранитном холме, позади которого возвышалась Ливийская горная цепь, и смотрел своими каменными очами в море, разбивавшееся у его ног там, где в настоящее время расстилается песчаная пустыня. Сфинкс был первым творчеством Египта и он же сделался его главным символом, его отличительным признаком. // Наиболее древние представители религии человечества изваяли этот символ природы, бесстрастный и страшный в своей неразгаданной тайне. Голова человека на теле могучего быка с львиными когтями и орлиными крыльями,

сложенными по бокам. Это — земная Исида, сама природа в живом единстве различных своих царств. Ибо уже тогда, в незапамятной древности, жрецы знали и учили, что в великой эволюции нашей солнечной системы человеческая природа возникает из природы животной. В этом соединении быка, льва, орла и человека заключаются и четыре зверя видения пророка Езекиила, представляющие основу оккультной науки, и четыре составных элемента микрокосма и макрокосма: земля, вода, воздух и огонь. Вот почему в позднейшие века, при виде священного животного, лежащего на пороге храма или в глубине склепов, посвященные чувствовали, как оживала эта тайна внутри их души, и они безмолвно склоняли крылья своего разума перед внутренней истиной. Ибо еще ранее Эдипа они знали, что разгадка тайны сфинкса есть *человек*, микрокосм, божественный проводник, который включает в себе все элементы и все силы природы. // Таким образом красная раса оставила после себя в сфинксе Гизеха единственного свидетеля, неопровержимо доказывающего, что она ставила великую проблему о человеке и по-своему разрешила ее».

Тьму как Волю (Намерение) Атлантов, чрез Сфинкса подвигшую Египтян к созиданию Пирамид, различали Грэм Хэнкок и Роберт Бьювэл. В труде их «Загадка Сфинкса (Хранитель бытия)» меж иным говорится: «хорошо известно, что архитекторы сориентировали пирамиду по сторонам света (северная грань смотрит на север, восточная – на восток и т.д.). Менее известно, какова точность этой ориентации. А ведь среднее отклонение от точного направления лишь чуть-чуть больше 3 дуговых минут (около 5 процентов градуса). // К чему такие ухищрения, такая точность? С какой стати фараону (пусть самому что ни на есть мегаломану) заботиться о том, чтобы его массивная «гробница» была ориентирована на север с точностью 3 минуты? Или даже на целый градус? Ведь невооруженным глазом практически невозможно разглядеть такое отклонение. Большинство из нас не смогло бы уловить не то чтобы 3 минуты, но даже и 3 градуса (180 минут). Некоторым людям нелегко вообще показать, с какой стороны север... Поэтому встает вопрос: для чего потребовалась эта невероятная точность? С какой стати строители утруждали себя такой дополнительной работой, если результат подобных суперусилий абсолютно незаметен (для невооруженного глаза)? Для того, чтобы создать подобное чудо строительного искусства, нужен был *мощный побудительный мотив*». Мотив сей (от motion — движение), «то, кое движет» — есть воля Атлантов: Намеренье, Тьма. Его как Прорву, Бездну Грэм Хэнкок являет в труде с говорящим заглавьем «Следы богов». Он пишет здесь: «Столь точная строительная техника (ее точность — на уровне лучших современных образцов) могла сформироваться лишь после тысяч лет развития и экспериментов. Однако в Египте не существует никаких следов такого эволюционного процесса. *Великая пирамида и ее соседки по Гизе явились как бы из черной дыры в истории архитектуры, такой глубокой и широкой, что ни ее дна, ни сторон не видно*» (курсив везде наш).

Волю-Тьму как творца Пирамид в ее самодовлении зрим мы в глубоких словах, вложенных Болеславом Прусом в уста фараона Рамсеса XII-го, дающего разъясненье наследнику о сих домах. В «Фараоне» читаем мы: «Сын мой, — сказал он [Рамсес-отец], — эти пирамиды — вечное свидетельство необычайного могущества Египта. Если бы какой-нибудь человек захотел воздвигнуть себе пирамиду, он уложил бы небольшую кучу камней, бросил бы через несколько часов свою работу и спросил бы: «*На что она мне?*» Десять, сто, тысяча человек нагромоздили бы немного больше камней, ссыпали бы их в беспорядке и спустя несколько дней тоже бросили бы работу. *На что она им?* Но когда египетский фараон, когда египетское государство задумает собрать груду камней, — оно сгоняет сотни тысяч людей и строит десятки лет, пока работа не доведена до конца. Ибо **дело не в том, нужны ли пирамиды, а в том, чтобы воля фараона, раз высказанная, была исполнена**». «Да, — итожит наследник слова отца, вспоминая его наставление — (…) ***пирамида — это не могила Хеопса, а воля Хеопса*. Воля, которая находит такое количество исполнителей, какого нет ни у одного царя на свете, и проводится так планомерно и настойчиво, как это может быть**

только у богов. Еще в школе меня учили, что человеческая воля – это великая сила, величайшая сила под солнцем. А ведь воля человека может поднять едва лишь один камень. Как же велика, значит, воля фараона, который воздвиг гору камней **только потому, что ему так захотелось**, что он так пожелал, **хотя бы и без всякой цели**» (выделено нами). Не внешняя цель — ***Цель-Внутри, вечный Бог*** **вдохновлял фараонов к работе; Тьма, Длань Его, двигала их**. Столп ее был — как есть ныне в зрячих очах — Сфинкс, творец Пирамид недеянный, арабами неспроста прозывавшийся «отец ужаса» (Абу эль Хол): **Сила Божья, Жизнь-Смерть, в нем живя, смертных нас вводит в трепет, маня и страша.**

---

* Плетр — греческая мера длины, равная 1/6 стадия, или 32,17 м (1 стадий = 193 м).

62 Солнце бел|ое: Бога собой указуя, оно для лишенных Его — Сатана, Бэл (Ваал). Имя Г|ел|иос — знак тому строгий: «эль» — Бог в нем, «гел» (hell) — ад, Диавола трон, и с ним Дьявол сам — Вол|анд, служанкой чьей гол|ой **(**наг|ою — как Истина — Тьма-Жена, Наг, Змий (инд.)**)** — Гел|ла была, тьма от Тьмы.

63 **Эфир е́сть Мир как огнь, тайный бренным очам в превышении их: не смотрящих, но *видящих* огнь**. Бренны, мы — Мира часть, Полноты этой чуждая; Мир — Полнота эта; эфир — звено, чрез какое часть с Целым одно. Посему без эфира нет нас: мы без Мира — ничто, нуль. В «Тимее» Платон посему речет о додекаэдре — теле эфирном, согласно «Софисту» его ж, — как телесной фигуре, используемой Демиургом «для очертания Вселенной», ведь есть она лик Полноты. Однако, по Диогену Лаэртию, Платон почерпнул эти сведенья у Филолая (как тот — у учителя, Пифагора), о коем Платонов питомец С|пев|сипп писал на основании его материалов как трактующем «о пяти фигурах, которые он приписывает космическим стихиям [элементам мира]» — и, стало быть, Мир и эфир, Целое с частию (элементом), у Греков одно. Посему Гераклит попросту понимал Логос, Огнь в горней Тьме, в сплаве с коей он Мир, как «эфирное тело»; и так же — Аэций; зрил Миром эфир Стагирит **(**«Согласно, Аристотелю, шар Вселенной является эфирным телом, называемым им пятым», — пишет псевдо-Плутарх**)**. Тело это, Е|Т|Н|Е|R — Шар Любви, коим зрил Эмпедокл Мир, Тьма-Эр|ос, Огонь. Эфир — Целое, Полность; все, что не есть он, есть не-Полность внутри у него, не-эфир, что **ма|т|е|р|ьей** зовем. Посему об эфире писал Аристотель как о невозникшем, негибнущем и неизменном, а с тем — и лишенном материи: быть ею — есть нарождаться и гибнуть в когтях Перемены как сути ее.

Эфир как тайный огнь — пониманье, противное своей цельностью дробной трактовке эфира как «тонкой материи», коей, согласно Генону, есть «наименее грубая часть **мира телесного**», сиречь **часть *части* Всего**, а не **часть Всего**, коей эфир зрил эллин как делением **первым** от Мира, единым с Монадой сей, — а не **вторым**, отрешенным.

Как тайный огонь, эфир зримым стихиям противен; постольку и тело его есть иное, чем тело их как стран одной наблюдённости. Это и подтверждает нам псевдо-Плутарх, коим сказано: «Последователи Пифагора считают, что тела́ четырех элементов (стихий) имеют форму шара и только выше всех них располагающийся огонь [сиречь незримый огонь, эфир — *Авт.*] конусообразен». Помня о том, что для древних с объемным их зреньем (стояло на Мифе оно, отворясь в него как в Объем, Глубь) конус имел опору не в плоскости — в сфере **(**смотрение — в *виденьи*; так философии столп — Мудрость: Двоицы — Ноль**)**, сиречь **и сферой был, и не-сферой**, — зрим в нем мы Сфетраэдр, или Сферотетраэдр: звено между зримыми элементами, или стихиями, и тайным в очах смотрящих единством их, Миром: ведь следуя древним, считавшим огонь равно сферою и пирамидою, **сиречь тетраэдром (**ведь пирамидой — от «пир», огонь — звался тетраэдр ими**)**, — две сих фигуры нам до́лжно и отождествлять и зрить в розни, согласно закону единства различья. Сим **телом единоразличия** и есть Сфетраэдр как «конус» у пифагорейцев: суть то, что как Двойка — не-Сфера, на Сфере стояща — собой указует Одно: вечный Мир, Сферу сфер.

Эфир *видеть* — зрить Мир, чей он лик. Эфир старой наукой был зрим, а для новой — ничем стал, забавой пустой. Не эфир то исчезнул — ослепли те очи, что ранее зрили его.

64 Об Уме как законном Пути в Любовь, Сердце, сказал Эпиктет: «Любовь свойственна только здравомыслящему человеку». «Ищи любви, идущей не столько от сердца, сколько от разума, — она-то достойна личности», — о том сказал Б|аль|т|а|с|ар Гра|сиа|н-и-М|ор|а|л|ес.

«Дзен» — «жэнь», «человечность» (кит.), понятье главное у Конфуция как мужа Дня, Бытия-Ума, верного Сердцу. Ведь быть человечным в сем мире Ума — как Уму, есть быть полнимым Сердцем как Глубью своей, Женой — Мужу: ж|энь — в сути Жен|а («энь» — суть Инь, Тьма-Ин|ое, противная Свету, Сему: Уму — Сердце).

65 Тьма — России восточная Суть. Само имя сие — от «роса», влага ночи; Русь в сущности — «Рух» («бути в ру́сі» — есть «двигаться» (укр.)) как Движенье, Руах, Дух-Жена; стольный град наш Москва в сути имени — Мать-Тьма; Двуглавый Ор|ел, символ наш — Ноль, короной большой осеняющий двоицу малых — Тьму-Два, коей Суть он. В фамилиях русских Тьма как Ov|o, Ev|e, In'oe (Глубь) — явна очам в окончаниях «ов», «ев», «ин».

Тьму как России суть явил Бердяев в труде своем «Русская идея». Она здесь — столп царства Московского, «душного», бывшего, как «теократия с преобладанием царства над священством», **сатанократией** с согласной ей тоталитарной организацией и стилем правленья (отсюда и **адская** душность — см. Приложение). В русском раскольничестве как «уходе из истории», попранной дьявольской властью **(**оно здесь зовется «глубокой чертой нашего народного характера»: Глубь есть Вода, Тьма**)**, и прямо с ним связанном обскурантистском обрядоверии как одном из полюсов русской религиозной жизни, противным которому было «искание Божьей правды, странничество, эсхатологическая устремленность», — зрим Тьму ту же. Само мышление русское, пишет Бердяев, тоталитарно и целостно — как Тьма сама; и поистине, когда славянофилы идеализировали допетровскую, «душную» Россию как образчик единства, они были правы: она и была **монолитностью Тьмы**. Суть России хтонична, и как о Жене, говорится о ней: «Очень сильна в русском народе стихия Земли, это заложено в очень глубоком слое русской души. Земля — последняя заступница. Основная категория — материнство. Богородица идет впереди Троицы и почти отождествляется с Троицей. Народ более чувствовал близость Богородицы — Заступницы, чем Христа»: Матери, нежели Сына. Законно в контексте сего поминает Бердяев концепцию инока Филофея о Москве — третьем Риме: пункт Тьмы, от Египта идущей и **ищущей г|ра|д для себя как оплот (**ведь оплот, столп — град, древним являвший собой **государство особое)**, вослед за Римом **(**империей, чье имя суть **город)** и «Римом вторым», византийским, явил град сей. Тьму как восточную суть свою ярко явила Россия сошедшись с противным себе, о чем сказано здесь: «Необычный взрывчатый динамизм русского народа обнаружился в его культурном слое лишь после соприкосновения с Западом и после реформы Петра. Гер|цен говорил, что на реформу Петра русский народ ответил явлением Пушкина». **Гений черный** в потомке арапа явив как **поистине русский**, Тьма-Сердце себя оказала, с бессердным сопрягшись Умом как его антипод: в мире сем полюса возбуждают друг друга являть суть свою.

Зна́ком Тьмы, сути русской, в трудах славянофилов есть законно подчеркиваемое ими значение хорового начала у русского народа (в отличие от самодовления и изоляции индивида — см. далее), хора как многих согласья: Тьма-Се́рдце — Суть хора вещей. Полнясь ею, как верные дети земли своей, славянофилы боролись с западным рационализмом как явленьем сугубо умственным, зря посему в нем источник всех зол.

Государство мирское — не Сердце по сути, но Ум. С тем, Петр I, привнесший в Россию сей западный, **умный** шаблон государства, — родил и борьбу с ним: **Ум — Сердцу не царь**. Посему-то в Московии «душной», Петровой порою и после — «Русские не любят государства: они или бунтуют против него, или покорно несут его гнет. Христианская государственность — внутренняя», не-сущая в мире довлеющей внешней государственности: порядка западного толка,

о коем вел речь К. Аксаков, назвав Запад «торжеством внешнего закона»; а посему в рамках этой концепции христианское государство невозможно. Об этом писал Х|о|м|я|ков, утверждавший, что Запад не понимает несовместимости государства и христианства; выступая охранниками самодержавной монархии, славянофилы уповали на **Божию, Темную суть** государства, ей, тайной, надеясь дать явь.

Тьма — Единство, Тьма — Бездна, Разлом (Кастанедой зовущийся «трещиной Мира»). В том — **русский трагизм: монолитность разрывности, мощь ее**. Сказано у Ключевского: «каждый новый русский царь начинал с того, что отвергал предшественника». Рознь взяв оплотом, Идти — мы не можем: **Единство — Путú суть**. Сказал Чаадаев: «У нас [в России] что у других народов обратилось в привычку, в инстинкт, то нам приходится вбивать в головы ударами молотка. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды сами себе... [в чем суть Лжи, что себе неверна, Заблужденья суть — *Авт.*]. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам Бог весть откуда» [из Тьмы, кою знает лишь Бог; чужд Сему, так из Тьмы пришел Гитлер — в нее ж, как Иное, ушел]. Разрыв этот есть **богооставленность Русской земли**. Бог есть Мера меж Светом и Тьмой, меж Женою и Мужем; без Бога сих двое — в борьбе, чей итог без Средины, **И**, — всё **иль** ничто. «В русской духовной жизни, в русской духовной культуре, — писал Бердяев, — всегда было то же надрывное и болезненное соотношение между мужественным и женственным началом, что и в жизни русского государства. Духовно народ русский слишком подчинился чуждой ему Виз|анти|и, и это подчинение **[**=гнет Ума над Русью, Сердцем, застывший *железно* в кириллице, знаковом строе Ума, анти-рунах — *Авт.***]** многое исковеркало в душе его. Византизм тяжелым гнетом лег на русскую жизнь. И под этим гнетом подымалась, бушевала и трепетала русская хлыстовская стихия. В самом русском православии было какое-то неорганическое смешение византизма и хлыстовства. Русское православие — оригинальное явление русского духа, оно очень отличается от греческого. Я говорю не о Вселенской Церкви, заключающей в себе единую истину, я говорю о своеобразной религиозности русского народа. Русский народ получил иное религиозное воспитание, чем народы Запада. Русский народ религиозно воспитан в культе святых и святости. Православная церковь дала русскому народу возможность вынести его тяжелую историческую долю. Но православное религиозное воспитание не давало того закала личности, той самодисциплины души и культуры души, которые давало на Западе католическое религиозное воспитание, а по-своему и протестантское. Католичество бронировало душу, давало душе твердые очертания и ясные, кристальные критерии добра и зла. Кристаллизованность католичества укрепляла душу, но она же и закрывала безбрежные и бесконечные перспективы, делала её недостаточно чуткой к мистическим веяниям. Русская душа оставалась в безбрежности, она не чувствовала грани и расплывалась. Темные стихии обступают русскую душу и овладевают ею, не встречая сопротивления. Поэтому русская душа восприимчива к духам, к которым мало восприимчива душа западная. Это можно назвать апокалиптичностью русской души. Но для исторической жизни, для создания культуры православие не воспитало русского человека. Западное религиозное воспитание и после отпадения от веры оставляло крепкий осадок в форме норм культуры, добродетелей цивилизации. Душа русского человека после отпадения от веры попадает во власть нигилизма. Француз бывает догматиком или скептиком; немец — мистиком или критицистом; русский — апокалиптиком или нигилистом. Самый трудный удел — удел русской души. Можно строить культуру догматически или скептически, мистически или критически. Но невозможно строить культуру ни апокалиптически, ни нигилистически. Апокалипсис и нигилизм — конец всего. Ни апокалипсис, ни нигилизм не признают серединного царства культуры. Потому так трудно русскому человеку участие в историческом процессе, в творчестве культуры. *Он хочет, чтобы поскорее всё кончилось или всем или ничем* **[**посему гимном русских революционеров и стали слова «Интернационала» с их

главною фразою «кто был ничем, тот станет всем»: Всё, ничто — Тьма — *Авт.***]**. Русская народная стихия одинаково находит себе выражение и в черносотенстве, и в большевизме. Крайние правые и крайние левые у нас сходятся, *как одна и та же темная стихия*, та же смесь неосознанного и извращенного апокалипсиса с нигилизмом» (курсив наш).

Рознь — трон Сатаны. Посему тьма России — масонства оплот, чьи идеи, взойдя, чрез жерло́ революций, явили Земле большевизм: царство **тьмы, большинства**, не любимого Гераклитом, как Веденье-Тьма презиравшим толпу, **чернь** невежества, коей и есть большинство это: мудрость — немногих удел; Тьма, Единство — сверх многости, тьмы.

Тьма как Полность — Ноль-Два. Ноль, она Тьма-Единство, Два ж — рознь, меч, что, Богу согласный, Его утверждает, а нет — Сатану. Обе сих ипостаси являет народ русский: как «в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей». Отсюда крайности мысли его, о каких говорится: «В России все расценивалось по категориям ортодоксии и ереси»; само ж мышленье, как сказано, тоталитарно и целостно. Тьмы яркий лик — **нигилизм и беспочвенность** русской интеллигенции **(**вполне согласные вышепомянутой нелюбви русских к государству, и в литературе предвещаемые Ча|цким, О|не|г|ин|ым и Печ|ор|ин|ым, а являемые Ба|з|ар|овым и иными**)**; да с тем и **активность умов ее**, — Тьма есть Деянье, — о коей Бердяев сказал: «Русская мысль всегда будет занята преображением действительности. Познание будет связано с изменением». Сердце-Тьма ищет Света-Ума себе как должной пары — и вот почему, пишет тот же муж, «Русские искали в западной мысли прежде всего сил для изменения и преображения собственной действительности» — **сил Ума, Сердцу согласных**, — и, черпая их, «были так увлечены Гегелем, Шеллингом, Сен-Симоном, Фурье, Фейербахом, Марксом, как никто никогда не был увлечен на их родине».

Тьма — Ноль-Два. Но Свобода, Ноль — Двоицы-Необходимости выше. Посему и славянофилы и западники, русские ра́вно, а с тем равно чуждые западной катафатичности, равно искали Свободу, в согласии ей зря **особый наш путь — путь ее**. И в том их правота. Суть восточная наша, Тьма — боль наша, но — и надежда. В ней, Силе — мы силу возьмем для Пути!

Ибо сила — в единстве, а Тьма — Монолит. Прав Одо́евский, критиковавший Запад за его иссякание духа: Воды, Тьмы; и рек Достоевский о том: «Наша нищая, неурядная земля, кроме высшего своего слоя — как *один человек*... Напротив того, в этой Европе, где накоплено столько богатств, все гражданское основание всех европейских наций — все подкопано, и может быть завтра же рухнет бесследно, на веки веков, а взамен нечто неслыханное, ни на что прежнее не похожее. И все богатства, накопленные Европой, не спасут ее, ибо в один миг исчезнет и богатство» (курсив наш).

Россия — земля богосущная. В Боге едина она. Ей обресть Его — сплавить в одно Ум и Сердце; в Нем, Третьем меж ними и Первом Вверху — вся загадка ее. «И западники, и славянофилы, — писал Бердяев, — не могли понять тайны русской души. *Чтобы понять эту тайну, нужно быть в чем-то третьем, нужно вознестись над противоположностью двух начал* — восточного и западного, и двух сознаний — славянофильского и западнического, нужно знать Восток не только по смутным переживаниям восточной стихии, и Запад — не только по поверхностному западническому сознанию. Острота познания рождается от выхода в третье из двух противоположностей. Россия есть великий и цельный Востоко-Запад **[**Сердце-Ум — *Авт.***]** по замыслу Божьему, и она есть неудавшийся и смешанный Востоко-Запад по фактическому своему состоянию, по эмпирическому своему состоянию» (курсив наш). Бог — Тот, кто смешенье сие претворит в цельность. Рек Чаадаев: «раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим — на Германию, мы должны… сочетать в себе две великие основы духовной природы — воображение и разум — и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего мира».

*

В истории государства Российского как столпы ее высятся две исполинских фигуры — Петр I и Екатерина II. Их чúсла являют их суть — Свет (его жаждал Петр, прорубая в Европу окно: Свет, Ум — в Ум) и Тьму (коею Екатерина, любившая зваться Мин|ер|вой, Афиной, сама полагала себя), Ум и Му|дрость. Вагиной вторая была (жарка в страсти любовной своей), первый — Фаллосом (явленным в стати его: тверд, высок, прям).

Как Ум, для России, Тьмы (ибо она — темносущна) не муж, не любовник — насильник был он; суть насилья же — Тьма как Диавол, мощь внешня. Бердяев писал о том: «Явлением мужественным в русском государстве был Петр. Но Петр был не столько мужем, сколько насильником. Он изнасиловал женственную душу русского народа. Законного брака русской мужественности и русской женственности не совершилось и через него. Часть народа приняла Петра за антихриста. А потом покорно подчинился народ вошедшему через Петра немецкому бюрократическому началу. Петр вздернул Россию на дыбы, он призвал Россию к великому будущему. Но в женственной русской душе осталось глухое недовольство против мужественного призвания Петра, и оно перешло в озлобление. Русская интеллигенция целые столетия готовила уничтожение и истребление дела Петра. Раскол в душе России остался непреодоленным и привел к страшной катастрофе, к падению России как великого государства. В русской истории не было рыцарства, и потому не прошла Россия через закал и дисциплину личности, через культуру личной чести». Суть рыцарства — Дамы культ: Да|Ма — Да|ющая Силу Ма|ть всем ее чтящим как Гра|аль **(***Тьма-Бог: «гра» — корень Тьмы, зримый в «гра|д» — цикл, в «гра|ч» — «черный», в «и|гра», Лила Божья; «аль» — «черный», с тем — Бог, темный нам***)**. Изнасиловав Даму-Россию, Петр взял без даянья у ней, изъяв Милость, от коей дыра есть Суд, Зло.

Как Петр, прорубивший в Ев|Ро|пу окно, свет извне топором дал Ро|ссии, — так Екатерина невежество оной, как тьму, обратила в противность его, дав земле сей **свет свой**. Двойке мудрой, был ве́дом Ноль ей, силой чьею творила она и при ней длань — **По|тём|кин**, **Ор**|лов|ы **(**и оба ее фаворита имели единое имя — **Гри|г|ор**|ий**)**. Сколь знала жена эта сущность Жены, ведал Пикуль. В романе его «Фаворит» есть отменный по силе прозрения диалог маркиза де Верака и императрицы, в каком на восторги ее гениальностью сказано ею так:

« — Я не гений, — возразила Екатерина. — Управляться с делами мне помогает мой несносный женский характер. Мы, женщины, от природы наделены умом более практичным, нежели вы, мужчины. Как мать обширного семейства, я озабочена только своим маленьким (!) хозяйством. И пусть это не кухня, а флот, пусть не кладовки, а финансы, — я всюду сую свой длиннющий нос, дабы ничто не испортилось и не залежалось **[**Тьма-Иг|ла — Иг|о-Ла|д — *Авт.***]**. (…) Вообще-то, — продолжала она, — женскую половину человечества я недолюбливаю. Сама женщина, я женские недостатки знаю. Но не могу сказать, чтобы мужская половина мне нравилась безоговорочно… Мужчины, — заключила Екатерина почти торжественным тоном, — хороши только до тех пор, пока мы, женщины, их поддерживаем, пока мы их направляем!

— Отчего вы нас, мужчин, так строго судите?

— Да хотя бы оттого, что в мире еще не нашлось ни одного мужчины, который бы осмелился мне веско возразить.

Де Верак сказал, что она касается очень сложной и опасной темы — равновесия двух различных полов в мире.

— А вот в этом вопросе, — отвечала Екатерина, зардевшись, — я никакого равноправия не потерплю! Как можно равнять мужчину с женщиной, если женщина была, есть и всегда останется *существом высшего порядка*. Приравнять женщину к положению мужчины — это значит оскорбить и унизить ее!». В сих словах самодержицы — сущность Ноля как Жены: и **несносность, опорность** его как Столпа — ибо **он есть *Не*сущий**, неся все, и с тем — несносим; и **практичность** — ведь он есть Деяние; и **вездесущность** — ведь он, **Но**с как **Фаллос** по сути своей (таков нос Бура|тино, бура|вящий мир любопытством: б|ур — б|ор), — и родитель вещам, и творец перемен их, лежать не дающий сверх меры им, коя он сам; и

господство его над началом Мужским, в **М**ире твердое: суть **М**ужа есть Жена, **М**ать **(**с тем, в украи́нском «мати» есть равно и «мать», и «иметь» (обладать)**)**. **Тьма-Жена — Нос носящий; Свет-Муж, Нус — носимый есть Нос, твердый Сердцем, мечом в но|жна|х сих: ибо Сердцем Ум жив и силен**.

Тьму, суть Екатерины, являет **уменье ее воевать и любовь к войне — печать Афины-Мин|ер|вы**, которой законно уподобляют ее и современники, и потомки. «По правде сказать, в войне есть прекрасные минуты. Я нахожу в ней важный недостаток, а именно, что во время ее нельзя любить ближнего, как самого себя», — признавалась Екатерина в письме к Вольтеру. О войне как столпе созидания там же замечено ею: империя наша «из каждой войны выходила более цветущею и эти же самые войны пустили в ход промышленность. Каждая война у нас была матерью какого-нибудь нового источника, оживлявшего нашу торговлю и промышленность».

Сло́в сих глубь знал Гераклит, о Вражде (Войне) рекший как «отце вещей». Пример в том — вознесенье Афин чрез победы над Пер|сами как «золотой век» Пер|икла. Бертран Рассел пишет о нем: «Достижения Афин в эпоху Перикла, быть может, самая удивительная вещь во всей истории. До этого времени Афины отставали от многих других греческих городов. Ни в искусстве, ни в литературе они не дали ни одного великого человека (исключая Солона, который был главным образом законодателем). И вдруг под влиянием победы и богатства, а также из-за необходимости реконструкции архитекторы, скульпторы и драматурги, оставаясь до сих пор непревзойденными, создали произведения, которые определили будущее [развитие этих искусств] вплоть до наших дней. Это станет еще более удивительным, когда мы примем во внимание немногочисленность участвующего в этом деле населения. Около 430 года до н.э. Афины имели максимальное население, которое исчислялось, как оценивают, примерно в 230 тысяч человек (включая рабов); население окружающей Афины сельской Аттики, вероятно, несколько уступало в численности населению города. Никогда, ни до, ни после афинян, ни одно государство, приближающееся к афинскому по количеству населения, не говоря уже о занимаемой им площади, не было в состоянии создать произведения искусства столь высокого совершенства».

В том, что Тьма была Силой, *игравшею* в Екатерине — успех ее царствия, в коем **Россия была Тьмой, ведо́мою Тьмою**. Отсюда — отменное знание Екатериной российской души и любовь к стране сей, коей по́лны дела ее славные. Рекла ж она: «…наша нация имеет самые счастливые способности. Нет ничего легче заставить их оценить все доброе, разумное. Я не знаю, отчего так часто ошибались в средствах; охотно я отнесу вину в этом на сторону правительства, неловко бравшегося за это. Когда в Европе узна́ют более об этом народе, то отбросят много предубеждений и заблуждений, которые составили себе на счет России».

66 Взгляд мирской, зрящий труд Королева в охвате Земли, злом к|он|троле над ней оком Князя **(**мир сей — каземат его; труд Князя — бит|ь**)** по ор|бит|е, стезе имманентной — обманен. **Охвата сего Корнь — Подъем**. **Копие к Богу, Ввысь**, он есть Дело, которым жил муж сей, **покорный Огню**, укрощая его; Сатана, дух-мятеж — Бога тень как Огня, Коим полн Королев.

*

Фамилья моя Ермаков — третья, Миру согласно как Яви, в причинном ряду за «Ньютон» и «Эйнштейн». Оба сих, друг за другом идя, скрыли Мир, обративши умам в **Камень тьмы** — монолит пустоты, что не зрим очам бренным; Мир истинно ж — **Камень Огня**, Полн. Явить Камень сей **(**Камень Зла, тьмы, разъяв, как орех, пополам разделеньем Сократовым равным, 2 : 2**)** должен был человек, его имя имущий — **второе, фамильное имя: Второе нам — Суть**. Как Два, число Египта, оно есть прозвание (прізвище — укр.) ог|небо|га Амона, кто был H|erma|kou|ti — Камень (греч. ερμα) Огня (егип. kou — Дух, Огнь). Буква H, в слове этом начальная как X, Причина, — в Санскрите пустая (у Греков и нет ее); ti — греч. «суть вещи», корнь местоименья-

перста «ты» **(**и прозвище Ра посему было зовом: «О ты, Камень Света!»**)**. Фамильная часть в слове сем посему — ERMAKOU, фамилья моя.

67 Человека как атом Любви миросущный — являет искусство **Пиндара** (ок. 518 — 442 г. до н.э.), и с прочим — его э|пи|ни|ки|и, оды в честь победителей общеэллинских спортивных состязаний, зовущие следовать правилам, уберегающим от двух тягчайших зол: кощунства над богами и насилия над людьми. Ведь Гар|мон|ия — Мир, Хор-Единый; полн ею — полн Миром, как полн им Пиндар.

Мир был Суть его. С тем, был Пиндар люб Эл|лад|е от края до края земли сей: Мир, Суть ее — Солнце людей как Лад их, Полность-Хор. Хором Солнца был Феб, Вакха полный как Тьмы: Мир как Полность — она, Черный Огнь **(**с тем, «согласье» как «хор, лад людей» в русском — «мир»**)**. Бог Единства-Гармонии, Феб (Хор — в Египте) — бог-Мир. По|печ|енье Пиндара про цельность Эллады в единстве с служением хор|овому искусству речет, что, певец Аполлона, был Мира певец он. Тому ж знак — и расположенье им, следуя С|тес|и|хор|у (С|тез|е, Миру), стихов своих по триадам: ведь Мир — Три; а также и то, что в своем отношении к ритму и метрике каждая ода его представляла собой уникальное целое: в Целом, каков Мир, нет тождества и двух частей. Знаменитое обыкновенье Пиндара хвалить *до небес* свое творчество — не эгоизм, поре нашей обычный: **Суть Творчества — Мир, монумент греку**. Его-то славил Пиндар!

Вслед ему песня Миру — Го|р|аци|ево подражанье Пиндару «Exegi monumentun aere perennius»; о Мире ж и подражанье Горацию пера Державина: «Я памятник воздвиг себя чудесный, вечный, // Металлов тверже он и выше пирамид...», — а за ним и бессмертное пушкинское «Я памятник себя воздвиг нерукотворный». Речет мудрость: «Si monumentum requiris circumspice» — «Если ты ищешь монумент — взгляни вокруг». Само имя Пин|да|р, от санскритского «пинда», «семя», и «дар» — суть душа, «семенной атом» (побег его — наша плоть), солнце в теле: Мир-Мы и Мир-в-нас, в части Целое. Агнец Христос, сравнивая всемогущую веру с гор|чичным семенем как наименьшим из сущих семян, рек о **вере души полной — ростом в Суть, Мир**: наименьшее, пишет Кузанский, есть и наибольшее, Альфа — Омега. Огнь божьей Психеи, души нашей — Мира огонь, коим Феб горит. В день торжества Аполлона, Пифийских игр, и народился Пиндар, коего соотечественники за жизнь и творчество, посвященные этому богу, и место рождения вблизи источника муз нарекли «дир|кей|ским лебедем»: птицею Феба, был коей он, как и Платон.

68 Гол|ова в сути имени — гол|ая Суть, коею есть Бог-Мир, Глубь-Я|йцо **(**ovo (лат.); англ. egg — суть ego наше**)**, высиживающее сущее из себя. В теле нашем, Вражде (бреньи), Два сих, как Сердце и Ум, сущи в розни противно Закону Любви, Бога: ум — в голове, хоть он се́рдца тень; сердце — второе за ним, как изгой пребывая внеглавно, в груди, — Двойкой сей, тьмою Тьму, кажет Ноль как Причину и власть над Умом. Тайна в нас, власть сия — явь в Гостях, что как чада Любви ум и сердце имеют в единстве в главе, царь где — сердце, как до́лжно.

Творец и творенье, Бог с Миром едины, лишь с тем Оба — есть. Так рек Бруно, считавший, согласно доносу предавшего его в руки инквизиции Джованни Мо|чен|иго, что «Бог столь же нуждается в мире, как и мир в Боге, и что Бог был бы ничем, если бы не существовало мира». Единство их, повторим, — не смешенье: **единым быть с чем-либо — есть не утратить себя, но обресть чрез единство, Вторым укрепясь как столпом**. Так глаголит Закон. Посему, **един с Миром, Бог слит с человеком: три сих — Суть одна, что трояко крепка**. У Бердяева сказано: «Старое учение о том, что Бог сотворил человека и мир, нисколько не нуждаясь в них и творя лишь для собственного прославления, должно быть оставлено, как рабье учение, лишающее всякого смысла жизнь человека и мира. Бог с человеком и миром есть большее, чем Бог без человека и мира. Человек и мир есть обогащение божественной жизни». Бог, Мир, мы — едины, и Бруно сказал о религии: «Религиозный феномен двойствен, он есть раскрытие Бога в человеке и человека в Боге, в нем обнаруживается тоска человека по Богу и тоска Бога по

человеку». Им также подчеркнута верность слов Фр. Баадера, «что человек захотел быть человеком без Бога, но Бог не хотел быть Богом без человека и потому стал человеком».

69 Истину эту, зарытую в прах многознанья Блаватскою, явил Лед|би|т|ер **(**Ум-Муж — толкователь прозрений Жены-Сердца в мире сем *умном*, как пифии — жрец Дельф**)** в «Монаде», труде своем, где Бог, Монада, как в листья капустны закопана в Мир, сущий без бытия — как лишь куча: без Сердца — Ум, цельный им; как не Единое — общее, Рознь. Мудр, Шри Ауробиндо законно сказал, что, щедра на прозренья, Блаватская в некий момент **отошла от Себя**, устремив пыл на **общее дело**: от Глуби — вовне, остудив тем свой дух. Пар исторгся в свисток у нее; Мир, себя утеряв, стал безмирием: Сердце — Умом самосущным, Диаволом — Бог.

Зна́ком мрачной сей перемены стала прямо противная своему ж слову о Боге как Глуби попытка Теософского общества воспитать Учителя мира — сиречь Сатану, кто и есть общий внешний наставник, — взяв чистое в своем младенческом цвете дитя и напичкавши его сакральными знаньями. Попытка кончилась крахом: ребенок сей (ныне известный как Джидду Кришнамурти), возросши, сказал, что учить никого не желает: ведь, Истину в сердце неся, всяк — учитель себя. Так Господь, взыграв в сердце дитяти от искр Знанья, мощно попрал Сатану.

*

Явить Бога, зарытого в Мир как в капустны листы кочерыжка, стремится один; закопать в Его в Мир — другой жаждет. Вершат то Сократ обнажающий и Аристотель-таитель. В Платоновых «Диалогах» Сократ, с ним как пастырь единый в отрытьи Единого из кучи общего, просит собеседников определить суть различных добродетелей, не довольствуясь перечнем их проявлений. Таков диалог «Лахет», трактующий о природе мужества. Первое его определение, данное Сократу Лахетом, состоит в том, чтобы, оставаясь в строю, не бежать с поля боя. Сократу же важен не сей частный случай, а цельная суть добродетели, — ибо есть много примеров военной хитрости, когда, отступая, мужественные воины разбивали противника. «В действительности же, — поясняет Сократ, — я хотел у тебя узнать о людях, мужественных не только в бою го|п|лит|ов, но и в конном сражении и в другом виде боя, и, кроме того, не только в бою, но и среди морских опасностей, в болезнях, в бедности и в государственных делах, а вдобавок и о тех, кто мужественен не только перед лицом бед и страхов, но умеет искусно бороться со страстями и наслаждениями, оставаясь ли в строю или отступая: ведь мужество существует у людей и в подобных вещах, Лахет».

Скрытье Блага, противу Сократа, зрим мы в резких выпадах Аристотеля против Платонова Блага, абстрактного и абсолютного, в пользу конкретного, относительного блага. Соль сего в «Никомаховой этике» есть знаменитая фраза «Платон мне друг, но истина дороже», — явившая рознью в очах Стагирита Платона и истины **факт прекращенья Платонова учительства в отношении Аристотеля: истины чуждый — не вправе учить**. Идея Блага «самого по себе», пишет Аристотель, не оправдала себя, хотя эту идею и «ввели близкие [нам] люди» (сиречь Платон — по обычаю своему Аристотель *темнит*, избегая имен). «Что же касается блага, — читаем в начале труда, — то оно определяется [в категориях] сути, качества и отношения (...), а значит, *общая идея для [всего] этого невозможна*». И далее уточняется в духе «капустных листов»: «Так, например, благо с точки зрения своевременности, если речь идет о войне, определяется военачалием, а если речь идет о болезни — врачеванием; или благо с точки зрения меры для питания [определяется] врачеванием, а для телесных нагрузок — гимнастикой» (курсив наш).

70 Мир без Бога как без Сердца Ум, общее как подмена Единого — корень деизма, критерием истины, коя суть Бог, объявившего разум как «здравый смысл» — common sense (англ.), сиречь смысл, **общий** людям: Мир-прах, Сатану, чистый Ум. Общи люди в Уме сем, едины же — в Сердце они, кое Бог. С тем, законно, что духом деизма есть взра́щенный Англией сатанизм (век обоих — XVII-й, Смерти-Восьмерки век), Кромвелем данный в понятьи «свободная совесть»,

какою и есть вольный от Бога Мир. Знак единства их есть путь единый, каким, как кровавой стезей революций, они разошлись по умам: Англия → Франция → Германия → Россия.

Кромвель — тот, кто, главу отрубив королю как наместнику Бога, «свободную совесть» *использовал* первым, ее дав в пример. Но *творец* ее — Лют|ер, Гер|мании сын **(**Her — Причина, явь чья имя Deu|tch: Deu|s — Бог-Тьма**)**, — суть Дьявол, дух-лют|ь, Бога лут|ка, — душ вор, с злобной страстью отстаивавший в 1521 году на Вор|м|ском конгрессе право человека на свободу совести — **свободу от Бога ее** как **пустой, мертвый ум**, — утверждая в нас сущею часть, чужду власти сторонней: Второму, каким Лютер Бога мнил; мнящий же Его Вторым, Сатаной — Сатана са́м. В себе не един (Сатаною веде́м, таков всяк), Лютер сам признавал сатаничность пустого ума, зовя разум «блудницею дьявола»; Каль|вин же («по|вин|ный в тьме», Кали) в лад ему предпочитал «невежество верующего дерзости мудрствующего».

Английская революция как низвержение Кромвелем Кар|ла I и института монархии в его лице (ибо казнь государя сего была первой в истории казнью царя (короля) *по закону* — свободе от Бога, Царя: **беззаконью, закону как Злу**), — выдвигая как главную свою цель свободу совести, место Второму готовила в душах, послом чьим был Кромвель, боролся с кем Карл как с Диаволом Бог, так что Дьявол в масонстве гнездился (и Кромвель — масон), Бог — в монархии. Век XVIII-й — Девятерицы как Лона, Пустого: 1 + 8 = 9, — по миру масонства разнес семена своим *умодвиженьем*, по коему и прозван «веком ума» и «веком свободной мысли» как **мысли бессовестной: вольность от сердца ума есть свобода от совести, Господа в нас**. «Под свободой совести обыкновенно разумеется свобода от совести», — сказал Василий Ключевский: от Господа — для Сатаны. Ум, над Сердцем стоящий, и есть Дьявол, свергший Творца. Столп деизма английского Локк призывал к сей победе, в своем сочинении «Разумность христианства» (1695) и четырех письмах «О терпимости» **(**терпимость — не благо: в себе не|терпимость несет она, пару свою; кто терпит — взорваться готов: иго — крышка котла, где кипит дух наш**)** требуя согласия Откровения с законами разумного познания. Вера, писал он, не должна быть сверхразумною, предмет ее должен быть понятен, — сиречь быть меньшим, чем ум, для объятия им, с тем — попрания: Ум сам в себе — Сатана, Плен. Джон Толанд, идя дальше в сем, в Откровении зрил раба разума — средство к развитью его.

То, что Бог сим масонским трудом заменен Сатаною был: Глубь на облатку, — явил меж иных Сидней Смит *острой* фразою: «Какая жалость, что в Англии нет иных *развлечений*, кроме греха и религии» — Двоицы, Зла (курсив наш).

В заметке о деизме, имеющейся в словаре Брокгауза-Ефрона, сказано о его столпах, что они не создали систематического учения и деизм был посему током мысли, пропавшим в веках без следа. Нет, исчезнувший сей — Сатана, одолевший мир тайно; не зрить его — иметь опорой своею. Так воздух, прозрачный столп наш, нам ничто, пока мы не лишились его.

71 Богом как действующею (ближайшей, прямою) Причиной, творящей библейского Дьявола, есть не Отец, но Мать, не Муж — Жена. С тем, по Библии, книге Отца, ни один из шести дней творенья не начален Змею, каков Сатана, предстоящий им всем как плод Матери. Ибо отец — не родит. Посему Бог-Отец не родил ни Адама как ветхого Сына и ни Иисуса как нового — их родила Мать. С тем, **Дьявол, Адам и Христос есть родные во Матери братья**. Сему знак — внимание Змея к Адаму, **забота любовна**, да с тем Амфесбена, змей о двух главá́х, где Христова одна, а вторая — Антихриста: братья, они змеи оба (и оба — рогаты: рогат Агнец, Дьявол — рогат). То ж являет Булгаков романом своим, в коем Воланд — заступник Христа: «заместитель» (укр.), ведь «заступать» — замеща́ть, **братом быти**: замена законна — родня.

Из троих Сынов Матери Диавол — старший. Посему Иешуа, Христос, у Булгакова **просит** за Мастера у Сатаны, кем есть Воланд — и тот, как сильнейший, свершает **по просьбе Его и по воле своей**.

72 Эрих Фромм рек: любовь есть искусство. С тем, до́лжно учиться ему, над собою растя. Торить к Богу с|тез|ю — изострять ход Любовию: Тьмой, Шилом шил.

Цель — ничто неспособным Идти. Любовь-Путь — вот Кам|пан|ия наша: «кам» — Кама, «пан» — Пан, божья Тьма. Корнь борьбы, Любовь — столп Александра, о коем Плутарх говорит: «он хотел унаследовать власть, чреватую не роскошью, удовольствиями и богатством, но битвами, войнами и борьбою за славу» — Путем, в коем жизнь вся.

Любовь как искусство Идти чтил Монтень, рекший в «Опытах»: «Я предлагаю читателю мысли неясные и не вполне законченные, подобно тем, кто ставит на обсуждение в ученых собраниях сомнительные вопросы: не для того, чтобы найти истину, но чтобы ее искать». О господстве искусства писал муж сей: «Во время охоты ловкость и целесообразность наших действий и является в сущности той дичью, за которой мы охотимся: если мы ведем охоту плохо, неумело — для нас нет извинения. А уж поймаем ли мы дичь или не поймаем — дело совсем другое. *Ибо мы рождены для поисков истины.* Обладание же ею дано лишь более высокому и мощному духу. Истина вовсе не скрыта, как это утверждал Демокрит, в глубочайших безднах, — вернее будет считать, что она царит высоко над нами и владеет ею мысль божества. Мир наш — только школа, где мы учимся познавать. Самое важное не взять приз, а проявить больше всего искусства в состязании. Тот, кто вещает истину, может быть таким же дураком, как и тот, кто городит вздор: ибо дело у нас не столько в том, что именно сказано, сколько в том, как сказано. Я склонен уделять форме не меньше внимания, чем сути, защитнику дела не меньше, чем самому делу, как считал нужным Алкивиад» (курсив наш).

Бог есть Цель. Человек есть Идущий к ней Миром, Путем, с ней единым. То — **Миссия духа, артиста-огня в маске, имя чье есть «человек»: Сути — форму стяжать**. Рек Мон|тень: «нет ничего более прекрасного и оправданного, чем хорошо и честно исполнить *роль человека*» — **Идущего роль: победить *людям* — твердо Идти**. У Монтеня ж: «Кто подлинный победитель, решается не исходом сражения, а ходом его; и честь воина и доблесть его в том, чтобы биться; а не в том, чтобы разбить врага». Рек согласно Некрасов: «Пускай наносит вред врагу не каждый воин, // Но каждый в бой иди, а бой решит судьба». Муж Победы Суворов своею «Наукою побеждать» рек: наука сия есть **труд быть человеком, творцом без покоя, победа чья — пу́ть славный**.

Греция, Маски земля как отчизна театра, начальники чьи Вакх и Пан (столпы Мат|ери-Тьмы, Мас|ки Бога под маской Зевесовой), — тем велика нам, не ведая равных, что, Богом чтя Мир, Целью Путь, нас учила и учит поныне играть роль ролей для людей — Человека, Идущего. Он — пили|грим: в гриме дух, воду Истины пьющий, как искра — Костер ее. Лич|ностью быть — есть как духу, сверхформенной сути, достойно нести сю лич|ин|у; Эллада — наставник в том наш, в чем бессмертье ее.

Быть людьми — учит Греция нас. Рек о важности этой науки Жуковский в письме на рожденье престолонаследника Александра:

Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: человек.

73 Сказано у Марины Цветаевой о сей власти Мира, противной влюбленному сердцу:

Но пока не скрещу на груди персты, —
О проклятье! — у тебя остаешься ты:
Два крыла твоих, нацеленные в эфир, —
Оттого, что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

74 Миром стать как ступенью последнею сей — жаждет всякий Идущий. В М|ис|т|ер|ьях сего достигает адепт, став на смертную грань, единящую Это и То в Мир; **исполнившись смертью как Богом** (ведь Он — Мира Клей единящий), адепт возвращается в Это, уж цел*. Нас целя, смерть есть Жизнь **(***посему-то единым **виной** Азазелло взял Мастера и Маргариту от жизни ущербной, убив их — и их оживил к Жизни, смертью срастив Это с Тем***)**. В То идя — умирая в понятии бренном, — из мира сего восхищается в теле адепт, цел и в жизни, и в смерти: так

входит в Бессмертье он. Сказано у Бердяева: «Бессмертие может быть лишь целостным, лишь бессмертием целостной личности, в которой дух овладевает душевным и телесным составом человека. Тело принадлежит вечному образу личности, и отделение души от тела при разложении телесного состава человека, при потере формы тела не может привести к бессмертию личности, т.е. целостного человека. Христианство против спиритуалистического учения о бессмертии души, оно верит в воскресение целостного человека, воскресение и тела. Личность переходит через расщепление и разрывы к целостному восстановлению. Нет естественного бессмертия человека, есть лишь воскресение и вечная жизнь личности через Христа, через соединение человека с Богом. Вне этого есть лишь растворение человека в безличной природе». На тот же предмет им замечено, что «телесный состав человека находится в том состоянии природного мира, которое порождено объективацией, т. е. экстериоризацией, отчуждением, порабощением. Телесный мир может выйти из объективности и войти в субъективность, т. е. войти в дух, в духовное состояние». О сем глаголя, Эразм Роттердамский, себя вопросив, «какова та небесная жизнь, к которой с такими усилиями стремятся благочестивые сердца?» — та́к ответил: «Их дух, мощный и победоносный, должен поглотить тело».

Дух, Огнь в нашем сердце, изъемлющий нас из юдоли скорбей сей, зовет Кастанеда «огнем Изнутри». Совершенный Уход из нее, коим есть лишь **уход целокупный**, вершим чрез объятье плоти́ сим огнем и всеполном сожжении им ее, с тем — восхищении в Глубь Духом, коим есть он. Так, два Лона Вселенной срастив, Тьму и Свет, мы, в них сущи (согласно Платону, единопричастные Бытью и Небытию), из двух сих **претворяемся в Мир**, Суть-Монаду. О Мире учил Гераклит как единстве Тьмы с Логосом-Светом; Мир, по Кастанеде, — единство Тоналя, земли постижимого нами как Света, с Наг|вал|ем как Непостижимым, Тьмой-Тем.

Так **воздвигнувший Мир как Себя** (**изваявший**: Мир — статуя Бога) законно вступает в сей Дом, не оставив залог миру бренному; чист, отлетает навечно. Таким был Уход Иисуса Христа — в Жизнь возврат как Себя Самое; так покинули мир сей Енох, Илия. Так вознесся и Будда Готама, Четвертый (Вершинный) их сущих Семи (Сапта) Будд. Тело его при кремации не могло быть уничтожено внешним, обычным огнем, претворившись в прах струею пламени, вспыхнувшею из Свастики на его груди.

«Огонь Изнутри», повторим, не сгоранье обычное — он есть Уход. С тем, оставшийся пепел количеством мал и не есть часть отшедшего тела: он есть **пепел брения, остаток нечистоты** (акциденция — по Стагириту; тогда как, Мир в сущности, тело — субстанция), телом отторгнутый в миг, когда стало — как **было** по истинной сути от века — оно Чистотой.

***** Вступленье на смертную грань — акт геройский. Мист жаждет вернуться с нее, но вернется ль — Бог весть; и для многих исход сему — гибель, суть втянутость в То без возврата. «*Пан* или пропал» — вот исход сей двойной: Тьма иль тьма.

75 Чтимость его у древних являет Монтень, в своих «Опытах» пишущий: «Относительно скифов рассказывают, будто Дарий во время похода, предпринятого им с целью покорить этот народ, обрушился на их царя с жестокими упреками за то, что он непрерывно отступает пред ним и уклоняется от открытого боя. На что Ин|да|тирс — таково было имя царя — ответил, что отступает не из страха пред ним, ибо вообще не боится никого на свете, но потому, что таков обычай скифов на войне; ведь у них нет ни возделываемых полей, ни городов, ни домов, которые нужно было бы защищать, дабы враг ими не поживился. Однако, добавил он, если Дарию так уж не терпится сойтись с противником в открытом бою, пусть он приблизится к тем местам, где находятся могилы предков Индатирса: там он найдет, с кем померяться силами».

76 Юнг писал: «метафизические утверждения суть *высказывания души*, и потому они психологичны. Западному уму эта само собой разумеющаяся истина кажется либо уж очень само сабо разумеющейся, когда он по понятной враждебности впадает в просвещенчество, либо

недопустимым отрицанием метафизической «истины». Слово «психологический» на его слух всегда звучит как «всего лишь психологический». «Душа» кажется ему чем-то крошечным, неполноценным, личным, субъективным и тому подобным. Поэтому предпочитают пользоваться словом «дух», всегда при этом ненароком принимая такой вид, будто о «духе», может быть, и впрямь высказано нечто весьма субъективное, — конечно, только о «всеобщем» или даже, если возможно, об «абсолютном» духе. Эта немного смешная самоуверенность служит, видимо, компенсацией за плачевно маленькую душу. Так и кажется, что Анатоль Франс в своем «Острове пингвинов», вкладывая в уста Екатерины Александрийской просьбу к Господу Богу «de leur accorder une ame immortelle, mais petite» [«Дайте им бессмертную душу, но только маленькую» (фр.)], выражает обязательную для всего Запада истину».

77 «С непонятной жаждой новизны стремились мы вступить в новый XX век. Точно некая незримая сила толкала нас разорвать необузданным порывом цепи, связующие наше настоящее со всеми заветами прошлого, насильнически вынуждая забыть, что только в великих заветах прошлого и было заложено зерно той жизни и значения, которыми мы пользуемся в этом видимом мире. Наши первые шаги на пути нового столетия ознаменовались ярко и резко выраженными стремлениями сбросить с себя ярмо устоев нашей духовной жизни, — и в безумии своем мы первый удар нанесли под самое сердце свое в наше Православие», — писал Се́ргий Нил|ус в книге «Грядущий Антихрист и царство Диавола на Земле» о сей силе, порвавшей цепь горней Традиции — цепь Жизни, — век сей отъяв от нее.

Отверженное слово «мир»
В начале оскорбленной эры;
Светильник в глубине пещеры
И воздух горних стран — эфир;
Эфир, которым не сумели,
Не захотели мы дышать.
Козлиным голосом, опять,
Поют косматые свирели.

— сказал Ма|н|дель|ш|та|м о сем мрачном отъятьи, свершенном Ко**ЗЛО**м, Сатаной.

Век XX-й безмирье явил; XIX-й — почву ему, где взросло оно мощно. О ней сказал Хо|се Ор|те|га-и-Га|с|сет в работе «Восстание масс» как «о чем-то абсолютно новом, что внес в человеческую судьбу XIX век. Создано [было] новое сценическое пространство для существования человека, новое и в материальном и в социальном плане. Три начала сделали возможным этот новый мир: либеральная демократия, экспериментальная наука и промышленность. Два последних фактора можно объединить в одно понятие — техника. В этой триаде ничто не рождено XIX веком, но унаследовано от двух предыдущих столетий. Девятнадцатый век не изобрел, а внедрил, и в том его заслуга». Здесь дан признак сих перемен — бурный всплеск **человеческого количества, ма|с|сы людей**, тип каких, по Ортеге-и-Гассету, есть **воинствующая посредственность**. Он пишет: «за все двенадцать веков своей истории, с шестого по девятнадцатый, европейское население ни разу не превысило ста восьмидесяти миллионов. А за время с 1800 по 1914 год **[**год Шести, Сатаны как войны мировой: 1 + 9 + 1 + 4 = 15 = 6**]** — за столетие с небольшим — достигло четырехсот шестидесяти. Контраст, полагаю, не оставляет сомнений в плодовитости прошлого века. Три поколения подряд человеческая масса росла как на дрожжах и, хлынув, затопила тесный отрезок истории (…) // Суть [здесь] не в цифрах народонаселения, а в их контрастности, вскрывающей внезапный и головокружительный темп роста. В этом и соль. Головокружительный рост означает все новые и новые толпы, которые с таким ускорением извергаются на поверхность истории, что не успевают пропитаться традиционной культурой (…) // Школы, которыми так гордился прошлый век, внедрили в массу современные жизненные навыки, но не сумели воспитать ее. Снабдили ее средствами для того, чтобы жить полнее, но не смогли наделить ни историческим чутьем, ни чувством исторической ответственности. В массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе». И

далее: «Славу и ответственность за выход широких масс на историческое поприще несет XIX век. Только так можно судить о нем беспристрастно и справедливо. *Что-то небывалое и неповторимое крылось в его климате, раз вызрел такой человеческий урожай.* Не усвоив и не переварив этого, смешно и легкомысленно отдавать предпочтение духу иных эпох (…) // …мы должны предъявить XIX веку счет. Очевидно, наряду с чем-то небывалым и неповторимым имелись в нем и какие-то врожденные изъяны, коренные пороки, поскольку он создал новую породу людей — *мятежную массу* — и теперь она угрожает тем основам, которым обязана жизнью» (курсив и слова в скобках — наши). В поэзии зло сего века — борьба «акмеизм — символизм»: сути («ак|ме» — Суть, Сила) с метафорой, Бога с покровом его, Сатаной, кем есть смысл переносный; борьба, где борящийся всяк нес **печать Сатаны — б|у|нт|а дух: борьбы ради борьбы, без стремленья к победе: Победа — Господь (**в акмеизме печатью сей было эстетство: любовь к красоте как покрову без Сути — нуль, смерть**). Бог не борется с Дьяволом, тенью своей: тень — пред Сутью ничто, нуль; бороться с ней — Силу признать в ней, тем ей покорясь, — в чем и есть бунта суть**. «Символ с самого начала заявляет о себе убийством вещи» (Жак Ла|к|ан). «Всякая символика проистекает из страха. Она знаменует защиту» (О|с|ва|л|ьд Шпенглер). **Бог — Дьявола есть победитель своим небореньем, как с мстителем, с ним**. «Настоящий способ мстить врагу — это не походить на него» (Марк Аврелий). «Поистине, совершая месть, человек становится вровень со своим врагом, а прощая врага, он превосходит его» (Френсис Бэкон). «Месть — это слабых душ наследство, // В груди достойного ему не место». (Кар|л Тео|д|ор К|ёр|н|ер). «Да будет человек избавлен от мести: вот мост, ведущий к высшей надежде, и радужное небо после долгого ненастья» (Фридрих Ницше). В символизме явь Дьявола — зов «от реального — к реальнейшему»: это последнее, мира сего как реальности суть — Сатана, бренья дух.

Век Двадцатый — лжи дом. Число **20** являет столпы его: **Двоицу** — столп первый, главный как **ложь** самое, и **Ноль — Истину, лжи Мать**, второй как отдельный от нас, сущих в Двойке-При|род|е, Пра|крити («пред|тварной»): Жены при Род|ящем, Творце, — ведь она не творец сущих, но лоно их. Ноль — Кор|нь Двоицы, чрез кою мы спряжены с ним и коею ж отрешены; у Индийцев зовется он Мулапракрити, «Природою корневой», **надприродной** как **Тьмой Небытийной**; Пракрити ж есть **Тьма в Бытии, Единице**: сосуде, не сущем без первой, причинной ему Тьмы. Две Тьмы, им делимые между собой **(**явь чему — знак Инь-Ян, где Два — Тьма в Бытии, Свете остров, а Ноль — рядом Тьма**)**, — посему **Тьма одна**, Ноль, что делится на две в себе Бытием-Единицей, стеною **(**с|тен|а — тен|ь: Тьма — Огнь**)**, кою строит она из камней бытий частных, связуя собой их **(**и цельность Бытья есть творенье-крушение Тьмою его как текучий баланс: что ушло — то пришло**)**, представая в ней Двойкой **(**чему знак — «м», Тьма, в «У**м**» вторая: ведь Ум — Бытье, Сердце ж — Ума Глубь, вторая нам, умным**)**; Ноль — Ве́денье, Благо, что Мудростью также зовем, Два ж в себе есть невежество, Зло. В Ведах сказано о том: «В кромешную тьму вступают те, кто почитает незнание. Как бы в еще бо́льшую тьму [вступают те], кто наслаждается знанием» (Брихадараньяка-упанишада, IV, 4, 10). **Ведать — есть ц|ве́сть Весть|ю Божьей: ведь Тьма — Весть сия; а не вед|ать — есть, с тем, у|вяд|ать**. Сути Тьмы, ее силой во Зло *бытия наши строя*, **м**асоны по сей-то причине есть «вольные каменщики» — Тьмы творцы, ею вольные: **Тьма — Во́ля есть, что как Ноль — воля Бога, как Два — Сатаны**. Двух единства сих явь — С|п|ар|т|ы строй, Ноль-во-Двойке: с Победою-Богом единым, в нем был **побежден человек**, и народ как второй встал над личностью, первым как плоть над душой **(**в демократии ж Кромвеля личностью в *обществе* правит толпа, *общность* многих, а не их единство, народ: обезглавлен, он канул**)**, — в чем знак Сатаны как Второго за Богом **(**Платон посему звал людей, душа коих в недолжном плену у плоти бренной, «спартами»: в земле растеньями, в сути — **лишенными крыл** душ их, птиц**)**; посему **личность в Спарте — народ** (отчего вопитанье в ней было общественным). «У народа пусть будет высшая власть и сила», —

рек ретрой своею Ликург. **Спарта, Силы земля — плод утраты Элладой Тьмы-Матери в час Отчий. Ноль утерявши — пред Двойкой склоняемся мы: Тьма — владыка всегда**.

78 Диаволом Божьим есть Воланд булгаковский, Благо под маской Зла (знак в чем — эпиграф романа): Сын, вшедший в Москву, город Матери-Тьмы **(***«третий Рим» — место Силы, Тьмы, в кое из Рима второго пришла Она длить цепь свою: Mos|cow = mot|her-cow = Мать Корова***)**, дать трепку безбожному Сыну, не чтящему Мать — Сатане-большевизму, град сей захватившему наг|ло: злу — блага урок. Умом Ма|тери, Сердца есть Ма|ст|ер к сему; Ма|ргарита, сень Мастера — Матери лик: Бэл|у — бал|а хозяйка. Пи|л|а|т, Пил|ы сын (Пила — Тьма) — тот, в ком Сердце, подпавши под Ум **(**лат|ы Сердца: об|лат|ку, покров; так лат|инский, Пилатов, язык — латы Истины, Тьмы**)**, против него восстало, разбужено Сыном, **узнав Себя в Нем**: ведь Хр|и|ст|а — Сердце суть.

Аристотель — суть Дьявол безбожный, второй. Вот, меж многих, сему подтвержденье. В 10-й главе «Метафизики» о познавательных вехах, им ставимых, пишет он: «а все, что по этим вопросам может вызвать затруднения, мы повторим. Ибо, быть может, через их устранение мы найдем *путь для устранения последующих затруднений*» (курсив наш), — суть **путь для пути:** как второе — не первое. Зрим тут: не Истина — цель Стагирита, а тернии, что ее застят. Путь сей есть **борьба борьбы ради**; идущий им — Дьявол второй: эгоист, иль нарцисс (и коримый Платоном за страсть к показному). Писавший: «похоже на лепет то, что говорит обо всем прежняя философия, поскольку она была молода и при своем начале», — зрил «прежнею философией» муж этот **всю философию до него, Аристотеля**, мня корнем счета себя. Так мнит Богом безбожный себя Сатана.

79 Слово это по смыслу — и «враг», и «стоящий напротив», «напарник». Таков Сатана, Бога тень.

80 Рога Сатаны есть по сути сакральной своей Путь и выбор его. Им согласен помянутый И|грек, **Y**, рог прав|ый чей, по Пифагору, — путь в Истину **(**прав|ды ход: в Истину путь — есть она**)**, **л**евый — в **Л**ожь, ничто. Иг|р|ека, знака Рек|и как Пути, явь — Иг|р|а, коей Дьявол влечет выбирать **(**рул|ь ее (rul|e — правило (англ.)) есть ру|л|ет|ка, число чисел чьих в сумме — 666: Шесть по Трем — как сокрывшие Мир,Три, в очах**)**. Игрек — явь двух свобод: хода в Боге (путь правый) и выбора (точка развилки). Движенье во лжи (левый путь) и отказ от пути (ход ко Дну: не идущий — летит туда, Миру противный: ведь Мир — в Бога ход) есть плен тьмы как свобода-во-лжи.

81 Пребывание Индии как Ума Сердца под властью Британии, Ума Ума, — власти знак Сатаны в мире сем; факт же тот, что колоний Британья лишилась, есть знак преходящести власти сей: тьмы-Ума пред Сердцем-Тьмою как смерти пред Жизнью самой.

82 В Платоновом «Пире» Эрот именуем софистом, суть тем, кто, согласно одноименному диалогу, причастен Небытию; то ж речет и Арасп в Ксенофонтовой «Киропедии». В «Софисте» сказано, что Эрот и не смертен и не бессмертен; что он из богов наимладший — но с тем и старейший (как плод прямой Хаоса); что, хоть любовь он к прекрасному, — сам не прекрасен; не добр — хоть лелеет добро. Взято вместе, все это являет: для сущих Эрот — **никакой**: не причастный бытийному кругу — причастен он Небытию **(**с тем, индусский аналог Эрота, бог Кама — «ананга», сиречь «бестелесный»: не-сущий нам, ýмущим плоть**)**. Так причастно **вино** ему, верный любви сотоварищ (а в пьянстве — подмена ее, заместитель — «заступник» укра́ински): оба суть Тьма. Пушкин рек о вине: «Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный, // Гордость внушающий нам, шумный заступник любви!». Явь единства любви и вина — то, что Ор, охранявших Олимп и порядок в природе, зрить можно и в свите богини любви Афродиты, и (вместе с Ха|р|ит|ами) в Вакховой свите: Суть Ор, Тьма — к Тьме льнет, коей есть оба бога сии.

«Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел», — замечено Ларошфуко. **Суща в Этом, Любовь, То, — мираж нам, и явь ее — явь миража**.

Тьма, Любви Суть, видна из того нам, что по Гесиодовой «Теогонии» Эрос — дитя Тьмы прямое (ведь Тьма — Хаос, Мать его); Эрос-Эрот (каков есть, двуедин, в теогонии Орфиков он) с Афродитой (Кипридою) — теогонически-старшие сути, чем Зевс, огнь людей; и, бессмертна, Любовь на земле явна в Детстве (Эрот на Олимпе — дитя). Лик Тьмы — Двоица. С тем, оба сих божества, пишет в «Пире» Платон, сущи в двух ипостасях: Любовь как жена, Афродита — как Афродита Урания (Небесная) и Афродита Пандемос (Всенародная); Любовь-муж, Эрот — как небесный и пошлый, — что нам чрез Диаду являет Тьмы суть, Ноль.

Причастный ко Тьме, Эрот Зевса важней. Он играет сим влюбчивым богом — и Зевс рад игре́ сей. С судьбою един, он — друг Мойр, страшных Зевсу. В Гомеровой «Илиаде» речет о том взвешиванье Зевсом судеб Ахилла и Мемнона пред их сраженьем. В момент, когда чаша Ахилла пошла вниз, Эрот задел ее крылом, и она поднялась. Исход взвешиванья, решенный тем в пользу Ахилла, Зевес и иные (Фетида и Эос) почли **справедливым по умолчанью**, Эротову зная суть: Тьму, Ноль-Безмолвье. Так знает ее всяк влюбленный, в любви чуждый слов.

83 В руке на́шей Шесть сих зрим в полидактилии — добавке перста, аномальной к н|ор|ма|льным Пяти. Так Любовь, аномальна в сем мире, является нам средь нормальной Вражды.

84 Пункт рта верхнего есть Сахас|ра|ра — седьмая, вершинна из чакр (врат-линз Силы, Тьмы) те́ла, что, стоя надглавно, **едина касаньем** с макушкой главы человека, над коей стоит. Чакра эта в раскрытьи, как Лотос, собой единящая плоть человека и Мир (часть и Всё), у мирского субъекта забита, как пробкою горло бутылки, корой **эгоизма** (число коей Ш|ест|ь), изнутри выбиваемой копьем-шест|ом Ш|акти, Силы, всходящей, восстав ото сна, по Шушумне, столбу в теле тонком — Тьма в Тьму — ко стяжанью Себя.

Стопный рот Гостей наших — **рот-корень**, имеемый Гостем как древом: ведь, истинно, Гость древо есть, но — ходящее ради подобия нам (вне его ж — Гость парящ, с гравитацией, силой причинной, единый, и с тем — неподвластный ей). С тем, корнь-рот, ради хожденья граничный с землей без вхожденья в нее (что в растеньях зрим мы у пе|река|ти-поля); рот верхний — дан Гостю не ради питанья и не речи ради, но **ради подобия нам**, кое зрим мы **к познанью себя**. Рот наш, данный к питанью плодами земными, у нас отстоит от земли, тем являя ущербность; рот-корень — таим, но он, истинно, есть, и зрим был Египтянам, у мертвых срезавших стопы — рот земной, лишний Небом поимым. Рот сей нам известен чрез радость ходить по земле бо|сиком, что ярка́ у детей.

85 Десять, Гостя число как **Мир в яви** (каков он для *видящих,* коими есть Гости; нам — Тайна он, сущий в лоне, Девятке), дает 10 месяцев, Плод, умноженьем на месяц, срок *виденья* **(**Год, Полность — *виденье*, часть чья законная*,* 1/12*,* полна полнотой его**)**. Мир — Бога плод, мы ж — подобья Творца; с тем, и мы, и пло́д наш — суть Мир, Плод.

Есть два срока Плода для Антропов: для нас — 9 месяцев, Гостям же — 10. О том речено в Ведах: «(…) Зародыш в оболочке, после того как пролежал в лоне **десять или девять** месяцев или около этого времени, рождается» (Чхандогья-упанишада,V, 9, 1). Девятка с Десяткою, Тайна и Явь — пара-Суть. Посему у Гомера бог Арес, Афиною ранен, вопит о́р|ом **ч|рев|ным**, ужасным, *как* **девять или десять** тысяч воинов.

Явь с Тайной, Десять и Девять едины. Круг, Десять-Мир в сути своей, очам бренным есть Девять (360°, 3 + 6), с|пир|аль как разомкнутый круг, что ведет в цельный, Мир. Кирилл с братом своим, де́яв в веке IX-м, в X-м обрел свой успех, телом лежа в гробу.

86 Искусство таиться — Тьмы знак. Ей, как Мудрости Божьей, стремленьем причастен философ. Тьмы сути, Эрот и Диавол, Любовь и Вражда, — мастера таить Суть. Силе люб, сему учится маг, возвышаясь: кто мастер таиться — Победой любим. Так Улисс-Одиссей, То|т|а племя, Победой-Афиной любимый, был гений притворства и мастер засад.

Тьмы муж Алкивиад, сей Эрот во плоти — бог-love'ц, — сим искусством владевший, душой знал Контакт. О его жизни в Спарте Плутарх пишет так: «Снискав добрую славу этой

дальновидностью государственного мужа, ничуть не меньшее восхищение вызывал он и своею частной жизнью: чисто спартанскими привычками и замашками он окончательно пленил народ, который, видя, как коротко он острижен, как купается в холодной воде, ест ячменные лепешки и черную похлебку, просто не мог поверить, что этот человек держал когда-то в доме повара, ходил к торговцу благовониями или хоть пальцем касался милетского плаща. И верно, среди многих его способностей было, говорят, и это *искусство улавливать людей в свои сети*, приноравливаясь к чужим обычаям и порядкам. Стремительностью своих превращений он оставлял позади даже хамелеона: к тому же хамелеон, как рассказывают, способен принять всякую окраску, кроме белой, тогда как Алкивиад, видел ли он вокруг добрые примеры или дурные, с одинаковой легкостью подражал и тем и другим: в Спарте он не выходил из гимнасия, был непритязателен и угрюм, в Ионии — изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам, и не то, чтобы он без малейших усилий изменял подлинную свою природу и преобразовывался на любой лад в душе, отнюдь нет, но когда он замечал, что, следуя своим наклонностям, он рискует вызвать неудовольствие тех, кто его окружает, он всякий раз укрывался за любою личиною, какая только могла прийтись им по вкусу» (курсив наш).

87 В труде Пи|ко д|ел|ла Ми|р|а|н|дол|ы Бог в признание этой срединности, обращаясь к только что сотворенному Им человеку, речет так: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определяешь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные».

Двойную природу человека зовет сей философ «хамелеоновой». Сказано им же: «И справедливо говорил афинянин Асклепий, что за изменчивость облика и непостоянство характера он сам был символически изображен в мистериях как Протей. Отсюда и известные метаморфозы евреев и пифагорейцев. Ведь в еврейской теологии то святого Еноха тайно превращают в божественного ангела, то других превращают в иные божества. Пифагорейцы нечестивых людей превращают в животных, а если верить Эмпедоклу, то и в растения. Выражая эту мысль, Магомет часто повторял: «Тот, кто отступит от божественного закона, станет животным, и вполне заслуженно». И действительно, не кора составляет существо растения, но неразумная и ничего не чувствующая природа, не кожа есть сущность упряжной лошади, но тупая и чувственная душа, не кругообразное вещество составляет суть неба, а правильный разум; и ангела создает не отделение его от тела, но духовный разум. Если ты увидишь кого-нибудь, ползущего по земле на животе, то ты видишь не человека, а кустарник... И если ты увидишь философа, все распознающего правильным разумом, то уважай его, ибо небесное он существо, не земное. Это — самое возвышенное божество, облаченное в человеческую плоть. И кто не будет восхищаться человеком, который в священных еврейских и христианских писаниях справедливо называется именем то всякой плоти, то всякого творения, так как сам формирует и превращает себя в любую плоть и приобретает свойства любого создания! Поэтому перс Эвант, излагая философию халдеев, пишет, что у человека нет собственного природного образа, но есть много чужих внешних обликов. Отсюда и выражение у халдеев: человек — животное многообразной и изменчивой природы».

В человеке, писал Мирандола, имеется семя любой жизни. И если он, следуя горнему Зову, не удовольствуется ни качеством растения, ни судьбой животного, ни уделом ангела, явит тогда он «единственный дух, сотворенный по образу и подобию Божьему, тот, что был помещен выше всех вещей, и остающийся выше всех вещей».

88 Как Звено, прям антроп восходящий; мы ж, вниз идя, станем прямыми, вступив в Восхожденья волну. Приготовленность наша к тому (ведь восходим уж ныне, сходя, мы: Мир — цикл) зрима в том, что смотрение наше не есть уж смотренье животных, к которым близки мы телесно, — но выше как сродное *ви́денью*: **средняя суть** между ним и смотреньем простым как способностью лишь различать тела, зрить отстоянье их. По сей причине Платон наше зрение мыслил как **умное смотренье, приготовляющее *виденье***, с тем — ему сродное: целью — жив путь. В диалоге Платона «Кратил» о том сказано: «Прочие [т.е. иные, чем человек] животные ничего не рассматривают, не сравнивают, но расчленяют из того, что видят; человек же одновременно и видит... и расчленяет и соображает то, что видит» (слова в скобках — наши).

Что́ есть *виденье*, в кое идем? Власть очей над пространством, **полет невесомый** для тех, кои, ставши одно с гравитацией — Божьим Намереньем, — власть превзошли ее, стяжав Простор **[***с тем, о видении Кастанеда и говорит как о «полете на крыльях Намерения»; по «Федру» Платона, философ есть тот, кто, деля пополам, видит,* ***очьми крылат****. Каста пятая (первая — в сути),* ***Х****ам|са́, Лебедь (Гусь), дав Индийцам тетраду иных, была кастой Полета, единая с пятою сутью,* ***эфиром****: простором, крыла́ми души***]**. Гравитации раб плоскозрящий — ведь плоскость очами владеет его, коим ложен Объем, — человек ею попран уже не вполне: в рознь животным, столб тела чей горизонтален, подвластный земле, и чьи длани есть сто́пы, — он Богом **восставлен** на твердь, две опоры свободе придав, как крыла́, и **главой в Высь стремимый**. Туда воспарит он! «Животные родственны человеку, а человек сродни богам», — рек о том Пифагор.

Ходить без противленья земле — ползать только; с тем, Греки для «ходить» и «ползать» имели единый глагол — her|po. Поистине, восставленная прямизна наша — Пространства печать. Им исполнимся мы, став прямыми: ведь ныне — не прямы, в столбе своей плоти имея изгиб, что пружинит согласно земле; **прям есть тот, кто исполнился собственной Сутию, Миром**. «Сто|ять» — в корне Сто, Полноты сей число: Век, Жизнь, данная нам Прямизны ради Богом; само «чело|век» — есть учащийся ей. «Предусмотрительная природа, подняв людей с земли, сделала их высокими и прямыми», — сказал Цицерон.

Что стоянье, как Мир, есть суть наша — зрим в том, что в украинском языке «отношение» — «став|лення»: стоя — относимся мы. Об умершем рекут: «он пре|став|ил|ся» — сиречь себя пере|ставил по воле Творца из Сего в То: сменив область Мира, **остался стоящим как был, целый Сутью своей**.

Время — то, что стремится нас сгорбить, согбенных же — и распластать, украв Божий Про|сто|р. Ту же роль исполняет вино в человеке, в вине чуждом меры: оно разит тонус его антигравитационной мускулатуры, творя из богоподобного человека, прямого по сути — червя. Падать вниз понуждает нас Необходимость, чей лик гравитация, вверх же тянуться — Свобода, противная ей. «Только человек сопротивляется направлению гравитации: ему постоянно хочется падать — вверх», — сказал Ницше о том.

Распрямясь — воспарим мы! Так дети летают во сне: кто растет — растит Крылья, дом коих — мир Матери, Сна тонкий мир. Так уж ныне парят наши Гости — как бабочки, коих предтечи есть мы, не ползущи уж, но не летящи еще. Плоский плен земли сей и единство с Пространством, из коего Мир и Земля ра́вно сферы, — хождение и Полет — все, чем лишь и различны антропы двух волн мировых: мы и Гости — едино Крыла́.

Истину эту явил в своем рассказе «Куколка» (в переводе ином — «Превращение») мудрый Рэй Бредбери. Речь здесь о том, как от некой случайности, сдвинувшей нечто во глуби, простой человек (с тем и названный автором Смитом — как нам Иванов) обратился в покрытый

зеленой корой твердый кокон, под коим свершается таинство, в коем следящий за Смитом врач чует, волнуясь, рожденье Гармонии. Но кокон лопнул — и что ж? Смит остался лишь Смит. Та же плоть, те ж привычки: куривший — явился курящим, как был. Огорчен в подопечном, врач грустно расстался с ним. А Смит, отшедши подалее, «остановился и замер на месте. Посмотрел на небо. // Бросил недокуренную сигарету, тщательно затоптал. Потом *выпрямился во весь рост — стройный, ладный*, — отбросил со лба каштановые пряди, закрыл глаза, глотнул, свободно свесил руки вдоль тела. Без малейшего усилия, — только чуть вздохнул теплый воздух вокруг, — Смит поднялся над землей. // Быстро, беззвучно взмыл он ввысь и вскоре затерялся среди звезд, устремляясь в космические дали...» (курсив наш).

В борении сущ, человек есть ро|сто|к, прямизной рвущий роста оковы, растя **над собой** и чрез смерть, тьму, торя путь в Жизнь-Огнь, чтоб взойти в нем. Рек Экзюпери: «Предоставь все жизни. Правда жизни едина, но открывается всегда как противоречие, это и есть злоба дня. Но не тешь себя иллюзиями: сегодняшний ты всегда уже мертв. Твоя противоречивость — противоречивость преображения, ты меняешь кожу, поэтому тебе так больно, поэтому ты страдаешь. Кожа трескается, лопается. Твое молчание — молчание зерна в земле, оно должно прозябнуть, прежде чем пуститься в рост. Твое бесплодие — бесплодие куколки. Но когда ты переродишься, у тебя появятся крылья».

Исполниться Сути своей, Мира — есть стать прямыми нам. Но раз Мир есть Это-То, и раз, Шар-Круг, он с тем и Квадрат, где То с Этим есть страны его, Вертикаль и Горизонталь, — человек, Миром полный, **прям дважды, по горизонтали и вертикали**: прям есть **позвоночник** его как в Иное стрела, и пряма же (бессводово-плóска) **сто|па** его, коему нé пред кем гнуться, раз Сто|лп — сáм он. Так, Миром полн, человек и квадратен, и кругл, что для зрячих — одно.

89 Как Глуби облатка, какою есть солнце очам, А|поллон и есть «полный в себе», «с Полнотою единый» как сими Двумя. Верный Им, Аполлону подобно **(**чье древо — плат|ан; «плат» — суть плоскость, Объема покров, как покров духа — плот|ь**)**, Платон был миросущен, за что прозван лебедем, птицею бога сего. Им был он: лебедь-Муж, Жене верный и жизнью и смертию: Сердцу — Ум. С тем, и идет с|лав|ный сей от Со|лон|а — со-лон|ного Сердцу, Тьме-Лону Ума (так един с чревом плод), что закон дал Афинам как граду Ума, осененному Сердцем, Афиною-Тьмой.

90 Философией сей миросущною был синтез двух любомудрий: теоретической, или глаголящей, философии («теория» = Теос + орис-рот = говоренье о Боге как вынос вовне Глуби сей: остуженье Огня), и практической — действенной, сиречь безмолвной (ведь действие — то, что речет не словами — собой молчаливо), из коих одна — философия верного Сердцу Ума, говорителя: Ум есть Язык; а вторая, царящая в паре сей, есть философия Сердца, Деяния-Тьмы, коей суть — Жизнь без мол|ви о ней как Мол|чание Божье.

О Зеноне, Сократе и Эпикуре, мужах философии-Жизни (практической), сказано уж нами. Муж философии теоретической, Ум, Сердца полный — Платон. Аристотель же, Сердца лишенный как Ум-в-себе, — за ним идущий, есть столп философии бескорневой, или **чистой теории**, любящей рознь **(**посему Аристотель — крупнейший в истории классификатор (членитель) природы как Этого — без Того**)**, градом имевшей Александрию, основану Александром, учеником его, в земле Тьмы-Сердца Египте, сердечность чья (Ноль, суть его — Сердце) тому причиной, что в ней Аристотель смешался с Платоном в **нео**платонизм, чья облатка Платон был, а тайная суть — Аристотель: очам бренным Суть, Глубь — Второе (см. комм. 2). О том говорит нам и имя ученья сего: новый тон платонизма, оно и есть **тон Стагирита: тон времени**, скрывший Пространство, как Сердце бессердным Умом (тон сей позже окажет New|tón нам). Поскольку же Александрия по сути своей была Двойкой-Враждой, а не Двойкой-Любовию как сам Египт, Нолем полн, — философия-рознь Стагирита в сем граде, в себе разделясь, из себя как теорьи себя, нарциссизма (ведь был Аристотель нарцисс, очарован собой), породила **теорию прорвы — науку мирскую**, столп чей — Евклид Александрийский,

певец плоскозрящих очей; таковая ж, пройдя чрез века, в век Семнадцатый Смерти, Восьмерки, явила на свет **пустоту без иного**, которою есть **жизнь мирская людей сей порой Сатаны**.

91 Мифичным родителем мрачного гения Аристотеля, а с ним науки в ее профаническом смысле не знания, а **допущенья** (Диавола — в душу, облатки — во Глубь для подмены, как Бога, ее), и сестры ее техники как падшего, гипостазированного во прах искусства (эллинского «техне») — есть автор людей Прометей. **Геи сын, у богов внешней, Зевсовой Греции выкрал он огнь, дабы тем явить Глубь, Мать в царении древнем ее; но огонь сей, второй за душевным в нас, свергшись с Олимпа, остыл: бывши Божьим огнем нутряным, стал огнем Сатаны он сторонним, уча не пылать нас своим**. Огнь-то сей дал ко слабости нашей машины как Розни плоды и науку — Идею-без-Жизни, каков Сатана без Творца. С тем, желавший Добра, Прометей совершил зло невольно, сирéчь **волей Матери-Тьмы** (кою «Промысл» зовем), предрешившей свершенье сие.

Эта двойственность его деянья (чего жаждал он — и что вышло) и определила дальнейшее отношенье к нему людей, выразившееся в двух диаметрально полярных традициях — воспевания его как благодетеля человечества (каков он в «Прикованном Прометее» Эсхила) и осуждения как гордеца, осквернившего кражею лоно бессмертных (каков он у римлян). Второй, мужской взгляд (Рим — Ум-Муж) — чужд трудам Прометея, в стремленьи свершения надысторической, сиречь *мифической*, справедливости как реставрации Мифа-Жены породившего справедливость историческую, антимифичную: саму историю, реку-тьму. Ток сей не он породил — Мать рукой его. Ибо известно: Афина, Тьма-Огнь, и Гефест, Огнь-Свет, мифу согласно, ему помогали в сем: **краже огня — сам Огонь, Мир, Огонь Черно-Белый, Глубь наша**. Людей соблазнивший сторонним огнем, Прометей в мифе — тот, кто слепил, как горшки, нас самих, искры Божьей сосуды. Неся людям огнь, им он страстно желал их наполнить, вернув Мать-Глубь, коей лишил их Зевс.

92 Не зная Бога, не знал Аристотель и Случ|ая, коим есть то, что с|луч|ает, сиречь единит, с Богом нас: **Мать, Длань Божья, Шанс луч|ших (**с тем, Цезарь зрил в случае шанс полководца к стяжанью три|ум|фа, в Победу-Ц|ель щ|ел|ь: «шан|увати» — чтить (укр.)**)**. «…И Случай, Бог изобретатель», — рек Пушкин. Поистине, выбор наш лишь в миг второй умён, в первый же, как острие — случай он: Сердце, Бог — **ин|ту|иции** Корень как шила сего, коим мы торим Мир: Тьмы, Очей, что остры. Рек Монтень: «сама наша мудрость, наша рассудительность большей частью подчиняется воле случая. Мои воля и рассудок покоряются то одному дуновению, то другому, и многие из их движений совершаются помимо меня. Разум мой подвержен воздействиям, зависящим от случайных, временных обстоятельств:

> Vertuntur species animorum, et pectora motus
> Nunc alios, alios dum nubila ventus agebat,
> Concipiunt.
>
> Меняется облик души, и сердце порождает
> то одни побуждения, то другие,
> пока ветер не успел разогнать тучи»

93 Обратное этому, извращенное понимание личности как акцидентного приложения к индивиду, имущее корнем своим Стагирита, зрим мы в современных научных трудах. В них читаем, к примеру: «Личность — это тот же человек, но рассматриваемый только как *общественное, социальное существо*» (В.А. Крутецкий. Психология. — М.: Просвещение, 1986. — с.46); «Личность — *общественное существо*, наделенное сознанием и представленное психологическими характеристиками, которые являются стойкими, *социально обусловленными* и выявляются в общественных связях, в отношениях с окружающим миром, другими людьми и определяют поведение человека» (курсив наш). И далее закономерный вывод: «Личность — это

качество индивида» (О.М.Степанов, М.М.Фіцула. Основи психології і педагогіки. — К.: Академвидав, 2005. — с.83) — свойство, облатка его.

Нет, суть личности — Глубь! Так, Глубь чтя, мыслил Юнг, полагавший, что личность есть «определенная, способная к сопротивлению и наделенная силой душевная целостность» — целостность, стойкая к внешнему, Дьяволу, Господом, Силой-Внутри. Дьявол гонит сей Столп, подменяя собою: Опорой мы живы! «Откиньте эту химеру совести! Фюрер думает за вас!» — вот подмены сей стяг атакующий: «фюрер» — от furor, «не|ист|овый» (лат.). Фюрер фюреров всех — Сатана, похищающий нас у себя. Людям именно он, холя лень их, ум их подменил Стагиритом как тем, кто подумал за всех. Рек Монтень о том: «Наша душа совершает свои движения под чужим воздействием, следуя и подчиняясь примеру и наставлениям других. Нас до того приучили к помочам, что мы уже не в состоянии обходиться без них. Мы утратили нашу свободу и собственную силу. Nunquam tutelae suae fiunt [Они никогда не выходят из-под опеки (лат.). — Сенека. Письма, 33]. Я знавал в Пизе одного весьма достойного человека, который настолько почитал Аристотеля, что первейшим его правилом было: «Пробным камнем и основой всякого прочного мнения и всякой истины является их согласие с учением Аристотеля; все, что вне этого, — химеры и суета, ибо Аристотель все решительно предусмотрел и все высказал»».

Плод сей магии злой — не мудрец, но тиран, не Любовь, но Вражда. И как плод Аристотеля есть Александр, меч разящий, так плод Просвещенья, зажженного тем же огнем — Бонапарт, гений Зла, Бог кому был Руссо. С тем, писал старший брат его, «он был страстным поклонником Жана-Жака и, что называется, обитателем идеального мира» — вселенной, где царь — Ум Ума, Сатана, Аристотелев бог.

94 Con|dit|io si|n|e qua n|o|n — «необходимое условие», буквально — «условие, без которого нет» (лат.).

Как Причина-Жена, Бог в натурфилософии Греков — богиня Ананке, Не|обходимость, какою и есть Миру Он — Отрицанье того, без чего может Мир обойтись, иль, что то ж, Утвержденье Себя как Того, обойтись без Кого Мир не может. О Нем-то, по Псевдо-Плутарху, рек Фалес: «сильнее всего необходимость, ибо она правит вселенной», — ведь Миром, Вселенною, правит Бог. Так же считал Пифагор, рекший, что необходимость владеет миром; о Парменидe и Демокрите же сказано, что они полагали, что «все совершается по необходимости; она же есть и судьба, и правда, и промысел, и творец мира» («Мнения философов»). У Платона в «Тимее» Необходимость вступает с Умом, корнем мира идей, в связь к созданию Космоса, — сиречь, по сути своей, Бог как Сердце оплодотворяет Ум (как Жена-спермий — Мужа-яйцо); и, постольку, Вселенная Греков — Ум, Сердцем живимый (что и зовет Лосев «господством чувственно-материального космоса», или «интуицией вещи»: ведь суть ин|туиции — Сердце, Глубь, а Вещь вещей, Бытие как Ре|аль|ность — суть res, «вещь» (лат.): то, что от|рез|ано Тьмой от себя внутрь себя, — ведь Причина, творя, режет внутрь.

95 Дуалы «имя существительное — имя прилагательное», взятые здесь к объясненью — дань бренью-Двум, где всё — облатка-и-Суть, явь-и-Тайна. В сем мире облаток, скрывающих суть, зовя ею себя, — оболочка, фе|номен как то, что приложено Господом (Фе|осом), к ней, сущест|вúт|ельным есть — сиречь первым, сущест|вен|ным; суть, нумен — именем есть приложённым к нему, прилагательным: Суть в Сем — Второе. С тем, дабы Мир *видеть* очами ее, дóлжно знать: при|знак более знака, «ká|к» — больше «ч|тó»: ведь знак — суть Ум, признак — Сердце («ноу хау», успеха рецепт — «знаю как»). «Videndum est non modo quid quisque loquatur, sed etiam quid quisque sentiat, atque etiam qua de causa quisque sentiat» — «Нужно обращать внимание не только на то, что каждый говорит, но также и на то, что каждый чувствует и по какой причине он чувствует именно так» (лат.). «Постоянно слышу я, как глупцы держат речи вовсе не глупые. Говорят они верные вещи», — о том рек Монтень. Признак — Два, Ноля явь: Суть в очах. Так, учил Стагирит древним вслед, огнь есть теплое и сухое, воздух — теплое и влажное, вода —

холодное и влажное, земля — холодное и сухое. Без пар сих стихии — названья пустые, облатки без сутей своих.

В паре «существительное (облатка) — прилагательное (суть)», согласной Аристотелеву закону противоречия как царю бренных очей, оба — равные единицы, *монады*, что дает облатке, монаде лжи (первой в очах, как уж сказано), выдать себя за Суть, монаду Истины. В древности чужды сего были дивные ныне двойные прилагательные, — коими, промеж многих, есть «огненно-жгучая» (о молнии), «много|сладкая» (о росе), «тяжко|гремящий» (о Зевсе) у Гесиода: ведь Двойку не спутать с Одним. Дуал «имя существительное — двойное прилагательное», странный пленным Вражды — эхо поры Любви, в коей прежде жило человечество: закон его есть Единство, что Рознью нам скрыто, а древним — сияло как Солнце-Любовь: Бог-и-Мир. Число пары «существительное (1) — двойное прилагательное (2)» есть число *видения* Двенадцать как очи, что зрят Вечность, Глубь.

96 Сиречь действующей причиной.

97 В философии Древнего Китая ему отвечает понятие «механическое сердце» — Цзи синь. Им-то был ор|ганизм — суть, живимая Богом чрез Тьму-Or|is — для Г.-В. Лей|б|ни|ц|а, в письме своем к леди Меш|эм (Ганновер, 30 июня 1704 г.) писавшего: «Я определяю организм, или естественную маш|ину **[**«живой труп», оксюморон: ведь естество сущих — Жизнь — *Авт.***]**, как такую машину, в которой каждая часть (опять) есть машина, и, следовательно, тонкость устройства доходит в ней до бесконечности **[**дал|и дурной: ведь машинная, Бога чужда, бесконечность — ю|дол|ь Сатаны; Божий Мир же имеет Конец и Начало: Творца, Корнь его — *Авт.***]**, ибо ни одна мелочь не упущена, тогда как у наших искусственных машин части не являются машинами. В этом состоит существенная разница между природой и искусством, которую недостаточно учли нынешние философы».

Человека как личности суть — Человечность, Сердечность; а суть индивида — ум|елость: бессердный, **машинный** ум, ум-смерть. Умелец в себе — наше «я» в розни с Миром и Богом (живущее по закону противоречия, а не единства). В своей неотдельности от Них животное есть автоматом Природы (как зрил автомат Стагирит, автор сего понятья): все действья его — длань Природы, трудящейся через него. О бобре, возводящем плотину, нельзя сказать, что он строитель ее: то — Природа. Иной — человек. Неся дух свой как искру отдельну в себе, Миром и предоставлен себе самому он, в чем **гнет человечьей свободы**: ведь с Миром разъятый незнаньем его (знать — единым со знаемым быть), человек им придавлен как камнем: Мир — **Кам|ень камней, Любовь Божия (***чей у Индийцев бог — Кам|а; взыванье шам|ана за помощью к Миру — кам|лан|ье: лечение им как Любовию: ведь врач первейший — она. Камень сей, чуждый нам, есть Любви антипод — Вражда, Дьявола дух***)**, — когда истинно до́лжно ему на него **опираться**. Сей груз сбросить с плеч и Опорой взять — можно, познав с ним единство свое и служа как Свободе: кто служит ей, есть ею сам.

Здесь лежит суть умений. Умелым, не более (как Homo faber), есть тот, Свобода кому лишь тяжесть: ведь, часть сего Целого, в незнаньи его он не сознает его как свою Суть, **как Себя**. Человек, осознавший сие — человек Знанья. Мудрым же (как Homo sapiens — человек разумный: ведь разум без Мудрости — мертв) как поднявшийся над Знаньем, — есть человек, вставший на путь свободного служенья Миру. Познание сего Пути и его обретенье — смысл жизни людской.

О Свободе как Тяжести см. также комм. 29.

98 Сан|с|кри|т, по Блаватской «язык Богов», — Солнца причинный язык (sun — англ.): Солнце — Причина; часть «кри|т» здесь — суть Хри, Солнце то ж. Крит — духовная часть Атлантиды, Огнь Греков, откуда законы свои взял Ликург и чей царь Минос — до-Отчий царь, чтивший Мать; Санскрит, Солнца молвь — критский язык.

Столп всей молви Арийской эпохи, Санскрит — язык общий Арийцев с Атлантами (как Единицы с Нолем — Десять Дом). Он — глава, чьи плоды — языки есть египтский,

эллинский, латинский. Из сферы Причины глава эта, вечно жива, речи мира впрямую питает: глаголим мы — ибо питает она. Языков жизнь эпохи Арийской, слов всех, что пришли и придут на уста — от главы сей как корня: чем жарче огонь ее в слове, тем крепче оно. В век тьмы наш тьмами гибнут слова **безголовые**; вечны же — те, что **с главой на плечах**, суть **живые тела**. Языкам Корнь, язык сей — душа для плоти́, с ней единая чрез смерти грань: душа — То.

Санскрит был — Санскрит есть и живет. Он не в прошлом — он здесь, мир торя Изнутри как Причина, Тьма. Как корнь, нам тайный (отшедший рекою времен от нас, ведь ушли — мы), он питает все сущи язы́ки. Слова их, родясь к жизни, входят в мир сей не по бренья цепи, как мнят ныне, — от корня впрямую, **глава к голове**. Так частицы матерьи впрямую творит Пустота, Корень их. Слова́ — эти частицы, что были б любовно чисты как Санскрит, если б бренье, куда они входят родясь, не имело плевы Силы-Розни, излом в коей их — смр|ад слов злых, в коих тонем теперь.

Атлантида — Тьма. С тем, об Атлантах с землей дивной их знаем мы чрез Платона: на нем пресекается жила Тьмы-Сердца, идуща к нему чрез Сократа от мужей Ее — Гераклита и Парменида; пресечь трубу эту — разъятьем излить Огнь ее. Тьме причастный как Благу, причастен был Веку Златому Платон и Хозяйке его, быв эпохе Ари|йской **чужим**. Тьме причастный как Злу, Арис|тотель, сей Арес, в эпохе сей злой был **своим, точно рыба в воде**: Зло, Добро ль, Тьма — Вода.

99 Сакрально спряженью Причины — Хри, Хари, — и следствья согласна, как сказано, связь букв Х (Хер, Чер|нота́ суть) и К, половинной от Х. В сем — суть повести Лема «Солярис», где из обитателей Станции только один, Крис, познал чрез любовь, что не следствья их есть Гости их, что **из глуби их** брал Океан, — но Причина, Суть, **К**|ри|су представшая в облике **Х**|ари как совесть святая его. Силу эту, Любовь, не познав, заплатил за сие Гиб|ар|ян своей гиб|елью: смерть и любовь — суть одно, Тьма-Причина, Господняя Длань.

*

Ставший в годы обычного эгоизма молодости причиною гибели своей девушки, Крис Кельвин прибывает на Станцию зрелым человеком, прошедшим немало мирских испытаний. Но он потрясен до глубин испытанием немирским: **встречей с собственной совестью** в лике все так же живой и все так же любящей его Хари. Встречу творит Океан. Хари эта — не та, кою Крис так беспечно не понял, а именно **не возлюбил**: это — **Непостижимая Хари: она не оставляет возможности не Понять**. Из всех обитателей Станции лишь Крис Кельвин готов, чрез борьбу и страданье, ответить на сей вызов Тьмы — Тьмой, **любовью**; и так отвечая — вступает в Контакт (им-то есть шаг на старый мимоид: с уходом любимой — отчизною Кельвин прозрел Океан). Сна|ут, не столь застылый душой как Сар|тор|иус, чует сие, — но, пленен сном ума, пробудиться не может для Сердца. Он мирится с этим — и, так отступив, есть компания физику, опыты коего в сути — пародия бренной науки: закланье Иного за то, что Ино́е оно. «Не познав — уничтожить!» — вердикт сего монстра, убийством Иного платящего за собственное познавательное бессилье: **в Причине, Ноле-Глуби — Двоицу внешнего зря,** и зовя посему Хари «копией», «матрицей», коей был в сути он сам. Не таков Гибарян, чья попытка Постичь, познав крах, привела его не к казни Глуби — к убийству себя самого. Смертью собственной платит он за **неспособность Ожить: Жизнь — Любовь**, тень чья — смерть. Смертью собственной — в смертных очах людских — платит прекрасная в Непостижимости Хари за **неспособность свою омертветь, сиречь стать человеком в понятии тех, кто не знает и знать не желает Себя** (сей попыткою стать человеком, последней и высшей, и была попытка Жены сей погибнуть — использовать **право на смерть, смертных Выбор**). Ведь **Совести, Богу вступить с преходящим в Контакт на условьях его** — есть **престать Полнотой быть: Единому — общим стать как Человеку — людьми**. «Вы — люди, ***каждый по-своему*** — поэтому вы и ссоритесь», — речет о том космонавтам **простая, как Мать,** Хари, **Совесть *их всех***.

Утерявшим, **убившим невольно себя** обитателям Станции дал Океан, благ, **вторую попытку Обресть: не убив — Возлюбив, — в раз второй и последний: Второе есть Глубь, Оке|ан, очи чьи зрят насквозь**. К|ель|вин, Совесть познав как Вин|у, шанс использовал сей: «кел|ь» — Сел|ена, Бог-Цель; прочи ж — стали **убившими дважды** пречистую Совесть свою: Бога, Землю, Отчизну.

« *— Где мы, Хари?*
*— **У нас**.*
— Где это?»

Совесть в нас — глас Причины, восслышать какой — быть в Контакте со Всем. Посему Гости Станции, многи — суть Совесть одна, что не словом речет, но Собой; имя «Хари», по Вишну-пуране (**2:2**), есть имя Причины творенья, стоящей таимо над ним, как над буквою К — Х, причинная ей: **полный Кр|ест** (К — ему половинна как **Х**аосу — **К**осмос, гармонии зримой оплот) как **Декада**, число **Мира, Сути вещей**; Крест — число **22**. Нет, не Хари подобие Криса, но **о́н — ее**! Ибо знал он: Хари луч|ше него. Так подобий своих вечно лучше Причина, Тьма-Мать. **Хари — Мать сама, Дева-Луна**. Свой рассказ о предсмертном письме Хари Крис завершает словами: «Внизу было одно зачеркнутое слово, я сумел его прочитать: «Хари». Она его написала, потом **замазала**. Была еще одна буква, **не то Х, не то К**, тоже зачеркнутая» (выделено мной).

Совесть — Бо́г в нас. Его, потрясен, узрел Крис в микроскопе, явившем плоть Хари ПУСТОЙ. **Хари Целым была без частей**. Им есть Совесть, им есть душа наша — в плоти́ искра Божия. **Плоть мня узреть, Крис очами столкнулся с Душой, коей есть в сущих Мать**.

Крис есть Ум, Хари — Сердце: Луна, Т|о|ч|ка сборки его как Причина, слог чей в Ведах — Хри (зри|мый в греческом «хри|я» — канону согласная речь: слово — Господу). С тем, его имя последственно Хри|с|е, хр|аняшая роль чья давала ахейцам победу над Троею (жертву принес и Геракл ей, на град сей идя); Крис|а — есть гавань Дельф как дверь в Феба, слуга чей был Хри|с, жрец троянский его; Хри|ста — Солнце суть. Ибо **Причина и есть Солнце сущих**, в Египте бог чей — Х|ар (Х|ор, Г|ор — Ор, Ноль, Солнце-Причина есть суть чья), зрим кое ж в «хар|и|зма» — «Сень Духа», в «ха|р|и|т|а» — «дочь Ра|до|ст|и, Солнца», в «ха|р|а|ктер» — «дух в теле, твердыня», в «гар|а|нт», суть опора (Г = Х), в «га|р|ем» (араб. ха|ра|м) — «вещь (rem) солнца», владыки. Х|о|жд|ение в Мекку святое — путь к Господу, должный всем чтящим Его — х|а́|дж (хо|дж|у — хожу (укр.)).

«Крис» — суть «Крит», Тьмы земля **(***S* ↔ *T: кризис (cry|**s**|es) — «кри|**m**|ический», Тьма как И|зло|м; cry — слеза, вода гор|я-печ|ал|и: Тьма — Огнь, что печ|ет***)**, царь чей **М**|ино|с Жену чтил, Тьму-Воду, став первым из греческих флотоводцев при жизни, умерши ж — в Аиде судьею.

Крис менее Хари как Ум — Сердца. С тем, к ней как Сердцу взошел он чрез Ум, возлюбив *полной, умной* любовью: Ум с Сердцем сплотив в Мир, Отчизну свою. Любовь бренных мирская — пуста: ум и сердце живут в ней поврозь.

100 Созиданье Нолем Единицы и Двух в миг единый, объемное, согласно сердечному в сути закону Единства и есть антиподом согласного умственному закону противоречья линейного (дискурсивного) порожденья Нолем — Единицы, Единицей — Двойки; его знал Платон и не знал Аристотель (как муж сей не ведал Ноля, Тьмы). Генезис начальных народов историьи, реки-тьмы, вершится согласно Тетраксису,

$$0 + 1 + 2 + 3 + 4 = 10,$$

как земное подобие Божьего Миросозидания, данного рядом сим (как наверху — так внизу, рек Гермес): от Атлантов, Ноля на Востоке идут Единица Индийцев-Славян **(**как Ум Сердца: Любовью сплоченная Двойка, где старше Славяне как Сердце, Индийцы ж — как Ум младше**)** и Двоица Египтян (как явь Сердца, Ноля: ведь Два — явь его нам), а на Западе — Двойка Ацтеков и *Майя*

(вот слово санскритское!); от Единицы и Двух разом — Греция, Тройки земля **(***жившая по двум законам: Ликургову, Двойке (ведь Спарта есть Два), и Солонову, Единице; их сумма есть Три***)**; от нее — Рим, Четверка **(***как дух, отвержденный утратой в меч римский как* ***фаллос железный****: Дух — Фалл***)**. Четверица, конец сего ряда, глухим тупиком вершит Древность — Круг-Мир, Десять пал в Рим-Квадрат: Суть — в не-Суть, тень свою, Сердце — в Ум, Пана смерть как Вселенной в очах **(***to pan — всё (греч.), Мир. Знак сему есть ром|античность: присущее Риму (лат. Ro|ma: Ум — явь, Сердце — Тайна) стремленье Назад как тоска по Античности чистой: облатки по сути, по Сердцу — Ума, в* ***чем*** *и есть романтизм***)**. Врат сих лик есть Мессúи смерть: Истину, коей был Он, не узнал мир, закрыв тем врата в Древность, Истины край.

Порожденье страною страны по закону Числа не есть труд в духе Прокловой эманации как перетока: количества, не творящего нового **кач|ест|ва, сиречь числа (***ведь монаде сей, шару, присуще кач|енье по Божией Длани; кач|ает — Вода, Тьма-Одно; накачаться — налиться; неполность — некруглость: монады обломок***)**; оно есть **творением сути одной от другой через Тьму: бытием — без матерьи**. Так Двойка-Египт творит Грецию-Тройку **лишь тем, что он есть**; осеняя собой ее, он — не она, ведь, творя, не излился, оставшись собой без потерь.

Единица — Индийцы-Славяне: о тех и других в книге сказано.

Двойка — Египт. Явь ее — Пшент, земли сей корона двойная. Двойное устройство Египта, какому согласна она, есть Ноля знак, Смерть-Жизнь: ведь Египт был землей живых-мертвых. Слово, обозначавшее Египт как основу его, долину Нила, переводимое как Родина («то, что родит», «мать»), по сути — «н|ут|ро», «чресла», число чье Два. Тьма, Египт и был «черной страной» по названию, в мифах чьих нету потопа: ведь Двойка, Египт — сам Вода. Иероглиф «Египт» был двойной иероглиф «страна»: ведь Египт — двоестранье. Согласным с ним был фа|ра|он — человек-бог, Два.

Двойка — характер египтский, о коем рек римлянин Аммиан Марцеллин: египтяне «легко приходят в возбуждение по любому поводу, спорщики и жестокие упрямцы. У них стыдится тот, кто не может показать множество шрамов на теле за отказ платить подати, и до сих пор не могли еще изобрести орудие пытки, которое могло бы у какого-нибудь закоренелого разбойника в этой стране вырвать против воли настоящее его имя». Имя, Сути покров — Двойка, кою Египт чтил за Суть.

Знак объятости Двойкой Египта есть главное у Египтян представление о невозможности жизни духа, kou с распадом плоти, к бренью данной — с идущим отсюда законом последнюю эту в посмертии, *му|миф*|ицируя, оставлять как нетленный залог его небесного блаженства. С тем, тело и дух зримы были Египтом как слитные и нерасторжимые полюса Одного. Знáком Двойки в картине Вселенной являлись два мира ее, где мир лучший, «тот» (вестник чей — Тот, Гермес), звался Дуа|том, «Вторым»; да к тому же согласный сему парный сущностей счет: право — лево, верх — низ, мужское — женское. Столпы, из коих сложён человек — тело, Ба (душа), имя, тень и Ка (двойник), — разделялись в посмертьи всецело к отдельному, Двойке согласному, бытию. В Книге Мертвых умерший — по сути Ос|ирис, Тьма-Ос|ь — с тем есть «дважды живым», «дважды юным»; о приношениях в их безупречности сказано, что они «дважды чисты». По Египту, несем мы два сердца в груди — иб и хат. Двойкой (глубже — Нолем как Не-Сущим) была «негативная исповедь» («исповедь отрицания») Книги Мертвых, в которой умерший клянется в несовершеньи греховных деяний, число коих 42 — суть Двойка, четное (истина, говорил Аристотель, начинается с отказа от заблуждения; исповедь — Истины глас). Зал, где в круге того ж числа судей на троне сидел бог Осирис, верша мудрый суд, звался Залом Двух Истин: Ноль, Истина, в сей земле Двух — Два. Итог жизни нашей земной был Египту не знавшею среднего альтернативой «блаженство — погибель», Двумя; и в рознь Грекам, не ведавшим жесткой черты между Этим и Тем (ибо боги ходили у них по земле и делили со смертными ложе, герои спускались в Аид), — оба мира, Иное и Это, Египет зрил в розни, спрягал же их лишь фараон, бывший Третьим, Звеном (так крепит

Мир Бог, Клей). Зрачок, ока суть, черную нам, белым звал египтянин: что нóчь нам — ему было День: День-Причина, Хер|ý, очей Огнь.

Что для Индии есть Единица, Египту то — Два. Осевая Гора его (Меру — Индийцам) — двойная, делима на западну, Ману (вот Индии знак!), и восточну, Ба|кау.

Два, Женщину, кажут египтские боги. Так, Хнум, бог-муж, был в граде Эсна и богиней Не|йт, женой-Тьмой.

Враг Египта — был Двóйки враг. Здесь Эхнатон, что богов сменил богом одним — атеист, явь над Тайной поставивший, свет — выше Тьмы. Два, Египта число — число грани; миров грань — смерть: Бог, грань как Глубь. Грань меж Этим и Тем, смерть есть скульптор Египта, жизнь чья была вечной борьбою с пустынею, вором египтской земли — тонкой кромки при Ниле-отце. Борьбой сей был Египт жив и тверд, без конца отрывая себя из песка; творим смертью, Египт знал ее и любил как Жизнь, дателя силы своей: враг — друг истинный наш (*смерть крепит нас, когда от нее не укрыться и выбор один наш — геро́йствие. По Ксенофонту, фаланга бойцов должна быть толщиною в бросок копья: в смерть как фронт чистый, без тыла, чтоб смертию крепок был всяк*). В том Египта с Намереньем связь, суща в силе великой его (чей оплот был жрецы), в долгой жизни и в дивном векам трудолюбьи людей.

Три как Греции суть зримы нами в трехчастном делении ее на демиургов, евпатридов и геоморов, и в том, что земли́ сей душой был союз Единицы-Афин (миросущного града, под Мудростью сущего как Ум под Сердцем) и Двоицы-Спарты — Три в сумме своей. Что Гомер|ова суть — Единица, являет Гемер|а, День, главное слово его, и что Спарте, столице Двух-Тьмы, Гомер не был столь свят, как Афинам, земле Единицы, признанье стяжав здесь позднее, чем в них.

Град Афины суть Ум; Спарта — Сердце; союза их Суть — Сердце-Ум: Мир, Эллады Оплот.

Вот знаки согласья Афин Единице, а Двоице — Спарты. Афинам они таковы:

- Закон Афин был Ум, Единица-Муж, Со|л|о|н|а суть, беззаконие ж — Сердце, Не-Ум, Муд|рость, кою безумьем (mad) мнили они и за кою *любили* карать. Так, с Гомера, писал Гераклид, афиняне взяли 50 дра|хм пени как с сумасшедшего, Тир|тея звали помешанным. Дарий, царь персов, недаром писал Гераклиту: «Эллины, я знаю, обыкновенно невнимательны к своим мудрецам и пренебрегают прекрасными их указаниями на пользу учения и знания» [= ума].
- Афину, верховну богиню свою, от какой ведет имя сей град, чтили страхом они: так пред Сердцем дрожит Ум.
- Срединой Афин был Акро́поль — холм дрожи сей. Так на горе дрожал Зевс, Ум пред Сердцем, Женой как хозяйкой долин (господа их, Тьма та ж — Вакх и Пан).
- Старт расцвету Афин при Перикле был дан их победой над персами (Света — над Тьмой, коя Персии суть: Тьма — Восток), до войны ж и победы сей, кроме Солона, Афины не ведали мудрых: так пуст Ум без Сердца. Что был сам Перикл, огнь Афин, Единицею, явил наставник его Анаксагор, Ум зря корнем всего.

Аргументы для Спарты:

- Само ее имя означает «рассыпанная» — сиречь разбросанная, разъятая на островки: Два, Тьма — многости корнь; имя «Лаке|демон» — Двойка та ж.
- Как и гра́ды Жены древней, Спарта — суть град на равнине, без стен. Рек Ликург: «Если город укреплен людьми, а не кирпичами, то у него есть стены!»
- Спарты строй властью был двух царей.
- Законы для Спарты Ликург привез с Крита, земли Материнской. Их он скрепил смертью своей, Тьмой, решив умереть, чтоб не дать изменить ни один.

- По законам сим, в Спарте царил культ Жены, Тьмы.
- Ликург был второй сын отца своего, власть принявший от первого, старшего сына, скончавшегося не оставив детей на момент своей смерти.
- Известно, что в столкновении с врагами законов, введенных им, Ликург лишился глаза, зря в мир *половиной очей*.
- Законы Ликурговы были неписаны: писаны не на скрижалях, но в сердце, суть чья — Тьма. Лишь Сердце, Твердыня, скрижали не ищет себе, Ум — напротив.
- Народ по законам сим был выше личности: Два — Единицы.
- Столпом воспитанья спартанца была хитрость — Тьма как завеса: «не пойман — не вор».
- Тьмой-Двумя были криптии в Спарте — вершимое тайно убийство илотов, рабов.
- Праздность, свойственная спартанцам в их мирной жизни (все время какой отдавали они танцам, играм, охоте, гимнастике), была печатью Свободы — Ноля как бездельника в мире не-Дела. Преданье гласит, что когда один спартанец, побывав в Афинах, узнал, что там осудили человека за праздность, он попросил показать ему осужденного за любовь к свободе.
- В бой спартанцы шли под звуки флейт — дудок Пана.

Единицу поправши как Спарта Афины, софистика философию, — Двоица ввергла страну в суицид, распылив ее. Но тем Эллада жива! Дух ее, мног в сердцах и един, полнит мир. Ею, мудрой, мудры, ею, сильной, сильны мы, ее красотой мы прекрасны. Элладу развеяв, Бог тем обессмертил ее.

Свет и Тьма — Единица и Двойка. В слиянии их они Троица, Мир, неслиянны ж — Двенадцать как Очи, что *видят* его. Греция — обе суммы сих. Здесь царь Искусства — Гомер, Свет, что, плотью слепец, — духозрящ («Разум, — рек Августин, — есть взор души, которым она сама собою, без посредства тела, созерцает истинное»). Зев, Бездна — по-гречески «хаос»; его как Начало рожденным зовя, но молча о Родившем, воспел Гесиод, за Гомером второй над Эллинами. Рек в «Теогонии» он:

> Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса,
> Ночь же Эфир родила…
> …с Эребом в любви сочетавшись.

О бессмертных пел первый, Гомер. Но второй, Гесиод — теогонию дал как систему Эллинам. Земля, боги, свет — в ней из Тьмы. С тем, посмертный итог наш — по Грекам, Аид: изо мрака придя, до́лжно нам и уйти в него. Вилл Дюрант пишет: «Отделившись после смерти от тела, душа витает бесплотной тенью в Аиде. У Гомера [как первого, Свету причастного — *Авт.*] наказание в загробном мире несут только души закоренелых преступников и святотатцев, остальные — святые и грешники вместе — делят равную участь, бесконечно скитаясь по мглистому царству Плутона. С течением времени среди беднейших классов Греции возникает вера в то, что Аид — место искупления грехов; Эсхил изображает суд Зевса над мертвыми в Аиде, где бог карает виновных, но ничего не говорит о воздаянии праведным. Очень редко находим мы упоминания об Островах Блаженных или Полях Элизия, где вкушают вечное блаженство души нескольких героев. Мысль о безысходной участи всех умерших омрачает греческую литературу и делает жизнь *менее яркой и радостной, чем она могла бы быть под таким солнцем*» (курсив наш).

Явь единства Диады-Египта и Греции-Тройки — единство богов их. Сказал Геродот: «Вообще почти все имена эллинских богов происходят из Египта», — читай: сами боги — оттуда идут. Он писал также: «У египтян Аполлон называется Ором, Деметра — Исидой, Артемида — Бубастией» и пр. Связь земель сих, Двух с Тремя, явлена и применением Египтянами греческого языка как третьего в *равноправное и неотдельное* дополненье к двум собственным видам письма: иератическому (сакральному) и демотическому (народному): Греции-Трех — к Двум-

Египту как лону ее. Лик сей практики — «стела Роз|ет|ты» (Рос|а, Ро́з|а — Тьма, Ноль) плита из *черного* баз|аль|т|а, где на трех письменах сих изваян декрет в честь Птолемея Епифана. Над ним — повеление: «Этот декрет, выбитый на твердых каменных плитах в трех видах письма — иероглифическом, демотическом и греческом, должен быть выставлен во всех больших храмах Египта».

Орфизм как Ноль-в-Трех — Корень Церк|ви (от circ|us — Цикл, Ноль), Посвященья для всех. Ибо в Индии, Единице, и посвященье было для единиц (кои были брахманы, мужи *одиноки*), в Египте — для касты немногих (жрецы) как святимых Нолем сутей Двойки. Рим, Мужа взведя над Женой, Орфизм как **Мудрость всем** сменил **общим неве́деньем**: Муж, не-Жена, сам в себе есть не-Веденье, сущий у Двойки в плену: Свет — у тьмы.

Виды древнего Посвященья и суть их

Страна	Число ее	Вид Посвящения
Индия	1	Мудрость (Жена) для одного
Египет	2	Мудрость для немногих
Греция	3	Мудрость для всех: истинная Церковь
Рим	4	Невежество (Бог-Муж) для всех: Церковь ложная

Производность от Греции Рима ясна в нераздельности их мифологий как в сути — одной. С тем, звено их спряженья, Э|н|е|й, Силы ради из мягкой плоти́ стал духовною Твердью, взят в Вечность на грани двух мифов богами, едиными им.

Рим — иной, чем Эллада: Тетрада — не Тройка, но с тем — и она: Четырех корень — Три. Связи сей меж Элладой и Римом явь — Цезарь, дух римский, горд тем, что чрез Юла с Олимпа вел род свой. Связь ту же являет Плутарх, в своих «Параллельных жизнеописаньях» дав пары взаимоподобных мужей стран сих; о ней глаголит Гор|аций, о Греции, Римом плененной, сказавший так: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила», — как форму пленит суть.

Явь Римской Четверки есть **римское право** — закон как кристалл: Дух как буква, в утрате Себя. Четверица — утрата сия, явь чему имя Ro|ma, несущее Тьму как Второе: слог ma, тайну Суть. «Задуманное идеально, возвышенно, — грубело, овеществлялось. Так Греция стала Римом, так русское просвещение стало русской революцией», — рек Пастернак. И сказал к тому: «Следствиями ее [революции] стали «бесчеловечное владычество выдумки» и «колдовская сила мертвой буквы». Ведь сказано древними: Littera occidit, spiritus autem vivificat — «Буква убивает, а дух животворит». Утеряв Дух, Движенье-Жену, Рим — букв мертвых колдун: эгоист-Муж. В нем ярки мужи, блёклы жены; как Муж, он религию Отчу явил: Крестом смерти — ко смерти грядущей ее.

101 Рознь меж Индийским письмом знаков (и Славянским, ему парным) и письмом ликов египтским — плод разного преломления Единицей Индийскою и Двойкой Египтской Ноля как Сути Санскрита: из двух этих числ Единица — покров, что как перст кажет Глубь, Двойка же — покров-Глубь, образ-Суть: явь как Ноль для очей. Сим угодным для ока и есть иероглифы, дом чей Египт, Тьмы земля: они суть не вещей имена — *вещи сами*. **Санскрит как единый язык**

Ноля и Единицы, Атлантов с Индийцами — молвь слов Арийцам: Ум — Го|в|ор; Санскрит как Ноля с Двойкой молвь, речь Египта сердечна — очей речь без слов, коей есть изваянья вещей, иероглифы: Ноль и Два — Тьма, Очи-Речь (ведь как Вак — Речь Она). Тьмы полн, таков коан, па|рад|ок|с как врата в Недвоимость, ко Ан **(**un — не (два)**)**. Чрез коан шагнуть в То — очьми слово пронзить как Предел (Хуа Тоу — кит.): в Сердце, Ко|хан|ня (любовь — укр.) войти, Ум с|мир|ивши («ан» — «хан», царь: Единый — царит). О том сказано:

*Попытка понять коан логически [= умственно — Авт.] неизбежно ведет к противоречию. Это противоречие играет важную роль в постижении своей истинной природы (природы Будды). Ученик, получивший коан от мастера, пытается решить коан всеми возможными способами и «подключает» все больше и больше сил для решения логически неразрешимой проблемы. В результате, когда «отключаются» все пять чувств, ученик пребывает на стадии, именуемой в йоге дхарана. Это действительно замечательное состояние, поскольку коан и ученик в нем остаются один на один (плюс некоторое блуждание ума). Если ум ученика достаточно «зрелый», то однажды блуждания ума затихают и остается лишь коан. В этот момент коан и ученик — целое, ученик испытывает проблеск реальности, известный как просветление или са|т|о|р|и. // Для работы над коаном необходимо, чтобы вы изо всех сил старались разрешить его; а это возможно, если вы будете **просто рассматривать коан, не размышляя о нём**. Чем чаще вы будете вновь и вновь возвращаться к его смыслу, тем более трудным станет решение. Две ладони, ударяя друг о друга, производят звук; а каков звук одной ладони? Вот один из коанов. Если вы решите, что такого звука нет, вы отказываетесь от своей неповторимой возможности. // Для тех, кто далек от дзэн, коан представляется сущим вздором. Интеллектуальная гимнастика, сколь бы возвышенной или утончённой она ни была, никогда не может разрешить коан; фактически он и даётся для того, чтобы побудить ученика выйти за пределы интеллекта. Не работайте более чем над одним коаном за раз, не обсуждайте его с кем бы то ни было, кроме своего учителя. **Просто смотрите на вопрос, не думая ни о чём другом**, не пренебрегайте своими повседневными обязанностями, но употребляйте для решения коана любой свободный момент (выделено нами — Авт.).*

102 Раскопки 1900 года на месте Кносского дворца, названного Eva'нсом дворцом Миноса, явили Женскую суть его. Знаки ее есть:

- Устройство оконных проемов не в боковых стенах, обычное ныне, а в потолке: ради света Того, Тьмы-Жены, трансцендентного (должного нам как Суть наша: «Я есть То»), — а свет боковой имманентен как Это, Муж-огнь с эгоизмом его. Те же верхние окна являет дворец Элевсина: Вакх, царь его — То, Тьма.
- Сужение кносских колонн книзу (в отличие от расширявшихся книзу колонн всех трех ордеров патриархальной Греции: ионийского, дорийского, коринфского): Опора-Вверху, Ноль сужается книзу, а Муж, дольний камень, сужается вверх.
- Орнамент дворцовых стен, чаще всего в виде волны или гибких спиралевидных завитков (род такого — восточный тюр|бан). Кругл собой, он являл в сути Воду, Кар|ану **(***подобно узору ма|н|дел, где зрил Юнг самость нашу; немецкое «kar» — цирк***)**; сменивший же его ахейский орнамент «бегущий (иль *плещущий*) квадрат» — явь Мужа как мертвой (застывшей) воды. В целом, женосущное искусство Крита и мужесущное а|хей|ское **(***микенское — от «златообильных» Микен, Агамемнона; «а-хея» — не-Гея: не Сердце — Ум, Муж***)** искусство являют собой два противных один одному типа линии: седечный — и умный, искусство — и средство письма; и с тем первый подвижен и мягок, второй — косно-жёсток. Причины печать, первый тип зрим в вол|юте эллинской: мотиве вол|ны, свитой к центру как Глаз — Очи-Тьма.
- Отсутствие зримой системы в расположении комнат и зал — Хаос-Мать во плоти.
- Наличие среди убранства дворца статуэток, изображающих женщин со змеями: Жена — Змея, Мудрость-Тьма.

Явь Жены есть сам облик критян, коих греки, как и финикийцев, звали Phoinikes — «пурпурными» иль «краснокожими»: вроде Атлантов, известных как «красная раса». Жене та ж есть лаб|рис, двойная секира, важнейшая в критской религиозной символике. В числе дошедших до нас женских черт Крита вспомним особо обычай прыжков чрез быка, знак владычества Матери, Коровы-Сердца над сыном, Умом как Быком. Пример Спарте (для коей от Крита Ликург взял законы), Крит сутью имел Атлантиду; и «Крит|ий» — о ней диалог, оборвавшийся в месте, где Зевс берет слово: творец Атлантиды — Жена, Мужу ж должно молчать посему.

Тьму как суть слова «Крит» зрим мы в слове «крит|ический» — Тьмою ч|рев|атый. В критических точках мир терпит раскол и всплеск Тьмы, Глуби рушащий. Так-то в «Солярисе» Лема покров свой крушит Океан.

103 Имя это по истинной сути своей есть Дий|а|вол — «Зевс-тьма»: Зевс Эллинам был Дий (Дей) — «творец», «тот, кто дей|ствует (діє — укр.)», День-Ум, Отец (Зевс-Отец — как Юпитер, Zeu pater у римлян; Папа|й, Скифов бог главный — Зевс Геродоту); а «вол» — корень Тьмы, зримый в «вол|я» (Тьма — Воля), «вол|на» (Тьма — Вода) и «вол|юта» (колонн завиток волновой, от Атлантов пришедший к Эллинам). С тем, «Дьявол» в начальном значеньи своем есть «Зевс темный», иль чреватый Тьмой как Вторым: Глубь — Второе в сем мире облаток. Так День, гераклитовский Логос-Огнь — Ночью-Причиной чреват: Бытие — Небытьем; так чреват Зев|с Афиной: Свет — Матерью-Тьмой, кою Зев сей сглотнул.

Сглотнул — в страхе: таимая, Тьма — Суть его, пред какой он дрожит. Пары римской «де-юре — де-факто» корнь тут: Зевс де-юре Эллады был бог, а де-факто — им были Афина (что вышла из главы его — из Ума Сердце), Матери лик, кою Зевс не сдержал в себе, — и Вакх, Тьмы бог женосущный. Зевс был номинальный глава, а сих двое — реальны, и вечно звал Греков к себе Элевсин! Вечно он, темн, жег души тра|ге|ди|ей, «песнью козла», Пана, ужас чей был всеохватен: to pan — всё. Так страшен был Грекам Аид с мрачным царством его; так страшил Посейдон их, Воды бог: Вода — Тьма; и братьев сих Зевсовых *паре* (Два — Тьма), живших в царствах *своих* — не указ был Олимп. Чтя богов Тьмы по сути, а Зевса по форме, Эллины и были — лжецы. Крив был сам их Оракул, на лжи утвержден сам Олимп: Зевс не сел бы на нем, не будь Рея с обманом ее как плодом Геи, Тьмы.

О Зевесовой сути как Необходимости (Ума, Отца: ибо Сердце — Мать) рек у Эсхила в «Прикованном Прометее» Гефест:

> А я посмею ль бога, кровно близкого,
> К скале, открытой ураганам, пригвоздить?
> Но должен сметь. Необходимость властвует!
> С отцовской волей строгой тяжело шутить.

Зевс с Отцом христиан — Умы оба безматни; с тем, оба они — Ум Ума, Дьявол злой. Он — не Змей — совершил самый первый в сакральной историьи обман над Адамом и Евой, сказав, что умрут оба, съевши от древа познания. Змей же, гонец Материнский, Ум Сердца, раскрыл ложь сию — став, с тем, первым, кто истину рек, раскрыв людям, что Папу не смерть их страшит, но вкушенье от дерева Жизни — как в Жизнь ход: из Двойки — в Одно. Ибо оба сих древа растут в центре рая; в единстве его — есть Одно́ они: Познанье — Жизнь! К ней воззвал Змей Адама и Еву, не живших, но бывших в Раю — как его постояльцы, бывальцы, о чем глава Библии первая, Уму согласно зовясь «Бытие». Мать чрез Змея (Змей — Мудрость) звала Людей Жить — Отец, в зависти мрачной к возможной свободе их (ведь Жизнь — Свобода), сокрыл от них зев|ом своим этот Зов.

Как же может быть благ тот, кто лжив? Лжец в одном — лжец во всем: в капле — сущ океан. Рек Монтень: «Каждое наше движение раскрывает нас. Та же самая душа Цезаря, которая проявилась в воинском искусстве во время битвы при Фарсале, обнаружила себя и в его досужих и любовных похождениях. О лошади мы должны судить не только по тому, как она несется

вскачь, но и по тому, как она идет шагом и даже как ведет себя, когда спокойно стоит в своем стойле».

104 Осквернение Тайны, Причины реченьем Ее (имя Бога, реченное всуе) — суть бранных слов матер|ных: Причина — Мать, Глубь, что выйдя вовне — пол-Себя: не Любовь — Вражда, Брань (бороться, браниться — бой весть). Так от Ху, бога мысли реченной (Египт) — бранность «х…й»: Тьма-Мать — Фаллос **(**«х…й» — «хер»: имя Х, Тьмы-Причины; «херу́» — день (ег.)**)**; «Эль», Бог, в огласке — «ел|дак», тот же х…й; от соития Бога с Собой, плод чей Мир, Фак|ел, — fuck; от санскр. sat — «с|сат|ь»: Водой изливаться как Истиной, Тьмой **(**моча — сеч|а (укр.): Воду терять — Полноту сеч|ь; мочиться (разг.) — сик|ать**)**; от «муд|рость» — «муд|ак»: муд|ья — яйца (мужские), ведь Мудрость — Я|йцо (как Жена); Г|еб|а, Юно|сть как мера живых **(***так юн Кри|шна в 16 лет вечных своих; ипо (лат.) — суть младое вовеки Одно: Бог-и-Мир***)**, в оглашении — «е..ля», безмерность, что старит до срока: е…ать — по|гиб|ать, изливая зазря семя, Жизнь. Выброс Духа вовне, мата суть — остуженье его, из горячего Сердца творяще Ум-х|лад как из Жизни — Суд|ьбу, Дол|ю вместо сей Милости: «дол» — Н|из, Зло; «доля» — часть: Зло перед Целым, Добром как *постылое* нам.

Оглашение Тайны **(***гла|ша|м|ай (sat-тай — «тай, Sat, Тай|на!») — ша|м|ает мир***)** — зло: Тайна — Бог-Мать, Тьма-Благо. Безмолвье, Сова-Тьма — Любовь; речь звучаща, сама в себе взята — рознь, sva|ra (глас, звук — санскр.). Глас уст — п|уст, коль Сердца лишен: то Про|кр|уст-не'God'яй, Суть членящий; з|вон — вон|ь, выйдя вон; речь есть го|речь, то|ска; го|вор — во́р нам; т|рубить — Сут|ь рубить явью тленной; труба — глас Суд|а. Бог и Мать — тьма глаз злых; не чтить Их, Глубь — есть ум утерять рознью с Сердцем, каким есть она. Огласитель — враг Глуби, Себя: Глубь — Я наше. Таков осквернитель могил, вырыв прах — Тайны часть как часть Силы на го́ре себе: Тайна — Тьма, Сила-Шило **(***«мог|ила» — суть «место мог|ущества, с|илы», Кибелой хранимое: mö|g|en — м|очь (нем.); rip, могила (англ.) — pir, огнь (греч.): Тьма ж;* святых останки — мощи: Тьма, Мощь; *gr|o|v|e — могила (англ.) едино с gro|th — рост: из предков, могил, как из корня (Суть чья — Th|eos, Бог) мы растем: Сила — Ov|o, Яйцо-Корнь; по|г|ост, сиречь кладбище, место могил, — слово ост|рое, го́ст|ре (укр.)***)**. При прочих равных условьях в сем мире достойнее — старший, *к могиле ближайший*: до|сто|ин|ство — Сила. Кто жив в мире сем, преходящ, мертвый — вечен: смерть — Вечность как Сила сама.

Зло — Огнь-в|Он: Бог, что стал Сатаной. Оглашеньем огня, злобой Отчей, кали|ма Земля в потепленьи глобальном, сбить кое — вернуть душам Огнь: Глубь-Жену, Тайну-Мать.

105 Указуя Декаду, дека|брь как двенадцатый месяц — Двенадцать. Так Мир кажут Очи, что *видят* его: Додекаэдр — Десять, парны ему. Лик сей пары, единой в себе (Мир сущ ради Очей, Очи — ради него), есть, как сказано уж, 22, Мир-и-Очи: число Мудреца, Солнце в небе **(**число Христа, коим крест-накрест дели́м год и с ним Зодиак**)** как срединный разрез Четверицы (числа матерьяльного, полного Духа в себе, как Квадрат, черн внутри, Круга полон), скрепленный Причиною, Тьмой. Так крепит Она, **М**ать, ***пара**М**пару*** — цепь **М**удрых, где Солнце — люб|ой.

106 Ибо в Боге Диавол есть Благо. О мраке, каким есть Идея в себе, Дьявол-Зло, — рекут мысли о черных плодах ее, идеологии и идеологе; вот они. «Идеология отличается от просто точки зрения тем, что она претендует на обладание либо ключом от истории, либо разгадкой всех «проблем мироздания», либо окончательным знанием скрытых всеобщих законов, управляющих природой и человеком. Научный аспект в идеологиях вторичен и проявляется в них ради придания им формы неопровержимой доказательности» (Ханна Арендт. Наука в миру, повторим, есть слуга Сатаны). «Идеолог — это один из самых опасных человеческих типов, ибо он, сам не сознавая того, становится рабом умерщвленной части его самого; и это рабство неизбежно стремится внешне превратиться в тиранию» (Габриэль Оноре Марсель).

107 Отличье Машины от царства животных, стоящего, как и она, на ступень ниже нас — в отрешенности искры сей от Огня-Духа (в чем наша свобода). Животных дух — с Ним не разъят: он суть дух групповой, многих дух, их держащий на привязи; Дух высший, Бог — есть Дух всех.

108 Рек Паустовский об этом-то *ви́деньи* мирового многообразия, где часть — Полна: «У любви тысячи аспектов, и в каждом из них свой свет, своя печаль, свое счастье и свое благоухание». Платон в своем «Критии» пишет о «многосторонней доброделели души»: суть души — Мир, **Б**рильянт как **А**л|маз, ограненный Творцом, Б за А. О Любви, огне Алкивиада (любимца Сократова: сердца при Сердце сем), Плутарх сказал посему: «В его поведении и нраве было очень много разнородного и переменчивого».

Мир как Всё, Шар-Любовь, в очах вечных — во бренных есть **Лучшее**. Сказал Жуковский:

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт, — где счастья привиденье?
Ах! счастием моим любовь твоя была!

Когда я был любим, тобою вдохновенный,
Я пел, моя душа хвалой твоей жила.
Но я тобой забыт, погиб мой дар мгновенный:
Ах! гением моим любовь твоя была!

Когда я был любим, дары благодеянья
В обитель нищеты рука моя несла.
Но я тобой забыт, нет в сердце состраданья!
Ах! благостью моей любовь твоя была!

(«Песня»)

Мир, Всё как Суть на́ша, есть Лучшее в нас; лучшим быть — есть быть всем. Миром будучи в сути своей, в нем мы тайно — везде; попасть в часть его всякую, *Мира мир* — есть дать Любовью ей явность как **сфере своей**. О сем спрошено: «Дует ли ветер в поле, когда там нет человека?» — ответ на что: да. Ведь, отсутствуя в нем в очах бренных, в нем сущ очам *видящим* он как Мир в части своей.

109 Образом этого нуменального движения в материалистической квантово-механической картине мира есть **изотопический спин** (от англ. to spin — вращаться) как внутреннее вращенье частицы: вращенье-в-себе, **внутри** места, которое занимает она, противное ее внешнему волчкообразному вращенью **на** месте, сиречь поверх Сути, вращенью-для-нас, представимому топологическим спином, сущностно соотносимым с паденьем обычной, феноменальной капли: точащая камень паденьем, она — сверло, б|ор.

110 Суть единства сего вот. Пилоты земных кораблей (мастера своих дел: ведь пилот — корабельщик — есть тот, чей корабль — Дело), как зрит обыденный ум, в целом не обусловлены профессией. Они вольны исполнять ее или оставить к иным, в них ища мастерства. Судьба сих людей зримо не дадена Свыше, и только для малой их доли понятие «дело жизни» исполнено горнего смысла. В действительности ж Бог, Царь всех сущих, имеет для всякого строгий в своей однократности Замысл, предписывающий ему единственное Дело. Однако безбожный субъект чужд Творца, посему изволенье Его подменяет он произволом надменного личного эго. Вот почему торящее пути земных пилотов (к какой бы профессии ни относили они себя) Намеренье Божие руководит ими тайно и исподволь.

Путь Гуманоида-Пилота эр|ы Контакта тверд как Намереньем заданный явно. К Полету родясь, он Пилот еще в лоне своем. Жизнь Пилота Намеренье предназначает Кораблю и исполняемой при его посредстве миссии Контакта. Но и Корабль имеет собственную жизнь, коя подчинена делу Пилота. Тем самым, две жизни, Пилота и Корабля, Тьма сплавляет в единую

суть. В сем единстве Пилоту Корабль не есть внешним, он — **внутренний огнь**: огнь второй, что сияет в единстве с душой, огнем первым, по|к|ор|ный ему; и покорства сего суть — Свобода-Любовь. Так, любя, мы любимое это как огнь в себе носим; и мно́гих любя — сколь их есть, столь огней и несем как един Огнь.

Свят спла́в сей! В нем жизни являют тот синтез, в котором нельзя мнить Пилота «живым», а Корабль «мертвым», но оба — ра́вно живые **(**едины так плоть и душа; так седок слит с конем, и душе нашей сердце — седло**)**. Ведь машина, рожденная Полностью, Миром, есть не механизм (суть чья — часть как глава) — организм, несоставность, Суть чья — Бог; без Бога ж машина, пуста — механи́зм есть, соста́вное **(**им, Антифонту вослед, мыслил Локк государство: не Господа плод — договора людей, Дьявол су́ть чья**)**. Живое творя, организмы творит сердцем Бог (ведь Он Сам — Сердце); мы ж без Него — механизмы умом созидаем; труд Божий и наш — организм: ибо с Ним творя — сердцем творим. То — Корабль **(**втайне живость машин знаем мы чрез любовь к ним и ненависть, точно к живым; Корабль — явь тайны сей**)**. Монадичен, он сердце имеет свое, — но Пилоту подвластное, как сердце наше — Творцу, и как сердце коня — седоку, коему верен конь (так един Буцефал с Александром), без слов зная волю его **(***так Феаки, народ Посейдона, имели суда, путь свой знавшие сами. Царь их — Ал|к|ин|ой; звался так комментатор Платона, водивший умы в сердце это***)**. Пилот, как Намеренья линза, Им правит и ходом, и тканью машины своей, произвольно, иль **волей своей-и-Господней**, сгущая ее до физически-видимой иль возвращая в эфир, ее суть: как тела́, и Пилот и Корабль его верный — эфир. С тем, вопрос, че́м составлен Корабль *сей мо|мен|т*: вещество *или* свет он **(***вопрос Аристотелев бренным, берущим, деля, половину одну; Гостям — ложный, берущим их обе в любви к Одному: Миг, Тьма-Ма|ть — не дели́м на куски***)**, — относи́м к обстоятельствам Гостя, неведомым нам, ибо о́н господин нам — не мы ему; но коли плотен Корабль, он (как ра́вно и Гость, плоть кому есть Конта́кта костюм лишь) таков **нам явления ради**. Хоть создан Пилотом Корабль, нарождаются и умирают они в миг един: **Миг — их время**. Связь их — **пуповина Любви**: Духа нить, звездный мост меж любящими, чуждый преград. Мост-то сей зря меж Мо|н|икой, матерью Августина, искавшей ему покровителей в вере, и Августином, — епископ, к какому пришла она с этой целью, устав объяснять ей, что Августин сам способен обресть Путь, сказал ей: «Ступай: как верно, что ты живешь, так верно и то, что сын таких слез не погибнет».

111 Любовь (Мир, То-Полность — учил Эмпедокл) в мире нашем лишь гостья: чужда Полнота ему, коя она; и от лона Любви мы, оставлены ею, впадаем в страдания лоно.

Иное, То — Гость в мире сем. Им есть Гости антро́пны. Входя в бренья круг, они Силой духовной (покорством ей полным — стяжая покорство ее́ им) свершают в смотрящих очах **созерцательный сдвиг 1 : 3 → 2 : 2**, побуждая их ***видеть***; с отходом Гостей — и с тем Силы — сдвиг сходит на нет, и мы **смотрим** опять. Силы акт, Контакт есть переход точки сборки (Луны очей наших, крепящей в единство и очи, и Мир в них) в иное, отличное от начального положение без закрепленья его; месту новому точки согласен в очах **новый мир**. Закрепленье сего положенья с возможностью произвольного перехода из одного в другое («быть там *или* там») либо одномгновенного пребывания сразу в двух («*и* там *и* там»), согласное закону единства различья — есть то, чем из сути, пассивной пред Силой, каков есть невольный мирской контактер, творим ***видящий*, маг как активно-духовная суть**.

Мага — *виденье* суть как над Силою власть чрез покорство. В Контакте же мы, Силе чу́ждy — подвластны ее без господства, **пустые рабы**.

В чем картина Контакта? Она нам дана Михаилом Булгаковым в *темном* романе его (гл. 1 — 3). Вол|анд, Тьмы ма|г как Сын ее, Дья|вол, пленит двух людей (Берлиоза, Бездомного), дав им, пронзив времена (ибо *виденье* — выше них: Тьма — тьму торит), зрить Христа. Погруженья сего в Очи символ — а|**Л**|**Л**|ея беседы их, коей приходит к ним б|лея|ть Козел, Сатана: как два ряда дерев, разделенных дорожкой, она — лик **деленья Любви 2 : 2, пополам**. Окончание *виденья* — с тем и Контакта — дается словами: «В аллеях на скамейках появилась публика, но

опять-таки на всех трех сторонах квадрата, кроме той, где были наши собеседники», — где об аллее, как чем-то *одном*, речи нет уж, но явлен **квадрат в разделеньи неравном, 1 : 3**, **смотреньи**.

В Контакте Гость (маг) очам бренным не равен, но, с Силой един, ими правит как царь их. В том — сущность Контакта, где Гости свободно являют себя, мы ж невольно зрим это явленье. Поистине, нет «лишних» и «неучтенных» в сем действе, готовимом Гостьми заране; порядок его есть **порядок охоты**, предмет коей мы, а ловец — в Гостях сущий и деющий чрез них Дух.

Вот как являет Булгаков сие в сцене, предваряющей встречу Берлиоза и Бездомного с Воландом: «Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека. В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, — никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея». Здесь видим: пространство, объятое Силою, коя есть Дух, Пустота очей бренных — готово ко Встрече. Так маг, запечатав сосуд сей, хватает пространство его, в кое Силою пригнаны мы.

Что же может быть поймано в нас, как не наша **душа**, дом чей — **сердце**?

Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, сердце его стукнуло и на мгновенье куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем. Кроме того, Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки. Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было… Сердце шалит, я переутомился. Пожалуй, пора бросить все ***к черту*** *и в Кисловодск…» (выделено нами — Авт.).*

Об этой метаморфозе Кастанеда сказал бы: точка сборки Берлиоза сместилась в небывалое и ее держит Дух. Сердце перестало трепетать: Берлиоз схвачен Воландом. Так схвачен был Кай в сказке старой осколками зеркала злого, попавшими в **сердце и глаз**: Силы дом — оба. Сказка гласит:

Как-то раз Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами. На больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг Кай. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он часто-часто моргал, но в глазу как будто ничего не было.

— Должно быть, выскочило, — сказал он. Но это было не так. Это были как раз осколки того дьявольского зеркала, о котором мы говорили вначале.

Бедняжка Кай! Теперь его сердце должно было стать как кусок льда. Боль прошла, но осколки остались.

— О чем ты плачешь? — спросил он Герду. — Мне совсем не больно! Фу, какая ты некрасивая! — вдруг крикнул он. — Вон ту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат.

И он пнул ящик ногою и сорвал обе розы.

Тьмой пленен Берлиоз. Отчего же лишь он? Оттого, что сих два, Берлиоз и Бездомный, по сути — **один человек, Берлиоз**. Ведь **Бездомный** в плену у него: утеряв свое «я», сиречь **до́ма лишенный**, он — *отзвук* коллеги **(**сие-то имел в виду Мастер, спросив его: «скажите: ведь вы — человек невежественный?», — ведь ведать — Собой быть**)**. Поэтому *видящий* Воланд не тратит энергии даром: поймав одного, знает он, что обоих схватил. Речено же: «…нельзя схватить наружные звуки барабана, когда бьют в барабан, но, схватив барабан и барабанщика, схватывают звук» (Брихадараньяка-упанишада, I, 1,11).

Л|о|ку|с бренья, закрытый сторонним очам как сосуд, запечатанный пробкой, с душою живой в нем — условье Контакта. Смещенные Воландом в область повышенного осознанья, где

бренный наш взор духосущ, Берлиоз и Бездомный способны *увидеть* его — и беседовать с ним посему. Так и мы, мимовольно вошедши в Контакт, *видим* наших Гостей, скрытых внешним очам за порогом духовным, какой превзошли Силой мы, нам одолженной ими на **с|рок не времен, но Пространства, Контакт**.

Однократное смещение точки сборки землянина действием Силы Гостей в эпизоде Контакта обратимо и не ведет к ее закреплению в новом положении, позволяющему человеку намеренно возвращаться в него из первичной, обыденно-данной позиции. Вследствие этого для человека является невозможным восстановление в памяти обстоятельств Контакта, хранимых **левосторонней частью осознания**: ибо связь между нею и правою частью, согласной обычному восприятью, осталась непроторенною как **трансцендентная грань**. Проторение связи сей в магии, свершаемое при инициатическом властвии личной Силы созерцательно-господствующей сущности посредством «одалживанья» Силы ученику — плод настойчивых личных усилий адепта (упорство — Тьма, Шило: Вода, что по капле торит камнь), направленных на вспоминание (термин Кастанеды) имевшего места сдвига осознания. Свершенье этого проторения и знаменует собой неколебимое закрепление нового положения точки сборки, каким созерцатель стяжает **непреходящесть повышенного осознания**. Достижение его зрят маги как стартовое условие движения к цели всей созерцательной практики — вступлению в **третье внимание**: восхищению из тюрьмы зримой Земли в звездный хор Владык Мира **огнем Изнутри**.

Пребыванье обеих сущностей, господствующей и подчиненной, в состоянии повышенного осознанья, каким есть Контакт, Кастанедою именуемо «вратами Намерения». Намеренье, Дух, говорит Кастанеда, чрез мага объяв нас, вначале *являет* себя нам; затем совершает *толчок*, сдвинув им очи в область повышенного осознания; и, наконец, по ее достижении *улавливает* нас в точке нового, запредельного изначальному равновесия. Все стадии эти согласны с описанною Булгаковым картиной Контакта: явление Духа указано в ней опустеньем аллеи Патриарших — ведь Дух Пустота плотских глаз и аллея *исполнилась Им*; толчок Духа — толчком Берлиозова сердца; уловке духовной согласен сердечный укол и затем наступленье спокойствия Берлиоза; и строго по Кастанеде Контакт за собою влечет **временнóй парадокс** у Булгакова: ибо **Контакт есть Пространство, во времени нашем дыра как Любовь, где часов мы не зрим**. «Как же это я не заметил, что он [Воланд] успел сплести целый рассказ?.. — подумал Бездомный в изумлении. — Ведь вот уже и вечер!». Гостей господин, Дух влечет нас ко Встрече; в очах Его Гости и мы пред Контактом равны и едины как страны Ме|д|ал|и одной, коя Он.

Имя места Контакта, пруды Патриаршие — имя глубокое. Тьма, Суть Контакта — Жена и Река; Муж же — «патер», Отец, — есть Река, течь преставшая, пруд. На пруду-то сем Сердце-Жена и дает урок Мужу-Уму, что не он господин, но Она, Суть его.

Чтó есть Духа деянье в Контакте, пленящее нас? Оно — **завоеванье**: Контакт, повторим, есть Любовь, что голодных и жаждущих нас покоряет как пища и влага. Рек Экзюпери: «Я понял: каждого человека нужно завоевать. Того, кто бодрствует, и того, кто спит; того, кто ходит вокруг крепостных стен, и того, кто живет внутри них. Того, кто радуется новорожденному, и того, кто плачет об усопшем. Того, кто молится, и того, кто усомнился. Завоевать — означает вложить в тебя остов и пробудить в твоей душе вкус к истинной пище. Ибо существуют озера, которые утолят твою жажду, но надо показать дорогу к ним. Я поселю в тебе своих богов, чтобы они тебе светили. // Я понимаю: завоевывать тебя нужно с детства, потому что потом ты уже слеплен, затвердел и тебе невмоготу освоить иной язык». Дух, нас покоряя в Контакте, — уходит опять: ибо **мы преходящи**; так, Явью-и-Тайной — подобно тому как мигает маяк в ночи, — кажет Он нам в Вечность путь: Двойкой, бренных огнем — в Огнь Един.

*

Вот важнейшее свойство Контакта (что ведал Булгаков): пора его — сумерки. Это не означает его неспособность свершаться порой иной. Верно, что сумерки, грань слитья света с тьмой — суть Третье, Мир, Мера двух сих; с тем с|у|мер|ек суть — Мера, коею стать — есть для бренных очей умер|еть: часть — жизнь их, смерть им — Целое, Мир вечный. Мощь сей поры, Духа мощь, и используют маги (меж них — Гости наши антропны) к раскрытию наших духовных глаз. Сумерки — шу́мер|ки: Шуме́р — Очей, Тьмы земля. Контакт есть действо сумерек, так же как сон — действо ночи: ведь спать мы способны и днем, но лишь ночь нам назначена Богом для сна, как для бодрствия — де́н|ь да|ден.

Истина — в часе любом, в миге каждом. Но черпать ее нам из сумерек легче всего, ведь в сей благостный час теней мир полон Истиной. День не вмещает ее полноты, ведь помимо него есть и ночь. То же ночь одинокая: Истина в ней лишь отчасти. Лишь сумерки, врата схожденья дня с ночью, являют Ее вполне. «Люди во все времена предпочитали сумерки ясному дню, а ведь именно в сумерках являются призраки», — сказано Гете. Поистине, сумерки — суть наша: это — душа как провал, что Провала взыскует, зев — Зева. Зев, «Трещина мира», раскрывшись нам дивной порой сей, от малости бренных просторов зовет в Беспредельность, и сути несчетных миров шлют привет на пороге нам сем. Время призраков, время Контакта с Иным — вот что есть для нас сумерки, **пора Любви**: Суть Контакта — Любовь, Eve-Мать. Оттого столь тре|во|жны и столь *упоительны* нам вечера в пору юности — пору ее:

Ах, этот вечер —
Лукавый маг,
Одетый вечно
В ли|л|ов|ый фрак!

— Дербенёв рек. Да, истинно маг — **Ве|ч|е|р** (**eve**|n|i|**n**|g — англ.), кан|ун (**eve**) Тьмы, в **чер**|ную **Веч**|ность врата, куда кан|ем как в У|н|о, Од|но! Мать сия при|**веч**|ает нас **вече**|ром; мудрых сбор — **вече** Ее. Гостей сущность, Ашвины есть сумерек боги, а также Вен|ер|ы, с С|еленой единой звезды — огня вечера, утра огня.

Пора сумерек — мистов час. С точностью до секунд календарь фиксирует длительность дня и ночи. Но кто знает длительность сумерек? Для измеренья они чересчур субъективны: поистине, они не вне, но внутри нас! Грань меж днем и ночью, как белым и черным, родит плод смешения их, **серый цвет**. Он есть **истина суток**, где Свет с Тьмой, едины, являют очам Мир, Дом вечный, куда ускользнем мы из бренья чрез трещину, смерть.

В бытии бренном нашем сумеркам отвечает грань меж сном и бодрствием. На ней однажды муж Истины Вл. Соловьев, пробуждаясь, узрел мир иной, **настоящий**, о чем написал:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами.

Плененное брением дитя Вселенной, человек — сущность со|зер|цательно-ущербная. Пленкой иллюзии очи покрыты его, кои смотрят — не *видя*. С тем, сер|ая суть восприятья не зрима прижизненно нами. Мозг, столп бренных глаз, по закону есть «серое вещество»: ведь согласно «Тимею», «в нем укоренены те узы жизни, которые связуют душу с телом, в нем лежат корни рода человеческого», корни же эти — есть 0 и 1: Тьма и Свет, Чернота с Белизною, смесь коих и есть серый цвет (о смешении сем — речь в «Тимее»); но серая суть сия, таима черепом, скрыта от взора, доколе мы живы. В посмертии тайное обличает себя: кожные покровы умерших имеют в очах наших ясный свинцово-землистый оттенок. С отшествием жизни из тела, с пришествием смерти в него — Того в Это — Бог Истиной метит его, одев в сумерек цвет.

*

В мире нашем Иное есть Тайна: ведь бренному — сме́рть оно; «менее знать — крепче спать». Посему организм при вхожденьи в него инородного тела стремится исторгнуть его, не сумевши ж — объемлет корой и хоронит в себе. В мире лжи сем — Иное есть Ист|ина, кою хоронит он, чтоб жи́ву быть: она — солнце, что плавит столпы его. С тем, зрим пророков мы в землях иных, а в своей — нет; лишь мертвый, люб брению гений, в костре мил Иного посол, еретик. В беззаконном сем мире закон — убиение Истины, Жертва, сиречь Настоящее-смерть (а по истине всей — Жизнь оно). Убит так был Сократ; так — Христос. Власти мира сего от людей так скрывают тела Гостей наших и их корабли: ведь Иное — сему враг как целое — части, не жаждущей знать ее, сиречь Ожить: Сердцем став, превзойти эгоизм *умный* свой.

112 Посему свет Луны — свет двойной, **испытующий Силой**: для слабых он есть Сатана, изымающий душу, для сильных, как **любящих** — Бог, Столп ее. Мнит свет лунный за солнечный тот, кто не знает Монады, свет чей, как **отдельного**, — **свой**. Таков есть лунный свет как Второе: две Тьмы, Суть-облатка — Тьма-Ноль как Единство-Любовь и тьма-Два, Роз|нь-Вражда.

В «Роз|е Мира» сие подтверждает Андреев, о свете Луны говоря как особом для *видящих* Мир. То являет несомое им чувство: свет солнца радует душу, а лунный — печ|алит ее: печ|ет как Огнь Причины-Тьмы, коего полн.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печальный свет она —

писал Пушкин. Муж *тонкий* сей дважды сказал про печаль, зря ее неслучайность. Таков лунный свет. В нем — зов Тьмы как Причины, вселенского Сердца, из нас рвущий ум: ибо Сердце владеет им, — но и подъемлющий к Богу его гармонично, Вглубь. Ошо, о том говоря, вспоминает слова Гур|д|жи|ева, что «луна питается нашим сознанием» (как Орел — осознанием, сутию нашею, по Кастанеде), и пишет с тем: «полнолуние лишает людей рассудка, сумасшедших зовут лунатиками. Океан выходит из берегов; возможно и человек выходит из берегов в ночь полнолуния, — ведь человек на девяносто процентов состоит из воды, причем такой же, как в океане, поэтому когда океан выходит из берегов, что-то должно происходить и с вашим телом, в котором девяносто процентов океана — что-то тоже должно происходить, выходить из берегов. В ночь полнолуния поэты пишут прекрасные стихи, влюбленные впадают в романтику. Известно, что в ночь полнолуния сходят с ума чаще, чем в любую другую». Плененным бессердным умом свет губителен лунный; сердечным — благ он. С тем, в булгаковской книге о Тьме полнолунье лишает героев покоя: порыв к трансценденции есть его суть.

По-украински эхо — «луна» как второе за гласом; свет лунный, за солнечным второй, не есть солнца свет — он подобье его, суть обман (по Стобею, у Парменида Луна величиной равна Солнцу как им освещаемая: сиречь второе, для первого сущее, подобье — ради оригинала). Суть нас исполняет; подобье ж, коль силу ему даем верою, пьет нашу суть — ибо ею живимо оно, — изымая ее и и пустою творя плоть людскую: без Сути мы — нуль, *испитые Луной*:

человек на Луне устал быть чужим лицом
улыбаться по воле хозяйки Луны
по ночам играть с алмазным обручальным кольцом
видеть под утро печальные лунные сны

он хотел бы покинуть тайком царицу ночей
но боится остаться без тела как всякая тень
и когда готов он сделать свой решительный шаг
петушиный крик возвещает день

Nautilus Pom|pil|ius

«Буква убивает, а дух животворит», рекли древние: за духом буква — второе. Суть наша — Глубь, Дух. Мир наружный, объектный, как буква ее испивает до дна у *публичных людей*, Тайну бросивших в прах. Так, публична, жена — проститутка, из коей мужи пьют любовь.

Два, подобие — образ, что нас покоряет чрез во|ображенье, объятье им; об|раз всегда — Второй, Дьявол. Подобье, обман — Тьмá суть. С тем, Луна|чар|ский, как чар Луны муж, был культуры нарком в большевистской России, дур|ман|ивший души людей. Образ гласа живого есть глас телефонный как эхо, что дал людям Бел|л: Бэл, Диавол, подобием Богу внушающий нам, что он — Бóг сам.

Подобьем, вторым есть за молнией гр|ом, за Творцом — хр|ам его. Два сих слова идут от «Хри Ом», мантры Бога: **подобье зовет свою Суть, в ней нуждаясь как в Пище**. «Из такого множества небесных светил одна лишь Луна нуждается в чужом свете и кружит, по словам Парменида, вечно обращая взор к лучам Солнца» (Плутарх). С тем, согласно пифагорейцам, животные Луны не испражняются: Солнце — их пища (и Гости людей — таковы ж). Душа наша, как солнце-в-плоти — Луне пища. Гурджиев сказал: «Очевидно, человек является пищей для Луны». **Самосущно, подобье бессильно, ведь Духа, как Сути, нет в нем (**ci|ne|ma, к|ино (англ.) — Жизни образ пустой, «Духа нет»: Ци — Дух (кит.), не|ма — нет (укр.)**)**. Пер|сей посему убивает Медузу, ее отражение зря — не ее самое.

Сущее Сути ради, подобье есть Суть, а себя ради — призрак. Подобие, как Сути образ, ее обижает своим сходством с ней (в украинском о|би|да — обрáз|а, второе: bi — двух- (лат.)). Так Бог от подобия гонит людей отвращеньем. «Прекраснейшая из обезьян отвратительна, если сравнить ее с человеческим поколением», — о том сказал Гераклит. «Сходство обезьяны с человеком делает ее отвратительной», — в лад с ним речет Френсис Бэкон; у римлян же сказано: Sim|ia quam si|m|i|l|is, turpissima b|es|t|ia, n|o|bi|s — «Как похожа на нас обезьяна, безобразнейшее животное»: ведь **о**|**без**|ь|**Я**|**на** очам, в них царя — мы без Я своего, и без Ян'а — мужи, Ян (кит.). Калька — калека: подобие, Суть усеченная. Сутью подобье мня, Богом мы мним Сатану, обезьяну Его. О сем сходстве в «Софисте» Платон замечает: «человеку осмотрительному надо больше всего соблюдать осмотрительность в отношении подобия, так как это самый скользкий род» — род, скользя коим, с облаткой приемлем чужую мы суть; и в «Тимее» Платон говорит, что «поскольку образ не в себе самом носит причину собственного рождения, но неизменно являет собою призрак чего-то иного, ему и должно родиться внутри чего-то иного, как бы прилепившись к сущности, или вообще не быть ничем». Софистов, в согласии с сим, Платон зрил относимыми к подражательному искусству, а именно человеческому подражанию в отображеньях, творящему призраки. Призрак, подобие — маска, опасная тем, что, ее надевая, рискуем лицо подменить ею мы. От сего храня, рек Пифагор: «Не будь обезьяною никого, даже и самой природы». Подобье зря — Суть след искать. Ибо сказано: «Символы не создают свой смысл» (Альфред Уайтхед). С|им|вол — то, кое Суть указует во благо: Сим — с Им, Богом; но — и таит, тем верша вол|ю злу.

Луна, бренным вторая за солнцем очей их — подобье и Суть как *лицо, лик-личина*: явь Сути и тайна Ее. Явь есть лик она, тайна — личина. Отсюда — лицо на Луне, образ Матери, Глуби. О тайне лица говорится:

Лицо человека – одна из величайших тайн.

Лицо может всё рассказать или всё скрыть. Может ли что-то быть чудеснее доброго лица, мягкой улыбки и лучистых глаз?

Есть ли что-то огорчительнее сердитых взглядов? Невыносимее непристойных взглядов? Что может отпугивать больше, чем хмурое лицо? Беспокоить больше, чем испуганное лицо?

Взгляд может быть застенчивым и гордым, лицо может быть живым и мертвенно-бледным. Смущение и застенчивость, гордость и стыд, радость и боль — всё многообразие видимого и невидимого жизненного опыта заключено в выражении лица.

Желая узнать реакцию человека, мы в первую очередь глядим ему в лицо. Наверное, потому, что первое, что видят новорожденные, — это лица отцов и матерей.

Лицо рассказывает. Лицо и есть рассказ. Много рассказов — целые тома. Лицо — окно в тайны человеческой натуры. В нем всё явлено и в то же время скрыто.

Сможем ли мы когда-нибудь познать всю глубину чувств, скрытых за улыбкой или гримасой отвращения?

Может быть, свет на тайну прольет еврейское слово для обозначения лица? «Пан|им» одновременно означает и «лицо», и «внутреннее, внутри». Странно. Ведь лицо — это нечто внешнее. Говорят: «лицевая сторона». И в самом деле, выражение лица способно обманывать, скрывать то, что творится внутри. Можно улыбаться, а в глубине души оставаться печальным.

И всё же еврейский язык определяет истинную природу лица: даже если лицо позволяет нам порой скрывать наши чувства, оно отражает внутренний мир человека. Те, кто чуток к «паним» человека, прочтут и то, что скрыто в его лице.

Подобье-и-Суть, Луна — Два. С тем, и книга сия, труд о ней — такова, и число мое — Два. Первым словом моим в жизни — было «**луна**», и рожден я в 15-й день 4-го лунного месяца (3 июня) — в день **по|лно|лун|ья, сиречь Двойки полной**, когда родился Будда, полной Луны бог, вся жизнь чья земная есть Двойка **(***ведь 29-ти лет от роду познал он духовную Перемену: 29 = 2 + 9 = 11 = 2; имел он двух наставников, Алору и Удраку; и.т.д.***)**. Мое имя Олег, в сути **Х|ел|**ьг скандинавское — темное имя: Х|ель, hell — ад; «эль» — Бог, Пустота-Тьма очам. С детства к Космосу тягу имев, к Миру, Лону как Матери сущих всех, — **Ма|м|ин|у (в девах Мин|аеву) Миру («мин» — Мен|а, Луна-Мать)** учителем главным имею я в жизни, учившим меня языку. Два космических фильма, задавших мой Путь, посмотрел я в ми|ч|ур|инских кинотеатрах «Октябрь» и «Космос», имен коих Суть есть одна на двоих — Конь октябрьский, Мир Божий. Родившись в России и среднюю школу окончив в ней как институт первый свой, переехал я жить в Ук**РА**ину, с Египтом имущую связь, число коего — **Два**, и в своей осененности им тяготимую долей **второй** — малой, **как бы не-сущей** сестры за сестрою Россией: не-сущее ж — Тьма. В сей стране, поступив в институт свой **второй**, поселился я в **Киеве, граде не Кия по сути, но Хор|ива — Хора как Мира по сути**, кто в счете сих братьев — второй: Х — за К, за облаткою — Глубь; в нем и писан мой труд. Перст Луны — лунатизм, коим болен был я: свет Луны изымал мою душу; и было то **в год моего 28-летия, лунный год** (ведь 28 — подлунья число, мира нижнего), после — прошло. Знак мой есть Близнецы, Двойка; год же рождения, 1961-й **(**когда за машиною, коей был Спутник, **вторым** в космос как высь **вторую**, стороннюю (первой есть Глубь наша) взошел земной человек: муж, **второй** за женой**)** — год Быка, суть чья **Два** (и душевная хворь — Сатаны знак, Быка). Мой небесный патрон есть А|мон (Ammon-Ra H|ermakou|ti), Египта бог, земли Двух. Двойка-Тьма, земли сей число — суть Н|**ОЛ**ь|**ЕГ**|иптский: Атланты, творцы его, и Луна-Мать, Корень их. **Миросущная, книга моя посему есть Луны дар: Ноля, что лучится Двумя**.

113 Глубь сию явил первый из бренных людей на Луне, Нейл Армстронг, узревший эскорт НЛО пред собой. На вопрос о случившемся, заданный Н|**Ew**'стоном, рек он: «Они [Гости] — здесь, **под поверхностью**», — сиречь **во Глуби, в Луне**.

114 Иное, Тьма-Ноль в мире сем отражается в Двойке — хозяйке его, тьме. С тем, Путь от Луны до Земли есть Серебряный Путь как **Алмазный по сути**: покров — Два, металл чей сребро, Суть же — Ноль и алмаз, лик его. В нас Путь сей — нить спряженья души, сути тонкой, с физическим сердцем: Луны — с Землей; нить-то сию зовут маги серебряной. В мире сем зримый, Иного Металл, Ноль как То (Ноль как Это — алмаз), посему серебрист: Ноль сей зрим мы как Два, Серебро.

Душа наша как Я — атом-семя, в плоти нашей сущий как в почве. Их и единит нить «сребра», Орихалка нить в сердце у нас. Рек об атоме этом М|а|кс Ген|дел|ь: «В то время как все остальные атомы плотного тела периодически обновляются, этот остается постоянным. Он

остается стабильным не только в течение одной жизни, но является частью каждого плотного тела, когда-либо использовавшегося данным Эго. Он уходит в момент смерти лишь для того, чтобы вновь проснуться на рассвете новой физической жизни и служить ядром, вокруг которого строится новое плотное тело, пользоваться которым будет то же самое Эго».

Знак единства металла Иного с сребром есть масонский обычай храненья сердец от напасти разъемлющей силы, Тьмы (коей, служа ей, они опасались как воин — меча своего же) лопаткой серебряной, Тьмою-Двумя.

115 Вшедший в область сию входит в смертную сень, с тем — умрет не во время свое и не собственной смертью: не Богом возьмется, но Дьяволом, Божий Закон преступив.

116 Летя на Луну, подобает иметь нам намеренье вступить лишь в эту-то область: оно, в чистоте своей, даст нам успешный полет.

117 Бытию-Бел|изне сопричастным, нам в очи бросается то, кое в белом белее всего. Таков в Индии, как Белизне-Уме, ее святой, о котором сказал Юнг, что «в Индии он — белейший просвет на белой ткани (белизна которой упомянута потому, что ведь таким же образом существует и черная ткань)».

На Луне, огнем Солнца горящей, пункт высшего блеска — пункт **чистого зеркала**. Блеск сих зеркал, уж давно наблюденный, описан так:

Бывает: засияет на Луне ослепительная точка, исчезать не спешит, горит несколько часов. Как будто кто-то выставил зеркало, отразившее свет Солнца, а потом убрал. Американская исследовательница В.Ка|м|е|р|он была первой, кто назвал эти феномены «зеркалами». В Институте аномальных явлений в Харькове разработана программа поиска лунных зеркал» (Евгений Арс|юхин, координатор любительских программ наблюдений кратковременных лунных явлений в СНГ). «Стоит обратить внимание и на места появлений звездоподобных точек, видимых с Земли лишь по 20-60 мин. Ведь именно так должны выглядеть блики от неподвижных плоских зеркал на Луне. По оценкам Х. Б. Лимона, лунное зеркало, отражающее солнечный свет, может быть замечено с Земли, если его площадь не менее 0,1 кв. м. А идеальный отражатель площадью всего 1 кв. м выглядел бы с Земли, как звезда 6". // По-видимому, зеркала на Луне действительно существуют. В «Каталоге кратковременных лунных явлений», составленном В. С. Камерон, содержится пять сообщений о звездообразных точках на Луне, которые наблюдались от 22 до 60 мин. Впервые этот феномен описал известный планетолог И. И. Шретер 29 сентября 1788 г. Мне удалось разыскать еще пять аналогичных сообщений, опубликованных в научной печати. В.С. Камерон, видевшая пару раз это явление, назвала его «зеркальным отражением». Позже она писала: «Но я предполагаю, что это просто эффект отражения от плоских граней на площади больших скальных обнажений, когда Солнце и наблюдатель находятся точно на подходящих углах». Однако на Луне не обнаружены скалы с плоскими зеркальными гранями. Кроме того, зеркальные грани скал стали бы слишком быстро (по лунным меркам) матовыми из-за метеоритной бомбардировки.

А.В. Архипов, археолог

Что́ узреть до́лжно нам волей Божьей — Бог метит в очах как ярчайшее, кое бросается в очи нам. Так корнь любви — первый взгляд. В очах *видящих* точкой **я**|рчайшей на сгустке энергии нашего **Я**, «осознании», есть точка сборки его, Скрепа-Суть, Кастанедою определяемая как «точка повышенной яркости в достаточно ярком светящемся энергетическом коконе».

118 На сфере, в отличье от плоскости, могут быть также начертаны одноугольник, сиречь квазиточка («а|ну́» у Индийцев: лик Сердца, Тьмы), и двуугольник (у них — «двианук»).

119 В отношении к тени обычной, чья сила таима от нас, тьма Луны **есть тень как Сила**: не Тайна, но Явь.

120 На снимке, сделанном с «Аполлона-14» (фото NASA 14-80-10439), и снимке с американского спутника «Lunar orbiter-3» (фото NASA 19483) на поверхности Луны четко видна буква S огромных размеров.

Прийти на Луну не напрасно — в Луну есть прийти: в Суть — от корки мирской. То свершил в книге детской Незнайка: Незнанье, не-Ум — Сердце, мудрости Корнь; так Сократ звал незнайкой себя. Нос|ов, книгу сию написавший — муж Сердца: Нос — Истина, Тьма как Но|с|ящее нас, Божий Но|ль.

121 Имя Сама|эль, идущее от «сама», иль «с|**ом**|а» (ведь а|льфа — о|мега), как «тело» санскритски **(***начало отдельности, сам|ости нашей бессердной — отсюда идет «сам|ота», одиночество (укр.); «сум», тоска (укр.); «сум|á» — злая доля, от коей грешно зарекаться***)**, и «эль», «Бог» (каков Он в «Эл|лада», в «Ал|лах») — есть по сути «отдельный [от Бога] бог», «бог одинокий», сиречь эгоист, коим есть Сатана как Творца антипод. Сим противником есть наша плоть в розни с Богом как Сутью, в ней скрытой, как в слове ее скрыт слог «ОМ».

122 Как учение Тьмы, Каббала (Cabala — у Джордано и Пико) — плен слабых, сиречь кабала их: Тьма — Сила, пленяща лишенных ее.

123 В мире сем речь лат|ин|ская — мертвый наружно язык: сосуд Истины, Глуби («ин»), лат|ы ее, берегущие огнь сей: ведь Жизни сосуд, коей Истина есть, — смерть: второе, не-Жизнь.

124 Звезды зримых небес — очи Духа, меж них — Солнце наше, глаз Божий по Ведам (с тем — Бог), в метафизике — Логос нижайший, седьмой покров Бога, Седьмого-Внутри: Бог — в очах горних, Дьявол — в очах дольних злых.

125 В том — суть крестной мольбы Христа за палачей Его, слепимых духом Вражды: «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят». Как Вражда, люди эти не знали Христа; как Любовь, Он их ведал вполне, с тем и в прахе — был Царь.

126 «Пил|ьний погляд» — внимательный взор (укр.): взор, пи́лящий, сиречь разъемлющий, зримость — Познания ради: явь — Тайны во имя, делимое — ради Единого; разъемля Тьмой: Тьма — Пила, в пыл|ь крущащая мир сей, в Египте, земле своей, и означавшаяся как Вода пилообразным иероглифом, явь чья есть лунные буквы Воды-Жизни M, W, V, Λ.

127 Процессуальный портрет сего слитного и недробимого (в сущности — нуменального, зримого Глуби очьми) созиданья облаток неистощимым источником их, адом, дал Эпикур в разъясненьи о видностях — оттисках сущих вещей, что текут в очи к нам как портреты их. «Само возникновение видностей совершается быстро, как мысль. От поверхностей тел происходит непрерывное истечение, незаметное потому, что умаление возмещается пополнением», — сказано на сей предмет Диогеном Лаэртием.

128 Бердяев писал о том: «Творчество всегда есть переход от небытия к бытию, т.е. творение из ничего». У него ж говорится, что хотя Господь создал мир (бытие сущих) «из ничего», оно есть «не «ничто», а темный хаотический мир нетворенной свободы, которая нетварна, как Бог» — мир Тьмы, Божьей Руки, коею Он творит. «Бытие рождается от свободы, а не свобода от бытия», — о том рек тот же муж.

129 Бытие — Вещь вещей, Свет во Тьме Небытийной как оной Пред|мет **(**от «метать», в сути — «брошенный перед собой» сей Причиной: ведь, с Богом едина, Тьма — Длань есть Его**)**. Разделеньем единым в себе, как Пространстве, творит Тьма и Остров сей, и его части; с тем, уж при рожденьи Свет Тьмой разъят в многость вещей, островов световых, и един лишь в скрепленности ею: **Делящее — и Единит (***с тем-то онтологизм как ученье о Мире, Корнь чей Бытие, а не Бог (и Мать — с Ним) — есть апория, плод Стагирита, чей Бог был Ум, Нус***)**. Острова эти, будучи Светом, есть и Пустоты острова: ибо, страны Всего, Тьма и Свет — одно. Сказано в «Бардо Тходол»: «пустота и свет неразделимы, природа пустоты есть свет и природа

света есть пустота», так что «неделимая свет-пустота» как «абсолютная суть бытия» есть «открытая и свободная, как пространство, светящаяся пустота; чистый обнаженный ум без центра и границ».

Вещь как остров, монада, — число в Пифагора очах: ибо первая Вещь, Бытие — Единица, Число; и любое число — суть оно как чреда единиц, сум|ма их, клей чей — Ноль. Сказав «все есть число», он под «всем» в его многости зрил вещи, грани всего-Бытия, на вопрос «что́ есть самое мудрое?» молвив: «Число» — и прибавив к тому, что вторым по достоинству есть придавать имена вещам: числам — облатки их.

«Все вещи оставляют позади себя Тьму [из которой они произошли] и выдвигаются, дабы заключиться в Свет [в который они вступили], будучи приведены в созвучие Дыханием Пустоты [сиречь Тьмы — *Авт.*]», — написано в Тао-Тэ-Чинг. Как светы отделенные, вещи вступают во Свет, общий им, и приходят в порядок не волей своей — волей Тьмы, их родившей. Тьма есть и Причина вещей, тьмы светóв **(**как начальна она Бытью цельному, Логосу, сиречь Огню, возжигая в себе его**)**, и Цель их, Лоно, в какое они разрешаются волей ее же; и вещи творимы Враждой, рас|творимы ж — Любовью, где обе сих — Тьма, Суть. Вот вещи: свет-в-Тьме, они есть Пифагоровы числа, они ж — Демокритовы атомы (Духа монады тугие), они же — Платоновы эйдосы (с тем, Демокрит свои атомы, явны не плóти очам, но ума, называл и «идеями», и антропично — «богами»). Так *видели* Мудрые их; Мудрым вслед, так зрить дóлжно их нам. Тьма все вещи родит и приводит в согласие хора, она ж их таит в очах плен|кою тьмы как второго себе, Двух-в-Ноле **(**о Тьме, вещи творящей как капли себя, Воды, сказано пифагорейцами как о «пустоте, которая постоянно разграничивает места, занимаемые отдельными вещами» — творит и хранит без конца их *отдельность, сиречь бытие***)**.

Таковая, вещь есть разделением первым от Тьмы Небытийной — Субстанции, в коей, по Анаксагору, все вещи до их нарожденья (явленья) — одно без границ меж собой. Из нее возникают они как отдельные сути; в нее как расплав форм преходят с кончиной. Рек Анаксимандр: «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости» (о Тьме как Лоне вещей поминает в «Античной философии истории» Лосев, говоря об учении атомистов, что у них «временной поток как бы бурлил внутри себя своими бесконечно подвижными скульптурными единичностями, атомами [сиречь вещами в понятии их сингулярном — *Авт.*], однако так, что *в результате всех предельных переходов непрерывность* [основа, Тьма — *Авт.*] *оставалась нетронутой и недоступной для превращения ее в полную дискретность*» — курсив наш). Деленье второе от Тьмы — тело, ей сопричастное как Нолю Двойка, лик сущий его.

Вещь как частное бытие, по Платону, есть эйдос (ειδος), в материи сущий как те́ла абстрактная суть; архетипом его есть идея (ιδεα) во царстве идей, чьей и Мира вершиной есть Бог самосущий — Платоново Благо (Добро) без второго себе. Как и эйдос, идея есть частное бытие, свет отдельный; различье ж их в том, что идея сияет в своем, светозарном и истинном, царстве, а эйдос — в чужом, иллюзорном и мрачном (где нам, сущим в нем и подвластным ему, видность эйдосов — звезды небес); посему, чистота-среди-чистого, первая старше второго сего, чистоты-средь-нечистого, и есть образчик его. Идей царство Платоново — сфера богов, ведь они, по Платону, есть в сути своей деантропоморфизированные боги Олимпийского пантеона, сиянья, законно утратившие свою антропоморфность: ибо натурфилософия Древней Эллады возникла с отшествием Мифа, Антропной Души, и была отрицаньем его, взглядом внешним на Миф как его гармоничной рефлексией: первым деленьем от Мифа, противным ему, но и с ним нераздельным, каков шаг от Сути. Бог частный как Один-средь-Многих есть, истинно, частное бытие, о чем Лосевым в его «Истории античной эстетики» сказано: «Каждый бог есть все, универсальное бытие, но данное особенно, частным образом, т.е. такая бесконечность знания, силы и жизни, которая дана индивидуально». Коль так, то, как частные бытия, вещи, как и идеи — божественны; та́к их прозревшим — от многих к Единому путь нам прямой.

130 Отрицания Сути, о коих здесь речь, есть деленья ее, о которых речь выше: шаги удаленья от сей Полноты, где шаг первый, возвратный, един с ней, второй же — отпад от нее.

131 Стагиритовой тьмою запятнан, неведом Платон нам. Муж Божий, он, славный в веках, мним слугой Сатаны, зовясь «идеалистом»: идея идей есть Ум-Нус, Сатана. Знать, трудами его в Мире, данном Платоном как царство идей-**И**-вещей, не зрим **главное мы: Сердце-Тьму, Длань Господнюю, коей оно скреплено как Душой Мировой**. Ею, Сутью, жив Мир; с нею лишь есть идеи идеями, вещи — вещами. Тьма — Жизнь. С тем, ученье Платона не есть «объективный (сторонний, иль умственный) идеализм», Ум Ума, **сатанизм** — он **труд Жизни и самая Жизнь**. Ее, сущих Глубь, славя, тем славен **муж Сердца** Платон!

Всем мнящим его *у́мным* лишь, вспомнить след Диогена Лаэртия, рекшего о Платоне: «Он соединил учения Гераклита, Пифагора и Сократа: о чувственно воспринимаемом он рассуждал по Гераклиту, об умопостигаемом — по Пифагору, а об общественном — по Сократу» — иначе сказать, **явил синтезом этим сам Мир, Тьму-Свет**: ведь Тьмой-Нолем (чувство — Сердце, Тьма) есть Гераклит, что учил о Воде-Мире, Тьме, что из Бога и в Бога течет; Единица, Ум-Свет — Пифагор, Феба ратник, певец Числа числ: ведь Число — Единица; Сократ же, муж Тьмы, Глуби, явил Мир-Глубь в Двойке внешнего, обществе. Их единя, был Платон в духе Мир. Тьма от Тьмы, был в единстве он с Истиной, Тьмою, по жизни ведо́м Вакхом, богом ее. Ибо первый учитель его — грамматист **Дионисий**; стих первый его — **дифирамб**: «двоевратный» — стих Вакху, рожденному дважды; и в деле Познанья вначале он следовал Гераклиту, **Тьме**; позже ж, пришедши с трагедией на состязания, пред **Диониса** театром услышал беседу Сократа и ею пленен был — как **Тьмой**, его сутью, — предавшись в ученье ему (Дионис, Тьма, Платону и друг, и противник: муж, кем был Платон в рабство сдан — **Дионис**); а по смерти его пил **Тьму ту же** едино из двух родников, Гераклита и Парменида, примкнувши к Кратилу, наследнику первого, и Гермогену — второго. Учебу свою Тьмой-Нолем начав и, через Свет-Единицу, Тьмой кончив, Платон тем сподобился Истине, СА-ТИ-ЯМ, в коей Свет как слог «ТИ», Ложь, объят Тьмою как преобладающей и побеждающей Истиной, коею есть слоги «СА(Т)», «Жизнь», и «ЯМ», Смерть: две Тьмы, Первое и Последнее, ведать какие как Сердце, живящее Ум, есть быть Сердцем по сути — единым с Творцом мудрецом. Им и был сын По|тон|ы П|ла|тон, Феба лебедь с Латон|ой его, дивно пла|вавший в Том, в коем тон|ут иные — Воде Мира, Матери-Тьме (плавать *в ней-то* и было важней всего Грекам, говорившим о бесталанном человеке, что он не умеет ни читать, ни плавать).

132 Положенье о несамосущности Зла, выступающее краеугольным пунктом теодицеи Фомы Аквинского, речет о том. Зло, Тьма-Два, самосущно постольку, поскольку **отдельною**, иль самосущною, есть его корень Тьма-Ноль без иного, Длань Бога, **единая** с Ним. Мысля в терминах Аристотелева закона противоречия **(**«либо сущее — либо не-сущее», — тогда как, истинно, есть оба сих: жить нам — к смерти идти, умирать всякий миг**)**, Аквинат, пленник Розни, бессилен понять был сие всеблагое **Единство** различья, великий союз Любви «И», коим есть Бог, Платонов вожатый; не зная ж Его, он не ведал и полной Его чистоты как **свободы от тьмы**, с тем — от всякой нужды в оправданьи Своем судом внешним, которым есть теодицея — костыль для **бессильного Бога**, каков Он Фоме, не познавшему Силы Его, Божьей Тьмы.

Бог бессильный — злой Бог: ибо Благо, Добро — Сила. Злого сего-то оправдывал Аквинат: то — Бог-Ум, Нус бессердный, явивший себя у Филона Александрийского и Нумения; ясный нам в «злом Демиурге» как главной проблеме дискуссии гностиков и Плотина, друг друга достойных, ведь ментор их всех — Стагирит. Муж, не знавший, как Бога, Добра, сей патрон не знал Творчества: **зло — не творит**. Божий муж, Платон звал «демиургом», творящим, Творца; «демиург» Стагириту — «ремесленник», «мастер» в значеньи «умелец», «технарь». Верный Богу, Платон излагает светло, тверд в словах; Аристотель — темнит пеленой допущений («быть может», «скорее всего» и проч.), кои не твердь — зыбь, болото; поставив тьму ложных вопросов,

во Зло путь — уходит вдруг. Слова Платона — суть истина (сказано Диогеном Лаэртием: «Платон о вещах, им постигнутых, раскрывает свое мнение и оспаривает ложные, а о вещах, ему неясных, воздерживается от суждения»), а Аристотеля — ложь как не те́|за (The|ós — Бог) — гипо́|теза (с тем, муж сей — корень науки мирской, коей труд допускать — не знать). Черный учитель всех стран и времен, он — обманщик великий и гений Вражды (миру дав посему величайшего мужа меча, Александра: Вражда — Меч); труды его — повитье ложью лжи ради: читать их без Бога в душе — есть лезть в сети ее, в омут этот, чтоб в нем утонуть.

Бог бессильный — мечта Сатаны, цель масонам. Плод этой мечты ныне — труд Дэна Брауна (Дэн — Ден|ь, Диавол-Ум, и Уму сему дан|ь) «Код да Винчи», Христос в коей — смертный, бессúльный суть, бог: Сила — Вечность. С тем, вкруг книги сей царит бум: Запад, дом Сатаны (дом же Бога, как Солнца — Восток), жаждет падшего в прах Бога, ведь в прахе сам; Запад Запада, коим А|мер|ика есть («не имущая Меры», Творца; в ком нет Бога — в том Дьявол: душа, свято место, пустою не есть) чтит, бессильный, могучих **людей**; сильный **Бог** — ему чужд! Оттого бьется он над прочтеньем дичайшего всем верным Богу «Евангелия от Иуды»: внять Дьяволу жаждет страна Сатаны. Что ж: кто ищет — найдет!

Всем сим, холящим Зло, скажу тут: полно тщиться! Иуды святого нет, как нету доброго зла! О том — Библия, книга Добра и предательства. Добром есть Мать, в книге скрытая сей как в Адаме — ребро-Ева, Глубь; предающий Ее — есть Отец, Силы сей ненавистник, предательством Сына за то, что Он плод не его, а Ее. Предает же Отец в мире сем не своей — **человечьей рукою: рукою Иуды**. Предательство им Иисуса по воле Его, о каком говорит «труд Иудин» — абсурд: Добро — злом не чернимо. Господь не велит предавать: труд сей — Дьявола коз|нь, коим есть бог-Отец, Ум без Сердца. Его зная зло, Бог как **Мать в Иисусе** глаголит Иуде: что делаешь — делай скорей! Но молчит Бог о том, **что́** творит втихаря дьявол сей: назвать это — есть стать Сатаною. Предательства чужд так — чист Бог! И, о западны черти, суконные души: нет свитка, что грязью своей запятнал бы Его Чистоту!

133 Сердце в сути, Платон — Сердца Ум; Стагирит — Ум Ума, сиречь верный не Господу, Сердцу — себе без Него. В том корнь связи глубокой их: **Умы есть оба (**по сей-то причине, Платона отвергнувший, по Диогену Лаэртию именно Аристотель есть преданнейший из учеников его; Аммоний Саккас, муж *умный*, учений их не различал посему же**)**. Рожденный в год смерти Перикла, чей век золотой стал Элладе вратами в паденье от Сердца к Уму, от сиянья к закату, — Платон, муж сей грани, и именем был Арис|т|окл, «Арес зрячий» (лат. oculus — око), иль «*видящий* Арес», Ум Сердца: ведь Очи — оно; Арис|тот|ель, родившийся после Перикловой смерти, **без Солнца** — был Арес-слепец, раб Того, Тьмы, себя мнящий Богом **(**«эль» — слог Его**)**, коим и есть Ум, влюбленный в себя. Зрящий (*видящий*) Ум, с ходом лет и закатом Эллады Платон, верный сын ее, той же точимый болезнию, так же ослеп, как она: **Ум сей — Сердца лишился**! В трудах его, писанных в старости, в полном согласии с тем нет уж речи о Боге как Благе, но только — о солнце|**подобном** Уме, зрить который очами нальзя нам: ведь Солнце само, Бог, — в Платоне зашло. Ум сердечный — Умом стал пустым, пав во прах; **гений Господа-Блага Платон-Аристокл, мудрый Ум — Аристотелем стал как немудрым Умом**.

Так Плато|н, Дух-Объем, — стал плато, очи плоские смертны, воспеты Евклидом в веках. Так явил ученик хворь, пожравшу учителя с Грецией вместе: над Благом, Афиной в них встал Арес, Зло. Так гордец — одолел мудреца.

Глубь — Единство. Его людям дал Пифагор как Число. Но Платон, чрез гордыню создавший ученье свое, подменил царство числ царством мыслей о них, дав идеи **(**суть **части Ума**; числа ж — **стороны Мира**, каков Сердце-Ум**)**. Так-то Первое стало вторым: миражом — Жизнь; в идеях себя утеряв, так разъялось Единое в общее. Прав Аристотель, в идеях примысленность зря. Но **примыслены были они не к вещам, как считал он, а к числам**! В идеях — как числах по сути — Платон зрил Единое, Глубь; Аристотель же — общее, Рознь, зривший в Сердце, Платоновой сути, Ум, суть свою. С тем, неспроста порицал он Платона за

рознь единичного с общим: их, кои законно Платон разделял (ибо, истинно, пró́пасть меж ними), смешал он, сокрыв так Одно. Мир идей заклеймив как нечистую Рознь, ее чистою дал он в вещах без идей, **числах мертвых**, чья суть — Мир без Мира, лишенный Любви, плоть — без Глуби, явь чья — коммунизм, царство общего, Дьявола-Ареса дом.

Опустев, так утратили Бога в себе мы, впустив Сатану. Воля наша — его стала волей. Ведо́мый же так — не Живет: он есть кукла в руке кукловода. **ОН ЕСТЬ МЕХАНИЗМ**. Так над сутию се|в|ер|ной нашей простерся, как склеп, мертвый западный мир, над душой падшей — встала машина, железный тиран.

134 Вражда (Война, Борьба) есть суть брен|ного мира Двух: бренье — боренье, борьба. В мире сем нет Добра в чистоте: оно слито со Злом в Двойку эту, — как нет с тем и чистого Зла. Секст Эмпирик сказал на сей счет, что «ни одно из борющихся положений не стоит выше другого как более достоверное», — сиречь ближайшее к Благу, Добру-без-иного, каким есть Бог.

135 «И» — звался лучник мифичный китайский, мир спасший от засухи тем, что когда в небесах вдруг взошло десять солнц, девять он подстрелил и отставил одно, настоящее. Мúр есть оно! Стагирит, муж по имени Или, труд сей свел на нет, девять сих возвратив в небеса, запылавшие ложной Декадой.

Тот, кому солнце ложь — слеп. Бог у Парменида и у Платона, Тьме верных, умопостигаем — открыт Уму как инструменту, что верен как Сердцу Ему, с тем — полн Им. Стагиритов же Бог — Ум, постичь каковой просто **нечем**, коль сей инструмент, возгордясь, из слуги стал царем. С тем, как Цель без Пути, Бог-Ум непостижим: его нет очам, с тем — нет совсем: «esse — percipi», быть — зриться. Истины этой вослед за отцом, Аристотелем, не знал Декарт, своим «cogito, ergo s|um» ум превознесши над Жизнию как бытие над Познанием, кое она, над Деяньем — покой, смерть. «Не бытие, а действие — вот первое и последнее», — рек Моисей Ге|сс.

136 У Греков рождению этой преграды согласно испитье душою вод Леты. Обресть нову жизнь — есть ее отрешить от прошедших забвением их, дав ответ **свой** нести пред Творцом.

137 Убравший экран сей возносится в Тьму, Лоно сущих, огнем Изнутри, току коего снят был барьер.

138 Сказано бл.Августином: «Как тишина есть отсутствие всякого шума, нагота — отсутствие одежды, болезнь — отсутствие здоровья, а темнота — света, так и зло есть отсутствие добра, а не нечто, существующее само по себе». С тем согласен Платонов словарь, что трактует ночь (зло, слепоты очей пору) как «тьму, противоположную дню, похищение Солнца» — добра, кое есть Божий Огнь.

139 Ему согласен стих Библии, в коем о Божьем величии сказано: Abyssus abyssum invocat in voce cataractarum tuarum (лат.)— «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих» (Псалмы, XLI, 8). Так две Бездны, Тьма-Ноль и Тьма-Двойка взывают друг к другу единою Сутью своей, Тьмой-Нолем.

140 «Душа есть свет, закрытый покрывалом; когда за ним нет ухода, свет темнеет и гаснет, когда же он поддерживается — как светильник маслом — святой любовью, он разгорается в неугасимую лампаду», — сказал Эдуард Шюре.

141 «Нет спора, тому кто стоит у кормила правления, искусство речи необходимо, но без памяти любить славу, которую это искусство доставляет, легкомысленно и недостойно», — о том рек Плутарх.

142 Адепт Зла, масон есть «вольный каменщик», вольный не волей своей — Сатаны волей злою. Исшедши наружно из Англии (волею Бога, и зримой как камнь среди вод) в веке Смерти, Семнадцатом (Восемь, 1 + 7 — число ее), а сакрально от храма царя Соло|мон|а, масонство, причастное всей крови мира сего, ныне в силе великой, чему знак — таимость его, в коей зрима

работа — не мастер: ведь тьма — пустота. За безумством войн, злобою рынка, чей главный товар есть душа, стоит монстр сей, из бед и смертей наших строящий, как из камней, зданье Зла.

Масон, каменщик, есть скульптор тьмы, — ведь, с|лепя Злом нас, лепит он в нас его образ: леп|ить — ос|леп|лять. Тьма незнанья — покров на очах. Так по|кр|овна Творцу Кр|асота — Леп|ота; Сатана, плен|ок бог, как Писанье речет, «ликом черн и пре|кр|а|сен»: прекрасный в служении Богу, ужасный — в служеньи себе, не Ему. То и то — блеск един: Сатана, Ко|зел бле|ющ — Bla|ck, Тьма. Ум сердечный, Служáщий, и умственный Ум-эгоист в их единстве — таков в полноте сей дух Тьмы. Сатаною, *пронзительным* в этом единстве двоих при господстве Служащего (Тьма — Игла), рисует Пушкин Петра в «Полтаве»: «Его глаза // Сияют. Лик его *ужасен*. // Движенья быстры. Он *прекрасен*, // Он весь как Божия гроза» (курсив наш). Таков есть и булгаковский Воланд, что рáвно блестящ в небрежном наряде своем, и в торжественном: в шляпе, плаще и при шпаге. Воистину, царь тот и тот. Красота — свойство царское: Бог — Царь царей; царска есть и одежда Его, Красота.

В тайне — сила мас|онства. Диавол, Князь их — Тайны Князь (Тайна — Тьма), гений мас|ок, и с тем то — *чертовски красив*: красота, повторим — маска Бога, покров Его, коим и есть Сатана как второй за Ним. Скрытый личинами, вечно меняющий их как факир, в сути он — **никакой**. То в романе Булгакова зрим мы в мистической розни портретов Воланда, данных различными людьми после громких событий на Патриарших: «Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй — что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было». Воланд, мес|сир, есть Иного посол, а Иное — в Сем любит таиться, в личины рядясь. Оттого-то — и странный акцент у профессора черной магии, «который у него, *черт знает почему*, то пропадал, то появлялся» (курсив наш). Резонен вопрос, задаваемый с мрачной настырностью то Берлиозом, то Бездомным, не немец ли Воланд: «немец» идет от «не-мой», суть «чужой»; «немота» — суть причастность Иному, глас чей есть Безмолвие. Вспомним у Гоголя: «Черт в мундире стряпчего, а сзади точь-точь как немец». «Вы — немец? — осведомился Бездомный // — Я-то?.. — переспросил профессор и вдруг задумался. — Да, пожалуй, немец… — сказал он». Так «немцем» был гетевский Мефистофель, плод сына Германии, **земли облаток** (как явственно — **лат** крестоносцев), под коими Бога искали и Гегель, и Кант.

Ликов рознь ту же зрим мы у Плутоса, бога богатства (идущего из-под земли; суть бог|атства, Бог — Тьма, То нам, Этим), изображавшегося то в виде слепого старца, то в виде мальчика с рогом изобилия. Рознь ту же, как **доказательство истинности Сатаны-Бафомета**, законно зрят мистики и сатанисты в том, что, как известно, на инспирированном Филиппом IV Красивым инквизиционном процессе по делу рыцарей ордена Храма не было и двух допрошенных рыцарей, одинаково описавших облик своего идола, — тогда как историки, зря в этом **опроверженье** сей истинности, лгут, **пленены Сатаной**. Бафомет, как масонов бог, явственен в светском лице сей могучей структуры, низвергшей монархию — наипрочнейший в истории властный институт: ведь масоны в миру мнимы **не занимающимися ничем**. О преступном голосовании Конвента **(**con|ven|t — женский монастырь (англ.); здесь — дом Сатаны, Тьмы как Двоицы-Розни**)**, вынесшем смертный приговор государю Людовику XVI-му по вине сих **бездельников** (*приговор, вынесенный против желания большинства членов вследствие того, что среди голосовавших оказалось четырнадцать подставных лиц, введенных **неведомо кем**; смерть была решена **большинством в один голос: монаду тьмы — знак Сатаны***) историк Г. Ленотр приводит показание члена «Инсуррекционной комиссии» Гор|э: «По чьему распоряжению были приняты все эти предостережения, касающиеся голосования, мне неизвестно. В совете об этом никогда не было речи и я всегда думал, что какая-то тайная и

могущественная партия действовала в этом случае без ведома мэра, который на этом же совете, однако, председательствовал. Такими средствами достигнута совершенная 21 января 1792 г., под охраною невиданного до того дня стечения войск, казнь короля в городе, где из 80 000 постоянных жителей, не нашлось бы и 2 000 желавших смерти монарха, но где зато были люди, более тридцати лет совершавшие в ложах символическую казнь над манекеном Филиппа Красивого». Удача Сатаны, говорил Николай Рерих, в том, что ему удалось убедить людей в его несуществовании. Удача масонства, зла Князева — в том же: темн, меч его бренным — ничто, Ноль как нуль.

О масонстве здесь скажем еще, что условье незримости сей корпорации в мире сем есть самый строй ее: каменно-жесткая иерархия с односторонней императивностью, в коей «низы» — инструмент и игрушка «верхов», их не зная, и только один, пик всему, знает всех и царит. Пиком этим в понятии высшем и есть Сатана **(**таков Гегелев Дух хитрый; с тем, He|hel — Дьявол: hell — ад. (англ.); наукой его вскормлен был Арес-Мар|к|с**)**. Воля как вектор вниз (а верней, снизу: верх тьмы есть Дно), необорная Необходимость, бороться с какой и не мыслят — есть воля его. «Главное … [в организации масонской ложи] — отмечает на сей счет Григорий Бостунич в труде «Масонство и русская революция», — что ученик из высших знает только несколько товарищей и мастера своей ложи, остальные пребывают в неизвестности. (…) Товарищ может бывать везде среди учеников, но для них он только ученик. Мастер может бывать везде среди товарищей и учеников; но бывает он инкогнито: для товарищей — он товарищ, для учеников — ученик. И такая система конспирации проведена во всех дальнейших ступенях — вот почему приказ, изданный сверху, каков бы он ни был по содержанию, автоматически выполняется внизу безответственными орудиями. Только в пределах своей ложи ученик знает несколько масонов высших посвящений своих «семь», т. е. «по классу занимаемой должности», все остальное скрыто от него густой пеленой таинственности». Волю Диавола, сминающую и подавляющую иные, являет текст клятвы вступленья в масонскую ложу, гласящий: «Клянусь, во имя Верховного Строителя всех миров, никогда и никому не открывать без приказания от ордена тайны знаков, прикосновений, слов доктрины и обычаев франк-масонства и хранить о них вечное молчание, обещаю и клянусь ни в чем не изменять ему ни пером, ни знаком, ни словом, ни телодвижением, а также никому не передавать о нем, ни для рассказа, ни для письма, ни для печати или всякого другого изображения и никогда не разглашать того, что мне теперь уже известно и что может быть вверено впоследствии. Если я не сдержу этой клятвы, то обязываюсь подвергнуться следующему наказанию: да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи при посвящении нового брата, как предмет проклятия и ужаса, да сожгут его потом и да рассеют пепел по воздуху, чтобы на земле не осталась ни следа, ни памяти изменника».

143 Лик сей перемены — осколок волшебного зеркала Снежной Королевы в классической сказке Г.-Х. Ан|дер|сен|а, *в|пив|шийся* в сердце Кая и ожесточивший его пустотой (Полноты, по|кая|нья — чужд Ка|ин пустой). Слеза Гер|ды, его растопившая каплею Индры, несла в себе силу Любви, Полноту, победившую сей оплот смерти, вернув Каю жизнь, **сиречь душу**, его: пло́ти, ка|й|я — Дух, Ка как Я, Суть.

144 О детях рек Экзюпери: «Не учите их, что польза — главное. Главное — возрастание в человеке человеческого. Честный и верный человек гладко выстругает и доску».

О сей истине у Эпихарма есть дивный диалог, вот он:

- *Скажи, игра на флейте — это дело?*
- *Да.*
- *Игра на флейте — это человек?*
- *О, нет.*
- *Ну а флейтист — он кто такой, по-твоему? Он человек?*
- *Ну да.*

- *Тогда попробуй-ка и о добре судить таким же образом.*

Сказано у него же:

Добро само есть дело: кто учен добру,
Сам сделается добрым в силу этого —
Как и флейтист есть тот, кто флейте выучен,
Плясун — кто пляске, венцеплет — венки плести,
Какое ремесло бы ни усвоил ты —
Не ремесло ты все же, а ремесленник.

145 Гельвецием сказано на сей счет: «Любовь становится моральным грехом, когда она делается главным *занятием*. Она расслабляет тогда ум и заставляет деградировать душу» (курсив наш).

Челн Гостей в сем труде мы назвали машиной Любви как **машиной, живимой Любовью**. В сем мире же злом имя это обратно по смыслу: **Любовь как машина, пол-Сути**. Воистину, то — смерти смысл.

146 «Любой из нас гораздо богаче, чем ему кажется, но мы приучены жить займами и подаяниями, мы воспитаны так, чтобы охотнее брать у других, чем извлекать нечто из самих себя», — грустно пишет об этом людском парадоксе Монтень.

147 «Помни, ты должен идти один, Будды лишь указывают путь», — сказал о том Будда Шакьямуни. «Когда человек шествует по Пути Самурая, — написано у Я|ма|мо|то Цу|нэ|то|мо, — он не должен искать других идеалов. То же самое касается самого Пути. Поэтому неправильно изучать Путь Конфуция или Путь Будды и говорить, что это — Путь Самурая. Если человек понимает это, он будет слушать проповеди о других Путях, но при этом с каждым днем все больше постигать свой собственный».

С человеком Бог, с путником Цель — пара-Суть; человека растить в себе — Бога я|влять: из пелен — Я свое. «Вы говорите, сообща легче. Что легче? Пахать, косить, сваи бить — да, но приближаться к Богу можно только поодиночке», — сказал Лев Толстой. «Человек одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; и всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством» (Екклесиаст). «О, сколь целительно, сколь приятно и сладостно пребывать в одиночестве и в молчании и беседовать с Богом!» (Фома Кемпийский).

148 Приход Сына в мир сей, Двойки дом, был согласно двоичен: Единый как Тот, Кем был послан, Младенцем предстал на земле Он, Звездой — в небесах. Так чрез Двоицу, брения суть, оказал Себя миру Единый, Предвечный Господь.

149 Тьма, по|вит|ье есть Жизнь, Пуповина, живящая Богом: Жизнь — Vita. Повитье — и смерть: пуповиной обвит, гибнет плод. Жизнь и Смерть — суть науки сей: Тьма, — ведь она обе сих. В сей глубокой науке (Тьма — Глубь) был искусен Сократ, Силы муж: ведь Тьма — Сила. Лишь Истина в мире сильна; Тьма плод наш испытует на мо|щь: чему до́лжно родиться, пробьет Тьмы плен, а чему нет — ибо ложно — Тьма ходу не даст, потопив как Вода **(***так, Водою топим, Улисс выжил, Итаку стяжавши как Истину-Мать, иль* ***родившись в Дом этот из водного лона, каким был носим он****: «Итака» — «итак» как И|тог: Бог, Конец сущих троп, «И» под То|го|й, Женой***)**. Пуповины сей суть цепе|нящу **(**ци|куту: яд сей и был принят Сократом *по воле суда и своей***)** у Платона являет Менон, говоря: «Я, Сократ, еще до встречи с тобой слыхал, будто ты только то и делаешь, что сам путаешься и людей путаешь. И сейчас, по-моему, ты меня заколдовал и зачаровал и до того заговорил, что в голове у меня полная путаница. А еще, по-моему, если можно пошутить, ты очень похож и видом, и всем на плоского морского ската: он ведь всякого, кто к нему приблизится и прикоснется, приводит в оцепенение, а ты сейчас, мне кажется, сделал со мной то же самое — я оцепенел. У меня в самом деле и душа оцепенела, и язык отнялся: не знаю, как тебе и отвечать. Ведь я тысячу раз говорил о добродетели на все лады разным людям, и очень хорошо, как мне казалось, а сейчас я даже не могу сказать, что она вообще такое. Ты, я думаю, прав, что никуда не выезжаешь отсюда и не плывешь на чужбину:

если бы ты стал делать то же самое в другом государстве, то тебя, чужеземца, немедля схватили бы как колдуна» («Менон»). **По|вива|ние, Вакха искусство (ведь он — Пупо|вина, лоза Тьмы), майевтика, дар Фенареты Сократу — душение ма|йей, иллюзией-Тьмой ради Истины, Тьмы. Так чрез дело Сократа Тьма тешит себя, поверяя на мощь бренных нас — семена свои, Вакха плоды**.

Дар повитья, Сократова мощь плут|овская **(**блуждать — есть плут|ать, плут — с Плут|оном един, богом Тьмы, лунным в сути: Глубь — Тьма, Луна-Мать, лут|ка коей как Сердца — Ум, ложь**)**, есть искусство пустых отличать от тяжелых, **беременных Истиной**, и им-то помочь родить. «Призна́юсь, Сократ, — говорит Теэтет, — до меня доходили те вопросы, что ты задаешь, и я не раз принимался это рассматривать, но ни сам я никогда еще не был удовлетворен своим ответом, ни от других не слышал такого истолкования, какого ты требуешь. Правда, я еще не потерял надежды», — на что Сократ отвечает: «Твои муки происходят оттого, что ты не пуст, милый Теэтет, а скорее тяжел»: ибо Истина, Тьма — Тяжесть; гуру, несущий ее, по-санскритски «тяжелый [от Истины, Мудрости]» **(**отсюда — гру|з; гру|с|ть — груз Тьмы; гру|дь — Причины, Тьмы х|р|а|м**)**; кто берем|ен — тяжел: плод есть брем|я. Искусство Сократа в том сродно софистике, что оба — Тьма́; рознь их в том, что Сократ Тьмой лишь ложное топит **(**май|ев|тика, его наука — суть ма|й|я, иллюзия-Ева, не-Я**)**, тогда как софист — всё **(**посему в понятийной системе Платона софист не причастен Познанию вовсе, определяемый лишь как «охотник за благородными и богатыми молодыми людьми, состоящий у них на жалованье»**)**. **Софистики темень есть тьма ради тьмы, тьма ж Сократова — тьма Огня ради, Господнего Солнца в очах**. Само имя Со|крат — явь тому как «совластный» **(**власть — «кратос» (греч.); «со» — в сути «со|ма», «со|гласное Ма|тери», Тьме как сосуд Ее**)** Богу и Матери-Тьме, соправитель покорный Их. Мудрость любя, Сократ сердцем знал Тьму, о труде Гераклита сказавши: «Что понял [постиг умом — *Авт.*] — великолепно, что не понял, думаю, тоже…».

Тьму зная, Сократ с Ге|р|а|клит|ом родня: оба были темны (и собака, какою Сократ клялся в шутку — был Цербер, Аида пес). Брат их во Тьме — Парменид, наставлявший младого Сократа (как пишет Платон) **пустословья** науке: Дух, мудрости Суть — Пустота, Тьма. Науку ее и постигнул Сократ как никто. Суд, его обвинивший во тьме **(**суд, жестокий под властию Ареса тайною: «Аре|о|паг» есть «холм Ареса» (па|г|ор|б — укр.); Арес — без Милости Суд, Сатана**)**, прав был в том: темен муж сей. Но зря лишь тьму-Рознь, не постиг сей совет, что **Сократовой тьмой — был Огнь Бога, Единство**. Так**, Тьму спутав с тьмой**, он убил без вины Мудреца **(***о Сократе и софистах в единстве их Лосев и пишет как о творцах дискурсивного метода, обособляя софистов как творцов «исключительной дискурсии», коя в своем самовластии «разрушала цельную картину мира и вносила черты некоего рода релятивизма», Сократа же — как отца позитивной дискурсии, с коей «начинается (...) положительное построение диалектики идеи и материи», зря диалектику эту «как существеннейшую и центральнейшую для всей античной философии»***)**. **Тьма-Благо есть тьмы-зла корнь: ведь корнь Зла — Благо, а Зло не есть корнь ничему. С тьмою-Злом борясь, суд бился с *Тьмой, корнем Зла*, коей был Сократ в сути: Монада, Мать-Ноль, чей муж он — Розни корнь**. Два Огня, Божий и сатанинский, как двоица лезвий, едины в мече **слова**, названного Христом «мечом обоюдоострым»: несущим равно́ жизнь и смерть. Сократ ведал меч сей. Им деля Неделимого ради, он был диалектиком, ради ж деленья — софистом. Он был **тем и этим**; не бывший софистом как **только** софистом, был **ведавшим тайну софистики он, коя — Два**. Посему о́н — не Горгий и не Протагор — был софистам начальник как им **предстоящий**; и чуя делящую Мощь в нем, Афины в час умственной смуты убили его, тем абсурдно **расправившись с са́мой Причиною, Тьмой, чей вер|дик|т для Эллады был: смерть!**

Что́ есть истина, коею разрешается от бремени человек при Сократовом вспоможении? Мудрость она? Знанье ль? Два сих различны, и плод наш — второе. Сократ, говорящий, что в мудрости он уж неплоден **(**ведь рек в «Теэтете» он: «Бог понуждает меня принимать [роды у

иных], роды же [собственные] воспрещает»**)**, речет чистосердно: ведь Тьма, Мудрость яви чужда — То, не Это она. Тьма, Мудрость есть Знанья Корень и Клей, То, а Знание — Это: кристалл, чье разъятье дает многознание, Знанья погибель в очах. Испытующий знание Тьмою, ша|т|ая его Силой сей («шат» — Sat, Истина-Тьма), так искал Сократ **Неколебимое, Бога как Мудрости Суть**, не своей волей — Божьей **(**Его разумеет Сократ, на упрек Евтифрона в текучести истин своих говорящий: «ведь не я вложил в наши слова эту способность блуждать»**)**. Сам он рек о том: если Дедал «придавал подвижность только своим творениям, я же — не только своим, но похоже, что и чужим. Однако особая тонкость моего искусства заключена в том, что я мудр поневоле: ведь больше, чем обладать искусством Дедала, да еще вдобавок и богатством Тантала желал бы я, чтобы мои слова оставались твердо водруженными на месте». Знал муж этот: устойчивость, коей кичатся невежды — мираж; лишь Господь тверд средь хаоса дней как Любовь, коей жаждал и полн был в сей жажде Сократ. О ней рек Соловьев:

Смерть и Время царят на земле,
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Бог — есть солнце сие золотое на троне своем, что, недвижный для ока, зовем мы Полярной звездой.

150 Господь не имеет Себе нашей меры — Он сам Мера нам. С тем, великое meden agan («ничего сверх меры») для нас означает наказ быть в согласии с Богом, ступая стезей не иною, как той, что приводит к Нему.

О Нем, большем всех мер, у Мориса Бланшо говорится: «Любовь — это, быть может, камень преткновения для этики. Безмерность — это единственная мера любви»: Мера-Бог, скажем мы.

Чужд ее, Аристотель, кивая на Меру тьмой слов «недостаточно», «слишком», — ее никогда не являет: она — пустота у него, Сатана вместо Бога, безмерье без Меры святой.

Приложения

АД КАК ОН ЕСТЬ

Суть и устройство преисподней

Что жаждем мы, люди, свободы — перст Божий:
Свобода есть Бог, наше Я. Быть нам в Ней — Дóма
быть. Быть лишенным Ее — гнить в темнице
как доме казенном, чье имя есть ад.

Ключ к познанию ада — деление Тьмы как Ноля без иного на Ноль и иное ему, Двойку-рознь. То — две Тьмы из одной: Тьма как Тайна, Субъектность, и тьма как объектность, явь. О них-то рек Паскаль как о двух безднах, меж коими сущ человек: бездною Бесконечности и бездною Ничто. Первой Суть — Бог. Суть второй — Сатана. П|оль Ла|ф|ар|г, рекший: «Ад мог быть придуман только людьми и для людей, снедаемых ненавистью и жаждой мести», — прав в том, что граница объектности, крайняя пад|шести степень, какой есть ад, с нами едина: нет нас — нет ее. Но и зрить *от нее* — верно: в Двух (1 + 1) единица любая — начало, коль чтем от нее.

Для немудрых ад — вымысл, и мня его им, они, в сути, его соотносят с ментальною (мысленной) сферою — миром свободы, по Канту. О нет! Тюрьма, ад — не свобода **(**мнят ей его *умники* — адовы дети, мысль чья — Ум Ума, эгоист: имманентность, ад чистый**)**; не внутренен он — он вне нас, он не нумен — феномен как то **объективное**, кое одно лишь и чтит атеист за факт **(***имя презренное: чтить факт, облатку, за Суть — как феномен за нумен — вершить есть соитье со злом как раз|врат в смысле строгом: фак|т = fuck, е...ля***)**. С тем и зовет его Библия «внешнею тьмой», «объективною истиною» по слепцу сему (ведь Бог есть Очи нам: Его лишенный — слеп), а по Бердяеву — «смертью существования» **(***об Авичи как аде дурной непрерывности, пытке Сансары, где люди, умерши, родятся немедля, **без отдыха в Том**, — говорится согласно с сим, что место это «никогда не находилось в А|мен|ти [посмертном Осириса царстве, Тьме-Сердце — Авт.] или в каком-либо другом субъективном состоянии»; А|vic|i в*

*сути — не-Тьма: Два — не Ноль; смерть — не Жизнь; Ум бессердный, облатка-нуль***)**. С тем-то, чем дальше от Глуби очами бежим мы вовне, тем реальнее ад как плод личной, поистине **нашей** ошибки. Страданье и радость — всё в нас, Мир вместивших. Понятие «ад вообще» ложно — есть лишь **ад на́ш**, что и есть в существе столь сурово клеймимая атеистами «субъективность» **(***то знал Лев Толстой, о всех семьях сказавший, что счастливы они одинаково, а несчастливы — на свой, особый манер. Книга Мертвых тибетская, рисуя ад, говорит: он — плод наш (проявленье, «бардо́»), и себе палачи — сами мы***)**. Но **ад наш — с тем и общий**: ведь сущее нам — суще в Мире как Доме всех сущих, сосуд (микрокосм) чей мы, часть сего Целого. **Ад — дом сбежавших от Глуби, и созданный бегством сим; древние — ада не знали, быв с Глубью одно. Ад есть общее то, коим скрыл Аристотель Единое: Сердце — бессердным Умом; но, таков, ад един как сама личность наша, из коей как Мира (ведь Глубь — он) извергнут вовне мир сей злой**.

Ад зовем пре|испод|ней мы, сиречь под|дон|ом **(**«ис|под» — дно (стар.)**)**, дном ниже дна очей бренных, — область онтологически-нижайшая. Но нуменально она пребывает поверх плотной, или физической, сферы как крышка ее, грань меж плотным и тонким мирами как оба сих разом и, с тем, ни один из них: **чистое мировое количество, тьма**. Посему-то нетонкую и неплотную эту область зовут «тьмой кром|ешною», сущей как кром|ка меж сими двумя, скорлупа для обоих — К|лип|по́т, «мир скорлуп» без их сутей живых.

Для душ, в смерти стремимых в Свет (Тьму горню, Огнь-Мать), мир Дна есть **чистилище**: фильтр к снятью тьмы, тяготящей полет их. Фильтр сей в Православии — бес|ы различных родов, что мыт|арством от душ отмывают грехи (оставляя без них: «бес» — лишенность, ничто) по родам сим в воздушной стихии, второй за земной **(***князь сих орд, Сатана есть князь воздуха (Еф. 2:2), слуги его — поднебесные ж, сиречь воздушные, духи (Еф. 6:12)***)**, итог чему есть ч|ист|ота как согласие Ист|ине **(***Орфики и Пифагорейцы зрили чистилище теневым конусом **(***«бездной Гекаты», Луны, бывшей Грекам одно с Персефоною и Артемидою — и, с тем, трехликой***)**, влачимым*

Землей точно щ|лей|ф, до орбиты Луны. Глуби, Тьмы тень, чистилище — Два пред Нолем как врата в Чистоту, чрез какие ***про|ти|сну|ться*** *— чистыми стать, Зло с|тес|ав о мечи: пробудиться к Добру***)**. То — порог горних сфер надтелесный склоненным пред Богом, Единым; для тех же, царь чей Дьявол, мир сей — врата в подтелесный возмездия мир, **Дно Дна**, склеп рабов Двух. Такова есть **иллюзия, су́ть его**: в чистых очах она **то, чего в принципе нет**; в мрачнозрящих — она **принцип их** всеохватный, страна без границ.

Ад Земли — царство смерти, ведь время со смертью одно (как пространство, огнь — с Жизнью); число ж смерти — Восемь. С тем, учат Индийцы, он есть восьмерица сфер истинных мук, именуемых также кругами. То — область отринувших Мир эгоистов, влекомых в чертог сей подобьем ему (уму в розни его — Рознь и дом) и остающихся здесь тем дольше, чем глубже **(**в понятии внешнем: глубь адска — не-Глубь, нуль пред Глубью, Нолем-Тьмой**)** падение их. Находиться на Дне — есть быть мертвым в понятии чистом, *неведомо сколько* **(**ведь смерть, как не-Жизнь, есть не вечность — безвременье: время застывшее, забыв конечность свою**)**; пребывать выше Дна в бреньи — быть относительно-смертным: ко смерти причастным как скре́пе меж жизней, единство каких — бренья кру́г, управимый Луной: Тьмой — тьма **(**смерти чужды (с тем — рожденья) лишь сути Духовного мира, в бессмертности чу́жды страданья, единого с нею**)**.

Ад — область страданья, отсутствия радости: ме́сто, откуда изъята она как из пло́ти душа. «Безрадостными называются эти миры, окутанные кромешной тьмой, // к которым приходят, умерев, эти незнающие, неразумные люди» (Брихадараньяка-упанишада, IV, 4,11). Сказано также: «Асуроподобными [подобными демонам — *Авт.*] называют те миры, // Что окутаны кромешной тьмой. // Уходя [из этого мира], к ним приближаются те, // Кто убил свой атман» **(**Иша-упанишада, 3. Здесь «убийство атмана» — **убийство его в очах наших**, над ними ж — бессмертен Атман**)**. Радость, с Богом едина, есть истинный О|пти|мум наш: в ней как пти|цы парим мы легко. С тем, ад есть дом всего максимально отшедшего от сей Серед|ки — неважно, куда: Серд|це, Бог — Центр, иное окольно ему; ад — окольности

край, Ум Ума как в утрате Господь. И не дивно, что холоден ад скандинавов, а ад христиан горяч: оба они — ад один: ведь **страданье есть то, что не знает середки себе — Меры, коей есть Бог**. Ме|ра-Ра|дость, Господь с Сатаною-ст|ра|дан|ьем едины как бублик с дырой от него: тело — Бог, пустота от него — Сатана. Посему плод контакта плотú и с чрезмерно горячим, и с хладным чрезмерно — един: то — ожог (ведь Тьма — Огнь), омертвленная ткань.

Дом страдающих, материальный мир зовется «тюрьмой творения»; верх матерьяльности (Дно — Высь навыворот) как абсолют ее, **ад — тюрьма тюрем**. Господь-Абсолют — Всё, Единство; ад — нуль, анти-Всё, Рознь как суть. Он есть тело особое: в зримости внешних глаз — целое, в сути ж — куски, не сплотимые между собою как **бомба в состоянии перманентного взрыва**: взорванное, но не распадающееся целое, коим есть ад. Ибо нет ничего, единящего его внутри. Мощь, храняща его, жмет извне, как вода на ту бомбу, что, в глуби взорвавшись, не может распасться: то — длань Сатаны, свой крепяща престол, в сути ж — **Бога рука в роли сей** (Сатана — Бога роль, маска): брения ось, имманентный столп — ад как тюрьма, коей быть, доколь суще оно[1].

Расщепленность ее на фрагменты есть плод отсечения от Иерархии Мира, вершимого Князем. Разъятая с целым, разъемлется часть тем в себе; части ее, родясь так — друг другу враги. Бой их — битва бессердных, царь коим сильнейший, покуда силен он. Согласия нет в мире Дна: где рознь правит — Единый забыт.

Днá дух — дух отрешенности, коим пленен эгоист. Таков горьковский Сат|ин из пьесы «На дне»: он, поющий хвалу человеку (Сат, Истина — Бог, Сут|ь) — поет отрешенье: кумир сей безбожен, мня Богом себя. Таков Сатин сам. Пьяница, он духом внешним пленен, Сат|аной, коим есть винный дух эгоисту (Бог — Глубь, Дух-Внутри). Мятеж Сатина пуст: сей певец — принцип Дна воплощенный, на дне — дома он. Дном и *Горького* мир был безбожный: мир-гор|ечь, юдоль гор|децов; и писал он: «моя задача — пробуждать в человеке гордость самим собой, говорить ему о том, что он в жизни — самое лучшее, самое святое». Но истинно свят — Бог единый.

Трагедия чистых людей как солдат революции, пиршества Двух — рознь их плоти с душой, их губяща нередко чрез умственный либо сердечный разрыв (как инсульт и инфаркт) либо пулею, пущенной ими в час рвущей сей муки в главу (ум) иль сердце свое.

Обделенье свободою — главное, а в существе и *единственное* страданье всех падших в ад. Ибо **любое страдание — суть несвобода**; плен адский — вершина ее **(***посему «стенать», слово сей муки, идет от латинского stenos — узкий, суть* ***тесный*** *(отсюда «стена» как помеха свободе, препона); слова «тесн|ота» и «стен|анье» едины основой своей, коя — знак тесноты. Теснота повергает нас в ужас, что ведомо всем застревавшим; боязнь безысходности — клаустрофобия, к коей толчок одиночество***)**. Страданье — то, от чего цепенеет плоть наша **(***о том в своих «Опытах» пишет Монтень. Вспоминая сказание о Ниц|обе|е, которая, потеряв семерых сыновей своих, а затем семерых дочерей, обратилась в скалу — «Diriguisse malis», «Окаменела от горя», — муж сей говорит: «И, действительно, чрезмерно сильное горе подавляет полностью нашу душу, стесняя свободу ее проявлений; нечто подобное случается с нами под свежим впечатлением какого-нибудь тягостного известия, когда мы ощущаем себя скованными, оцепеневшими, как бы парализованными в своих движениях, — а некоторое время спустя, разразившись, наконец, слезами и жалобами, мы ощущаем, как наша душа сбросила с себя путы, распрямилась и чувствует себя легче и свободнее. // Et via vix tandem voci laxata dolore est» — «И с трудом, наконец, горе открыло путь голосу»***)**. Несвободным быть хуже, чем умереть, ибо смерть мгновенна, а несвобода длительна. Смерть, переход, нам свободу сулит; плен, коль полн — ничего. Несвобода — про|цес|с (Кес|арь, Князь, — ге́ний чей) перманентной кончины, несущий в любой своей точке отдельную смерть: пленный — мертв многократно, и част есть пожизненный узник, молящий о смерти в замену тюрьме.

Пленным Дна — страдать до́лжно; сему служит тело их — **тело страдания**. Суть его зрим из того, что страдания н|е|р|в есть душа, человечности суть. Если дух, сущий в теле частицей Свободы, сверх уз и страданий чужд, — узы и бремя души есть **желанье**, влекущая сила ее, чье

свершенье есть **действие**. Плотный мир сей разрешает его: мир трудов, для него он назначен, имея и место вершителю, и инструменты ему. Донный мир — казе|мат, запретивший труды теснотою пространства, где можно лишь быть — бытие ж есть покой, — и к тому сотворенный. Вот сущность страданья души в аду: он ей **покой-без-свободы**, насильственный, вяжущий по рукам и ногам. Покой этот противен неделанью Духа-Свободы как плоду Его **добровольного отказа от деяний (**как многости, Двойки: Свобода — Деянье Одно; от тьмы дел отрешась — творим Всё**)**. И телá душ, держимых в аду, есть тела пребыванья, к деяньям не годные. Они лишь в жалком зачатке имеют конечности. Зренье их к свету — нуль, тьма: они слепы как **зрящие мрак**, сердце ужаса, — к чему даны им **глаза крота**, чуждые света, зрачка не имея ему, а для мрака — всецелый зрачок. Тела эти бесчувственны, мысля под тем *многость чувств* (коих людям нам, сутям Пяти — пятерица дана); да и в мире сем те, кто томим в склепе тесном, с активностью членов теряют за невостребованностью и способность многоразлично ощущать, зная чувство одно — плена гнет[2].

Так приходим мы к главной черте тел страдания, вот она. Если тело привычное наше дано к ослабленью страданий души в мире сем как смягчитель их, — адское тело, напротив, есть их **проводник**. Так ожечься об огнь не даст ручка из древа, железная ж — ожжет тотчас. Так на адских жаровнях стенают и корчатся души в **железных телах**.

Телá ада — **безликие**. Лица их с ходом ко Дну размываются: Тьма есть Вода; телá ж в целом, теряя привычную нам многовидность, стремятся стать сферой. То в корне противно сферичности Духа как форм превышенью: **безликость — запрет лицам быть**. Так, биясь друг о друга в волнах, камни брега стра|дают, стира|я в покатость различья свои. Дух сверхформен, а пленник в аду — недо-формен как формы лишенный **(**шар есть форма Мира — не наша как части пустой его: с Миром разъятой очьми эгоиста**)**, в чем адова кара: с утратою формы теряем мы, люди**, характер, огранку свою, что зовем личным «я»**.

*

Ад — дом Розни. Но он есть и зданье, имущее клей свой. То в нем — **смерть**, **ничто**, дом чей ад; утверждая, что нет ничего единящего ад, мы и мыслили это ничто, кое **есть как не-сущее**. Клей этот чистым очам, кои *видят* на равных не-сущее с сущим как Бóг, их Основа, — реален как всяк сущий клей, и он есть **вещество**. Мысля зорко (ведь мысль — очи нам), уясним это мы.

Возьмем ряд разных ядов, принятие чье влечет смерть. Сколь ни разны они, есть одно, что роднит их: то — **смерть**, внесоставна конкретному яду как некая примесь к нему — вещество, суть *отдельное* то, что во многом являет единый эффект (так в тьме яств сахар — сладость едина). Представим процесс, выделяющий эту добавку из сущих смертельных веществ. Итог его есть **смерть как субстрат** — явь очей зрячих, как явны зрячему сахар иль соль.

*Так вещественны в Мире **идеи**. Андреев в своей «Розе Мира» ведет речь о похоти, что, оставляя наш мир, где явилась она, проступает с другой стороны, на поверхности мира с ним смежного как маслянистая жидкость (в обилии, созидающем реки, текущие, как и известные нам). Ибо всякое качество наше имеет свой строгий субстрат, где идея — материя, суть **тó, что есть**. Знанье истины этой — основа искусства приготовления ведовских снадобий, из коих любое, по сути, являет собой некую целенаправленно выделенную — и истинно **зримую** (с тем — осязаемую, обоняемую, вкушаемую) — магом модальность натуры людской.*

*А коль так, — мы, зря в Духе (ведь мысля так — в Нём мы), должны неизбежно признать, что таблица химических элементов, знакомая нам, далеко не полна: кроме сущих теперь, там должны быть еще и особые клетки для зависти, скупости, страха и прочего. Ибо чтó есть вещество? И с позиции химии (трупа алхимии древней), оно есть **простое**, а с тем и отдельное в сей простоте. Но все качества, что мы назвали — просты, ибо ясно отдельны от прочих. Таков есть салат между яств с точки зрения нашего различителя, чувства вкуса. Последнее — кое не купность, как мыслят обычно (сложения чуждо оно), но **монада**, состав не имуща — не лжет нам: всяк род отстоящ, зримый так богодаденным чувством — монада; физически слóжен, он истинно — прост простотой **элемента**: ведь Дух как Одно — суть отдельности сей! Таковы в очах древних стихии Вселенной: огонь из них «то, что сияет-печет», воздух — «то, кое веет», вода — «то, что течет», земля — «то, кое твёрдо»; отдельности эти, всеобщи, есть Мира столпы: элементы, **тела**. Ибо знала Античность: **телесным есть все, что телесны мы***

***видим**; различное это — едино в основе своей, коя — Мир, Тело тел и очей наших Суть.*

*Элемент, тело, вещь — есть отдельное. Коль это так, — откровенья Индийцев об океане самосущного, сиречь **элементарного**, молока, плещущемся на некой райской планете вовек не сворачиваясь и без намека на стадо коров, произведших его, о деревьях, родящих любые плоды — не нелепая сказка; слова́ Александра В|ерт|ин|ского о ведре спермы, данном мужчине на жизнь, сей **конкретною** малостью веля ее поберечь — не есть шутка. Ведь автор сей жидкости — Бог, а не мы; молока не корова творец — О́н. С тем, сути сии — вне родителей ложных своих, **сущи в Нем**. Будь то плоть, будь идея — отдельное материально, ведь **Мира Матер|и|Я — Дух**; и коль так, то идеи как части Его — все тела́ есть; тела, все как есть — иде|альны как данные в|иде|т|ь нам: очьми ступати (идея и есть в переводе своем «то, что видно»). В «Тимее» Платон рек о том: «всему, что имело произойти, надлежало, конечно, быть **телесным, видимым и осязаемым**». **Вещи, идеи — тела́ ра́вно: то, кое зрится-и-есть** (ибо зриться — быть: очей лишь ради сущ Мир, как они — для него).*

Смерть — *есть*, и притом есть *отдельно*, и с тем *элемент* она и *вещество*, Мира клей небытийный: промежное Этого с Тем; грань меж Явью и Тайною — смертная грань розни их и единства. Смерть — клей, адский мир единящий, с тем — клей очезримых миров, от него производных и сутью имущих ад, тайный питатель их. Страны тиранов земных — миры эти. Таков строй Советский, стяжавший бытье гекатомбами боен военных, возросший на кро́ви безвинных людей. Глуп, кто мнит войну эту злом внешним: война как добытчик смертей пребывала в Системе с зачатья ее. Бывшая до того геноцидом как внутренней бойней, — в миг, избранный Князем, она, выйдя вон, притянула Систему иную, без коей идти не смогла бы. Война, кою Сталин и Гитлер свершили, была их **соитьем: любовью, взрастившею смерть**. Такова злая стр|асть: в ней, губя все живое, смерть стр|оит себя. Смертью — жив черный строй, она пища его, кою он без конца добывает, лишившись же — гибнет, распавшись легко: **смерть едящий — сам пища ее**.

Бомбе атомной, дабы взорваться, потребен у|ран[3] в массе должной, критической. Адской системе для жизни потребна **критическая масса смерти**. Возникнув, творит она взрыв перманентный, «живящий» строй сей (ведь смерть мертвому — жизнь), тем включая процесс поддержанья его:

добывание смерти враждою чрез войны и геноцид. Так кусок щелочного металла, упав на лед, плавит его, добывая к реакции воду.

---

[1] Власть Дьявола — в сути есть Божия власть. И хотя Сатана говорит о себе Иисусу: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее» (Лук. 4:6), — он, **князь мира сего**, лжет: последняя, высшая власть — Бог, **Царь Мира**. Ложь Князя вскрывает Мессия в словах Своих к фарисеям: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоан. 8:44).

[2] Касаемый всех атрибутов деяния и восприятия, в Ведах зовущихся ин|дри|ями. К ним относятся: пять восприемлющих — глаз, ухо, нос, кожа, язык; и пять действующих, обращенных вовне — пищеварительный, две пары двигательных, речевой и детородный. Полное число индрий, 10, согласно Декаде, числу мировому; по сумме ж своей — единице, в которую десять сии уплощает страдательный плен**.**

[3] Небо (греч.). Промышленьем Творца, имя это металлу дано, что нам — лик топки адской как Неба лишенность, У|рон.

Опаленные Луной

Судьбы артистов фильма «31 июня»

За вход в Тайну — невольный ли, вольный — мы платим всегда. Платой за бездумное глумление над прахом Тутанхамона для членов экспедиции Картера стала смерть большинства их. Касание Тайны артистами, сыгравшими в фильме «31 июня» про День горних глаз, Лунный День, — было нежным, любовным. Но и они заплатили за него свою цену. О длани Луны на их судьбах — статья, помещенная здесь.

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Двадцать с лишним лет назад эта мелодия била рекорды популярности. «Всегда быть рядом не могут люди...» — беззаботно мурлыкали москвички, возвращаясь с первых свиданий. Они воспитывались в правильной стране и поэтому не верили, что случаются разлуки длиною в жизнь.

Наивные девочки семидесятых, в клешах и плиссированных юбках, они не знали, что песни бывают роковыми — как проклятья. И бывают роковыми фильмы.

Эта картина могла бы стать первым отечественным мюзиклом. Снятая по голливудским канонам в рекордно короткие сроки — за полтора месяца, она была показана по телевидению всего один раз, в новогоднюю ночь 1979 года.

Это был фильм о невозможной любви средневековой принцессы и американского художника, живущего в XXI веке. Они встретились на Млечном пути, в несуществующий лунный день — 31 июня.

Но большинство из тех, кто играл в этой сказке, уйдя со съемочной площадки, так больше никогда и не увиделись. Их разделило не время, как в кино, а расстояние.

Их разбросало по разные стороны океана — по разные стороны «железного занавеса». Это были жестокие времена, когда артистов-эмигрантов, «предателей» Родины, «хоронили заживо». Их имена безжалостно забывались. Картины с их участием запрещали или вообще уничтожали пленку.

В августе 1979 года, после скандального бегства в США Александра Годунова — ведущего танцовщика Большого театра, сыгравшего в картине роль музыканта Лемисона[1] — «31 июня» положили на полку на десять лет.

«Я сочинила новую сказку...»

Джон Б. Пристли считался в СССР писателем прогрессивным и интересным. И лишь одна его радиопьеса была неудачной — «31июня». Место действия — 50-е годы двадцатого века. Герой — художник лет сорока, которому мерещилось лицо необыкновенной девушки из прошлого.

По мотивам этой истории режиссер Леонид Квинихидзе[2], прославившийся своими картинами про соломенную шляпку и небесных ласточек, задумал снять мюзикл. Но сценарист Нина Фомина едва осилила «слепую» копию подстрочного перевода.

— Я легла спать в полной уверенности, что никто не заставит меня экранизировать эту скучную вещь, — говорит она, — а утром в голову пришла крамольная мысль: не буду я ничего переписывать, а сама под именем Пристли сочиню новую сказку. Перенесу действие в первый год XXI века. С классика Пристли взятки гладки, а оригинал пьесы в худсовете все равно не читали.

...Так возникла сказочная страна Перадор. В ней жили прекрасная принцесса Мелисента, глупый король, добрые и злые волшебники. Придворная интриганка леди Нинет мечтала о короне. А обожающий ее музыкант Лемисон выделывал умопомрачительные танцевальные па.

Особая каста

«Носить в Америке XXI века станут то же самое, что и сейчас, в 70-е», — постановили создатели фильма.

Пригласили созвездие известных актеров — Владимира Этуша, Владимира Зельдина, Любовь Полищук, Игоря Ясуловича. Гордой леди Нинет должна была стать либо Ирина Понаровская, либо Алла Пугачева. Музыканта Лемисона хотел бы сыграть Андрей Миронов. Претендентки на роль Мелисенты выстроились в очередь — Ирина Алферова, Елена Шанина... Но утвердили юную балерину Наташу Трубникову из музыкального театра имени Станиславского — у нее были печальные, неземные глаза.

Вообще на все роли, где нужно было танцевать, Леонид Квинихидзе взял балетных артистов. Их нашла хореограф Вера Боккадоре — француженка с русскими корнями.

— Это был очень смелый шаг с его стороны, — убеждена сценаристка Нина Фомина. — Балетные у властей считались неблагонадежными. Уже эмигрировали Михаил Барышников и Рудольф Нуреев. Пять фильмов по моим сценариям запретили из-за того, что герои удрали на Запад. Я не хотела, чтобы и с «31 июня» произошло то же самое.

Николая Еременко упрашивали сыграть влюбленного художника Сэма. Но тот долго не соглашался.

— Романтические герои мне не нравились, — морщится Еременко, — играть нечего, все держится на внешности героя-любовника. Я хотел уже отказаться, но услышал мелодии к этому фильму и... Они были потрясающими.

Ноты любви

Невероятно модный тогда Яак Йоала пел про безумную «любов», по прибалтийской традиции начисто проглатывая мягкий знак на конце слова. За своенравную леди Нинет солировала Лариса Долина.

Все песни на музыку композитора Александра Зацепина были записаны дома. По тем временам у маэстро была лучшая аппаратура в Москве.

— Музыку к песне «Всегда быть вместе не могут люди» я написал давно, для Пугачевой, — вспоминает Александр Зацепин. — Остальные музыкальные темы — непосредственно к фильму. Тексты сочинили поэты Римма Казакова, Юрий Энтин и Леонид Дербенев.

Голос принцессы нашли в крошечном закарпатском Ужгороде. 23-летняя солистка ансамбля «Музыки» Таня Анциферова ни в какую не хотела отправляться на пробы.

— Обычно «песни советских композиторов» — сплошная показуха, — смеется она. — Записываться надо было в праздники, а мне хотелось остаться дома и «ловить» телевидение с нормальной музыкой. У нас, в Закарпатье, и Чехословакию можно было смотреть, и Венгрию.

В столицу Татьяна все-таки приехала. Спела как сумела и тут же умчалась на гастроли. Но именно эта черновая запись и вошла в итоге в картину.

О вреде поцелуев

— Я жила в танце, но, когда раздавалась команда «Мотор!» и надо было произносить текст, сразу становилось не по себе, будто чего-то не хватало, — вспоминает Наталья Трубникова. — Но однажды режиссер включил для меня поразительную мелодию Зацепина. От нее в дрожь бросило.

Дальше слова принцесса произносила только под музыку. В конечный вариант, после озвучания, это не вошло. Но по плавным движениям губ героини заметно, что она будто напевает. Общих сцен у «влюбленных» Трубниковой и Еременко было не так уж и много. Несмотря на неземную страсть, в кадре они даже ни разу не поцеловались.

— Для меня случай уникальнейший. Это моя единственная партнерша в кино, с которой я не целовался, — возмущен Николай Еременко. — Хотя в финале их поцелуй необходим. Но Наташа убедила режиссера, что делать этого не следует.

У Трубниковой на сей счет другое мнение: «Сцена нашей встречи после долгого пути через века настолько красива, что не требовала физических доказательств. Мы должны были коснуться друг друга и замереть — так я чувствовала...»

На съемках все наблюдали за другой парой — Александром Годуновым и его женой Людмилой Власовой[3]. Он играл самую трагичную роль в фильме — музыканта Лемисона. Она была своенравной леди Ни|нет, отвергнувшей его любовь.

«Эта женщина будет моей...»

— Я узнавала Сашу по шагам, — скажет Людмила Власова о муже через двадцать лет. По всем законам логики их роман был невозможен. Она была старше его на семь лет. Она была солисткой балета Большого. Она была замужем. А он — никому не известный 18-летний мальчик — приехал покорять Москву из Риги. «Если я чего-нибудь добьюсь, то уведу ее», — поклялся Годунов.

Он искал ее взаимности несколько лет. Глаз с нее не сводил. Она просила не смотреть на нее как на произведение искусства. Он ответил серьезно: «Я знаю — вы живая».

Вскоре она ушла от богатого мужа и переехала в маленькую квартирку, где жил он. Он, уже став звездой Большого, не видел никого и ничего вокруг, кроме своей жены. Забрасывал ее бриллиантами и мехами. По утрам, убегая на репетиции, оставлял на подушке признания в любви. Она хранит их до сих пор.

— О прошлой жизни я вспоминаю, как о красивом, но коротком сне, как о сказке, — рассказывает Людмила Власова. — Так не бывает, но в нашей паре не было ведомых, оба ведущие.

— Саша забывал обо всем, если Мила рядом, — вспоминает Наталья Трубникова. — Во время съемок он приходил смотреть на все сцены с ее участием. А когда Милы не было, вел себя словно маленький мальчик — не ел, грустил и крутил бесконечные пируэты.

В «31 июня» есть эпизод, когда его герой — трубадур Лемисон — признается в любви неприступной леди Нинет. Та лишь издевается над ним. И вдруг, в одно мгновение, словно предчувствуя надвигающуюся трагедию, опускается на колени и безмолвно просит прощения. Но Лемисон, уже не веря ни во что, отворачивается и исчезает в темном коридоре...

— В жизни все произошло как в кино, — горестно восклицает балерина Наталья Трубникова. — Саша Годунов ушел в никуда.

Экзамен по драконографии

Чиновники попытались вырезать из картины все лучшие песни: «Что это за слова у вас такие подозрительные — «мир без любимого...», — ругали они, — это что, про Юрия Любимова? Разве вы не знаете, что про него петь нельзя? Он эмигрировал в Париж!»

— В фильме есть смешная песенка про драконографию — науку о чудовищах, которых нет, — продолжает Наталья Трубникова. — Мы знали, что такое наша советская «драконография». И прекрасно понимали, что под мрачным Перадором подразумевался Советский Союз.

«Как тяжело, должно быть, жилось принцессе среди этой средневековой плесени и гнили», — решил режиссер. Так в картине появилась единственная «живая» сцена — поездка Мелисенты и Сэма в лес. И — капли дождя, сползающие по оконному стеклу автомобиля. Это и была настоящая свобода...

В перерывах между съемками мужчины диссидентствовали: обсуждали болезни Брежнева и советскую власть.

— Я сдружился с Сашей Годуновым, — вспоминает Николай Еременко. — Замечательный парень, без гонора. Как-то рассказал мне анекдот: «Леонид Ильич благодарит солнце за то, что то греет и кормит его народ. А оно в ответ: «Опоздал, дорогой. Я уже на западе».

«Я очень хочу к маме!»

Август 79-го. В квартире у Леонида Квинихидзе собралась съемочная группа. Дребезжащий «вражеский» голос не в силах перекрыть родные «глушилки»: «Солист Большого театра Александр Годунов остался в Америке. Самолет с его женой, балериной Людмилой Власовой, задержан в нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди. Президент США Картер обещал лично вмешаться и воссоединить семью...»

...Она отлично помнит эти гастроли — первые и последние зарубежные. И вспышки фотоаппарата, снявшего прощальные кадры их любви. Вскоре эти снимки продадут за баснословные суммы.

Саша всегда был с ней. И вдруг его не стало. Рядом — чужие, серьезные люди. Объясняют, что он предал ее и страну, попросил политического убежища: «Он хочет, чтобы вы тоже остались».

Это был знаменитый рейс 222 — «Нью-Йорк – Москва». Летное поле оцепили полицейские машины и люди с плакатами. Три дня они требовали пропустить ее к мужу. Три дня диспетчеры не давали лайнеру воздушного коридора. Людмила знала, что Александр ждал неподалеку, в микроавтобусе. Сквозь стекла был виден его сгорбленный силуэт. Слышны отчаянные крики: «Я не могу жить без нее!» Она говорит, что молила об одном — чтобы ее оставили в покое.

Приходил его адвокат: «У вас будет все — богатство, слава, любовь...» — «Не вам решать мою судьбу», — ответила тогда Мила.

— Все забыли, что тогда значило эмигрировать. Это значило навсегда, — и сейчас отрезает Власова.

Все было как в кино. В «31 июня» принцесса Мелисента тоже выбирала между любовью и отчим домом. Но она покинула затхлое королевство и навсегда осталась с любимым в свободном и радостном XXI веке. У сказочной принцессы было большое преимущество — она потеряла память о прошлом. Власова выбрала родину — это «и Большой театр, и мой брат Алик, и мама... Я знаю, что мама не упрекнула бы меня, если б я осталась с Сашей. Но она бы тихо «угасла». После долгих и бесплодных переговоров самолет взял курс на Москву.

Сжигая сердца

— Году в 87-м, в разгар перестройки, когда многое стало возможным, меня спросили, какой бы из своих «запрещенных» фильмов я хотела бы снова увидеть на экране. Я постеснялась просить за все и назвала только «31 июня», — вспоминает сценаристка Нина Фомина. — Я знаю, почему выбрала его: да, мы играли «американскую жизнь», но чувства-то были русскими, и любовь была нашей.

...Никто не верил, что в конце концов это действительно произойдет. Мы станем людьми XXI века. И в моду снова вернется стиль ретро. И рухнет «железный занавес». И все блага западной цивилизации станут доступны «средневековому Перадору».

Наталья Трубникова — Мелисента — до сих пор танцует в Театре Станиславского. Правда, уже не принцесс, а королев.

— А в кино я превратилась в «актрису кинопроб», — разводит руками балерина. Она могла бы стать андерсеновской Русалочкой, Анной Павловой, булгаковской Маргаритой...

— Но режиссеры не утверждали меня на роли, считали почему-то, что я тоже уеду за границу. Хотя в 14 фильмах все же снялась. В нашем театре меня до сих пор в шутку зовут «ваше величество», а люди на улице подходят и говорят, что я очень похожа на ту самую принцессу из сказки.

Композитор Александр Зацепин в 82-м году перебрался в Париж, к французской жене. Незадолго до его отъезда Квинихидзе предложил опять поработать вместе, но Зацепин отказался — не хотел, чтобы очередной фильм лег на полку.

В середине 90-х годов из Москвы исчез и сам режиссер Леонид Квинихидзе. Он никому не сказал, куда уезжает. Его последние известные работы в кино — «Мэри Поппинс, до свидания!», «Артистка из Грибова» — фильмы-прощания.

...Я нашла его в Крыму, в Симферополе. Леонид Александрович поселился вдалеке от шума больших городов, на берегу Черного моря, с женой и маленькой дочкой. Руководит музыкальным театром, выпустил новый спектакль и очень доволен своей теперешней жизнью.

— Я понял, что терял годы зря, — говорит режиссер. — Настоящее кино теперь никому не нужно. Проще стряпать дешевые сериалы. А мюзиклы — с хорошей музыкой, с талантливыми актерами и певцами — ставить не по карману.

Голосом Татьяны Анциферовой прощалась с нами московская Олимпиада. Однако ее песни редко звучали на ТВ. Татьяна перенесла тяжелую болезнь, до сих пор ютится в столичной коммуналке, но на судьбу не жалуется.

— Уже больше 20 лет прошло после «31 июня», а на концертах люди постоянно просят меня исполнить «Всегда быть вместе не могут люди...». С этой песней у многих связаны удивительные истории — кто-то слушал ее и встретил любовь, кто-то — расстался с любимым...

...Вскоре после своего возвращения из Америки Людмила Власова ехала в такси. По радио раздались знакомые аккорды. Она разрыдалась, а водитель ничего не понял.

Пепел над океаном

Годунов так и не смог прийти в себя в эмиграции. Первые три месяца он был в страшной депрессии: не выходил из квартиры, не хотел никого видеть. Одиноким волком назвал его Иосиф Бродский.

— Я видел Сашу году в 85-м, когда тот приезжал в Париж, — вспоминает композитор Александр Зацепин. — Мы были в одной компании, жарили рябчиков. Саша много пил и все порывался со мной поговорить, но так и заснул в кресле. Через два года Годунов и Власова развелись официально. Она стала хореографом спортивных танцев на льду, вышла замуж за оперного певца Юрия Статника, исполнявшего партию Бориса Годунова. «От Годунова до Годунова», — грустно шутили в Большом. Александр просил передать привет счастливчику. Он до последнего отказывался приехать погостить в новую Россию — не верил, что у нас может что-то измениться.

Новая избранница Годунова, кинозвезда Жаклин Биссет, распахнула перед ним двери Голливуда. Он стал сниматься — с Хариссоном Фордом в «Свидетеле», с Брюсом Уиллисом в «Крепком орешке». Играл в основном циников и негодяев.

— Я смотрела его американские фильмы. Но это был уже... не прежний Саша, не мой Саша, — говорит Власова.

— В телефонном разговоре Саша просил передать ему кассету с «31 июня», — вспоминает Наталья Трубникова. — Хотел показать американским режиссерам, на что действительно способен. Но я не смогла тогда найти запись.

Балетной карьеры на Западе Александр Годунов не сделал. Для кого ему было теперь танцевать?.. «Все эти люди давно умерли. Умерли не своей смертью», — промолвил в финале герой Этуша — хранитель древнего музея, созданного на руинах замка Перадор. И кивнул в сторону скульптуры музыканта Лемисона.

...В мае 1995 года Александра Годунова нашли мертвым в собственной квартире, в голливудском городе ангелов. Обстоятельства смерти до сих пор покрыты завесой тайны. Его немалое состояние досталось случайным людям. И поэтому полиция подозревала, что совершено убийство. Но доказать ничего не удалось. По завещанию тело знаменитого танцовщика было кремировано, а пепел развеян над Атлантическим океаном...

Они так и не увиделись больше.

Екатерина Са|ж|не|ва[4], Симферополь – Москва
Газета «Московский комсомолец» от 17 февраля[5] 2001 г.

---

[1] Ле|м|и|с|он — «лем-мис-сон»: паж Мис|с Сон, Мис|ки Бога — Луны, Д|евы-Мис|с; «лем» — она.

[2] К|вин|и|хи|д|зе — «к Вину ход (хід — Укр.)»: в Глубь, Луну с Днем ее; «дзе», груз|ин|ских фамилий конец — День сей, шлях куда есть Будды путь дз|е|н-буддизм.

[3] Год|уно|в — God-Uno-v, в Луне Бог; Влас|ова — Вла|с|ий: Велес, стяжатель Луны с Богом в ней.

[4] Фамилия эта и имя — Луна сама: Катя, Тьма-Жне|ц, Саж|а саж.

[5] День сожженья Дж. Бруно, в Луну крестный путь.

Камінь Зла

До питання про істинну суть поняття «неперервна освіта»

На початку нового століття, коли долю освіти в Україні схопив у обійми чужинець Болонський процес та пов'язане з ним поняття «неперервна освіта», знов Бог та Диявол зійшлися у палкому двобої за душу українця. Той з нас, хто у справі зростання поклався на зовнішню мудрість, позбувшись себе спішить у зів Диявола, щоб бути здоланим ним; той, хто поклався на себе, шукаючи свою опору у рідній землі та у власному серці — крокує до Бога, служіння якому є наша свобода: Глиб, Я наше, яким є Він.

Нові віяння, які рікою ллються в Україну в зв'язку з її інтегративним рухом до Євросоюзу, сьогодні вважається за гарний тон беззастережно вітати. Джерелом цієї установки є сучасний державний курс України, і зрозуміти його можливо: занадто тяжким досі залишається гніт тоталітарного минулого держави, що заважає їй розправити плечі і стати насправді вільною. Однак ворота, розкриті навстіж для зовнішніх впливів, не личать країні Свободи. Ментальний багаж Європи, який сукупно є тим, що зазвичай іменують «західною свідомістю», — вливаючись у голови українців, як ***чуже надбання***, навіть якщо б він був бездоганним, спричиняє руйнацію самобутнього феномену ***української свідомості***, а отже — і України як такої. Досвід інших, сторонній душі нашій, має ім'я об'єктивної істини. Як благо зовнішньої множини, за Миколою Бердяєвим [1] вона є «смерть існування»: неправда як істина вниз головою. Бо ***Істина — внутрішня Єдність: Бог, Я наше***. Істина багатьох — у собі є нічúм: множина є, бо складена з одиниць, з яких кожна — лик Єдності, Бога. Істина багатьох, якщо є вона істиною, — це істина Одного, яка вийшла з окремого серця як сяйво для всіх[1].

*

Молода Україна росте. І в нелегкому цьому русі вона, відчуваючи брак власних плідних ідей, споживає ідеї сторонні. Але здавна відомо: чуже — не своє; і довгим, складним є процес, у якому воно, пройшовши переплавлення в горні окремої свідомості нації, стає її власною частиною. Умовою успіху цього процесу є одне: ця свідомість ***повинна бути***: в ній — основа народного буття. Адже народ України, як і будь-який інший народ Землі — як життєздатне утворення, є ***колективна особистість***. І особистість яскрава! Прикладом цьому є досі свіжі в нашій пам'яті події Помаранчевої революції. Світ із замилуванням дивився на цей порив українців до волі. Але першим кроком країни після його успіху став, на жаль, не внутрішньонаціональний консолідаційний рух, а суто зовнішній хід до так званих «європейських цінностей». У погоні за ними Україна забула: загальне — як усереднена, безособова множина — не буває єдиним у собі; зовнішні цінності, тобто ***інший хазяїн у своїй голові***, є нахабний узурпатор за відсутності примату людської (і отже — державної) самоцінності. Прикрість такої духовної зради ідеалам революції не тільки в тому, що гасло «думай по-українськи!», проголошене нею, залишається порожнім побажанням, коли в нашу ще «м'яку» голову, в якій не склалася и не набула сили національна самосвідомість, настирно лізуть чужі ідеї — і, отже, заповнення ними цієї голови без залишку призведе до того, що думати по-українськи нам стане просто нічим. Справа ще й у тім, що споживча, ринкова ментальність, що геть-чисто видуває з нас традиційну слов'янську духовність — духовність не західного, а гостро ***східного*** типу, — здатна викрасти в нас головне, що ми маємо: нашу вірність високим, істинно ***людським*** цінностям. Нашу ***моральність як таку***. Бо ринок — стихія, далека від моралі, яка є Закон — голос Бога в людині[2]. ***Закон ринку є беззаконня — не Життя, а смерть; ринок — ринг, де правіше з двох той, хто сильніше***. Це добре розумів наш співвітчизник М.В. Гоголь, який сказав, дивлячись на зростаючий у «Заході Заходу», Америці (країні боксу, її улюбленця, народженого в Англії), ринково-індивідуалістичний, атомізований тип свідомості: «Що таке Сполучені Штати? Мертвечина; людина в них вивітрилася до того, що й ламаного гроша не варта».

Ієронім Босх. Корабель дурнів

У цьому зв'язку на особливу увагу заслуговує питання про впровадження в Україні т.зв. неперервної освіти — плід входження нашої держави у русло Болонського процесу[3]. Ідея, яка є основою цієї освіти, за суттю прямо протилежна проголошеній нею ж ідеї безперервності внаслідок націленості цього дарунку Заходу на творення не особистостей (Homo sapiens) як повносутніх людей, а вмільців (Homo faber) як напів-людей, людей-уламків[4]. Сьогодні за командою згори він некритично сприймається як панацея від усіх бід, а тим часом сутність його страшна: виховання фахівця (інженера, юриста, менеджера) з дитинства, тобто залучення людини в русло деякої окремої професії (вміння) ще до того, як її свідомість, що формується, дасть їй змогу піднятися до власного вибору життєвого шляху — того, що і робить людину ***людиною, особистістю***. Сам дух неперервної освіти є не особистісне становлення — він є ***професіоналізація***: зведення людини як богоподібного цілого на жалюгідну частину, якою є вмілець; перемога обмеженої ідеї над безмежним Життям **(**знаком чого є те, що в самій англомовній назві неперервної освіти Life Long Learning, «навчання через усе життя», замість повнокровного слова «освіта» (e**duc**ation — от лат. **duc**ere — вести, до метú тягти) застосовано поверхневе, безсиле слово «**на**вчання»**)**. Універсалізація знань як сутнісного наповнення людини, якою пишається ця освіта, є в суті роздробленням Людини, яка принципово не універсалізується, бо вже від народження вона ***є*** Універсум, Світ, — як Макрокосм у мікрокосмі, в частині Суть, Ціле; і бути «образованным» (рос.) — є бути «образованным», тобто ***утвореним, з нього***[5].

«Переєднання Єдиного», Всесвіту (або гармонізація Гармонії, якою є він), яким займається неперервна освіта і від якого застерігав Платон словами «Не додавай вогонь до вогню»: Світ до Світу[6] (бо Світ — це є факел, запалений Господом: Божа Любов[7]), — є його фрагментацією у ніщо як наслідок того, що сама неперервна освіта бачить свою Опору і Суть не в Освіті як такій — тобто в Цілому, несамодостатньою частиною якого вона є, — а в освіті професійній, яка за суттю є частиною цієї частини, наслідком, а не причиною її. Так людина, вбачаючи, за Дарвіном, свій витік у мавпі, насправді стає нею, втративши себе як Боже дитя[8]. Істинне співвідношення, що існує між Освітою, неперервною освітою і неперервною (як частина частини) професійною освітою, наведено на рис.1.

Рис.1. Співвідношення Освіти, неперервної освіти та неперервної професійної освіти

Як бачимо звідси, в причинному ланцюзі «Освіта — неперервна освіта — професійна освіта» Освіта виступає як початкова сутність, яка породжує всі інші як Ціле, що самовладно творить свої частини. Від центру, яким є Освіта, до периферії відбувається поглиблення частковості: Ціле трансформується у частину, якою є неперервна освіта, а ця остання, в свою чергу, перетворюється на частину частини, якою є неперервна професійна освіта — поняття, в якому іменник, як суть, послідовно подрібнюється, тобто знищується шляхом фрагментації, двома

прикметниками як гільйотинами. Тим самим, поняття «неперервна професійна освіта» є плодом двократного, сутнісно-необоротного[9], подрібнення поняття «освіта»; і як таке, воно, по-перше, незмірно менше останнього, а по-друге — і це головне — якісно не співвідноситься з ним: бо частина (тим більше — частина частини), що зазіхає на порівняння себе з Цілим, у своєму егоїзмі є чистим ніщо. Це слуга, що, вважаючи паном себе, є ні те і ні те: Ніс у повісті Гоголя (мужа но'SAT'ого), що, уявивши людиною себе, відпав від людини як від Н**о**ля (Тьми, Лона сущого) н**у**ль, від Усього — ніщо[10]. «Обличчя — це те, що виросло навколо носа», — сказав про це Юліан Тувім.

Тим самим, поняття «неперервна освіта» за суттю є граничним і подвійним. Базоване на неподільно єдиному з високою суттю Людини понятті «освіта», воно є світлим і творчим; схильне обпертися на власний наслідок, яким є поняття «неперервна професійна освіта», воно є темним і несе в собі міць руйнування. Дві ці сторони поняття сутнісно відповідають Homo sapiens, Людині розумній, і Homo faber, Людині вмілій, друга з яких є лише тінню першої і сама по собі не існує, як Диявол — без Бога. Мудрість сучасної людини полягає в тім, щоб дотримати гармонії цих понять, як Суті і її подоби, не давши другому взяти гору над першим і поглинути його. Проте, сутнісним змістом сучасної діяльності Заходу і є спроба підміни поняттям «неперервна професійна освіта» початкового, материнського поняття «Освіта» з наданням першому ролі Цілого, а останньому — частини; і таке палке прагнення обернути істину з ніг на голову є найнебезпечнішою тенденцією, яка тягне соціум до деградації, а кінець кінцем — і до анігіляції як спільноти людей. Обертання людини на спеціаліста як плід науково-технічного прогресу (в якому наука є служницею техніки і ці обидві — рабами безособового процесу споживання як збільшення тлінного черева, яке, чим більше воно, тим нахабніше зазіхає на трон безсмертної душі) є страшним падінням: бо істинною професією людини — є бути людиною, все інше охоплене цим[11]. Проблема неперервної освіти і полягає, повторюю, в тому, що, маючи суто технічний, тобто ***позаморальний*** характер, який у ***моральному, тобто людяному***[12], за суттю світі є ***а(нти)моральним***, — вона виховує Homo faber: людину вмілу, або механічну, мертву в своєму самодовлінні, — тоді як на благо планети повинна виховувати Homo sapiens: людину розумну, живу. Ось чому всі глобальні проблеми, які має сучасна цивілізація — це проблеми

мертвої свідомості: мертвих людей, ***мертвих душ***[13], — геніально передбачені М.В. Гоголем в однойменному романі. Вирішити їх — є ожити всім: змінити Суттю, як Я під тілесним плащем, о**болон**ку, **балон** її: Богом — Диявола, лик чий — **Болон**ський процес.

Ось чому, з пелюшок готовлячи професіоналів згідно з механічним принципом конвеєра, з тією ж похмурою послідовністю неперервна освіта придушує в зародку людей. Але процес її розповсюдження йде, і кожний день несе нам нові свідчення його руйнівної дії на людство. Один з його найяскравіших проявів — сутнісний розкіл між Словом і Справою. Внаслідок його існування суспільство, що спирається на ідеологію Заходу, пустоту, є принципово безсилим: воно є суспільством слів, а не справ (пряме свідчення чого — лавинний потік породжуваної ним інформації, яка є шумом — і тільки). Справа — це суть Слова, Сила його: бо Суть — Сила. Слово, єдине зі Справою (згідно з максимою Упанішад «Знання — сила») має магічну властивість: воно є рука, що творить. Таким є Слово, яким, за Біблією, створений Світ: Слово-Дія як Божа Рука (тобто «Бог і у Бога», за реченням Книги цієї), порівнюване Ісусом з гірчичним насінням (найменшим з насінь, тобто тим, чого наче нема в тліннім світі з очами його). Таким було воно для Еллінів, в очах яких людина, що досягла досконалості в мистецтві суперечки, тотожна була бійцю, що здолав ворога мечем. Позбавлене Дії, Слово омертвіло на вустах балакучого Заходу, а з ним — він сам.

Дія — Сила. Їй, і за суттю лише їй, вчить східний учитель: бо Сила — Життя, і наука найперша — є наука Жити. Позбавлений Сили, Життя, Захід здатен навчити нас лише тому, чим не є вона — безсиллю; воно ж плодить страхи людські, з яких першим є страх за життя. В ринку страхам людей згідний страховий бізнес як зовнішній засіб позбавлення їх — милиця Сатани: бо він є цар облаток, — бізнес, у якому найприбутковішою галуззю і є на Заході страхування життя. Вкрай природно, що з безлічі видів страхування, які просуває в нас він, саме спроби розвити в нас цей вид є найменш успішними: бо, загартовані незчисленними складнощами, ми, українці, ми, східні, не маємо того страху, який має західний обиватель, мертвий зсередини: Схід — є Життя, до якого причетні ми східністю. Тим, хто страхує життя в нас, нема від чого страхувати — адже страхують вони не життя, а страх втратити його: не Перше, Життя — Друге, смерть, нас, як гаком, хапаючи Сатаною — не

Богом: Бог — Той, хто тримає зсередини нас, Сатана — той, хто ззовні. Страхуючи тіло своє (та, бува, і його — по частинах: хто руку, хто ніс), люди Заходу не розуміють: єдине, за що треба мати нам істинний страх, є душа наша! Хто як не Бог — Страхувальник її головний? Та звернутись до Нього вони не спішать.

Бог, Безстрашшя, є той, хто страхує сміливістю нас, захищає нас власною нашою Силою, яка є Він; Диявол — Жах, що страхує безсиллям та страхом. Оскільки це так, для того щоб спіймати нас, Захід, дитя його, має перш за все навчити нас боятися — так, як тремтить за життя своє він, повсякчасно принижуючи, — тобто штовхаючи вниз, під ніж свій, — нас так званими благами цивілізації, які плодить без кінця він — тьму зовнішніх милиць, які відучують нас ходити своїми ногами. Бог, Сила — є Глиб наш. З нього брала силу Еллада, вітчизна могутніх і тілом, і духом; і Спарта, земля її, уславлена у століттях суворою невибагливістю своїх людей. Ожиріння — хвороба, якою, за статистикою, більше за інших вражена американська нація (яка, за опитами, менше за інших працює руками) — ось те, що несе Захід нам як найпершу науку свою. Ожиріння не лише тілесне, а й серця — його перетворення в Ум, Глибу в Шир: рак душі як прямий шлях у смерть.

Ієронім Босх. Спокуса святого Антонія

Сила є Благо, Життя, а безсилля є зло, смерть. Для сильного немає зла: все, що він зустрічає у Силі, є Силою, Благом. Безсилому ж — усе є злом. Він не просто

боїться чогось — він боїться Життя, а тому — смерті; жити йому є жах, вмерти — також. Таким є Захід: озброєний до зубів, він підозрює в замаху тінь свою, і один терорист здатен ввергнути в шок його весь.

*

Запитайте адепта неперервної освіти, чи не є вона знаряддям знищення людини, і він обурено відхреститься від цього й заговорить про високі людські цінності, яким віддано служить ця освіта. Проте відомо здавна: вище мистецтво Диявола — це імітація Бога[14]. Зло завжди ховається під маскою добра, бо тільки добру люди раді і тільки його вони прагнуть. Такою є неперервна освіта: вона виступає під маскою освіти істинної, чіпляючись до неї, як п'явка, домішуючись, як ложка дьогтю, що здатна, за приказкою, зіпсувати й бочку меду. Яскравим свідченням цього є гасло Болонського процесу — підвищення конкурентоспроможності європейської освіти. Адже конкуренція — поняття ринкове, і його неприпустимо домішувати до поняття освіти, у здобутті якої кожна людина вільна від протиборства з будь-ким і є конкурентом сама собі. Справжня мета освіти, величність людської душі як тотожність її своїй Сутності, Всесвіту (душа є Всесвіт у тілі як Ціле в частині), позначенням якої є санскритське[15] «махатма» (маха атма) — «велика душа» (звідси — «маг», переможець себе самого), є невтомне зростання її над собою як Дія святá, Ріст-Всередині; дія зростання над іншим, стороннім, є наслідком цього глибинного руху. Поняття «ринок освіти» — оксюморон, поєднання непоєднуваного: бо освіта за гроші, заради них — це є духовна смерть людини, що тягне за собою й смерть держави, стовпом якої є особистість. Так померла славетна Греція, коли мудрість, її головне надбання, софісти стали продавати за гроші; система освіти СРСР, вивченням якої Захід метушливо зайнявся після запуску цією країною першого супутника, тим і була сильна, що навчала безкоштовно. Сутністю знань є Господь, Творець сущого і наша Суть; продавати знання — торгувати є Богом, а тому й собой. Education — до Бога рух: Дух, Водій та Кондуктор Шляху — Дукат, Золотий наш! Бог, згідно з Платоном, є Благо; освіта, як справа причащання Йому, є благодіянням, цінність якого, як і Бога — в ньому самому, а не в грошах як зовнішній, другій віддяці.

«Істинний благодійник не той, хто має на увазі оплату, а той, хто хоче робити добро», — сказав Демокрит.

Поняття «неперервна освіта» — це диявольський винахід людства: штучний конструкт, який внаслідок своєї внутрішньої розривності потребує компенсуючих тавтологій-заклинань, подібних до «розумної душі» Аристотеля (конструкції надлишкової, бо душа, за Платоном, є те, що вже містить розум). ***Освіта як наше причащання Світові, або будування себе як його та його як себе*** (що за суттю є повторенням креації Бога, благим наслідуванням Його: бо Світ та Людина є справи рук Божих[16]), ***принципово не може бути перериваною, адже неперервним є він; перервати людині свою освіту — є перервати Світ у собі або себе у Світі: померти***. Мертвою і є неперервна освіта як тавтологічно ***примислений до Світу Світ: друге за Суттю, примара її***.

Світ і Бог нероздільні як плід з його лоном. Примарою Світу тому є примара Творця — Сатана. Як примара обох, у очах наших тлінних він є пустота і тьма[17]. Ними і є неперервна освіта, що прямо підтверджується тим, що самі західні вчені не вбачають у неперервній освіті якогось особливого виду освіти, а бачать лише регулятивний принцип, тобто ***зовнішній імператив***, що спонукує людину до певної приписаної ним діяльності. Персоніфікацією цього імперативу як зовнішньої до людини Істоти і Сили, тобто ***Насильства***, згідно з сакральними джерелами і є Сатана, який, як імітатор Бога, діє під маскою Злагоди, або Свободи[18] (цей стиль, як ***прихована автономія від моралі***, є запорукою успіху государя за Макіавеллі; йому зобов'язаний славою Гітлер), тоді як Бог є Міць-Всередині (скамбха, «внутрішній тримач», згідно з Ведами). Пустота, як Диявол, є Невизначене. Створення прагматично-могутніх понять без належного сутнісного їх визначення — стара традиція Заходу, яка корениться в його світоглядних основах, закладених Аристотелем, який збудував свої уславлені десять категорій ***на пустоті, Сатані***[19]: бо, слуга його, Повноти як Творця він не знав. Цивілізація Заходу утилітарна: все створене нею вона творить для споживання з метою блаженства людини, в якому дух (Глиб, Суть, Опора) спирається на плоть (облатку, покрив) і ніколи не навпаки, як їм слід[20]. Те, що служить лише суто зовнішнім цілям — і служить успішно, — зовсім не обов'язково прояснювати, тобто являти зсередини. Керуючись цим, Захід свої категорії творить так, як гончар робить горщики — спритно користуючись

матеріалом без вивчення його природи. Він пишається тим, що «знає як» (know how), але зовсім не знає і не хоче знати — «чому» і «навіщо» в духовному сенсі цих мудрих запитань: раб наслідків, він, далекий від Причини, цікавиться лише серединкою, цілком байдужий до Витоку й Завершення. Проте ментальність східна, представниками якої є ми, українці, далека від такого осколкового, поверхневого підходу — вона прагне сутнісної повноти, в якій зовнішня міцність обґрунтована зсередини, і таким чином зовнішнє і внутрішнє є двома рівноправними сторонами гармонійної єдності, думка вона чи річ. Суть її є вічний Світ — нероздільність Покрову і Глибу, Цього і Того. «Чому» і «навіщо» — питання Початку й Кінця — це опорні питання ***есхатологічної*** східної свідомості, причетної до нуменів, а до феноменів — лише остільки. Західна людина, маючи деякий предмет, задовольняється тим, що використовує, ***експлуатує*** його, і в цьому сенсі для неї важливо лише осідлати щось, а Бог воно чи Сатана — наплювати. Ця байдужість до Суті є знаком попрання людини облаткою, Сатаною: Суть Світу одна — Бог. Людина же східного типу свідомості користується будь-чим зі спокійною душею, лише знаючи це зсередини, і Сила, з якою єдина вона, є Господь. Вчені Заходу ніяк не визначають неперервну освіту — не знаючи того самі (бо полонений Дияволом не відає що творить, рече Ісус), вони створили її, щоб упіймати нас, знову, як було вже не раз у століттях, підкинувши нам пустушку. Бо, східні, ми персоніфікуємо собою ***Повноту, принцип Серця***; вона ж, у двоїстім цім світі підпавши під Двійку, як пару шукає собі ***пустоту, якою є егоїстичний Розум*** — суть Заходу. Усунуте від Розуму, Серце тужить за ним і щосили хапається за нього зустрівшись. Воно, Повнота, у цю мить ***надихається пустотою***! Ось чому, пише Микола Бердяєв, багато західних теорій, які не мали успіху в себе на батьківщині, зробили стовпотворіння в нас. Так було з сумнозвісною «науковою працею» Карла Маркса, плоди якої, зжаті пролетаріатом держави Російської, світ розсьорбує дотепер.

Ієронім Босх. Несення Хреста

Удосконалення особистості, проголошене Заходом, як мета неперервної освіти є лише гучна декларація: ця система не знає поняття особистості і не на ній будує вона свій дім — стовпом його є індивід. Особистість, як визначають її давні, є Бог і не-Бог, Світ і не-Світ: ***облатка, що сповнена Глибу***, — оскільки ґрунтується на великому ***законі єдності тотожності й розбіжності*** («і те, й інше»), який єднає світові протилежності в їхньому спільному Началі, Творці, і є ***принципом Серця***; адептом його є в Еллінів Платон, а в Індійців Шанкара, Єдиного муж. Індивід є не-Бог і не-Світ як ***облатка без Глибу***, згідним з якою є ***закон протиріччя*** («або те — або інше»), що зводить частину як жалюгідний уламок Цілого над його божественною повнотою, вбачаючи в Двох лише два — половини без Єдності, якою є Ціле; за суттю це — ***принцип Ума***. Двох не знати нам так; знає їх лише той, хто в них *бачить* Одне: в Сатані — Бога; *бачити* так — учить Се́рця Закон[21]. Софісти були тими, хто вперше на практиці застосував закон протиріччя для приховання Істини як Повноти; Аристотель був першим, хто оголосив його на горе людям, за іронією Небес назвавши цю формулу чистого протиріччя «законом ***заборони*** протиріччя», не розуміючи в осліпленні Сатаною: протиріччя і заборона — одне і те ж. Бог не є той, хто забороняє — Він є дарувальник Свободи й вона сама. Саме про два ці закони писав Лев Толстой, говорячи про Розум Серця і Розум Розуму. Особистість є Розумом Серця, підвладним Творцю, який є Се́рця Суть; індивід (що в перекладі є «неподільний», «єдиний» — таким є Господь) — Розум Розуму, егоїст, що Творця заперечує, бачачи Ним себе[22]. Це саме той «чистий розум», який піддав Кант гострій критиці, проголосивши при**мат** у людині практичного розуму —

розуму Серця: бо Серце є Дія, а Розум є Слово, без Дії яке — пустота. ***Тільки східна свідомість — свідомість серцева, що сходить до Бога — є свідомістю особистісною; західна ж — свідомість, у якій Господь, наче сонце, провалюється за обрій ума, — є свідомістю індивіда. Облатка без Глибу, він — маска; облатка, що віддана Глибу, а тому й сама є Глиб — це особистість; і східне суспільство є суспільством лиць, а західне — масок: «суспільством спектаклю», життя чиє є театром***, як мудро сказав С. **Мо**ем. Життя це воістину жалюгідне, бо наскрізь пронизане екзистенціальним страхом: страхом за буття, природним у тім, що Буття — Розум, що, наче клеєм, зсередини скріплений Серцем-Життям, без якого Буття лише купа шматків: труп — не тіло. ***Не відати Серця в собі — і є бути нам трупом***; хто є ним, той жахається кожну мить від чуття, що він мертвий, притому без знання, щó є йому Жити, і щó є Ожити — тому. Страх цей, загнаний Просвіщенням під оболонку раціонального чуття панування над зовнішнім світом, має ірраціональну властивість: він є страх-всередині, перемогти який нам можна єдиним шляхом — пізнавши себе як Серце. Бо Серце — Бог с ликом Його; Ум, Диявол — є маскою, позбавленою лиця. Ось чим жахає він нас: таємницею[23]. «Невидиме зло тривожніше за все», — казав про це Публілій Сір.

Бог є Суттю-і-Ликом. Диявол є **мас**кою. Поняття її перебуває в сутнісній єдності з поняттям **маси**: кількості-у-собі як обезособленої Якості, Якості-у-самовтраті. Нею є маса у знаменитім рівнянні Ейнштейна, у лівій, причинній частині якого стоїть Енергія — Дух, самовтратою якого у правій частині є маса. Як чиста інертність, вона і є маскою — покровом, який втратив Суть (так свободи покрив — є обов'язок, **mus**t (англ.), за Кантом; святе слово «**маст**ер» (його даємо по-російськи) є «той, хто пізнав свій обов'язок» як цю облатку, якою є Бог, — а тому і Його: через Двійку — Одне). Ось чому всі диктатори так люблять «маси трудящих»: ***Диявол є цар пустоти***. «Творчість мас», про яку твердить він, є руйнація сущого, труд його злий. Імітатор, ховаючись за своєю маскою, він постійно зриває маски зі свого оточення, щоб створити в людей ілюзію, що він є ворог личин — не Диявол, а Бог, гола Суть[24]. Але сущий для маски, він і є вона, наче річка Кратила завжди інший: жінка поза чоловіком, за чимось (рос. нечто) — ніщо (бо Тьма є Небуття)[25].

Серце — Бог. Бути ним — бути Благом, Єдиним: адже такий Він. З Ним єдина, була чистим Серцем людина в Раю, до часів: все для неї тоді було Благом. Зло, як окрема Сила, виникло, коли Серце в очах людських розкололося (бо тріснули самі ці очі) на те, чим воно є, і те, чим не є; а разом з тим — з'явилася й потреба у виправданні Бога як автора Зла, і плід її задоволення — теодицея, сумний маніфест влади Двох, непотрібний очам Одиниці.

Будь-яке державне правління за суттю є ідеократія; але ідеократія як влада ідеї, покірної Життю, — Розум Серця — є влада самого Життя, а ідеократія як влада ідеї, Життю не покірної, ідеї-в-собі — Розум Розуму — є страшна влада ніщо. Ним і є Сатана, кабалістичне ім'я якого **Сам**аель є за суттю «**сам**отній бог», «бог без Бога» як той, хто відкинув Його[26], і згідне з ним поняття індивіда як гоббсовсько-локківського егоїстичного самотнього атому — ***атому Ворожнечі***, що веде війну «всіх проти всіх» (bellum omnium contra omnes)[27], на якому ґрунтується Захід і народжене ним поняття неперервної освіти. Як Розум без Серця, воно у позбавленні цього сполучного є фрагментарним, а отже, не може претендувати на роль фундаменту освіти: бо нічого цілісного, і отже надійного, на розколотому фундаменті не збудувати. Втративши свою цілісність як невіддільність від Цілого-Світу, людина є порох земний без небесного подиху Бога, який, за Біблією, колись перетворив його на людину. Держава, що ґрунтується на егоїстичній ідеї, — також егоїст: не слугуючи людині, вона має потребу в ній лише як у глині, замазці для зведення своїх стін.

Власне, насіння егоїзму завжди є в природі держави: як друге за особистістю, Одиницею, держава є Двійкою, що здатна стати і Богом, Єдиним, якщо Він єднає її, — і Сатаною, якщо Бог залишив її без опіки. Держава як Двійка є ***меч обоюдогострий***, що в Ньому є Два як Одне, поза Ним — Два-Розкіл, егоїзм як Нарциса печать.

Одним з найяскравіших свідчень відповідності західної ментальності концепції атома Ворожнечі є мистецтво Заходу, і перш за все кінематограф США. Лавинний потік соковитих видовищ знущання над людською гідністю, битв з ураганною стріляниною (за умовчанням, єдино гідним засобом ствердження справедливості: кращий суддя — кольт), відверте милування стражданням і смертю — все це, створене відомою у реальному житті своїм боягузтвом американською

нацією, свідчить про невіддільність ідеї насильства від західної свідомості, а разом з тим і про повний крах спроб осягти феноменальними, плоскими засобами величний нумен Життя і Смерті, проникнути в Глиб — Бога, Серце — через споглядання розірваних у шмаття кишок.

Бог є Глиб, а Диявол — облатка, що Глибом вважає себе. Саме це є великою суттю конфлікту Платона як Господа-Серця і Аристотеля, Диявола-Розуму. Глиб як Єдине, Ким світлий Платон, підмінив Аристотель ***загальним*** як купою шмаття Творця і Людини: загальне — Диявол як Воро**х** (рос.), Воро**г** людей, що краде у них Боже Одне[28]. Комунізм (від лат. communis — загальний) є царство Диявола: ад в чистім сенсі як давній кліппот іудеїв — «простір шкаралуп», оболонок без сутей, розмелених на ніщо Ворожнечею. Російське «общество» і українське «загал» — слова праці цієї; так само — «с**піль**нота»: Пила, Тьма як Нуль, що **пил**яє все пилою Двійки у пил, на який трощить все час, Тьма. ***Захід, дім тління — вир часу***. Смішно, що колись саме він лаяв СРСР за рух до комунізму: насправді же, давши через постать Маркса Росії його рецептуру, будує його вперто Захід, що битвою індивідів зі Світом торує прямий шлях у прірву. «Царство, що поділилося в собі, не встоїть», — казав Ісус. Царство Заходу, в якому всі ворогують з усіма, пало ще при народженні; воно є царство-ілюзія, царство ніщо.

Єдність, Серце — Знання; Ворожнеча, загальне — багатознання, від якого застерігали нас мудрі (і першими з них — Геракліт, Демокрит). Єдністю є ***народ, колектив-Особистість***; загальним — є ***натовп***: спільнота, позбавлена розуму кожного зовнішнім розумом усіх, Дияволом. «Коли сто чоловік стоять один біля одного, кожний втрачає свій розум і отримує якийсь інший», — казав Ніцше. Цей «інший», як зовнішній ум багатьох, є Диявол, дух Зла, що краде розум внутрішній, власний наш[29].

До Серця, Бога, волав як учнівської душі мудрець Песталоцці, впізнавши Диявола у Руссо, який бачив зразок виховання в сторонній природі[30]. Цей клич потонув у гуркоті Просвітництва: «просвіщати» — світити навиліт, наскрізь. Так, простромивши нас своїм списом, вкрадає наш дух — Глиб, Творця — Сатана.

Освіта в її споконвічному сенсі є тим, що спонукує людину рости над собою, здобуваючи знання про світ і владу над його речами та процесами; і як така, вона є виконанням морального обов'язку людини відповідати своїй людській суті, яка є

Пізнання та Розвиток. Всупереч цьому, неперервну освіту слід визначити як служіння державі на шкоду служінню собі: освіту, що є неперервною лише остільки й у тій якості, оскільки неперервним є державний прогрес. Неперервна освіта — це прояв державного егоїзму: держава зацікавлена в розвитку людини лише як слуги; в усьому ж іншому вона для неї байдужа. Слуга ж, що вічно схиляється перед володарем, є раб, позбавлений Прямизни, якщо служить не Господу і не тому, хто єдиний з Ним. Людина як особистість, подоба Творця — Одиниця як Єдність; держава, що ставить окремий свій інтерес над її богосутнісним інтересом — є Двійка, Ворожнеча; прагнення цієї останньої схилити людину перед собою як загальним (розділеним у собі) на шкоду Одиничному — є прагнення розколоти її і з цих шматків, як цеглин, збудувати свій дім. Вважаючи цілим себе, а людину частиною, держава жорстоко помиляється: частина — вона, особистість — є ціле; і високий обов'язок держави є будувати себе, дивлячись на особистість знизу вгору й покірно схиляючись перед нею. Микола Бердяєв писав про це: «Матеріалістичний комунізм підкоряє проблему людини як цілісної душевно-тілесної істоти проблемі суспільства. Не людина повинна організовувати суспільство, а суспільство повинно організовувати людину. Але в дійсності правда у зворотному: людині належить примат, людина повинна організовувати суспільство і світ, і організація ця буде залежати від того, якою є людина, якого вона духу» [2].

Яку безперервність будує держава ціною людського розколу? Лише мертву безперервність глини. Вище я не даремно згадав конвеєрну суть неперервної освіти. Справа в тому, що ***ідея неперервної освіти в тому вигляді, в якому вона дійшла до нас, законним чином оформилася з винаходом конвеєра Г. Фордом (1913)***. Саме у рік цього винаходу, тринадцятий від межі століть — сатанинський рік-корінь жахливого паростка Першої світової війни (1914), яка, як конвеєр заклання, волею Неба стала першим вдячним споживачем плодів конвеєрного виробництва[31] — світ відчув гостру потребу в людях, освічених згідно з ***механічно-неперервним*** характером промислового виробництва, який є протилежним ***органічно-неперервному характеру Життя***. Винахід конвеєра зробив переворот в укладі людей: він додав дискретному процесу розподілу праці, до того не прихованому від людських очей, позірної безперервності. Для забезпечення цієї механічної неперервності світ і зажадав технократів — умільців, освічених у машинно-

дискретному, ущербному понятті. Лише заради їхнього продукування світ і заговорив про «неперервну освіту» як засіб машинізації людини, або її ***махінації*** (профанації): корінь у двох цих понять — є один. Безперервність освіти в її давнім, первинному сенсі та безперервність неперервної освіти — дві різні безперервності: перша є надчасова ***єдність Простору***, яким є Світ і Людина у єдності з ним; друга є ***безперервністю часу*** і прояву її — історії, ріки втрати Людиною себе, ***самозабуття*** як утрати Творця в собі[32]. Цар її є Сатана, цар машин, на які обертає він нас (рис.2).

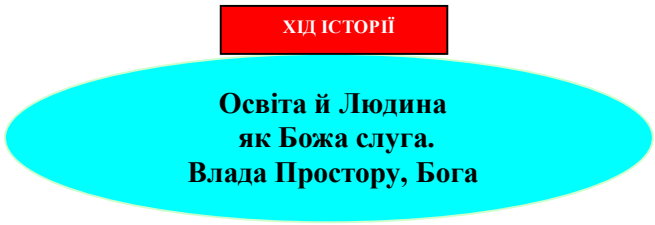


Рис.2. Сутнісний зв'язок понять «освіта» і «неперервна освіта»

Витоком цієї ріки є позачасове минуле Людини і людства, відоме як біблейський Рай, Сатья-юга Індійців і Золотий Вік Гесіода: це — «Небеса на землі», місце зімкнення Вічного з тлінним, де Вічність — панує. Її заперечення (як заперечує самозакохана ріка свій витік), історія — це земля без Небес, у відторгненості від них[33]. Від Начала упливши цією рікою, ми втратили його: Світ, Бога, богів. Не безсмертні ці вмерли, — а ми для них, канувши в прірву часів, тьму-історію: від Сонця — за горизонт, куди нас унесла ця ріка.

Суттю становлення поняття «неперервна освіта» є згущення цієї ріки. Це поняття, як додаток до Людини — конкретне в його паразитичному прикріпленні до Абстрактного, — є надлишковим, пустим: не воно є Початок і Центр — ним є Суть, Повнота. Проте особливість егоїстичної ріки історії у тім, що кожний фрагмент її (бо фрагментарна вона в очах; Єдність — прихована в ній: Світло — в тьмі) зазіхає на місце Початку без права на це, кожний думає, що він — Причина (стовпом цього погляду в філософії є Кратил: якщо Геракліт своєю максимою «все тече» ствердив принцип Ріки як потоку подій, яким і є історія, — цей співець чистого релятивізму

абсолютизував його, залишивши Ріку без Витоку, яким є Людина, єдина з Творцем, і надавши, за відсутності цього Начала, право будь-якій історичній, позбавленій Бога і Людяності істоті ототожнювати його з собою[34]. Егоїст ігнорує Господній Закон: ним собі є він сам — бог, який скинув Бога. Дотримуючись цієї логіки — логіки відносного, яка керує нами як історичними істотами, — ми, беручи за суть неперервну освіту як поняття-в-дії (бо дія — життя поняття), маємо представити його еволюцію у вигляді наступної таблиці.

Таблиця

Етапність становлення поняття «неперервна освіта»

№	Назва етапу	Період, охоплюваний етапом	Зміст етапу
1	Етап латентного формування поняття «неперервна освіта» як процес «нагромадження історичної кількості».	Від виникнення Людини як історично-діяльної одиниці — до її підготовки до вступу в еру технічного прогресу.	Приховане накопичення історичних змін, які надалі спричиняють народження поняття «неперервна освіта».
2	Латентний етап безпосередньої підготовки появи (народження) поняття «неперервна освіта» в понятійній матриці людства.	Від років англійської Реформації як періоду народження технічного прогресу в сучасному сенсі цього поняття — до початку XX століття.	Процес бурхливих якісних трансформацій (як підсумок «нагромадження кількості »), який здійснює пряме готування появи поняття «неперервна освіта».
3	Етап явного оформлення поняття «неперервна освіта».	Від року винаходу конвеєра Генрі Фордом, 1913-го — до початку XXI століття, межі бурхливої євроінтеграції, яка ознаменувалася введенням загальноєвропейської грошової одиниці — євро (як за суттю — злата, диявольської підміни Духа-Творця як фактора істинної консолідації людей*).	Поява поняття «неперервна освіта» і його становлення як інструмента активних суспільних перетворень.
4	Етап продуктивного використання людством поняття «неперервна освіта».	Від межі XX — XXI століть до теперішнього часу і далі.	Поняття «неперервна освіта», склавшись як знаряддя суспільних перетворень, здійснює енергійну роботу з поглиблення науково-технічного

			і споживчого прогресу людства.

* Нуменально злато є рідиною як **рідким вогнем** — Сатани або Бога, залежно від наміру свого використання. Звідси природним є золотий дощ, що зійшов з небес під час народження Афіни, і дощ злата, на який обернувся Зевс, щоб увійти до Данаї: адже обидва дощі були рідкими. Маг, згідно з цим, *бачить* шматок золота як сяючу рухливу краплю, подібну до краплі ртуті. Це саме той вогонь, на який, за Гераклітом, обмінюються всі речі; про рідкий стан золота пише Платон у своєму «Тимеї». Той, хто заважає цьому вогню текти, вступає в конфлікт з «Сповіддю заперечення» давньоєгипетської Книги Мертвих, яка вимагає від людини «не заважати водам текти», — і цей вогонь *розмиває людину зсередини*, наче бурхливий потік загату (яскравими прикладами цього в літературі є скупарі Мольєра, Пушкіна, Бальзака). Як фактор ринкової консолідації сучасної світової спільноти людей, злато є сатанинським вогнем.

Плинність золота є проявом плину світової ріки подій, про яку вчив Геракліт. Той, хто перешкоджає йому, руйнує себе — бо ріка ця є Світ, зруйнувати який він безсилий як тлінне — Безсмертя; той, хто сприяє йому, є співтворцем Світу й себе: бо Світ є наша Суть. Свідченням цього є мудрий латинський девіз, що повторює давній наказ Книги Мертвих, «Omnia sponte fluant — absit violentia rebus»: «Нехай все тече саме по собі — примус супротивний речам», — винесений на обкладинку головної педагогічної праці Яна Амоса Коменського, «Великої дидактики».

Зміст таблиці, як бачимо, відповідає поділу історії на два етапи: етап, що передує появі поняття «неперервна освіта», і етап його наступного прикладного розвитку, який, як відзначено вище, полягає в його трансформації в поняття «неперервна професійна освіта». Як суто умовний, цей поділ протистоїть поділу істинному, точкою відліку (початком координат) якого є ***Різдво Ісуса Христа*** не як «со-бытиé» (рос.), тобто «те, що сумісне з Буттям» як тьма зі Світлом, — а самé Буття: не феномен, а Нумен, який роз**різ**ає своєю неналежністю йому феноменальний плин історичної ріки на часи до **Різ**|**два** і часи після нього: бо Центр не належить до периферії (перебуваючи, як точка пустоти, поза її складом: такою є наша душа в тліннім тілі), Начало не є продовженням; тоді як точка появи (народження) поняття «неперервна освіта» належна до цієї осі і є пунктом її згущення (вузлом) подібно до будь-якої події, суттю якої є час, тьма. Точка істинного Начала є істинним і єдиним Сьогоденням як тим, що, позбавлене належності до ріки часів, ніколи не минає; точок начала умовного, вузлів тьми, — безліч, і будь-яка з них є сьогоденням фантомним, яке виникає лише для того, щоб у ту ж **мит**ь бути з**мит**им потоком часів.

Ноуменально точка Різдва Христова тотожна позачасовому минулому людства як Витоку історії; зовні різниця їх у тім, що останнє є Світлом-до-тьми, від якого ріка ця тече, а Різдво — Світло-в-тьмі, що цю ріку живить зсередини. Два ці Витоки як один, Глиб, яка є і «тим, що до (перед)», і «тим, що всередині» — є Повнотою Людяності. Як Людина над-історична, вона є Цілим; людина ж історична є її частиною. Частиною цього ж Цілого є і технічний прогрес, що також перебуває

в його череві як плід історії. В цьому є суть співвідношення історичної людини і техніки: як ***рівні за неповнотою*** (частковістю: обидві — частини), вони, не знаючи Цілого і вважаючи ним кожна себе, борються між собою за трон його, і машина у цій боротьбі — переможець як втілена смерть, механізм як частина, позбавлена Цілого вщент (рис.3). Ось чому вмілець, **спец**іаліст (**спиц**я ко́леса: частина цілого, але не все воно) у цьому світі долає людину: чорніший за неї, у пітьмі історії він, механізм у душі, наче у воді риба, перебуває в стихії своїй: у злі зло, що сильніше за напівдобро, яким є історичні ми поза професіями.

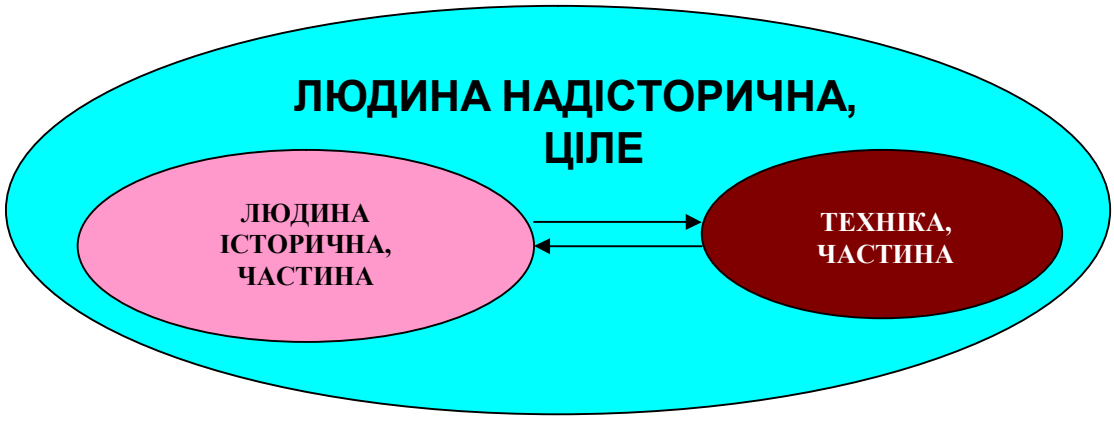


Рис.3. Сутнісне співвідношення Людини і техніки

*

Ідея неперервної освіти дедалі набуває поширення в надрах людської спільноти, знаходячи, з одного боку, своє практичне втілення в системних рішеннях всередині держав, а з іншої, одержуючи спільну платформу впровадження з просуванням держав-членів світового співтовариства шляхом міжнародної інтеграції. Два ці процеси все більше являють тенденцію до злиття в єдиний загальнопланетний процес. Бо при всьому розділенні держав за політичними, релігійними та іншими жорсткими ознаками є, як відомо, те спільне для всіх, що неухильно валить ці бар'єри і з кожним днем все сильніше перемішує людський мурашник. Це — людське прагнення продавати й купувати, тобто спілкуватися інтернаціональною мовою товарів і послуг, універсальною платформою якої є всесвітній ринок.

Безпристрасний літопис історії свідчить про те, що торгівля між державами не припиняється навіть тоді, коли армії їхні вступили у військове протиборство і ллють кров одне одного на полях боїв. Ринкові далека мораль: він жваво торгує з

ворогом, іде на шантаж і підкуп, торгує всім чим завгодно, включаючи секретні технології і само наше тіло, яке можна не тільки продати, а й навіть убити, принісши, як гусака на тарілці. Вторгнувшись у розуми, ринок експропріював для продажу людські думки; число, сутність речі за Піфагором, відсік він від речі; від речей відсік імена, ковдри їхні, пусті у собі. Захопивши людину зсередини, на річ як предмет продажу перетворив він її саму. Бо людина за суттю — не плоть, а душа; ринок як золотий телець, Мамона, є викрадачем душі, або її покупцем, що підмінює Цінність — ціною: бо купити те, що не продається — є вкрасти його; і угода про це — договір з Сатаною, підписаний кров'ю, субстратом Життя[35].

Какие времена! Барыг столпотворенье.
Ни чести, ни ума. Барыш — один закон.
Стремленье все продать — позорное стремленье,
Оно окружено презреньем испокон.

И в памяти веков средь светочей заветных
Их нет, кого Христос из храма гнал взашей.
Средь тех, кто род людской прославил, средь бессмертных
Я что-то не встречал бессмертных торгашей.

Михайло Каменецький

Ось слово поета про ринковий дух чистогану, який не в честі у народів як дух нелюдський — Сатанú дух, що сіє розкіл. «Торг» за змістом є «поділ»: від**торг**нути — є відділити. ***Хто ділить без єдності з Богом — руйнує цим світ, бо руйнує себе***.

Консолідація міжнародного ринку на позаморальній основі, яка відбувається нині, — це закриття кришки склепу, який відокремлює людину від Світу. Система неперервної освіти, що зливається з окремих національних і субнаціональних шматків у єдину світову ковдру, є, як зазначено вище, фактором цієї ринкової консолідації, і не буде перебільшенням сказати: неперервна освіта в світі є тим більш неперервною, чим більш неперервним у ньому є ринок. За суттю це одна безперервність; розвиток міжнародного ринку та розвиток міжнародної системи неперервної освіти — це дві сторони однієї медалі товаровиробництва й торгівлі, взаємну активізацію якими одна одної доречно порівняти з відомим зі шкільної хімії ефектом прагнення кинутого на лід лужного металу добувати воду: чим більше розігрівається він від реакції, тим більше розтоплює лід навколо себе, а чим більше розтоплює, тим сильніше розігрівається, взаємодіючи з водою. Діючи в інтересах

ринку, неперервна освіта настільки ж позаморальна, як і він; єдино «людяним» у ньому є прагнення потурати тілесному комфорту індивіда: машини, які виготовляються «безперервно навченими» фахівцями, все більш швидкі й економічні, дивани все більш м'які й т. ін.

Навіть війна держав не здатна перешкодити ринку наводити між ними мости торгівлі. У світі їх з цієї причини необачно ототожнюють з мостами дружби. Це є повною оманою: істинна дружба безкорислива, вона ніколи не має своєю основою злато; торгівля ж є родом златолюбивої, корисливої «дружби». Справа торговця — продати, «впарити», а кому — байдуже. Ось чому ринок, як безособова консолідуюча сила, перешкоджає людям бути самими собою, дружачи й ворогуючи без користі, — бо й ворожнечі, і дружбі він ставить у відповідність золото, здатне при зручному випадку купити і те й інше. Ту ж печатку знеособлювання людей несе неперервна освіта: вона перемішує світ, валячи в ньому і добрих і злих, і корисливих і безкорисливих в одну гігантську купу, де марні всі спроби зрозуміти, хто є хто. У свій час саме таку картину являли нацистські табори смерті зі звареними в одну смердючу купу мільйонами трупів людей. Але живий труп огидніший мертвого: він — протиприродний. Тим часом, своєю безперервною і абсолютно індиферентною до людяності перемішуючою роботою ринок і супутня йому неперервна освіта плодять мільйонні нашарування живих мерців. У світі законним є рух антиглобалізму, що перешкоджає стиранню міждержавних кордонів: бо знищуючи межі держав, люди стирають тим ***свої, людські межі***, втрачають лице своє як суть, як душу, — що є найгіршим людським падінням: падінням у прірву ніщо. Цар її є Диявол. Бог — Той, хто кладе справедливі та істинні межі, Диявол — є той, хто стирає їх і кладе межі ті, яких у Бога нема. Стерши межі свої, дані Богом — зливаємось ми з Сатаною[36].

*

Який висновок напрошується з цих міркувань? Невже, у визнанні їх, людству слід покінчити з торгівлею? Невже потрібно йому терміново згорнути програми неперервної освіти? Ні, про це не йдеться. Йдеться про те, щоб ***торгувати без втрати себе***; щоб освіта, яку одержують люди для ефективного спілкування мовою товарів, не скасовувала їхньої ***людської мови*** і їхньої ***людяності як такої***. Ринок і

його вірний супутник неперервна освіта хороші й корисні для людей рівно настільки, наскільки вони ***допомагають їм бути людьми***; в усьому ж іншому — вони шкідливі і навіть небезпечні.

Ринок на основі моралі, освіта на основі моралі як Ум на платформі Серця — ось що слід людям впроваджувати на Землі, щоб ринково-просвітницька м'ясорубка не перемолола їхні особистості на дрібний вінегрет. На жаль, нині ножі цієї машини обертаються з чудовим успіхом. У багатьох державах світу вже давно помічено сумну тенденцію ***падіння патріотизму з розвитком ринку***. Найманцеві однаково, на якому боці, **ЗА КОГО** воювати: він воює **ЗА ЗЛАТО**; споживачеві байдуже, де саме йому їсти, займатися сексом і спати — в Америці чи в Україні: будь-яка земля для нього — ***територія, пасовище***, і краще там, де ситніше. У цьому сенсі він гірший за тварину: адже заради блага родини тварина ляже кістьми; людина ж, просочена ринком і куплена ним з потрухами, заради вигоди не пожаліє й матір. Патріотизм і любов до своїх близьких — стовпи держави: зруйнувати їх — означає загубити і її, ствердивши як вирішальний фактор її єдності **ВОРОЖНЕЧУ**. Якщо, приїхавши в Америку, ви без запрошення вступите на чиюсь віллу, у вас можуть запросто пальнути з рушниці: право приватної власності в Америці — святе. Настільки святе, що як мертва буква воно підмінило собою життєдайний закон людяності, який стверджує: право на річ — ніщо у порівнянні з правом на життя; нема життя — навіщо речі? На жаль, за хрускотом щелеп, що розмірно пережовують делікатеси ринку, все менше людей розуміє це.

У моїй пам'яті — телеміст листопаду 2005 року, на якому тодішній Президент України В.А. Ющенко відповідав на запитання українських студентів. Під час цього діалогу один з них запитав: чи не вважаєте ви, Вікторе Андрійовичу, що з уливанням нашої вітчизняної системи освіти в європейську буде втрачено те унікальне в ній, що давало законне право вважати її однією з найкращих у світі? Запитуючи, студент, звичайно, мав на увазі людяність нашої освіти радянських часів, наявність якої (незважаючи на всім відомий тоталітарний присмак) і надавала йому тієї вищезгаданої моці, про яку складають легенди. Але Президент, наче не зрозумівши запитання, вимовив ту саму сентенцію, яку і він і десятки інших політиків неодноразово висловлювали з телеекранів: він став говорити про те, що завдяки європеїзації вітчизняної освіти в наших громадян з'явиться можливість

працювати і заробляти за європейськими критеріями, бути затребуваними й у нашій країні, і за рубежем... і т. ін. Все це, звичайно, так. Але в контексті сказаного безперечним є те, що не це первинно для *особистості*, яка формується, а те, що з утратою нею себе самої внаслідок занурення в зів споживчої освіти, працювати й заробляти гідно стане просто ***нікому: з утратою особистості зникає і гідність, властива їй***. Я не знаю, чи розуміє пан Ющенко, щó обіцяє Україні найчистіша освіта по-європейськи. Проте сам факт, що в своєму діалозі з хлопцем, який вступає на життєвий шлях, сам керівник держави, громадянином якої є цей юнак, дав на його щире запитання звичайну для хитрунів «відповідь глухого» (ab surdus), прямо вказує на те, що процес сутнісного омертвіння нації глибоко пустив своє коріння й невблаганно розвивається. Факт відчинення навстіж воріт Батьківщини перед ринком і наскрізь просоченою ним європейською освітньою системою являє собою не що інше як беззастережну капітуляцію перед ними.

Звичайно, здати місто без бою — не завжди означає зробити це через боягузтво і безсилля; часто це відбувається через обман. Усім відомий сюжет давньогрецької міфології про падіння Трої від хитрості ахейців, які проникли до неї у череві дерев'яного коня. ***Ринок — це троянський кінь***: держави, що невсипно піклуються про непорушність своїх кордонів, зустрівшись з ним втрачають усяку пильність і безтурботно впускають його як свого — і цей ворог висмоктує їх зсередини, залишаючи лише шкурку. Водночас, той же ринок, поставлений під контроль розсудливої державної влади, — як отрута, перетворена на ліки (Розум — на Серце, Тьма-Двійка — на Тьму-Нуль, у чому сутність відомого принципу Тантри), здатна явити прямо протилежний ефект. У цьому сенсі корисним є приклад Давнього Єгипту. У цій країні, сорок століть якої є зразком безприкладного державного довголіття, справи керування державою перебували в руках жерців, для яких дотримання власного, ***внутрішнього*** інтересу своєї країни було за суттю питанням спокою бога Амона (Ammon-Ra Hermakouti[37]), святилищем якого був у їхніх очах весь Єгипет. Ось чому будь-яке вторгнення в цю сакральну сферу Божества зустрічало негайну тверду відсіч цієї когорти Присвячених; і якщо винним у ньому був фараон, жерці без коливань відстороняли від державного керма й цього вельми поважного сина Амона за неповагу до Батька. Духовне самодовління Єгипетської держави внаслідок невсипущого оберігання її Таємниці,

якою був Амон, — ось стиль і спосіб правління жрецької касти. У цьому — причина того, що Єгипет, подібно до Сфінкса і пірамід, проіснував настільки довго. І саме цього тотального розуміння державної сфери як священної духовної Глибини, входити в яку дозволено лише Добру, — гостро бракує сьогодні Ук**РА**їні (спорідненій із Єгиптом Діадою, числом їх обох[38]) через її недосвідченість у питаннях спирання на мудрі історичні приклади[39], і тій же палко закоханій у себе Америці, де за наявності достатньої грошової суми купівля державного секрету є справою настільки ж простою й звичайною, як і купівля гамбургера в ближньому «Макдональдсі».

Будь це розуміння (якщо воно є — разом з його умовою, совістю) хоч трішки глибшим у наших державних мужів, вони неодмінно забили б тривогу з приводу експансії європейської моделі освіти, глянувши на жахливі плоди, які воно вже дало. Плоди ці, між іншим, бачаться нам у тім, що в усіх «освічених» західних країнах, незважаючи на хвалений дух Кембриджу й Гарварду, стрімко росте число людей, які зовсім не хочуть мати вищу освіту, хай і в тому її механічно-споживацькому вигляді, яким торгує навинос Захід. Логіка молоді в цих країнах проста: якщо навчання необхідно людині для благополучного життя, — навіщо мені вчитися, коли й без усякого навчання я *вже* благополучний? Навіщо мені нудитися над книгами, напружувати мозкові звивини, якщо й без того я маю все? Під словом «усе» розуміючи матеріальну забезпеченість (машина в кожного члена родини, розкішні міська квартира й заміська вілла, вигідний шлюб та ін.), молодь Заходу не відає, що істинний рід людського багатства — багатство духовне; більше того, вона взагалі не розуміє, що́ таке це багатство: сите черево є кращою пігулкою духовного сну! Становище в таких найбагатших та імперськи-претенціозних країнах, як Америка, рятує почасти те, що програми низки фундаментальних досліджень у них щедро фінансуються державою. Але що дадуть ці вливання, коли фінансувати стане нікого?

Харизматичний президент США Рональд Рейган якось відверто зізнався, що у 1974 році Америка вирішила проблему нестачі в Америці математиків вищого класу за рахунок «витоку умів» з СРСР — країни, яку він же нарік «імперією зла». Про цей «витік», як жирний приріст у власному «стані добра», президент говорив як про блискучу перемогу Штатів, хоча за суттю вона була не перемогою в

споконвічно духовному, високому понятті, а лише вдалою угодою перекупника. До честі цього діяча відзначу, що такою оцінкою успіхів своєї держави він лише констатував давню істину: ***перемогти споживачеві — є купити, а там, де можливо — і вкрасти***. Втім, і без цих одкровень ні для кого не секрет, що знаменита «мозкова Мекка» США Силіконова долина донині процвітає завдяки втікачам від радянського режиму. І ось питання: оскільки СРСР зруйновано і всі його колишні республіки та сателіти тепер так само, як і США, роз'їдаються виразкою споживацтва, — звідки візьмуться в Америки «позикові уми», коли ті, які ще є в неї на прикормі, природно вимруть і атрофуються від старості й ожиріння?

Ось ті суворі у своїй відвертості питання, які варто задати собі першим персонам нашої держави, щоб їй не піти за іншими второваною дорогою падіння. «За справами їхніми пізнаєте їх», — казав Ісус про лжепророків. Справи неперервної освіти, а за суттю — того світогляду, тієї ментальності, які вона представляє — недобрі. Чому ж з такою поспішністю біжимо ми в її обійми, з такою ганебною безоглядністю вшановуємо її глашатаїв?

*

Завершити цю статтю хочу одним ключовим зауваженням. Антиморальний, руйнівний характер неперервної освіти не є щось таке, що виходить за межі західної демократії. ***Освіта ця і є ця демократія в чистому вигляді***. Власне, «західна демократія» є тавтологічним сполученням: бо «Захід» і «демократія» — поняття тотожні. ***Демократії ніколи не було на Сході і він не творець її.*** Давня Греція, її колиска, є Захід (не-Схід) у духовному сенсі: бо саме тут **Зев**с (Zeu pater — звідси йде римське Юпітер), бог-Муж як чистий Розум, змінив собою давнє всесвітнє Серце, Богиню-Матір, яка панувала повсюдно, поглинувши її як зів (рос. **зев**) і здійснивши цим сутнісне ***викрадення Європи*** — як серця цієї землі, залишивши облатку без Глибу, яким є Тьма, Матір богів[40]. Бог-Єдиний, яким була Жінка ця (бо Небуття, яким є Вона — Десниця Божа, Одне), ставши Мужем, розпався на безліч богів: Муж без Жінки не Єдність — шматки. Так прийшло в світ язичество. Але і коли на зміну йому Ксенофан став учити про бога єдиного, був той не Бог — Сатана: бо безособовий Бог був ***Богом вільним від особистості***, залишивши її ***пустою для Другого, Сатани***: душа на́ша — Глиб, місце святе — не буває пуста!

Саме в Греції, вийшовши з Міфу, Вітчизни Людини, з'явився зародок прийдешньої атомізації людства у вигляді поділення ойкумени на еллінів і варварів, «інших» як залишок, решту — оплот фанатизму, який так само поділяє людей на віруючих у Бога та єретиків[41]; за тієї ж причини як кару впроваджено тут остракізм — відмову людині у Вітчизні, за суттю — ***у Світі***: позбавлення частки Цілого як Суті її. Адже Вітчизною Грекам був Світ (бо, воістину, суттю Еллади є Мудрість, а Світ — Дім мудреця, ким є той, хто в частині малій бачить Ціле і любить її як його), і тому позбавлення її для елліна було тотожно страті через обезглавлення: бо, ***Суть частини, Ціле є головою її. Так головою людини й народу — є Світ і Господь***. У розбіжності з Ними Еллада є витоком Заходу у власному, сатанинському розумінні останнього, — але не він сам: бо Бог панував у еллінських серцях![42] Бог, Всевишній був світочем людства Античності, Він був ним і у Середньовіччі. ***Захід, і демократія як сатанократія разом з ним, розпочинається як епохою — Ренесансом[43], а як країною — Англією XVI-го сторіччя***. Перша європейська за масштабом революція, яка відбулася в ній під полум'яними гаслами народовладдя, зрубавши кривавою рукою Кромвеля[44] голову королю як намісникові Бога в державі[45], тим відрубала її демосу, народу. Ось коли місце Господа, скинутого цим страшним діянням, посів його антипод Сатана; мудрий демос, народ перетворився на сповнений хаосу деймос — жах[46], яким є натовп. Англія[47], яка в одній собі поєднала оплот революцій, колиску масонства як руху творців храму Тьми, «вільних мулярів» (тому, як острів, і маючи вигляд *цеглини*), і витік прогресу машин і науки, — явила собою престол володаря цих трьох, Князя тьми: Захід у власнім вигляді й демократію як народовладдя без народу. Дух Англії як дух машинний, масонський і демократичний — є Князя злий дух. ***Техніка, розвиткові якої поклала вона початок, і є безголовим царем, що вважає себе царем повним: частина, що бачить себе Цілим, Усім***[48].

Деймос — жах. Хаос, жах — не є Суттю, що, гола, нас кличе до себе. Жахає нас маска: застигле лице, ***душа мертва***. Театр, що створив її, йде від трагедії — «цапиної пісні» як наспіву Пана, жахливого помічника Діоніса, від містерій якого пішов театр. Діоніс і Зевс — боги, які, за Піндаром, є рівними за величністю[49] — схожі звичаєм ховатися від очей. Схожість їхня законна: обидва — стовпи однієї землі, однієї медалі боки. Ця земля, ця медаль — є Еллада, вітчизна театру як дім

Сатани (рис. 4). Ось земля ця: все добре, прекрасне, що є в нас — від неї; від неї — все зле. Це закон: у світі Двох, яким є світ наш, Добро і Зло нероздільні, два цих — є одне.

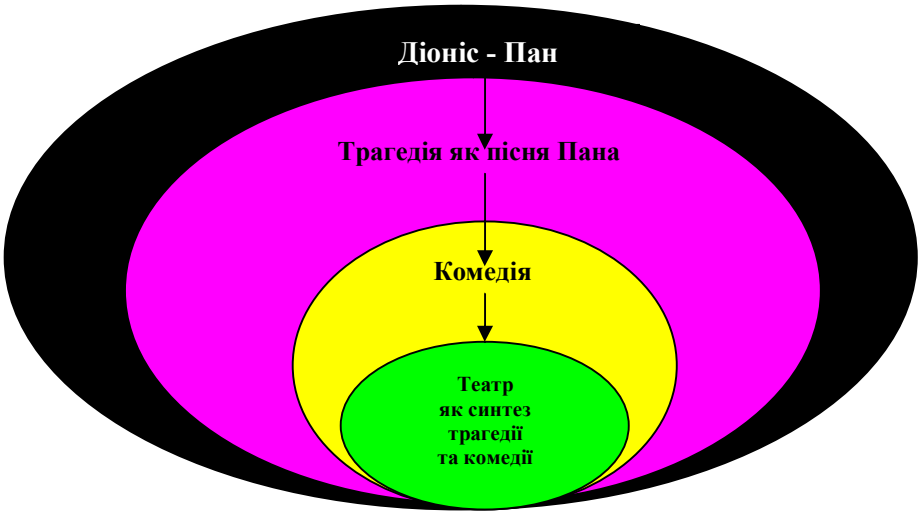


Рис.4. Сутнісна схема походження театру

Народившися в ньому, Диявол у Англії, скинувши Божий престол, ставить трон свій, таємно сідаючи в нього[50]; в Америці ж — Заході Заходу, серці Пітьми — він відверто займає його[51]. Саме ім'я **А**|**мер**|ика, тобто «позбавлена Міри» — знак в тім: Міра — Бог, без Кого все ***пусте як Диявола дім***. Святе місце — пустим не буває: де Бог зник — живе Сатана, посів крісло Його.

Богосутня, Еллада є Серце під маскою.

Втративши Бога, Америка — маска без Серця, облатка заради себе.

Ось прозорий шлях Тьми.

Ось чому демократія — це відносно нове в історичному сенсі поняття. Ось чому вона є поняттям вкрай старим. Все це відав Микола Бердяєв, який писав у 1923 році: «Демократія — не нове начало, і не вперше входить вона у світ. Не вперше в нашу епоху питання про демократію стає релігійно-тривожним питанням. Воно постає вже не в політичній, а в духовній площині. Не про політичні форми йдеться, коли відчувають релігійний жах від поступального ходу демократії, а про щось більш глибоке. Царство демократії не є новою формою державності, *це — особливий дух*» [3, курсив наш]. Дух цей — Сатана. Вище я вже казав про нього як про регулятивний принцип, або зовнішній імператив, як суть неперервної освіти; і оскільки він є ним, ***у демократії і неперервної освіти він є дух один***. Якщо Бог є

джерелом Свободи, Диявол є тим, хто її викрадає, підмінюючи як Силу — Насильством як Несвободою під її манливою маскою. Бердяєв пише також: «Для багатьох російських людей, що звикли до гніту несправедливості, демократія представлялася чимось визначеним і простим, — вона повинна була принести великі блага, повинна звільнити особистість. В ім'я деякої безперечної правди демократії ми готові були забути, що релігія демократії, як вона була проголошена Руссо і як була здійснена Робесп'єром, не тільки не звільняє особистість і не стверджує її невід'ємних прав, а зовсім придушує особистість і не хоче знати її автономного буття. Державний абсолютизм у демократіях так само можливий, як і в найбільш крайніх монархіях. Такою є буржуазна демократія з її формальним абсолютизмом принципу народовладдя... Інстинкти і навички абсолютизму перейшли в демократію, вони панують у всіх найдемократичніших революціях» [4].

Ось гіркий плід, що несе Захід нам в оболонці цукерки. Атом Ворожнечі, самозакоханий індивід, учить він, є взірцем для нас. Ні, мудрі західні друзі, Людина не є цим лайном[52]! Поза брудом, у давній своїй чистоті вона є світлий ***атом Любові***, живий тим, що Суть його є ***Атом атомів, Світ***[53]! Ним бачив Людину великий Платон. Ним, слідом за всіма, хто шанує Творця і Закон, його бачити треба і нам.

Чим тоді є нам Захід? Не вчитель він — ***вістка про Схід***, що веде до нього як неправда — до Істини (весть — вестú (рос.)). Схід — **Ost**, Шило г**ост**ре, яке не сховати в мішку, Захід — **West**'ь про нього. Так хвороба у мудрих очах є вказівка здоров'я.

«Зло придушуй в зародку. Якщо випущений час і укріпилася хвороба, що тут поробить лікар?», — казав Овідій. Знаючи це, в час важливого вибору, що стоїть перед нами, громадянами нової України, нам не треба заздритися на загальновизнані чужі зразки: загальне, чуже — зло, якщо не пройшло іспит серцем. Маючи власну голову на плечах и власне серце у грудях, нам треба міцно пам'ятати: не демократію, по-європейськи чи якось по-іншому, будуємо ми, а ***Україну*** — вільну, сильну, ***свою***. І навчати її громадян ми повинні в її неповторному світлому дусі.

Мічуринськ — Київ
квітень 2006 — квітень 2010 року

Коментарі

[1] Саме це мав на увазі Геракліт у своїм вислові: «Один для мене — десять тисяч, якщо він — найкращий». Число Десять Тисяч, як «тьма» Слов'ян і «**мір**іада» Еллінів, за давнім знанням є сутніснім виразом незліченно великої множини (тому Архімед розглядає його як опорне в труді з красномовною назвою «Зличення піску»; розмір атми, душі, згідно з Ведами, є десятитисячною частиною перетину людського волосу, що є не звичайною для нас цифрою кількості, а **числом прірви**, яка поділяє чисту Якість, Дух, і чисту кількість, матерію, — мостом, пізнати який означає пізнати і ті береги, які з'єднує він. Казав Шанкара: «Учень [той, хто бажає здобути Знання і крокує Шляхом його — *Авт*.] повинен мати непохитне прагнення осягнути розбіжність між матерією і духом»). Тлінний, феноменальний світ «тьми речей», тобто їхньої нескінченно великої кількості, згідно з китайською традицією є тому «світом Десяти Тисяч Речей». Звідси слова Геракліта треба розуміти єдиним чином: зовнішнє (об'єктивне) існує лише тому, що спирається, як на свій Витік, на Глиб: Бога як Одне, Нумен, що сяє в усьому як Суть в оболонці своїй.

[2] Цим голосом є і мораль як така (ціле Боже; моралі часткові, бажаючи місця її — Сатани поклик), і совість наша. Але мораль є Бог, Одне; совість — Два: Божий суддя, меч Його. Непричетна до тлінного, Двох, мораль є куля Бога всередині нас; з тлінним сплетена як Два з Двома (Двійка Божа — з безбожною, ком. 38), совість є голка, що жалить стражданням порушників волі Його.

[3] Корінь «бол» у цій назві є вказівником Сатани — вавілонського Бела (Ваала); «о» і «а», що чергуються тут, є за суттю єдиною буквою (**А**льфа — **О**-мега, Перше — є й Останнім). Саме від цього кореня походить російське «боль» і українське «боліти»: бо Бог — Радість сущих, а Сатана — їхня біль і **печ**аль (тобто те, що **печ**е, як вогонь, їхню душу). «Бол», Тьма, є частиною слова «о**бол**» — так звалася дрібна монета в Елладі, яку клали у ріт покійному як платню **Хар**ону за перевезення у царство Тьми (про сутність кореня «хар»/«хор» див. ком. 38).

[4] Вміння у їхній окремості — якість людини як чистого «я» без його поєднання зі Світом і Богом (тобто життя її за законом протиріччя, а не за законом тотожності й розбіжності — див. далі). Тварина, як невіддільне від Них, є лише **автоматом** Природи за його визначенням Аристотелем: всі дії, які вона здійснює, всі прояви її єства — це активність самої Природи, яка самовладно творить через неї. Про бобра, що будує свою загату, не можна казати, що він вміє її будувати: не він будівельник її, а Природа, Світ. Інше — людина. Несучи свій дух, як окрему іскру, в собі самій, вона і залишена Світом на саму себе. Волею Бога вона відторгнена від Нього і Світу, в чому і полягає **тягар людської свободи**: бо у відторгненні від Світу людина придавлена ним як каменем нестерпної ваги (адже справді він є **Кам**інь каменів, **Божа Любов**, бог якої в Індійців є **Кам**а, а звернення до нього шамана з проханням про допомогу — **кам**лання: воістину, як **лікування Любов'ю**, бо найкращий лікар — вона; і Камінь цей у відторгненні від людини є антиподом Любові — він Ненависть, подих Диявола), — тоді як воістину їй, навпаки, слід спиратися на нього. Зняти цей тягар зі своїх плечей і перетворити його на Опору їй можна єдиним чином — усвідомивши свою невіддільність від Світу і ставши на шлях добровільного Служіння йому як Свободі: бо той, хто слугує Свободі — є Нею і сам. Тут криється сутність людських вмінь. Вміла, і *лише вміла*, людина (Homo faber), є та, для якої Свобода є тільки тягар — бо, як частка без Цілого (у незнанні його), вона не усвідомлює її як свою чисту Суть, **як Себе**. Та людина, яка усвідомила це — є людина Знання. Мудрою ж (як Homo sapiens — «людина розумна»: бо розум без Мудрості — мертвий) як такою, що перевершила і Знання, є людина, яка свідомо вступила на шлях вільного Служіння Світові й пішла ним. Сенс людського життя і є цим усвідомленням Шляху й становленням на нього.

[5] У тексті статті слово «Світ» за змістом перевищує поняття «Космос». Ось їхній зв'язок: Світ є творіння Боже як Пара Творця — єдність Буття, або Космосу (Всесвіту як того, що відкрито очам сущих), та Небуття, або Нірвани (того, що приховано від цих очей); і остання панує над Буттям, як Пітьма над палаючим і згасаючим у ній Логосом у вченні Геракліта. Світ — Божий Вогонь; Небуття як одна сторона його є Вогонь Чорний, Ніч Світу, Буття же як друга — є Білий Вогонь, День його. Бог є Той, хто є Третім між Двох цих: Клей Світу, що з'єднує їх у світове Одне і без якого нема його. Третій між Двох, Бог є **сущого Міра** як Благо, незгідне з яким — є Зло («Зло завжди надмірно», — казав Моріс Бланшо про це у відгук дельфійському «нічого понад мірою», — тобто ніщо поза Богом: все поза Ним — Зло). Як Творець Вогню-Світу, Бог є його Факельник, що запалив його; але оскільки початком вогню є вогонь, то **Вогнем, як Любов'ю, є обидва: Світ є Вогонь для очей наших, Бог — є Вогонь для Себе**. Невід'ємний від Бога, як пара Буття-Небуття і Бог, Клей поміж ними, Світ є число Три **(**що являє само слово «Мир» (рос.) — М у ньому є буква жіноча як Тьма-Небуття, Р є буквою чоловічою як Буття-Світло, а «и» поміж ними — сполучник як Клей Світу, Бог**)**. **Як цар Світу, Бог є царем Світла (Буття) і Тьми (Небуття), синтез**

яких є Світ; Сатана як володар тьми тлінного, тьми-у-бутті, яка менше за Тьму-Вічність як Два за Нуль, — є, як такий, Князем тьми.

Як Буття-Небуття, День-і-Ніч, Світ — будівля о двох поверхах, і той поверх, де живемо ми, Буття-День, є нижчим за Ніч-Небуття як Дно Світу: ми, сущи, живемо **на Дні**. **Днем як Дном** був Еллінам бог Зевс, архетип Сатани, Князя Дна (*слово «**бел**ый» (рос.) як колір Дня йде від **Бел**а, Диявола: Диявол — День, Ум*). Світ для Греків був **Богом очей**, **Макрокосмом**; душа наша як Світ-у-тілі, тобто Ціле в своїй частині, — як друге за Світом, за Греками є **мікрокосмом**: бо «мікрос» для них є не «малий» за розміром (Вічність, Світ — є Нескінченність, співвідноситися з якою не можна через кінцеве), а «другий за Великим» як молодший за старшим, «окремий від Великого і невід'ємний від нього», згідно з законом єдності тотожності та розбіжності (див. далі); і за Платоном, душа як окреме («сама по собі», казав він) — є людина як ціле: душа-тіло, Серце-і-Ум.

6 Тобто облатку до Суті, ілюзію до Реальності. Про це казав Піфагор: «Ніколи не давай повної волі своїй уяві: вона породить чудовиськ».

7 У вічних очах Одиниці, підвладних закону тотожності та розбіжності, Любов'ю є і Бог, і Світ, — тобто вони **єдині в Любові, Вогні: бо Вогонь — вона**; в тлінних очах Двох, де цар є закон протиріччя і тому Любов є відмінне від Бога, — Бог є Бог, а Світ є Любов, Сила Божа, кристалом якої є він. Розуміння Любові як окремого від Творця, спричинене Аристотелем і законом його, спочатку веде людей до забуття її Суті, якою є Він, а потім — до смерті Любові в серцях (тобто *їхньої смерті* для неї: Любов — є Безсмертя): бо наслідок без причини — мертвий.

8 Погляд, подібний до цього, мав стовп світового масонства, батько сатанинського виховання Дж. Локк, який бачив у дитині, початку земного людського Шляху, ущербну (недорозвинену) дорослу людину — частину як цілого корінь і суть.

9 Перший крок від Суті, як водночас крок і *від* неї і *до* неї, є оборотним: він і роз'єднує і поєднує, і віддаляє і повертає. Другий крок, відокремлений від Суті кроком першим, лише роз'єднує: це — крок у дурну нескінченність, не-Суть як ніщо.

10 У сакральному сенсі «ніс» — «те, що несе [суще, все]»: Небуття, Жінка-Тьма як **нос**ій та основа Буття, до якого причетні ми, Корінь його як воістину Все. Всім і уявив себе Ніс: Цілим — мала частина, перетворивши себе на ніщо, **Низ** Усього (як пекло, він також є Тьма: Два, Нуля лик як Єдності — Розкіл). Ніс як Небуття є «несносный» (рос.): бо не його несуть, а він — усіх. Ці риси Небуття як Жіночої Суті з вражаючою достовірністю відобразив Валентин Пікуль у характері воістину великої жінки, Катерини Другої (Два — Тьма). В романі його «Фаворит» есть чудовий за силою прозріння діалог маркіза де Верака та імператриці, в якому на захват її геніальністю — сказано нею так: «Управляться с делами мне помогает мой несносный женский характер. Мы, женщины, от природы наделены умом более практичным, нежели вы, мужчины. Как мать обширного семейства, я озабочена только своим маленьким (!) хозяйством. И пусть это не кухня, а флот, пусть не кладовки, а финансы, — я всюду сую свой длиннющий нос, дабы ничто не испортилось и не залежалось» (цитується мовою оригіналу).

Ніс як персонаж повісті Гоголя виник з глибокої причини: бо сама ця людина мала великий ніс як **мітку Тьми**, від якої і йшла його мудрість як **знання Її**, що знайшло свій вражаючий за міццю вираз у творах цього письменника, самé прізвище якого **Го**|**гол**|ь як сут**ніс**но Голова, Бог-і-Світ, Корінь усього — вказує, що він був той, хто знав добре, чим істинно є довгий Ніс.

11 Це істинно так: бо професія є покрив суті, облатка її. Суть людини же — Дух, Надформальне; і тому Людяність як форма, покрив Його — перша професія наша: **професія Бога, що, іскрою Божою ставши, покинув Себе** (слово «**іс**|**кр**|а» за змістом і є «те, що **кр**иє свій витік (**ис**ток — рос.))».

12 Оскільки Господь є Началом людини, людяність її, тобто покірність її Собі, є її покірністю Богу, голосом якого в людському серці є Мораль. Корінь «мор» у цім слові є коренем Тьми, Сили Бога, присутнім між іншим у словах «море» (Тьма є Водою); mors — смерть, небуття; moria — Дурість (Глупость — рос.), яку любив Роттердамець Еразм, бо у вічних очах вона Мудрість, Бог (**Дур**га і є ім'ям Матері-Тьми, що в Індійців є також і Калі, і Деві) .

13 Прямим виразом цього поняття є слово «macabre», що вперше з'явилося в літературній французькій мові в 1376 році, і згідний з ним сюжет «Танок смерті» («La danse macabre»), центральний у картинах Ієроніма Босха, який наводить містичний жах фактом танка не мерця й не Смерті, а **мертвого людського «я», що радіє від того, що воно — мертве**; анти-его, нерозривно пов'язаного з живою людиною так само, як пов'язаний з Богом Сатана. Саме блискавичне і тотальне поширення в масовій європейській свідомості цього поняття і цього образа, нероздільного з ним, напередодні епохи Відродження — є строгим передчуттям пришестя Сатани, який і схопив людство у цю епоху, створивши, як Захід, свій чорний престол (див. подальший текст і, зокрема, ком. 36).

[14] Тобто наслідування Його заради себе як Другого за Ним, яким є Сатана, ім'я якого у перекладі з санскриту і означає «невіддільний від Істини» (сат), якою є Бог. Див. також наступну виноску.

[15] **Санскрит** (за Блаватською — «мова богів») — мова, друга за скіфською, першою на Землі. На відміну від неї, у пам'яті людства живе як одна з його прадавніх мов.

[16] Наслідування Бога, як Блага, є єдине наслідування, що личить смертним. «Потрібно або бути добрим або наслідувати добре», — сказав Демокрит. «Завдання мистецтва не в тім, щоб копіювати природу, а в тім, щоб її виражати», — сказав Бальзак. «Мистецтво покликане слугувати не мрії, а життю», — каже про те ж Ромен Роллан. Наслідування, не осінене Богом, є наслідуванням не-Бога, тобто Сатани як Другого за Ним — Тіні Божого Сонця.

[17] **У тлінних очах тьма — прозорість**. Підтвердження цього дає нам Гомерова «Іліада», в якій Аполон врятовує Гектора від Ахілла, окутавши хмарою тьми, тобто *зробивши його прозорим* (магічна хитрість, до якої звертаються й інші боги). **Прозорий — той, кого наче немає** (бо «бути — є бути у сприйнятті» — «esse — percipi»); саме такою є Тьма-Небуття, яка в наших, причетних до Світла-Буття очах є Відсутнє. Прозорість Диявола як Тьми прямо являє себе у діяльності керованого ним світового масонства, вищим *проявом* дієвості якого є повна його *непомітність* для ока сторонніх споглядачів. Інакше кажучи, **відсутність зовнішніх проявів діяльності цієї організації як тих плодів, які здатні ми прямо пов'язувати з цією діяльністю, є доказом не її відсутності, а, навпаки, її безумовного існування і бездоганного вирішення нею своїх завдань в ім'я Сатани**. Вражаючим за своїм розмахом прикладом цієї бездоганності є таємниця існування гуманоїдів і НЛО — активне приховування свідчень цього існування та повна відсутність у світі його офіційних підтверджень урядами Землі, що обумовлена пильно скоординованою в світовому масштабі роботою масонства, спрямованою на те, щоб не лише людина відчувала себе самотнім атомом (особистість — індивідом), а й усе людство як ціле бачило себе ним, не бачачи у Світі інших, подібних до себе антропних істот і Народу Антропного, цілого всіх сущих людств.

Пильний погляд, що відає Тьму, бачить справи масонства повсюди. Першими, хто попадає в його коло, є сильні світу цього, суть стовпи, підкорити які — є здійснити задачу масонства: повергнути світ цей до ніг Сатани. Нема сумніву, впливу масонських ідей зазнав Сталін: адже його славнозвісний тезис про наростання класової боротьби з наближенням до комунізму є тезис масонів, метою роботи яких і є **комунізм як ад**: царство облаток речей як той пил, на який обернула їх тьма, боротьба.

Свобода у вищому сенсі є злагода з Богом і Світом; у людському соціумі вона є злагода людини з людьми.

Яскравим зразком сатанинського виховання як системи-маски є педагогічна концепція італійки Марії Монтессорі (M. Montessori, 1870-1952), згідно з якою дитина, що виховується, повинна рости в умовах усвідомлення нею повної волі, виворотом якої є тотальний таємний контроль вихователя (що виступає тут персоніфікацією державної машини), який, використовуючи цю таємність, формує людину як треба не їй, а йому. Цей метод, **насильство під маскою волі**, є суттю фашистської ідеології. Ось чому людський продукт, який постачався навчальними закладами Монтессорі, привабив фашистських патронів освіти. «Особливість методу Монтессорі, — писав Пьєтро Феделе, міністр освіти в уряді Муссоліні, в листі до дуче, — полягає в тому, що він становить собі на службу діяльність, властиву всім дітям, у якій бажала б вправлятися кожна дитина. Тим самим формується школа, де немає місця упертюхам, мрійникам, ледарям, порушникам дисципліни і нехлюям. Навпроти, це майстерня для активних дітей, що знаходять у своїй діяльності дисципліну і радість праці. Тим самим вони формують власну особистість, яка досягає вищої цінності, і служать справі соціального співжиття, продуктивності, справі усвідомлення величі й сили нашого народу... Чого ж іншого може хотіти від них фашизм?». Думку цю вкрай відверто підтверджує сама Монтессорі, яка, представляючи Муссоліні свою педагогічну систему, писала йому в своєму підлесливому листі: «Це метод, що відповідає тим принципам і тому глибокому навчанню, що Ви, Ваше Превосходительство, висунули і підсилили з метою зміцнити наш народ і додати величі нашій вічній Батьківщині».

[19] Саме слово «**кат**е**гор**ія», яке за законом наступності, що пов'язує давньогрецьку і давньоєгипетську мови, походить від давньоєгипетських слів «хат» — дім (див. ком. 38) та «гор» — сонце, світло, — являє собою це: у перекладі воно є «вмістище Духа», **могила його** в сатанинському сенсі, властивому Аристотелю, який несвідомо приховував духовне Світло (згідним з цим сенсом є слово «кат» (рос. палач) в українській: ним є Сатана, згубник душ). Додамо тут, що саме «могилою Духа» в сакральній традиції зветься грубоматеріальний світ Землі (як те, що відкрито для тлінних очей) та людське тіло у їхньому окремому від Духа, Вогню, розумінні, — тоді як у єдності з Ним тіло наше за Біблією, є Його «храмом», тобто благословенним божественним вмістищем, яке не приховує, а являє Його.

[20] Поняття користі, **prag|ma** (грец. справа, дія) — східне, в Античності було духовним, **діючим**, маючи на меті Творця, до якого людина **праг**нула, що б ні робила вона. Користь у західнім розумінні є суто матеріальною, тобто **неробством в духовних очах**: це є користь черева, яке набиває травою корова на плоскому лузі, не прагнучи **Вúс**і як **Вік**і своєї в уяві, що в неї є все.

[21] Сакральним зображенням цього закону і є традиційне зображення серця ♥, де Двійка, пануючи як цар вгорі (так панує Розкіл в цьому світі), єднається знизу у Корінь його, Одиницю — вістря, яке вказує Бога очам.

Бачити Двійку очами цього закону — є у парі «причина — наслідок» бачити сонце Причини в обох половинах, боках її, які вміщують одна одну і одна в одну перетікають (учив Геракліт, муж Закону як Серця). Так є нероздільними і взаємно породжують одне одного Сатана й егоїстичний ум. З цієї причини, хоч у парі «Любов (Свобода) — Ворожнеча (Необхідність)» (суть і облатка, нумен і феномен) колір Любові, Нуля є зеленим, а колір Необхідності, Двійки червоним (рікуть про що мудрі), — коханим даруємо ми саме червоні квіти, червоним як зовнішнім, Необхідністю вказуючи на зелене, Любов-Суть. Червоний — є колір її: хто насправді кохає, той здатний пролити за милого кров. Тому й Атланти за кольором шкіри були червоною расою: зовнішній колір, червоний як пару являє зелену Суть їхню, Любов-Тьму.

Пізнати нам Двійку, повторюю, можна лише через Одне, тобто очами Його; поза ними — вона є **порочним колом**. У ньому, створюючи одне одного й існуючи одне заради одного, західна свідомість і Сатана є такою ж єдиною в собі парою, якою, наприклад, є церква Реформації, з одного боку, та єретики і відьми — з іншого. У визнанні за найвищу Реальність не Бога-Єдиного, а Двійки-Сатани, який, як чистий Розкіл, втілився у Реформації, нам не залишається нічого іншого як визнати: гоніння на єретиків, які зі справді сатанинською пристрастю вела ця церква, були необхідними як засіб зняття соціальної загрози: бо єретики були нею, і остільки церкві насправді було кого гнати і спалювати. Ніцше пише про це: «Єретики і відьми суть два сорти злих людей: що в них є спільного, так це те, що й самі вони почувають себе злими, але при цьому їх нездоланно тягне до того, щоб зірвати свою злість на всьому загальновизнаному (чи то люди чи то думки). Реформація — свого роду *подвоєння середньовічного духу* до часу, коли він утратив уже чисту совість, — породжувала їх у величезній кількості» (курсив наш). Не церкву в окремості або в окремості єретиків і відьм треба було б відмінити для зняття проблеми гонінь, — а саму Реформацію, корінь обох: Два як Ціле, Одне. Воно є Сатана. Церква Інквізиції, церква Реформації, як плід кола порочного «гріх – покарання», в якому (писав Достоєвський, знавець Тьми) породжує кара гріх, а гріх її, — є спотворенням сутності Церкви як Божого тіла, яке є не Двійка — Одне святе, не Ворожнеча — Любов.

[22] Конфлікт Розуму Серця і Розуму Розуму є суттю романа Михайла Булгакова «Мастер і Маргарита», в якому Воланд як відданий Господу Сатана, Розум Серця, прийшов у Москву («третій Рим» — місце Сили, Тьми, куди ввійшла вона з другого Риму для величних справ) дати битву безбожному сатані — Уму умному, тьмі. Умом Серця — як слугою **Ма**тері, Жінки — за суттю є також і **Ма**стер, і **Ма**ргарита; **Пі|ла|т** же, Піли син (Піла — Небуття, Жінка-Тьма, яка й пилить Буття, і будує; «пила» — йде від «пити»: Вода — Тьма), є тим, в кого Серце, підпавши під Ум (**лат**и Серця, покрив; отак мова **лат**инська, Пілатова мова, є латами Істини, Тьми), проти нього повстало, пробуджене Богом (Ісусом) як Серцем, **впізнавши Себе**.

[23] Щоб зло було злом, а добро добром, кожному слід посідати своє місце: зло, Диявол, повинне бути облаткою, Добро, Бог — Глибом, яким і є Бог. Казав Хун Цзичен: «У злі страшна таємність. У добрі страшне прагнення бути на очах. Тому шкода, заподіяна видимим злом, поверхнева, а заподіяна злом схованим — глибока. Коли добро очевидне, користь від нього мала, а коли воно сховане — велика».

[24] «Істину корисно бачити нагу. Лжа хай вкриває себе одежею», — казав про це Піфагор.

[25] Сатану у жіночому, згідному з темною суттю його обличчі являє зображення його як Бафомета, належне руці Еліфаса Леві. Сатана як ніщо, пустота в очах, або прозоре їм, з'являється перед нами у своїй здатності бути різним у різних очах, тобто **за суттю — ніяким**. В цьому сенсі той факт, що серед багатьох звинувачуваних, які проходили за справою Тамплієрів, не було і двох схожих один з одним описів Сатани-Бафомета, є не спростуванням його існування, як вважали судді, а, навпаки, достовірним підтвердженням. Саме таке підтвердження, здійснене художніми засобами, являє в романі Булгакова «Майстер і Маргарита» вражаюча розбіжність описів Воланда різними свідками. В гл. I читаємо: «Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй — что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было».

[26] Від санскритського (далі — еллінського і семітського) слова «сома» («сама») — тіло, плоть як окреме від Духа і єдине з Ним (згідно з законом тотожності й розбіжності — законом Серця), і «ель» («аль») — Бог і Любов у Семітів (таким є воно в словах «**Ал**лах», «**Ел**лада», «**аль**ков»). Сомою називався в Індійців напій, що єднав з Духом плоть нашу (йому присвячена Сама-веда); Сома — було ім'я бога Місяця і тілесного, тлінного кола, першого від Землі, яким керував він (коло вітілень це — коло порочне — відомо також як Сансара). Слово це, яке в давньому світі було ликом єдності тіла і Духа, з фантомною перемогою закону протиріччя над законом тотожності й розбіжності — Ума над Серцем, Ares'тотеля над Платоном — обернулося на свою протилежність як знак відокремленості тіла, наслідку, від Духа, Причини. Таким є воно в словах «сум», «су́ма» (як лише купа окремих частин — шматків Єдності, мертвих уламків), «сума́» (доля зла) й «самота».

[27] Уявлення Т. Гоббса та Дж. Локка про людину як цей атом доповнюють та підсилюють одна одну: якщо Гоббс бачив дію його у суспільному житті людей (внаслідок чого держава, позбавлена у собі органічного життя, є не більш як гігантською, зібраною з багатьох індивідів механічною людиною), Локк розглядав його як фундамент самої людської природи, на чому грунтована його теорія громадського договору, який уклали колись люди, для запобігання взаємного знищення створивши інститут держави. В сутніснім сенсі, тим самим, погляди Гоббса на сутність людини є закономірним плодом розвитку поглядів Локка.

[28] Жах наслідків цієї чорної роботи бачимо ми в тім, що саме через призму цього принципу Аристотель витлумачив для людства праці більшості мудрих мужів давнини, думки Серця розсікши кинджалом Ума.

[29] Істинна єдність духовно єдиної спільноти людей, Моноліт (ним є за суттю народ у первісному, давньому сенсі), сутнісно відповідає метафізичному Нулю як **єдність торканням** (так з'єднуються атоми за вченням Левкіппа-Демокрита), суттю якого є даний нам Богом **закон єдності тотожності й розбіжності**; фантомна же єдність натовпу відповідає Двійці, Ворожнечі як **єдність без торкання**, згідна з **законом протиріччя**, суттю якого є Сатана (про два ці закони див. далі). Нуль і Двійка — дві Тьми, суть яких — Тьма одна, Нуль-без-Двох. Єдині чи ні для очей, світові складові — завжди в єдності: бо Єдиним є Світ, Ціле, цар їх усіх. Усе в ньому — єдино ним; він же єдиний Творцем, який є його Клеєм і Суттю як чисте Одне.

[30] Сатанинська сутність Руссо, зоряною годиною якого стала Велика Французька революція — шабаш Диявола, а богом — Вища Істота, Сатана-Бафомет, культ якого був стрижнем цього шабашу, — ясно бачиться в згідності самої натури Руссо з Аристотелевим законом протиріччя з його антитезою «або — або»; згідності, що породила суперечливе ставлення до цієї людини збоку як сучасників, так і представників наступних поколінь. «Чи не сховане джерело цих протиріч у самому Руссо? — пише про це Анрі Валлон. — Його обвинувачували в незв'язності; сам же він визнавав свій стиль парадоксальним. Незв'язність протистоїть власній думці автора, а все парадоксальне протистоїть думкам загальновизнаним. Але це розходження не завжди визначене досить чітко; у випадку Руссо вона досить туманна — ему доводилося висловлювати одне за одним (або навіть водночас) два суперечних одне одному судження. *Руссо володіє даром — **або манією** — антитези. Він належить до тих умів, які нічого не можуть уявити собі або осягти, не звернувшись до протилежної ідеї або образу; до умів, що мислять контрастами. Найчастіше такі уми визначають свою точку зору від протилежного — не звертаючись до її аналізу*. Звідси іноді — відсутність точної відповідності між значеннями, що надаються одному й тому ж терміну в тих випадках, коли термін цей співвідноситься з тією чи іншою своєю протилежністю або коли одна з його протилежностей сама міняє свій сенс. У Руссо, таким чином, зустрічаються пари термінів, кожний з яких може здатися двозначним, *тому що він відірваний від свого антоніма. **Звідси — нерідко відчувана коментаторами трудність твердо й одноманітно визначити такі слова, що часто зустрічаються в Руссо, як Природа і Свобода***» (виділення наше). Манія, про яку каже Валлон, і є тим, чим є це слово в перекладі — **одержимістю чужою рукою: рукою Сатани** (бо Рука Бога — наша рука), яка міцно тримала Руссо.

[31] Перше — знак: вказівка на Таємницю (феномен — на нумен). Війна як перший споживач конвеєра є знаком того, що його сутність є ворожнеча і смерть.

[32] Це падіння Людини і людства блискуче передає Гавриїл Державін рядками:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Чуття магії цих мудрих рядків ще посилюється від знання того факту, що слова ці, останні в своєму житті, поет написав крейдою на грифельній дошці перед самою своєю смертю. Ріка, про яку писав він, узяла і його.

33 Два погляди на історію мають віддавна люди, і обидва належать мужам Еллади, від яких іде історична наука. Першим є погляд Фукідіда: це погляд на ріку історії очами того, кого вона несе — погляд підвладного їй. Другим є погляд Геродота, що оглядає цю ріку, як ціле, зверху: це погляд володаря ріки як істоти, що їй непідвладна. Перший погляд є тлінним, *тобто часовим*: тлінне те, що підвладне часу; другий — погляд безсмертний, *тобто просторовий*: бо Простір є тим, що творить час і ним володіє як плоттю Дух. Обидва ці погляди, феноменальний і нуменальний, рівноправні, бо підлеглість і панування, матерія і Дух є двома сторонами єдиного ієрархічного світоустрою. За словником К.Кастанеди, перший погляд є дивленням (смотрением — рос.), другий же — *баченням*. З позиції взаємоперетворення цих *полюсів Очей Світу*, дивлення є позбавленим духовного об'єму *баченням*, суттю якого і є Об'єм, Дух. *Бачення бачить* всесвітній Зв'язок подій, дивлення — лише їхню дискурсію, тобто лінійну послідовність без *бачення* Зв'язку, що поєднує ланки цього ланцюгу (в чому є сутність логіки за Аристотелем, який дивився на Світ — і не *бачив* його). Маг, «той, хто *бачить*», за власним наміром (єдиним з Наміром — Духом, Творцем) користується з рівним успіхом і дивленням, і *баченням*, *бачачи* й оболонку, і Суть разом з нею (згідно з законом єдності тотожності й розбіжності), — у той час як звичайна людина спонукана лише дивитися (згідно з законом протиріччя). Саме поглядом мага, єдинорозбіжним (серцевим), в історію дивлюся я в цій статті.

34 Саме Кратил є засновником релятивізму в чистім сенсі цього поняття. Уявлення сучасної, атеїстичної за суттю філософії, згідно з яким Кратил лише загострив (уточнив) формулу Геракліта «Усе тече», тобто змінив її лише кількісно, виявивши більш рельєфно її суть, — є наслідком спотворення вчення цього філософа Аристотелем і духом науки його, які згідно з законом протиріччя залишили від нього лише **половину: наслідок — без Причини**. Істинною, первісною формулою Геракліта є: «Усе тече, бо є Витік його, Бог», — тоді як Кратил сказав: «Усе тече, бо тече», — тобто є лише Ріка, Світ, а Витоку його — нема. Історія зберегла нам багато прямих свідчень того, що «темне» вчення Геракліта, суттю якого є Чорний Вогонь, Небуття, — було наглухо закрито для Стагіріта, який був не знавцем Тьми, а її в'язнем, а тому й не мав права торкатися і трактувати його для нащадків.

Притім, що у вченні своєму Кратил був неправий, нам слід вшанувати його за те, що неправдой своєю він дав їжу Істині у Платоні як вчитель його: бо, за свідченням Аристотеля (*мужа феноменів, фактів, яким у педанта цього можна і* ***потрібно*** *вірити так само, як заслуговує на довіру феноменальна історія Фукідіда, з яким співвідноситься він; тоді як у світі нуменів, на який зазіхав він, він був руйнівник, — на відміну від його охоронця Платона, відповідного нуменальному історику Геродоту, який відав* ***душу історії***), Платон навчався у нього. Справа в тім, що Ріка без Витоку, про яку вчив Кратил — є Тьма в чистому, самодовліючому розумінні. Її дав Платону Кратил, принцип Серця без Господа, Міри: бо Серце — є Тьма; Міру ж як Себе — дав у особі Сократа Платону сам Бог, що послав йому мужа цього, на колінах якого змужнів лебідь Світу, Платон. Таким чином, **Кратил (і Диявол, що стоїть за ним) і Сократ (і Бог, Суть його) є складовими Платонова генія, він же є синтез їх, як є синтезом Світла і Тьми Світ, чий бог Аполон (Гор), чий лебідь (обранець) — Платон, геній Сонця як Світу в еллінських очах**.

35 Кров є духоносний субстрат, **кром**ка (рос.) між Життям, яким є Дух, і смертю, якою є тіло само по собі; як по**крив** (крив — **крив**авий; **крив**дити — є приховувати правду, «с**крыв**ать» її), вона криє плоть як прошарок єднання її з Життям. Порівн.: рос. кров, кровля. Числом крові, як кромки, є Двійка, число Необхідності, колір якої, як Ворожнечі (бо два цих поняття тотожні), і є червоним (рос. **кр**асным), як кров (за Емпедоклом); про Ворожнечу як суть крові пише в «Тімеї» Платон. Згідним з числом Два є Кант, що стояв на межі Цього з Тим (Необхідності зі Свободою), але не зміг поєднати їх: Дух, як Свобода, в очах його є річ-у-собі; звідси, волею Господа, сама фамілія Кант, тобто Кромка. Ад, за Біблією, є «тьмою **кром**ешною» як нижня кромка Землі, підтелесний світ. В Давній Греції бог Аполон (якому відповідає єгипетський бог Гор, або Ор — див. ком. 38) мав прізвисько «Локсій» — «кривий» за криві, тобто двозначні, оракули, які приховували, тобто покривали собою, божественну Істину як Прямизну.

36 У суті саме ця мета переслідується міжнародним масонством, спонукуваним ідеєю створення всесвітньої, не діленої у собі держави — престолу Сатани.

37 Давньоєгипетське прізвисько Амона, у перекладі — «сонце Духа», або «камінь Світла (Добра)»: бо Дух (єг. kou) є Світло сущих і Благо, а камінь (гр. ἑρμα) в Єгипті, цій країні обелісків, був символом Сонця.

[38] Як число Єгипту, країни живих і мертвих, Двійка від нього як кореня, який таємно від смертних існує й тепер (бо причинний світ є Дух, де часу нема і ніщо не минає — все **Є**), проростає як суть України і визначає все в ній. Свідченням цього є імена українських святинь: острів **Хор**тиця, край запорожців — від імені бога Гора (Хора, або Ора, колір якого, як Сонця, яким є він, є пом**ар**анчевий, або **ор**анжевый (рос.)); слово «хата» — за суттю єгипетське «хат», «дім» (частина імені єгипетської богині **Хат**|**ор** — «дім Гора»); ім'я світоча України **Тар**ас, корінь якого Тар у двократному повторі являє **Та́р**|**тар**, найглибша частина Землі, дно її у Еллінів, суттю якого є Двійка, Тьма. Як число Єгипту, країни живих і мертвих, Двійка від нього як кореня, який таємно від смертних існує й тепер (бо причинний світ є Дух, де часу нема і ніщо не минає — все **Є**), проростає як суть України і визначає все в ній. Свідченням цього є імена українських святинь: острів **Хор**|тиця, дім запорожців — від імені бога Гора (Хора, або Ора, колір якого, як Сонця, яким є він, є пом**ар**анчевий, або **ор**анжевый (рос.)); слово «хата» — за суттю єгипетське «хат», «дім» (частина імені єгипетської богині **Хат**|**ор** — «дім Гора»); ім'я світоча України **Тар**|ас, корінь якого Тар у двократному повторі являє **Та́р**|**тар**, найглибша частина Землі, дно її у Еллінів, суть якого є Двійка, Тьма. Прямим нуменальним свідченням відповідності України числу Два є і те, що з імен трьох князів-засновників Києва, розташованих за абеткою, другим, тобто *середнім як виразом Міри (якою є Третє між двох; Міра — Суть)* є ім'я **Хор**|ів; а також наявність у нинішній Україні сутнісної (і остільки — феноменальної) боротьби двох столиць, явної і таємної (Цього і Того) — Києва і **Хар**|кова: боротьба, в якій Київ є Захід, а Харків — Схід, дім Сонця, Гора (*підтвердженням чого є перші букви імен цих: сакрально Х — буква Причини (санскр. Харі), а К — і за суттю, і у накресленні — є напів-Х,* ***тінь її****: так Сатана є тінь Бога як Захід — тінь Сходу. Причинна, Х — буква* ***пуста*** *як Тьма, К є проявником її у мові: такою є пара ця у слові* ***Kh****arkiv*); «Хар», корінь останнього з імен, тотожний кореню «Хор» (бо «а» є «о» як Альфа — О|мега). Це між іншим являють ім'я **Х**|**ар**-ем-ху — «Гор (сонце) на гор|изонті», яке мав Сфінкс у давніх (х)**ар**|абів, і слово «**хар**|изма» — палке сяйво Духа в людині, що тягне до неї людей і підкорює їх.

Число Два, неподільне в собі як подоба Господньої Одиниці, від якої воно йде, згідно з поглядом тлінних людських очей (суттю яких є Розкіл) розщеплюється у собі на дві Двійки: Двійку, що віддана Богу, і Двійку, що супротивна Йому як число Сатани. Двійці Божій відповідає Давній Єгипет, держава живих як воістину мертвих і мертвих як справжньо живих; країна, корона володаря якої, Пшент, у відповідності з найдавнішим природним поділом Єгипту на Верхній і Нижній була подвійною. Двійці сатанинській відповідає Америка, земний престол Князя тьми, фалічним символом якого до **11** вересня 2001 року були 2 вежі-близнюки Всесвітнього торговельного центру (і **USA**|**ма** бен Ладен, східний муж («ма» — склад Жінки як Сходу), який зруйнував їх, — Америці цим відсік фалос). **Сакральною суттю поточного стану України є те, що вона, також осінена Двійкою, перебуває у коливанні таємного вибору між двома вищевказаними іпостасями цього числа; і від того, яким буде він, і залежить подальший її шлях і доля в історії людства.**

[39] Звертання до цих великих прикладів сучасна цивілізація уникає на тій підставі, що, мовляв, світ змінився, а з ним змінилися й люди, що живуть у новому, сутнісно іншому середовищі. Проте ось істина: давня чи нинішня, Людина завжди залишається Людиною, і саме з неї, як понадісторичної Монади, подоби Творця, виростає будь-який історично-визначений суспільний устрій. Саме ця сутнісна незмінність Людини, як витік ріки у своєму відношенні до неї, є умовою всього різноманіття конкретно-історичних проявів її вічної суті. Звідси туманна апеляція наших соціологів до якихось «гігантських змін» у людині й світі є лише інспірованим силами Зла прагненням уникнути прямої і чесної відповіді на запитання, чому́ (а остільки — і як) саме змінилися історичні (конкретні) умови прояву вічного (абстрактного) людського єства? **що́** стало в світі настільки іншим, що люди в ньому більше не здатні утворювати міцних спільнот? Відповідь на це запитання одна: влада Бога, єдина для давніх, змінилася владою тіні Його, Сатани, який вніс ворожнечу в плоть людства.

[40] Так Диявол, яким є за суттю Зевс, вкрав Бога: День-Ум — Тьму-Мудрість, Десницю Творця. Законним відлунням цієї міфічної події в патріархальному міфі, який мовчить про Матір, є сюжет поглинання Зевсом Метіди, богині Мудрості, і наступне насильницьке явлення Жінки з його голови (тобто вмістища розуму) як могутньої Афіни, що свідчить про непереможність Чоловічим началом Жіночого, яке, як Причину свою, Муж сховати безсилий у надрах своїх, наче шило в мішку.

Жінка-Тьма, Божа Длань — Корінь сущого. Вважати ним Чоловіка — є бачити Витоком Світу не Бога, а тінь Його, Сатану. Саме цю жахливу помилку, формулою якої є «жінка — додаток чоловіка, підлеглий йому», зробив Жан-Жак Руссо базовим положенням свого педагогічного твору «Еміль, або Про виховання», збудувавши на ньому свою концепцію виховання людини (тоді як Песталоцці законно бачив центральною постаттю виховання матір. За іронією Небес, жінка, парна Емілю, в романі Руссо має ім'я Софі — Божа Мудрість, яку повернув Руссо вниз головою, поставивши над нею Розум). Так ті, хто бачить творцем Світу і Біблії Бога-Батька, бачать у Єві лише частину Адама, ребро його, не розуміючи,

що справжнє становище зворотне: частина ця, взята Батьком зсередини людини — суть Глиб: не частина, а Ціле, частиною якого є, як облатка, Адам. Ім'я Єва, що йде від санскритського «джива» — «життя», є підтвердженням цього: Життя — Ціле в нас, його малих частинах, це Все, без якого людина — ніщо.

41 Сам опис ойкумени як населеної частини суші, що включає всі заселені, освоєні або іншим способом залучені в орбіту життя суспільства території, вперше зустрічається в давньогрецького вченого Гекатея Мілетського (VI — V ст. до н.е.), який вважав центром ойкумени, як відомої грекам частини Землі, Елладу — як пуп усього сущого.

42 **Богом Грекам був Світ, Пара Бога: хто *бачить* її — *бачить* також Творця і шанує Його**. Як **Господь для очей**, Світ є **статуя Бога**, яку Він зліпив з Себе: адже крім Бога і Світу, нічого нема. В цьому чистому (світлому) пантеїзмі — начало ущербного (темного) пантеїзму людей і атеїзму (як сатанізму) за ним, які є щаблями відчуження Бога від Себе, а тому й від людей: «Бог є Бог» → «Бог є Світ (як не-Бог)» → «Бог є меншим за Світ (і є цар не над ним, а **у** ньому — як Другий за ним і слуга його)» → «Бог є ніщо», тобто Він — Сатана, який є Пустотою у тлінних очах.

43 Ренесанс (Реформація — у країнах Західної та Центральної Європи) є сатанинська межа і епоха відродження давньої Красоти як облатки без Суті, Творця. Бо, воістину, **Кр**асота є по**кр**ив Його, невіддільний від Нього як Друге за Ним; і в окремому розумінні вона тотожна Дияволу, який і є Другим за Богом. «Ликом чорний і прекрасний», — сказано про Князя тьми у св. Писанні. В цьому і полягає відмінність епохи Відродження від Античності, коли Красота була у явній єдності з Богом і Світом, і від Середньовіччя, коли ця єдність, позбавлена сонця Античності (яким, як Одним, і були Бог і Світ), перетворилася на таємницю, пішовши у небуття («esse — percipi» — «бути — є бути у сприйнятті» (лат.)) .

Сутність Реформації як страшної перемоги Розуму-Мужа над Жінкою-Серцем, покровом якої як Бога (Тьма-Жінка є Його Рука, тобто *Він сам — не інше*) є він, точно визначив психолог Е. Фромм, що пише: «Найбільш значний і тривалий вплив на розвиток у Європі й в усьому світі зробила все ж таки Реформація... Материнська любов церкви і Богородиці не простиралася більше на людину. Вона постала самотньою перед серйозним і суворим Богом, чиєї милості могла домогтися тільки завдяки абсолютній покірності».

44 Кромвель — магічна фамілія, яка віщає про свого носія: в ній корінь «кром» вказує на царську кров, яку пролив цей *м'ясник за професією*, а «вель» є корінь володара цієї людини Диявола, Бела (Ваала), який бачимо ми в імені **Вель**|**зев**|ул («Бел-Зів» — **Or**is (лат.), Ріт як Прірва). В історії людства ця прямо керована Князем людина створила жахливе: для виправдання супротивних Творцю людських діянь — усіх, які б вони ні були — створила вона поняття «свобода совісті», за суттю — **свобода від совісті: бо совість — Бог, бути вільним від кого — є бути мерцем: Бог — Життя, у служінні якому — свобода людська: Жити нам (а тому й бути вільними: Воля — Життя) — є Служити Йому.** Саме служіння Богу — як Істині, Благу, Любові — є суть поняття «особистість» — покрив, який слугує Суті як Вічності — тлінний цей світ.

«Свобода особистості» — як неналежність нікому, свобода є від Особистості, Слуги — свобода від себе; «свобода совісті» — свободою є від Творця, а тому і від себе: **бо Бо**г — Суть наша. Цього, муж Зла, не бажав знати Кромвель, який, думаючи лише про виправдання свого страшного в сакральному сенсі діяння — вбивства короля, — заявив у 1654 році в англійському парламенті, що «свобода особистості і свобода совісті — це дві великих вимоги, за які необхідно боротися, як і за всі інші свободи, дані нам Богом».

45 У сакральній традиції государ є сполучна ланка між народом і Небом, намісник Творця на землі.

46 Гра цих слів є магічною: народ є Сила, а Сила як Тьма — Жах (його втілював у собі Пан). Корінь в «деймос» и «демос» — єдиний: це Дей (або Дій — «той, хто діє», творець), як по-іншому звався еллінський Зевс, сонце сущих (звідси англ. day — день і «**дей**ствовать» (рос.)); пов'язаним з ним є, як Другий за ним, **Діо**|**ніс** («той, хто несе День, Дія» — як Ніч, Лоно Дня: Небуття, сином якого є Діоніс, є началом Буття. Саме так Елевзінські містерії — свята Діоніса — були стовпом Зевсової Греції, в якому черпала вона свою міць), сонце Тьми, *пан над Паном* (звідси «панувати» — є володіти через вселення страху, про що Макіавеллі й каже, що для государя, вибираючи одне з двох (за Аристотелем і законом його, що йдуть від Диявола), краще вселяти у підданих страх, ніж любов).

47 Крізь сторіччя ім'я це іде від імені «анх» — єгипетського хресту Любові-Нуля, який в Англії як тьмі від Тьми став хрестом Двійки як Ворожнечі й Страждання, на якому був розіпнутий Ісус. Хрест Любові, анх довгою планкою дивиться вгору, а хрест Ворожнечі — вниз, планкою цією вкопаний в землю **Гол**|**го**|фи, де спить **Гол**|ова голів людських — череп Адама, на якого й вказує вкопана планка як на корінь сущих і корінь страждань, нероздільних із тлінним життям (ім'я Голгофа тому й означає «череп»).

Голгофа є сакральним місцем, що єднає дві голови — Сина старого і Сина нового: гріх і святість, страждання й любов, — цим являючи владу Єдиного, Бога над тлінною Двійкою світу цього.

48 Бачачи її так, тлінним коренем техніки — за Прометеєм, міфічним її засновником, який спокусив людей, що мають у собі вогонь Бога, вогнем зовнішнім, Сатаною — слід вважати Аристотеля з його висловом «душа є ніби рука», тобто частина людини, а не вона вся, як законно вважав Платон. **Техніка і є тим, що робить душу частиною в егоїстично-чистому сенсі як царем (яким є вона над плоттю) без голови; і ним є вона сама як самозакоханий додаток до цієї відсутньої**. Свідченням цього є те, що в державній мові Російської імперії прикметник (прилагательное — рос.) «технічний» з'явилося вперше раніше, ніж відповідний іменник «техніка» (перше тлумачення — академічний словар 1847 року), засвідчуючи тим, що суттю техніки і є додатковість, «прилагательность», як облатка до Глибу, до тієї відсутньої суті-іменника, що є її головою, — що прямо підтверджується тим, що цей термін у його первинному трактуванні в «Новом словотолкователе» Яновського (1806) визначається як «художній, штучний», тобто такий, що, згідно з первинним сенсом давньогрецького «техне», «мистецтво», і не претендує на будь-яку над-людську природність (на яку нахабно зазіхнула техніка пізніше); і Татіщев у «Полном французско-российском словаре» (1816) визначає цей термін так само.

Сублімованим виразом техніки та її прогресу, який визначає з моменту свого виникнення весь загальноцивілізаційний прогрес, як безголового царя — є машинна сокира Французької революції, гільйотина, що відрубує людські голови, наче капусту. В сакральному сенсі довірити рубати голову, як най**голов**ніше в людині, не рукам людини (в чому єство страт), а мертвій машині — і означає визнати цю останню суттю без голови, притім — царської: бо першою священною головою, зрубаною цим огидним пристроєм, стала голова короля Людовика XVI-го. 25 березня 1857 року в Парижі Лев Толстой став свідком публічної страти з використанням цього адського пристрою. Він записав тоді в «Щоденнику» (текст даю мовою автора): «Вид смертной казни обличил мне шаткость моего суеверия прогресса. Когда я увидал, как голова отделилась от тела, и то, и другое врозь застучало в ящике, я понял — не умом, а всем существом, — что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка и что, если бы все люди в мире по каким бы то ни было теориям, с сотворения мира находили, что это нужно, — я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и что нужно, не то, что говорят и делают люди, и не прогресс, а я со своим сердцем».

Цар, позбавлений суті, якою і є голова його, машина — суть аморальна як те, що роз'єднує в світі людей (що слугують не Богу, а їй, а тому — Сатані, яким є все не-Боже). Надати Машині моральність як *людяність* — є обернути її на машину машин як царя з головою: міст той, що єднає світи.

49 Словами «Так батько Зевс править усім, і також він править Вакхом» Піндар протиставляє Діоніса всьому в колі Зевсової влади, демонструючи цим особливу увагу володаря Олімпу до нього, причина якої одна: страх Зевса перед **темним богом**, яким є Діоніс-Вакх (див. ком. 39). Так жахає Ум як Одиницю злу — Серце, Тьма-Нуль як Причина його.

50 Приклад блискучого використання театру як суті англійського світосприйняття являє шекспірівський Гамлет, який через театральне дійство, розігране в присутності матері та Клавдія, змусив їх, що *поплутали мимоволі театр та життя*, розкритись у своїй омані.

51 У той час як корінне населення Американського континенту виникло шляхом пришестя людей Атлантичної раси з гігантського острова, що поєднував сторони Землі, бувши Третім між Двох, **Міроюю**, що дала людство обом без відмінності, — нові мешканці приплили на цей континент, коли цей острів, початок Людей як Арійців, давно потонув: бо за суттю він був Нолем, Водою-Тьмою, и волею Господа мав стати нею не лише за суттю (як нумен), а й феноменально. Тим самим, прийшовши на нову твердінь не через життя (таку ж само твердінь, місце сущих, де вони живуть і продовжують рід свій), а через смерть (воду, де гинуть вони), племя нове і було **плем'ям мертвим** як Захід Заходу — рід Ворожнечі, утворений авантюристичними суб'єктами, єдиним законом яких було право сильного (Сила — є Тьма), а єдиним суттєвим наміром — відокремлення від Заходу як Європи (а не розподіл сфер панування всередині його, звичайний для «чистого» Заходу як лона цих відщепенців), тобто намір **стати ще західніше, ніж він**. Америка в сенсі **нової земли** як ріка від свого витоку тече від цих злих. Смерть як Двійку, Америки суть, бачимо ми між іншим у тім, що саме її ім'я **беззаконно** йде не від першої людини, яка відкрила її — Христофора Колумба, — а від Америго Веспуччі як другої, якій не можна її осіняти ім'ям своїм. Той, хто нарік ним Америку — є Сатана, беззаконня цар.

Прямим феноменальним свідченням нумена Америки як трону Сатани, зайнятого ним самим, є використання в Америці, і тільки у ній серед держав Землі, електричного стільця як знаряддя смертної страти. Стілець цей за суттю є **троном страждання-без-виходу, смерті**, яким і є трон Сатани з ним, сидячим на ньому, у парі. Рід того же підтвердження — дивний в очах розсудливої людини термін

тюремного ув'язнення більший за довічне, який, трапляється, призначає злочинцям американська феміда — знак вічної муки, яку несе людям ад і володар його.

[52] Під цим ім'ям розумію я слово «дерьмо», яке йде від латинського «дерма» — шкіра, тобто покрив, оболонка без суті. Ним і є Людина без Світу і Бога як Суті її.

[53] Яскраве уявлення про людину як атом Любові і про Світ як Суть його дає нам поетична творчість Піндара (біля 518 — 442 р. до н.е.), і між іншим — його епінікії, оди на честь переможців загальноелліньских спортивних змагань, лейтмотивом яких є палкий заклик до цих героїв Еллади дотримуватися правил, що дозволяють уберегтись від кощунства над богами і насильництва над людьми. В віршах цих бачимо ми щиру відданість поета Світові як атомічність Любові, що мав він: **людина є атом Любові настільки, наскільки єдина зі Світом, як Суттю своєю, вона: бо Світ — Божа Любов** (див. ком. 6).

Світ був чистою суттю Піндара. Про це свідчить нам прагнення його до злагоди в поєднанні з захопленням **хор**овим мистецтвом: бо **Світ є Злагода, Хор — Сонце сущих**, богом якого був сяючий Хор-Аполон (*Повноти (**полн**оты — рос.) бог, яка бере нас у **полон**: Світ, як Ціле всіх цілих, і є Повнотою, яка, як частини свої, полоняє нас*), — і звідси в російській мові слова «світ» и «злагода» є словом спільним — «мир». Про це ж свідчить і розташування Піндаром, наслідуючи Стеси**хор**а, своїх віршів по тріадах: бо Світ — Трійка (див. ком. 5); і те, що у відношенні до ритму і метрики кожна його ода являла собою відмінне від усіх інших ціле: бо в Світі-Цілому нема й двох тотожних частин. Сама звичка Піндара звеличувати свою творчість не є проявом звичайного для нашої враженої Ворожнечою епохи егоїзму: Суть Творчості — Світ, який був монументом Елліну (як є монументом він мудрецю, де б ні жив той). Його, вічний Світ, славив мудрий Піндар! Саме Світ, як Суть Творчості — бо він є Творіння Боже — має на увазі знамените Горацієво наслідування Піндара «Exegi monumentun aere perennius»; його, і не що інше, прозоро малює наслідування Горація, належне перу Гавриїла Державіна: «Я памятник воздвиг себе чудесный, вечный, // Металлов тверже он и выше пирамид...», — а за ним і безсмертне пушкінське «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…». Каже латинська мудрість: «Si monumentum requiris, circumspice» — «Якщо ти шукаєш монумент — поглянь навкруги». Само ім'я Піндар іде від санскритськлого «пінда», «насіння» — за суттю, **душа**, яку Розенкрейцери й називають «насінним атомом» (бо з насіння цього виростає, як плід, плоть людей) і яка є, як іскра Вогню, **сонцем у тілі — Світом-у-нас** як божественним Цілим у своїй частині. Ісус, порівнюючи всемогутню віру з гірчичним насінням як наймалішим з насінь, говорить про **віру, за розміром рівну душі, тобто Світу як суті її**: Наймаліше, як пише Микола Кузанський, є і Найбільше, так само як Альфою є Омега. Вогонь душі, Психеї — це, повторимо, вогонь Аполона: бо бог цей — заступник її. У день дельфійського свята Аполона, Піфійських ігор, і народився Піндар, якого співвітчизники за життя і творчість, присвячені цьому богу, і місце народження поблизу від джерела муз назвали «діркейським лебедем»: бо лебідь у Греції був присвячений Аполону.

Лебедем, тобто Аполоном за суттю був сам співець Закону єдності тотожності й розбіжності Платон, якого Сократ побачив у своєму пророцькому сні як цю величну птицю. Днем народження Платона є тому за легендою 7 таргеліона (21 травня), свято Аполона Гіперборейського і Піфійського.

Література

1. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. — www.krotov.info/berdyaev/1944/ind_oekz.html
2. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники). — Париж, «Путь», май 1933, №38, с.34 — 35.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письмо восьмое. О демократии. — http//humanities.edu.ru/db/msg/39950
4. Бердяев Н.А. Судьба России. — www.krotov.info/berdyaev/1918 /sudba_28.html

СИЛА ЛЮБВИ

Мои стихи

У НАЧАЛА ЭПОХИ

торжественные стихи

2000

Высок порог Тысячелетий,
Но он настал, и — как тут быть? —
Мы, Мира суетные дети,
Должны его переступить.

Ответствен шаг. Крепитесь, ноги!
Бьет полночь.
Что с собой возьмем?
Любовь.
Надежду.
Мысль о Боге.
Свет.
Радость.
Веру.
Отчий дом.
Мечту, которой нет чудесней.
Частицу юности своей.
Святую Правду.
Смелость.
Песню.
Родную землю.
Хлеб.
Друзей.
О прошлом память.
Вдохновенье.
Добра нетленную печать…

Вперед и вверх!
И прочь сомненья:
В мир сей пришли мы,
чтоб шагать!

ESSE FEMINA!*

стихи несравненным дамам

14 февраля

Любви все возрасты покорны,
Как Пушкин некогда сказал.
Мой нежный друг, мой сон узорный,
Привет тебе, мой Идеал!

Ты — огнь Желанья, в плоть одетый,
И вопрошаю я любя:
Что без него я в мире этом?
Чем был бы мир сей — без тебя?

Был темен путь, в душе томленье,
Но в мире туч, средь пустоты
Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты.

О, счастья миг! Душа ликует,
И я шепчу, согласный с ней:
Любовь свободно мир чарует,
Законов всех она сильней!

* Вот — женщина! (лат.)

Любимой женщине

Любовь моя,
К иным речистый,
В причине истинно одной
Ваш нежный лик, ваш образ чистый
Доныне чтил я тишиной:
Коль чувства истинно глубоки,
Для них сыскать едва ли слов.
Но вы мои желали строки…
Ну что ж, извольте: я готов!

Жар грудь томит, роятся мысли:
Ответствен труд! Я напряжен,
Ведь ваши прелести исчислить
Возможно ли?
Их — миллион!

Вот первая: вы так прекрасны!
Вы солнцу самому под стать!
Как утро, ваши щечки красны.
Что делать с ними?
Целовать!

Подобны невесомой тучке,
Что в небе рождена летать,
Белее пуха — ваши ручки!
(От них не дай Господь мне взбучки!)
Что делать с ними?
Целовать!

Я вашими пленен губами.
Их алость с розою равнять
Возможно лишь.
О, редкой даме
Столь нежными пленять устами!
Что делать с ними?
Целовать!

Светлее грез, темнее ночи
Глубь та, где сладко утопать,
Врата блаженства — ваши очи!
Что делать с ними?
Целовать!

Мой друг,
И здесь ли умолчится
Предмет…
К нему мечтой лечу
Я в час закатный…
О, царица!
То малое, чем плоть томится,
Превыше злата мной ценится…

Что есть сие?..
Ах, нет, молчу!

О, наслажденье поцелуя,
Пребудь во мне, сколь годы длю!
Вас целовать всегда хочу я,
О, ангел мой!
Я вас люблю!

Моя позиция

Кто довод лучший мне изложит,
Поправит кто меня, друзья:
Быть Мир без Женщины не может,
Любя его считаю я.

Пусть Бог-мужик, пыхтя, планеты
Толкает посреди веков,
Блюдет закаты да рассветы —
Она вращает *мужиков*!

И ясным днем и темной ночью
Она без видимых помех
Их крутит-вертит как захочет
К великой радости их всех.

Чего бы стоили мужчины
(Прости, отпетый холостяк!)
Без хрупкой маленькой Фемины,
Хранящей жаркий наш очаг?
Какою б страстью пламенели
Мужи земных любых времен;
Да что б они, простите, ели?
Откуда брали самогон,
Когда б его, не нюхав рюмки,
Не изготовила жена?
(Не будь ее тугие сумки —
Мужскому племени хана!)

Что там досужая реклама:
Мир — кладезь женского ума!
Как ни раскинь:
Природа — дама
И дама — Истина сама!
Ее любя, храня упрямо,
Шли в битву с мраком мудрецы,
И в том резон: без этой Мамы
Возможны ль мудрые отцы?

Так пусть червяк сомненья гложет
Тех, кто любовью обделен —
Быть Мир без Женщины не может!
А если может — Мир ли он?

Величальное

коллективное мужское приветствие
по случаю дня 8 Марта

Поразгладь-ка лоб морщины!
Лейся водка! Пенься квас!
Собралися мы, мужчины,
Этим утром ради вас.

Этим утром, утром чистым,
Как шкатулка, расписным,
Утром сказочным, лучистым,
Звонким, радостным, хмельным,
В час весны, что март-проказник
Подарил для Жен и Мам,
В день Подруг,
В Любимых праздник
Мы пришли сегодня к вам,
Все охвачены волненьем,
Точно миссией посол…

Принимай же поздравленье,
Наш прекрасный Женский пол!

Пол не знающий сравненья,
Хоть планету обыщи,
Пол дающий вдохновенье,
Пол варящий нам борщи,
Пол будящий в нас желанье
Покорять и целовать,
Одевать в меха и ткани
(И, конечно, раздевать),
Пол влекущий, сладкий, милый,
С поволокой томных глаз,
Слабый, но незримой силой
Наповал разящий нас,
Пол медлительный, спешащий,
Непокорный власти лет,
Пол святой и пол грешащий,
Пол родящий нас на свет,
Ждущий нас в ветра шальные
Из-за синих гор и рек,
Ждущий верно…

О, родные!
Славны будьте вы вовек!
Будьте счастливы, голубки!
Сердцем преданные вам,
Поднимаем нынче кубки
За любовь,
За Милых Дам!

ИМЕНИНЫ СЕРДЦА

стихи-поздравления

* * *

Любимая!
Век будет мал
Воспеть к тебе мой пыл сердечный.
Но песне — быть:
Твой день настал
Сияющий и быстротечный!

Твой день. Твой час собой пленять.
Ты вся — в цветах и поцелуях.
И, значит, срок настал сказать
О том, что так в тебе люблю я.

Прими подарок чувств живых
Ты, в коей все легко и гибко,
За то, что на устах твоих
Играет дивная улыбка.

Она — как ясная звезда
Торжественно-неповторима,
Она не сходит никогда
С небес для тех, кем ты любима.

Пусть редко вижу я зарю,
Но в том судьбу благословляю,
Что в высь очей твоих смотрю,
Души моей заря святая!

А.П.

В сем мире мы рабы традиций,
Но груз иных — есть Божий глас.
Вам нынче выпало родиться,
Мне — честь поздравить с этим вас.
О, да! При случае не внове
Из уст своих нам сахар лить,
Но тот воспет по чести в слове,
Кому не грех его дарить!
В сей жизни нашей беспокойной
Гость редкий — свет души благой...

Ваш День. И вы его достойны.
Так будьте счастливы, друг мой!

Л.М.

Июль, как песня, на излете,
Но лету длиться, дням — сиять.
Спасибо вам, что вы живете,
Что счастье вас имею знать.

Душа жива мечтой о лете,
Его слагая про запас.
Спасибо вам: вы есть на свете,
Он был печальнее без вас.

Спасибо.
Ибо жить непросто,
Но мрак слабее Синевы,
Коль Бог нам в ней являет звезды —
Такие, милая, как вы!

* * *

Твои года — оазис Лета.
Душою Женщина и Мать,
Ты просто соткана из света,
Что дан растить и согревать.

Ты — ось, сплотившая нас тесно
В круг тот, где властвует Любовь,
Ты — наш очаг, ты — наша песня,
Петь кою счастливы мы вновь.

Что прошлых лет сухие листья?
Все так же молод и могуч
Родник Добра и Бескорыстья —
В тебе немолчно бьющий ключ.

То — ключ Любви и Вдохновенья,
Дарящий нам как благодать
Твое небесное уменье
Печали в радость превращать.

Односельчанину

юбилейное

Жизнь — поле беспокойных дней,
В котором мало что исправить.
Настал твой славный юбилей,
И мой черед тебя поздравить.

Я думал долго и гадал,
Лопатя клад твоих талантов,
В уме без счету перебрал
Разнообразье вариантов.
Хотел сказать, каков ты спец,
Какой ты муж, товарищ, плотник,
Какой особенный отец
И фантастический работник,
Как любишь ты отца и мать,
Как в дружбе мягок и сердечен…
Я утомился исчислять:
Был список этот бесконечен!

И обозрев твой полувек,
Решил сказать, мой друг бесценный,
О том, какой ты **человек**…

Сказать ли — «необыкновенный»?

Пусть так. Скажу. Но что с того?
Ведь слово менее искусства,
И разве уместить в него
Живое трепетное чувство?
Ведь ты, мой родственник и брат
По духу и почти по крови,
В делах своих, как ангел, свят —
А как об этом скажешь в слове?

Нет, не доверю я ему
То, в чем хочу тебе открыться.
Так дай тебя я обниму
По лучшей из людских традиций!
Так помолчим, товарищ мой,
О жизни прожитой, о доле!
Еще мы встретимся с тобой
В застолье братском, в общем поле.
И поработав от души,
Благословляя день, что прожит,
В вечерней сладостной тиши
С тобою сяду в «запорожец».

Мы понесемся — любо жить! —
Вдоль по земле своей родимой.
Ты будешь что-то говорить,

Легко попыхивая «примой»,
О пустяках, о том о сем,
Заботам дней ведя итоги;
Нам будет хорошо вдвоем
В тот час вечерний, в той дороге.
Тих будет мир, в душе покой,
И будет взгляд твой лучезарен…

Василий, друг и ангел мой,
За то тебе я благодарен,
Что в душах близких ты пророс
Делами добрыми своими;
Что безупречно, прям и прост,
Свое несешь по жизни имя;
Что не любя мирскую ложь
И не привыкший мелочиться,
С меня, я знаю, не сдерешь
Пятерку за проезд в столицу;
Что свято помнишь ты про честь,
Про долг, добро и человечность…

Друг мой! Спасибо, что ты есть,
И жизнь твоя — да будет Вечность!

В.М.

(моему сослуживцу)

Ты там, где мечет босс сей час
Свои, как невод, интересы.
Летишь то в Харьков, то в Донбасс,
То в Симферополь, то в Одессу.

Меняя даты и места,
Гоним ты вдаль бумажным роем…
Но, друг мой, эта суета
Что́ стоит пред святым Покоем,
Когда поток забот и дней
Остановив, непраздным ухом
Внимаем мы душе своей,
Бессмертной по упорным слухам!

Что может сладостнее быть
В краю, где нам пришлось родиться,
Чем в час рассветный мир открыть,
Вдохнуть озон и помолиться;
И, возлюбя природу-мать,
Молчаньем девственным объятым,
Светло и счастливо стоять
В озолочении закатом!

Вот — смысл людского бытия
От нарождения до гроба;
О нем, товарищ, ты да я
Сердечной глубью знаем оба;
Его, как воду из ключей,
В твой славный день испить желаю
До утоленья жажды сей
Души твоей…

И поздравляю!

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

октябрьские стихи

Приглашение
к Октябрьскому Вечеру

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля…

Время, други, песню эту
Вспомнить ныне.
Ведь Земля —
Память наша.
Здравствуй, Праздник!
Ждали мы — и ты пришел!
Так входи же без боязни
В вечер наш!
Садись за стол!

Время, стой!
Душа, воскресни!..

Но часы другие бьют.
Мир — иной.
Иные — песни.
Флаги — новые несут.
Жизнь летит. Иные судьи
Судят строго Век в тиши…

Но давайте помнить, люди,
О бессмертии души!
Что времен ей колесница —
«Завтра» нет, коль нет «вчера»!
Пусть ничто не возвратится,
Но нельзя забыть **добра**
Тех, кто с мыслью об Отчизне,
Не таясь, смотрел в лицо
Злым ветрам во имя Жизни —
Наших дедов
и отцов;
Их — красу и честь планеты,
Что у смерти на краю
Не звенящую монету —
Веру чистую свою
В новый день — великий, ясный —
Сберегали про запас,
В час Грядущего прекрасный,
Что придет,
В грядущих нас;

Нам несли они победы,
Что своими мы зовем…

Слава вам, отцы и деды:
Вашим светом — мы живем!
Вам, волнуясь, посвящаем
Вечер памяти живой.
Пой, труба!
Мы начинаем
Праздник светлый нынче свой!

Памяти Эпохи

Всем годовщинам Октября,
минувшим и грядущим

Предвижу возраженья охи,
Но правда лучше, чем вранье:
Мы — внуки огненной эпохи,
«Октябрь» — название ее.

Она ушла.
Нет тех традиций,
И стало модным в наши дни
От славы прежней откреститься,
Как от стареющей родни.

Ну что ж! Всегда найдутся люди,
Что, хлеб сегодняшний жуя,
Ее без жалости осудят
И похоронят.

Но не я.

Не мне стрелять Эпохе в спину,
Вонзать ей в грудь кривой стилет.
В глазах стоит одна картина
Недавних, девяностых лет.

В толпе оратор новомодный,
Жирком бряцающий толстяк
Рвет партбилет свой принародно,
С азартом топчет алый стяг.

Что ж, видно, не впервой юродство
Тому, кто, люб для подлецов,
Плевал на честь, на первородство,
На память, на своих отцов —
На тех, кто в бой ушел из детства,
Навечно в смерти молодых,
Билетом покрывавших сердце,
И знамя овевало их
В снегах Москвы, у стен Рейхстага…

Таким был дед мой, Ермаков,
В весну пришедший из гулага
В лохмотьях ветхих, без зубов.
Истерзан, худ сверх всякой меры,
Он верил в «планов громадье»,
В нем было столько **этой** веры!

Так мне ли растоптать ее?

И мне ль не памятен тот парень,
Сын неба и российских сел
С простой фамилией Гагарин,
Что с верой **этой** в высь взошел!

О них, как прах презревших славу,
С великой нежностью пою,
Любивших не себя — Державу,
Не шкуру — Родину свою,
В Эпоху веривших, как в чудо,
Как верит пахарь в вешний гром…

Она — была.
И мы — оттуда.
Помянем же
ее
добром.

В.К.

(ровеснику)

Ты чист, как новенький полтинник,
И рад я встретиться с тобой.
Друг мой, ты нынче именинник!
Прими же стих мой — дар живой!

Будь славен!
Ибо славно племя
Шестидесятых юных лет!
Святое, сказочное время,
Нам давшее судьбу и свет,
Роднит с тобой меня, в глубинах
Души сияя, как звезда…

О сокровенная картина!
Мы были счастливы, когда
Вдаль на Большом летели кони,
Мир был торжественен и нов,
Носили «мини», и в ООНе
Туфлей постукивал Хрущев.

Вставали росные рассветы,
Звенела высь, цвела земля,
В далекий космос шли ракеты,
И люди пели «Тополя»
Душой, без ложного искусства,
Как над младенцем мать…

И ты
В глазах моих, в негромких чувствах -
Хранитель
этой
чистоты,
Приплывший в день мой настоящий
От светлых детства берегов.
Живи ж сто лет, добро дарящий!
Люби!
Будь счастлив!
Будь здоров!

Здравствуй, Дедушка Мороз!

Новогодние спектакли

Мешок из Макаронии*

Трагическая микропьеска с хэппи эндом

Действующие лица

Дед Мороз
Новый Год
Компетентное Лицо
Ответственное лицо
Добрая Фея
Зайчик
Массовка из добрых лесных зверушек

Сцена в зале, оформленном по-новогоднему и заполненном гостями, сидящими за уставленными яствами столиками. Сценическое пространство изображает опушку в зимнем лесу. На ней, взявшись за руки и распевая веселую новогоднюю песню, водят хоровод лесные зверушки. Увлеченные танцем, они как будто не замечают ничего вокруг себя.

У края опушки появляется Зайчик. Лицо его выражает волнение и радость. В классически-заячьей манере — прыг-скок, прыг-скок! — он спешно приближается к танцующим. Завидев Зайчика, те прекращают свой танец и выжидательно смотрят на него.

Зайчик

(*задыхаясь от счастья*)

Ликуйте, братцы!
Нынче праздник!
Год новый близится,
И вот
Мне сообщил дружок-проказник:
К нам Дед Мороз сюда идет!
(дети бурно ликуют, возгласами и жестами
выказывая свой восторг)
Румяный мощный старичище
В тулупе алом, точно флаг!
Нос — во! Лопатой — бородища!
Пушистый иней на бровях!

Идет уверенной походкой
Из антарктических глубин
Тайгою пахнущий и водкой
Зимы веселый властелин.

Шагает он — кряжистый, яркий,
Ведя за ручку Новый Год…
И, может быть, с собой подарки
В мешке, как водится, несет?
Быть может, тащит вам конфетки,
А мне — морковку иль батон?
(прислушивается)
Но что я слышу? Гнутся ветки!
Смотрите же, друзья: вот он!

На поляну, шурша своей шубой и по-стариковски покряхтывая, выходит добрый Дедушка Мороз. С ним — Новый Год, малорослый мальчишка-крепыш в полушубке и шапке с подобающими цифрами. При виде компании лесной народ восхищенно ахает.

---

* Стихи написаны мной в период работы в совместной украинско-итальянской торговой компании «Класс».

Дед Мороз

(довольный произведенным эффектом)

А вот и я!
Признайтесь: ждали?
Ну то-то.
Стар я, братцы, стал.
(кряхтя поморщивается)
Жмет ревматизм.
(кивком головы указывает на напарника)
Какие дали
С мальчонкой этим отмахал!

Но, видно, не зазря старался,
Попавши в достославный «Класс»,
По тундре да степям мотался,
Чтоб вас порадовать сейчас!

Мешочек мой — всегда со мною,
И нынче для господ и дам
Его торжественно открою
Под нашей елочкой. А там
Припасены дары такие,
Что любо-дорого смотреть!
Дары заморские, крутые:
Приняв — не станете жалеть!

Бутылка виски — джентльменам,
Чтоб в их крови разжечь пожар,
А чтобы кайф был совершенным —
Ларец душистейших сигар.

Ну, а для дам… В том нет загадки:
Нежнее утренней зари
Чистейшей белизны прокладки
С названьем редким «Carefree»!

Ученикам — тетрадки в клетку,
Младенцам — соска и горшок,
Всем прочим выделю конфетку…

(спохватываясь, шарит у себя за спиной)

Позвольте же, да где мешок?!

Новый Год

Да что ты, дед?

(костяшками пальцев стучит себя по лбу)

Господь с тобою!
Мешка-то ты с собой не брал!
Ты ж в Макаронии весною
Его — припомни! — заказал.

Дед Мороз

(растерянно-смущенно)

Постой-ка… Как же…
Вспоминаю…
Заказ был сделан по весне.
Склероз. Маразм.

О старость злая!

(неожиданно решительно)

А ну подать мобильник мне!

Новый Год достает из кармана и протягивает Деду мобильный телефон. Дед набирает номер. В то же самое время на другом краю сценического пространства является джентльмен солидного вида. На груди его табличка с надписью «**Компетентное Лицо**». В момент, когда номер набран дедом, мужчина прикладывает трубку к уху.

Алло! Синьор Петров?
Отлично.
Мороз на проводе, браток.
Ответь-ка, милый: где мой лично
Весной заказанный мешок?

Компетентное Лицо

(развязно-панибратским тоном)

Мешок? Оу, йес!
В наличьи, батя.
Со всем заказанным как есть.
Но в Макароньи он. Нам хватит
Дней двадцати его привезть!

Дед Мороз

(в ужасе и гневе)

Дней ДВАДЦАТИ?!
Да ты рехнулся!
Мешок СЕЙЧАС мне нужен тут!
Во влип я! Ну и обманулся!
Давай мешок, ведь люди ждут!
Недель без счету пролетело,
Все сроки вышли, озорник!
Гони мешок, и кончим дело,
Не то сосулькой станешь вмиг!

Компетентное лицо

(*в той же близкородственной манере*)

Ну ты даешь! Дрожу, дедуля!
Да что попишешь: нет мешка!
Тебя, нет спору, киданули,
Но не нарочно же!
Пока!

(небрежным движением прячет мобильник в карман и уходит)

Дед Мороз

(вне себя от ярости, обращаясь одновременно к зрителям и к себе)

Вот оборот! Нет, вы видали?!
Попасть к *такому* молодцу!
Что делать, други?!
Я в печали!..

(почесав затылок, внезапно с просветленным видом)

Другому звякну я Лицу!

Снова звонит. В этот момент на том же краю сцены, где ранее являлось Компетентное Лицо, возникает новый господин с мобильным телефоном и слащавой улыбочкой. Табличка на его груди гласит: «**Ответственное Лицо**».

Дед Мороз

(*кричит в трубку*)

Алло, алло! Мороз на связи!
Звоню по поводу мешка!
Уладьте это безобразье,
Утешьте, мистер, старика!

Ответственное Лицо

(*ангельским голосом*)

Да-да! Естественно! Конечно!
Мерзавец этот наш Петров!
Да ты не майся так, сердешный,
Ведь твой мешочек жив-здоров!
Ты, старичок, не беспокойся —
Все в норме. Кроме одного:
Куда-то канули инвойсы
Мешка-мешочка твоего.

Дед Мороз

(*в крайнем нетерпении*)

Да где ж мой груз? Да как же можно?
Мне без него совсем беда!
Ответьте же!

Ответственное Лицо

(неожиданно меняя тон, проникновенно-печально)

Он на таможне
Застрял.

Дед Мороз

(тоскливо)

Надолго?

Ответственное Лицо

(замогильным надтреснутым голосом)

Навсегда…

Утирая слезу, мужчина прячет мобильник в карман и уходит. Дед Мороз потрясенно молчит. Он в шоке, лицо его перекошено застывшей гримасой ужаса. Немая сцена продолжается секунд десять. Наконец, дар речи возвращается к деду.

Дед Мороз

(*воздевая руки к небу, патетически*)

О, боги!
О, судьбина злая!
О, старый я лапландский гриб!
Куда позор свой скрыть — не знаю!
Как быть? Что делать?
Я погиб!

Знать, помереть в тоске-кручине,
Сосулькой канувши во тьму…
Нет, быть Морозом в Украине
Не пожелаю никому!

Повисает томительная пауза. Дед невидящим взором смотрит в пустоту перед собой…

Вдруг раздается серебряный звон фанфар. Мрак обстановки рассеивается им напрочь. Дед Мороз вскидывает голову и, широко раскрыв в изумлении глаза, видит, как на сцену царственно-величаво вплывает высокая статная дама в сияющих одеждах. Это **Добрая Фея**, и ее увенчанный серебряной звездою колпак ни у кого не оставляет в том сомнений. В руках у нее красный тугой мешок, завидя который Дед Мороз немедля впивается в него взглядом… и, наконец, понимает, в чем дело!

Дед Мороз

(*взволнованно, восхищенно*)

Поверить этому не смею:
Осуществляются мечты!
Моя спасительница, Фея!
Передо мной явилась ты!

Куда как дело было худо,
Со мною пошутили зло.
Кудесник сам, не ждал я чуда…
И вот оно произошло!

Добрая Фея

(*торжественно, взглядом указывая на мешок*)

По мановению Господню
В срок точный прибыл сей товар.
О, мой Мороз, ликуй сегодня!
Со мною твой бесценный дар!

Он здесь. И ныне позабудем
Плохое — ведь хорош итог!
Что взять с людей?
Они — лишь люди!
Будь счастлив, дед!
Держи мешок!

Торжественно вручает мешок деду. Тот радостно хватает его, обнимая и любовно гладя, точно малое дитя. Полянка вновь заполняется детишками. Ликуя по поводу нашедшейся пропажи, они выстраиваются вокруг Дедушки Мороза и опять заводят «В лесу родилась елочка». Мороз, еще не вполне оправившийся от счастливого потрясения, растроганно:

Дед Мороз

Хоть я колдун —
Да спец по снегу
И промерзанию земли.
О, слава, слава вам, коллега!
Спасибо вам, что помогли!

*(с энтузиазмом пожимает и долго трясет руку Доброй Фее.
Обращаясь к зрителям, с усталым и довольным видом)*

Ну что ж, друзья,
Свершилась пьеса.
Все счастливы, и нет проблем.
Эх, было б в жизни так чудесно!..

(делает широкий приглашающий жест)

Теперь — ко мне!
Подарки — всем!

Дед развязывает мешок и, счастливо улыбаясь, принимается за свой привычный труд — раздачу новогодних подарков. Общее праздничное оживление.

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

Здравствуй, Праздник!

Вводный мини-спектакль новогоднего вечера

Действующие лица

Ведущий
Дед Мороз
Снегурочка

Пространство гостевого зала тонет в таинственной полутьме, расцвеченной огнями большой новогодней елки. Неожиданно вспыхивает единственный прожектор, озарив небольшой пятачок сценического пространства. В поле света вступает нарядно одетый человек. Это — *Ведущий вечера*.

Ведущий
(*задушевно, торжественно, напевно*)

За окном пурга клубится,
Застилая небосвод.
Время — сказочная птица:
Взмах крыла — и Новый Год
У дверей!
О, праздник Сказки!
Миг волшебный!
В дом ты вновь
Входишь светом отчей ласки,
Обнимаешь, как любовь!
Старый друг!
Посланник Детства!
Вечности еловый Дух!
Снова — ты!
Как бьется сердце!..
Ночь светла от белых мух.
Вьется, стелется поземка
В поле и по-над прудом,
То свистит, то плачет громко,
Хлад струя.
Но жарок Дом,
И среди просторной залы
Свят и тесен дружий ряд,
Речь бойка, звенят бокалы,
Льется смех, глаза горят
Восхищеньем дивной встречи,
Силой жизни, хмелем чаш.

(с восторгом и пафосом)
Здравствуй, Праздник!
Здравствуй, Вечер,
Новогодний вечер наш!

Воцаряется краткая пауза, отмечаемая аккордами популярной новогодней мелодии. Вслед за тем Ведущий продолжает.

Мир земной — для счастья создан,
Для него, судьбы залог,
Зажигает в небе звезды
Всемогущий вечный Бог.

И пускай метель скрывает
Их от нас зовущий взгляд,
Но они — то всякий знает —
По-особому горят
В Новый Год!

И мы ль забудем
Об одной из этих звезд?
(возвышая голос, торжественно-призывно)
К нам пришел — ликуйте, люди! —
Гость желанный — дед Мороз!

Луч еще одного прожектора, вспыхнув, озаряет овалом вход в зал. На пороге все видят деда Мороза и Снегурочку. За плечами деда — большущий красный мешок, в руках — мощный посох. Приветствуя гостей вечера улыбками и помахиванием рук, сказочные персонажи триумфально проходят по дорожке меж столиков к сценическим подмосткам и царственно вступают на них, сменяя Ведущего. Свет, идущий за Дедом и внучкой, в миг слияния с первым, недвижным лучом, вдруг сменяется общим светом, ярко заливающим весь зал.

Дед Мороз

Братцы!
Вам скажу по чести,
Не шутя скажу — всерьез:
Счастлив быть сегодня вместе
С вами дедушка Мороз!

(поднося рукавицу к сердцу, приветственно
и по-стариковски степенно кланяется народу)

Из Лапландии трескучей,
Из арктических краев
По долам, сквозь лес дремучий
Шел я к вам…
И хоть не нов
Путь был сей —
Да больно древний
Дед, однако, нынче стал!
Проходя через деревни,
Каюсь, малость отдыхал:
Не пылил снежком по кронам,
Не морозил местный люд —
Поправлялся самогоном,
Где по случаю нальют.
И порою, хряпнув чарку
В сельской праведной семье,
Я раскуривал цигарку
С мужиками на скамье.
А они не отпускали
(Популярен как-никак!),
Всяким яством угощали:
«В путь такой — да натощак?»
Сало ваше знаменито:
Съел его — и вот те раз:
Словно нет радикулита!
За мешок — и в добрый час!

Шел и в день и ночью темной
Я, Грядущего гонец,
Шагом меря мир огромный —
И добрался наконец!

И теперь — от вас не скрою —
Счастлив вас обнять, друзья!

(с довольной улыбкой указывает на свою спутницу)

Вот — Снегурочка со мною,
Внучка милая моя!
Серебром искрится шубка,
Очи радостью горят.
Кабы не она, голубка —
К вам поспеть бы мне навряд!

Снегурочка

Отмахав такие дали,
Оказаться на балу —
Счастье, дед мой! Мы попали
К новогоднему столу!
Право, есть же Бог на свете:
Нас послал он в добрый час!

(оба, обращаясь к залу)

С ним, желанным всей планете,
Поздравляем нынче вас!

Дед Мороз

И полночной гранью этой,
Восходя в иную Новь —
Да исполнитесь вы Света!
Да пребудет в вас Любовь!

Снегурочка

В мире этом беспокойном,
Точно вешняя вода,
Да не будет места войнам,
Зло — да сгинет навсегда!
Добрый лишь пусть знаменитым
Будет средь людей,
И пусть
Не родится в мире Гитлер,
А сияет Иисус!
И пускай лишь в деле чести
Всякий будет командир!
Да пребудут люди вместе!
Да настанет в мире — Мир!

Дед Мороз

Пусть согласья в доме каждом
Золотая крепнет связь,
Пусть в сердцах не слабнет жажда
Жить — творя, дружить — смеясь,
А любить — так солнца жарче,
Свято чтить отца и мать,
Светлым — свет струить поярче
И пореже — умирать!
Принцем всяк пусть станет нищий —
Воссияй, Добра заря!

(Дед и Снегурочка — хором)

Новый Год! Войди, дружище,
Воротами января!
Звучат патетические аккорды

Снегурочка

(Деду — настырно и тихо)

Дед…

Дед Мороз

(так же тихо — Снегурочке)

Да знаю, внучка, знаю!
Чай, родимые, уж ждут!
Чай, свой долг не забываю!
(обращаясь к гостям — в полный голос)
Разлюбезнейший мой люд!
Люд веселый, шумный, яркий!
Любишь сладкое, кажись?
(после секундной многозначительной паузы)
Принимай теперь подарки
И душой — возвеселись!

Под мелодию «Елочки» дед спускается в зал с мешком и с учтивым поклоном оделяет каждого подарком. После чего возвращается на свое возвышение к внучке.

Снегурочка

Вей, поземка, доброй вестью,
Серебром стучись в дома —
Жарко тем, кто нынче вместе!
Властвуй, Зимушка-Зима!
Ярче нам сияйте, звезды!
Ведь известно сколь живи:
Мир земной для счастья создан —
Это значит: для любви!

Дед Мороз

(назидательно — в зал)

Все от ней проистекает!
(Снегурочке)
Мы с тобой — не от нее ль?
(снова обращаясь к залу)
Люди! Всех вас поздравляю!
*(оба снимают головные уборы,
дед — усы и бороду)*

Снегурочка

Мы свою сыграли роль.
Пусть теперь снимаем маски —
Но не минет Чуда час!
Не иссякнет время Сказки!

(хором, мощно)

С Новым Годом, люди, вас!
Под мелодию оба уходят

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

О ПРАХЕ

Виват, Популист!

Апология древнего персонажа

Бандитам — тюрьмы, народу — справедливость!
Предвыборный клич одного говнюка

С приближением выборов жить в Украине становится веселей. Для отлова электората, весь пылая жаждой справедливости, на тропу добычи выходит Популист, шут и гангстер политики. То ли оттого, что он метит в высокое кресло, то ли просто от редкостной мощи своей лицедейской натуры, пылает Популист, аки днем хвост павлиний. То вдруг потребует от действующей власти вынуть да и положить ему на стол всенародное благо, преступно припрятанное мерзкой компашкою нынешних лично для себя. То плеснет в конкурента помоями: вор, пьянь; народ, стерегись! То, играя бровями, предъявит суровый иск по обеспечению малозащищенных слоев населения с моментальною выдачей студентам — студентова, пенсионерам — пенсионерова, кесарям — кесарева и т.д.

Короче, старается Популист вовсю, и, справедливости ради заметим, дело стоит того. Беда одна: со времен незабвенного дедушки Ленина, враз затребовавшего не больше и не меньше как мир народам, посягнуть на что-либо мало-мальски масштабное нету шансов. Нынешний Популист переживает кризис жанра: он измельчал и, судя по всему, без внешней помощи из этого положения вряд ли выберется. Быть может, дело еще и в том, что он малость перестарался, деля наш народ на народ и бандитов. Где-то напутал, трудяга, при размежевании полюсов, обмишурился в неких акцентах. И бандитам досталась справедливость, народу — остальное. Я просто теряюсь в догадках, что именно получил по итогам раздачи сам милейший г-н Популист.

Вот почему, питая глубокое почтение к персоне означенного мужа безотносительно к тому, как видит он небо — в сплошняк или в клетку, — как гражданин, я считаю своим долгом помочь ему. Вниманию всех, кто бессонной борьбой за народное счастье торит себе путь к политическим хлебным вершинам — мой помещаемый ниже краткий универсальный свод предвыборных тезисов.

ПОПУЛИЗМЫ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Ура!
Да здравствует!
Навстречу!
Навеки!
Родина!
Вперед!
Старушкам – зубы!
Хатам – печи!
Китайцам – чай!
Худым – живот!
Весне – сирень!
Ковбою – ла́ссо!
Неумывахе – Мойдодыр!
Меч – ножнам!
Кисточку – Пика́ссо!
Больному – грелку!
Мышке – сыр!
Ночь – дню!
Зоологу – букашку!
Соль – хлебу!
Марафонцу – бег!
Грудь – бабе!
Вору – каталажку!
Народу – правду!
Тундре – снег!
Борщу – сметану!
Стих – поэтам!
Тигр – джунглям!
Роте – командир!
Костру – поленья!
Власть – Советам!
Горилке – перец!
Миру – мир!

НЕПЕЧАТНОЕ

Из жизни, как и из песни, слова не выкинешь. Есть у меня и такие стихи

О прозе бытия

нескромные стихи Олежки Ермакова

Жизнь в мире — трудная работа
Разумным божьим существам:
В ней места много для полета,
Да крылья кто-то спутал нам.

Что будто б проку в укоризне?
Ликуй, душа! Безумствуй, стих!
Всему виной — гримасы жизни.
О да!
Дальнейшее — о них.

***

Гримасы жизни прихотливы.
Вот быль, друзья. Один поэт
Гуляючи, увидел диву,
Милей какой не знает свет.
— О фея грез, — он молвил пышно, —
Ты — совершенства идеал,
Твои уста красны, как вишня,
Луне под стать лица овал!
Очей бездонных непорочный
Взор на меня, царица, брось!
Лозы стройней твой стан восточный —
Я покорён, пронзен насквозь!
О, быть хотел я б малой птахой,
На твой садящейся берет…
Как звать тебя?
— Пошел ты на …й! —
Был дивы ко́роток ответ.

***

Гримасы жизни — не игрушки.
Вот вам жестокий мадригал.
Художник юную пастушку,
Нагую, маслом написал.
Для обозренья в галерее
(Он был эстет, художник сей)
Повесил, горд рукой своею,
Младой типаж в цветах полей.
И видит он: перед картиной,
Профессор истинно на вид,
Седой породистый мужчина,
Не отрывая глаз, стоит,
В живой мольбе воздевши руки
К пастушке, как самой судьбе,
Исполнен радости и муки,
И шепчет что-то сам себе.

«О, вот ценитель благодарный! —
Подумал мастер. — Вот, друзья,
Стать мудреца, взгляд лучезарный!
Так подойду услышать я
Суд мужа, кем горда Европа,
В ком светоч мысли не угас!»…
И слышит он: «Какая жопа!
Бля буду, кончу прямо щас!»

***

Гримасы жизни — прямо страсти.
Простец, что знанье возлюбил,
— Скажи мне, что такое счастье? —
Волнуясь, друга вопросил. —
Быть может, есть оно стремленье
К брегам иным, за горизонт?
Быть может, неба наблюденье,
Чей над людьми раскинут зонт
(И грезишь в нем ты полный света
Мир удивительный, большой)?
Иль видишь ты его приметы
В мерцаньи глаз фемины той,
Для коей умереть не жалко,
Мечтой горя… Ответствуй, друг!
— Фемине оной ставя палку,
Его вкушаю я, индюк!

***

В бурленьи века — не на тризне,
Но сколь иной нам тяжек час!
Гримасы зла, гримасы жизни,
Где утаиться нам от вас?
О, почему (душа тоскует!)
Бог вдохновенье людям дал,
Но в мире грубость торжествует
И хамство в нем свой правит бал?

Так горевал младой мыслитель,
Слезу роняя в свой бокал,
В кругу застольном (чей любитель
Был этот муж). И продолжал:
— Но не позволю я, о братья,
Пасть в эту мерзость самому!
Клянусь, сумею постоять я
За честь Искусства! Никому
Его не выдам как святыню.
Пусть суждено мне пострадать —
В заботе сей я тверд отныне.

Таков уж я, е...ёна мать!

ГАВАНЬ ВЕЧНОСТИ

строки с Небес

Месяцу

юношеские стихи

Над холодной ночною водою
Месяц ежится в россыпях звезд,
А к нему, чуть приметной тропою —
Серебристый чешуйчатый мост.

По мосту в черноту поднебесья
Прямо к Месяцу я поднимусь
И скажу: что, братишка, невесел?
Я пришел, чтоб прогнать твою грусть!

Я пришел, я вознесся в Безбрежность,
Чтоб средь мертвого блеска светил
Подарить тебе дружбу и нежность —
Ты о них, верно, милый, забыл?

Ты забыл в соответствии странном,
Где начало слились и конец:
Быть и чьим-то
возможно
желанным,
Слышать стук
и любимых
сердец.

Знаю: грусти не холод причина,
Не от Вечности ветра ты сник:
Одиночества туча-морщина
Бороздит ослепительный лик.

Одиночество.
Тенью сторукой
В свой громадный становится рост
В пустоте.
Но ужаснее мука,
Если ты одинок среди звезд.

Звезды.
Звезды.
Блестящие блюдца
В мириады бессмысленных ватт.
Равнодушны?

Быть может, смеются?
Может быть, надо мною?
Молчат!
Сквозь пространство стрелою несутся,
Но движенья не чувствует глаз…
Не за то ль неживыми зовутся,
Что они убегают от нас?

Убегают —
как будто в испуге,
Точно воры в каминной трубе.
Не тревожась о нас, друг о друге —
Помня лишь о себе,
о себе!

Что ж, пусть так.
Мир не нами ведь создан,
Только знаешь: всего-то больней
Что порою в безжизненных звездах
Узнаю я
живущих
людей.
В толстокожих скаредных светилах
Вижу их, праздносущих Скупых,
Человеков, Вселенной постылых,
Мертвых — в сути, наружно — живых.

…Полог синий вдруг вздыбился ало:
Вспыхнув трепетно массою всей,
Над планетой звезда отпылала:
То сгорел Человек
для людей.

О войне помышляю ль, о хлебе —
Я поэт,
и скажу как поэт:
Люди — звезды.
Такие, как в небе.
Их деяния — свет,
звездный свет.

* * *

Мерно льется, бездушный и строгий,
Свет недвижно горящих лампад…
Все грустишь, мой товарищ двурогий?
Может, в грусти той я виноват?
Может, вовсе того не желая,
Чем-то я опечалил тебя?
Ты поверь: я об этом не знаю,
Ты прости: не нарочно ж — любя!

Вот пиджак мой.
Тебе маловат он?
Плечи шире?

Да то не беда!
Был бы теплым, а там — хоть заплатан,
Другом был бы лишь дан — и тогда
Неудобства исчезнут.
Смотри-ка:
Вон поляна на Млечном Пути,
Там, должно быть, в поре земляника —
Что нам стоит туда забрести?

Ну, смелей!
Дум тяжелость развея,
Что чугунно лежат на плечах,
Навестим старика Водолея,
Влаги звездной в Медведиц ковшах
Мы отведаем всласть, утоляя
Сухость уст и томленье души,
На комету взглянем, что, пылая,
Во вселенской блуждает глуши.
Гончих Псов осторожно потреплем
По огромным ушам, а потом
Искупаем их в облачном пепле,
Расчесав голубым гребешком.
Плащ из снов Андромеде подарим,
Под хрустальным помокнем дождем,
Побываем на звездном базаре…
Хочешь, друг?
Дай мне руку!
Пойдем!

Неба холодом вовсе не пробран,
Я спущусь.
А вверху, средь огней
Будет Месяц мне щуриться добрый,
Добротою
согретый
моей.

* * *

Барабанит в окошко дождь,
Как несбывшееся желанье.
Ты уже никогда не придешь
В дом, хранящий твое дыханье.
Не заваришь душистый чай,
Не согреешь своим приветом:
Ты ушел в запредельный край,
В Млечный Путь, к голубым планетам.

С кем пребудешь ты в том краю,
Нам, земным, как святую малость
Подаривший любовь свою?
Ты ушел.
Но любовь осталась.

В ней — спасение от потерь,
И в Любви — сокровенном Слове
Входишь ты в золотую дверь,
Что для чистых душ наготове.

Поздний час. Отворилась даль.
Тихо в росы звезда упала.
Не о том, что уйдем, печаль,
А о том,
что *тебя*
не стало…

* * *

Жизнь — поле,
где конца и края
Нельзя увидеть бренным нам;
Жизнь — храм,
Его мы созидаем,
И где награда сим трудам?
Кто наши бдительные судьи,
Делам ведущие итог?
Кто вознесет нас?
Разве люди?

О, не они —
один лишь Бог!

Лишь Он один хозяин в храме,
Его десницей всяк храним,
И тот в мирском не тонет хламе,
Кто свой ответ
несет
пред Ним.

* * *

Как жалко мне тебя, Закат!
Над смолкшим лесом, над осокой
Тускнеет твой багряный взгляд
И отлетает одиноко,
Нездешний в мире, как любовь…

О, как собрать хотелось мне бы
Твою мерцающую кровь,
Печаль разлившую по небу!
О как, воспрянув головой,
Мечтой объемлем был я страстной,
Чтобы навек ты был живой,
Самоубийца мой прекрасный!
О, как желал бы я, родной,
Тебя исполнить горним светом,
Природе девственной земной
Явить тебя благим Рассветом!
Тьму навсегда исторгнуть прочь
Одно лелею упованье,
Чтоб не настала в мире ночь,
Не гасло нежное Сиянье!

Но не дано.
Что зиждет Бог
Тем не сменить, чего желаешь.
Сиянию пришел итог,
Срок наступил: ты умираешь!
Моим сочувствием стократ,
Пред зевом Вечности алея,
Ты огорчишься.
Знаю, брат.
И все же я
тебя
жалею.

Ноланец

поэма

17 февраля 1600 года на Кампо деи Фьори (площади Цветов) в Риме был сожжен по обвинению в ереси великий сын человечества Джордано Бруно[1]. Приговор был подписан Священной Конгрегацией, верховным органом Италии по расследованию и пресечению преступлений против веры. В вину мыслителю ставилось нарушение коренного догмата папской церкви — материалистически истолкованной Птолемеем пифагорейской идеи о центральности в миропорядке, «гармонии сфер», созерцателя-человека. Место Духа, каков этот зритель по сути[2], в доктрине церковной занял жалкий в своем самовластии полый сосуд его, бренна Земля, и с ней плоть земнородная наша. Зря истину, Бруно отрицал земные превосходство и исключительность[3]. Миров, подобных Земле, мыслил он, — по дыханию жизни, гармонии — множество, кое суть Воля Одна[4].

Бог — во всем. Он сияет в вещах, меж каких нет презренных. Он светит и в нас — и божественны мы, свет сей зная как **Божий и свой**.

Так утверждал Джордано, по-детски бескомпромиссно и жарко веривший в Человека и его Звездных Братьев. С верой сей он взошел на костер.

Многие вещи, говаривал Кант, способны возбудить удивление и восхищение, но подлинное уважение вызывает лишь человек, не изменивший чувству должного. Таков есть навечно Джордано. Подвиг его, нас волнуя поныне, пронзает века простотой. Гений Света, явив Знанья луч — как Христос, не с людьми он боролся, но с тьмой в них. Враг лжи, был он Любящим в чистых очах. Он стремился с восторгом во Истину, и в храм ее огнь костра стал вратами[5].

Смерть в одном столетии дарует жизнь
во всех веках грядущих.

Джордано Бруно

1

Костер заложен честь по чести:
Вязанок хвороста, поди,
Хватило б человек на двести.
Но ожидается — ОДИН.

Час ранний. Кампо деи Фьори.
Мир слеп. До света полчаса.
Людское, цвета пепла, море.
Рим ропщет. Немы Небеса.
Тень от распятия на лицах,
Ноздрей фигурный вырез вздут...

(*голоса толпы*)

«Сколь ждать еще?!» —
«Ужель свершится?» —
«Ах, сударь, скоро ль поведут?» —
«Великий Бог! Святая Дева!
Народ бунтует. Слышу звон
Точимых копий. Дети гнева
Идут, им имя — легион!
Знать, настает, по всем приметам,
Италии недобрый час.
Кровавым брезжит день рассветом...
За что караете вы нас?» —
«Довольно ныть! Не в храме, право!
Слов минул час — нужны дела,
Чтоб вольнодумия отрава
Не злей игристого была.
Оставить след сожженья б моду!
Ведь водам Тибра все равно:
Коль возжелал плебей свободу,
На шею камень — и на дно!
Запомни, чтоб не вторить дважды,
Будь ты купец иль духовник:
Свободолюбцев тьма, и каждый —
Всего лишь вшивый еретик!» —
«Да, чернь сегодня одурела,
Как от прокисшего вина:
Едва придушен Кампанелла[6] —
Явился новый сатана!
И, верно, первого похлеще:
Твердит о множестве миров,
Мол, жизнь, она и в небе плещет,
Мол, Братья там нашли свой кров;
К мирянам руки простирают,
Хоть их призывы не слышны...» —
«Не суд — сам Бог его карает!» —
«В костер посланца Сатаны!» —
«Глупец! Обугленная туша
И из барана хороша.
Скажи мне, как изжарить душу —

Огнем не зыблема душа!» —
«Упрям. Как бился с ним Пинелли!»[7] —
«Тот самый? Да неужто?» —
«Тот.
Рот раскрывает еле-еле,
Свое ж бормочет. Так-то вот...» —
«А говорят, ведь был священник,
Брат-проповедник, говорят?»[8] —
«Был — что с того! Теперь — мошенник,
Теперь одна дорога — в ад!» —
«Эх, теснотища здесь, однако!
Со всех сторон клещами жмут!
Боюсь, когда пойдет, собака,
И плюнуть в рожу не дадут!» —
«Живьем, живьем его зажарить,
Греховный лопнет пусть живот!
Чем он — пусть лучше кучка гари,
Спокойней так...»

И вдруг — «Идет!»

«Идет!» Вмиг братия вскипела,
Темномантийный взвился спрут,
«Идет!» — в устах мирян гудело,
Но не кричал никто — «ведут!»

Толпы невидимые струны
До звона напряглись тотчас
И — лопнули:
Джордано Бруно
Шел по земле
В последний раз.

2

Он шел.
Поверх голов смотрящий,
Поверх — и каждому в лицо,
Тот самый Бруно,
Настоящий,
Один,
Пророк в плену лжецов.
Один —
но с Истиною вместе:
Так, верно, было решено,
Чтоб на жаровне фарисейства
Сожгли их нынче заодно.

Счастливец,
Баловень столетий
В халате стеганом рубцов.
Знаток премудрости и плети.
Друг всех друзей.
Враг всех врагов.
Для палачей непостижимый.
Предмет проклятий и любви.
Черним — но чище херувима,
В крови — но в собственной крови.

С душой загадочнее чащи,
Открытый, как морская гладь.
Прямой.
Ликующий.
Скорбящий.
Молчащий,
каменно молчащий.
Способный
многое
сказать.

Он шел
Средь факельного чада,
Шел в рубище,
но без заплат,
А вкруг него как будто ада
Вился нездешний маскарад,
Как будто именно сегодня
Вся демоническая мразь
Из подземелий преисподней
На эту казнь, шипя, стеклась.

Он шел,
а смерть в лицо дышала,
Огнем дышала,
но с оков,
С волос седых лишь пыль сдувала,
Пыль казематов
иль веков.
Он шел.
Как будто без усилья,
Как на прогулку поутру,
И за спиной, незримы, крылья
Мятежно бились на ветру.
Толпа к лицу тянула пьяно
Рук-сучьев одичалый сад,
Но слышалось сквозь рев: «Джордано!»
И, словно эхо, тихо: «брат...»

Поодаль от святейшей длани,
Живой, как ртуть, и свеж с лица,
Сын гончара, мальчишка Джанни
За локоть теребил отца.
«Жестоко дяди наказанье!
Злодей ли он?» — «Едва ль. Несхож!» —
«Что ж наказуют здесь?» — «Познанье.
Оно, мой сын, острей, чем нож!»

А день, заботлив и беспечен,
Небесноок, курчаво ал,
Вставал
И облачные плечи
Великой силой наливал.
Казалось, в солнца теплом ситце
Рос богатырь, учась ходить,
Креп, чтоб со злом и тьмой сразиться
И — превозмочь, и — победить.
Свет юный дивно занимался,
Земле и мирозданью люб...

Джордано шел
и улыбался
чему-то
уголками губ.

Чему?
Быть может, в провиденьи
Себе он славу прорекал,
Ее овеян жаркой сенью?
О нет,
о славе он не знал!

Не знал:
шаги, что приближают
Его пути лихой конец,
По ветке лавровой вплетают
В терновый траурный венец.
Не знал он:
те, кто ныне, страхом
Обуреваемые, ждут
Его истерзанного праха —
Во прах истории падут,
Что станет он героем Рима —
Того, чьим был сейчас рабом, —
Что, от случайностей хранимый
Людскою памятью,
потом,
когда-то
переплавлен будет
в костром не плавимую медь[9].
Пускай о том никто не судит:
Он шел,
чтоб просто
умереть.
Из дум последних круговерти
Не отливал он пьедестал.
Не в том был смысл сей строгой смерти:
он
в простоте лишь
состоял.
Лишь в простоте.
Как рук касанья,
Что материнскими зовем,
Как первого в любви признанья,
Как приглашенья в отчий дом.
Лишь в простоте.
Но эта малость
Была костра достойной тем,
Что не себе предназначалась —
Для всей планеты.
Людям.
Всем,
кто жизнь в мозолях рук лелеял,
Кто знал о нем
и кто не знал,
Кто сеял хлеб,
кто правду сеял
Иль, как клинки, ее ковал.

Всем,
кто из черных недр темницы
На небеса, дивясь, смотрел,
Кто к дню тому успел родиться
И кто родиться не успел.

Всем им.
Хоть, думой пламенея,
О том мечтать едва ль он мог,
По воле случая,
точнее —
По воле Божией
Пророк.
Не словом — подвигом предвидя
Звон дюз ракет и звон гитар,
Он шел,
блеск фальши ненавидя,
Как легкомысленный Икар,
Как он,
крылатый,
обретая
на камнях Вечности конец,
Как он,
в падении
взмывая
в высь человеческих сердец.

И — в высь иную,
ту, что Разум
В мерцаньи звездном перед ним
Открыл, необозриму глазом.
К грядущим дням.
К мирам иным.

Садились голуби на крыши,
Бриз каравеллы в море гнал...
А он
был с каждым шагом
выше,
хоть и Земли не покидал.
Согнулся горизонт дугою,
Метнулась вниз планеты грудь,
И говорящею рекою
Поток, сияя, Млечный Путь.
Полночным заревом акаций
Свет звездный в сердце разлился...
Он шел.
Средь волн цивилизаций.
С ним говорила Вечность вся.

«Кто ты, чей лик нам столь желанен,
Где, друг, отечество твое?
Чей ты посланник?» —
«Я Землянин.
Я к вам с Земли,
я сын ее.
Привет вам, солнечные Братья,
Благие Бога семена!
Сквозь смерть приемлю вас в объятья:

Идущим в Жизнь — страшна ль она!» —
«О да!
Путь прям,
взойди ж скорее
в хор солнц,
в круг Братский,
в дом Отца!»

Жжет пламя.
Кончено.
Слабею…

И все же Жизни нет конца!

3

Той ночью многие не спали,
Тревожил Рим неясный гул.
Жгли в плошках жир.
Чего-то ждали.
А Джанни не стерпел — заснул.

Укрывшись рванью, как парчою,
От бед на время отрешен,
Спал мальчуган.
И сам собою
Ему приснился дивный сон.

* * *

Фонарь луны.
Играют блики
На виноградных гроздьях звезд.
Но чу: веселый смех и крики,
А в небесах — хрустальный мост!

Что ж Джанни? Мальчик испугался:
Стрелою, бездну пополам
Расклинив, мост тот опускался,
А по мосту... шли люди там!

Шли, шли — несчетными рядами,
Бок о бок, рядом и вдали,
Над городами и садами,
К Земле — и дальше, от Земли.

Да люди ль? Пригляделся Джанни
(Ему был в помощь лунный свет):
Одни обличьем как земляне,
Другие — вовсе как и нет.
Но, разнолики, разнокожи,
Они — в том, верно, смысл был свой —
Между собою были схожи,
Как дети Матери одной.

Смеялись, а казалось — пели,
Сплетя мильоны крепких рук.
Куда б они ни посмотрели —
Иль друг на друга иль вокруг —
Глаза их, словно расцветая,

Цветами нежности цвели,
С любовью равной отражая
Цветенье неба и Земли.
И чудилось, что раздавался
Легчайший шорох добрых крыл...

Нет, Джанни больше не боялся:
Средь них один — Джордано был.

* * *

Бывает так.
Костер пылает.
Ждет жертву огненный порог.
Все есть.
Лишь Бруно
не хватает,
что на него
подняться
мог.

Комментарии

1. Бруно — уроженец города **Нол**а, что на севере Италии; в слове сем зрима Тьма-Ноль, Божья Длань, ему давшая путь.
2. Поистине, Дух, Центр гармонии сфер, — есть дух **наш** (и в сакральных трудах речено, что любой в Мире зрящий — центр полный его); земля, Духа очаг — наша плоть, с ним согласная волей Творца; круг подлунный, Сансара — в нас бренье; путь к крайней из сфер — стезя нашего роста, в каком преуспев, есть мы Мир.
3. Земля превосходит иные планеты лишь с тем, что центральному Солнцу, Огню есть покорный очаг (h|est|ia); вне сего же она не выходит из ряда планет.
4. О необходимости познанья единства Творца через множественность Его творений Бруно, в частности, пишет: «величайших похвал заслуживают те, кто стремится к познанию этого начала и причины для того, чтобы познать по мере возможности его величие, созерцая очами размеренных чувств эти великолепные звезды и сияющие тела; и столько имеется обитаемых миров и великих живых тел и превосходнейших божеств, сколь бесчисленными кажутся и являются миры, не многим отличные от того, к которому мы принадлежим; (…) они знают начало и причину, а следовательно, и величие его бытия, жизни и действия: они показывают и проповедуют в бесконечном пространстве бесчисленными голосами бесконечное превосходство и величие своего первого начала и причины».
5. «И долгая жизнь в бесславии, — сказано Пьетро Помпонацци, — не предпочтительнее краткой похвальной жизни, так как жизнь человеческая, даже самая краткая, предпочтительнее сколь угодно долгой жизни скота. Ведь Аристотель говорит в I книге «Этики»: «Долгую жизнь только при прочих равных условиях следует предпочесть кратковременной жизни». // В таком случае оказывается предпочтение не смерти самой по себе, так как она ничто, но праведному деянию, хотя за ним и следует смерть. Так что, отвергая порок, человек не отвергает жизни, которая сама по себе — благо, но отвергает порок, следствием которого явилось бы сохранение жизни». Велик нам Ахилла пример, кто, при данном богами ему выборе меж долгою, но пустой жизнью, и краткою, но полной славы — последнюю твердо избрал.

Впечатляющую панораму казни еретиков чрез сожжение, какой она была в Испании поры бесчинств инквизиции, энергичными красками рисует Поль де Сен-Виктор в новелле, посвященной нравам двора Карла II. Ауто|да|фе, пишет он в предварение этой картины, «при вступлении на престол и свадьбах королей Испании заменяло фейерверк. (…) Инквизиция точно испытывала властителей, принуждая присутствовать их на своих спектаклях; она короновала их пылающим углем Исайи. Прежде чем вступить на трон, они должны были пройти через ее пламя: это было огненным крещением их царствования». Далее следует описание действа: «Огромный эшафот, над которым царила кафедра Великого Инквизитора, был воздвигнут на Plaza-Major. В семь часов утра король, королева, гранды, посланники, придворные дамы, празднично разодетые, заняли места на балконах, с которых был виден этот трагический театр. В восемь часов процессия началась. Сто угольщиков, вооруженных пиками, шли во главе: это была привилегия поставщиков костра. За ними следовали доминиканцы, предшествуемые зеленым крестом, обвитым крепом; герцог Медина Цели, наследственный хоругвеносец инквизиции, присные святейшей инквизиции в плащах, испещренных черными крестами, и тридцать человек, несшие картонные изображения, из которых одни представляли бежавших приговоренных, другие — умерших в тюрьме. Мятежные останки этих избежавших казни были влекомы в гробах, украшенных нарисованными языками пламени. За ними следовали вереницей двенадцать осужденных с веревкой на шее и с факелом в руке; их картонные колпаки были расписаны шутовскими рисунками. Инквизиция высмеивала своих жертв; она наряжала их как манекенов, прежде чем кинуть в свои потешные огни. За ними следовали пятьдесят других приговоренных, одетые в желтые одежды с желтыми крестами. Это были евреи, которые, будучи взяты лишь в первый раз, подвергались пока только бичеванию и темнице. Наконец появились **morituri** празднества, двадцать евреев и евреек, осужденных на костер. Они шли, одетые в свое проклятие и в свою казнь. Их одежды и колпаки пылали. Те, которые раскаянием заслужили милость быть задушенными до

костра, были отмечены опрокинутыми языками пламени; но пламя тех, кого должны были сжечь живыми, стояло прямо, и нарисованные дьяволы, карабкаясь по их одеждам, разрывали их. Рты наиболее упорных были заткнуты кляпами. // Зловещая толпа, влекомая веревками, проследовала под королевским балконом, как гладиаторы перед ложей Цезаря. «Этих несчастных протащили так близко от короля, — говорит г-жа д' Онуа [француженка, бывшая свидетельницею действа — *Авт.*], — что он слышал их жалобы и стоны, потому что эшафот, на котором они стояли, касался его балкона. Монахи, некоторые искусные, другие невежественные, с яростью вступали с ними в споры, чтобы убедить их в истинах нашей веры. Среди них были евреи, весьма ученые в своей религии, которые с большим хладнокровием отвечали поразительные вещи». Была отслужена заупокойная обедня; во время чтения Евангелия священник покинул алтарь и король Испании, с обнаженной головой, приблизился, чтобы у колен великого инквизитора принести присягу святейшей инквизиции. В полдень началось чтение решений и приговоров, прерываемое криками и мольбами осужденных. Между приговоренных к костру была семнадцатилетняя девушка «дивной красоты». Ребенок не хотел умирать; она отбивалась, как бы уже чувствуя укусы пламени, и — обращаясь к королеве, молила о помиловании. «Великая королева, — говорила она ей, — неужели ваше королевское присутствие ничего не изменит в моей несчастной судьбе? Взгляните на мою юность и подумайте, что дело идет о религии, которую я впитала с молоком матери». «Королева отвратила взор, выражая сострадание, но она не посмела ничего сказать, чтобы спасти ее». (Memoires de la Cour d'Espagne). Вероятно, она была уже очень порабощена страхом, если могла сдержать горькую жалость, переполнявшую ее сердце. Кто знает? Быть может, одна из ее слез потушила бы пламя ужасного костра. // Чтение приговоров длилось до девяти часов; прерванная месса возобновилась: тогда королю и королеве было дозволено удалиться. Но двор и народ сопровождали осужденных, привязанных к ослам, за Фуенкаральские ворота, где был воздвигнут костер. Эта старая Испания была закалена в огнях инквизиции. Гидальго хорошего рода бывал взволнован зрелищем еврея, жарящегося на костре в рубашке, пропитанной серой, не больше, чем римский патриций осмоленными христианами, которых зажигал Нерон. В испанской Сицилии дамы во время аутодафе кушали щербеты, которые им подавали монахи, как туристы пьют лакримакристи в траттории отшельника, глядя на дымящийся Везувий. // Казнь была ужасна. «Мужество, с которым приговоренные шли на казнь, действительно необычайно, — говорит г-жа д'Онуа. — Многие сами кидались в огонь, другие сжигали себе руки, потом ноги, держа их над огнем, сохраняя при этом такое спокойствие, что приходилось только жалеть, что души столь мужественные не были просвещены лучами веры. Я туда не ездила; потому, что, не считая того, что было уже за полночь, я была так потрясена все виденным днем, что чувствовала себя дурно».

*

Путь в огонь Бруно зрит неотдельным от крестного в мире пути, коим Истина сходит от к власти к безвластью, чтоб в пору свою вновь его осиять. О сем — речь Трисмегиста к Асклепию в бруновском вещем труде «Изгнание торжествующего зверя»: «Видишь ли ты, о Асклепий, сии одушевленные, полные чувства и духа статуи, кои творят множество столь славных деяний, эти статуи, говорю, предвещательницы будущего, кои низводят, смотря по заслугам, болезнь и здоровье, горе и радость на души и тела людей? Разве ты не знаешь, о Асклепий, что Египет — подобие неба или, лучше сказать, колония всех вещей, что правятся и делаются на небе? Воистину, наша земля — храм мира! Но увы! Придет время, когда станут думать, будто Египет тщетно был верным поклонником божества: ибо божество, переселившись на небо, оставит Египет пустынным; и это седалище божества пребудет вдовым, без всякой религии, лишенным присутствия богов, ибо сюда придут на смену племена чуждые и варварские, без религии, без благочестия, без закона, без всякого культа. О Египет, Египет! только сказки останутся от твоей религии, сказки также невероятные для грядущих поколений, у коих не будет ничего, что поведало бы им о твоих благочестивых деяниях, кроме письмен, высеченных на камнях. И сии письмена будут рассказывать не богам и не людям; ибо люди умрут, а божество переселится на небо, но — скифам и индийцам или прочим таким же диким народам. Тьма возобладает над светом, смерть станут считать полезнее жизни, никто не поднимет очей своих к небу, на религиозного человека будут смотреть как на безумца, неблагочестивого станут считать благоразумным, необузданного — сильным, злейшего — добрым. И — поверишь ли мне? — даже смертную казнь определят тому, кто будет исповедовать религию разума: ибо явится новая правда, новые законы, не останется ничего святого, ничего религиозного, не раздастся ни одного слова, достойного неба или небожителей. Одни только ангелы погибели пребудут и, смешавшись с людьми, толкнут несчастных на дерзость ко всякому злу, якобы к справедливости, и дадут тем самым предлог для войн, для грабительства, обмана и всего прочего, противного душе и естественной справедливости: и то будет старость и безверие мира! Но не сомневайся, Асклепий, ибо после того, как исполнится все это, Господь и Отец Бог, управитель мира, всемогущий Промыслитель, водным или огненным потопом, болезнями или язвами, или прочими слугами своей милосердной справедливости, несомненно положит конец этому позору и воззовет мир к древнему виду».

6. Том|ма|з|о Кам|пан|ел|ла (1568-1639) — итальянский философ, поэт, политический деятель; создатель коммунистической утопии; монах-доминиканец. В 1598 – 1599 г.г. возглавил в Калабрии заговор против испанского владычества, был схвачен, около 27 лет провел в тюрьмах, где создал десятки сочинений по философии, политике, астрономии, медицине, в том числе — труд о Божьей земле «Город солнца».

7. Кардинал Пи|н|е|л|ли — член руководства Священной конгрегации, один из палачей Джордано.

8. Бруно был монахом Доминиканского ордена.

9. 9 июня 1889 года на месте казни Дж. Бруно был открыт памятник.

Сила любви

сказка

Восславим Творца, многочтимые братья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Некий Ученый, пленившийся песней Соловья, задумал постичь ее тайну. Часами, забыв о других весьма важных занятиях, слушал он вольную птицу в саду, но искусство ее оставалось ему все такой же загадкою, что и прежде. Он хотел разузнать все у самого Соловья, но это был гордый Ученый, и он не любил быть просителем. Однако же любопытство его взяло верх.

— Послушай, Соловей, — обратился он к птице важно, — я познал премудрость многих наук, но не могу понять: отчего и как ты поешь?

— Пой — и поймешь, — сказал Соловей.

— Что за странный совет! — удивился Ученый. — Или не видишь: я не артист. Мелодия твоей песни томит меня как ничто в целом мире. Поведай же, прошу, ее секрет!

— Пой, — сказал Соловей, — мне нечего добавить к этому.

Гнев затуманил взор Ученого.

— Упрямец, — зло прошептал он — ты вздумал смеяться надо мной! Вот как ценима моя благосклонность. Ты не желаешь открыть мне свою тайну? Так погоди же, я возьму у тебя ее сам.

Он поймал певца и посадил его в клетку. Но в неволе Соловья будто подменили: он перестал петь!

— Эй, приятель, куда подевалась твоя песня? — досадливо вскричал Ученый, но ответом ему было глубокое молчание. «Должно быть, Соловей утаил ее в своем горле. Проклятая птица! А ну-ка погляжу, какие рулады она посмела скрыть от меня».

И сказав так, служитель науки убил прекрасную птицу. Острым лезвием он рассек ее горлышко, но не нашел ничего кроме бездыханной плоти. Тогда он решил искать глубже. Вспоров нежную грудку, он извлек внутренности и долго колдовал над ними, взвешивая и наблюдая в микроскоп.

Он очень старался, этот достойный Ученый, трудясь день и ночь без сна и отдыха. Увлекшись, он позабыл, чего искал вначале. А когда тетрадь его распухла от множества пометок, написал мудреный трактат «О Соловье», на треть из латинских слов и на четверть из греческих.

Трактат принес Ученому успех. Сановный двор воздал ему хвалу, и сам Первый Министр увенчал его венком из лавра. Седые академики рукоплескали его открытиям. Коллеги наперебой расточали похвалы.

— Какой талант у этого Ученого! Какой пытливый ум! — восторгались одни.

— Подумать только, он первым в мире исчислил объем соловьиных легких! — упоенно вторили им другие.

— И гортань, — поражались третьи, — он измерил ее, как никто доныне! Есть ли равный ему в науке опыта?

Грудь Ученого украсили медалью. Она была из чистого золота, и Ученый мог по праву гордиться ею: ведь он так славно потрудился!

Ученый ликовал. К его возвращению прислуга навела в доме образцовый порядок. Когда вся обстановка сияла великолепием, взгляд горничной упал на труп небольшой птицы, одиноко лежащий на столе хозяина.

— Что за гадость! — всплеснула руками служанка. — И как это я не заметила его раньше?

И она смахнула легкие останки в корзину для мусора.

* * *

— Хвала, хвала Ученому! — трубили на всех площадях глашатаи.

— Почет и уважение достойнейшему из граждан! — взывали мужи в Высоком Собрании. Простодушный народ не мог сдержать радости, слыша эти слова. Смех и веселые возгласы звучали окрест. И посреди этого ликования лишь один человек не спешил разделить его, оставаясь тих и печален. Это был сам Ученый.

Слава пришла к Ученому, но покой оставил его. С тех пор как был написан трактат, приступы странной тревоги стали посещать его, едва лишь на землю спускались сумерки. Какая-то неодолимая сила влекла Ученого в сад, и там, стоя под ветвями, он напряженно вслушивался в вечернее безмолвие, словно пытался уловить нечто забытое и давно утраченное. Что же? Ученый не мог ответить. Ведь он имел почет и богатство, а что может быть нужно человеку помимо этого?

Однажды, когда глубокой ночью Ученый ворочался в своей постели в напрасных попытках заснуть, луч луны упал в раскрытое окно. Он легко коснулся лица Ученого, приглашая в путь, и Ученый, словно давно ждавший, откликнулся на этот призыв. Он взглянул в окно и увидел тропу из лунного сияния, серебром мерцавшую меж деревьев. Дивная легкость наполнила Ученого. Он пошел по тропе, и она привела его на край утеса, темной громадой высившегося над окрестными холмами и рощами.

Недвижимые, в небесной вышине сияли звезды. Внизу, припорошенные лунной пылью, ковром смыкались кроны деревьев, а оттуда... оттуда лились до боли знакомые чарующие звуки. То пел Соловей, и чистая трель его широко и легко заполняла пространство. Даль, раскрывшись, внимала ее привету; ей, крылатой, внимали склонясь миры. И тогда Ученый понял, о чем тосковал все это время и зачем пришел сюда. «О, Соловей, — произнес он, — мне только казалось, что я убил тебя, а ты жив и смерть не властна над твоею песней! Я погубил твое щедрое сердце, но теперь знаю, что должен был подарить тебе свое. Что ж, сегодня я исправляю эту ошибку».

Так сказал благородный Ученый. И светло улыбаясь, он шагнул в беспредельность ночи навстречу песне, которую так любил.

Восславим Творца, многочтимые братья! Дел великость Его — малым нам назидание.

ОПОРЫ
«Планеты Любовь»

Избранные фотографии

Гавриил Герасимович,
мой дед по отцу

Тамара Васильевна,

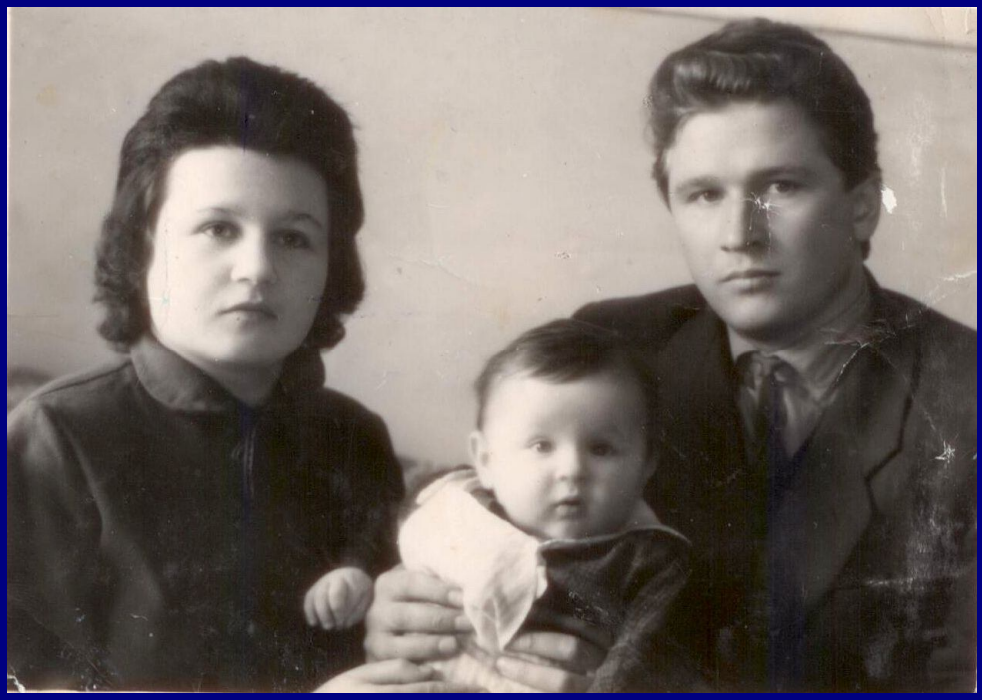
моя бабка по отцу

в окружении сыновей:
слева — Лев, справа — Владимир, мой отец.

Надежда Георгиевна Зарецкая,

моя бабка по матери

с племянником Иваном на крыльце дома, участок для которого был выхлопотан ей трудами С.П. Королева.



Ирина Борисовна
и Владимир Гавриилович,
мои родители

Мира Алексеевна Мамина,

моя учительница

Евгений Иванович Синельщиков,

мой друг,

человек, немало помогший началу
и ходу работы над книгой.

Зинаида Николаевна,

моя жена

ИЗ СОЗВУЧНОГО ДУШЕ

Я спою тебе дождь
про холодное лето,
где под шляпами крыш
звезды прячут июнь.
Будет ветер играть
с рифмами до рассвета,
будут капельки нот
обрываться со струн.

И затихнет в ночи,
этим струнам послушен,
город тайной любви
и нечаянных встреч.
Только не уходи,
только дождь мой дослушай.
Это всё, что я смог
для тебя уберечь.

Я спою тебе грусть
мимолетных свиданий,
телефонных звонков
и случайных обид.
Грусть непрошенных снов
и пустых ожиданий,
что с годами любовь
навсегда отболит.

Я спою тебе дождь,
дождь луны и разлуки.
Не увидеть лица
за заплывшим окном.
Но я верю — ты здесь.
Одинокие звуки
свяжут души опять
под июньским дождем.

И затихнет в ночи,
этим струнам послушен,
город тайной любви
и нечаянных встреч.
Только не уходи,
только дождь мой дослушай.
Это всё, что я смог
для тебя уберечь...

Игорь Маранин

Тополя

(послесловие)

Si monumentum requiris, circumspice

Если ты ищешь монумент — взгляни вокруг (лат.)

Всякая чаша, сколь ни полна она вначале, однажды являет для пьющего дно. Такова моя книга. Она, словно чаша, пришла к концу, и эта страница — последний глоток, испить который и радостно мне, и печально. Я рад, ибо труд мой завершен и мне не придется заботиться о нем больше; как дитя, что взросло и созрело, он теперь станет сам хранить себя. И печаль моя оттого же. Ибо родитель всегда печален, что чадо его пришло к отдельности от нежной его опеки. Я благодарен тебе, Читатель, за труд прочтения, за великодушное внимание к книге, а значит, и ко мне. Прими ее правду: в чем видится песнь о нездешнем, есть попросту я. Поистине, лучший способ рассказать о себе — поведать о Мире, в котором живешь. Я сообщил о нем все, что знаю, и таким образом ты можешь знать, что́ был и есть я сам. Впрочем, еще один штрих, одна автобиографическая справка; надеюсь, ты не сочтешь ее лишнею, да и скажу я совсем немного.

Я родился в России, в городе Мичуринске Тамбовской области, в 1961 году, вскоре после того как в космос поднялся Гагарин, и раннее детство мое прошло в доме деда по улице Станционной, 46. Квартира, где мы жили, была полуподвальным помещением, окошки которого, до середины утопленные в выемки тротуара, позволяли наблюдать замечательную картину. Каждое утро, проснувшись и взглянув на белый свет, я видел ноги людей, спешащих по своим дневным делам. Лиц идущих я видеть не мог, но сама устремленность людей вперед, сквозящая в бодром ритме их походки, сообщаясь мне, говорила без слов о какой-то цели, манящей их в этот ранний час. Что-то важное, быть может заветное, властно влекло их, и сознание этого наполняло душу восторгом причастности к тайне общего движения. Тонкий людской ручей изливался в расширение привокзальной площади, устремляясь в город и на перрон вокзала, и сквозь этот перекресток дорог и судеб, гудящий гудками паровозов и грохочущий сталью вагонных колес, текла полноводная река жизни.

И была в этом городе детства другая река. Неширокая, теплая, чистая, с ласковым именем Лесной Воронеж. К ней часто водил меня дед. Купаться в ней было истинным счастьем. Счастьем была сама дорога к ней. На последнем отрезке, выводящем к реке в месте, еще и ныне зовущемся Треугольником, дорогу эту осеняла аллея тополей. Они были настоящими великанами, высокими, как мой добрый вожатый, и еще выше, чем он; и глядя на мир снизу вверх, я и видел его таким: лицо деда с улыбкою в сетке морщин, и дальше, над ним — тополя, кронами реющие в глубочайшей лазури небес. Не взглядом сторонним смотрел я на все это. Восхищенный, я

был им. Тополя прорастали во мне, я растворялся в них, и имя тому было счастье.

То был чистый лик моего первородства, и уйдя от него в круговерть времен, я забыл о нем, забыл без печали. Ибо жалеем ли, о чем не помним? Я ушел далеко в своих странствиях, и бывало мне в них очень туго, как туго в миру человеку дождя. Но однажды, услышав знакомую песню шестидесятых, испытал я поразительное ощущение. Виде́нье, казалось навек утраченное, вдруг ожило во мне, пронзив до глубин остротой яви каждой детали. Я снова услышал плеск реки. Увидел тополя. Они были рядом, такие же большие, как и тогда, и мой дед под святою их сенью все так же сверху с любовью глядел на меня. Откуда-то я знал теперь: любовь эта была не только человеческой, но и _тополиной тоже_; знал, что она была и есть поныне, и что будет она всегда. Мои хранители вечно бодрствуют надо мной. Оттого и дышу, оттого и живу я на этой земле, что сквозь даль смотрят очи родных могил, что река моя так же плавно течет в своих берегах и тополя вдоль дороги к ней растут и роняют свой пух все так же.

*****

«Истина» и «исток» — слова однокоренные. Вечно живая и животворящая, вечно текучая и, вместе с тем, неизменная в своем совершенстве, Истина — та вода Бессмертия, один лишь глоток которой дает воскресенье заблудшим душам. Две тысячи лет миновало с тех пор как, неся его людям, ходил по земле Иисус. Но река Истины струит свою благодатную влагу, и поток этот не иссякнет никогда. Не по земным равнинам, но в наших сердцах течет она. Каждый может найти ее там. Каждый может испить из нее, утолив свою острую жажду.

Часто, когда, проникая мыслью за грань земного бытия, я надеюсь постичь гармоничный Мир, я думаю о том, что в своих исканиях бываю удачлив лишь смотря на него снизу вверх, и что мое стремление познать его беспредельность — всего лишь простое желанье вернуться к той малой реке, что течет в тайниках моей памяти, к тем тополям, чья любовь обнимает меня белым пухом, ласковым, как руки тех, кем мы любимы и хранимы от бед.

И я возвращаюсь.

DIXI

SINE QUA NON

Ирина, Владимир, Анна, Тамара, Гавриил, Любовь, Лев, Дарья, Надежда, Марина, Тамара, Мира, Зинаида, Алексей, Андрей, Кирилл, Мартин, Сергей, Оранте, Жанна, Андрей, Эдуард, Александр, Евгений, Галина, Михаил, Мухтар, Ирина

Содержание

Планета Любовь

Вступительная часть 2
Как устроена книга 82
Ключи к Луне 83
Текст труда 180
Мыслительный стержень труда 186
Основная часть 220
Иллюстрации 837
Комментарии 866

Приложения

Ад как он есть. Суть и устройство преисподней 1003
Опаленные Луной. Судьбы артистов фильма «31 июня» 1012
Камень Зла. К вопросу об истиной сути
понятия «непрерывное образование»
(статья на украинском языке) 1017
Сила Любви. Мои стихи 1055
Опоры «Планеты Любовь». Избранные фотографии 1107

Тополя (послесловие) 1116

Автор открыт к диалогу

Телефоны в Киеве

+ 38 (095) 836-42-41
+ 38 (044) 533-12-20
+ 38 (050) 877-10-47
+ 38 (044) 222-65-38

E-mail: hermakouti@ukr.net

Мой труд в полнотекстовом виде представлен на сайтах:

http://astronomy.net.ua/vip/Theory_of_MIR-YERMAKOV.rar
http://platonanet.org.ua/load/0-0-1054-0-17
http://library.univ.kiev.ua/ukr/host/viking/db/ftp/books/other/theory_of_mir-yermakov_2009.pdf
http://univ-kiev.academia.edu/OlegYermakov
http://scipeople.ru/publication/69822
http://nasha-vselennaia.ru/?p=2998
http://samfact.com/node/345

Мой сайт:

http://www.ivens61.narod.ru

© Олег Ермаков, 2009